

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4. S2775.085

СЫНЪ . ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга третья.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го марта 1848 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Старшій Ценсоръ *Рочфордъ.*

РЕДАКТОРЪ *К. Масильскій.*

ИЗДАТЕЛЬ *К. Жернаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Заслуги и подвиги его свѣтлости, князя Александра Давидовича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по Всемилостивѣйшему повелѣнію Е. И. В. ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы КАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ. *Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.* (Продолженіе) . . . . . 1—26

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. Высочайшій Манифестъ.—Указъ Г. Военному Министру.—Обозрѣніе современнаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 января по 15 февраля 1848 года.—Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границую. (Франція. — Англія. — Ирландія. — Австрія. — Италія. — Швейцарія. — Испанія.—Португалія.—Турція.—Греція. — Американскіе Соединенные Штаты и Мексика). . . . . 1—76

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Двѣ силы. Соч. Менцова. . . . . 1—2
Несостоявшаяся женитьба. Историческая повѣсть 1725 и 1726 годовъ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Соч. П. Фурманна. . . . . 3—88

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Непостоянство въ любви. Романъ *Поль-де-Кока*. . . . . 1—62

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Уложение законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ Германіи . . . . . 1—62

Популярная исторія химіи. Статья II . . . . . 63—124

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Романы, повѣсти и рассказы, *Евгенія Гребенки*.—Отвѣтъ на критическую статью, помѣщенную въ XII книгѣ «Сына Отечества» 1847 года, о брошюрѣ доктора Кармы.—Журналъ для солдатъ.—Обозрѣніе современной германской литературы. . . . . 1—28

VII. СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. *Соч. Ш. Фурманна*.—Центральное правленіе электрическихъ телеграфовъ въ Лондонѣ.—Образъ жизни переселенцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Первое театральное впечатлѣніе.—Замѣчательный физическій опытъ.—Предложеніе адвокату.—Необыкновенный паспортъ.—Острота Лаблаша.—Башмачекъ Фанни Эльслеръ.—Оригинальное объявленіе.—Неудачное леченіе.—Одно изъ суевѣрій Китайцевъ.—Часъ отдыха.—Бой кита съ дельфиномъ.—Воспоминанія о Феликсѣ Мендельсонѣ-Бартольди.—Курманаевскія пещеры и ихъ подземныя озера.—Американскіе театры.—Парижскіе театры.—Шведскій театръ.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги.—Новыя музыкальныя произведенія. . . . . 1—80

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* слѣдуютъ особыя приложенія:

- 1) Ноты послѣдняго произведенія знаменитаго композитора Мендельсона-Бартольди; 2) парижская картинка модъ.

Русская Исторія.

ЗАСЛУГИ И ПОДВИГИ ЕГО ВЫСОКОКНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА, СЪ ОСНОВАННЫМЪ НА ПОДЛИННЫХЪ ДОКУМЕНТАХЪ ОПИСАНИЕМЪ ВСЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОГО, ЧТО, ПО ВСЕМИЛОСТЫВѢЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, БЫЛО СОВЕРШЕНО, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ И НАЧАЛЬСТВОМЪ ЕГО СВѢТЛОСТИ, ПРИ ДВОРѢ И ВЪ АРМІИ, РАВНО КАКЪ И ВО ВСЕМЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.

(Продолженіе *.)

1703 г. Казни.—Французскій посолъ въ Москву.—Погрѣбеніе польскаго посланника.—Новая монета.—Взятіе Нienшанца.—Взятіе двухъ шведскихъ фрегатовъ.—Князь Меншиковъ получаетъ орденъ Св. Андрея.—Назначается генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи.—Получаетъ желѣзные заводы.—Опредѣляется оберъ-гофмейстеромъ.

Въ январь, его свѣтлость, князь Меншиковъ донесъ Его Величеству, что полковникъ Бодвинъ и капитанъ Саксъ, на одной

* См. С. О. 1848 г. кн. I и II.

свадьбъ, убили французскаго лейбъ-хирурга Его Величества, Каре, и тяжело ранили г. Гови *, и что поручикъ Крассау намъренно закололъ ректора Мальца при евангелической церкви. На это Его Величество отвѣчалъ, что если бы, по ходатайству князя Меншикова, онъ не простилъ Ламберта, убившаго на дуэли въ Архангельскѣ капитана Бамберга **, то быть можетъ не послѣдовало бы это новое смертоубійство. «Неповинная кровь вопіеть теперь объ отмщеніи, прибавилъ онъ, и я обязанъ умирить ее справедливымъ наказаніемъ этого злодѣйства, чтобы предотвратить другія подобныя убійства.» При такомъ стеченіи обстоятельствъ, князь Меншиковъ не осмѣлился ходатайствовать за арестованныхъ иностранцевъ, и они были казнены въ примѣръ другимъ, въ Нѣмецкой Слободѣ: полковнику Бодвину отрубили голову, а Крассау, изъ Тюрингена, повѣсили ***; но капитану Саксу было объявлено прощеніе въ судъ.

Въ февралѣ Его Величество отправился въ Воронежъ, откуда прибылъ опять въ Москву 11 марта. Здѣсь онъ принялъ французскаго посла Балюза, послѣ того, какъ въ продолженіе 80 лѣтъ ни одинъ французскій министръ не былъ въ Россіи. Распредѣлялъ по мѣстамъ иностранцевъ, которыхъ уполномоченный генералъ Паткуль прислалъ изъ Германіи на службу Его Величеству. 24 марта отправился черезъ Новгородъ въ Шлиссельбургъ.

Въ Шлиссельбургѣ онъ повелѣлъ похоронить съ приличными званію почестями польскаго посла и генералъ-маіора Кенигзена, который имѣлъ несчастіе утонуть въ Невѣ вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ царевича Клемомъ и другими.

Въ Москвѣ открыта латинская и нѣмецкая школа, и учреждена типографія, съ тѣмъ чтобы на будущее время нада-

* Янъ Гови, Голландецъ, одинъ изъ числа пятидесяти лекарей, принятыхъ, по указу Петра Великаго въ 1697 году, въ русскую службу. Прим. пер.

** См. С. О. 1848 г. кн. II, стр.; въ рукописномъ ошибочно поставлено имя Намбурга вмѣсто Бамберга. Прим. пер.

*** Указомъ 14 ноября 1702 г., по толкѣ Россійской, но и всѣмъ пребывающимъ въ Россіи иностранцамъ, каковаго бы званія они ни были, запрещено было подъ смертною казнію, вызывать на поединки, и даже вынимать изъ поясовъ шпаги и другое оружіе, во время раздоровъ. Прим. пер.

вышли русскія газеты и книги, но весьма отсталыми науки и искусства.

До снѣхъ вѣръ въ Россіи не было въ употребленіи никакой другой серебряной монеты, кромѣ копѣекъ. Алтыны, гривны и рубли напередъ не чеканились, но были только воображаемыя монеты, какъ сунтъ старлинговъ въ Англіи. Егѣ Величество повелѣлъ, для успѣшнѣйшихъ оборотовъ торговли, чеканить съ своимъ штемпелемъ не только упомянутыя монеты, но также и червонцы.

Въ мая, были покороны подѣ владычество Егѣ Царскаго Величества: Нисеншанцъ *, островъ Ругусаръ **, города Ямбургъ и Копорье, и виа Ингерманландія.

12 мая (?), князь Меншиковъ, при личномъ въ томъ участіи Егѣ Величества, взялъ два шведскія фрегата, посланные вице-адмираломъ Нуммерсомъ на помощь къ Нисеншанцу; это было на Невѣ, противъ казначейскаго Екатерингофа ***.

Генералъ-майоръ Горнъ, нарискій комендантъ напалъ на русскіе помки; но съ урокомъ возвратился воевоемъ.

По разрушеніи Нисеншанца, который показало Егѣ Величеству единственно удаленнымъ отъ моря, князь Меншиковъ, при содѣйствіи вице-генерала полковника Кирзештейна, положилъ основаніе крѣпости о шести баціонахъ; при этой постройкѣ работами безпрерывно каждый день нѣсколько тысячъ человекъ: Русскихъ, Казаковъ и Татаръ, между тѣмъ

* Шведская крѣпость на берегу Невы. Полагается, что эта крѣпость находилась между Большою и Малою Охтами. *Прим. пер.*

** Такъ Финны называли островъ въ Финскомъ заливѣ, извѣстный Русскимъ подѣ именемъ *Котлина*, на которомъ построенъ Кронштадтъ. *Прим. пер.*

*** Шведскій вице-адмиралъ Нуммерсъ, съ своею эскадрой, прибылъ къ устью Невы, 3 мая. Незная о томъ, что Нисеншанцъ уже сдаденъ, онъ салатовалъ ему двумя выстрѣлами, по шведскому обычаю. Русскіе отвѣчали съ крѣпости тѣмъ же числомъ выстрѣловъ, и такимъ образомъ продержали Шведовъ въ сѣдѣній до 6 мая. Когда же Нуммерсъ ввелъ два фрегата въ Неву, то Государь рѣшился взять ихъ. 6 мая, онъ самъ и поручикъ Меншиковъ, какъ знающіе морскія дѣла лучше другихъ, были командированы фельдмаршаломъ Шереметевымъ, съ тридцатью лодками гвардейцевъ и другихъ солдатъ. 7 мая; онѣ напали на фрегаты, вооруженные двадцатью пушкани, съ одними канонами и рѣшкими канатами, и взяли ихъ на бордажъ. *Прим. пер.*

какъ на финляндской сторонѣ стояла пѣхота, а на ингерманландской—кавалерія.

Его свѣтлость, князь Мѣншиковъ, въ награду за оказанные имъ подвиги на сушѣ и на морѣ, получилъ отъ Его Величества орденъ Св. Андрея. Когда же вновь заложенная городская церковь была торжественно посвящена Св. Апостолу Петру, и въ слѣдствіе того городъ былъ названъ по имени сего Святаго С. Петербургомъ: тогда князь Мѣншиковъ былъ назначенъ первымъ оберъ-комендантомъ С. Петербурга, (полковникъ Ренне былъ вмѣстѣ съ нимъ объявленъ комендантомъ), а потомъ генераль-губернаторомъ Ингерманландіи и флотскимъ капитаномъ. Ему также были подарены въ помѣстственное владѣніе взятыя имъ Ямбургъ и Копорье.

Послѣ этого, чтобы доставить удобство Его Величеству и офицерамъ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, князь Мѣншиковъ приказалъ построить по дорогѣ спокойныя дома и гостинницы, и снабдить ихъ всею провизіею; приказалъ также поставить верстовыя столбы и указатели дороги.

Князь Мѣншиковъ построилъ также многія зданія въ С. Петербургѣ. Въ собственномъ домѣ онъ приказалъ устроить кабинетъ въ видѣ корабля; эта удачная выдумка пріятно изумила Его Величество.

Зимой 1703 года, для большей безопасности и прикрытія новой крѣпости С. Петербурга, противъ острова Ретусара, при впаденіи Невы въ море, была основана крѣпость Кроншлотъ, приведенная къ окончанію въ 1704 году.

Князь Мѣншиковъ, получилъ во владѣніе желѣзные заводы въ Олонцѣ, на что соизволилъ Его Величество съ тою цѣлію, чтобы, подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ его свѣтлости, были учреждены тамъ, въ лучшемъ противъ прежняго видѣ, дворъ для литья пушекъ, бомбъ и ядеръ, кузницы дляковки якорей, ружейная фабрика, и мастерскія для изготовленія другихъ военныхъ снарядовъ, для снабженія арміи. Прежній владѣлецъ заводовъ, Розенбушъ, былъ вознагражденъ за нихъ палочными деньгами.

Когда Его Величество возложилъ на князя Мѣншикова, какъ на оберъ-гофмейстера, попеченіе о воспитаніи царевнъ

ча и трехъ царевенъ, оставшихся послѣ царя Іоанна Алексѣевича, и о всемъ царскомъ домѣ, то князь взялъ царевича съ собою въ походъ, чтобы тотъ могъ, подъ руководствомъ Его Величества, заранѣе видѣть и изучать военное дѣло. Приставилъ къ нему гофмейстера, о которомъ слышалъ похвальные отзывы, какъ о человѣкѣ, способномъ къ этой обязанности, и далъ имъ обоимъ письменную инструкцію, предвѣрительно одобренную Его Величествомъ.

Послѣ того, какъ былъ составленъ штатъ войскамъ, которыя должны были дѣйствовать въ Лифляндіи, Ингерманландіи, Литвѣ, Польшѣ, и Курляндіи, и какъ была отпразднована для забавы свадьба тверскаго коменданта, по старинному русскому обычаю,—его свѣтлость князь Меншиковъ отправился съ Его Величествомъ въ Воронежъ.

1704 г. *Распоряженія князя Меншикова въ Москвѣ и Шлиссельбургѣ.*—*Приготовленіе къ войнѣ.*—*Взятіе шведскихъ военныхъ судовъ.*—*Укрѣпленіе на рѣкѣ Нарвѣ.*—*Пораженіе Шлиппенбаха.*—*Военная хитрость подъ Нарвою.*—*Послы отъ разныхъ дворовъ.*—*Взятіе Дерпта.*—*Взятіе Нарвы.*—*Распоряженія князя Меншикова въ Москвѣ.*

Князь Меншиковъ, прибывъ въ Москву, сдѣлалъ приготовленіе къ приему турецкаго посла, присланнаго къ Его Величеству новымъ султаномъ Ахмедомъ III. Изъ Москвы онъ отправился въ Олонецъ. Чтобы не тревожить гарнизоновъ, стоявшихъ въ Дерптѣ и Нарвѣ, князь Меншиковъ объявилъ, что Его Величество намѣренъ воевать Фляндію и осадить Выборгъ, но въ то же время войско, тяжелую артиллерию и другіе военные снаряды онъ приказалъ привезти въ Шлиссельбургъ.

Тогда думали, что шведскій король оставитъ въ покоѣ короля польскаго и возвратится изъ Польши для защиты собственнаго государства (это предположеніе впрочемъ не сбылось); потому въ Лифляндіи стоялъ значительный корпусъ, который могъ препятствовать нападенію Шведовъ и прикрывать осаду крѣпостей.

Его Величество рѣшился испытать храбрость и воинское искусство своей арміи надъ Нарвою и Дерптомъ. Еще въ ап-

рѣлъ онъ повелѣть занять берега рѣки Наровы и такимъ образомъ воспрепятствоватьъ шведскому вице-адмиралу де-Проу доставить въ городъ войско и съѣстные припасы.

4 мая, по повелѣнію Его Величества и по распоряженію князя Меншикова, генералъ-маіоръ фонъ-Верденъ взялъ на рѣкѣ Эмбахъ двѣнадцать, хорошо вооруженныхъ, шведскихъ судовъ, которыя были назначены для отправки въ Нарву, съ провіантомъ и военною аммуниціею, подъ начальствомъ шведскаго командора Лёшера. Воины, столь счастливо совершившіе этотъ подвигъ, были награждены.

11 іюня, князь Меншиковъ находился при Его Величествѣ, когда Государь лично овладевалъ однимъ шведскимъ ластовымъ судномъ, на мели близъ Нарвы **.

Послѣ этой счастливой стычки, князь Меншиковъ обложилъ Нарву и приказалъ устроить на берегу рѣки Наровы шанцы, опасаясь прибытія непріятельскаго вспомогательнаго войска; при этомъ случаѣ онъ не потерялъ ни одного человека, потому что нарвскій комендантъ Горнъ, какъ въ началѣ, такъ и во все продолженіе осады, былъ слишкомъ бережливъ на порохъ.

Между тѣмъ Его Величество осадилъ Дерптъ и послалъ нѣсколько полковъ въ Лифляндію, чтобы остановить движеніе шведскаго вспомогательнаго войска. Какъ Русскіе, такъ и Поляки были увѣрены, что шведскій король не долго будетъ въ Польшѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ мало сопротивленія и гдѣ ему нечего было воевать, и нечего опасаться, и что онъ предпочесть защититъ собственное свое государство. Но не такъ случилось; и Шведы, стоявшіе въ Везенбергѣ (Ракоборгѣ), подъ начальствомъ генералъ-маіора Шлиппенбаха, были разбиты наголову, командированными княземъ Меншиковымъ, полковниками Ремне и Полугомъ (Флюкомъ). Русскіе

* 29 апрѣля, къ устью Наровы былъ посланъ околичій Петръ Апраксинъ, съ отрядомъ солдатъ, чтобы встрѣтить тамъ батареи и оковы и дѣлать прѣсѣчь сообщеніе Нарвы съ моремъ. *Прим. пер.*

** По журналу Петра I, это случилось 3 іюня; при томъ было взято не одно, а два судна, которыя бурей были брошены на мель, близъ устья Наровы. *Прим. пер.*

войско возвратилось въ лагерь подъ Нарву 3 и 14 июля, съ множествомъ захваченныхъ лошадей, со скотомъ и другою добычею.

До прибытія фельдмаршала Огильви, пріѣхавшаго въ лагерь 1 июля, осадю Нарвы распорядился князь Меншиковъ; по его приказанію, были проведены траншеи; ему же приписываютъ изобрѣтеніе хорошо придуманной и прекрасно исполненной военной хитрости*, въ слѣдствіе которой, нарвскій гарнизонъ, — въ томъ убѣжденіи, что къ Нарвѣ приближалось шведское вспомогательное войско и что по этому осада опять окончится такъ же, какъ четыре года назадъ, — выступилъ, 8 июля, изъ города, и Русскіе взяли въ плѣнъ многихъ офицеровъ, отъ которыхъ узнали о состояніи города; тогда легко было бы захватить въ расплохъ и самый городъ, если бы въ точности были исполнены данныя повелѣнія. Эта выдумка приписывается князю Меншикову во всехъ реліціяхъ, и въ слѣдующихъ стихахъ:

On vante tant l'esprit des anciens Romains,
Pour avoir su piper les filles des Sabins.
Notre Alexandre a fait, par la même invention,
Donner dans le panneau des officiers barbons.

* * *

Haud fuit imbelles res ardua fallere amicos,
Hic scit armatas ludere mille viros.

* * *

* Эта хитрость, приписываемая впрочемъ другимъ Петру Великому, состояла въ слѣдующемъ: узнавъ изъ перехваченнаго письма, что нарвскій гарнизонъ ожидаетъ изъ Ревеля генерала Шлиппенбаха съ свѣжимъ войскомъ, Петръ приказалъ одинъ отрядъ своего войска переподѣть въ шведскіе мундиръ и повелъ ихъ по ревельской дорогѣ къ Нарвѣ, подавъ гарнизону условленный въ письмѣ сигналъ о своемъ приближеніи. Отрядъ Русскихъ, мнимыхъ непріятелей, напалъ на мнимыхъ Шведовъ. Послѣ перестрѣлки холостыми зарядами, Русскіе начали отступать. Тогда комендантъ крѣпости выслалъ по большій отрядъ для преслѣдованія непріятель; но на Шведовъ вдругъ напалъ со всѣхъ сторонъ и частію изрубилъ ихъ, а частію взялъ въ плѣнъ. Петръ командовалъ мнимыми Шведами, а Рѣвиннъ и Меншиковъ Русскими. Прилѣч. пер.

Jhr Römer prahlt nicht mehr; Sabinen zu bestrieken,
 Ein so leicht fallend Volk, war eine schlechte That;
 Es ist weit rühmlicher die Schweden zu berücken,
 Wie Alexander itzt bei Narv erwiesen hat etc.*

22 (11) июня, князь Меншиковъ отправился въ С. Петербургъ, чтобы сдѣлать распоряженіе о доставкѣ тяжелой артиллеріи въ лагерь.

Въ лагерь подъ Нарвою были приняты Его Величествомъ польскіе послы, присланные изъ Люблина отъ польскаго короля и отъ республики, и литовскіе депутаты; сюда же прибыли изъ Москвы посланники прусскій и датскій, и посоль турецкій. Князь Меншиковъ угощалъ ихъ въ своихъ палаткахъ. Потомъ въ городѣ, онъ заботился доставить всѣмъ имъ удобства. Въ конференціяхъ и бесѣдахъ, онъ уговаривалъ польскихъ и литовскихъ министровъ общими силами противодѣйствовать шведскому королю, который дерзнулъ низвергнуть съ престола законнаго ихъ государя, и данныя Его Величествомъ, по силѣ заключеннаго тогда договора, вспомогательное войско и деньги употребить ко благу ихъ отечества и сохраненію независимости.

* Превозносятъ находчивость древнихъ Римлянъ потому, что они умѣли заманить къ себѣ дочерей Сабинянъ; но нашъ Александръ, посредствомъ такой же хитрости, завлекъ къ западню бородастыхъ ошидеровъ.

«Не трудно было обмануть беззащитныхъ подругъ; но нашъ герой умѣлъ провести тысячу вооруженныхъ мужей.»

«Римляне! не хвастайтесь болѣе; пустое дѣло было — плѣнить Сабинокъ, столь уступчивое племя; гораздо славнѣе обмануть Шведовъ, какъ сдѣлалъ то Александръ подъ Нарвою.»

Къ этимъ иностраннымъ стихамъ, сохраненнымъ авторомъ рукописи, прибавимъ и русскіе, написанные по тому же случаю и заключающіе въ себѣ ту же самую мысль:

- «Римъ хвалится, что бралъ въ игръ дѣвицъ Сабинныхъ,
- «Безсилень баше полъ, не храбро дѣло бысть:
- «Здѣсь Русскіе въ игръ имуть мужей львиныхъ,
- «Враговъ тако хищныхъ, то большая корысть.»

Прим. пер.

Когда въ лагерь прибылъ 1 іюля фельдмаршалъ-лейтенантъ Огильви *, то князь Меншиковъ отправился въ Дерптъ къ Его Величеству и участвовалъ въ взятіи этого города. Изъ Дерпта возвратился въ Нарву, вмѣстѣ съ Его Величествомъ и шведскимъ комендантомъ Скитте **. Здѣсь подъ его начальствомъ взяты штурмомъ три бастіона: *Гоноръ*, *Викторія* и *Фама* (Глорія?), въ слѣдствіе чего, 9 августа, въ одинъ часъ Русскіе овладѣли Новымъ и Старымъ городомъ и замкомъ, какъ это видно изъ печатныхъ журналовъ и реляцій.

Князь Меншиковъ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ, поставилъ караулы для охраненія домовъ и удерживалъ ожесточенныхъ солдатъ, почему ни гарнизонъ, ни жители не испытали никакихъ важныхъ обидъ, и въ городѣ скоро были прекращены всѣ непріязненные дѣйствія, которыя, при подобныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно допускаются законами войны.

Князь ходатайствовалъ тогда предъ Его Величествомъ за слѣдующія лица: 1. За коменданта генералъ-маіора Горна. Этотъ генералъ оскорбилъ Его Величество своимъ дерзкимъ и насмѣшливымъ отвѣтомъ въ письмѣ ***; не согласился на предложенную ему сдачу крѣпости и тѣмъ подвергъ городъ жестокому приступу; дурно обращался съ шведскимъ комендан-

* Баронъ Георгъ Бенедиктъ фонъ-Огильви, шотландскій уроженецъ, имѣвшій одну фамилію, но не связанный узами родства съ извѣстнымъ адмираломъ Огильви, скончавшимся въ прошломъ году, — находился прежде въ австрійской службѣ и былъ пожалованъ императоромъ въ генералы; въ русскую службу онъ вступилъ, шестидесяти лѣтъ отъ роду. Подъ Нарвою, ему было вѣрено главное начальство надъ арміею. *Прим. пер.*

** Здѣсь оушено одно событіе, относящееся къ числу подвиговъ Меншикова и происшедшее въ промежутокъ времени отъ взятія Дерпта до покоренія Нарвы. По взятіи Дерпта, Петръ I, услышавъ о приближеніи къ С. Петербургу съ одной стороны шведскаго генерала Майделя, а съ другой — непріятельскаго флота, предписалъ Меншикову немедленно отправиться въ С. Петербургъ. 18 іюля, Меншиковъ имѣлъ удовольствіе уже торжествовать побѣду, потому-что отрядъ Майделя принужденъ былъ отступить; шведскіе корабли, два дня бомбардировавшіе Кроншлотъ, не причинили этой крѣпости никакого вреда; часть войска, высаженная Шведами на островъ Котлинъ, была опрокинута однимъ русскимъ полкомъ, и послѣ этого шведскій флотъ отправился въ море. *Прим. пер.*

*** Въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе фельдмаршала Огильви, о сдачѣ города, Горнъ напоминалъ Русскимъ нарвское пораженіе 1700 года. *Прим. пер.*

тепль Шлиссельбурга и съ русскими пльнниками; уганль раскрипты его величества короля шведскаго, въ коворыхъ ему было повелѣно вступитъ съ Россією въ договоръ о размѣнѣ пльнныхъ.

2. За подполковника Шлиппенбаха, бывшаго шлиссельбургскаго коменданта, который въ Нарвѣ сдѣлался военнопльннымъ. Шлиппенбахъ хотя теперъ остался военнопльннымъ, но послѣ былъ одаренъ и отпушенъ въ Швецію.

3. За гарнизонъ и за тѣхъ нарвскихъ жителей, которые, во время приступа, ушли въ Иванъ-Городъ. Они, вмѣстѣ съ комендантомъ Иванъ-Города, подполковникомъ Штернштраемъ, получили честный аккордъ и позволеніе свободно отступить въ Ревель, подобно дерптскому гарнизону.

Князь Меншиковъ учредилъ въ Нарвѣ первый военный судъ, по нѣмецкому образцу, и ввелъ его во всей арміи. Отличившимся во время приступа, исходатайствовалъ у Его Величества повышенія, медали и другія награды. По предписанію Его Величества, возобновилъ укрѣпленія въ Нарвѣ, Иванъ-Городъ и Дерптъ, и въ этихъ трехъ городахъ привелъ все въ порядокъ. Озаботился о бѣдныхъ пльникахъ и многихъ изъ нихъ отправилъ въ Москву. Назначилъ войска въ Велборгъ, Псковъ и Лифляндію.

Изъ Нарвы князь Меншиковъ отправился въ сентябрѣ въ С. Петербургъ и потомъ въ Москву; здѣсь иностранныхъ мастеровъ, прибывшихъ изъ Германіи, онъ опредѣлилъ на зеркальный и другіе заводы.

Онъ помогъ устроить торжественное вступленіе Его Величества въ Москву и соорудилъ (на свой счетъ) величественныя триумфальныя ворота.

1705 г. *Генераль-майоръ Пайкуль въ Москвѣ. — Поѣздка князя Меншикова въ Лифляндію. — Его заботливость о доставкѣ заграничныхъ писемъ. — Нападеніе Шведовъ на С.-Петербургъ. — Изгнаніе Шведовъ изъ Курляндіи. — Взятіе митавскаго замка. — Поѣздка князя Меншикова въ Гродно.*

Въ январь 1705 года, его свѣтлость князь Меншиковъ, въ Алексѣевскомъ, — въ увеселительномъ дворцѣ, близъ Москвы, принадлежавшемъ князьямъ, — приналъ генераль-маіо-

ра Найкуля, присланнаго къ Его Величеству отъ польскаго короля съ тайною инструкціею, и тогда же составлялъ планъ, какъ вести войну противъ Шведовъ въ Лифляндіи и Польшѣ, особенно же какъ воспрепятствовать коронованію Станислава.

Когда Его Величество уехалъ въ Воронежъ, князь Меньшиковъ отправился къ русской арміи, которая, въ слѣдствіе договора, заключеннаго въ прошломъ году подъ Нарвою, вступила въ Литву и расположилась въ Полоцкъ, Вильнѣ и Брестъ; въ то же время онъ сдѣлалъ приготовленія къ осады Риги.

Онъ послалъ маіора Лигница въ Тильзитъ, съ порученіемъ получить письма, присланныя съ кенигсбергскою почтою изъ Германіи въ Россію и переслать ихъ съ нарочнымъ гонцомъ; это сдѣлано было изъ предосторожности, чтобы письма не были перехвачены въ Польшѣ противною партіею.

Князь Меньшиковъ, какъ генералъ-губернаторъ Ингерманландіи, сдѣлалъ уже прежде полевыя распоряженія въ С. Петербургѣ и Кронштадтѣ, касательно трехъ крѣпостей и флота, построилъ батареи и завелъ арсеналы и запасныя магазины. Благодаря этимъ распоряженіямъ, въ настоящемъ году вице-адмиралъ Крѣйсъ отразилъ шведскаго адмирала, Ашкерштерна, который намѣревался сдѣлать высадку на островъ Ретусаръ, а русскій генералъ-маіоръ Робертъ Брюсъ отразилъ генералъ-маіора Майделя, приступившаго къ С. Петербургу. Непріятели удалились съ большимъ урономъ: первый по морю въ Швецію, а послѣдній къ Выборгу.

Послѣ битвы, происшедшей при Гемауртенгофѣ въ Курляндіи, между фельдмаршаломъ Шереметевымъ и графомъ Левенгауптомъ (въ которой та и другая сторона желали присвоить себѣ побѣду), князь Меньшиковъ, въ августѣ, двинулся съ арміею въ Курляндію, къ Бауску, Либавѣ и Виנדавѣ, и оттуда, равно какъ изъ Самогитіи и Полоцка, вытѣснилъ Шведовъ.

Онъ командировалъ нѣсколько курляндскихъ и литовскихъ полковъ къ Варшавѣ, подъ начальствомъ генерала Гейнскаго, который въ одной схваткѣ, при вислецкомъ мо-

ствъ, одержалъ верхъ надъ шведскими и польскими (изъ партіи Станислава Лещинскаго) отрядами, и получилъ въ добычу многія знамена, принадлежавшія гвардіи Станислава.

Склонилъ славнаго польскаго партизана Смигельскаго напасть въ Польшу на отряды Карла XII и Станислава Лещинскаго, разогнать сеймы приверженцевъ послѣдняго, и воспрепятствовать его коронованію, равно какъ уничтожить сеймъ, созданный по этому случаю новымъ королемъ въ Костенѣ. Смигельскій нѣсколько времени въ точности исполнялъ всѣ эти порученія, и неоднократно одерживалъ счастливыя победы; но послѣ битвы при Калишѣ, передался на сторону непріятеля.

Его Величество, между тѣмъ, прибывъ изъ Польши въ Курляндію, взялъ на акордъ митавскій замокъ, и въ присутствіи коменданта Кнорринга приказалъ составить опись опустошеніямъ, произведеннымъ въ замокъ Шведами, и потомъ отпустилъ коменданта съ гарнизономъ въ Ригу. Приказалъ отобрать у жителей Курляндіи оружіе и другія вещи, оставленныя у нихъ Шведами на сбереженіе, а кто выдастъ ихъ добровольно, тѣмъ предоставитъ половину этихъ вещей. Такимъ образомъ онъ освободилъ Курляндію отъ Шведовъ.

Изъ Митавы Государь прибылъ въ Тикочинъ и Гродно, и размѣстилъ войска по зимнимъ квартирамъ. Въ это время, къ Его Царскому Величеству неожиданно прибылъ изъ Саксоніи король польскій, Августъ. По этому случаю происходили многія совѣщанія.

Князь Меншиковъ, въ день своего ангела, Св. Александра Невскаго, 23 ноября, получилъ отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго Орла, начальство надъ Полонною, Оршею и Дисною, и флемингскій полкъ Саксонцевъ.

1706 г. *Пораженіе Шуленбурга при Фрауштадтѣ.*—При-

* При смѣнѣ шведскихъ часовыхъ русскими въ церковномъ склепѣ, гдѣ погребались курляндскіе герцоги, русскій офицеръ увидѣлъ, что тѣла были выброшены изъ гробницъ и ограблены; для предотвращенія подозрѣнія, которое могло бы пасть на завоевателей, съ коменданта было взято письменное свидѣтельство, что этотъ гнусный поступокъ произведенъ Шведами; послѣ чего Русскіе и приняли караудъ. *Прим. пер.*

казь фельдмаршалу Ошльви.—Отступление изъ Гродно.—
Князь Меншиковъ отправляется съ войскомъ на помощь
Августу.—Свадьба князя Меншикова.—Вступленіе его въ
Польшу.—Письмо Сіенавскаго.—Характеръ генерала Ошль-
ви и его дѣйствія въ бытность его въ Россіи.—Битва подъ
Калишемъ.—Дѣйствія Августа.—Князь Меншиковъ полу-
чаетъ достоинство князя римской имперіи.—Опроверженіе
ложныхъ сужденій о Россіи.—Военный советъ.

Его Царское Величество повелѣлъ укрѣпить Гродно, по-
тому что шведскій король имѣлъ намѣреніе осадить этотъ
городъ. Такъ какъ вездѣ господствовало спокойствіе, то
польскій король выѣхалъ изъ Гродно, съ намѣреніемъ при-
вести сюда саксонскую армію, которая была подкрѣплена
русскимъ вспомогательнымъ войскомъ и въ 1705 году вы-
ступила изъ Саксоніи подъ начальствомъ генерала Шуленбург-
га. Но 13 февраля 1706 года, Шуленбургъ былъ разбитъ при
Фрауштадтѣ шведскимъ генераломъ Рейншильдомъ.

Князь Меншиковъ ѣздилъ между тѣмъ въ Друю, что въ
въ Литвѣ при рѣкѣ Двинѣ*, для совѣщанія съ Его Величе-
ствомъ о дальнѣйшемъ ходѣ войны. Въ слѣдствіе этихъ совѣ-
щаній было рѣшено вывести русское войско изъ Гродно и со-
единить его съ арміею, стоявшею въ Волинѣ, и въ январѣ 1706
года, къ фельдмаршалу-лейтенанту Огильви (который уже на-
жилъ себѣ много враговъ между генералами и впасть у нѣко-
торыхъ въ подозрѣніе) князь Меншиковъ отправилъ приказъ
выступить тайно изъ Гродно. Русскія войска безпрепятствен-
но отступили чрезъ Брестъ Литовскій и Луцкъ.

Шведскій король оставивъ Гродно, двинулся съ своею ар-
міею въ Литву. Намѣревался напасть на Смоленскъ, но напри-
вился къ Волинѣ. Взялъ Луковичъ, Слуцкъ и другія неукрѣ-
пленные мѣста. Предполагали, что онъ приблизится къ рус-

* По Журналу Петра I, Меншиковъ, съ донесеніемъ о выступленіи Августа
изъ Гродно и объ осадѣ этого города Карломъ XII, встрѣтилъ Государя, спѣ-
шавшаго въ Гродно, 25 января 1706 г., въ Дубровнѣ, мѣстечки могилевской
губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ 17 верстахъ отъ Орши. Нѣкоторые,
неизвѣстно, на какомъ основаніи, мѣсто свиданія Меншикова съ Монархомъ
указываютъ въ Писекѣ (см. Рус. Полков.). Свидѣтельство Журнала подтверж-
дается письмами Государя. Прим. пер.

скии границы и даже отважился сделать нападение. Петру князь Меншиковъ бодрствовалъ съ своею арміею въ Гемелю и Брауноу.

Между тѣмъ польскому королю были объяснены причины, побуждавшія русское войско отступить за Бродню изъ самыхъ границъ, и обѣщано было ему со временемъ другое вспомогательное войско. Потому князь Меншиковъ тотчасъ отправился къ нему, какъ скоро шведскій король изъ Волини пошелъ въ Варшаву, и потомъ, переправившись черезъ Одеръ, вторгнулся въ Саксонію.

Въ августѣ князь Меншиковъ прибылъ въ Кіевъ и приказалъ пехотному войску построить украинца въ Черниговскій монастырь.

Здѣсь 18 августа князь Меншиковъ вступилъ въ супружество съ благородною, прекрасною и одаренною высокою совершенствами дивницею, Дарьею Михайловною Арсеньевой, дочерью знатнаго русскаго дворянина. Она была близкою родственницею вдовствующей царицы Натальи Кирилловны, наперя Ею Царскаго Величества, и съ юныхъ лѣтъ воспитывалась вмѣстѣ съ своею сестрою Варварою Михайловною при дворѣ царицы, урожденной Нарышкиной, а послѣ ея смерти находилась, въ качествѣ придворной дамы, при ея высочествахъ, царевнѣ Натальи Алексеевнѣ, сестрѣ Ею Царскаго Величества, любимой имъ за ея умъ, благоразуміе и добродѣтели. Свадебныя Меншикова была отпразднована въ высочемъ присутствіи Ею Величества, который былъ посаженнымъ отцомъ, какъ маршалъ распоряжася брачными пирами и приказалъ въ честь князя устроить фейерверкъ.

Послѣ того, какъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Отгильви былъ уволенъ отъ службы и какъ шведское войско опять вступило въ Польшу, князь Меншиковъ двинулся въ Лихву съ двадцатью-тысячною арміею, и раздѣлил ее на нѣсколько дивизій или корпусовъ, которые были ввѣрены начальству, избраннаго по предложенію его свѣтлости, фельдмаршала-лейтенанта Гольца, генерала Адларта, герцога-вессен-дармштадтскаго, Бауера, Гошискаго, Амбона и другихъ.

Князь Меншиковъ получилъ отъ графа Сенавскаго, быв-

шаго прежде переводы блязскаго, писано, въ которомъ тотъ уведомлялъ, что по смерти князя Любомирскаго, онъ воеводенъ польскимъ королемъ въ достоинство ворованаго гетмана и каштеляна краковскаго, и испрашивалъ отъ ея святлости дружественной переписки и содѣйствія къ пользе обоихъ монарховъ, ихъ государствъ и владѣній и пр.

Нѣкоторые изъ друзей генерала Огильви и онъ самъ порицали и винили князя Меншикова, какъ будто онъ, по тайной зависти къ этому генералу, беззавѣсно гнѣвалъ и преслѣдовалъ его, и возбуждавъ къ нему недовѣріе Его Величества, былъ причиною его отступленія изъ Гродно въ зимнее время, и послѣдовавшаго затѣмъ увольненія изъ персидской службы. Но безпристрастные люди, хорошо знающіе въ жизни дѣломъ, единогласно утверждаютъ, что вѣщою всего этого было странное и загадочное поведеніе генерала-фельдмаршала Огильви во время начальства его надъ русскою арміею.

Такъ какъ онъ и устно и писменно, и въ Россіи и въ Германіи, нападалъ на князя Меншикова, то не малое будетъ представлять здѣсь всѣ обстоятельства въ настоящемъ сдѣлать, и тамъ умалчить невыгодную тѣнь, которую могли бросить эти обвиненія на его святлость.

Когда князь Пётръ Алексѣевичъ Голицынъ, бывшій въ 1703 году уполномоченнымъ министромъ въ Вѣнѣ, отскакавъ отъ похвального объ отличныхъ заслугахъ генерала Огильви и объ его опытности какъ въ гражданскихъ, такъ и военныхъ дѣлахъ, особенно по инженеріи: то Его Величество не только утверждалъ заключенное съ нимъ условіе, по которому ему, какъ генералу, было назначено 10,000 рублей жалованья, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ его въ достоинство фельдмаршала и далъ ему всю власть, соединяющую съ этимъ званіемъ, въ надеждѣ, что онъ заслужитъ все это лучшимъ управленіемъ арміею и вѣрною службою. Но эта надежда не оправдалась.

Въ 1704 году, послѣ того, какъ князья и знатные вельможи единодушно предвѣтствовали его по-привѣдъ въ Москву, а потомъ Его Царское Величество, князь Меншиковъ и весь

генералитетъ приняли въ лагерьъ подъ Нарвою съ особенною милостию и почестями, — онъ вскорѣ обнаружилъ преобладавшія въ немъ склонности: честолюбіе, корыстолюбіе и сладострастіе, которыя умѣлъ прежде скрывать, быть можетъ, за неизмѣнимъ средствъ и случаевъ къ удовлетворенію ихъ.

Не выѣзжая еще изъ Вьны въ Россію, онъ взялъ годовое жалованье, тотчасъ по заключеніи условія, и между тѣмъ цѣлый годъ прожилъ въ Германіи. Не смотря на то, онъ тогда же началъ объявлять неумѣстныя требованія новыхъ задатковъ, для уплаты своихъ долговъ и покупки имѣній въ Германіи, подарковъ, экстраординарныхъ прибавокъ, и принадлежащихъ фельдмаршалу преимуществъ, и все-таки не былъ доволенъ никакими милостями, оказанными ему сверхъ условія.

При дворѣ вскорѣ стало извѣстно, что онъ, во многихъ общественныхъ собраніяхъ, въ Вьнѣ и въ Россіи, говорилъ открыто, что вступаетъ въ царскую службу только для того, чтобы пріобрѣсть себѣ порядочный капиталъ и потомъ купить въ Моравіи помѣстье, и что, по окончаніи срока службы, онъ возвратится домой, чтобы наслаждаться спокойствіемъ, но не намѣренъ утруждать себя какими-нибудь предпріятіями и распоряженіями ко благу русскаго народа.

На такія неумѣстныя рѣчи, какъ иностранные министры, такъ и вѣрные слуги Его Величества не разъ возражали ему, со всею впрочемъ скромностию, что, если онъ не имѣлъ другой цѣли и другихъ видовъ, вступая въ царскую службу, то не было бы надобности вызывать иностраннаго фельдмаршала, такъ какъ это сопряжено съ значительными издержками; что онъ могъ бы по крайней мѣрѣ на будущее время воздержаться отъ такихъ сужденій, и избрать другую систему своего поведенія въ Россіи, въ противномъ случаѣ онъ повредитъ добруму о себѣ мнѣнію и не оправдаетъ надежды, какую имѣли на его службу.

Не смотря на всѣ эти благонамѣренныя предостереженія, генералъ Огильви не могъ удержать себя, и даже въ присутствіи трехъ знаменитыхъ князей и бояръ: Рѣпина, Щер-

батога и Головина, которые должны были всегда находить-ся при немъ и исправляли должность адъютантовъ, и кото-рые умѣли говорить по-нѣмецки, онъ дѣлалъ язвительныя и насмѣшливыя замѣчанія на счетъ Русскихъ, ихъ нравовъ и обыкновений, и о томъ, что казалось ему недостатками въ русской арміи и въ правительствѣ, онъ писалъ въ Вѣну, изображая все въ преувеличенномъ и невѣрномъ видѣ; пи-салъ также и о томъ, что на будущее время онъ поставитъ всѣхъ на австрійскую ногу, и этихъ мужиковъ (Kegla), ко-торые сопротивлялись ему въ томъ и не хотѣли повино-ваться, научить со временемъ хорошему обращенію.

Въ высококомъ присутствіи Его Царскаго Величества, онъ позволялъ себѣ дерзость унижать заслуженныхъ генераловъ и офицеровъ, и дѣлалъ это съ тѣмъ своекорыстнымъ намѣ-реніемъ, чтобы получить отъ Его Величества порученіе из-брать на ихъ мѣста другихъ, по своему благоусмотрѣнію.

Въ своихъ меморіалахъ, которыми онъ обременялъ Его Ве-личество, онъ осмѣливался отзывать въ колкихъ выражені-яхъ о князѣ Меншиковѣ и многихъ знатныхъ боярахъ, и не постыдился, вмѣстѣ съ Ал. Кикивымъ и другими лицами, за-видовавшими счастію и могуществу князя, составлять противъ него разныя интриги. Нѣкогда безъ зазрѣнія совѣсти, онъ выразился такъ : что онъ не находитъ ни одного человѣка , отъ котораго могъ бы попросить совѣта или помощи, и что онъ одинъ только, во всей арміи, кое-что понимаетъ и въ со-стояніи сдѣлать что-нибудь порядочное.

Это высокомеріе и своенравіе генерала Огильви скоро про-извели то, что Его Величество, по своему характеру питавшій отвращеніе отъ людей гордыхъ и своенравныхъ, сдѣлался къ нему не такъ уже милостивъ и внимателенъ, какъ прежде. Ге-нералы и офицеры сначала оказывали ему любовь и довѣріе, но такъ какъ онъ обращался съ ними сурово и презрительно, то скоро обнаружилась ненависть къ нему, возникли недо-вольствія, справедливыя жалобы, обвиненія и порицанія.

Во время осады Нарвы , Его Царское Величество, прибы-

шій въ лагерьъ послѣ взятія Дерпта, не хотѣлъ тратить здѣсь много времени, и какъ скоро былъ сдѣланъ проломъ и бастіонъ Гоноръ обрушился, а комендантъ Горнъ между тѣмъ уверно отказывался отъ сдачи города, то рѣшился тотчасъ же начать приступъ. Фельдмаршалъ воспротивился этому плану, вѣроятно потому, что онъ былъ составленъ безъ его совѣта. По его мнѣнію, приступъ должно было бы отложить еще на нѣсколько времени, не предпринимать при дневномъ свѣтѣ, какъ это было уже рѣшено, и предоставить дѣйствовать ему одному; онъ назначилъ бы къ тому удобное время, именно ночь, чтобы *à la faveur de la nuit* (подъ покрывіемъ ночнаго мрака) имѣть возможность устроить въ Новомъ-Городѣ окопы и прочее.

Не смотря на эти возраженія и противорѣчія фельдмаршала, Его Царское Величество направилъ приступъ на три бастіона: Гоноръ, Фама и Викторія, и произвелъ его около часа по полудни, тогда какъ шведскій гарнизонъ, — въ томъ мнѣніи, что въ полдень Русскіе предались обычному своему отдыху, а вѣроятно еще и потому, что бодрствовалъ цѣлую ночь, — расположился спать въ полной увѣренности въ своей безопасности. Счастливое нападеніе вполне оправдало распоряженія и соображенія Его Величества, потому-что въ три четверти часа онъ побѣдносно овладѣлъ Новою и Старою Нарвою вмѣстѣ съ замкомъ. Противолежащая крѣпость, Иванъ-Городъ*, терпѣла недостатокъ въ състныхъ припасахъ и въ военныхъ снарядахъ, между тѣмъ какъ была наполнена народомъ, который, въ надеждѣ на спасеніе, толпами стекался туда изъ Нарвы; потому она навѣрное сдалась бы на волю побѣдителей, если бы, по совѣту фельдмаршала Огильви, который быть можетъ подъ рукою старался расположить къ себѣ Шведовъ, Его Величество не дозволилъ гарнизону свободнаго отступленія въ Ревель.

* Нарва лежитъ на лѣвомъ берегу Наровы; замокъ Иванъ-Городъ, стоящій на правомъ берегу на горѣ, служилъ для Нарвы укрѣпленнымъ предѣстїемъ и обезпечивалъ для гарнизона сообщеніе между обоими берегами. *Прим. пер.*

Генералъ Осильви не хотѣлъ платить купцамъ и мастеровымъ, которые послѣ того, какъ водворилось спокойствіе, отпускали ему, въ Москвѣ и Нарвѣ, въ кредитъ свои товары и произведенія; но въ слѣдствіе многократныхъ жалобъ, былъ обязанъ наконецъ къ уплатѣ долга княземъ Меншиковымъ.

Когда осада и взятіе Нарвы, по повелѣнію Его Величества, были изображены на гравюрѣ, то генералъ Огильви приказалъ означить на ней, что Нарва была взята приступомъ, главно-командующимъ генераломъ фельдмаршаломъ барономъ фонъ-Огильви, посредствомъ оружія Его Царскаго Величества. Между тѣмъ, цѣлая кампанія и осада двухъ городовъ (Дерпта и Нарвы), были ведены Его Величествомъ задолго до прибытія барона Огильви, потому-что по желанію Его Величества и по собственному обѣщанію, ему надлежало быть въ Москвѣ весною; но онъ медлилъ въ дорогѣ, и не прежде, какъ спустя цѣлый годъ по заключеніи условія, прибылъ 1 іюля въ лагерь подъ Нарву.

На одномъ пирѣ, въ Нарвѣ, генералъ Огильви не хотѣлъ уступить мѣста заслуженному фельдмаршалу Шереметеву, и тогда какъ за столомъ пили здоровье офицеровъ и солдатъ, отличившихся во время приступа, онъ, въ присутствіи Его Величества, всего генералитета и иностранныхъ министровъ, упорно стоялъ за свое мнѣніе и, въ неприличныхъ и совершенно непридворныхъ выраженіяхъ, утверждалъ, что «приступъ, произведенный днемъ, былъ предпринятъ вопреки всѣмъ правиламъ и обыкновеніямъ войны и удался только благодаря случаю и дурнымъ распоряженіямъ шведскаго коменданта; но не то было бы, если бы командовали Австрійцы. Русскимъ далеко до Нѣмецевъ и никакъ не сравнятся съ Австрійцами. Они не довольно опыты въ войнѣ и не совсѣмъ тверды въ бою, и потому, если бы имѣли дѣло съ настоящими, опытными Шведами, подъ предводительствомъ ихъ короля, то не въ состояніи были бы выступить противъ нихъ въ открытое поле и дать имъ сраженіе.» Эти неумѣстныя рѣчи вывели изъ терпѣнія Его Величество, и онъ повелѣлъ фельдмаршалу воз-

встрѣтился на свою квартиру и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Прийдя домой, генералъ Огильви съ изумленіемъ замѣтилъ, что караулъ, до-сихъ-поръ состоявшій изъ одной роты солдатъ, былъ у него снятъ. Тогда онъ погналъ свою ошибку и лже предвидѣлъ, что этотъ неожиданный оборотъ дѣла повредитъ его заслуженной знаменитости; потому старался, черезъ посредство князя Меншикова, графа Головина и другихъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ министровъ, умолять Его Величество всевозможными извиненіями, и, если онъ, какъ новоприбывшій иностранный генералъ, незнакомый съ обычаями двора, сдѣлалъ за столомъ какую-нибудь ошибку, то испрашивалъ у Государя милостиваго прощенія и оставленія въ своей должности. По ходатайству упомянутыхъ особъ, ему тотчасъ былъ возвращенъ караулъ. Но онъ легко могъ разсчитать, что молва объ этомъ случаѣ разнесется далеко, и потому писалъ въ Вѣну, что онъ навлекъ на себя временную немилость тѣмъ, что отказался осушить огромный бокалъ!

Офицеровъ, принятыхъ Его Величествомъ въ русскую службу въ Германіи, черезъ посредство генерала Розе, фельдмаршамъ Огильви не хотѣлъ опредѣлять къ мѣсту безъ предварительнаго испытанія ихъ способности и свѣдѣній о прежней службѣ, но часто отсылалъ ихъ назадъ, — исключая впрочемъ тѣхъ, которые привозили съ собою хорошенькихъ женщинъ (*die hübsche complaisante Weiber*), или которые отсыпали ему самому, либо его такъ называемой тетушкѣ, порядочное количество червонцевъ или какихъ-нибудь дорогихъ вещей.

Въ Гродно фельдмаршалъ обнаружилъ свое неудовольствіе, когда князь Меншиковъ, безъ его вѣдома и одобренія, былъ назначенъ генераломъ отъ кавалеріи, и писалъ объ этомъ Его Величеству въ обидныхъ и оскорбительныхъ для князя выраженіяхъ.

Изъ Вѣны и Берлина были получены многія письма, изъ которыхъ обнаружилось, что не только тамъ, но даже шведскимъ министрамъ были известны тайныя повелѣнія, распо-

раженія и измѣренія, в которыхъ Его Величество разсуждалъ только съ фельдмаршаломъ Огильви, и нѣкогда Меншиковымъ и нѣкогда другими доверенными лицами; это обстоятельство недалеко поведеть подозрѣвать во имя генерала Огильви.

Когда было получено извѣстie о движеніи неприятеля, то на общемъ совѣтѣ, въ присутствіи польскаго короля, было рѣшено большинствомъ голосовъ и утверждено повелѣніемъ, присланнымъ отъ Его Царскаго Величества, — оставить Гродно и отступить къ Полодну и къ русскимъ границамъ, чтобы имѣть близкое сообщеніе съ войсками, стоявшими въ Курляндіи и съ русскимъ государствомъ (потому-что въ Гродно убывало значительное число лошадей и кавалеріи, и необходимо было произвести новый ремонтъ), и чтобы, получивъ подкрѣпленіе, съ большою увѣренностію встрѣтить врага. Противъ этого рѣшенія и повелѣнія со всею горячію возсталъ фельдмаршалъ Огильви. Свое мнѣніе онъ подкрѣплялъ слѣдующими доводами: Не только укрѣпенія и окопы, но и все прочее въ Гродно, было такъ хорошо устроено для арміи, что невозможно опасаться нападенія со стороны Шведовъ; если же онъ отступить отсюда, то ничего не сдѣлаетъ, а скорѣе погубить себя и будетъ побѣжденъ. Потому каждый долженъ былъ бы желать, чтобы Шведы рѣшились сдѣлать нападеніе, и онъ считалъ безславіемъ вывести армію, безъ всякой необходимости, изъ столь хорошо укрѣпленнаго мѣста, и среди зимы пуститься съ нею въ столь далекій путь.

Другіе были совершенно противнаго мнѣнія, и въ подтвержденіе его говорили, что должно въ точности исполнить повелѣніе Его Величества, которое основывалось на вышешложенныхъ, а быть можетъ и на другихъ имъ не извѣстныхъ причинахъ, преимущественно же потому, что болѣзнь распространилась не только между рядовыми, но и между офицерами, и при дальнѣйшемъ замедленіи и произвольномъ заключеніи, будутъ уснаиваться со дня на день.

Видя такое разногласіе, польскій король заблагоразсудилъ послать къ Его Царскому Величеству письменныя мнѣнія каж-

лаго изъ генераловъ, участвовавшихъ въ военномъ совѣтѣ. После этого приходило повелѣніе за повелѣніемъ, немедленно оставить Гродно и выступить съ арміею къ Полоцку и русскимъ границамъ. Но фельдмаршалу не нравилось это распоряженіе, и въ одномъ письмѣ къ Его Величеству онъ объяснялъ, что невозможно выступить до весны, и что по его мнѣнію, весною, когда въ полѣ будетъ трава, всего лучше было двинуться съ арміею къ Кракову. Тайная причина, располагавшая его принять этотъ планъ, состояла въ томъ, какъ онъ, еще будучи въ Гродно, доверчиво сознавался своимъ добрымъ друзьямъ, что тамъ въ Малой Польшѣ онъ былъ бы ближе къ Вѣнѣ. При этомъ онъ также объявлялъ, что онъ никогда не будетъ совѣтовать Его Величеству дать сраженіе, потому что въ Россіи пробудетъ онъ не долго, битва же, судя по невыгодному мнѣнію, какое онъ составилъ объ Русскихъ, легко можетъ быть проиграна, а ему не хотѣлось помрачить свою славу. И остальное время своего пребыванія въ русской службѣ онъ желалъ провести только въ совѣщаніяхъ, маршахъ и контрмаршахъ, не дѣлая ничего, чтобы имѣть право всегда говорить, что подъ его начальствомъ русская армія не потерпѣла ни одного пораженія.

Такъ какъ эти и подобныя соображенія генералъ Огильви высказывалъ въ многочисленныхъ собраніяхъ, при такихъ лицахъ, на преданность которыхъ онъ не могъ полагаться; то обо всемъ этомъ было доведено до свѣдѣнія Его Величества, который послѣ того, въ присутствіи князя Меншикова и другихъ доверенныхъ министровъ, часто жаловался, что этотъ престарѣлый мужъ, умѣвшій и желавшій всегда быть правымъ, платилъ такъ дурно за всѣ столь великія оказанныя ему милости.

Онъ былъ врагъ кавалеристовъ, по той причинѣ, что начальникомъ ихъ былъ князь Меншиковъ. Когда на примѣръ полковникъ Штолицъ служилъ въ пѣхотѣ, то онъ цѣнилъ его и отзывался объ немъ предъ Его Величествомъ, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ; но какъ скоро этотъ полковникъ

поступилъ въ драгунскій полкъ, подъ начальство князя Менишкова, то онъ началъ унижать его и преслѣдовать. Такъ и всѣхъ тѣхъ, кто состоялъ при князѣ, по придворному и военному вѣдомствамъ, или даже кто пользовался его милостію, онъ преслѣдовалъ разными придирками и несправедливыми обвиненіями, и при всѣхъ случаяхъ, какіе только могъ придумать, тѣснилъ и унижалъ, а въ отсутствіе князя, по мстительному своему характеру, подвергалъ аресту и другимъ незаслуженнымъ наказаніямъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ лейбъ-хирургъ Изебрандъ, который былъ обвиненъ въ запрещенной перепискѣ съ какою-то старухою, и заключенъ въ тюрьму. Тамъ онъ сдѣлался опасно боленъ и генералъ Аллардъ просилъ позволенія взять его къ себѣ для излеченія. Но фельдмаршалъ не захотѣлъ освободить его на слово, и не смотря на жаркую мольбу умирающаго, не позволилъ быть при немъ священнику, такъ что этотъ несчастный умеръ безъ христіанскаго утѣшенія.

Между тѣмъ, какъ онъ все еще спорилъ и не соглашался съ своими, какъ русскими, такъ и иностранными генералами, касательно скорого отступленія, — генералъ Венедигеръ не хотѣлъ одобрить его мнѣнія; и фельдмаршалъ упрекнулъ его за это въ глаза, сказавъ, что ему очень странно, что онъ пристаесть къ сторонѣ Московитянъ, но что онъ, какъ Нѣмецъ, расположился провести здѣсь цѣлую зиму. Какъ отвѣчалъ на это вѣрный слуга Его Величества, это легко отгадать.

Генералъ Огильви, не только въ разговорахъ, но и въ собственныхъ письмахъ къ Его Величеству, осмѣливался, — разумѣется съ предварительнымъ изъясненіемъ своей преданности и подданническаго почтенія къ его священной особѣ, — порицать его мудрыя мѣры и распоряженія, прославыаемыя во всемъ свѣтѣ, особенно же выборъ генераловъ и порученіе военныхъ должностей, и его повелѣнія находилъ несообразными съ правилами войны. Онъ говорилъ также, что ему вѣрнее главное начальство надъ арміею, и слѣдо-

вательно онъ и долженъ знать, что ему дѣлать, и должно заботиться о сбереженіи солдатъ, чтобы они не гибли напрасно въ столь дальнемъ и утомительномъ походѣ, въ зимнее время.

Такъ какъ теперь представлялось невѣроятнымъ, чтобы шведскій король, съ своимъ утомленнымъ войскомъ, отважился сдѣлать нападеніе, а русская армія, между тѣмъ, должна была отступить, и уже были сдѣланы къ тому приготовленія; то польскій король заблагоразсудилъ выйти изъ Гродно, чтобы встрѣтить свои полки, которые шли изъ Саксоніи, подъ начальствомъ генерала Шуленбурга, и направлялись къ Великой Польшѣ. Потомъ, въ слѣдствіе строжайшаго повелѣнія Его Царскаго Величества, вышла изъ Гродно и русская армія. Не смотря, что фельдмаршалъ считалъ это отступленіе невозможнымъ, покуда въ поляхъ не будетъ травы, оно было произведено очень счастливо, хотя въ виду Шведовъ. Этими обязаны Русскіе предусмотрительности и прекраснымъ распоряженіямъ фельдмаршала, чего не могутъ отрицать и самые его враги. Но на этомъ пути не такъ много погибло солдатъ, какъ предсказывалъ фельдмаршалъ, потому-что Русскіе, болѣе чѣмъ другой народъ, были способны и привычны къ труднымъ и утомительнымъ походамъ, даже въ самое неблагоприятное время года.

При выступленіи изъ Гродно, фельдмаршалъ Огильви отослалъ монахамъ семьдесятъ боченковъ вина и множество провизіи, которую не могъ вывезти съ собою, тогда какъ слѣдовало бы предоставить это больнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, которые просили его объ томъ.

Когда князь Меншиковъ прибылъ къ этой арміи, между Гродно и Тикочиномъ, то солдаты изъявили такую радость, какъ будто освободились отъ египетскаго рабства.

Князь Меншиковъ строго запретилъ, во время похода, брать какия-нибудь контрибуціи, кромѣ необходимыхъ състныхъ припасовъ, потому-что это не только въ Польшѣ,

союзномъ и дружественномъ государствѣ Его Величества, но и вездѣ могло бы породить худую молву и другія непріятныя послѣдствія. Но фельдмаршалъ считалъ это за ничто, и какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, лежавшихъ по дорогѣ, продолжалъ дѣлать поборы, притѣснялъ Жидовъ и Христіанъ, и заставлялъ ихъ приносить ему или его родственницѣ деньги, товары и все, что они имѣли и что годилось для него. Въ Брестѣ онъ бралъ у жителей вино, товары и провизію, и ~~вмѣсто~~ ~~общиной~~ уплаты оставилъ этимъ бѣднымъ людямъ только слезы и вздохи. Отъ этого почти во всѣхъ мѣстахъ жители или разбѣгались, оставляя свои дома и имущество, или покупали дорогою цѣною охранные караулы, которые впрочемъ фельдмаршалъ не слишкомъ уважалъ, слѣдуя своимъ военнымъ правиламъ. Онъ говорилъ при этомъ, что фельдмаршалъ или командующіе офицеры вездѣ слѣдуютъ тому же правилу, во время походовъ, въ странахъ союзниковъ и враговъ, и что онъ точно такъ же дѣйствовалъ и въ Венгріи.

Прибывъ въ Луцкъ за полтора дня прежде своей арміи, онъ не далъ знать генералу князю Рѣпнину, по какому направленію тотъ долженъ былъ идти съ арміею къ мостамъ, потому-что занимаясь своими поборами, не имѣлъ свободнаго времени написать объ этомъ. Потому армія двинулась къ Луцку по прямой линіи, и солдаты должны были, на пространствѣ ста саженей, идти по шею въ воду, чтобы не дѣлать обхода въ шесть миль и чтобы, за недостаткомъ провіанта, не умереть съ голода.

Все это не могло остаться безвѣстнымъ Его Царскому Величеству, потому-что кромѣ изустнаго донесенія о томъ генераль-лейтенанта Розена и другихъ генераловъ, всѣ описанныя нами дѣйствія фельдмаршала были изложены еще письменно, въ слѣдствіе чего въ Кіевѣ онъ былъ уволенъ отъ службы.

Поселившись въ Саксоніи, фельдмаршалъ Огильви ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только исправно получалъ каждый годъ свой пансіонъ, назначенный ему по милости короля польскаго, и на старости хотя жилъ довольно весело и спокойно, по ма-
К. III. — Отд. I.

ло имѣлъ у себя друзей. Когда Его Царское Величество, будучи въ 1709 году въ Торнѣ и Мариенвердерѣ, за королевскими обѣдами, милостиво обращался къ фельдмаршалу, то онъ едва находилъ, что отвѣчать.

Онъ умеръ въ Данцигѣ, въ 1712 году, около сямидесяти лѣтъ отъ рожденія.

(Продолженіе будетъ).

=

Современная Летопись и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

По опредѣленію Божію и родительскому Нашему и любезнѣйшей супруги Нашей, Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, благословенію, второй сынъ Нашъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, достигшій въ минувшемъ году совершеннолѣтія, вступаетъ въ бракъ съ дочерью Владѣтельнаго Герцога Саксенъ-Альтенбургскаго, Принцессою Александрою. Вчера, 5-го февраля, Свѣтлѣйшая Невѣста Его Высочества воспріяла православную нашу вѣру и Святое Мвропомазаніе, а сегодня, въ Соборной церкви Зимняго дворца, Мы торжественно ихъ обручили. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, Повелеваемъ: именовать Ея Свѣтлость Великою Княжною Александрою Іосифовною, съ титуломъ Императорскаго Высочества.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 6-й день февраля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь-сотъ сорокъ восемь; царствованія-же нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

Господину Военному Министру.

На Западѣ Европы послѣдовали событія, обличающія злоумышленіе къ ниспроверженію властей законныхъ.

Дружественные трактаты и договоры, связующіе Россію съ сопредѣльными державами, поставляютъ Намъ въ священную обязанность—принять благовременныя мѣры, для приведенія въ военное положеніе нѣкоторой части войскъ Нашихъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ, если обстоятельства востребуютъ, противопоставить надежный оплотъ пагубному разливу безначалія.

Въ слѣдствіе сего, Повелѣваемъ вамъ:

1) Сформировать немедленно резервныя части, принадлежащія по росписанію къ означеннымъ войскамъ.

2) Для сего, изъ тѣхъ губерній, которыя опредѣлены росписаніемъ, призвать на дѣйствительную службу всѣхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ безсрочномъ и годовомъ отпускахъ, должествующихъ поступить на сформированіе резервныхъ частей.

3) Сборъ сей начать тотчасъ по полученіи въ уѣздахъ сего Нашего указа и окончить непременно къ 1-му предетоящаго апрѣля.

4) Призываемыхъ нѣтъ на службу нижнихъ чиновъ, градскихъ и земскихъ полиціи имѣютъ выслать въ губернскіе города своихъ губерній, къ командирамъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, по правиламъ, предписанныхъ въ 1518 статьѣ I части II книги Свода Военныхъ Постановленій, строго наблюдая, чтобы никто изъ отпусковыхъ не уклонился отъ сбора; безъ уважительныхъ, законныхъ и дозволенныхъ причинъ.

5) Объ успѣхѣ сбора нижнихъ чиновъ въ губернскіе города и объ отправленіи оттуда на сборные пункты, по особому росписанію, которое теперъ же составить и поднести на утвержденіе Наше,—командеры гарнизонныхъ баталіоновъ обязаны доставлять отъ себя, еженедѣльно, въ Инспекторскій Департаментъ перечневыя вѣдомости. О тѣхъ штабъ и оберъ-

офицерахъ и нижнихъ чинахъ, которые по закону—либо случаю къ сбору не явятся, представить именныя списки, съ объясненіемъ причинъ неявки.

6) Принятіе на сборныхъ пунктахъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ, сформированіе баталіоновъ и эскадроновъ и устройство ихъ, возлагаетъ на генераловъ, къ нимъ войскамъ приписанныхъ, по особому распоряженію.

7) Продовольствіе отпускныхъ нижнихъ чиновъ отъ уѣздныхъ городовъ до губернскихъ и оттолъ до сборныхъ пунктовъ, снабженіе ихъ надлежащимъ обмундированіемъ и вооруженіемъ, возлагаетъ на департаменты: провіантскій, комиссаріатскій и артиллерійскій, съ тѣмъ, чтобы издержки на это отнесены были на счетъ общей суммы, ассигнованной на текущій годъ, по сбору для учебныхъ упражненій безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

8) На дальнѣйшее, въ случаѣ надобности, усиленіе войскъ и призывъ на службу безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, будутъ даваемы отъ Насъ особыя, каждый разъ, повелѣнія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ,
26 февраля 1848 года.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ЯНВАРЯ ПО 15 ФЕВРАЛЯ СЕГО ГОДА.

Уставы о повинностяхъ.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ внесенный по Высочайшему повелѣнію журналъ рекрутскаго комитета о доз-

коленіи двадцати-лѣтнимъ Государственнымъ крестьянамъ наниматься въ рекруты, и соглашаясь съ заключеніемъ означеннаго комитета, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 22 декабря 1847 года, *положилъ*: въ дополненіе и поясненіе подлежащихъ статей св. зак. постановить, что государственные крестьяне, по достиженіи 20-ти лѣтняго возраста, если они не состоятъ на рекрутской очереди, могутъ наниматься въ рекруты, на основаніи постановленныхъ для того въ рекрутскомъ уставѣ правилъ, съ тѣмъ, что если наемникъ не имѣетъ ни отца, ни матери, а между тѣмъ ему еще не исполнилось двадцати-одного года отъ рожденія, то на поступленіе его въ рекруты по найму за чужое семейство нужно согласіе того, кто заступаетъ его мѣсто т. е. согласіе попечителя или замѣняющаго его опекуна; либо воспитателя.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ: во 1-хъ, докладъ Правительствующаго Сената, по вопросу: какой части раздѣливагося семейства слѣдуетъ отмѣчать рекрутскую послугу, отбытую совокупно наймомъ охотника, и во 2-хъ, заключеніе по сему предмету рекрутскаго комитета, *мнѣніемъ*, Высочайше утвержденнымъ 15 декабря 1847 года, *положилъ*: въ поясненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: 1., согласно съ 91 ст. уст. рекрут. раздѣлъ семейства уничтожаетъ всѣ прежнія, общія членамъ сего семейства, рекрутскія послуги, когда бы раздѣлъ сей ни послѣдовалъ, т. е. прежде ли или послѣ 1823 г., 2., если семейство мѣщанина раздѣлилось на два или болѣе, прежде 1823 г. хотя самовольно, но въ порядкѣ терпимомъ (уст. рекрут. ст. 116), и потомъ послѣ 1823 г., которая либо часть его отправила рекрутскую повинность за себя поставкою своего члена или наемника изъ чужихъ семействъ, безъ соучастія въ томъ прочихъ частей, въ такомъ случаѣ поставленный рекрутъ считается въ послугу по примѣру государственныхъ крестьянъ, той одной части, отъ которой рекрутъ былъ поставленъ (уст. рекрут. ст. 93 и 135. 3., Семейство мѣщанина самовольно раздѣлившееся до 1823 года, на два

или болѣе, но послѣ 1823 г. отправлявшее рекрутскую повинность за себя общимъ всѣхъ частей его содѣйствіемъ, напримеръ общимъ наймомъ охотника, слѣдуетъ, хотя бы всѣ или нѣкоторые члены каждой части жили съ того времени доселѣ въ отдѣльныхъ домахъ, признавать, согласно съ уставомъ рекрутскимъ ст. 116, прим. 3, по прод. II, неподлежащимъ зачисленію въ разные номера очередные, доколѣ не раздѣлится сіе семейство порядкомъ въ ст. 101 предписаннымъ; но до такого по означенной статьѣ раздѣла, не лишается оно права и на зачетъ ему въ послугу прежде представленныхъ рекрутъ, по общимъ правиламъ о послугахъ.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о дополненіи правилъ относительно перечисленія мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ въ купечество во время объявленія манифеста о рекрутскомъ наборѣ и соглашаясь съ симъ представленіемъ, *миѣнимъ*, Высочайше утвержденнымъ 22 декабря 1847 года, *положить*: въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: въ случаѣ объявленія и неокончанія рекрутскаго набора до времени, опредѣленнаго въ 19 статьѣ уставовъ торговыхъ (:свода законовъ тома XI:) для перехода въ купечество, мѣщанамъ и государственнымъ крестьянамъ, изъявившимъ на такой переходъ желаніе въ установленный означенною статьею срокъ, и выполнившимъ всѣ прочія для того условія, выдаются, по заплатамъ ими всѣхъ по купеческому званію повинностей, свидетельства для производства торговли съ 1-го января; но до окончанія набора, упомянутыхъ мѣщанъ и крестьянъ въ купцы не перечислять и изъ рекрутскихъ участковъ не исключать, не подвергая ихъ однако же исправленію никакихъ по мѣщанскому и крестьянскому званію повинностей, кромѣ повинности рекрутской. По совершеніи набора зачислять ихъ окончательно въ купечество, съ исключеніемъ въ то же время изъ рекрутскихъ участковъ.

УСТАВЪ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Государственныхъ Имуществъ, въ измѣненіе содержащагося въ ст. 83-й VI продолженія Св. Уст. лѣсн., изд. 1842 года, правила, 8 декабря 1847 года Высочайше повелѣть соизволимъ: «всѣмъ лѣсничимъ, какой бы чинъ они ни имѣли, назначать земельные участки единообразно въ 15 десятинъ.»

Государственный Советъ, рассмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, относительно выдачи ссудъ изъ Таврическаго Приказа Общественнаго Призрѣнія подъ залогъ незаселенныхъ земель, *мнѣиель*, Высочайше утвержденнымъ 22 декабря 1847 года, *положилъ*: заключеніе Министра утвердить, и въ слѣдствіе того, въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак. постановить: 1-е, Таврическому Приказу Общественнаго Призрѣнія дозволяется производить ссуды подъ залогъ незаселенныхъ земель, безъ оцѣнокъ по свидѣтельствамъ тамошней Гражданской Палаты, удостоверяющимъ только принадлежность и свободу земель. 2-е, Ссуды сіи выдаются подъ землю, состоящую въ нагорной части Крыма и въ уѣздахъ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ, въ половину той цѣны, противъ коей должно платить крѣпостныя пошліны (:ст. 363 и прилож. къ ней уст. о пош. св. зак. т. V:) т. е. по 1 руб. 50 к. сер. за каждую десятину, а за земли степныя внутри Крыма лежащія, по 1 руб. сер. за десятину. 3-е., Сверхъ дозволенныхъ уже кратковременныхъ сроковъ на одинъ, на два и на три года, ссуды допускаются также на восемь и на двѣнадцать лѣтъ, по примѣру приказовъ великороссійскихъ губерній (:пун. 4. ст. 515 уст. о Общ. Приз. св. зак. т. XIII:) 4-е., По займамъ на одинъ, на два и на три года, а также на восемь лѣтъ, взимать по 6%, а по двѣнадцатилѣтнимъ займамъ, согласно примѣчанію къ 515 ст. по 5%. 5-е., Производство ссудъ подъ поливныя земли, фруктовые и виноградныя сады, по оцѣнкамъ, остается на прежнемъ

составленъ. С-е., Въ случаѣ несправности заемщика, поступакъ на основаніи существующихъ условій о продроченныхъ заводахъ.

Законы о состоящихъ.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената о порядкѣ перечисленія мѣщанъ въ другіе города или сословія, въ тѣхъ случаяхъ, когда на увольненіе ихъ общества несогласны, и соглашаясь съ снѣмъ докладомъ Сената, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 8 декабря 1847 года, положили, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: 1., При перечисленіи мѣщанъ въ другіе города или въ другія сословія, число семействъ, состоящихъ на первой рекрутской очереди, определять всякій разъ пропорціонально числу душъ участка, производя расчетъ на основаніи общихъ правилъ объ исчисленіи рекрутъ. 2., Жалобы мѣщанъ на неувольненіе ихъ обществами, для перечисленія въ другія общества или сословія, разсматривать въ установленномъ статьею 382 св. зак. о состоящ. (тома IX) порядкѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ признанія жалобы уважительною, окончательное дозволеніе о перечисленіи мѣщанъ, когда общество на такое перечисленіе не согласно, зависѣло отъ Министра Финансовъ, а при состояніи перечисляемаго на рекрутской очереди, и отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 3., На семъ основаніи разрѣшить и частные случаи изъ конхъ возникли настоящіе вопросы.

Законы гражданскіе.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената касательно порядка производства дѣлъ о недвижимыхъ имѣніяхъ, доставляющихся по наследству лицамъ, не имѣющимъ по закону права владѣть оными, и соглашаясь съ заключеніемъ Сената, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1847 года, положили: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, внести судебнымъ мѣстамъ въ обязан-

ность, при постановленіи приговоровъ о признаніи наследническихъ имъ населенныхъ имъній или безземельныхъ крестьянъ такихъ лицъ, которыя владеть ими права не имѣютъ, дѣлать съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣленія какъ о взятіи оныхъ въ казенное вѣдомство, такъ и о количествѣ слѣдующей наследникамъ, на основаніи ст. 225 и 226 зак. о сост. (:св. зак. тома IX:), въ вознагражденіе суммы, и за тѣмъ рѣшеніямъ своимъ давать дальнѣйшій ходъ въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ. Упомянутыя же имънія и безземельныхъ крестьянъ брать, до окончанія дѣла, въ вѣдомство дворянскихъ опекъ и получаемые съ нихъ доходы вносить, для приращенія процентами, въ Приказы Общественнаго Призрѣнія, и для выдачи, по рѣшеніи дѣла, наследникамъ.

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената о сознаніи представляемыхъ къ явкѣ долговыхъ актовъ, *мирънѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 24 ноября 1847 года, *положилъ*: I. Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить, что при представленіи къ явкѣ долговыхъ актовъ съ поручительствомъ по заемщикъ, сознаніе дѣйствительности такихъ актовъ требуется, съ исполненіемъ при томъ всѣхъ постановленныхъ въ ст. 714-й и 715-й зак. граж. (св. зак. т. X) правилъ, не отъ одного только дающаго актъ, но и отъ поручителей по заемщикъ. — Въ случаѣ неграмотности, слѣпоты или тяжкой болѣзни, какъ дающаго актъ или участвующаго въ ономъ, такъ и поручителей, сдѣланная вмѣсто нихъ, по просьбѣ и желанію ихъ, другимъ лицомъ подпись, должна быть, прежде представленія акта къ явкѣ, засвидѣтельствована въ подлинности своей мѣстною полиціею. — Тотъ же самый порядокъ относительно засвидѣтельствванія подписи соблюдается и при совершеніи всѣхъ явочныхъ актовъ, когда акты сіи, также по безграмотности, слѣпотѣ или тяжкой болѣзни совершающихъ оныя, подписаны, вмѣсто ихъ, другимъ лицомъ. — II. Предоставить Правительствующему Сенату подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ исполненіи содержащагося въ статьѣ 443-й

устав. торг. (св. зак. тома XI) правила касательно того, чтобы уполномочиваемый на подпись векселя, вместо дающего оный лица, был снабжаемъ для сего узаконенною довѣренностію. —

Государственный Совѣтъ, по рассмотрѣніи доклада Правительствующаго Сената, относительно составленія въ судахъ первой и второй степени особыхъ журналовъ по дѣламъ, требующимъ безотлагательнаго исполненія, соглашась и съ своей стороны съ настоящимъ заключеніемъ Правительствующаго Сената, замѣтилъ только, что для послѣднѣйшаго хода дѣла, нетерпящихъ отлагательства, необходимо и просмотрѣть особыхъ по онымъ журналовъ губернскими прокурорами и уездными стряпчими ограничить, сколько возможно краткимъ срокомъ, не допуская онаго ни въ какомъ случаѣ долѣе однихъ сутокъ, какъ сіе установлено уже въ отношеніи дѣлъ губернскихъ правленій. Въ свѣдѣствіе сего Государственный Совѣтъ *миліемъ*, Высочайше утвержденнымъ 8 декабря 1847 года, *положилъ*, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: 1.) Судамъ первой и второй степени разрѣшается, статьи по тѣмъ резолюціямъ въ дѣлахъ гражданскихъ, кои требуютъ безотлагательнаго исполненія, вносить въ особый журналъ, составляя однако оный по определенной вообще для журналовъ формѣ. 2.) Журналъ сей, по подписаніи оного членами присутствія, отправлять въ тотъ же день къ просмотру губернскаго прокурора и уезднаго стряпчаго, по принадлежности, независимо отъ общаго журнала, въ коихъ должны содержаться всѣ прочія статьи по выслушаннымъ въ то присутствіе дѣламъ и бумагамъ, съ означеніемъ что сего же числа состоялся еще особый журналъ, заключающій въ себя столько то именно статей. 3.) Такіе особые журналы просматриваются и возвращаются губернскими прокурорами и уездными стряпчими немедленно, на томъ основаніи, какъ сіе постановлено въ 77 статьѣ учрежденія губернскихъ правленій (св. зак. т. II, учрежд. губер. прилож. къ статьѣ 618-й въ продолженіи VI).

Уставы государственнаго благоустройства.

Государственный Советъ, рассмотрѣвъ представленіе Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, о дополненіи существующихъ правилъ для слѣдованія обозовъ по шоссе, *имѣиель*, Высочайше утвержденнымъ 15 декабря 1847 года, *положилъ*: въ дополнение подлежащихъ статей свода законовъ постановить: 1.) Въ зимнее время, по причинѣ бывающихъ на дорогахъ раскатовъ и выбоинъ, дозволяется возчикамъ: а, привязывать лошадей къ повозкамъ поводьями и длиннѣе одной сажени; и б, въ случаѣ невозможности слѣдовать съ обозами по правой сторонѣ направлять оныя и по срединѣ дороги, но съ тѣмъ, чтобы они при встрѣчахъ съ провзажающими, непременно держались правой руки и слѣдовали непрерывно въ прямой линіи возъ за возомъ, не пресѣкая дороги и не препятствуя свободному проходу другимъ. 2.) При обозахъ съ сѣномъ, кадками, обручами и тому подобною громоздкою кладью, непременно находиться возчикамъ при каждой повозкѣ. 3.) Наблюденіе за исполненіемъ правилъ о порядкѣ слѣдованія обозовъ, возлагается, сверхъ мѣстнаго инженернаго начальства путей сообщенія на городовскія и земскія полиціи. 4.) Полицейскіе чиновники обязаны, каждый разъ при проѣздѣ по почтовымъ дорогамъ, обращать строгое вниманіе на проходящіе обозы, шутшать возчикамъ о непремѣнномъ исполненіи предписанныхъ правилъ и объ ответственности за нарушеніе оныхъ; виновныхъ же въ томъ подвергать неукоснительному взысканію. 5.) Офицеры путей сообщенія, при исполненіи возложенной на нихъ 5-мъ пунктомъ 608 ст. учрежденій и уставовъ путей сообщенія (Св. зак. т. XII) обязанности, останавливаютъ возчиковъ только тогда, когда есть вблизи полицейскіе чиновники; въ противномъ случаѣ, не задерживая обозовъ, даютъ знать объ ослуцинкахъ ближайшей по пути слѣдованія ихъ, градской или земской полиціи, для поступленія съ виновными, по законамъ. 6.) При экипажахъ на почтовыхъ лошадяхъ слѣдующихъ, непременно должны быть колокольчики, которые обязаны имѣть всѣ ямщики и содержатели

почтъ. Наблюденіе за снмъ возлагается на станціонныя смотрителей, подъ опасеніемъ взысканія, опредѣленнаго въ уложеніи о наказаніяхъ, за неисполненіе служебныхъ обязанностей.

Законы уголовные.

Государственный Советъ, разсмотрѣвъ представленіе Государственнаго Управляющаго III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи о дополненіи закона, касательно лицъ, изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и согласившася съ симъ представленіемъ, *милостию*, Высочайше учрежденнымъ 12 января сего года, *положилъ*: въ дополненіе подлежащихъ статей уложенія о наказаніяхъ постановить, что къ лицамъ, изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, причисляются: 1.) Воспитанники, окончившіе курсъ ученія съ успѣхомъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (См. зак. т. III Уст. о служб. по опред. отъ Правит. ст. 81). 2.) Воспитанники, окончившіе курсъ ученія съ успѣхомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя хотя и не принадлежатъ къ числу среднихъ, но, преподаваемымъ въ нихъ предметамъ, стоятъ выше уездныхъ училищъ. 3.) Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, неокончившіе въ нихъ полного курса наукъ, но оставившіе сіи заведенія не по дурному поведенію или инымъ предосудительнымъ для нихъ причинамъ, а съ одобреніемъ начальства въ нравственномъ отношеніи. 4.) Лица, получившія аттестаты на причисленіе ихъ къ первому разряду гражданскихъ чиновниковъ, или удостоившія, безъ слушанія лекцій въ Университетъ, по испытанію, званія дѣйствительныхъ студентовъ, или ученой степени. 5.) Лица, обучавшіяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не получившія, но подлежащія испытанію, свидѣтельство на званіе домашняго учителя. 6.) Лица женскаго пола, окончившіе воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ Правительствомъ и состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы или другихъ членовъ Императорскаго Дома, а равно и тѣ которыя или воспитаны

лись дома или въ заведеніяхъ частныхъ, но получили установленнымъ порядкомъ свидѣтельства на званіе домашнихъ учительницъ, хотя бы онѣ и не занимались воспитаніемъ дѣтей.

Правительственныя распоряженія.

Въ высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату января 14 сего года, изображено: утвердивъ составленные въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Управленіемъ Государственнаго Коннозавѣдства, и рассмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ уставъ и штатъ ветеринарнаго училища въ Дерптѣ, Повелѣваемъ, къ приведенію оныхъ въ исполненіе учинить распоряженіе на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Уставъ и штатъ училища имѣютъ дѣйствіе, въ видѣ опыта, въ теченіи четырехлѣтняго, со дня открытія училища, срока, по истеченіи коего Министерство Народнаго Просвѣщенія представитъ ихъ, установленнымъ порядкомъ, на окончательное Наше утвержденіе съ надлежащими, если окажется нужнымъ, измѣненіями и дополненіями.

2) Министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется: а) опредѣлить время открытія ветеринарнаго училища, сообщаясь съ имѣющимися въ виду способами и успѣхомъ приготовительныхъ для того мѣръ; и б), назначитъ нынѣ же директора, съ производствомъ штатнаго содержанія, какъ лицо, необходимое для предварительныхъ къ открытію училища распоряженій, а профессоровъ и прочихъ лицъ по открытіи училища; при чемъ на сей разъ въ означенныя должности могутъ быть избраны и такія лица, которыя не имѣютъ ученой степени магистра ветеринарныхъ наукъ.

3) Съ учрежденіемъ сего училища упразднить въ казанскомъ университетѣ кафедру ветеринарной науки, а для наложенія въ медицинскомъ факультетѣ его ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, опредѣлить особаго адъюнкта при кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, съ содержаніемъ, какое получаютъ прочіе адъюнкты того университета.

4) На содержаніе ветеринарнаго училища въ Дертвѣ употреблять 27,720 руб. себ. въ годъ изъ отпускаемыхъ ежегодно Министерству Народнаго Просвѣщенія изъ Государственнаго Казначейства 56,252 руб. 22 коп. сер. на учрежденіе ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, затѣмъ остатокъ отъ послѣдней суммы, съ присоединеніемъ къ нему въ свое время 4,229 руб. 55 коп. сер. отъ упраздненія въ казанскомъ университетѣ кафедры ветеринарной науки, со всѣми къ ней принадлежностями, обращать въ капиталъ на ветеринарныя училища.

5) На устройство помѣщенія для ветеринарнаго училища въ Дертвѣ, по разсмотрѣніи установленнымъ порядкомъ проектовъ и смѣтъ, также на первое обзаведеніе онаго, сколько окажется дѣйствительно нужнымъ, употребить изъ составившагося на сей предметъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія капитала.

6) Къ означенному капиталу присовокупить хранящейся въ московскомъ университетѣ остатокъ отъ суммъ бывшей тамъ медико-хирургической академіи, назначенныхъ на устройство факультетской клиники университета.

Государь Императоръ, 19 января сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ корпусъ лѣсничихъ, въ сравненіе съ корпусомъ горныхъ инженеровъ, майоровъ болѣе не имѣть, а производить впредъ изъ капитановъ въ полковники, — и въ слѣдствіе того:

1-е) Изъ положенныхъ по штату 44-хъ майоровъ причислить 15 губернскихъ лѣсничихъ къ подполковникамъ, а остальныхъ 29 къ капитанамъ.

2-е) Состоящихъ нынѣ въ корпусъ лѣсничихъ майоровъ, впредъ до повышенія ихъ по старшинству или за отличіе по службѣ въ подполковники, оставить при настоящемъ наименованіи и содержаніи, считая къ производству старшими предъ капитанами, а сихъ послѣднихъ производить въ

(*) Уставъ дерптскаго ветеринарнаго училища напечатанъ въ № 14 С. Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

подполковники не прежде какъ по производствѣ въ этотъ чинъ майоровъ, или за особымъ по службѣ отличіемъ.

Государь Императоръ, по восподданнейшему докладу Г. Главноуправляющаго Путьми Сообщенія и Публичными Зданіями, Высочайше повелѣть соизволилъ: постановить общими правилами, чтобы при устройствѣ въ частныхъ домахъ балконовъ и террасъ, рѣшетки дѣлаемы были впродъ жельзные или чугуныя.

По случаю неуравнительнаго распредѣленія занятій между гражданскими департаментами Правительствующаго Сената и для отклоненія могущаго произойти отъ того затрудненія въ успѣшномъ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ, г. Министръ Юстиціи входилъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ отчисленіи отъ вѣдомства 7-го департамента и 2-го отдѣленія 3-го департамента Правительствующаго Сената нѣкоторыхъ губерній. Нынѣ Государственный Секретарь сообщилъ г. Министру Юстиціи, къ исполненію Высочайше-утвержденное въ 29 день декабря 1847 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, по означенному предмету, коимъ постановлено: 1. Для большей уравнительности въ занятіяхъ департаментовъ Правительствующаго Сената: а) губерніи Волынскую и Подольскую, причисленные временно, на основаніи Высочайше-утвержденнаго, 8 октября 1840 года, положенія Комитета Министровъ, къ вѣдомству 2-го отдѣленія 3-го департамента, возвратить по-прежнему въ вѣдомство 1-го отдѣленія сего департамента. б) губернію Харьковскую изъ вѣдомства 7-го департамента отчислить въ вѣдомство 8-го департамента. в) Перенесенную, по упомянутому положенію Комитета Министровъ 8 октября 1840 г., изъ штата межеваго департамента въ штатъ 2-го отдѣленія 3-го департамента, экспедицію оставить въ семь отдѣленій. II. Относительно перелачи дѣлъ и дальнѣйшаго ихъ производства, при настоящемъ распредѣленіи оныхъ между департаментами Правительствующаго Сената, предоставить г. Министру сдѣлать, согласно съ предположеніями его по сему предмету, слѣдующее распоряженіе: передать изъ однихъ департаментовъ

на другие, какъ: тѣ дѣла, которыя имѣютъ поступить впередъ, такъ и тѣ, которыя уже поступили, но еще не доложены, по наступленію очереди, или по наступленію очереди по дѣламъ апелляционнымъ; но дѣла, къ оставленнымъ изъ которыхъ запискамъ тяжущіеся, по резолюціямъ Сената, допущены уже къ рукоприкладству, оставить для окончанія оныхъ въ тѣхъ департаментахъ, въ концы состоялись резолюціи о допущеніи къ рукоприкладству.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 27 декабря 1847 года. Правительствующему Сенату, изображено:

Въ слѣдствіе представленія Министра Финансовъ, въ Государственномъ Советѣ рассмотрѣннаго, повѣляемъ: дарованное купцамъ 3-й гильдіи по 1848 годъ право на вывозъ по всей европейской сухопутной границѣ всякаго рода товаровъ, тарифомъ незапрещенныхъ, продолжить впередъ до усмотрѣнія, на томъ же основаніи, какъ постановлено въ 3-мъ примѣчаніи къ статьѣ 85-й учрежденій и уставовъ торговыхъ (св. зак. т. XI).

— Въ С.-Петербургскихъ сенатскихъ отдѣлостяхъ (№ 11) напечатано Высочайше-утвержденное положеніе о селеніи Маасовъ въ Закавказскомъ краѣ и о конникахъ Пукерахъ или Ченерахъ, охраняющихъ кордонную линію по границѣ съ Персією.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 26 декабря 1847 года. Правительствующему Сенату, изображено: Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, Всемилостивѣйшии дозволеніи изъ принадлежащихъ ему въ Мовилевской губерніи имѣній учредить заповѣдное имѣніе по общимъ правиламъ, изложеннымъ въ положеніи 16 іюля 1845 года (прилож. къ 363 ст. зак. гражд. св. зак. т. X въ V продолж.) и на слѣдующихъ основаніяхъ, отъ князя Варшавскаго представленныхъ: 1.) Въ составъ заповѣднаго имѣнія поступаютъ: Могилевской губерніи и уѣзда родовое имѣніе село Шеглицы съ деревнями, въ коемъ по послѣдней 8 ревизіи числится 134 души мужескаго пола, и Бѣлицкаго уѣзда благопріобрѣтенное имѣніе Гомель, съ разными деревнями;

въ конхѣ по окладу числится 19,378 мужскаго пола душъ, со Всемилюбовиѣнше пожалованною въ мѣстечкѣ Гомель землею и со всеми угодьями и землями, принадлежащими къ означеннымъ имѣніямъ, въ томъ пространствѣ, какъ оны показаны въ актахъ, по которымъ поступили во владѣніе князя Варшавскаго. 2.) Со владѣніемъ сего имѣнія соединяется владѣніе движимымъ имуществомъ, семейными актами и другими бумагами и теми предметами, о которыхъ княземъ Варшавскимъ не будетъ слышано при жизни особаго назначенія и которымъ составлена будетъ опись. 3.) Означенныя имѣнія обращаются въ заповѣдное со дня изданія настоящаго указа, и при жизни князя Варшавскаго остаются въ его распоряженіи на тѣхъ правахъ, какія положеніемъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ предоставлены владѣльцамъ оныхъ. Послѣ кончины князя Варшавскаго заповѣдное имѣніе, во всемъ онаго составѣ, поступаетъ къ сыну его штабсъ-капитану лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, флигель-адъютанту князю Варшавскому графу Федору Паскевичу-Эриванскому и остается въ его родѣ до совершеннаго прекращенія нисходящаго отъ него потомства, переходя отъ одного владѣльца къ другому по порядку, для наслѣдованія заповѣдными имѣніями установленному положеніемъ 16 іюля 1845 года. По совершенномъ же прекращеніи мужскаго и женскаго рода сына учредителя, заповѣдное имѣніе, на томъ же основаніи, поступаетъ въ родъ старшей дочери учредителя Балашевой, по прекращеніи и ея рода переходитъ въ родъ второй его дочери княгини Волконской, а когда и ея родъ прекратится, въ родъ третьей его дочери Настасіи, если она выйдетъ замужъ. 4.) Когда заповѣдное имѣніе поступитъ въ женскій родъ сына учредителя, тогда мужъ владѣлицы, вмѣсто своего прозванія и герба, принимаетъ полный титулъ и гербъ учредителя, равнымъ образомъ и при переходѣ заповѣднаго имѣнія въ роды дочерей князя Варшавскаго, каждое изъ лицъ мужскаго пола, вступающее по порядку старшинства во владѣніе заповѣднымъ имѣніемъ, принимаетъ титулъ и гербъ учредителя, а каждое лице женскаго пола сообщаетъ ти-

тулъ и гербъ учредителя своему мужу, въ замѣнъ ему принадлежащихъ. Въ обоихъ сихъ случаяхъ на каждое принятіе и передачу титула и герба учредителя должно быть испрашиваемо особое Высочайшее соизволеніе. Но если бы потомство старшаго рода, которой либо изъ дочерей учредителя отказалось отъ принятія его титула и герба, тогда заповѣдное имѣніе поступаетъ къ тому роду одной изъ дочерей учредителя, по порядку старшинства, который согласится на принятіе его титула и герба; въ случаѣ же отказа потомства всѣхъ дочерей учредителя отъ принятія титула его или герба, или въ случаѣ совершенного прекращенія рода всѣхъ дѣтей князя Варшавскаго, заповѣдное имѣніе поступаетъ, на томъ же основаніи, въ родъ дѣтей роднаго брата учредителя Степана Паскевича. 5.) По состояніи значительной части Гомелевскаго имѣнія въ залогъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, полное дѣйствіе опредѣляющихъ свойство заповѣднаго имѣнія постановленій въ отношеніи къ заложеннымъ имѣніямъ, на точномъ основаніи § 13 положенія о заповѣдныхъ имѣніяхъ, начинается не прежде, какъ по уплатѣ лежащаго на нихъ долга или по переводѣ сего долга на другія имѣнія, съ согласія Опекунскаго Совѣта.

— Въ 13 № С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей напечатаны Высочайше-утвержденные въ 10 день января, Уставъ и штатъ Астраханскаго института для воспитанія дѣвицъ.

— Въ тѣхъ-же вѣдомостяхъ напечатаны Высочайше-утвержденные, по журналу Комитета гг. Министровъ 30 декабря минувшаго года, Положеніе и штатъ для Скулябинскаго дома призрѣнія бѣдныхъ гражданъ въ городѣ Вологдѣ. Домъ свой учреждается иждивеніемъ почетнаго гражданина 1-й гильдіи купца Николая Скулябина, для призрѣнія бѣдныхъ престарѣлыхъ гражданъ этого города, преимущественно изъ купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія.

Его Императорское Величество, усмотрѣвъ изъ журнала комитета объ устройствѣ евреевъ, состоявшагося 15 декабря 1847 года, по разнымъ предметамъ, до еврейскаго населенія касающимся, что сборъ съ евреевъ за право ношенія ермолки производится разнообразно отъ 3 до 5 руб. сер. и выше, 27 тогожь декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: обожить всѣхъ евреевъ, желающихъ носить ермолки постоянною податю не болѣе и не менѣе какъ по 5 руб. сер. въ годъ съ каждаго въ пользу коробочнаго сбора.

Изъ Министерства Финансовъ выданы 24 января сего года шестилѣтнія привилегіи: французскому инженеру *Жирану* — на насосъ движитель, и иностранцу *Томасу Слоону* — на усовершенствованіе въ приготовленіи столярныхъ металлическихъ винтовъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Декабря 30. Высочайше повелѣно: по случаю смерти директора втораго департамента государственныхъ имуществъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Хельмсакаго*, продолжать управленіе онымъ вице-директору сего департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику *Шелехову*, а въ помощь ему, для исправленія должности вице-директора, назначить члена общаго присутствія того департамента, статскаго совѣтника *Тимофьева*. Декабря 31. Назначены: членами комитета государственнаго коннозаводства, дѣйствительные статскіе совѣтники: церемоніймейстеръ Двора Его Императорскаго Величества и директоръ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ графъ *Борхъ* и состояшій при председателѣ комитета государственнаго коннозаводства баронъ *Фитингофъ*, съ оставленіемъ перваго въ настоящей должности. — Января 7. Генералу отъ кавалеріи генераль-адъютанту графу *Левашову*, Всемилостивѣйше повелѣно быть председателемъ комитета министровъ. Января 11. Назначены: директоръ департамента хозяйственныхъ дѣлъ главнаго управленія,

дѣйствительный статскій совѣтникъ *Асирисевъ*, членомъ совѣта того управленія. Директоромъ департамента крайственныхъ дѣлъ членъ совѣта главнаго управленія дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безжоросадный*, съ оставленіемъ въ званіи члена совѣта. — Января 13. Чиновниками особыхъ порученій: при главноуправляющемъ надъ монетными департаментомъ, V-го класса: камергеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Полетика*, статскіе совѣтники, *Шауфусъ*, *Гриценко* и *Фонтоновъ*, VI-го класса: камергеръ, статскій совѣтникъ *Галаховъ*, коллежскіе совѣтники, *Зеринъ*, *Новицкий*, *Гильдешигуббе* и *Неклюдовъ*, надворные совѣтники; *Лавшинъ* и *Татищевъ*, при почтовомъ департаментѣ, V-го класса: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ведель* и статскій совѣтникъ *Валуа*, VI-го класса: статскіе совѣтники, *Жадовскій*, *Смитъ*, и цензоръ с.-петербургскаго почтамта *Маснеръ*, коллежскіе совѣтники, *Писловъ*, *Богачевскій*, *Федоровъ*, камергеръ *Бакунинъ* и надворные совѣтники *Сафайловъ* и *Кротковъ*. Чиновникомъ особыхъ порученій V класса при намѣстникѣ на Кавказѣ, состоящій при канцеляріи намѣстника, коллежскій ассесоръ князь *Кочубѣвъ*. Января 14. Старшій докторъ кронштадтской морской госпиталя и медицинскій инспекторъ кронштадтскаго порта, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Киберъ*, главнымъ докторомъ черноморскаго флота и портовъ. — Января 15. Директоромъ Императорскаго училища правовѣднія, бывшій профессоръ Императорской военной академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голицынъ* 6-й. — Января 18. Флигель-адъютанту, вице-директору провіантскаго департамента военнаго министерства, состоящему по кавалеріи полковнику князю *Долгорукову* 3-му, повелѣно быть исправляющимъ должность генераль-провіантмейстера военнаго министерства, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта и по кавалеріи. Назначены: Января 24. Членомъ совѣта государственнаго контроля, генераль-контролеръ департамента морскихъ отчетовъ, въ должности шталмейстера при Ея Императорскомъ Высочествѣ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Михайлов-

нъ, камергеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дурново*. Генералъ-контролеромъ департамента гражданскихъ отчетовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шалиминъ*. — Января 25. Ректоръ с.-петербургскаго университета ординарный профессоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Плетневъ*, утвержденъ вновь въ званіи ректора на четыре года. — Февраля 1. Назначены: вице-директоромъ контрольнаго департамента гражданскихъ отчетовъ, членъ общаго присутствія того департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*. Членомъ общаго присутствія контрольнаго департамента гражданскихъ отчетовъ, членъ общаго присутствія департамента морскихъ отчетовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Татищевъ*. Членомъ общаго присутствія департамента морскихъ отчетовъ, экспедиторъ канцеляріи контроля коллежскій совѣтникъ *Донауровъ*. Экспедиторомъ канцеляріи контроля, исправляющій сію должность коллежскій ассесоръ *Кенсовскій*. — Февраля 5. Коллежскому совѣтнику *Бибикову*, повелѣно быть въ должности шталмейстера Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Увольненіе отъ должности или отъ службы:

По прошеніямъ: Января 20. Директоръ духовнаго отдѣленія въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства польскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Козловскій*, отъ должности директора, съ оставленіемъ членомъ комиссіи съ голосомъ и съ дозволеніемъ носить мундиръ, присвоенный директору отдѣленія. *Отъ службы*: Января 21. Членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мухановъ*. — Января 24. Членъ совѣта государственнаго контроля, дѣйствительный статскій совѣтникъ камергеръ *Толстой*. Состоящій при министерствѣ финансовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милковъ*.

Пожалованы въ званіе къ Высочайшему Двору.

Января 7. Старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія титулярный совѣтникъ *Петръ Марченко*, въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества. — Января 25. Старшій чиновникъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, статскій совѣтникъ графъ *Эммануилъ Сиверсъ*, въ званіе камергера, и причисленный къ I-му отдѣленію означенной канцеляріи, секретарь канцеляріи кавказскаго комитета, коллежскій ассесоръ *Григорій Кондонди* — въ званіе камеръ-юнкера.

Награды.

произведены:

Въ тайные совѣтники.

За отличіе. Декабря 6. Директоръ департамента внешней торговли, состоящій по кавалеріи, генералъ-маіоръ *Языковъ 1-й*, съ оставленіемъ въ настоящей должности. — Января 25. Членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гевличъ*, съ назначеніемъ присутствовать въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента правительствующаго сената.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе. Января 13. Директоръ лицея князь *Безбородко* и нѣжинской гимназіи *Экбладъ*. Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Беръ*. Врачъ рижельскаго лицея *Карузо*.

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

За отличие. Января 13. Директоръ училищъ гродненской губерніи *Барковский*. — Января 18. По канцеляріи комитета министровъ: начальникъ отдѣленія князь *Кугушевъ* и въ должности начальника отдѣленія *Родъ*. — Января 21. II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи старшій чинovníкъ, камеръ-юнкеръ, графъ *Сиверсъ*. — Января 24. По канцеляріи кавказскаго комитета, помощникъ управляющаго дѣлами комитета *Мейеръ*. — *За выслугу лѣтъ.* Декабря 28. Директоры дѣтскихъ пріютовъ въ Москвѣ: ольгинскаго *Классенъ* и пресненскаго *Киндяковъ*. Почетный директоръ верейскихъ богоугодныхъ заведеній *Чекмаревъ*. — Декабря 31. Состоящій при начальникъ кавказской области врачъ *Рождеръ*. Управляющій волынскою палатою государственныхъ имуществъ *Швицбахъ*. — Января 1. Совѣтникъ ставропольской палаты государственныхъ имуществъ *Проселковъ*. Инженернаго департамента начальникъ отдѣленія *Ръзвой*. Начальникъ отдѣленія комиссаріатскаго департамента *Жуковъ*. — Января 8. Помощникъ почтъ-инспектора IV округа *Дубровский*. С.-петербургскаго почтамта экспедиторъ *де-Ливронъ*. Виленской губернской почтовой конторы чиновникъ для иностранныхъ языковъ *Заринъ*. Членъ саратовскаго губернскаго комитета *Беръ*. Помощникъ почтъ-инспектора XI округа *Кокшаровъ*. — Января 18. Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, начальникъ отдѣленія *Лукьяновичъ*. Управляющій нижегородскимъ солянымъ правленіемъ *Якоби*. — Января 21. Чиновникъ по особымъ порученіямъ при флотъ генералъ-интендантъ, *Овсянниковъ*. — Января 28. Ярославской палаты государственныхъ имуществъ, совѣтникъ *Стопановскій*. Артиллерійскаго департамента Начальникъ отдѣленія *Климанскій*. — Января 31. Директоръ московскаго александринскаго дѣтскаго пріюта *Бѣликъ*. — Февраля 1. Управляющій архангельскою палатою государственныхъ имуществъ *Антошевъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. равноапостольнаго князя Владимира 1-й степени.

Января 25. Генералъ отъ инфантеріи, командиръ отдельнаго оренбургскаго корпуса и оренбургскій военный-губернаторъ *Обручевъ*.

Св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями.

Декаря 27. Президентъ Императорской королевской австрійской надворной палаты финансовъ, баронъ *Кюбекъ*.

Св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго.

Декабря 6. Начальникъ гвардейской артиллеріи, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Сумароковъ*. Января 13. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта князь *Гагаринъ*. Статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ, управляющій дѣлами комитета министровъ *Ханыковъ*. Января 22. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ *Дурасовъ*. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ *Горголи*.

БѢЛАГО ОРЛА.

Декабря 6. Генералъ-лейтенантъ, Ревельскій комендантъ *Паткуль*. Начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Фонъ-Моллеръ 1-й*. Начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Офросимовъ*. Генералъ-лейтенантъ, Витебскій, Могилевскій и Смоленскій генералъ-губернаторъ князь *Голлицынъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени.

Декабря 27. Начальникъ Черноморской береговой линіи, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Будбергъ 1-й*. Января 22. Тайный совѣтникъ, сенаторъ графъ *Завадовскій*. Тайный совѣтникъ, сенаторъ *Фонъ-Брадке*.

Св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною.

Декабря 6. Начальникъ инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, генераль-лейтенантъ *Шарнгорстъ*. Командиръ 6-й гвардейской пѣхотной бригады и лейбъ-гвардіи волынскаго полка, генераль-маіоръ *Довбышевъ*. Января 4. Состоящій при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, генераль-лейтенантъ *Бентковский*.

Св. Анны 1-й степени.

Декабря 6. Командиръ 1-й бригады лейбъ-гвардіи кавалерійской дивизіи и лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, генераль-маіоръ *Сталь-фонъ-Голштейнъ*. Командиръ образцоваго кавалерійскаго полка, генераль-маіоръ *Мазуркевичъ 1-й*. Командиръ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, генераль-маіоръ *Крыловъ 1-й*. Командиръ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, генераль-маіоръ *Бревернъ 1-й*. Командиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, генераль-маіоръ *Красновъ 1-й*. Оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль-маіоръ князь *Голлицынъ 2-й*. Инспекторъ ремонтірованія кавалеріи гвардейскаго корпуса, генераль-маіоръ *Сабуровъ*. Начальникъ штаба гренадерскаго корпуса, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ *Катенинъ 2-й*. Командиръ 2-й бригады 7-й легкой кавалерійской дивизіи, генераль-маіоръ *Ховенъ 1-й*. Декабря 27. Д. с. с. ректоръ С.-петерб. университета *Плетневъ*. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія *Гаевскій*. Января 4. Окружннй генераль 10 округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, арміи генераль-лейтенантъ *Ладыженскій 1-й*. Января 6. Командиръ 2-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи, состоящій по арміи, генераль-маіоръ *Шрейберъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Декабря 6. Контръ-адмиралъ, командиръ 2-й бригады 5-й флотской дивизіи *Ушаковъ 1-й*. Контръ-адмиралъ, командиръ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи *Нахимовъ 1-й*. Генераль-

маіоръ, членъ общаго присутствія Черноморскаго интендантства *Метакса*. Николаевскій комендантъ, генераль-маіоръ *Рибиндеръ 3-й*. Исправляющій должность начальника инженеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генераль-маіоръ *Фонъ-Цурмилевъ*. Командиръ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, генераль-маіоръ графъ *Ниродъ 1-й*. Командиръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, генераль-маіоръ баронъ *Содовевъ*. Командиръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка генераль-маіоръ *Саллосъ*. Начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генераль-маіоръ, состоящій по арміи, *Паскинъ*. Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ князь *Васильчиковъ*. Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ графъ *Ржевускій*. Старшій докторъ гвардейской кавалеріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шерингъ*. Декабря 23. Курфиршескій гессенскій генераль-маіоръ баронъ *Амелунценъ*. Января 4. Исправляющій должность начальника штаба нижегородъ дѣйствующей арміи, генераль-маіоръ *Станюковичъ*. Начальникъ подвижныхъ артилерійскихъ парковъ дѣйствующей арміи, артиллеріи генераль-маіоръ *Лазаревъ-Станицевъ*. Военный начальникъ плодквой губерніи, генераль-маіоръ *Бурманъ 1-й*. Командиръ 2-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи, генераль-маіоръ *Бургардъ*. Командиръ 1-й саперной бригады, генераль-маіоръ *Бурмейстеръ 2-й*. Января 13. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, *Брокъ*. Января 17. Генераль-маіоръ, наказный атаманъ астраханскаго казачьяго войска *Фонъ-дербриггенъ*. Января 28. Дѣйствительный статскій совѣтникъ заслуженный инспекторъ классовъ 1-го кадетскаго корпуса *Кушакевичъ*.

Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Ноября 25. Генеральнаго штаба капитанъ графъ Федоръ *Гейденъ*. 21-й Артилерійской бригады штабъ-капитанъ Константинъ *Прозоркевичъ* и драгунскаго Его Королевскаго Высочества наследнаго принца Виртембергскаго полка прапорщикъ Владиміръ *Вердеревскій*.

Пожалованы медалями:

Января 2. *Золотыми*, съ надписью: «за усердіе», для ношенія на шеѣ: *На Владимірской лентѣ*: Сотрудникъ С. Петербурскаго тюремнаго комитета, 2-й гильдіи купецъ Никифоръ Елиствеевъ. Сотрудникъ того же комитета и казначей, 3-й гильдіи купецъ Алексѣй Чесноковъ. По комитету, Высочайше учрежденному для разбора и призрѣнія нищихъ: Церковный староста церкви дома нищихъ, 3-й гильдіи купецъ Григорій Ветошкинъ. *На Анненской лентѣ*: 3-й гильдіи купецъ Дмитрій Пятовъ. Фридрихсгамскій 1-й гильдіи купецъ Федоръ Зміевъ. Помощникъ казначей 3-й гильдіи купецъ Иванъ Торшиловъ. Сынъ иностраннаго банкира Карлъ Лутонъ. Января 3. Механикъ С. Петербурскаго монетнаго двора, англійскій инженеръ Гленни. Штемпельный мастеръ того же двора Василій Шиллеръ. Января 16. Ростовскій (Екатеринославской губерніи) градской глава, 3-й гильдіи купецъ Козьма Крамаренко. Января 31. Тюменскій 1-й гильдіи купецъ Зайковъ. Харьковскій 2-й гильдіи купецъ Василій Елѣкинъ. Января 16. *Серебряными*, съ надписью: «за усердіе» для ношенія на шеѣ: *На Владимірской лентѣ*: Староста портжныхъ работъ и красильный мастеръ тельминской казенной фабрики, крестьянинъ григорій Шоринъ. Января 2. *На Анненской лентѣ*: Члены тюремныхъ комитетовъ: Вологодскаго, 3 гильдіи купецъ Павелъ Гудковъ. Саратовскаго, 3-й гильдіи купецъ Андрей Жегинъ. Кирсановскаго, тамбовской губерніи, 3-й гильдіи купецъ Лука Толмачевъ. Января 3. Оберъ-похтштейгеръ Екатеринбургской золотопромывальной фабрики Денисъ Панаевъ. Мастера гороблагодатскихъ заводовъ: сверлильнаго, Венедиктъ Курсанинъ и Доменнаго Евлампій Варламовъ. Старшіе мастера Воткинскаго завода, пудлинговаго цеха, Максимъ Пирожковъ, Сварочнаго, Гаврилъ Гусевъ, и стальнаго Иванъ Вострокнутовъ. Января 16. Иностранный гость въ семипалатинскѣ, ташкенецъ Ибраимъ-Амировъ.

=

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФРАНЦІЯ.

Пренія въ палатѣ депутатовъ объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь короля.

Пренія эти въ нынѣшнемъ году были вообще необыкновенно шумныя, особенно при разсмотрѣніи параграфовъ адреса, относящихся до италіанскихъ и швейцарскихъ дѣлъ и до такъ-называемыхъ реформистскихъ банкетовъ. Въ за-сѣданіи 24 января, по прочтеніи президентомъ перваго параграфа, на ораторскую кафедру взошелъ г. *Готье де Рюмилли*, депутатъ лѣваго центра. Онъ произнесъ рѣчь противъ министерства, исполненную упрековъ всякаго рода, и преимущественно обратилъ вниманіе на состояніе земледѣлія во Франціи, которое изобразилъ крайне запущеннымъ и жалкимъ. Недостатокъ сѣятныхъ припасовъ, причинившій столько

К. Ц. — Отд. II.

бѣдствій, приписывалъ онъ министерству, которое не приняло своевременныхъ мѣръ, когда еще въ 1846 году можно было удостовѣриться о дурномъ состоянн жатвы. Еслибы были учреждены земледѣльскія палаты, столь давно и напрасно требуемая, то легко можно было бы имѣть точныя статистическія свѣдѣнія о состоянн полей въ каждомъ округѣ и принять мѣры къ устраненію многихъ бѣдствій голода. Г. *Дарблѣ* сказалъ съ своего мѣста нѣсколько словъ о произвольномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на хлѣбныхъ рынкахъ и замѣтилъ сколь необходимо искоренить подобное злоупотребленіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ старался опровергнуть показанія г. *Рюмилли*. Префекты департаментовъ ежегодно собираютъ свѣдѣнія о состоянн посѣвовъ. Въ 1846 году все обѣщало обильную жатву, даже въ концѣ августа всѣ признаки были благопріятны, и только въ сентябрѣ удостовѣрились, что надежда на обильный сборъ не исполнится. Съ той минуты, правительство приняло свои мѣры и дозволило ввозъ иностраннаго хлѣба, который освободило отъ платы разничной пошлины. Подобныя мѣры были приняты безъ шума, чтобы не возбудить въ умахъ опасеній. Французское управленіе упрекаютъ въ неосторожности: но развѣ Англія, Германія, Швейцарія, Италія были лучше защищены отъ кризиса? Эти государства пострадали отъ него болѣе, нежели Франція. Этому никто не можетъ оспорить. За тѣмъ, министръ представилъ палатѣ обзорніе беспошлиннаго ввоза иностраннаго хлѣба во Францію съ 4 сентября 1846 года до окончанія кризиса. — *Эмиль Жирардель* утверждаетъ, что въ теченіе послѣднихъ семнадцати лѣтъ управленіемъ рѣшительно ничего не сдѣлано въ пользу земледѣлія, и что министерство обязано въ этомъ отношеніи отчетомъ палатѣ. Министръ торговли и земледѣлія старался доказать, что напротивъ того сдѣлано все, что только было возможно, исправлены и умножены пути сообщенія, распространены земледѣльскія школы, улучшены разныя другія учрежденія по этой части и проч. На эти показанія министру не последовало возраженій. Палата ветеринариво стала требовать балетировки перваго параграфа, который и былъ принятъ. — Вто-

рою параграфъ, какъ извѣстно, отвергнута преимущественно дефиницией. Г. *Лонг Фаше* находилъ весьма ненадежными общіяше министерства возстановить равновѣсія между государственными расходами и доходами. Онъ вообще утверждалъ, что финансы находятся въ замутанномъ положеніи, и что условія послѣдняго займа чрезвычайно тягостны. Г. *Беррье* потребовалъ сообщенія документовъ, относящихся до переговоровъ графа *Валескаго* на счетъ дѣлъ Ла-Платы. Президентъ совѣта объявилъ, что переговоры начаты снова, и что при такихъ обстоятельствахъ требованіе г. *Беррье* не должно быть принято. Г. *Ластери* находилъ положеніе финансовъ весьма неудовлетворительнымъ. Послѣ возраженій министра Финансовъ, дальнѣйшія пренія о второмъ параграфѣ адреса были отложены. Въ засѣданіи 25 января г. *Ашиль Гумье* утверждалъ, что, со вступленія въ должность теперешняго министра Финансовъ, положеніе финансовъ сдѣлалось еще хуже. Планы его: онъ находилъ столь же неудовлетворительными, какъ и прежде, но соглашался съ министрами, что запасные капиталы нассы дегаженія долговъ сдѣлаютъ причислить къ обыкновеннымъ источникамъ государственнаго бюджета. — Г. *Гарнье Пажессъ* оспаривалъ это мнѣніе и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о состояніи государственнаго долга, о дѣйствіяхъ французскаго банка, и о послѣднемъ займѣ, который находилъ весьма невыгоднымъ. Министръ Финансовъ защищалъ банкъ противъ упрековъ, сдѣланныхъ г. *Гарнье Пажессемъ* и вообще старался доказать, что состояніе общественнаго финансоваго кредита въ настоящее время удовлетворительно. Послѣ того взошелъ на кафедру г. *Тьеръ*. Онъ замѣтилъ, что не раздѣляетъ вѣсѣхъ опасеній ораторовъ, говорившихъ о дурномъ состояніи финансовъ, но также не раздѣляетъ полного довѣрія, изъявленнаго министромъ Финансовъ. Преувѣщеніе опасеній есть зло, но слишкомъ большая довѣренность также опасна. Послѣ обзора финансовъ, представлеваго самимъ министромъ, дѣйствительно трудно повать его довѣрію къ будущему. Факты важнѣе словъ. Когда министру говорятъ о дефицитѣ, онъ напрасно указываетъ на неурожаи и наводненія; когда говорятъ объ умень-

пени доходовъ, сравнительно съ расходами, онъ отвѣчаетъ, что чрезъ шесть или семь лѣтъ все сравняется, и Франція будетъ богата. Когда нападаютъ на случайности, могущія поколебать кредитъ, онъ отвѣчаетъ, что правительству, желающему мира, нечего опасаться такихъ обстоятельствъ. Г. *Тьеръ* старался доказать послѣ того цифраны, сколь разорительна настоящая финансовая система. Г. *Мюре де Боръ* ссылаясь на невѣрность цифръ, показанныхъ г. *Тьеромъ*; потомъ переходя къ вопросу о чрезвычайныхъ работахъ, замѣтилъ, что къ концу 1848 г. будетъ издержано только 109 милл. на публичныя работы. Министръ Финансовъ также старался доказать невѣрность расчетовъ г. *Тьера*. Послѣ него говорили *Жюль де Ластери*, опять *Тьеръ*, которому снова возражалъ г. *Дюмонъ*, наконецъ гг. *Делонкрэ* и *Фульдъ*. — Въ засѣданіи 26 января г. *Кремель* предложилъ слѣдующее измѣненіе втораго параграфа адреса: «Мы будемъ тщательно стараться о томъ, чтобы наши государственные доходы и расходы привести въ тѣ предѣлы, которыхъ требуетъ положеніе нашихъ финансовъ для установленія равновѣсія». Послѣ длинной рѣчи, въ которой старался доказать основательность своего мнѣнія, онъ, однакожъ, взявъ свое предложеніе обратно, и второй параграфъ остался неизмѣненнымъ. Третій параграфъ, касающійся предположеннаго поппженія водати на соль, былъ также утвержденъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. — Въ засѣданіи 27 января, г. *Бильо* предложилъ слѣдующее измѣненіе къ четвертому параграфу проскта адреса: «Желаемъ, виѣстѣ съ Вашимъ Величествомъ, чтобы правительство ваше постоянно стремилось прежде всего къ развитію народной нравственности, и старалось не ослаблять ее пагубными примѣрами.» Этотъ депутатъ развилъ свое предложеніе въ весьма сильной рѣчи противъ министерства, и въ особенности противъ г. *Гизо*. — г. *Лессенсъ*, прежній редакторъ газ. *Commerce*, братъ генеральнаго консула въ Барселонѣ, говорилъ о злоупотребленіяхъ въ тюрьмѣ въ Клервѣ и другихъ мѣстахъ, о которыхъ такъ много было писано въ журналахъ, о процессахъ противъ генерала *Кюбьера*, г. *Теста*, и о дѣлѣ *Варнери*. Потомъ онъ обра-

тился съ вопросомъ относительно этихъ происшествій къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. *Дюшателю*. Министръ хотѣлъ отвѣчать, но въ это время въ палатѣ произошелъ шумъ, и на кафедре взошелъ г. *Токвилль*, который, въ длинной рѣчи своей, сперва распространился о людскихъ страстяхъ вообще, потомъ перешелъ къ нынѣшнему состоянію правовъ и, наконецъ, обратился къ личнымъ нападеніямъ. Въ особенности возставалъ онъ противъ г. *Гизо*. Потомъ говорилъ депутатъ консервативной партіи г. *Девенъ* (изъ Ліона). Его рѣчь была направлена противъ предложеннаго г-мъ *Билло* измѣненія, въ которомъ послѣдній выражаетъ свою недовѣрчивость къ правительству, и противъ оппозиціи вообще. «Говорятъ, сказалъ онъ, объ упадкѣ общественныхъ правовъ. Кто жъ этому виною, какъ не оппозиція, которая не шадитъ въ своихъ журналахъ и сочиненіяхъ религіи и прославляетъ Робеспьера и Марата?» (*Выраженіе неудовольствія съ лѣвой стороны.*) Рѣчь его произвела большое впечатлѣніе на палату. Хотя члены центра требовали собиранія голосовъ, однако же преніе было еще разъ отсрочено, потому-что г. *Гизо* самъ объявилъ: «Что доколѣ хотя одинъ членъ будетъ требовать продолженія этого пренія, онъ первый будетъ поддерживать его предложеніе.» Въ засѣданіи 28 января г. *Эмиль Жирарденъ*, по поводу измѣненія, предложеннаго къ четвертому параграфу адреса г-мъ *Билло*, произнесъ сильную рѣчь противъ министерства, причислившую необыкновенное волненіе въ палатѣ. Когда волненіе утихло, на ораторскую кафедру взошелъ г. *Дюфоръ* и объявлялъ, что онъ подастъ голосъ въ пользу означеннаго измѣненія, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ никакой личности и есть чисто политическое объясненіе. Оппозиція полагаетъ, что правила, которыми руководствуется министерство, не соответствуютъ важнѣйшимъ интересамъ страны, что нынѣшній кабинетъ вообще въ дѣйствіяхъ своихъ расходится съ общественнымъ мнѣніемъ и слишкомъ увлекается частными интересами. Въ этомъ заключается основная мысль измѣненія, мысль, которую оправдываютъ нѣкоторыя дѣйствія лицъ, управляющихъ нынѣ дѣлами. Дѣйствія эти неоспорно должны поколебать

власть и нанести удар общественной нравственности. Слова добавочной статьи согласуются, впрочем, съ уваженіемъ подобающимъ каждому янцу отдѣльно. Ораторъ перешелъ потому къ внутренней политикѣ кабинета и старался доказать, что, въ послѣднее время, она во многихъ и притомъ въ важныхъ случаяхъ навлекла на себя справедливое нареканіе. Въ заключеніе онъ сказалъ, что оппозиція предложила помянутое измѣненіе съ тою только цѣлю, чтобы побудить кабинетъ рѣшительно отказаться отъ вредныхъ уклоненій своихъ отъ прямого пути, такъ какъ въ этомъ заключается для него единственное средство удержать за собою власть и влияние на дѣла. — Послѣ нѣсколькихъ словъ министра графа *Дюамеля*, измѣненіе г. *Билло* было, однако же, отвергнуто весьма значительнымъ большинствомъ, и четвертый параграфъ отвѣтнаго адреса былъ принятъ. — 29 января происходили пренія о пятомъ параграфѣ отвѣтнаго адреса, относящемся до вѣннской политики. Г. *Ламартинъ* произнесъ краснорѣчивую рѣчь о прежнему и нынѣшнему положеніи Италіи и частью Швейцаріи, и рассуждалъ объ отношеніяхъ Франціи къ этимъ двумъ государствамъ. Онъ осыпалъ всевозможными похвалами вану *Нія IX*, описывалъ самыя поэтическия краски будущность Италіи, но вообще сказалъ мало положительнаго. Увлекаясь поэтическими картинками и сравненіями, онъ часто нарушалъ логическую связь въ изложеніи и даже иногда самъ себя противорѣчалъ. Г. *Ламартинъ* не одобрялъ политики нынѣшняго министерства въ отношеніи къ Италіи, называлъ ее нерѣшительною и неосторожною. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что министерство, желая приобрести расположеніе и шаны, и Австріи, лишилось только нѣ довѣрія. За тѣмъ онъ сравнивалъ дѣйствія реставраціи относительно Италіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ, съ дѣйствіями теперешняго кабинета, и вносилъ отдалавъ преимущество тогдашнему правительству передъ Юльскимъ. Въ подтвержденіе своихъ замѣчаній о нерѣшительности министерства, постоянно приближающаго къ помурѣмъ изъ опасенія навлечь чью-быто-ли было вражду, онъ сослался на предостереженныя имъ въ началу дипломатическіе документы и на

инструкция, полученная графомъ Россд. Никитичемъ, ошибочная, по мнению оратора, направление французской политики принималъ онъ преимущественно веренѣе, происшедшей въ этой политикѣ со времени испанскихъ бракосочетаній: Политика, которой слѣдовали въ Испаніи, имѣла слѣдствіемъ разрывъ союза съ Англіею и совершенно изгнана вѣчными отвращеніи Франціи. Речь г. Ламартина продолжалась два часа; не смотря на цѣлѣ краснорѣчія и поэзіи, которыми онъ старался ее украсить, она утомила палату. Послѣ него всталъ на ораторскую кафедру г. Лизо, который отвѣчалъ съ искусствомъ государственнаго человѣка и политика на замѣчанія оратора-поэта.

Г. Лизо въ рѣчи своей сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Политика наша основывается на постоянномъ и положительномъ правѣ, на признанныхъ и существующихъ фактахъ, — этихъ руководствуется всякое мудрое и хорошо организованное правительство. Означенное положительное право отвергаетъ войну, отвергаетъ революцію. Италия представляетъ для нашей политики тройной интересъ: интересъ европейскаго равновѣсія, интересъ религіозный, наконецъ интересъ либеральныхъ и умѣренныхъ постановленій. Что предвсказываетъ намъ интересъ европейскаго равновѣсія въ отношеніи къ Италиі? Чтобы тамъ не владычествовало ни одно государство, начиная съ самой Франціи, и ручательство того заключается въ независимости итальянскихъ владѣтелей. Лучшій способъ упрочить свою независимость состоитъ въ томъ, чтобы доказать ее на дѣлѣ. Не доказываютъ ли послѣднія дѣйствія итальянскихъ правительствъ, въ особенности же папы, великаго герцога тосканскаго и короля сардинскаго, ихъ независимость и устраненіе всякаго посторонняго вліянія на ихъ внутреннія дѣла и политическія преобразованія. Мы, съ своей стороны, оказали всевозможное содѣйствіе этой независимости итальянскихъ государей; предусмотрительно наблюдая, чтобы это содѣйствіе наше не ушло изъ за предѣлы ихъ собственной воли. Но случаю вопросовъ о Феррарѣ и Физинцано, мы въ первыхъ нашихъ общахъ итальянскихъ правительствахъ, пошло чашу въ вой мѣри, въ законъ они того желали. Завѣсь

я долженъ отдать справедливость умѣренности одной союзной державы. Австрія не препятствовала развитію независимости италяискихъ владѣтелей; Австрія въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствовала съ большою умѣренностію..... (*Восклицанія и возраженія съ лъвой стороны*). Повторяю, милостивые государи, что Австрія дѣйствовала въ этихъ затруднительныхъ для нея обстоятельствахъ съ большою умѣренностію. Утверждать противное, значитъ говорить вопреки справедливости и истины. (*Новыя восклицанія.*) Президентъ: Къ порядку! къ порядку! Г. Гизо: «Почтенные члены, меня прерывающіе, не заставить меня отказаться отъ словъ моихъ и я, пользуясь ораторскимъ правомъ, утверждаю снова, что посреди кризиса, волнующаго Италию, независимость тамошнихъ владѣтелей сдѣлала успѣхи, что мы содѣйствовали этимъ успѣхамъ въ границахъ политическаго приличія, и что Вѣнскій Кабинетъ дѣйствовалъ съ большою умѣренностію. Такимъ образомъ интересы Франціи во всемъ, что касается до равновѣсія Европы, не были нарушены въ Италиі. Теперь коснусь вопроса о европейскомъ мирѣ. Уже много лѣтъ всѣ мы говорили объ уваженіи договоровъ. Мы считаемъ трактаты 1815 года основаніемъ настоящаго европейскаго устройства, основаніемъ общаго порядка, и признаемъ необходимость этого основанія для блага всѣхъ, для блага Франціи и цѣлой Европы. (*Шумъ. Новое приглашеніе Президента къ порядку.*) Отъ уваженія договоровъ зависитъ сохраненіе общаго мира, и всякій разсудительный человѣкъ знаетъ, что въ настоящее время нѣтъ отдѣльнаго вопроса о мирѣ въ Евроцѣ; что все находится въ связи и взаимно себя поддерживаетъ. Вопросъ о спокойствіи Италиі неизбѣжно составляетъ вопросъ о европейскомъ мирѣ. Спокойствію Италиі угрожаетъ опасность. Политическія страсти желали бы, чтобы возгорѣлась война на полуостровѣ, войною хотятъ вытѣснить Австрію изъ Италиі, стремятся къ измѣненію общихъ границъ ея. Ужели вы думаете, что Австрія не будетъ защищаться, и что въ случаѣ защиты она будетъ дѣйствовать одна? При самомъ началѣ броженія въ Италиі, Австрія объявила главнымъ европейскимъ кабинетамъ, что не намѣрена виѣшиваться во внутреннія дѣла италяискихъ госу-

дарствъ; что не хочетъ препятствоватьъ внутреннимъ реформамъ, которыя найдутъ приличнымъ вводить въ своихъ владѣнiяхъ италiянскiе государи, но что она не можетъ допустить измѣненiя существующихъ границъ, и напередъ просить согласiя кабинетовъ на счетъ поддержанiя *statu quo* относительно этого вопроса. Кабинеты изъявили свое согласiе, замѣтивъ, что Австрiя имѣетъ полное право поддерживать неприкосновенность границъ въ Италiи, такъ какъ эта неприкосновенность основана на существующихъ договорахъ, тѣсно связана съ интересами цѣлой Европы и вообще касается общаго мира. Все это должно убѣдить васъ, Ми. Гг., что политика наша въ отношенiи къ Италiи имѣетъ главною цѣлю поддержанiе европейскаго мира. Теперь обратимся къ интересамъ религiознымъ. Въ чемъ заключается пылъ преобладающiй интересъ для Францiи въ религiозной ея политикѣ? Въ искреннемъ и глубокомъ примиренiи религiи съ новѣйшимъ обществомъ, съ его правами, идеями и постановленiями. Всѣ благомыслящiе люди чувствуютъ необходимость этого примиренiя, и много было сдѣлано съ разныхъ сторонъ, хотя неудачныхъ, но благородныхъ попытокъ къ восстановленiю согласiя между обществомъ браннымъ и переходящимъ, и вѣрванiями вѣчными и неизмѣнными. Попытки были дѣйствительно неудачны, потому-что нерѣдко сопровождались ослѣпленiемъ страстей; но въ настоящее время этотъ важный вопросъ принялъ оборотъ болѣе благоприятный. Самъ глава католической церкви, столь хорошо понимающiй интересы, идеи и чувствованiя новѣйшаго общества, призналъ необходимость великаго примиренiя, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Известно ли вамъ однакоже, милостивые государи, въ чемъ заключается главное условiе успѣха благороднаго предпрiятiя Пii IX? Въ томъ, чтобы не требовать отъ него того, чего онъ не можетъ и не долженъ дѣлать, какъ папа. Верховная власть его, какъ духовнаго лица, и свѣтскiя условiя этой власти должны оставаться неприкосновенными. Отъ власти этой можно надѣяться примиренiя религiи съ обществомъ; но нельзя требовать, чтобы она сама себя уничтожила. Для блага Италiи необходимо, чтобы она сохранялась во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей непри-

косарственности. Къ сожалѣнью должно признаться, что папа находится нынѣ подъ вліаніемъ двухъ силъ, равно для него вредныя, которыя стараются сдѣлать его орудіемъ своихъ стремленій. Его хотятъ употребить орудіемъ войны противъ Австріи и сдѣлать поборникомъ радикальныхъ и революціонныхъ теорій, хотятъ воспользоваться его благоразумными реформами для измѣненія границъ Италіи и для введенія почти республиканскихъ формъ въ ея политическомъ устройствѣ. Но папа можетъ быть только представителемъ порядка и мира; онъ можетъ только стремиться къ правильному и мирному улучшенію общественной организаціи. Вотъ, милостивые государи, въ чей заключаетъ мудрая, религіозная политика, которую мы поддерживаемъ и постоянно будемъ поддерживать въ Италіи.

Г. Карло, открывшій засѣданіе 31-го января продолженіемъ преній о дѣлахъ италіянскихъ, сказалъ, что чтеніе сообщенныхъ г. Гизо актовъ о дѣлахъ Италіи заставляетъ его сдѣлать нѣсколько замчаній. Упомянувъ о бышнемъ до восшествія на престолъ папы, онъ перешелъ къ тому времени, когда реформы его обратили на него вниманіе дѣлой Европы. «Какой политикъ должны были, продолжалъ ораторъ, держаться наши представители? Они должны были поддерживать политику папы, но не поддерживали ее, и принимавшихъ его реформы называли безпокойными и склонными къ переменамъ. Я утверждаю, что въ Италіи нѣтъ никакихъ политическихъ партій, и единственная перемена тамъ — избраніе папы, привязаннаго къ свободнымъ началамъ. Говорятъ, что Австрія только ожидаетъ случая напасть на Италію, но это несправедливо; Австріяци вредъ ширшій, и только въ Италіи кажутся въ другомъ свѣтѣ. Я призываю за Италію право стремиться къ политическимъ учрежденіямъ и реформамъ безъ вниманія другихъ державъ.»

— Г. д'Оссониль: «Я расположенъ въ пользу италіянскихъ реформъ, не имѣю опасенія. Въ палатѣ было уже сказано, что Франція обязана заботиться о будущности Италіи, и что безъ Австріи ничего впрочемъ не будетъ тамъ произведено. И то и другое ложно; я думаю, что Франція можетъ столько же способствовать, сколько Австрія вредитъ Италіи, но

будущности их зависить отъ ней самой. Есть люди, которые повидимому заботятся о реформахъ, но въ самомъ дѣлѣ хотѣтъ только произвести революцію, для того, чтобы измѣнить отношеніе областей; въ этомъ-то и состоитъ опасность. Отношенія Австріи къ Италіи утверждены договоромъ 1815 г.: Австрія не уступитъ своего права и будетъ поддерживаема великими державами. Но, при участіи Франціи, Австрія не будетъ противиться внутреннимъ улучшеніямъ Италіи, полезнымъ для нея.»—Г. *Демуссо де Жювр* также сказалъ нѣсколько словъ объ Италіи.—Г. *Тьеръ* въ своихъ разсужденіяхъ объ италіанскихъ дѣлахъ сказалъ, что надобно все предоставить времени и сохранять договоры, пока война и мечъ не уничтожатъ ихъ значенія. Потомъ онъ разсматривалъ отдѣльныя части рѣчи г-на *Гизо*, произнесенной третьягодня, и наконецъ объяснялъ значеніе отвѣта Англіи на ноту Австріи, въ которой послѣдняя не допускаетъ никакой перемѣны въ распредѣленіи областей въ Италіи.—Г. *Гизо* оправдывалъ политику Франціи относительно Италіи; говорилъ, что сожалѣтъ о строгостяхъ, употребленныхъ въ Палермо. Послѣ того говорилъ еще г. *Одильонъ-Барро*. Оппозиція не сдѣлала однакожъ никакого предложенія, и пятый параграфъ адреса о дѣлахъ Италіи былъ принятъ.

Въ засѣданіи 2-го февраля г. *Тьеръ* произнесъ длинную рѣчь о швейцарскомъ вопросѣ. Онъ, какъ и надобно было ожидать, сильно нападалъ на политику г. *Гизо* и преимущественно упрекалъ его въ поддержкѣ, оказанной семи кантонамъ, заключившимъ Зондербундъ. Изложивъ въ самомъ началѣ рѣчи своей многія подробности, касающіяся до исторіи Швейцаріи вообще (какъ бы на какой исторической лекціи), г. *Тьеръ* разсмотрѣлъ потомъ обстоятельства, сопровождавшія образованіе швейцарскаго союза въ 1815 году, и описавъ возникшій послѣ того несогласіа между отдѣльными кантонами, замѣтилъ, что партія Зондербунда, первая начала возстаніе и прежде еще отправляла изъ Люцерна агентовъ своихъ, преимущественно іезуитовъ, въ другіе кантоны, чтобы посягать тамъ на неудовольствія и возбуждать фанатиковъ къ возстанію противъ правительства. Означенные кантоны, давшіе убѣжи-

еще иезуитамъ и сдѣлавшіеся потомъ жертвою ихъ, происковъ, не имѣли права заключать вооруженный, отдѣльный союзъ среди швейцарскаго союза. Г. Тьеръ рѣшительно признаетъ ихъ мятежными противъ союза и противъ центральной власти сейма и полагаетъ, что сеймъ, послѣ усмирения этихъ кантоновъ, имѣлъ полное право наложить на нихъ денежную контрибуцію. Далѣе Г. Тьеръ оспаривалъ право вмѣшательства въ швейцарскія дѣла со стороны французскихъ министровъ, которые въ этомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, явно пожертвовали интересами Франціи. Сравнивая дѣйствія выпѣшняго кабинета въ Испаніи, Италіи и Швейцаріи, ораторъ утверждалъ, что кабинетъ поступилъ неосмотрительно и слишкомъ равнодушно въ отношеніи Донъ-Карлоса, дѣйствовалъ въ Италіи слишкомъ робко, а въ Швейцаріи принялъ сторону неправой партіи. Швейцарія желаетъ только измѣнить договоръ о союзѣ и имѣть на то полное право. Нейтралитетъ Швейцаріи могъ бы доставить Франціи великія выгоды. Швейцарія должна быть оплотомъ Франціи. Но умѣренная партія не существуетъ болѣе для примиренія революціи съ такъ называемою контрреволюціею, которая дважды призывала Австрійцевъ, дважды сдавала базельскій мостъ и впослѣдствіи, конечно, сдѣлаетъ тоже, чтобы очистить путь непріятелю во Францію. Въ этомъ — то отношеніи министерство и окопирометировало интересы Франціи. — Когда г-нъ Тьеръ кончилъ свою рѣчь, изъ которой приведены здѣсь только умѣреннѣйшія мѣста, то всѣ надѣялись, что на ораторскую кафедру взойдетъ г. Гизо, чтобы отвѣчать своему политическому противнику; но Г. Гизо до того оспиръ въ слѣдствіе грѣпа, что долженъ былъ извиниться невозможностію говорить въ тотъ день.

Добавочная статья, предложенная къ параграфу отвѣтнаго адреса, относящемуся до Швейцаріи, г. Мальгенемъ (Malgaigne), заключалась въ слѣдующемъ: послѣ словъ «доброжелательное посредничество» слѣдуетъ сказать: «Мы радуемся, что Швейцарія въ состояніи была собственными своими успіями выйти изъ этого опаснаго кризиса; мы въ особенности желаемъ, чтобы она въ предложенномъ посредничествѣ видѣла доказательство старинной дружбы Франціи безъ вся-

наго съ нашей стороны намѣренія вмѣшиваться во внутреннія ея дѣла. Всякому народу принадлежитъ право приводить въ порядокъ и измѣнять свои учрежденія; но Швейцарія признаетъ какъ мы надѣемся..... (слѣдуютъ слова первоначальнаго проекта адреса) «что она только при уваженіи общихъ правъ и при сохраненіи главнѣйшихъ основаній швейцарскаго союза можетъ упрочить свое благосостояніе и исполнить условія, на которыхъ Еврона намѣревалась утвердить ея безопасность.»

Въ засѣданіи 2-го февраля на рѣчь г. *Тьера* о швейцарскихъ дѣлахъ г. *Гизо* отвѣчалъ между прочимъ слѣдующее: «Я намѣренъ представить факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и надѣюсь, что палата оцѣнитъ достойнымъ образомъ политику, провозглашаемую Г. *Тьеромъ*. Онъ сказалъ, что союзные государи оставались чуждыми договору швейцарскаго союза. Это несправедливо, потому что уполномоченные ихъ принимали участіе въ занятіяхъ сейма при составленіи означеннаго договора. Швейцарскій союзъ былъ преобразованъ при содѣйствіи и ручательствѣ великихъ державъ; выгоды, ему предоставленныя, основаны на важныхъ началахъ и безъ нихъ не дѣйствительны. Если договоръ союза и можетъ быть измѣненъ въ частностяхъ, то тѣмъ не менѣе долженъ согласоваться съ основными правилами первоначальнаго уложенія. Этого въ политикѣ нашей мы никогда не выпускали изъ виду, и всѣ совѣты наши, которые мы считали необходимыми для Швейцаріи, никогда не переступали за предѣлы умѣренности. Въ словахъ нашихъ не было ни угрозъ, ни робости; всякій легко можетъ удостовѣриться въ томъ изъ нотъ, адресованныхъ нами на ния сейма. Обращаюсь теперь къ главному вопросу. Въ чемъ заключалась причина или предлогъ къ происшедшему столкновенію? Не обинуясь буду говорить здѣсь объ іезуитахъ. Прежде вопросъ о народномъ воспитаніи считался дѣломъ правительства кантоновъ; но когда философская партія пригласила доктора *Штрауса* въ Цюрихъ, можно ли было оспаривать у партіи католической право пригласить іезуитовъ въ Люцернъ? Имѣя на то дѣйствительное право, Люцернъ воспользовался имъ практическимъ и политическимъ образомъ; я всегда сожалѣлъ о томъ. Впрочемъ въ тогдашнее время Лю-

царя дерно можно было извинить, потому-что независимости его угрожала такая опасность. Защищая Люцеръ и Зольдербундъ, мы поддерживали только ихъ права и свободу. Они составляли протѣвственную партію, и Франція не могла колебаться. Насмѣя торжествующаго радикализма стараются предсказать теперь въ смягченномъ видѣ; но фактовъ извинить не-возможно. Наконецъ только о декретѣ временнаго правленія Фрибурга на счетъ изгнанія всѣхъ корпорацій со включеніемъ Сестеръ Милосердія и Братцевъ Христіанскихъ школъ; о декретѣ модернаго правительства на счетъ закона о выборахъ, объ удавленіи первыхъ духовныхъ лицъ и отличійныхъ офицеровъ арміи сюза. Подобныхъ случаевъ было множество. А какими средствами рѣшались выборы въ полубу радикаловъ? Насмѣя и хитростію. Въ Швейцаріи восторжествовала слѣдовательно не правое дѣло. Нравственность также ничего не могла выиграть, потому-что революціонные кризисы всегда наносятъ ей жестокіе удары. Въ этомъ отношеніи происходить теперь въ Швейцаріи страшная дезорганизациа; тамъ систематически дѣйствуютъ противъ нравственности и религіозныхъ вѣрованій; явно вызываютъ къ безбожію и влукуютъ несчастный народъ къ погибели. Я очень хорошо знаю, что швейцарское правительство не одобряетъ такого направленія умовъ, но оно тѣмъ не менѣе стремится къ своей цѣли; старая Швейцарія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрушается, и я надѣюсь, что не меня будутъ обвинять въ томъ. Дѣло, которое мы поддерживали въ Швейцаріи нашими соображеніями, и на враждебными проявленіями, есть дѣло независимости права и нравственности. Г. Тьеръ спрашиваетъ, не страшна ли мы свободной Швейцаріи? Нѣтъ; но мы полагаемъ, что существуютъ основныя постановленія, которыхъ нельзя нарушать, не подвергаясь опасности. Г. Тьеръ сравнивалъ вчера революцію съ контръ-революцію. Я рѣшительно протестую противъ этихъ выраженій; они совершенно ложны. Ни во Франціи, ни въ Швейцаріи вовсе не существуетъ теперь борьбы между революцію и контръ-революцію. Существуютъ лишь только остатки прежнихъ партій, но и тѣ исчезаютъ. Въ Швейцаріи и во Франціи происходитъ только борьба между умѣренными

правительствами и радикальными партіями. Въ этомъ-то и заключается однакожь опасность. Хотите ли знать какого мѣнія былъ прежде Г. Тьеръ объ этомъ вопросѣ и какъ говорилъ онъ о швейцарскихъ радикалахъ?» Ораторъ прочиталъ многоя мѣста изъ депешъ, адресованныхъ Г-мъ Тьеромъ въ 1836 году на имя тогдашняго французскаго посланника въ Швейцарію, въ которыхъ онъ рѣшительно объявляетъ себя противъ интригъ тамошнихъ радикаловъ, признавая ихъ крайне опасными для спокойствія сосѣднихъ государствъ и присовокупляетъ, что ихъ ни подъ какимъ видомъ терять не должно. «Я никогда, продолжалъ г. Гизо, не выражался съ такою строгостію и откровенностію на счетъ швейцарскихъ радикаловъ, какъ г. Тьеръ въ то время.» Г. Тьеръ прервалъ министра и также прочиталъ нѣсколько мѣстъ изъ помннутыхъ депешъ, чтобъ доказать, что онъ рѣшительно устранился отъ предложенія князя Меттерниха дѣйствовать общими силами противъ швейцарскихъ радикаловъ, и утверждалъ, что положеніе тогдашнихъ дѣлъ было иное.—Г. Гизо: «Положеніе дѣлъ нынѣ столь же опасно, какъ и въ 1836 г.; владычество радикаловъ распространено не менѣе тогдашняго. Июльскій переворотъ оживилъ, какъ извѣстно, ихъ надежды. Тщетно вскали они страны, гдѣ бы могли овладѣть правительствомъ для распространенія своихъ дѣйствій. Въ Швейцаріи имъ удалось въ первый разъ основаться и оттуда надѣются они дѣйствовать на всю Европу. Эта ядовитая и неукротимая змѣя сдѣлалась опаснѣе прежняго. Скажу, не обманувшись, что радикальная Швейцарія гибельна по своему вліянію для всѣхъ націй, для всѣхъ интересовъ, основанныхъ на законности, для всѣхъ интересовъ независимости и мира. Швейцарію намѣреваются сдѣлать орудіемъ для низпроверженія порядка въ Италіи и въ другихъ частяхъ Европы. Мы не хотѣли допустить осуществленіе такого замысла; но для уничтоженія его не прибѣгли къ силѣ; мы удовольствовались совѣтами, указывали Швейцаріи на истинные ея интересы и на опасность, которой она подвергается, позволяя наслѣпо и политическимъ страстямъ влечь себя въ пропасть. Намъ упрекаютъ въ томъ, что мы подавали совѣты не вмѣстѣ съ други-

ми державами; но впоследствии, державы одобрили нашу политику и присоединились къ нашимъ умѣреннымъ дѣйствіямъ. Для самолюбія нашего это можетъ быть только лестно. Въ настоящее время Европа единодушно подаетъ совѣты Швейцаріи. Этимъ единодушіемъ только и можно достигнуть цѣли и возстановить спокойствіе въ Швейцаріи. Благодѣтельные результаты начинаютъ уже обнаруживаться. Чувства порядка, независимости и справедливости начинаютъ мало-по-малу распространяться и, можетъ быть, скоро будутъ преобладающими. Лица, игравшіе главную роль въ послѣднихъ событіяхъ, начинаютъ сознавать страшную опасность, которой подвергали свое отечество. Пройдетъ еще немногое времени и они вполне удостовѣрятся, что мы лучше, нежели они сами, понимали ихъ истинные интересы, что они намъ обязаны сохраненіемъ независимости и постановленій ихъ отечества и что въ насъ они имѣютъ истинныхъ друзей.» (*Одобреніе центра*). Послѣ рѣчи, произнесенной г. *Одилономъ-Барро* противъ министерства, которому онъ совѣтовалъ для довершенія своего дѣла употребить ту же самую политику и въ отношеніи къ Италіи, президентъ напомнилъ палатѣ о добавочной статьѣ, предложенной къ шестому параграфу адреса г. *Мальеномъ*. Добавочную статью эту, однакожь, никто не поддерживалъ и она была устранена, послѣ чего палата приступила къ балотировкѣ шестаго параграфа. Онъ былъ утвержденъ большинствомъ 206 голосовъ противъ 126. Седьмой параграфъ адреса былъ равнымъ образомъ принятъ.

Въ засѣданіи 4 го февраля происходили совѣшанія о восьмомъ параграфѣ адреса, въ которомъ упоминается о сношеніяхъ съ Ла-Платою. Г. *Гизо* сказалъ, что онъ ничего положительнаго не можетъ еще сообщить объ этомъ дѣлѣ, потому что въ настоящее время продолжаются переговоры съ Ла-Платою. Г. *Левазиссеръ* однако же сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ вопросѣ. Г. *Друзиъ де Люи* порицалъ дѣла съ Ла-Платой, говоря, что уже 7 лѣтъ Франція посылаетъ туда посланника за посланникомъ, а дѣло не подвигается впередъ. Г. *Лакроссъ* сказалъ, что правительство, ко вреду интересовъ Франціи, своимъ молчаніемъ заставляетъ прекратить пренія. 8-й

параграфъ былъ принятъ и приступлено къ 9-му. — *Г. Лербеттъ*: «Я считаю нужнымъ, прежде общихъ разсужденій объ Алжирѣ, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о поступкахъ министерства, именно о вредѣ назначенія въ должность генералъ-губернатора Алжира принца, поставившаго правительство въ затруднительное положеніе. (*Генералъ Ламорисьеръ*: Я требую слова). Я не касаюсь здѣсь генерала *Ламорисьера*, потому что онъ имѣлъ начальника, распорядженія котораго онъ долженъ былъ повиноваться. Что касается до министровъ, то они только исполнители, орудія системы, а не дѣйствительн.» — *Г. Гизо* съ жаромъ защищался отъ этихъ обвиненій и между прочимъ сказалъ: «Правительство никогда серьезно не думало о вице-королевствѣ въ Алжирѣ; оно считало назначеніе принца Оизальскаго, послѣ просьбы генерала *Бюжо* объ увольненіи, лучшимъ для произведенія впечатлѣнія на арабскихъ начальниковъ. Почему же исключать прицезвъ отъ должностей, если они могутъ выказать свои способности и принести пользу? Правительство всегда будетъ такъ дѣйствовать, когда сочтетъ нужнымъ.» *Г. Лербеттъ* остался при своихъ убѣжденіяхъ, послѣ чего засѣданіе было закрыто.

Въ засѣданіи 5 февраля происходили пренія объ Алжирѣ. Первый на ораторскую кафедру взошелъ маршалъ *Бюжо*, сказавшій между прочимъ слѣдующее: «Событія, окончившія войну въ Алжирѣ, подають надежду, что пожертвованія со стороны Франціи и издержки на африканскую нашу колонію будутъ уменьшены. Радуюсь изложенію Эмира, но это счастливое событіе не должно служить къ усыпленію нашей осторожности и нашей бдительности, а потому убѣждаю палату не слишкомъ уменьшать нашу африканскую армію; не забудьте, что во владѣніяхъ нашихъ есть небольшая горная страна, которая еще намъ не повинуется. Сверхъ того остается еще исполнить важное дѣло, а именно устроить колонизацію, для которой до сихъ поръ такъ мало сдѣлано и планъ которой, по моему мнѣнію, ошибоченъ. Для упроченія завоеванія слѣдуетъ прежде всего снабдить Алжирію сильнымъ и постояннымъ населеніемъ. Я совѣтую впрочемъ вовсе не уменьшать армію, потому что она состоитъ не только изъ воиновъ, но изъ работ-

никовъ, несомнѣнно до сихъ поръ почти всё предпринимав-
 нныя въ Алжирѣ работы. Я полагаю, что было бы весьма це-
 лезно образовать сильный резервъ, который не нужно держать
 въ замѣнѣ. Не вхожу въ подробности этого плана; считаю
 пока да достаточнымъ только указать на него. Что же ка-
 сается до управленія страной, то я полагаю, что по крайней
 мѣрѣ на первое время было бы полезно оставить его въ рукахъ
 военныхъ людей. Въ арміи находится много сведущихъ и спо-
 собныхъ офицеровъ. Римляне, столь хорошо понимавшіе дѣло
 колонизаціи, не поручали управленія своими колоніями граж-
 данскимъ чиновникамъ. Во всякомъ случаѣ я полагаю, что те-
 перь наступило время приступить энергическимъ образомъ къ
 колонизаціи Алжирѣ. — Генераль *Ламорисьеръ* говорилъ о
 плѣненіи Абдъ-эль-Кадера и старался доказать, что герцогъ
 Омальскій, утвердивъ въ качествѣ генераль-губернатора усло-
 віе, заключенное однимъ изъ подчиненныхъ ему генераловъ съ
 Абдъ-эль-Кадеромъ, поступилъ не легкомысленно, какъ гово-
 рятъ нѣкоторые, а благородно и великодушно. Эмиръ сдался
 добровольно; онъ могъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ свою де-
 ру, покинуть горную тѣснину и свободно удалиться въ пусты-
 ню; но онъ этого не сдѣлалъ, и относительно нравственнаго дѣй-
 ствія гораздо лучше, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ, а сдался
 самъ; окружавшее его очарованіе исчезло въ глазахъ тузем-
 цевъ, именно вслѣдствіе этого добровольнаго подчиненія. За-
 ключенныя съ нимъ условія должны быть исполнены. — *Г. Ла-
 рошжакленъ*: На основаніи этихъ условій, Абдъ-эль-Кадеръ
 долженъ быть отправленъ въ Сенъ-Жанъ-д'Акръ или въ Алек-
 сандрію, а его держать въ заточеніи! Достоинство Франціи не
 позволяетъ нарушить даннаго слова, и я обращаюсь къ прези-
 денту совѣта съ вопросомъ, въ чемъ заключается рѣшеніе, при-
 нятое на счетъ этого дѣла кабинетомъ? — *Г. Гизо* отвѣчалъ,
 что кабинетъ, желая согласить обѣщаніе, данное Эмиру гене-
 раломъ *Ламорисьеромъ* и утвержденное герцогомъ Омальскимъ,
 съ государственными интересами, исключилъ Сенъ-Жанъ-
 д'Акръ изъ числа будущихъ мѣстопребываній Абдъ-эль-Кадера,
 такъ какъ этотъ городъ принадлежитъ Оттоманской Пор-
 тѣ, которая не признала еще французскаго владычества въ

Африкѣ. Кабинетъ соглашается напротивъ того, чтобы Эмиръ былъ перевезенъ въ Александрію; но при условіяхъ надзора, необходимаго для безопасности французскихъ владѣній въ Африкѣ, весьма важно, чтобы онъ при первомъ удобномъ случаѣ не явился снова среди арабскихъ племенъ для нарушенія спокойствія въ Алжиріи. Въ настоящую минуту идутъ переговоры съ вице-королемъ Египетскимъ. Заставить его дать Эмиру убѣжище въ Александрію невозможно; но есть надежда, что онъ согласится на предложенія французскаго кабинета.— Противъ этого объявленія президента совѣта не было сдѣлано возраженій, и палата утвердила 9 параграфъ отвѣтнаго адреса.

Въ засѣданіи 7-го числа происходили пренія о послѣднемъ параграфѣ адреса, заключающемъ въ себѣ оужденіе реформистскихъ банкетовъ. Необыкновенно многочисленная публика наводняла всю палату, стояла въ переднихъ комнатахъ и даже предъ дверьми. Очень многіе перы присутствовали въ засѣданіи. Г. *Дювержье де Горань* первый взомелъ на кафедру, чтобы говорить противъ параграфа проекта. Министество, замѣтилъ онъ, нарушивъ правила уложенія, обвинило въ тронной рѣчи и въ адресѣ болѣе ста депутатовъ (въ тронной рѣчи эти банкеты были названы «волненіемъ, питаемымъ ослѣпленными и непріязненными страстями»). Ораторъ изложилъ пропшества и защищалъ законность собраній избирателей. Рѣчь его, написанная съ умѣренностью, имѣла нѣкоторый успѣхъ въ палатѣ. Г. *Кено* рѣшительно оуждалъ банкеты и всѣ подробныя демонстраціи, которыя, по его мнѣнію, могутъ повести не только къ политическому, но и къ общественному перевороту. Ораторъ оснарявалъ мысль, будто всѣ граждане имѣютъ право сходиться въ чисто-политическія собранія. Послѣ него говорили еще депутаты *Рулманъ*, *Кремій* и *де Госсонвилъ*. Г. *Рулманъ* сильно оуждалъ реформистскіе банкеты и волненіе, составляющее ихъ цѣль. Г. *Кремій* утверждалъ, что банкеты происходили совершенно законнымъ образомъ, и что самъ г. *Гизо* далъ призывъ имъ въ Лизье. Г. *де Госсонвилъ* сильно оуждалъ рѣчи, произнесенныя на банкетахъ, какъ возбуждающія къ нарушенію спокойствія и къ безначалію; послѣ того пренія были оторочены.

Въ засѣданіи 8-го числа г. *де Мальвилль* въ подробности разсматривалъ законъ 1790. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, г. *Дюшатель*, сказалъ, что правительство никогда не переставало приниматьъ закона 1790 къ политическимъ собраніямъ. Оно всегда имѣло право препятствоватьъ собраніямъ, которыя могутъ нарушить общественное спокойствіе. Насъ упрекають, сказалъ министръ, что мы упомянули о банкетахъ въ тронной рѣчи. Было бы очень странно, если бы въ тронной рѣчи не упомянули о нихъ: они привели страну въ смущеніе и безпокойство, за ними проявились самыя необузданныя страсти; могло ли правительство оставаться при этомъ равнодушнымъ? — Г. *Одилонъ Барро* защищалъ банкеты противъ упрека, что они имѣютъ цѣлью возбуждать страсти народа, и хвалилъ доказанную на этихъ обѣдахъ умѣренность; послѣ чего засѣданіе было закрыто. — Къ этому послѣднему параграфу проекта адреса представлены были паматѣ четыре измѣненія. Первое членомъ охранительной партіи, г. *Саландрузомъ*; второе г. *Дарбле*, который перешелъ, въ началѣ засѣданія, изъ рядовъ охранительной партіи въ оппозицію; третье редакторомъ легитимистской *Gazette de France*, г. *де Женудомъ*. Наконецъ г. *Лессенсъ* предложилъ прибавить къ проекту слова, въ которыхъ выраженъ совѣтъ правительству: неизмѣнно слѣдовать основному правилу, на которомъ упирается нынѣшняя династія Франціи.

Въ засѣданіи 9-го числа палата заключила общія пренія о параграфѣ адреса, касающемся банкетовъ. Хранитель печати *Геберъ, и. Боассель, Фельядъ, Шовенъ, Ледрю-Ролленъ* говорили въ этомъ засѣданіи, окончившемся среди ужаснаго шума, возбужденнаго словами г. *Одилона Барро*, упрекавшаго министровъ, что они менѣе придерживаются основныхъ законовъ уложенія, нежели *Полиньякъ* и *Перонне* (послѣдніе министры Карла X).

Прежде краткаго изложенія послѣднихъ засѣданій, слѣдуетъ пояснить нѣсколько взаимное положеніе партій въ палатѣ депутатовъ. Изъ прежнихъ преній извѣстно положительное объявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, что правительство твердо рѣшилось воспользоваться своими правами запрещать

банкеты избирательной реформы, лишь только они будут угрожать нарушеніемъ порядка. Съ тѣхъ поръ правительство уже запретило реформистскій банкетъ, который намѣревались дать въ двѣнадцатомъ парижскомъ округѣ. Твердость министерства произвела большое впечатлѣніе на оппозицію: раздражительность ея увеличилась, и рѣшенія ея начали все болѣе и болѣе колебаться. Уже 8 числа вечеромъ, большое число оппозиціонныхъ депутатовъ, собравшись у одного изъ своихъ друзей, приняли самое крайнее рѣшеніе. Полагая, что какой либо громогласный поступокъ необходимъ при рѣшительности министерства, если оппозиція не хочетъ признать себя побѣжденною, они согласились, что всѣ депутаты, присутствовавшіе на банкетахъ, подадутъ въ одно время просьбу объ увольненіи. При этомъ разсчитывали, что министерство будетъ поставлено въ необходимость распустить палату. Однако же, многіе депутаты представляли вскорѣ опасность такого крайняго поступка, который можетъ взволновать страну и нарушить общественное спокойствіе и порядокъ. Увѣряютъ, что это мнѣніе было въ особенности защищено г. *Тьеромъ*. Члены лѣваго центра рѣшительно отказались принять участіе въ предполагаемой демонстраціи. Однако же члены лѣвой стороны, въ собраніи у своего предводителя, г. *Одилона-Барро*, оставивъ прежнее свое намѣреніе, согласились все же попытаться устроить банкетъ, именно въ двѣнадцатомъ округѣ. Рѣшено было, что слишкомъ сто депутатовъ, которые примутъ участіе въ банкетѣ, отправятся на обѣдъ въ процесіи. Надѣялись, что 20,000 человекъ національной гвардіи присоединятся къ ней.—При открытіи засѣданія палаты 9-го числа еще полагали, что около 60-ти депутатовъ лѣвой стороны сложатъ свое полномочіе; хотя въ этомъ засѣданіи пренія были очень жаркія, однако же намѣреніе это не было исполнено. Въ началѣ засѣданія, помощникъ мера двѣнадцатаго округа и въ то же время депутатъ этого парижскаго избирательнаго округа, г. *Боассель*, формально протестовалъ, съ кафедры, противъ запрещенія реформистскаго банкета. Министръ Юстиціи, г. *Гейсръ*, повторилъ, въ рѣчи своей, что реформистскіе банкеты взволновали страну, нарушили порядокъ и почти

произведи переворотъ; онъ доказывалъ наконецъ, что эти собранія противозаконны. Ему возражали гг. *Ледрю-Ролланъ* и *Одилонъ-Барро*. Последний ораторъ окончилъ рѣчь свою, какъ мы уже сказали, посреди сильнаго шума палаты.

Въ засѣданіи 10-го числа волненіе было менѣе, чѣмъ въ два предшествовавшіе дня. Г. *Лесевенъ* взялъ назадъ предложенное имъ измѣненіе; послѣ чего палата утвердила первую часть параграфа. Потомъ взошелъ на кафедру г. *де Жемудъ*, чтобы развить свое измѣненіе; въ которомъ онъ требуетъ общаго права подаванія голосовъ на выборахъ. Но предложеніе его, ни кѣмъ не поддержанное, было отринуто безъ собранія голосовъ. Затѣмъ была очередь разсмотрѣнію измѣненія охранительнаго прогрессиста, г. *Дарбле*. Онъ упрекалъ министерство въ слабости, съ которою оно терпѣло реформистскіе банкеты, и въ заключеніе считалъ полезнымъ перемѣну кабинета. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, г. *Дюшатель*, объявилъ, что кабинетъ разойдется не только въ слѣдствіе формальнаго оужденія, но даже отъ одного намека въ обвиненіи. Г. *Гизо* старался привести вопросъ въ предѣлы вопроса объ одномъ только правѣ. Г. *Тьеръ*: «Я не принадлежу къ тѣмъ, до которыхъ касаются выраженія тронной рѣчи, но все же я позволю себѣ оспоривать ихъ.» Послѣ сильнаго шума и самыхъ неистовыхъ криковъ, засѣданіе было закрыто въ 8 часовъ вечера, по отринутіи предложенія г. *Дарбле*.—11-го числа говорили многіе ораторы о параграфѣ адреса, заключающемъ въ себѣ выраженія *ослабленныхъ и непріязненныхъ страстей*. Г. *Демуссо де Живре* предложилъ исключить эти выраженія изъ адреса. Тутъ возгорѣлись пренія съ новою силою, и послѣ рѣчей, произнесенныхъ членами разныхъ партій, палата приступила къ собранію голосовъ о періодѣ адреса, служившемъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней предметомъ самыхъ бурныхъ разсужденій. Собираніе голосовъ происходило торжественнымъ образомъ. Среди глубокаго молчанія приступили къ именной переключкѣ и къ балотировкѣ измѣненія, предложеннаго г. *Демуссо*; оно было отринуто большинствомъ 43-хъ голосовъ. Затѣмъ приступили къ балотировкѣ всего періода. Оппозиція, подававшая свои голоса въ предыдущей балотировкѣ, не

участвовала въ этой. Весь параграфъ былъ принятъ большинствомъ 223-хъ голосовъ; черныхъ шаровъ оказалось только 18. Въ засѣданіи 12 февраля, по отверженіи измѣненія, предложеннаго г-нъ *Салландрузомъ*, весь адресъ былъ утвержденъ (также безъ участія оппозиціи) большинствомъ 261 голоса противъ 3.

— 14 февраля король принималъ большую депутацию палаты депутатовъ, которой поручено было поднести Его Величеству адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Большое число членовъ палаты присоединилось къ депутатамъ. Герцоги *Венурекій* и *Монпансье* стояли по правую и по лѣвую сторону трона. Президентъ палаты, г. *Созе*, прочиталъ адресъ; на который король отвѣчалъ слѣдующее: «Гг. депутаты! Ежегодно возобновляемое укрѣпеніе ваше въ благородномъ содѣйствіи, которое вы не переставали оказывать мнѣ съ того времени, какъ желаніе націи призвало меня на тронъ, доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе. Съ помощію взаимной довѣренности и искренняго согласія между всѣми государственными властями, великое зданіе нашихъ конституціонныхъ учрежденій все болѣе и болѣе укрѣпляется. Франція находитъ въ немъ защиту своего спокойствія, обезпеченіе своего будущаго, а я—счастіе, которое заключается для меня въ томъ, что я имѣлъ возможность содѣйствовать къ исполненію первѣйшаго моего желанія — видѣть Францію спокойно пользующеюся правами, которыя она столь славно умѣла пріобрѣсти, и всѣми выгодами, которыми надѣлило ее Провидѣніе. Я былъ глубоко тронутъ доказательствомъ участія палаты депутатовъ въ ту минуту, когда она узнала о посѣтившемъ меня семейномъ несчастіи. Отъ всего сердца благодарю палату за это участіе, равно какъ и за чувства ея, выраженные въ адресъ, который вы представили мнѣ отъ ея имени.» Послѣ этихъ словъ раздались продолжительныя восклицанія: «Да здравствуетъ король!» Его Величество сошелъ съ трона и, подойдя къ депутатамъ, сказалъ: «Меня глубоко трогаетъ, господа, то, что я вижу васъ около себя въ такомъ большомъ числѣ, и ваши восклицанія пріятны моему сердцу.» Послѣ этихъ словъ, восклицанія возобновились.

Въ палатѣ перовъ началось 15 числа совѣщаніе о прозѣтѣ закона на счетъ работы дѣтей на фабрикахъ, заводахъ, веряхъ и въ мастерскихъ. Графъ *Бенъ* пронанесъ рѣчь въ пользу этого прозкта. Онъ замѣтилъ, что палата явила прекрасный призмръ справедливости и благоразумія, помѣстивъ разсмотрѣніе этого прозкта въ самомъ началѣ расписанія очереди своихъ занятій; она показала тѣмъ, что высоко цѣнить улучшение судьбы такого класса; который вполне заслуживаетъ ея участія и общаго вниманія. Въ слѣдовавшихъ затѣмъ засѣданіяхъ палата утвердила: измѣненіе графа *д'Арзу*, состоящее въ томъ, чтобы дѣти моложе двѣнадцати лѣтъ никогда не работали болѣе шести часовъ въ день, и предложеніе комиссін, на основаніи котораго работники отъ 12 до 15 лѣтъ должны посвящать однажды въ недѣлю два рабочіе часа элементарному образованію, и сверхъ того каждое воскресенье посвящать также два часа обученію религіозному.

Въ засѣданіи 21-го февраля палата перовъ утвердила большинствомъ 117 головъ противъ 19-ти прозктъ закона о работѣ дѣтей на фабрикахъ.

— Три послѣднія засѣданія палаты депутатовъ, въ которыхъ дѣло шло о параграфѣ тронной рѣчи, касающемся до реформистскихъ банкетовъ, были, какъ видно изъ представленнаго выше обзорѣніа, чрезвычайно бурныя. Министерство справедливо утверждало, что люди, участвовавшіе въ банкетахъ провинціальныхъ, были волнуемы «враждебными и слѣпыми страстями», какъ сказано было въ тронной рѣчи. Но эти выраженія взволновали депутатовъ, принимавшихъ участіе въ банкетахъ, и они съ изступленіемъ оспаривали у министерства право заклеить ихъ этими словами. Въ преніяхъ о томъ самыми сильными противниками министерства являлись депутаты: *Одиллонъ-Барро*, предводитель оппозиціи, *Ламартинъ*, *Дювержье де Горанъ*, *Дюфоръ* и *Ремюза*. Когда отвѣтвый адресъ, заключавшій въ себѣ повтореніе словъ тронной рѣчи, клонившихся къ порицанію банкетовъ, былъ утвержденъ большинствомъ палаты безъ участія оппозицион-

ныхъ членовъ, то полагали, что послѣдніе откажутся отъ званія депутатовъ и тѣмъ поставятъ министерство въ необходимость приступить къ новымъ выборамъ. Но дѣла приняли другой оборотъ. Рѣшено было, какъ извѣстно, что депутаты не должны слагать съ себя своего званія, но что слѣдуетъ дать банкетъ въ 12-й части Парижа, не смотря на запрещеніе министерства. Вслѣдствіи банкетъ хотѣли дать въ Корбелъ, наконецъ мѣстомъ для того избрали Елисейскія поля. Приготовленія къ этой демонстраціи, къ которой была приглашена также часть національной гвардіи, и борьба между министерствомъ и оппозиціею составляли почти исключительный предметъ толковъ и сужденій, которыми наполнялись въ послѣднее время парижскія газеты. Въ самомъ Парижѣ господствовало сильное броженіе умовъ; предвѣщавшее неминуемый кризисъ, такъ что правительство стало принимать мѣры къ сохраненію общественнаго спокойствія. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, 22-го февраля, т. е. въ день, назначенный для банкета, появилось въ оппозиціонныхъ газетахъ извѣщеніе, что банкетъ не состоится. Относительно же министерства сообщали, что г. Гизо объявилъ въ палатѣ депутатовъ 23-го февраля, что члены кабинета подали королю просьбу объ увольненіи, и что король поручилъ графу Мале составленіе новаго министерства.

Новѣйшія извѣстія весьма важны. Министерство г. Гизо было распушено. Попытка составить новый кабинетъ не имѣла успѣха. Король Людовикъ Филиппъ отказался отъ короны въ пользу внука своего графа Парижскаго, при регентствѣ герцогини Орлеанской: но посреди общаго смятенія и возникающихъ безпорядковъ регентство не могло утвердиться. Инсурреція самовольно назначила временное правленіе и нагло провозгласила республику. Король отправился въ Англію; но о прибытіи его туда еще нѣтъ положительнаго извѣстія. — По коммерческимъ письмамъ изъ Амстердама, помѣщеннымъ въ Берлинскихъ журналахъ, въ Амстердамѣ получено извѣстіе, что 27 числа Бюжо (иные говорятъ Ламорисьеръ) вступилъ въ Парижъ съ 40,000 войска и возстановилъ монархическое правленіе. Извѣстіе это по нынѣ однако же не подтвердилось.

Англія.

4 февраля парламентъ опять открылъ свои засѣданія. Въ нижней палатѣ статсъ-секретарь Ирландіи сэръ В. Сомервилль общалъ внести къ 11 ч. билль объ отношеніяхъ арендаторовъ; г. Беркелей — предложеніе о введеніи тайной подачи голосовъ при парламентскихъ выборахъ, а лордъ Дж. Россель къ 14 или 18 с. и. предложеніе бюджета съ отчетомъ о финансовомъ положеніи государства. Вибствъ съ тѣмъ министръ назначилъ къ этому же самому дню внести предложеніе лорда Лансдоуна о кредитныхъ учрежденіяхъ. На вопросъ г. Робинсона о корреспонденціи съ американскими посланниками, лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что относительно измѣненія навигаціонныхъ законовъ сдѣлано уже соглашеніе съ Соединенными Штатами; и что дѣло будетъ представлено парламенту. Лордъ Дж. Россель общалъ внести билль объ облегченіи продажи въ Ирландіи имущественныхъ долговъ. Затѣмъ лордъ Джоржъ Бентинкъ предложилъ назначить комитетъ для розысканія средствъ къ улучшенію вестиндскихъ колоній. Онъ долго говорилъ о безпомощномъ состояніи колоній, о меньшемъ вывозѣ англійскихъ фабричныхъ издѣлій въ слѣдствіе мѣръ свободной торговли 1846 г., предложилъ ввести прежнюю высокую пошлину на сахаръ, и найти какое-нибудь вѣрное средство къ подавленію торговли неграми. «Испанія, сказалъ онъ, должна Англіи 75 милл., залогомъ которыхъ Куба. И потому Англія можетъ отнять ее. Если бы торговля неграми тамъ была уничтожена, то англійскіе купцы могли бы за хорошую плату нанять въ Африкѣ свободныхъ негровъ для воздѣлыванія своихъ плантацій.» Лордъ-канцлеръ казначейства отвѣчалъ на это, что правительство готово на все пожертвованія для улучшенія колоній, но не согласится на возвышеніе пошлины на сахаръ, и что колоніи сами должны заботиться объ улучшеніи своего положенія. Гг. Робинсонъ и Эллисъ защищали министра, послѣ чего засѣданіе было закрыто. — Въ слѣдующемъ засѣданіи продолжались и были окончены пренія о предложеніи лорда Бентинка назначить комитетъ для изслѣдова-

ніа поможеті колоній въ Вестъ-Индіахъ. Предложеніе это было принято палатою. — Въ засѣданіи верхней палаты, 7-го числа, маркизъ *Дамедоунъ* представилъ билль, разрѣшающій правительству къ вступленію въ дипломатическія сношенія съ римскими дворомъ. Когда Вильгельмъ III вступилъ на престолъ, то былъ изданъ законъ, что всякій англійскій король, находящійся въ связи съ Римомъ, долженъ быти лишень престола. Слова эти выражаютъ связь духовную, но англійскіе юристы распространяли смыслъ ихъ и на дипломатическія сношенія. Означенный билль о восстановленіи этихъ сношеній съ Римомъ прочтенъ во второй разъ 17 февраля, послѣ довольно жаркихъ преній. — Въ нижней палатѣ, 7-го числа, *Дж. Россель* потребовалъ втораго чтенія билля объ эмансипаціи Евреевъ. — Билль прочтенъ во второй разъ на большинству 277 голосовъ противъ 215. — Во время преній объ этомъ предметѣ сэръ *Р. Пилъ* произнесъ рѣчь въ пользу евреевъ. Онъ хотѣлъ объяснить, сказалъ онъ, почему, послѣ зрѣлаго обсуждения, подаетъ голосъ за Лорда *Джона Расселъ*. Онъ дѣлаетъ это не по той причинѣ, которую многіе приводили въ защиту иѣры, именно, что религія не имѣетъ ни какой связи съ правительствомъ государства, но, напротивъ того, потому, что религія, которая всегда должна имѣть большое вліяніе на правительство, возмрагаетъ на него обязанность желать, чтобы Еврей не былъ исключенъ отъ законодательства. Онъ (свр. *Р. Пилъ*) не призываетъ наказывать Евреевъ за ихъ заблужденія въ религіи. Но гражданскія ограниченія суть не что иное, какъ наказанія. Евреи вскрѣпаютъ препятствіе въ присягѣ, требуемой при вступленіи въ парламентъ. Онъ разыскивалъ въ исторіи дѣлъ этой присяги, и убѣдился, что этою присягою хотѣли обезпечить только иѣрность въ подданствѣ членовъ парламента. За Церковь онъ ничего не опасается отъ вѣсколькихъ еврейскихъ членовъ нижней палаты. Церковь стоитъ тверже, чѣмъ когда либо, въ слѣдствіе возникшей въ ней внутренней жизни: она пустыа корня въ сердцѣ народа. Безопасность ея не зависитъ отъ исключенія г. *Ротшильда*. Но всѣмъ этимъ причинамъ, и къ особенноти потому, что онъ (сэръ *Р. Пилъ*)

неравнодушенъ къ религiи, но гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ христіанскому народу и къ христіанскому законодательству, онъ подаетъ голосъ въ пользу закона, который въ точности согласуется съ духомъ и ученіемъ христіанской вѣры. Сэръ *Робертъ Пиль* кончилъ свою рѣчь при громныхъ и продолжительныхъ рукоплесканіяхъ. — Въ засѣданіи нижней палаты, происходившемъ 10 февраля, были объявлены многія предложенія. Лордъ *Дунканъ* замѣтилъ, что если правительство не внесетъ предложенія объ отиѣнѣ налога на окна, то онъ самъ предложитъ это. Г. *Эвартъ* вѣстнулъ, что онъ сдѣлаетъ свое ежегодное предложеніе объ отиѣнѣ смертной казни, и предложитъ замѣнить косвенные налоги прямыми. Наконецъ, г. *Лобушеръ* объявилъ, что онъ предложитъ мѣру для облегченія переселеній въ Сѣверную Америку. — За тѣмъ сэръ Г. *Верней* обратился къ лорду *Пальмерстону* съ вопросомъ, касаются ли нѣкоторыя распоряженія швейцарскаго сейма до англійскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Швейцаріи? Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что онъ въ настоящее время не можетъ дать на это положительнаго отвѣта. — По предъявленіи сэромъ *Робертомъ Нилемъ* просьбы, присланной съ острова Сентъ-Винсента, въ которой ходатайствуется объ оказаніи защиты вестъ-индскимъ колонистамъ, — палата перешла къ занятіямъ, состоявшимъ на очереди. Лордъ *Морнетъ* внесъ билль, обвѣщенный въ тронной рѣчи и касающійся до улучшенія общественнаго здоровья въ большихъ городахъ. Билль этотъ имѣетъ въ виду: снабженіе городовъ достаточнымъ количествомъ воды за незначительную плату, устройство здоровыхъ жилищъ въ многочислѣннѣйшихъ частяхъ городовъ, очищеніе воздуха въ мастерскихъ, устройство водосточныхъ трубъ, для очищенія улицъ, и заведеніе общественныхъ бань и гульбищъ. Для надзора за этими учрежденіями, предполагается учредить въ разныхъ городахъ комитеты общественнаго здоровья. Приведеніе въ дѣйствіе разныхъ мѣръ, нечисленныхъ въ билль, возлагается на городовые совѣты. Сила новаго закона будетъ распространяться на всю Англiю и Шотландію со включеніемъ Лондона. Разсчитываютъ впрочемъ, что из-

держки, сопряженные съ этимъ новымъ закономъ не будутъ превышать 3 шиллинговъ 6 пенсовъ въ недѣлю для каждаго дома; но ожидаемыя отъ него выгоды будутъ весьма значительны; надѣются, между прочимъ, что число смертныхъ случаевъ уменьшится на 30, 000. Лордъ *Дунканъ* и г. *Горманъ* доказывали при этомъ случаѣ необходимость отмены налога на окна и уничтоженія обычая хоронить мертвыхъ въ городахъ. Лордъ *Линкольнъ* замѣтилъ, что едва ли можно будетъ съ успѣхомъ привести въ исполненіе вдругъ всѣ мѣры, предлагаемыя биллемъ. Послѣ замѣчанія хирурга *Векла* о необходимости учредить госпиталь для леченія лихорадочныхъ болѣзней въ *Ислингтонѣ*, билль объ улучшеніи общественнаго здравія былъ прочтенъ въ первый разъ. Въ концѣ засѣданія происходили разсужденія о нынѣшнемъ состояніи торговли съ Китаемъ. Г. *Кардвелъ* представлялъ между прочимъ необходимость пониженія пошлины на чай. Но канцлеръ казначейства и лордъ *Джонъ Бентинкъ* были противнаго мнѣнія. — Засѣданіе нижней Палаты 15-го февраля было особенно замѣчательно по объявленію лорда *Пальмерстона*, что Австрія дала ему увѣреніе въ томъ, что не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся до итальянскихъ уложеній. Послѣ вопросовъ о поѣздкѣ лорда *Митто* въ Римъ, котораго, по словамъ министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя еще считать уполномоченнымъ посланникомъ при папскомъ дворѣ, докторъ *Баурингъ* предложилъ, чтобъ были представлены въ парламенты документы, полученные правительствомъ на счетъ образованія итальянскаго таможеннаго союза. Онъ основывалъ такое предложеніе свое на томъ обстоятельстве, что нынѣшнее положеніе Италіи представляетъ, во многихъ отношеніяхъ, величайшую важность. Онъ не желаетъ, чтобы Англія вмѣшивалась въ дѣла другихъ народовъ, но Англія тѣмъ не менѣе можетъ изъяснить участіе свое Италіянамъ. Мысль образовать итальянскій таможенный союзъ есть мысль чрезвычайно счастливая. Сардинія будетъ имѣть въ немъ почти такое же мѣсто, какое занимаетъ Пруссія въ германскомъ таможенномъ союзѣ. Въ этомъ отношеніи Германія представляетъ Италіи весьма хорошій образецъ. Лордъ *Паль-*

Мерстонъ изъяснилъ надежду, что для Италіи, которая играла столь важную роль во всемирной исторіи, открывається новая эра; новый порядокъ вещей тамъ будетъ тѣмъ прочнѣе, что онъ основывается на взаимномъ согласіи народовъ и ихъ государей. Къ этому лордъ *Пальмерстонъ* присовокулилъ, что англійское правительство получило отъ своего посланника въ Вѣнѣ повѣщія, и вполнѣ удовлетворительныя извѣстія, заключающіяся въ томъ, что Австрія вовсе не имѣетъ въ виду какого-либо враждебнаго вѣдшательства въ дѣла италіянскаго полуострова; что же касается до предполагаемаго италіянскаго таможеннаго союза, то англійское правительство употребитъ всѣ средства, чтобъ содѣйствовать его образованію и будетъ сколько возможно стараться, чтобъ союзъ этотъ учредился на основаніи свободной торговли. Довѣріе, внушаемое англійскимъ правительствомъ въ Италіи, заставляетъ надѣяться, что эти старанія не будутъ тщетны. Лордъ *Микто*, прибавилъ министръ, отправился по требованію неаполитанскаго правительства изъ Рима въ Неаполь, чтобы вмѣніемъ и совѣтами своими содѣйствовать къ разрушенію трудныхъ вопросовъ настоящаго времени. Докторъ *Баурини*, по желанію изъявленному министромъ, взялъ назадъ свое предложеніе, послѣ чего палата перешла къ разсмотрѣнію билля, обѣщаннаго въ тройной рѣчи и представленнаго правительствомъ, касательно точнаго и положительнаго опредѣленія отношеній арендаторовъ въ Ирландіи. Биллемъ этимъ предполагается доставить арендаторамъ обезпеченіе въ тѣхъ улучшеніяхъ, которыя они вздумаютъ произвести на своей землѣ. Арендаторъ сообщаетъ помѣщику о своихъ намѣреніяхъ, и оба они разбираютъ посредниковъ, которые опредѣляютъ пользу и стоимость улучшеній. Законъ распространяется на всѣхъ арендаторовъ, платящихъ свыше 10 ф. стер. аренднаго откупа. Вознагражденія, которыхъ они могутъ требовать по истеченіи аренднаго срока, не должны однако же превышать трехлѣтней арендной платы. Въ преніяхъ объ этомъ биллѣ принимали участіе гг. *О'Бринъ*, *Краффортъ*, *Гербертъ*, а также предводитель ирландскихъ хартистовъ *О'Киноръ* и *Джонъ О'Коннелъ*. Послѣдній требо-

валъ вознагражденія арендаторовъ и за произведенныя уже ими улучшенія. Билль былъ прочтенъ въ первый разъ.

— Въ засѣданіи верхней палаты, 15 февраля, епископъ эксетерскій, по поводу прошенія, поступившаго отъ многихъ духовныхъ лицъ, завелъ рѣчь о выборахъ епископовъ англиканской церкви. Онъ находитъ, что существующій нынѣ уставъ Генриха VIII весьма стѣснителенъ и вообще имѣетъ много недостатковъ. Пренія объ этомъ предметѣ не имѣли впрочемъ никакого результата и заключали въ себѣ только мѣстный интересъ. •

— Въ засѣданіи нижней палаты 17-го числа г. *Анстей* предложилъ, чтобы палата образовалась въ комитетъ для совѣщанія о биллѣ, которымъ отмѣняются послѣднія гражданскія ограниченія католиковъ. Г. *Лау*, членъ кембриджскаго университета, требовалъ отверженія билля и былъ поддерживаемъ сэромъ *Робертомъ Инглисомъ*. Маркизъ *Грамби* говорилъ также противъ билля, изъ опасенія іезуитовъ. Онъ полагалъ, что нынѣ, когда Италия и католическая Франція отвергаютъ іезуитовъ, легко можетъ случиться, что они станутъ искать убѣжища въ Англіи. Палата рѣшила большинствомъ 186 голосовъ противъ 154, заняться этимъ биллемъ чрезъ три недѣли.

— Въ засѣданіи той же палаты, 18 числа, лордъ *Джонъ Россель* изложилъ финансовый планъ министерства. Онъ указалъ на событія послѣднихъ 18-ти мѣсяцевъ, на недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ, на измѣненія хлѣбныхъ цѣнъ и на разныя другія обстоятельства, оказавшія неблагоприятное вліяніе на государственные доходы и пившія слѣдствіемъ важныя финансовыя затрудненія. Исчисливъ послѣ того главныя статьи государственныхъ доходовъ и расходовъ, онъ объявилъ, что по оцѣнкѣ на 1849 годъ, оказывается въ доходахъ дефицитъ, простирающийся до 2-хъ миліоновъ 411,000 фун. ст., и сказалъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дефицитъ можетъ быть покрытъ только увеличеніемъ налоговъ или значительнымъ уменьшеніемъ расходовъ на флотъ и на армию. При этомъ случайъ министръ изложилъ мнѣніе правительства на счетъ надѣстнаго вопроса о защитѣ страны. Объ этомъ вопросѣ было много писано и разсуждаемо. Съ одной стороны утверждали,

что Англія можетъ быть внезапно вовлечена въ войну съ государствами, у которыхъ сдѣланы большія военныя приготовленія, и что она не въ состояніи протпвостоять неожиданному нападенію; съ другой стороны увѣрили, что всѣ европейскія націи желаютъ мира, и что Англіи стоить только ограничить свои вооруженія, и тогда вся Европа послѣдуетъ ея примѣру. Овъ (лордъ Джонъ Россель), какъ органъ правительства, весьма далекъ отъ того, чтобы питать предположеніе о возможности разрыва съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ и въ особенности съ Франціею. Овъ напротивъ того вполне сознаетъ необходимость мира между Англіею и этими государствами, и увѣренъ, что впредь между ними будутъ существовать самыя дружественныя отношенія. Затѣмъ лордъ Джонъ Россель упоминалъ о письмѣ герцога Веллингтона, служащемъ отвѣтомъ на брошюру герцога Жуанвилскаго. Герцогъ уже нѣсколько разъ сообщалъ правительству свое мнѣніе на счетъ защиты страны; но ему никогда не приходила мысль возбуждать вражду между Англіею и другими странами. Къ сожалѣнію, мысль герцога, изложенная въ послѣднемъ его письмѣ, была перетолкована ложнымъ образомъ не только за границею, но и въ самой Англіи. Впрочемъ, замѣтилъ лордъ Джонъ Россель, война принадлежитъ къ тѣмъ событіямъ, которыя не всегда предугадываются. Буря можетъ разразиться и при атмосферѣ, по-видимому, самой спокойной. Питтъ, при всей своей предусмотрительности, предсказывалъ продолжительный миръ за нѣсколько мѣсяцевъ до начала революціонной войны. Что же касается до возможности нападенія на Англію, то въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ стихій, часто ей покровительствовали и уничтожали непріятельскіе флоты, пазпаченные на погибель Великобританіи. Съ 1815 года, однако же, съ помощію паровъ начали побѣждать стихій, и это обстоятельство, конечно, могло подать непріязненнымъ государствамъ мысль, что Англія нынѣ болѣе открыта для нападеній, чѣмъ въ прежнія времена. Правда также, что съ 1830 года во Франціи послѣдовало значительное умноженіе военныхъ силъ, но цѣль этого умноженія состоитъ въ защитѣ обширныхъ колониальныхъ владѣ-

ній и въ покровительствѣ значительной заграничной торговли. Въ то же время увеличено тамъ число кораблей и пароходовъ; многіе снова заговорили, что на Англію можетъ быть легко сдѣлано нападеніе, увѣряя, что правительство наше между тѣмъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ защитѣ. Это несправедливо. Въ 1836 году число морскихъ солдатъ было усилено 5,000 человекъ, а въ 1846 году прибавлено еще 4,500 человекъ; сухопутное войско получило приращеніе въ 37,000 человекъ, артиллерія въ 6,000 человекъ; общее приращеніе всѣхъ военныхъ силъ съ 1845 по 1848 составляетъ 60,000 человекъ. Сверхъ того милиція и отставные солдаты, состоящіе на пенсіи, могутъ образовать отрядъ въ 15,000 человекъ, а при нынѣшнемъ министерствѣ образованы баталіоны, которымъ поручена оборона портовъ; отрядъ береговыхъ солдатъ простирается до 6,000 человекъ и страна имѣетъ 1,080 пушекъ, служащихъ для береговой обороны. Эти факты достаточно доказываютъ заботливость и предусмотрительность правительства. Оно полагаетъ, что для совершенно успѣшной защиты страны достаточно будетъ незначительнаго только усиленія нѣкоторыхъ отрядовъ сухопутнаго войска. Морской бюджетъ предполагается увеличить на 164,000 ф. ст. Правительство намѣрено умножить число морскихъ солдатъ 1,500 человекамп. Для арміи, флота и артиллеріи требуется всего 350,000 ф. ст. болѣе противъ прежняго бюджета. На счетъ милиціи кабинетъ полагаетъ представить билль, на основаніи котораго нѣкоторая часть жителей будетъ приучаема носить оружіе. Если палата не утвердитъ этого билля, то на слѣдующій годъ придется увеличить сухопутное войско. — Общая смѣта государственныхъ расходовъ, представленная лордомъ *Джономъ Росселемъ*, заключается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	фун. стерл.
Проценты государственнаго долга	28.530,630
Обезпеченный долгъ	2.750,000
На военныя дѣйствія противъ Кафровъ	1.160,000
Излишекъ расходовъ на флотъ (1846)	245,000
Расходы на флотъ	7.660,610
Расходы на армію	7.162,925

На артиллерию и инженерное ведомство	2.024,835
Разные расходы	4.006,000
	<hr/>
Всего	54.446,000
Прибавочныя издержки на милицію	150,000
	<hr/>
Всего	54.596,000

Въ заключеніе своей рѣчи лордъ *Джонъ Россель* предложилъ для покрытія предстоящаго дефицита продолжить налогъ на доходы на пять лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ первые два года налогъ былъ увеличенъ съ 3 процентовъ на 5. — Г. *Юмъ* сильно нападалъ на предложеніе министра и оуждалъ кабинетъ за умноженіе расходовъ въ такое время, когда прежде всего надобно думать о сбереженіяхъ. Онъ въ особенности оуждалъ новую милиціонную систему. Гг. *Бенксъ*, *Осборнъ* и *Галль* говорили въ томъ же смыслѣ. Г. *Бэрингъ* соглашался на продолженіе налога, но не одобрялъ возвышенія процентовъ. Г. *Кобденъ* объявилъ, что будетъ сопротивляться всякой воинственной мѣрѣ. По его мнѣнію, Франція и цѣлая Европа одушевлены общимъ желаніемъ мира. Канцлеръ казначейства, сэръ *Робертъ Инглишъ* и лордъ *Пальмерстонъ* поддерживали министерскія предложенія. Дальнѣйшія пренія объ этомъ предметѣ были отложены до 28 февраля. — Передъ закрытіемъ засѣданія былъ прочтенъ въ третій разъ билль, относящійся до учрежденій Новой Зеландіи.

— Въ засѣданіи верхней палаты 18 числа, при комитетскихъ совѣщаніяхъ о биллѣ на счетъ возстановленія дипломатическихъ сношеній съ Римомъ, было утверждено, большинствомъ 67 голосовъ противъ 64, измѣненіе, предложенное герцогомъ *Веллингтономъ*, на основаніи котораго Папу слѣдуетъ пменовывать въ биллѣ не *sovereign pontiff*, а *sovereign of the roman states* т. е. не Папою, а римскимъ государемъ.

— 4-го февраля, въ Лондонѣ происходило собраніе представителей приморскихъ гаваней, корабельщиковъ, лоцмановъ и матросовъ, для принятія рѣшеній въ пользу судоходнаго акта. Собраціе рѣшило извѣстить перваго министра, что оно имѣрено поднести королевѣ, адресъ о сохраненіи этихъ законовъ, и просить лорда-мера о дозволеніи сопровождать депутацію,

по улицамъ Сити въ процессіи, съ разрушеніемъ знаменъ. Сверхъ того рѣшено было назначить, съ тотъ же день, большое собраніе подъ открытымъ небомъ, въ Стопи-Гринъ, чтобы утвердить адресъ, который будетъ состоять между нѣмъ комиссіею, и распорядиться процессіею. Не менѣе двадцати тысячъ мореховъ хотѣли отправиться въ будапештскій дворецъ, чтобы просить королеву не отбивать судосудныя законы. Однако же, нѣмъ объяснили, что постановленіе не остановитъ сообщеніе по улицамъ, и посоветовали идти вѣдомъ въ Вестминстеръ.

— Во всѣхъ частяхъ королевства происходятъ безпрестанные митинги въ пользу пріятія билля объ эмансипаціи Евреевъ и увеличенія цѣнъ, по крайней мѣрѣ, уменьшенія налоговъ на хлѣбъ, на чай и на окна.

— Третьяго февраля, депутація ливерпульскаго торговаго сословія имѣла совѣщаніе съ лордомъ *Джонномъ Росселомъ*, чтобы вторично представить ему необходимость уменьшить привозную пошлину съ чая, такъ какъ Китайцы еще недавно наложили, въ возмездіе, пошлину въ 25 и до 30 процентовъ на англійскіе мануфактурные товары. Однако же, лордъ *Джонъ Россель* объяснилъ опять, что финансовыя соображенія не позволяютъ уменьшить теперь пошлину съ чая.

— Не словамъ газеты *Times*, предложенія правительства касательно обороны страны будутъ состоять въ томъ, что арсеналы будутъ наполнены нужнымъ количествомъ военныхъ снарядовъ, артиллерія усилена 2000 человекъ, милиція будетъ мало-по-малу приспособлена къ дѣйствительной службѣ, и начатія крѣпостныя работы будутъ приведены къ окончанію. Денежныя средства къ этимъ вооруженіямъ будутъ пріобрѣтены главнѣйше тѣмъ, что въ Ирландіи будетъ опредѣленъ налогъ на доходы, и этотъ налогъ возвысится до 5%, однако же только на одинъ годъ.

— Въ англійскихъ газетахъ отъ 15 февраля обнародована дипломатическая переписка между вѣнскими и лондонскими кабинетами объ италійскихъ дѣлахъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: первая *Меттерниха* къ австрійскому послу въ Лондонѣ, графу *Дитрихштейну*, для сообщенія британскому кабинету,

и-въ двухъ ночь лорда *Пальмерстона* къ британскому посланнику въ Вѣнѣ, лорду *Понсонби*, въ отвѣтъ на первый. Обѣ австрійскія ноты писаны 2-го августа 1847. — Въ первой изъ нихъ сказано, что положеніе государствъ Средней Италіи обращаетъ на себя, безъ сомнѣнія, вниманіе лондонскаго двора. Въ этихъ государствахъ господствуетъ теперь духъ разрушенія; котораго послѣдствія легко предвидѣть. Существованіе и границы этихъ государствъ основаны на правилахъ публичнаго всеобщаго права и обезпечены несомнѣнными политическими актами. Императоръ, съ своей стороны, рѣшился уважать эти права и употребить всѣ средства, находящіяся въ его власти, для сохраненія ихъ. Посланнику поручается просить перваго статсъ-секретаря объявить мнѣнія лондонскаго двора касательно этихъ обезпеченій. — Во второй депешѣ князя *Меттерниха*, отъ того же числа, сообщаютъ послу, что предъидущая нота была сообщена въ то же время дворамъ парижскому, берлинскому и санктпетербургскому. Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе положенія Италіи. «Средняя Италія, сказано въ депешѣ, предана революціонному движенію, въ главѣ котораго паходятся начальники тѣхъ политическихъ сектъ, которые угрожали, въ послѣдніе годы, государствамъ полуострова. Подъ знаменемъ административныхъ преобразованій, дарованныхъ римскимъ государемъ изъ несомнѣннаго благоволенія къ своему народу, нарушители спокойствія ослабили силу государственной власти, и стараются окончить дѣло, которое, по ихъ мнѣнію, не можетъ ограничиться Церковною областью или какимъ-либо однимъ государствомъ на полуостровѣ. Эти секты требуютъ общей политической верховной главы, или, по крайней-мѣрѣ, союза владѣній, который былъ бы подчиненъ высшей центральной власти. Онѣ надѣются образовать федеральную республику, по образцу Сѣверной Америки или Швейцаріи. Императоръ не имѣетъ притязанія быть италіянскимъ государемъ; но нѣкоторыя части его имперіи простираются и по ту сторону Альпъ: онъ желаетъ сохранить ихъ, и будетъ ихъ защищать. Мы желаемъ знать, раздѣляютъ ли наше мнѣніе великіе стражи политическаго міра?» — Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ 12-го августа и 11-го сентября 1847.

Последняя нота, важѣйшая; въ ней сказано: «Австрійское правительство спрашивало недавно и получило согласіе Великобританскаго правительства въ правилѣ, что различныя дѣлійскія государства имѣютъ право сохранять и защищать свою независимость, и что эта независимость должна быть почитаема прочими европейскими державами деприкосновенною. Правительство Ея Величества соединило однако же съ этимъ правиломъ другое, столь же непереложное, именно, что всякій независимый государь имѣетъ право вводить въ своихъ владѣніяхъ такія преобразованія и улучшенія, которыя онъ считаетъ полезными для своего народа, и что никакое другое правительство не можетъ имѣть права запрещать сіи дѣйствія независимой власти, или препятствовать имъ. Правительство Ея Величества убѣждено, что австрійское правительство не имѣетъ намѣренія нарушить эти простыя политическія правила въ отношеніи къ королю сардинскому или къ Папѣ. Правительство Ея Величества было бы очень озабочено наступленіемъ событій, на которыя Великобританія не могла бы взирать равнодушно.»

— Издержки на британскій флотъ назначены на будущій годъ въ 7,726,610 ф. ст., то есть 164,734-мя ф. ст. болѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году. Этотъ излишекъ происходитъ отъ того, что королевскія морскія войска будутъ усилены 1500-ми человекъ. Половинное жалованье офицеровъ, находящихся не на дѣйствительной службѣ, составляетъ ежегодно 729,740 ф. ст.; на пенсіи и добавочное содержаніе издерживается 652,306 ф. ст. Плата матросамъ и морскимъ солдатамъ исчислена въ 1,893,506 ф. ст., а снабженіе ихъ съѣстными припасами въ 610,930 ф. ст.; жалованье офицеровъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ, составляетъ 5,507,928 ф. ст. Такимъ образомъ, одно жалованье британскихъ морскихъ офицеровъ гораздо болѣе всѣхъ расходовъ прусскаго военнаго вѣдомства.

Ирландія.

Изъ Дублина сообщаютъ, что ирландскіе католическіе архіепископы получили отъ кардинала Франсоми, по порученію

Папѣ, важное письмо, касающееся волнения ирландскихъ послѣднихъ священниковъ. Священная конгрегация не можетъ верить, сказано въ этомъ письмѣ, далеко распространялись слухи о томъ, будто бы духовные люди забыли, что они сами слуги шра, распорядителемъ таинства Божіихъ, и не должны вѣдѣваться въ свѣтскія дѣла. Не смотря на то, по важности этого дѣла, священная конгрегация требуетъ немедленнаго и точнаго объясненія. Она приглашаетъ архіепископовъ увѣщывать духовныхъ, усердно посвящать себя духовнымъ поученіямъ, и устранивъ себя отъ всѣхъ свѣтскихъ дѣлъ, дабы не подвергаться противникамъ случая къ обвиненіямъ.

А В С Т Р І Я .

Въ Вѣнской Газетѣ отъ 13 февраля напечатана конвенція, заключенная между Императоромъ австрійскимъ и герцогомъ моденскимъ, слѣдующаго содержания:

«Е. В. Императоръ австрійскій и Е. К. В. эрцгерцогъ, герцогъ моденскій, одушевляемые обоюднымъ желаніемъ скрѣпить еще болѣе связующія ихъ узы родства и дружбы, и соединенными своими усиліями сохранить миръ и законный порядокъ, какъ внутри такъ и внѣ своихъ владѣній, согласились заключить между собою на сей предметъ особую конвенцію.»

(Затѣмъ слѣдуютъ назначенія уполномоченныхъ, съ австрійской стороны князя *Меттерниха*, со стороны герцога моденскаго князя *Теодора де-Воло*, которые и постановили слѣдующія статьи):

1. Во всѣхъ случаяхъ, когда италіанскимъ владѣніямъ Е. В. Императора австрійскаго и Е. К. В. герцога моденскаго будетъ угрожать нападеніе извнѣ, высокія договаривающіяся стороны обязываются оказывать взаимно помощь и содѣйствіе всѣми зависящими отъ нихъ способами, какъ скоро одна сторона потребуетъ этого отъ другой.

2. Такъ какъ владѣнія Е. К. В. герцога моденскаго входятъ такимъ образомъ въ оборонительную линію италіанскихъ провинцій Е. В. Императора австрійскаго, то Е. К. В. герцогъ моденскій представляетъ Е. В. Императору австрійско-

ну право вводить императорскія войска въ моденскую землю и занимать ея крѣпости такъ часто, какъ того потребуютъ потребности обороной защиты, или воинское благоразуміе.

3. Если бы во владѣніяхъ Е. К. В. герцога моденскаго возникли обстоятельства, могущія возбудить опасеніе за счетъ сохраненія законнаго порядка и спокойствія, или если бы волненіе перешло въ явное возстаніе, которое правительство не могло бы подавить, то Е. В. Императоръ австрійскій обязуется, по первому требованію, доставить воинскую помощь, необходимую для возстановленія общественнаго спокойствія и законнаго порядка.

4. Е. К. В. герцогъ моденскій обязывается никогда не заключать ни съ какою другою державою никакой воинской конвенціи какаго бы то рода ни было, безъ предварительнаго согласія Е. В. Императора австрійскаго.

5. Все что касается содержанія войскъ одной изъ договаривающихся сторонъ, какъ скоро оны будутъ употреблены на службу во владѣніяхъ другой, имѣетъ быть опредѣлено особою конвенціею.

6. Настоящая конвенція имѣетъ быть ратификована и ратификаціи размѣнены въ теченіи четырнадцати дней, или, если можно, и ранѣе.

Вѣна, 24 декабря 1847 г.

Подобная конвенція заключена также между Е. В. Императоромъ австрійскимъ и Е. К. В. прынцемъ, герцогомъ пармскимъ.

И т а л і я

Король Обѣщаній Сильный, издалъ 29 января декретъ исключительно новаго уложенія страны. Новыиъ государственнымъ министромъ, назначеннымъ въ тотъ же день, поручено составить проектъ уложенія, и представить его до истеченія десяти дней. Главныиъ основаніями уложенія опредѣлены: 1) Законодательная власть принадлежитъ королю и двумъ палатамъ, царю и депутатамъ. 2) Господствующею религіею признается римско-католическая; никакое другое исповѣданіе не будетъ терпимо.

- 3) Особа короля остается священною, неприкосновенною и освобожденною отъ ответственности. 4) Министры ответственны правительству во всѣхъ дѣяніяхъ. 5) Сухопутныя и морскія силы зависятъ отъ короля. 6) Национальнaя гвардія учреждается во всемъ королевствѣ на томъ же основаніи, какъ и въ столицѣ. 7) Книгопечатаніе свободно, и подвержено только укротительному закону въ томъ, что противно Вѣрѣ, нравственности и общественному порядку, или оскорбляетъ короля, королевскую фамилію, иностранныхъ государей, равно какъ и честь и интересы частныхъ людей.

— Въ Сициліи до издачія декрета о новомъ уложеніи происходило слѣдующее: Для сохраненія порядка, милиція была обращена въ національную гвардію. Роздавы были ружья и открыты списки для внесенія именъ всѣхъ мужчинъ отъ осьмнадцати до пятидесяти-лѣтняго возраста. Палермо былъ бомбардированъ, но войска не могли овладѣть городомъ. За исключеніемъ Мессины, почти вся Сицилія находилась въ возстаніи. Войска не имѣли достаточнаго провіанта и фуража, и страдали воспаленіемъ глазъ. Они лишились многихъ убитыми и ранеными. Палермы рѣшились штурмовать королевскій замокъ. Всего было пущено въ городъ 200 бомбъ и ядеръ. Послѣ жестокаго сраженія, инсургенты овладѣли банкомъ и королевскимъ дворцомъ. Бой продолжался цѣлый день, и городъ былъ вторично бомбардированъ при этомъ случаѣ. Герцога *Мано* удалился въ лагерь генерала *де-Соме*. Говорятъ, инсургенты нашли въ бавкѣ два милліона дукатовъ.

Извѣстіе о дарованіи уложенія побудило инсургентовъ заключить перемиріе; они изъявили желаніе, чтобы въ Палермо проживалъ вице-король, и чтобы восстановлено было уложеніе 1812 года.

Въ Австрійскомъ Наблюдателѣ пишутъ, что король неаполитанскій, по случаю распространенія возстанія во всей Сициліи и требованія Сицилійцами восстановленія уложенія 1812, пригласилъ французское и англійское правительства быть посредниками въ этомъ дѣлѣ.—Англійскій и французскій поддѣржанные въ дѣлахъ, лордъ *Нелиръ* и г. *Монтессю*, тотчасъ по-

слали курьеровъ съ этими извѣстіями къ своимъ правитель-
ствамъ.

Во флорентинской газетѣ *Alba* сообщаютъ слѣдующее о событіяхъ въ Неаполѣ, 27 и 28 января: «27-го, въ часъ по полудни, собрались толпы людей на улицахъ; поэтому, правительство прибѣгло въ послѣдній разъ къ силѣ: около пяти часовъ раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; войска выступили изъ всѣхъ казармъ, и распространились по городу; но офицеры не позволяли стрѣлять, и старались, мирными средствами, уменьшить волненіе.

Всѣ министры подали въ отставку, которая была принята королемъ. Между тѣмъ Салернцы, съ инсургентами другихъ городовъ, извѣстили правительство, что 29-го числа они бросятся на Неаполь съ оружіемъ въ рукахъ. Новые министры объявили, что согласны принять это званіе только съ условіемъ законнаго уложенія. На другой день было объявлено уложеніе.»

За тѣмъ водворилось совершенное спокойствіе. Новая гражданская стража образовалась быстро, и преимущественно обратила вниманіе на опасный классъ неаполитанскихъ ладзарони, начинавшихъ было уже собираться для грабежа. — Король обнародовалъ полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ.

— Король Сардинскій даровалъ своимъ владѣніямъ новое уложеніе.

— 11-го февраля, великій герцогъ тосканскій издалъ манифестъ (*Manifesto*), въ которомъ извѣщаетъ своихъ подданныхъ, что чрезъ нѣсколько дней даруетъ имъ новое уложеніе, сообразное съ выгодами Тосканы и съ общими интересами Италіи.

— Изъ Рима получено извѣстіе, что 8 февраля Папа произвелъ значительныя измѣненія во внутреннемъ управленіи Церковной Области. По желанію, изъявленному ему депутаціею, составленною изъ почетнѣйшихъ лицъ, Пій IX рѣшилъ совершенно преобразовать министерство или государственную консулту, члены которой медлили принятіемъ дѣятельныхъ мѣръ къ вооруженію необходимаго числа войскъ. Сенаторъ *Корсини*, возвратившись отъ Папы, сообщилъ собравшемуся на

мощади: дель-Нополо народу, что Цина обьявилъ, что народъ будутъ опредѣлены въ министерство лишь свѣтскія лица, достойнаго уваженія; что изъ Сардиніи приглашены павъ еминенровъ, для предводительства вѣйскомъ, и что съ Тосканею и Сицилиею заключены наступательныя и оборонительныя договоры.

Швейцарія.

Въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ» отъ 5-го февраля напечатана слѣдующая статья: «Посреди возмутительныхъ дѣйствій, происходящихъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи и которыя, можетъ быть, не достигли до еще своей цѣли, спокойный наблюдатель находитъ единственное утѣшеніе въ безпристрастныхъ отзывкахъ всѣхъ честныхъ и благоразумныхъ людей. Въ этомъ отношеніи ни одинъ народъ не дѣлаетъ исключенія; Русскіе и Англичане, Французы и Нѣмцы, все, понимающіе цѣну истинны и справедливости, выражаются одинаковымъ образомъ о настоящихъ событіяхъ въ Швейцаріи. Люди, различествующіе, впрочемъ между собою своими политическими мнѣніями, своими религіозными вѣрованіями и общественными видами, единодушно выражаютъ свое глубокое негодованіе на счетъ того, какимъ образомъ господствующая нынѣ партія въ Швейцаріи пользуется своею побѣдою, такъ легко ею пріобрѣтенною. Голосъ образованной Европы на этотъ счетъ столь единодушенъ, какъ онъ рѣдко бываетъ въ отношеніи другихъ важныхъ политическихъ вопросовъ настоящей эпохи. Такое единодушіе утѣшаетъ, успокоиваетъ и подаетъ надежду на улучшеніе общественныхъ дѣлъ, причинившихъ въ разстройство. Преобладающая въ Швейцаріи партія все еще, правда, ссылается на привраки возмущенія, возгорѣшагося въ семи кантонахъ, и утверждаетъ, что она призвана потушить эти возмущенія. Но и въ томъ случаѣ, если бы утвержденіе это, основанное на грубыхъ соображеніяхъ и служащее только къ прикрытію возможныхъ несправедливостей, могло выдержать безпристрастную оцѣнку, то и тогда, говоримъ, слѣдовало бы объявить прямо, что нынѣшнее обузданіе семи канто-

-ловъ со стороны радикальной партіи переходить всѣ границы; и не составляетъ уже справедливаго наказанія, но есть жесто-
вое и циничное и безжалостное преслѣдованіе. Такое мнѣніе вполне
оправдывается сравненіемъ лицензійныхъ фразъ прокламаціи,
послужившей началомъ этой безбожной войны, съ тѣмъ, что
произошло въ послѣдствіи. Вышесказанное можетъ въ то же
время служить предостереженіемъ другимъ и показываетъ, че-
го должны ожидать для себя въ каждой странѣ сословія, со-
ставляющія главные элементы общества, въ томъ случаѣ, ког-
да радикальной партіи, повсюду теперь столь дѣятельной,
удастся захватить въ свои руки власть, какъ это случилось
въ Швейцаріи. Означенная партія превозносится тѣмъ, что вы-
ражаетъ себѣ свободную волю народа; но въ Швейцаріи она
преградила издаваніе всѣхъ газетъ, которыя осмѣливались вы-
ражать мнѣніе, не согласное съ ея началами. Партія эта го-
воритъ о свободномъ обмѣнѣ мыслей, но въ Швейцаріи она до-
вела до того, что другъ не можетъ повѣрять другу на выстѣ
или своихъ мнѣній, ни страданій, ни опасеній, ни надеждъ.
Она снисходительна въ отношеніи къ своей правдивости; но въ Швей-
царіи ея дѣйствія и рѣчи представляютъ одно сдѣланіе: лжи
и обмановъ. Она хвалится, что уважаетъ права и стоитъ на
почвѣ неопредѣленности; но въ то же время угнетаетъ неспра-
дливѣйшими образомъ тѣ общины, которыя не унижаются передъ
нею, и подвергаетъ всей тягости своего деспотизма тѣ лица,
которыя прежде управляли дѣлами справедливыми и закон-
ными образомъ. Она безпрестанно говоритъ народу, что онъ
долженъ довѣрять важнѣйшіе свои интересы только людямъ,
которыя считаетъ достойными своего довѣрія; но выборъ
этихъ людей немедленно уничтожается, если они не нѣютъ
снастія правиться означенной партіи. Часто она сама управ-
ляетъ выборами, прибѣгая при томъ къ системѣ наглого устра-
шенія. Она твердитъ безпрестанно, что, благодаря ея усмі-
янь, во всѣхъ частяхъ управленія господствуетъ чистѣйшая
законность; но противъ ея декретовъ ни что не безопасно: ни
собственность, ни личная свобода, ни гражданская честь, ни
существованіе семействъ, хотя все это и составляетъ необхо-

днное основаніе общественнаго порядка. Она толкуеть о покровительствѣ, которое будто бы оказываетъ собственности; но отнимаетъ ее у частныхъ лицъ и у цѣлыхъ общинъ. Она провозглашаетъ самую безусловную религіозную свободу, именуетъ ее верховнымъ благомъ; но въ то же время изгоняеть изъ страны, подобно зловреднымъ животнымъ, тѣхъ, которые выражаютъ вѣру свою дѣлами и которые посвящаютъ жизнь и всѣ силы свои облегченію ближнихъ. Наконѣцъ, ко всѣмъ неистовствамъ своимъ она присовокупляетъ еще богохуленіе. Не скрывая своихъ антирелигіозныхъ стремленій, партія эта, которой полчища безнаказанно посрамляли церкви и ея служителей, доводитъ безбожіе до того, что въ концѣ прокламаціи, употребляя все имя Творца, говоритъ о защитѣ, оказанной Богомъ ея оружію и хочетъ убѣдить свѣтъ, будто бы она сама вѣрнѣе, что торжество доставлено ей свыше. —

Радикализмъ, упоенный властію, имѣеть одну только цѣль — низпровергнуть все то, что предъ нимъ не пресмыкается, уничтожить всякаго, кто для существованія своего требуетъ иного права, кромѣ даруемаго радикалами. Для созданія новаго порядка вещей, радикализму недостаетъ нужныхъ талантовъ, для врачеванія недостаетъ доброй воли, для возвращенія на истинный путь-благоразумія и даже тѣмъ примудрѣннѣе честности. Радикальная партія не слушаетъ представленій ни сэра *Стратфорда-Каннинга*, ни графа *Монталамбера*, ни даже сосѣднихъ державъ и противопоставляетъ ихъ мудрымъ совѣтамъ беспильный цинизмъ, который въ слѣпотѣ своей сшибиваетъ она съ благороднымъ чувствомъ національности. Порожденный безправственностью, постоянно питаясь ложью и существуя одною неправдою, радикализмъ можетъ только бросать сѣмена разрушенія; вездѣ, гдѣ онъ водворяется, онъ начинается съ того, что заражаетъ тлетворнымъ своимъ дыханіемъ отношенія религіозныя, политическія и общественныя, а потомъ разрушаетъ ихъ звѣрскою своею силою.

— Въ кельнской газетѣ сообщаютъ слѣдующее письмо одного Швейцарца изъ Берна, отъ 7-го февраля: «Со времени окончанія междуособной войны, отечество мое представляетъ

наблюдателю, не увлекающемуся страстями политических партий, неблагоприятную картину. Теперь наступили горестныя послѣдствія междоусобной войны: недостатокъ въ деньгахъ, потерянный кредитъ, остановленная промышленность и прерванныя сообщенія! Но какъ бы охотно истинные патриоты подвергли всему этому свое отечество, если бы умственное приобрѣтеніе, котораго ожидали по всей справедливости, хотя слишкомъ пламенно, теперь дѣйствительно обнаружилось. Гдѣ ожиданное примиреніе, торжественно провозглашенное всему міру господствующею партией? Въмѣсто примиренія находимъ мы повсюду только увеличивающуюся ненависть, возрастающее ожесточеніе притѣсненныхъ противъ притѣснителей, а съ другой стороны возрастающую досаду и усиливающіяся угрозы послѣднихъ противъ «ненправной» охранительной партіи. До сихъ поръ не сдѣлано ничего основательнаго, что бы могло подвинуть Швейцарію, въ какомъ бы то ни было отношеніи, нѣсколько болѣе впередъ, чѣмъ она находилась до расторженія Зондербунда. Обученіе должно быть отдано подъ безусловную опеку государству; Церковь, и въ особенности протестантская, обращена въ политическое учрежденіе! Въмѣсто того, чтобы немедленно приняться за преобразование союзнаго договора, Сеймъ теряетъ дорогое время надъ расчетами военныхъ издержекъ и надъ мѣрами противъ побѣжденныхъ братьевъ, сѣющихъ повсюду ненависть и раздоры.»

— Изъ Женевы пишутъ, что 9-го февраля весь государственный совѣтъ (за исключеніемъ г-на *Рилле*) подалъ, письменно, просьбу объ увольненіи. Этотъ совѣтъ существовалъ съ октября 1846 года, когда принялъ правленіе, въ слѣдствіе переворота въ Женевѣ. Замѣчательно, что г. *Джемсъ Фези*, глава тогдашняго движенія, дѣйствовавшій преимущественно помощію журнала, находившагося подъ его вѣдѣніемъ, нынѣ, слагая съ себя должность государственнаго совѣтника, приводитъ причиною тому невозможность управлять дѣлами при свободѣ тисненія.

— Изъ Берна сообщаютъ, что президентъ сейма, *Оксенбеймъ*, положилъ собственноручно отвѣчать на поту сэра.

Сэркифорди Камминг: Въ этомъ отъѣздѣ благодаритъ англійскаго уполномоченнаго за искусство, съ какою ловкостью ставала въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Что касается до военныхъ контрибуцій и реквизицій, то президентъ объявляетъ, что причиною ихъ является необходимость: нужда въ деньгахъ и убытки, причиненные войною; на связь и великій и великодушный постарается, какъ можно скорее взглянуть зло! Онъ пересмотрѣлъ союзнаго договора, а *Оксфордскіе* послушалъ въ общихъ и довольно незначительныхъ выраженіяхъ, хотя, впрочемъ, и повторилъ угрозы въ неприкосновенности верховной канцелярской власти.

— Въ засѣданіи 15-го февраля, швейцарскій сеймъ утвердилъ окончить на общую (коллективную) ноту великихъ державъ. — 16 числа сеймъ закрылъ свои засѣданія на неопредѣленное время.

Испанія:

— По извѣстіямъ изъ Мадрида отъ 7-го февраля, испанское правительство получило официальное извѣщеніе, что король Французовъ, уступивъ неоднократно просьбамъ королевы Маріи Христины, дозволилъ герцогу Монпансе отправиться весною въ Мадридъ съ своею супругою, для свиданія царствующей королевы. Въ то же время было предписано не разглашать тамъ объ этомъ предполагаемомъ путешествіи, и министерская газета, извѣщая насъ, по неосторожности, о предстоящемъ прибытіи высочайшей четы, получила строгій выговоръ. Еще прежде прѣдетъ въ Мадридъ новый французскій посолъ, г. *Лисмонте*. Одинъ дипломатическій агентъ уже прислалъ туда, и ежедневно сообщается съ президентомъ совѣта министровъ, *Марсальемъ*.

Португалія.

Изъ Лиссабона получены въ Англій извѣстія по 30-е января. Палата составила наконецъ 27-го числа. Королева назначила президентомъ ея втораго брата графа *Томара*, г. *Ребеллу Кабрала*. Г. *Сильва Кабралъ* предложилъ въ палатѣ депутатовъ представить нѣкоторые акты о взиманіи налоговъ, и другихъ чрезвычайныхъ мѣръ министерства *Пальмеллы* съ мая по октябрь 1846, равно какъ и дипломатиче-

скую переписку, которая была ведена, въ продолженіе междуособной войны, съ Англіею, Франціею и Испаніею. Также предложено было сделать графомъ Томаромъ въ палатѣ Пирее: кажется, оба брата интересны въ подробности оправдать свое политическое поприще.

— Въ газетѣ кабралистской партіи, *Uniao*, предлагаютъ продать англійскому правительству Азорскіе острова и Гоу, и выражаютъ довольно сомнительное мнѣніе, что Англія охотно дастъ за эти владѣнія десять милліоновъ фунт. стерл. Говорятъ, англійское правительство потребовало теперь вознагражденія за издержки Британской интервенціи, и сенсестрованіе много Сентября. Сэръ Джоржъ Сеймуръ написалъ объ этомъ ноту, въ которой требуетъ немедленной уплаты.

— По извѣстіямъ изъ Лиссабона отъ 9-го февраля, въ португальской столицѣ господствовало большое смущеніе по случаю ноты, поданной будто бы англійскимъ посланникомъ, и въ которой Англія объявляетъ, что она считаетъ условія, постановленныя при интервенціи, неисполненными, и что португальская палата депутатовъ, избравшая незаконнымъ образомъ, должна быть распущена.

Турція.

Порта официально извѣстила представителей пяти главныхъ европейскихъ державъ, что, по случаю прекращенія несогласій ея съ Греціею, дипломатическія сношенія между ними двумя государствами снова возобновляются, и что воспрещеніе для греческихъ судовъ производить каботажное плаваніе въ Турціи отиѣнено. По этому греческій гербъ былъ снова выставленъ надъ дверьми греческой канцеляріи въ Константинополѣ, и консулы этой державы въ Турціи получили разрѣшеніе вступить въ отправленіе обязанностей своихъ. Г-нъ *Муссурусъ* располагалъ выѣхать изъ столицы, для занятія поста турецкаго посланника въ Афинахъ, но ему въ томъ воспрепятствовалъ неожиданный случай, нападъ тому съ недѣлю приключившійся съ нимъ. Бѣжавши верхомъ съ визитомъ въ одинъ домъ въ Ак-Сератъ, онъ имѣлъ несчастіе упасть съ лошади, и получить въ это время ударъ копытомъ, переломившій ему два ребра. По перенесеніи его домой, ему оказаны были не-

обходными пособия и приставлено множество пѣяковъ; и хотя послѣ того здоровье его не въ опасности, однакожъ не думаютъ, чтобы онъ могъ пуститься въ путь раньше двадцати дней.

— Правительство рѣшило перечеканить въ нынѣшнемъ году 10 миліоновъ піастровъ, и увеличивать ежегодно, смотря по состоянію финансовъ, эту сумму. Передѣлка старой монеты началась на монетномъ дворѣ, куда Султанъ, въ сопровожденіи великаго визиря и многихъ высшихъ сановниковъ, пріѣзжалъ для присутствія при этихъ работахъ.

— Султанъ пожаловалъ великому визирю, *Решиду-Мехмету-паша*, 600,000 піастровъ пожизненнаго пенсіона (съ сохраненіемъ получаемого имъ жалованья), въ награду услугъ, оказанныхъ имъ Оттоманской Имперіи вообще, и въ особенности за удовлетворительное отстраненіе несогласія съ Греціею. При этомъ случаѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ, *Аали-эфенди* пожалованъ въ мушеры, и возведенъ въ званіе паша.

— Папскій нунцій, монснiоръ Ферриери, прибылъ въ Константинополь. Отправившись изъ Чивитта-веккіа 20-го декабря, на сардинскомъ военномъ пароходѣ, онъ былъ принужденъ зайти, чрезъ двое сутокъ, въ Неаполь, чтобы исправить поврежденія, претерпѣнныя паракодомъ на этомъ маломъ переѣздѣ. Эти исправленія продолжались двѣ недѣли, чѣмъ и объясняется поздній пріѣздъ туда нунція, уже начинавшій возбуждать тамъ опасенія. Пріемъ, оказанный послѣ папскаго престола, былъ самый почетный: императорскій камергеръ отправился на пароходъ, для поздравленія нунція отъ имени султана, и сопровождалъ его, вмѣстѣ съ однимъ чиновникомъ порты, въ придворной каретѣ, въ домъ, приготовленный для него въ Перѣ. Посолъ принималъ посѣщенія нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, и многихъ членовъ дипломатическаго корпуса.

По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, Нунцій имѣлъ аудіенцію у Султана 1-го февраля, и вручилъ его величеству вѣрительныя грамоты.

— Порта лишилась одного изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ сановниковъ. Эссаадъ-эфенди, начальникъ эмировъ и исторіографъ турецкой имперіи, который недавно былъ президентомъ

совѣта народнаго просвѣщенія, да мѣсто Эива-наши (призваннаго къ главному командованію арміею въ Румелин), умеръ на 75-мъ году жизни. Онъ былъ погребенъ въ великолѣпномъ зданіи бібліотеки, построеномъ имъ въ близости Св. Софій. Въ числѣ многочисленныхъ сочиненій его, съ особенною похвалою отзываются объ «Уссу-Заферъ» (основанія побѣды) — въ которомъ описывается исторія истребленія янычаръ.

— Ученый и неустрашимый русскій путешественникъ, г. Чихачевъ, возвратился въ Константинополь пѣтъ путешествія, предпринятаго имъ для ученаго изслѣдованія Малой Азіи, продолжавшагося восемь мѣсяцевъ. Г. Чихачевъ объѣхалъ большую часть пашалыковъ сивасскаго, копійскаго и айдинскаго, заключающихъ въ себѣ древнюю Фригію, Каппадокію, Киликію, Сирію, Исаврію, и даже проникъ въ землю негостепріимныхъ племенъ Авшаровъ и Курдовъ. Не довольствуясь произведенными имъ учеными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ знаній, онъ на свой счетъ построилъ въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи небольшія метеорологическія обсерваторіи, которыя могутъ принести значительныя услуги наукѣ въ странахъ, еще донынѣ столь мало извѣстныхъ въ физическомъ отношеніи.

— Изъ Вѣны получено извѣстіе, что пять молодыхъ Турковъ, воспитывавшихся въ галата-серайскомъ медицинскомъ училищѣ въ Константинополѣ, и отправленныхъ для усовершенствованія знаній ихъ въ столицу Австріи, публично защищали въ вѣнскомъ университетѣ, съ успѣхомъ, 14-го декабря, диссертациі на латинскомъ языкѣ, на степень докторскую, и торжественно были провозглашены докторами медицины г-мъ Обербахомъ, деканомъ медицинскаго факультета въ Вѣнѣ.

Г р е ц і я .

29-го января скончался въ Аѳонахъ генераль-лейтенантъ *Петръ Мавромихалисъ*, иначе называемый *Петро-Бей*, на 77 году своей бурной и богатой дѣлами жизни. Онъ былъ, какъ извѣстно, во время турецкаго владычества независимымъ княземъ Майны, принималъ участіе въ греческой войнѣ за независимость, и Майна частью при *Каподистрии*, а преимущественно при правительствѣ короля Оттона вошла въ составъ Греціи. Его заточеніе при *Каподистрии* было ближайшею причиною умерщвленія этого президента братьями *Мавромихалисъ*. *Петръ Мавромихалисъ* былъ назначенъ при королевскомъ правительствѣ вице-президентомъ государственнаго совѣта и

генералъ-лейтенантъ; проектомъ закона, внесеннымъ правительствомъ въ палату и въ сенатъ, назначалось Петро-Беоу, кромѣ содержанія его по званію генералъ-лейтенанта, ежегодно 12,000 драхмъ въ вознагражденіе за матеріальные убытки и за принесенныя имъ государству жертвы.

АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И МЕКСИКА.

По извѣстіямъ изъ Нью-Йорка отъ 14-го января, генералъ *Скоттъ* повелѣлъ американской арміи распространиться по всей Мексикѣ и занять всю республику, пока мексиканское правительство не сдѣластъ выгодныхъ мирныхъ предложеній.

— Изъ Нью-Йорка пишутъ, отъ 15-го января, что палата представителей приняла важное рѣшеніе: 85-ю голосами противъ 81-го было утверждено предложеніе г. *Ашмена*, объявившаго, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ началъ войну съ Мексикою безъ пользы и незаконнымъ образомъ. При значительномъ большинствѣ голосовъ противъ президента и при его перевѣсѣ въ сенатѣ, это рѣшеніе будетъ имѣть мало послѣдствій. Война съ Мексикою однажды начата, и должна быть окончена съ честью. Конгрессъ не откажетъ въ средствахъ для этого. Г. *Гамптонъ* предложилъ въ палатѣ представителей, чтобы вся завоеванная нынѣ часть Мексики была присоединена къ Соединеннымъ Штатамъ.

— Во всѣхъ письмахъ изъ Вашингтона сообщаютъ, что генералъ *Шильдс* и коммодоръ *Стоктонъ* громко объявляютъ, что они рѣшились предпринять, съ волонтерами и на свой счетъ, завоеваніе, первый всей Мексики, а послѣдній Калифорніи, если правительство Соединенныхъ Штатовъ откажется отъ этого предпріятія. Увѣряютъ, что эти искатели приключеній способны исполнить свое намѣреніе.— Кажется, между американскими генералами существуютъ раздоры. Генералъ *Скоттъ* отдалъ подъ слѣдствіе генерала *Пилу* и полковника *Дунжана*. Опъ обвинилъ также генерала *Ворта*, котораго считаютъ его преемникомъ, но обвиненія генерала *Скотта* оказались несправедливыми. *Вортъ*, съ своей стороны, жалуется на своего начальника, и будетъ произведено слѣдствіе.

Русская Словесность.

ДВѢ СИЛЫ. *

О Господи, какой жестокий бой!
Въ моей душѣ два существа враждуютъ;
Терзаютъ плоть, и духъ тревожатъ мой,
И разумъ мой и мысль мою волнуютъ.

Одно полно и блага и любви,
Меня къ тебѣ, Владыко, увлекаетъ,
Въ твой горній домъ; другое же внушаетъ,
Чтобъ попралъ законы я твои.

Одно все духъ, высокое, святое,
Велитъ твою мнѣ помнить благодать,
И, все покинувъ долнее, земное,
Всѣ помыслы къ тебѣ лишь устремлять.

* Одно изъ послѣднихъ стихотвореній Федора Николаевича Менцова, умершаго въ молодые лѣтахъ, 4 минувшаго февраля. Русская литература лишилась въ немъ одного изъ даровитыхъ, усердныхъ дѣятелей. *Ред. С. О.*

Другое — въ сладкомъ, дивномъ обольщенъ,
 Инымъ житейскій представляетъ миръ,
 Сулитъ мнѣ здѣсь утѣхи, наслажденье,
 И изъ земнаго дѣлаетъ кумиръ.

Когда-жь, когда спокойствіе увижу,
 И минеть ли суровая пора!
 Зло дѣлаю, его же ненавижу,
 Люблю добре, я не твердо добра!

Пошли, Отецъ, пошли мнѣ лучъ спасенья,
 И одолѣть врагу меня не дай,
 Да путь земной ~~спасенья~~ ~~бессъ~~ оскверненья
 И вниду въ твой обѣтованный рай.

Вениковъ.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ 1725 и 1726 ГОДОВЪ.

Въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Роковая ночь.

Ночь съ 27 на 28 января 1725 года была холодная. Жители Петербурга, утомленные трудами созданія новой столицы, уснули, собираясь съ новыми силами для деятельности безпрерывной, творческой, вызванной на берега Новаго Петраго Великаго.

Луна медленно поднималась къ горизонту; звѣзды блистали на небѣ.

Ничто не прерывало глубокой тишины....

Возвъ змилго дома, дворца Императора, стояли двѣ курьерскія тройки. Ямщики, закутавшись въ тулупы и свернувшись какъ улитки, крепко спали, несмотря на жестокий морозъ. Лошади по-временамъ вздрагивали, побрякивая медвными украшениями збруи.

Часть нижняго и, соответственная ему, угловая часть втораго этажа дворца были освящены. Это освященіе, сопровождаемое глубокою тишиною, имѣло въ себѣ нечто таинственное....

Изрѣдка на спущенныхъ занавѣсахъ рисовались силуэты осторожно проходившихъ людей.

Вдругъ, посреди ночной тишины, явственно послышался скрипъ растворяемой двери.

Съ крыльца зимняго дома сошелъ мужчина въ шубѣ.

Не останавливаясь, перешелъ онъ черезъ улицу, спустился по каменнымъ ступенямъ на ледъ маленькой гавани, находившейся передъ Императорскимъ дворцомъ и пошелъ наискось черезъ Неву, къ Васильевскому острову.

Тамъ, на берегу Невы, высилось божье зданіе, болѣе походившее на дворецъ, нежели самый зимній домъ. Набережная въ этомъ мѣствѣ была уже выложена, и передъ самымъ подъездомъ, состоявшимъ изъ трехъ арокъ, на которыхъ лежалъ балконъ, была сдѣлана красивая пристань.

Въ этомъ великолѣпномъ домѣ князь Меншиковъ, по порученію Петра Великаго, не терпѣвшаго пышности при своемъ дворѣ, принималъ знатнѣйшихъ иностранцевъ и давалъ блистательныя пиршества. Часто раздавались во дворцѣ Меншикова звуки музыки, веселые клики пирующихъ; множество экипажей покрывали обширный дворъ, обведенный красною оградой съ трехъ-арочными воротами со стороны пристани.

Но теперь все въ немъ было тихо, молчаливо.

Только у подъезда стояли маленькія сани съ теплою медвѣжьей полостью, запряженныя парой сильныхъ и красивыхъ лошадей, покрытыхъ дорогами коврами.

Въ одномъ изъ двухъ флигелей, примыкавшихъ къ главному корпусу, но подававшихся нѣсколько назадъ, былъ освященъ второй этажъ.

Мужчина подошелъ къ подъезду. Въ сѣняхъ, освѣщенныхъ фонаремъ, привѣшеннымъ къ потолку, прохаживался взадъ и впередъ одинъ изъ телохранителей могу-

шественнаго князя, между тѣмъ какъ другіе два солдата спали на деревянныхъ скамьяхъ.

— Доложить князю, сказалъ вошедшій отрывисто.

Тьлохранитель, какъ бы привыкнувъ къ посещеніямъ во всякое время дня и ночи, молча подошелъ къ ручкѣ колокольчика, позвонилъ и остановился передъ бѣлой мраморной лѣстницей, какъ бы преграждая дальнѣйшій путь незнакому посетителю.

Минуту спустя, на поворотѣ лѣстницы показался слуга.

— Доложить князю, сказалъ ему тьлохранитель, указавъ на незнакомца, нетерпѣливо прохаживавшагося взадъ и впередъ.

Слуга хотѣлъ уже удалиться, чтобы передать докладъ по принадлежности, но незнакомецъ крикнулъ ему:

— Веди меня прямо къ князю..... Мнѣ дорога каждая минута!

Повидимому голосъ незнакомца показался слугѣ знакомымъ; онъ поспѣшно сошелъ внизъ.

— Виновать, ваше сіятельство! вскричалъ онъ, взглянувъ въ лицо посетителю: я не узналъ васъ! Пожалуйте, я сейчасъ проведу васъ ближайшимъ путемъ.

И съ этими словами онъ повелъ незнакомца въ корридоръ, находившійся по правую сторону лѣстницы.

Пройдя нѣсколько корридоровъ, залъ и лѣстницъ, они вошли въ прихожую, въ которой спалъ камердинеръ.

Слуга разбудилъ его, сказалъ ему нѣсколько словъ, и камердинеръ немедленно вошелъ въ кабинетъ Меншикова; минутой спустя, онъ вернулся оттуда, пригласивъ посетителя войти.

Едва за послѣднимъ затворились двери, какъ передъ нимъ очутился самъ князь.

Онъ, повидимому, спалъ не раздѣваясь, снявъ только кафтанъ; на головѣ у него вмѣсто парика была бархатная шапочка. На лицѣ его была написана усталость, но бѣждаемая, однакожъ, сильною озабоченностью.

— Графъ! произнесъ онъ голосомъ, заглушаемымъ без-

судейством: вы сами!.... в такое время... ради Бога, говорите, что случилось?

— Пока еще ничего, отвечал граф Бассевичъ, голштинскій министръ при российскомъ дворѣ: пока еще ничего, князь; но опасность близка!....

— Что Императоръ? спросилъ Меншиковъ, устремивъ на графа взоръ, исполненный боязни.

Въ это самое время часы пробили два.

— По общему приговору медиковъ, Его Величеству не дожить до утра.... отвечалъ Бассевичъ.

— Боже мой, какое несчастіе! съ горестію произнесъ Меншиковъ.

— Одваться! сказалъ онъ камердинеру, сбрасывая съ себя бархатный плафрокъ, на горностаевомъ мѣху.

Одѣвшись, Меншиковъ скоро повернулся къ иконамъ; передъ которыми теплилась серебряная лампада.

— Господи, да будетъ воля Твоя! произнесъ онъ тихимъ голосомъ, и на лицѣ его выразилась глубокая грусть, при мысли о великой предстоящей потерѣ, и возбужденная только важностью обстоятельство. Господи, спаси Россію!....

Перекрестившись, Меншиковъ сотворилъ земной поклонъ и осушилъ слезы, выкатившіяся изъ сердца.....

— Бдите, графъ! сказала Меншиковъ.

Глубокое молчаніе царствовало въ спальнѣ Императора.

Минула рѣшительная, горестная для Россіи, приближалась.....

Несомнѣно одолѣла колосса, на могучихъ плечахъ своихъ поднимавшаго Россію.

У кровати сидѣла на низенькомъ табуретѣ Императрица, опустивъ голову на край кровати и загнушая рыданія платкомъ, который она судорожно прижимала къ устамъ.

За ширмами, окружавшими кровать, сидѣли у стола, поющихаго хирургическими инструментами, полуоперевѣшенными отъ кланьями и банками, придворный медикъ Булуновъ и лекарь Наульсонъ. Рѣшительная безнадѣжность была написана на блѣднѣхъ, истомленныхъ лицахъ ихъ.

Остатки залы были заняты членами жюри, сенаторами, генералами и другими вельможами. На всех лицах выражалась глубокая, безотрадная грусть....

Никто не разговаривал, другie прожались взадъ и впередъ, третьи плакали; но раздавался страшный, презрительный вопль, и вдругъ все останавливалось, вздрагивало, прерывало разговоръ....

Императоръ уже несколько часовъ боролся со смертью; левая рука, отнятая параличемъ, охолодѣла и неподвижно лежала на одеялѣ; только правую приподымалъ иногда больной, какъ бы смѣясь сотворить крестное знаменіе....

Было три часа.

Тихо отворилась дверь въ спальню.

Врачи приподнялись со своихъ мѣсть, при входѣ князя Меншикова.

Онъ остановился на минуту и устремилъ взоръ на Блументроста; и послѣдній, понявъ этотъ взоръ, печально покачалъ головою.

Сжимувъ зубы, заглушилъ Меншиковъ глубокой, тяжелой вздохъ, высоко поднявшій грудь его.

Онъ вступилъ за ширмы.

При видѣ его, Императрица подняла голову, молча указала на своего супруга и зарыдала.... Тщетно прижимала она платокъ къ устамъ.... Отрывистый, судорожный вопль прервалъ господствующую тишину....

Умирающій пошевелилъ рукою и болезненно застоялъ....

Доктора невольно привстали со своихъ мѣсть, но наступившее молчаніе заставило ихъ опять сѣсть.

И долго, долго длилось молчаніе, прерываемое только тихимъ шопотомъ шажени послужающихъ....

Меншиковъ преклонилъ колѣни; онъ не могъ на несколько минутъ дать волю своей горести и жгучимъ слезамъ потекли по щекамъ его....

Онъ проливалъ слезы у смертнаго одра своего благодѣтеля, вызвавшего его и поставившаго на высокую стѣпень силы и могущества....

Меншиковъ плакалъ и молился; слезы облегчали грудь его.

Но вдругъ глаза его обратились на Петра..... грудь брѣнаго стала высоко и часто подыматься, движенія руки становились чаще и чаще....

Приближался кризисъ.

Сначала тихій стонъ вырвался изъ груди умирающаго, но, постепенно усиливаясь, онъ дошелъ до страшнаго вопля, далеко разносившагося по дворцовымъ покоямъ.

Въ это самое время вошелъ въ спальню Бассевичъ; но, какъ бы пораженный ужасомъ, остановился за ширмами.

Блуменростъ и Паульсонъ поспѣшно встали со своихъ мѣстъ и подошли къ смертному одру.

За сильнымъ кризисомъ послѣдовало глубокое молчаніе и совершенная неподвижность.....

Блуменростъ наклонился къ умирающему..... закатившіеся глаза его были неподвижны; онъ приложилъ руку къ сердцу....

Оно перестало биться для Россіи и для всего земнаго!
Земное бытіе Великаго кончилось.

. . . . .
. . . . .

ГЛАВА II.

Слѣдующій день.

Насталъ день. Князь Меншиковъ изъ дворца повзвалъ прямо къ Апраксину.

Въ пріемной генералъ-адмирала собрались уже первыя чины русскаго флота.

Слуга поспѣшно отворилъ передъ Княземъ Ижорскимъ обѣ половины двери въ обширную галлерей, великолѣпно убранную штофными обоями и мебелью, покрытою малиновымъ бархатомъ.

Пройдя еще нѣсколько покоевъ, отличавшихся необык-

военною пышностию, Меншиковъ вошелъ въ спальню генералъ-адмирала.

Тамъ, передъ иконами, стоялъ на колыняхъ съдой старецъ.

Набожно крестясь, онъ творилъ тихую молитву и крупныя слезы катились по морщинистымъ щекамъ его.

Уважая искреннюю горестъ старца, питавшаго къ Петру Великому безпредельную привязанность, Меншиковъ остановился у драпировки, прикрывавшей дверь.

Но шорохъ тяжелой драпировки заставилъ Апраксина оглянуться. Узнавъ князя, онъ оперся правою рукою въ полъ, чтобы встать. Тогда Меншиковъ поспѣшно подскокнлъ къ нему и помогъ ему подняться.

Молча усадилъ онъ его въ кресло и, придвинувъ другое, сѣлъ возлѣ него.

Нѣсколько минутъ молчали товарищи славныхъ военныхъ подвиговъ, и только рыданія ихъ прерывали тишину.

Меншиковъ, рассчитавшій уже весь день свой по минутамъ, первый прервалъ молчаніе.

— Графъ, сказалъ онъ: перестаньте печалиться..... поберегите себя.....

— Охъ, горе! проговорилъ генералъ-адмиралъ.

— Пути Господа неисповѣдны, возразилъ Меншиковъ: скончался Великій Петръ, но не скончается великое дѣло, зачатое имъ!.... Вотъ собственные слова Императрицы, сказалъ Меншиковъ: сподвижники моего супруга помогутъ мнѣ продолжать благія начинанія, прибѣвила она, и назвала нѣкоторыхъ вѣрныхъ сыновъ отечества.... Первое имя, произнесенное Императрицей, было ваше, графъ.....

— Спасибо, ваше сіятельство; благодарствую за утѣшительное слово, сказалъ Апраксинъ растроганнымъ голосомъ. Постараюсь заслужить довѣренность Императрицы.....

— Любите ее такъ, какъ любили супруга ея, и признательность Екатерины превзойдетъ еще признательность Петра.

Съ этими словами Меншиковъ всталъ. Коснувшись чув-

ствительныхъ, струны сердца Апраксина, они почтены одно дѣло; надобно было приступить и къ другимъ.

— Я скоро представляю Государыню, сказала Апраксиня, вставая, чтобы проводить Меншикова; дайте мнѣ только хорошенько выплакаться, чтобы не огорчать Ея Величества моими слезами.....

Проводивъ Меншикова до двери, Апраксиня хотѣла идти дальѣ, но князь удержалъ его.

Отъ генераль-адмирала Меншиковъ поѣхалъ къ канцлеру Головкину.

На петербургской сторонѣ, близъ троицкаго собора, между богатыми домами барона Шафирова и графа Остермана, стоялъ небольшой мазанковый домъ, ни чѣмъ не отличавшійся отъ жилищъ бѣдныхъ обывателей.

У этого дома остановились сани Меншикова.

Пройдя чрезъ нѣсколько комнатъ, выкрашенныхъ клеевыми красками и уставленныхъ просто дубовою мебелью, крытою кожей, прибитой гвоздями съ медными шпалочками, князь Ижорскій пошелъ въ кабинетъ государственнаго канцлера Гаврила Ивановича Головкина.

Последній, высокій, худощавый мужчина, одѣтый чрезвычайно просто, въ кафтанъ темно-кофейнаго цвѣта, встрѣтилъ Меншикова низкими поклонами.

— Какое великое несчастіе! вскричала Головкиня, приходя Меншикова, вснаденувъ руками; поднявъ глаза къверху и склонивъ нѣсколько голову на лѣвое плечо.

— Несчастіе это могло быть значительнѣе, еслибы не были приняты рѣшительныя мѣры къ отвращенію зла, сказалъ Меншиковъ.

— О чемъ вы говорите? спросилъ Головкинь.

— Неужели вамъ неизвѣстно?

— Ничего; отвѣчалъ канцлеръ, пристально глядя въ глаза князю.

— Злонамеренные люди хотѣли было уничтожить всѣ великія преобразованія Императора.....

— О! какое святотатство! съ выраженіемъ ужаса произнесъ Головкинь.

— Но зачем же их ружьями...

— Благодарю Вас, Ваше Высочество!

— Министр знает теперь верных сынов отечества....

— Но знает ли всемогущая Государыня преданных слуг ея? спросил канцлер.

— Одно из первых именъ, произнесенное Ея Величествомъ, было ваше, графъ....

На лицѣ канцлера выразилась радостная признательность.

— Господи! произнесъ восторженно Головкинъ: отъ насъ Петра, ты нанесъ намъ тяжкій ударъ..... Но, Всеблагій, ты смягчилъ этотъ ударъ, даровавъ намъ Екатерину!....

Отъ Головкина Князь Ижорскій повхалъ къ вице-канцлеру Остерману, а оттуда опять во дворецъ.

Тамъ дѣлались уже приготовленія для перенесенія тѣла покойнаго Императора въ большую залу, гдѣ находилась придворная церковь, которая на это время была переведена въ другую, меньшую залу.

Переговоривъ съ герцогомъ голштинскимъ, неусмысленный Меншиковъ представился Цесаревнамъ, Великому Князю, обошелъ весь дворецъ и опять ухалъ.

Проезжая мимо полицеймейстерской канцелярш, Меншиковъ приказалъ дать знать генералъ-полицеймейстеру Девьеру, чтобы онъ явился къ нему въ половинѣ четвертаго часа.

Наконецъ, когда стало уже смеркаться, Князь Ижорскій вернулся домой, усталый, измученный физически, но еще бодрый духомъ.

Въ приемной его собралась уже толпа просителей, — болѣею частью мелкопомѣстныхъ дворянъ, прихавшихъ въ Петербургъ искать счастья.

Меншиковъ выслушалъ всѣхъ, приказавъ секретарю своему принять просьбы и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ; но едва вошелъ онъ туда, какъ брови его сдвинулись, а онъ быстро взглянулъ на часы.

Стрѣлка стояла ровно на половинѣ четвертаго.

Сердито снявъ перчатки, Меншиковъ бросилъ ихъ на столъ; потомъ поднявъ голову, выпрямился и вздохнулъ изъ глубины души, какъ бы желая сбросить съ себя на время тягость государственныхъ дѣлъ.

Опустившись въ кресло, онъ закрылъ лицо обѣими руками и просидѣлъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи....

О чемъ думалъ въ эти минуты могущественный вельможа, взысканный милостію Великаго Петра?...

Меншиковъ искренно и всею душою былъ преданъ своему благодѣтелю; сильно, глубоко чувствовалъ онъ незамѣнимую потерю въ минуты уединенія или утомленія отъ безчисленныхъ дѣлъ....

Но часты ли были эти минуты?

Нѣтъ! Меншикову некогда было ни уединяться, ни уставать....

Любимецъ Петра вполне заслуживалъ милости, которыми Государь осыпалъ его. Меншиковъ былъ, можетъ быть, единственный изъ окружавшихъ престолъ вельможъ, способный продолжать преобразование, начатое Петромъ Великимъ, потому что, кромѣ дарованій великаго полководца, соединялъ въ себѣ умъ всеобъемлющій, тонкій и проницательный до-нельзя и дѣятельность невѣроятную.

Когда надежда на выздоровленіе Императора исчезла, Меншиковъ, сотрудникъ Великаго въ великомъ дѣлѣ, впалъ въ глубокое уныніе.

Запершись въ своемъ кабинетѣ, онъ размышлялъ объ участи, ожидавшей Россію. Онъ зналъ, что большая часть дворянъ древнѣйшихъ семей, ненавидѣла его, какъ выскочку, ставшаго не только наравнѣ съ ними, но гораздо выше ихъ....

Быть можетъ, Меншиковъ пожертвовалъ бы собою и сошелъ бы съ поприща, еслибъ видѣлъ, что усилія противниковъ его имѣли цѣлю продолженіе начатаго Петромъ....

Последніе годы Меншикова, въ изгнаніи, оправдываютъ это мнѣніе.

Но зная несогласіе своихъ противниковъ, зная честолю-

бже ихъ, онъ предвидѣлъ, что Россія погрузится опять въ тотъ же мракъ, изъ котораго исторгнулъ ее могучій геній Великаго; онъ предвидѣлъ, что всѣ плоды многолѣтнихъ усилій пропадутъ, и эта мысль поддержала въ немъ энергію, которую горестъ могла ослабить.

Нужно ли упоминать о недостаткахъ Меншикова?... Упрекать Меншикова въ его недостаткахъ, значило бъ требовать совершенства, котораго нѣтъ въ мѣрѣ. Недостатки Князя Ижорскаго равнялись съ недостатками всякаго человѣка; по достоинствамъ же своимъ онъ стоялъ на высотѣ, до которой достигаютъ только люди избранные, отмѣченные печатью генія....

Шумъ растворившейся двери вывелъ Меншикова изъ размышлений.

— Генераль-полицеймейстеръ, доложилъ слуга, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ Девіеръ.

Антонъ Мануиловичъ Девіеръ былъ женатъ на родной сестрѣ Меншикова. Она вышла за него совершенно противъ воли брата, отчего Меншиковъ возненавидѣлъ Девіера.

Последній, гордый португальскій выходецъ, пользовавшійся особенною милостію Петра, не могъ или не хотѣлъ покорностію купить милость князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ остороженъ, чтобы не подать последнему средствъ вредить ему, потому-что какъ генераль-полицеймейстеръ находился въ зависимости отъ Меншикова, исправлявшаго вмѣстѣ со многими другими должностями должность генераль-губернатора.

При входѣ Девіера, Меншиковъ всталъ и молча указалъ на часы.

Краска сошла со смуглаго лица генераль-полицеймейстера. Зная, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, Меншикову нужно было беречь людей значительныхъ, онъ не ожидалъ такого приѣма.

Затаивъ злобу въ душѣ, онъ отвѣчалъ:

— Вашему сіятельству извѣстно, что мои занятія....

— Ваши занятія, ваши занятія! нетерпѣливо вскричалъ

Меншиковъ; выслушавъ знатія, господина. повторилъ—позиціонной споры, ограничиваясь, какъ я вѣду, надзоромъ за позиціонной заборона.

— Прикажете мнѣ считать эти слова выговоромъ? спросилъ Девіеръ, съ принужденнымъ спокойствіемъ.

— И наставленіемъ! гордо отвѣчалъ князь.

— Въ наставленіяхъ я не нуждаюсь, вспльчиво возразилъ Девіеръ; позвольте напомнить вашему сіятельству, что я не новичекъ.... семь лѣтъ уже исправляю я должность, на меня возложенную.... семь лѣтъ, ваше сіятельство!

— Антонъ Мануиловичъ, возразилъ Меншиковъ, съ презрительной ужимкой; вы забываете, что вы зять Манишкова!

— Желалъ бы забыть, но неприятели моего родомѣнника безпрестанно напоминаютъ мнѣ о томъ!

— Непріятели съ сердцемъ вскричалъ Меншиковъ: кому обязаны вы такимъ званіемъ?

— Богу, Государю и собственнымъ заслугамъ.

— Хороши заслуги! вскричалъ Меншиковъ забывшири; одна ваша заслуга состоитъ въ удачномъ исполненіи порученій, возложенныхъ на васъ по судебному дѣлу.

Девіеръ задрожалъ и странно поблѣднѣлъ.

Меншиковъ оживился и, какъ бы расправляясь въ обязанности, внезапно замолчалъ....

Но уже было поздно; уроженецъ Юга въ глубина души покланялся Меншикову вѣчному месту.

Князь Ижорскій сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по кабинету.

Генералъ-полцеймейстеръ стоялъ неподвижно и опустивъ глаза, какъ бы опасаясь, чтобы Меншиковъ не промѣтилъ преждевременно ненависти, горавшей въ немъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Я жду приказаній вашего сіятельства, прошепталъ, наконецъ, Девіеръ спокойнымъ голосомъ.

Меншиковъ молча сѣлъ къ столу и сталъ писать.

Еслибы она подошла въ это время полету, то встрѣтилъ

без перерыва, оживленный взгляд, обхватывавший, такъ сказавъ, все съ невыразимомъ почтениемъ.

— Антонъ Мануиловичъ, сказалъ Меншиковъ, вставая и посылая пескомъ написанное; вотъ вамъ разрѣшеніе на употребленіе по мѣрѣ надобности некоторыхъ экономическихъ суммъ полиціи и вмѣстѣ инструкція, изъ которой сообщите вашимъ подчиненнымъ, что сочтете нужнымъ.

Девіеръ принялъ бумагу, поклонился, но не вымолвилъ ни слова.

Рана, нанесенная Девіеру, была слишкомъ глубока.

— Идите съ Богомъ, Антонъ Мануиловичъ, продолжалъ Меншиковъ, и помните: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость...

Холодно поклонился Девіеръ и, ни сказавъ ни слова, вышелъ изъ кабинета.

Долго и задумчиво глядѣлъ князь вслѣдъ удалившемуся.

Между тѣмъ, тихо, безъ малѣйшаго шума, отворилась маленькая потаенная дверь въ самомъ темномъ углу кабинета.

Вышла женщина, малаго роста, горбатая некрасивой наружности.

Затворивъ за собою потаенную дверь, она подошла къ Меншикову и положила ему на плечо свою руку, оживляющаяся длинными, костлявыми пальцами.

Князь невольно вздрогнулъ и оглянулся.

— Александръ Данилычъ, сказала ему женщина: запишите вышедшаго первымъ, между самыми непримиримыми врагами, вашими!...

ГЛАВА III.

ДѢЯВШІЕСЯ СРЕДСТВО.

Еще до возвращенія Меншикова домой, въ сумерки плелась къ дому его женщина средняго роста въ черной шелковой шубѣ на лисьемъ мѣху, безъ воротника, и въ бархатной шаночкѣ, опушенной собольимъ мѣхомъ.

Ей казалось лѣтъ за тридцать; движенія ея были живы, быстры, и она шла бодрѣ какой-нибудь нынѣшней осьмнадцатилѣтней барышни, для оживленія которой необходимы звуки бальной музыки.

Проходя мимо параднаго подъезда, женщина эта ласково кивнула головою толпѣ слугъ и привѣтствовала ихъ, называя каждаго по отчеству.

Слуги отвѣчали на поклонъ ея съ почтительною фамильярностью.

Потомъ своротавъ отъ главнаго фасада направо къ флигелю, противоположному тому, въ которомъ находился кабинетъ Меншикова, она направилась къ маленькому крылечку.

Живо взобралась она по узенькой и довольно крутой лѣстницѣ въ третій этажъ. Знакомая, повидимому, съ мѣстностію, она прошла нѣсколько шаговъ по корридору, остановилась у одной изъ дверей и полурастворивъ ее, просунула голову въ комнату.

— Здравствуйте, дѣтушки, сказала она тихимъ голосомъ.

— Здравствуйте, Пелагея Ивановна, отвѣчали нѣсколько женскихъ голосовъ и три комнатныя дѣвушки подбѣжали къ двери.

Женщина вошла. Служанки наперерывъ одна передъ другою, бросились снимать съ нее шубу и развязывать ленты бархатной шапочки.

— Спасибо, дѣтушки, спасибо! говорила гостья, которая, снявъ шубу и шапочку, очутилась въ какомъ-то странномъ костюмѣ, странномъ въ то время: шелковое платье ея было нѣмецкаго покроя, голова же была повязана платкомъ по русскому обычаю.

— Экъ вы, Пелагея Ивановна, сегодня нарядились? сказала одна изъ дѣвушекъ: словно невеста!

— Охъ ужъ ты мнѣ, воструха! отвѣчала Пелагея Ивановна: все у тебя невеста на языкѣ; видно крѣпко за-мужъ хочется!

— Что вы, что вы, Пелагея Ивановна! вскричала дѣвушка, покраснѣвъ и отвернувшись. Долга пѣсня!

— Толкуй ты, ягодка малиновая, возразила гостя: молодецъ-то у меня ужъ на примѣтъ....

— Полно вамъ стыдить меня....

— Ну, ну, ладно! Ужъ что знаю, такъ знаю, а притаманнаго никому не открою. Не увидишь, какъ время пролетитъ; не заметишь, какъ сваха придетъ; не подметишь, какъ росписи укрѣпять; не учуешь, какъ рукобитье пробьютъ и за дубовый столъ посадятъ; не взвидишь, какъ подъ вѣнецъ поставитъ, а только опомнишься, какъ во княземъ пиру возвеличатъ!

Яркій румянецъ удовольствія разъигрался на щекахъ хорошенькой комнатной дѣвушки.

— Пелагея Ивановна, сказала другая дѣвушка: послушайте мой сонъ....

— Послѣ, послѣ, родимая моя голубушка! Скажи-ка мнѣ лучше, какъ у васъ въ доѣтъ?

— Ничего, Пелагея Ивановна, смирно.

— А что, самъ дома?

— Куды! со вчерашняго дня только и знаетъ, что разъезжаться.

— Сердешный! Великъ почетъ, да много и заботъ.

— Правда ваша, Пелагея Ивановна; баринъ въ послѣднѣе дни исхудалъ совсѣмъ.

— Исхудаешь, дѣвушка, какъ забота станетъ грызть словно червь! Ну, скажите, а Варвара Михайловна?

— У себя, Пелагея Ивановна.

— Она, кажись, теперъ книгу читаетъ, прибавила другая дѣвушка.

— Ну, поди же, моя ягодка, доложи ей, что пришла дескать Пелагея Ивановна.

— А сонъ-то, Пелагея Ивановна!

— Послѣ, послѣ, родимая! Всю подноготную открою...

Нѣсколько минутъ спустя, Пелагею Ивановну ввели въ комнаты Варвары Михайловны Арсеньевой, родной сестры княгини Меншиковой.

Природа не надѣлила Варвары Михайловны привлекательною наружностью. Она была маленькаго роста, кривобока

и горбата; несоразмерно длинныя руки оканчивались тоненькими, костлявыми пальцами; черты лица были неправильны, но черные глаза, блиставшіе необыкновеннымъ умомъ, придавали блѣдному лицу привлекательное выраженіе.

Несмотря на всѣ эти физическіе недостатки, мужчины, и даже самъ Петръ Великій, заслушивались иногда рѣчей Варвары Михайловны. Она говорила прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ: обладая очаровательнымъ, мелодическимъ органомъ, и какъ женщина, образованная не по въку.

Варвара Михайловна завѣдывала всѣмъ домою своего зятя, занималась воспитаніемъ дѣтей его и часто Меншиковъ совѣтовался съ нею не только въ семейныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ.

Когда Пелагея Ивановна вошла въ комнату, Варвара Михайловна сидѣла на диванѣ съ книгою въ рукахъ. Княжны Александра и Марія находились по сторонамъ ея, а одиннадцатилѣтній князь Александръ сидѣлъ на маленькомъ табуретѣ, у ногъ своей тетки, положивъ голову на колѣни ея.

При входѣ гости, Александръ скоро вскочилъ и бросился къ ней съ радостнымъ крикомъ.

— Пелагея Ивановна! Пелагея Ивановна! что ты мнѣ принесла?...

Пелагея Ивановна перекрестилась, поклонилась и хотѣла подойти къ Варварѣ Михайловнѣ, но Александръ не пу-
скалъ ее.

— Что ты мнѣ принесла? что принесла? твердилъ онъ съ настойчивостью.

— Сейчасъ, боярчикъ, сейчасъ! отвѣчала она, и опустивъ руку въ мѣшечекъ, висѣвшій на лѣвой рукѣ ея, вынула изъ него пряникъ, выкрашенный и облепленный золотомъ. Вотъ, *лыцаря* принесла!

— У! какой уродъ! вскричалъ Александръ, весело смѣясь и показывая затѣйливый пряникъ теткѣ.

— Здравствуйте, матушка, сказала женщина, цѣлуя руку Варвары Михайловны.

— Здравствуй, Ивановна, я тебя ждала сегодня; ты пришла очень кстати, сказала Варвара Михайловна.

— Знаемъ, матушка, когда и придти, когда и уйти, отвѣчала Пелагея Ивановна.

— Ивановна, присталь опять Александръ, расскажи мнѣ сказку про Добрыню Никитича.... знаешь: вѣчоръ ты, Добрыня, на дворъ заходилъ, оконницу стекольчату проломилъ, причалинку серебряну расшибъ, зеркальцо хрустальчатое разбилъ!... Расскажи, Ивановна!

— Расскажу, сватикъ мой, и другую почище еще расскажу, только не теперь...

— Нуъ, теперь расскажи, просилъ Александръ, бросившій уже своего льдара съ небрежностью избалованнаго ребенка.

— Александръ, сказала Варвара Михайловна своимъ кроткимъ, звучнымъ голосомъ: Ивановна тебѣ послѣ расскажетъ сказку.... Ступайте теперь, дѣти, къ себѣ...

Дѣти повиновались безпрекословно и удалились со служанкою, проводившею Пелагею Ивановну.

— Садись, Ивановна, сказала Варвара Михайловна: когда же стало болѣе слышно голосовъ удалявшихся дѣтей.

Ивановна придвинула табуретъ и сѣла.

— Ну, что скажешь?

— Охъ! матушка! нѣтъ всего приходится объ великой горести словечко вымолвить! Ахъ, матушка Варвара Михайловна! одно воспоминаеніе о толкомъ несчастіи вотъ такъ и рветъ сердце!... сказала Пелагея Ивановна растроганнымъ голосомъ и вытаскивая клѣтчатый носовой платокъ изъ мѣшечка. Покинулъ насъ родимый нашъ кормилецъ! я вотъ какъ теперь вижу его, какъ теперь слышу, какъ онъ сказалъ мнѣ:—Ну, кума, дай Богъ, чтобы нашъ крестникъ былъ честный и полезный человекъ! ны, изволишь видѣть матушка, крестили вмѣстѣ...

— Знаю, знаю, Ивановна, прервала ее Варвара Михайловна: ты уже нѣсколько разъ рассказывала мнѣ, какъ ты крестила вмѣстѣ съ покойнымъ Императоромъ....

— И въ самомъ дѣлѣ! но, извольнѣ видѣть, къ слову пришлось, а что на сердца, то и на языкъ!

— Скажи мнѣ лучше, гдѣ ты сегодня была, что видѣла, что слышала?

— Была я, матушка, во многихъ мѣстахъ, видѣла общее горе, слышала плачь и рыданія.... Вотъ, хоть примѣрно сказать, была я у Нарышкиныхъ.... Тамъ, матушка, въ цѣломъ домѣ такая тишь, словно всѣ хозяева вымерли.

— Гдѣ же ты еще была!

— Была, родная, у Трубецкихъ, у Куракиныхъ; тамъ всѣ не веселы; да оно и понятно послѣ такого несчастія.... забѣгала и къ Голицынымъ; Дмитрій Михайловичъ, говорить, плачетъ на-взрыдъ.... Одно, говорить, мнѣ утѣшеніе въ горести моей превеликой, что на престолѣ вступила всемиловѣйшая Государыня!

Варвара Михайловна слушала со вниманіемъ.

— Надѣюсь, сказала она, что ты не кончила тѣмъ своимъ посѣщенія.

Пелагея Ивановна продолжала:

— У Долгоруковыхъ, была родная, то есть у Алексѣя Григорьевича. Какъ узнала княгиня Прасковья Юрьевна, что я пришла, такъ сейчасъ велѣла позвать къ себѣ, и обласкала такъ, что я не знала, какъ мнѣ благодарить ее.—Узнай, говорить, Пелагея Ивановна, какую ни на есть бѣдную, но хорошую дѣвушку; я, говорить, хочу составить счастье ея, чтобы она вѣчно молилась за упокой души Великаго Государя, и за здравіе мудрой наследницы его. Вотъ, знаешь, какъ мы такъ разговариваемъ, Иванъ-то Алексѣевичъ и вошелъ... Красный, словно индѣйскій пѣтухъ! Онъ хотѣлъ что-то сказать, да, увидавъ меня, придержалъ язычокъ, а Прасковья Юрьевна къ нему: Полно-де, миленькой, говорить; вишь ты, какъ разгорячился!.. А онъ, думая, что я не понимаю, отвѣчалъ по-нѣмецкому: батюшка не хочетъ поддержать чести нашего имени... только я и слышала, потому-что Прасковья Юрьевна скоро обернулась ко мнѣ и сказала: ну, иди съ Богомъ, Пелагея Ивановна; смотри же не забывай насъ. Я раскланялась и пошла. Прощла залу, другую—смотрю,

стоять Алексѣй да Сергѣй Григорьевичи, да о чемъ-то толкуютъ. Я имъ пренизкій поклонъ, а они и не посмотрѣли на меня; только слышала, какъ Алексѣй Григорьевичъ сказалъ: Мы иначе поступать не можемъ... Хотя я шла очень тихо, однакожь ничего больше не могла слышать изъ разговора ихъ.

Ивановна замолчала.

Ироническая улыбка не сходила съ лица Варвары Михайловны.

— А еще у кого ты была? спросила она.

— Больше ни у кого, родимая.

Варвара Михайловна промолчала съ минуту, потомъ спросила:

— Пелагея Ивановна, могу ли я вполне положиться на тебя?

— Матушка родимая! вскричала Ивановна съ чувствомъ: неужели ты еще сомнѣваешься въ моей преданности? Не ты ли призвала меня беззащитную, когда я осталась одна одинешенька съ малолѣткомъ, племянникомъ, послѣ смерти родителей его? Не ты ли дала мнѣ кусокъ хлѣба, не ты ли защищала сиротинку, когда злые люди хотѣли отнять у него домишко, да малое отцовское наслѣдіе?.. За тебя, Варвара Михайловна, я пойду въ огонь и воду; для тебя я хлопочу и тружусь, сколько есть силъ моихъ!... Говори, мать моя, говори! все для тебя сдѣлаю, что смогу!

Съ этими словами Пелагея Ивановна утерла слезы, поклатившіяся по щекамъ ея.

— Есть ли у тебя на примѣть дѣвушка, заслуживающая помощи, обывающей Прасковьей Юрьевной? спросила Варвара Михайловна.

— Пока еще нѣтъ, но прискаты можно.

— Не лѣзя ли къ завтраку?

— Больно скоро, матушка; надобно узнать, поразвѣдать...

— Но надѣешься ли ты найти?

— Какъ не найти!

— Такъ ступай же завтра къ Прасковьѣ Юрьевнѣ, и скажи ей, что ты уже нашла.

— А какъ она вслѣдъ привести?

— Скажи ей, чтобы она дала тебѣ насколько дней сроку, чтобы разузнать хорошенько все обстоятельства.

— Слушаю, родимая. А дальше что?

— Какъ разговоришься съ Прасковьей Юрьевой, такъ напомнимъ ей, что ты была у меня.

— Слушаю, матушка.

— Только, смотри, осторожься...

— Останешься довольна!

— Ну такъ съ Богомъ, Ивановна, побывай у меня завтра вечеромъ.

— Непременно буду, матушка, сказала востовщица, вставая: Господь съ тобою!

И поцѣловать руку Варвары Михайловны, она вышла. Въ корридоръ встрѣтила ее комнатная дѣвушка, нетерпѣливо желавшая узнать значеніе того, что ей приснилось.

По уходѣ Пелагеи Ивановны, сестра княгини Мещинковой просидѣла нѣсколько минутъ въ задумчивости, потомъ позвонила.

— Воротился ли князь? спросила она вошедшаго слугу.

— Воротились.

— Гдѣ онъ?

— Въ маломъ кабинетѣ.

— Одинъ?

— Никакъ нѣтъ; у нихъ генераль-полицеймейстеръ.

Варвара Михайловна кивнула головой; слуга удалился.

Медленно поднявшись съ дивана, сестра жены Князя Ижорскаго подошла къ зеркалу, направила прическу, вдохнула и, выйдя изъ комнаты, направилась къ кабинету Мещникова.

— Александръ Данилычъ, сказала она ему, заставъ его смотрѣвшаго вслѣдъ удалившемуся Девиеру: замолчите вышедшаго первымъ, между самыми непримиримыми врагами вашими!...

— Однимъ болѣе или менѣе! отвѣчалъ князь, помахивъ плечами и сдѣлавъ легкое движеніе рукою.

Варвара Михайловна вздохнула.

— Я усталъ, произнесъ Меншиковъ, опустивъ голову на грудь: въ одинъ сутки я прожилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни!...

— Но эти сутки обезсмертили имя ваше! вскричала Варвара Михайловна, съ жаромъ схвативъ руку своего зятя; но въ то же мгновение, какъ бы ошеломявшись, отпустила ее. Победа, которую вы одержали въ эти сутки, продолжала она, опустивъ глаза и болѣе спокойнымъ голосомъ: выигрываетъ всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ вами при покойномъ Императорѣ!.. Завтра же вы увидите своихъ противниковъ.

— Победа!... повторилъ Меншиковъ презрительно, и опустившись въ кресло: Повѣрьте мнѣ, Варвара Михайловна, я предвижу, что борьба, предстоящая мнѣ съ друзьями, гораздо важнѣе побѣды, которую я одержалъ надъ врагами!

— Вѣрю, Александръ Данилычъ, возразила Варвара Михайловна; но вы и изъ этой борьбы выйдете славнымъ, великимъ!...

— Варвара Михайловна, сказалъ князь съ улыбкой: вы заблудите меня вашими похвалами...

— О, онъ искрененъ!.. съ чувствомъ произнесла Варвара Михайловна.

— Я никогда и не сомнѣвался въ томъ, сказалъ Меншиковъ и подымовавъ жесткую руку ея.

Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу Варвары Михайловны, румянецъ выступилъ на блѣдныхъ щекахъ ея.

— Александръ Данилычъ, сказала она голосомъ, заглушаемымъ внутреннимъ волненіемъ: я пришла предупредить васъ о посещеніи, котораго вы едва ли ожидаете...

— О посещеніи? повторилъ Меншиковъ.

— Или, лучше сказать, о нѣсколькихъ посещеніяхъ.

— Я васъ не понимаю.

— Тсъ! поспѣшно произнесла Варвара Михайловна, приложивъ руку къ губамъ Меншикова.

Дверь скрыгнула и въ кабинетъ вошла — княгиня Дарья Михайловна Меншикова.

ГЛАВА IV.

CASTRUM DOLORIS.

Уныло гудѣли колокола петербургскихъ церквей.

День былъ ясный, холодный.

Около зимняго дома толпился народъ. Иные спѣшили къ дворцу, другіе медленно удалялись отъ него. На всѣхъ лицахъ была написана глубокая, искренняя печаль. Въ порядкѣ, безъ суматохи, безъ шума, шли старыя и молодыя, какъ бы боясь нарушить торжественную тишину жалобой, которая далеко не могла выразить общей горести.

Безпрерывною цѣпью всходилъ народъ на широкое крыльцо, устроенное на набережной и ведущее въ *Каструмъ-Долорисъ* или залу нечали, гдѣ было выставлено тѣло усопшаго Императора.

Все крыльцо было обито чернымъ сукномъ и по угламъ его, внизу и вверху стояли гренадеры въ полной формѣ.

Въ толпѣ людей, всходившихъ на крыльцо, можно было замѣтить двухъ мужчинъ.

Одному изъ нихъ казалось лѣтъ подь сорокъ; онъ былъ высокъ ростомъ, дюжъ, широкоплечъ; полное цвѣтущее лицо его, казалось, было создано для веселой, открытой улыбки, а потому печаль, выражавшаяся на немъ въ это время, была еще разительнѣе. Шуба его была на распашку, какъ у челоуька, привыкнущаго часто быть въ движеніи и на открытомъ воздухѣ.

Другой казался старѣе нѣсколькими годами, по блѣдному худощавому лицу его и по заботливости, съ которою онъ кутался въ шубу, можно было угадать, что онъ болѣе привыкъ къ домашней сидячей жизни.

Молча вошли они въ залу и невольно остановились, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ.

Стѣны, полъ и потолокъ, были обиты, а окна завѣшены чернымъ сукномъ и свѣтъ отъ безчисленнаго множества свѣчей ложился на безмолвную толпу и дробился въ серебряныхъ и золотыхъ орнаментахъ.

У одной изъ стѣнъ залы было возвышеніе подъ балдахиномъ малиноваго бархата съ золотымъ шитьемъ, съ золотою бахромою и тяжелыми золотыми же кистями.

Къ этому балдахину подвигалась толпа народа; туда же пошли и двое мужчинъ, замѣченные уже нами.

По мѣрѣ приближенія ихъ къ возвышенію, на лицахъ двухъ пріятелей болѣе и болѣе выражалось усиліе удержатъ слезы....

Но вотъ они уже близки, явственно слышать они слова Святаго Евангелія, читаемаго священникомъ.... Люди, стоявшіе передъ ними поверглись на колѣни и горестное зрѣлище представилось глазамъ двухъ пріятелей.

На подгробномъ одрѣ, покрытомъ персидскимъ золотканнымъ ковромъ стоялъ гробъ, сдѣланный на подобіе раки, обитый снаружи гладкою золотою, а внутри серебряною парчою и обложенный по краямъ серебрянымъ галуномъ.

Смерть стерла всѣ слѣды страданій съ лица, лежавшаго въ гробу.... Печать избранника Божія лежала на блѣдномъ, величественномъ лицѣ....

— Вотъ онъ! проговорилъ едва слышнымъ голосомъ полный мужичина своему товарищу; узнаешь ли?...

Товарищъ не отвѣчалъ ни слова, потому-что въ это самое мгновеніе оба пали на колѣни и зарыдали... Долго лежали они не трогаясь съ мѣста, такъ что одинъ изъ драбантовъ, окружавшихъ гробъ долженъ былъ напомнить имъ, чтобы они не заставляли такъ долго ждать другихъ.

Они встали, перекрестились, бросили еще долгій, прощальный взглядъ на блѣдное лицо, которое отъ множества окружавшихъ его свѣчей, казалось осыненнымъ сіяніемъ, и отойдя въ сторону, остановились.

У изголовья гроба стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи и читалъ Евангеліе. Торжественно разносились звуки голоса его по обширной залѣ.

По четыремъ концамъ печальнаго одра стояли четыре гвардейскіе оберъ-офицера, и двѣнадцать человекъ дежурныхъ сенаторовъ и генераловъ.

На виденномъ покойникъ былъ красный кафтаниъ, богато-вышитый серебромъ, такое же походное платье; камзолъ или жилетъ изъ серебряной парчи съ такою же бахромкою; галстукъ и манжеты изъ кружевъ, сапоги со шпорами и шпага; грудь его украшала звезда Святаго Апостола Андреа.

Надъ балдахиномъ, украшенномъ вензелями и гербами, была раскинута Императорская мантия изъ золотой парчи и подбитая горностаями; съ каждой стороны она была подбрана золотыми шнурами, оканчивавшимися массивными кистями.

Вокругъ гроба стояли десять табуретовъ; на нихъ короны: императорская, казанская, астраханская и сибирская, осыпанные алмазами, изумрудами, яхонтами; золотой императорскій скипетръ и держава; далѣе ленты со звездами андреевская, датская Блага Слона и польская Блага Орла.

На ступеняхъ, по четыремъ угламъ возвышенія, стояли бронзированные статуи: плачущихъ Европы и Россіи, Марса и Геркулеса. Всѣ эти статуи были изображены *осяма отъ печали прискорбныя*.

Около гроба и по ступенямъ находились огромные серебряные канделябры съ зажженными восковыми свѣчами.

Середину потолка украшалъ большой крестъ Апостола Андреа, сдѣланный въ три сажени длины и убранный бѣлымъ флеромъ. Погребальный поясъ, осыпанный звездочками, точно слезами, закрывалъ весь карнизъ, къ которому былъ прибитъ гвоздями, скрытыми подъ розетками изъ бѣлаго флеру.

Къ стѣнамъ были приставлены четыре пирамиды изъ бѣлаго мрамора съ жилами; у основанія пирамидъ сидѣли въ печальныхъ положеніяхъ геніи.

Пріятели направилась къ первой изъ пирамидъ, усѣнчанной статуей смерти.

— Прочитайте, Иванъ Захаровичъ, что тутъ написано, сказалъ художавый своему товарищу.

— Сейчасъ, Алексѣй Матвѣевичъ, отвѣчалъ тотъ, вынулъ платокъ, отеръ глаза и сталъ читать:

«Отъ похиселъ в царствѣ».

Именемъ и дьякомъ Петру Верховному
Подражавый.

«Благовѣщанцый веркъ нашъ Петръ

Остави насъ.

«Ревнитель благочестія, рачитель исправленія,

«Суевѣрія и лицемерія ненавистникъ,

«О женише церковный Христе,

«Утѣши невесту твою!

— Презрѣдная надпись! сказалъ художавый. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они остановились у второй пирамиды, увѣчанной изображеніемъ времени.

Алексѣй Матвѣевичъ прищурилъ глаза и прочиталъ:

«О исправленіи гражданства».

«Что воз.... воз....»

— Нѣтъ, не вижу, читай ты, Иванъ Захарычъ.

Иванъ Захарычъ сталъ читать:

«Что воздаси, о Россіе?

«Истинному отродившему тебѣ отцу твоему

«Онъ же тебѣ уставы правительскими мудрую,

«Законы судебными здравую,

«Искусствъ различіемъ благообразную сотвори;

«Единая въ тебѣ благодарствіе сила,

«Въ вѣрности и послушаніи къ наследникъ его».

— Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! прибавилъ отъ себя Иванъ Захарычъ и пошелъ далѣе.

На третьей пирамидѣ была сдѣлюющая надпись:

«Отъ обученія воинства».

«Изнемогъ тѣломъ, но не духомъ,

«Уснулъ отъ трудовъ Самсонъ Россійскій.

«Трудолюбіемъ подаде силы воинству,

«Бдѣствіемъ же своимъ безопасія отечеству.

«Но, о премьненія жалостнаго!

«Почившу же ему временно, вѣчно же торжествующу.

«Стонемъ мы и сплугемъ».

Иванъ Захарычъ съ трудомъ дочиталъ эту надпись; слезы заглушали голосъ его. У четвертой пирамиды предупре-

диль Ивана Захарыча мужчина, въ которомъ по костюму можно было узнать корабельнаго мастера. Въ то самое время какъ пріятели подошли, онъ читалъ уже вслухъ:

«Отъ строенія флота.

«Новаго въ миръ, перваго въ Россіи Іафета,
«Власть, страхъ и славу на моръ простершаго,
«И намъ въ сообщеніе вселенную приведшаго,
    «Плавающаго уже не зримъ.

«Нынѣ намъ воды и слезы наши,
    «Вѣтры воздыханія наши.»

Посреди двухъ послѣднихъ пирамидъ, а именно противъ самаго гроба на двухъ мраморныхъ выступахъ стояли скелеты, державшіе завѣсу, на бронзированномъ полѣ которой была золотыми литерами была слѣдующая надпись:

«Свѣтуй и плачь!

«О Россія!

«Остави тебе отецъ твой

Петръ Великій.

«Дарованный тебѣ свыше, 1672 маія 30,

«Дѣлами же вѣру превосходящій,

Побѣдитель и миродатель.

«Всякія славы и титулы исполнень,

«Горь возвращень 1725, генваря 28.

«Но и оставляя, не остави тебе;

«Подаль тебѣ достойную державы своея

«Наслѣдницу.

«Плачися о Россія и радуйся!»

И всѣ рыдали, читая эту надпись.... Надъ нею геніи поддерживали портретъ Великаго; и смотря на этотъ портретъ всѣ невольно вспоминали отца, благодѣтеля, справедливаго судью!

Статуи, гербы, урны, раставленные въ симметрическомъ порядкѣ, дополняли убранство залы.

Тщетно старались Иванъ Захарычъ и Алексѣй Матвѣвичъ внимательнѣе разсмотреть убранство; всѣ предметы представлялись имъ какъ бы подернутые туманомъ и тщет-

но утирали они глаза.... Слезы не переставали выступать на нихъ.

Наконецъ они добрались до выхода, и, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ въ ту сторону, гдѣ находился гробъ, зарыдали и поспѣшно вышли.

Всхлипывая, спускались они съ крыльца.

— Полно, Алексѣй Матвѣевичъ, ссызаль, наконецъ, Иванъ Захарычъ, слегка толкнувъ пріятеля локтемъ. Что это мы расплакались!

— И впрямь, словно малолѣтки! отвѣчалъ Алексѣй Матвѣевичъ.

Они утерли слезы, спустились съ крыльца и пошли прямо впередъ какъ бы не зная сами, куда идутъ.

Доѣдя до самаго берега Невы къ пристани, они въ одно время отвернулись другъ отъ друга и давъ волю горести, сжимавшей сердца ихъ, опять зарыдали.

— Всѣ плачутъ, сказалъ Иванъ Захарычъ: отъ чего же и намъ не поплакать?

— Конечно; хуже какъ тоска задушить! отвѣчалъ Алексѣй Матвѣевичъ, всхлипывая.

Выплакавшись хорошенько, пріятели утерли глаза, оправдались и пошли вдоль Невы по направленію къ Петербургской Сторонѣ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, худощавый остановился и, посмотрѣвъ на своего товарища, спросилъ:

— Куда же это мы идемъ?

Иванъ Захарычъ осмотрѣлся.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Мы не въ ту сторону взяли, сказалъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— И впрямь не въ ту. Повернемъ назадъ.

Молча повернули они въ противоположную сторону, перешли черезъ подъемный зимній мостъ, прошли мимо ряда красивыхъ барскихъ палатъ и, не доходя до адмиралтейства, поворотили отъ Морской Академіи, помѣщавшейся въ бывшемъ домѣ Кикина, на нынѣшнюю дворцовую площадь, состоявшую въ то время изъ обширнаго низкаго лу-

га, замаскированного сватовъ, изъ-подъ коверзга мѣстану проглядывали сухія обнаженные сучья мелкихъ кустарничковъ; инокъ, въ эту площадь, они вышли на другой лугъ, застроенный со стороны Навы адмиралтействомъ, а съ прѣчныхъ сторонъ довольно безобразными лачужнями, между которыми тамъ и сямъ возвышались болѣе чистые и, помянутому, недавно выстроенные дома.

Пройдя нѣсколько шаговъ молча, Иванъ Захарычъ обратился къ своему товарищу.

— Вся Россія сватовъ.

— Какъ и не сватовъ! Слыханное ли дѣло, чтобы дѣви не плакали по отцѣ?

Оба вздохнули.

— Лишились мы благодѣтеля, сказала Иванъ Захарычъ. Что-то будетъ теперь? *

— Лучше не будетъ, Алексѣй Михайловичъ, а отъ худаго Бога забавить.

— Тебѣ хорошо говорить, Иванъ Захарычъ, твое дѣло такое; безъ хлѣба не останешься. Патеръ городъ новый; народу въ него лѣзетъ невидимая сила; строятся базирестанно..... Вашему брату пожива!

— Эхъ, Алексѣй Матвѣевичъ, наладилъ ты одно! Конечно, всѣ строятся, да за то и архитекторовъ много.

— Много, да не много такихъ, какъ ты.

— Алексѣй Матвѣевичъ, съ тобой я скромничать не буду; ты правъ, мнѣ и самому кажется, что я не ударилъ бы лицомъ въ грязь передъ Тальянцами! Эхъ! дали бы мнѣ выстроить еще соборъ или дворецъ! посмотрѣлъ бы ты, какую я выкинулъ бы штуку..... всѣхъ бы за поясъ заткнулъ! А то посадили Трессину въ красный уголь. Трессина мастеръ стронть галереи, ротонды, да разныя финтифлюшки, а до русскаго собора ему далеко!.... Не смотря на то не мнѣ, а ему дали устроить временную церковь въ каменномъ Петропавловскомъ соборѣ, который не достроенъ!....

— Но слухъ носится, что онъ хочетъ узвать?

— Держи карманъ, утѣдь! А если и утѣдь, такъ мнѣ отъ того не будетъ легче.

— Какъ не будетъ? ты займешь его мѣсто.

Иванъ Захарычъ свиснулъ и отвѣчалъ:

— Дудка! я, вѣдь, больно простъ; у меня сивина изъ одного куска сдѣлана, не то что у Ерпкина; онъ тебя, словно волюта, согнется. Вся моя надежда еще на Александра Данилыча. Тебѣ все еще лучше; ты теперь хоть не одинъ, да все таки признанъ первымъ.

— Да что въ томъ толку, коли теперь работы не будетъ? Что ни говори, дружище, а архитектура все-таки лучше гравированія.....

Съ этими словами пріятели остановились у дома странной наружности.

ГЛАВА V.

Домикъ и семейство Алексѣя Матвѣевича.

Домъ этотъ принадлежалъ гравѣру Алексѣю Матвѣевичу Зубову.

По странному обычаю людей, селившихся въ Петербургъ, но придерживавшихся еще старины, всѣ жилые покои этого дома выходили во дворъ; со стороны улицы, тогдашней дѣлился къ галерейному двору тянулся длинный заборъ, верхи котораго были утыканы гвоздами, острыми вверхъ.

На дворъ, между заборомъ и домомъ, росли на лужкѣ пять или шесть высокыхъ березъ, которыя въ лѣтнее время почти совершенно заслоняли фасадъ дома.

Фасадъ этотъ имѣлъ странный, неправильный видъ; вдоль всего верхняго этажа тянулась крытая галлерея, одна часть которой была съ тусклыми стеклами бутылочнаго цвѣта; всѣ радужный цвѣта играли на этихъ стеклахъ, когда на нихъ падало солнце.

Съ галереи, утвержденной на длинныхъ столбахъ безъ всякихъ украшеній, вела внизъ узкая лѣстница съ досчатыми ступенями.

Съ одной стороны двора было деревянное строеніе, въ которомъ находился хлѣвъ, амбаръ и ледникъ; съ другой

выслась глухая каменная небеленая стѣна сосѣдняго строения; между этою стѣною и домомъ гравера былъ узкій, мрачный сырой проходъ, который велъ къ настоящему, лицевому фасаду дома, выходившему на Неву.

Пространство отъ дома до берега, укрѣпленнаго сваями, было занято садомъ и огородомъ и окружено тѣсно посаженными молодыми елками, за которыми проходилъ еще невысокій досчатый заборъ.

Съ этой стороны фасадъ представлялъ гладкую плоскость, прорѣзанную въ симметрическомъ порядкѣ, отверстиями оконъ, продолговатыхъ въ нижнемъ этажѣ, совершенно квадратныхъ вверху.

Алексѣй Zubovъ былъ ученикъ известнаго гравера Пьера Пикара, котораго Петръ Великій, въ бытность свою въ Голландіи, взялъ къ себѣ въ службу. Пикарь награвировалъ многіе виды Москвы и Петербурга; его коллекція *позорищныхъ дѣйствій*, то есть изображеній разныхъ празднествъ, какъ то: свадьба карликовъ, китайское бракосочетаніе, торжество князь-папы и многія другія считаются теперь величайшею рѣдкостью.

Кромѣ того Пикарь научилъ своему искусству нѣсколькихъ Русскихъ, изъ которыхъ Zubovъ наиболее отличился. Изъ произведеній его наиболее известно изображеніе морскаго сраженія при Гренгамѣ, въ 1720 году.

Алексѣй Zubovъ былъ сынъ небогатаго московскаго купца; онъ родился, выросъ въ Москвѣ и сохранилъ во всю свою жизнь невольное предубѣжденіе противъ новой столицы. Кромѣ того онъ женился на дочери купца, который ни за что не хотѣлъ сбрить бороды и охотнѣе согласился платить за нее откупъ.

Корысть привлекла его въ новый городъ, но сердце его осталось въ бѣлокаменной. Онъ никогда не отдалъ бы дочери своей за челоуѣка, *обусурманившагося*, нарядившагося въ саксонское платье, если бъ не замѣтилъ, что подъ этимъ нѣмецкимъ нарядомъ теплилась старая привязанность къ Москвѣ.

Очень понятно, что такой брак не только не уменьшил предубеждений Зубова, но еще усилил их.

Жена его плевала, когда слышала о нововведеніях; никогда не снимала ни тьмогрѣйки, ни повязки. Съ лѣтами предразсудки усиливались.

Мавра Ѳедоровна (такъ звали ее) воспитывала единственную дочь свою въ презрѣніи и ненависти къ пѣмецкимъ затѣямъ.

Настенькѣ минуло шестнадцать лѣтъ въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ. Она была хорошенькая, свѣженькая дѣвушка и, право, жаль было бы нарядить ее въ довольно неграціозное пѣмецкое платье, потому-что косички, то спускавшіяся вдоль спины, то перепадавшія на плечи, были ей какъ нельзя болѣе къ лицу; сарафанъ обрисовывалъ очаровательную почку, изъ которой долженъ былъ развиться пышный розанъ, не стѣсня движеньій Настеньки и не сжывая ее въ тѣхъ ужасныхъ, убійственныхъ тискахъ, которыми вышшія красавицы уродуютъ очаровательныя формы, данныя Создателемъ женщины. Простенькіе башмаки на плоскихъ подошвахъ придавали походкѣ молодой дѣвушки ту плавность, которая есть исключительное достоинствѣ русской женщины и такъ очевидно проявляется въ русской пляскѣ. Она не знала тѣхъ безобразныхъ высокихъ каблуковъ, изобрѣтенныхъ для того, чтобы придать плоской ногѣ граціозный, такъ называемый, аристократическій изгибъ; русскія модницы того времени бросившіяся на эти каблуки, ступали такъ не твердо, какъ будто бы ихъ заставляли ходить по канату и нерѣдко спотыкались и падали къ общему соблазну.

Настенька была робка и пуглива какъ птичка поднебесная. Мать берегла ее какъ зеницу ока; раза по три или по четыре въ годъ выходила съ нею изъ дому въ гости къ роднымъ; прочее время молодая дѣвушка проводила или въ саду или въ комнатѣ. Мать почти безотлучно находилась при ней.

У Настеньки была своя комната, въ верхнемъ этажѣ, окномъ на Неву; окно это было наглухо завѣшано простынъ-

кою. Но молодыя дѣвушки находчивы, и часто Настенька просиживала долго-долго у этого окна, отогнувъ престышку и любовалась величественною картиною Невы...

Часто, въ лѣтнее время, рѣка покрывалась красивыми шлюбками и другими судами.

Императоръ пріѣзжалъ въ гости къ своему любимцу, Меншикову, домъ котораго находился на противоположномъ берегу Невы, наискось отъ дома Зубова.

Впереди ѣхала красивая четырехвесельная верейка, обитая внутри алымъ бархатомъ съ золотыми галунами. Въ верейкѣ ѣхали Императоръ съ Императрицей или съ некоторыми приближеннѣйшими особами. Волвѣ ѣхало несколько шлюбокъ, также великолѣпно украшенныхъ и непопленныхъ придворными, военными и гражданскими чинами.

Государь выходилъ на берегъ, кланялся народу, всегда и вездѣ встрѣчавшему его радостными восклицаніями.

Все это было такъ оживлено, такъ прекрасно... и если бѣ Мавра Федоровна знала, какое вліяніе имѣли эти живыя картины на дочь ея, то она непременно заколотила бѣ квадратное окошечко наглухо досками.

Все то, что видѣла Настенька въ окно, служило сильнымъ противудѣйствіемъ наставленіямъ матери. Общественная жизнь представлялась ей такою очаровательною и ни мало не предосудительною, потому-что большинство принимало живое участіе въ этой жизни....

Зачѣмъ же мать ея называла эту свободу дьявольскими искушеніями, да грѣшнымъ, позорнымъ отступленіемъ отъ честныхъ, старинныхъ законовъ?

И часто, когда миленькая головка Настеньки утопала въ мягкихъ подушкахъ, когда живые глазки ея, смыкаемые сномъ, принимали темное выраженіе, она тихо-тихо повторяла про себя:

— Неужели только тѣ, которые скучаютъ, въ затворничествѣ, не знаютъ искушеній?

Въ тотъ самый день, когда Иванъ Захарычъ и Алексѣй Матвѣевичъ послѣ посѣщенія печальной залы, въ торопяхъ,

возвращались домой, Мавра Федоровна была въ сильномъ волненіи.

На стынныя часы пробыло уже двѣнадцать, а мужъ ея не возвращался. Подобно всѣмъ людямъ, подверженнымъ паронидеямъ и предрасудкамъ, она доходила, въ своей привязанности къ старицѣ, до смѣшныхъ и часто жалкихъ крайностей.

Въ первый, быть можетъ, разъ, съ тѣхъ поръ, какъ она была за-мужемъ, она не сидѣла еще за обѣдомъ въ четверть перваго. Обыкновенно, какъ только часы начинали бить двѣнадцать, мужъ ея наливалъ себѣ рюмку водки, и съ послѣднимъ ударомъ сидѣлъ уже за столомъ.

Работница, полуслухая старуха, машинально и какъ бы дѣйствуя только по инстинкту поставила на столъ горшокъ со щами, какъ только забили часы.

Потомъ, разсчитавъ время, въ которое обыкновенно хозяйка добдали похлебку, она также машинально пошла на ледникъ, за студнемъ. Она, вѣроятно, убрала бы щи со стола, если бѣ въ то самое время, какъ она выползала изъ ледника не послышался стукъ въ калитку.

— Кого Богъ даетъ, проворчала старуха, поставивъ чашу со студнемъ на снѣгъ и закирая ледникъ. Потомъ поплелась къ забору.

На дворъ вошли Иванъ Захарычъ и Алексѣй Матвѣевичъ.

Работница съ изумленіемъ посмотрѣла на нихъ, какъ будто бы и не знала, что хозяина не было дома.

Пріятели прошли узкій, сырой проходъ, въ который никогда не достигалъ солнечный лучъ и вступили въ садъ.

На крыльцо выбѣжала уже Мавра Федоровна.

— Алексѣй Матвѣевичъ! вскричала она, не будучи въ состояніи удержать своего старинно-обрядческаго негодованія: кормилецъ! не приключилось ли чего съ тобою?

— Со мною?... съ изумленіемъ спросилъ граверьъ.

— Я, редимый, думала, что тебя али задавили, аль ты въ пролубъ провалился, али иная какая бѣда приключилась!

— Слава Богу, я цѣлъ и здоровъ, какъ видишь.

Алексѣй Матѣевичъ думалъ успокоить жену этими словами, но не тутъ то было; сдѣлавъ хитрое введеніе, она теперь только рѣшилась дать волю своему гнѣву.

— Такъ гдѣ же ты шатался? О сю пору честные, православные люди изъ-за стола встанутъ, а мы не принимались еще и защи!...

Слова эти, произнесенныя голосомъ, не отличавшимся ни нѣжностью, ни пріятностью, заставили Зубова насунуть брови.

— Полно вздоръ молоть, жена; я знаю, что дѣлаю, отвѣчалъ онъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ. Пойдемъ-ка лучше обѣдать.

— Обѣдать! повторила Мавра Федоровна угрюмо, щи совсѣмъ простыми.

— Здравствуйте, Мавра Федоровна, сказалъ Иванъ Захарычъ, воспользовавшись унятіемъ грозы, чтобы выступить впередъ.

— Здравствуйте, батюшка, отвѣчала хозяйка, поклонившись одной головой, по русскому обычаю.

Всѣ вошли въ столовую и помолились иконамъ.

Настенька принесла еще приборъ гостю, а Зубовъ поподчивалъ его *анисовой*, занимавшей почетный уголъ въ поставцѣ.

Анисовая была любимая водка Петра, можно ли было отказать отъ нея?...

Водка и солёные грибы возбудили аппетитъ пріятелей и они, благословясь, принялись за обѣдъ.

Мы же воспользуемся этимъ временемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ Иванѣ Захаровичѣ.

Иванъ Захарычъ Земцовъ былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ архитекторовъ своего времени. Петръ Великій, отличивъ способности молодого человѣка, посылалъ его на казенный счетъ въ Голландію. Первыя впечатлѣнія молодого человѣка, вступившаго въ страну для него совершенно новую, имѣли сильное вліяніе на всю жизнь его, и даже пребываніе въ Италіи, куда Земцовъ отправился изъ Голландіи, не изгладило этихъ впечатлѣній.

Несмотря на то, что всѣ произведенія Земцова отивлены печатью дарованія необыкновеннаго, въ стилѣ ихъ замѣтно нѣчто тяжелое. Эта же самая *тяжелость* замѣтна была и въ характерѣ его. Онъ былъ откровененъ до грубости, какъ въ отношеніи къ другимъ, такъ и къ самому себѣ.

Въ цѣломъ Петербургъ Земцовъ зналъ только одного человека, совѣтамъ котораго готовъ былъ слѣдовать. Человекомъ этотъ былъ самъ Государь, и пристрастіе архитектора было не безъ основанія, потому-что по возвращеніи его изъ-за границы самъ Петръ экзаменовалъ его часа два сряду.

Земцовъ не приходилъ въ себя, слыша основательные вопросы Государя и замѣчанія, которыхъ можно было ожидать только отъ человека, посвятившаго себя исключительно архитектурѣ и, съ тѣхъ поръ, къ сердечной признательности, которую Земцовъ питалъ уже къ Монарху, облагодетельствовавшему его, присовокупилось глубокое уваженіе къ человеку, который вполне оправдывалъ названіе земнаго бога, содѣлавшись всевѣдущимъ, въ такой степени, въ какой человекъ можетъ быть всевѣдущъ!

Императоръ опредѣлилъ Земцова на службу въ строительную контору и самъ поручалъ ему построеніе многихъ зданій; и понынѣ сохранилась въ Петербургѣ выстроенная Земцовымъ каменная церковь Святаго Симеона на лѣвомъ берегу Фонтанки, на углу Моховой улицы.

Земцовъ питалъ къ своему благодѣтелю и Монарху неограниченную привязанность. Видя на самомъ себѣ, такъ сказать, послѣдствія благодѣтельныхъ дѣйствій Петра, онъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцовъ совершаемыхъ преобразованій.

Познакомившись съ Зубовымъ, архитекторъ вскорѣ подружился съ нимъ, потому-что несмотря на различіе нѣкоторыхъ мнѣній, въ основаніи характеровъ ихъ было много общаго.

Друзья часто спорили чуть не до слезъ; ссорились, расходились, взбѣшенные другъ на друга, и нѣсколько дней спустя, или на другой же день сходились опять какъ ни въ чемъ не бывало.

Земцовъ женился счастливо, жена его была доброе, крот-

кое существо; но счастье его было непродолжительное: она умерла отъ родовъ недвлю спустя и ребенка посвѣдовала за матерью. Кратковременное счастье приучило, однакожь, архитектора къ радостямъ семейной жизни, а потому не имѣя родныхъ, онъ привязался къ семейству своего друга. Туда влекла его не одна дружба къ хозяину, но и милость дочери его. Не отдавая себѣ прямого отчета въ своихъ тайныхъ желаніяхъ, Иванъ Захарычъ часто засматривался на молодую дѣвушку и чувствовалъ, что въ эти минуты сердцу его было невыразимо пріятно...

Несмотря на свою ненависть ко всѣмъ, отрешившись отъ обычаевъ предковъ, Мавра Федоровна принимала архитектора очень ласково. Она наследовала, какъ казалось, не одни предразсудки своего отца, во и корысть его, — корысть, впрочемъ, довольно навигательную, имѣвшую въ виду счастье дочери, которую бездѣтный вдовецъ нередко называлъ своею наследницею; а Мавра Федоровна, въ минуты супружескихъ довѣренностей, часто говорила мужу, что у Ивана Захарыча должна быть порядочная копѣйка за душой, и во всякомъ случаѣ у неѣ былъ каменный домъ, одинъ изъ красивѣйшихъ не только по галерной линіи, но и въ целомъ Петербургъ.

Отобѣдавъ, Иванъ Захарычъ пошутилъ съ Настенькой, которая привязанностью отвѣчала на привязанность архитектора; потомъ отправился въ мастерскую хозяина, единственную комнату въ целомъ домѣ, гдѣ ему позволялось курить вопіющее голландское зелье.

Тамъ пріатели пробѣждовали до поздняго вечера.

Нужно ли говорить, что вся бесѣда ихъ заключалась въ воспоминаніяхъ о милостивомъ благодѣтель, о мудромъ, геніальномъ Монархѣ, котораго они лишились, котораго лишилась вся Россія.

ГЛАВА VI.

КАКЪ ИТАЛЬЯНЕЦЪ СПАСОВАЛЪ ПЕРЕДЪ РУССКИМЪ.

Въ началѣ февраля, 1725 года, все яркое блистательное въ барскихъ палатахъ Князя Имперскаго получила танист-

вспыль; унылый видъ... Казалось, весь блокъ величавыя палаты подернулся слезами.

По парадной лестницъ тянулись диванные, черные ковры съ бѣлыми каймами. Въ приемной комнатѣ и кабинетѣ вельможи, стѣны отъ потолка до полу были завѣшены чернымъ сукномъ; бархатная цвѣтная обивка мебели исчезала подъ черными чехлами; бѣлый и черный мѣрль закрывалъ золоченые карнизы и обивалъ мраморныя колонны.

Слуги въ черныхъ ливреяхъ съ бѣлыми нашивками появлялись у крыльца.

На всемъ лежала печать глубокаго траура.

Предсказаніе Варвары Михайловны сбылось. На другой же день Меншиковъ увидѣлъ у себя своихъ главнѣйшихъ прогнѣнниковъ. Онъ зналъ, что наружное доброжелательство ихъ было не искренно, но пренебрегалъ ихъ внутреннїи нерасположенїемъ, не хотѣвъ даже знать сокровенныхъ мыслей ихъ, потому что видѣвъ ихъ безспасно, зналъ, что они неспособны предпринять, что-либо рѣшительное противъ него, и на этомъ убѣжденїи основалъ планъ своихъ дѣйствїй:

Съ неусыпною дѣятельностію старался Князь Ижорскїй упрочить свое могущество и распространить свое вліяніе на государственныя дѣла.

Съ ранняго утра приемная Князя Ижорскаго наполнялась поклонниками; просителями и людьми, призванными по какимъ-либо дѣламъ.

Недвлю спустя, послѣ кончины Императора, архитекторъ Земцовъ, участвовавшїй уже въ убранствѣ залы-печали, получилъ приказанїе явиться къ Меншикову.

Было три четверти девятаго, когда акуратный художникъ вошелъ въ приемную, наполненную народомъ. Земцовъ вошелъ, поклонился, повѣрилъ свои куранты со стѣнными часами въ приемной и осмотрѣлся.

У стола, близъ одного изъ оконъ, передъ огромною книгою, въ которую вносились имена и адреса просителей, сидѣлъ одинъ изъ младшихъ секретарей съ такою важностію, какъ будто бы онъ самъ былъ свѣтлѣйшїй князь.

Земцовъ подошелъ къ нему, поздоровался, поподчивалъ табакомъ и спросилъ тихимъ голосомъ, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ его потребовалъ князь.

Секретарь поюхалъ табакъ и пожалъ плечами, придавъ лицу своему такое выраженіе, что архитекторъ очень легко могъ подумать, что секретарь посвященъ въ тайну всѣхъ дѣлъ своего начальника, но на дѣлъ оправдываетъ свое названіе.

— Господинъ архитекторъ Земцовъ! произнесъ громкимъ голосомъ лакей, вошедшій въ приемную.

Земцовъ не успѣлъ даже спрятать табакерку, которую повертывалъ между пальцами и скоро послѣдовалъ за лакеемъ.

Пройдя двѣ, три комнаты, они поднялись во второй этажъ по спиральной лѣстницѣ, точёныя перила которой, изъ краснаго дерева съ позлотой, были обвиты флеромъ.

Лакей отворилъ дверь, пропустилъ архитектора, а самъ остался въ маленькой прихожей.

Не распахнувъ еще черной суконной драпировки у двери, Земцовъ услышалъ въ кабинетъ знакомый голосъ и нахмурился.

Онъ вошелъ.

Меншиковъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, безъ всякихъ украшеній, кромѣ одной звезды на груди и плерёзъ на обшлагахъ, сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и разсматривалъ какія-то бумаги.

Передъ нимъ стоялъ человекъ, согнувшійся въ дугу и придерживавшій правою рукою шляпу, которая была у него подъ лѣвой мышкой.

— Синьоръ Трезино, говорилъ Меншиковъ: повторяю я тебѣ, что планы твои больно вычурны; тутъ недостасть простоты.... знаешь, величественной простоты....

— Вашъ сіятель, возразилъ Трезино, силившійся скрыть досаду подъ принужденной почтительной улыбкой: не можно судить на маленьки пропорціоне....та, *eccellenza, fatti questa finezza*, посмотреть, какъ этотъ сторона *maraviglioso....*

— Да, этой-то стороны и не будетъ видно; она обращена не къ Невѣ, скажаль Меншиковъ.

Трезвнн съ итальянскою живостью ударилъ себя по лбу.

— Ohime! вскричалъ онъ: какой глупство! Ви совснмъ справедливо, *eccellenza!*

И, согнувшись еще болге въ дугу, онъ прибавилъ:

— Я удавляйсъ вашъ *perspicacita*, вашъ *scienza soprannaturale, illustrissimo!*

Чувствуя, такъ сказать, за собою присутствіе соперника, Земцова, почтительно остановившагося у двери, Итальянецъ болге и болге старался льстить князю; но послдній обратилъ къ русскому архитектору.

— Земцовъ, сказалъ онъ. Ступай сюда.

Земцовъ поклонился, но такъ туго, такъ не ловко, какъ будто бы у него, въ самомъ дѣлѣ, спина была изъ одного куска, какъ онъ самъ говорилъ.

— Земцовъ, продолжалъ князь, не отвѣчая на поклонъ: посмотри-ка эти планы.

Лицо Итальянца скорчилось отъ досады, что его произведеніе предлагалось на судъ Русскаго.

Земцовъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали архитектурные чертежи и, рассматривая ихъ, обернулся спиною къ князю.

— Ну что? спросилъ послдній, когда Земцовъ положилъ чертежи обратно на столъ.

— Красиво, отвѣчалъ архитекторъ.

— Да, красиво, повторилъ Меншиковъ, но несогласно съ цѣлю.

— Прошу не прогнѣваться ваше сіятельство, возразилъ Земцовъ: но мнѣ кажется, что это очень пріятная дача.

Земцовъ произнесъ эти слова съ такимъ простодушнымъ видомъ, что никому не пришло бы въ голову, что въ нихъ заключалась вѣдая иронія.

— Да это не дача! вскрикнулъ Меншиковъ, улыбнувшись.

— Ну, такъ загородный домъ, возразилъ Земцовъ очень серьезно.

Меншиковъ засмѣялся.

Итальянецъ хотѣлъ придать лицу своему выраженіе презрительной насмѣшки человека, чувствующаго свое преимущество; но ему не удалось. Лицо его только сморщилось.

— Что я тебя говорилъ, синьоръ? сказалъ князь и, посмотрѣвъ опять на чертежи, прибавилъ: именно, именно, это бѣлье похоже на дачу; а все оттого, что слишкомъ много вычурности.

Итальянецъ не выдержалъ.

— Ма, ессейенца, сказалъ онъ: въ искусство надобно прогрессъ; я хотѣлъ сдѣлать что-нибудь побольше грандиоза, какъ оной церква въ Петербургъ!

Земцовъ принялъ эту выходку на свой счетъ.

— А позвольте узнать, ваше сіятельство, сказалъ онъ, обратившись къ Меншикову: что сіе изображаетъ?

— Церковь, отвѣчалъ князь, улыбаясь. Это проектъ временной церкви, которую надобно построить въ крепости, у неоконченнаго собора, для погребенія Его Императорскаго Величества.

Земцовъ кивнулъ головою съ видомъ человека, только теперь понявшаго, въ чемъ дѣло.

— Не правда ли, это неприлично? спросилъ Меншиковъ.

Иванъ Захарычъ взглянулъ еще на чертежъ, наклоняя голову то на правое, то на лѣвое плечо, и отвѣчалъ хладнокровно:

— Ничего, ваше сіятельство; оное, пожалуй, что и церковь. Итальянецъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ князь; мнѣ не нравится; притомъ же непомѣрно дорого; посмотри смѣту.

Земцовъ взялъ изъ рукъ Меншикова исписанный листъ бумаги, наскоро пробѣжалъ смѣту глазами и, остановивъ нѣтъ на много, едва замѣтнымъ образомъ улыбнулся.

— Въдъ дорого? спросилъ Меншиковъ.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ Земцовъ очень простодушно: это зависитъ оттого, какъ кто распоряжается и какъ кому вздумается; можно, пожалуй, взять и больше.

Итальянецъ пожелтѣлъ.

— А меньше? спросилъ князь, улыбаясь.

— Иначе не можно:

— А какъ?

— Да какъ бы сказать вашему сиятельству?... Въ половину. Итальянецъ дозеленѣлъ и кусалъ губы.

— Хочешь вѣзться? спросимъ Меншиковъ откровенно и не церемонясь съ Итальянцемъ.

— Отчего не вѣзться? я служить готовъ: вашему сиятельству, а за успѣхъ ручаюсь.

— Постарайся, такъ и будетъ хорошо, сказалъ Меншиковъ; потомъ, обратившись къ Итальянцу, прибавилъ: синьоръ Трезино, ты мастеръ своего дѣла, по на этотъ разъ тебѣ не удалось; этотъ прожектъ мнѣ не нравится.

— Можно сдѣлать другая, есселенза...

— Нѣтъ, ужъ оставь; у тебя скоро будетъ другая работа, поважнѣе этой; Государыня желаетъ перестроить дворецъ, и, на первый случай надобно будетъ перенести мазанковыя службы, что за дворцомъ, къ Мойкѣ, и поставить на каменные фундаменты: Подумай объ этомъ. Временною же церковью займется Земцовъ; у него же теперь мало работъ. Смотри, синьоръ, поменьше лишнихъ вычуръ: онъ только пестрятъ безъ толку!

Съ этими словами Меншиковъ обернулся спиною къ Трезино, который, несмотря на то, продолжалъ отбѣшивать низкіе поклоны, отступая къ двери.

Отъ драпировки за дверь кабинета былъ одинъ шагъ, одна секунда, но въ эту секунду во всей наружности Итальянца произошла совершенная перемѣна. До драпировки на лицѣ его выражалась притворная покорность воли сильнаго повелителя, за драпировкой онъ далъ свободу досадѣ и злобѣ на соперника, передъ которымъ онъ былъ униженъ, а черезъ приемную онъ прошелъ съ гордымъ видомъ челоука, пользующагося совершенною милостію вѣлможы.

Даже секретарь пристрасти въ поклонылся, когда Трезино проходилъ мимо него.

— Слушай, Земцовъ, сказалъ Меншиковъ, оставшись одинъ съ русскимъ архитекторомъ: приложи все стараніе,

чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ Итальянцомъ....

— Постараюсь, ваше сіятельство, отвѣчалъ Земцовъ.

— Скажи же мнѣ, скоро ли ты можешь составить проектъ?

— Дня въ два, ваше сіятельство.

— Не торопись, лучше подумай хорошенько.

— Дѣло спѣшное, ваше сіятельство; надобно успѣть и подумать и выполнить.

— Такъ, такъ; а сколько времени тебѣ нужно для постройки?

— Два мѣсяца, ваше сіятельство.

— А въ полтора можно?

— И въ полтора можно.

— А въ мѣсяць?

Земцовъ подумалъ, потомъ отвѣчалъ:

— Можно и въ мѣсяць, ваше сіятельство; только дорожка станеть.

— Ничего; и такъ, берешься выстроить въ мѣсяць?

— Берусь, ваше сіятельство. Въ первыхъ числахъ марта все будетъ готово.

— Ну, ладно; иди же съ Богомъ.

Земцовъ поклонился, пошелъ къ двери, но вдругъ остановился.

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ: позвольте мнѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшею просьбою.

— Говори.

— Вашему сіятельству, вѣроятно, извѣстенъ граверъ Зубовъ?

— Зубовъ... Зубовъ?... Не тотъ ли, что гравировалъ гренгамское сраженіе?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, знаю. Что же?

— Онъ теперь вовсе безъ дѣла, ваше сіятельство.

— Хорошо, хорошо, я не забуду его, когда случится какая работа. Теперь же ничего нѣтъ.

— Ваше сіятельство, сказалъ Земцовъ: не благоугодно ли

вамъ будетъ приказано вырвать на мѣди, какъ убранство печальной залы, такъ и церемоніала погребенія?...

— Конечно, конечно! съ живостию вскрикнулъ Меншиковъ: это непременно нужно! Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ. Скажи же... тому... Зубову, что я никому другому не поручу этой работы...

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, сказалъ Земцовъ, которому удалось въ этотъ разъ поклониться пониже обыкновеннаго: эта работа займетъ и обезпечитъ моего друга на нѣкоторое время. А за хорошее выполненіе я ручаюсь...

— Да, да, сказалъ Меншиковъ: пора дать ходъ нашимъ русскимъ художникамъ и избавиться въ этомъ отношеніи отъ иностраннаго ига...

Съ этими словами Князь Ижорскій позвонилъ.

— Карету! сказалъ онъ вошедшему слугѣ, и, обратившись опять къ Земцову, прибавилъ: Иди же съ Богомъ, да примиись за дѣло.

Архитекторъ поклонился и, съ радостію въ сердцахъ, вышелъ изъ кабинета могущественнаго вельможи.

ГЛАВА VII.

ПОГРЕБЕНІЕ.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ погребенію.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, и въ самомъ началѣ его, а именно 4-го числа, новое горе поразило сердце Императрицы.

Цесаревна Наталья Петровна, дѣтскія ласки которой составляли утѣху Петра Великаго, въ послѣдніе дни жизни его, скончалась на седьмомъ году отъ рожденія. Этотъ новый ударъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Государыню... Она впала бы въ совершенное уныніе, если бъ ее не поддерживала непоколебимая энергія Меншикова...

Марта 8-го по всему городу развѣзжали герольды съ знаменами, трубами и литаврами, возвѣщая народу о днѣ погребенія. Въ то же время публикованъ указъ, чтобы въ этотъ

торжественный день и накануне его никто не смѣлъ ничего продавать, кромѣ необходимыхъ домашнихъ припасовъ; чтобы торговля лавки, вольные дома и лавки были напорты, и чтобы нигдѣ не было ни шуму, ни ссоры.

Безисчисленное множество народа покрывало часть вѣнской набережной, отъ дворца до почтоваго дома (гдѣ была ираморный дворецъ), и часть рѣки, отъ почтоваго дома до крѣпости.

У оконъ всѣхъ домовъ по набережной толпились группы любопытныхъ, даже крыши были усыпаны зрителями.

Вся дорога, отъ дворца до почтоваго дома и отъ последнего, по нарочно устроенному мосту, покрытому чернымъ сукномъ до крѣпости, была усыпана вѣскомъ и мелкими ельничкомъ.

Въ полдень 10-го марта раздался изъ крѣпости пушечный выстрѣлъ... и вдругъ со всѣхъ сторонъ, по этому первому сигналу, выступили полки и заняли свои мѣста, по обѣимъ сторонамъ дороги, назначенной для посребазнаго шествія.

Передъ солдатами стали въ одну шеренгу болѣе тысячи человекъ мушкетеровъ съ зажженными восковыми факелами.

Въ часъ раздался второй сигналъ... и шествіе началось.

Впереди шли двадцать пять человекъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ алебардами, обвитыми чернымъ флеромъ; за ними выѣхалъ маршалъ въ черной мантильѣ и съ маршалскимъ жезломъ, зашитымъ въ черное сукно и теревитымъ чернымъ и бѣлымъ флеромъ.

За маршаломъ четыре пары литавръ и сорокъ восемь трубачей ордами изъ двѣнадцати человекъ; между каждымъ ордаемъ пара литавръ.

Потомъ следовали наши съ ихъ гофмейстеромъ; за пажами придворные кавалеры, не принимавшіе другаго участія въ процессіи; гофъ-фурьеръ; тридцать человекъ, по три въ рядъ, иностранныхъ кунцовъ со своимъ маршаломъ; депутаты изъ разныхъ городовъ и провинцій со своими маршалами. Все были въ черныхъ мантильяхъ.

За ними несли красное военное знамя, за которымъ слѣдовала походная лошадь покойнаго Императора; а впереди два подполковника.

За лейб-герцогами слѣдовали знамена съ гербами провинцій; за каждымъ гербомъ вели лошадь. Знамена несли майоры и капитаны; лошадей вели поручики. За каждой лошадью шелъ конюхъ съ хлыстикомъ въ руку и одѣтый въ черное платье.

Шествіе знаменъ заключало бѣлое мирное знамя, и за нимъ Фриден-фердъ.

Потомъ вѣхали шталмейстеры въ золоченыхъ латахъ; за ними рыцарь въ черныхъ латахъ, предшествовавшій черному печальному знамени и траур-ферду.

За послѣднею лошадью шелъ маршалъ отъ строеній и за нимъ несли семь главныхъ россійскихъ гербовъ и, наконецъ, осьмой императорскій.

Потомъ слѣдовалъ крестный ходъ духовенства: двое пѣвчихъ съ хоругвями, поддіаконъ съ крестомъ, два хора пѣвчихъ, діаконы, протодіаконы, священники, протопопы, духовникъ, монахи, игумены, архимандриты, архіереи и духовные члены синода.

Въ некоторомъ разстояніи отъ духовенства шли два маршала, потомъ генераль въ коронѣ и, наконецъ, явился гробъ Цесаревны Наталіи Петровны, окруженный драбантами, въ черныхъ мантияхъ и съ алебардами.

Этимъ заключалась первая половина печальнаго шествія...

Вторую половину открыли два герольдмейстера Имперіи, со знаками своего достоинства въ рукахъ; за ними несли четыре государственные меча, осыпанные драгоценными камнями; кавалеріи: Благо Ора, Благо Слона, святаго Апостола Андрея; регалии, короны: сибирскую, астраханскую и казанскую, державу, скипетръ и, наконецъ, корону Россійской Имперіи.

За послѣдней короной шествіе пріостановилось на нѣсколько секундъ.

Къ крыльцу подъехали сани, запряженныя осьмью лошадыми, покрытыи чернымъ бархатомъ.

Глаза всего народа были устремлены на крыльцо.... все утихло, все замолкло.... ужасна была могильная тишина въ огромной массѣ народа....

Но вотъ въ дверяхъ показался гробъ.... и въ тоже мгновеніе въ крѣпости раздался третій пушечный выстрѣлъ и гулъ его, раздававшійся еще въ воздухъ, смѣшался съ унылымъ звономъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ, какъ бы тронутыхъ въ одно время, одною рукою.... загремѣли литавры, зазвучали трубы.... и продолжительный, жалобный стонъ пронесся по густой массѣ народа....

Солдаты внезапно опустили ружья на погребеніе и каждую минуту разлавался пушечный выстрѣлъ, одинъ изъ крѣпости, другой изъ адмиралтейства.

За гробомъ Императора шли три маршала, а за ними Императрица.

Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ; кружевное черное покрывало, низпадавшее до колѣнъ, было накинуто на голову ея и закрывало лицо. Съ трудомъ передвигала ноги огорченная супруга и мать.... Меншиковъ и Апраксинъ вели ее подъ руки.

За Императрицей слѣдовали придворные кавалеры; по сторонамъ ея шли драбанты.

Потомъ слѣдовали цесаревны Анна и Елизавета Петровны со своими ассистентами и свитой камеръ-юнкеровъ; царевны: Екатерина и Парасковія Іоанновны; Марія и Анна Львовны Нарышкины; герцогъ голштинскій и великій князь Петръ Алексѣевичъ.

За великимъ килземъ Александръ и Иванъ Львовичъ Нарышкины и весь придворный штатъ.

Шествіе замыкали чины первыхъ осьми классовъ, несущіе дворяне, чины послѣднихъ шести классовъ, купечество, всѣ со своими маршалами и, наконецъ, столько же гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, какъ и въ началѣ шествія....

Временная церковь, устроенная посреди строившейся ка-

менной, заслужила, къ величайшему удовольствію Земцова, общее одобреніе.

Почтенный Иванъ Захарычъ со своимъ пріателемъ Зубовымъ находился въ хвостъ процессіи, между чинами послѣднихъ шести классовъ, а потому не вошли въ церковь, куда за недостаткомъ мѣста были впущены только важнѣйшія особы....

Но Иванъ Захарычъ былъ, такъ сказать, хозяинъ въ церкви, а потому во время небольшой суматохи, происшедшей отъ размѣщенія, онъ ускользнулъ со своимъ пріателемъ.

Между очищенными лѣсами пробрались они до маленькой каменной лѣстницы, ведшей на недостроенную колокольню.

— Смотри, Алексѣй Матвѣевичъ, сказалъ Земцовъ: держись за мою епанчу и иди осторожнѣе.... тутъ темно, а лѣстница безъ перилъ, какъ разъ свернешься....

— Такъ я лучше не пойду, возразилъ осторожный Зубовъ.

— Полно, иди; только держись за меня, ужъ я проведу тебя.

Одной рукой взялся граверъ за мантилью Земцова, а другою сталъ ощупывать сырую стѣну.

Довольно долго пробирались они такимъ образомъ въ совершенной темнотѣ и, наконецъ, увидѣли передъ собою легкій свѣтъ, выходявшій изъ небольшихъ оконъ, устроенныхъ въ куполѣ временной церкви.

— Чтó, какво? спросилъ архитекторъ, указывая впередъ: видишь, какъ я ухитрился! у одного изъ этихъ оконъ, которыя ты видишь, я поставилъ скамѣчку; отсюда мы увидимъ все и услышимъ лучше даже тѣхъ, которые....

Иванъ Захарычъ не договорилъ.

— Это чтó такое? сказалъ онъ, остановившись съ изумленіемъ.

— Чтó тамъ? съ безпокойствомъ спросилъ граверъ.

— Посмотри-ка, отвѣчалъ Земцовъ посторонившись.

К. III. — Отд. III.

У огня, на скамьѣ, приготовленной Иаакома Зазорычюмъ, сидѣла какая-то женщина.

— Какъ она сюда попала? произнесъ съ изумленіемъ и неудовольствіемъ архитекторъ, и вступивъ подъ стропила деревянной крыши, подошелъ къ женщинѣ, занявшей мѣсто, приготовленное имъ для себя.

Она оглянулась, кивнула головой и подвинулась нѣсколько въ сторону, чтобы дать новопривышему мѣсто на скамьѣ.

— Кто тебя сюда пустилъ, матушка? спросилъ Земцовъ.

— Никто, родимый, не пускалъ; сама пришла; ономнись, батюшка, какъ еще строили церковь, я случайно зашла въ нее, да и подмѣтила эти окошечки; тогда же я отыскала сюда дорогу, и сегодня спозаранку зашла здѣсь, чтобы кто не перебилъ.... Садитесь, родимые, всѣмъ мѣсто будетъ.... садитесь....

И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ было мѣсто; Земцовъ усадилъ сперва Зубова, а потомъ свѣтъ и самъ, и сталъ смотрѣть въ окно.

Вызу все уже пришло въ порядокъ.

Гробы, Императора и цесаревны, были поставлены на возвышеніи. Императрица, цесаревны и царевны со всѣмъ своимъ штатомъ, стояли по правую сторону гроба, на особо-устроенныхъ мѣстахъ; а герцогъ голштинскій и великій князь по лѣвую сторону.

За ними, по ту и другую сторону, стояли знатнѣйшіи придворныя особы.

По прочтеніи Евангелія, солдаты, разставленные по крепостной стѣнѣ, стали стрѣлять бѣлыми огнемъ, къ великому страху сосѣдки двухъ пріятелей, которая, заслушавшись Евангелія, невольно вскрикнула и чуть не вышибла головой стекла въ окошкѣ. Такіе же выстрѣлы раздавались во время пѣнія: плачу и рыдаю, и въ третій разъ, когда стали посыпать землю тѣло усопшаго Императора.

По окончаніи службы къ вынесенію наложу выехали архіепископъ псковскій и нарвскій, Феофанъ Прокоповичъ.

Наступила глубокая тишина; съ благоговѣйнымъ вниманіемъ стали все слушать, и энергическія сильныя слова, подобно ирраспорѣчивому вожлю, вылились изъ сердца знаменитаго проповѣдника....

— Что се есть? до чего мы дожили, о Россіянѣ? что видимъ? что дѣлаемъ?... Петра Великаго погрѣбаемъ!...

Глубоко отозвались эти слова въ сердцахъ слушателей.

Воспѣремонная сосьдака двухъ вріятелей вскрикивала, приложивъ лицо къ стеклу. Иванъ Захарычъ весь обратился въ слухъ и глаза его наполнялись слезами, особенно когда Теофанъ произносилъ слѣдующія слова:

Какову' оиъ Россію свою сдѣлалъ, — такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимю, — любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшную, — страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, — славная и быти не престанетъ!...

Рѣчь эта была очень кратка, особенно по тогдашнему времени, когда рѣчи продолжались иногда два, три часа.

Теофанъ кончилъ слѣдующими словами:

«Но, о Россіе! видя кто и каковый тебе оставилъ, видя, и какову оставилъ тебе!...»

Онъ замолчалъ, но глубокая тишина длилась еще съ минутою... такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ этой рѣчью.

Начался обрядъ прощанія и церковь огласилась громкимъ воплемъ.

— Глядите, глядите, батюшка, сказала женщина, слегка толкнувъ Зубова локтемъ: вотъ Государыня идетъ къ тѣлу... ахъ, сердешная, едва движется.... Вотъ откинула уваль....

— Какъ она блѣдна, произнесъ Иванъ Захарычъ.

— Господи Іисусе! какъ она припала къ тѣлу, продолжала женщина: слышите, какъ она рыдаетъ....

— Ахти! никакъ съ Императрицей сдѣлалось дурно! вскричала Зубовъ.

— Да... да, возразила женщина: вотъ князь Александръ Данилычъ поспѣшилъ къ ней.... А вотъ и Варвара Михайловна.... Подняли на руки.... унесли.... Матушка на-

ша, дай тебѣ Господь много лѣтъ здравствовать!... Ахти, святые!

Последнее восклицаніе послѣдовало за страшнымъ громомъ орудій, выпалившихъ залпомъ съ крѣпостныхъ стѣнъ.

Раздался второй и третій выстрѣлъ залпомъ, такъ что стѣны задрожали.

— Батюшки! родимые! стѣны валятся! вскричала женщина, со страхомъ ухватившись обѣими руками за Алексія Матвѣевича.

— Небось, матушка, не обвалится! крѣпки! сказалъ Земцовъ, вставая.

— Фу, какъ я испугалась!... сказала женщина, перекрестившись и заглянувъ еще разъ въ церковь.

Она мало по малу пустѣла; знатнѣйшія особы удалились; гвардейскіе офицеры разстанивали около стѣнъ знамена и гербы; лица, которымъ было поручено дежурить при гробѣ, становились по своимъ мѣстамъ; все мало-по-малу утихло....

Последній долгъ Великому былъ отданъ.

— Ну, Иванъ Захаровичъ, сказалъ граверъ: надобно отдать тебѣ справедливость; славно ты выстроилъ эту церковь; и скоро, и хорошо!

— Твое дѣло, Алексій Матвѣевичъ увѣковѣчитъ мои труды....

— Ужъ удружу! Доставь мнѣ только рисунки, а ужъ я вотъ какъ награввирую....

— Нѣ-что это вы, батюшка, выстроили? съ любопытствомъ спросила женщина.

— Я, матушка; отвѣчалъ архитекторъ.

— Ахъ, сердешный! сказала женщина, покачавъ головой; съ какимъ же вы это все художествомъ уладили.

— Однако пора домой, сказалъ Иванъ Захаровичъ: ступайте за мною, да смотрите осторожнѣе; Алексій Матвѣевичъ, держись за мою епанчу, а вы, матушка, за епанчу Алексія Матвѣевича.

— Алексій Матвѣевичъ? съ любопытствомъ повторила женщина: Алексій Матвѣевичъ, не Зубовъ ли?

— Зубовъ.

— По градыровальному искусству?

— Такъ; а почему вы меня знаете?

— Знать-то я васъ не знаю, а много хорошаго слышала про васъ.

— Спасибо.

— Въдь у васъ есть дочка?

— Есть.

— Невѣста?

— Невѣста, да безъ жениха.

— Э, батюшка! этого товару много въ Питеръ; стѣить только кличь кликнуть, такъ и набьгутъ!

— Мало кличь кликнуть, надобно и денжатами брякнуть.... А у меня вся фортуна копѣйка безъ рубля, да женинъ домишко.

— Ничего, батюшка, на свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Въ это время они вышли изъ темнаго прохода. При яркомъ дневномъ свѣтѣ разговаривавшіе могли лучше рассмотреть другъ друга.

Земцовъ первый съ любопытствомъ посмотрѣлъ на незнакомку и увидѣлъ женщину средняго роста, лѣтъ за тридцать, стройную, красивую, съ полнымъ лицомъ, цвѣтущимъ здоровьемъ. На ней была черная шелковая шуба на лисьемъ мѣху и бархатная шапочка, опушенная соболемъ.

Надобно сказать, что послѣ смерти своей жены, женщины худенькой и слабаго сложенія, Иванъ Захаровичъ сталъ питать особенную склонность къ женщинамъ съ роскошными формами, а потому сдѣлался чрезвычайно любезенъ, лишь только взглянулъ на незнакомку.

— Сударыня, сказалъ онъ, кланяясь: я весьма опущаю сатисфакцію, что намъ представилась оказія познакомиться...

— А я прошу у васъ извиненія, что безъ спросу забралась на верхъ, возразила женщина.

— Помилуйте! Сожалительно токмо есть, что нашъ конесментъ дальнѣйшаго продолженія не имѣеть....

— Кто знаетъ? Мнѣ сдается, что мы еще увидимся....
Прошу прощенія и благодарствую за канпацію!

Она поклонилась и ушла.

— Какая странная! сказала Зубовъ, обратившись къ своему пріятелю, засмотрѣвшемуся вслѣдъ удалявшейся.

— А какая здоровенная! возразилъ архитекторъ, проведя языкомъ по губамъ. Знатная баба!

— Ну-тебя, съ твоими примѣчаніями! проворчалъ Зубовъ, пожавъ плечами.

— Тебѣ хорошо, говорить, ты человекъ женатый.

— Женись и ты, коли охота.

— Ей-ей женилсябъ на такой знатной бабенкѣ; кровь съ молокомъ!

— Да жиръ съ мясомъ; есть чѣмъ восхищаться!°

Земцовъ молча и съ неудовольствіемъ пожалъ плечами, потому пріятели спустились на Неву.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ погребенія Императора, улицы Петербурга совершенно опустыли. Лавки были заперты; ремесленники оставили работы; все, собравшись въ семейные кружки, бесѣдовали о Великомъ, вспоминали о благодарящихъ, которыми почти каждый изъ обывателей столицы былъ ему обязанъ.

Казалось, душа новаго города, какъ бы выросшаго изъ земли, улетѣла изъ него.... По всѣмъ концамъ города высились новыя постройки, зачатки исполненной гениальныя намѣреній Петра.

По случаю горестнаго событія, всѣ работы прекратились на время, и новый городъ походилъ на неоконченное произведеніе гениальнаго художника, которому смерть свела руки....

ГЛАВА VII.

Косыночка Настеньки.

Милостями ознаменовала Екатерина начало своего царствованія.

Награды, которыми она осыпала Меншикова, могли служить мѣрломъ постоянно возрастающаго могущества его. Судъ, производившійся надъ нимъ, по приказанію покой-

наго Императора, за некоторыя противузаконныя средства обогащеніи, была уничтожена милостивымъ манифестомъ Императрицы. Кроме того Екатерина исполнила просьбу князя вюртембергскаго, оставленную Петромъ I безъ вниманія: городъ Батурино и гадячскій замокъ, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, сдѣланы собственностью Меншикова.

Забывая о себѣ, Меншиковъ не забылъ, однакожь, и другихъ.

Никто изъ противниковъ его не подвергся гоненію. Напротивъ, стараясь побѣдить своихъ враговъ кротостію и добродѣтельствомъ, болѣе или менѣе искреннымъ, Меншиковъ ходатайствовалъ за нихъ и всѣ не только остались при своихъ должностяхъ, но многіе были отличены особенными милостями.

Работы, начатыя при Петрѣ, продолжались и все снова ожило въ новой столицѣ.

Такимъ образомъ прошло два мѣсяца.

Ледъ съ Невы прошелъ туда, куда уходитъ каждый годъ. Рѣка оживилась и покрылась судами, съезившими со всѣхъ сторонъ матеріалы для величественнаго наряда, въ который красуется теперь наша петербургская красавица....

Петербургъ оживилъ стараніями Екатерины, тщательно приводившей въ исполненіе предначертанія своего супруга. Прѣжняя дѣятельность оживила берега Невы, и на мѣстѣ лѣсовъ и болотъ, безпрестанно появлялись новыя зданія.

Въ 1725 году весна какъ бы спѣшила прогнать зиму, свидѣтельницау горестнаго событія.

Въ одинъ теплый майскій вечеръ, у гравера Зубова вокругъ савоара сидѣли жена его, дочь Настенька, Зубовъ и новая гостья, съ которою Алексѣй Матвѣевичъ познакомился въ день погребенія Императора.

Ставшие часы пробили восемь.

— Ахти! вскричала гостья, схватившись: экъ я за- сидѣлась у васъ.... пора и честь знать!

— Полно, матушка Пелагея Иванова, сказала Мавра Феодоровна кланяясь: не выкупаєте ли еще чашечку чайку?...

— Спасибо, родная, я и такъ вся взопрѣла!

— Куда торопитесь, Пелагея Ивановна, сказалъ Алексѣй Матвѣевичъ: посидите еще, побесѣдуйте съ нами.

— Нѣту, батюшка; вѣдь на петербургскую сторону не близкое мѣсто. Пока доберусь туда, такъ и мой Петруша вернется.... Благодарствую за угощеніе!

Она встала, перекрестилась, поклонилась и пошла въ другую комнату.

Хозяйка и Настенька послѣдовали за нею.

Пелагея Ивановна остановилась въ церѣшности, потомъ обратившись къ молодой дѣвушкѣ, сказала:

— Настенька, мой свѣтикъ; посмотри пожалуй, никакъ я платокъ въ той комнатѣ оставила.

Настенька ушла.

— Мавра Ѳедоровна, поспѣшно и шопотомъ сказала Пелагея Ивановна: вышли куда нибудь Настю; мнѣ нужно съ тобою словечко перемолвить.

— Нѣту тамъ вашего платка, Пелагея Ивановна, сказала молодая дѣвушка вернувшись.

— Нашла, моя ягодка, нашла....

— Настя, сказала мать; подь-ка, внеси въ комнату цвѣты, что я давѣ выставила на солнышко.... Я совсѣмъ позабыла объ нихъ.

— Прощайте, Пелагея Ивановна, сказала Настя.

— Прощай, моя ненаглядная, прощай, родненькая. Господь съ тобою.

Пелагея Ивановна поцѣловала молодую дѣвушку, которая тотчасъ же выпорхнула въ садъ.

— Мавра Ѳедоровна, сказала тогда Пелагея Ивановна: знаешь, пословица говорить: куй желѣзо, пока горячо!

— А что, съ безпокойствомъ спросила Мавра Ѳедоровна: нѣ-что книгиня раздумала?

— Раздумать, не раздумала, а все, знаешь, лучше, какъ дѣло-то будетъ кончено.

— Я бы сама рада радешенька, Пелагея Ивановна, да гдѣ же взять, коли нѣтъ?...

— Есть, родимая, есть! таинственно произнесла Пелагея Ивановна.

— Неужто, матушка? съ радостію вскричала Мавра Федоровна.

— И не одинъ, а двое!

— Что ты!

— Одинъ, правда, не богатъ, да чиновникъ.... Въ Сенатъ, слышь, служить.... Что ты пригорюнилась? Не любовь тебѣ, что ли?

— Ничего, а другой?

— Другой, мать моя, купецъ; не молодъ, да богатъ....

— Вотъ этотъ, по моему, лучше.

— Такъ, да полюбится ли Настя?

— Эхъ, мать моя! Ей ли разбирать? это мое дѣло, материнское!

— Ну, тамъ какъ себѣ знаешь! А все не мѣшаетъ и того, и другаго посмотреть. Я тебѣ дамъ знать, когда они будутъ ко мнѣ.... Приведи, смотри, и Алексѣя Матвѣевича; чтобы и онъ посмотрѣлъ.

Мавра Федоровна проводила Пелагею Ивановну съ низкими поклонами.

Читатели помнятъ, вѣроятно, что княгиня Прасковья Юрьевна Долгорукова поручила Пелагее Ивановнѣ отыскать небогатую молодую дѣвушку, счастье которой она хотѣла составить. Пелагея Ивановна принялась за это дѣло съ усердіемъ. Между многими другими молодыми дѣвушками, ей рекомендовали и дочь гравера Зубова, человека честнаго, искуснаго въ своемъ дѣлѣ, но не богатаго. Пелагея Ивановна все еще раздумывала, когда нечаянная встрѣча съ Алексѣемъ Матвѣевичемъ, во время погребенія Императора, заставила ее остановить свой выборъ на Настенькѣ.

Развѣдавъ обо всемъ хорошенько, она однажды явилась къ Маврѣ Федоровнѣ и безъ околичностей объявила ей, въ чемъ дѣло. Разумѣется, что жена Зубова чуть не разцѣловала золотыхъ ручекъ посредницы. Но княгиня постановила условіемъ, что назначенная ею сумма будетъ выдана только тогда, когда молодая дѣвушка найдетъ себѣ достойнаго жениха. Пелагея Ивановна и тутъ взялась помочь горю.

Она нашла не одного, а двухъ жениховъ, горьшимиъ желаніемъ вступить въ законный бракъ и попытшиа извѣстить о томъ Мавру Федорову....

Что же дѣлала Настенька, между тѣмъ какъ мать располагала судьбою ея?...

Настенька переносила цветы и бѣгала, рѣзвилась какъ дитя; она была не одна, потому-что въ маленькомъ садикѣ заключался весь міръ ея: тутъ были цветы, которыхъ она берегла и лелѣла, тутъ были деревья, на которыхъ иногда малиновка, рѣдкая гостя, распѣвала звучную пѣсню, которую Настенька слушала, слушала, не могла наслушаться....

Молодая дѣвушка почти выросла съ этими деревьями; они замѣняли ей подругъ, которыхъ у нея не было; воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ, почерпаемая изъ дивной сокровищницы, которую благое Провидѣніе помѣщаетъ въ сердце каждаго человѣка, эти воспоминанія населяли для нея уединенный садикъ, который на человѣка посторонняго могъ навести уныніе своимъ однообразіемъ.

Набѣгавшись, Настенька устала и сѣла на маленькую скамью, стоявшую возлѣ елокъ, на самомъ берегу.

Вечеръ былъ чудесный.

Близость воды придавала воздуху нѣкоторую свѣжесть; но эта свѣжесть была напитана благоуханіями, которыя растенія подобно оніміаму возсылаютъ къ солнцу, прощаясь съ нимъ и привѣтствуя его.

Туманно-золотистая полоса замирала на горизонтѣ....

Тихо журчали волны, плескавшія о свай, укрѣплявшія берегъ, вдали раздавались русскія пѣсни гребцовъ, ровно пересѣкавшихъ цѣвскія струи, да оклики часовыхъ на городской верфи....

Настенька опустила голову и задумалась. Въ первый, быть можетъ, разъ, въ жизнь свою, она почувствовала, что въ счастья, которымъ она, невинное дитя, наслаждалась до сихъ поръ, не доставало чего-то.... что оно было не полно....

Вѣ было жарко; она сняла косынку, и набросила ее на сучокъ елки.

За отворенными окнами въ домъ слышался громкій говоръ; но онъ пролеталъ мимо ушей Настеньки; она прислушивалась къ другимъ звукамъ, къ той дивной гармоніи, которою наполненъ покой природы.

Вдругъ вечерній вѣтерокъ, игравшій уже концемъ косынки, приподнялъ ее; Настенька хотѣла схватить ее, но не успѣла....

Вѣтеръ снесъ косынку въ воду.

Молодая дѣвушка невольно вскрикнула.

Какъ ей явиться безъ косынки передъ матерью, какъ признаться, что она осмѣлилась снять ее, въ саду!...

— Ого! я кладъ нашель, произнесъ чей-то голосъ внизу.

У Настеньки подкосились ноги, хотя голосъ, произнесшій эти слова, былъ очень пріятель.

Въ то же время послышался легкій шумъ и изъ-за невысокаго забора показался мужчина.

— Ахти! чужой мужчина! вскричала Настенька голосомъ, заглушаемымъ страхомъ и инстинктивно закрыла голую шейку обѣими руками.

— Вы изволили уронить косыночку? спросилъ незнакомецъ, которій, судя по голосу и по силуэту стройной тѣли, былъ очень молодъ.

— Не говори, не смотри! произнесла Настенька голосомъ, исполненнымъ невыразимой боязни.

— Я желаю только возвратитъ вамъ....

— Да ну же, брось ее, да пооди врозь! вскричала Настенька плаксивымъ голосомъ.

— Повиновеніе и респектъ прекрасному полу есть первая обязанность моряка.... Извольте получить!

Съ этими словами молодой человекъ бросилъ ей косынку, и сталъ спускаться. Уже только одна голова его была видна изъ-за забора, когда онъ остановился и сказалъ:

— Позвольте хоть абивидъ звать.

Настенька все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, не сдвѣ

даже наклониться, чтобы поднять косынку, упавшую къ ногамъ ея.

— Да ну же поди прочь, или я закричу! вскричала она.

— Напрасно изволите пугаться, я васъ не съемъ.

— Отстань, говорить!

— Нечто я къ вамъ присталъ?

— Экой неучъ!

— Нельзя ли повѣжливѣе? Вишь какая барыня, платочки ронлетъ; ей подашь, а она еще ругается, ворчалъ молодой человекъ, спускаясь въ свою лодку.

Читатели найдутъ, безъ сомнѣнiя, очень мало поэзии въ этомъ разговорѣ, но мы невиноваты; виноваты Настенька и молодой морякъ.

Весло уперлось въ свай; лодка отчалила; молодой морякъ, действуя однимъ весломъ, сталъ удаляться и запѣлъ какую-то пѣсню.

Только тогда Настенька наклонилась, съ живостию подняла косынку и, не накидывая даже ея на шею, опротягу пустилась бѣжать домой.

Дрожь всѣмъ тѣломъ отъ негодованiя, возбужденнаго въ ней дерзостью *чужаго мужчины*, осмѣливавшагося говорить съ нею, ушла она въ свою комнатку.

Странныя вещи снились Настенькѣ, и она проснулась болѣе утомленная, нежели подкрѣпленная тяжелымъ сномъ.

Цѣлый день шелъ дождь. Молодая дѣвушка не могла выйти въ садъ; а ее такъ и тянуло туда.... Ей хотѣлось только посмотреть, какимъ образомъ вчерашнiй незнакомецъ взобрался по сваямъ до забора.

День тянулся долго, однообразный, скучный. Ночью опять тѣ же страшные сны.

На второе утро, Настенька вскочила со своей постельки съ радостнымъ восклицанiемъ, невольно вырвавшимся изъ груди ея.

Утро было свѣтлое, ясное. Солнечный свѣтъ, смягчаемый простынькой, которою было завѣшано окно, разливалъ въ комнаткѣ Настеньки теплый, изжанный колоритъ. Молодая дѣвушка подбѣжала къ окну: на чистомъ, голубомъ

небѣ не было ни одного облачка, поверхность Невы была гладка, какъ зеркало...

Чась спустя, Настенька вышла въ садъ съ матерью.

Мавра Федоровна пошла смотрѣть, принялись ли рассады ея, вызвалъ ли вчерашній дождикъ новыя почки изъ посаженныхъ свмянъ. Все было къ совершенному удовольствію ея.

Настенька побѣжала къ своимъ цвѣтамъ. Съ нѣкоторыхъ продолжительный дождь сорвалъ листья; другіе были забрызганы пескомъ, смѣшавшимся съ водою. Настенька сердилась на дождь.

Потомъ, воспользовавшись удобной минутой, она подошла къ забору и стала смотрѣть внизъ, съ видомъ совершеннаго равнодушія, хотя сердце ея отъ чего-то билось скорѣе обыкновеннаго.

— Что ты тамъ глядишь, Настя? спросила Мавра Федоровна.

— Ничего, матушка; гляжу, какъ колюшки играютъ.

Настенька почувствовала, какъ щеки ея нагрѣлись въ эту минуту, прихлынувшюю къ нимъ кровью. Она въ первый разъ сказала неправду матери, потому-что совсѣмъ и не думала о колюшкахъ.

Мавра Федоровна тоже подошла къ забору и, облокотившись на него, стала звать по сторонамъ.

— Смотри, Настя, сказала она, случайно взглянувъ на дочь, задумчиво засмотрѣвшуюся на воду: платокъ уронишь.

Настенька спрятала платокъ.

— А что, матушка, спросила она, еслибы я уронила платокъ, да если бы мнѣ подаль его хоть вотъ этотъ мужчина, что ѣдетъ въ буеракъ, что бы мнѣ слѣдовало ему сказать?

Въ буеракъ проѣзжалъ толстый, краснолицый Голландецъ въ соломенной шляпѣ съ широкими полями и въ полосатой холстинной курткѣ.

— Экая глупая! отвѣчала мать: тебѣ бы слѣдовало сказать: благодарствую за безпокойствіе!

— Какъ же ты мнѣ говорила, что съ чужимъ мужчиной не слѣдъ разговаривать молодой дѣвушкѣ?

— Достойно не слать; а ужь коли особенный случай приключится, такъ сказала: благодарствую за безпомощствіе, да и прощай! Скромность сама по себѣ, а и утчивость не лишеть.

Настеньки задумалась.

За что же она такъ мучилого обоблась третьяго дня съ молодымъ человѣкомъ, оказавшимъ ей услугу?...

— Глазъ-на, Настя, какая красавица! Плюшка: вѣдать, сказала Мавра Федоровна: вишь какъ гребцы дружно весла подымають, ахъ, славно!

Настенька подняла глаза; въ недалекомъ разстояніи отъ дома ихъ прозвонилъ казенный ботъ; ровно зашавыла изъ слани шесть матросовъ въ чистыхъ, бѣлыхъ рубакахъ; посреди бота стоялъ, сиречь въ руки на груди, молодой человекъ въ красивомъ мундирѣ.

Молодой человекъ пристально глядѣлъ въ ту сторону; гдѣ были Настенька и мать ея.

Едва ботъ отъѣхалъ на незначительное разстояніе, мать по знаку молодого унтеръ-лейтенанта, три матроса, съдвинувше по правую сторону, разомъ подняли весла, между тѣмъ какъ другіе три продолжали гребти. Молодой человекъ въ то же время взялся за руль.

Ботъ скоро повернулъ обратно и, минуто спустя, очутился почти передъ самымъ садомъ Зубова.

Мавра Федоровна глядѣла въ оба глаза на ловкость матросовъ, но Настенька замѣтила, что молодой человекъ пристально смотрѣлъ на нее.

Когда ботъ поравнялся съ садомъ, унтеръ-лейтенантъ взмахнулъ поклонился.

Мавра Федоровна очнулась.

— Настя, вскричала она: поди прочь! экой озорникъ!... кланяется, да еще ухмыляется, словно мы невесты-какія!... Вотъ тебѣ и нынѣшнее воспитаніе, вотъ тебѣ и нынѣшній ма-ширы! Молодежь никакого почтенія не знаетъ къ женскому полу... Поди же прочь, Настя, говорятъ тебѣ!

Настенька отступила неохотно. Она никакъ не могла понять причины негодования ея матери; молодой человекъ по-

кдонила такъ вѣжливо, такъ почтительно... что же могло быть въ этомъ предсудительнаго?...

Притомъ же надобно сказать, что была и другая причина внезапнаго участія, которое Настенька принимала въ молодомъ морякъ: ей казалось, что это былъ тотъ самый, который подалъ ей косынку. На чемъ основывала она это мнѣніе? Когда незнакомецъ показался за заборомъ, было уже такъ темно, притомъ Настенька была такъ испугана, взволнована, что не могла рассмотреть лица его.

На чемъ же, повторяемъ, основывала она мнѣніе, что это былъ онъ?...

На томъ же, на чемъ основаны всѣ мнѣнія, источникъ которыхъ должно искать въ сердцахъ.

ГЛАВА III.

Вѣжливость и любопытство.

Наступилъ вечеръ.

Въ домѣ все было тихо. Алексѣй Матвѣевичъ читалъ вслухъ Санктпетербургскія вѣдомости; Мавра Федоровна слушала и, по временамъ, дѣлала свои замѣчанія, когда дѣло касалось нововведеній или *Нльцевъ*.

Зубовъ читалъ объявленіе объ учрежденіи Академіи Наукъ, опредѣленіе о которой было сдѣлано еще покойнымъ Государемъ въ прошедшемъ году.

— Ахъ, свѣты! говорила Мавра Федоровна, да что это, антихристово, что ли, ученіе будетъ? Кто бышь назначены... тѣмъ... какъ бышь ты читалъ?

— Президентомъ?

— Тьфу, ты пропасть!... и Мавра Федоровна плюнула въ сторону; мы и по-русски говорить разучились... Кто же назначень?...

— Лейбъ-меликъ Блуменстрость.

Мавра Федоровна подняла глаза къ небу.

— Господи! произнесла она со вздохомъ: есть ли тутъ хоть одно русское слово...

— Правда, правда, сказала Алексѣй Матвѣвичъ: и профессоры-то все Нѣмцы: Делль, Беръ, Беркулли...

— Полно, брось! слышать гадко! Чурь меня, чурь!... Мало того, что выдумали какія-то науки...

— Нѣтъ, не говори, Мавра Федоровна, науки великое дѣло, замѣтилъ мужъ.

— Полно тебѣ грѣшить, Алексѣй Матвѣвичъ! Учена ли я какимъ наукамъ? А коли на что пойдетъ, такъ я тебѣ и щи сварю, и кишку начиню кашей, и грибы посолю получше всякой нѣмецкой учености. Поди ты со своими науками! Повѣрь моему слову, Алексѣй Матвѣвичъ, придетъ время, не дай Богъ намъ дожить до него, что на Руси святой и слова русскаго не услышишь! Такіе пойдутъ шуры да мурь, что хоть святыхъ вотъ понеси!...

Мы должны лишить читателей продолженія этого разговора, чтобы послѣдовать за Настенькой. Въ самомъ жару разговора матери ея съ отцомъ, она ловко вышла изъ комнаты и выпорхнула въ садъ.

Вечеръ былъ прекрасный, совершенно такой же, какъ тотъ, воспоминаніе о которомъ насильно засѣло въ памяти Настеньки.

Она пошла прямо къ забору и хотѣла уже прислониться къ нему, какъ вдругъ услышала легкій шумъ весла, ударяшаго о воду.

Настенька остановилась.

Вечеръ былъ свѣтлый, а потому она явственно увидѣла, что противъ сага тихо-тихо плывъ маленькій челнокъ. Кромѣ мужчины, управлявшаго однимъ весломъ, никого въ челнокъ не было.

Настенька узнала незнакомца, подавшаго ей косынку, и въ то же время убѣдилась, что этотъ незнакомецъ и молодой морякъ, провѣзжавшій утромъ въ казенномъ ботѣ, было одно лицо.

Сердце молодой дѣвушки застучало. Нѣсколько разъ въ продолженіе дня она желала, чтобы представился случай извиниться передъ молодымъ незнакомцемъ въ невѣжливости, которою она заплатила ему третьяго дня за его услугу

ливость. Теперь этот случай представился, но у Настеньки не доставало смелости воспользоваться имъ.

Челнокъ медленно удалялся; молодой морякъ не спускалъ глазъ съ того мѣста, гдѣ стояла Настенька:

Наконецъ она собрала все свое мужество и, скоро подойдя къ забору, сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Послушайте!

Молодой человекъ ловко повернулъ лодку и направилъ ее къ саду.

— Чего изволите? спросилъ онъ, подъѣхавъ довольно близко.

— Останьтесь тамъ, не подъѣзжайте ближе, поспѣшно сказала Настенька.

— Вѣдь вы сами изволили позвать меня.

— Да... только не подъѣзжайте слишкомъ близко...

— Повинуюсь, отвѣчалъ унтеръ-лейтенантъ, переставъ дѣйствовать весломъ.

— Я хотѣла вамъ сказать одно слово...

— Извольте говорить.

— Благодарствую за безпокойствіе!

— Какъ вы изволили сказать?

— Благодарствую за безпокойствіе!

— Какое безпокойствіе?

— А что вы подали мнѣ косынку... я поступила тогда неучливо.

— О, помиуйте, я нисколько не претендую.

— Чтѣ-съ?

— Я не претендую, то есть, не гнѣвлюсь.

— Ну, такъ прощайте.

Между тѣмъ вѣтры пригоняли лодку ближе и ближе къ берегу.

— Позвольте узнать, чей это домъ? спросилъ молодой человекъ, не желая еще прощаться.

— Моего тятиньки-съ.

— Весьма авантюжная позиція.

— Говорите по-русски, я по-нѣмецкому не разумю.

Молодой человекъ улыбнулся.

К. Ш. — Отд. Ш.

— Да я и не говорю по-нѣмецки, отвѣчалъ онъ: адиктажная позиція все равно, что хорошее положеніе.

Ночь челоноа коснулася свай; тико некачивалась, сталъ онъ приближаться къ нимъ и бортомъ.

Страхъ Настеньки совершенно разсѣялся. Она сама удивлялась, откуда у нея взялась смѣлость такъ долго разговаривать съ чужимъ мужчиной?

— Такъ теперь говорятъ на всѣхъ ассамблеяхъ, продолжалъ послѣдній.

— Я не хожу на ассамблеи, сказала молодая дѣвушка съ легкимъ отбѣнкомъ печали въ голосъ.

— Неужто не ходите?

— Нѣтъ: матушка говорить, что не пригоже выводить на показъ молодыхъ дѣвушекъ....

— О, это старый предрасудокъ!

— Да, толкуйте!... На ассамблеяхъ, говорятъ, пляшуть съ чужими мужчинами.

— Такъ что же?

— А то, что это значить антихриста потѣшать.

Морякъ опять улыбнулся.

— Эхъ! произнесъ онъ: если бы вы знали, сколько разныхъ пріятствъ и увеселеній бываетъ на этихъ ассамблеяхъ.

— И знать не хочу.

— А я бы и хотѣлъ, да не могу.

— Что такъ?

— Я отправляюсь въ экспедицію.

— Что это такое?

— Это значить морское путешествіе.

— Куда же вы отправляетесь.

— Въ Азію и Америку.

— А гдѣ это?

— Далеко, очень далеко.

— Дальше Москвы?...

Унтеръ-лейтенантъ хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ изъ дому послышался голосъ Мавры Федоровны.

— Настя! звала она.

Настенька вздрогнула, поспѣшно отскочила съ забора и побѣжала къ крыльцу.

— Гдѣ ты запропастилась? спросила ее мать.

— Я гуляла, матушка.

Вторая встреча молодой дѣвушки съ морякомъ кончилась тѣмъ, что онъ узналъ, какъ ее звали, и что она осталась въ неизвестности о томъ, дальше ли Москвы Азія и Америка, города, о которыхъ она и не слыхала.

На слѣдующій вечеръ Алексѣй Матвѣевичъ и Мавра Федоровна пошли въ гости. Настенька осталась одна дома, и сама не знала, какъ очутилась у забора.

Молодой морякъ, вѣроятно, имѣлъ привычку кататься каждый вечеръ въ лодкѣ, потому-что и огнь не замедлялъ явиться.

— Желаю вамъ добраго вечера, сказалъ онъ, поровнявшись съ садомъ.

— Ахъ, это вы-съ! сказала Настенька, какъ будто бы только появленіе унтеръ-лейтенанта заставило ее вспомнить о немъ.

— Да-съ, я прогуливаюсь каждый вечеръ.

— Извините, сказала Настенька; но вчера вы не успѣли отвѣтить на мой вопросъ.

— На какой?

— Дальше ли Москвы города, куда вы хотите ѣхать?

— Это не города-съ.

— А что же? Деревни?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ молодой человекъ, подѣхавъ къ спаямъ, и весьма довольный случаемъ выказать свою ученость: Азія и Америка двѣ части свѣта-съ. Мы живемъ, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно въ Европѣ....

— Въ какой Европѣ! Мы живемъ въ Питерѣ.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ унтеръ-лейтенантъ со снисходительною улыбкою, а Питеръ-то гдѣ-съ?

— Въ Расахъ.

— Совершенно справедливо-съ; и Петербургъ, и Москва, и Кіевъ и многіе прочіе города въ Россіи; а Россія и многія другія иностранныя государства находятся въ Европѣ.

— Эка, подумаешь!

— Теперь изволите видѣть, по одну сторону Европы Азія, а по другую Америка.

— А тамъ кто же живетъ?

— Разныя націи-съ. Вотъ и требуется рѣшить, находятся ли Азія и Америка въ коммуникаціи, или сепарированы какими ни на есть моремъ или проливомъ.

Молодой человекъ говорилъ съ видомъ школьника высшаго класса, съ гордостью выказывающаго свои познанія передъ новичкомъ. Настенька рѣшительно ничего не поняла изъ его объясненія. Помолчавъ нѣсколько секундъ, она спросила:

— Такъ вы ѣдете въ такую даль?

— И очень скоро.

— И вамъ не жаль разстаться съ батюшкой, съ матушкой?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, печально отвѣчалъ молодой человекъ.

— Ахъ, бѣдненькій! Вы сирота?

— Отецъ мой былъ корабельнымъ мастеромъ; покойный Императоръ взялъ его съ собою изъ Голландіи....

— Такъ вы не Русскій?

— Я русскій, хоть и ношу имя нѣмецкое; отецъ мой жилъ нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ и женился на тамошней уроженкѣ.

— А давно умеръ вашъ тятенька?

— Полтора года тому; мать моя пережила его только двумя мѣсяцами.... и теперь у меня осталась одна тетушка....

— Вотъ что значитъ быть сиротой! Кабы у васъ были живы родители, такъ вѣрно васъ не послали бы въ такую даль!

— Напротивъ! съ живостію вскричалъ молодой человекъ: покойный Государь, собственноручно написавшій инструкцію для этой экспедиціи, самъ выбралъ меня, своего крестника, во уваженіе заслугъ моего отца, и я горжусь этимъ выборомъ!...

— Правда; такъ какъ у васъ самихъ близкихъ родныхъ нѣтъ, то никто и не пожалѣетъ объ васъ, сказала Настенька очень наивно.

— Конечно, возразилъ унтеръ-лейтенантъ со вздохомъ: нѣсколько дней тому я самъ увхалъ бы охотно, безъ всякаго сожалѣнія, но теперь....

— Теперь что?

— Теперь труднѣе.

— Отчего? Нѣчто къ вамъ пріѣхалъ еще кто изъ родныхъ?

— Нѣтъ.

— Или вамъ страшно ѣхать такъ далеко, да еще на корабль?

— Страшно! повторилъ молодой человекъ съ юношескою смѣлостію: о, нѣтъ! Мнѣ бы страшнѣе было ѣхать сухимъ путемъ.

— Такъ что же?

Унтеръ-лейтенантъ промолчалъ нѣсколько секундъ; онъ хотѣлъ что-то сказать, но какъ будто бы не находилъ словъ.

— Мнѣ жаль разстаться съ вами, сказалъ онъ, наконецъ; очертя голову.

— Со мною?... я вамъ не сестра.

Не смотря на то, что молодая дѣвушка произнесла эти слова смѣясь, въ голосъ ея замѣтно было нѣкоторое волненіе.

— Будто бы только съ сестрой жалко разставаться?.. возразилъ молодой морякъ.

Настенька хотѣла что-то отвѣчать, но вдругъ остановилась; ей послышалось, что родители ея вернулись домой. И точно, въ то же время въ двухъ окнахъ нижняго этажа показался свѣтъ.

— Прощайте! сказала она поспѣшно. Тятенька вернулся домой.

— Погодите еще минуточку! произнесъ умоляющимъ голосомъ молодой морякъ.

— Что вамъ еще? говорите скорѣе!

— Вы не пожалуйте обо мнѣ, когда я уѣду?

— Не знаю.... прощайте, прощайте!

— Скажите!...

— Теперь некогда! завтра скажу....

И она поспѣшно убѣжала.

Настенька сама не знала всей важности двухъ послѣднихъ

слезъ, которыми она безсознательно низначала свиданіе молодому человеку....

На слѣдующій день Алексѣй Матвѣевичъ и Мавра Федоровна опять пошли со двора, и Настенька опять увидѣлась съ молодымъ морякомъ. По неотступной просьбѣ его, она вела ему руку и онъ съ любовью поцѣлывалъ ее.

Съ невыразимою грустію разставалась въ этотъ вечеръ Настенька съ унтеръ-лейтенантомъ....

Долго, долго глядѣлъ послѣдній на то мѣсто, гдѣ стояла молодая дѣвушка....

Въ тотъ же вечеръ родители съ особенною вѣжностью поцѣловали и благословили дочь.

Утромъ Мавра Федоровна вошла въ комнатку Настеньки съ праздничнымъ наряднымъ платьемъ ея. Молодая дѣвушка съ изумленіемъ спросила, что это значитъ; мать не отвѣчала; но когда Настенька одѣлась, тогда Мавра Федоровна посадила ее возлѣ себя, и завела рѣчь о томъ, что не вѣкъ жить дѣвицѣ съ отцомъ, да съ матерью, что приходится ей привыкать къ чужому отцу, къ чужой матери, къ чужой дальней сторонущкѣ; что увезутъ ее съ широка двора....

Настенька слушала молча.... сердце ея перестало биться.... румянецъ сошелъ со щекъ....

Въ тотъ же день, въ домъ Зубова съ большаимъ почтомъ былъ встрѣченъ новый гость.

И тщетно ждалъ вечеромъ молодой морякъ Настеньку....

Она не выходила.

ГЛАВА X.

ПЕЛАГЕЯ ИВАНОВНА.

На Петербургской сторонѣ, въ дворянской улицѣ, близъ церкви Святыя Троицы, находился одноэтажный каменный домикъ съ высокою, черепичною кровлею.

Въ этомъ домѣ жила Пелагел Ивановна Щенова, у хозяина дома, своего племянника, Петра Андреевича Берга.

Пелагел Ивановна была дочь одного изъ смотрителей вер-

онъ въ Воронежъ. Она была еще ребенкомъ, когда старшая сестра ея вышла замужъ за корабельнаго мастера, вызваннаго Петромъ изъ Голландіи, и вскорѣ переселилась съ мужемъ въ новозаложенный Петербургъ. Послѣ смерти родителей и Пелагея Ивановна переехала къ сестрѣ, вѣжно любившей ее, и надѣявшейся, что въ столицѣ живая, веселая и хорошенькая дѣвушка скорѣ найдетъ себѣ жениха.

Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда Палаша въ Петербургъ, у молодыхъ супруговъ родился сынъ. Въ то время почти у всѣхъ обывателей столицы-слободы завелось обыкновеніе звать въ кумовья самага Государя, по крайней мѣрѣ, при первомъ дитяти. Это дѣлалось не изъ корысти, а ради одной чести; всѣ знали, что Царь не любилъ дѣлать богатыхъ подарковъ.

Такъ и корабельный мастеръ, Андреасъ Бергъ, пригласилъ къ себѣ Императора. Восприѣмницею отъ купели была шестнадцатилѣтняя Палаша.

Послѣ крестинъ, Государь поцѣловалъ свою мяленькую куму, потомъ родильницу, положилъ послѣдней подъ подушку червонецъ и выпилъ стакапъ вина во здравіе будущаго моряка, новорожденнаго Питера Берга.

Съ тѣхъ поръ въ домѣ корабельнаго мастера завязалась борьба, — борьба любви, заботъ и попеченій о ребенкѣ, между матерью и молоденькою теткою. Трудно было рѣшить, которая изъ нихъ болѣе любила его. Съ невольными чувствами зависти смотрѣла иногда мать на заботливость тетки, — заботливость, которая, по ея мнѣнію, отнимала у нея часть той привязанности дитяти, которая должна была принадлежать ей, ей одной.

Это обстоятельство породило нѣкоторую холодность между сестрами; за холодностію послѣдовали ссоры, а за ссорой разрывъ.

Живая, испылчивая дѣвушка, послѣ первой серьезной ссоры, разошлась съ сестрой, и поступила въ одинъ изъ барскихъ домовъ швей.

Она раскаялась въ своей опрометчивости. Зависимость, которой она такъ необдуманно подчинилась, была ей въ та-

гость; но чувство гордости не позволяло ей сознаться въ томъ. Она не жаловалась и, не смотря на частыя просьбы сестры вернуться къ ней, упорно отказывалась, сначала по упрямству, а потомъ по другой тайной причинѣ....

Сердце Палаша заговорило.

Молодой человекъ, сынъ вельможи, въ домъ котораго она находилась, частенько забѣгалъ въ дѣвчью пошутить съ молодыми дѣвушками. Палаша была между ними самая хорошенкя, самая живая и самая неприступная. Ловко уклонилась она отъ поцѣлуевъ молодаго барчика и нерѣдко прибѣгала къ помощи иглы для того, чтобы удержать его въ почтительномъ разстояніи.

Барчикъ, обиженный неприступностью ея, хотѣлъ отплатить ей холоднымъ невниманіемъ и, продолжая шутить съ другими дѣвушками, не сталъ даже смотреть на Палашу.

Она сначала была весьма довольна тѣмъ, что избавилась отъ преслѣдованій молодаго человека, но когда холодность послѣдняго превратилась почти въ презрѣніе, тогда сердцу Палаша стало больно и частенько она съ трудомъ удерживала слезы, когда барчикъ, шутя съ другими дѣвушками, насмѣхался надъ нею.

— Однажды, не будучи болѣе въ силахъ переносить колкостей, она встала и вышла въ сѣни; тамъ, забившись въ темный уголъ, она горько плакала. Нѣсколько минутъ спустя черезъ сѣни прошелъ барчикъ. Увидавъ плачущую Палашу, онъ остановился.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ ее.

Молодая дѣвушка не отвѣчала; только заплакала пуще прежняго. Барчикъ подошелъ къ ней.

— Нѣчто я обидѣлъ тебя? спросилъ онъ.

— Богъ вамъ судья! отвѣчала Палаша: я вамъ зла не сдѣлала, а вы....

Слезы заглушили голосъ ея. Молодой человекъ взялъ ее за руку и сталъ упрасивать, чтобы она простила ему и увѣрялъ, что впредь онъ будетъ иначе обходиться съ нею.

Палаша успокоилась. Съ выраженіемъ нѣжной признательности посмотрѣла она на барчика и, встрѣтивъ взглядъ

его, какъ бы испугалась, поспѣшно отняла руку и убрала.

Съ тѣхъ поръ молодой человекъ сталъ каждый день заходить въ дѣвичью. Онъ, по прежнему, шутилъ съ дѣвушками, но уже не цѣловалъ ихъ; Палашъ же онъ сталъ оказывать видимое предпочтеніе.

Это возбудило зависть другихъ дѣвушекъ и навлекло на Палашу насмѣшки другаго рода, болѣе ядовитыя. Въѣсть съ тѣмъ барчикъ пользовался всеми случаями оставаться съ Палашею воедино. Невинная и неопытная дѣвушка сначала не обращала на это вниманія, но когда однажды молодой человекъ, заставъ ее одну, съ жаромъ сталъ увѣрять ее въ своей пламенной любви, тогда истиннѣе дѣвственности пробудился въ ней...

Справившись съ сердцемъ, она испугалась ощущенія, овладѣвавшего имъ.... Оно было чисто, непорочно, но безразсудно, невозможно.... И въ первый разъ ядовитыя насмѣшки, которыхъ она до сихъ поръ не понимала, произвели на нее болѣзненное впечатлѣніе.... Разгадавъ свое сердце, она считала эти насмѣшки заслуженными.

Положеніе молодой дѣвушки сдѣлалось невыносимымъ и она рѣшилась принести сердце въ жертву своему доброму имени. Съ горькими слезами открыла она все сестрѣ и просила у нее позволенія вернуться опять къ ней въ домъ. Сестра, женщина хворая, ощутившая на себѣ всю тягость домашнихъ заботъ, послѣ отсутствія дѣвательной, неутомимой Палашы, согласилась съ радостію.

Что утѣшительнѣе и, часто, безразсуднѣе надежды? Возвращаясь къ сестрѣ, Палаша надѣялась, что любовь молодого человека побѣдитъ препятствія, уничтожитъ разстояніе, и что сынъ вельможи не откажется соединить свою судьбу съ судьбою простой дѣвушки...

Но она ошиблась. Прочь съ глазъ, вонъ изъ сердца, говоритъ пословица.

Долго грустила Палаша и дала тайный обѣтъ, что первая любовь ея будетъ послѣднею, обративъ всю долю любви, таившейся въ сердцѣ ея, на племянника.

Прошло несколько лѣтъ.

Маленькій Питеръ выросъ и, по волю Государя, былъ посланъ въ Нарву, для обученія разнымъ наукамъ.

Тихо стало въ домъ корабельнаго мастера. Жена его безпрестанно хворала. Пелагевъ Ивановъ минуло тридцать лѣтъ. Съ лѣтами потребность дѣятельности, первая потребность жизни ея, усилилась. Праздная жизнь дѣйствовала на нее какъ медленный ядъ. Чтобы хоть какъ-нибудь убить время, Пелагея Ивановна мало-по-малу свела знакомство со всеми сосѣдями, сама напрашивалась на услуги, ходила по чужимъ дѣламъ, хлопотала, выведывала, крестила, сватала, ярила.... случалось иногда, что и ссорила, но всегда безъ намѣренія.

Кругъ знакомства ея быстро разширялся и вскорѣ передъ нею открылись двери некоторыхъ барскихъ домовъ.

Пелагея Ивановна ожила новою жизнью. Наконецъ попала она на путь, предназначенный ей, какъ казалось, самою природою. Въ трудахъ и заботахъ, которые убили бы другаго человека, пышнѣе, сильнѣе развивалась физическая жизнь Пелагеи Ивановны. Въ морозъ, дождь и слякоть рыскала она неутомимо, вполне жертвуя собою для другихъ. Правда, услуги, оказываемыя Пелагеей Ивановной, были иногда не безплодны и для нея; но съ одинакимъ усердіемъ трудилась она и для тѣхъ, которые не могли *благодарить* ее.

Случай завелъ неутомимую хлопотунью и въ дѣвичью князя Меншикова. Изъ дѣвичьей въ уборную княгини былъ одинъ шагъ,—и Пелагея Ивановна ступила этотъ шагъ. Но княгиня Дарья Михайловна не умѣла оцѣнить Пелагеи Ивановны, за то сестра ея, Варвара Михайловна Арсеньева, вполне поняла, какую пользу можно было извлечь изъ услужливой хлопотуньи.

И съ той поры дѣйствию послѣдней приняли болѣе обширные, разиѣры.

Между тѣмъ племянникъ ея былъ переведенъ изъ Нарвы въ новооснованную морскую академію. Кончивъ тамъ курсъ наукъ, онъ поступилъ во флотъ гардемаринномъ, ходилъ въ

море и по возвращеніи пожалованъ мичманомъ. Въ концѣ 1723 года онъ лишился сперва отца, вскорѣ за тѣмъ матери, и съ тѣхъ поръ ильжнѣе прежняго привязался къ теткѣ... Вѣчная разлука съ близкими сердцу тѣснѣе связала ихъ.

Пелагея Ивановна осталась совершенно одна, потому что племянникъ болышею частію находился въ Кронштатѣ. Нашлись люди, засылавшіе къ тетушкѣ — красавицѣ свахъ предложить, не склѣнна ли она будетъ положить на себя брачныя узы; но Пелагея Ивановна отказывала всѣмъ на-отрѣзъ, и оставалась вѣрною данному обѣту и привязанности къ племяннику.

Продолжая хлопотать по—прежнему, Пелагея Ивановна, дѣйствуя по наставленіямъ Варвары Михайловны, оказала не одну услугу самому святѣйшему князю, и вскорѣ послѣ кончины Императора, Петръ Бергъ получалъ, совершенно неожиданно, чинъ унтеръ-лейтенанта.

Пелагея Ивановна только лукаво улыбалась, когда племянникъ съ жаромъ говорилъ ей о великой милости, которой не успѣлъ еще заслужить; она не открывала ему участія, которое принимала въ неожиданномъ повышеніи, потому что любя племянника искренно, безкорыстно, желала, чтобы и его привязанность къ ней происходила прямо отъ сердца.

Въ то же время молодой унтеръ-лейтенантъ узналъ, что самъ Петръ Великій назначилъ его въ морскую экспедицію, цѣлію которой было разрѣшеніе вопроса: соединяется ли Азія съ Америкой? Съ восторгомъ сообщилъ Бергъ эту радостную вѣсть теткѣ:

Пелагея Ивановна перепугалась; потомъ призадумалась и — наконецъ успокоилась.

Она ни слова не говорила племяннику, но только что-то очень часто стала ходить къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой.

Вѣсть съ тѣмъ Пелагея Ивановна усердно занималась порученіемъ, даннымъ ей княгиней Прасковьей Юрьевной Долгоруковой. Мы уже знаемъ, какъ она исполнила это порученіе: нашла и дѣвушку, нашла и жениховъ. Оставалось только выбрать изъ послѣднихъ любого; и, въ назначен-

ный день Алексѣй Матвѣевичъ и Мавра Федоровна пришли къ ней *посмотрѣть* сенатскаго.

Но Мавра Федоровна напередъ уже закинула удочку на купца, съ прилагательнымъ *богатаго*, а потому первое свиданіе кончилось ничѣмъ; притомъ же рекомендуемый женишокъ не выдержалъ и, тутъ же, у Пелагеи Ивановны, оказался *питующимъ*. Второе свиданіе, съ купцомъ, было удачнѣе и дѣло поладилось сразу, хотя у жениха было уже въ бородѣ нѣсколько сребристыхъ волосковъ....

Алексѣй Матвѣевичъ замѣтилъ-было о томъ женѣ, но она отвѣтила ему на-отрѣзъ что:

— Лучше жить хоть со старымъ мужемъ, да сытой, нежели съ молодымъ съ голоду умирать!

Возраженіе это показалось Зубову довольно основательнымъ; притомъ же онъ приближался уже къ тѣмъ лѣтамъ, когда отцы начинаютъ забывать, что сами были нѣкогда молоды...

Молодой Бергъ каждый вечеръ катался на лодкѣ по Невѣ; на другой день послѣ свиданія Зубовыхъ съ купцомъ-женихомъ, Бергъ вернулся домой позже обыкновеннаго.

Онъ былъ задумчивъ, грустенъ.

Пелагея Ивановна не замѣтила грусти его; она сама была занята какою-то мыслию.

Отказавшись отъ ужина и простившись съ тетушкой, молодой человекъ хотѣлъ уйги въ свою комнату.

— Ахъ, Петруша! сказала Пелагея Ивановна небрежно и какъ будто бы вспомнивъ только теперь: тебѣ принесли какую-то бумагу.

— Гдѣ она?

— Куда, бишь, я ее положила?... Посмотри-ка, нѣтъ ли за зеркаломъ.

Петръ нашелъ бумагу, прочиталъ ее и, складывая, сказалъ:

— Я долженъ явиться завтра утромъ къ генералъ-адмизалу.

— Зачѣмъ? спросила Пелагея Ивановна съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Не знаю; вѣрно день отправленія экспедиціи назначенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, в невольный вздохъ вырвался изъ груди его.

— Вѣрно, что такъ.

Произнося послѣднія слова, Пелагея Ивановна опустила глаза, силясь скрыть лукавую улыбку.

ГЛАВА XI.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЬ.

Въ обширной галереѣ дома графа Апраксина собралось нѣсколько человѣкъ морскихъ офицеровъ.

Галерея эта была убрана съ необыкновенною роскошью. Посреди стояла огромная ваза, а по сторонамъ ея двѣ меньшія; между вазами и въ простѣнкахъ были разставлены дорогіе столы съ насытками изъ кости или разноцвѣтнаго дерева, изображавшими разныя фигуры, плоды, цвѣты, животныхъ; кресла и стулья съ высокими спинками, были обиты рытымъ бархатомъ.

Офицеры образовали нѣсколько группъ; нѣкоторые тихо разговаривали, другіе прохаживались, третьи смотрѣли на обойщиковъ, снимавшихъ со стѣнъ черныя бархаты, прикрывшія на время богатыя штофныя обои.

Глубокій трауръ былъ прерванъ по случаю предстоявшаго бракосочетанія Цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, въ слѣдствіе договора, состоявшагося еще въ прошломъ году, между покойнымъ Императоромъ и голштинскимъ дворомъ.

Вдругъ всѣ разговоры присутствовавшихъ прекратились.

Дверь изъ сосѣдней залы распахнулась и въ галерею вошелъ съдой, но еще бодрый старецъ, въ полномъ адмиральскомъ мундирѣ.

За нимъ слѣдовалъ адъютантъ.

Остановившись на секунду, графъ Апраксинъ посмотрѣлъ на трудившихся обойщиковъ, не перестававшихъ стучать молотками.

Генераль-адмиралъ сказалъ нѣсколько словъ своему адъютанту; тотъ поспѣшно подошелъ къ обойщикамъ и работа остановилась.

Тогда графъ приблизился къ группѣ офицеровъ и поклонился имъ. Противъ своего обыкновенія, Апраксинъ былъ въ это утро угрюмъ.

Выслушавъ рапорты капитановъ и поговоривъ съ каждымъ изъ нихъ, онъ промолчалъ съ минуту, провелъ рукою по лбу и, насупивъ брови, быстрымъ взоромъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ.

— Унтеръ-лейтенантъ Бергъ, произнесъ онъ отрывисто.

Петръ Бергъ выступилъ.

Генераль-адмиралъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы съ выраженіемъ гнѣва.

— Кто служить не хочетъ, тотъ долженъ подавать въ отставку! сказалъ онъ, наконецъ, строго.

У молодого человека замерло сердце.

— Матушкиныхъ сынковъ намъ не нужно!.... продолжалъ Апраксинъ.

— Ваше сіятельство..... я не понимаю..... сказалъ Бергъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ..

— Слушай, а не разсуждай! сердце вскричало Апраксинъ и, съ сердцемъ прохаживаясь передъ офицерами, сталъ говорить отрывисто: чины выпрашивать.... по ассамблеямъ таскаться.... отъ службы уклоняться..... маменьки, батюшки, тетюшки..... не нужно намъ такихъ.....

Каждое слово падало, какъ растопленный свинецъ, на сердце бѣднаго молодого человека.

— Унтеръ-лейтенантъ Бергъ, продолжалъ Апраксинъ, остановившись передъ молодымъ морякомъ: начальство, снисходя на твою неотступную просьбу, исключаетъ тебя изъ числа офицеровъ, назначенныхъ въ морскую экспедицію.....

Слова эти разразились въ ушахъ Берга подобно грозовому удару.

— Ваше сіятельство, вскричалъ онъ съ живостию: я никогда не просилъ....

Генераль-адмиралъ съ наумленіемъ посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— И считаю это исключеніе не милостію, а незаслуженнымъ наказаніемъ! продолжалъ Бергъ съ жаромъ.

Апраксинъ отвернулся, пожалъ плечами и проворчалъ:

— Кто васъ разберетъ!

— Ваше сіятельство, продолжалъ унтеръ-лейтенантъ, стараясь удержать слезы, насильно выступившія на глазахъ его: позвольте мнѣ отказаться отъ милости..... я хочу, для поддержанія своей чести, остаться въ числѣ офицеровъ, назначенныхъ въ экспедицію!

— Невозможно; я долженъ исполнять волю Государыни..... притомъ же распоряженіе уже сдѣлано.

— Такъ исключите меня совсѣмъ изъ службы!.... вскричалъ Бергъ рѣшительно, и крупныя слезы, изъясненіе юношеской горести, потекли по щекамъ его.

— Ого! ты горячъ, сказалъ генераль-адмиралъ строго, но замѣтивъ слезы молодого человѣка, смягчился;—ничего, ничего, сказалъ онъ болѣе вроткимъ голосомъ: послужи еще, да полно нѣжится; отправься завтра же въ Кронштадтъ; Мордвиновъ, Бергъ знаетъ языки, а потому можетъ иногда замѣнять твою должность переводчика при вице-адмиралѣ, Гордонѣ. Да смотри, Бергъ, накажи своимъ милостивцамъ, чтобы они не такъ усердно хлопотали за тебя....

— Ваше сіятельство, я не знаю, кто эти милостивцы.....

— Не мнѣ же знать ихъ!

И Апраксинъ отвернулся. Отдавъ еще нѣсколько приказаній нѣкоторымъ изъ штабъ-офицеровъ, онъ вышелъ изъ галереи.

Минуту продолжалось еще глубокое молчаніе; потомъ обойщики опять принялись за работу и громкій говоръ поднялся между офицерами.

Одинъ Бергъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, не смѣя поднять глазъ: сознаніе невинности не могло побѣдить въ немъ чувства стыда, въ присутствіи болѣе тридцати человѣкъ сослуживцевъ!

Громкій смѣхъ, послышавшійся въ одной группѣ, заставилъ его вздрогнуть и поднять глаза.

Нѣкоторые изъ товарищей Берга, искренно любившіе добраго, благороднаго молодаго человѣка, окружили его и старались утѣшить....

Но Бергъ не слушалъ ихъ.... глаза его были устремлены на маленькую группу, гдѣ не переставали смѣяться.

Новое ощущеніе овладевало Бергомъ.... бѣшенство замѣнило чувство стыда; ему надобно было выместить на комъ-нибудь невинно перенесенное оскорбленіе, и глаза его искали въ смѣявшейся группѣ человѣка, на которомъ бы могъ разразиться гнѣвъ его.... кровь его кипѣла....

— Признаться сказать, я бы самъ употребилъ всѣхъ своихъ бабушекъ, и тетусекъ, и кумушекъ, чтобы избавиться отъ такой непріятной прогулки! говорилъ въ это время своимъ товарищамъ молодой Несвицкій.

— Но, вѣрно, не сдумалъ бы прикинуться такимъ невиннымъ агнцемъ, возразилъ Елагинъ.

— Чортъ знаетъ, гдѣ у этихъ людей слезы берутся! сказалъ Александръ Долгоруковъ, младшій братъ Алексѣя Григорьевича.

— Слезы эти берутся изъ чувства, котораго у васъ нѣтъ! произнесъ за нимъ Бергъ, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ.

Всѣ умолкли; даже обойщики, пораженные громкимъ восклицаніемъ молодаго человѣка, приостановились.

Долгоруковъ медленно повернулъ голову, съ небрежной улыбкой осмотрѣлъ Берга съ ногъ до головы и обратившись къ товарищамъ, сказалъ очень хладнокровно:

— Помѣшался, бѣдный; съ перепугу кровь въ голову бросилась.

— Если вы, продолжалъ Бергъ, дрожа отъ ярости; если вы не слышали того, что я вамъ сказалъ, такъ я повторю; если не поняли, такъ растолкую; а если слышали, да мимо ушей пропускаете, такъ вы....

— Пойдемте, господа! укусить, право укусить, сказалъ

Долгоруковъ, грѣба засмѣявшись шутку; которую считала весьма забавною и остроумною.

Но дело такъ не кончилось; между молодыми людьми завязался разговоръ; съ обѣихъ сторонъ стали требовать satisfaction.

— Господа, замѣтилъ Мордвиновъ: здѣсь не мѣсто объясняться. Вы забываете, что мы въ домъ генераль-адмирала! Отложимъ дѣло до воскресенья; въ Кронштадтѣ мы все увидимся.

— Справедливо, справедливо! вскричали многіе изъ офицеровъ.

— Бергъ, не забудь причаститься въ воскресенье утромъ! вскричалъ Долгоруковъ.

— Долгоруковъ, закажи гробъ, да зови родныхъ на свои похороны! отвѣчалъ Бергъ.

Настенька выходила вечеромъ въ садъ, но тщетно ждала она молодого моряка.

ГЛАВА XII.

Поединокъ.

Торжественный обрядъ бракосочетанія Цесаревны съ герцогиней былъ совершенъ въ Троицкой церкви 21-го мая. Императрица возложила при этомъ случаѣ на новобрачную орденъ св. Екатерины и, пожаловала кавалерами ордена св. Андрея Первозваннаго Бассевича и Бутурлина.

Чтобы заставить Девиера забыть нанесенную ему обиду. Меншиковъ выпросилъ для него новоучрежденный орденъ Александра Невскаго. Но упрекъ, несосторожно брошенный Княземъ Ижорскимъ генераль-полицеймейстеру, заключалъ въ себѣ менше оскорбленіе, нежели угрозу....

Въ воскресенье, послѣ обѣда, весь дворъ отправился въ Кронштадтъ на судахъ, между которыми особеннымъ вели-

когда-нибудь оказалась императорская баржа, обитая внутри алым бархатомъ и украшенная золотыми галунами.

Въ Кронштадтѣ все было уже шито готово къ приходу гостей. Едва показалась шлюбка, въ которой явдала Императрица съ новобрачными, какъ со всехъ кораблей и съ пристани раздались пушечные выстралы; едва вступила Императрица на адмиральскій корабль, какъ целый оркестръ дуксовыхъ инструментовъ привѣтствовалъ Августайшую гостью.

Вскоре начался морской праздникъ. Письмешники дружно распивали тогдашнюю любимую пѣсню моряковъ:

Ахъ по морю, морю синему,
По синему морю, по Хвалынскому,
Что плывутъ тутъ, выплываютъ тридцать кораблей,
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ,
Впередъ бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ и т. д.

Матросы плясали, подымались на мачты, бѣгали по снастямъ.

Часу въ шестомъ стали накрывать на палубѣ столъ, къ ужину.

Въ это самое время три офицера, какъ будто по условленному знаку, спустились въ одну изъ додокъ, развѣзжавшихъ вокругъ корабля.

Нѣсколько минутъ спустя вышли они на берегъ. Тамъ они остановились, осмотрѣлись и, встрѣтивъ въ толпѣ знакомыя лица, переговаривая о чемъ-то такимъ голосомъ и разбѣжавшись въ разные стороны.

Иногда въ стѣнѣ отъ пристани, тянулись длинныя навѣсы, подъ которыми хранились огромныя груды дубоваго лѣса. Съ одного конца навѣсы выходили на взморье, а съ другаго примыкали къ отгороженному мѣсту, впереди котораго стояла два старыя дуба.

Это было любимое мѣсто Императора Петра Великаго; тутъ, сидя у стола, на деревянныхъ скамьяхъ, поставленныхъ по его приказанію, бесѣдовалъ онъ часто съ кораблестроителями.

Шли пять суток яסף тогда, какъ офицеры, спустивше на берегъ, разошлись, одинъ изъ нихъ вышелъ изъ-за угла навѣса; въ то же время съ противоположной стороны показался другой, за нимъ третій: они

Медленно и осторожно собрались шесть человекъ у шатра родки.

Здѣсь намъ не помѣшаютъ, сказалъ молодой офицеръ, красивой наружности. Господинъ Берга, продолжалъ онъ, вѣжливо поклонившись унтеръ-лейтенанту: это господа ваши секунданты?

Берга утвердительно кивнулъ головою.

— Господа, намъ нужно переговорить....

— Несвицкій вскричалъ Долгоруковъ, стоявшій несколько въ сторону съ другимъ офицеромъ: о чемъ тутъ долго разговаривать! Выходи, геланецъ!

Съ этими словами онъ обнажилъ кортикъ, и хотѣлъ броситься на Берга; старовишагося въ оборонительное положеніе, но Несвицкій преградилъ ему дорогу.

Несвицкій находился въ числѣ двадцати дворянъ, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ 1717 году во Францію: прибывъ въ Брестъ, онъ былъ принятъ во французскую службу гардемариномъ и, прослуживъ пять лѣтъ, воротился въ Петербургъ съ чиномъ поручика отъ флота.

— Послушай, Долгоруковъ, сказалъ Несвицкій съ мудростью: если ты избралъ меня въ секунданты, такъ прошу сдѣлать, мои предписанія....

— Да какія тутъ предписанія? Вынулъ кортикъ, да и пошелъ писать!

— Такъ, такъ! дерзито возразилъ Несвицкій: какъ дикіе звѣри!....

— Ну, ну, дѣлай, какъ знаешь! Да только скорѣе; мнѣ это надоело ждать!....

Видя, что Долгоруковъ не болѣе поддавался на мольбы, Несвицкій съ досадою пошелъ влечами и, подзвывая другаго секунданта пошелъ съ нимъ къ секундантамъ Берга.

Всѣ четверо отошли въ сторону.

Противники остались одни, въ десяти шагахъ другъ отъ друга.

Долгоруковъ былъ старше Берга пятью годами; судя по колоссальному росту, широкимъ плечамъ, онъ казался страшнымъ соперникомъ изволокно худощавому Бергу; но послѣдній былъ ловокъ, гибокъ.

Оба были храбры; оба съ одинаковымъ непервѣннѣмъ озирали начала поединка, но храбрость Долгорукова происходила частію отъ совершенной увѣренности его въ свое преимущество. По безмѣрной самонадвѣнности и гордости своей, онъ считалъ своего противника какимъ ничтожнымъ существомъ, что ему и въ голову не приходило, чтобы поединокъ могъ кончиться не въ его пользу.

Онершился на изгородку, Долгоруковъ нетерпѣливо постукивалъ каблукомъ и посвистывалъ.

Бергъ, котораго природа надѣлила болѣе тонкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, не могъ вполне преодолѣть нѣкоторой грусти, сжимавшей сердца его. Не желая, чтобы противникъ его угадалъ эту тайную, непобѣдимую грусть, онъ такжѣ старался придать себѣ видъ совершеннаго равнодушія.

Небрежно вынулъ кортикъ изъ ноженъ, онъ провелъ пальцомъ по острію его....

Между тѣмъ секунданты вали переговоры.

— Господа, сказалъ Несвицкій, кланяясь со всею ловкостью свѣтскаго человѣка: дѣло, къ которому мы приступаемъ, такъ важно, что непрерывно требуетъ предварительныхъ переговоровъ.

Секунданты, незнакомые со всеми формулами, замѣтованными Несвицкимъ у Французовъ, глядѣли на него, вытаращивъ глаза.

— Господа, продолжалъ молодой человѣкъ: господинъ Бергъ нанесъ Долгорукову обиду.... Вы согласны съ этимъ?

— Обида была взаимная, отвѣчалъ басомъ одинъ изъ секундантовъ Берга.

Несвицкій поморщился, и продолжалъ:

— По этому послѣднему резону и не важности оскор-

бленія, дуэль можетъ быть допущена; теперь остается мнѣ высказать наше мнѣніе: господинъ Бергъ виноватъ....

— Нѣтъ, извините, съ жаромъ возразилъ одинъ изъ секундантовъ Берга: онъ иначе поступить не могъ!

— Прекрасно! вскричалъ Несвицкій: сладостенно вы утверждаете, что господинъ Бергъ правъ, а я утверждаю противоположное. Этого достаточно для того, чтобы и намъ не сидѣть сложа руки. Не такъ ли, господа?

Секунданты съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Потрудитесь объяснить, сказалъ одинъ изъ нихъ: мы васъ не понимаемъ.

— Я предлагаю общую дуэль: пусть каждый изъ насъ выберетъ себѣ противника и будемъ драться хоть до первой крови.

Секунданты остолебенѣли.

— Драться? Что ты за чепуху городишь, Несвицкій, сказалъ другой секундантъ Долгорукова: пускай тѣ себѣ рожутся, это ихъ дѣло, а мы-то къ какой стати будемъ драться?... Вотъ я, примѣрно сказать, очень коротко знаю Ивана Трофимовича, и очень уважаю ихъ, прибавилъ онъ, указывая на одного изъ секундантовъ Берга, за что же мы будемъ драться?

— Конечно, отвѣчалъ Иванъ Трофимовичъ, поклономъ отвѣчая на комплиментъ: мы вотъ ужъ лѣтъ шесть какъ знакомы, а другъ другу дурнаго слова не вымолвили.

Несвицкій нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Эхъ, господа! вскричалъ онъ: это дѣлается со всѣмъ не по неприязни, а такъ для препровожденія времени!...

— Спасибо! Нельзя ли, братъ, выдумать что-нибудь повеселѣе!...

— Ну, намъ знаете! возразилъ Несвицкій, весьма досадуя на то, что предложеніе его было отсѣргнуто: такъ намъ остается смѣяться кортика.....

Не успѣлъ онъ договорить послѣдняго слова, какъ раздался громкій, бышечный крикъ.

Противники не дожидаясь окончанія переговоров.

Когда Бергъ обнажилъ свой кортикъ, Долгоруковъ съелъ это вызовомъ, отскочилъ назадъ и вскричалъ:

— Держись, голынецъ! бросился на своего противника!

Сталь заблестала, зашучала...

— О варварство! вскричалъ Несвицкій съ досадою: это просто срамъ!... Самоубы!...

Прочіе секунданты, болѣе озабоченные тѣмъ, какъ кончится поединокъ, нежели тѣмъ, какъ приступить къ нему, обратили все вниманіе на сражавшихся.

Положеніе ихъ было совершенно одинаково: твердою, сильною рукою наносилъ Долгоруковъ удары; быстро, ловко уклонялся отъ нихъ Бергъ. Последний былъ хладнокровенъ, потому-что пивъ уже не ослѣплялъ его. Долгоруковъ хотя и былъ исполненъ ненависти, но обладалъ въ высшей степени хладнокровіемъ, самоуваженіемъ.

Никто не прерывалъ молчанія. Судя по началу, можно было заключить, что поединокъ продолжится долго...

А между тѣмъ начинало уже смеркаться...

Вечеръ былъ удивительный. Легкій вѣтерокъ, подувшій съ моря, доносилъ до сражавшихся отрывистые звуки духовой музыки, пѣсней, радостныхъ кликовъ матросовъ.

Противники, то отступая, то нападая, описали уже большой кругъ. Утомляясь, Долгоруковъ терялъ хладнокровіе; нѣсколько разъ уже отступалъ Бергъ единственно для того, чтобы противникъ не наткнулся на его кортикъ.

Это еще болѣе раздражило Долгорукова.

Онъ отскочилъ, чтобы перевести духъ. Въ это время Бергъ стоялъ передъ самымъ проходомъ, находившимся между двумя наэсами.

Сверкающими отъ бѣшенства глазами, осмотрѣлъ Долгоруковъ своего противника и бросился на него. Утвердившись на правой ногѣ, ожидалъ его Бергъ... Быстро отклонилъ онъ

ударъ, направленный въ самое сердце его, но въ то же самое мгновение кортикъ его скользнулъ и остріе его воткнулось въ самый изгибъ руки Долгорукова.

Падя своего противника, Бергъ отскочилъ въ проходъ, поскользнулся и упалъ на-взничъ.

— Ага! вскричалъ Долгоруковъ, почувствовавъ что-то теплое на рукѣ и замахнулся....

— Лежачаго не бьютъ! закричалъ одинъ изъ секундантовъ.

Бергъ между тѣмъ успѣлъ вскочить....

— Я-арестую васъ, по приказанію вице-адмирала, произнесъ въ это время громкій голосъ.

Въ суматохѣ, послѣдовавшей за паденіемъ Берга, никто не замѣтилъ приближенія Мордвинова съ отрядомъ солдатъ морскаго экипажа.

Всѣ вздрогнули.

— Господа, сказалъ Мордвиновъ: неизвѣстно, кто уведомилъ генералъ-адмирала о вашемъ поединкѣ. Минуть десять тому, онъ былъ отозванъ; вернулся разстроенный, и переговорилъ съ вице-адмираломъ, который немедленно отправилъ меня сюда.

— Нечего дѣлать! сказалъ Несвицкій, снимая съ себя кортикъ.

— Слава Богу, что еще такъ кончилось! проговорилъ Иванъ Трофимовичъ.

— Но чтó это! вскричалъ Мордвиновъ: у васъ, кровь, на рукѣ!

— Гдѣ.... гдѣ.... кровь? произнесъ невнятно Долгоруковъ, который во все это время стоялъ неподвижно; это ни.... ничего.... цара.... пи....

Онъ не договорилъ; ноги его подкосились и, лишившись чувствъ, онъ опустился на руки подоспѣвашаго Мордвинова.

Было уже поздно, когда гости возвращались въ Петербургъ.

На судьи, назначенномъ для придворныхъ служителей, было весело, шумно; обильно сыпались крупные шуточки.

Только одна женщина, которой не было на судья, когда оно въшло въ Кронштадтъ, не принимала участія въ общемъ весельи.

Забившись въ темный уголокъ, она горько-горько плакала....

Н. Фурманъ.

(Вторая часть въ следующей книгѣ.)

Иностранная Словесность.

НЕПОСТОЯНСТВО ВЪ ЛЮБВИ.

—
РОМАНЪ ПОЛЬ-ДЕ-КОКА.

—
I.

ДЕРЕВЕНЬКА МЕРЛАНЪ.

Гуляли ли вы когда-нибудь въ той сторонѣ, гдѣ находится Нуази-ле-Секъ. Не бойтесь этого названія; оно дано деревнѣ, которая не уступаетъ всякой другой, по количеству воды: не вда-

* L'amour qui passe et l'amour qui vient. Помѣщаемъ въ нашемъ журналѣ этотъ романъ, какъ одно изъ лучшихъ произведеній французскаго писателя, талантъ котораго до-сихъ-поръ еще у насъ не оцѣненъ съ должною справедливостію. Мы не хотимъ здѣсь разсматривать сочиненій Поль-де-Кокка и разныхъ, часто противорѣчащихъ объ немъ сужденій; но ограничимся однимъ замѣчаніемъ, что занимательные, веселые и живые рассказы, въ родѣ рассказовъ Поль-де-Кокка, мы предпочитаемъ сочиненіямъ тѣхъ иностранныхъ романистовъ, которые, подъ блестящимъ и нерѣдко увлекательнымъ изложеніемъ, скрываютъ идеи, противорѣчащія основнымъ, нравственнымъ началомъ семейной и общественной жизни. *Ред. С. О.*

К. III. — Отд. IV.

лѣкъ отъ Нуази-ле-Секъ протекаетъ рѣчка, впадающая въ прудъ Вилеттъ, гдѣ можно купаться и ловить головастиковъ.

Если вы были въ Нуази-ле-Секъ, то знаете, что за большою деревенскою площадью.... Въ каждой деревнѣ непременно есть большая площадь; правда, на иной не разѣдутся двѣ кареты, а все-таки на ней устраивается деревенскій праздникъ. Въ окрестностяхъ Парижа, въ самой маленькой деревнѣ бывають праздники, на которыхъ иногда танцуютъ и всегда бывають на-веселѣ. Этотъ обычай строго поддерживается поселянами.

Возвратимся въ Нуази-ле-Секъ, гдѣ площадь не имѣетъ сходства съ тѣми, которыя я вамъ сейчасъ описалъ: она велика и красива и можетъ вмѣстить въ себѣ 12 калрилей и еще польку, если бы послѣдній танецъ былъ введенъ на деревенскихъ праздникахъ. Но его еще тамъ не танцуютъ, потому-что деревенскій житель не умѣетъ поднимать ногу такъ искусно, какъ городской. Будемъ надѣяться, что это придетъ. Старинная пословица говоритъ: «Все приходитъ во-время къ тому, кто умѣетъ ждать.» Мы живемъ въ вѣкѣ познаній и желѣзныхъ дорогъ, который долженъ непременно ввести во всемъ усовершенствованіе.

Но, мнѣ кажется, я не могу разстаться съ Нуази-ле Секъ. Впрочемъ не на это мѣсто хочу я обратить ваше вниманіе. Потрудитесь, оставивъ площадь, взять вправо. Вы увидите лавку толстаго торговца виномъ и башмаками, у котораго можно также достать прекрасную ратафію, весьма пріятную во время жара. А жарко бываетъ почти-всегда, когда гуляешь по деревнѣ, потому-что обыкновенно дѣлаешь это только лѣтомъ. Вотъ заключеніе, которымъ я весьма доволенъ. Я чувствую себя способнымъ разсказать вамъ много вещей въ этомъ родѣ.

И такъ вы увидите лавку торговца, находящуюся на углу площади. Выпейте ратафіи, или не пейте, какъ вамъ угодно. Потомъ ступайте по улицѣ, составляющей дорогу въ Вильмонблѣ и Росни, и достигнете скоро, въ концѣ этой улицы, мѣста, гдѣ проложены двѣ дороги и поставленъ крестъ.

Вправо откроется вашимъ взорамъ деревня Росни. Выберите дорогу, идущую немного влѣво, и она приведетъ васъ въ красивую деревню Вильмонблѣ. Чудесная дорога: въ нѣмныхъ мѣстахъ она мещеная, а въ другихъ шоссеиная. Съ обѣихъ сторонъ ея находятся хорошо обработанныя поля: поселяне, живущіе въ окрестностяхъ Парижа, знаютъ достоинство грунта

любовь и не любить, чтобы она у нихъ преважала. Довольно часто попадаются красивые орышники, бросающие небольшую дичь на гору дорогу, которая одинаково хороша и приятна до самого начала въ Финляндию. По левой сторонѣ дороги, гнутся рощи: финскія и баварскія липы, вѣкогда столь знаменитый своими породами, но нынѣ постигаемый безъ всякаго опасенія: послѣднѣе шашка для себя болѣе выгоднымъ работать въ городахъ; потому весьма обрадовались поселяне.

За Швабсхемленъ, идя все прямо, вы прибудете въ другую деревню: Гатши, къ которой построены прекрасныя дачи, занимаемая по большаюй части негодьями, оставившими торговлю. Вамъ встрѣтится небольшой, красивый замокъ Часовъ, гдѣ однакожъ не сохранилось тамъ повѣрять часы; потомъ—Бѣлый домъ, и наконецъ, отаравалась въ ту сторону, гдѣ Монтеермейль, увидите также Красный домъ, потому что тамъ находится земля съ вѣсь приростъ.

Продолжая путь, вы достигаете скоро очаровательной деревни Монтеермейль, знаменитой маѣ молодяицу, которую я такъ хорошо зналъ. Въ этой деревни вы найдете преледныя виды, рощи, устланныя ландышами и бѣлыми маргаритками и луга, перерѣзанныя бассейнами. Есть люди, которые называютъ эти бассейны лужами, а же утверждаю, что это вруды. Если это вода, какъ ждано ее сохранить. Всегда разукрашиваютъ прорчать любовной женщины. Отъ чего же нельзя разукрасить тѣ мѣста, гдѣ находимъ удовольствія и быть счастливы. Быть благодарнымъ такъ естественно!... а натуральное такъ рѣдко.

Деревня Монтеермейль появилась уже давно. Въ тринадцатомъ вѣкѣ была основана тамъ больница для прокаженныхъ: вы знаете, что въ блаженное старинное время проказа считалась явлениемъ самымъ обыкновеннымъ. Были еще тогда многія другія опасныя болѣзни, которыя врачи того времени не умѣли лечить: они были гораздо менѣе свѣдущи, нежели нынѣшніе, позволяющіе однакожъ намъ иногда умирать. Впрочемъ если бы врачи всегда вылечивали, то кому жъ изъ нихъ принадлежала бы заслуга?

Не согласны ли вы со мною, что совершенно несправедливо названъ этотъ вѣкъ блаженнымъ стариннымъ временемъ, и не находите ли вы, что надо слишкомъ любить старинное, готическое, фантастическое, болѣзнетворное и даже нецѣломудренное, чтобы сожалѣть объ этомъ варварскомъ времени.

За Монтфермейлемъ находится Кубронъ, съ прудомъ (посреди ронца (на этотъ разъ я могу сказать, что это точно прудъ); потомъ Шелль и Ланьи, гдѣ встарину нельзя было говорить: «Что стоитъ ямень?» не положивъ руки въ куль; нарушителей этого обычая положено было низвергать въ бассейнъ ключа и заставлять производить множество гидравлическихъ опытовъ.

Но воспоминанія меня увлекли, и я завелъ васъ слишкомъ далеко, такъ что вы можете наконецъ утомиться. Возвратимся къ кресту, поставленному при выѣздѣ изъ Нуази-ле-Секъ. Пройдемте только десять минутъ по дорогѣ и влѣво мы увидимъ небольшую деревню, которая носитъ совсѣмъ не поэтическое названіе: Мерланъ.

Одна только улица составляетъ всю деревню Мерланъ; она не длиннѣе малаго бульвара въ Парижѣ, но широка, и такъ какъ дома, украшающіе ее, не высоки, то вся эта улица освѣщается солнцемъ. Дома, занятые большею частью крестьянами, далеко не изящны; но за то разной формы. Одни двѣ одинъ этажъ, другіе въ два, а у нѣкоторыхъ одинъ подвальный этажъ. Впрочемъ это разнообразіе придаетъ живописный видъ мѣсту. Когда я вхожу въ деревню и вижу одинаковые дома, вытянутые въ одну линію, мнѣ кажется, что я еще въ парижскихъ улицахъ, и не нахожу того удовольствія, котораго искалъ.

Я хочу, чтобъ въ деревнѣ были разсажены деревья вдоль стѣнъ и чтобъ вѣтви доходили до верхнихъ оконъ, и даже закрывали бы ихъ вполонину. Чтобъ на дворахъ были навѣсы, чтобъ куры, утки и гуси рылись подъ телѣгами; потомъ, чтобы полунагіе, но толстые и розовые ребятишки играли тутъ же; наконецъ, чтобы были слышны: шумъ ручья, журчащаго по улицѣ; нестройныя пѣсни дѣвушекъ; чтобы была, почти всегда любопытная, вывѣска трактира или таверны, чистый воздухъ (не въ тавернѣ конечно, а въ деревнѣ), и наконецъ свобода снять пальто и даже галстукъ, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Всѣмъ этимъ вы можете наслаждаться въ маленькой деревнѣ Мерланъ; но я долженъ васъ предупредить, что тамъ вы не найдете трактира. Бѣдный край! скажете вы. Какъ бы живописна ни была деревня, но коль скоро въ ней нѣтъ трактира, то это то же самое, что хорошенькая женщина съ горбомъ: на нее можно смотрѣть издали, но знакомиться съ нею не хочется. Да и къ чему служилъ бы трактиръ въ этой крошечной деревнѣ-

жѣ, которую едва знаютъ и сосѣди? Виѣсто же трактира, вы найдете здѣсь *Маленькую Сухую Пробку*, такъ въ этой деревнѣ называютъ таверну; въ этой Пробкѣ, можно иногда получить яичницу и кусокъ свиного сала, но тогда только, когда таверна хорошо снабжена провіантомъ.

Вспомните, что деревня Мерланъ не имѣетъ ничего общаго съ Отейлемъ, Пасси, Булонью и Сенъ-Клу.

Въ одинъ прекрасный и жаркій день іюля мѣсяца, тысяча восемьсотъ сорокъ пятого года (вы видите, что я не вдаюсь въ старину), три пѣшехода приблизились къ домамъ деревни Мерлана; одинъ изъ нихъ, подбоченясь и какъ будто желая протампдовать мазурку, вскричалъ:

—А! здѣсь, господа! вотъ деревня, которую я искалъ; я зналъ, что не заблудился. Эти окрестности Парижа извѣстны.

—Но прежде, чѣмъ послѣдовать за путниками, не худо познакомиться съ ними. Согласны ли вы со мною?

II.

Пѣшеходы.

Наши пѣшеходы, не изъ числа тѣхъ несчастныхъ, которые, по необходимости, должны совершать пѣшкомъ большія путешествія и попадаютъ на дорогахъ загорѣлые и покрытые пылью. Наши—просто жители Парижа; лица ихъ выражаютъ довольство, а приемы—привычку быть въ хорошемъ обществѣ.

Самый младшій; лѣтъ двадцати шести или двадцати семи; онъ высокъ, худощавъ, строгъ; лицо его бѣлое, волосы свѣтлые; онъ не дурень собой; голубые глаза не велики, но выражаютъ веселость и хитрость; выраженіе рта насмѣшливое; подбородокъ выдается впередъ: вообще Альфредъ Монжель имѣетъ право считать себя красивымъ молодымъ.

А вѣдь много есть такихъ людей, которые, не имѣя никакого права, считаютъ себя красивыми.

Человѣкъ, который слѣдуетъ за нимъ; лѣтъ тридцати четырехъ; средняго роста, немного толстъ, волосы у него темные; видъ важенъ и строгъ; большіе черные глаза принимаютъ инго-

да меланхолическое выраженіе. Черты у него привалыныя; носъ прямой; прекрасное его лицо окружено густыми бакенбардами и черною бородой; но вообще замѣтна въ немъ холодность; походка мѣрная, впрочемъ это не мѣшаетъ ему раздѣлять откровенную веселость Альфреда Мовжеля.

Этого зовутъ—Густавъ Дюгранваль.

Послѣдній изъ путешественниковъ—существо чрезвычайно безобразное; это одно изъ тѣхъ безобразій, въ защиту котораго рѣшительно нечего сказать. Лицо его желтое, рабое, скулы выдаются впередъ. Прибавьте къ этому огромный ротъ, съ огромными зубами, похожими на клыки кабана, и вы будете имѣть довольно вѣрное изображеніе этого чловѣка, лѣта котораго трудно отгадать. Впрочемъ эта привилегія всѣхъ уроковъ: они никогда не старѣются; не выдайтесь съ ними лѣтъ пятнадцать, а потомъ при встрѣчѣ вы не найдете въ нихъ никакой перемены; тогда какъ вы сами, если имѣете несчастіе быть хорошенькимъ, потеряете многое въ продолженіе столькихъ лѣтъ.

Это доказываетъ, что во всемъ есть возмездіе; что природа оказываетъ состраданіе къ тѣмъ изъ своихъ дѣтей, которыхъ одѣлила дарами. Теперь надо рѣшить, что лучше: быть безобразнымъ и не старѣться, или имѣть красоту и подчиняться вліянію времени.

Этотъ важный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только женщинами. Нѣкогда онѣ разрѣшали болѣе важные вопросы. О, женщины... вы никогда не встанете въ тупикъ!

Кстати; имя этого безобразнаго господина—Маренго; онъ идетъ сюда всѣхъ; онъ часто останавливается, чтобы отереть лицо.

Тотъ, кто первый закричалъ, при видѣ демоновъ деревни Мерлана, былъ Альфредъ. Вы знаете, что онъ остановился, и что спутники его сдѣлали то же.

— Ну, вотъ, господа! мы прибыви; или по крайней мѣрѣ не опоздаемъ прибыть, восклицалъ слова выскочивъ блондинъ.

— Развѣ ты видишь дома Вальденара? сказалъ Густавъ Дюгранваль, озираясь во всѣ стороны.

— Нѣтъ, я не вижу дома Вальденара; да ослабъ и видѣлъ; танъ не узналъ бы его, — я никогда не былъ тамъ; но зато я вижу деревню Мерланъ.

— Мерланъ! вскричалъ въ свою очередь Маренго, доискивая своихъ пріятелей. Какая деревня смѣетъ называться Мерланомъ?

— Та... которая чередъ нами.

— Подив! Что за шутки. Альфредъ; деревня не можетъ называться Мерланомъ, есть только рыбы, которыя носятъ это имя, да еще парикмахеры.

— Если ты мнѣ не вѣришь, спроси перваго встрѣчнаго по-селяннина.

— Неужели Вальдемаръ живеть въ Мерланѣ? Быть не можетъ; онъ уважаетъ себя слишкомъ, чтобъ рѣшиться на это... Человѣкъ, который, живъ въ Парижѣ, на лучшей улицѣ, каждый день обѣдалъ въ *Café de Paris* или въ *Maison Dorée*, нанялъ домъ въ Мерланѣ; если, это онъ сдѣлалъ, я отказываюсь отъ него; я его не знаю!

— Будто онъ не дѣлалъ и прежде глупостей! проговорилъ Густавъ, взглянувъ на Альфреда.

— Альфредъ улыбнулся и сказалъ:

— Бѣдный Вальдемаръ, я думалъ, что онъ благоразуменъ, впрочемъ это его дѣло.

— Господа, куда же мы идемъ? спросилъ Маренго. Я объявляю вамъ, что я не въ состоянн сносить ни усталости, ни жары, я очень изнуренъ; если бы здѣсь были канатерскія; вѣсто всего этого находишь здѣсь одни зеленые орѣхи.

— Мафъ кажется, любовный Маренго, что я въ Нуази. просилъ тебя взять ратафин.

— Правда, не забывай брать бутылку.

— Послушайте. Вальдемаръ сказалъ мнѣ положительно: домъ, въ которомъ я живу, уединенъ, но стоить недалеко отъ Мерлана. Вы легко унасте его; этотъ квадратный павильонъ, закрытый рѣшеткою, садъ находится сзади. Отъ Мерлана надо идти направо.

— Но чтобъ выйти, изъ Мерлана, нужно прежде войти въ него.

— Это великая истина, Маренго; я не замѣчалъ въ тебѣ никогда болѣе глубокой мысли.

— Хорошо, господа, смѣйтесь; но я очень беспокоюсь..

— Отъ чего?

— Чортъ возьми! Будемъ ли мы обѣдать.

— Напрасное сомнѣнн! Развѣ Вальдемаръ худо принималъ насъ въ Парижѣ.

— Конечно нѣтъ; я первый готовъ защищать его. Въ Парижѣ онъ принималъ насъ прекрасно; но здѣсь.... въ атой пустынѣ,

въ этой труппѣ, наконецъ, чтобъ назвать какъ-нибудь, въ этомъ Мерланѣ, что вы найдете? Фрукты и молоко! Благодарю, это слишкомъ посельски.

— Увѣрься, Вальдемаръ любилъ слишкомъ хорошо пожить, чтобы поселиться тамъ, гдѣ нельзя было бы имѣть хорошаго объѣда.

Ну, господа, пойдемте же въ деревню.

— Войдемте въ Мерланъ, пробормоталъ Дюгранваль, качая головой. Все равно; мнѣ кажется, что Маренго справедливъ.

Три друга вошли въ единственную улицу деревни, поглядывая направо и налево. Альфредъ смѣялся, Густавъ сомнительно покачивалъ головой, а Маренго безпрестанно повторялъ:

— Какъ здѣсь скверно... ни одного дома, ни одного трактира, даже ни одной таверны. Право, мы кажется у дикихъ, того и жди, что насъ взжарятъ на солнцѣ и съѣдятъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Густавъ: не худо было бы узнать, гдѣ живетъ Вальдемаръ?

— Узнать!... а у кого? Кажется, деревнѣ слишкомъ населена; кромѣ ребятишекъ никого нѣтъ. Странно, какъ плодятся поселенцы! Послѣ этого, вы будете мнѣ говорить, что они не имѣютъ удовольствія!

— Боже мой! какая жара. Мы, кажется, избрали самый жаркій день въ году.

— Неужели выбрать дождливый день? Этотъ несносный Маренго безпрестанно охаетъ и жалуется.

— Дайте мнѣ напитокъ, я перестану ворчать.

— Погодите, господа; вотъ полуотворенная дверь, попытаюсь. Альфредъ толкнулъ дверь домика, объ одномъ этажѣ и одномъ окнѣ; но въ которомъ два слуховыхъ: одно большое, другое маленькое. Поэтому вы можете судить, съ какою свободою занимаютъ архитектуру въ Мерланѣ.

Дверь эта вела въ комнату; окна были наравнѣ съ землею; полъ походилъ на море, взволнованное бурей, съ тою только разницею, что здѣсь волны были неподвижны. Нѣсколько женщинъ стирали бѣлье въ лоханкахъ; одежда ихъ состояла изъ рубашки съ короткими рукавами и юбки, которая безопасно сидѣла на широкихъ бокахъ. Что же касается до чулокъ и башмаковъ, объ нихъ и помнуну не было; но вѣдь очень жарко, а этѣ женщины должны стирать.

Съ полдюжины дѣтей ваялись въ разныхъ углахъ комнаты

и пачкались въ лужахъ, которыя были подъ локанками; другія же катались по полу. Одежда дѣтей, еще болѣе легкая чѣмъ у прачекъ, ограничивалась одной рубашкой; юбки отбараются отъ нихъ какъ предметъ роскоши; но за то на нихъ надѣли такія короткія рубашки, что можно подумать, что они носятъ жилеты; все это дѣлается, я думаю, для здоровья, чтобы этимъ самымъ доставить ихъ движеніямъ больше свободы.

Изъ прачекъ, двумъ было за пятьдесятъ, другія двѣ были молоды, но очень дурны собою; даже легкость ихъ одежды нисколько не говорила въ ихъ пользу.

Альфредъ остановился, пораженный этой картиной, и стоялъ до тѣхъ поръ пока одна изъ прачекъ, самая старшая, сказала ему хриплымъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?

Густавъ Дюгранваль, просунувъ голову въ дверь, сказалъ, вмѣсто своего пріятеля:

— Не знаете ли вы, гдѣ домъ г. Вальдемара?

— Вальдемаръ! что это такое? вивѣска, что ли?

— Нѣтъ, это не вивѣска, это фамилія того человѣка, къ которому мы идемъ... пріѣзжій изъ Парижа, который нанялъ дачу въ этихъ окрестностяхъ; этому почти два мѣсяца.

— А, знаю... онъ продаетъ вино?

— Что ты; онъ не продаетъ вина! сказалъ въ свою очередь Маренго, показываясь въ двери; впрочемъ мнѣ хотѣлось бы теперь купить у кого-нибудь вина.

— Да ихъ цѣлая ватага, сказала одна изъ прачекъ, взглянувъ на Маренго. Ого! Марья, прибори-ка своего ребенка, его что-то не видать: пожалуй выпустятъ вмѣстѣ съ щелокомъ....

— Николай, пошелъ прочь! нялунь!...

— Мнѣ кажется, что вы слишкомъ бережете ихъ панталоны, сказалъ, смѣясь Густавъ.

— Вотъ прачки, пробормоталъ Густавъ: онѣ совсѣмъ не напоминаютъ мнѣ романа Гразара.

— Панталоны этимъ молокососамъ. Спасибо! Довольно и того, что чинимъ мужьямъ.

Е. — Скажите же, любезная, не знаете ли дачи г. Вальдемара?

— Прекрасный молодой человѣкъ, у котораго премиленькая жейка... Пріѣзжій изъ Парижа.

— Не знаешь ли ты, Клавдія? ты ходишь продавать ягоды.

Та, которую назвали Клавдіей, сказала:

— Я не продаю больше ягодъ господамъ, а отдаю ихъ Жерарду, а онъ сбываетъ ихъ въ Парижъ.

— Изъ этого, господа, сказалъ Маренго, вы можете видѣть, какъ обязательны поселенцы; вы живете въ деревнѣ и думаете, что вамъ достаются ягоды изъ первыхъ рукъ. Но подождите къ поселенику, которая собираетъ малину, и спросите у нея: «Что стоитъ корзинка?» Она сдѣлаетъ гримасу и отвѣтитъ: «Это я не су въ Парижъ; я не продаю здѣсь.» Вы настаиваете и говорите: «Какое тебѣ дѣло? Я хочу купить; я заплачу дороже, нежели въ Парижѣ.» Но поселеница поворачивается спиной и говоритъ: «Я не хочу вамъ продавать! Оставьте ли меня въ покоѣ? Вы мнѣ надоѣли.»

Пока Маренго говорилъ, прачка лукаво улыбалась. Когда оне кончилъ, та, которую звали Клавдией, сказала:

— Да развѣ вы забыли, что не хороши собою?

Альфредъ и Густавъ захохотали; Маренго, равнодушно выслушавъ этотъ комплиментъ, сказалъ:

— Я не хорошъ собою, но кажется и ты... да я слишкомъ вѣжливъ, чтобы высказывать свои мысли. Если вы не знаете, гдѣ живетъ Вальдемаръ, отвѣтите намъ по крайней мѣрѣ на другой вопросъ. Скажите, какъ называется эта деревня?

Женщины, стиравшія бѣлье, переглянулись между собою и пожали плечами. Та, которая первая встрѣтила нашихъ путешественниковъ, грубо отвѣчала:

— За кого вы насъ считаете? Вы смѣтаетесь надъ нами. Мы, пожалуй, отвѣтимъ вамъ тѣмъ же.

— Послушайте, сказалъ Альфредъ, обратясь къ прачкамъ: я не понимаю, почему васъ разсердилъ очень естественный вопросъ моего друга.

— Оставьте насъ въ покоѣ. Спрашиваютъ гдѣ она, какъ будто сами не знаютъ. Ужъ по всему видно, что Парижане!... Впрочемъ намъ все равно...

— Друзья, сказалъ Маренго: вотъ еще одинъ случай, который надо прибавить къ числу удовольствій въ прогулкахъ по деревнямъ. Вы находитесь въ незнакомомъ мѣстѣ, или вы заблудились... Вѣдь каждый можетъ заблудиться; вы хотѣли бы отыскать дорогу, встрѣчаете поселеницу или поселенику, учтиво просите ихъ указать вамъ дорогу, они начинаютъ смѣяться, жать плечами, какъ этѣ женщины, и говорятъ вамъ: «Оставьте насъ,

Перижанинъ, вы лучше нашего знаете дорогу!...» А иногда случается, что вамъ укажутъ совершенно противоположную дорогу. Откровенно сказать, мы, горожане, гораздо внимательнѣе, благодаръ образованію; мы не видимъ въ каждомъ словѣ насмѣшки. Дай Богъ, чтобы превѣщеніе скорѣй проникло сюда. Впрочемъ это чертовскій трудъ.

Во все время пока Маренго говорилъ, прачки молчали, и потому ли, что разговоръ его подѣйствовалъ на нихъ, или потому, что они ничего не поняли—это вѣроятнѣе; но та, которую звали Клавдіей, сказала ему болѣе вѣжливымъ голосомъ:

— Вы, сударь, въ деревнѣ Мерланѣ, близъ Росви и Нуази.

— Чувствительно обязанъ; а нѣтъ ли здѣсь въ деревнѣ какого-нибудь мѣста, гдѣ можно было бы освѣжиться?

— Какъ же, сударь. Вотъ тамъ, направо, вы найдете *Сухую Пробку*; вино тамъ очень дешево. Этотъ домъ долженъ быть виденъ отсюда. У оконъ сѣрыя ставни, а у дверей осель. Кажется, онъ былъ недавно тамъ. Я увѣрена, что это вашъ. Это мой мужъ пьетъ тамъ, пока я работаю здѣсь. О, негодный Гильо!...

Маренго выглянулъ на улицу и закричалъ:

— Вижу его... вижу осла... вижу вашего мужа! Нѣтъ, не нашего мужа, а таверну. Слава Богу, найдемъ хоть вино. Поищите скорѣе, господа, въ Сухую Пробку! Благодарю васъ, прачбушки.

— Не за что, господа.

Путешественники вышли изъ дома прачекъ; Альбертъ, запиравъ за собою дверь, сказалъ своимъ товарищамъ:

— Ну, господа, если женщинъ называютъ прекрасною частию рода человѣческаго, то я не знаю, въ какой мы можемъ причислять себя.

III.

Сухая Пробка.

Таверна, или иначе, Сухая Пробка, на которую указали нашимъ путешественникамъ, находилась посреди деревни, то есть,

посреди улицы. Она состояла, какъ и всѣхъ поселянскіе дома, въ которыхъ продаютъ вино, изъ одной комнаты, съ пожелтѣвшими и закоптѣлыми стѣнами. Въ этой комнатѣ длинныя дубовыя столы были разставлены вдоль стѣнъ; между столами находились скамьи; но все это было поставлено такъ близко одно къ другому, что съ трудомъ можно было проходить между скамьями; когда же таверна наполнялась народомъ, то питухи, сидѣвшіе за столомъ, взаимно служили креслами, упираясь спинами другъ въ друга.

— Какъ же это? сказалъ Дюгранваль, остановясь передъ дверью таверны, куда Маренго успѣлъ уже войти, неужели мы пойдемъ сюда пить? Право, этотъ Маренго заставляетъ насъ дѣлать Богъ знаетъ что. Я знаю, что онъ оригиналъ, но не вижу надобности подражать ему.

— Полно, любезный Густавъ, возразилъ Альфредъ: въ деревнѣ очень прилично не стѣснять себя ничѣмъ, и освѣжаться, когда жарко. Отчего тебѣ совѣстно войти въ эту деревенскую пробку? Кто тебя увидитъ?

— Но что за удовольствіе сидѣть въ одной комнатѣ съ пьяницами, съ...

— Въ этой комнатѣ мы встрѣтимъ работниковъ, земледѣльцевъ. Вѣдь не всегда бываетъ пріятное общество и въ парижскихъ домахъ, особливо въ тѣхъ, гдѣ постоянно практикуются въ *ланскнехтѣ* и *бахара*; мнѣ кажется, что эти пьяницы гораздо лучше тѣхъ плутовъ. Я считалъ тебя умнымъ, Дюгранваль, потому-что ты имѣешь претензію на умъ; но теперь вижу, что въ тебѣ мало философіи. Впрочемъ, твоя добрая воля входить сюда или не входить.

Сказавъ это, высокій, молодой блондинъ послѣдовалъ за Маренго; важный Дюгранваль остался на улицѣ одинъ съ осломъ, на котораго очень походилъ; наконецъ, когда солнце начало чувствительно жечь, онъ рѣшился послѣдовать примѣру своихъ пріятелей, и вошелъ въ Сухую Пробку.

Комната была почти пуста. За исключеніемъ одного стола, за которымъ сидѣли два поселянина, всѣ другіе были не заняты; это вызвало удовольствіе на лицо прекраснаго мужчины съ черными бакенбардами; онъ сѣлъ какъ можно дальше отъ пившихъ, изъ которыхъ одинъ былъ очень спокоенъ, потому-что, кажется,

спалъ уже; но за то другой говорилъ безпрестанно, умолкая тогда только, когда пилъ вино.

Новопрішедшіе сѣли за столъ; пришла поселанка; это была полная женщина, свѣжая, толстощекая; платье ея крѣпко держалось на широкихъ бокахъ.

— Въ добрый часъ, сказалъ Альфредъ: это что-то похуже на женщину.

— Она даже не дурна, эта толстая деревенщина, сказалъ Маренго, лорнируя хозяйку.

— Вы не прихотливы, господа, замѣтилъ Дюгранваль, бросая презрительный взглядъ на вошедшую женщину.

— Что прикажете, господа? спросила крестьянка, съ удивленіемъ осматривая съ ногъ до головы трехъ Парижанъ, изъ которыхъ одинъ былъ особенно дурень; но какъ всѣ были хорошо одѣты, то деревенскимъ жителямъ она казались очень красивыми.

— Вина... и лучшаго, сказалъ Маренго.

— У насъ одинъ только сортъ.

— Ну, все равно, подавай.

— Сколько прикажете?... литръ?...

— Давай 'литръ.

— О, ужасъ! сказалъ Дюгранваль. Неужели мы выпьемъ строемъ литръ вина, безъ всякой закуски?

— Видно по всему, любезный, что ты не имѣешь понятія о деревенскомъ винѣ. Это вода. Посмотрите-ка на этихъ чудаконъ, которые сидятъ за столонъ; ихъ только двое, а они пьютъ третій литръ.

— За то одинъ изъ нихъ ужъ спитъ, и другой скоро захрапнть.

Вино принесли въ каменной посудѣ. Пока Маренго наполнялъ стаканы, поселанка, дѣлая видъ, будто отираетъ столъ, смотрѣла на трехъ Парижанъ, какъ на диковинку; потомъ, приблизясь къ нимъ, она сказала:

— Хозяинъ сказалъ, что если вамъ угодно стараго вина, онъ пришлетъ стараго... оно будетъ стоить двѣнадцать су, вмѣсто осьми; но за то вино старое.

— Это, господа, сказалъ тихо Маренго, деревенская хитрость на нашъ счетъ. Эта женщина вѣрно сказала хозяйну: «Къ намъ пріѣхали господа, и просятъ вина.» А онъ ей отвѣчалъ: «Пред-

«Может быть вина, да скажи, что старое; это ничего, один мало смыслятъ въ этомъ дѣлѣ.»

Обратись къ толстой женщинѣ, Маренго сказалъ съ достоинствомъ:

— Мы не хотимъ стараго; хорошо и это.

— Не прикажете ли еще чего?

— А что у васъ есть?

— Ровно ничего.

— Въ такомъ случаѣ, мы ничего не будемъ заказывать. Ступай!

Поселянка вышла. Маренго проглотилъ стаканъ престаго вина, съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто пилъ нектаръ; Альфредъ засмѣялся, а Густавъ сморщилъ лицо.

— Не дурно! сказалъ Маренго, опорожнивъ стаканъ.

— И это можетъ нравиться! вскричалъ прекрасный брюнетъ. Это можетъ взорвать на воздухъ. Какъ ты думаешь, Альфредъ?

— Я полагаю, что это прохлаждаетъ... первая ошибается, а потомъ ничего.

Маренго сталъ осматривать комнату, стѣны которой были украшены размадеванными картинками; немногія изъ нихъ удостоены были чести красоваться въ рамкахъ. Изображенія на картинахъ представляли по большей части разные случаи изъ жизни Наполеона. Тамъ представленъ онъ принимающимъ папу; на другой, вѣчаніе его съ Марією-Луизою; дальше, прощаніе съ Фонтенебло.

— Видите ли, господа, сказалъ Альфредъ, это встрѣтишь почти у каждаго жителя деревни. Поселяне любятъ императора.

— Да, отвѣчалъ Маренго: они любятъ его теперь; когда его свѣтъ; впрочемъ политаку въ сторону.

— Лучше узнать, гдѣ живетъ Вальдемаръ, сказалъ Густавъ. Какая странная мысль! Молодой человекъ, богатый, образованный, молодецъ собою, пользовавшійся такими успѣхами въ свѣтъ, — живетъ въ деревнѣ...

— Гдѣ же? близъ Мерлана! проговорилъ Маренго.

— Да, продолжалъ Дюгранваль: это любовь заставила Вальдемара рѣшиться на такой странный поступокъ. Боже мой! какъ глупы люди, когда они возорятъ себѣ страсти! Если я влюбленъ въ женщину, то неужели я долженъ жертвовать ей друзьями, своимъ положеніемъ въ свѣтъ, надеждами?

— Видно, Густавъ, что ты никогда не бываешь влюбленъ. Ничуть, когда влюбишься, тогда думаешь только о той, которую любишь, а обо всемъ прочемъ не заботишься...

— Я бываю влюбленъ, но никогда не дѣлаю глупостей.

— Это доказываетъ, мой другъ, что ты не совершено бываешь влюбленъ.

— Не правда!

— Ничъ, правда!

Маренго мало обращалъ вниманія на разговоръ своихъ приятелей. Онъ смотрѣлъ на двухъ поселянъ, сидѣвшихъ за столомъ, въ глубинѣ комнаты, и замѣчалъ, что тотъ изъ нихъ, который безъ умолку говорилъ и въ стаканъ себѣ доливалъ безпрестанно, пилъ одинъ, умаявъ одноюжъ всакий разъ своимъ стаканомъ о пустой стаканъ пріятеля, и приговаривалъ:

— За здоровье Лубте; пей же, будетъ лучше. Слышишь ли? Ну, а я еще выпью.

И поселянинъ продолжалъ пить и говорить; тогда какъ его другъ Лубте слушалъ его, не раскрывая глазъ, и по одной привычкѣ подносилъ ко рту почти всегда пустой стаканъ, потому что пріятель его, наливая себѣ, часто забывалъ пополнять стаканъ своего собесѣдника.

— Вотъ молодецъ, сказалъ Маренго. Это долженъ быть Гильо, хозяинъ осла; онъ никакъ не можетъ уснуть себя, а еще жена зоветъ его дѣнникомъ!... Какъ несправедливы женщины!...

— Послушай, Маренго, скажи мамъ свое мнѣнїе, сказалъ Альфредъ: ты видишь подругу Вальдемара; не правда ли она очень хороша и стоитъ, чтобъ для нея дѣлать глупости? Густавъ ея не знаетъ и потому бранитъ вашего друга.

— Предметъ страсти Вальдемара, кажется, госпожа Дюранси?

— Да.

— Чертовски хороша!... прехорошенькая дамочка!... высокая, то есть, не такъ высокая, но, чудо, какъ сложена, какъ граціозна. Брюсетка, прекрасныя черныя волосы; такіе же глаза. Голова андалузская, не много смугла: это также андалузское. У ней должно быть горячее сердце, пыкія страсти.

— Она вдова.

— Кажется.

— А много ли она одержала побѣдъ?

— Да гдѣ же найдешь хорошенькую женщину, за которой бы не волновались? Госпожа Дюранси конечно не пользовалась ре-

путацией Минервы; но, вѣдь, много говорятъ; чѣмъ женщина лучше, тѣмъ болѣе ее преслѣдуетъ клевета.

— Но если эта женщина такъ хороша, какъ ты описываешь ее, сказалъ Дюгранваль: и если Вальдемаръ такъ влюбленъ въ нее, почему онъ не женился на ней?

— Если бы надо было жениться на каждой женщинѣ, въ которую влюбиться, мнѣ пришлось бы ѣхать въ Турцію, сказалъ, смѣясь, Альфредъ. Но кто же говоритъ, продолжалъ онъ, что Вальдемаръ не женится на госпожѣ Дюранси? Согласясь ѣхать съ нимъ въ деревню, она доказала этимъ свою любовь; для него она пожертвовала репутаціею.

— Это, можетъ быть, и небольшая жертва! сказалъ Густавъ, качая головой; надо вспомнить, что Вальдемаръ былъ почти уже женихомъ?

— О, нѣтъ! дядя хотѣлъ женить его на дѣвушкѣ или вдовѣ, на очень богатой женщинѣ, пріѣхавшей съ огромнымъ приданымъ изъ Америки. Какъ спекуляція, это была прекрасная партія; но Вальдемаръ не корыстолюбивъ, и потому не хотѣлъ даже видѣть эту женщину и отказался отъ женитьбы.

— Какая глупость! по крайней мѣрѣ посмотрѣлъ бы ее; быть можетъ, она и понравилась бы ему.

— Сомнительно. Онъ былъ уже влюбленъ въ госпожу Дюранси.

— Чтò же? это не мѣшало бы....

— О, Маренго, ты злой человѣкъ.

— Что же, Вальдемаръ поссорился съ своимъ дядей, за эту новую страсть?

— Да; но чтò ему до этого? у него есть на что жить.

— Все равно, прервалъ Густавъ: я повторяю, что Вальдемаръ поступилъ глупо. Въ свѣтѣ всѣ вообще бранятъ его.

— Если онъ счастливъ, такъ что ему мнѣнне свѣта?

— Меня удивляетъ то, сказалъ Маренго: что онъ, приглашая Альфреда, просилъ его привести и насъ. Сколько я запомню, Вальдемаръ былъ всегда ревнивъ!

— Можно ли ревновать друзей?...

— Вотъ въ этомъ-то и ошибка. Довѣряйся друзьямъ!... по-словница не даромъ говоритъ: «Какъ волка не кормя, онъ все въ лѣсъ гоняетъ.»

— Господа, пить больше не будете? Кажется мы отдохнули?

сказалъ мужичка съ черными бакенбардами. Мнѣ хотѣлось бытъ путь.

— Подожди минуту, сказалъ Маренго: право, эти доселѣдше звали меня. Говоря съ вами, я слушаю, что говорятъ этотъ поселянинъ своему спящему товарищу; онъ хочетъ продать ему своего осла. Прислушайтесь, пожалуйста, посмотрите, какъ характеръ этотъ молодець.

IV.

Гильо съ осломъ. — Мутонарь съ колпаками.

Это былъ, дѣйствительно, Гильо, мужъ Клавдіа, который говорилъ и пилъ; онъ былъ лѣтъ сорока, высокъ и худощавъ; бѣлокурые, курчавые волосы имѣли рыжеватый отливъ; длинный, тонкій носъ былъ еще краснѣе волосъ; маленькіе, быстрые и лукавые глаза ни на минуту не оставались въ покоѣ; ротъ его выдавался впередъ и придавалъ всему лицу его форму лисей морды; во время разговора, шея Гильо безпрестанно вытягивалась, а голова подавалась впередъ, какъ будто мордой своей онъ хотѣлъ влѣзть въ ухо разговаривавшаго съ нимъ. Наконецъ, не смотря на то, что почти каждыя пять минутъ онъ опоражнивалъ стаканъ, — вино, казалось, нисколько не дѣйствовало на него.

— Да, Лебуте, говорилъ Гильо: ты хочешь купить моего осла, а я хочу тебѣ его продать, хоть я къ нему и привыкъ, ... добрая кляча; но между друзьями такъ: какъ сказалъ «по рукамъ!» кончено.... такъ ли?... За твое здоровье.. Сколько я былъ долженъ тебѣ?... двадцать франковъ, кажется;... да двадцать ли?... мнѣ кажется пятнадцать, ... да, что!.. я полагаюсь на тебя.... продаю тебѣ осла за шестьдесятъ франковъ, а ты мнѣ долженъ двадцать.... нѣтъ, я тебѣ долженъ, понимаешь ли? Такъ это составитъ восемьдесятъ франковъ, которые ты долженъ мнѣ отдать.... Выпьемъ.... эге! вина-то нѣтъ.... а все же надо выпить еще кружку.... Гей! !. вина!...

Лебуте раскрылъ немного лѣвый глазъ и пробормоталъ:

— Да, ... вина....

— Такъ ты мнѣ долженъ восемьдесятъ франковъ, но ты продалъ мнѣ своего вина.... а я тебѣ дамъ за него тридцать пять франковъ, дамъ походу, что ты мнѣ другъ;... такъ если отъ этихъ денегъ отнять двадцать франковъ, которые я долженъ, такъ за вино придется тебѣ получить всего пятнадцать... такъ ли?... Такъ, стоишь?... конечно... рѣшено!

Гильо сильно ударилъ въ руку своего товарища и поднесъ ко рту пустой стаканъ. Въ это время поселенка принесла еще вина. Гильо наполнилъ свой стаканъ, а стаканъ Лебуге, и сказалъ:

— Вотъ купленное вино.... надо пить,... но за издержки заплатишь сегодня ты: это такъ водится.... Славное сдѣлалъ ты дѣло... Моя кляча стоитъ сто франковъ, ни су меньше. Я уступаю тебѣ изъ рукъ въ руки двадцать франковъ.... худо.... но что сдѣлано, конечно. Мой осель теперь твой. Повѣрь, все это дѣлаю для тебя; выгадывай ты двадцать франковъ, а не другой.

— Изъ чего выгадывать? пробормоталъ Лебуге, приподнявъ голову.

— Я говорю, что осель принадлежитъ тебѣ;... рѣшено, торги кончены, а если хочешь, такъ и свидѣтелей имѣть можно.

Сказавъ это, Гильо лукаво взглянулъ на трехъ друзей, которые смѣялись между собою надъ нимъ.

— Это напоминаетъ мнѣ старинную комическую оперу: *Picaros et Diégo*, сказалъ Дюгранваль.

— Этотъ плутъ прекрасно велъ бы свои дѣла на биржѣ, прибавилъ Альфредъ.

— Послушай, любезный, сказалъ Маренго, обратясь къ поселенку: ты знаешь всѣхъ, кто живетъ здѣсь въ окрестности?

— Я? сказалъ Гильо, я знаю всѣхъ.... я для всѣхъ работаю, и въ Росни, и въ Нуази.... я отдаю сады.... Спросите, гдѣ угодно про Гильо, всѣ знаютъ меня... Я же вывожу кротовъ; у меня особая на это манера.... У васъ водятся кроты?

— Не думаю; у насъ нѣтъ садовъ; но со временемъ, быть можетъ, будемъ имѣть; мы утѣшаемъ себя этой надеждой.

— Надеждой имѣть кротовъ?

— Не кротовъ, а дачу. Въ ожиданіи своей, мы отправляемся къ нашему другу; но не знаемъ гдѣ найти его.

— Какъ зовутъ вашего друга? Я скажу гдѣ его найти.

— Его зовутъ Вальдемаръ.

— Вальдемаръ.... странно! Я не знаю его, а, кажется, всѣхъ

заво... А! стойте... это долженъ быть тотъ красный муж-чина и хорошенькая дама, которые наняли домъ г. Дезорме, тамъ, близъ Мерюше!... славная парочка, право славная!... жить, какъ медвѣди въ берлогѣ... никогда не выходить, ... а прогуливаются вечеромъ, въпихомолку.

— Это долженъ быть онъ! вскричалъ Альфредъ,

... Барыня, тамъ хорошо всегда одѣта, и господничъ тоже... я встрѣчалъ ихъ иногда... такъ вѣжно воркуютъ подъ деревь-ями... Чтожъ! это не запрещено, вѣдь птички дѣлаютъ тоже... Я и подумалъ тогда: «Вотъ любить-то другъ друга». Я былъ даже одинъ разъ у нихъ; спрашивалъ, не требуется ли фляски кро-товъ; да мнѣхъ услугъ не приняли: сказали, что имъ нѣтъ дѣла до этого.... Домъ-то не имъ принадлежить.

— Но можешь ли ты показать: гдѣ они живутъ?

— Я могу даже васъ проводить; легко заблудиться въ незна-комомъ мѣстѣ.

— Какъ! ты сдѣлаешь для насъ это одолженіе?

— Отчего же? Вы дадите мнѣ на водочку... вотъ и все, Чортъ возьми! надо помогать другъ другу.

— Мы согласны, любезный Гильо.

— Вотъ тебѣ на! кто вамъ сказалъ мое имя?

— Твоя жена; она указала намъ эту таверну.

— Моя жена? а, да! она стираетъ тамъ у сосѣдки Николь. Я къ вашимъ услугамъ, господа.

— А развѣ своего товарища ты оставишь здѣсь?

— Онъ не уйдетъ. Онъ спитъ.... Я продалъ ему своего осла; пусть дѣлаетъ теперь что хочетъ, мнѣ нѣтъ больше дѣла.... До свиданія, Лебуге.... Не забудь, оселъ у дверей... ждеть тебя... заплати за издержки. Завтра я зайду къ тебѣ за деньгами.... не потому, чтобъ я не вѣрилъ тебѣ.... сохрани Богъ! но вѣдь ты знаешь: въ жизни человѣкъ не воленъ.

Лебуге отвѣчалъ однимъ долгимъ храпѣньемъ; Гильо, мало заботясь о своемъ товарищѣ, вышелъ изъ маленькой Сухой Пробки съ молодыми людьми; проходя мимо осла, они увѣрились, что Гильо сдѣлалъ доброе дѣло, продавши эту клячу. Маренго шелъ вездѣ проводникомъ, который забавлялъ его своей болтовней. Альфредъ и Дюгранваль шли позади и разговаривали. Дюгранваль съ важностью говорилъ высокому бѣлокурому мужчинѣ:

— Не могу ономниться отъ того, что я слышалъ отъ этого крестьянина. Странно! Вальдемаръ открыто дѣлуется съ своимъ

дрожайшимъ предметомъ, съ той, которую здѣсь должны считать его женою!... это неприлично! Неужели любовь обезумила его? Я не знаю, отпраиваться ли даже къ нему?

— Полно, Дюгранваль, корчить Катона. Можно ли принимать за чистую монету все, что говорилъ этотъ поселенникъ; мнѣ кажется, что онъ претонкій плутъ! Да развѣ преступленіе подъявлять женщину, прогуливаясь съ нею въ тѣни деревьевъ? Притомъ если бы мы соскучились у Вальдемара, ничто не заставляло насъ оставаться у него. Мы не за сто верстъ отъ Парижа; онъ же мнѣ говорилъ, что въ разстояніи четверти часа отъ него, ходить два раза въ день кареты. Я самъ себя господинъ, меня ничто не женируетъ. Да и ты, кажется, не замалешь дѣломъ. А что до Маренго, который тогда только отпраивается на биржу, когда рѣшится встать съ постели, то онъ пускай остается или нѣтъ: его добрая воля. Кто это идетъ тамъ? Чтò это за человекъ? Онъ держитъ что-то подъ мышкой. Чортъ возьми! кажется, я его знаю. А, а! это г. Мутонарь, котораго мы, года два тому, часто встрѣчали у толстаго генерала; у того, который давалъ великолѣпные балы и чудесные ужины.

— Мутонарь!... постой! не было ли у него претвратительной жены?

— Да; и довольно миленькая племянница, которой очень хотѣлось выйти за-мужъ.

— А, такъ я знаю его теперь; онъ торговалъ шерстью.

— Да, да! славный малый.

— Кажется, глупъ.

— Тсъ!... вотъ онъ.

Человекъ, о которомъ говорили молодые люди, былъ маленькаго роста, съ огромнымъ пузомъ, и тоненькими ножками. Дяццо этого человекъ было круглое, и казалось постоянно распувшимъ. Носъ его былъ похожъ на круглую лепешку; большіе, сѣрые глаза имѣли много сходства съ глазами теленка, отнятаго отъ матери.

Лаковая, изъ красной кожи, фуражка, имѣвшая при солнечномъ свѣтѣ видъ мѣдной кастрюли, совершенно прикрывала огромную голову этого господина. Сѣрая блуза, не подвязанная кушакомъ, раздувалась во всѣ стороны; короткія тиковыя панталоны, сѣрые башмаки и галстукъ довершали варядъ его. Онъ держалъ подъ мышками большіе стеклянные кошельки, ко-

торыми прикрывают дыни, и казалось совершенно изумренными отъ жара.

Приблизясь къ Альфреду и Густаву, толстый господинъ закричалъ отъ удивленія; молодые люди отвѣчали ему тѣмъ же. Въ свою очередь закричалъ и Гильо; но кричалъ одинъ только Маренго; но онъ остановился и сказалъ, обратясь ко всѣмъ:

— Что съ вами случилось?

— Вотъ на! пріятель! г. Манжелъ, г. Дюгранваль! чортъ возьми! вотъ встрічи!

— Здравствуйте, г. Мутонарь!

— Мое почтеніе, г. Мутонарь!

При этихъ словахъ, Гильо закричалъ громче всѣхъ:

— Славно, славно, батюшка Мутонарь!... Что это колпакъ для дынь; бьюсь объ закладъ, что вы взяли ихъ у Жана Жиру.

— Точно, любезный. Эдишъ, моя собака, не привыкла еще къ дынямъ и разбила третяго дня четыре колпака; надо было пополнить убыль.

— Вы сказали бы мнѣ, батюшка: я досталъ бы вамъ лучше этихъ, да и дешевле, право. За эти четыре, что взялъ съ васъ Жиру.

Разговоръ Гильо мало занималъ молодыхъ людей, а потому Альфредъ ударилъ по плечу толстяка, который между тѣмъ не могъ ниному протануть руку, и стоялъ въ большомъ замѣшательствѣ.

— Какимъ случаемъ вы здѣсь, г. Мутонарь? По вашему платью, по вишей блузѣ, которая развѣвается по волѣ вѣтра, а особенно по этой прекрасной лакированной фуражкѣ, должно полагать, что вы живете гдѣ-нибудь здѣсь, въ окрестности.

— Вы не ошибаетесь, господа. Вотъ уже годъ, какъ я купилъ дачу въ Росни. Мы проводимъ здѣсь лѣто и почти всю осень; моя жена говоритъ, что въ тоиъ возвращаться въ Парижъ, когда начинаются уже морозы. Я согласенъ жить здѣсь, и люблю дачу; сельское хозяйство. О, Боже мой! конечно я не силенъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но со временемъ достигну всего. Я развожу большія плантаціи. Я выишу гуано для удобренія земли, а въ ожиданіи этого, я удобряю землю всѣмъ, что попало. Я сажаю дыни: это очень пріятно. Провожу борозды или гряды, право не знаю, какъ назвать; я мало знакомъ съ земледѣльческою терминологіею; но въ моемъ чортѣ, Эдишъ, есть

страсть вырывать дыни, или лучше сказать, любовь к своему севать свою морду под колпаки. Онъ разбилъ уже четыре.

— А что взялъ съ вась Жиру; за эти? спросилъ Гильо; поглянувъ г. Мутонара за блузу.

Толстый господинъ, не отвѣщая на вопросъ, продолжалъ:

— Надѣюсь, господа, что вы зайдете ко мнѣ на дачу; вы доставите мнѣ большое удовольствіе, проведи съ вами нѣсколько дней. Жена моя будетъ въ восхищеніи видѣть вась; она часто говоритъ мнѣ: «Развѣ ты не встрѣчаешься съ тѣми молодыми людьми, которые ѣздили въ генералу? Пригласи ихъ пріѣхать въ Росни.» Но вы знаете, свѣтъ великъ; какъ найти? тѣмъ болѣе, что я не знаю вашего адреса.

— Да, г. Мутонаръ, мы будемъ къ вамъ, мы не уѣдемъ отсюда, безъ того, чтобы не посѣтить вашей дачи; такъ ли Дюгранваль?

— Съ удовольствіемъ.

— Но, продолжалъ Альфредъ, вы позволите представить вамъ нашего друга. Вотъ онъ; рекомендую.

Г. Мутонаръ взглянулъ на Маренго, который давно стоялъ, любясь толстымъ батюшкой и его колпаками, и, казалось; хотѣлъ заплакать. Поклонившись Мутонару, онъ сказалъ:

— Поставьте хоть на минуту эти колпаки на землю; это облегчитъ вась немного.

— Колпаки!.... Они не такъ тяжелы, только не ловко ихъ держать.

— А что вы дали на нихъ? пробормоталъ Гильо, которому очень хотѣлось перебить разговоръ толстяка съ молодыми людьми. Я знаю гдѣ купить лучше этикъ.

— Вы мнѣ доставите большое удовольствіе, если привезете вашего друга, продолжалъ Мутонаръ. Къ тому же вы знаете, мы безъ церемоній; каждой у меня, какъ дома, потому что мы хотимъ, чтобъ всѣ веселились; да и жена моя любитъ дачу тогда только, когда есть общество. Она меня предупредила; она сказала: «Филемонъ, если я буду на дачѣ только съ тобой, я умру со скуки.» Хе, хе, хе! смѣшна моя жена! «Ты приглашай всѣхъ сосѣдей, и нашихъ парижскихъ знакомыхъ. Въ такомъ случаѣ сельская жизнь будетъ мнѣ нравиться.»

— И, вѣроятно, вы исполняете всѣ желанія вашей супруги, г. Мутонаръ; вы прекрасный мужъ.

— Да какъ же, господа? какъ не исполнять желаній женщины?

Землю, которую упрямые, все же, начинают думать, что начинаются возмущаться своимъ женомъ до крайней мѣры, такъ говорила мнѣ одна дама, которая знавала дѣйствительныя при- вычки. А ужь если тираны приходять къ тому же, такъ мнѣ кажется, что лучше и не быть вовсе тираномъ. Въ одномъ только я не уступаю жень, это когда дѣло идетъ о достоянн!

— Какъ! развѣ супруга наша заводитъ всея неспособнымъ сытъ?

— Она говоритъ, что въ этомъ я ровно ничего не смыслю; она смѣется, когда я начинаю свалить дынки; но подождемъ: когда она отъдастъ ихъ, наговоритъ другое.

— Конечно, она скажетъ тогда другое.

— Мнѣ очень бы хотѣлось развести у себя въ саду табакъ. У меня есть прекрасное для этого мѣсто, на солончкѣ и если удобритъ еще землю, такъ все начнетъ расти, и табакъ пойдетъ вверхъ. Мнѣ хотѣлось бы подать просьбу просянту, чтобъ получить позволеніе. Какъ вы думаете: уважать ли эту просьбу?

— Если вы хотите развести только для себя, вамъ не ба- вретъ сажать табакъ, тѣмъ болѣе, что онъ вькогда не вы- растаетъ.

— О, нѣтъ, господа! мнѣ кажется, что при помощи гуапо, та- бакъ выростетъ. Когда-то я дожлуся того счастливаго дня, какъ буду есть свои собственныя дыни, курить свои сигары, ... охъ, охъ, охъ!

— *Albo dies notanda lapillo!* сказалъ, улыбаясь, Дюгранваль.

— Тогда вы иллюминуете все ваше владѣніе, неправда ли г. Мугомаръ? прибавилъ, замѣлявшійся, Альфредъ.

— Конечно. Риску даже спустить фейерверкъ. Но такъ съ нами заговорилъ, что и забылъ спросить, зачѣмъ вы прѣехали сюда. Извините за этотъ нескромный вопросъ.

— Пожалуйста! Мы отправаемся къ нашему пріятелю, кото- рый нанялъ дачу въ окрестности Мерлана; да никакъ не могли отыскать его; мы съ счастіемъ встрѣтили добраго человѣка, который знаетъ, гдѣ живетъ нашъ пріятель, и выдвзвался бытъ проводникомъ.

— А отчего же и не проводить? вскричалъ Гильо: вы даде- те мнѣ на водку, вотъ и все. Этотъ красивый домъ, вонъ тамъ. Вы знаете, г. Мугомаръ, сзади поля Жирю, откуда вы идете. Если вы заплатили за эти четыре колпака болѣе трехъ фран- ковъ, это дорого.

— А! это королевская вила? сказалъ Мугомаръ. Я часто

любовался ею... квадратный павильонъ, прекрасный рѣшетко впередъ, лужокъ, окруженный кустарниками далѣй и тѣмъ-то; Страсть моя нѣоны, прелесть! но не каждый годъ цвѣтеть; какъ мнѣ говорили; жаль!

— Позвольте мнѣ, сударь, поддержать ихъ немного, сказалъ Маренго, протянувъ руки къ кашакамъ.

— Благодарю васъ; они мнѣ не мешаютъ.

— Но вамъ жарко.

— Съ меня всегда льется потъ, даже и тогда, когда мнѣ вовсе не жарко. Да мнѣ и домой пора. Тамъ вы знаете тѣхъ, которые жавутъ въ этомъ хорошенькомъ домѣ, гдѣ такіе славы ные нѣоны!

— Тамъ живетъ одинъ изъ моихъ прѣтелей, сказалъ Альфредъ.

— Я видѣлъ сквозь рѣшетку мужчину и женщину; они мнѣ очень понравились.

— Они говорятъ, что у нихъ нѣтъ протѣвъ, пробормоталъ Гильо; а я знаю, что есть; тѣмъ хуже; это ихъ дѣло.

— Моя жена просила меня пригласить ихъ къ намъ. Видѣть это мужъ и жена?

Друзья переглянулись между собою и молчали; наконецъ Альфредъ сказалъ:

— Да, это господинъ и госпожа Вальдемаръ.

— Дама превосходно одѣвается. Это замѣтила моя жена. Но они похожи на медвѣдей; если встрѣтишься съ ними на дорогѣ, они непремѣнно скроются. Но это ничего; теперь я знаю ихъ фамилью; попробую пойти къ нимъ съ приглашеніемъ. Намъ пора разстаться, господа. Я увѣренъ, что моя жена считаетъ меня погибшимъ; впрочемъ это не встревожить ее; къ счастью она не одна; съ нами живетъ наша племянница, Элиза; теперь она за-мужемъ.

— Какъ! ваша племянница вышла за-мужъ? спросилъ Альфредъ.

— Да! ужъ скоро два года; она вышла за архитектора; очень умный человекъ; министръ обѣщалъ поручить ему, се временемъ постройку воксала новой желѣзной дороги.

— Какъ его зовутъ?

— Коретъенъ. Вы вѣрно слышали о немъ?

— Не помню.

— Господа, завтра воскресенье; если вы не уйдете отсюда, милости просимъ обѣдать ко мнѣ. Вы посмотрите мой садъ;

еще довольно велика. Въ немъ я соединилъ всѣ оральскія забавы, какія только можно имѣть на дачѣ: качели, кегли, даже еста карусель; а это не вездѣ найдете; моя жена безъ ума отъ этой игры. Какъ славно она ловить кольца! она садится на лошади по-мужски и держится смѣло.

— Мнѣ будетъ очень пріятно видѣть это.

— А кто же вертеть деревянныхъ лошадей, когда вы хотите на нихъ кататься? спросилъ Дюгранваль.

— Какъ случится; то одинъ, то другой; чаще я самъ; моя жена говоритъ, что это званіе невозможно мнѣ похудить, а меня это раннмаетъ. Два свиданія, господа; мой домъ при самомъ въѣздѣ въ Росни; у воротъ стоятъ два льва, но не бойтесь ихъ, они гипсовыя. Гильо можетъ узнать вашъ домъ; онъ иногда помогаетъ моему садовнику.

— А сколько вывелъ я у васъ кротовъ, оказалъ Гильо; а шашъ, будутъ еще.

— Ты думаешь?

— Еще былъ въ вашемъ саду ихъ была бездна, оттого-то ничего и не росло.

— Ахъ! господа, вскричалъ Мутонаръ, поднявъ глаза къ небу: какъ пріятно имѣть дачу, да дорого обходится. Конечно, надо же тратить на что-нибудь деньги; къ тому же тотъ день, когда я съѣмъ свою дыню, окупить всѣ жертвы. До свиданія! Пріѣзжайте завтра, если можно. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы вы привезли и вашего друга. Маренго поклонился и сказалъ:

— Какъ вы добры, милостивый государь; но если надо будетъ играть въ кольца, то я предупреждаю васъ, что я не способенъ. Я не могу вертѣть.

— О, помилуйте, никто васъ не принуждаетъ; дѣлайте, что вамъ угодно. До свиданія, господа! Я жду васъ завтра.

— Если можно будетъ, то непременно; любезнѣйшій господа Мутонаръ.

Наконецъ толстенный человѣкъ ущелъ; Гильо вскричалъ ему вслѣдъ:

— Г. Мутонаръ! Я скоро буду къ вамъ, узнать, нѣтъ ли шашъ кротовъ. А вы мнѣ скажете, что вы заплатили. У меня есть по двадцати су, за штуку, да мой дѣло другое.

— Какъ этотъ человѣкъ былъ жалокъ съ своими колпачами,

сказалъ Маренно, ну охъ насъ въ путь съ пріятелями. Въдъ одна держалась, а все же не хотѣли сознаться, что устали.

— А если оны ничего не будутъ ѣсть, промѣ своихъ дынь, сказалъ Гильо: долго же придется ему постыться; видите ли почему: дыня—это чертовская штука, надо немиланъ ее, надо такъ сказать, побывать съ ней, чтобъ умѣть вырастить ее; гдѣ же человеку, который помятилъ не знаетъ о мочахъ, ѣсть свои дыни. Удобрий хоть чѣмъ хочешь, ничего, промѣ тыныи, не вырастетъ.

— Господа, сказала Альорадь: погрѣча съ этими челоуѣками неметъ доставить намъ завтра удовольствіе. Мутомаръ доброй малый.

— Чтобъ укрѣпиться въ этомъ, олоить толане заглянуть на его фуражку.

— У него весело, потому что каждый дѣлаетъ что хочеть. Жена его немного худощава, но она была не дурна; племянница же его довольно мила. Наконецъ, у нихъ всегда собираются гости; оны приглашаютъ всѣхъ, кого только встрѣтять въ гостяхъ.

— Да это Ноевъ ковчегъ.

— Почти. Но изъ ковчега нельзя было выходить, когда вздумается; а здѣсь тебѣ никто не помѣшаетъ уйти, когда захочешь. Отправимся завтра.

— Прежде чѣмъ говорить о завтрашнемъ днѣ, надо подумать о сегодняшнемъ прістанницѣ. Скоро ли мы придемъ, Гильо?

— Да вотъ и пришли. Какъ повернете направо, такъ и увидите прямо домъ.

Дѣйствительно, пройдя нѣсколько сажень по орѣховому лѣсу, пріятели увидѣли красивое зданіе, къ которому примыкалъ прекрасный садъ, обнесенный стѣною.

— Мое дѣло кончено, сказалъ Гильо:

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Альоредъ: тебѣ бесполезно идти далѣе; вотъ тебѣ, любовный, на труды. Деволень ли?

Крестьянинъ посмотрѣлъ на монету въ сорокъ су, которую Альоредъ сунулъ ему въ руку, и сказалъ:

— Благодарю покорно! Я всегда доволенъ; если бы вы дали и больше, я былъ бы также доволенъ. Да свиданія, господа; я пойду къ Лебуте, надо взять съ него деньги за осла. Если вамъ случится до меня какая надобность, то вы всегда можете видѣть меня.

— Гдѣ это, у тебя? въ томъ домѣ, гдѣ старали?

— О, мѣты! Я не такъ глушь; я никогда не бываю дома, а всегда въ Сухой Пробѣ, гдѣ вы встрѣтили меня. Спросите только Гильо, шута; меня такъ окрестили здѣсь.

Гильо поведетъ по дорогѣ въ Мерланъ, а пріатели направятся къ красивому домику, стоящему передъ ними.

V.

Сильная страсть.

Есть люди, которые говорятъ, что никогда не будутъ любить, и есть такіе, которые увѣрены, что будутъ любить вѣчно.

Феликсъ Вальдемаръ не говорилъ, что никогда не будетъ любить. У него было чувствительное сердце, пламенная душа, выразительные глаза; а имѣя все это, надо любить, даже и тогда, если бы любить не хотѣлось; впрочемъ у мужчинъ всегда есть желаніе любви: протѣвъ воли они не любятъ.

Лицо Вальдемара было пріятно и выразительно. Въ глазахъ его отсвѣчивалась вполне глубина мысли; голосъ его былъ нѣсколько однозвученъ, и потому могъ нравиться не всѣмъ.

Онъ былъ выше средняго роста и хорошо сложенъ; иногда расположеніе духа его было веселое; иногда же онъ скучалъ и задумывался; впрочемъ это нравится женщинамъ: онѣ не любятъ встрѣчать въ своихъ обожателяхъ всегда одно и тоже.

При рожденіи своемъ, Вальдемаръ имѣлъ уже двадцать тысячъ годового дохода. Увѣряютъ, что деньги придаютъ тѣмъ качествъ дитяти, который владѣетъ ими. Преимущество, — такъ я согласенъ; но что до качествъ, — я не вѣрю этому. Дитя бѣдныхъ родителей можетъ быть гениемъ, дитя богача глупцомъ. Судьба мало заботится о томъ, какими положомъ будетъ прикрыта наша колыбель, и это необходимо, чтобы не гасить надежды въ несчастныхъ.

Но если вы богаты, то почти всегда окружены людьми, которые непрестанно хотятъ убѣдить васъ, въ томъ, что вы имѣете много прекрасныхъ качествъ, много ума, много добродѣтели; они въ состояніи считать васъ за талантъ; если даже вы

ничего не знаете; или забыли все то, чему учились; все же, по мнѣнію этихъ людей, — вы знаете все, и обо всемъ можете судить, — а говорятъ это потому только, что вы человекъ съ состояніемъ.

Слѣдовало бы затыкать уши, и не слушать этихъ людей; но къ несчастію, этого никогда не дѣлаютъ.

Вальдемаръ, котораго впрочемъ нельзя было назвать глупцомъ, увлекся словами льстецовъ. Они говорили ему, что всѣ женщины должны обожать его; что въ немъ есть все необходимое къ обольщенію. Онъ и самъ желалъ только одного: любить и быть любимымъ; но всѣ эти мечты обходились ему дорого: по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Вальдемаръ прожилъ половину своего состоянія, а всѣ обожательницы измѣнили ему.

Тогда, онъ вошелъ въ совершенную противоположность. Убѣдась, что ни одна изъ женщинъ неспособна любить съ постоидствомъ; что весь свѣтъ наполненъ людьми коварными и вѣроломными, онъ сталъ недоувѣрникъ, несправедливъ, скученъ и безвнимателенъ въ обществѣ.

Въ это время, онъ встрѣтилъ госпожу Дюранси. Эта женщина, которой было не болѣе двадцати осьми лѣтъ, была очень мила; а это, по моему мнѣнію, гораздо лучше, чѣмъ быть красавицей. Женщиной-красавицей любятъ, но миленькая женщина нравится болѣе и дольше; красавицѣ нужны правильныя, прекрасныя черты лица, а чтобъ быть миленькой, — нужны выразительность въ лицѣ, грація, нѣжная улыбка и умное выраженіе глазъ. Госпожа Дюранси имѣла все это. Волосы у нея были черныя, ласнящиеся; блѣдное, высокое чело придавало ей видъ благородный и величественный; наконецъ черныя, блестящіе глаза были опушены длинными рѣсницами. Прибавьте къ этому роскошный, стройный станъ, хорошенякую ножку, нѣжную, маленькую ручку, и вы согласитесь, что эту женщину можно назвать миленькою.

Госпожа Дюранси, какъ говорили, была вдова старшаго-доктора, гедившагося ей въ дѣды, и который женился на ней для того только, чтобы оставить ей все свое состояніе, конечно, не большое, но достаточное для женщины, не имѣвшей дѣтей.

Двадцати-четырёхлѣтняя вдова осьмидесяти-лѣтняго старца — это вещь очень привлекательная; а потому толпа поклонниковъ не замедлила явиться къ ней съ *утишеніями*. Но обращала ли Эрнестина (такъ звали госпожу Дюранси) вниманіе на этихъ ве-

локать? была ли она чувствительна къ ихъ утѣшеніямъ? Этого я вамъ не скажу. Не надо слишкомъ строго разсматривать жизнь женщины; нужно опѣивать только то, что мы встрѣчаемъ въ ней, а не предлагать ей неспрошенныхъ вопросовъ, которые могли бы поставить ее въ затруднительное положеніе, или заставить краснѣть. Къ чему это? Того, что было, не воротить; да и смѣшно, на прошедшемъ, основывать будущее.

Вальдемару минуло тридцать лѣтъ, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ Эрнестину. Ему не нравились женщины вообще, но вѣроятно, онъ ихъ любилъ въ частности. Между тѣмъ, сдѣлавшись мнительнымъ, не дошла даже самому себѣ, онъ, вѣсто того, чтобъ быть любезнымъ, стараться нравиться цѣль, казалось, былъ постоянно на стражѣ противъ обольщенія; онъ походилъ на тѣхъ игроковъ, которые, послѣ долгаго несчастія, хотя и отказались играть; но все же находятъ удовольствіе смотрѣть на игру. Вальдемаръ смотрѣлъ на женщинъ, но не вполчала за ними.

Можетъ быть, этой странности онъ обязанъ былъ тѣмъ, что его замѣтила гёсложа Дюранси. Эту женщину, примающую къ месту и похвалять, удивляло, почему Вальдемаръ не обращалъ на нее такого вниманія, какое оказывали ей другіе. Важный, равнодушный видъ Вальдемара оскорблялъ ее самолюбіе. Она рѣшилась кокетничать съ нимъ.

Эрнестина отъ природы не была кокетка; она не умѣла выказывать долго того чувства, котораго въ ней не было. Стараясь нравиться Вальдемару, она невольно уступила любви, которую чувствовала къ нему. Вскорѣ эта любовь сдѣлалась единственною ея мечтою, ея счастьемъ, ея жизнію; между тѣмъ она не знала еще: была ли эта любовь взаимна.

Съ своей стороны, Вальдемаръ не могъ равнодушно видѣть милейшую вдовушку. Если онъ не отвѣчалъ на выразительные ея взгляды, то это потому только, что онъ боялся обмана, не смѣлъ ласкать себя надеждою быть любимымъ.

Въ такомъ положеніи находились они оба, нѣкоторое время. Вальдемаръ былъ влюбленъ въ Эрнестину и молчалъ; госпожа Дюранси думала только о немъ, и страшилась мысли не нравиться ему.

Жаль! сколько потеряннаго времени!

Къ счастью судьба помогла влюбленнымъ; они создали предлогъ, а вы знаете, во всемъ предлогъ ведетъ за собой развязку.

Вальдемаръ встрѣтилъ Эрнестину въ театрѣ; она была съ другими дамами. Вальдемаръ помѣстился съ одной съ нею ложь. Театръ былъ полонъ; жаръ несносный. Въ положившій пьесы, гооножа Диоранси почувствовала себя дурше и принуждена была возвратиться домой. Не жала лишать удовольствія дамъ, прибавившихъ съ нею, она согласилась на вызовъ Вальдемара проводить ее до дому.

Крошечная бронетка и услужившій ей кавалеръ сѣли въ карету. Въ продолженіе всей дороги отъ театра до дома, Эрнестина, казалось, очень страдала и почти ничего не говорила. Вальдемаръ былъ возмущенъ, безпеченъ, но употребилъ все усиліе, чтобы скрыть это. Въ первый разъ онъ былъ наединѣ съ Эрнестиною, и такъ близко къ ней. Ему очень захотѣлось ухватиться за кофину. Въ каретѣ же такъ удобно надавить къ ногамъ женщины; эти ноги такъ близки; но схватить этого онъ не смѣлъ. Не стыдливость удерживала Вальдемара; онъ никогда не былъ застѣнчивъ, но его страшна мысль встрѣтить въ Эрнестинѣ одно кокетство.

По временамъ онъ обращался къ ней съ вопросами:

— Какъ вы чувствуете себя; сударыня?

Вдовушка отвѣчала, не подымая длинныхъ рѣсницъ:

— Дурно... не знаю, право, что со мной; но я страдаю... страдаю ужасно...

Карета остановилась. Вальдемаръ предложилъ руку, чтобы ввести вдовушку по лѣстницѣ—ему не отказали; потомъ, конечно, его пригласили войти, попросили сѣсть. Черезъ нѣсколько минутъ, въ ту комнату, гдѣ былъ Вальдемаръ, вошла Эрнестина, закутанная въ широкое утреннее платье, которое по временамъ выказывало ее прекрасныя формы.

Она сѣла на диванъ; казалась утомленною, но конечно съ нетерпѣніемъ ожидала той минуты, когда Вальдемаръ начнетъ говорить. Вальдемаръ молчалъ, боясь высказать признаніе, готовое сорваться съ языка. Черезъ нѣсколько времени, онъ осмѣлился проговорить:

— Я отправляюсь утѣшить вашего доктора.

Легкая досада выразилась въ чертахъ г-жи Диоранси.

— Это бесполезно, сказала она; потому, подавая руку Вальдемару, она прибавила:

— Благодарю васъ за всѣ безпокойства, которыми я виновна;

теперь вы можете возвратиться снова въ театр. Я уверяю себя, что лишила васъ удовольствія.

Вальдемаръ всталъ протянутую къ нему руку; она обожгла его. Въ упоеніи онъ сжалъ ее въ своихъ, поцѣловалъ, ухватъ передъ Эрнестиною на колѣни, и подвѣялъ на нее глаза, полные любви. На лицѣ молодой женщины блеснула ангельская улыбка.

— Долго же вы собирались сказать мнѣ это, проговорила она.

Замѣьте, Вальдемаръ не говорилъ ей ни слова; но такова любовь: она имѣетъ свой явней языкъ, который часто краснорѣчивѣе словъ.

Спустя нѣсколько минутъ, болѣзнь Эрнестины совершенно прошла. У женщинъ случаются такого рода страданія, въ которыхъ, дѣйствительно, помощь врача бесполезна.

Черезъ нѣсколько дней, Эрнестина, сидя подлѣ Вальдемара, держала его руку въ своихъ и, съ нѣжностію смотря на него, говорила:

— Да, я горжусь обладаніемъ твоего сердца; я такъ давно любила тебя; что—то непреодолимое влекло меня къ тебѣ; какъ я страдала отъ твоего молчанія, а между тѣмъ мнѣ всегда казалось, что ты долженъ любить меня. Какъ я была бы несчастна, если бы ты не раздѣлялъ моихъ чувствъ; ты первый заставилъ меня узнать любовь.

Какъ бы мало вы не знали женщинъ, читатель, но вѣроятно не разъ вдушала имъ первую любовь; это бываетъ отъ того, что когда намъ удается одержать новую побѣду, рѣдко случается, чтобы женщина не говорила, что мы первые доставили сердце ея битися истинною любовью. Мнѣ кажется, что эти женщины не тверды въ нумераціи; но все же это дѣлаетъ имъ честь, и, за такое дѣльное иль вниманіе, мы должны быть имъ благодарны.

Вы также должны были замѣтить, что весьма немногіе говорятъ такъ: «Вы будете моею послѣдней любовью.» Эту осторожность я нахожу совершенно основательною. Мы не можемъ быть въ одно и то же время и первыми и послѣдними. Нужно уметь ограничивать свои желанія.

Вальдемаръ, слушая Эрнестину, смотрѣлъ прямо ей въ глаза; но въ этихъ взорахъ, выражавшихъ любовь и блаженство, было что-то, не показывавшее полной довѣренности къ явнымъ клятвамъ хорошеюшкой вдовушки.

Госпожа Дюранс прекрасно поняла это недоверіе: женщины удивительно ловко умѣютъ читать въ глазахъ нашихъ.

— Мой другъ, сказала Эрнестина, ты сомнѣваешься въ искренности моихъ чувствъ.

— Я? о, нѣтъ, отвѣчалъ нерѣшительно Вальдемаръ.

— Ты сомнѣваешься, не обманывай меня.

— Да, виновата, я чувствую это; но что же дѣлать! Я такъ часто былъ обманутъ.

— Почему же женщины должны всегда терпѣть за виновныхъ? Чѣмъ могу я доказать, что любовь моя не есть прикритіе, которую могло бы потушить иное желаніе?

— Милая Эрнестина, ты любишь меня, я это вижу, я долженъ тебѣ вѣрить... я вѣрю тебѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ! повторяю: я всѣмъ готова доказать тебѣ любовь свою. Отвѣчай же, придумывай жертвы; испытывай меня.

— Если бы, напримѣръ: я предложилъ тебѣ бросить то общество, въ которомъ ты живешь, этотъ вихрь, который окружаетъ тебя, этотъ рой обожателей, которые жужжать около тебя, какъ шмели вокругъ цвѣтка,—и взамѣнъ всего предложилъ бы вѣхать со мною въ уединенную деревню, гдѣ бы мы были только вдвоемъ, конечно исключая прислугу,... сознайся, Эрнестина, ты не согласилась бы на такую жертву.

Вмѣсто отвѣта, миленькая вдовушка протянула руку своему другу и сказала:

— Когда ты захочешь, я буду готова. Поѣдемъ. Это для меня не только не жертва, но напротивъ то, что ты предлагаешь, приводитъ меня въ восторгъ и осуществляетъ лучшія мечты мои о счастьи; жить въ уединеніи съ тѣмъ кого любишь, имѣть возможность вполнѣ предаваться его страсти, его вѣжности; не имѣть близъ себя этихъ скучныхъ, любопытныхъ, злыхъ людей; исполнять желанія только любимаго человѣка,—о, какъ сладостно такое существованіе.

Удивленный, восхищенный всѣмъ, что слышалъ, Вальдемаръ прижалъ Эрнестину къ своему сердцу; вотомъ, какъ бы страшась, чтобы она не измѣнила своего намѣренія, онъ отпраивался искать домъ, чтобъ нанять его, и скрыться въ немъ съ своею подругою.

Объѣзжая предмѣстія города, онъ достигъ наконецъ окрестностей Нуази-ле-Секъ. Отыскавъ Мерланъ—эту малоизвѣстную жителямъ столицы деревню, о которой не зналъ даже Христо-

форъ Колумбъ. Проходя мимо плодородныхъ полей, окружающихъ эту деревню, онъ замѣтилъ красивый сельскій домъ, на которомъ была такая надпись:

Сей домъ отдается въ наймы съ лебелю.

Вальдемаръ вошелъ въ этотъ домъ, осмотрѣвъ все; нашелъ его хорошо отдѣланнымъ, удобно расположеннымъ и убраннымъ съ нѣкоторою роскошью; потомъ обошелъ садъ, довольно большой, окруженный стѣнами, перерѣзанный множествомъ дорожекъ, наполненный крытыми бесѣдами, навиллонами—однимъ словомъ всѣмъ, что можно только найти въ увеселительномъ саду.

Онъ нанялъ этотъ домъ, отдалъ деньги впередъ за годъ, уговорясь съ садовникомъ, в потомъ посѣдывалъ къ Эрнестинѣ.

— Намъ идетъ уединеніе, сказала она. Поѣдемъ туда на лѣто. Когда же начнетъ дурная погода, и ты соскучишься тамъ, мы возвратимся въ Парижъ.

— Я никогда не соскучусь съ тобою, отвѣчала г-жа Дюранси.

На другой день, любовники переехали въ нанятый домъ, находившійся вблизи Мерлава. При нихъ были двѣ женщины: горничная и кухарка. Садовникъ, сверхъ своихъ занятій по саду, исполнялъ обязанности дворника. Эрнестина нашла, что домъ былъ очень милъ, и садъ прекрасенъ, а окрестности живописны. Вальдемаръ былъ въ восхищеніи отъ своей подруги и отъ мысли, что для него она рѣшилась удалиться въ деревню; онъ говорилъ самъ себѣ:

— Наконецъ-то, я нашелъ ту, которая любитъ меня, думаетъ обо мнѣ, и живетъ для меня.

Въ первые двѣ недѣли, по прїѣздѣ въ деревню, оба любовника не выходили ни на шагъ изъ своихъ владѣній. Садъ вполне удовлетворялъ ихъ прогулкамъ; онъ былъ обширенъ, наполненъ крытыми дорожками, гдѣ свободно можно было говорить обо всемъ, слушая прѣвіе птичекъ.

Если случалось, что кто-нибудь приходилъ съ желаніемъ видѣть новыхъ владѣльцевъ дома, садовникъ получалъ приказаніе говорить, что господъ нѣтъ дома, или что они никого не принимаютъ.

Черезъ двѣ недѣли, Вальдемаръ и его подруга позволили себѣ прогуляться въ окрестностяхъ, избѣгая, впрочемъ, по возможности, всякихъ встрѣчъ. Для этого они ходили всегда по уединен-

паннмиъ, проселочными дорогами; тамъ, они, можетъ еще прогуливаться, какъ влюбленные, то есть, обнявшись; а не ходитъ важно подъ руку, какъ жители сентъ-жерменскаго предместья.

На такихъ-то прогулкахъ встрѣтилъ ихъ Галло, и вотъ почему онъ говорилъ, что слышалъ какъ *серкосяди* эти голубки въ поэтѣ. Изъ этого вы можете видѣть, что поселяне нисколько не уступаютъ въ словесномъ жителю города.

Прошли еще двѣ недѣли; Вальдемаръ и Эрнестина прогуливались уже въ сосѣднихъ деревняхъ, по многолюднымъ дорогамъ, и при встрѣчѣхъ съ людьми, не притались даже солы.

Еще черезъ двѣ недѣли, Вальдемару необходимо было побывать нѣсколько разъ въ Парижѣ, для разныхъ закупокъ или по другимъ дѣламъ; а можетъ быть и для того, чтобы узнать, не измѣнился ли Парижъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, въ которые онъ не видѣлъ его.

Наконецъ, еще черезъ двѣ недѣли, Вальдемаръ, возвратясь изъ Парижа, куда ѣздилъ за полученіемъ денегъ, сказавъ весело Эрнестинѣ:

— Другъ мой, завтра къ намъ будутъ гости.... Я встрѣтилъ въ Парижѣ одного изъ моихъ добрыхъ пріятелей, Альфреда Манжелд... славный мальчикъ... ты съ нимъ встрѣчалась въ обществѣ.... Я пригласилъ его пріѣхать къ намъ, онъ привезетъ, можетъ быть, съ собою Дюгранвала и Маронка., славные ребята, нецеремонные; я очень привлаанъ къ нимъ.

Облако налетѣло на лицо госпожи Дюранси; она съ удивленіемъ посмотрѣла на Вальдемара, и сказала:

— Я думала, мой другъ, что мы переѣхали сюда для того только, чтобъ удалиться отъ свѣта, чтобъ жить другъ для друга, и этимъ избавится отъ скуки общества?

— Конечно, отвѣчалъ Вальдемаръ, взявъ руку Эрнестины и лаская ее, но мы не до того же одиноки, чтобъ считать друзей своихъ чужими. Къ тому же: мнѣ хотѣлось бы, чтобъ женщины мои друзья видѣли, какъ я счастливъ съ тобою. Тѣ, которые оуждали мой отъѣздъ, мой новый образъ жизни, сознаются въ своей ошибкѣ.

— Я не думала, что тебя такъ занимало мнѣніе свѣта?

— Я на него не обращаю вниманія, — но зачѣмъ скрывать свое счастье отъ другихъ.

— Я не вижу большой надобности. Одинъ философъ сказалъ: «Если хочешь сберечь счастье, скрывай его.»

— Проще мнѣ если тебѣ не нравится, дружишка, чтобы мои приказы пріѣзжала къ намъ, а сейчасъ же пошлю Альфреду сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ! все что тебѣ прилично, прилично и мнѣ, а намъ ты непремѣнно хочешь видѣть ихъ здѣсь, то я вришу всѣхъ какъ друзей твоихъ, — по ести, такъ внимательно, какъ только слухано.

Вальдемаръ подѣловалъ руку Эриестины.

Теперь вамъ извѣстны лица, къ которымъ идутъ три пріятеля, встрѣтившіеся намъ въ Меранѣ.

VI.

Три друга въ гостяхъ у четвертаго.

Передъ тѣмъ, какъ позвонить у воротъ красиваго дома, въ которомъ жилъ Вальдемаръ, Альфредъ почувствовалъ, что кто-то взялъ его за руку; это былъ Дюгранваль.

— Посоди, Альфредъ, скажи онъ: прежде чѣмъ идти сюда, нужно поговорить объ одномъ обстоятельстве; которое мы со всѣмъ забыли; а мнѣ кажется, что намъ не худо подумать о немъ.

— Что такое? спросилъ въ одно время два молодые человѣка.

— Какъ вы будемъ называть ту, которая жаветь съ Вальдемаромъ? Это мнѣ кажется затруднительно. Мы очень хорошо знаемъ, что это не жена его, — особенно вы; вы съ ней знакомы и знаете, что это госпожа Дирраин... а мнѣ кажется, что вы сказали г. Мутонару, что въ этомъ домѣ живутъ мужъ и жена. Напрасно вы это слышали; если онъ узнаетъ позже...

— Ахъ, любезный Густавъ, какъ ты несосѣмъ съ своими разсужденіями! Мнѣ кажется, что мы, говоря съ г-жою Дирраинъ, можемъ просто называть ее сумариней; это названіе общее и неоскорбительное. Что скажешь, ты, Маренго? ты, вѣдь не такъ глухъ, какъ многіе позволяютъ себѣ думать.

— Я буду говорить: сумариня, отвѣчалъ Маренго.

— Господа, господа, не говорите съ такою легкостію о важныхъ предметахъ, сказалъ Дюгранваль, нахируивъ брови.

Не обращая вниманія на своего товарища, Альфредъ и Маренго схватились за колокольчикъ. Сторожъ отперъ калитку и прежде чѣмъ путники успѣли пройти шаговъ двѣнадцать по саду, они увидѣли Вальдемара, который бѣжалъ къ нимъ навстрѣчу и кричалъ издали:

— Лѣтяя! Чтѣ вы такъ поздно! я давно уже васъ жду.

— Да онъ очень веселъ, пробормоталъ Маренго, поглядывая на приближавшагося къ нимъ Вальдемара.

— На немъ очень красивый сертучекъ, сказалъ Дюгранваль.

— Развѣ ты думалъ, что онъ жаветъ адѣсь, какъ воякъ, и ходитъ безъ платья? отвѣчалъ Альфредъ, протягивая руку Вальдемару. Я привелъ къ тебѣ двухъ молодцовъ, сказалъ смѣясь Альфредъ, которыхъ очень удивляетъ то, что они видятъ тебя не въ платьѣ Робинсона, тѣмъ болѣе, что деревню Мерланъ они приняли за пустынный островъ.

— Да, сказалъ Маренго: за пустынный островъ, населенный дикими.

— Господа, сказалъ улыбувшійся Вальдемаръ: я постараюсь доказать вамъ, что вы не у дикихъ; но прежде всего надо предложить вамъ завтракъ.

— Bravo! вскричалъ Маренго: я голоденъ, какъ собака.

— Онъ въ состояніи сказать также, что его мучитъ жажда, сказалъ Густавъ: онъ заставилъ насъ войти въ таверну и проглотилъ тамъ цѣлый литръ вина.

— Хорошо, что зашли туда, потому-что мы встрѣтили тамъ крестьянина, который проводилъ насъ къ этому дому, сказалъ Альфредъ. А этотъ домъ мнѣ очень нравится, прибавилъ онъ.

— Да, сказалъ Дюгранваль, идя по саду и смотря во всѣ стороны съ любопытствомъ, желая увидѣть г-жу Дюранси. Да, этотъ садъ очень хорошъ: много тѣни, прекрасные цвѣты и онъ, кажется, довольно великъ.

— Все это мы осмотримъ послѣ завтрака, сказалъ Маренго.

— Вальдемаръ пригласилъ своихъ друзей въ домъ. Они прошли по довольно широкому корридору, въ который выходили четыре двери. Онъ отперъ одну и ввелъ ихъ въ прекрасный залъ, въ которомъ вдоль стѣнъ стояли широкіе диваны.

— Господа, сказалъ Вальдемаръ: я прикажу подать завтракъ. А въ ожиданіи располагайтесь на покой, вспомните, что вы въ деревнѣ. Вотъ въ этомъ кабинетѣ, галлѣво, вы найдете блузы, куртки, пальто, всѣхъ размѣровъ, шляпы и фуражки раз-

нѣхъ формъ. Берите, выбирайте; повторю; будьте какъ дома, Вальдемаръ ушелъ. Маренго отворилъ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ белой блузѣ, и въ соломенной шляпѣ съ огромными полями. Онъ посмотрѣлъ на своихъ говаршней и сказалъ:

— Каковъ?

— Какъ ты счастливъ, сказалъ Альфредъ: къ тебѣ все идетъ.

— То есть, я никогда не могу быть хуже; это очень пріятно.

— Альфредъ надѣлъ, что-то въ родѣ охотничьей куртки изъ тку и фуражку съ большимъ козырькомъ, которая придавала ему довольно комическій видъ. Прекрасный Дюгранваль чрезвычайно долго выбиралъ себѣ парадъ. Онъ примерялъ нѣсколько блузъ и пальто, но въ однихъ ему казалось, что онъ слишкомъ толстъ, въ другихъ—что душно сложены; наконецъ онъ рѣшился надѣть нанковую куртку, которую непременно хотѣлъ застегнуть для того, чтобъ казаться стройнѣе; потомъ надѣлъ на голову большую сѣрую поарковую шляпу, съ поднятыми напередъ полями, въ родѣ шляпы Людовика тринадцатаго.

— Чортъ возьми, вскричалъ Альфредъ, взглянувъ на Дюгранваля, завязовавшаго галстукъ: мнѣ кажется, смотря на твой парадъ, что ты имѣешь какія—то намѣренія.

— Одѣться, какъ мнѣ хочется, потому что намъ это позволено,—вотъ и все.

Маренго взглянулъ на красавца съ черными бакенбардами и пробормоталъ:

— Незвѣстно, какую роль, ты хочешь играть *Любена* или герцога *Шароле*; жаль, что не надѣлъ брызжей, тогда бы парадъ былъ совершенно полонъ.

Дюгранваль сдѣлалъ легкую гримасу и сказалъ:

— А все же, господа, не видно ея.

— Кого?

— Ну, да эту даму, даму Вальдемара.

— А тебѣ очень хочется видѣть ее?

— Да, признаюсь, мнѣ любопытно видѣть женщину, которая посѣщала общество и не побоялась промѣнить его на такое непріятное положеніе; мнѣ кажется, что мы не увидимъ ее: она же покажется, пока мы будемъ здѣсь.

— А я увѣренъ въ противномъ; а ты Маренго?

— Я хочу завтракать, и найти гдѣ-нибудь ленту, чтобъ прикрепить къ шеѣ мою соломенную шляпу. Вотъ ужъ третій

рива: слезаетъ съ головы; а безъ прищипки, трудно бывать са-
мѣй.

Вальдемаръ возвратился въ своия дружки и пригласилъ ихъ
къ столону; закрытыя ставни ушѣрили жерь въ этой комнатѣ.
Сѣли за столъ. Дюгранваль тотчасъ замѣтилъ, что поставлены
только четыре прибора.

— Видишь ли, что она не придетъ; сказалъ онъ на ухо Ма-
ренго.

— Это не пошлываетъ мнѣ завтракать.

Вальдемаръ угощалъ своихъ гостей вкусными завтраками
в холоднымъ виномъ.

— Ну, кто оказалъ Альбрехъ, обращаясь къ Маренго: ты бо-
лѣси, что завтракъ будетъ слишкомъ сельской... Онъ обра-
жалъ, что у тебя, Вальдемаръ, кромѣ яицъ и молока ничего
не найдешь.

— Не вѣрью, отвѣчалъ Маренго, набивая себѣ ротъ вкус-
ной рыбой; да я и не приотглавъ.

— Да, у себя дома, можетъ быть; а у другихъ едва ли. Вообще
замѣтилъ, что всегда бываетъ такъ: люди, которые дома от-
казываютъ себѣ во всемъ, не хотятъ, чтобъ другіе имъ отка-
зывали.

— Альбрехъ, ты хочешь меня обижать!

— Нисколько. Это мое мнѣніе, которое относится ко многимъ
весьма любезнымъ въ обществѣ людямъ: ты видишь ли, что я не
объ тебѣ говорю.

— Все равно, сказалъ Маренго: когда я проходилъ по деревнѣ
Мерлану, я думалъ, что нахожусь въ пустыхъ мѣстахъ, въ
окрестности Бордо. Теперь я вижу, что здѣсь можно жить съ
удовольствіемъ.

— Къ тому же вы живете здѣсь не одни, сказалъ Дюгранваль,
обращаясь къ Вальдемару и ударя на каждомъ словѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальдемаръ: одна маленькая женщина за-
хотѣла раздѣлить мое удивленіе и поселиться здѣсь со мною.

— Это прекрасная черта, оказалъ Альбрехъ: особенно въ та-
кой женщинѣ, которая была окружена поклонниками. Ты не
сдумѣешь такъ любить, чтобъ быть достойнымъ такой рѣдкой
жертвы.

— Да это прекрасная черта, бормоталъ Маренго, принимаясь
за дичь. Я никогда не найду женщины, которая съшла бы дичь

конечно. Я впрочем уверюсь, и потому никогда не предложу имъ этого.

— И вы же случаете здесь? спросилъ Дюгранваль.

— Конечно шить; отвѣчалъ Вальдемаръ, которому вопросъ этого господина показался не совсемъ скромнымъ.

— А увидимъ ли мы вашу... эту даму? продолжалъ прекрасный брешеть.

— Извините; она окончиваетъ свой туалетъ; вѣроятно завтрака, она пьетъ чай и потому не вышла къ намъ; но нестойка, кажется, она пьетъ.

Дверь отворилась и въ столовую вошла г-жа Дюранса. На ней было бланое висеинов платее, въ родѣ неньуара, сплутое по талии лентой; на головѣ ничего не было надѣто: когда волосы хороши, то они служатъ лучшимъ украшеніемъ. Волосы Эрнестины свисали длинными локонами по обѣимъ сторонамъ лица и открывали высшее выраженное чело.

Ничто такъ не краситъ хорошему женщину, какъ одежда, выбранная со вкусомъ. Эрнестина, одаренная плотъ природы прекрасною шарминостію, казалась еще очаровательнѣе въ этомъ скромномъ нарядѣ. Гости встали и поклонились ей; она отвѣтила имъ пріятною улыбкой, въ которой онакоже сохранила все свое достоинство. Господня Дюранса чувствовала, что въ сея поклоненіи, она должна внушать къ себѣ почтеніе. Скромный видъ Эрнестины высказывалъ все это. Прекрасный Дюгранваль чувствовалъ себя очень неловко съ минуты ея прихода. Онъ ожидалъ совершить другог; онъ воображалъ, что передъ госпожою Дюранса, можно быть безъ церемоній; теперь онъ не зналъ, какъ и вести себя.

— Мы очень не вѣжливы, что нарушили ваше уединеніе, сказалъ Альфредъ Эрнестинѣ. Неправда ли?

— Нисколько, господа, ваше присутствіе пріятно Вальдемару, а слѣдовательно и мнѣ, потому-что я привыкла раздѣлять его удовольствія.

Съ этимъ словомъ, Эрнестина съ нѣжностію взглянула на своего друга. Дюгранваль тихо пробормоталъ Маренго:

— Она просто сказала Вальдемаръ... неосторожно.

Маренго пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Что же ты хочешь, чтобъ она сказала его сіиальство?

Послѣ завтрака пошла въ садъ. Эрнестина послѣдовала за ними. Дюгранваль притворился предложить цукку Эрнестинѣ;

но прежде чѣмъ она успѣла подойти къ ней, она взяла подъ руку Вальдемара.

Альфредъ шелъ подлѣ любовниковъ и разсказывалъ анекдоты про парижскихъ знакомыхъ. Вальдемаръ слушалъ его съ участіемъ; Эрнестина взглядывалась въ выраженіе глазъ своего друга.

Маренго курялъ сигару и бѣгалъ за своею соломенной шляпой, которая безпрестанно слетала съ его головы.

Дюгранваль, оставшись сади, чтобъ застегнуть куртку, любовался стройностію стана г-жи Дюранси, потомъ, ускоривъ шаги, подошелъ къ ней и началъ повторять самыя обыкновенныя фразы, переищавшья комплиментами, которыя всѣ умныя женщины слушаютъ безъ вниманія, глупыя слушаютъ не понимая, а кокетки — понимаютъ не слушая.

— Надѣюсь, что вы не уѣдете отсюда сегодня? сказалъ Вальдемаръ своимъ пріятелямъ. У насъ есть особая комната и постели. Вечеромъ поиграемъ въ бульотъ, любимую нашу игру въ прошедшую зиму, если только вы не заразились снѣпкомъ, который называютъ вистомъ и которымъ мы обязаны Англичанамъ. *Timeo Danaos et dona ferentes!*

— Я готовъ на все, что угодно, и оставусь съ удовольствіемъ, если буду увѣренъ, что не обезпочимъ васъ, сударыня.

— Вы уже знаете, что я сказала сейчасъ, отвѣчала Эрнестина; теперь я отвѣчу тоже: я больше ничего не могу сказать.

— Я принимаю это приглашеніе, сказалъ Маренго, въ такомъ случаѣ, если мнѣ позволить курить въ моей комнатѣ.

— Сколько вамъ угодно, сказала Эрнестина, улыбувшись, потому-что съ Маренго снова слетѣла шляпа!

Въ продолженіе этого разговора, прекрасный Дюгранваль приготовилъ рѣчь и сказалъ съ чувствомъ:

— Сударыня... конечно такое приглашеніе вдвойнѣ пріятно, когда слышишь его изъ вашихъ устъ.

Эрнестина слегка наклонила голову, Альфредъ лукаво прикусилъ губы, а Маренго сказалъ:

— Я хотѣлъ бы знать смыслъ этихъ словъ: значать ли они то, что онъ останется.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, отвѣчалъ Вальдемаръ.

— И такъ, господа, рѣшено, подхватилъ Альфредъ: мы проведемъ здѣсь ночь, позавтракаемъ утромъ, а потомъ отправимъ

ся объѣхать къ почтенному Мутонару, котораго встрѣтили сей-часъ.

— Какъ вы знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ? спросилъ Вальдемаръ.

— Да, а мы я сами не подозревали этого. Это одинъ прекрасный человекъ, котораго мы посѣщали иногда въ Парижѣ. Жена его пожелала, чтобъ онъ купилъ дачу—онъ повиновался ей; онъ можетъ служить образцомъ для мужей. Его жена хочетъ собирать у себя многочисленное общество, и потому онъ приглашаетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и сверхъ того сосѣдей; онъ былъ бы въ восхищеніи видѣть васъ, сударыня, и тебя, любезный Вальдемаръ; онъ имѣетъ даже намѣреніе пригласить васъ.

Эрнестина съ безпокойствомъ взглянула на своего друга.

— А что тамъ весело? спросилъ Вальдемаръ: домъ этотъ приятенъ?

— Мы не знаемъ этого дома, но я ручаюсь, что тамъ весело. Представьте себѣ честнаго гражданина, который непременно хочетъ развести у себя въ саду дыни и табакъ; у котораго сороколѣтняя жена, чрезвычайно романтическая, довольно миленькая племянница замужемъ за архитекторомъ, котораго зовутъ Корветъенъ; прибавьте къ этому состояніе и ралушіе.

— И карусель, сказалъ Маренго: къ которой васъ допускаютъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ вы вертѣли другихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, этотъ домъ долженъ быть очень забавенъ. И этотъ господинъ нашъ сосѣдъ?

Эрнестина продолжала смотрѣть на Вальдемара и, казалось, страшилась отгадать его мысли; наконецъ она проговорила:

— Мнѣ кажется, что отсюда далеко до Росни?

— Кажется, нѣтъ, сказалъ Альфредъ: потому-что г. Мутонаръ несъ въ рукахъ колпаки для дынь, которые купилъ гдѣ-то здѣсь.

— И хорошо сдѣлалъ бы, если бы прикрылъ себя этими колпаками, сказалъ Маренго; подъ ними онъ былъ бы лучше.

Лицо Эрнестины сдѣлалось мрачно, не смотря на всѣ усилія, какія она употребляла, чтобъ казаться веселою. Весь садъ былъ обойденъ.

— Нѣтъ ли здѣсь билліарда? спросилъ Маренго.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальдемаръ: я и не подумалъ объ немъ, занимая эту дачу.

— Да къ чему билліардъ, проговорилъ Дюгранваль: если кромѣ тебя никто не играетъ?

— Этотъ Маренго просто неспособенъ съ своими пресіблами, сказалъ Альбердъ, замѣтивъ грусть Эрнестины.

— Ахъ, сударыня, если вы здѣли бы образъ жизни этого человека онъ всѣ удовольствія хочетъ находить у другихъ; если бы вы знали... Впрочемъ если вы позволите мнѣ, я угощу васъ этой исторіей въ то время, когда будутъ подавать десертъ, тѣмъ боже, что любезный Маренго никогда не останется въ это время за столомъ: онъ отправляется курить.

— Можно говорить и при мнѣ, для меня это совершенно все равно, сказалъ Маренго: все же вы не побѣждаете мнѣ сказать, что дача безъ бильярда то же что десертъ безъ сыру.

— У насъ есть сертеціано, любезный Маренго, сказалъ Вальдемаръ: мы занимаемся музыкой.

— По этому, надѣюсь, что мы будемъ имѣть удовольствіе послушать васъ сударыня, сказалъ Дюгранваль.

Эрнестина утвердительно кивнула головой и пошла въ комнату.

Пріятель усѣлся въ бесѣды и началъ курить.

— Она очень мила, сказалъ Дюгранваль.

— И, кажется, она тебя любитъ, любезный Вальдемаръ, сказалъ Альбердъ. Право ты очень счастливъ, я завидую тебѣ. Намъ скучаются удовольствіями дачи, подлѣ той, которая доказала искреннюю любовь свою,—это, мнѣ кажется, самая пріятная жизнь.

— Да... это очень пріятно, отвѣчалъ Вальдемаръ.

— А все надо было бы имѣть бильярдъ, говорилъ Маренго, ложась и вытягиваясь на дѣрнѣ и слѣдя за дымомъ, который выпускалъ изъ рта.

— Вотъ уже два мѣсяца, какъ вы живете здѣсь? спросилъ Дюгранваль.

— Да, почти.

— И вы думаете остаться здѣсь долго?

— Какъ захочетъ Эрнестина.

— Но такъ какъ почти все, что нравится тебѣ, нравится и ей, сказалъ Альбердъ: поэтому ты останешься здѣсь сколько тебѣ угодно.

Вальдемаръ не сказалъ ни слова.

— А вы не скучаете здѣсь, вдвоемъ? сказалъ Маренго; поднявъ и скрестивъ на воздухъ ноги.

— Маренго, если ты не уймешься, мы вытолкаемъ тебя отсюда, сказалъ Альфредъ.

— Не мѣшай ему, пусть говоритъ, сказалъ Вальдемаръ; онъ имѣетъ полное право спрашивать меня объ этомъ.

— А вы имѣете полное право не отвѣчать мнѣ, сказалъ, зѣвая Маренго.

— Когда любишь серьезно, тогда не знаешь скуки съ обыкновеннымъ предметомъ, сказалъ Альфредъ: но Маренго этого не понимаетъ, потому что никогда не зналъ любви; да онъ и привыкъ лѣннвъ для этого.

— Такъ ли? развѣ ты думаешь, что не надо быть лѣннвымъ, чтобы любить.

— Конечно нѣтъ, потому что любовь требуетъ свиданій, иногда разныхъ путешествій, часто бесполезныхъ; влюбленный человѣкъ не долженъ считать своихъ шаговъ, своихъ трудовъ; когда надѣется увидѣть хотя на минуту ту, которую любитъ, лѣннвѣй же побѣдится успокоить себя, будетъ бѣгаться на вѣнчикъ пренатсгей. Лѣнность, вообще, очень походитъ на эгоизмъ, а эгоизмъ былъ всегда далекъ отъ любви. А такъ какъ мы знаемъ, что Маренго необыкновенно лѣннвъ, то можемъ думать, что онъ никогда не былъ влюбленъ. Пусть опровергается, если смѣетъ!

Маренго постукивалъ ногами и шутилъ говоря:

— Это утомить меня!

— Господа, сказалъ Вальдемаръ, какое бы удовольствіе вамъ предложить? Не хотите ли прогуляться по окрестностямъ.

— Прогуляться! благодарю! Я отказываюсь, сказалъ Маренго.

— Слишкомъ жарко, замѣтилъ Дюгранваль.

— Ну, такъ сыграемте партію въ бульотъ.

— Мнѣ кажется, что мы успѣемъ поиграть послѣ обѣда, сказалъ Альфредъ: и къ тому же это была бы неучтивость передъ Эрнестинной.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, объ Эрнестинѣ; она желаетъ, чтобы вы веселились, вотъ и все.

— Я былъ бы въ восхищеніи послушать... ее... она музыканша и вѣроятно поеть?

— Да, удивительный голосъ! вскричалъ Альфредъ: я слышалъ ее нынѣшнюю зиму.

— Я тоже пою не много; продолжалъ Дюгранваль; займемтесь музыкой.

— Какъ вамъ угодно, господа; а вы, Маренго, пойдете?

— Сейчас; ступайте; я приду, отвѣчалъ Маренго, продолжая искать на скамьѣ болѣе удобнаго положенія. Я уопью... Ступайте всѣ слушать Дюгранвалля; подражая Лаблашу, онъ думаетъ, что у него баритонъ потому только, что постъ въ носъ... Если только для этого пригласили меня въ Мерланъ, то я желалъ бы возвратиться въ Парижъ.

Маренго, докуривъ сигару, снова растянулся на скамьѣ и скоро заснулъ.

Вальдемаръ съ двумя своими пріятелями нашли Эрнестину въ одной хорошенькой комнатѣ, гдѣ поставленъ былъ фортепiano и станокъ, потому-что любовники имѣли различные таланты.

— Они хотятъ тебя послушать, милая Эрнестина, сказала Вальдемаръ: а вотъ Густавъ Дюгранвалль можетъ сѣсть съ тобой дуэтъ.

— То есть я попробую, сказалъ прекрасный брונетъ, выставивъ ногу: если вы позволите, сударыня.

Госпожа Дюранси, не заставляя себя просить, сѣла за фортепiano, Пробѣжала пальцами по клавишамъ, побѣждая всѣ трудности гаммы.

Дюгранвалль былъ удивленъ, Альфредъ слушалъ съ удовольствіемъ, а Вальдемаръ думалъ совсѣмъ о другомъ: онъ такъ часто слышалъ Эрнестину.

У госпожи Дюранси пріятный голосъ; она пѣла искусно и съ чувствомъ, не съ тѣмъ обдуманнмъ чувствомъ, съ какимъ поютъ учителя пѣнія, желая выразить каждое слово, и у которыхъ оттого дѣлаются спазмы и страшно вращаются глаза. Этого не было въ Эрнестинѣ; а потому ее любилъ слушать и не смѣялся надъ ней.

Совсѣмъ не то было въ Густавѣ Дюгранваллѣ; онъ обращалъ особенное вниманіе на свое пѣніе. Умѣлъ портить довольно хорошій голосъ и сопровождалъ свое пѣніе такими выразительными жестами, что подвергалъ опасности всѣхъ стоявшихъ подлѣ него.

Чтобъ заставить молчать этого господина, который принимался за седьмой романсъ, Альфредъ принужденъ былъ взять скрипку, всѣвшую въ углу, и сталъ пилить смычкомъ.

Эта музыка заключила концертъ. Дюгранвалль всталъ и бросилъ яростный взглядъ на блондина. Всѣ возвратились въ садъ, гдѣ Маренго, лежа на дерновой скамьѣ, сопѣлъ, какъ раздумывалый мѣхъ.

— Странно, сказалъ Дюгранваль: этотъ Маренго никогда не умѣетъ вести себя въ обществѣ.

И прекрасный брюнетъ хотѣлъ итти разбудить спавшаго. Эрестина остановила его и попросила не будить Маренго.

— Пока онъ спитъ, сказалъ Альфредъ: я расскажу вамъ кое-что объ этомъ странномъ человѣкѣ; это оригинально и стоить послушать.

Всѣ сѣли подальше отъ Маренго, который ужасно храпѣлъ; и Альфредъ началъ свой рассказъ.

VII.

Изобрѣтательность Маренго.

— Я начинаю мой рассказъ съ увѣренія, что все то, что можетъ показаться вамъ невѣроятнымъ,—не выдумка, а истина.

«Прежде всего я скажу, что Маренго принадлежитъ къ хорошей фамилиі, получивъ прекрасное воспитаніе, очень образованъ, уменъ, и, если бы не былъ лѣнивъ до невѣроятія, пошелъ бы далеко... но онъ этого не искалъ.

«Онъ знаетъ музыку, и никогда не играетъ. Хорошо рисуетъ, и у него не выпросишь самого простаго рисунка. Но такъ какъ доходы его довольно ограничены, то, по временамъ, онъ занимается оборотами на биржѣ. Онъ очень остороженъ, рискуетъ рѣдко и довольствуется малымъ. Если онъ получить сто эку, то возвращается домой, какъ Ахиллесъ въ свой шатеръ, и потомъ не выходитъ недѣли двѣ.

«Что онъ дѣлаетъ дома, въ это время? Онъ предается своему любимому занятію, своей единственной страсти, или какъ онъ говоритъ: величайшему блаженству въ жизни... онъ спитъ; посмотрите, какъ онъ оправдываетъ мои слова, не смотря даже на то, что онъ въ гостяхъ.

«Маренго нанялъ комнату въ огромномъ домѣ; въ этомъ домѣ живетъ кондитеръ; этотъ кондитеръ производитъ большую торговлю, а потому держитъ у себя толпу работниковъ; эти работники имѣютъ весьма мало времени для отдыха, и то вечеромъ около осьмаго или девятаго часа, когда всѣ заказы изгото-

дней. Тогда работники имѣютъ право употребить досужное время, какъ имъ угодно. Но какъ всѣ работники—мужчины, и преимущественно молодые, то все свободное время они обыкновенно посвящаютъ любви, потому что любовь есть удовольствіе всѣхъ классовъ, и есть люди, которые платятъ за нее очень дорого; но есть и такіе, которымъ она ничего не стоитъ. Конечно, работники соглашаются имѣть ее только за эту послѣднюю цѣну.

«Работники кондитера обращаютъ свои взоры и вѣщавыя служанокъ, живущихъ въ томъ домѣ, гдѣ они работаютъ. Но какъ домъ великъ, то и служанокъ въ немъ много, такъ что онѣ могутъ удовлетворить всѣмъ вкусамъ; но работники не прихотливы: люди, проводящіе цѣлые дни у очага, должны имѣть горячую кровь; а потому они ищутъ для своей любви только сердца и берутъ первое попавшееся имъ.

«Все это я говорю для того, чтобъ показать вамъ, что въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Маренго, царствуетъ удивительное согласіе между служанками и кондитерскими работниками. Вы спросите меня, почему все это можетъ относиться къ тому человѣку, біографію котораго я рассказываю? а вотъ увидите.

«Маренго дурекъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, не надо смѣрять на него два раза, и притомъ, онъ первый увѣрять насъ въ этомъ; надо отдать ему справедливость: онъ не только не хвалитъ себя, но даже, я часто слышала, онъ говорилъ: «Какимъ образомъ моя матушка могла произвести на свѣтъ такого уродливаго сына? Вѣрно, во время беременности, она часто посѣщала *Jardin des Plantes*! и вѣрно часто останавливалась смотрѣть на зѣрей, особливо обезьянъ! Надо было бы запретить входъ въ этотъ садъ всѣмъ беременнымъ женщинамъ, потому что это опасно для будущихъ поколѣній.»

«Но какъ бы человѣкъ не былъ дурекъ, все же это не мѣшаетъ ему чувствовать біеніе своего сердца, подлѣ хорошенькой женщины, которая ему нравится. Маренго, въ которомъ столько же экономіи, сколько и лѣни, не волочится за дамами или гризетками, потому что какъ съ тѣми, такъ и съ другими сопряжены издержки. Маренго также жаждетъ даровой любви; но при бѣдныхъ дарахъ природы, побѣды не достаются легко; вотъ почему нашъ другъ, не имѣющій въ себѣ гордости, довольствуется обращать вниманіе на нянюшекъ того дома, гдѣ живетъ.

«Въ ночь онъ замѣтилъ много хорошихъ экономій. Служанка никакого этажа была маленькая блондинка, съ голубыми, фициальными глазами, имѣвшая небрежную, но заманчивую походку. Маренго почти всегда встрѣчалъ ее у воротъ. Онъ улыбаясь ей, здоровался съ нею и спрашивалъ, нѣтъ ли къ нему письма. Блондиночка смѣялась на его слова. Наконецъ любовь свою онъ простеръ до того, что подарилъ ей досточку шкосску въ три су, и просилъ свиданія. Ему отвѣчала, что хотѣть слушать только тѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ добрыя намѣренія по дѣлу дамбронія. Маренго была преступница, то онъ не смѣлъ болѣе доверять съ блондиночкой, и шкосску пропалъ даромъ.

«Въ верхнемъ этажѣ онъ замѣтилъ дорогую дѣву, съ толстыми щеками и съ большими прелестями. Однажды вечеромъ, онъ возвращался домой, держа въ одной рукѣ сигару, а въ другой химическую спичку; на лестницѣ онъ встрѣтилъ дорогую красавицу и захотѣлъ зажечь спичку на ее щекѣ, думая, что крѣпость ее щекъ равняется ихъ толстотѣ; толстая дѣвушка на согласилась на эту любезность, слѣдствіе которой могло ее воспламенить.

«Маренго, не получивъ позволенія потерять фосфорную спичку, предложилъ ей кусокъ ячменнаго сахару въ два су; сахаръ былъ принятъ безъ всякаго сопротивленія.

«Тогда онъ рѣшился просить свиданія, но толстая кухарка отвѣчала ему, что сердца свое она бережетъ для двоюроднаго своего брата; такимъ образомъ напрасно была сдѣлана и эта попытка.

«Въ первомъ этажѣ онъ приволокнулся за горничной, довольно хорошо сложенной и предложилъ ей войти къ нему въ комнату, откуда видѣтъ весь Парижъ и даже вершины Монмартра. Горничная сказала ему, что она не ищетъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя ходятъ въ комнату мужчинъ. Наконецъ, во второмъ этажѣ Маренго рѣшился въ послѣдній разъ полюбезничать съ одной служанкой высокой и худой, которую называли *журдию*, но и тамъ ему не удалось и вдобавокъ еще назвали его школьникомъ.

«Короче, отвергнутый всѣми этими дѣвицами, которыя показывали себя передъ нимъ непорочными, несчастный Маренго возвращался домой, вечеромъ часу въ децятomъ или десятomъ, видѣлъ во всѣхъ углахъ кондитерскихъ работниковъ и служа-

ночь. Часто, когда онъ проходилъ по двору, работникъ высккивалъ изъ окна нижняго этажа, а другой вѣзвалъ въ окно. Горничная перваго этажа, которая не ходила въ комнаты мужчинъ, часто ходила въ погребъ съ работникомъ, даже *осердѣ* слушала на лѣстницѣ вздохи повара. Всѣ эти случаи поражали какъ книжломъ бѣднаго Маренго, который не могъ восторгиваться надъ самой простой горничной, а между тѣмъ видѣлъ побѣдителями во всѣхъ этажахъ кондитерскихъ работниковъ.

«Но вы мнѣ скажете, почему Маренго не перѣѣдетъ? Почему не оставить домъ, наполненный работницами, которые отбиваютъ у него горничныхъ и кухарокъ.

«Во-первыхъ, перѣѣздъ стѣбитъ денегъ и портитъ мебель; во-вторыхъ Маренго очень привязанъ къ своей комнатѣ, для которой онъ сдѣлалъ издержки. Кстати описать теперь эту комнату, которая составляетъ всю его квартиру.

«Маренго нанялъ комнату въ седьмомъ этажѣ, почти квадратную и довольно большую. Онъ сказалъ себѣ: «Изъ этой комнаты я устрою себѣ квартиру.» Вы подумаете, что для этого онъ заказалъ перегородки? Нисколько: онъ нашелъ гораздо простѣйшее средство. Онъ раздѣлилъ комнату на четыре равныя части. Одну часть онъ оклеилъ желтыми обоями,—это его зало. Къ этимъ желтымъ обоямъ онъ приставилъ диванъ, два стула и маленькой угрюмой столъ; тутъ же виситъ нѣсколько картинъ; на окно, которое находится въ этомъ отдѣленіи, онъ повѣсилъ большую парчевую занавѣсь и маленькія кисейныя шторы. Вторую часть комнаты онъ оклеилъ обоями съ большими цвѣтами; въ этой части стѣны поставилъ кровать, канторку, ночной столикъ и вольтеровское кресло; вы можете догадаться, что эта часть комнаты—его спальня. Подлѣ находится столовая; эта часть оклеена обоями подъ мраморъ. Мебель состоитъ изъ буфета, стола и двухъ плетеныхъ стульевъ. Окно, которое находится въ этой части комнаты украшено одною только бѣлою занавѣскою. Наконецъ четвертая и послѣдняя часть, назначенная для кухни, не оклеена ни чѣмъ; вмѣсто обоей, къ стѣнамъ прикрѣплены нѣсколько полокъ, на которыхъ находится столовая посуда, старые сапоги, щетки и старые башмаки; вмѣсто мебели, рукомыльникъ, сапожныя колодки и печь. Вотъ точное описаніе комнаты, или правильнѣе сказать, квартиры нашего друга Маренго.

«Если къ нему приходитъ не ближе знакомый съ нимъ человѣкъ, онъ ведетъ его къ желтымъ обоямъ и сажаетъ на диванъ—онъ въ залѣ; если же это другъ его, то онъ остается съ нимъ у обоевъ подъ мраморъ; наконецъ, какъ самъ онъ очень лѣнивъ и проводитъ три четверти времени въ постели, то вы легко угадаете, что онъ почти всегда у обоевъ съ букетами, то есть въ своей спальнѣ.

«Водовозъ, дворникъ и комиссіонеръ не должны выходить изъ части не оклееной: этихъ людей онъ принимаетъ въ кухнѣ.

«Лѣнь Маренго такъ велика, что онъ провелъ снурокъ отъ замка двери къ своей кровати; когда стучатся къ нему, ему не надо вставать, чтобъ отпирать двери: онъ тѣнетъ только снурокъ.

«Согласитесь, что трудно оставить квартиру, для которой сдѣлано столько издержекъ. Маренго не хотѣлъ переѣзжать и выѣсть съ тѣмъ долженъ былъ досадовать вслой разъ, когда возвращался домой и встрѣчалъ на дорогѣ работниковъ и служанокъ; притомъ же входить и спускаться съ седьмого этажа для каждаго утомительно, а для Эвиталя—это истинное наказаніе.

«Маренго, у котораго, какъ вы видите, довольно живое воображеніе, придумывалъ способъ избавиться отъ этихъ восхожденій и нисхожденій, но такъ, чтобъ не лишиться себя пищи и всего необходимаго даже для холостаго человѣка. Скоро онъ нашелъ средство.

«Онъ сказалъ молочницѣ, которая торгуетъ на улицѣ: «Смотри на мое окно каждый разъ, какъ будешь приходить сюда; когда мнѣ захочется молока, я выставлю бѣлый флагъ; и ты иди ко мнѣ.» Виноторговцу, живущему почти противъ него, онъ сказалъ: «Потрудитесь поглядывать каждый день на мое окно; когда мнѣ понадобится вино, я выставлю красный флагъ.» Торговкѣ съ углями онъ сказалъ: «Посматривай на мое окно каждое утро; если мнѣ понадобится уголья, то я выставлю черный флагъ.»

«Дворнику онъ сказалъ: «Каждый день смотри на мое окно, прежде чѣмъ понесешь мнѣ хлѣбъ; если въ окнѣ будетъ желтый флагъ, ты носи мнѣ пирогъ; если зеленой—котлеты; если голубой—яица.»

«Благодаря этому изобрѣтенію, Маренго, сдѣлавъ выгодные обороты на биржѣ, двѣ недѣли не выходилъ изъ комнаты. Фла-

ги развѣивались каждое утро, и все шло по прихоти лѣвтяя. Когда виноторговецъ замѣчалъ изъ своего погреба красный флагъ, онъ говорилъ:

— А! г-ну Маренго нужно сегодня вина... надо послать ему восемь бутылокъ.

«Когда торговка съ углями видѣла черный флагъ, то говорила своей дочери:

— Неси скорѣй куль углей г-ну Маренго.

«Томе было и съ другими-флагами. Дворникъ приучалъ себя выходить каждое утро на улицу и оттуда осматривать окно шильца седьмого этажа; но такъ какъ разстояние это было велико, а зрѣніе дворника дурное, то часто голубой флагъ онъ принималъ за зеленой и несъ котлеты, когда Маренго выкидывалъ флагъ явцъ; но все же нашъ лѣвтяй былъ въ восхищеніи отъ своей выдумки: онъ получалъ все, не имѣя надобности спускаться съ лѣвтяицы и не подходить даже къ двери, которую отвергалъ, потягивая шнурокъ.

«Но говорить, что нѣтъ совершеннаго счастья; блаженное бездѣйствіе Маренго должно было кончиться, какъ все пріятное, съ которыми мы думаемъ прожить цѣлую жизнь, а котораго лишаемся въ то время, когда болѣе всего рассчитываемъ на него.

«На другой сторонѣ улицы, почти противъ дома, въ которомъ жилъ нашъ изобрѣтатель, поселились старыя женщины; онѣ занимали комнаты въ чердакѣ, и потому находились на одной высотѣ съ Маренго.

«Однажды утромъ одна изъ этихъ старыя женщины, выгнѣшная за окно кѣтку съ щегленкомъ, замѣтила бѣлый флагъ, развѣвавшійся у окна противоположнаго дома. Добрую эту женщину всегда приводили въ ужасъ пожары; когда на улицѣ кричали, она воображала, что это тревога, и спѣшила скрыться въ безопасное мѣсто; увидѣвъ бѣлый флагъ, она воображала, что въ продолженіе ночи вспыхнулъ пожаръ; не снимая съ себя ночнаго чепца, бѣдная старушка побѣжала звонить къ сосѣдкѣ, которая была еще въ постели; бросившись въ кресло, она сказала:

— Ахъ! сударыня... неужели опять несчастіе? Удѣлялъ ли сахарный заводъ, что въ сосѣдствѣ? быось объ закладъ, что сахаръ вздорожаетъ, а у меня его немного!... какое несчастіе! а третьяго дня я могла купить голову за семнадцать су... пре-

краснаго, бѣлаго, какъ мы съ вами... Господи! что будетъ съ нами?

«Сосѣдка, не понимавшая ничего изъ этого разговора, но предполагавшая, что и ей нужно испугаться сказала, съ ужасомъ:

— Что такое случилось? Боже мой! что случилось ночью въ Парижѣ! не вспыхнулъ ли газъ? впрочемъ это не удивило бы меня; я всегда говорила: «Газъ свѣтелъ, но когда-нибудь подшутить, взорветъ Парижъ не лучше, не хуже, какъ землетрясеніе лиссабонское... то ли дѣло масло; пачкало правда, за то не взрывало.»

— Выставили флагъ.

— Вы видѣли этотъ флагъ въ нашей улицѣ.

— Какъ же! въ этомъ домѣ, что противъ насъ... въ самомъ верху; потрудитесь встать, выгляньте въ окно, увидите, что я васъ не обманываю. У меня руки и ноги отнялись... пошевелиться не могу.

«Сосѣдка, быстро вскочивъ съ постели, подошла къ окну; но Маренго, которому было доставлено молоко, перемѣнилъ флагъ и выставилъ красный, чтобъ извѣстить виноторговца, что вино было выпито.

Въ это время въ комнату вошло третье лицо, которое перемѣнило сцену. Это былъ маленькаго роста человекъ, лѣтъ семидесяти, худой и желтой, какъ пергаментъ, съ длиннымъ носомъ, съ сѣрыми волосами, зачесанными на лобъ, и голосъ котораго походилъ на голосъ чревоушателя; этотъ сосѣдъ, на которомъ надѣты были фланелевые панталоны и шлафрокъ нараспашку, подошелъ къ женщинамъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто принялъ двѣнадцать лекарствъ сряду; онъ дрожалъ и съ трудомъ могъ выговорить:

— Сударыни... я пришелъ извѣстить васъ.... вы знаете, я говорилъ нѣсколько дней тому назадъ, что воздухъ тяжелъ, въ улицахъ дурной запахъ, а вчера моя собака ничего не ѣла.. я долженъ былъ догадываться, что есть что-то не хорошее.. это должно быть хуже холеры, потому-что со времени этой болѣзни его не выставляли.. Боже мой! какое несчастіе!.. нѣтъ ли у васъ пенного камфоры!... связывайте ваши узлы!

«Обѣ женщины съ ужасомъ смотрѣли на старика.

— Въ Парижѣ зараза. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что выставленъ черныи флагъ; а его выставляютъ только въ крайнемъ случаѣ.

— Черный флаг! сказали женщины, взглянув одна на другую. Может ли быть г. Жонисонъ?... что вы говорите!

— Я говорю правду, и къ несчастію, горькую правду: это должна быть или зараза или желтая горячка, которую привезли къ намъ по желѣзной дорогѣ. Понимаете ли вы, если зараза откроется за четыреста лѣтъ отсюда, это тоже, если бы она была въ Фонтенбло или въ Пуасся.... Миѣ кажется, что я чувствую уже припадки... какъ жаль, что у васъ нѣтъ камфоры.

— Но гдѣ вы видѣли г. Жонисонъ, черный флагъ? на Сен-Луи или на Вальде-грасъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, сударыни... если бы онъ былъ только на госпиталѣ, то можно было бы сказать, что зараза только тамъ, и тогда можно было не приближаться къ тѣмъ мѣстамъ; но черный флагъ выставленъ въ городѣ, въ нашей улицѣ, противъ насъ... Посмотрите, сударыни, въ окно—вы увидите его.

«Такъ какъ вообще болѣзнь заразы сильнѣе всякой другой, то та женщина, которая лежала, снова вскочила съ постели; сосѣдка ея почувствовала довольно силы въ ногахъ, чтобы приподняться со стула и подойти къ окну, изъ котораго онѣ дѣйствительно увидѣли черный флагъ, вмѣсто бѣлаго и краснаго; это случилось потому, что въ этотъ день Маренго надо было возобновить всю провизію.

— Непостижимо! сказала та изъ женщинъ, которая увидѣла первая флагъ: у этого же окна я утромъ видѣла бѣлый флагъ.

— А я сейчасъ видѣла красный! вскричала другая. Что это значить, г. Жонисонъ?

«Въ то время, какъ старуха оканчивала эту фразу, не сводя глазъ съ окна, Маренго, получивъ уголь, пожелалъ заказать личицу, и для этого мгновенно выкинулъ голубой флагъ.

«Г. Жонисонъ разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза, старухи закричали отъ удивленія, переглянулись и стали указывать на новый флагъ, обращая на него вниманіе старика, который стоялъ неподвижно, какъ передъ дагеротипомъ; наконецъ онѣ вскричали:

— Что это значить?

— Понимаете ли вы въ этомъ что-нибудь, г. Жонисонъ?

— Голубой флагъ!... что означаетъ этотъ цвѣтъ?

— Ужъ не флагъ ли Абдель-Кадера?... Не пришелъ ли этотъ безстыдникъ въ Парижъ вербовать сорокалѣтнихъ женщинъ?

— Увѣряютъ, что онъ предпочитаетъ ихъ молоденькимъ дѣвушкамъ.

— Эти Арабы смышленіе, нежели какъ думаютъ объ нихъ.

— Я не знаю, что означаетъ голубой, сказалъ старикъ: но все же это лучше заразы; но такъ какъ сейчасъ тутъ былъ черный флагъ, а этими вещами шутить не надо, то я отправлюсь къ комиссару, узнаю и спрошу долженъ ли я выѣзжать изъ этого квартала.

— И я пойду, чтобъ узнать нѣтъ ли въ сосѣдствѣ пожара.

— Такъ ужъ и я пойду; только надѣну платье.

«Спустя нѣсколько времени къ полицейскому комиссару пришли г. Жонисонъ и двѣ женщины; они хотѣли справиться въ огнѣ ли Парижъ, и нужно ли запастись хлоромъ и камфорой.

«Комиссаръ догадался, что это была шутка, началъ разувѣрять ихъ и потомъ отправился къ тому господину, у котораго былъ выставленъ еще голубой флагъ.

«Мареинго, по привычкѣ, лежалъ; онъ принялъ комиссара въ постелѣ; комиссаръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на оригинальную оклейку комнаты виновника всѣхъ безпокойствъ, и наконецъ, объявивъ свое званіе, сказалъ:

— Милостивый государь, за чѣмъ у васъ на окнѣ голубой флагъ?

— Г. комиссаръ, это для того, чтобы дворникъ зналъ, что я хочу ѣсть яйца; это условный знакъ; когда я хочу пирога, я выставляю желтый флагъ; для котлетъ вывѣшиваю зеленый.

— Но утромъ у васъ былъ черный?

— Да,... это чтобъ извѣстить торговку, что мнѣ нужно уголья.

— У васъ былъ красный?

— Этимъ я давалъ знать виноторговцу, что мои бутылки пусты.

— Вы выставляли бѣлый?

— Это для молочницы. Согласитесь, г. комиссаръ, когда нѣтъ слуги и охоты спускаться съ седьмого этажа, то очень удобно выставлять флаги и получать, что вздумается.

«Комиссаръ не могъ удержаться отъ смѣха, слушая Мареинго; но онъ запретилъ выставлять черный, красный и бѣлый флаги, которые распространяли тревогу въ кварталъ, а дозволилъ ему употреблять другіе цвѣта.

«Стѣсненный въ свободѣ, Маренго совершенно уничтожилъ флаги; и съ тѣхъ поръ начинаетъ выходить. Не знаю, придумаесть ли онъ новую систему телеграфовъ. Теперь вы знаете, сударыня, всю оригинальность человѣка, который у васъ передъ глазами.»

Едва Альфредъ успѣлъ кончить свой рассказъ, какъ Маренго проснулся.

VIII.

Розовая дама.

Маренго сталъ извиняться въ томъ, что спалъ; потомъ замѣтивъ, съ какими улыбками, всѣ на него смотрѣли, онъ догадался, что говорили про него, улыбнулся самъ и сказалъ Эрнестинѣ:

— Что же, сударыня, занала ли вы исторію моей домашней жизни?

— Очень отвѣчала госпожа Диранси; и если мнѣ случится быть въ затруднительномъ положеніи, я непременно обращусь къ вамъ.

— Прекрасно одѣваете: я человѣкъ изобрѣтательный.

Колокольчикъ, возвѣстившій объѣдъ, прервалъ этотъ разговоръ. Всѣ пошли къ столу, къ величайшему удовольствію Маренго, который говорилъ, что въ деревнѣ самое лучшее—ѣсть.

Вальдемаръ хотѣлъ доказать своимъ пріятелямъ, что и въ уединенной дачѣ можно обѣдать точно также, какъ и въ Наррижѣ, особливо когда находишься въ двухъ льѣ отъ столицы.

Разнообразныя вина скоро развеселили собесѣдниковъ. Альфредъ предался совершенно веселому расположенію своего духа, Вальдемаръ поддерживалъ его; Эрнестина также была весела, вида радость, на лицѣ своего друга; Дюгранваль, оставшись въ своемъ нарядѣ, часто посматривалъ на Эрнестину и тяжело вздыхалъ; впрочемъ это приписывали узкому покрою куртки, которая была на немъ.

Маренго ѣлъ за четверыхъ; подъ конецъ объѣда, онъ всталъ изъ-за стола на-веселѣ, и объявилъ, что идетъ курить и не возвратится.

Прежде чѣмъ начать игру, согласились посвятить остатокъ дня прогулкѣ по окрестностямъ.

Всѣ собрались въ путь. На этотъ разъ, Дюгранваль успѣлъ во-время предложить руку Эрнестинѣ; она ему не отказала, но съ грустью взглянула на Вальдемара, который отвѣтилъ ей улыбкой и пошелъ рядомъ съ Альфредомъ. Маренго и трубиа составляли арьергардъ.

Дюгранваль, желая понравиться госпожѣ Дюранси, хвалилъ сельскую жизнь, путался въ длинныхъ разсужденіяхъ о счастьи, которое могутъ вкушать въ удивленіи два любящія сердца.

Маренго былъ не такъ пьянъ, чтобъ не слышать разговоровъ, и потому вскричалъ, засмѣявшись:

— Замѣчае ли вы, что при закатѣ солнца, Дюгранваль становится сантиментальнымъ.

Прекрасный брюнетъ оборотился и бросилъ суровый взглядъ на курильщика.

Приблизясь къ Мерлану, все общество увидѣло толпу поселанъ, стоявшихъ въ кружкѣ, посреди котораго дрались и бранились два крестьянина; далѣе стоялъ оселъ съ поднятою головой, полузакрытыми глазами, и, казалось, ожидалъ рѣшенія поединка, чтобъ узнать кому онъ достанется.

Эрнестина не хотѣла подходить близко къ ссорившимся поселанамъ; но Альфредъ, узнавъ въ одномъ изъ нихъ своего проводника, Гильо, а въ другомъ пріятеля его Лебуте, приблизился къ нимъ, чтобъ узнать причину ссоры. Гильо, увидѣвъ молодого человѣка, выпустилъ изъ рукъ своего противника, приподнялся съ земли и закричалъ: «Вотъ мои свидѣтели.... А! теперь не отвертись.... Господа, вы были тамъ, когда я запродамъ моего осла Лебуте, тамъ въ Сухой Пробіи.... Какъ вы думаете!... онъ отказывается отъ моей клячи.... мнѣ все равно.... но нусть заплатитъ.... вотъ мои свидѣтели.... отдавай восемьдесятъ франковъ и мѣру вина.... Эти господа свидѣтели, что ты сказалъ: Стопъ!... не правда ли?

Всѣ поселане, а особливо несчастный Лебуте, смотрѣли на Парижанъ, и съ любопытствомъ ожидали, что они скажутъ. Альфредъ началъ первый:

— Да, сказалъ онъ: мы были съ вами, когда ты непременно хотѣлъ продать осла своему пріятелю, который, впрочемъ, не въ состояніи былъ понимать тебя; но мы не спали, и потому хорошо слышали все.

— Ну что?... не правда ли?... Слышишь ли, что говорят господда?

— Постой, Гильо. Вотъ какъ ты сводилъ счеты: ты продалъ своего осла за шестьдесятъ франковъ, но ты былъ долженъ своему пріятелю двадцать, и вмѣсто того, чтобы отнять эти деньги отъ шестидесяти франковъ, ты, напротивъ, приложилъ ихъ; также ты сводилъ счеты и по вину. Не такъ считаютъ. Вотъ я сведу тебѣ счетъ: шестьдесятъ франковъ за осла; если отнять отсюда двадцать франковъ, которые ты долженъ, останется сорокъ; теперь ты получаешь, въ уплату, мѣру вина въ тридцать пять франковъ, такъ всего тебѣ приходится получить съ Лебуте пять франковъ. Понимаете ли?... Отдай, любезный, пять франковъ Гильо, и веди осла.

Гильо повѣсилъ носъ, почесалъ ухо и, кажется, былъ очень недоволенъ показаніями свидѣтелей; поселяне посмѣивались надъ Гильо, а Лебуте кричалъ:

— Вотъ это, другое дѣло.... теперь такъ.... Если мнѣ слѣдуетъ заплатить только пять франковъ и отдать мѣру вина, я беру осла.... беру съ охотой, потому-что ты мнѣ давно долженъ двадцать франковъ.... а никогда не отдашь и су; если такъ— кончено....

— Не худо ты сторговалъ, Лебуте, сказалъ одинъ поселянинъ: нынѣшній годъ, вино дурно, — а твое и чертовски кисло.... я не далъ бы тебѣ и двадцати пяти франковъ.... но что сдѣлано, такъ сдѣлано.

— Вотъ пять франковъ, а я поведу осла... а за виномъ приходи, когда хочешь,... слышишь, Гильо? Да только отдай боченокъ, когда опозднишь его....

Гильо стоялъ въ нерѣшимости; наконецъ, не смѣя противорѣчить, взялъ пять франковъ, которые отдавалъ ему Лебуте. Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ подбѣжала къ нему, запыхавшись, женщина: это была Клавдія, одна изъ прачекъ; она громко кричала:

— Нашъ оселъ! нашъ оселъ!... гдѣ нашъ оселъ?

— Зачѣмъ тебѣ? отвѣчалъ поселянинъ.

— Онъ не твой, сказалъ Лебуте: а мой, я купилъ его.... сейчасъ отдалъ пять франковъ моему мужу.

— Пять франковъ! вскричала Клавдія; что ты, шальной! ты продалъ нашего осла, за пять франковъ!

— И за мѣру вина.

— Да отдашь двадцать франковъ долгу.

— А я продамъ его за сто франковъ розовой дамѣ, за чистыя денежки!...

Лишь только Клавдія замолчала, Гильо бросился къ своему ослу, вскочилъ на него, ударилъ ногами и закричалъ:

— Не согласенъ!.. я не понялъ его... онъ хочетъ, чтобъ я возвратилъ ему боченокъ, а я думалъ, что боченокъ останется у меня, вы свидѣтели.

— Держите его! оселъ мой, сказалъ Лебуте, стараясь нагнать продавца. Ты плутъ, Гильо; если не отдашь осла, я поташу тебя къ г. меру.

Но Гильо не слушалъ и изъ всѣхъ силъ колотилъ осла ногами; Клавдія бѣжала сзади и помогала своему мужу погопать бѣдную скотину.

Общество Вальдемара остановилось, чтобы посмотрѣть эту сцену, которая занимала ихъ, и вѣсть съ тѣмъ доказывала, что въ деревняхъ, какъ и въ городахъ трудно найти честныхъ людей.

Альфредъ спросилъ:

— Кто же эта дама, которая такъ дорого платитъ за ослонъ?

— Это, розовая дама, отвѣчалъ таинственно одинъ поселянинъ.

— А что это за розовая дама?

— Вотъ-на!... да развѣ вы не знаете ея?..

— Вѣрно не знаю, если спрашиваю.

— О, это премиленькая дама; она живетъ тамъ.... близъ Нуазан... на маленькой дачѣ... чудо какъ хороша.

— Кто хороша? дама или дача?

— Дама... но и домъ хорошъ... вездѣ ставеньки подѣланы... а на шляпѣ у ней покрывало, такое большое.

— Мы говоримъ про даму, такъ...

— Славно сдѣлано... ни гдѣ ни скважинки.

— А! такъ ты вѣрно говоришь про дачу.

— Она часто гуляетъ съ лакеемъ, который издалека идетъ за нею... мнѣ кажется, что это знатная госпожа.

Когда пріатели Вальдемара узнали, что дѣло идетъ о хорошенькой женщинѣ, они приняли живое участіе въ разговорѣ и закидали крестьянина вопросами; даже и Маренго пробормоталъ:

— Что если бы мнѣ удалось въ деревнѣ одержать побѣду... почему знать... здѣсь нѣтъ кандитеровъ...

— Почему вы называете эту женщину розовой дамой? спросил Дюгранваль.

— Потому, что всякой разъ какъ мы ее встрѣчаемъ... съ тѣмъ поръ, какъ она живетъ здѣсь, на ней всегда надѣто розовое платье.

— А давно она здѣсь живетъ?

— Почти двѣ недѣли.

— И вы всё знаете ее... развѣ она часто прогуливается?

— Какъ же... и всегда помогаетъ бѣднымъ... а кто дѣлаетъ добро, того знаютъ.

— Она за-мужемъ?

— Ужъ этого никто не знаетъ.

— Но она одна живетъ на дачѣ?

— Одна! у ней есть горничная и лакей... неизвѣстно, можетъ быть есть и еще кто — нибудь, а извѣстно только, что она всегда прогуливается одна, на съ кѣмъ подлѣ ручку не ходитъ.

— Вы бы спросили у лакея, за-мужемъ ли она; вѣдь вы, въ деревнѣ, любознательнѣе насъ.

— Оно такъ, да лакей этой госпожи сказалъ, что намъ нѣтъ дѣла до этого.

— О, о! тайна! это становится интересно.

— А что, молодой эта дама?

— Ей не болѣе двадцати двухъ или двадцати четырехъ лѣтъ

— Хорошенькая?

— Объ этомъ спросите нашихъ женъ: онѣ всё безъ ума отъ нея... а ужъ если женщины кого похвалятъ, такъ вѣрно хороша.

Госпожа Дюранси, выведенная изъ терпѣнія этими подробностями, сказала наконецъ:

— Боже мой, какъ беспокоитъ васъ, господа, что какая-то дама носитъ розовое платье и живетъ здѣсь въ окрестности; право, смотря на васъ, можно подумать, что вы прибыли съ необитаемаго острова, потому-что хорошенькая женщина кажется вамъ чудомъ, какъ будто вы никогда не встрѣчали ихъ въ Парижѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ мы встрѣтили эту розовую даму: мнѣ кажется, встрѣча съ нею разрушила бы то очарованіе, въ какое вы ее облачаете.

Шушлявый тонъ Эрнестины заставилъ однакожъ молодыхъ людей понять, что они слишкомъ долго были заняты розовой дамой. Все общество пошло дальше; но временамъ Маренго, который шелъ позади, равсуждалъ вслухъ:

— Я зналъ Бьянку Делу въ комической оперѣ, часто видѣлъ Фришетоу и блондинокъ; но розовой дамы не встрѣчалъ, пріятно было бы посмотреть на нее.

Послѣ долгой прогулки, стали возвращаться домой; вдругъ при одномъ поворотѣ улицы наше общество встрѣтило другое, состоявшее изъ четырехъ человекъ и большой собаки.

Это былъ г. Мутонарь съ женою и племянница его съ мужемъ.

Лакированный картузь г. Мутонара отражалъ, какъ и въ первый разъ, солнечныя лучи. На возгласъ трехъ пріятелей, производитель дынь отвѣчалъ тѣмъ же.

— А? это господинъ и госпожа Мутонарь!

— Вотъ это тѣ молодые люди, съ которыми я говорилъ утромъ; такая счастливая встрѣча!.. Элоиза, вотъ г. Альбередъ, о которомъ ты такъ часто говорила, когда не была еще за-мужемъ... а этотъ господинъ съ дамою, вѣроятно, наши сосѣди.

Съ этимъ словомъ г. Мутонарь снялъ картузь и поклонился Вальдемару и Эрнестинъ; высокая, сухая и желтая госпожа Мутонарь не ловко присѣла; племянница, подойдя на нѣсколько шаговъ, присѣла также и улыбнулась молодымъ людямъ, которыхъ узнала. Они отвѣчали поклонами. Глядя на эти взаимныя приседанія и поклоны, Маренго проговорилъ:

— Если бы кто посмотрѣлъ на это издали, то вѣрно подумалъ бы, что танцуютъ менуэтъ.

— Вы вѣрно прогуливаетесь, какъ и мы, началъ г. Мутонарь; послѣ обѣда это полезно, помогаетъ пищеваренію, и къ тому же Элоиза такъ любитъ бѣгать... Вотъ Корентьень, ее мужъ; рекомендую вамъ, господа,—извѣстный архитекторъ; когда вы вздумаете строить домъ, онъ можетъ служить вамъ.

— Не мѣшало бы, сказалъ Маренго.

Господинъ Корентьень былъ молодой человекъ, маленькаго роста, плотный, лицо котораго было бы невыразительно, если бы иногда не принимало мечтательнаго выраженія, но это-то самое придавало ему глупѣйшій видъ; онъ снова поклонился и сказалъ:

— Лучше создавать, чѣмъ разрушать.

— Вотъ, кажется, глубокомысленный человекъ, шепнулъ Маренго, посмотрѣвъ на Альберета: онъ вѣрно также занимается дынями.

Госпожа Мутонарь, не проговорившая до сихъ поръ ни слова сказала, прикусивъ губы и обратясь къ Эрнестинъ:

— Какъ я рада этой встрѣчѣ; мы давно желали познакомиться съ вами, пригласить васъ и супруга вашего, пріѣзжать иногда къ намъ на дачу... Не смѣю назвать ее *см.лой*: она не стоитъ этого названія.

— Можно сказать, тетенька, *коттежъ*, замѣтила племянница: это по-англійски.

— Да, сказалъ Дюгранваль, усиливаясь втянуть животъ: это даже въ тонѣ теперь.

— Такъ *коттежъ*, если вамъ угодно; мы были бы въ восхищеніи видѣть у себя васъ и супруга вашего.

Эрнестина, слушая это приглашеніе, чувствовала себя не ловко. Наконецъ отвѣтила съ милою непринужденностію:

— Мы переѣхали на дачу для того, чтобъ удалиться отъ свѣта и пожить немного въ уединеніи; впрочемъ постараемся воспользоваться вашимъ приглашеніемъ.

— Да вы, кажется, не живете совершенно отшельниками, замѣтила Мутонарь: если принимаете у себя этихъ шалуновъ...

Сказавъ это, Мутонарь опомнился, поклонился Маренго и проговорилъ:

— Извиняйте меня, сударь, это я сказалъ не про васъ.

— Можете говорить и про меня: я не обижусь; я вамъ не простилъ бы только одного, еслибъ вы заставили меня вертѣть карусель.

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ жену архитектора, которая нѣсколько уже минутъ глядѣла на Маренго такъ, какъ смотрятъ на оранг-утанга.

— Будьте спокойны, сказала госпожа Мутонарь: если вы сдѣлаете удовольствіе и пріѣдете къ намъ, обѣщаю, что не заставляю васъ вертѣть карусель; мы просимъ только тѣхъ, которые желаютъ этого.

— Для такой игры, вы не много найдете охотниковъ.

— Впрочемъ, Филемонъ, къ чему мы задерживаемъ нашихъ добрыхъ сосѣдей, которые, какъ я надѣюсь, сдѣлаютъ исключеніе въ нашу пользу, и пріѣдутъ посмотреть нашу.... Какъ тыгъ сказала, Элонза?

— Коттежъ, тетенька.

— Благодарю васъ, сударыня, отвѣчалъ Вальдемаръ: мы воспользуемся этимъ, съ большимъ удовольствіемъ.

— Bravo! закричалъ г. Мутонарь..

Потомъ, обратясь къ Эрнестинѣ, онъ сказалъ:

— Сударыня, вашъ суругъ обѣщалъ.... мы надѣмся, что и вы согласны... Господа, если вы свободны, мы ждемъ васъ завтра.... Эдипъ!... Эдипъ!... гдѣ онъ?

Большая собака, любившая рыть землю, тащила что-то изъ земли; потомъ подбѣжала къ своему хозяину, держа въ зубахъ огромную свеклу.

— Нашелъ что-то, сказалъ Маренго.

— Это повторяется, сударь, каждый день, отвѣчалъ Мутонарь: я не могу выйти съ ними безъ того, чтобы онъ не вырвалъ какихъ-нибудь дѣтвовъ или овощей.

— Это драгоценная собака.

— Да, но худо то, что онъ дѣлаетъ то же и дома.

Оба общества взаимно поклонились, и всѣ пошли по домамъ.

По возвращеніи къ Вальдемару, молодые люди усѣлись за игорной столъ, и вскорѣ ихъ такъ занялъ бульотъ, что имъ казалось, что часы проходили какъ минуты: они не замѣтили даже, какъ ушла Эрнестина.

Госпожа Дюрансъ въ продолженіе двухъ часовъ сидѣла у игорнаго стола, смотрѣла на Вальдемара: ей хотѣлось услышать отъ него хоть одно слово.... но игроки обращали вниманія только на карты. Не желая ждать дольше, Эрнестина ушла въ свою комнату; утомленная, разстроенная, она бросилась въ кресло и предалась размышленіямъ.

Въ первый разъ, она была одна, съ тѣхъ поръ какъ перешла на дачу, и хотя она не упрекала своего друга, но все же подумала:

— Два мѣсяца тому назадъ, онъ не оставилъ бы меня для того, чтобы играть въ карты... ему было пріятно, ему было весело со мной; онъ не приглашалъ гостей.... я замѣнала ему всѣхъ. Конечно это не могло продолжаться долго. Я, безумная, думала, что эта жизнь не наскучитъ ему, потому что сама не скучала.... но вѣдь онъ этого желалъ. Право, мужчины не умѣютъ наслаждаться счастіемъ, какъ мы. Вальдемаръ хочетъ, сказалъ онъ мнѣ, чтобы были свидѣтели его счастья.... Правда ли это?... для этого ли онъ пригласилъ ихъ сюда?... Мнѣ кажется, что теперь они должны быть свидѣтелями одной страсти его къ игрѣ... Нѣтъ! я несправедлива.... если бы Вальдемаръ любилъ меня менѣе, онъ не повѣрилъ бы нашей любви столькимъ лицамъ. Поступокъ мой извѣстенъ свѣту.... Я это знаю...

Но съ нимъ, въ удивленіи, я не красѣла на перадъ книгъ... а теперь....

Эрнестина потушила глаза, и слезы скатились съ ея рѣсницъ: тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди.

Пришло полночь. Эрнестина не ложилась: она ждала Вальдемара, хотѣла, чтобъ онъ успокоилъ ее, разсѣялъ ея грусть.

Но часы проходили, а пріятеля не кончали игры. Вальдемаръ игралъ жарче другихъ; казалось въ эту ночь, онъ хотѣлъ вознаграждать себя за все прошедшее время, проведенное безъ игры.

На разсвѣтъ уже, эти господа замѣтили, что пора идти спать.

Прогрышъ былъ незначителенъ, но Маренго бѣсился, потому-что по окончаніи партіи онъ ни выигралъ ни проигралъ.

— Стоило сидѣть, сказалъ онъ, чтобъ разстроить себя, доустали хлопать картами шесть или семь часовъ и не выиграть ничего. Лучше бы было лечь спать.

Вальдемаръ проводилъ друзей въ ихъ комнаты.

— Спокойной ночи, сказалъ Альфредъ:

Все пожелали другъ-другу спокойной ночи.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

==

Науки и Художества.

УЛОЖЕНІЕ ЗАКОНОВЪ

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Развитіе; его свобода и огражденіе, въ нихъ взаимномъ уравненіи; источникъ грѣха, порока и преступленія, тожество и отдѣленіе ихъ; послѣдствія замѣствованія права и ученій древности; соединеніе закона съ наукою и отдѣленіе ихъ отъ жизни и мѣстности.

Уголовное право въ учрежденіяхъ самоуправства — Fehde, и слѣлокъ — conpositio и Wehrgeld; законы римскіе; насилія и самовольства; учрежденіе перемирій — Friede, временныхъ и мѣстныхъ; частныя уложенія; установленіе общаго и постояннаго мира. Общее уложеніе 1532 г., ослабленіе положительнаго права, подчиненнаго ученому; обычное правосудіе.

Особенныя уложенія: въ Пруссіи, 1794, и въ Австріи, 1803 г.; ихъ содержаніе, достоинства и недостатки. Code pénal. Уложеніе баварское 1813 г. Общее движеніе уголовного законодательства съ 1819 по 1846 г. Фейербахъ.

Основанія удовлетворительности уголовныхъ законовъ, усовершенствованіе ихъ изъ науки и дѣлъ; ослабленіе точныхъ основаній уголовного права; развитіе понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ; ослабленіе наказаній ученіемъ объ улучшеніи и перевоспитаніи. **Искушеніе.**

Дополненія: 1, письменность уголовного права, Миттермейсеръ. 2, Усиленіе преступленій; требованіе и удовлетвореніе; силезское совѣщаніе о возрастающей безнравственности; естественность развитія, мѣстность и давность, сосредоточеніе и способность. 3, О наказаніяхъ, безмолвное и одиночное заключеніе, поселенія. 4, Возстановленіе и возвращеніе нравъ.

Въ постепенномъ развитіи человѣчества, въ союзъ семейства, племени и государства, постоянно проявляется борьба личнаго и общаго, свободы и огражденія. Устроая порядокъ этого развитія назначеніемъ предѣловъ и обязанностей, въ которыхъ каждый членъ общества можетъ свободно достигать цѣль развитія — нравственнаго и вещественнаго усовершенствованія, государство возлагаетъ огражденіе этого порядка на уголовное правосудіе, возбраняя *преступленіе* назначенныхъ предѣловъ подъ опасеніемъ *наказанія*.

Развитіе общества, движимое напряженіемъ, соревнованіемъ и столкновеніемъ дѣйствій, страстей и мыслей человѣческихъ, уже съ существѣ своемъ заключаетъ неизбѣжность преступленій или нарушеній установленнаго порядка, какъ по совмѣстности одновременныхъ стремленій многочисленныхъ *дѣятелей*, такъ и по слабости человѣческой природы, искушаемой нуждами, завистию, безсиліемъ и увлеченіями любостыжанія и гордости. Такимъ образомъ развитіе (жизнь) содержитъ въ себѣ сѣмена дѣланій, которыя называются по правиламъ вѣры — грѣхомъ, по нравственности — порокомъ, а по закону — преступленіемъ.

Въ первобытныхъ обществахъ понятія о грѣхѣ, порокѣ и преступленіи были тождественны; порицаніе и огражденіе ихъ, утверждалось на ученіи вѣры, неразрывномъ съ истинными нравственности и предписаніями закона. И та и другое в третью было всѣмъ общее, всѣмъ доступное и одинаково обязательное. Это тождество видно во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, какъ

восточныхъ, въ Индіи, Египтѣ, Персіи и Греціи, такъ и у Римлянъ, по понятіямъ которыхъ преступникъ признавался жертвой (*sacer esto*), и у Германцевъ, у которыхъ, по свидѣтельству Тацита, казаніе принадлежало жрецамъ, и вообще въ первые вѣки наказаніе исполнялось *quasi deo iubente*.

Это тожество, связанное съ жизнію мѣстною, отдѣльною, могло бы уцѣлѣть и при дальнѣйшемъ развитіи, если бы туземная жизнь могла быть устраниена отъ всякихъ вліяній иноземныхъ. Мѣстность и своеземность весьма много способствуютъ уравненію развитія въ огражденій, ибо требованіе возникаетъ изъ дѣйствительности и въ ней находитъ удовлетвореніе, успѣхи развитія не быстры, но тѣмъ болѣе прочны и благодатны, ибо не нарушаютъ уравненія требованій и удовлетвореній.

Въ новыхъ народахъ постепенность развитія, послѣ принятія христіанства, была нарушена вторженіемъ новой, заимствованной стихіи: обрѣтеніемъ и изученіемъ памятниковъ образованности древняго, преимущественно римскаго міра. Ученіе древнее, развившееся до совершенства, обняло вполнѣ всѣ стихіи новыхъ обществъ и отвлекло развитіе отъ своеземныхъ и простыхъ началъ германской жизни, указавъ ему путь развитія уже испытаннаго. Отдѣляясь по видимому отъ предметовъ правилъ церковныхъ, древнее ученіе дало понятія о нравственности и законности; предоставляя церкви пасти душу, оно овладѣло умомъ и волею человѣка въ наукѣ и законодательствѣ. Необозримы и въ высочайшей степени важны послѣдствія сего овладѣнія:

Оно разрознило понятія о грѣхѣ, о порокѣ и о преступленіи; оно ввело противорѣчіе дѣйствительности съ руководящею истинною; оно предоставило знаніе этой истинны, какъ науки, особому сословію и такимъ образомъ подчинило общезнатіе невѣдомымъ и чуждымъ для него предписаніямъ.

И какое впрочемъ общество не поразилось бы этимъ совершенствомъ, этою роскошью образованности, развернувшейся во всемъ цвѣтѣ юности племенъ эллинскихъ и во всей силѣ могущества, окрѣпшаго въ борьбахъ и превіяхъ государства римскаго!

Краснорѣчіе, исторія, наука мыслей и вымысловъ, всѣ отрасли знанія представляли неизчерпаемый источникъ, готовый излиться обильнымъ потокомъ, а для положительной жизни, для суда и управленія собраны и уложены законы на всякіе предметы и случаи. Заимствованіе было неотразимо и обѣщало великую

пользу. Но привычка, укоренившаяся въ теченіе десяти столѣтій, не дозволяетъ видѣть и важныя невыгоды этого заимствованія. Онъ обнаружился рано и доселѣ не прекратились.

Преемственность знаній и наслѣдованіе опытности предшествовавшихъ поколѣній суть первое и существенное условіе постепенности развитія и являются непремѣнно и вездѣ съ установленіемъ сношеній и совмѣстнаго общежитія; но передача эта дѣлается постепенно, добровольно и по частямъ, и усвоится по убѣжденію въ пользѣ или по привычкѣ: древнее ученіе обило общество рано, со всѣхъ сторонъ и принужденно. Оно заключило въ свои готовыя рамы еще неготовую жизнь, содержавшую въ себѣ нныя основанія и требованія, и указало свое направленіе народамъ, имѣвшимъ, въ средѣ человѣчества, другія значенія и можетъ быть другія назначенія.

Отдѣляя понятіе о грѣхѣ, порокахъ и преступленіи, ученіе древнее ввело противорѣчіе въ убѣжденіяхъ; подчиня послѣднее буквѣ закона, первое исключило изъ вѣдомства человѣческихъ огражденій, а понятіе о порокахъ предоставило произвольнымъ толкованіямъ правоучителей: Раздробленіе это естественно привело къ борьбѣ, къ зыбкости убѣжденій и къ потрясенію основныхъ началъ, стремившихся, при отдѣльномъ направленіи, къ преобладанію: папства, свѣтской власти и науки. Исторія показываетъ, каковы были послѣдствія этого отдѣленія, когда убѣжденія выразились въ дѣйствіяхъ.

Заимствованное ученіе, возникшее и развившееся въ другихъ племенахъ, земляхъ и обстоятельствахъ, естественно не внимало требованіямъ мѣстной жизни и по самому свойству своему должно было встрѣтить противорѣчіе въ жизни другихъ племенъ: но противорѣчіе это, по юности сихъ племенъ, не имѣло ничего равносильнаго противопоставить ученію созрѣвшему, и потому, при дальнѣйшемъ развитіи, возбужденная борьба мѣстнаго (жизни) и общаго (ученія) кончалась тѣмъ, что встрѣченное противорѣчіе разрѣшалось наукою, т. е. правилами того же древняго ученія. Обращаясь къ правовѣднію, мы находимъ здѣсь то въ дѣйствіи всякаго заимствованнаго и вообще не изъ жизни образовавшагося права замѣчаемое явленіе, которое представляютъ законы римскіе въ Германіи и во Франціи:

Несоотвѣтствіе права съ жизнью требуетъ поясненій и толкованій (*glossa*).

Толкованія вытѣсняють самый законъ.

И законъ и толкованія безпрестанно подрываются наукою, какъ источникомъ толкованій, и обычаемъ, какъ причиною несоотвѣтствія.

Въ «собраніи законоположеній Пруссіи»* мы вложили какое право, до изданія новыхъ уложеній, дѣйствовало съ Германіи,—право запутанное и произвольное.

Но лишивъ убѣжденія единства и твердости основаній, и внося противорѣчіе съ развитіемъ мѣстной жизни, древнее ученіе и науку и законъ, по искусственности и языку изложенія ихъ, отдѣлило отъ общезнѣна и какъ бы какое таинство, для толпы недоступное, вѣрило храненію лицъ особаго сословія, такъ что гражданинъ, и въ предъявленіи и въ защитѣ правъ личности и достоинства, долженъ обращаться къ посвященному въ эти таинства.

Древнее ученіе распространялось и утверждалось болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ древняя образованность раскрывалась въ тройной полнотѣ своей, и наконецъ дошло до того, что рѣшеніе римскаго или греческаго писателя признавалось рѣшеніемъ, *доказательствомъ* — *auctoritas, testimonium, ipse dixit*; а римскій законъ — *выраженіемъ* непреложнаго разума, *ratio scripta, rationis imperium*, и не только языкъ науки и закона, самый языкъ богослуженія и молитвы заимствованъ у Римлянъ.

Мы не имѣемъ въ виду оуждать это событіе, оправдываемое необходимостію обстоятельствъ, и не намѣрены излагать взаимныя отношенія туземныхъ германскихъ учрежденій, христіанства и древняго ученія; мы желаемъ только обратить вниманіе на послѣдствія всякаго права, не изъ жизни образовавшагося, и на дальнѣйшее *этимъ путемъ его усовершеніе*.

Недоступное для общества и хранимое и обрабатываемое учеными, римское или древнее ученіе изъ живаго правила, законодательства; сдѣлало правило безжизненное, работу искусственную, и соединя чрезъ принужденное посредство свое науку съ жизнью, симъ самымъ удалило жизнь отъ прямаго ея руководства — законъ, а законодательство — отъ прямаго ея источника—опытовъ жизни, и самую науку, не обновляемую жизнью, превратило въ какую-то игру словъ и именований (*formula*), уже придуманныхъ и возведенныхъ на степень положитель-

* См. С. О. 1847 г. кн. IX.

ныхъ правилъ (ratio, doctrina, opinio). Здѣсь начинается то явленіе, подобіе котораго едвали найдется въ вѣкахъ предшествовавшихъ: развитіе жизни, и притомъ мѣстной, подъ вліяніемъ уже развитыхъ началъ, и притомъ общихъ, и согласеніе этихъ началъ съ требованіями мѣстности и времени, независимо и иногда вопреки опытамъ жизни, подъ вліяніемъ преимущественно отвлеченныхъ ученій. Развитіе неестественное, въ постоянной борьбѣ, имѣвшее и имѣющее особенно вліяніе на благосостояніе общества! Тогда какъ по общему, естественному порядку, всякое развитіе, всякое возрастаніе начинается снизу — мѣстности, постепенно восходитъ и усовершеняется совокупленіемъ разнообразныхъ частныхъ въ общемъ сосредоточеніи ихъ, вверху, здѣсь, при дѣйстви римскаго права, развитіе, уже готовое, нисходитъ сверху внизъ, и встрѣчая противорѣчія, разрѣшаетъ ихъ умозрѣніемъ. Такимъ образомъ въ самомъ порядкѣ, установившемся чрезъ принятіе древняго законодательства, содержался безпорядокъ въ примѣненіи: не законъ, вырабатывался для жизни, а жизнь для закона. Предупреждая развитіе, законъ былъ или пространнѣе или короче его и во всякомъ случаѣ невѣренъ и стѣснительнъ.

Конечно и туземныя права не потеряли своей силы, но они все болѣе и болѣе уменьшались и состояніе ихъ, въ смѣшеніи съ римскимъ, представляется не менѣе запутаннымъ. Распространеніе римскаго права было рѣшительно и получило прочное основаніе съ учрежденіемъ высшихъ училищъ (въ Прагѣ, 1348, Вѣнѣ, 1365, Гейдельбергѣ, 1386, Кельнѣ, 1388, Эрфуртѣ, 1392, Лейпцигѣ, 1408 и проч.) и съ учрежденіемъ высшихъ судовъ, когда судьи и ученые исключительно стали примѣнять право римское. Но несоотвѣтствіе этого порядка было таково, что не только частныя лица, жалобы которыхъ рѣдко принимаются въ уваженіе, не только сами ученые, какъ оны Цазіусъ, Гуттенъ, Эразмъ и еще прежде самъ Бартолусъ, но даже правительства и государственныя сословія требовали улучшеній и возстановленія прежняго порядка. Но такъ называемому преобразованію Фридриха III, § 5, требовали, чтобы всѣхъ докторовъ правъ, духовныхъ и свѣтскихъ, совершенно исключить изъ всѣхъ судовъ и совѣтовъ и не допускать ни къ хожденію по дѣламъ, ни къ совѣщанію, ни къ производству дѣлъ. Изъясненіе: потому что они не добрые отцы, а отчимы права. Они принимаютъ и толкуютъ вкривъ и вкось основанія истинныя, а хит-

тотъ, изъ своекорыстія, привелъ право въ такое состояніе, что ни одинъ честный человекъ не можетъ имѣть къ нему никакого довѣрія.»

Баварскія и виртембергскія государственныя сословія (1499) жаловались, что «въ судилищахъ невыносимое зло. Судьи не выбираются, а назначаются изъ ученыхъ, которые запутываютъ правосудіе, туземныхъ законовъ не знаютъ, а если и знаютъ, не хотятъ ими руководствоваться *.»

Положеніе права дѣйствительно не могло быть удовлетворительно, и не столько потому, что все вещественное право было чуждое, сколько потому, что законъ, выраженіе его, судъ и расправа были совершенно отдѣлены отъ жизни.

Смъ послѣдствіямъ заимствованія права должно приписать постоянные, по мнѣнію германистовъ, несправимые недостатки правосудія въ Германіи, уголовная часть котораго, о преступленіяхъ и наказаніяхъ, составляетъ предметъ настоящаго обзора. Не увлекаясь выводами противоположныхъ ученій германистовъ и романистовъ, мы востараемся предстаантъ историческій ходъ уголовного права, преимущественно въ видѣ уложеній: Карла V, австрійскаго, прусскаго, французскаго и баварскаго, утверждаясь въ сужденіяхъ нашихъ сколько возможно на самыхъ источникахъ или на объясненіяхъ писателей, знавшихъ своимъ положеніемъ въ государственной службѣ и учеными твореніями.

Уголовное право въ Германіи проходило, какъ въ Римѣ и въ другихъ странахъ, различныя степени. Оно было дѣломъ частной мести, когда еще не оирѣпъ союзъ государственный. Оно было правомъ откупа, когда возникшая власть ограничила мщдоусобицы. Оно сдѣлалось орудіемъ страха, полагая цѣмъ казни въ уотрашеніи. На этой степени оно находилось донынѣ.

Но не смотря на такое видимое сходство развитія, уголовное право въ Германіи имѣло существенныя отличія.

Союзы германскихъ племенъ основаны были на взаимномъ чуждаельствѣ (Wehge) наждаго за всѣхъ и всѣхъ за одного; лич-

* In iudiciis intolerabilis error. Non etiam eliguntur iudices more antiquo, sed multi juris romani professores, paucim magistratus, nobiles atque provinciales. Cum jus municipale servandum sit, et antiquae consuetudines pro legibus habendae sint, fit, ut multa his contraria fiant, unde seceptiones, errores et turbae oriuntur. Illi enim juris professores nostrum morem ignorant, nec etiam si sciant, illis nostrae consuetudinibus quicquam tribuere valent.

ная свобода имѣла ограниченіе въ свободѣ другаго; оскорбленіе, насиліе отражалось самоуправствомъ. *Междоусобіе*, мщеніе, личная расправа—*Fehde*—какъ общій (*Fehde-Recht*) было *право*. Оно кончалось жизнью за жизнь, око за око, и переходило отъ убитаго къ его роднымъ, отъ убійцы на его семейство. Иногда оскорбленіе кончалось примиреніемъ, сдѣлкою (*compositio*), но взаимному согласію или по рѣшенію мѣстной власти. Но это рѣшеніе было необязательно, сила, кулакъ (*Faust*) оканчивали распрю, и еще долго жила фризская пословица:

Wer Fauste hat, mag schagen,
Wer geld und gut hat, mag betâlen.

Прежде откупались извѣстнымъ числомъ головъ скота, впоследствии деньгами, *solidus*, по-нѣмецки шиллингъ.

Съ установленіемъ постоянныхъ властей, для обузданія междоусобицъ (*Fehde*), всякія оскорбленія, увѣчья и убійства, по различію сословія оскорбленнаго лица, оцѣнены, и уплата (*Wehrgeld*) дѣлалась при содѣйствіи общаго ручательства. *Wehrgeld* обращалось въ пользу обиженнаго, общество, судьи или король получали съ виновнаго, какъ съ нарушителя мира, особую часть—*fredum, delatura*. Это особое взысканіе, возникшее изъ общественнаго учрежденія благоустройства, основаннаго на ручательствѣ общей защиты, (*Wehrverfassung*), а послѣ земскаго мира (*Landfriede*), было началомъ развившихся въ послѣдствіи общественныхъ взысканій или наказаній. Уголовное право сдѣлалось огражденіемъ общества. Не должно предполагать, что порядокъ денежныхъ возмездій (*Wehrgeld*) былъ неудовлетворителенъ и поощрялъ преступности. Взысканія эти были весьма высоки, такъ напр. за незапное убійство свободнаго Фравка слѣдовало заплатить цѣнность 400 воловъ, за убійство саксонскаго дворянина, — около 1500; умышленное убійство увеличивало взысканіе иногда въ девять разъ. Кто не могъ или не хотѣлъ платить взысканія, тотъ подвергался дѣйствию постоянной междоусобицы (*in Fehde laidam portet*), или отдавался головою, или оставался въ изгнаніи.

Wehrgeld очевидно способствовалъ уничтоженію или ослабленію *права* междоусобія или кончавшагося большою частію убійствомъ и насиліями самоуправства. Каждый членъ, всякая голова, разныя увѣчья, по племенамъ и сословію лицъ: раба, сво-

боднаго, вольнаго и благороднаго оцѣнены соразмѣрно. Остготскій король Теодерикъ (Edictus Theodor. с. 94) сдѣлалъ еще болѣе, постановивъ, что «свободный, въ его оскорбленіяхъ, не подлежитъ оцѣнкѣ. Винновныи подвергается казни».

Здѣсь уже очевидно вліаніе римскаго права и съ явленіемъ его порядокъ денежныхъ возмездій, соединяясь съ уголовными наказаніями, болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто послѣднимъ. Хотя саксонское зеркало—(Sachsenspiegel—1. ст. 38, 51. ст. 65)—удостоверяетъ, что деньгами можно выкупить и тѣло и душу, но выкупъ уже замѣнился другими способами возмѣщенія. Римское право ввело настоящее понятіе о наказаніи.

Уголовные римскіе законы, различные по пространствамъ времени римской жизни, дошли до насъ въ уложеніи Юстиніана и состоятъ большею частію изъ постановленій времени имперіи, въ которыхъ изустное и гласное судопроизводство республики оставило слѣды дѣловаго правовѣдѣнія собственно по связи уголовного права съ гражданскимъ,—обязательства, происходящія изъ нарушеній. *Plurimum interest utrum ex delicto aliquis an ex contractu debitor sit*—можно назвать основнымъ правиломъ.

Уголовные законы римскіе изложены: 1, въ 1, 2, 3, 4 и 18 раздѣлахъ IV книги наставленій—*Institutionum*.

Здѣсь содержатся общія изъясненія о обязательствахъ, протекающихъ изъ нарушеній (разд. 1) правъ на собственность или имущества (разд. 2), о разныхъ вознагражденіяхъ, за убійство (*lex aquilia*, разд. 3) и объ обидахъ (разд. 4); раздѣлъ XVIII объясняетъ разные виды преступленій и наказаній, различаемыхъ по порядку суда,—*de publicis judiciis*.

2, Въ 24 и 48 книгахъ *Digestorum*.

Эти, по выраженію законодателя, страшныя книги (*libri terribiles*), содержатъ развитіе наставленій 1—4 раздѣловъ въ 47, а XVIII раздѣла въ 48, вмѣстѣ съ постановвленіями о судопроизводствѣ (48, разд. XVI и слѣд.) и подробными описаніями наказаній (раз. XIX) и ихъ послѣдствій по имуществу (раздѣлы XX—XXIII).

3, въ 9 книгѣ *codicis*.

И 4 въ 12, 14, 17, 117, 134, 141 и 143 новоуказныхъ статьяхъ *novellis*.

И тѣ и другія содержатъ въ себѣ дополненія 47 и 48 книгъ, преимущественно о преступленіяхъ церковныхъ, оскорбленіяхъ нравственности и нарушеніи благочинія.

Постановленія эти обширны и дробны до излишества и хотя въ непослѣдовательномъ изложеніи своемъ несравненно менѣе удовлетворительны, нежели другія части *corpus iuris*, но въ связи съ общими ученіями о провиненіи, покушеніи, умыслѣ, неосторожности и т. п. они содержатъ въ себѣ стѣхи уточненнаго развитія права и открытое поле для толкованій.

Впрочемъ законы эти, по различію обществъ, по отсутствію наказательныхъ учреждений, не могли имѣть примѣненія въ то время, когда право принадлежало силѣ, а защита его личному отраженію и междоусобнымъ расправамъ и сдѣлкамъ. И какіе законы могли ограждать отъ нарушеній въ годы безпрерывныхъ переселеній, борьбы властей духовной и свѣтской, общей и мѣстной, городской и земской, когда неповиновеніе властямъ свѣтскимъ находило прошеніе въ властяхъ духовныхъ, когда на вызывъ къ суду смѣлый рыцарь отвѣчалъ перчаткой, вызывая на единоборство, и когда безопасность находила убѣжище, и то невѣрное, только въ крѣпостныхъ стѣнахъ и въ оградахъ обитателей. Раздѣленіе и борьба властей сопровождалась безпрестанными и открытыми нарушеніями, которыя въ пререканіяхъ враждующихъ правъ оставались безнаказанными, и этимъ поощряли съ одной стороны необузданность своеволія и съ другой хвастливое самоуправство. Поселенія были рѣдки, укрѣпленные изъ нихъ—еще рѣже. Дороги, пересѣкаемыя лѣсами, рѣками и горами, было опасно дневными нападеніями и засадами, произвольными сборами за путь и переправы и отсутствіемъ мѣстнаго надзора. Въ самихъ городахъ, по различію вѣдомствъ, весьма трудно было достигнуть суда и расправы: городской судъ не смѣлъ входить въ разсмотрѣніе жалобъ на подданнаго церковнаго, судъ духовный—на горожанина, ни тотъ ни другой неподчинялись суду владѣльческому. Право междоусобія (*Fehde*) и откупа (*Wehrgeld*) явились въ широкихъ размѣрахъ. Владѣлецъ области, предводитель, съ своею дружиною (*gefolge*) дѣлалъ наѣзды на другаго, нападалъ и требовалъ откупа отъ цѣлаго города. Неустройства эти наконецъ дошли до того, что никто не могъ быть увѣренъ въ своихъ правахъ и что независимо и внѣ круга властей признанныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ при ихъ несоотвѣтствіи, явились и образовались власти непризнанныя: защита рипарства, дѣйствовавшая по благороднымъ побужденіямъ, но тѣмъ менѣе произвольно, вмѣшательство въ дѣла свѣтскаго суда духовнаго, со-

дѣявшаго со многими преступленіями, кромѣ церковныхъ, помятіе о грѣхѣ (peccatum), и расправа тайныхъ судилищъ, расправа страшная, кровавая (Blutgericht), которая и при увѣренности въ безпристрастіи судовъ, заслужившихъ въ послѣдствіи нареканіе въ злоупотребленіяхъ, не внушала довѣрія и по самому свойству ихъ была ограничена.

Но всѣ эти мѣры могли способствовать искорененію зла частнаго, а не общаго, уничтоженію междоусобій мелкихъ, а не пространныхъ. Въ XIII и XIV столѣтіи не одни частныя лица, но и владѣтельные князья прибѣгали къ этому праву; тогда оно дѣлалось войною и ополчало одно государство противъ другаго.

Зло это, впрочемъ необходимое, какъ противодѣйствіе насилию, открыто производимому на всякомъ мѣстѣ и во всякое время, дошло до крайности и требовало хотя нѣкоторыхъ ограниченій. Ограниченія эти, сначала временныя и мѣстныя, начались развитіемъ учрежденія *перемірій* (Friede) или перерывовъ междоусобій, въ продолженіе которыхъ преслѣдованіе не имѣло мѣста. Уже и прежде ограда и предзвѣріе церкви останавливали преслѣдованіе, — служба убѣжищемъ, нарушеніе котораго считалось высшее преступленіе. Учрежденіе перемірій мало по малу ограничило право междоусобія введеніемъ разныхъ видовъ перемірій:

а) во уваженіе безопасности дома (Wahne, Hausfriede), въ стѣнахъ котораго не могло быть преслѣдованія; б) во уваженіе церкви (Kirchenfriede), в) во уваженіе суда (gerichtsfriede), короля (Koenigsfriede) и др. Самый важный изъ этихъ видовъ былъ миръ Божій — Treuga Domini Trevia Dei, по которому съ заката въ среду до утра въ понедѣльникъ — четыре дня — не можно было преслѣдованія и отщепенія; запрещалось даже носить оружіе. Кромѣ этихъ законныхъ перемірій были условныя и срочныя, на основаніи которыхъ враждующія стороны, въ теченіе известнаго времени обязывались не начинать и не производить междоусобія.

Необходимость порядка столь была ошутительна, что, для охраненія мира, сословія земства и города заключали союзы (Landfrieden buendnisse), обязываясь не нарушать, въ теченіе известнаго времени, общаго мира и общими силами ограждать его отъ нарушителей. Но это соединеніе устраняло только частныя нарушенія, на известное время, и опять превращало личное мщеніе въ народныя ополченія. Императоръ Воиславъ (2 мая

1389) уничтожилъ эти союзы и установилъ, въ подтвержденіе общихъ распоряженій своихъ предшественниковъ, особенно Фридриха II-го, *общій миръ*. Междуособіе дозволялось, въ извѣстные сроки, только тогда, во первыхъ, если было основаніе: обида, ущербъ и т. п. и во вторыхъ тогда, если оскорбленный не могъ получить удовлетворенія судомъ. Оставалось уничтожить срочность: это исполнилъ императоръ Максимилианъ I, постановивъ (7 авг. 1495 г.), что земскій миръ никогда самоуправствомъ нарушаемъ быть не можетъ (*ewiger Landfriede*), удовлетвореніе должно быть отыскиваемо въ судахъ мѣстныхъ и высшемъ судѣ имперіи, и право кулачное (*Faustrecht* и междуособій (*Fehde*) навсегда отмѣняются.

Такъ развивались учрежденія междуособія и мира, ограждавшія личную свободу и общественное спокойствіе и замѣнявшія уголовное правосудіе. Съ ними развивались и порядокъ наказаній и судопроизводства, на которыя прямое вліяніе имѣло римское право. Денежныя взысканія—*wehrgeld* и *fredum* оставались въ своей силѣ. Казнь, наказаніе смертію, назначалась только за измѣну, какъ за преступленіе нечастное (государственное), къ разряду котораго присоединялись: оскорбленіе величества, нарушеніе земскаго мира, отступничество и связь съ нечистою силою. Преступленія сіи имѣли различные виды и естественно привели къ различнымъ видамъ казней, туземныхъ, каковы: зарытіе живаго, колесованіе, четвертованіе, римскихъ; какъ, напр. сожженіе, утопленіе, повѣшеніе, обезглавленіе и др.

По свойству государственныхъ преступленій обыкновенный обвинительный порядокъ суда уступилъ мѣсто слѣдственному, римскому, усвоенному и усовершенствованному церковнымъ судомъ.

Отмѣна междуособій и самоуправления естественно требовали учрежденія судовъ и законовъ. Недостатокъ ихъ былъ вездѣ ощутителенъ, и императоръ, по представленію сословій, приступилъ къ ихъ преобразованію. Это было крайне необходимо не для одной отмѣны самоуправления. Современные суды, не менѣе междуособій, возбуждали ропотъ и жалобы, своимъ бездѣйствіемъ, медленностію или произволомъ и злоупотребленіями.

Древніе суды германскіе состояли изъ народныхъ собраній племенъ, которыя, по выслушаніи двухъ сторонъ, опредѣляли удовлетвореніе: народъ судилъ, народъ ручался и за исполненіе суда. Преступленіе, собственно уголовное, было одно: измѣна

союзу, и наказаніе тоже одно—казнь смертная; всё прочія дѣянія, и воровство и убійство, подвергали денежному взысканію. Дѣло начиналось обвиненіемъ, виновность опредѣлялась признаніемъ, а въ отсутствіе его споръ рѣшался поединкомъ, случаемъ, судомъ Божиимъ (*ordalia*).

Все это, съ упадкомъ народнаго правленія, послѣ Карла Великаго, существенно измѣнилось вліяніемъ римскаго права. Суды изъ народныхъ собраній преобразовались въ выбранные (*Schoffen*), а въ послѣдствіи въ назначаемые по усмотрѣнію владѣтельнаго князя. Надъ ними поставлены высшіе суды, находившіеся при дворѣ (*Hofgerichten*), надъ всѣми стоялъ судъ имперіи (*Reichskammergericht*).

Преступленіе государственное—пэмѣна, раздѣлилось на нѣсколько видовъ, къ которымъ, какъ мы замѣтили выше, присоединились три: вѣроотступничество, заключавшее въ себѣ богохуліе, чародѣйство и святотатство; оскорбленіе величества, столь обширно развитое въ законахъ римскихъ, и нарушеніе мира, многочисленное по разнымъ условіямъ нарушенія перемірій домашнихъ, судебныхъ, божіихъ, срочныхъ и общихъ.

Такъ какъ здѣсь не могло быть частнаго обвиненія, порядокъ суда обвинительный замѣнялся слѣдственнымъ, при которомъ сознаніе и случайный судъ (*ordalia*) были уже недостаточны и для обнаруженія истины (*media eruendae veritatis*) введена римская пытка, *tortura*, *Folter*,—орудіе, не рѣдко болѣе жестокое, нежели самая казнь. Преступникъ схваченъ, приведенъ пыткой къ сознанію и открытію соучастниковъ, и казненъ.

Общимъ видомъ казни за преступленія государственныя была смерть: можно себѣ представить какъ велико должноствовало быть число казненныхъ! Уже въ позднѣйшее время знаменитый правовѣдъ Карпцовъ похвывается своею дѣятельною службою (практикою), въ продолженіе которой онъ подписалъ 10,000 смертныхъ приговоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, частыя ссужденія, частыя казни, производившіяся, для примѣра и устрашенія съ торжественною гласностію, на площадяхъ, у переправъ, у заставъ и на большихъ дорогахъ, не могли не возбудить справедливыхъ жалобъ на уголовное правосудіе. Жалобы эти были тѣмъ основательнѣе, что при дѣйствіи междоусобія, какъ говоритъ фризская пословица:

Есть кулаки—дерись,

Есть деньги—откупишь,

сила отражалась силою, а теперь казнь совершалась судомъ, вооруженнымъ орудіями пытки и непожновеніе ему составляло новов: преступленіе,

Жаловались на недостатокъ судовъ, на безграмотность судей, на злоупотребленіе пытки, на безвѣсныя осужденія. Сословія и частныя лица представляли, что суды не понимаютъ своего дѣла, допытываются отъ обвиняемаго чего онъ самъ не знаетъ и осуждаютъ людей безъ права и великой основательной причины, подвергая ихъ казнямъ — *leux unverschuldet an recht und richtig; ursach zum tode veruhrtheilen und richten lassen*—какъ сказано въ поводахъ къ изданію общаго уголовного закона 1532 г.

Учрежденіе постоянного земскаго мира (*ewiger Landfriede*) было бы мертвымъ закономъ, если бы для огражденія его не были приняты другія прямыя мѣры, и императоры и сословія государственныя это чувствовали. Нужно было установить охраненіе благоустройства; нужно было оградить миръ отъ самовольнй владѣтельныхъ лицъ, ограничить власть судовъ переводомъ дѣлъ изъ нисшихъ въ высшіе и въ государственный; нужно было издать законы подробные и ясныя и назначитъ судей свѣдущихъ. Предметы эти были дѣлаію неоднократныхъ совѣщаній государственнаго сейма и вскорѣ по обнаруженіи вѣчнаго мира составлены: уставъ государственнаго благочинія, (*Reichspolizei*), уставъ высшаго суда (*Reichskammergericht*) и порядокъ перевода дѣлъ (*de appellando*); положено составить, по примѣру нѣкоторыхъ мѣстныхъ законоположеній, общій судебнoуголовный уставъ, обязательный для всей имперіи.

Въ началѣ XVI вѣка, нѣкоторые изъ владѣтельныхъ князей и города имѣли уже общіе сборники подъ названіемъ *права земскаго*, *Landrecht*, городского *Stadtrecht*. Подобный сборникъ для графства тирольскаго:

Gesatz und Ordnungen der Inzichten maleflitzrechten und anderen nothtirftigen Hendingen des Landes—изданъ въ 1499 г. Аугсбургъ 1506 г.

Болѣе полный и улучшенный сборникъ составленъ и обнаруванъ для Бамберга, трудами фрейгера Шварценберга, въ 1507 году, такой же сборникъ (*Peinliche Halsgerichtsordnung*) введенъ

маркграфами бранденбургскими въ 1516 году. Они известны подъ именемъ: Bambergensis и Brandenburgensis.

Наконецъ явился и общій законъ имперіи.

Въ 1532 г. утверждено и обнародовано, при императорѣ Карлѣ V, на сеймѣ въ Регенсбургѣ *общее уголовное уложеніе*: Kaiser Karls V und des heiligen roemischen Reichs peinliche gerichtsdordnung или Institutio criminalis carolina — называемое также *penes carolina* и известное въ общерѣчьи просто подъ названіемъ *Каролина*. По отношенію къ нему Bambergensis, какъ главный источникъ, называется *mater Carolinae*, а Brandenburgensis — *soror Carolinae*.

Ожиданіе этого закона было общее и отъ послѣдствій его, для огражденія права и личности, ожидали много полезнаго.

Задача, предлежащая составителямъ уложенія, была обширна: надобно было утвердить и упрочить постоянный миръ страхомъ наказаній, и удостовѣрить самый судъ опредѣленностію предписаній, давъ надлежащее мѣсто заимствованнымъ изъ римскаго права установленіямъ и, сколько можно, согласивъ ихъ съ началами германскими, продолжавшимися въ обычаяхъ. Безъ сомнѣнія содѣйствію бамбергскаго фрейгера Шварценберга уложеніе обязано тѣмъ, что сохранило на себѣ печать туземныхъ понятій, неисключительно подчинено, въ своемъ содержаніи, ученому (римскому) праву, и написано на туземномъ языкѣ того времени. Это, въ отношеніи къ народу, составляетъ существенныя достоинства уложенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отношеніи къ судьямъ, ученымъ, романистамъ, какъ будетъ означено ниже, главнѣйшіе его недостатки.

Уложеніе Карла V есть общій законъ германскій, имѣющій силу и донинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средней и сѣверной Германіи и составляющій, такъ называемое, общее уголовное право (*das gemeine peinl. Recht*) въ совокупности съ постановленіями:

Карла IV — *aurea bulla*, золотая грамата, 1356 г. по предмету государственной измѣны.

Земскаго мира — обнародованныя правила, въ Вормсѣ, 1495, подтвержденные и распространенныя въ 1521 и 1548 гг.

Миръ вѣротерпимости 1555 г. въ соединеніи съ вестфальскимъ договоромъ 1648 г. и положеніями (§ 193) сейма 1654 г.

Раздѣлъ XVII, § 1—9 общаго устава благочинія 1577 г.

Законы о ростовщикахъ въ положеніи (§ 174) сейма 1654 г.

Уложение Карла V, какъ мы видѣли, явилось какъ дополненіе общаго учрежденія мира (Friede), въ отиѣну самоуправства (Fehde) и произвольнаго суда, въ то время когда власть законодательная раздѣлилась на мѣстную (земскую и городскую) и общую (государственную) и когда не доставало не законовъ, во всемъ составѣ принятыхъ отъ Римлянъ, но опредѣленности и обязательности этихъ законовъ, перепутавшихся съ туземными. Составленное изъ дѣйствовавшихъ правъ римскаго и частныхъ, преимущественно бамбергскаго, оно дополнено изъ ученій правовѣдовъ, особенно италіянскихъ, и въ одномъ составѣ объимаетъ уголовное право о преступленіяхъ, о наказаніяхъ и судопроизводствѣ.

Преступленія въ то время, какъ и въ уложеніи римскомъ, раздѣлились — *capitalia et non capitalia* — по свойству наказаній на важныя, требовавшія отрубленія головы или по крайней мѣрѣ руки (Haupt, Hals und Hand), и неважныя, (Haut und Haar). Последнія принадлежали своезаконію (*autonomia*) властей мѣстныхъ, Кароллина содержитъ только первыя, уголовныя. Впрочемъ въ ней встрѣчаются и многія изъ неважныхъ и даже предметы распорядительныя.

По общему раздѣленію, преступленія могутъ быть подведены подъ три разряда:

1. Преступленія противъ государства, т. е. противъ общественаго благочинія, *disciplina publica*, и противъ общественаго мира, *pacis treuga publica*. Къ первымъ относятся богохудіе, обиды, клевета, обманы въ торговлѣ и сношеніяхъ, поступки безвравственные, чародѣйство (вѣдьмы), ко вторымъ — измѣна, зажигательство, разбой, возстаніе, насиліе и междоусобія.

2. Преступленія противъ жизни и здравія: убійство, увѣчья, нападеніе.

и 3. Преступленія противъ собственности, воровство.

При судѣ о первыхъ разсматривалось преимущественно одно дѣяніе, при вторыхъ намѣреніе и вредъ, при третьихъ количество убытка.

Наказанія состоятъ почти исключительно изъ разныхъ видовъ смертной казни: зарытіе живаго (ст. 197 § 7), утопленіе (192, § 6), сожженіе (192, 1), удушеніе, пронзеніе, или посаженіе на колъ, четвертованіе, колесованіе, разорваніе, повѣшеніе, обезглавленіе; за тѣмъ оторваніе руки, отрѣзаніе языка, ушей и пальцевъ, бѣлѣпленіе, щипаніе, площадное сѣченіе (198), запре-

щеніе вѣзда и выѣзда (161), высылка (198), отобраніе имущества (135 и 218). Послѣднія наказанія вмѣстѣ съ выставкою на позоръ, были придаточными къ главнымъ. Трудно представить до какой степени утонченности довело желаніе устрасить преступность терзаніемъ человѣческаго тѣла до казни, при исполненіи и по окончаніи ея.

Эта цѣль служила основаніемъ при назначеніи наказанія по опасности соблазна или дурнаго примѣра, подобно римскому *malі exempli* (ст. 104, 112, 124, 158, 160), въ страхъ другимъ (130) и для исправленія и улучшенія—*zu buss und besserung*—порочныхъ (142). Подобно—римскому *animus, non exitus*—строгость наказанія опредѣлялась не за послѣдствія преступленія, но преимущественно по злости умысла (178) и дѣяніе извинялось необходимостію обороны (139—145).

Уложение требуетъ отъ мѣстныхъ властей правильнаго судоустройства, съ судьями, рѣшителями и производителями, преимущественно учеными, (§ 1), обязывая ихъ присягою судить одинаково бѣднаго и богатаго (3—5), не строго содержать подсудимыхъ и рѣшать дѣла безъ замедленія (77, 78, 218); судъ начинался по частной жалобѣ (41, 99, 81, 118, 120) или по требованію мѣстной власти (6, 10, 18, 78—100, 201, 211, 212), но во всякомъ случаѣ по обвиненію и производился открыто, по крайней мѣрѣ въ окончательномъ засѣданіи. Подробныя правила предписаны о соблюденіи обрядовъ для удовлетворенія правильности производства (5, 181—191, 227, 228), для огражденія подсудимаго находился присяжный производитель (*actuarius*). Подробно и точно опредѣлены порядокъ обвиненія, защищенія, доказательства (78, 91, 92, 16—67) и основанія пытки (20, 48—61). Запрещается осуждать на основаніи доказательствъ искусственныхъ и неполныхъ, и при недоказаніи, подозрѣніе не имѣло мѣста (§ 22).

Но постановляя точныя правила, сеймъ и императоръ не могли не присовокупить обыкновеннаго въ общихъ законахъ того времени условія, *clausula salvatoria*: что уложение есть общій вспомогательный законъ и не отиѣняетъ силы мѣстныхъ правъ и обычаевъ—*alten wohlhergebrachten und billichen gebreuchen* (зведеніе и § 104). Это была дань утвердившимся мѣстнымъ владѣтелямъ. Сверхъ того—второе условіе—уложение весьма во многихъ случаяхъ предписываетъ обращаться къ наставленіямъ высшихъ судовъ и къ собраніямъ ученыхъ или къ изъясненіямъ

права римскаго, особенно по вопросамъ о виѣняемости (*imputatio, culpa, dolus*), о покушеніи, объ участіи, о помилованіи (предислов. и §§ 29, 34, 47, 57, 105, 142, 152, 177, 178, 190—192, 219 и др.). Это была дань наукѣ или правильнѣе ученому праву, имѣвшему въ то время положительную обязанность, и установившему общее, до позднѣйшихъ временъ господствовавшее обыкновеніе—посылку дѣлъ (*Actenversendung*) на разсмотрѣніе и рѣшеніе высшихъ училищъ.

Уложеніе Карла V-го имѣетъ важныя и неотъемлемыя достоинства, какъ удачное соединеніе правъ римскаго, церковнаго (каноническаго) и обычнаго, и какъ положительное предписаніе правилъ о видахъ преступленій, о пыткѣ, о доказательствахъ и видахъ наказаній. Оно дало суду руководство, произволу положило оплотъ, въ разнообразіи ввело единство. Явленіе его было необходимо для пресѣченія злоупотребленій карательнаго права, для точнѣйшаго опредѣленія преступленій, измѣнившихся установленіемъ вѣчнаго мира вмѣсто междуусобицы, и новыхъ наказаній вмѣсто денежнаго выкупа. Явленіе его было бы существенно полезно, если бы обязательное его дѣйствіе не подрывалось въ немъ же самою постановленіемъ условіями.

Германское право, въ началѣ, какъ всякое положительное право, возникало и развивалось изъ дѣйствительной жизни и законъ было живое правило. Постепенное заимствованіе римскаго права привело къ изученію его и къ необходимости соглашеній учеными толкованіями. Смѣшеніе мѣстныхъ правъ, подлиннаго римскаго и этихъ толкованій привели къ тому разстроеному подоженію, улучшение котораго составляло задачу уложенія, и оно, по мнѣнію нашему, не исполняло этого ожиданія.

Ошибочно было бы обвинять въ этомъ вѣкъ, XVII вѣкъ, столь обильный ясными воззрѣніями, многообъемлющею дѣятельностію ученыхъ и выразительною жизнію государственнаго управленія. Мелочная дробность и искусственность (*scholastic*) господствовали менѣе нежели когда-нибудь и уже составленіе уложенія свѣтскимъ человѣкомъ и притомъ фрейгеромъ (Шварценбергомъ) показываетъ, что правовѣдѣніе не было исключительною принадлежностію сословія ученыхъ и духовныхъ, а участіе сословія въ дѣлахъ государства еще болѣе убѣждаетъ въ распространеніи въ обществѣ здравыхъ и точныхъ понятій о правѣ и законѣ. Это видно въ постановленіяхъ самаго уложенія,

нрав. о каравъ и вѣдѣннхъ. Известно, какъ много вѣрннхъ и прн-
ннмаемахъ нечнстой силѣ, diabolо, унемиваемой не только бого-
славнн, Лютероннхъ, Меланхтоннхъ, но и соборамн. Преслѣдова-
ннхъ вѣдѣннхъ и дѣла о ннхъ были многочнсленны и повсемѣстны;
нещастнвыи жгнн безъ дальнѣйшаго производства дѣлъ, по од-
ному опредѣленню мѣстнаго суда. Порядокъ этотъ удержался до
поздннго-временн, почти до половины XVIII вѣка. Каролнна воз-
вннслась надъ этимъ заблужденнемъ и хотя включнла чародѣй-
ство въ члено преступленнй, но опредѣлнла наказанне только въ
томъ случаѣ, если отъ чаръ нанесенъ кому либо вредъ: воззрѣ-
нне на дѣло заравое, предупреднвшее Томазіуса и послѣдующнхъ
знанн! Между тѣмъ на дѣлѣ вышло нначе: въ колыбели законо-
положенн, и въ Бамбергѣ, стр дѣлъ послѣ издання Каролнны, въ
1628 и 1629 гг. сожжено болѣе 200 вѣдѣннхъ, въ столицѣ Бран-
денбургнн, въ Берлннѣ, суднли вѣдѣннхъ и вѣрнли ннхъ въ 1738 го-
ду, когда въ Рейнсбергѣ (уднненномъ мѣстопребываннн Фрнд-
рнка II) обруженнныи знаменнтыи умаи вѣка, молодой князь
прнготовлялся быть великнмъ государемъ. Что этн осуждення
были злоупотребленне суда, видно изъ дѣлъ того же Бамберга:
когда замѣтнли непомѣрное число сожженныхъ вѣдѣннхъ и расходы
на производство о ннхъ дѣлъ, въ 1630 г. число жертвъ упа-
ло до 25.

Составнтели Каролнны, императоръ и сеймъ, стояли выше
этихъ понятнй и при болѣшей осмотрнтельности могли опредѣ-
лнть точнѣе виды преступленнй и особенно смягчнть наказання,
ужасающня своєю жестокостню. Если безчннне, наснлн и пра-
во распрнй требовалн прежде страшныхъ казней, то въ XVI ст.
съ отнѣбною кулачнаго права, съ учрежденнемъ вѣчнаго мнра,
преступлення существенно нзмѣннлись: нарушенне мнра, столь
строга наказываемое прежде, превратнлось теперь въ престу-
вленне частное и для обуздання его не требовалось огражденнй,
какіа были необходнмы для охранення общественнаго союза.
Прежде грабожъ, воровство со взломомъ и др. нарушалн ннхъ
общнй земокнй мнръ нли домашннй мнръ (Hausfriede), теперь
это просто наснлн, воровство, и смертная казнь за ннхъ пред-
ставляется уже несоотвѣтственнойю.

Но дромъ смѣшення преступленнй и жестокостн наказаннй, въ
Каролннѣ не достаесть существенно важныхъ опредѣленнй. Мы
обращаемъ вниманне на исключенне преступлення противъ вели-
чества, *Lesae Majestatis*, столь важное и обширное въ прнннне-

внѣ, и на неопредѣленность наказанія: отобранія мѣстнаго (confis-
catio), получившее во Франціи и въ Германіи такое простран-
ное значеніе. Очевидно Каролина предоставила эти опредѣленія
мѣстнымъ властителямъ и подчинило право ихъ односторонне-
му вліянію. Такое умолчаніе было поводомъ, что строгій рим-
скій законъ (Codicis, IX ст. 8.) примѣнялся здѣсь во всеѣхъ сво-
емъ объемѣ и въкоторыя частныя уложенія (напр. Прусск. II. XX.
ст. 93) опредѣляютъ въ неточныхъ выраженіяхъ видъ наказа-
нія: «казнить самымъ жестокииъ и страшнымъ образомъ.»

Но общіе недостатки Каролины безъ сомнѣнія заключаются
въ основныхъ условіяхъ ея дѣйствія, постановленныхъ въ са-
момъ законѣ: мы говоримъ о clausula salvatoria и о зависи-
мости права отъ науки или отъ толкованій ученаго права.

Уложеніе «не отнимаетъ мѣстныхъ правъ и обычаевъ» и въ
смыслительныхъ, въ разныхъ случаяхъ предписываетъ испраши-
вать разрѣшенія отъ ученыхъ собраній. Здѣсь естественно пред-
ставляется вопросъ: 1-е такъ какъ во всѣхъ мѣстахъ есть свои
права и обычаи, обнимающіе все пространство суда, то въ какихъ
случаяхъ уложеніе должно имѣть примѣненіе? И 2-е если поло-
жительный законъ — въ столь неопредѣленномъ пространствѣ
дѣйствія — долженъ быть еще дополняемъ неопредѣленнымъ пра-
вомъ римскимъ и его толкователей, то какое положительное ру-
ководство представлялось суду мѣстному и какое огражденіе
могъ имѣть подсудимый и самое правосудіе?

Изъ сего проистекаютъ весьма важныя для того времени и по-
вынѣ продолжающіяся послѣдствія: ограниченное значеніе уло-
женія и искусственность дальнѣйшаго усовершенія уголовного
права.

Послѣдствія уложенія были: униженіе туземныхъ судовъ, вмѣ-
сто которыхъ сдѣдовало устроить суды ученые, и затѣмъ —
утвержденіе ученаго права и сословія толкователей и ходатаевъ
(юрисстовъ и адвокатовъ): т. е. отдѣленіе права отъ общества,
отъ дѣйствительной жизни, предписаніемъ закона. Прежде это
было терпимо по необходимости, теперь предписано какъ обя-
занность. Устанавливая государственный судъ и вводя ученое пра-
во и ученыхъ судей, сеймъ предполагалъ дать правосудію твер-
дое основаніе и укрѣпить единство. Послѣдствія не оправдали
этого предположенія. Основанія Каролины не могли быть ни
точны, ни постоянны: ибо римское, ученое право, на которомъ
утверждалась сила Каролины, было не законъ, а наука, пред-

метъ изученія и изслѣдованія. Ученая стихія правосудія и оставленіе въ своей силѣ мѣстныхъ правъ и обычаевъ безпрепятственно нарушали предположенное единство и опредѣлительность, путая другъ друга и запутывая правосудіе. Съ этого времени ученый порядокъ такъ укоренился въ Германіи, что единство права сдѣлалось возможнымъ только при единствѣ ученій, т. е. совершенно невозможнымъ: ибо наука не остававляется и совершенствуется не единствомъ, а разнообразіемъ ученій. Въ обзорѣннѣ «прусскихъ законоположеній» * мы видѣли къ какому состоянію правосудія и упадку мѣстныхъ постановленій привело это поощреніе ученаго начала, вызвавшее со стороны самой власти (Фридриха II) открытое противодѣйствіе.

Значеніе уложенія, въ средѣ оставленныхъ въ своей силѣ мѣстныхъ правъ и обычаевъ и подъ вліяніемъ ученыхъ толкованій, должно было быть и дѣйствительно было весьма ограничено. Въ одномъ судѣ примѣнялись законы туземные мѣстные, въ другомъ, гдѣ были правовѣды,—законы римскіе, и въ томъ и въ другомъ первые и вторые пояснялись современными ученіями. Вспомогательная сила уложенія уничтожалась или въ разнообразіи мѣстностей или въ общности отвлеченныхъ ученій. Мѣстные властелины, какъ напр. маркграфъ бранденбургскій, постановляли свои законы, государственный судъ былъ недоступенъ и отдѣленіемъ верховнаго права еуда (*privilegium de non appellando*) болѣе и болѣе терялъ значеніе, а ученые правовѣды и собранія ихъ (факультеты) не хотѣли ничего знать, кромѣ римскаго права или *corpus juris*, и не держались Каролинны. Это раздѣленіе правъ на общее или вспомогательное, обыкновенное или мѣстное и пояснительное или ученое произвело наконецъ то, что самъ положительный законъ имѣлъ два значенія: буквальное (текстъ) и дѣйствительное, изъясняемое толкователями, и что въ самомъ изданіи законовъ были три части: введеніе (преамбула), правило (буква) и толкованіе (разумъ) закона. Первое содержало поводъ, случай и причины необходимости закона, второе—самый законъ, а третье—изъясненіе точнаго смысла закона, соглашеніе его, какъ частнаго случая, съ общими законами и ученіями права (*anzupassen*). Отнынѣ буквальное значеніе постоянно будетъ отставать отъ дѣйствительности и требовать соглашенія (*anzupassen, accomodiren*).

Вскорѣ по обнародованіи уложенія, оно принято какъ дѣйствующій законъ: въ Гессенѣ, въ 1535 г. съ нѣкототыми измѣненіями, въ Кельнѣ, въ 1538 г. и въ Помераніи въ 1569, безъ всякихъ измѣненій, въ Брауншвейгѣ, 24 апрѣля 1568 и 3 февраля 1570 г. «послѣ испытанія и обзорнія чрезъ опытныхъ и ученыхъ мужей, призванныхъ для соглашенія (accomodigen) его съ мѣстными правами.» Въ Виртембергѣ — объявленіемъ герцога: «намъ не противно (nit zuwider), чтобы уголовныя дѣла производились и рѣшались по уложенію.» Въ Вюрцбургѣ и Мюнстерѣ оно вошло въ суды даже безъ участія правительства. Явились переводы его: латинскій Гоблера, въ 1543 и Рема въ 1594 гг., нидерландскій, 1561 и французскій 1612 г.

Вообще принятіе его мѣстными судами не встрѣчало препятствія. Но введеніе его въ разныхъ мѣстахъ не способствовало огражденію и единству правосудія; оно стѣсняло только мѣстный обычай и вмѣсто его развивало вліяніе ученаго права, конечно меньшее нежели въ дѣлахъ частнаго иска (гражданскихъ), но особенно важнаго по связи закона съ ученіями о винѣ, умислѣ, вѣнѣніи (culpa, dolus, Zugeschning), сдѣлавшихся предметами обширныхъ ученыхъ сочиненій, о силѣ доказательствъ и о примѣненіи слѣдственнаго вмѣсто обвинительнаго производства (примѣч. 1).

Не смотря однако на это распространеніе и на неосидримое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, достоинство уложенія Карла V-го, соединенная съ нимъ наука не замедлила проложить другіе пути примѣненія, смягчая строгость и точиѣ опредѣляя виновность, в дѣйствиіе общаго закона, даже и по введеніи его въ разныхъ мѣстахъ, никогда не было буквально обязательнымъ. Соединясь вмѣстѣ, наука и обычай образовали свой порядокъ, называемый судебнымъ обычаемъ (Praxis). Это обычное правосудіе развилось до такой степени, что въ концѣ 17-го столѣтія уложеніе Карла V-го, и безъ того мало уважаемое учеными, совсѣтъ не было примѣняемо. Образованность общества, правовѣдѣніе и судоустройство постепенно усовершенствовывались и уложеніе стараго времени имъ уже не соответствовало. Основываясь на предписаніяхъ самаго уложенія, такъ часто призывающаго на помощь ученыхъ правовѣдовъ, и привязываясь къ общимъ и донинѣ столь спорнымъ вопросамъ о вѣнѣемости и покушеніи, обычное правосудіе и наука совершенно вытѣснили положительный законъ, дѣлая изъ каждаго слу-

чал предметъ особыхъ соображеній и видъ изъятія. Изъятія сии, часто повторяемыя, наконецъ сдѣлались обязательными и какъ утвержденныя, по важнѣйшимъ приговорамъ, верховною властію, получили силу закона. Такъ образовалось признающее государствами обычное правосудіе, не столь произвольное, какъ бывшее до уложенія, но не менѣе разнообразное (*usus modernus*).

По отвлеченному ученію и воззрѣнію правовѣдовъ такое состояніе правосудія въ дѣлахъ уголовныхъ представляется въ весьма удовлетворительномъ видѣ. Дѣйствительно оно имѣетъ этотъ видъ: каждое дѣло, всякое важное преступленіе разсматривалось во началамъ науки, весьма часто самими правовѣдами высшихъ училищъ (*Aktenversendung*) и подвергалось внутреннему разложенію. Не было насилія, не было натяжки (*sumptus ius*) карательнаго закона, столь недостаточнаго для всѣхъ подробностей дѣйствительности и едва уловимыхъ отбѣнковъ провиненія, и искомое возмездіе опредѣлялось по многостороннимъ удостовѣреніямъ и доводамъ, сообразно дѣянію, личности виновнаго и ученой ихъ оцѣнкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что правосудіе, и притомъ высокаго достоинства, здѣсь могло быть и было; но здѣсь не было существеннаго условія: огражденія правосудія. и потому иначе на это смотрѣли умы дѣловые и правительства.

На зыбкомъ подѣ умозрительныхъ ученій и мѣстныхъ обычаевъ уголовное правосудіе не могло имѣть ни точности, ни единообразія, и по множеству своихъ предметовъ и по изысканности отвлеченныхъ положеній представлялось недоступною для обыкновенныхъ людей мудростію; а между тѣмъ отъ нея зависѣли жизнь, честь и состояніе сихъ людей, не понимавшихъ ни сплетеній, ни самаго языка, ни обрядовъ суда и закона. Съ другой стороны, безъ точности (*ius certum*) и безъ единообразія, правосудіе—это основаніе царствъ (*regnum fundamentum*, по выраженію императора Франца)—не могло имѣть ни довѣрія, ни достоинства, ни твердости, и подчинялось или хитрому подбору доводовъ по пристрастію, или шаткимъ выводамъ отвлеченныхъ ученій. Неточность исключала ручательства, разнообразіе имѣло видъ уклоненія и одностороннихъ изъятій. Отсюда, при отсутствіи прочныхъ и постоянныхъ огражденій, непримѣтенъ переходъ къ злоупотребленіямъ и судебный обычай не безъ основанія въ нихъ обвинялся. Къ вѣщему злу, неправосудіе всегда могло найти себѣ оправданіе въ двойственности права, и производъ

суда, руководимый иногда предубежденіемъ, нередко пристрастіемъ, не имѣлъ прочнаго обузданія. Для устраненія этого порядка надлежало во-первыхъ совокупить двойственность закона, сліяніемъ общаго съ мѣстнымъ; или во-вторыхъ, установить опредѣленность обычнаго права, уменьша по крайней мѣрѣ произвольность вліянія на дѣла разнообразныхъ мѣстн. и ученій. Это заставило одни государства, какъ напр. Брауншвейгъ и Баденъ, рѣшительно принять, вмѣсто уложенія, судебный обычай. Въ Баденѣ, для установленія хотя какого-нибудь единообразія, правительство признало необходимымъ остановить развитіе самаго обычая, ограничивъ обязательную его силу 1803 годомъ, такъ что дѣла рѣшались до 1845 года сообразно приговорамъ, состоявшимся до 1803 года (2).

Другія государства нашли болѣе соответственнымъ сочинить новыя уложенія, соединивъ въ нихъ общее уложеніе, частныя постановленія, основательный обычай и изъясненія правовѣдовъ. Съ XVIII столѣтія начинаются попытки уложенія законовъ, по примѣру Юстиніана, въ видѣ полныхъ сборниковъ, расположенныхъ по предметамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Къ мѣрѣ этой привели: съ одной стороны, произволъ судовъ отъ сбивчивости и неопредѣленности прежняго права, самостоятельность государствъ, желавшихъ имѣть свои особенные законы по освобожденіи отъ вліянія сосредоточенной власти священно римской имперіи, а съ другой стороны, какъ показываютъ и самыя уложенія — увѣковѣченіе славы законодательства названіемъ уложеній своимъ именемъ.

Съ этого же времени, послѣ первыхъ попытокъ, начинается и донынѣ продолжающійся споръ ученій о призваніи или неготовности извѣстнаго времени къ уложенію законовъ въ общій стройный порядокъ (codification). Споръ этотъ, по нашему мнѣнію, на самомъ дѣлѣ, не могъ быть рѣшенъ иначе, какъ утвердительно. Дробность и разнообразіе требуютъ единства; единство предполагаетъ стройное послѣдовательное соотношеніе частей къ цѣлому и между собою. Сколь бы ни недостаточны были современныя ученія права, необходимость, польза и удобство въ дѣловомъ употребленіи, требовали собрать и уложить разбѣянные законы, предложить ихъ во всеобщее свѣдѣніе и дать суду точное основаніе (3). Это всегда было, сперва подъ именемъ сборниковъ, руководствъ, зеркалъ, сводовъ (историческихъ уложеній) и наконецъ уложеній усовершенствованныхъ (систематическихъ).

И въ Римѣ, еще задолго до уложенія Юстиніана, и въ Германіи, преимущественно уголовные законы, являются въ этомъ видѣ. Еще до изданія Каролины были мѣстные уложенія: Тирольское—1506, Бамбергское—1507, и Бранденбургское—1516. За ними слѣдуетъ общее уложеніе Карла V.

Бранденбургское издано маркграфами Георгомъ и Казимиромъ, пересмотрѣно и умножено въ 1582 и наконецъ съ 1709 г., усовершенствовано подѣ названіемъ: преобразованное уголовное уложеніе. Съ сего времени начинается утвержденіе сосредоточеннаго прусскаго королевства и въ обзорѣннѣ «общихъ законоположеній Пруссіи» мы изложили дѣйствія Фридриха Вильгельма I и Фридриха II по предмету улучшенія законодательства. Послѣ предначертанія Кокцея—*corpus juris Fridericianum* 1752, начато общее уложеніе, окончанное трудами Кармера, Суареца, Клейна и др. и обнародованное въ 1794 г. Послѣдній, XX раздѣлъ, 2 части сего уложенія заключаетъ въ себѣ законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ (4).

Въ Австріи почти каждая область имѣла свое особое уложеніе: тирольское — 1506 г., штирійское — 1574, австрійское — 1656 и законы Иосифа I, 16 іюля 1707 г. для Богеміи, Моравіи и Силезіи (5). Общимъ закономъ было уложеніе Карла V, къ которому въ дополненіе издавались такъ называвшіяся *novellae criminales*. Единство и лучшій порядокъ установлены при Маріи Терезіи трудами ученыхъ, особенно дѣловаго правовѣда Гольгера, подѣ предсѣдательствомъ графа Альтана, которыми составлено и 31 декабря 1768 г. издано: общее уголовное уложеніе, *constitutio criminalis Theresiana*. Но одо дѣйствовало недолго. Замѣченные недостатки и введеніе разныхъ уновленій при Иосифѣ II, требовали законовъ болѣе соответственныхъ. Дворцовый совѣтникъ Кессъ составилъ новое уложеніе, оно исправлено по замѣчаніямъ австрійскихъ судовъ и издано 13 января 1787 г. почти современно съ прусскимъ, имѣвшимъ въ обработкѣ своей гораздо болѣе гласности. Хотя уложеніе Иосифа, какъ сказано въ обнародованной граматѣ «дало опредѣленное направленіе правосудію, установило различіе преступленій уголовныхъ и гражданскихъ (*politische*), и соразмѣрность между виною и наказаніемъ, стараясь придать послѣднему не одно переходящее впечатлѣніе,»—но отвѣтственность оснований и неполнота сего уложенія въ непродолжительномъ времени обнаружили необходимость въ изданіи новаго закона. Трудами Зенненфельса

д Цейлера составлено нѣтъ дѣйствующее уложение, въ двухъ частяхъ, обнародованное 3 сентября 1803 при императорѣ Францѣ, въ убѣжденіи котораго не поощреніе развитія, а *justitia est negotium fundamentum*.

Въ Баваріи составилось второе изъ древнѣйшихъ уложений— бамбергское 1508 г. Оно въ своемъ округѣ имѣло силу до 1813 года.

Трудами государственнаго блюстителя Крейтмайера, еще прежде Пруссіи и Австріи, обнародовано въ 1751 г. болѣе общее уложение—*codex maximilianus bavaricus criminalis*, имѣвшій дѣйствіе до 1813 г., когда издана новая книга законовъ, составленная, почти современно съ *code pénal* 1810 г. ученымъ Фрейербахомъ.

Менѣе обширные сборники и своды изданы: въ Дармштадтѣ— уголовное уложение 1726, въ Ганноверѣ—порядокъ производства съдѣвъ 30 апрѣля 1736 г., въ Виртембергѣ—уголовное уложение 1732, въ Гессенъ-Касселѣ—23 апрѣля 1748 и мног. друг. (примѣч. 7). Эти сборники не входятъ въ настоящее обзореніе.

Исходнымъ началомъ и основаніемъ сихъ уложений должно признать постановленіе Карла V съ разными мѣстными дополненіями; а общимъ источникомъ развитія — право римское и ученія и обычья его изъясненія.

Изъ числа главнѣйшихъ и болѣе подробныхъ уложений первое, прусское, ближе другихъ, къ Каролинѣ, какъ по видамъ наказаній, такъ и по отсутствію стрѣгаго порядка и распредѣленія предметовъ. Оно назначаетъ: смертную казнь, довольно часто, въ видѣ сожженія, колесованія сверху и снизу, повѣшенія и обезглавленія мечемъ, въ статьяхъ: 93, 96, 102, 106—109, 126, 146, 874, 1151, 1512; каторжныя работы, заключеніе, съченіе, отнятіе имущества и денежныя взысканія, вмѣстѣ съ наказаніями придаточными, не менѣе строгими, каковы: клейменіе, площадное съченіе (ст. 169, 170, 183, 425, 813, 828, 1005, 1214, 1391, 1405 и др.), выставка преступника и трупа на позоръ, прибитіе имени и лица къ висѣлицѣ, наказаніе при доуупленіи и выходѣ изъ тюрьмы, потеря правъ, преимуществъ, отлученій и т. п.

Уложение состоитъ изъ 17 отдѣленій и 1577 статей и содержитъ въ себѣ исчисленіе и описаніе преступленій государствен-

нужь (92—322), должностныхъ (323—508) и частныхъ (509—1377). Основнымъ качествомъ первыхъ, даже по нарушенію принадлежностей казны, слушать понятіе объ оскорбленіи (§ 91); основаніемъ понятія о частныхъ, по примѣру римскаго права, изъ которыхъ Institutiones и Digesta по этимъ предметамъ почти исключительно основаны на обязательствѣ,—принять убытокъ (§ 7,509). Въ составъ уложенія вошли всѣ, важные и маловажные, общіе и особенные виды преступленій и многія постановленія и мѣры благочинія и благоустройства, какъ напр. исполненіе приказаній, просмотръ рукописей для печатанія (§156), о сокрытіи беременности и разрѣшеніи (900—983), о терпимыхъ домахъ (999—1025) и ин. др.

Хотя жестокіе виды казней и строгость возмршеній или усмненій ихъ, строгость послѣдствій нѣкоторыхъ преступленій* для снмейства осужденнаго (§ 95), и неабие снмшное сзозупленіе предметовъ мелочныхъ и особенныхъ, а равно и непримѣимость основныхъ началъ — оскорбленія и убытка — лишаютъ уложеніе тѣхъ достоинствъ, которыхъ слѣдовало бы надѣяться отъ современниковъ Леопольда тосканскаго и ожидать отъ сотрудниковъ Фридриха Великаго, но во всякомъ случаѣ явленіе сего уложенія былъ шагъ впередъ и, сравнительно съ Каролиною, успѣхъ рѣшительный. По требованіямъ времени и мѣстныхъ учрежденій измѣнялись виды наказаній, измѣнялись и виды преступленій. Время смягчило способы каранія и ослабило преступленія: вообще церковныя, столь строго наказывавшіяся въ XVI столѣтіи и потерявшія прежнее значеніе въ XV III; нарушение мира, не имѣвшаго болѣе обязательной силы, обложение путей, бывшихъ нѣкогда источникомъ доходовъ, и вообще дѣла о чарахъ, о колдовствѣ, дѣла столь памятные о вѣдьмахъ.**

Взятіи этихъ видовъ, время и мѣстность ввели другіе, неизвѣстные Каролиніѣ. Изъ наказаній получили начало: заключенія,

* Собр. 95 ст. Landrecht. XX. и 5 ст. 8 гл. IX раздѣл. Codicis, и Минстермайера часть I. стр. 19.

** Не смотря на открытыя опроверженія нелѣпыхъ обвиненій въ колдовствѣ, дѣла о вѣдьмахъ продолжались до позднѣйшихъ временъ. Георгъ Ф. Рауверъ въ Märkischen Forschungen ч. I стр. 263 разсказываетъ, что одна несчастная осуждена высшимъ берлинскимъ судомъ 10 декабря 1738 г. за снмль съ лнчнтелю снмлюю къ смертной казни и только по дознательности случнн, а также по признакамъ пошатательства ея заключена на всю жизнь въ работій домъ, въ Шннмлау.

въ разныхъ видахъ, въ соединеніи съ работами; потому лишенія правъ. Изъ преступленій вошли въ уложеніе: поединки, наемное убійство, похищеніе людей, лишеніе свободы, лихва, захваты, возвышеніе цѣнностей скопомъ, перепечатаніе, запрещенныя и обманныя игры, недозволительныя условія, семейное безчестіе, вскрытіе писемъ, несостоятельность, разные подлоги по правамъ, имени, званія, рожденія, сословія, герба. Впослѣдствіи, новыя сопряженія обстоятельствъ привели къ новымъ видамъ: основаніе и участіе въ обществахъ, вынужденіе работниками возвышенія цѣнъ, изнуреніе уроками, мученіе животныхъ, нарушенія правилъ печатанія и ии. др.

Особенное значеніе, сравнительно съ Каролиною, получили преступленія государственныя и служебныя. Первые, подъ влияніемъ начала оскорбленія, требовали грознаго устрашенія и даже въ примѣненіи къ дѣламъ казеннымъ получили высшее значеніе*. Вторыя, по обширности сословія чиновниковъ, многочисленны и по многимъ отношеніямъ требовали особенныхъ огражденій.

Наказанія въ прусскомъ уложеніи вообще раздѣляются на опредѣленныя, въ законѣ точно означенныя, и произвольныя, зависящія отъ усмотрѣнія и выбора суда (§ 35). Первые бываютъ обыкновенныя, въ видѣ и мѣрѣ опредѣленныя закономъ и необыкновенныя (außerordentliche Strafe), назначаемыя по мѣрѣ совершенія или неосторожности и даже по мѣрѣ доказанности (§ 32, 33); но необыкновенныя наказанія не могутъ состоять ни въ смертной казни, ни въ потерѣ чести (§ 34) и заключаются собственно въ пониженіи обыкновенныхъ. Все это увеличиваетъ или уменьшаетъ наказуемость (§ 18). Обыкновенное опредѣленное въ законѣ наказаніе назначается только тогда, когда преступленіе злоумышленно и приведено въ дѣйствительное исполненіе (§ 39); при необходимости противузаконныхъ послѣдствій дѣянія, всегда предполагается умыселъ (§ 27); при стеченіи наказаній, кромѣ тѣлесныхъ, исполняется каждое (§ 54—57); при повтореніи и при другихъ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину, къ обыкновенному наказанію прилагаются другія, усиливающія (§ 45, 52). По обстоятельствамъ смягча-

* Можетъ быть это было основаніемъ къ сѣзженію границъ между *landeshoheitlichen* и *fiscalischen* Rechtsverhältnissen, поясненію въ повелѣніи 4 декабря 1831 г. Сравни. Бюлова-Кумерова, Preussen. Часть 11 стр. 79.

ощимъ вину, и при несовершенной доказанности ея, назначается наказаніе необыкновенное (§ 32, 33, 59—63 и судопроизв. § 391, 405, 409). Нравственность дѣланія и наказуемость зависятъ отъ свободы дѣйствія (§ 16—20), отъ несправимости и количества вреда (§ 21 и 25), умысла (§ 26—36) и степени участія (64—85). Обстоятельства, смягчающія и усиливающія вину, не сведены въ общія опредѣленія: они означены при разныхъ видахъ преступленій, какъ. напр. *побужденіа*: § 210, 516, 1108, 1123, 1124, 1490, 1492; *злоба*: 93, 210, 385, 829, 1308, 1489; *угговоръ*, 60, 73, 1208; *неотысканіе зачинщика*—171, 842, 843, *званіе*: 607, 608, 609 и 643 и проч.

При обзорѣннѣ прусскаго уложенія, въ совокупности его содержанія, независимо отъ дѣловаго обычая, общими недостатками представляются:

1. Смѣшеніе преступленій важныхъ (уголовныхъ), менѣе важныхъ (исправительныхъ) и маловажныхъ (благочинныхъ); общихъ (противъ челоуѣчества, государства и гражданства) и особенныхъ (противъ извѣстныхъ особенныхъ обязанностей, напр. служебныхъ, таможенныхъ).

Это сплошное соединеніе впоследствии произвело запутанность и медленность въ правосудіи и мало-по-малу распалось на свои составныя части.

2. Отсутствие общихъ руководящихъ правилъ.

Внесеніе ихъ (общихъ положеній) было несогласно съ дѣловою цѣлію уложенія, желавшаго опредѣлить всѣ частныя случаи и ограничить судейскій произволъ, но на самомъ дѣлѣ вышло противное: § 16—25 о свободѣ дѣланій и о невозвратимости убытка ввели, въ судебномъ обычаѣ, произволъ еще менѣе опредѣлительный, нежели бывшій до уложенія.

3. Дозволеніе назначать, при особыхъ, не точно въ замѣнѣ опредѣленныхъ условійхъ, наказаніе необыкновенное. Это правило, которое никакимъ отвлеченнымъ ученіемъ оправдано быть не можетъ, подрывало уложеніе въ основаніи.

4. Жестокость разныхъ видовъ наказанія и строгость ихъ въ отношеніи нѣкоторыхъ преступленій.

Жестокость наказаній очевидна: усиленная смертная казнь, площадное сѣченіе и позоръ довольно близки по законамъ XVI вѣка. Что же касается строгости, (указываемой Миттермайеромъ), то, по мнѣнію нашему, она имѣла свои основанія и въ существѣ есть только видимая, а не дѣйствительная.

Окончательное составленіе уложенія было въ то время, когда ученіе объ устрaшеніи наказаніемъ господствовало надъ прочимъ и когда событія 1789—1795 годовъ требовали указующаго отвращенія. Это основаніе историческое. Не шло ли слишкомъ было вліяніе и основаніе права ученое или отвлеченное. На уложенію, признавъ государственныя преступленія съ оскорбленіемъ, а—частныхъ—убыткомъ. Но современники ученіемъ и богатствъ и народонаселеніи, нить естественнонаучны силамъ государства*, огражденіе ихъ требовало особенныхъ мѣръ: наказанія за сокрытіе беременности, за безпомощное разрѣшеніе, за всякое убійство, учрежденіе терпимыхъ дозволъ, награды за многоплодіе и др. Это увеличивало вещное право (дойско и подати) и соединяло частныя преступленія съ государственными. Съ этой точки зрѣнія указываемыя статьи, напр. 93—96, 102 и 103; опредѣляющія наказанія за преступленія государственныя и статьи: 806 о незаконномъ убійствѣ, 826 о дѣтубійствѣ, и 1515 о наказаніи за поджогъ по количеству вреда или убытка—не представляютъ противорѣчій и исказкаютъ нѣтъ остальныхъ доплатъ объ оскорбленіи и убыткѣ.

Впрочемъ, и жестокость и строгость эти были только въ законѣ. Основывалось на неопредѣляемыхъ правилахъ о нравственности дѣянія, о свойствахъ убытка и о необщественныхъ наказаніяхъ, судебный обычай устанавливалъ свой порядокъ, постепенно смягчая строгость и почти никогда не опредѣляя жестокихъ видовъ наказаній, такъ что на самомъ дѣлѣ уложеніе было мягче, нежели строго.

5. Гораздо болѣе оснований въ возраженіи о случайности условий, принятыя при раздѣленіи преступленій и наказуемости на разныя степени, какъ-то: количество вреда, денегъ, дней, удача или независимыя послѣдствія дѣянія, напр. въ ст. 145, 171, 842, 843, 865 и слѣд.

Но возраженіе это относится ко всемъ, и новѣйшимъ уложеніямъ. Всегда важность преступленія опредѣляется важностью наказанія т. е. послѣдствіе опредѣляетъ причину, и во многихъ преступленіяхъ (увѣчьяхъ, обидяхъ, кражѣ) количественныя признаки опредѣляютъ качество дѣянія, т. е. случайныя, вѣдшія условия опредѣляютъ общія, внутреннія. При необходимости о-

* Сочиненіе Мальтуса о народонаселеніи вышло въ 1789 г., но ученіе его распространилось позднѣе.

смыслъ дѣленіе на признакиъ вѣщныхъ и количественныхъ, какъ наименѣе ошибочныхъ и болѣе доступныхъ человѣческому усмотрѣнію, всего было бы лучше избирать изъ сихъ условій наименѣе случайныя и переменчивыя, какъ-то: вѣсто, вѣрность и личность, не дробя ихъ до излишества, производимаго смѣшеніемъ, и опредѣляя мѣру наказанія по количеству только тогда, когда виновный зналъ о немъ и отъ него зависело уменьшить и увеличить его.

Вообще прусское уложеніе, какъ первоначальная работа, носить на себѣ печать нерѣшительнаго вліянія науки, какъ въ постановленіи общихъ правилъ, такъ и въ распоряженіи предметовъ и ихъ дробной послѣдовательности. Оно болѣе протранно, нежели точно и, дѣйствуя болѣе 50 лѣтъ, столь обильна въ переищамъ; оно едва замѣтно въ судебномъ обычаѣ и въ множествѣ дополнительныхъ постановленій.

Вліяніе науки въ лучшемъ распредѣленіи предметовъ и въ болѣе послѣдовательности наложено замѣтно въ уложеніи австрійскомъ 1803 г., замѣнившемъ прѣмляе уложеніе: Маріи Терезы и Іосифа II-го.

Краткость, простота и ясность этой книги доведены до высокой степени, и первое впечатлѣніе чтенія не запутывается въ сложныя общія положенія, весьма немногія, не устранимае наказаніями, ограничивающимися почти одними замоченіемъ, и не затрудняется въ выборѣ предметовъ, опредѣляемыхъ точно и удачно.

Австрійское уложеніе раздѣляется на 4 или на 5 отдѣльныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ особые роды преступленій, различаемыхъ по предметамъ.

Вообще нарушенія раздѣляются на общія и особенныя. Къ первымъ принадлежатъ:

а, Преступленія (уголовныя) — *verbrechen* — означены въ 4 части уложенія.

б, Тяжкія нарушенія (неправительныя) — *schwere Polizeiverstößen* — содержащіяся во 2 части.

в, Проступки (противъ благоустройства), не означены еще въ видѣ уложенія.

Къ особеннымъ относятся:

г, Служебныя преступленія, отчасти вошедшія въ отдѣлы вышеозначенныя, и въ совокупности составляющія предметъ служебнаго устава.

д и д, Преступленія казенныя, о которыхъ издано особое напорныхъ началахъ основанное положеніе, 1 Юля 1835 года.

Мы будемъ разсматривать преимущественно первыя и вторыя. По различію дѣяній назначены и различныя наказанія и взыска-вія. За преступленія — наказанія уголовныя, собственно два: по-вѣщеніе и заключеніе (§ 9 и 10), соединенныя съ важными по-слѣдствіями (§ 23). Заключеніе имѣеть три вида (§ 11) и, подоб-но прусскому, усиливается наказаніями придаточными, тѣлес-нымъ, выставкою у позорнаго столба (§ 17); изощряясь мелочны-ми, но тѣмъ не менѣе тягостными, ограниченіями и лишеніями (§ 14 и 17).

Наказанія исправительныя суть: взыскапія денежныя, потеря имущества, товаровъ, орудія, правъ и принадлежностей, заклю-ченіе или задержаніе, соединенное иногда съ выставкою на по-зоръ, тѣлесное наказаніе и высылка съ мѣста жительства, изъ области и государства. (Ул. Ч. II. ст. 8, 21). Наказанія эти не имѣють никакихъ послѣдствій (§ 27).

Преступленія, какъ замѣчено выше, раздѣляются на уголов-ныя и исправительныя. Первыя (Ч. I § 50) нарушаютъ безопас-ность непосредственно въ союзъ государства § 52 — 69 или въ общественныхъ учрежденіяхъ § 70 — 91 и 107 или под-рываютъ общественное довѣріе § 92 — 106 или оскорбляютъ безопасность частныхъ лицъ, въ ихъ личности, 110—146, сво-бодѣ, 70—82, имуществѣ 147 — 189, или другихъ правахъ; они означены въ I ч. въ 210 §§. Исправительныя преступленія (Ч. II. ст. 33—36) нарушаютъ: а) или безопасность общественную въ союзъ государственнымъ 37—71 и общественномъ благо-устройствѣ государственныхъ учрежденій, 72—85, или въ на-рушеніи должностныхъ обязанностей 86 — 88, б) или безопас-ность частныхъ лицъ въ жизни, 89—146 здоровьѣ 147—160, тѣлѣ, 161—183, въ собственности, 184—233, чести 234—244 и другихъ правахъ, и с) или наконецъ нарушаютъ и оскорбляютъ общественную нравственность, 245—269.

Условіемъ наказуемости, за преступленія, принятъ злой умыселъ (Ч. I. ст. I), который въ проступкахъ можетъ быть и не быть (Ч. II. § 5, 8, 10 и 11) и который исключается лишеніемъ раз-судка, временнымъ сумашествіемъ; одуреніемъ, молодостию (въ разныхъ степеняхъ 14, 18 и 20 лѣтъ), принужденіемъ, ошибкою и случайностию (§ 2); незнаніе закона, просьба другаго лица, вишія препятствія не извиняють преступника, § 3, 4 и 7;

увеличивающія вину обстоятельства исключаютъ смягчающія, 41, но увеличеніе не относится къ смертной казни, 43, и вообще не превышаетъ постановленныхъ въ законѣ размѣровъ, 42. Преступленіе подвергаетъ ответственности, если бы оно и не было докончено, 7, и не одного зачищника, но и участниковъ въ умыслѣ, совершеніи и раздѣленіи выгодъ преступленія, 5 и 6.

Смертная казнь назначена за преступленія государственныя, 53, за бунтъ, 67, поддѣлку бумажныхъ денегъ, 94 и 95, за разные виды убійства, 119 и 124 и за поджогъ, 148. Казнь эта впоследствии распространена и на другіе виды: поддѣлку бумагъ, повелѣніемъ 3 декабря 1808 и 21 июня 1810 и на передатчиковъ (шпіоновъ), 10 октября 1821. Тяжкое пожизненное заключеніе назначено въ §§ 54, 55, 68, 96, 97, 98, 121, 122, 148, в и с, 173, 174, 183.

Вообще размѣръ или пространство высшихъ и низшихъ степеней наказанія довольно значительно, виды преступленій опредѣленны, изложеніе кратко, просто и ясно.

Но отдавая справедливость этимъ качествамъ, мы должны обратить вниманіе на коренные, по мнѣнію нашему, недостатки уложенія.

Во-первыхъ: на различіе преступленій и тяжкихъ нарушеній. Весьма трудно опредѣлить основанія этого различія. Искать ли его въ законахъ предшествовавшихъ или въ современныхъ уложенію ученіяхъ? По римскому праву преступленія между прочимъ раздѣлялись: 1) по суду, на *delicta publica* и *extraordina-ria*, 2) по наказанію, *capitalia* и *non capitalia*, 3) по нарушенію правъ, *juris naturalis et gentium* и *juris civilis*. По уложенію Карла V, 4) преимущественно по наказанію — уголовныя, *Hals und Hand* и исправительныя, *Haut und Haar*, по уложенію Іосифа II, 5) уголовныя (*criminal*) и гражданскія (*politische*). Нѣтъ сомнѣнія, что нарушеніе правъ (*naturalis et civilis*) и раздѣленіе въ законѣ Іосифа II были историческимъ основаніемъ уложенія 1803, истекающимъ изъ ученія о преступленіяхъ естественныхъ (*natura probum* или *natura probra*), порочныхъ по существу своему (*mala in se*) и гражданственныхъ (*mala prohibita*), ученія отвлеченнаго и едвали примѣнимаго. Условіемъ различія преступленій и нарушеній приняты: а) злой умыслъ (улож. § 1. Ч. I), который въ нарушеніяхъ можетъ быть и не быть (Ч. II, § 5, 8, 10 и 11); б) виѣняемость, которая и при извѣстныхъ услови-

якъ, исключаютшихъ злой умыслъ въ преступленіяхъ, подвергается наказанію за нарушенія (Сообр. § 2. с, d, f, g; I-ой части и § 3, 4 и 28 II-й части); в) за преступленія назначаются уголовныя наказанія (смерть — 6-ти мѣсячное заключеніе), за нарушеніе — исправительныя (6-ти мѣсячное заключеніе — суточное заключеніе), § 14 и 15; г) осужденіе за преступленія соединено съ важными послѣдствіями, потерей правъ, чести (§ 23), осужденіе за нарушенія не имѣетъ послѣдствій (§ 27); и д, цѣль наказаній за преступленія состоитъ въ удержаніи, — наказаній за нарушенія въ исправленіи (Обнарод. грам. ст. 10 и 15).

Эти условія очевидно не составляютъ прочныхъ и точныхъ признаковъ: а) Злой умыслъ относится равно къ преступленіямъ и къ нарушеніямъ и отсутствіе его въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ есть изъятіе, а не общее правило, и притомъ самый умыслъ, содержащійся впрочемъ уже въ понятіи о нарушеніи (Uebertretung) не есть признакъ удостовѣряющій, а предметъ, самъ требующій удостовѣренія. б) Точно тоже должно сказать и о вибвляемости. И умыслъ и вибвляемость относятся къ различію наказаній, а не къ преступленіямъ, и какъ то, такъ и другое до суда опредѣлены быть не могутъ. в) Различеніе преступленій и нарушеній по свойству наказаній (болѣе и менѣе 6 мѣсяцевъ заключенія) есть признакъ, опредѣляющійся послѣ суда. Впрочемъ послѣдующія постановленія: 9 января 1804, 5 октября 1804 и 27 іюля 1805 г. разрѣшаютъ судъ «при извѣстныхъ обстоятельствахъ назначать за преступленіе и менѣе 6 мѣсяцевъ заключенія.» Слѣдовательно, наказанія уголовныя и исправительныя сливаются, и въ нихъ, какъ и въ преступленіяхъ, нѣтъ безусловнаго различія г) Что касается до послѣдствій наказаній, то и этотъ признакъ опредѣляется уже послѣ суда, и сверхъ того — исправительныя наказанія, каковы: выставка на позоръ (Ч. II. § 21), лишеніе нѣкоторыхъ правъ, отставленіе отъ службы и потеря преимуществъ оной, едва ли можетъ быть названо наказаніемъ безъ послѣдствій. д) Цѣль наказанія опредѣляетъ порядокъ устройства наказательныхъ учрежденій, а не различіе преступленій.

По неопредѣленности сихъ основаній и признаковъ оставалось — какъ это и сдѣлано — ограничиться *положительнымъ* изъясненіемъ, что преступленіемъ и нарушеніемъ должно признавать дѣявія, означенныя въ 1 и во 2 части Уложенія (Введ. ст. VI и VIII).

Мы въ особенности остановились на семь предметов потому, что въ примѣненіи къ дѣламъ, по раздѣленію подсудностей и по послѣдствіямъ осужденій, различіе преступленій и нарушеній имѣеть большую важность и принято въ багарскомъ, арацудаскомъ и подлѣйшихъ уложеніяхъ, между тѣмъ какъ въ существѣ раздѣленіе это не имѣеть твердаго основанія.

По неопредѣленности признаковъ, различіе привело — какъ это видно и изъ выше означеннаго оглавленія преступленій (Ч. I. § 50 и Ч. II § 33—36) — къ тому, что постановленія о нарушеніяхъ заключаютъ въ себѣ или дополненія и повторенія постановленій о преступленіяхъ (какъ напр. Ч. I, ст. 52—69 и Ч. II, 37—71 или Ч. I, ст. 147—189 и Ч. II, ст. 184—233), или нарушенія благоустройства и благочинія (о скорой вѣдѣ, купаньяхъ, бродяжествѣ и т. п. § 172—182), или дѣянія, сужденіе которыхъ требовало бы большихъ огражденій, какъ напр. о бракѣ, 247—255; объ обидѣхъ 234—244, и друг.

111.

По словоупотребленію (этимологіи) преступленіе есть нарушеніе предписаннаго или должнаго умышленное, а проступокъ — неумышленное. Могутъ быть приняты, по особымъ уваженіямъ, и другія основанія, но собственно для раздѣленія степеней суда, а не для опредѣленія послѣдствій наказанія, основанныхъ на не точномъ опредѣленіи свойства дѣянія.

Второе возраженіе дѣлаютъ о неудовлетворительномъ порядкѣ наказаній. Уголовныя, смерть и заключеніе, не будучи по видимому жестоки, въ высшихъ степеняхъ, какъ уже упомянуто, назначаются довольно часто: смертная казнь въ 10 случаяхъ, пожизненное заключеніе въ 14. При единообразіи наказаній оставалось прибѣгнуть къ ихъ изощренію. Заключеніе раздѣлено на три вида, и тяжкое (*schwerer Kerker*), состоящее въ разныхъ удрученіяхъ и лишеніяхъ, изощряется новыми удрученіями и лишеніями (§ 14—17). Наказанія исправительныя вѣрѣдно имѣютъ всѣ свойства уголовныхъ, какъ напр. выставка на позоръ (Ч. II, ст. 21) лишеніе правъ, совершенная высылка.

Третье: отсутствіе опредѣлительныхъ правилъ о степеняхъ участія и покушенія.

Объ участіи, въ нѣсколькихъ словахъ, говорится въ § 5 и 6, части I-й уложенія. Законодатель не хотѣлъ постановлять о семь общихъ правилъ, дѣйствительно затруднительныхъ, и перечислять разные виды участія при разныхъ видахъ преступленій, именно въ ст. 54, 55, 62—65, 69, 73, 93—95, 96—98, 102,

104, 105, 106, 118, 3, 119—121, 124, 132, 139, 126, 130, 145, 6, 148, 165, 166, 175 и 193.

О покушеніи также въ нѣсколькихъ словахъ говорится въ общій 7 статьѣ 1 части, а разные виды покушенія означены при разныхъ видахъ преступленій, какъ то: 53, 96, 99, 101, 112, 121, 129, 131 и 132.

По мнѣнію многихъ и самихъ австрійскихъ правовѣдовъ, это отсутствіе общихъ правилъ и означеніе видовъ участія и покушенія при разныхъ видахъ преступленій сдѣлано весьма основательно и съ тою цѣлю, чтобы не стѣснять судъ въ опредѣленіи отвѣтственности въ сихъ случаяхъ при помощи науки и собственнаго усмотрѣнія. Цѣль законодателя, говоритъ Миттермайеръ, оправдалась на самомъ дѣлѣ въ ученыхъ работахъ дѣловыхъ австрійскихъ правовѣдовъ.

Мы не будемъ оспаривать этого мнѣнія, основаннаго на отвѣченныхъ предположеніяхъ и очевидно несогласнаго съ существомъ положительнаго закона, который не долженъ предоставлять произволу отвѣтственность за дѣяніе. Участіе и покушеніе имѣютъ общія различныя степени, точное опредѣленіе которыхъ, при всякомъ видѣ преступленія, приведетъ къ повторительнымъ дробностямъ и при всемъ томъ не выразитъ вполне разныхъ ихъ видовъ. Доказательствомъ сему служить то, что о помянутомъ 5—7 § уложенія состоялись многія частныя и общія узаконенія и самыя статьи, въ которыхъ означены виды покушенія и участія, потребовали многократныхъ дополненій и изъясненій. Степени покушенія и участія могутъ имѣть мѣсто при всякомъ преступленіи и слѣдовательно могутъ быть подчинены общимъ опредѣленіямъ, изъ которыхъ изъятія должны быть указаны при частныхъ видахъ преступленій. Судебный обычай и наука, безъ руководительныхъ правилъ закона, приведутъ къ разнообразію.

Въ семь заключаются, по мнѣнію нашему, достоинства и недостатки прусскаго и австрійскаго уложеній. Первое дѣйствуетъ около 50 лѣтъ, второе нѣсколько менѣе, но преимущества послѣдняго таковы, что время, указавъ его недостатки и исправляя ихъ, не измѣнило основныхъ началъ его, между тѣмъ какъ прусское почти совершенно измѣнилось новыми законами и судебнымъ обычаемъ. Около 700 постановленій, съ 1795 г. изданныхъ, требуютъ новаго уложенія ихъ. Изъ сочиненій Манниконфа, Маухера, Вазера и др. видно, въ чемъ заключаются и когда изданы дополнительные постановленія. Конечно здѣсь должно ис-

вать причину не въ однихъ несообразностяхъ и ошибкахъ составителей уложеній, но и гораздо болѣе въ движеніи времени, которое приноситъ новыя требованія и переменны въ событіяхъ жизни и въ развитіи общества и науки. Дополненія законовъ, по этимъ причинамъ, въ общихъ уложеніяхъ были весьма значительны и въ особенности въ прусскомъ. Все что по настоянію современной предусмотрительности (политики) вошло въ законъ, какъ-то предупредительныя мѣры, устрашеніе наказаніемъ, въ уложеніи прусскомъ, измѣнилось и многое совсѣмъ исчезло; все что, по убѣжденію современныхъ ученій, предоставлено было наукѣ, какъ напр. степени участія и покушенія, въ уложеніи австрійскомъ, потребовало объясненій и дополненій и всѣ эти недостатки обнаружались въ самомъ непродолжительномъ времени.

Развитіе понятій о преступленіяхъ распространилось новыми видами, которые, какъ болѣзни вѣка, приходятъ съ каждымъ поколѣніемъ. Оставленное безъ вниманія начало мѣстности, поглощаемое сосредоточеніемъ, породило искателей счастья, бродягъ, (подлоги), а поощряемое начало сосредоточенія, привлекая этихъ нравственныхъ и бездомовыхъ бродягъ, произвело и сосредоточеніе умысловъ въ скопищахъ, шайкахъ, створахъ (работниковъ), тайныхъ связяхъ, обществахъ. Начало достоинства, давности или заслуги, перешедшее въ начало способностей, выразилось въ непоимѣрныхъ стремленіяхъ честолюбія, для котораго открытое поле печатной письменности представило частые поводы нарушеній порядка гласности или правилъ печатанія, особенно въ повременныхъ изданіяхъ.

Сверхъ разныхъ видовъ подлоговъ (имени, званія, чина и р. д.), створовъ, въ разныхъ видахъ, печатанія и т. п. особенно ограждена общественная нравственность и порядокъ служебный.

Но главнѣйшія измѣненія послѣдовали въ порядкѣ наказаній; такъ въ прусскомъ уложеніи:

Смертная казнь, столь строгая и напоминающая XVI вѣкъ, не исполнялась въ разныхъ своихъ видахъ. Мечъ, какъ орудіе казни, замѣненъ (11 іюня 1811 г.) болѣе вѣрною съкирою (Beil), возложеніе трупа на колесо отмѣнено въ томъ же году 19-го октября.

Тѣлесныя наказанія, столь частыя и жестокия (Улож. Кн. II разд. XX ст: 256, 425, 828, 872, 960 а, 962, 968, 972, 1203, 1214, 1225, 1501, 1524, 1575), опредѣлявшіяся безъ различія пола и званія, сокращены и смягчены ощутительно. Свѣченіе при

поступленія и освобожденія изъ тюрьмы отмѣнено (1805); оно отмѣнено, какъ лишнее, при осужденіи къ заключенію пожизненному (14 мая 1811), и ограничено только извѣстными преступниками низшаго званія (23 мая 1812), исключено изъ приговоровъ о лишеніи дворянства (7 декабря 1827), наконецъ совершенно отмѣнено, какъ усиленіе при другихъ наказаніяхъ, какъ наказаніе произвольное, по усмотрѣнію суда назначаемое, отъ него совершенно освобождены виновные, сознавшіеся въ преступленіи, строевые солдаты и всѣ женщины (29 марта 1833 г.)

Заключеніе, прежде столь ограниченное, мало-по-малу получило многоразличныя видоизмѣненія по различію мѣстъ, съ работами и безъ работъ, по сословіямъ, образованію, виновности, сознанию, полу и возрасту подсудимыхъ. Неудавшаяся попытка переселеній въ 1802—1805 и новыя предположенія о семъ въ 1825 и предложенія областныхъ собраній въ 1838—1840 гг. привели къ устройству тюремъ уединеннаго заключенія.

Уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній и развитіе значенія правъ сословія и отличій привели къ распространенію и введенію новыхъ видовъ.

Лишенія правъ и преимуществъ, принадлежностей и знаковъ отличій, которые прежде были только послѣдствіемъ наказаній, а теперь мало-по-малу дѣлаются наказаніями самостоятельными, и которыхъ дробность дошла до такой степени, что составляетъ обширный отдѣлъ уголовной книги.

Менѣе измѣненій послѣдовало въ порядкѣ наказаній уложенія австрійскаго. Смертная казнь распространена на новые виды поддѣлки бумагъ и передатчиковъ (3 декабря 1808, 21 іюня 1810, 10 октября 1821), смягчены усиленія наказаній вообще несовершеннолѣтнихъ (до 20 л), отмѣною работъ при заключеніи, сдѣлавшемся еще болѣе однообразнымъ, отмѣнена, для австрійскихъ областей ссылка (на галеры), распространены виды лишенія правъ и преимуществъ. Болѣе важныхъ дополненій потребовали не точныя постановленія о различіи преступленій и нарушеній, о свойствахъ умысла, о степеняхъ участія и покушенія (5 окт. 1804, 13 іюля 1814, 17 янв. 1818, 29 авг. 1822, 27 декабря 1827 и мн. др.) понижены сроки заключенія, установленъ новый порядокъ о преступленіяхъ казенныхъ, 1835; въ Пруссіи о злоупотребленіяхъ съ чиновниковъ 1844 г. Вообще въ австрійскомъ уложеніи право смягченія наказаній распространено весьма зна-

чительно и, къ очевидному замедленію дѣлъ, подведено подъ общіе обряды судопроизводства.

Въ общихъ уложеніяхъ многочисленныя и подробныя дополненія относятся къ предметамъ распорядительнымъ и весьма обширный отдѣлъ составляютъ постановленія о выдачѣ преступниковъ и порядкѣ ихъ преслѣдованія въ разныхъ смежныхъ государствахъ,—постановленія, необходимость которыхъ указываетъ, можетъ быть, на необходимость общаго уложенія, для всѣхъ государствъ одноплеменныхъ и одного союза.

Какъ извѣстно оба уложенія подвергаются пересмотру. Четыре или пять предначертаній прусскихъ, одно за другимъ составленныхъ, не могли удовлетворить разнообразныхъ требованій и важное дѣло пересмотра, какъ мы изложили прежде въ упомянутомъ обзорѣ прусскихъ законоположеній, съ 1817 г. не довершило предвзначенныхъ улучшеній. Всѣ министры: Дакельманъ, Кампцъ и особенно Савиньи признавали настоятельность въ лучшемъ уложеніи преимущественно законовъ уголовныхъ.

Въ Австріи предложено тоже предначертаніе новаго уложенія въ 1844 г. И здѣсь съ 1767 г., если предположеніе состоится, это будетъ, въ теченіи 80 лѣтъ, четвертое законодательство, измѣненное въ частяхъ и осужденіяхъ.

По видимому гораздо болѣе твердости и вѣстости въ уложеніи, которое по времени своего явленія и по неодобрительнымъ отзывамъ знатоковъ права, не могло выдержать продолжительнаго испытанія: мы говоримъ о code pénal 1810 г.

Вліяніе науки права, въ строгомъ смыслѣ историческаго ученія, здѣсь нѣтъ и быть не могло: здѣсь былъ опытъ, живой опытъ разнообразной дѣйствительности и свободный до произвола умъ учредительный. Къ этимъ стихіямъ, замѣшаннымъ въліяніе науки, присоединились основанія вещественныя: судебный обычай, обильный содержаніемъ и развѣтливый до положительности общихъ правъ, и ясная рѣчь, ясное изясненіе, всѣмъ понятное и вполне выразительное.

Изъ этихъ стихій составилось уложеніе французское: судебный обычай далъ содержаніе, живое знаніе дѣйствительности дополнило и приняло его къ современному обществу, а учредительный умъ провнѣлъ его своими общими началами. Обработанный до совершенства языкъ и стройное расположеніе частей и всего цѣлѣю, простота раздѣленій и точныя опредѣленія составляютъ

неотъемлемыя достоинства уложенія и дѣлають его принятымъ не только въ разныхъ областяхъ, прежде рѣзко отдѣленныхъ, одного государства, но и въ странахъ иноплемениныхъ: на Рейнѣ, въ Бельгiи, Голландiи, Швейцарiи, Италiи, Греции, въ дни имперiи, возстановленiя и новыхъ переворотовъ.

Разсмотрѣнiе французскаго уложенiя не входитъ въ настоящее обзорѣнiе, но по связи его съ землями нѣмецкими, по обширному его влiянiю на дѣловое правовѣдѣнiе Германiи, мы остановились на этомъ законоположенiи, въ которомъ успѣхи права ошутительны, не смотря на важные недостатки.

Съ самаго изданiя уложенiя 1810 г. оно встрѣчено нѣмецкими правовѣдами строгимъ порицанiемъ и г. фонъ Савиньи, въ 1814 г. не находилъ можно сказать словъ, чтобъ выразить отсутствiе въ немъ историческихъ основанiй, неправильное понятiе ученiй римскихъ и вообще незрѣлость работы и составителей. Недостатки эти въ нѣкоторой степени могутъ относиться и къ уголовному уложенiю. Оно явилось послѣ четырехъ попытокъ, существовавшихъ недолго, и въ такія времена, когда всѣ историческія основанiя были потрясены и когда своемыслие и своеволие, едва сдерживаемыя силою вонтеля, требовали строже обыкновенныхъ запрещенiй и угрозенiй. Нужно было оградить не столько право, сколько порядокъ, безъ котораго быть не можетъ и самого огражденiя права.

Отсюда пронстекаетъ *строгость* французскаго уложенiя, строгость общая, которая весьма часто назначаетъ смертную казнь, пожизненную каторгу и безчестiе, вѣдѣнiе, позоръ и отобранiе имущества. Эта строгость, въ особенности усиливающаяся отъ сравненiя покушенiя и разныхъ степеней участiя съ дѣйствительнымъ совершенiемъ преступленiя, была главнымъ поводомъ дальнѣйшихъ перемѣнъ уложенiя.

Подобно австрiйскому, французскій законъ раздѣляетъ преступленiя на уголовныя, исправительныя и маловажныя, но не входитъ въ сбивчивыя поясненiя, не отдѣляетъ въ книгѣ закона вторыхъ отъ первыхъ и излагаетъ только послѣднiя въ особомъ раздѣлѣ. Основанiями раздѣленiя приняты тоже виѣшніе призраки, по мѣрѣ наказанiя, но менѣе сбивчивыя, потому что судопроизводство основано на обвиненiи и гласности. Порядокъ преступленiй и наказанiй подчиненъ видамъ или требованiямъ предусмотрительности (политики) и слѣдовательно, какъ въ Пруссiи, чѣмъ устрашенiя. Раздѣленiе нарушенiй подчинено, какъ въ

Австріи, требованіямъ управленія правосудіемъ, дѣловому удобству. Но устрашеніе не могло быть понижасемо или смягчаемо какъ въ Пруссіи, а раздѣленіе нарушеній на разные виды, въ существѣ, еще менѣе удовлетворительно, нежели въ Австріи и важно собственно для раздѣленія подсудностей: потому-что въ первомъ случаѣ не достаетъ судебного обычая, который такъ много способствовалъ смягченію наказаній въ Пруссіи, и во второмъ раздѣленіе преступленій имѣетъ несоотвѣтственное вліяніе на различеніе учреждений при судѣ присяжномъ, исправительномъ и мѣстномъ: всѣ они можно сказать, по отсутствію опредѣленныхъ доказательствъ, осуждаютъ по личному, внутреннему убѣжденію.

Въ настоящемъ (1846) году исполнилось 20 лѣтъ изданія подробной отчетности уголовного правосудія во Франціи и изученіе его, на этихъ основаніяхъ, представитъ постепенное измѣненіе уложенія въ смягченіи наказаній, а разсмотрѣніе сихъ измѣненій въ ихъ поводахъ и послѣдствіяхъ убѣдитъ въ отсутствіи точныхъ руководительныхъ началъ, при которыхъ образуется правильный судебный обычай, не измѣняя существа закона. Неудовлетворительный порядокъ наказаній и отсутствіе правильного обычая были главнѣйшими причинами колебанія французскаго уголовного законодательства и запутанныхъ мѣръ, къ исправленію его предпринимавшихся.

Уложеніе опредѣляетъ слѣдующія наказанія и взысканія: смертная казнь, пожизненные и временныя (отъ 20 до 5 л.) работы, ссылка, заточеніе, изгнаніе, лишеніе всѣхъ правъ, или гражданская смерть, выставка на позоръ, лишеніе гражданскихъ правъ, заключеніе, ограниченіе нѣкоторыхъ правъ; задержаніе, денежное взысканіе и др. Разсматриваемый съ отвлеченной точки зрѣнія порядокъ наказаній, по постепенности и разнообразію видовъ, представляется удачно придуманнымъ; но на самомъ дѣлѣ порядокъ этотъ требовалъ существенныхъ измѣненій: недостатокъ дѣлимости въ смертной казни и пожизненныхъ работахъ, неназначеніе мѣстъ ссылки, замѣняемой пожизненнымъ задержаніемъ (§ 17) и неисполнимость изгнанія—ограничиваютъ всѣ главные виды наказанія *тремя*: смертію, работами и заключеніемъ, присовокупляя лишенія правъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было: несоотвѣтствіе замѣлъ наказаній и смѣшеніе ихъ. Законъ содержалъ въ себѣ правила неопредѣленные въ дѣйствительности. Надобно вещи называть своимъ именемъ,

нѣчто неустройство учреждений: работъ, заѣмчивыхъ казнь, и тюремъ, совокупляющихъ въ себя и заключеніе и задержаніе и осмыку и изгнаніе и несостоятельность, — приводятъ къ тѣмъ безпорядкамъ, которые такъ разительво обнаружены по поводу предначертанія закона (1841 г.) о лучшихъ тюрьмахъ и объ отнѣсѣ приморскихъ работъ.

Второй общій недостатокъ состоитъ въ зыбкости судебнаго обычая. Правосудіе, правосѣдвіе — сказалъ знаменитый докладчикъ (Порталисъ) — есть море, а законы его берега. И дѣйствительно, судя по многочисленнымъ, разнообразнымъ толкованіямъ и приговорамъ судовъ, стихія правосудія представляется непостоянною зыбью. Обычность, необходимо являющаяся при всякомъ законодательствѣ, отличалась во Франціи основательностію, усовершенствовалась современными измѣненіями понятій. Уложеніе 1810 г., предписавъ общія положенія, остановило дальнѣйшее усовершенствіе обычая, и не предавъ опредѣлительныхъ правилъ его развитія изъ опасенія поколебать силу сосредоточеннаго права въ видѣ общаго закона, сдѣлало обычай, какъ развитіе закона, неподвижнымъ, а какъ точнѣйшее принятіе его, разнообразнымъ. Въ первомъ случаѣ недостаткахъ, а во второмъ обиліе произвели то, что почти по каждой статьѣ уложенія возбуждается нѣсколько сомнительныхъ вопросовъ и на каждый вопросъ, при тождественности обстоятельствъ дѣла, есть въ виду нѣсколько современныхъ рѣшеній одно другому противорѣчащихъ, и при томъ рѣшеній судовъ и даже высшей блюстительной палаты. Это имѣло то послѣдствіе, что при оказавшейся необходимости измѣнить и улучшить законъ, въ 1828, 1832 и 1835 годахъ предначертатели улучшеній не нашли никакой помощи въ обычности предшествоваваго опыта и чтобы приравнять уложеніе 1810 г. къ временамъ 1830, вынужденны были прибѣгнуть къ общему ослабленію наказаній пониженіемъ ихъ, когда есть обстоятельства, не убѣжденію присяжныхъ засѣдателей, умывающія вину (11) и къ признанію возбужденія сомнѣній не второй разъ какъ бы ослушаніемъ, такъ что третій судъ или третіе рѣшеніе постановляется не по убѣжденію суда, а какъ предвѣстъ блюстительная палата (cour de cassation).

Впрочемъ не одни эти недостатки были послѣдствіемъ основныхъ недостатковъ уложенія: послѣдствіемъ составленія; подчиненія суда вѣдамъ общественной свободы; отнѣсны опредѣленныхъ

доказательствъ и повѣрованія къ огражденію судебнаго обычая и усовершенію, снмъ путемъ, законодательства.

Мы желаемъ вѣрить, что ины сн суть временныя, настоя- тельностио улучшенія вызванныя. Въ Бельгіи онѣ приняты уже въ другомъ видѣ (12). Хотя мы не соглашаемся съ мнѣніемъ предѣдателя уголовныхъ собраній (assises) Лакювнина и за- чальника уголовныхъ дѣлъ въ министерствѣ, Геля, о неудовле- творительномъ положеніи правосудія во Франціи, однако, на- блюдая обширное вліяніе французскаго уложенія на обществен- ное мнѣніе въ Германіи, мы думаемъ, что французское уложеніе 1810 года, при всѣхъ его достѣннствахъ, какъ закона яснаго, стройнаго и для дѣловаго руководства удобнаго, можетъ быть полезно только при другихъ учрежденіяхъ, правосудіе огражда- ющихъ. Вліяніе науки во всей свободѣ отвлеченныхъ началъ является въ предначертаніяхъ баварскаго уложенія 1813 г., ко- торое заключаетъ собою рядъ новыхъ уложеній и служитъ осно- ваніемъ новѣйшихъ. Прежде наука служила опорой и обновле- ніемъ закона, въ баварскомъ уложеніи законъ дѣлается выраже- ніемъ науки: отвлеченность облеклась въ положительность.

Уголовное право въ Баваріи было въ болѣе удовлетворитель- номъ состояніи, нежели въ другихъ земляхъ; оно не имѣло едино- образія, но во многихъ областяхъ основывалось на уложеніяхъ точныхъ и состояло изъ пяти законодательствъ: 1, общаго, сло- женнаго изъ Каролины и дополняющихъ ее источниковъ; 2, ба- варскаго уложенія (Крейтмайера) 1751 г; 3 прусскаго—1794 г; 4, бамбергскаго, самаго древняго и совершенно измѣнившагося обычая, и 5, австрійскаго—1803 г. Впослѣдствіи, въ рейн- скихъ областяхъ, введено право французское.

Совмѣстность столь многихъ законодательствъ, уже достиг- шихъ зрѣлаго развитія, могла обидать въ соглашеніи или въ соединеніи ихъ право совершеннѣйшее. Для сего представлялось два путя: первый—основывался на опытѣ, свести и слить, соеди-

* И баварское уложеніе составилось подъ вліяніемъ преимущественно двухъ началъ: науки, всегда нѣвышея сильное вліяніе въ ученой Германіи, и—сосредоточенія, прежде чуждаго германской жизни и развившагося пре- имущественно во Франціи. Надобно впрочемъ различать предварительныя предначертанія отъ окончательныхъ, измѣненныхъ и дополненныхъ раз- сматривательными собраніями. Отъ многого предначертатель въ послѣдствіи от- казался, объявивъ, что онъ «an demselben ganz und gar unschludig sei.» (Срвн. примѣч. 8-е).

но возможно, эти дѣйствующія уложенія въ одно, давъ преимущество, при разногласіи, болѣе умѣренному предъ строгимъ, болѣе свободному предъ стѣснительнымъ и постановя, если этого требовали нѣкоторыя особенности, частныя мѣстныя изъятія; или второй, — выбрать и положить въ основаніе общее ученіе, развитіе котораго, въ приложеніи къ дѣйствительности, обняло бы въ себѣ всѣ сін законодательства въ порядкѣ (системѣ) несложномъ и стройномъ. Можетъ быть при составленіи уложенія обыкновеннымъ порядкомъ начертанія законовъ т. е. чрезъ подлежащія учрежденія, былъ бы избранъ первый способъ, или, по высокому въ то время значенію науки, способъ средній: соглашеніе разныхъ законодательствъ общими, началами, изъ этихъ же законодательствъ выведенными. По неисполнимости строгаго историческаго сліянія, способъ этотъ представлялся удобнѣйшимъ: онъ позволялъ воспользоваться и наукою и вмѣстѣ удовольствіями продолжительнаго опыта. Но не такъ думала наука, не то было время и не того ожидали отъ уложенія. Наука доказывала, что дѣйствующія законодательства не соответствуютъ успѣхамъ, ею достигнутымъ, не соответствуютъ и времени, для котораго предназначалось уложеніе, — то было время рѣшительныхъ переворотовъ въ законодательствѣ французскомъ. Поэтому принять необыкновенный порядокъ и избранъ второй способъ: составленіе уложенія предоставлено наукѣ, разсмотрѣніе его — общественной гласности, а повѣрка — дѣловому опыту. Торжество науки было полное.

Въ январѣ 1800 г., король Максимилианъ Гюсифъ поручилъ начертать общее уложеніе вюрцбургскому ученому Клейншроду, который былъ извѣстенъ многими сочиненіями, свѣдѣніями въ дѣлахъ и разборами уложеній иностранныхъ. Клейншродъ уже въ іюнь 1801 г. представилъ сочиненное имъ предначертаніе, обнимавшее постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ и о судопроизводствѣ. Предначертаніе это передано для разсмотрѣнія дѣловымъ правовѣдамъ Шиберу и Зохеру, исправлено по ихъ замѣчаніямъ и, въ этомъ видѣ напечатанное, предложено во всеобщее свѣдѣніе и разослано въ правительственныя и судебныя мѣста для повѣрки. Возбуждено соревнованіе, назначены къ соисканію награды за лучшія замѣчанія. Сопровождаемое ученостію, опытомъ и гласностію, дѣло это получило необыкновенную важность: явились разсужденія, разборы и опроверженія въ по временныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ Шибера, Зо-

хера, Шиндта (1804), Зальхова, Клейншрода, 1805, Глобиха, 1806, Фейербаха, 1807 и др., представлены дѣловыя замѣчанія присутственныхъ мѣстъ и мнѣнія отъ людей государственныхъ. Общее заключеніе о предначертаніи состояло въ томъ, что оно требуетъ передѣлки въ частяхъ и основаніяхъ. Клейншродъ устранился отъ дѣла и продолженіе или совершеніе его возложено на одного изъ разбирателей, представившаго обширныя замѣчанія, отличавшіяся глубокими воззрѣніями, строгою послѣдовательностью и ясностію. Имя его было уже извѣстно: это былъ Фейербахъ, глава новѣйшихъ ученій уголовного права. Изъ трехъ современныхъ знаменитостей: Клейншрода, Клейна и Фейербаха, выборъ палъ на послѣдняго. Старое ученіе уступило новому. Ансельмъ Фейербахъ изъ современныхъ ученыхъ отличался тою всеобщностью образованія, пространнымъ объемомъ воззрѣній и спокойнымъ созерцаніемъ своего предмета, которыя знаменуютъ людей, назначенныхъ для преобразованія. Онъ дѣйствительно совершилъ его въ избранномъ имъ кругѣ уголовной науки.

Фейербахъ въ общемъ вѣдѣніи, философіи, искалъ опредѣленной истины, правовѣденія; въ истинѣ онъ старался найти положительное правило, законъ, а въ правилѣ онъ видѣлъ руководство жизни. Этими путемъ отъ общаго вѣдѣнія къ праву, отъ права къ предусмотрительности (политикѣ) онъ дошелъ до уголовного законодательства, которое, по соединеніи въ немъ мыслей и дѣйствій, онъ готовъ былъ назвать ученіемъ, воспитаніемъ, руководствомъ народнымъ.

Изучивъ существо и содержаніе положительнаго уголовного права, онъ подвергъ его начала и основанія точному разбору въ сочиненіи своемъ. *Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinl. Rechts*, 1799 г. Начала и основанія эти и въ видахъ общаго правовѣденія и въ видахъ приложенія ихъ къ даннымъ случаямъ (*Kriminalpolitik*) были очевидно недостаточны. Разобравъ ихъ и постановивъ другія начала, Фейербахъ изложилъ свои выводы и основанія въ образцовомъ учебникѣ—*Lehrbuch des gemein. peinl. Rechts*, 1801 г., гдѣ все это дробное право распределяется и прилагается къ общимъ началамъ въ порядкѣ, поражающемъ своею простотою, краткостію и ясностію: Сочиненіе это имѣло и имѣетъ успѣхъ необыкновенный и почти силу закона. Какъ ученый законовѣдъ, Фейербахъ стоялъ весьма высоко въ общественномъ мнѣніи, когда началось баварское уложеніе и суду мнѣнія предано начертаніе Клейншрода. По-

судователъ Монтескье, основателя сравнительнаго изученія законодательства и такъ называемой уголовной политики, Фейербахъ далъ новымъ понятіямъ твердость началъ и ученое основаніе. По ученію Фейербаха, государство есть ненарушимый порядокъ права, господство опредѣленныхъ истинъ, въ которомъ власть устроющая, собственно государственное право, пребываетъ вышшею съ властью охраняющею—уголовнымъ правомъ. Оно заботится, чтобы не было нарушеній правъ, чтобы предупреждена была самая возможность нарушеній и чтобы они, если будутъ, не оставались безнаказанными. Достигнуть этой цѣли, можно принужденіемъ вещественнымъ (физическимъ): т. е. истребованіемъ обшчанія, залога или ручательства въ томъ, что право не будетъ нарушено, или возстановленіемъ права, если оно было нарушено. Это принужденіе очевидно недостаточно какъ по ограниченности ручательства, такъ и по невозможности возстановить нѣкоторыя права невозвратимыя; напр. здоровье, жизнь, честь. Поэтому необходимо—принужденіе душевное т. е. убѣжденіемъ въ неизбѣжности наказанія оставить самое побужденіе къ нарушенію, внушивъ всѣмъ и каждому, — такъ какъ всѣ могутъ быть нарушителями, — что неизбѣжное наказаніе или бѣдствіе будетъ тагостнѣе лишенія, протеходящаго отъ неудовлетворенія побужденія, и подтверждая это угроженіе дѣйствительнымъ наказаніемъ нарушителей. Отсюда Фейербахъ выводитъ слѣдующія начала: 1. Законъ долженъ содержать въ себѣ всѣ угрожающія наказанія за извѣстныя дѣланія — *nulla poena sine lege*. Здѣсь законъ является руководствомъ, ограждая ненарушимость порядка. 2. Никакое преступленіе не должно оставаться безъ законнаго наказанія, *nullum crimen sine poena legali*. Здѣсь законъ представляется неизбѣжною строгостію. 3. Никакое наказаніе не должно быть назначено безъ преступленія, *nulla poena sine crimine*. Здѣсь законъ, какъ справедливость, ограждаетъ личность. Такъ знаменитый ученый хотѣлъ обнять въ законѣ всю жизнь и убѣжденіемъ въ неизбѣжности тяжкаго бѣдствія заставить спокойно переносить бѣдствіе менѣе тяжкое.

Опредѣливъ начала, Фейербахъ прибѣгнулъ къ предначертанію Клейншрода и выразилъ въ своемъ предначертаніи, когда перейдя изъ Килъ въ Ландегутъ, онъ получилъ это высокое порученіе. Въ декабрѣ 1807 г. предначертаніе было представлено и носилъ продолжительныхъ разсмотрѣній и разныхъ дополненій въ особомъ собраніи чиновниковъ министерства юстиціи и въ

особомъ и общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ присутствіи короля и наслѣдника, утверждено 7 января 1813 г.

Такъ составила баварская книга уголовныхъ законовъ; основа новѣйшихъ нѣмецкихъ уложеній.

Вѣрный своимъ началамъ при разсмотрѣніи предначертанія (Клейншрода), основаннаго на историческомъ, упавшемъ тогда ученіи, Фейербахъ, глава новаго ученія, поколебался, пристуививъ къ самой законодательной работѣ, выразить вполне свое отвлеченное ученіе. Оно очевидно присутствовало при общихъ раздѣленіяхъ и опредѣленіяхъ, но излилось неточно, стремись огласить и требованія науки и требованія опыта. Не безъ живаго душевнаго волненія могъ взяться за перо ученый правовѣдъ, призванный для написанія законовъ цѣлому народу! Здѣсь шло дѣло не о побѣдѣ, которую наука уже имѣла, но о оправданіи довѣрія, наукѣ едѣланнаго. Блестящія надежды были связаны съ счастливымъ исполненіемъ уложенія: государство должно было получить всестороннее огражденіе правъ, народъ — полное изложеніе ученія о преступномъ, полное исчисленіе, рѣшительно отдѣленное отъ науки и всякаго толкованія, всѣхъ дѣяній, подвергающихся наказанію. Это ученіе должноствовало перейти въ общее убѣжденіе и привести къ тому нравственному порядку, въ которомъ мысль о неизбежности наказанія примиряетъ съ лишеніями и обуздываетъ увлеченія и въ которомъ самое преступленіе, если бы оно случилось, должно служить на пользу, укрѣпляя примѣромъ и страхомъ видимаго наказанія, — убѣжденіе въ необходимости ненарушимаго порядка права.

И никогда послѣдствія не соответствовали такъ мало ожиданіямъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, можно сказать, черезъ нѣсколько дней по изданіи уложенія, неприемлимость, вредъ его обнаружился самымъ очевиднымъ образомъ.

Признавая государство ненарушимымъ порядкомъ или господствомъ права, а преступленіе его нарушеніемъ, Фейербахъ предположилъ себѣ: опредѣлнть свойство и разные виды нарушеній, и соразмѣрностію наказанія убѣдить, принудить нарушителей оставить свое намѣреніе.

Такъ какъ права, по принадлежности, двояки: власти и частныхъ лицъ, то и преступленія раздѣляются, на государственныя и частныя, нарушая въ первыхъ: жизнь, здравіе и имущество, а во вторыхъ — цѣлость государства, величество и честь власти и общественный миръ. Нарушеніе собственности частной и государ-

ственной, по способу дѣйствія, можетъ быть или обманомъ или злоупотребленіемъ довѣрія.

Очевидная неудовлетворительность этого раздѣленія: какое мѣсто занимаютъ здѣсь преступленія противъ вѣры, противъ чести частныхъ лицъ, противъ общественной нравственности? Неполнота и смѣшеніе видовъ нарушеній не воспрепятствовали указать мѣсто и снмъ дѣяніямъ; ихъ должно искаать въ нарушеніяхъ міра.

Нарушенія раздѣляются на важныя, менѣе важныя и маловажныя, какъ во французскомъ законѣ, но съ означеніемъ подробнѣйшихъ признаковъ и условій, по которымъ одно и то же дѣяніе можетъ быть, напр: воровство, побой, и тѣмъ и другимъ и третьимъ, если напр. отъ побоевъ обиженный былъ боленъ три дня — вина и наказаніе маловажныя; — до 28 дней — исправительное; больше мѣсяца — уголовное. Какъ во французскомъ, преступленія второго рода, *vergehen, delits*, принадлежать судамъ гражданскимъ.

Наказанія, по образцу французскому, представляютъ довольно счастливое соединеніе, лѣстницу: смерть, усиливаемая предварительною выставкою на позоръ; гражданская смерть, соединенная съ заключеніемъ въ цѣпяхъ, на всю жизнь; каторжныя работы (отъ 20 до 8 л.); рабочій домъ (отъ 8 до 2 л.); съ этими наказаніями соединена потеря особыхъ правъ и преимуществъ. Для лицъ высшихъ сословій эти виды работъ замѣнены заключеніемъ въ крѣпость; заключеніе въ тюрьмѣ (до 2 л.); исключеніе, увольненіе отъ службы; тѣлесныя наказанія; денежные взыскапія. Въ числѣ высшихъ видовъ особенно замѣчательны: (§ 12) каторжныя работы безъ срока. Какъ во французскомъ, здѣсь означены въ законѣ виды, которыхъ не было въ существующихъ наказательныхъ учрежденіяхъ, и осужденные размѣщались, какъ могли.

Но не въ этихъ заимствованіяхъ заключались недостатки уложенія. Заимствованія сія показываютъ только колебаніе дѣла, начатаго подъ столь счастливыми предзнаменованіями новаго ученія, и не все относится къ составителю. Недостатки уложенія заключаются въ совершенномъ отдѣленіи его отъ науки и въ неисполнительности основныхъ началъ его.

Съ того времени, какъ принялись за уложеніе законовъ, составители ихъ полагали, что избранный ими порядокъ (теорія), обнимая основанія права, долженъ служить и законѣмъ жизни и общимъ руководствомъ въ училищахъ. Одинъ изъ составителей уложенія прусскаго Клейнъ называетъ свое «Естественное

право» введеніемъ въ уложеніе. Въ этомъ же смыслѣ, какъ введеніе въ австрійское уложеніе, Цейлеръ написалъ свое естественное право. Фейербахъ пошелъ далѣе. Отвлеченное, общее право онъ вознамѣрился ввести въ самую книгу законовъ, въ видѣ руководительныхъ правилъ общей ея части, и такимъ образомъ соединилъ естественное право, науку, съ положительнымъ, съ живымъ закономъ жизни. Затѣмъ право, общее правовѣденіе не должно было нарушать и искажать уложеніе *in quo jus posse sibi*. Достигнувъ столь высокой степени, правовѣденіе думало удержаться на высотѣ совершенства, остановиться,

Основное начало Фейербаха заключается въ томъ, чтобы страхомъ наказанія заставить отказаться отъ совершенія преступленій, въ томъ убѣжденіи, что наказаніе тягостнѣе того лишенія, которое происходитъ отъ неудовлетвореннаго желанія или побужденія. Начало это предполагаетъ убѣжденіе въ неизбежности наказанія, не предполагая столь свойственной вслѣдствіе надежды на безнаказанность. Начало это требуетъ отъ нарушителя, чтобы въ минуту совершенія преступленія, онъ взвѣсилъ свое бѣдствіе настоящее, и бѣдствіе, ожидающее его въ наказаніи, какъ будто увлеченіе способно на подобныя сравненія, и какъ будто бѣдствіе и тягость обиды, оскорбленія, честилюбія и вообще пылкой страсти, пожирающей человѣка, можетъ сравниться съ тягостью наказанія, мелкимъ огнемъ испытывающаго терпѣніе человѣка.

Такъ ученіе о государствѣ, основанномъ на общественномъ условіи (*contrat social*), привело къ столь неисполнимымъ выводамъ уголовной предусмотрительности (политики), желавшей сдѣлать изъ права руководство жизни, а изъ уголовного суда ручательство венарушимаго порядка.

Исполнимости или дѣловаго достоинства не могли получить эти начала и отъ принятаго порядка обработки и усовершенія путемъ гласности и дѣловаго опыта: ибо не должно предполагать, чтобы принятой порядокъ усовершенствованія оказалъ большую пользу. Предначертатель приступилъ къ дѣлу съ цѣлію составить законъ лучше дѣйствовавшихъ, и личность его, ученія убѣжденія, вшедшія отголосокъ въ общество, исключили прямое вліяніе этихъ законодательствъ, а тѣмъ болѣе — ихъ опыта. Проходя чрезъ личность, общія начала и частныя опыты сихъ законодательствъ распредѣлялись и улагались въ

другомъ порядкѣ, независимо отъ составителя, который и неволенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и по односторонности участія въ дѣлѣ не видитъ, не хочетъ и не можетъ видѣть поводовъ къ измѣненію своихъ убѣжденій. Единственнымъ мѣриломъ отвлеченныхъ развитій служить стройность сочиненія. Не встрѣчая препятствій въ протѣиворѣчій дѣйствительности, ни даже въ возрѣвнн другаго лица, если бы оно было, отвлеченное развитіе незамѣтно уклоняется отъ правильнаго пути, предполагая, что при введеніи въ дѣйствительность правило или законъ встрѣтятъ именно то, что думаетъ составитель.

Принятый порядокъ сопровождался гласностію. Такъ было и въ Пруссіи при уложеніи Кармера, и въ Австріи по предначертанію Цейлера и Зонненфельса. Но и то и другое составлялись особыми собраніями, и гласность въ Австріи ограничивалась собственно Австріей и притомъ въ кругѣ должностныхъ людей. Разительны послѣдствія этихъ уложеній, изъ которыхъ первое, прусское, запуталось въ частности, послѣднее, баварское — въ положеніяхъ общихъ, а среднее, австрійское, имѣетъ и оправдало временемъ несомнѣнныя достоинства. Притомъ: какую степень участія можетъ оказать гласность въ усовершеніи предписаній положительнаго закона? Разборомъ общихъ началъ, общаго ученія? Но это есть принадлежность науки, извѣстныхъ умовъ, въ ряду которыхъ ння какого-нибудь Фейербаха стояло выше другихъ, если принимать, что есть или можетъ быть найдено и точно выражено начало, которое въ состояніи обнять жизнь во всемъ ея разнообразіи. Гласность могла способствовать улучшенію частныхъ? Но какія свѣдѣнія, достовѣрныя и дѣйствительныя, могла представить гласность, которыхъ бы не было въ дѣловыхъ свѣдѣніяхъ судовъ, и какъ вносить эти частныя замѣчанія въ книгу, написанную въ стройномъ порядкѣ, не нарушивъ его?

Предначертаніе, послѣ составителя и суда гласности, исправлялось въ разсматривательныхъ собраніяхъ, и дополнялось дѣловыми замѣчаніями. Но кому извѣстно сколь трудно обнять и удостоверить въ полнотѣ и примѣнимости цѣлой книги законовъ изъ одного чтенія, безъ дѣловаго примѣненія, и притомъ продолжительнаго, тотъ согласится, что замѣчанія на предначертаніе могли быть преимущественно объ основныхъ началахъ, большею частію уже прежде одобренныхъ и неподлежащихъ разсмотрѣнію, объ изложеніи (редакціи), приводящемъ

къ спору изъ словъ, и о нѣкоторыхъ частныхъ исправленіяхъ, которыя, будучи дѣлаемы отдѣльно по статьямъ, иногда приводятъ къ противорѣчію съ другими отдѣльными статьями и общими положеніями, и нерѣдко нарушаютъ стройность и послѣдовательность предначертанія. Что касается до дѣловой повѣрки присутственныхъ мѣстъ, то она никогда не можетъ имѣть предпологаемой отъ нея значительной пользы: краткость времени, даваемого на повѣрку, и обязанности по текущимъ занятіямъ не дозволяютъ заняться ею во всѣхъ подробностяхъ.

Въ баварскомъ уложеніи приняты въ основаніе слѣдующія руководительныя начала: 1, опредѣлить свойство и виды преступленій со всевозможною точностію, замѣня дробность старыхъ уложеній общими (категорическими) подраздѣленіями. Клейтъ и Цейлеръ полагали что есть преступленія естественныя, которыя можно подвергать наказанію, хотя бы они и не были означены въ книгѣ законовъ. Фейсбахъ думалъ означить въ законѣ всѣ возможныя преступленія во всѣхъ видахъ и степеняхъ. 2, Опредѣлить на каждый видъ преступленія особый видъ наказанія, подчиня виновность и наказуемость опредѣленнымъ условіямъ, такъ чтобы присутствіе или отсутствіе ихъ, безъ всякаго участія судейскаго усмотрѣнія, само собою опредѣляло видъ наказанія. Стремленіе къ такой опредѣленности естественно привело къ избранію признаковъ преступленія количественныхъ (стоимость, число дней, лицъ и др.), а желаніе устранить произволъ судей—къ подробностямъ общихъ правилъ о покушеніи, умыслѣ, участіи и виѣняемости, которыя въ отмѣченной или общей части книги изложены въ видѣ ученаго руководства, и безъ соответствія съ прикладною или особенною частію, гдѣ излагаются разные виды преступленій. Отъ сего произошло то, что опредѣленіе вида наказанія, по множеству условій виновности и наказуемости, зависѣло отъ сложена или вычитанія сихъ условій, и—какъ говоритъ праводѣдъ Россигртъ—можетъ служить приѣркомъ сложнаго (аритметическаго) изчисленія, какъ напр. при степеніи разныхъ обстоятельствъ, разныхъ преступленій, степеней участія и воспроникненія. 3, Основаніемъ преступленій, какъ замѣчено выше, принято свойство нарушенныхъ правъ, и способъ нарушенія. 4, Основаніемъ наказаній—мѣра лишеній, побуждающихъ къ преступленію, и устрашеніе лишеніями болѣе тяжкими. Развитіе начала устрашенія душевнаго привело къ прежнему ученію объ устрашеніи нака-

заниемъ, и за снмъ къ общепринятому правилу: соразсѣрять наказаніе съ мѣрою виновности—привело къ правилу только по-видимому опытному, но въ сущестѣ чисто отвлеченному: чѣмъ чаще бываетъ преступленіе, чѣмъ удобнѣе совершеніе его, тѣмъ сильнѣе должно быть устрашеніе, т. е. тѣмъ строже наказаніе. На самомъ дѣлѣ это правило приняло другое значеніе: чѣмъ незначительнѣе преступленіе, тѣмъ строже его предупрежденіе или наказаніе и, при послѣдовательности изложенія, превратилось въ строгость наказаній до такой степени, что право помилованія было утруднено даже по маловажнымъ преступленіямъ: въ 1816 г. изъ числа 921 вора 697 получили сокращеніе наказанія: нмъ прощено 2371 годъ изъ времени заключенія, по закону слѣдовавшаго; 387 человекъ совершенно освобождены изъ тюремъ до окончанія срока (сообр. примѣч. 6-е).

Разсматриваемое отдѣльно, какъ сочиненіе, уложеніе Фейербаха справедливо признается торжественномъ науки, и стройный составъ его, чистое изложеніе и именословіе, строгая последовательность частностей, и единство въ цѣломъ, дѣйствительно представляютъ образецъ работы, и вѣрный залогъ усовершенствованія дѣловаго правовѣднія. Но исключительность умозрительнаго начала въ общемъ основаніи, и недостатокъ дѣловой соразсѣренности въ соотношеніи частныхъ положеній обозначались въ самомъ началѣ дѣйствія уложенія, и указали на необходимость усовершенія его путемъ опыта. Немедленно по обнародованіи уложенія изданы подробныя положенія его (commentar), и повторилось почти тоже явленіе, которое замѣчается при дѣйствіи всякаго заимствованнаго права, или же изъ жизни выработавшагося закона: изъясненіе (glossa, commentar) замѣняетъ законъ.

Черезъ годъ уложеніе принято въ Ольденбургѣ, съ замѣчательными измѣненіями. Въ 1816 г. въ Баваріи изданы новыя положенія (novellen), которыя въ свою очередь породили новыя сомнѣнія. Главный судъ представилъ замѣчанія о встрѣченныхъ несообразностяхъ (Auszug aus dem Berichte des k. b. Oberapellationsgerichts-die Strafrechtspflege betreffend, in J. 1817), и по важности ихъ предположено передѣлать все уложеніе. Въ 1822 г. правовѣдъ Гёйверъ составилъ предначертаніе, въ 1827 г. составлено другое, въ 1831 г. третье; въ 1843 г.—четвертое. Точно тоже явленіе видно во всѣхъ государствахъ Германіи.

Открывъ удобный путь составленія предначертаній, баварское

уложение начинается то продолжающееся донынѣ пространство времени, въ которое уголовные законы почти вездѣ преобразованы. Если измѣненіе ихъ совершилось не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ оно обняло значительную часть, и если въ другихъ мѣстахъ оно не привело къ окончательнымъ послѣдствіямъ, какъ напр. въ Австріи, то стремленіе къ измѣненіямъ тѣмъ не менѣе ощутительно.

Это стремленіе впрочемъ обнаружилось и распространилось не въ одной Германіи: въ немъ приняли участіе почти все государства, и даже тѣ, въ которыхъ ученое (римское) право имѣло мало вліянія, какъ напр. Англія, упорно отклонявшаяся отъ всякихъ измѣненій въ законахъ: *plurimus leges Angliae mutare*. Одно предназначеніе смѣняетъ другое, возбуждаетъ пренія, и движеніе въ собраніяхъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ повременныхъ изданіяхъ и въ обществѣ, даже въ низшихъ слояхъ его. Предназначеніе — въ Баваріи пять, въ Пруссіи пять — едва составлено, какъ въ глазахъ науки и многостороннихъ требованій общественнаго мнѣнія оно представляется уже недостаточнымъ и запоздавшимъ, и является новое, не одно, нѣсколько; какъ тѣ ученые сочиненія на предложенную задачу — *Preisschrift* — которыя обрабатываются для соисканія награды.

Разные новоды были причиною этого движенія. Съ одной стороны желаніе установить прочное для суда законное основаніе, подрываемое опередившимъ законъ обычаемъ, и согласить (*anzurassen, accomodigen*) дѣйствующее право съ измѣнившимся обстоятельствомъ, а съ другой — умѣрить строгость наказаній, въ особенности примененіе смертной казни, и наказаній тѣлесныхъ, и улучшить другія наказательныя учрежденія: переселеніе (*deportation*) и заключеніе. Но главнѣйшими причинами, безъ сомнѣнія, были требованія: науки, принявшей со времени баварскаго уложенія открытое участіе, и общественнаго мнѣнія, вооружившаго свои требованія безчисленными повременными изданіями. Эти два начала привели къ той страсти, которую нѣмецкіе правовѣды называютъ *Gesetzgebungswuth*. Въ наукѣ очевидно преобладаніе началъ нѣмецкихъ: они требуютъ ученаго изложенія, ученаго суда, и его отправленія учеными судьями. Въ общественномъ мнѣніи преобладаютъ начала французскія: они требуютъ общественнаго участія въ судѣ, и гласнаго его отправленія.

Преобразование уголовного законодательства началось уложением баварскимъ, 1813 г. Оно, принятое въ другихъ мѣстахъ, предположено къ передѣлкѣ въ 1817 г. Въ этомъ же году, по требованію быстрыхъ измѣненій, возникло учрежденіе, дотогѣ не слыханное, *usoverstnie* (Revision) или пересмотръ всѣхъ прусскихъ законовъ отдѣльно отъ движенія дѣлъ, и законодательства текущаго, — учрежденіе доселѣ еще не получившее положительнаго дѣйствія, но важное по мысли — какъ закононачертаніе по отвлеченнымъ началамъ, и по вліянію на законодательство текущее, рѣдко согласимое съ этими началами. Около этого-то времени начинаются безпрерывныя работы по уложенію уголовныхъ законовъ всюду, въ однихъ мѣстахъ общія, въ другихъ менѣе общія, но вездѣ болѣе или менѣе совокупныя, на единствѣ начала основанныя.

Мы означимъ тѣ изъ этихъ работъ, которыя уже получили окончаніе, ограничиваясь только означеніемъ объема и времени ихъ изданія, безъ всякаго разсмотрѣнія ихъ содержанія, достоинствъ и недостатковъ. Послѣ баварскаго уложенія 1813 г., съ самаго появленія своего подвергшагося многоразличнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, съ 1814—1819 годахъ, составлены, разсмотрѣны, изданы и введены въ дѣйствіе:

Въ 1819 г. мая 21, уложеніе неаполитанское и въ Швейцаріи: сенъ-галенское.

— 1820 г. ноября 5, париское.

— 1821 г. уложеніе базельское, впоследствии измѣненное.

— 1822 г. испанское, впоследствии отиѣненное.

— 1823 г. уложеніе кантона Ури.

— 1824 г. іюня 25, общее положеніе о смягченіи наказаній во Франціи, распространенное еще болѣе въ 1832 г.

— 1825 г. сентября 11, общее положеніе, впоследствии измѣненное, о таможенныхъ преступленіяхъ въ Баваріи и уложеніе острова Мальты.

— 1827 г. марта 30, общее пониженіе наказаній въ Давіи.

— 1832 г. апрѣля 28, общія правила о смягченіи наказаній, по

обстоятельствамъ и новое изданіе code pénal. Уложеніе для павскихъ владѣній.

- 1833 г. уложеніе греческое.
- 1834 г. уложеніе іоническихъ острововъ, и о таможенныхъ преступленіяхъ въ Баваріи.
- 1835 г. октября 30, уложеніе цюрихское и 11 іюля о нарушеніи доходовъ казны въ Австріи.
- 1836 г. уложеніе люцернское.
- 1837 г. іюля 7, общее пониженіе наказаній въ Англіи.
- 1838 г. марта 30, уложеніе саксонское, исправленное закономъ 16 іюня 1840 г. и уложеніе роде-исландское.
- 1839 г. февр. 16, уложеніе Миссисипи, 1 марта — виртембергское, 26 октября — сардинское.
- 1840 г. уложенія: 10 іюня — брауншвейгское, 24 іюня — нидерландское, 8 авг. — ганноверское и коренныя измѣненія въ законахъ датскихъ.
- 1841 г. уложенія: 14 августа торгоусское, и 17 сентября — гессенское.
- 1842 г. августа 20, уложеніе норвежское.
- 1843 г. февраля 18, уложеніе лозаннское.
- 1844 г. августа 4, уложеніе бернское.
- 1845 г. марта 6, уложеніе баденское.
- 1846 г. авгус. 1, исправленное базельское.

Мы ограничиваемся въ этомъ исчисленіи только общими законами и уложеніями о наказаніяхъ уголовныхъ, не касаясь постановленій о судопроизводствѣ, преобразование котораго уже началось съ 1840 г., о разныхъ особенныхъ видахъ преступленій, о наказательныхъ учрежденіяхъ и т. п.

Многія изъ сихъ уложеній приняты другими государствами, такъ напр. саксонское 1838 г. въ Веймарѣ, 5 апр. 1839, Кобургъ, Альтенбургъ, 3 мая 1841, Мейнингенъ, 1 авг. 1844, въ Зондсгаузенѣ, 10 мая 1845; уложеніе брауншвейгское, 1840 г. принято 15 февр. 1843 г. въ Детмольдѣ, и др.

Мы надѣемся въ особомъ обзорѣни представить постепенныя преобразованія уголовныхъ ученій въ этихъ уложеніяхъ, начиная съ баварскаго, служащаго имъ основаніемъ, и потому ограничимся здѣсь только общимъ замѣчаніемъ о выше исчисленныхъ книгахъ законовъ.

Но сколь ни подробно это исчисленіе, оно не даетъ точнаго понятія о множествѣ предначертаній, сочиненій и предположеній, которыми сопровождался законодательныя работы. Каждое государство, каждое княжество озабочивается составленіемъ своего уложенія, отличнаго отъ сосѣднаго, дѣйствующаго нерѣдко на одномъ и томъ же небольшомъ пространствѣ земли, и это стремленіе естественно производитъ соревнованіе съ одной стороны въ избраніи лучшаго порядка расположенія и изложенія, иногда затемняющихъ, по искусственности своей, самыя общепринятая понятія, а съ другой стороны — въ изысканіи, для отличія, мѣстныхъ особенностей, въ настоящее время болѣею частію уже изгладившихся. Явленіе въ высочайшей степени поучительное и любопытное! Вытѣсенный *отмѣченными* общимъ правомъ, образовавшимся преимущественно изъ римскаго, мѣстный обычай, мѣстное право (таковы его сила и важность) какъ бы возникаетъ снова, чтобы, пройдя загражденный для него прежде туземный нуть, развиться до-единства *живаго* общаго права, единствомъ мѣста и народнаго происхожденія условленнаго (13). Составители предначертаній, какъ писатели для общественнаго чтенія, желаютъ быть народными своеземными и соревнуютъ другъ другу не рѣдко въ томъ: кто искуснѣе и даже кто искусственнѣе предначертаетъ книгу, назначенную для общаго свѣдѣнія и руководства, и притомъ для обществъ, родныхъ по языку, вѣрѣ, понятіямъ и находящихся въ постоянныхъ и частыхъ между собою сношеніяхъ.

Успѣхи законодательства безъ сомнѣнія ошутительны. Современники и болѣе или менѣе участники въ оныхъ стремленіяхъ, мы не можемъ быть безпристрастными судьями собственнаго своего дѣла. Мы можемъ только разгадывать и предполагать, что это явленіе есть противодѣйствіе усиленному стремленію, со времени Каролины, къ единообразію, къ несчаственному сосредоточенію мѣстностей, и что это обиліе мѣстностей, и это обиліе частныхъ, въ свою очередь, могутъ и должны вызвать новое противодѣйствіе, и согласить разнообразныя законы государствъ одного и того же союза въ совѣтное, общее уложеніе, какъ

сались и согласовались ихъ обществу. Если бытъ и виды высшего управленія привели къ учрежденію общаго таможеннаго союза, то при тожествѣ занятій и образованія, и при настоящихъ сношеніяхъ и сообщеніяхъ, весьма трудно представить разнообразныя правила, ограждающія это общество, какъ при единствѣ языка и просвѣщенія представить дѣйствіе различныхъ правилъ чтенія и печатанія. Огражденію, въ чемъ бы оно ни заключалось, въ плотнѣхъ, заставѣ или въ наказаніи и запрещеніи, должно стоять въ уровень и на своемъ мѣстѣ, иначе вода, и въ покойномъ своемъ теченіи, перейдетъ черезъ плотъ или пройдетъ другимъ путемъ. Это будетъ огражденіе мнимое, производящее послѣдствія неожиданныя и противоположныя; вещи должно называть своими именами, иначе онѣ примутъ другое значеніе.

Уголовное законодательство, по справедливости, всегда признавалось и признается въѣнкомъ совокупнаго государственнаго устройства, будучи огражденіемъ обязательной силы законовъ, устроющихъ развитіе обществъ. Дѣйствуя послѣ закона, и даже послѣ нарушенія закона, уголовное огражденіе есть мѣра посредствующая, отрицательная, дѣлающая зло (наказаніе) малое для предупрежденія большаго. Отъ него не должно ожидать прямыхъ и положительныхъ послѣдствій, ни въ видахъ нравственнаго улучшенія, ни въ видахъ поощренія благосостоянія вещественнаго: для этого предназначены другія учрежденія. Подчиненіе этимъ видамъ учрежденій уголовныхъ искажаетъ ихъ значеніе, и приводитъ къ противоположнымъ послѣдствіямъ.

Въ первыя, древнѣйшія времена; уголовное учрежденіе ограждало одну личность личною силою, и выражалось въ самоуправствѣ (Fehderecht). Самоуправство привело къ сдѣлкамъ (Wehrgeld), въ которыхъ самоволіе по крайней мѣрѣ ограничивалось лишеніями или наказаніями возвратными, имуществомъ. Когда семья выросла, и сдѣлалась племенемъ, личность превратилась въ общество и самоуправство въ судъ, а сдѣлки — въ наказаніе (fredum), для котораго римское право представило орудія страха — въ пыткахъ и казняхъ. Ужасомъ страданій хотѣли остановить преступленіе или нарушеніе: извѣстный разбойникъ, грабитель, хищникъ, казненъ; съ казнію нарушителя преступленіе прекращалось. Но совокупленіе личностей въ общество привело и совокупленіе нарушеній въ промыселъ, нарушителей въ шайки: тогда уже недостаточно было страха видимаго наказанія, надоб-

но быле постановить страхъ въ законѣ. Подъ вліяніемъ этихъ видовъ изданы уложенія XVI вѣка, и въ этомъ видѣ законъ оставался до настоящаго времени, съ весьма не многими исключеніями. Но между тѣмъ, какъ законъ ужасалъ нарушителей страшными угрозами, смягченные образованностію нравы отвращались отъ позорища казней, — явленіе замѣчательное — эти ужасы не уменьшали преступленій, не уменьшали числа преступниковъ, но, пробуждая состраданіе въ толпѣ, порывавшейся нерѣдко освободить приведеннаго на казнь общими усиліями собравшихся зрителей, передали его самимъ исполнителямъ: заплочный мастеръ Дипольтъ, еще въ 1513 г., объявилъ суду въ Нюренбергѣ, что онъ не можетъ видѣть страданій жертвы, осужденной къ посаженію на колъ, и отнынѣ отказывается отъ своей обязанности, а другой палачъ, въ Лионѣ, въ XVII столѣтіи, отвѣчалъ главному правителю въ Лионѣ, при казняхъ еретиковъ: «Mon seigneur, je ne travaille que judiciairement». Исполненіе страшныхъ казней въ законѣ приостановлено.

Ученіе объ устрашеніи достигло высшаго своего развитія въ ученіи Фейербаха. Здѣсь уже не отъявленные нарушители, и не шайки, но всѣ — *aller, als möglicher Beleidiger*, — предметомъ устрашенія, и дабы ужасъ не пробуждалъ отвращенія видимыми или вещественными мученіями, онъ отъ глазъ, слуха, отъ чувствъ перемищенъ въ чувствованіе, въ убѣжденіе.

Съ переминою причины переминились и послѣдствія. Страхъ или устрашеніе наказаніемъ оставалось по прежнему господствующимъ началомъ, но какъ прежде вещественныя мученія, произведя отвращеніе въ толпѣ, и исполнителяхъ, остановили исполненіе, замѣня страшные виды простѣйшими, и найдя для простѣйшихъ способъ казни безъ участія рукъ, а наконецъ и совсѣмъ, въ самомъ законѣ, отмѣнили ужасающія или мучительныя наказанія, такъ, при новомъ порядкѣ, строгость, изъ общественнаго убѣжденія перешла къ судьямъ, и привела къ освобожденію преступниковъ другимъ путемъ: ихъ перестали осуждать, какъ въ Баденѣ, во Франціи, гдѣ 50%, и болѣе изъ 100 подеудимыхъ не признавались виновными, или имъ стали прощать, уменьшать наказаніе, какъ напр. въ Баваріи, гдѣ на 3-й годъ по введеніи (измѣненнаго) уложенія Фейербаха, какъ замѣчено выше, 697 воровъ изъ числа 921 получили сокращеніе наказанія, и 387 человекъ совершенно освобождены до окончанія срока приговоровъ.

Безнаказанность потребовала новыхъ измѣненій въ уголовномъ учрежденіи.

Но кромя этого были и другіе поводы къ описанному нами движенію уголовныхъ законодательствъ.

Это—стремленіе къ той отчетливости, законности дѣйствій, которая, основываясь на общемъ, для всѣхъ обязательномъ и положительно выраженномъ правилѣ, съ одной стороны даетъ дѣйствию сильную и вѣрную опору, а съ другой пресѣкаетъ всякія возраженія и пререканія. Отсюда протекаетъ требованіе полноты и опредѣленности уголовного уложенія, которыя вмѣстѣ съ смягченіемъ наказаній, соразмѣрностію ихъ назначеній, и улучшеніемъ наказательныхъ учрежденій составляютъ несомнѣнные успѣхи уголовного права.

Участіе науки въ этихъ успѣхахъ было обширно и доблестно. Она дѣйствовала непосредственно, чрезъ составителей и посредственно чрезъ преподаваніе правовѣдѣнія и чрезъ писателей. Воззваніе къ наукѣ, сдѣланное въ Пруссіи, въ Баваріи, во Франціи, дало ей право свободнаго вмѣшательства и она, уже и прежде оказавшая такъ много услугъ Германіи, представила обильное пособіе: она раскрыла и изяснила источники права, она опредѣлила отношеніе права общаго или возможнаго къ частному или дѣйствующему, она обѣщала исчислить и описать всѣ дѣянія, подлежащія запрещенію, назначить за нихъ такіа наказанія, которыя бы соответствовали и свойству и мѣрѣ вины и особымъ личностямъ виновнаго, возродя въ каждомъ отвращеніи отъ преступленія точнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что совершеніе преступленія, при неизбѣжности наказанія, во всякомъ случаѣ, удастся или нѣтъ совершить его, сопряжено съ лишеніемъ болѣе тяжкимъ, нежели нужда или побужденіе, удручающія преступника.

И должно сознаться, добросовѣстность работъ нѣкоторыхъ составителей, въ семъ отношеніи, далеко превосходитъ уложенія прежнія. Въ нихъ видно стремленіе и счастливыя усилія сочетать выводы умозрительныхъ ученій съ предписаніями закона и требованіе кары, въ видахъ огражденія общества отъ зла и порока, съ христіанскимъ милосердіемъ, опасавшимся назначить, въ самой необходимости, безусловно строгую мѣру наказанія за преступное дѣяніе. Раздробляя это дѣяніе, и угрожающее ему наказаніе на многія степени, и преслѣдуя эти степени,

какъ бы въ ожиданіи возвращенія заблудившейся воли, терпѣливо и осмотрительно отъ начала или умысла, приготовленія, приступа или покушенія до исполненія и совершеннаго окончанія, иногда попускаемаго до двухъ, трехъ и даже четырехъ разъ безъ уголовного наказанія, законъ, и въ самой виновности, строго различаетъ закоренѣлость въ злѣ отъ вины учиненной въ раздраженіи или по увлеченію человѣческой слабости, прощая, если она произошла отъ необходимости или отъ неразумія въ дѣтскомъ возрастѣ, извиняя, если дѣланіе учинено въ несовершеннолѣтіи, смягчая наказаніе, если человѣкъ провинился по неосмотрительности и неосторожности, или провинясь раскаялся, или до провиненія ознаменовалъ себя дѣлами добра и чести.

Но призваніе науки на помощь, обращеніе къ гласности, и прямое участіе ученыхъ въ составленіи уложеній и иныхъ послѣдствій и другаго рода.

До того времени принадлежность извѣстнаго сословія, законодѣланіе—положительное право—черезъ ученыхъ соединилось съ общимъ отвлеченнымъ правомъ, и ошутительно потеряло свою *положительность*, а низойдя, чрезъ гласность, въ общество, оно пробудило разногласія, противорѣчія и толки, въ которыхъ великій могъ и потому считалъ себя въ правѣ принимать участіе. Послѣдствіемъ этого было не только уменьшеніе достоинства, но и колебаніе началъ, возбужденіе мечтательныхъ ученій, и та самоувѣренность, съ которою призванные и не призванные берутся за составленіе предначертаній (Entwurf), пересмотровъ (Revisian), обзорной, разборовъ (Kritik), замѣчаній, и иныхъ, столь многочисленныхъ въ Германіи и во Франціи.

Это ученое и общественное вліяніе отпечатлѣлось и на самихъ предначертаніяхъ, получившихъ утвержденіе, преимущественно въ постановленіяхъ о виѣлемости (Zurechnung) и наказуемости (Strafdrohung). Первое, виѣлемость, развито до такихъ подробностей, многочисленныхъ условій (сообр. напр. сочиненія Dr—Berneri:) *Imputations-lexico*, 1843 и *Theilnahme an Verbrechen*, 1847), что *дѣятельная виновность* представляется какъ-то случайнымъ и при томъ рѣдкимъ *исключеніемъ*, и когда въ прославленномъ баденскомъ предначертаніи постановили, § 67 (71): «дѣланіе не виѣляется въ вину, если нарушитель не имѣлъ сознанія въ преступности онаго, и свободы

дѣйствія (Willkür) — известный правовѣдъ Геотеръ (archiv fuer criminalrecht, 1837, стр. 338) воскликнулъ: «знакомецъ-то столь простое начало виѣнности выражено ясно».

При такомъ развитіи о виѣнности, едва выразимой въ самыхъ неопредѣленныхъ словахъ, естественно и наказуемость не должна быть опредѣлена, и правовѣды и сами начертатели требуютъ, чтобы не только мѣра, но даже видъ и родъ наказанія зависѣли отъ ближайшаго усмотрѣнія судьи.

Но если точное означеніе—дѣйствительно весьма затруднительное—существа преступныхъ дѣяній въ законѣ невозможно, а виѣнность и наказуемость должны быть подчинены сими условіямъ, то что же будутъ содержать уложенія?

Такое требованіе науки, основанное на опытѣ и на убѣжденіи въ невозможности все предусмотрѣть и опредѣлить въ законѣ, естественно должно привести къ одному изъ двухъ послѣдствій: или къ разнообразію и даже произволу судебного обычая, или къ гласности, которая могла бы предупредить разительныя уклоненія этого обычая, и устранить самыя его злоупотребленія.

Вліяніе науки обнаруживается и въ другомъ отношеніи. Мы разумѣемъ *искусственность* построенія и изложенія законовъ, столь мало соответствующую понятіямъ о всеобщей доступности ихъ, и *колебаніе* закона, едва изданнаго и уже требующаго поясненій и дополненій. Искусственность построенія и изложенія дѣлаютъ изъ книги закона книгу ученія, и почти ни одна статья не имѣетъ прямого значенія, завися отъ другой или отъ нѣсколькихъ и содержа изъятія, которыхъ иногда болѣе, нежели положительныхъ опредѣленій. На вопросъ простаго человѣка мудреный законъ можетъ дать нѣсколько отвѣтовъ, и хитрый или неопытный судья можетъ постановить нѣсколько рѣшеній. Важно это не только для удобнаго отправленія правосудія, но и для усвоенія закона обществомъ, безъ чего не можетъ быть ни внутренняго убѣжденія въ наказательности дѣйствій, ни довѣрія къ правосудію. Для пользы дѣла желательно, чтобы судьи, а не законы были ученые.

При отвлеченномъ порядкѣ составленія законовъ, колебаніе и измѣнчивость ихъ—сдѣлалась не только обыкновенными, но признаются даже необходимыми. Баварское уложеніе потребовало поясненій и дополненій при самомъ изданіи, и черезъ 4 года

подвергнуто передѣлкѣ въ полномъ составѣ; французскій законъ 1824 перерабатывался четыре раза; изъ новѣйшихъ уложеній саксонское 1838 г. измѣнено на третій годъ, уложеніе базельское переизмѣнялось три раза. Мы уже не упоминаемъ здѣсь о частныхъ сомнѣніяхъ, въ судахъ возникающихъ, и о негласныхъ начальственныхъ поясненіяхъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

=

ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ХИМИИ.

Статья II.

Въ этой статьѣ, мы намѣрены рассмотретьъ слѣдующіе два періода:

Одинъ отъ Агриколы до Сталя, а другой отъ Сталя до Лавуазье. Но прежде того, вкратцѣ скажемъ въ чемъ заключается характеръ этихъ двухъ эпохъ въ области химіи, чтобы читатели наши могли имѣть одну общую идею, одно главное основное понятіе.

Характеръ третьяго періода, (первые два описаны въ предъидущей статьѣ) заключается въ сбивчивости понятій на счетъ элементовъ, по случаю которыхъ завязался споръ между перипатетиками, (допускавшими четыре начала: землю, воду, воздухъ и огонь) и послѣдователями арабскихъ ученыхъ (допускавшихъ три элемента: соль, сѣру и ртуть); въ неопредѣленности теорій, которыя возникали съ цѣлю объяснить химическія явленія; въ упадкѣ алхиміи, и наконецъ возникновеніи истинныхъ химиковъ, число которыхъ со временъ Агриколы увеличивается все болѣе и болѣе.

Характеръ четвертаго періода отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что возродилась флогистическая теорія, передъ которою умолкли всѣ прочія, и которая удовлетворительно, хотя совершенно превратно, объясняла химическія явленія; во-вторыхъ тѣмъ,

что нанесенъ былъ окончательный ударъ алхиміи, которая пала до такой степени, что уже стала стыдиться называть себя жрецомъ герметической науки; и наконецъ, въ-третьихъ, — въ химикахъ развилась страсть раскрывать тайны природы, не умозрительно, но опытнымъ (expérimentale) образомъ.

Агрикола открылъ собою рядъ истинныхъ химиковъ третьяго періода, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ творцомъ металлургической химіи, которая въ эту эпоху, можно сказать, была представительницею чистой химіи. — Въ изыскателяхъ этой отрасли химіи, развилась самая наука, которая не могла ожидать ничего фундаментальнаго отъ алхимиковъ, и потомъ отъ адептовъ врачебной химіи.

Въ самомъ дѣлѣ, алхимики только по временамъ, среди своихъ таинственныхъ процессовъ, представляли свѣту какія-либо открытія въ области химіи, которыя имѣли большую важность. Что же касается до адептовъ врачебной химіи, то они, сверхъ многихъ заблужденій, въ главѣ которыхъ стоитъ вѣрованіе въ панакею—универсальное лекарство, увлекались одними теоріями и спорами, кто выше Парацельсъ ли, или Иппократъ и Галіенъ, забывая такимъ образомъ самое существенное: опыты.

Притомъ нужно замѣтить, что послѣдователи врачебной химіи вдавались большею частію въ крайности; такъ напримѣръ, всѣ жизненные процессы они объясняли химическими явленіями; самъ человекъ, по ихъ мнѣнію, былъ тѣло, гдѣ стоило убавить или прибавить какого-либо составнаго начала, чтобы сдѣлать его здоровымъ или больнымъ. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы болѣе прибѣгать къ лекарствамъ изъ царства растительнаго, они скорѣе и охотнѣе употребляли лекарства изъ царства ископаемаго, и такимъ образомъ дѣйствовали во вредъ самой медицинѣ. Различнаго рода химическіе составы, ртуть, сурьма, и другія опасныя средства, въ различныхъ видахъ, играли у нихъ чрезвычайнѣе важную роль.

Вообще во второмъ періодѣ, всѣ химики раздѣляются на три разряда:

1-е На *алхимиковъ*—*изыскателей философскаго камня*, которые почти были не нужны въ это время, потому-что алхимія уже сдѣлала свое дѣло: возродила истинныхъ химиковъ.

2. На *послѣдователей врачебной химіи*, нѣчто среднее между алхимиками, и истинными химиками; и наконецъ

3. На *истинныхъ химиковъ* въ лицѣ Агриколы, создателя ме-

таллургической химіи и Барнарда Палисси, положившаго основаніе технической химіи.

Собственно чистой химіи въ это время еще не могло существовать, потому-что тогда въ наукахъ всѣ искали частнаго интереса, а не общей пользы, и она должна была распадаться на части. Послѣдователи Палисси безпрестанно совпадали съ послѣдователями Агриколы, и вслѣдствіе этого мы ихъ подводимъ подъ одну общую категорію.

Сочиненіе Агриколы *de re metallica* (о металлическомъ цѣрствѣ) можно почитать единственнымъ въ своемъ родѣ, по тому времени, и наконецъ первымъ по металлургіи. Въ самомъ дѣлѣ, до Агриколы не было ни одного сочиненія, которое было бы исключительно посвящено этому предмету. Что и было, то это все составляло одни отрывки безъ всякой связи, которые встрѣчались по временамъ въ твореніяхъ древнихъ ученыхъ, большею частію Грековъ и Римлянъ.

Чтобы яснѣе понять заслуги Агриколы, бросимъ бѣглый взглядъ на исторію металлургіи, и вообще горнаго промысла, отъ начала его и до временъ этого ученаго.

Металлы, по крайней мѣрѣ, самые важные изъ нихъ, еще съ баснословныхъ временъ привлекли вниманіе человѣка. Они были нужны какъ земледѣльцу, охотнику, такъ и самому воину, который съ большею пользою могъ употреблять ихъ для нападенія, или для своей защиты, чѣмъ деревянныя или каменныя оружія. Металлъ, который прежде другихъ сдѣлался извѣстнымъ, было золото, долженствовавшее поразить глаза человѣка своимъ блескомъ и цвѣтомъ. За нимъ слѣдовало серебро, которое, подобно золоту, находясь по большей части въ самородномъ состояніи, не имѣло нужды въ какой-либо химической обработкѣ, которая, разумѣется, была бы недоступна для понятій человѣка, въ его первобытномъ состояніи.

Что золото и серебро, прежде другихъ металловъ, стали употребляться людьми, это доказывается слѣдующими примѣрами. До открытія Нового Свѣта, и до сближенія съ Европейцами, большая часть американскихъ народовъ, не знали о существованіи мѣди и желѣза, употребляя вмѣсто нихъ золото и серебро. Зарать говорить, что перувианскіе Индѣйцы * употребляли золотые и серебряные копья и топоры. Въ такомъ состояніи въро-

* *Couquette de Perou*. Т. 1. стр. 24 и 76.

яко были дикі Греки, когда ихъ посѣтили Финикійцы; таковы были Египтяне во времена Озириса, если вѣрить ихъ древнимъ преданіямъ. Таковы были и многіе другіе народы, которые, въ своемъ младенческомъ состояніи, употребляли вездѣ золото и серебро, даже и для такихъ вещей, которыя нынѣ выдѣлываются изъ желѣза.

Въ слѣдъ за золотымъ и серебрянымъ вѣкомъ, наступилъ тотъ вѣкъ, который, по словамъ повторовъ, названъ мѣднымъ. Въ эту эпоху, какъ показывается самое названіе, открытъ былъ новый металлъ—мѣдь, которая получила огромное употребленіе въ общественномъ быту. Изъ нея стали готовить оружіе, различнаго рода инструменты, чаши и т. п.

Геродотъ повѣствуетъ, что копья, концы стрѣлъ и топоры Масагетовъ, съ двумя остріями, были мѣдные, и нагрудники на лошадахъ обдѣлывались этимъ же металломъ. «Желѣзо и серебро, у нихъ не въ употребленіи, присоюкупляютъ они: этия металлы они не имѣютъ въ своей землѣ, но золото и мѣдь тамъ находятся.» Этотъ же авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что выдѣлана была ваза, содержащая болѣе 600 амфоровъ, изъ каждаго стрѣлъ, поднесенныхъ царю скивскому его подданными. Въ героическія времена древнихъ Грековъ, по увѣренію Павзанія, оружіе было мѣдное. Копье Ахиллеса, сохранившееся изъ храма Минервы въ Фезелисѣ, служить тому доказательствомъ, равно какъ и мѣдный мечъ Мемнона, находившійся во храмѣ Эскулапа въ Никомедіи. (Descript. Graeciae, 1, 3).

Древніе Этруски, при основаніи города, назначали окружность его мѣднымъ плугомъ; а у Сабинянъ жрецы обрѣзывали свои волосы бронзовыми ножницами. Жрецы египетскіе пили изъ мѣдныхъ стакановъ. Псаметихъ, прибавляетъ Геродотъ, былъ послѣдній изъ царей, производившихъ возманиа изъ мѣдной чаши.

Хотя открытіе желѣза восходитъ, по сказанію Моисея, до времени Ноа, жившаго за 3000 лѣтъ до Рождества Христова, однакожъ желѣзныя руды начали обрабатываться гораздо позже золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ. Причиною тому самый видъ этихъ рудъ, тугоплавкость металла, и наконецъ затруднительность обработки, которая требовала нѣкоторыхъ познаній.

Дѣйствительно, когда желѣзо стало входить въ употребленіе, то уже народы, знакомые съ нимъ, вышли изъ своего невѣжества,

и перешли къ такъ называемому *замедлительскому состоянию*, т. е. основали гражданскія общества, и сдѣлались осѣдлыми. Что желѣзо, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, слѣдовало за мѣдью, такъ какъ желѣзный вѣкъ у постовъ слѣдовалъ за мѣднѣмъ, доказывается тѣмъ, что Гомеръ, въ своей великой повѣсти, безпрестанно упоминая о мѣдномъ оружіи, мѣдномъ мечѣ, копѣѣ и т. д. о *ключѣ, тѣмницѣ, стѣнахъ* изъ мѣди, весьма рѣдко говоритъ о желѣзѣ. Самъ Лукрецій подтверждаетъ истину нашихъ словъ: «посредствомъ мѣди обрабатывали землю и сражались на войнѣ» говоритъ онъ (De rer. nat. I, V. 128 и слѣд.); употребленіе ея предшествовало употребленію желѣза, потому-что она удобнѣе обрабатывается.»

Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Гасо:

«Золото, серебро и даже мѣдь подлежало только очистить, а желѣзо, такъ сказать, создать.» Развитіе же творческой мысли могло быть единственно у народовъ, достигшихъ нѣкоторой степени общезнѣнія и образованности.

Канлъ и Лэвекъ де-ла-Равальеръ долго спорили между собою объ относительной древности желѣза и мѣди. Первый изъ нихъ говорилъ тоже самое, что и мы, второй же опровергалъ его мнѣнія. Чрезвычайно любознѣтны нападки Равальера, на которыхъ Канлъ отвѣчалъ всегда чрезвычайно удачно и такими образомъ, что заставлялъ почти замолчать своего противника.

«Если не находятъ желѣза, говоритъ Равальеръ, то тому причиною ржавчина.

«Но отъ чего же его не находятъ въ мѣстахъ сухихъ, напр. въ Египтѣ? отвѣчаетъ Канлъ.

«Однако Гезіодъ въ своей еогоніи, продолжаетъ Равальеръ, даетъ *железное оружіе* Титанамъ, сражавшимся противъ Юпитера; онъ приписываетъ желѣзную палицу Геркулесу. Гомеръ, говоря о войнѣ, предшествовавшей войнѣ троянской, даетъ равнымъ образомъ желѣзную палицу Арейтусу».

На это Канлъ справедливо отвѣчаетъ, что поэмы, говоря о баснословныхъ временахъ, большею частію придаютъ героямъ своихъ повѣстѣ тѣ атрибуты, которые у нихъ подъ глазами. Если Гезіодъ и Гомеръ приписываютъ желѣзное оружіе Титанамъ и Арейтусу, то это вѣроятно по такой же причинѣ, по какой Аріостъ присвоиваетъ пушку царю фризійскому Симоску, и по какой Мильтонъ придаетъ пушки арміи дьяволовъ. Но если по-

эти описываютъ дѣйствительныя происшествія, то они ни на шагъ не уклоняются отъ истины. Смѣшно было бы, если бы Тассъ далъ крестовымъ войнамъ ружья; такъ же несообразно было бы, еслибъ Гомеръ войнамъ, осаждавшимъ Трою или защищавшимъ ее, придалъ желѣзное оружіе, тогда какъ желѣзо было чрезвычайно рѣдко въ то время. Наконецъ самъ Гомеръ повѣствуетъ, что въ числѣ наградъ, предложенныхъ Ахиллесомъ на играхъ въ честь Патрокла, былъ между прочимъ кусокъ желѣза. Геродотъ же, въ свою очередь, рассказываетъ, что въ храмѣ Аполлона считался за величайшую рѣдкость поднось изъ кованаго желѣза, присланный въ даръ въ Дельты, Аліатомъ, царемъ лидійскимъ.

Но оставимъ въ сторонѣ эти споры, и скажемъ только, по случаю ихъ, что сперва человѣку сдѣлалось извѣстно золото и серебро, а потомъ уже мѣдь и желѣзо — истины, неподверженныя ни какому сомнѣнію. Открытіе олова и свинца должно причислить къ средней эпохѣ, между мѣдью и желѣзомъ.

Нѣкоторыя подлѣ поэтическими названіями золотаго, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго, вѣковъ разумѣютъ аллегоріи, мы же съ своей стороны, придерживаясь мнѣнія Т. Жеро-Гролье, принимаемъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ, потому—что они какъ нельзя лучше согласуются съ исторіею человѣчества. Но въ чемъ же заключались познанія древнихъ въ различныхъ частяхъ горнаго промысла, и до какой степени онъ былъ развитъ у нихъ? Вотъ вопросъ, который представляется для перваго раза. Чтобъ рѣшить его, мы обратимся къ Римлянамъ, которые поглотили въ себѣ всѣ свѣдѣнія, касающіяся до этого предмета, какъ Грековъ, такъ и другихъ народовъ.

Впрочемъ Римляне не произвели отъ себя ничего оригинальнаго, они только развивали идеи своихъ учителей, а иногда даже и не дѣлали этого, по недостатку блестящаго воображенія. Напрасно восхваляютъ Римлянъ, и отдаютъ имъ недолжную часть во многомъ, такъ напр. и въ развитіи горнаго промысла, когда тутъ они не произвели ничего особеннаго. Да и что они могли совершить, не зная пороха, не зная нашихъ паровыхъ машинъ, не зная, наконецъ, химическихъ свойствъ обрабатываемыхъ тѣлъ, и дѣлая всѣ свои процессы на удачу, на глазъ?

И дѣйствительно, металлы ихъ отличаются нечистотою, а шлаки ихъ, брошенные въ отвалъ, выказываются столь достаточными содержаніемъ металловъ, что ихъ можно вторично

подвергать плавкѣ. Наконецъ, Римляне не знали достоинства *флюсовъ*, которые были употреблены ими не по вѣрному расчету. Словомъ сказать, все было во младенческомъ состояніи, и дѣлалось на скорую руку. Если что и выходило изъ этого круга, то было обязано случаю или опытности и долговременной практикѣ, но ни какимъ образомъ химическимъ познаніямъ, или изслѣдованіямъ въ области наукъ. Но какъ объяснить то огромное количество благородныхъ металловъ, которое наводило Римъ въ послѣднія времена Республики, и въ первыя царствованія императоровъ? Какъ объяснить себѣ эти огромныя числа, которыя сохранила намъ Исторія: Корнелій Лентулъ, проконсулъ Испаніи, полярилъ государственной казнѣ 1515 фунтовъ золота и 20,000 фунт. серебра въ слиткахъ, и монетою 35,000 динариевъ; Луцій Лентулъ, бывшій консуломъ въ 552 г. по основаніи Рима, внесъ туда 2,450 фунт. золота и 44,000 фунт. серебра. Луциній Крассъ требовалъ у Домиціана за 6 лотусовыхъ деревьевъ, росшихъ передъ его домомъ, 6,000,000 сестерциевъ (290,000 талеровъ); Юлій Кесарь угощалъ народъ римскій на 22,000 столахъ. Неронъ подковывалъ своихъ любимыхъ лошадей золотыми и серебряными подковами; столы Цицерона стоили не рѣдко 30,000? Неужели такое обиліе благородныхъ металловъ не служить доказательствомъ успѣшнаго хода горнаго промысла? Но если мы сообразимъ, что всѣ сокровища свѣта были, по праву побѣдителей, перевозимы въ Римъ; если мы вспомнимъ какое огромное число рукъ было занято работою въ рудникахъ, и что наконецъ земля была тогда богаче своими произведеніями, чѣмъ нынѣ, то этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою весьма легко. Стоить только подумать, что въ нѣкоторыхъ римскихъ рудникахъ работало до 40,000 человекъ, и что наконецъ Августъ принужденъ былъ ограничить число это до 5,000, число, столь незначительное тогда и столь огромное для нашего времени!.. Впрочемъ, Римлянамъ не приходилось, по ихъ *человѣколюбивымъ* идеямъ, дорожить людьми, потому—что для горныхъ разработокъ они, почти до временъ императора Клавдія, употребляли рабовъ, съ которыми обращались такъ жестоко, что значительная часть изъ нихъ лишала себя жизни. Притомъ же, древніе считали классъ рудокоповъ самымъ презрѣннымъ. Тацитъ, говоря о Готеяхъ, съ отвращеніемъ присовокупляетъ:

«Готы до того грубы, что не стыдятся работать въ желѣзныхъ рудникахъ.»

Обладая огромнымъ числомъ рукъ, Римляне рѣшались на гигантскія предпріятія. Напрямѣръ, Плиній вогь какимъ образомъ описываетъ способъ добыванія золота, употребившійся въ Испаніи:

«Рудокопы прорываютъ цѣлую гору, а для поддержанія ея дѣлаютъ своды. Прорываютъ они, разрушая каменные толщи, посредствомъ огня и укуса, а потомъ растрескавшіяся и оторванныя части вытаскиваютъ ко входу рудника. Когда гора довольно подкопана, вынимаютъ подпоры, поддерживающія своды. О скоромъ паденіи горы даетъ знакъ сторожъ, находящійся день и ночь на вершинѣ ея. Тогда онъ и работники поспѣшно удаляются въ безопасное мѣсто. Гора обрушивается, разлетается въ куски съ невообразимымъ шумомъ и трескомъ, а рудокопы, счастливые отъ этой побѣды надъ природою, ищутъ въ развалинахъ драгоценныхъ металловъ.» (L. 33. с. 3).

Притомъ, Плиній замѣчаетъ, что иногда такія работы не окупались количествомъ полученнаго золота (прямое доказательство того, что Римляне не имѣли опредѣленныхъ правилъ въ горномъ искусствѣ), и что часто, множество работниковъ погибло при подобныхъ обрушеніяхъ.

Плиній прибавляетъ потомъ съ горестью:

«Различныя причины заставляютъ людей проникать во внутренность земли: одни, подстрекаемые корыстолюбіемъ, ищутъ золота, серебра, мѣди... Другіе, руководимые стремленіемъ въ битвахъ, ищутъ желѣза, для нихъ болѣе драгоценнаго, чѣмъ золото, и приготавливаютъ изъ нихъ орудія убійства и разрушенія.... Мы слѣдуемъ за металлическими жилами, вырываемъ пещеры и провищаемъ даже въ царство тѣней, чтобъ поимать оттуда сокровища.» (L. 33)

Въ слѣдъ за этою работою, по словамъ римскаго натуралиста, слѣдовала другая, еще болѣе раззорительная, хотя и не столь ужасная. Проводили рѣвки, иногда даже изъ за ста миль, къ обрушившейся горѣ, которыя вымывали частицы золота, и уносили ихъ съ собою. Эти частицы драгоценныхъ металловъ держивались посредствомъ вѣтвей дикаго терна, бросаемыхъ въ рѣвку на различныхъ разстояніяхъ, которые потомъ сожигались. Изъ пепла—то ихъ извлекали золото. Разумѣется тутъ пропадало огромное количество драгоценнаго металла. Римляне посвящали своимъ рудники богу Монтину (Montinus), кумиръ котораго поставляютъ былъ при входѣ. Онъ защищалъ рудокоповъ отъ

злыхъ духовъ. Вулканъ былъ главою всего горнаго промысла; ему приписывали перхвоеное управленіе огнемъ, плавкою и кованиемъ металловъ. Ромулъ и Тацій соорудили храмъ въ честь его, и первый изъ нихъ посвятилъ этому богу бронзовую колесницу, запряженную четырьмя такими же козлами, Вулканъ сдѣлалъ, и подарилъ Юнонѣ зодотыя кресла, Юпитеру скипетръ, а Плутону дворецъ и колесницу изъ того же металла.

Кромѣ Вулкана и Монтиа, Римляне чтили адамантивыхъ циклоповъ, изъ которыхъ болѣе уважались: Аргесъ, Бронтесъ и Сте-рапосъ. Впрочемъ, эти циклопы причиняли иногда много вреда, такъ напр: Герпесъ распространялъ въ рудникѣ дурное пахотвѣріе; Пирамонъ воспламенялъ сѣру, и другія горючія вещества, для воспрепятствованія дальнѣйшихъ работъ; Полиемъ производилъ подземный трескъ и т. д. По этому, Римляне скорѣе боялись ихъ, чѣмъ любили, и умноживали разнаго рода приношеніями.

Къ отысканію металловъ, Римляне употребляли такъ называемую божественную лозу (*virga divina*). Эта лоза была ничто иное, какъ вѣтвь дерева, преимущественно орѣховаго, которая состояла изъ двухъ прутиковъ. Она ломалась на восточной сторонѣ дерева, и употреблялась слѣдующимъ образомъ:

Ее держали между малымъ и вторымъ пальцами, и въ молчаніи ходили по полю; тамъ гдѣ были скрыты металлы, она почтительно склонялась къ землѣ. Иногда для этого дѣлали желѣзную или мѣдную трость. Суевѣріе это сохранилось до нашихъ временъ: въ Германіи еще весьма недавно вѣрили въ таинственную силу волшебной лозы.

У древнихъ, подъемъ воды изъ рудниковъ производился посредствомъ Архимедова вѣнта или ведрами, которые поднимались людьми, что представляло болѣзніа затрудненія, и требовало много времени. Впрочемъ, Римляне, не смотря на всѣ недостатки своихъ процессовъ, положили начало многимъ металлургическимъ операціямъ, на примѣръ купелляціи, и даже самого *сортучиванія*, идея котораго была подана и даже нѣсколько развитая имъ. Въ чемъ заключалась эта амальгамация, приведемъ слова Витрувія и Плинія: «Ветошь, которою терли золото, сожигали; изъ золы дѣлали щелокъ, и наливали въ него ртуть; ртуть же соединялась съ частичками золота и составляла сортутку. Сортутку эту клали въ платокъ, выжимали изъ нея ртуть, въ платкѣ же оставалось золото.» Впрочемъ, ртуть они не употребляли для

извлеченія золота изъ рудъ въ большомъ видѣ; объ этомъ свидѣтельствуесть и молчаніе древнихъ писателей, и малое употребленіе этого металла въ то время. Наконецъ, Римляне положили начало пробирнаго искусства, съ цѣлю опредѣлять достоинство монетъ, которыя, по тайнымъ повелѣніямъ императоровъ, или изъ корысти частныхъ лицъ, пускаемы были въ ходъ не положенной закономъ пробы. Вообще, фальшивыя монеты у древнихъ отличались отъ настоящихъ тѣмъ, что содержали меньшее количество благороднаго металла. Весьма рѣдко прибѣгали къ композиціямъ. Самыя древнія монеты Греціи и Рима дѣлались изъ самородныхъ металловъ, неочищенныхъ какъ слѣдуетъ, отъ чего они чрезвычайно несходны между собою, по различному содержанію золота и серебра. Для любопытства приводимъ разложенія нѣкоторыхъ извѣстныхъ монетъ Греціи и Рима. Самая древняя изъ греческихъ монетъ, какая по крайней мѣрѣ сохранилась въ нашихъ музеумахъ, есть кротонская, которая, должно предполагать, была выбита за 600 лѣтъ до Р. Х.

Вѣсъ этой монеты: 113,64 гр.

Составъ: серебра	— —	109,50.
мѣди	— —	1, 0
золота	— —	0, 13.
потери	— —	3, 0

Отсюда видно, что кротонская монета почти изъ совершенно чистаго серебра.

Римская монета временъ Республики.

Вѣсъ: 60, 06 гр. (200 или 300 лѣтъ до Р. Х.).

Содержаніе: серебра	— —	59,68.
золота	— —	0,29
мѣди	— —	0,09

Составъ почти одинаковый съ нѣкоторыми родами самороднаго серебра.

Монета Веспасіана. Вѣсъ: 3, 04 гр.

(69 г. по Р. Х.)

Содержаніе: серебра	— —	2,431
мѣди	— —	0,589

золота — — 0,020
олова — — только слѣды.

Монета Траяна. Вѣсъ: 2, 8 гр.

(98 г. по Р. X.)

Содержаніе: серебра — — 2,455
мѣди — — 0,341
олова } — — 0,004
золота }

Монета Адриана. Вѣсъ: 3, 47 гр.

(117 г. по Р. X.)

Содержаніе: серебра — — 2,808
мѣди — — 0,661
олова } — — 0,001.
золота }

Монета Марка Авреліа. Вѣсъ: 2, 92 гр.

(161 г. по Р. X.)

Содержаніе: серебра — — 2,326
мѣди — — 0,592
олова } — — 0,002
золота }

Монета Коммода. Вѣсъ: 2, 703 гр.

(180 г. по Р. X.)

Содержаніе: серебра — — 1,814.
мѣди — — 0,896.
олова } — — 0,020.
золота }

Монета Деціа. Вѣсъ 3, 768 гр.

(Разложеніе дѣлано только надъ 3, 758 гр.)

Содержаніе: серебра — — 1,490
мѣди — — 2,213
олова } — — 0,055
золота }

Нашествіе варваровъ, со времени паденія римской имперіи, принудило оставить разработку рудниковъ во всѣхъ провинціяхъ, подпавшихъ ихъ владычеству, а это значило почти на всемъ пространствѣ образованнаго міра.

Около VII вѣка, снова находимъ большія горныя разработки на берегахъ Рейна, въ Тиролю, Венгріи, Трансильваніи и Богеміи.

Въ Богеміи особенно, страсть къ разработкамъ усилилась до такой степени, что даже начала вытѣснять земледѣліе. Одинъ владѣтель того времени, желая пресѣчь зло, постановилъ, чтобъ виновнымъ набивать ротъ дѣлвомъ до тѣхъ цоръ, пока они не задохнутся. Однакожь, это наказаніе весьма мало поимѣшало развитію въ Богеміи горнаго промысла, который особенно усилился, спустя полтора столѣтія.

Знаменитые раммельсбергскіе рудники, на Гарцѣ, были открыты въ половинѣ X столѣтія. Спустя нѣкоторое время, возникли и саксонскіе, которые развились, рассказываетъ одна нѣмецкая хроника, благодаря слѣдующему, счастливому обстоятельству. Одинъ гарцскій офицеръ, будучи недоволенъ искаательствами владѣтеля рудниковъ, около жены его, и ревнуя ее, переселился въ Саксонію, гдѣ онъ распространилъ правильную разработку.

Много есть чудныхъ исторій; если вѣрить имъ, то можно сказать положительно, что большая часть рудниковъ обязана случаю своимъ открытіемъ.

Такъ напримѣръ, рассказываютъ, ято одинъ дворянинъ ѣхалъ на лошади, которая, начавъ подъ нимъ рыть копытомъ землю, вырыла кусокъ самороднаго серебра, и такимъ образомъ подала поводъ къ открытію богатыхъ рудниковъ, которые въ честь ея имени Рамель и названы Раммельсбергскими. Въ Сала, въ Швеціи, быкъ, бодая рогами землю, выбросилъ штуфъ серебряной руды. Въ Саксоніи одному гражданину приснилось, что ангелъ показываетъ ему въ лѣсу дерево, съ гнѣздомъ, въ которомъ были золотыя яйца. По пробужденіи, онъ бросился немедленно въ лѣсъ, и хотя не нашелъ яицъ, но за то открылъ богатое рудное мѣсторожденіе, близъ нынѣшняго Аннеберга. Въ Америкѣ одинъ дикарь, вырвавъ растеніе, нашелъ прицѣпленный къ его корнямъ слитокъ серебра, и такимъ образомъ получили начало рудники Доттори. Одинъ мѣщанинъ, везя соль изъ Гаселя въ Саксонію, остановился на дорогѣ въ лѣсу, и

нашелъ нѣсколько штукъ, богатой серебряной руды: это дало поводъ къ разработкѣ фрейбергскихъ рудниковъ. Можно было бы найти еще множество подобныхъ исторій, но объ этомъ довольно, перейдемъ теперь къ существенному. Что слѣдуетъ изъ всего разсказаннаго нами? Что Римляне не обладали огромными свѣдѣніями въ металлургіи, и что, не руководствуясь химіей, они дѣлали всѣ свои процессы на удачу. А потому, если что они и знали, то искали объ этомъ весьма мало и темно, такъ что кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ отрывковъ въ сочиненіяхъ Плинія, Диоскорида и другихъ авторовъ, у нихъ нѣтъ ничего положительнаго по части металлургіи.

Въ средніе вѣка, началась разработка рудъ и выдѣлка металловъ, но это производилось еще болѣе безъ всякой системы, чѣмъ у самыхъ Римлянъ. Слѣдовательно, какую великую услугу оказалъ Агрикола своимъ сочиненіемъ *De re metallica*, гдѣ онъ о всемъ говоритъ подробно, и гдѣ наконецъ нѣкоторые металлургическіе процессы подводитъ подъ строгіе химическіе законы. Все извѣстное Римлянамъ было собрано въ этомъ сочиненіи, и дополнено множествомъ другихъ фактовъ. Оно состоитъ изъ двѣнадцати книгъ, изъ которыхъ восемь посвящена горному искусству, а четыре металлургіи. Такъ, въ девятой книгѣ онъ говоритъ о плавлѣ рудъ; въ десятой, объ очищеніи металловъ, преимущественно золота и серебра. Средство раздѣлять серебро отъ золота, посредствомъ азотной кислоты, было совершенно извѣстно Агриколѣ, который разумѣетъ ее подъ именемъ *Aqua valens*. Въ одиннадцатой книгѣ, авторъ представляетъ процессы раздѣленія серебра отъ другихъ металловъ, каковы: мѣдь, свинецъ и др. Въ седьмой книгѣ онъ говоритъ о пробѣ рудъ, или объ оценкѣ ихъ металлическаго содержанія. Агрикола всегда смѣялся надъ алхимическими мѣдальми, хотя и самъ платилъ дань вѣку, вѣра существованію горныхъ духовъ. Такъ въ сочиненіи *De animalibus subterraneis*, написанномъ въ 28 годъ царствованія Карла V, (1547 г.) онъ весьма серьезно разсуждаетъ о гномахъ, добрыхъ и злыхъ духахъ, и даже приводитъ въ примѣръ мщеніе одного изъ этихъ демоновъ, который будто бы однимъ дуновеніемъ своимъ умертвилъ 12 рудокоповъ, въ рудникахъ аннебергскихъ*. Впрочемъ

* Очень понятно, что газъ угольной кислоты произвелъ это дѣйствіе.

очень долго въ Германіи вѣрили въ существованіе подземнаго міра, этихъ огненныхъ гномовъ, которые трудятся цѣлые вѣка въ своемъ таинственномъ царствѣ, и другихъ духовъ, сторожившихъ клады, и пугавшихъ иногда добрый народъ своимъ появленіемъ. Кто въ Германіи не знаетъ народной сказки о знаменитомъ *Рюбецаллѣ*, начальникѣ гномовъ, который порою выглядывалъ изъ своего подземнаго міра, и являлся на землю, чтобъ попроказничать тамъ и, какъ школьникъ, поиграть съ людьми? Кто не знаетъ исторіи его съ дочерью какого-то короля, въ которую онъ влюбился и похитилъ, въ то время, когда она купалась въ свѣтломъ источникѣ!... Для удовлетворенія ея прихотей, онъ выстроилъ дворецъ, великолѣпнѣе всего, что только можно вообразить себѣ на свѣтѣ, надѣлалъ тму чудесъ, и что же?... Неблагодарная смертная пренебрегла любовію духа, посмѣялась надъ нимъ и, заставивъ сосчитать рѣпу, воспользовалась этимъ временемъ, и убѣжала къ своему любовнику, какому-то владѣтельному князю.... Несчастный повелитель гномовъ, прокопавшись чуть не полдня за-заданной работой, не могъ открыть и слѣда своей возлюбленной, которая успѣла скрыться отъ его мщенія въ другія страны, неподчиненныя его власти. Получивъ такое насмѣшливое названіе, Рюбецалъ (Рѣпосчетъ), поклялся мстить людямъ, съ этихъ-то поръ начались его проказы. Путешественникъ, проѣзжая чрезъ Исполниновы горы, молилъ Бога сохранить его жизнь, и избавить отъ преслѣдованія злаго духа; пастухъ не смѣлъ гонять своихъ стадъ близко къ завѣтному мѣсту, гдѣ чаще являлся Рюбецалъ; крестьянинъ за-свѣтло перебирался черезъ хребетъ горъ, чтобы только не встрѣтиться съ проказникомъ. Иной разъ, смѣльчаки осмѣливались посмѣяться надъ духомъ, позднею порою приходили къ таинственному мѣсту, и тамъ вызывали его обиднымъ прозвищемъ: Рюбецалъ! Рюбецалъ! Но эти смѣльчаки большею частію были наказаны. Извѣстна исторія подобнаго рода. Какой-то философъ рѣшился доказать своимъ товарищамъ, что не существуетъ подземныхъ духовъ, и потому отправился на Исполлинову гору, гдѣ произнесъ самыя оскорбительныя насмѣшки надъ Рюбецалемъ. Духъ рѣшился отомстить ему, но отомстить по-человѣчески. Принявъ видъ философа, онъ ограбилъ какого-то жида, и кошелекъ его всунулъ въ карманъ невиннаго и настоящаго философа. Жидъ подалъ просьбу въ судъ, и несчастнаго молодаго человѣка, противъ котораго были всѣ улики,

осудили на смертную казнь. Но Рюбецаль, тронутый просьбами невѣсты осужденнаго, принялъ опять его видъ, и тѣмъ спасъ отъ смерти. Какой былъ соблазнъ для народа, когда Рюбецаль на висѣлицѣ началъ выдѣлывать фигларскія штуки, и наконецъ для самихъ судей, когда на другой день, вмѣсто тѣла повѣшеннаго, нашли пукъ соломы, обернутый въ какое-то тряпье, что вмѣстѣ походило на чучелу. Иногда Рюбецаль дѣлалъ и добрыя дѣла, такъ напримѣръ, одному крестьянину онъ далъ взаймы 100 талеровъ, которые спасли цѣлое семейство отъ разоренія, и не взялъ ихъ обратно, когда тотъ принесъ деньги къ завѣтному мѣсту. И сколько еще подобныхъ исторій ходитъ въ Германіи между народомъ; охотникамъ до нихъ советуемъ прочесть сочиненіе *Виланда*, подъ заглавіемъ: *Народныя сказки*.

Изъ сочиненій Агриколы, кромѣ *de re metallica*, напечатаннаго въ первый разъ, въ Базелѣ, въ 1546 г., еще замѣчательны: *De natura fossilium*, въ десяти книгахъ (это сочиненіе объ ископаемыхъ, чрезвычайно интересно для исторіи геологіи и минералогіи; оно напечатано въ первый разъ въ 1546); *De veteribus et novis metallis* (это сочиненіе посвящено Морицу саксонскому, который въ благодарность приказалъ выдавать Агриколѣ пожизненную пенсію); *Bergmannus* (*Bergmannus* есть олатинизированное слово *Bergmann* — рудокопъ, горный человѣкъ), сочиненіе, напечатанное въ 1528 г. и привлечшее вниманіе Эразма, и т. д. Но мы, перечисляя творенія Агриколы, не сказали еще ничего о жизни этого ученаго, и потому теперь постараемся исправить нашу ошибку.

Георгъ Агрикола родился въ 1494 году, въ Хемницѣ (въ Саксоніи), отчего онъ и получалъ свое прозваніе *Кетрніціусъ*. Его настоящая фамилія *Ландманъ*, но такъ какъ ученые того времени имѣли пристрастіе къ греческимъ и латинскимъ прозваніямъ, то онъ перевелъ ее на латинскій языкъ, и такимъ образомъ произошла фамилія *Агрикола*, однозначущая съ *Ландманомъ*. Подобнымъ же образомъ Шварцерде (черная земля) преобразился въ *Меланхтона* (*μελανος-χθων*) Гаусштейнъ (свѣтъ дома) въ *Эколампадіуса* и т. д. Агрикола, какъ онъ самъ рассказываетъ о себѣ, съ самой юности почувствовалъ охоту заниматься медициною, и посѣтилъ всѣ знаменитыя факультеты Германіи и Италіи. По возвращеніи въ отечество, онъ съ жаромъ принялся за изученіе металлургіи, посвящая всѣ свои дни этой наукѣ и чтенію древнихъ классиковъ, преимущественно Плинія, Діоскорпда, Гассіена и

Страбона. Агрикола, какъ мы уже сказали, не былъ алхимикомъ. По своей скромности и познаніямъ, онъ приобрѣлъ дружбу многихъ великихъ ученыхъ того времени, какъ напримѣръ Эразма, Георга Фабриціуса, Іоганна Дрізидера и Каммерштадта. Послѣдній выхлопоталъ ему пенсію у Морица саксонскаго. Агрикола сперва сдѣлался было послѣдователемъ Лютера, но впоследствии перешелъ къ католицизму и умеръ къ этой вѣрѣ 1555 года. Полагаютъ, что такая перемена произошла въ слѣдствіе того, что протестанты, во времена реформаціи, отличались особеннымъ буйнымъ, или лучше сказать, безпокойнымъ духомъ, что имъ мало было дѣла до учености, и что они даже преслѣдовали ученыхъ, если только эти ученые не занимались богословскими преніями, въ защиту лютеранства или кальвинизма. Мы не будемъ говорить о послѣдователяхъ Агриколы, равно какъ и Бернарда Паласси, и скажемъ только, что они дѣйствовали въ духѣ своихъ учителей, хотя и не приближались къ нимъ, по своему уму и талантамъ.

Изъ послѣдователей Парацельса, въ эту эпоху особенно знамениты Лебавіусъ, Турнейссеръ, также Глауберъ и Ванъ-Гельмонтъ. Послѣдніе два, не смотря на нѣкоторыя свои заблужденія, принесли чрезвычайно много пользы для науки. Разсмотримъ порознь, что сдѣлали каждый изъ этихъ ученыхъ, и начнемъ съ Турнейссера, какъ химика, который впадалъ, болѣе другихъ, въ ошибки, и менѣе заглядывалъ въ. Леонардъ Турнейссеръ (родился 1530 г., умеръ 1596), былъ уроженецъ города Базеля, гдѣ Парацельсъ занималъ кафедру хирургіи. Онъ намѣревался наследовать ремесло отца своего, который былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ этого города; но продавши одному жиду за настоящее золото, позолоченный смянецъ, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своего отечества, чтобы скрыться отъ рукъ правосудія. Сперва онъ удалился въ Англію, а потомъ во Францію. Германія въ то время терпѣла всѣ ужасы религиозныхъ войнъ. Турнейссеръ воспользовался этою благопріятною минутою, возвратился въ свое отечество, и въ 1552 году вступилъ волонтеромъ въ стрѣлковый полкъ графа Христофа Ольденбургскаго. Но къ концу того же года, онъ оставилъ военную службу, и посвятилъ себя изученію химіи. Въ скоромъ времени Турнейссеръ приобрѣлъ такую славу, что эрцгерцогъ Карлъ обратилъ на него особенное вниманіе, и послалъ его на свой счетъ путешествовать по Европѣ, Азій и Африкѣ. Впро-

чемъ, Турнейссеръ былъ неблагодаренъ къ своему благодѣтелю; въ 1580 году, мы уже видимъ его въ службѣ Георга, курфюрста бранденбургскаго. Враги Турнейссера, обвинивъ его въ колдовствѣ и шарлатанствѣ, принудили его оставить Берлинъ. Онъ удалился тогда въ Прагу, потомъ въ Римъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитальческой жизни, исполненной различнаго рода приключеній, умеръ въ монастырѣ города Кельна, въ бѣдности и всѣмъ оставленный. Совѣсть особенно мучила его въ послѣдніе годы его жизни и не давала ему ни на минуту покоя. Турнейссеръ, какъ жаркій алхимикъ, вмѣстѣ съ Вейсомъ, подобнымъ же ему ревнителемъ герметической науки, убилъ какого-то Себастьяна Зибенорейнда, который будто бы владѣлъ тайною составлять философскій камень, описанною въ рукописяхъ, оставшихся послѣ одного монаха. Это убійство произошло въ Гамбургѣ, и убійцы не были наказаны человѣческимъ правосудіемъ. Впрочемъ такіа злодѣянія были очень обыкновенны въ ту эпоху. Знаменитый вѣнскій алхимикъ Монтесиндеръ былъ умерщвленъ своимъ другомъ Маркомъ Брагаднусомъ. Лудовикъ Нейссе испыталъ подобную же участь. Любопытна исторія этого послѣдняго; слѣдуя старому нѣмецкому роману, расскажем ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Лудовикъ Нейссе былъ сынъ небогатаго аптекаря одного маленькаго нѣмецкаго городка. Страсть къ путешествіямъ такъ завладела въ его душу, что онъ, когда ему минуло 19 лѣтъ, убѣжалъ изъ отческаго дома, и съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою на спинѣ, пѣшкомъ прошелъ всю Германію, Италію и Францію. Отсюда ему уже было недалеко до Испаніи, гдѣ съ нимъ случилось происшествіе, которое имѣло сильное вліяніе на всю его жизнь, и которое мы постараемся пересказать, какъ можно короче.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Кордовы, стоялъ тогда старый, оставленный всѣми, замокъ, который былъ выстроенъ Маврами. Въ этомъ замкѣ поселился какой-то старикъ съ дочерью и слугою, столь же молчаливымъ и недобрымъ какъ онъ самъ. Не знали, кто этотъ старикъ, но догадывались, что онъ принадлежитъ къ числу алхимиковъ, потому что часто, по ночамъ, когда все покомлось глубокимъ сномъ, замокъ былъ освѣщаемъ разноцвѣтными огнями, дымъ столбомъ валилъ изъ трубы, и какой-то особенный запахъ далеко распространялся по окрестностямъ. Днемъ же все было тихо, какъ будто никто не

жить въ замкѣ. Жители боялись приближаться къ таинственному убѣжищу мага, и слава о немъ пронеслась по цѣлой провинціи. Напрасно спрашивали слугу, кто его господинъ, когда онъ появлялся на улицахъ Кордовы, и покупалъ тамъ припасы, онъ оставался нѣмъ, какъ рыба. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, неудовлетворенное любопытство стало охлаждаться, и всѣ позабыли о замкѣ, магѣ, и его мистическихъ занятіяхъ. Слуга сдѣлался обыкновенною вещію, и только развѣ нѣкоторые вспоминали по временамъ, что недалеко отъ Кордовы, живетъ какой-то безумный старикъ, какой-то чудакъ. Замокъ былъ въ сторонѣ, и никто не приближался къ нему. Казалось весь свѣтъ позабылъ, что тутъ существуютъ три человѣка. Но вотъ что случилось. Лудовикъ Нейссе, подходя къ Кордовѣ, за темнотою ночи, сбился съ дороги и, шутая нѣсколько часовъ, подошелъ къ самому замку. Онъ можетъ быть и оставилъ бы его въ сторонѣ, принявъ за необитаемое зданіе, еслибъ не услышалъ женскаго голоса, поюшаго романсъ, въ которомъ описывались приключенія знаменитаго Сида. Нейссе остановился, и долго слушалъ. За романсомъ послѣдовала баллада о королѣ Себастьянѣ. Едва только женскій голосъ замолокъ, весь замокъ освѣтился разноцвѣтными огнями. Черезъ окошко можно было видѣть старика, въ длинной мантїи, съ сѣдою бородою, расхаживавшаго по комнатѣ, и державшаго въ рукахъ толстую книгу въ богатомъ переплетѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, у окошка освѣтилась молодая дѣвушка, настоящая Андалузянка, съ черными волосами, которые длинною косою упали на спинку кресель, съ черными огненными глазами, опущенными въ раздумьи книзу и съ смуглымъ правильнымъ лицомъ. Она сидѣла, подперши голову рукою, и въ этомъ положеніи была чудно хороша собою, какъ произведеніе Фидіа или Праксителя. Нейссе полагалъ, что все это онъ видитъ во снѣ. Дрожащею рукою ударилъ онъ въ двери замка, и что же?.. Очарованіе исчезло, темнота воцарилась въ зданіи, пропалъ старикъ съ его длинною бородою, пропала и дѣвушка. Напрасно стучался молодой человѣкъ, никто не давалъ ему отвѣта. На другой день утромъ, послѣ ночи, проведенной близъ замка, Лудовикъ отправился въ Кордову, считая ночное приключеніе одною мечтою разстроеннаго воображенія. Но тамъ онъ узналъ, что въ замкѣ дѣйствительно живутъ таинственныя существа. Во что бы то ни стало, молодой человѣкъ рѣшился расторгнуть эту таинственность, и на другой же вечеръ отправился къ ма-

британскому зданію. Не станемъ рассказывать, какъ онъ познакомился съ Францискою, которая рассказала ему, что отецъ ея былъ знатный дворянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ графъ, что по какому-то призванію онъ бросилъ все, и удалился въ этотъ таинственный замокъ, гдѣ предался отыскиванію философскаго камня. Она съ откровенностію сообщила ему, что отецъ ея истратилъ половину своего имѣнія, если еще не болѣе, и такимъ образомъ, изъ любви къ наукѣ, заставлялъ ее проводить самую скучную и вмѣстѣ съ тѣмъ неприличную ея сану жизнь. Нейссе видѣлся съ Францискою, подходя по вечерамъ къ окошку ея комнаты; потомъ онъ поселился въ замокъ, когда старшій слуга алхимика умеръ и очистилъ ему свое мѣсто, которое онъ рѣшился принять, чтобъ только жить съ своей возлюбленной вмѣстѣ. Алхимикъ, узнавъ о любви его къ своей дочери, согласился на бракъ, но только отложилъ его на четыре года, чтобы этимъ самымъ привязать молодого человѣка къ алхимическимъ занятіямъ.

Прошло два года, и смерть отца Франциска укоротила положенный срокъ. Вотъ какими обстоятельствами сопровождалась она. Подходило къ вечеру. Съ тревожнымъ волненіемъ смотрѣлъ старикъ на огромный тигель, въ которомъ заключалась судьба его. Нейссе стояла недалеко отъ алхимика, посматривая также на тигель, но только совершенно съ другими чувствами.

— Покажется луна на горизонтѣ, и наше дѣло будетъ кончено, сказалъ старикъ съ торжественною улыбкою; еще нѣсколько часовъ, и мы обладаемъ безсмертіемъ, неистощимымъ богатствомъ!...

Нейссе покачалъ головою съ недовѣрчивостію.

Старикъ снова началъ убѣждать молодого человѣка въ истинѣ своихъ словъ, что существуетъ философскій камень, но видя, что тотъ не внимааетъ его убѣжденіямъ, выславъ его изъ комнаты, прибавивъ:

— Я позову тебя, когда наступитъ часъ!...

Молодые люди говорили между собою о любви, о томъ времени, когда судьба благословитъ ихъ на семейную жизнь... вдругъ, среди подобныхъ разговоровъ, раздался ужасный трескъ, и именно въ той комнатѣ, гдѣ остался старикъ. Они бросились туда, и что же?.. Комната представляла сцену разрушенія, алхимикъ, обезображенный и безжизненный, лежалъ на полу, тигель разлетѣлся въ куски, мебель была поломана и самая стѣна тре-

снула въ одномъ мѣстѣ. Старикъ, отыскивая философскій камень, не зная, что эта стѣна заключала въ себѣ сокровища. Она была пустая въ одномъ мѣстѣ, и въ этой-то пустотѣ поставленъ былъ ящикъ, наполненный до верху золотомъ и драгоценными вещами. Неизвѣстно кому принадлежали эти сокровища прежде, Испанцамъ или Маврамъ?... Черезъ годъ послѣ этой сцены, мы видимъ Нейссе съ женою Францискою въ родномъ его городкѣ. Онъ былъ богатъ, и, казалось, счастье его было упрочено. Но вскорѣ судьба послала на него испытаніе, которое кончилось его смертію. Одинъ рыцарь, имя котораго не было сохранено хроникой, влюбился въ его жену. Употребивъ всѣ возможныя средства, и ласки, и угрозы, рыцарь увидѣлъ, что былъ торжественно отвергнутъ красавицей. Мужъ показался ему преградой, которую должно было сдвинуть, чтобъ найти самую любовь. Не рѣшаясь самъ на убійство, потому-что о Нейссе прошла слава, какъ о человѣкѣ нашедшемъ философскій камень, (въ то время, кто дѣлался внезапно богатъ, тотъ значить добылъ присыпной порошокъ) и знакомясь съ тайными силами природы, слава, которую Лудовикъ не старался разогнать, далекій отъ того, чтобъ заниматься свѣтомъ, рыцарь прибѣгнувъ къ другому средству и связался съ алхимикомъ Гербартомъ. Этотъ послѣдній посвятилъ всю свою жизнь отысканію философскаго камня, разорился и между тѣмъ, какъ и всѣ другіе, не достигнулъ своей цѣли. Вдругъ онъ слышитъ, что въблизи его живетъ человѣкъ, который нашелъ плодъ, столь жадно отыскиваемый имъ, что этотъ человѣкъ владѣетъ драгоценными рукописями. Съ дерзостью онъ требовалъ ихъ у Нейссе, и такъ какъ тотъ отказался исполнить его желаніе, потому-что не видалъ ихъ, то Гербартъ рѣшился взять все это насильно, или какою-нибудь хитростью. Ему много патоловали о черномъ ящикѣ, стоявшемъ въ углу комнаты Лудовика, который будто заключалъ въ себѣ драгоценныя бумаги. Дѣйствительно тутъ лежали, безъ всякаго порядка, сочиненія Нейссе, написанныя имъ въ то время, когда онъ искалъ еще счастья, и нѣкоторыя арабскія рукописи отца Франциска. Замысливъ недоброе, въ одну темную ночь, Гербартъ отправился на покражу, но былъ пойманъ самимъ Лудовикомъ, который нечаянно наткнулся на вора.... Въ порывѣ какого-то особеннаго чувства, Гербартъ вытащилъ кивчалъ и вонзая его въ грудь

Нойссее, потому схватилъ шпикъ, выбивалъ незащеченный шпикъ на улицу и спрыска у себя въ домъ. Желаніе рыцаря было исполнено, зрагада сдвинута. Но это не послужило ни къ чему, потому-что Франциска, избѣгнувъ счастливымъ случаемъ преслѣдованій его, скрылась въ монастырѣ, гдѣ и осталась до конца жизни. Такимъ образомъ она сохранила вѣрность своему Лудовику. Между тѣмъ Богъ наказалъ злодѣевъ. Рыцарь въ первомъ же сраженіи получилъ рану, которая сдѣлала его далекою въ послѣдствіи причиною смерти. Гербартъ же разорился совершенно и умеръ въ крайней бѣдности, презираемый всѣми добрыми людьми. Но мы уклонились отъ Турнейссера, о которомъ нужно сказать еще, что онъ написалъ много сочиненій, между прочимъ: *Quinta-essentia*, *Archidoxa* и м. др. Но всѣ эти сочиненія не заслуживаютъ особеннаго разбора. Характеръ ихъ — подрямательность Парацельсу, куча заблужденій и рѣдко любопытные и истинные факты науки.

Либавіусъ жилъ около конца XVI вѣка, былъ медикомъ въ Самсонн, и умеръ въ 1616 г. Онъ отличался отъ другихъ парацельсцевъ умѣренностію тона и наконецъ тѣмъ, что почти всегда сознавался въ своихъ ошибкахъ. Въ спорахъ своихъ съ Гибертомъ, Риоланомъ и Эрастомъ, Либавіусъ не выходилъ изъ правилъ учтивости. Хотя онъ также защищалъ алхімію, однакожъ суфлеры, продавцы универсальныхъ лекарствъ, были для него предметомъ презрѣнія. Сочиненія Либавіуса многочисленны, но они большею частію составляютъ компіляціи, о которыхъ мы скажемъ только, что онѣ написаны легко и часто представляютъ весьма любопытныя наблюденія. Либавіусъ открылъ двухлористое олово, которое называлось: *Spiritus fumans Libavii* (т. е. дымящаяся Либавіева жидкость).

Рудольфъ Глауберъ жилъ очень долго въ Вѣнѣ, Зальцбургѣ и Франкфуртѣ. Последнее же время своей жизни провелъ въ Фолладин, гдѣ и умеръ въ 1668, въ весьма преклонныхъ лѣтахъ. Презрѣніе, питаемое имъ къ человѣческому роду, заставляло его искать уединенія. Старецъ, убитый печалами, вѣтхлыми или воображаемыми, бѣжалъ свѣта, который не представлялъ ему никакой прелести.

— «Люди нынѣ, говорилъ онъ, злы, измѣнники и клятвопреступники!... Зло выдаютъ за добро, и всякій заботится только объ одномъ себѣ!... Я испыталъ на себѣ истину этой старой пословицы: *Wer seine Sachen will gethan haben recht, muss*

selbsten seyn Herr und Knecht. (кто хочет вести хорошо свои дѣла, тотъ долженъ быть у себя вѣстѣ и господиномъ и слугою.) «Если я не сдѣлалъ въ этомъ мѣрѣ того добра, которое могъ бы сдѣлать, то причиною тому сами люди...»

Первыя сочиненія Глаубера показались около конца знаменитой тридцатилѣтней войны, которая, во имя религiи, сдѣлала изъ Германiи огромную пустыню. Было бы бесполезно перечислять отдѣльно всѣ спеціальныя сочиненія Глаубера, изъ которыхъ можно упомянуть о *Philosophische Oefen* (философскiя печи), *Opus minerala*; *Apologische Schriften* (апологическiя посланiя) и проч. Скажемъ только, что всѣ они собраны въ одно цѣлое подъ заглавiемъ: *Johannis Rudolphi Glauberi philosophi et medici celeberrimi opera chymica, Bücher und Schriften, so viel deren von ihm bishero an Tag gegeben* и проч. Франкфуртъ, 1658, in 4.

Глауберъ, какъ и Парацельсъ писалъ по-нѣмецки, хотя заглавiя большей части его сочиненiй латинскiя. Слогъ его гораздо яснѣе и легче, чѣмъ у Парацельса.

Сочиненiя Глаубера пользовались большимъ успѣхомъ отъ половины до конца XVII вѣка, и были переведены на англiйскiй и французскiй языки. Глауберъ оставилъ имъ свое потомству, открытiемъ сѣрнокислаго натра, который извѣстенъ подъ названiемъ Глауберовой соли.

Вотъ что говорить этотъ химикъ на счетъ своего открытiя:

«Еще во время моеи молодости, прiѣхавъ въ Вѣну, я захворалъ сильною лихорадкою, называемою тамъ венгерской болѣзнию, которой не мигуетъ ни одинъ изъ иностранцевъ. Мой истощенный желудокъ не принималъ болѣе никакой пищи. По совѣту сжалившихся надо мною людей, я отправился къ одному фонтану, недалеко отъ Нейштадта. Съ собою я взялъ кусокъ хлѣба, который впрочемъ не думалъ нисколько ѣсть. Прибывши туда, я вынулъ хлѣбъ изъ кармана и сдѣлалъ изъ него родъ чаши, которою началъ пить. Чѣмъ болѣе я пилъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что мой аппетитъ возвращается, такъ что къ концу я истребилъ импровизированную чашу. Я еще нѣсколько разъ приходилъ къ источнику и въ скоромъ времени выздоравливалъ совершенно. Удивленный этимъ чудеснымъ выздоровленiемъ, я спросилъ какая была вода источника; мнѣ отвѣчали, что *селитряная* (Salzguter Wasser).»

Когда случилось это происшествiе, Глауберу былъ 21 годъ, и онъ былъ совершенно незнакомъ съ химiей; однакожъ оно нико-

гда не выходило у него изъ памяти. Впослѣдствіи, онъ рѣшился удостовѣриться, точно ли вода источника содержала въ себѣ селитру. Съ этою цѣлю, онъ выпарилъ небольшое ея количество и получилъ прекрасные длинные кристаллы, которые поверхностный наблюдатель могъ бы принять за кристаллы селитры. Нѣсколько позже, Глауберъ нашелъ, что эта соль имѣла чрезвычайное сходство съ остаткомъ, получаемымъ при добываніи солянаго спирта (хлористоводородной кислоты). Онъ назвалъ ее удивительною солью. Глауберъ впрочемъ не отрицаетъ, что его удивительная соль есть то же самое, что Парацельсъ называетъ *sal epithim*.

Наконецъ Глауберъ опредѣлялъ свойства такъ называвшагося прежде *антимоннаго* (сурьмянаго) масла (дву-трехъ хлористой сурьмы), которое до него ученые принимали за соединеніе ртути, и процессъ свой разложенія сулемы дву-трехъ сѣрнистою сурьюмою (отъ чего получается антимонійное масло и киноварь) онъ описалъ такъ ясно, что это понятно всякому, кто только нѣсколько знакомъ съ химіей. Исторія рѣдко представляетъ намъ людей съ столь свѣтлымъ умомъ, съ столь благородною душою, какъ Глауберъ.

«Сердце мое сжимается отъ горести, говоритъ онъ, видя невѣжество и неблагодарность людей. Я знаю, что мои труды встрѣтятъ различныя мнѣнія и что я поступилъ не хорошо, передавъ ихъ свѣту. Но я смѣюсь надъ людскими сужденіями, которыя, какъ вѣтеръ, подуютъ на меня, но не сломятъ. Если Сынъ Божій явился бы теперь міру и сотворилъ тѣ чудеса, какими ознаменовалъ Онъ Себя во время своего пришествія на землю, то его сожгли бы, какъ прежде распяли. Люди всегда тѣ же. Что же касается до меня, то, вѣрный девизу *ora et labora*, я иду впередъ путемъ честнаго человѣка, дѣлаю что могу и ожидаю награды, только не въ этомъ мірѣ.»

Описавъ полученіе дву-трехъ хлористой сурьмы, которое такъ выдвинуло его изъ среды современныхъ ему химиковъ, Глауберъ, для избѣжанія всякаго спора, прибавляетъ:

«Впрочемъ, я никому не навязываю своихъ мнѣній. Каждый, если захочетъ, можетъ довольствоваться своими. Я сказалъ только то, что зналъ, изъ любви къ истинѣ.»

Фавъ-Гельмонтъ прибрѣлъ безсмертную славу тѣмъ, что обратилъ вниманіе на газообразныя вещества, которыя до него

только смутно предъугадывался, и этихъ самымъ положенъ начало пневматической химіи, развившейся преимущественно въ XVIII вѣкѣ.

Еще до Фанъ-Гельмонта былъ извѣстенъ газъ угольной кислоты, отдѣляющійся между прочимъ въ разныхъ пещерахъ и названный Парацельсомъ *лѣсной духомъ*. Фанъ-Гельмонтъ открылъ, что лѣсной духъ одно и то же, что газъ, который получается при горѣніи угля, и съ газомъ отдѣляющійся при броженіи вина. «Этотъ духъ, говоритъ онъ, я называю *газомъ*. Онъ не уловимъ ни въ какихъ сосудахъ.» Нужно объяснить эти слова, чтобъ показать, въ чемъ заключалась заслуга и вмѣстѣ съ тѣмъ ошибка Фанъ-Гельмонта. Прежде газы назывались *воздухами*; введеніемъ новаго слова, которое сперва было приложено къ одной угольной кислотѣ, а потомъ сдѣлалось общимъ терминомъ для всѣхъ матеріальныхъ, но не осязаемыхъ эластическихъ жидкостей, и наконецъ открытіемъ, что лѣсной духъ и газъ, получаемый при горѣніи угля и при винномъ броженіи, одно и то же тѣло, Фанъ-Гельмонтъ оказалъ большую услугу наукѣ. Но словами «газъ неуловимъ никакими сосудами» онъ высказалъ въ свою очередь, что не получалъ и не собиралъ отдѣльно угольной кислоты. Не станемъ разбирать сочиненій Фанъ-Гельмонта, изданныхъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Ortus medicinarum*, потому-что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Притомъ намъ и не нужно пускаться въ большія подробности, но о всѣхъ этихъ сочиненіяхъ можно сказать въ трехъ словахъ: онѣ драгоценны для насъ, потому что въ нихъ положены, повторяемъ еще разъ, начала пневматической химіи. Кроме газа угольной кислоты, Фанъ-Гельмонтъ зналъ соляной газъ и предугадывалъ еще нѣкоторые другіе. Наконецъ этотъ ученый подалъ идею термометра, открытіе котораго послѣдовательно приписываютъ Бакону, Флууду, Дреббелю, Санкторіусу, Сарпи и Галилею. Фанъ-Гельмонтъ родился въ Брюсселѣ 1577 г., отъ благородной и знаменитой фамиліи графовъ Меродъ. Противъ желанія своихъ родителей, онъ посвятилъ себя изученію наукъ, преимущественно медицины и химіи. Въ скоромъ времени онъ сдѣлался извѣстенъ своими познаніями. Императоръ Рудольфъ II приглашалъ его къ своему двору. — Фанъ-Гельмонтъ, до конца жизни, не оставилъ своего уединенія и шмальбордской лабораторіи; онъ умеръ въ 1644 г., 30 декабря.

Этими ученими замыкается второй періодъ. Лесеваръ и Глазеръ принадлежатъ равнымъ образомъ къ числу ихъ, но мы пропускаемъ ихъ, потому-что Дюма все сказалъ о нихъ, что только было можно. Глазеръ былъ замѣшанъ въ дѣло маркизы Бранвиллеръ, которое состояло въ слѣдующемъ:

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ, 1665 года, толпа любопытныхъ собралась на Новомъ мосту. Всѣмъ извѣстно, что Парижане большіе зѣваки и любители происшествій, а въ этотъ разъ случилось происшествіе, которое заслуживаетъ даже нѣкотораго вниманія. На Новомъ мосту стояла карета, которая была окружена со всѣхъ сторонъ полицейскими. Главный изъ нихъ подошелъ къ самой каретѣ и, отворивъ дверцу, вскричалъ:

— Милостивый государь, выходите!...

Въ ту же минуту, какъ были произнесены эти слова, изъ кареты выскочилъ молодой офицеръ кавалерійскаго полка, и такъ живо захлопнулъ дверцы, что полицейскій комиссаръ не успѣлъ посмотрѣть во внутренность экипажа, гдѣ сидѣла молодая женщина, закрывшая лицо вуалемъ. Вѣроятно, она сдѣлала это изъ предосторожности, чтобы не быть узнавшею.

— Что вамъ нужно? вскричалъ офицеръ съ надменною улыбкою, обращаясь къ полицейскому комиссару.

— Я имѣю приказаніе... отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись; позвольте узнать вашу фамилію?

Офицеръ улыбнулся.

— Я кавалеръ Годенъ-де-Сентъ-Круа, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Комиссаръ ободрился.

— А! такъ мнѣ васъ приказано арестовать!...

— Арестовать! вскричалъ офицеръ: кто это вамъ приказалъ?

Видя отвѣта, комиссаръ подалъ ему бумагу, подписанную министромъ полиціи. Сомнѣваться было нечего.

— Такъ какъ приказъ касается одного меня, продолжалъ Сентъ-Круа, то вы, вѣроятно, позволите каретѣ продолжать свою дорогу?

Комиссаръ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою, и черезъ нѣсколько секундъ карета исчезла за угломъ улицы Дофина.

Въ молчаніи, не оставляя своей гордой и презрительной улыбки, Сентъ-Круа слѣдовалъ за полицейскимъ комиссаромъ, который повернулъ по набережной. Въ скоромъ времени повстрѣ-

чалась новая карета. Ее, вѣроятно, ожидалъ комиссаръ, потому что на лицѣ его показалось выраженіе радости.

— Садитесь, сказалъ онъ обращаясь къ Сентъ-Круа.

Тотъ хладнокровно помѣстился во внутренность экипажа.

— Въ Бастилію, вскричалъ комиссаръ, усаживаясь подлѣ своего плѣнника.

И карета пустилась въ галопъ по улицѣ, ведущей къ тюрьмѣ.

Покуда мы скажемъ, кто таковъ былъ кавалеръ Сентъ-Круа.

Неизвѣстно подлинно его происхожденіе. Одни говорятъ, что онъ былъ незаконнорожденный сынъ какого-то знатнаго вельможи; другіе же напротивъ утверждали, что онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей, которые для богатства рѣшились принять безчестіе. Но какъ бы то ни было, извѣстно что онъ родился въ Монтобанѣ, и въ настоящую эпоху, въ началѣ нашего разсказа, служилъ капитаномъ въ полку Траси.

Сентъ-Круа былъ молодой человекъ лѣтъ 28 или тридцати, самой счастливой фizioноміи, исполненной ума, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нравится женщинамъ. Онъ былъ ловокъ въ обращеніи, умѣлъ приобрести дружбу всѣхъ товарищей, у которыхъ онъ свылъ подъ названіемъ *добраю малаю*. Что касается до его характера, то тутъ трудно сказать что-либо положительное. Сентъ-Круа увлекался какъ добрыми дѣлами, такъ и дурными, и всегда съ равною охотою. Сегодня онъ былъ воплощенная добродѣтель; завтра же мелодраматическій злодѣй.

Около 1660 года, служа въ арміи, Сентъ-Круа познакомился съ маркизомъ Бранвильеръ, съ которымъ онъ былъ одного возраста и почти одинаковаго характера. Это самое связало ихъ до того, что они сдѣлались настоящими друзьями, новыми Орестомъ и Пиладомъ. По возвращеніи въ Парижъ, первымъ дѣломъ маркиза Бранвильеръ было представить своего пріятеля своей женѣ, урожденной д'Обрай, которая и есть героиня нашего разсказа.

Маркиза Бранвильеръ, достигши 28 лѣтъ, была въ полномъ цвѣтѣ своей красоты; она была не высока, но сложена удивительно; лицо ея было чрезвычайно правильно и всегда одушевлено очаровательною улыбкою. Увидѣвъ ее, можно было подумать, что ни одна порочная мысль не можетъ никогда закраться въ ея сердце, что она ангелъ невинности и чистоты, посланный съ неба для утѣшенія людей, и между тѣмъ

эта женщина, этот ангелъ, совершила столько злодѣяній, погубила столько людей, что на это едва ли рѣшится самый отчаянный преступникъ!... Вотъ какъ иногда обманчива наружность!...

Маркиза Бранвильеръ поврѣдилась Сентъ-Круа, который началъ ухаживать за нею, и въ скоромъ времени любовь ихъ сдѣлалась столь гласною, что цѣлый Парижъ зналъ о ней, какъ о самой обыкновенной вещи. Мужъ не мѣшался въ дѣла любовниковъ, можетъ быть изъ дружбы, а скорѣе изъ того, что онъ не любилъ своей жены, и былъ занятъ своими дѣлами. Въ скоромъ времени супруги даже разъѣхались, предоставляя другъ другу свободу наслаждаться жизнію по своему произволу. Всѣ смотрѣли довольно хладнокровно на любовную связь маркизы Бранвильеръ съ Сентъ-Круа, потому-что въ Парижѣ тогда ежеминутно случались подобныя исторіи. Только не дремалъ одинъ отецъ маркизы, старый дворянинъ, маркизъ д'Орбай, воспитанный въ самыхъ строгихъ правилахъ, и который такое поведение своей дочери считалъ безчестіемъ своего дома. Чтобы прекратить этотъ скандалъ, онъ выпросилъ у короля приказаніе посадить Сентъ-Круа въ тюрьму до той поры, пока прекратятся городскіе слухи, и забудется самая исторія. Вотъ по какому случаю кавалеръ попалъ въ Бастилію, и попалъ въ то время, когда онъ прогуливался съ маркизой, разъѣзжая въ каретѣ по парижскимъ улицамъ.

Молодого человѣка ввели въ комнату, которая освѣщалась только сверху, луною, едва показавшеюся на горизонтѣ. Было темно, и глаза Сентъ-Круа, еще непривычныя къ полумраку, съ трудомъ могли разглядѣть что-то въ родѣ кровати. Въ отчаяніи бросился на нее молодой человѣкъ, ломая руки, и призывая ищеніе на голову своихъ враговъ.

— О, еслибъ сатана помогъ мнѣ отмстить имъ! вскричалъ онъ въ изступленіи.

Въ это время въ углу тюрьмы послышался шумъ, и старикъ, худой, блѣдный, съ длинными волосами, закутанный въ черныи плащъ, медленно подошелъ къ кровати. Луна, поднявшись въ это время надъ отверстиемъ, освѣтила лицо его, которое было страшно своею неподвижностью, и какимъ-то холоднымъ безстрастіемъ. Дрожь пробѣжала по тѣлу кавалера.

— Молодой человѣкъ, сказала вилѣніе: ты требуешь отъ ада средствъ отмстить своимъ врагамъ; хорошо! Я пришелъ, чтобы

предложить ихъ тебѣ... Только имѣешь ли ты мужество принять ихъ?

— Позволь прежде спросить, спросилъ Сентъ-Круа: кто ты такой?

— За чѣмъ тебѣ знать это, отвѣчалъ старикъ: я пришелъ къ тебѣ, чтобъ помочь и утѣшить тебя, чтобъ предложить мои услуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность отомстить врагамъ твоимъ.

— Я принимаю твои услуги, сказалъ Сентъ-Круа, думая, что онъ имѣетъ дѣло съ существомъ сверхъестественнымъ; но не иначе, какъ узнавши твое имя.

— Если тебѣ такъ хочется знать его, изволь: я—Итальянецъ Эквили.

Сентъ-Круа въ ужасѣ отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ. Тюремщикъ посадилъ его въ одну комнату съ человѣкомъ, приобрѣтшимъ знаменитость въ цѣлой Европѣ своими отравленіями. Сотни жертвъ пали отъ ядовъ его, ядовъ неуступавшихъ страшнымъ составамъ Борджіевъ и Медичи, въ силѣ и неуловимости. Эквили былъ фанатикъ въ своемъ родѣ. Отравлять людей было его ремесломъ, искусствомъ, которому онъ предавался со всѣмъ одушевленіемъ алхимика, ищущаго философскій камень, или эликсиръ жизни.

Нѣсколько дней Сентъ-Круа не говорилъ ни слова съ Итальянцемъ, но потомъ по-немногу привыкъ къ нему, и даже началъ заговаривать о своемъ ищеніи, которое не выходило никакимъ образомъ изъ его памяти.

Черезъ годъ вышелъ изъ Бастиліи, Сентъ-Круа былъ также искусенъ въ составленіи ядовъ, какъ и его учитель. Непозвѣстно, посѣщала ли его въ тюрьмѣ маркиза Бранвиальеръ, но крайней мѣрѣ извѣстно только то, что послѣ такой долгой разлуки, они были влюблены другъ въ друга еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Первою мыслью, которая родилась въ головѣ любовниковъ, была освободиться отъ надзора отца. Въ скоромъ времени, эта злодѣйская мысль была приведена въ исполненіе. Д'Обрай отправился на лѣто въ замокъ Офемонъ, лежащій недалеко отъ Комьеня. Маркиза вызвалась сопровождать его, и предложеніе было съ радостью принято старикомъ, который думалъ, что дочь его прекратила всякія сношенія съ Сентъ-Круа. Чтобъ удалить подозрѣніе, маркиза представилась самою дѣжною дочерью. Она исполняла малѣйшія желанія почтеннаго дворянина, явшагося въ восторгъ отъ этой привязанности. Наконецъ настало время совершить преступленіе, и мар-

лица, сохранила какъ нельзя лучше присутствіе духа, сама подала своему отцу ядъ, прииѣшанный къ бульону. Старикъ медленно вынулъ его, никакъ не подозревая отравленія. Черезъ мѣсяць, онъ былъ уже мертвъ. Кто бы могъ подумать, что тутъ совершается преступленіе?... Кто бы могъ подозревать маркизу, видя съ какою горестью она оплакивала отца?...

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ: старика не существовало, а между тѣмъ положеніе любовниковъ нѣсколько на улучшилось. Братья ея, совѣтники въ какомъ-то министерствѣ, строго наблюдали за ея поведеніемъ. Нужно было избавиться и отъ нихъ, чтобы во-первыхъ получить полную свободу, а во-вторыхъ чтобы и поправить состояніе, разстроенное маркизомъ. Одно преступленіе неминуемо влечетъ за собой другое, а для маркизы преступленія составляли пищу. Ламоссе, лакей Сентъ-Круа, опредѣлился въ услуженіе къ одному изъ братьевъ, получивъ отъ своего бывшего господина, какія-то тайныя инструкціи. Но прежде отравленія своихъ братьевъ, маркиза попробовала силу яда, даннаго ей Сентъ-Круа, на больныхъ одного госпиталя, который она часто посѣщала. Всѣ тѣ больные, которымъ она приносила пищу, умерли черезъ нѣсколько времени, и умерли болѣзнію, приведшею въ недоумѣніе докторовъ. Первая попытка отравить братьевъ маркизы была неудачна, и Ламоссе едва не былъ пойманъ на самомъ преступленіи. Только своей ловкостью, онъ умѣлъ вывернуться, изъ чуть былъ неначавшейся исторіи. Но спустя мѣсяць, братья, покушавъ плотно пастета съ голубями, захворали, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерли въ различные сроки. Тѣла ихъ были вскрыты, но или невѣжество докторовъ не могло угадать отравленія, или наконецъ ядъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ, только кромѣ разнесшихся неопредѣленныхъ слуховъ, не было ничего положительно говорящаго о преступленіи.

Сентъ-Круа, имѣя любовницу, нашелъ себѣ и друга, г. Пенотье, который съ той поры, какъ связался съ кавалеромъ, былъ удивительно счастливъ въ своихъ дѣлахъ.

Для начала, товарищъ его, Алиберъ, умеръ скоропостижно, оставивъ въ рукахъ Пенотье всѣ свои бумаги, которыми этотъ послѣдній воспользовался такъ счастливо, что успѣлъ разорвать семейство покойника. Тестъ Алибера, г. Магделень, возмѣнилъ нѣкоторые подаренія на счетъ этой смерти, и уже хотѣлъ было начать розысканія, но и самъ также умеръ, какъ засви-

дѣтельствовали доктора, пораженный апоплексическимъ ударомъ. Далѣе г. Пенотье рассчитывалъ на какое-то выгодное мѣсто, и уже хотѣлъ было занять его, какъ вдругъ явился другой болѣе счастливый соперникъ г. Сентъ-Лоранъ... Вы думаете, что счастье оставило своего любимца, ничуть не бывало; судьба покровительствовала ему въ лицѣ Сентъ-Круа; г. Сентъ-Лоранъ не долго сидѣлъ на приобретенномъ мѣстѣ; онъ умеръ также скоропостижно. Когда вскрыли трупъ его, нашли тоже самое, что и прежде, при вскрытіи труповъ д'Обрай, сыновей его, Алибера и г. Магделена....

Парижъ ужаснулся, всѣ страшились за жизнь свою; подозрѣнія, сначала темныя, потомъ болѣе и болѣе прояснились. Наконецъ само небо поразило преступника, и открыло правосудію его злодѣянія и его помощниковъ.

Сентъ-Круа, который жилъ между тѣмъ чрезвычайно богато, занялся приготовленіемъ какого-то страшнаго состава. Этотъ составъ долженъ былъ умерщвлять черезъ столько времени, сколько приходилось по расчету, и потомъ не оставлялъ по себѣ никакого слѣда. Въ ту минуту, когда онъ разсматривалъ этотъ ядъ, заключенный въ сосудѣ, стекляная маска, которую онъ носилъ всегда на лицѣ во время своихъ таинственныхъ занятій, упала, предоставивъ такимъ образомъ лицо его дѣйствию яда. Дѣйствіе было внезапно; кавалеръ Сентъ-Круа не имѣлъ времени отскочить отъ сосуда, и упалъ на полъ въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черезъ секунду его не существовало. Смерть его нельзя было скрыть отъ полиціи, которая такъ скоро явилась въ его жилищѣ, что домашніе успѣли только сломать маску и выбросить сосудъ съ ядомъ. Тотчасъ же все было опечатано. По внимательномъ изслѣдованіи, и разборѣ вещей, первое, что остановило вниманіе судей, былъ ящичекъ, въ которомъ лежало нѣсколько пакетовъ и стклянокъ, съ различнаго рода жидкостями; да еще свитокъ исписанной бумаги, съ надписью: *мое завѣщаніе*. Завѣщаніе это прочли; изъ него слѣдовало, что кавалеръ, въ случаѣ смерти, отказываетъ заключающееся въ ящичкѣ маркизѣ Панетъе. Наконецъ развернули пакеты, въ которыхъ лежали порошки, оказавшіеся, по изслѣдованію, опиумомъ, сулемою, римскимъ купоросомъ и другими ядовитыми веществами. Наконецъ тутъ же находился и знаменитый *наследственный* порошокъ, объ которомъ до сихъ поръ еще не рѣшено

положительно — иные принимаютъ его за мышьякъ въ какомъ нибудь измѣненномъ видѣ, другіе же полагаютъ, что въ составъ его входило нѣсколько ядовитыхъ началъ. Извѣстно только, что весьма малое его количество, данное кошке, причиняло смерть черезъ полчаса, а тоже количество, данное гелубю, черезъ нѣсколько секундъ. При этомъ желудокъ и кишки не были повреждены, какъ будто животныя издохали по обыкновеннымъ законамъ природы.

Все говорило противъ маркизы Бранвильтеръ. Тотчасъ же было приказано схватить ее, но она успѣла скрыться въ монастырь города Литтиха. Силою взять ее оттуда было опасно, потому что это значило произвести народное возмущеніе. Жители Литтеха, строгіе ревнители католической вѣры, непремѣнно оскорбились бы этимъ нарушеніемъ монастырскихъ законовъ, и подняли бы оружіе для защиты виновной, и притомъ она сама успѣла бы убѣжать во время этой стычки; пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Нѣкто Десгре, служившій въ полиціи, взялся устроить это дѣло. Онъ отправился въ Литтихъ, прожилъ тамъ нѣсколько времени, не показавъ виду, что принадлежитъ къ числу исполнителей правосудія, и нашелъ случай познакомиться съ маркизой. Г-жа Бранвильтеръ уже успѣла позабыть нѣсколько своего стараго любовника, мѣсто котораго занялъ другой человѣкъ, по имени Теріа. Впрочемъ этого любовника держали кажется единственно потому, что еще не было покуда другихъ. Десгре былъ драгоцѣнный человѣкъ, мастеръ на всѣ руки. Онъ умѣлъ представить и простаго крестьянина, и также искусно разыграть и роль вельможи: стоило только перемѣнить костюмы. Первымъ стараніемъ его было понравиться маркизѣ, и такъ какъ онъ былъ недуренъ собою, то это вскорѣ исполнилось по его желанію. Маркиза влюбилась въ него, и даже назначила свиданіе за воротами монастырскаго сада. Но лишь только она пришла на это свиданіе, тамъ схватили ее солдаты, посланные съ Десгре для поимки преступницы, и посадили ее въ карету, которая тотчасъ же отправилась въ Парижъ.

Узнавъ обманъ, маркиза хотѣла умертвить себя, но стражи не опускали изъ виду ни малѣйшаго ея движенія; вырвали изъ рукъ ея булавку, когда она хотѣла проглотить ее, ножикъ, который она взяла, чтобъ зарѣзаться, и такимъ образомъ «здраву и невредиму» представила ее въ Парижъ. Тамъ немедленно

начался судъ. Главною уликою противъ ея была бумага, найденная въ ея ящикѣ, въ которой маркиза откровенно рассказываетъ о своихъ преступленіяхъ. Эта бумага была завернута въ пакетъ съ надписью: «*Моя исповѣдь.*»

Нивель, знаменитый адвокатъ того времени, взялся защищать ее. Въ подтвержденіе того, что исповѣдей никогда не должно принимать въ расчетъ при судебныхъ дѣлахъ, онъ рассказалъ три примѣра, изъ которыхъ мы сообщимъ только одинъ:

Въ 1579 году, содержатель гостинницы въ городѣ Тулузѣ убилъ остановившагося у него иностранца, и завладѣлъ его деньгами, трупъ же бросилъ въ подвалъ. Впослѣдствіи, терзаемый угрызениями совѣсти, онъ раскаялся въ своемъ преступленіи предъ лицомъ аббата. Между тѣмъ родственники убитаго стали отыскивать его, и обѣщали большую награду тому, кто дастъ о немъ какія-либо извѣстія. Духовникъ, прельстившись наградою, открылъ то, что узналъ на исповѣди. Тотчасъ же завязалось дѣло, трактирщика посадили въ тюрьму, и перерыли весь его домъ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности преступленія. Трупъ, вскорѣ найденный въ погребѣ, окончательно подтвердилъ его. Между тѣмъ, трактирщикъ, признавшись въ совершенномъ имъ злодѣяніи, настойчиво упрекалъ аббата, что онъ измѣнилъ тайнѣ исповѣди. Тогда парламентъ, приведенный въ негодованіе поступкомъ аббата, приказалъ остановить дѣло, и выпустить изъ тюрьмы содержателя гостинницы, такъ какъ противъ него не могли дѣйствовать улики, вынужденныя на исповѣди. Что же касается до аббата, то его осудили на висѣлицу, а трупъ приказали сжечь, чтобъ этимъ самымъ дать строгій примѣръ всему духовенству.

Но не смотря на все краспорѣчіе Нивеля, процессъ маркизы подвигался впередъ, и наконецъ она сама призналась въ своихъ преступленіяхъ. По указу короля и парламента, ее приговорили къ смертной казни, которая и была совершена на Гресской площади.

Неизвѣстно участвовалъ ли Главеръ въ этихъ преступленіяхъ, но по крайней мѣрѣ въ его лабораторіи Сентъ-Круа часто готовились свои страшные яды.

Но маркиза Браншльеръ, не смотря на всѣ свои преступле-

нія; передъ семействомъ Борджіа была то же самое, что ребенокъ передъ мужчиною. Кажется въ цѣломъ мірѣ съ сотворенія его, не было въ одной фамиліи и въ одно время, до такой степени порочныхъ людей, какими можно по всей справедливости назвать папу Александра VI и дѣтей его Цезаря и Лукрецію Борджіа. Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о преступленіяхъ, совершенныхъ ими, набросаемъ краткую исторію всего этого семейства. Послѣ Иннокентія VIII, нѣсколько дней папскій престолъ былъ ураздненъ, и это продолжалось бы можетъ быть еще долѣе, еслибы народъ римскій не захотѣлъ оставаться болѣе безъ главы церкви, и не принудилъ кардиналовъ кончить скорѣе свои споры. Изъ числа всѣхъ этихъ кардиналовъ, на папскую тиару болѣе помогали, и болѣе имѣли права три, а именно: Родерикъ Лендзуоло Борджіа, архіепископъ валенсійскій, Асканіо Сфорца, и кардиналъ Юліанъ Ровере. Наконецъ, 11 августа 1492 г., пренія кончились, потому что большинство голосовъ склонилось въ пользу Родерика, и въ тотъ же день народу объявлено было объ ѣго востшествіи на престолъ, подъ именемъ Александра VI.

Родерикъ Лендзуоло родился въ Испаніи, въ городѣ Валенсіи, 1430 года. Фамилія его считалась изъ числа первыхъ въ Валенсіи. Онъ посвятилъ себя изученію юриспруденціи, и даже хотѣлъ выйти на поприще свѣта въ званіи адвоката, но вскорѣ перемѣнилъ свое намѣреніе, и вступилъ въ военную службу. Когда же отецъ его умеръ, оставивъ ему огромное богатство, Родерикъ охладѣлъ и къ этому званію, рѣшившись жить, ничего не дѣлая, и только наслаждаться удовольствіями. Въ скоромъ времени, онъ влюбился въ одну молодую дѣвушку, по имени Розу Ванодди, отъ которой имѣлъ четырехъ дѣтей: Франциска, Цезаря, Гиффори и Лукрецію, сдѣлавшихся столь знаменитыми впоследствии.

Онъ, можетъ быть, прожилъ бы весь вѣкъ свой въ Испаніи, оставя послѣ себя славу хорошаго дворянина, если бы на папскій престолъ не взошелъ дядя его Каликстъ III, который любилъ его, какъ роднаго сына. Первымъ пошехоніемъ папы было вызвать Родерика въ Италію, и наставить на добрый путь. Сперва Борджіа, увлеченный любовью, оттажничавъ отъ себя всѣ честолюбивыя мечты, но впоследствии, когда сдѣлался постарше, то сталъ серьезно поглядывать на папскую

тиару. Тотчасъ же онъ перемѣнилъ образъ своей жизни, притворился набожнымъ, и только по вечерамъ у Розы Ваконди, пріѣхавшей вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ, сбрасывалъ съ себя маску. Тогда онъ предавался всевозможнымъ излишствамъ. Чтобы защитить себя отъ упрековъ папы, Родерикъ пріискалъ для своей любовницы мужа, Мануэля Мельхиора, Испанца по происхожденію, который согласился принять за деньги брачное иго, никогда не пользуясь его удовольствіями.

Каликстъ III обогатилъ своего племянника, сдѣлавъ его архіепископомъ валенсійскимъ, и умеръ, довольный тѣмъ, что родню свою толкнулъ на хорошую дорогу.

Александръ VI началъ мудро свое управленіе, очистилъ Римъ отъ разбойниковъ, грабившихъ и убивавшихъ безнаказанно при Иннокентіи VIII, и наконецъ, въ дѣлахъ христіанства, показалъ себя строгимъ ревнителемъ благочестія. Но лишь только прошелъ годъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ взомелъ на папскій престолъ, дѣла перемѣнились и Александръ VI сбросилъ съ себя маску.

Ватиканскій дворъ сдѣлался вертепомъ разврата; вмѣсто священныхъ гимновъ, въ немъ чаще слышались крики веселія, и торжественную тишину его безпрестанно нарушали неумолкаемые танцы. Подобнымъ образомъ, праздновалъ Александръ VI свадьбу своей дочери Лукреціи, которая служила для удовольствія честолюбивыхъ плановъ отца, съ Александромъ Сфорца, владѣтелемъ Пизарро, и свадьбу сына Гиофори съ донною Санчією, незаконнорожденною дочерью Альфонса, короля неаполитанскаго. Сыновья папы выдвинулись впередъ: одинъ сдѣлался кардиналомъ, другой же герцогомъ гандійскимъ. Александръ VI былъ глубокой политикъ; сперва онъ былъ врагомъ Карла VIII, короля французскаго, шедшаго на завоеваніе Неаполя, потомъ же когда требовали выгоды, онъ присталъ къ его партіи, и даже благословилъ его упрочить домъ Анжуйскій на престолѣ обѣихъ Сицилій.

Чтобъ болѣе доказать справедливость нашихъ словъ, расскажем анекдотъ, случившійся во время этой войны. Братъ турецкаго султана Байзета убѣжалъ въ Европу, и скрывался при дворѣ французскаго короля. Папа вытребовалъ его къ себѣ, именно съ тою цѣлю, чтобъ получать отъ Байзета огромную

сумму денегъ, которую тотъ платилъ ежегодно, прося одного только, чтобъ покрѣоче держали его брата.

Когда Карлъ VIII объявлялъ походъ въ Италію, Баязеть написалъ письмо папѣ, въ которомъ просилъ его умертвить несчастнаго плѣнника, обѣщаясь за это прислать 300 тысячъ дукатовъ.

Турецкій султанъ боялся, чтобъ Карлъ VIII не потребовалъ выдачи его брата, который могъ бы служить прекраснымъ предлогомъ, для произведенія въ Турціи междоусобной войны. И въ самомъ дѣлѣ, когда французскій король вступилъ въ Римъ, то тотчасъ же приказалъ выдать плѣнника, который и былъ отданъ ему папою, только послѣ уплаты 120,000 ливровъ. Но едва братъ турецкаго султана выѣхалъ изъ Рима, какъ захворалъ внезапно и умеръ вскорѣ, къ большой горести Карла VIII. Такимъ образомъ папа умѣлъ угодить обоимъ и съ обоихъ взять деньги.

Когда счастье обратилось спиною къ Карлу VIII, папа снова сдѣлался отчаяннымъ врагомъ и собралъ противъ него самую грозную лигу. Между тѣмъ, въ семействѣ Александра VI пачали происходить несогласія, кончившіяся, какъ и надобно было полагать, весьма несчастно для одного изъ членовъ. Францискъ Борджіа и Цезарь встрѣтились на одинаковомъ пути страшными соперниками, и вездѣ первый торжествовалъ надъ вторымъ. Цезарь, душа котораго казалось была сотворена изъ зла, рѣшился умертвить своего брата. Францискъ любилъ сестру свою Лукрецію до безумія, и та платила ему тѣмъ же; Цезарь равнымъ образомъ былъ влюбленъ въ Лукрецію, и видя ея холодность къ нему, побѣдилъ послѣдніе остатки добродѣтели, еще таившіяся въ его серлцѣ. Онъ позвалъ своего вѣрнаго бандита, Микелотто, который былъ преданъ ему душою и тѣломъ, и сообщилъ ему свои планы. Тотъ согласился на все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, данъ былъ Цезаремъ прощальный вечеръ, по случаю отъѣзда его въ Неаполь. На этомъ вечерѣ былъ также и герцогъ гандійскій. Въ разгарѣ бала, какой-то замаскированный человекъ подошелъ къ нему, подалъ записку и тотчасъ же исчезъ въ толпѣ гостей. Францискъ съ живостью прочиталъ ее, и на лицѣ его выразилась радость. Цезарь слѣдилъ за всѣми движеніями брата и незамѣтно пробравшись сзади его, взглянулъ мелькомъ на записку.

Осмысливать было нечего; записка была от Лукреции, которая не выходила в это время никуда из своего дворца. Через несколько минут после получения этого послания Францискъ простился съ братомъ, говоря, что необходимы дѣла требуютъ его присутствія, и, выпивши изъ дома, обѣдъ на дѣлѣ и поспежалъ по направленію къ дворцу Лукреціи.

Спустя нѣсколько часовъ онъ вышелъ оттуда и отправился домой. Но на поворотѣ одной улицы на него напали четыре человека, вооруженные шпагами. Францискъ, принявъ ихъ за воровъ, объявилъ имъ, кто онъ такой, но они, не отвѣчая ни слова, продолжали свои нападенія. Черезъ нѣсколько минутъ Францискъ былъ убитъ, и тѣло его брошено въ Тибръ. Когда все было кончено, появился всадникъ въ черномъ плащѣ, который тихо спросилъ:

— Какъ дѣло?

— Все кончено, сеньоръ, отвѣчалъ одинъ изъ бандитовъ, въ которомъ по голосу можно было узнать Микелотто.

Послѣ смерти брата, Цезарь оставилъ духовное званіе и, принявъ титулъ герцога Валентинуа, получилъ начальство надъ войсками, назначенными покорить мелкихъ итальянскихъ владѣтелей, которые особенно усилились въ то время, когда папы переселились въ Авиньонъ. Съ этихъ поръ начинаются страшныя его злодѣянія и интриги. вмѣстѣ съ Александромъ VI, назначая онъ кардиналовъ, которые покупали это званіе за дорогую цѣну, и въ то же время зависывалъ въ своей книгѣ имена тѣхъ изъ нихъ, которые должны были погибнуть, чтобы очистить мѣста другимъ.

Кто не знаетъ ими, лучше сказать, кто не слыжалъ о страшныхъ ядахъ Борджіа, дѣйствовавшихъ смотря по времени, какое назначалось отравителемъ. Они вообще раздѣлялись на два рода: на жидкости и порошки. Ядъ въ порошокъ походилъ вѣдомъ на муку, а вкусомъ на сахаръ, и назывался *камтаралью*. Неизвѣстенъ составъ его. Что же касается до жидкости, то рассказываютъ, что вотъ какимъ образомъ приготовлялась она:

«Дали кабану сильный приѣмъ мышьяка. Потомъ, когда ядъ начиналъ дѣйствовать, животное вѣселя за ноги. Вскорѣ съ нимъ дѣлалась конвульсія, — и цѣна клубомъ была изъ него. Эту цѣну собирали въ стеклянки, — и она-то составляла знаменитый ядъ.»

Многи были способы, какъ Цезарь и Александръ VI употребляли для совершенія своихъ злодѣяній. Такъ напримеръ, они прибѣгали адъ въ питье тому, кому назначали умереть, или къ кушанью, которое подавалось за столомъ тому только, кто долженъ былъ быть жертвою мщенія или корыстолюбія папы. Иногда онъ просилъ кого-нибудь отворить известный шкафъ и подавалъ ему отравленный ключъ. Лишь только несчастный вставлялъ этотъ ключъ въ замокъ и повертывалъ, что-то острое уколывало его руку. Можно было подумать, что это просто царапина, не ведущая ни къ чему, а между тѣмъ, чрезъ нѣсколько часовъ, бравшій ключъ умираетъ, какъ бы пораженный апоплексическимъ ударомъ. Иногда, самъ Цезарь пожималъ, какъ бы въ знакъ дружбы, руку того, кто предназначался смерти, — и въ это время повертывалъ перстень, съ двумя львиными колевами, всегда надѣтый у него на пальцѣ. Зубы льва входили въ руку несчастнаго, — и тотъ выпускалъ духъ чрезъ нѣсколько минутъ, а иногда, если такъ нужно было Борджиа, и чрезъ нѣсколько часовъ.

Трудно было бы перечислить всѣ злодѣянія Цезаря Борджиа. Поименуемъ только главныя изъ нихъ:

Послѣ смерти Франциска, который былъ столько же обожаемъ всѣми, какъ Цезарь не любимъ, фаворитомъ папы сдѣлался Юаннъ Борджиа, его племянникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный другъ умершаго герцога гандійскаго. Онъ показался подозрительнымъ и опаснымъ Цезарю, который тотчасъ же начерталъ свой планъ.

Въ это время, Цезарь осаждалъ Форли, защищаемый мужественно Катериною Сфорца. Къ нему, въ лагерь, прѣѣхалъ, по порученію папы, Юаннъ Борджиа, — и пробывъ нѣсколько дней, снова отправился въ Римъ. Но на дорогѣ онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и принужденъ былъ остановиться въ Рокка-Контрадо. Впрочемъ, ему скорѣ сдѣлалось нѣсколько полегче, — и онъ даже имѣлъ силу опять прибыть въ лагерь къ Цезарю, чтобы поздравить его съ взятіемъ Форли. Тутъ, однакоже, силы его оставили и онъ умеръ спустя три дня. Тѣло его постигнуто и безъ всякой пышности погребено было въ церкви Санта-Марія-дель-Полого. Александръ всегда вѣрно угадывалъ жертвы своего сына и тотчасъ же уничтожалъ слѣды преступленія.

Почти въ то же время въ Римѣ произошло страшное убійство: Донъ-Джованнъ Червильоне, храбрый дворянинъ, возвращаясь

послѣ ужина отъ друга своего Пиньятели, былъ умерщвленъ напавшими на него людьми, которые даже отрубили ему голову.

Римскій губернаторъ принесъ жалобу папѣ и просилъ позволенія тщательно изслѣдовать это дѣло; но по холодному и нерѣшительному отвѣту папы, онъ тотчасъ же догадался, изъ какихъ рукъ вышло убійство. И въ самомъ дѣлѣ, не за долго до этого происшествія, въ Римѣ разнесся слухъ, что жена Червильоне, урожденная Борджіа, сдѣлалась любовницею Цезаря, и что мужъ ея, узнавши объ этомъ, обѣщался убить соблазнителя. Такимъ образомъ и въ Римѣ, Цезарь, посредствомъ своихъ сборовъ, устрашалъ римскую столицу.

Кому неизвѣстна участь Астора Манфреді, молодого и прекраснаго юноши, который, послѣ долгой защиты Фаэнцы, наконецъ сдался на честную капитуляцію и, бывши нѣкоторое время фаворитомъ Цезаря, вдругъ пропалъ внезапно?

Наконецъ, кто не знаетъ участи прекрасной невѣсты венеціанскаго генерала Карачіоло, похищенной Цезаремъ и потомъ умерщвленной, когда она наскучила ему?

Когда Альфонсъ аррагонскій, князь салернскій и третій мужъ Лукреціи былъ болѣе не нуженъ для политическихъ видовъ папы и Цезаря,—то въ дружескомъ совѣтѣ отца и сына положено было отправить его въ лучший міръ. Но чтобы удалить подозрѣнія, папа и Цезарь приняли Альфонса какъ нельзя лучше, дали въ честь его бой быковъ, на которомъ князь салернскій и герцогъ Валентинуа показали всю искренность своей дружбы и готовность защищать другъ-друга до послѣдней капли крови. На арену выпустили быка и раздражили его.

Въ то же время, на другомъ концѣ, показался Цезарь Борджіа, верхомъ на прекрасной вороной лошади, одѣтый въ великолѣпное платье. Быкъ тотчасъ же бросился на него: Цезарь повернулъ коня и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по аренѣ, преслѣдуемый разъяреннымъ животнымъ. Наконецъ, когда быкъ началъ достигать его и лошадь стала утомляться, на арену явился Альфонсъ, вооруженный шпагою, который долженъ былъ разыграть роль Торрѣро.

Дѣйствительно, лишь только быкъ поровнялся съ нимъ, Альфонсъ нанесъ ему ударъ, отъ котораго тотъ палъ бездыханный. Ту же самую услугу оказалъ Цезарь Борджіа, въ свою очередь, Альфонсу; но ударъ его былъ такъ артистически-вѣренъ, такъ

ловокъ, что зрители въ восторгѣ поднялись съ мѣстъ и осыпали Торрера цвѣтами и рукошлесканіями.

И въ самомъ дѣлѣ, никто въ цѣлой Италіи не былъ такъ храбръ, какъ Борджіа, котораго по справедливости считали тогда совершеннѣйшимъ кавалеромъ цѣлаго свѣта.

Въ тотъ же день, возвращаясь домой, послѣ ужина, даннаго папою въ ватиканскомъ дворцѣ, Альфонсъ встрѣтилъ на дорогѣ вооруженныхъ людей, напавшихъ на него. Они нанесли ему нѣсколько ранъ и, полагая, что онъ умеръ, поспѣшно разбѣжался въ разныя стороны. Но Альфонсъ былъ еще живъ и, опаматовавшись, началъ кричать, требуя помощи. Въ такомъ видѣ нашли его дворяне, его же свиты, возвращавшіяся изъ ватиканскаго дворца, и перенесли во дворецъ Лукреціи. Папа и Цезарь Борджіа были чрезвычайно огорчены этимъ происшествіемъ, велѣли разыскать тщательно, кто осмѣлился напасть на принца, послали докторовъ во дворецъ Лукреціи и сами наконецъ поѣхали навѣстить больного. Раны были не смертельны и доктора подавали твердыя надежды къ выздоровленію. Но вдругъ, въ одно утро, пришедши въ комнату Альфонса, нашли его мертвымъ.

Несчастный принцъ былъ задушенъ. Безъ всякихъ особенныхъ почестей, тѣло его было погребено въ церкви св. Петра, на другой же день послѣ совершенія злодѣянія.

Кажется само небо хотѣло наказать Александра VI, тѣмъ же орудіемъ, какое онъ употреблялъ для умерщвленія кардиналовъ. Пригласивъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ для того, чтобъ отравить, папа приказалъ изготовить прекрасный обѣдъ. Когда Казанова, Мельхіоръ Кописъ и Адрианъ Корнето, три новыя жертвы корысти его, сѣли за столъ, папа вдругъ вспомнилъ, что позабылъ въ молитвенной крестъ съ мощами, носимый имъ всегда на груди. Ему было предсказано, что ни ядъ, ни кинжалъ не будутъ дѣйствовать на него, если только онъ не позабудетъ всегда имѣть этотъ крестъ на себѣ. Папа, узнавъ свою неосторожность, тотчасъ послалъ кардинала Корраффу, принести крестъ изъ молитвенной и между тѣмъ, не дождавшись его возвращенія, выпилъ стаканъ вина изъ бутылки, поставленной передъ его приборомъ. Но по неосмотрительности или по незнанію церемоніймейстера, бутылка эта назначалась для гостей и была отравлена. Ничего не замѣчая, Александръ VI выпилъ еще одинъ стаканъ и пригласилъ сѣсть

запахомое Цезаря Борджиа. Между тѣмъ, Караччо, прошедши въ моленную папы, поразенъ былъ ужасомъ и отступилъ на колѣнолюбо ипашонъ: передъ нимъ на креслѣ сядягъ Александръ VI, котораго онъ достигалъ въ дружки компаняхъ.... Караччо прочиталъ молитву и перекрестился; видѣнію потону, заплата, которая была освѣщена, тогда пошелъ кардиналъ, кинимъ-то особеннымъ свѣтомъ, опять попрумалась въ глубокую тѣноту.... Ощущью, Караччо добрался до того мѣста, гдѣ лежалъ крестъ и продолжалъ читать молитвы, оправился въ столовую. Тамъ Александръ VI уже была въ предсмертвннкъ судорогахъ. Вечеромъ того же дня, его не существовало. Такъ погибъ глава дома Борджиа....

Что же касается до Цезаря, то онъ хотя и пилъ изъ отравленной бутылки, но молодость восторжествовала надъ силою яда; тотчасъ же было принято имъ противодіе, и послѣ продолжительной болѣзни онъ выздоровѣлъ совершенно и прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, испытавъ въ это время много приключеній.

Выданный Гонзальомъ нордовскимъ, онъ былъ отправленъ въ Испанію и заключенъ тамъ въ замкъ Медина-дель-Кампо. Первое время Цезарь былъ безутѣшенъ, что дался въ обманъ, но впоследствии, когда прошелъ годъ, началъ подумывать о бѣгствѣ. Первый годъ онъ провелъ въ бесѣдѣ съ самимъ собою, отвергая всѣ приглашенія коменданта Донъ-Мануэля отобѣдать съ нимъ, отвѣчая однословными словами на распросы его о сраженіяхъ, происходившихъ въ Италіи, въ то время, когда Борджиа былъ еще начальникомъ арміи. На другой же годъ онъ сдѣлался нѣсколько свѣдѣтельнѣе и даже иногда что-нибудь разсказывалъ любопытному коменданту. Но бѣжать изъ зѣмни не было рѣшительно никакой возможности, и Цезарь уже начиналъ отчаяваться, какъ вдругъ въ хлѣбѣ, принесенномъ ему одинъ разъ, онъ нашелъ маленькую пилу, свертокъ съ наркотическими порошками и записку отъ вѣрнаго Микелотто, извѣщавшаго своего господина, что онъ съ двумя лошадыи дожидается недалеко отъ стѣнъ замка въ близъ-лежащей рощѣ. Получивши драгоценныя пособія, Цезарь начерталъ свой планъ и на другой же день пригласилъ обѣдать къ себѣ коменданта, который былъ очень радъ этому приглашенію, потому что надѣялся услышать отъ Цезаря любопытныя вещи. Во время обѣды, Борджиа незамѣтнымъ образомъ возмчалъ въ стаканъ Доне-

Мануэла усыпительный порошокъ, который докторъ употребилъ свое дѣйствіе. Командантъ заснулъ глубочайшъ сномъ посредъ разсказа Цезаря, который не замедлялъ воспользоваться благопріятною минутою и завладѣлъ драгоценныйиъ ключомъ, свѣсившимъ на поясѣ Дона-Мануэла. Потомъ и онъ притворился спящимъ. Тюремщикъ, пришедши черезъ часъ въ комнату, и увидя ихъ обонхъ въ такомъ положеніи, не могъ возмѣнить никакого подозрѣнія, и команданта отнесъ домой, а Цезаря положилъ въ кровать. Лишь только они ушли, Цезарь схватилъ веревку, которую до того свилъ изъ простыней, одѣлъ и носомъ своего бѣлья, допилилъ рѣшетку и спустился изъ окна. Потомъ, пробираясь ползкомъ около стѣны, онъ добрался до казанки, отъ которой у него былъ ключъ. Но какъ велико было его отчаяніе, когда, протянувъ руку въ нарманы, онъ не нашелъ тамъ его. Первою его мыслию было спросить себя, гдѣ она оставилъ этотъ ключъ, неужели въ комнатѣ? О! тогда бѣгство было невозможно; но подумавши немного, Борджиа догадался, что ключъ у него вытаскалъ изъ нармана въ ту минуту, когда онъ спускался изъ окошка. Не теряя времени и тѣмъ же путемъ, Цезарь пребрался къ мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ была лежать ключъ. Онъ началъ искать его, но все напрасно. Небо заволокло тучами, и было совершенно темно, а между тѣмъ въ отдаленіи слышались раскаты грома. Часовой только недалеко отъ него и при свѣтѣ молніи неслучайно бы увидѣлъ... Тогда все кончено!... Въ отчаяніи, Цезарь до послѣднато намешка пересмотрѣлъ все, что только попало ему подъ руку, какъ въ это время послышался шумъ и нѣсколько человѣкъ съ фонарями показались на дворѣ замка... Цезарь прижался къ стѣнѣ, дожидаясь, что его тотчасъ откроютъ.... Но люди прошли, и снова наступила темнота. Теперь она была шумна Цезарю, который при свѣтѣ фонарей увидѣлъ ключъ, предметъ столькихъ его исканій, лежавшій подлѣ отѣны.... Черезъ секунду калитка отворена, еще нѣсколько минутъ, и герцогъ Валентинуа уже ичелся на лошади, сопровождаемый своимъ вѣрнымъ Микелотто. Принятый колодецъ при дворѣ Лидовика XII, Цезарь вступилъ въ службу короля наваррскаго, который послалъ его противъ возмущеннаго вассала, князя Аларика; произошла удорная битва, кончившаяся совершеннымъ разбитіемъ бунтовщиковъ.

Цезарь сражался, какъ простой воинъ. Своимъ приключеніемъ,

онъ воодушевлялъ всѣхъ, и гдѣ только была опасность, являлся первый. Побѣда всюду слѣдовала за нимъ, какъ и всегда. Уже сраженіе было кончено, и непріятели, стѣсненные на нѣсѣхъ пунктахъ, бѣжали въ безпорядкѣ. Цезарь бросился ихъ преслѣдовать; но увлеченный горячностью, онъ заѣхалъ въ средину ихъ и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Товарища его всѣ отстали назадъ. Какъ левъ защищался Борджіа, и гряда убитыхъ лежала вокругъ его. Но вдругъ стрѣла, пущенная сильною рукою, поразила его сзади. Онъ покачнулся. Въ это время лошадь его пала и придавила его подъ собою. Защищаться было невозможно, еще нѣсколько ударовъ, уже слабо отраженныхъ, и Цезарь лежалъ безжизненный на землѣ. На другой день, вѣрный Микелотто нашелъ его тѣло среди убитыхъ, совершенно разоблаченное жадностью побѣдителей, не обращавшихъ вниманія, кто принадлежалъ къ какой сторонѣ.

Цезарь Борджіа, не смотря на всѣ злодѣянія, былъ искусный полководецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ храбрый солдатъ. Есавбъ не внезапная смерть Александра VI, то онъ бы сдѣлался грозою Италіи.

Наступилъ четвертый періодъ исторіи химіи, и съ нимъ вмѣстѣ является на сцену флогистическая теорія, которая изгоняетъ неопредѣленность изъ области науки и побуждаетъ ученыхъ единодушно стремиться къ раскрытію истины. Дѣйствительно, съ этихъ поръ, химики, забывая свои споры, одинъ за другимъ совершаютъ великія открытія, которыя мало-по-малу проясняютъ горизонтъ химіи и даютъ ей опредѣленный характеръ. Замѣчательно, что этими же открытіями, ученые, невольно и даже противъ своего желанія, колебали флогистизмъ, открывая поле другой, болѣе истинной теоріи. Флогистическая теорія была переходная, ея цѣль была возжечь въ химикахъ единодушное желаніе изслѣдовать тѣла, разлагая ихъ на составныя части. Когда это желаніе принесло свои плоды, она пала, чтобы болѣе никогда не возвышаться.

Между тѣмъ, ученія общества развиваются все болѣе и болѣе, съ каждымъ годомъ. Дѣятельность человѣческаго ума возрастаетъ съ новою силою, науки находятъ себѣ жаркихъ адептовъ, и раскрытіе истины, во всѣмъ частямъ людскихъ знаній, дѣлается жаждою, необходимою для всякаго. Науки болѣе не скрываются подъ таинственными покровами, недоступными для массы, напротивъ того всѣмъ и каждому они раскрываютъ

свои объятія. Прошедши годы испытанія, въ которые на нихъ хотѣли было наложить печать безчувственности и неподвижности, науки дѣлаютъ гигантскіе шаги впередъ. Галилей, Лейбницъ, Бэконъ, Бойль, Декартъ, Ньютонъ и другіе великіе ученые, увеличиваютъ массу человѣческихъ знаній своими наблюденіями надъ природою. Схоластицизмъ поборается, безусловная вѣра въ Аристотеля навлекаетъ на себя насмѣшки, и умъ человѣческій, сбросивъ съ себя это-яго, наложенное на него древними, стремится въ поднебесныя пространства и въ глубь земли такъ же безгранично, какъ безграниченъ онъ самъ.—Главное, ученый не создаетъ теорій, подобно древнимъ, не подтвердивъ ее первоначально опытомъ; не строитъ зданія, не положивъ сперва фундамента; не роетъ горъ, не узнавъ сперва содержать ли онѣ золото.... Нѣтъ! онъ только бесѣдуетъ съ природою, изучаетъ ея тайны и изъ самой этой природы извлекаетъ свои законы. Такъ и въ химіи, согласно этому вліянію, опыты начинаютъ играть важную роль, а теоріи только подчиняются имъ. Отъ чего теорія Лавуазье такъ быстро возвысилась?... отъ того, что ее поддерживалъ опытъ. Отъ чего напротивъ флогистическая теорія такъ быстро упала?... отъ того, что опытъ противорѣчалъ ей. Бэконъ проповѣдуетъ во всеуслышаніе превосходство опытной методы надъ умозрительной, а Декартъ воскрешаетъ идею объ атомахъ, давнюю древними, которая развивается въ теоріи павей, принимая истинную свою форму, доступную опыту, а следовательно и самому мышленію. Декартъ неоспоримо принадлежитъ исторіи химіи. Здѣсь мы расскажемъ его жизнь, въ слѣдующей же статьѣ, когда дойдемъ до атомической теоріи, рассмотримъ и самые труды его по этой части.

Декартъ родился въ 1596 году отъ благородной дворянской фамиліи въ Туринѣ и воспитывался въ іезуитскомъ училищѣ, въ Лафлемѣ. На 19 году своей жизни, въ обществѣ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, онъ отправился въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени предавался всѣмъ удовольствіямъ своего возраста. Обладая значительнымъ состояніемъ, онъ увлекся игрою. Впрочемъ, это продолжалось не долго; пылкій умъ будущаго философа не могъ довольствоваться одними удовольствіями и разсѣяніями. Слѣдующіе два года послѣ такой тревожной жизни, Декартъ посвятилъ себя математическимъ занятіямъ, въ уединеніи, въ отдаленномъ домѣ сень-жермеискаго предмѣстья, гдѣ никто не могъ беспокоить его. Но когда прошли эти два года, Декартъ почув-

становалъ пустоту на своемъ сердцѣ. Жизнь еще милая его къ себѣ всѣми своими прелестями, а разумокъ останавливалъ порывы молодого ума, готового залетѣть въ даль на каждомъ шагу: ты не видишь людей, повторялъ этотъ разумокъ, къ чему твои философія и твои познанія, если тебѣ недоступно главное!... Чтобы удовлетворить этия обьявъ требованіямъ, Декартъ тогда выступилъ на поприще свѣта и выступилъ въ званіи воина. Многого можно было бы сказать, еслибъ слѣдить за каждымъ шагомъ Декарта, за всѣми его разочарованіями и наконецъ за постепеннымъ направленіемъ ума его къ той опредѣленной цѣли, какую постановилъ онъ для себя впоследствии. Но мы скажемъ только то, что Декартъ нѣсколько лѣтъ своей жизни посвятилъ военной службѣ, которую началъ въ званіи волонтера, въ войскахъ баварскаго герцога. Подъ начальствомъ этого послѣдняго, онъ участвовалъ въ пратскомъ сраженіи, потомъ подъ начальствомъ Букуа, при осадахъ Пресбурга и Турнава. Но несчастная катастрофа, при Нейгейзелѣ, гдѣ палъ Букуа, возбудила въ немъ отвращеніе къ военной жизни. Онъ хотѣлъ было возвратиться въ свое отечество, но узнавъ, что тамъ царствуютъ междоусобныя войны, вознамѣрился посѣтить сѣверную Европу. Послѣ труднаго путешествія, исполненнаго приключеній, подвергался даже опасности быть умерщвленнымъ, Декартъ явился наконецъ въ Парижѣ 1623 года, гдѣ его приняли за Розенкрейцера, за одного изъ членовъ этого таинственнаго общества, которое въ то время такъ занимало умы всѣхъ. Впрочемъ, Декартъ прожилъ недолго въ Парижѣ; и снова пустился на Югъ, присутствовалъ въ Веводинъ при церемоніи обрученія Дома съ моремъ, ходилъ на поклоненіе въ Лоретто, исполнивъ такимъ образомъ обѣтъ, данный имъ еще въ началѣ своего воинскаго поприща, и наконецъ испытать неудачу въ исканіи мѣста членства французской арміи, подъ начальствомъ Констабля Лардиньера, возвратился снова въ свое отечество. Здѣсь, удаливъ отъ себя всѣ честолюбивыя мечты, Декартъ предался ученымъ занятіямъ, открылъ законъ относительныхъ скоростей, и наконецъ былъ предметомъ удивленія многочисленнаго общества, собиравшагося по вечерамъ къ кардиналу Бертолмо и папскому нунцію Башьё, просвѣщеннымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ, Декартъ 12 спалогическими, истинами которыя была подтверждена его слушателями, доказалъ, что черное есть бѣло, и на оборотъ. Когда же слушатели, изумлен-

этихъ этики сочиненіями въ недоумѣніи спрашивали, какими образомъ предохранять себя отъ такихъ обманчивыхъ умозаключеній, то онъ показалъ имъ способъ, основанный на математикѣ. До сихъ поръ Декартъ не написалъ еще ни одного сочиненія, все таялось у него въ головѣ. Наконецъ, послѣ неотступныхъ просьбъ Берголла, онъ рѣшается переменить бумагу въ свои должностныя наблюденія надъ сердцемъ человѣка и надъ самою природою. Для начала, Декартъ удалился въ Толландію, климатъ которой соответствовалъ его организму. Здѣсь онъ прожилъ двадцать лѣтъ, не имѣя постояннаго жилища, и переносился безпрестанно съ одного мѣста въ другое. Судьба Галлея, Джорджо Бруно и Кампанеллы ужасаетъ философа, который принимаетъ твердую мысль не издавать своихъ сочиненій при жизни и поручить это дѣло другимъ. Но наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ друзей, Декартъ снимаетъ съ себя это обѣщаніе, и въ 1637 году издается въ свѣтъ его первое сочиненіе, называя часть только того, что онъ задумалъ, гдѣ онъ разсматриваетъ какимъ образомъ управлять своимъ разумомъ, что такое истина въ наукахъ, что такое діоптрика, гдѣ излагаются разсужденія о метафорахъ и правила геометріи.

Въ діоптрикѣ, онъ представляетъ свою теорію свѣта, которая единогласно была принята всѣми учеными, съ весьма малыми измѣненіями.

Въ Голландіи, Декартъ познакомился съ принцессою Елизаветою, дочерью вдовствующей королевы богемской, которая знала множество языковъ, математику, физику и слыла чудомъ учености. Но, поговоривши съ Декартомъ, принцесса убѣдилась, что ей многое еще неизвѣстно, и что одинъ только Декартъ могъ сообщить недостающія ей свѣдѣнія. Она начала брать у него уроки, для которыхъ жертвовала всѣмъ. Декартъ признавался въ своихъ *началахъ*, что изъ всѣхъ учениковъ, она только одна совершенно поняла его.

Впослѣдствіи, обстоятельства разлучили ихъ.

Не смотря на это, они не забывали другъ друга и переписывались между собою. Принцесса впослѣдствіи приняла аббатство Терфонденъ, въ графствѣ ревенсбергскомъ, которое превратила въ философскую академію, куда открыла доступъ всякому, кто только занимался философіей, не обращая вниманія на религію. Въ этой импровизированной академіи имя Декарта получило почести, а сочиненія его стояли выше всѣхъ другихъ.

Слава Декарта проникла въ сѣверныя страны и привлекла на него вниманіе шведской королевы Христины, которая пригласила его къ своему двору. Христина также считалась въ свое время чудомъ природы. Зная превосходно классиковъ, изучая всѣ науки и покровительствуя ученымъ всѣхъ націй, дочь Густава Адольфа, обратила Швецію въ новый Парнассъ, куда были устремлены глаза цѣлаго образованнаго міра. Прочитавъ сочиненіе Декарта, она рѣшилась лично брать у него уроки философіи и послала адмирала Флемминга въ Голландію, предписавъ ему предоставить корабль свой въ полное распоряженіе Декарта. Философъ согласился на предложеніе королевы и въ октябрь 1647 года прибылъ въ Стокгольмъ, гдѣ каждое утро бесѣдовалъ съ Христиною. Но старость и непривычный климатъ подействовали на организмъ его, и въ началѣ февраля, послѣ кратковременной болѣзни, онъ умеръ, повергнувъ свою смертію королеву въ глубокую горестъ. Семнадцать лѣтъ спустя прахъ его былъ перевезенъ во Францію и преданъ землѣ въ церкви святой Женевьевы, въ Парижѣ.

Декартъ былъ отчаянный врагъ схоластической философіи и въ предполагаемомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ *міръ*, онъ хотѣлъ охватить всѣ человѣческія свѣдѣнія, представленныя только въ новой формѣ и съ новой точки зрѣнія. Декартъ обладалъ огромными познаніями во многихъ наукахъ и безпрестанно переходилъ въ своихъ занятіяхъ отъ метафизическихъ умозрѣній къ анатомическимъ и медицинскимъ изслѣдованіямъ, къ физическимъ или химическимъ опытамъ, и наконецъ къ астрономическимъ наблюденіямъ.

Въ сочиненіи *«міръ»* онъ хотѣлъ рассмотреть тайну созданія вселенной, хотѣлъ доказать и объяснить *необходимость* всего сотвореннаго, переходя постепенно отъ изслѣдованій мертвой природы до изслѣдованія души человѣческой. Чтобы сдѣлать понятнымъ духъ Декарта, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ того сочиненія его, которое для краткости ученые называютъ *методомъ*:

«Даръ, который наилучше распространенъ въ природѣ, такъ начинается онъ, есть здравый смыслъ, потому—что даже и тѣ люди, которые ничѣмъ недовольны, сознаются, что доля этого дара, данная имъ, совершенно достаточна для нихъ.»

Сдѣлавъ это умозаключеніе, онъ постепенно переходитъ къ описанію своей жизни.

«Съ самаго дѣтства, говорить онъ, я воспитывался въ наукахъ, и мое рвеніе къ нимъ усилилось еще болѣе, когда мнѣ сказали, что только посредствомъ ихъ, я могу приобрѣсти точное понятіе о всѣхъ дѣлахъ жизни. Когда я кончилъ обыкновенный учебный курсъ, то мнѣ казалось, что я знаю еще меньше чѣмъ прежде, потому-что сколько ложныхъ понятій и сомнѣній видѣлъ я! Но такъ какъ я воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ европейскихъ училищъ, то слѣдовательно здѣсь не было недостатка въ ученыхъ людяхъ; я выучился всему, что только мнѣ преподавали, и кромѣ того перечиталъ, о самыхъ трудныхъ и даже непонятныхъ для меня вещахъ, всѣ книги, какія только могъ достать. Въ училищѣ я считался однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ, хотя многіе мои товарищи были назначены къ намъ въ учителя. Вѣкъ нашъ казался мнѣ нисколько не бѣднѣе другихъ геніальными умами. Такъ отъ чего же въ душѣ моей сохранялось сомнѣніе: что я ошибаюсь и что почти еще ничего не знаю?... Что я даже не вышелъ изъ невѣжества?

«Однакожъ, я не оставлялъ своихъ школьныхъ занятій; видя, что языки способствуютъ къ изученію древнихъ классиковъ, я занимался ими. Я чувствовалъ, что замѣчательные мною классиковъ освѣжаютъ умъ, исторія образуетъ сужденіе, подвиги, описываемые ею, возвышаютъ душу. Читая хорошія книги, я, казалось, бесѣдовалъ съ великими умами мнувшихъ временъ, я былъ проникнутъ силою краснорѣчія, изяществомъ поэзіи, остроумными изобрѣтеніями математики; я видѣлъ, что мораль наставляетъ насъ въ добродѣтели, Богословіе ведетъ къ небу, философія научаетъ говорить о всемъ убѣдительно, возбуждая удивленіе людей, даже малообразованныхъ; правовѣдніе и медицина доставляютъ почести, богатство... Я находилъ, что полезно изученіе и ложныхъ наукъ, какъ напримѣръ алхиміи и астрологій; зная ихъ, мы не будемъ обманутыми.

«Потомъ мнѣ казалось, что я уже слишкомъ много времени посвящаю языкамъ и древнимъ классикамъ. Бесѣда съ давно прошедшими вѣками подобна путешествіямъ; кто много ѣздитъ по чужимъ краямъ, тому свое отечество становится чуждо; точно также, кто уже слишкомъ усердно изучаетъ одну старину, тотъ не можетъ заниматься настоящимъ. Болѣе всего нравилась мнѣ математика, по точности и ясности ея началъ; краснорѣчіе и поэзію я не считалъ предметами изученія, но дарами свѣ-

на. Что же касается до Божеслова, я не менше другихъ желаю дѣйствительнаго блаженства, но такъ какъ многія истины его превышаютъ разумъ человека, то могъ ли я включить его въ предметъ своихъ умозрѣній.

«Въ философіи я не надѣялся быть счастливымъ, стелаятъ великихъ гонимыхъ, которые, цѣлыя вѣка трудившись надъ нею, не открыли ничего. Медицина и правозавѣдніе, основанныя на такомъ же шаткомъ основаніи, какъ философія, не могли привлечь меня къ себѣ; она хотя могла бы доставлять богатство, почести, но къ чему мнѣ оны?—Благодаря Бога, я по своему состоянію не нуждался ни въ чемъ; въ наукахъ я не искалъ вещественной выгоды и хотя не презиралъ подобно цыгану, славы, но не хотѣлъ незаслуженной.

«Оставивъ школу, я вовсе пересталъ заниматься науками. Изучать *большую книгу міра*, было теперь задачею для меня. Для этого-то, весь остатокъ своей молодости я употребилъ на путешествія; я хотѣлъ видѣть дворъ, войска, людей всѣхъ состояній и характеровъ, я хотѣлъ собирать по каплѣ опытность, испытать свои силы во всѣхъ родахъ жизни. Увидѣвъ, что нравы людей также разнообразны, какъ и мнѣнія въ наукахъ, я опять рѣшился на признавать справедливымъ, что не доказано примеромъ или по крайней мѣрѣ не освящено обычаемъ. Постепенно отрекся я отъ многихъ моихъ заблужденій и предразсудковъ. Изучивъ свѣтъ въ продолженіе многихъ годовъ, наконецъ я рѣшился обратиться къ самому себѣ, и заставить свой собственный разумъ, указать мнѣ путь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, и, кажется, я успѣлъ въ этомъ лучше, чѣмъ прежде, хотя и не оставалъ своего уединеннаго жилища.

«Что именно въ Германіи, я началъ приводить къ исполненію задуманное дѣло. Прежде всего мнѣ пришло на мысль, что картина, вышедшая изъ рукъ многихъ художниковъ, никогда не будеть имѣть такого совершенства, какъ еслибъ была слѣлана однимъ художникомъ. Въ юности, нами управляють учителя и съ другой стороны, собственныя наши прихоти, тѣ и другія протворѣчаютъ между собою, и почти никогда не тѣ ни другія не указываютъ насъ на истинный путь. Мнѣ казалось, что сужденія были бы гораздо вѣрнѣе и правильнѣе, еслибъ мы съ самою дѣтства вполне управляли нашимъ разумомъ, и предоставили бы себя только руководству его одного. И такъ я рѣшился забыть все, и замѣнять это все пріобрѣтеніями собственнаго своего

вредна. Я всегда не справляюсь съ собою трудностей такого пред-
 приятія, но я надѣялся преодолѣть ихъ. Онѣ мнѣ казались нич-
 тожными въ сравненіи съ тѣми, какія бы представлялись, еслибы
 додумался, напримеръ, слѣдовать хотя малѣйшее преобразование
 въ правительскомъ обществѣ. Большія зданія, если они разруше-
 ны, трудно построить вновь, но если они потрясены, то удержи-
 вать гораздо труднѣе, а паденіе всегда ведетъ за собою и раз-
 рушеніе. Кромѣ того время и привычка искореняють центи
 леваго общественныя недостатки; при этомъ часто самыя неда-
 стности манѣе опасны, чѣмъ наследственные мѣры. Желаніи
 мои, распространяясь на малѣйшее преобразование общественнаго мнѣнія
 мыслей. Если трудъ мой достаточно удовлетворитъ меня, то
 для такоу я не осмѣлюсь совѣтовать кому-либо подражать мнѣ.
 Люди одарены высшимъ гениемъ; сами они способны начер-
 тать себѣ планъ свой, хотя мой, какъ я думаю, многимъ пока-
 жется черезъ чуръ смѣлымъ; свѣтъ состоитъ только изъ двухъ
 классовъ людей, и планъ мой не годится ни тому, ни другому.
 Одни, цѣпля слишкомъ высоко своимъ собственнымъ силами, не
 думая терпѣнія размыслить хорошенько о предмѣтѣ, и, будучи
 слишкомъ опрометчивы въ своихъ мнѣніяхъ, они вѣчно блужда-
 ютъ, оставляя избитый и старый свой путь. Другіе, съ большимъ
 благоразуміемъ и скромностію, признають превосходство другихъ
 умовъ надъ своими, и считаютъ лишнимъ собственными сила-
 ми добиваться истины. Я хотѣлъ, прежде нежели бросить съ
 себя всѣ прежнія мнѣнія, начертать себѣ подробный планъ
 своего предпріятія и открыть и узнать точный и вѣрный спо-
 собъ для достиженія вѣхъ тѣхъ прованій, какія умъ мой толь-
 ко способенъ былъ принять. Во всякомъ благоустроенномъ
 государствѣ доводится только немногими законами, избы-
 токъ же ихъ служитъ къ освобожденію преступника отъ на-
 казанія. Основываясь на этомъ, я рѣшился доволствоваться
 единственно слѣдующими четырьмя правилами, соблюдая ихъ
 какъ можно строже:

*«Первое, чело мой умъ не можетъ постановитъ совершенно,
 никогда не выдавать за истину, иначе я на молу забѣгнутъ
 опрометчивости и предубѣжденія.*

*«Второе, всякую задачу я рѣшился раздѣлять на столько ча-
 стей, чтобъ рѣшеніе ея было какъ можно легче.*

*«Третье, всегда начинать съ простѣйшаго, постепенно вос-
 ходя къ болѣе и болѣе трудному, даже доходить перакомъ тамъ,*

гдѣ предметъ не представляетъ никакой видимой постепенности.

«*Четвертое*, чтобы что не ускользнуло отъ моего вниманія, дѣлать вездѣ исчисленія сколько возможно полнѣе, и какъ можно чаще повторять общее обзорнѣе разсматриваемаго предмета.»

Какой великій умъ!... какія сужденія!...

Но обратимся собственно къ исторіи химіи. Въ этомъ періодѣ, химики раздѣляются на два разряда: одинъ изъ нихъ по большей части занимаются разработкою пневматической химіи, таковы Бойль, Гукъ, Гарръ, Галь, Майовъ, Блэкъ и Пристлей; другіе же скорѣе занимаются разложеніемъ твердыхъ тѣлъ, минераловъ и металлическихъ солей, таковы Кункель, Сталь, Руэль, Маркграфъ, Лоттъ, Берманъ и т. д.

Начнемъ съ Бойля.

Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей XVII вѣка, пріобрѣтшій учрежденіемъ королевскаго лондонскаго общества и развитіемъ *опытной* методы безсмертную славу. По своему рожденію и богатству онъ могъ бы достигнуть самыхъ высокихъ мѣстъ въ государствѣ; но его честолюбіе ограничилось тѣмъ только, что онъ посвятилъ жизнь свою наукамъ и вспоможенію несчастнымъ. Онъ предпочелъ суетныя почести міра, удивленію и молчаливому изученію природы, въ кругу небольшого числа друзей и знакомыхъ. Вотъ истинно благородное честолюбіе!

Робертъ Бойль, сынъ Ричарда, графа коркского и Ореери, родился въ Лисморъ, въ Ирландіи, 25 января 1626, въ день смерти знаменитаго канцлера Бэкона. Родители его, приверженцы Стуратовъ, назначили его сперва къ духовному званію; но слабость здоровья Роберта и другія обстоятельства измѣнили это назначеніе. Въ 1636 г. отецъ послалъ его съ гувернеромъ путешествовать по Европѣ. Робертъ Бойль посѣтилъ Францію, Швейцарію и Италію и наконецъ въ 1644 г. возвратился въ свое отечество. По смерти отца своего, онъ сдѣлался обладателемъ значительнаго богатства. Удаляясь отъ смутъ, которыя тревожили государство, Робертъ Бойль поселился въ одномъ изъ своихъ помѣстій, и тамъ-то предался изученію физическихъ наукъ.

Въ то время, когда происходили споры парламента съ королемъ, прелюдія кровавой драмы, Бойль собралъ вокругъ себя

истинныхъ друзей своихъ, большею частію знаменитыхъ ученыхъ, которые задумали составить общество, подъ названіемъ *философской коллегии*, общество, въ скоромъ времени начавшее свое дѣйствіе. Такимъ образомъ былъ положенъ фундаментъ будущей академіи наукъ. Члены этого общества, собиравшагося то въ Лондонѣ, то въ Оксфордѣ, были извѣстны всему свѣту по своей учености. Назовемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: Петтъ, Видьянсъ, Веліансъ, Вардъ, Гукъ, Годдардо, Кларкъ и пр.

Минуты, остававшіяся отъ ученыхъ занятій, посвящались благотворительнымъ дѣламъ. Учрежденіе миссій, распространеніе христіанской вѣры въ Индіи, были главными заботами Бойля. Послѣ паденія Кромвеля и возшествія на престолъ Карла II, это общество удостоилось покровительства короля, который позволилъ ему называться *королевскимъ* и установилъ главное пребываніе въ Лондонѣ.

Имя Бойля въ скоромъ времени сдѣлалось извѣстнымъ цѣлой Европѣ, а скромность еще болѣе возвышала его славу. Онъ отказался отъ званія лорда, отказался даже принять мѣсто президента общества, сдѣловавшаго ему по всей справедливости. Не смотря на уваженіе къ нему и даже дружбу королей Карла II, Якова II и Вильгельма, Бойль на у одного изъ нихъ не испросилъ для себя какой-либо милости, между тѣмъ какъ для другихъ онъ готовъ былъ стараться всѣмъ своимъ вліяніемъ. Домъ его былъ всегда открытъ для ученыхъ людей и для страждущаго человѣчества; богатство его было употреблено только для благотворительности, устройства библиотекъ и физическихъ инструментовъ, и вообще для растространенія человѣческихъ знаній.

Этотъ человѣкъ, столь знаменитый ученостію и самою жизнью, умеръ въ Лондонѣ, 30 декабря 1691 г., имѣя 65 лѣтъ отъ рожденія. Его останки были погребены въ церкви вестминстерскаго аббатства. Робертъ Бойль былъ высокаго роста, лицо его, блѣдное и худое, было исполнено ума, ума строгаго, разсудительнаго и спокойнаго. Онъ одѣвался всегда по термометру и велъ самую постоянную жизнь. Врагъ увлеченія и пылкихъ идей, онъ говорилъ медленно и нѣсколько запинаясь. Прежде нежели скажемъ, что сдѣлалъ Бойль для химіи, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его сочиненій, которыя дадутъ намъ понятіе о духѣ его философій:

«Химики, говорить онъ въ своей предувѣдомительной рѣчи, (Preliminary Discourse, т. 1, ст. XVII и XVIII), до-сихъ-поръ шли тѣсными путями. Приготовление медикаментовъ, извлеченіе и превращеніе металловъ, вотъ чѣмъ только занимались они, вотъ что составляло ихъ заботу. Что касается до меня, то я начерталъ себѣ другую цѣль, я разсматриваю химию не съ медицинской или алхимической точки, но какъ философъ, видящій обширное поле для своихъ занятій. Я начерталъ планъ философской химіи, которую постараюсь подтвердить опытами и наблюденіями.

«Еслибъ люди болѣе заботились для науки, чѣмъ для собственной славы, то они бы поняли, что назначеніе ихъ: собирать факты, производить опыты, а потомъ уже составлять теорію.»

Бойль былъ самый ревностный лаборантъ своего времени; онъ зналъ первый въ употребленіе реагенты и показалъ неосновательность существовавшего тогда мнѣнія, что тѣла посредствомъ огня разлагаются на составные элементы. Наконецъ на счетъ самыхъ этихъ элементовъ онъ выводитъ многія справедливыя заключенія.

«Сколько разъ хотѣлъ я разложить золото на сѣру, ртуть и соль, говорить онъ; сколько испытаній совершилъ я съ этимъ намѣреніемъ, но всѣ такія испытанія не имѣли успѣха».

Бойль даже думаетъ, что воздухъ, вода, земля и огонь не суть элементы, и что придетъ время, когда люди найдутъ значительное число истинныхъ началъ. Виѣсть съ Гарромъ, онъ усовершенствовалъ воздушный насосъ, изобрѣтенный Отто-де-Герике, и произвелъ много любопытныхъ опытовъ, о которыхъ мы впрочемъ пройдемъ молчаніемъ, потому-что они принадлежатъ исторіи физики. Бойль полагаетъ, что воздухъ есть матерія сложная, состоящая изъ трехъ началъ: одно изъ нихъ выдыхается водами, животными, растеніями и каменными породами; другое, болѣе эфирное, составляетъ особенныя магнетическія истеченія, производящія свѣтъ отъ столкновенія съ безчисленными атомами, окружающими свѣтила небесныя, и наконецъ третье начало есть существенная часть воздуха, которая можетъ расширяться и сжиматься, какъ часовая пружина. Бойль доказываетъ рядомъ многочисленныхъ опытовъ, что воздухъ принимаетъ важное участіе въ химическихъ операціяхъ и что составъ его откроется, когда будутъ изслѣдованы дѣйствія об-

жиганія металловъ. Какое вѣрное предугадываніе! Намонецъ, чтобъ докончить эту картину, прибавимъ, что Бойлю мы обязаны открытіемъ сѣрникохлоро амміака.

Сочиненія этого великаго человѣка, котораго Бозргавъ называетъ украшеніемъ своего вѣка; весьма многочисленны. Они собраны въ одно и изданы въ свѣтъ Шау, въ 1738 г., подъ заглавіемъ: *The philosophical works of the honorable R. Boyle, abridged, methodized et disposed by P. Shaw.*

Въ чемъ ошибался Бойль, такъ писаво въ томъ, что онъ предполагалъ существованіе эфирной жидкости, которая оказывала у него тѣ же дѣйствія, какія мы нынѣ приписываемъ силѣ химическаго средства. Разрѣшеніе этого вопроса было предоставлено великому гевію, открывшему законы, которымъ слѣдуютъ тѣла небесныя, совершая свои пути. «Сахаръ растворяется въ водѣ, щелочи соединяются съ кислотами, въ кислотахъ растворяются металлы; все это не происходитъ ли отъ взаимнаго притяженія между частицами этихъ тѣлъ? Мѣдь, растворенная въ азотной кислотѣ, осаждается желѣзомъ; не происходитъ ли это отъ того, что частицы желѣза притягиваются частицами кислоты болѣе, нежели мѣдь?» Такъ рассуждалъ *Ньютонъ*. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого *Жофруа* (старшій) воспользовался мыслію Ньютона и старался опредѣлить въ тѣлахъ отношенія притягательныхъ силъ, названныхъ имъ средствомъ.

Гукъ, современникъ Бойля, вѣдъ по стопамъ его, сдѣлалъ важное заключеніе, что вещество воздуха, соединяющееся при горѣннй съ тѣлами, есть то же самое, какое находится въ селитрѣ, и что горѣніе есть химическое производство, при которомъ сгорающее тѣло растворяется въ какой-то упругой жидкости, или соединяется съ нею.

Оксфордскій ученый *Майовъ* вздалъ въ 1674 г. рассужденіе о *селитровоздушноиъ* спиртѣ (*de spiritu nitro aëreo*), въ которомъ онъ, въ подтвержденіе мнѣній Бойля и Гука, описалъ много собственныхъ весьма любопытныхъ опытовъ, впрочемъ сочиненіе его наполнено неосновательными догадками. Онъ старался сблизить физиологію съ несовершенными поватіями тогдашней химіи, а погому во многихъ случаяхъ заблуждался, но ошибки его были заблужденіями великаго ума.

• *Иоаннъ Майовъ* родился въ 1645 году, въ графствѣ Корваллисѣ, былъ докторомъ медицины при оксфордскомъ университетѣ и умеръ 1679.

Около 1724 года, Галь началъ продолжать изслѣдованія Бойля, Гука и Майова, и старался опредѣлять химическое отношеніе воздуха къ другимъ тѣламъ природы. Онъ получилъ много важныхъ и любопытныхъ послѣдствій; но увлеченный мечтею о единствѣ вещества газовъ, мало сдѣлалъ заключеній, согласныхъ съ истинною. Впрочемъ Галь отбывалъ уругія жидкости изъ многихъ тѣлъ; показалъ что воздухъ входитъ въ составъ весьма различныхъ веществъ, и что пламя, замѣчаемое при горѣніи, происходитъ отъ взаимнаго дѣйствія между частицами воздушными и сѣрыими.

Блакъ, вмѣстѣ съ Пристлеемъ, кончаетъ собою рядъ послѣдователей пневматической химіи 4-го періода. Всѣ эти химики принесли много пользы наукѣ, открыли множество газовъ, самый кислородъ, и за всѣмъ тѣмъ, были приверженцы флогистической теоріи.... Своими открытіями, они идѣтъ за шагомъ доказывали ея несправедливость, и между тѣмъ оставались вѣрными вкорененнымъ въ нихъ заблужденіямъ. Такимъ образомъ, повторимъ еще разъ, они были простыми мастерами и рабочими, которые приготовляли матеріалы, а выстроить самое зданіе предназначено было другому болѣе великому генію, пожавшему ихъ труды. Такимъ образомъ химики эти были подобны каменотесамъ, отбившимъ кусокъ мрамора; вырѣзать статую изъ него было назначено художнику!.. Не смотря на то, мы съ признательностію прочитываемъ, дахъ сочиненія, съ любовію разсматриваемъ ихъ труды. Геніи возраждаются вѣками, они только подають идеи, а разрабатывать эти идеи, предоставлено скромнымъ талантамъ. Въ рукахъ подобныхъ людей, идеи становятся выработанными, гладкими и какъ бы вышлифованными, и въ такомъ уже видѣ онѣ передаются свѣту... Что было бы безъ геніевъ?... Но какой бы хаосъ существовалъ въ мірѣ, если бы мало было скромныхъ талантовъ, а все только геніи?... Идеи бы плодились, мысли зарождались непрерывно, но кто бы далъ имъ отчетливость и вѣрное направленіе?..

Юсифъ Блакъ, Шотландецъ по происхожденію, родился въ

Стефанъ Галь родился 7 сентября 1677. Мало было наукъ, которыя не были знакомы хорошо Гаю. Многія изъ нихъ онъ обогатилъ важными открытіями. Болѣе всего онъ занимался химіей, физикой и физиологіей. Въ 1719 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ лондонскаго королевскаго общества, за сочиненіе «Статика растительнаго царства» посвященное королю Георгу II. Галь умеръ въ 1761 году, и былъ погребенъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Бордо, 1728 г. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ отправился въ отечество своихъ родителей и поселился въ Глазговъ, гдѣ принялся за изученіе медицины. Въ 1784, въ университетъ эдинбургскомъ, онъ получилъ степень доктора медицины, послѣ защищенія диссертациі: *De humore acido a sibi orto et magnetia alba*, гдѣ точными испытаніями показываетъ различіе между магнетіей и извѣстью. Въ 1764 г. онъ занялъ въ Глазговѣ катедру бывшаго своего учителя Куллена, призваннаго занять катедру химіи въ эдинбургскомъ университетѣ.

Въ слѣдующемъ году Блакъ произвелъ опыты надъ скрытымъ теплородомъ, честь открытія котораго безспорно принадлежитъ ему. Когда Кулленъ оставилъ, въ 1765 г. свою катедру, его достойный ученикъ занялъ ее. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ слава Блака росла все болѣе болѣе; самъ Лавуазье называлъ его своимъ учителемъ. Число студентовъ эдинбургскаго университета сдѣлалось гораздо значительнѣе съ той поры, какъ Блакъ получилъ въ немъ катедру химіи. Съ воодушевленіемъ разсказывалъ онъ своимъ слушателямъ правила и законы химіи, преимущественно пневматической, на которую обращалъ онъ болѣе вниманія, потому-что болѣе занимался ею. Этотъ Несторъ химіи XVIII вѣка (такъ называлъ его Фуркруа) умеръ въ 1799 г. Его правила были прюоты, характеръ же отличался осторожностію и вмѣстѣ съ тѣмъ въ некоторую холодностію. Г. Робинзонъ, его любимый ученикъ, оставилъ намъ трогательныя подробности его смерти, которая была также спокойна, какъ жизнь:

«26-го ноября 1799 г. Блакъ умеръ, не страдая до того почти никакою болѣзнію. Онъ сидѣлъ за столомъ (его обыкновенную пищу составлялъ кусокъ хлѣба и варенныя слявы, а питье молоко, смѣшанное съ водою) и держалъ въ рукахъ чашку въ то время, когда пульсъ его забился въ послѣдній разъ; онъ положилъ ее на колѣни, сжалъ ихъ, чтобъ она не упала, и испустилъ послѣдній вздохъ, такъ что ни одна капля не пролилась на полъ и ни одна черта его лица не измѣнилась. Можно было подумать, что онъ сдѣлалъ опытъ своимъ ученикамъ: какъ легко умреть съ доброю совѣстью. Въ эту минуту слуга вошелъ въ комнату и объявилъ о пріѣздѣ гостя; но вида, что его господинъ не отвѣчаетъ, онъ подошелъ и посмотрѣлъ на него пристально; но такъ какъ Блакъ часто засыпалъ послѣ обѣда, то слуга подумалъ, что и теперь съ нимъ случилось то же самое. Онъ воротился, чтобъ сказать гостю, что госпо-

днів его спить, но на дорогѣ безпокойная мысль снова пришла ему въ голову. Среди такихъ колебаній показався прїѣзжій.... Истина не могла долго скриваться: Блэкъ не существовалъ болѣе....

«Блэкъ не былъ ученымъ, въ полномъ смыслѣ слова, прибавляетъ Робинзонъ: онъ любилъ также общество и любилъ повеселиться. Музыка и пѣніе составляли его удовольствіе и развлеченіе въ часы досуга.»

Блэкъ написалъ весьма немного, и это все собрано въ *Philosophical Transactions of London a Physical and literal essays and observations by a Society in Edinburg*. Какъ Руэль, онъ отдѣлался болѣе знаменитымъ своими лекціями, чѣмъ сочиненіями. Блэкъ совершилъ много открытій и наблюденій въ области химіи, но главную пользу принесъ онъ ей изслѣдованіемъ известковыхъ, магнезіальныхъ и щелочныхъ составовъ. Наконецъ, онъ первый собралъ и показалъ свойства, до сихъ поръ почти таинственнаго Парацельсова лѣснаго духа или фанъ-Гельмонтава газа, который былъ названъ имъ *постояннымъ воздухомъ*. Онъ доказалъ, что мраморъ и жѣль отличаются отъ известки только содержаніемъ этого воздуха, этой газообразной кислоты, которая отъ дѣйствія сильнѣйшихъ кислотъ можетъ быть отдѣляема изъ соединеній ея со щелочами и землями. Эти мысли, слишкомъ рѣшительныя для того времени, не были приняты всѣми. Многіе изъ нѣмецкихъ химиковъ старались даже опровергнуть ихъ. Такъ напримѣръ *Мейеръ* силлся доказать, что известковые камни получаютъ въ жару ѣдкость не отъ отдѣленія газообразнаго вещества, а черезъ соединеніе съ особеннымъ началомъ (*acidum pinguis*), входящимъ въ составъ огня. Но этому заключенію явно противорѣчитъ утрата, примѣчаемая въ вѣсь известкового камня; и опыты *Бермана*, *Макбрейда*, *Кейра* и *Кавендиша* подтвердили еще болѣе справедливость мнѣнія Блэка. Открытіе *скрытаго* теплорода вѣнчаетъ всѣ прочія открытія Блэка, который, замѣтимъ мимоходомъ, былъ до конца жизни открытымъ противникомъ антифлогистической теоріи и весьма часто возставалъ противъ Лавуазье.

Изъ числа химиковъ, занимавшихся разложеніемъ твердыхъ тѣлъ, въ этомъ періодѣ, болѣе извѣстны: Руэль, Макеръ, Поттъ, Маркграфъ и Бергманъ. Прочіе же или были упомянуты у Дюма, или мы ихъ пропускаемъ безъ вниманія, потому что предметъ статьи нашей не позволяетъ пускаться въ излишнія подробности.

Вильгельмъ Франсуа Руэль, учитель Лавуазье, родился въ 1703 г., въ деревнѣ Матье, въ Нормандіи. Кончивши курсъ въ казенской коллегіи, онъ явился въ Парижъ, гдѣ предался изученію химіи и аптекарскаго искусства. Въ 1744 г. онъ поступилъ въ академію наукъ въ званіи адъюнкта, и въ томъ же году представилъ ей свое знаменитое сочиненіе о *среднихъ соляхъ*. Руэль между прочимъ занималъ мѣсто практика при чтеніи лекцій въ *Jardin des Plantes*: т. е. онъ долженъ былъ дѣлать опыты послѣ того, какъ профессоръ прочтаетъ теорію науки.

Бурделенъ, тогдашній теорикъ, былъ принимаемъ весьма холодно; но когда являлся Руэль, слушатели воодушевлялись и встрѣчали его криками восторга. Обыкновенно лекція профессора кончалась этими словами.

Таковы суть, господа, правила и теорія этой операціи, которая г. N. N. покажетъ на опытѣ .... Но какъ часто практикъ вмѣсто того, чтобъ поддержать теорію, опровергалъ ее своими опытами! О Руэльъ рассказываютъ чрезвычайно много анекдотовъ, случившихся съ нимъ, болѣею частію во время чтенія его лекцій.

Обыкновенно онъ приходилъ на лекціи въ полной формѣ, въ бархатномъ платьѣ, въ хорошо напудренномъ парикѣ и съ шляпою подъ мышкой. Начиналъ онъ довольно спокойно, но потомъ воодушевлялся мало-по-малу. Если мысли его не шли въ стройномъ порядкѣ, онъ разгорячался, клалъ свою шляпу на приборъ, снималъ парикъ и наконецъ кончалъ тѣмъ, что сбрасывалъ сюртукъ, а за нимъ и жилетъ. Гриммъ, которому мы обязаны подробностями жизни Руэля, рассказываетъ, что однажды, находясь въ обществѣ, составленномъ болѣею частію изъ дамъ, онъ пустился въ свои размышленія и въ тоже время, развязавъ подвязки, снялъ чулокъ и почесавъ ногу, чрезъ нѣсколько секундъ, снова надѣлъ свою обувь какъ слѣдуетъ, не подозрѣвая никакимъ образомъ того, что онъ дѣлалъ. Въ помощь себѣ на лекціяхъ, для производства опытовъ, онъ бралъ обыкновенно брата и племянника... Но если эти помощники долго не являлись, Руэль, прокричавъ нѣсколько разъ: племянникъ, племянникъ! отправлялся самъ въ заднюю комнату, гдѣ были поставлены химическіе приборы. Отправляясь туда, онъ не переставалъ читать лекціи, какъ будто тамъ также находилась его слушатели. По возвращеніи, кончивъ рассказъ свой стѣнамъ, онъ обыкновенно говорилъ: «И такъ, господа, вотъ все, что

я долженъ былъ сказать вамъ объ этомъ предметѣ.» Тогда начинали просить его повторить снова, и онъ повторялъ охотно, полагая, что его вѣроятно не поймали въ первый разъ. Иногда въ пылу рѣчи, онъ проговаривался о тѣхъ процессахъ, которые хотѣлъ скрыть отъ своихъ слушателей, и не замѣчая этого, прибавлялъ: «тутъ у меня есть одинъ таинственный составъ, но я не сообщу его никому.» Иногда на лекціяхъ, онъ жаловался на ученыхъ или вообще на людей, которыми былъ недоволенъ. Такимъ нападкамі, впрочемъ никогда не оскорбительнымъ, особенно подвергались Малунгъ, Макеръ, Поттъ и Леманъ, также Бюффонъ и Бордѣ. Самое страшное для него ругательство было *plagiaire* (книжный воръ), которымъ онъ честила кого ни пошло. Въ своей лабораторіи, Руэль часто также предавался разсѣянности и говорилъ такіа вещи, которыя незнающимъ его могли показаться личнымъ оскорбленіемъ.

Въ одинъ вечеръ, у Бюффона зашла рѣчь объ истиннѣйшихъ движеніяхъ. Напримѣръ, сказалъ кардиналъ Берни, я не могу войти въ домъ, не наклонивъ головы.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, подтвердилъ Руэль, въ иныхъ движеніяхъ и чувствахъ совершенно нельзя дать никакого отчета. Напримѣръ, почему ослы, проходя подъ воротами, арками или сводами наклоняютъ головы?

Политическіе перевороты и происшествія привлекали его вниманіе и составляли предметъ разсужденій, во время его лекцій. Такъ напримѣръ, въ войну съ Англичанами, въ 1756 г., онъ увѣрялъ, что обладаетъ тайною одного состава, посредствомъ котораго могъ бы смечь Лондонъ и весь англійскій флотъ. Гриммъ рассказываетъ, что на другой день послѣ того, какъ получена была новость о росбахской битвѣ, гдѣ были разбиты Французы, онъ встрѣтилъ на дорогѣ Руэля, который шелъ съ трудомъ какъ будто въ расслабленіи.

— Что случилось съ вами, г. Руэль? спросилъ у него Гриммъ.

— Я совершенно разбитъ, отвѣчалъ химикъ: вся прусская кавалерія прошла по моему тѣлу въ эту ночь. Въ тотъ же день на лекціи, въ пылу гнѣва, Руэль назвалъ принца *Субиза*, командовавшаго французской арміей, *plagiaire*, своимъ любимымъ прозваніемъ.

— Но мнѣ кажется быть разбитымъ Пруссаками, сказалъ Гриммъ, не составляетъ *plagiat*, напротивъ это есть чисто оригинальная вещь.

— Не защищайте его, воскликнул Руэль: онъ низкое животное, рогатый лошакъ! Я увѣренъ, что у него испорченъ организмъ.

Въ 1750 году, Руэль сдѣлался членомъ стокгольмской и эрфуртской академій; два же года спустя—членомъ парижской академій наукъ.

Въ 1768 году онъ отказался отъ чтенія лекцій, предварительно выпросивъ свое мѣсто въ королевскомъ саду младшему брату. Еще два года влачилъ онъ жизнь свою, почти лишившись употребленія ногъ, и наконецъ умеръ въ 1770 году 3-го августа.

Изъ сочиненій его самое замѣчательное есть разсужденіе о *среднихъ соляхъ*. Но такъ какъ Дюма разсказалъ его сущность, то намъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ перейти къ слѣдующему знаменитому химику этой эпохи, Макеру, самому жаркому противнику Лавуазье и самому ревностному защитнику флогистической теоріи.

О другихъ твореніяхъ Руэля, мы не упоминаемъ по двумъ причинамъ; *во-первыхъ*, они не выражаютъ духа его сочиненій, вылившагося въ разсужденіи о *среднихъ соляхъ*, которое доставило Руэлю безсмертную славу и выдвинуло изъ ряда другихъ химиковъ; *во-вторыхъ* они трактуютъ о нѣкоторыхъ отдѣльных предметахъ, нисколько не занимательныхъ для большинства читателей.

Петръ Іосифъ Макеръ (родившійся въ Парижѣ 9-го октября 1718 года), съ 27 лѣтняго возраста, посвятилъ себя изученію химіи. Прежде всего онъ занялся разложеніемъ берлинской лазури, изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ мышьяковистыхъ составовъ, преимущественно соединеній бѣлаго мышьяка со щелочами, и наконецъ разсмотрѣніемъ степени растворимости масель въ спиртѣ.

Въ это время въ Бретани жилъ графъ де-ла-Гарай, посвятившій себя на служеніе страждущему человечеству. Онъ выстроилъ госпиталь и подлѣ него химическую лабораторію. Въ этой лабораторіи были приготовляемы для больныхъ лекарства, болшею частію его изобрѣтенія. Макеру поручено было отъ правительства разсмотрѣть эти лекарства, и онъ нашелъ, что меркуріальная паванка Гарая была ничто иное, какъ сулема, растворенная въ спиртѣ.

Макеръ умеръ въ 1784 г. Его курсъ химіи и лексиконъ, переведенные на главные европейскіе языки, обладаютъ многими достоинствами.

Этотъ-то Макеръ написалъ о Лавуазье слѣдующее, когда

тотъ сообщилъ академіи о своихъ отырытіяхъ, уничтожавшихъ флогистическую теорію:

«Долго Лавуазье пугалъ меня великимъ открытіемъ, которое онъ держалъ втайнѣ, и которое должно было разрушить флогистическую теорію. Что бы сдѣлалось съ нашей старой химіей, если бѣ пришлось строить новое зданіе.... Но теперь, когда я узналъ это великое открытіе, огромная тяжесть спала съ моего сердца.»

Бѣдный Макеръ!... Онъ ошибался, подобно другимъ, не желая изъ привычки бросить старыя заблужденія.

Въ Германіи, въ этомъ періодѣ, мы видимъ двухъ отличныхъ химиковъ Потта и Марграффа, которые жили въ одно время съ Рузлемъ и Макеромъ.

Ученикъ Сталя и Гофмана, Поттъ стремился какъ можно тѣснѣе соединить химію съ медициною. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ берлинской академіи и совершалъ много открытій. Единственное пятно, которое лежитъ на немъ, это именно полемическій споръ съ Эллеромъ, въ которомъ оба противники вышли изъ границъ приличія. Такъ напримѣръ, Эллеръ началъ выводить семейную жизнь Потта на сцену, представляя все въ комическомъ видѣ, и наконецъ даже разсказалъ любовныя приключенія дѣвицы Поттъ.

Первый мемуаръ берлинскаго химика показанъ въ 1716 г.; въ то время, когда ему минуло 24 года. Поттъ умеръ въ 1777 году, имѣя 85 лѣтъ отъ рожденія.

Онъ писалъ о разнообразныхъ предметахъ и всегда съ глубокою отчетливостію. Понянуемъ нѣкоторыя изъ его брошюры *Разложеніе орпимента*; *О причинѣ красноты паровъ азотистой кислоты* (онъ приписываетъ окраиваніе это флогистону); *Объ обыкновенной соли*, (онъ разсматриваетъ основаніе соли какъ роль известковой земли); *Разложеніе бѣлаго купороса* (сѣрнокислаго цѣнка); *Изысканіе о соединеніи купоросной кислоты съ окислымъ калиемъ* (въ этой брошюркѣ Поттъ говоритъ неопредѣленно о вянной кислотѣ); *О осмуглѣ* (изъ дѣянаго историческаго предисловія къ этой статьѣ видно, что висмутъ часто смѣшивали со свинцомъ) и мн. др.

Андрей Сигизмундъ Марграфъ былъ сынъ аптекаря и родился въ 1709 г., въ Берлинѣ. Получивъ первыя свѣдѣнія въ аптекарскомъ искусствѣ отъ своихъ родителей, онъ немѣстнѣ былъ въ званіи практиканта и дѣлателя опытовъ къ Нейману. Нѣсколько позже, Марграфъ усовершенствовалъ свои познанія въ химіи, посѣтилъ Франкфуртъ, Страсбургъ, Галль, и Фрейбергъ. Въ школахъ этихъ городовъ, онъ слушалъ лекціи про-

Фосфоръ химіи. По возвращеніи, онъ былъ наименованъ, имѣя 29 лѣтъ отъ роду, членомъ королевской берлинской академіи наукъ, а въ 1762 директоромъ физическаго класса. Парижская академія наукъ нѣсколько позже прислала ему титулъ почетнаго члена. Во все время своей жизни и до самой смерти, послѣдовавшей 7 августа 1780 года, Марграфъ сохранилъ репутацію ученаго человѣка, для котораго недоступны зависть и мелкія людскія страсти. Если слѣдовать за каждымъ обыткомъ Марграфа, если перебирать все его сочиненія, то бы пришлось написать цѣлую книгу. Мы ограничимся, сказавъ, что главная заслуга его въ химіи есть приложеніе мокраго пути для разложенія органическихъ веществъ, а заслуга для всѣхъ наукъ—развитіе употребленія микроскопа.

Марграфъ занимался всѣми частями химіи, но особенно важны его изслѣдованія въ органической. Въ промышленномъ отношеніи замѣчательнъ тотъ его мемуаръ, гдѣ онъ говоритъ объ извлеченіи сахара изъ разныхъ растений, растущихъ на европейской почвѣ, мемуаръ, важность котораго была понята впоследствии. Въ немъ онъ предлагаетъ извлекать сахаръ изъ свекловицы. Не правда ли, одно только это можетъ увѣковѣчить имя Марграфа?... Но кромѣ открытія свекловичнаго сахара, Марграфъ открылъ еще фосфорную кислоту, названную имъ *фосфорными цѣпями*, описалъ способъ полученія цинка изъ его рудъ, разсмотрѣлъ нѣкоторыя тѣла съ химической точки зрѣнія и проч.

Наконецъ кончимъ рядъ химиковъ IV періода знаменитымъ Бергманомъ, покровителемъ еще болѣе знаменитаго Шеле. Весьма мало было химиковъ, которые имѣли столь разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, какъ Бергманъ; математика, астрономія, физика и естественная исторія, все это было знакомо ему, какъ нельзя болѣе.

Его метода наблюденія, усвоенная потомъ Шеле, отличалась строгостью и математическою отчетливостью. Но не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ, Бергманъ заслуживаетъ вполне наше уваженіе. Никогда не увлекался завистью къ другимъ, всегда другъ приверженный и хорошій пріятель, онъ былъ любимъ всѣми, знавшими его. Торбернъ Бергманъ родился 20 марта 1735 г., въ Катериненбергѣ, въ Швеціи. Отецъ его послалъ его, когда ему минуло 17 лѣтъ, въ uppsальскій университетъ, гдѣ молодой Бергманъ предавался съ жаромъ изученію математическихъ наукъ и естественной исторіи. Онъ сочинилъ нѣсколько диссертаций по послѣднему предмету, изъ которыхъ одна (*De socco aquatico sive hirudine octoculata*) особенно

удостоилась вниманія великаго Линнея, написавшаго на ней слѣдующія слова: *Vidi et obstitui*. — Въ 1761 г. Бергманъ получилъ кафедру математики; чтеніе публичныхъ курсовъ впрочемъ не помѣшало ему заниматься другими науками. Три года спустя, королевская стокгольмская академія наукъ приняла его въ свои члены. По смерти Валеріуса (1767 г.), онъ перемѣнилъ свою кафедру на кафедру химіи и минералогіи. Съ этихъ поръ, онъ преимущественно занялся химіей и труды его по части этой науки приобрѣли ему столь огромную извѣстность, что вскорѣ академія парижская, лондонская, геттингенская, дижонская, туринская и мн. др, прислали ему титулъ своего почетнаго члена; король шведскій далъ ему орденъ *Vasa*. Осыпанный этими почестями, будучи въ связи со всѣми знаменитыми учеными того времени, Бергманъ являлся покровителемъ скромныхъ и бѣдныхъ ученыхъ. Шеле обязанъ ему своею славою.

Бергманъ вообще былъ нездороваго сложенія. Но путешествія, употребленіе минеральныхъ водъ доставила ему временное облегченіе и можетъ быть продолжили бы надолго его жизнь, еслибъ не случилось несчастія, отозвавшагося такъ пагубно.

Однажды, желая отправиться со своими друзьями на островъ Линтръ, онъ занесъ ногу въ лодку, но поскользнулся и упалъ въ воду. Хотя онъ тотчасъ же былъ вытасченъ, но это паденіе произвело свое дѣйствіе; онъ захворалъ.... силы его слабѣли съ каждымъ днемъ, и наконецъ химикъ, къ величайшей горести всѣхъ, умеръ 6 іюля 1784 г.

Сочиненія Бергмана по части химіи и физики собраны въ одну книгу, подъ заглавіемъ: *Opuscula chemica et Physica*. Изъ всѣхъ ихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія наблюденія надъ *воздушною кислотою* (такъ называлъ Бергманъ постоянный воздухъ Бойля) и надъ избирательными средствами. Бергманъ писалъ также по исторіи химіи, и диссертациі его по этому предмету, *De primordiis Chemiae; Historia chemiae mediæ aevi; Oratio de nuperrimis chemiae incrementis*, не лишены многихъ достоинствъ.

Мы сказали все, что только можно было сказать о III и IV періодахъ химіи.... Алхимія пала подъ ударами флогистической теоріи, и наконецъ эта послѣдняя свержена съ высоты своего величія новою истинною теоріею. Впрочемъ Богъ знаетъ, можетъ быть и мы идемъ неправымъ путемъ и цѣль науки еще далека отъ насъ, тогда какъ мы думаемъ, что она уже въ нашихъ рукахъ.... Родъ людской, кажется, назначенъ вѣчно заслужаться, пока другой свѣтъ не освѣтитъ его свыше....

Критика и Библиографія.

Романы, Повѣсти и Разказы Евгения Гревенки. Санкт-петербургъ, 1847. Въ Тип. Военно-Учебн. Заведеній. Три части, Въ 16 д. Въ I-й части 151, во II-й 158, въ III-й 151 стран.

Въ словесности новѣйшихъ народовъ всего обильнѣе плодился и плодится родъ повѣствовательный. Въ иностранныхъ литературахъ, этотъ родъ словесный, при всей плодovitости, какъ-то не вырождался изъ предѣловъ искусства; даже во Франціи, самыя скверныя сюжеты, возводимыя до какой-либо философской, или психологической идеи, становились доступными чувству изящнаго, благодаря таланту сочинителей; а въ Германіи, эти повѣсти и разказы, сочиняемые вообще для чтенія въ семейномъ кругу, за чайнымъ столомъ, досель, за немногими исключеніями, пребывали такими чинными, что, въ самомъ дѣлѣ, можно читать ихъ при благочестивой хозяйкѣ, граціозно возсѣдающей за самоваромъ, и при взрослыхъ дочкахъ ея. У насъ же, гдѣ-то открыли новую сторону повѣствовательнаго рода, доступную и бездарности, и привылись поставять на всю Россію такія романишки и разказы, въ которыхъ вырванный изъ грубой матеріальности клочекъ или кусокъ объявляетъ себя, подъ перомъ мастера, или подмастерья, отнюдь не нуждающимся ни въ мистическомъ, ни въ отдѣлкѣ художественной, посылку безъ того съ рукъ сойдетъ — и издѣлія эти дѣйствительно сходили съ рукъ, составляли порядочную отрасль промышленности. Какъ

ни прискорбно, само по себѣ, это словесное наважденіе, однако оно означено одною доброю примѣтою. Объяснимся. *Особенный*, нами упоминаемый родъ повѣствовательный, который является намъ только грубой отъ матеріальной жизни отломокъ, всего чаще подъ приторнымъ соусомъ мимимаго юмора, вмѣсто художественной формы — этотъ родъ авторства, безъ всякаго сомнѣнія доступенъ всѣмъ и каждому. Хотя авторство и не очень въ чести у насъ, но все-таки лестно для молодого человѣка видѣть свое сочиненіе въ печати и, на этомъ основаніи, выдавать себя за *сочинителя* и быть *приглашаемымъ* таковымъ въ кругу товарищей или сослуживцевъ: такъ, по логическому выводу, повѣсти и рассказы означеннаго рода должны были плодиться у насъ въ-сотеро болѣе, нежели бывало донинѣ! Что же противодѣйствуетъ легко возможному развитію этой литературной холеры? Отчасти влеченіе молодыхъ людей къ разсѣянной жизни, къ сигаркамъ и преферансу! Отчасти здравый смыслъ даже простыхъ читателей, пробѣгающихъ, ради скуки, эти сочиненія, безъ всякаго сочувствія, или даже вниманія къ сочинителю — чѣмъ, конечно, не пріобрѣтается извѣстность; наконецъ, въ-третьихъ, вѣрное чувство и чистыя понятія многихъ молодыхъ людей, которые, при всей соблазнительности искушенія: такимъ легкимъ способомъ попадать въ печать, разуміютъ однако ничтожность *эмою* рода повѣствовательнаго и стараются нести свою лепту на жертвенникъ, украшенный гениальными дарами Марлинскаго и прекрасными приношеніями другихъ достойныхъ писателей.

Признавая талантъ автора разсматриваемыхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ, мы не упомянули бы здѣсь о злополучномъ родѣ повѣствовательномъ, если бы вліяніе этого изобрѣтенія не отражалось и на г-нѣ Гребенкѣ. Мѣстами видны у него вспышки истиннаго чувства, смѣлые приемы и нѣчто въ родѣ опыта художественной отдѣлки; но *созданія* вообще такъ мало, что мы, изъ числа *осьми* пьесъ, помѣщенныхъ въ трехъ книжечкахъ, прочитали съ душевнымъ участіемъ и уваженіемъ къ таланту автора только одну пьесу, далеко превышающую всѣ прочія: «Вѣрное Лекарство». Здѣсь выводится какой-то начальникъ отдѣленія, Дмитрій Ивановичъ, въ дневныхъ запискахъ своихъ, начинающихся съ того дня, какъ ему «ступнуло пятьдесятъ лѣтъ». Пробужденный этики

роковыя стукотъ, на важной поворотной точкѣ въ бытїи чело-
вѣческомъ; герой разсказа пускается въ грустныя размышленїя
о томъ, что прошла юность; что жизнь не сдержала своихъ
обещанїй: «Жизнь кипѣла во мнѣ, а я трудился: дымъ депар-
таментъ; ночи на квартирѣ; другїи отдыхъ, а я трудился!
Нужно же чѣмъ-нибудь взять обѣдному человѣку! Бывало,
утромъ, въ канцелярїи то и дѣло, что разсказываютъ товари-
щи: я былъ тамъ-то, танцовалъ съ такою-то; что за улыбки,
что за голоса, талія!... Хорошо, думаешь бывало, что у васъ
батюшки да дядюшки превосходительныя! Погодите, добьемся и
мы до чиновъ, до крестовъ — *погуляемъ и мы!*»

Въ послѣднихъ трехъ словахъ очерченъ вѣрно весь харак-
теръ, который впоследствии развивается, согласно этому
черку. Нашъ Дмитрій Ивановичъ заводитъ въ Палкинъ трак-
тиръ двухъ встрѣчныхъ сослуживцевъ, подбиваетъ ихъ заку-
скою, самъ выпиваетъ бутылку стараго порвейна и, освѣжив-
шись этимъ способомъ, ускользаетъ отъ пирующихъ прїателей,
чтобы развертывать на Невскомъ проспектѣ маневры и ухвативъ
двадцатилѣтняго похотливаго волокиты. По этому, рецензентъ
«Отечественныхъ Записокъ» (Библиог. Хр. стр. 3) отнюдь не
выразумѣлъ задачи этой повѣсти, вопрошая: «А гдѣ же та внут-
ренняя драма, которая должна была происходить отъ сознанїя
утраченной молодости, отъ убѣжденїя, что много силъ погреб-
лено въ немъ живо? Ихъ нѣтъ; этой внутренней обрисовки
не достаетъ г-ну Гребенкѣ.»

Требованїе названнаго рецензента было бы основательно, ес-
либъ авторъ задалъ себѣ задачу: вывести чиновное лицо, кото-
рое, на поворотной точкѣ жизни, въ виду уже недалекаго гроба,
скорбитъ о томъ, что оно дотолѣ просуществовало только меха-
нически, стремясь единственно къ достиженію чиновъ, крестовъ
и денегъ; которое желало бы возобновленїя своей юности для
того, чтобы параллельно исполненїю долга службы, развивать и
умственную жизнь человѣка; имѣть въ виду и высшую эконо-
мію души. Г-нъ Гребенка, напротивъ того, выводитъ типиче-
ское лицо въ которомъ нѣтъ *внутренняго* человѣка, лицо вну-
щее лекарства отъ старости, т. е. чуднаго способа обратить су-
ществованїе свое вспять и содѣлаться юношей, для того только,
чтобы *погулять*, какъ гуляютъ богатые юноши! И если этотъ
Дмитрій Ивановичъ, выпивъ чудодѣйный напитокъ и почувство-
вавъ дѣйствіе его, восклицаетъ: «Кути, Дмитрій Ивановичъ!»

то и быть не могло никакой внутренней драмы! Автору представлялась только *внешняя* обрисовка, которую онъ и выполнялъ мастерски. Герой рассказа его, помѣщенный на томъ, что онъ отъ напитка Татарина съ каждымъ днемъ молодѣетъ, обращается къ первобытному началу жизни; пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Слава Богу, начали падать зубы!» то есть, я сдѣлался уже семилѣтнимъ мальчикомъ. Приведемъ нѣкоторые поразительныя мѣста этого дневника:

Февраля 5.

«Просилъ Василья Кузьмича (находящагося при немъ родственника) купить мнѣ чижика. «Не нужно такой драмы», сказалъ Василій Кузьмичъ: «въ немъ ни цвѣта, ни голоса!» А мнѣ очень хочется! попрошу кухарку купить, и поставлю у себя съ клѣткою на окошко.

Маія 10.

«По двумъ лицейкамъ писать гораздо лучше: слова ровнѣе. Сегодня за обѣдомъ, Василій Кузьмичъ приказалъ закрыть мнѣ грудь салфеткою. Это очень полезно! и прежде, въ дѣтствѣ, меня завязывали.

Маія 11.

«Объщали достать чижика.

Августа 19.

«Выпалъ послѣдній зубъ. Скоро ли начнутъ расти новые? а чижика все нѣтъ!

Сентября 2.

«Есть чижикъ! да какой миленькій, какой веселый! Самъ ѣстъ конопляное сѣмя и пьетъ воду — и все поетъ, все чиликаетъ. Заплатили гривеникъ.

Сентября 4.

«Мнѣ очень хочется краснаго платка на шею. Скажу Василью Кузьмичу. Какъ бы онъ не разсердился? Скажетъ: вы ребячитесь, бросаете деньги. — Чижикъ здоровъ.

Сентября 20.

«Уже меня водить человекъ подъ руки. Приятно и легко, что день, то я ближе къ цѣли (т. е. къ колыбели дѣтской!)

и Библиографія.

Сентября 21.

«Меня кормят молочной кашею. Кушанье мягкое и очень сладкое. Чижикъ тоже ѣсть кашу.

Сентября 22.

«Навязалъ на шею чижикю зеленую бахромку; онъ сталъ еще красивѣе.

Сентября 25.

«Сегодня цѣлый день провелъ, слушая играющую табакерку; играетъ весело, и внутри все перебѣгаютъ прутики... не насмотришься! Чижикъ тоже пѣлъ.

Октября 1.

«Василью Кузьмичу представилось, что я скоро умру; онъ совѣтовалъ мнѣ написать духовную. Странно!

Октября 2.

«Я сказалъ Василю Кузьмичу, что переживу всѣхъ, и кухарку, и Федота и его самого! Онъ пожалъ плечами и ушелъ.

Октября 3.

«Былъ докторъ, не знаю, зачѣмъ, прописалъ лекарство. Я сдѣлалъ для чижика прекрасную коробочку изъ карты.

Октября 4.

«Лекарство вылилъ въ печку. Былъ докторъ, прописалъ другое.

Октября 5.

«И то вылезъ.»

Мы нарочно выписали конецъ дневника, чтобы доказать, до какой степени мастерски представилъ авторъ *ребличество старика*! Невольно прольешь горькую слезу о немощи человеческой! Уже ли этотъ дневникъ не будетъ служить роковымъ предостереженіемъ всѣмъ *Дмитріямъ Ивановичамъ*? Во всякомъ случаѣ, этотъ разсказъ есть подвигъ словесный! Мы до того задобрены превосходнымъ изображеніемъ старика-ребенка, что намъ почти совѣстно замѣтить автору слѣдующее: Въ иныхъ мѣстахъ этого дневника, особенно въ началѣ, мы видимъ не *Дмитрія Ивановича*, но самого автора: направѣръ тамъ (томъ I,

стр. 79, 80 и 81), гдѣ испытывае дѣйствіе чуднаго лекарства, уподобляетъ себя путнику, поплывшему въ истокъ Волги, внизъ по рѣкѣ, и доплывшему наконецъ до моря, гдѣ ждетъ его—неизбежная гибель.... «Вдругъ невидимая сила ставитъ парусъ на его лодочкѣ; съ моря дуетъ вѣтеръ и путникъ летитъ обратно къ тихому истоку: опять передъ нимъ знакомые города, села, рощи, горы, луга, все веселится по-прежнему; опять тихая пристань, изъ которой онъ пустился въ путь; опять родительскій домъ, съ густыми вербами надъ прудомъ»... Почтенный авторъ, если бы вашъ герой хоть однажды въ жизни могъ возымѣть столь поэтическую мечту, то никакъ не могъ бы быть — *Дмитріемъ Ивановичемъ!* Этимъ прекраснымъ, поэтическимъ уподобленіемъ вы согрѣшили передъ психологическою истиною.

Послѣ этой замѣчательной пьесы, остановимся еще на молодороссійскомъ преданіи: «Мачиха и Панночка.» Разсказъ очень милъ и самъ по себѣ, да еще и тѣмъ, что здѣсь, по тону разсказа, авторъ долженъ былъ воздержаться отъ юмора. У панночки отецъ — колпакъ, и молодая мачиха, ослѣваемая завистью, что надчерыца собою лучше ея. Въ Троицкѣнъ день, панночка отправляется въ церковь, отстоящую отъ хутора на пятнадцать верстъ. По тайному наказу злой мачихи, кучеръ дорогою долженъ извести панночку; но кучеръ, отвезшій ее далеко, объявляетъ ей, что мачиха — скверная баба: «видно, что она не бывала въ походахъ и не знаетъ казачкой службы! Казакъ такъ грѣхомъ не запятнаетъ своей души!» Онъ оставляетъ панночку въ кievскихъ лѣсахъ, гдѣ она скоро находитъ хату, обитаемую четырьмя братьями, казаками, четырьмя Иванами. Они были славными наѣздниками въ Сѣчѣ; добыли много чести и злата и, когда Сѣчъ была въ мирѣ со всѣми сосѣдями, они удалились на отдыхъ въ кievскіе лѣса. Въ три дня выстроили себѣ жилище; до обѣда выѣзжаютъ на охоту; послѣ обѣда охотятся, а потомъ говорятъ о своихъ различныхъ походахъ и подвигахъ. Они пригласили панночку ужинать у себя, какъ родную сестру. На другое утро, отправившись опять на охоту, Явлетовъ, помаленьку и усыпляетъ панночку въ волшебный сонъ, посредствомъ кольца, подаренаго ей на палецъ. Братья казакъ, найдши сестру мертвою, глубоко возсмерзли и, любясь ея красотой, рѣшили: не хоронить ея въ землю, но засыпать такой красоты сырымъ пескомъ. Въ стеклянномъ гробѣ, съ хрусталь-

люди кришное, они полюбили ее на дубѣ-великѣ, чтобы со-
ловей пережить любовь на красоту и записалъ бы про нее
слабую пѣсню—а сами, подъ тѣмъ же дубомъ, на всѣ четы-
ры стороны блага свѣта, убили себя своими саблями. Черезъ
пятьдесятъ лѣтъ, попадаетъ туда молодой знатный Киевлянинъ,
видитъ стеклянный гробъ красавицы на дубѣ, а подъ нимъ —
четыре человѣческихъ остова, съ саблею въ рукѣ. По снятіи
кольца съ руки, красавица просыпается, выходитъ за-мужъ за
своего пробудителя—и злая мачиха, не стерпѣвшая, въ своихъ
молодыхъ лѣтахъ, красоты своей падчерицы, теперь, уже дрях-
лая старуха, поневолѣ должна быть свидѣтельницею вѣчна-
на все еще столь же цвѣтущей красоты панночки — и тутъ
же умираетъ отъ зависти.

Сожалѣемъ, что авторъ, осудивъ четырехъ Ивановъ на само-
убійство, лишилъ себя тѣмъ богатой канвы для трогательныхъ
сценъ. Можно бы было уходить, въ одинъ годъ, всѣхъ четы-
рехъ братьевъ—отъ тоски по милой сестрѣ, но одного за дру-
гимъ; и пусть бы тѣла ихъ лежали непохороненныя подъ тѣмъ
дубомъ, и будто еще глядяція на ненаглядную красавицу въ
хрустальномъ гробѣ. Послѣдній изъ Ивановъ, мертвое тѣло
котораго некому было бы отвести подъ этотъ дубъ, долженство-
валъ бы тащиться туда, умирая, и лечь наравнѣ съ братьями,
съ вѣрною саблею въ рукѣ. Или этотъ чудный мотивъ усколь-
знулъ отъ вниманія автора, или авторъ побоялся, что не до-
станетъ его таланта, для обрисовки столь трагическаго поло-
женія? Въ послѣднемъ случаѣ мы сказали бы: «Держайте: смѣ-
лымъ Богъ владѣть!»—Въ этой милой сказочкѣ замѣтили мы
однако ирической восторгъ, сбившійся съ пути истины и, потому,
пропадающій втуне: въ III томикѣ, на страницѣ 124, мы чита-
емъ: «Жаворонокъ утонулъ въ небѣ и звенитъ тамъ, какъ се-
ребряный колокольчикъ, призывающій природу къ молитвѣ!»
Колокольчикъ не призываетъ къ молитвѣ, а звенитъ на дугѣ по-
чтовой тройки, у домовыхъ воротъ и у запертыхъ дверей, да еще
въ кабинетахъ знатнаго господина. На той же страницѣ авторъ,
какъ бы желая искупить этотъ промахъ, рисуетъ намъ прекрас-
ную картину. «Былъ Троицынъ день; чисто было небо надъ
Украиною; только въ полнебесьи неслоь одно бѣлое облако.
Это Ангелъ Божій летѣлъ осматривать землю! Остановилось об-
лачко надъ Украиною. Сложивъ руки, распустивъ легкія крылья,

съ улыбкою посмотрѣлъ. Ангелъ на прекрасную сторону и радостная слеза удовольствія скатилась съ его рѣсеницы: зашумѣла святая слеза въ воздухъ и разсыпалась на Украйну свѣжимъ, теплымъ дождемъ. Облако скрылось; Ангелъ полетѣлъ далѣе! Какъ жаль, что псевдонимъ: *радостная слеза удовольствія* есть неприятное пятнышко на милой картинѣ.

Мы сказали, въ началѣ этой статьи, что особенный, у насъ изобрѣтенный, родъ повѣствовательный всего болѣе охотятся за такъ называемымъ юморомъ. У насъ, это слово еще не опредѣлено; подъ нимъ разумѣютъ вообще насмѣшку, иронию, капризъ и всякія причуды ума. Но насмѣшка, причуды и прочая далеко еще не юморъ, т. е. юморъ *эстетическій*. Покуда, въ нашемъ читающемъ мірѣ, не составится какое-либо различительное понятіе объ истинномъ юморѣ, мы считаемъ бесполезнымъ пускаться въ теорію этого слова; но отдѣльнымъ, любознательнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ознакомиться съ этою теорією, укажемъ на сочиненіе Жанъ-Поля-Рихтера: «Приготовительная школа эстетики» (*Vorschule der Aesthetik*). Вотъ, почему и мы, покаместъ, будемъ называть юморомъ то, что люди такъ называютъ. Этотъ юморъ, весьма часто неестественный, за волосы притянутый и у Марлинскаго, сдѣлался чрезчуръ неблагопріятнымъ въ повѣствовательномъ родѣ, такимъ жалкимъ выродкомъ, что онъ нескоро облагородится и подъ перомъ таланта, какимъ безспорно признаемъ г-на Гребенку. Представимъ образчикъ его юмора—не выбранный изъ осьми повѣстей съ какою-нибудь недоброжелательнымъ умысломъ,—нѣтъ, мы возьмемъ тотъ юморъ, который самъ авторъ удостоилъ чести быть *хороводомъ* (Корифеемъ) вереницы «Романовъ, Повѣстей и Разсказовъ» своихъ. Мы начнемъ съ перваго слова первой страницы перваго тома:

«Въ октябрѣ прошлаго 1842 года, была въ добромъ городѣ Петербургѣ погода не очень дурная, но и не отличная. Морозу не было; свѣжій сырой вѣтеръ тянулъ, какъ по трубѣ, по Невскому проспекту отъ адмиралтейства къ Знаменью и осыпалъ прохожихъ чѣмъ-то холоднымъ и неприятымъ, особливо, когда это вещество попадало за галстукъ. Пока летѣло оно, то очень походило на снѣгъ, а падая, разсыпалось дождикомъ—словомъ, это былъ полу-снѣгъ и полу-дождь: какъ я полагаю, *хитрое изобрѣтеніе природы 19 вѣка*.

«Вѣдь есть же полу-меринось, полу-шампанское, полу-бархатъ

почему же не быть полуснѣгу? Оно должно быть и дешевле; не требуетъ, для приготовленія, столько морозу, какъ настоящій снѣгъ, а между тѣмъ очень хорошо, также засыпаетъ глаза, также холодитъ, даже чуть ли не несноснѣе настоящаго.

«Прохожіе, идущіе къ Знаменью, подымая съ затылка воротники шубъ и шинелей и, выглядывая будто изъ *городской заставы* на свѣтъ Божій, улыбались каждому фонарю—только немного хмурясь, когда враждебный вѣтеръ изъ Большой или Малой Конюшенной летѣлъ на встрѣчу своему родичу невскому вѣтру, вырывалъ у него горсти двѣ полуснѣга и бросалъ имъ въ лицо. Но за то бѣдные путешественники, державшіе путь къ адмиралтейству, вертѣлись какъ флюгера, строили ужасныя рожи, выдѣлывали отчаянныя эволюціи, сморкались, протирая глаза, и выплевывали безпрестанно полуснѣгъ, летѣвшій прямо къ нимъ въ ротъ. Тутъ страдали разные люди, похожіе и на *изломанную флейту*, и на раскрашенный *бубенъ*, и на утку въ салопѣ, и на *алебарду* будочника подъ вуалью, и на *фаготъ* въ сапогахъ!»

Всякій, въ томъ числѣ, надѣмся, и самъ почтенный авторъ, —согласится, что это—не юморъ эстетическій! Но есть ли это, по крайней мѣрѣ, юморъ *психологическій*? Обратимся къ публикѣ съ вопросомъ: можетъ ли такая дурная погода, такая слякоть весело настроить душу человѣка? Мы слышимъ *единогласное нѣтъ!* Приведемъ въ пользу автора все, что только можно; по чудной идеосинкразіи противъ хорошей погоды и непостижимой наклонности къ слякотю, авторъ нашъ могъ бы, изъ оконъ теплой и сухой квартиры, насмѣхаться надъ этими «рожами, алебардами подъ вуалемъ и фаготами въ сапогахъ»; но г-нъ Гребенка увѣряетъ насъ, (т. I стр. 3) что ему, въ это время довелось *пхатъ по Невскому* отъ адмиралтейства, и говоритъ: «Каюсь въ грѣхахъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на увертки человѣчества, шедшаго противъ вѣтра, по тротуару!»—Нѣтъ, почтенный авторъ, вы сами на себя клепете: мы никогда не повѣримъ, чтобы васъ радовали какія-либо страданія или непріятности людскія! Это юморъ, притащенный за волосы! По пристрастію къ автору, за удачное изображеніе «старика-ребенка» мы очень желали бы какъ-нибудь спасти этотъ неудачный юморъ, оставить за нимъ хотя значеніе метафорическое, званіе юмора психологическаго; но ни коимъ образомъ нельзя: мы должны сознаться, по критической совѣсти: это не иное что, какъ юморъ *физиологическій*, по системамъ Гиппократа и Галена;

напреставленный юморъ, обращенный почти въ эротическое латинскаго слова: *homoer* (элага) — это почтенная срамота! Не отчаивайтесь, слава богу авторъ привѣтствуетъ гостей, при самомъ входѣ въ область его Романовъ, Новиковъ и Расказовъ!

Отвѣтъ на критическую статью, помѣщенную въ XII книгѣ «Сына Отечества» 1847 года, о брошюрѣ доктора Кармы *.

Videat criticus, ne quid detrimenti Capiat.

Въ декабрьской книжкѣ Сына Отечества, прошедшаго года, помѣщена критика на диссертацию доктора Кармы: *de Asthmate idiopathico*. Эту же самую критику, отпечатанную особою книжкою, сочинитель разослалъ ко всѣмъ гг. членамъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, и къ другимъ известнымъ врачамъ въ столицѣ. Разсмотримъ эту критику, или этотъ разборъ эфемериды, составленной безъ всякихъ притязаній на ученую монографію.

Диссертация, какъ мы сказали, не ученая монографія, это — не болѣе какъ удостовѣреніе, что докторантъ способенъ, на заданный ему, или имъ самимъ избранный предметъ, написать разсужденіе, въ которомъ онъ излагаетъ и свое мнѣніе.

Предметомъ диссертаций не только можетъ, но собственно и долженъ быть вопросъ спорный или нерѣшенный въ области науки; это показываетъ самое слово диссертация; *dissertare*, по латинѣ, значить *разговаривать, спорить, доказывать*. По этому издавна сочинителямъ диссертаций предоставлялось писать о чемъ имъ угодно; разумѣется съ условіемъ, чтобы въ написанномъ ими не было рѣзкихъ погрѣшностей и противорѣчій; докторанту дозволялось и дозволяется вызывать на споръ самыми парадоксальными положеніями; отъ него требуется только защитить ихъ на публичномъ диспутѣ съ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Известно, что для правильнаго сужденія объ ученыхъ достоинствахъ диссертаций, необходимо принять въ соображеніе тѣ доводы и доказательства, которыми сочинитель диссертаций отвѣчалъ на возраженія своихъ оппонентовъ: само собою разумѣет-

* Статья эта была написана однимъ петербургскимъ врачомъ. По принятому нами правилу, мы допускаемъ и возраженія въ нашемъ журналѣ, противъ статей, въ немъ напечатанныхъ, если только споръ ведется въ виду пользы науки, а не одну вещь: обиженаго самолюбія. Ред. С. С.

ся, что это могут сделать только лица, присутствовавшие при защите диссертации. Ясно, что, при отсутствии какого условия, критический разбор диссертации, какъ бы онъ ни былъ учено написанъ, — трудъ напрасный, ни къ чему не ведущій. Къ числу такихъ критикъ должны быть отнесены строгія, написанныя съ большими притязаніями на ученость и научность, разборъ скромной диссертации г. Кармы. Безъ всякаго сомнѣнія, мы не обратимъ бы никакого вниманія на это извѣстіе въ медицинскую литературу, если бы означенная критика не была напечатана въ журналѣ, который обыкновенно отличается безпристрастіемъ, но который, между тѣмъ, конечно, не пріимаетъ на себя непосредственной отвѣтственности въ безосновности и правотѣ критика, разсуждающаго о предметѣ столь исключительномъ и специальномъ, какъ споръ въ дѣлѣ врачевлаго искусства. Это именно даетъ намъ поводъ, въ своемъ очередь, право разбирать самую критику, подвергнуть ее сужденію строгому не менѣе того, какому критику подвергнулъ дѣльную диссертацию г. Кармы, одобренную ученымъ сословіемъ.

Г. Карма написалъ диссертацию самостоятельномъ, нервномъ, удачнѣе* въ началѣ марта прошедшаго года, и въ апрѣлѣ представилъ трудъ свой въ конкуренцію санктпетербургской медико-хирургической академіи. По рассмотрѣніи и письменномъ сужденіи ея двумя членами конкуренціи, г-ну Кармѣ дозволено было, въ нѣтъ мѣсяцѣ, напечатать брошюру, а въ первыхъ числахъ августа онъ публично и весьма удовлетворительно защищалъ ее противу трехъ членовъ академіи, и столькожъ же энергичныхъ оппонентовъ, и за тѣмъ единогласно признанъ конкуренцію докторомъ медицины.

Замѣтимъ здѣсь, что для правдлагаго заключенія объ этой критикѣ, на достаточномъ обширнѣхъ энциклопедическихъ познаніяхъ, касающихся физической природы человека, познаніяхъ не чуждымъ людямъ, не изучавшимъ основательно врачебной науки. Воображая себя, что проливъ ярій свѣтъ на одну изъ *самыхъ темныхъ*, самыхъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ ея, авторъ критики поспешилъ быть въ необходимости, на каждой страницѣ, говорить техническимъ языкомъ врачей, разбирать гипотезы много глупо, архаично и дѣкогорыхъ новѣйшихъ писателей, а сущности

* Критикъ слово Asthma переводитъ словомъ одышка, которое не совсѣмъ соответствуетъ значенію Asthma.

удушьа, и наконецъ задаватьъ врачамъ вопросы, въ которыхъ, къ сожалѣнію, самъ запутывается.

Въ доказательство неудовлетворительности этой критики, приведемъ кое-что: На стр. 2 читаемъ слѣдующее опредѣленіе нервныхъ болѣзней (neuroses): «подъ этимъ именемъ мы понимаемъ такіе *нервные* недуги пароксизмъ которыхъ является періодически, безъ всякой лихорадки, съ большими или меньшими промежутками; ходъ ихъ продолжителенъ, и параксизмъ возвращается часто и постоянно, и всегда съ разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни.» Это не все ли равно, что сказать: исторія есть такая историческая наука, которую всякой образованный человѣкъ долженъ изучать. Весьма многія болѣзни являются періодически, и все-таки онѣ не нервныя напр. геморрой, болѣзненное мѣсячное кровотеченіе, подагра и т. д.; всѣ онѣ могутъ также появляться черезъ большіе или меньшіе промежутки времени, и имѣть весьма продолжительный ходъ; напротивъ, бываютъ нервныя болѣзни, весьма скоротечныя; есть случаи, что больные умираютъ или выздоравливаютъ послѣ одного приступа падучей болѣзни, который продолжался не болѣе 15 минутъ. Что касается до лихорадочныхъ движеній, то желательно знать, какое мнѣніе нашего критика о перемежающихся лихорадкахъ, болѣзняхъ, какъ извѣстно всякому врачу, чисто нервныхъ, поражающихъ ту часть нервной системы, которая управляетъ движеніемъ кровеносной системы, и обнаруживающихся именно въ видѣ лихорадочныхъ движеній. Критикъ говоритъ, что пароксизмы нервныхъ болѣзней *всегда* сопровождаются разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни: непонятно, какъ можно такъ смѣло утверждать то, чего никогда не бываетъ; отличительный характеръ нервныхъ болѣзней именно въ томъ и состоитъ, что онѣ появляются внезапно и исчезаютъ, не оставляя послѣ себя никакихъ слѣдовъ разстройства ни въ животной, ни въ органической сферахъ организма. Этимъ-то свойствомъ нервныя болѣзни и отличаются отъ другихъ періодическихъ страданій!

Послѣ такого скуднаго и невѣрнаго опредѣленія нервныхъ болѣзней, г. критикъ говоритъ: «судорожную одышку раздѣляетъ г. Карма, какъ и другіе врачи, на идиопатическую и припадочную». Itane?

Г. Карма, также, какъ и другіе врачи, описавшіе сію болѣзнь, никогда не думалъ раздѣлять судорожное удушье на идиопати-

ческое и принадлежное, ибо оно есть единственное, и не допускает никаких раздѣленій, — изъ чего видно, что г. критикъ не только не выкинулъ въ диссертацию г. Кармы, но даже и вообще не постигъ дѣйствительной сущности судорожнаго удушья. Далѣе г. рецензентъ продолжаетъ: «Слѣдовательно, по мнѣнію автора сей диссертациі, идиопатическая одышка есть чисто нервная болѣзнь, безъ всякихъ физическихъ измѣненій состава органовъ нашего тѣла; а измѣненія такого рода, находимыя въ трупахъ, суть только послѣдствія болъзненныхъ пароксизмовъ одышки (странный плеоназмъ! да развѣ пароксизмъ можно считать когда либо состояніемъ здоровымъ?), и не составляетъ существенной причины сей болѣзни.» Это ложно! Г. Карма не утверждаетъ положительно, что измѣненія, находимыя въ трупахъ, суть всегда послѣдствія пароксизмовъ удушья, а только предлагаетъ на рѣшеніе вопросъ, какъ очевидно изъ его словъ на стр. 12 его диссертациі, гдѣ онъ именно говоритъ: «*Res praeterea indagacionis eget, utrum alterationes hae qua causa asthmatis, aut qua effectus ejus considerandae sint?*»

Краснорѣчивая тирада критика о Гордіевомъ узлѣ вовсе не кстати: ни одинъ образованный врачъ не согласится съ г. рецензентомъ въ томъ, чтобы ученіе о нервныхъ болѣзняхъ въ настоящее время еще скрывалась во мракѣ неизвѣстности. Еслибъ похваляющемуся своею начитанностію рецензенту скромной диссертациі г. Кармы были извѣстны открытія *Маршала Галла* и *Мюллера* объ отравленіяхъ спиннаго мозга, *Чарлса Белла* объ изолированномъ расположеніи первоначальныхъ нервныхъ волоконъ, *Фолькманна* и *Биддера*, которые положительными опытами доказали самостоятельность симпатическаго нерва, *Келликера*, который подтвердилъ и распространилъ ихъ наблюденія, и наконецъ — знаменитаго берлинскаго профессора *Ромберга*, автора классическаго сочиненія о нервныхъ болѣзняхъ, въ которомъ онъ такъ удачно приложилъ къ практикѣ блистательные успѣхи физиологіи нервной системы, и доказалъ, что патологія и діагностика нервныхъ болѣзней можетъ быть доведена до высокой степени совершенства, — если бы, повторимъ, все это было знакомо критику онъ конечно, не рѣшился бы сознаться въ недостаткѣ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Спѣшимъ увѣрить его, что для большинства русскихъ врачей, слава Богу, ученіе о нервныхъ болѣзняхъ вовсе не такъ темно и мрачно, и при имѣемъ смѣлость, для распространенія круга его учености, пред-

ложить его безвредному вниманию читателей и
своему предмету сочинения:

.. GIBBER TALK. Treatise on hystoria. 1830.

.. WALL. AND DAN. GRIFPIN. Observations on the functional affec-
tions of the spinal cord and ganglionic system. 1894.

.. G. KRAMEK'S. Beobachtungen und Untersuchungen über Hysterie
1837.

.. GIBBERING. Ueber Spinal Irritationen. 1840.

.. GEORGE HANSEN. Beiträge zur Erkenntnis und Heilung der Spinal-Neu-
rosen. 1843.

.. P. G. OLLIVIER. Traité des maladies de la moelle épinière. 3-
me édit., 1837.

.. ABERCROMBIE. Ueber die Krankheiten des Gehirns und Rückenmarks
übersetzt von de Blois. 1821.

.. ANIMAL. Ueber die Krankheiten der Nervenfaser; übers. von Behrend.
1838.

.. CH. BEAL. Physiologische und pathol. Untersuchungen über das Ner-
vensystem; übers. von Romberg. 1832.

.. MAGENDIE. Leçons sur les fonctions et les maladies du système
nerveux. 1839.

.. J. L. BRACHET. Recherches expérimentales sur les fonctions du
syst. nerveux ganglionnaire et leur application à la pathologie. 2-
me édit. 1837.

.. MARSHAL HALL. The diseases and derangements of the nervous
system. With Plates. Lond. 1841.

.. ЕРО МЕ: Darstellung der Verrichtungen des Nervensystems; übers.
von Dieffenbach. 1840.

.. L. BRODIES. Lectures illustrating of certain local nervous affec-
tions. 1838.

.. RICH. ROWLAND. A treatise on neuralgia. 1838.

.. PROF. M. H. ROMBERG. Lehrbuch der Nervenkrankheiten des Men-
schen. Berlin. 1843.

Прочитавъ со вниманіемъ эти сочиненія, г. критикъ убеди-
лся, что *истой* мракъ, который, по мнѣнію его, будто бы овер-
ждаетъ теорію нервныхъ болѣзней, давно уже разбитъ просты-
тельными трудами знаменитыхъ авторовъ.

На стр. 3-й критикъ нашъ облакостя въ мантію глубокой
уверности.

Разсмотримъ однакожь поближе эту учелость, не забывая, что
г. критикъ на стр. 33-й утверждаетъ г-на Карну въ одномъ слѣ-

двѣмъ цитатъ, и въ приложеніи: чтеніе источникомъ. Но гдѣ же адъяс, не вучи, развѣдать, откуда самъ критикъ почерпнулъ своею ученостю? Что касается до древней литературы, то *Галленъ* самъ приводитъ, или переводитъ, прямо изъ Лесевра, да и съ какою, впрочемъ, стати приводитъ тутъ мнѣніе *Алени* и его почитателей, когда идетъ рѣчь о нервномъ удушьѣ? О *Цальсѣ* онъ тоже что-то слышалъ: бессмертный современникъ императора *Октавіана* писалъ во libri IV de re medica, какъ начатчано въ дватѣ на стр. 3-й, — настоящее заглавіе его творенія такое: «Aug. Corn. Celsus» De medicina. Libri octo; а объ удушьѣ (только не о нервномъ) говоритъ самъ въ IV книгѣ, IV-й главѣ, во 2-мъ параграфѣ.

Къ чему выписано велѣное, по нашимъ понятіямъ, мнѣніе *Аемценки*? и что за цитата libri iij, чего? Тоже самое можно сказать и о *Франз Гельмонть* и *Рувіеръ*. Эти врачъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, вовсе не писали о нервномъ удушьѣ.

На 4-й стр., гдѣ критикъ нашъ приводитъ мнѣніе *Сиденхама* (т. е. *Сиденнама*) мы читаемъ слова *diapnoea et orthopnoea* (вмѣсто *дуарноса et орторноса*; отъ *δύς* (фет; *ὀρθός* издѣлѣтъ и *Πνοή* det *ἄθημα*). Г. Карма, хотя и не эллинистъ, чѣмъ, пошамному, особенно жалеетъ блнстать его строгій судья, но въ своей диссертациі гдѣзъ правильно писалъ слова греческаго происхождения.

Для доказательства, что новѣйшее изданіе монографіи Лесевра объ нервномъ удушьѣ составляетъ источникъ учености и значительности г-на критка, мы просимъ читателей нашихъ сравнить то; что рецензентъ пишетъ въ 21-й строку 3-й стран. своей критики, съ тѣмъ, что будетъ слѣдовать ниже; и что слово въ слово выписываемъ изъ сочиненія *Лесевра. De l'asthme 1847 par Mr. Amédée Lefèvre pag. 61. § 11. Nature et siège.*

Maintenant qu'elle est la nature de l'asthme, quel est son siège, les questions ne sont pas aussi faciles à résoudre qu'on le pense. La variété des désordres organiques trouvés après la mort, a amené beaucoup de divergence dans les opinions des auteurs; cependant nous croyons pouvoir leur solution, en faisant ici un résumé aussi succinct que possible.

GALIEN admettait comme cause d'asthme, des humeurs épaissies, pituiteuses et de tubercules.

CELSE * confond aussi l'asthme avec la dyspnée et orthopnée, il en fait une lésion intermédiaire entre ces deux troubles de la respiration et la regarde comme due à l'étroitesse des parties.

ARETÉE † de Cappadoce, dans sa belle description de cette maladie, semble aussi pencher pour cette opinion.

AVICENNE ‡ et les Arabes trouvent que l'asthme a beaucoup d'analogie avec le paroxysme d'épilepsie et de spasme. Il dit qu'il est produit par une humeur grossière qui pénètre dans les conduits respiratoires, où par les humidités qui tombent de la tête sur les parties basses.

VAN HELMONT § croit que l'origine de l'asthme est dans un principe violent, qui provient de l'essence de quelques viscères. La propriété de cette cause est de faire contracter les conduits du poumon, qui transmettent l'air dans le thorax. Plus loin il lui donne le nom très caractéristique d'épilepsie du poumon.

SENNERT ¶ indépendamment des causes admises par Galien dit que l'étroitesse des bronches doit y concourir. Pour le prouver il entre dans des considérations fort longues sur les causes qui peuvent amener le retrécissement soit qu'il dépende d'humeurs contenues dans les bronches, ou d'humeurs contenues dans les poumons.

RIVIERE † pense que l'humeur qui produit l'asthme tombe de la tête sur les poumons et obstrue les bronches. Si cette humeur coule dans les bronches, l'asthme avec bruit est produit; si elle stagne dans la substance pulmonaire, elle produit l'asthme bâtarde ou sans bruit.

SYDENHAM † place l'asthme parmi les maladies de poitrine, entre la dyspnée et l'orthopnée, formant ainsi trois espèces de dyspnées; dans la première, dit-il, les poumons sont obstrués, et les bronches le sont dans la seconde.

Voici ce que dit *Bonnet* sur la nature de l'affection qui nous occupe: Secundo tracheae ductus.

Явно, что тутъ въ подлинникѣ опечатка, т. е., что вмѣсто

* Libri iv de re medica.

† Libr. i.

‡ Libr. iij. pag. 481.

§ Vol j. pag. 222.

¶ Libr. ij. Cap. 2. part. 3. pag. 379.

† Oeuvres de médecine pratique, tom II. pag. 322.

‡ Sepulchretum libr. ij. sect. i.

secundo начато secundo, отчего эта фраза лишилась смысла; не смотря на это притязъ, не соображая въ чемъ дѣло, списалъ эту фразу! Словомъ, отъ 61-й до 68-ой стр. все взято изъ книги Лесевра. Г. рецензентъ даже не точно перевелъ и то, что взялъ изъ Лесевра, исказивъ притомъ собственныя имена писателей; напр. онъ пишетъ: *Семмеръ*, вмѣсто Семмертъ; *Сиденгамъ*, вмѣсто Сиденгамъ; *Аритей*, вмѣсто Аретей и т. д.

На стр. 19 й онъ замѣчаетъ, что одинъ изъ французскихъ врачей, *Амедей Лесевръ* и проч., окомчивая упрекомъ доктору Кармѣ, что тотъ не успѣвалъ прочитать писателя столь остроумнаго, какъ Лесевръ.

Не гоняясь за остроуміемъ, котораго впрочемъ не наследовалъ отъ Лесевра и его безотчетный печтатель, продолжимъ разсмотрѣніе критики.

Отъ стр. 8-й до 17-й слѣдуетъ не разборъ, а просто выписка изъ Лесевра, гдѣ читатель находитъ крайне не полное и неудовлетворительное развитіе теорій приводимаго автора. На стр. 16-й критикъ ворещаетъ *Лесевра* словами: «такіе слабыя логическіе доводы *Лесевра* и проч.» и черезъ три строки, т. е. съ 1-й строки 17-й стран., снова списываетъ, и переводитъ его слово въ слово. Просимъ сравнить критику съ текстомъ Лесевра: «Un memoire de Mr. Louis inséré en 1835 dans le T. 1 des Actes de la société médicale d'observ. en l'année suivante, dans la seconde édition du Dictionnaire de Medecine. (artemphyséme) a fixé depuis l'attention des medecins sur ce genre d'alteration, dont Laennec s'était aussi occupé.

Ces deux observateurs etc. etc.

Тутъ же на стр. 17-й г. критикъ называетъ *Прюса*—*Рюсомъ*. Потомъ на слѣдующей 18-й строкѣ опять цитируетъ *Лесевра* какъ ни въ чемъ не бывало. За этимъ, на стр. 18-й же, слѣдуетъ подробная, но очень разбросанная выписка изъ прекрасной статьи доктора *Феррюса* (G Ferrus), напечатанной въ Dict. de Medecine T. IV art. asthme, котораго рецензентъ называетъ *Ферросомъ* (férose).

Всего забавнѣе, что, на стр. 19-й, среди ученыхъ преній, онъ говоритъ: Оливье д'Аносеръ, котораго называютъ такъ для отличія отъ его *парижскаго* однофамильца. Критикъ утверждаетъ, что это двойная фамилія, какъ напр. *Rayet—Collart* и т. н.!!! Наконецъ на стр. 21-й и 22-й онъ приводитъ мнѣніе *Пюрри* и *Труссо*.

К. III. — Отд. VI.

Жаль только, что для эта ученость, призрачность которой мы уже достаточно показали, здѣсь весьма неумѣстна: въ настоящее время несомнѣнно доказано, наблюденіями *Петра и Иосифа Франка, Неймана, Шенлейна, Ромберга, Камматта, Вундермута, Гукса*, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ самъ г. критикъ приводитъ, какъ поборниковъ мнѣнія Лесевра, что существуетъ чисто *первое, спазмодическое* (а не спазмотическое, какъ вездѣ пишутъ рещедеять) удушье.

Теперь рассмотримъ вопросы, которые г. критикъ важно предлагаетъ автору диссертациі. Во-первыхъ, на стр. 23-й и 24-й онъ спрашиваетъ: аккуратно ли дѣлались труповскрытія г. Кармио или другими врачами? Отвѣчаемъ на это смѣло: вѣроятно, аккуратноѣе, нежели написана разсматриваемая нами критика. Во-вторыхъ: изслѣдовали ли они микроскопомъ всю массу(!) мозга и всѣ грудные нервы, равно и нервы *восьмой пары*? Тутъ мы, прежде всего, замѣтимъ, что *восьмая пара*, какъ теперь уже принято всѣми анатомиками, есть слыхательный нервъ, который не имѣетъ ничего общаго съ нервнымъ удушьемъ; что же касается до микроскопическаго изслѣдованія всей нервной массы мозга головного, спиннаго и груднаго сплетенія, то вслѣдъ, кто хоть разъ видѣлъ микроскопъ и знаетъ, что имъ могутъ быть разсматриваемы только тончайшія органическія части малѣйшаго объема, легко пойметъ, что для такого исполненнаго труда потребны были бы не 2 или 3 часа, которые можно посвятить на самое точнѣйшее трупораззѣтіе, а нѣсколько вѣковъ!!! Знаменитѣйшіе истологи, прославившіеся своими микроскопическими наблюденіями, никогда еще не рѣшались на безполезный трудъ изслѣдовать всю массу мозга, а заключали объ устройствѣ его массы, по нѣкоторымъ малѣйшимъ частичкамъ, изъ разныхъ частей его изытымъ. Кто станетъ упрекать ботаника въ томъ, что онъ описывая спиральные сосуды растенія, всѣ ихъ пересчиталъ? И не показываетъ ли опытъ, что нѣкоторыя болѣе-вѣсныя извѣстія, помощью наружныхъ чувствъ и по сочувствующимъ общимъ и мѣстнымъ явленіямъ, удобно распознавались, подъ микроскопомъ вовсе между собою не различествуютъ; такъ, напр., по наружному виду и по сопровождающимъ явленіямъ, легко различать гнойъ отъ слизи; когда, между тѣмъ, микроскопъ, въ обоихъ случаяхъ, показываетъ совершенно одинаковыя шарикъ.

Тутъ же г. критикъ говоритъ, что современники наши очень

хорошо постигли микроскопическое устройство нервной системы, и въ доказательство ссылаются не на труды знаменитыхъ истологовъ: Генле, Валентина, Эренберга, Краузе, Фолькманна, Биддера, Лангебаха, Бурдихо, Ремака, Мандля, Белла, Марксиди, Пинкисы, Бишсифа, Арнольда, Вебера, Скарпа, Рудольфи и многихъ другихъ, а на статью г-на Дидимова, напечатанную въ запискахъ Императорской Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи. Не отрицая достоинствъ статьи г-на Дидимова, мы однако жъ, много утѣрены, что она никакъ не ожидаетъ чести быть избранной и даже исключительнойъ представителемъ современнаго состоянія микрографической анатоміи нервной системы.

На стр. 26-й критикъ говоритъ: «врачи не дошли еще до такого совершенства, чтобы могли разбирать слабыми чувствами иѣкчайшія или тончайшія измѣненія перваго состава, а на слѣдующей, т. е. на 27-й стр. замѣчаетъ: «рвизмизмъ и лонета, существующія наружъ или сокрыты въ организмѣ, не могутъ ли переходить въ грудныя внутренности и ихъ нервы, и производить одышку съ органическими измѣненіемъ оныхъ самыхъ нервовъ, какъ-то ежедневно доказывается фактами?»

Есть вопросы еще страннѣе. Кто повѣритъ критику, что водика, извы и проч. органическія болѣзни (какъ *ежидесно* идио) исчезаютъ въ предсмертныя минуты! ? Тутъ только можетъ исчезнуть полнота жизненная и поблѣднть яркость цвѣта.

Весьма замѣчательны слѣдующія за этимъ слова критика: «подобныя сужденія, основанныя на *здравомъ разсудкѣ*, на законахъ физиологіи и анатомико-патологіи и на ежедневныхъ наблюденіяхъ...»

Но теперь мы приступаемъ къ выходкѣ, которая столько же показываетъ несправедливость г-на критика, какъ и сомнительное его знаніе греческаго языка. На стр. 26-й онъ говоритъ, что г. Карма производитъ слово *Asthma* отъ *αδισμα*. Это ложно; въ диссертациі напечатано: *αβδισμινεν* (*anbelate*) вмѣсто *αβδισμινεν* — явная опечатка.

Дальше онъ говоритъ, что г. Карма ошибается, думая, будто *αβδισμινεν* значить: трудно дышать, ибо слово это выражаетъ болѣзненное состояніе человека! Неужели критикъ полагаетъ, что въ публицѣ не найдется ни одного эллиниста? Да развѣ *αβδισμινεν* можетъ быть существительнымъ? Вотъ значеніе этого

слова, заимствованное нами из классического лексикона Joh. Schenck: *Handwörterbuch der deutschen Sprache* 1-ter Band *schwer* schwer athmen, Keuchen; bekommen fein, besonders von dem schweren Athmen des mit dem Tode Ringenden. А слово *schwer*, которое критику кажется «здоровымъ состояніемъ»—въ греческомъ языкѣ не существуетъ. После этого, г. рецензенту не угодно ли будетъ обратиться къ самому себѣ столь *възмимо*: произнесеннымъ имъ, въ отношеніи къ г. Карну, слова: «лучше не братья за то, чего мы не разумѣемъ»?

Тутъ же и на слѣдующей 29-й стр. г. критикъ говоритъ, что опредѣленіе удущья совершенно неясно, потому что авторъ пропустилъ два главные, отличающіе болѣзнь прищадка, т. е.: 1) отсутствіе лихорадки и 2) совершенную перемежку. Но вопреки этому скажемъ, что здѣсь даже изъ двухъ первыхъ словъ г. Карна о патогномическомъ характерѣ болѣзни становится яснымъ не только опредѣленіе, но и самая сущность удущья. Что же касается до отсутствія лихорадки, то нынѣ всякому сколько нибудь свѣдущему врачу уже извѣстно, что только тѣ нервныя болѣзни (неигозы), которыми поражается часть нервной системы, управляющая движеніемъ кровеносной системы, сопровождаются лихорадочными движеніями. Слѣдовательно, при опредѣленіи удущья, было бы излишне упомянуть объ отсутствіи лихорадки.

Совершенная перемежка также не можетъ имѣть мѣста при опредѣленіи удущья, ибо продолжительное удущье, напоследокъ, уже не допускаетъ подобныхъ перемежекъ по причинамъ очевиднымъ и довольно ясно изложеннымъ въ диссертациі г. Карна (смотри стр. 16).

Вслѣдъ за тѣмъ критикъ замѣчаетъ, что больной «въ промежуткахъ пароксизмовъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и даже кушаетъ и пьетъ, какъ обыкновенно»; а все такъ усиливается доказать, что удущье не есть чисто нервная болѣзнь. Удивительная логика!

Далѣе г. критикъ (на стр. 30) не соглашается съ авторомъ, что смерть въ случаѣ, описанномъ имъ на стр. 12, произошла отъ остраго отѣка легкихъ, а приписываетъ ее апоплексіи легкая, но г. Карна весьма ясно изложилъ все, что было найдено имъ при трупоразрѣтіи, которое неоспоримо убѣдило его, что здѣсь причиною смерти былъ именно острый, быстро развившійся отѣкъ, а не апоплексія легкиихъ. Если же г. критикъ все

еще остается при своей сомнительности, то советуемъ ему прочесть со вниманіемъ, въ патологической анатоміи *Ракинъскаго* и *Гассе*, статьи объ отѣкѣ и апоплексіи легкиихъ, дабы впередъ могъ онъ различать въ трупахъ первое состояніе отъ послѣдняго.

На той же, 30-й стр. онъ говоритъ: «съ эмфиземою больные долго жить не могутъ.» «O vanitas! Кто ему сію новость разказывалъ? Большая часть патологовъ противнаго мнѣнія. Нарри., Луи (Louis), вопреки этому, говоритъ (раз. 186), что эмфизема можетъ существовать долго, даже съ малолѣтства до старости. Не бесполезно было бы г. рецензенту заглянуть въ олдѣующія превосходныя по сему предмету сочиненія:

LAENNEC I. 348—379.

LOUIS. Mem. de la soc. d'observ. 1836. Tom. I. 160.

BOUVARD recherches sur l'emphysem pulmon.

BOULLAUD dict. en XV., VII. 121.

TOWNSEND Cyclopaedia II. 23.

STOKES Dublin Journal IX. 27.

HASSE pathol. Anatomie I. 402.

ЗЕНЕТМАУЕР Grundzüge 1843.

Самстатт med. Klinik III. В. 343

Нижѣ, на той же 30-й стр. рецензентъ говоритъ: «при нынѣшнемъ состояніи науки, нельзя позволить ученому доктору дѣлать въ грудныхъ болѣзняхъ умозрительныя заключенія безъ вѣрныхъ фактовъ; стетоскопія открыла намъ глаза, и мы не повѣримъ мечтаніямъ, которыя напоминаютъ намъ жалкое состояніе медицины въ средніе вѣка.» Безподобно! читая оіи слова, мы однаковъ, по неволѣ, должны вспомнить случай, намъ извѣстный, гдѣ безпощадный критикъ, не смотря на тончайшую овою стетоскопію, не успѣлъ различить чахотку отъ воспаленія легкиихъ. Не имѣемъ надобности приводить этотъ случай со всею подробностію, а замѣтимъ только, что г. критикъ, нечеловѣкии и описавши явленія, характеризующія легочную чахотку—какъ то влокотаніе (rhonchus cavernosus), грудной говоръ (pectorigiloquium) и т. д. назвалъ болѣзнь воспаленіемъ легкиихъ, направляя леченіе противъ сей послѣдней болѣзни. На стр. 31-й читаемъ: «въ располагающихъ причинахъ, г. Карна причисляетъ нервный темпераментъ. Наблюденія намъ доказываютъ, что дѣти и женщины бываютъ наиболѣе нервнаго темперамента, между тѣмъ онъ рѣже мужчинъ и взрослыхъ подвергается одышкѣ.» Мы думали,

что покрайней мѣрѣ хоть это замѣчаніе принадлежитъ собственно г. критику, но и оно заимствовано у Лессера, какъ выше указано. Однакожъ не взирая на то, послѣ словъ Лессера, критикъ позволилъ себѣ восклицаніе; «какъ понимать таковыя несообразности въ словахъ ученаго доктора?» Что же касается до того, что дѣти и женщины при первомъ температурѣ рѣже взрослыхъ и мужчинъ страдаютъ удушьемъ, то это, кажется, можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что дѣти и женщины вообще рѣже подвергаются причинамъ, производящимъ удушья; а съ другой стороны тѣмъ, что дѣти и женщины, чаще страдаютъ спазмами мышцъ животной жизни, по известному паталогическому закону, рѣже подвергаются спазмамъ мышцъ растительной жизни.

На стр. 32-й критикъ никакъ не можетъ понять, что въ одномъ и томъ же полонѣ органъ могутъ существовать въ одно и то же время суженіе и расширеніе. Неужели, онъ никогда не слышалъ объ основномъ законѣ въ паталогической анатоміи: что всякое суженіе влечетъ за собою, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, расширеніе, такъ напр. при суженіи венозныхъ отверстій сердца *непрерывно* расширяются пазухи; при суженіи *sphincteris ani* расширяется прямая кишка; при суженіи вѣтвей дыхательнаго горла расширяются выше и ниже лежащія воздухоносные каналы, отъ напора при кашлѣ и усиліи при вдыханіи чрезъ суженное мѣсто.

На стр. 33-й находимъ слѣдующія слова критика:

«Если бы нашъ почтенный авторъ, для составленія своей книги, дѣйствительно руководствовался авторами, что весьма не предосудительно въ медицинской литературѣ, то, вѣроятно, привелъ бы вѣрные цитаты.»

Долгомъ считаемъ замѣтить, что г. Карма въ своемъ предисловіи указываетъ на древнихъ и новѣйшихъ врачей, которые посвятили свои труды избранному нѣмъ для своей диссертациіи предмету. Такъ на стр. 4-й и 5-й встрѣчаемъ весьма любопытную выписку изъ *Аретей*, гдѣ онъ описываетъ удушье и различаетъ его отъ одышки гораздо лучше нашего критика. Далѣе г. Карма вкратцѣ упоминаетъ о Цельсѣ, Шталѣ, Сомажѣ, Фанъ Гельмонтѣ, Корвизарѣ, Леннекѣ, Валлисѣ, Флюэ (Fluor), Бре, Андрагѣ, Крювелье, Рекамье, Дюпюитренѣ, Легаллюа, и Дюишн, смотри стр. 5 и 6 ю; изъ чего видно, что г. критикъ лѣмно упрекаетъ его въ незнакомствѣ съ литературою своего предме-

та. Тутъ же настр. 33-й критикъ удивляется полезному дѣйствию рвотныхъ въ нервныхъ болѣзняхъ. Это доказываетъ, что онъ не обдумалъ сущности отвлекающаго способа леченія, гдѣ мы, раздражая органъ меньшей важности, цѣляемъ болѣе благородные органы; слѣдовательно, здѣсь, раздражая нервныя сплетенія желудка и кишечнаго канала, мы уничтожаемъ судорожное сжатіе воздухоносныхъ путей. Многія душевныя болѣзни лечатся, между прочимъ, средствами, производящими тошноту.

Хотя критикъ опровергаетъ всѣ наблюденія г. Карма, но даже изъ его собственнаго описанія ихъ, въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, читатели могутъ убѣдиться, что средства, употребленныя г. Кармоу были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ.

Какъ мы строго и беспощадно былъ критикъ, однакожъ, подъ конецъ, сознался, что многіе тезисы доктора Кармы «довольно удовлетворительны.» Но разборъ ихъ онъ «отлагаетъ до другаго времени».

Нельзя, въ заключеніе, не отдать справедливости любезности критика. Онъ, обыкновенно, не иначе называетъ г. Карму, какъ: «Collega Noster» и даже «Carissimus Collega»; только иногда переходя отъ нѣжности къ сарказму, называетъ собрата своего: «dominus doctor petropolitanus».

Но всего замѣчательнѣе скромность критика. Одаривъ читателей своею нежстощимою ученостію, правдивостію и безпристрастіемъ, онъ не объявилъ своего имени. Подражая ему въ этомъ случаѣ, не подписываемъ и своего.... Для чего имена тамъ, гдѣ дѣло говорить само за себя?...

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ.—Журналъ, издаваемый подъ редакціею лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка штабсъ-капитана И. Чекарева 1-го.—С. Петербургъ. Въ тип. Крайя. Книжка, 1, 2 и 3.

По словамъ программы, журналъ «Чтеніе для солдатъ,» имѣетъ цѣлю доставить нижнимъ воинскимъ чинамъ, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, полезное и пріятное занятіе, могущее споспѣшествовать ихъ нравственному образованію.» Эта цѣль заслуживаетъ полнаго одобренія въ особенности потому, что у насъ всегда былъ чувствуемъ большой недостатокъ въ книгахъ и руководствахъ, которыя при доступности своей понятіямъ людей, не получившихъ образованія, могли бы служить имъ полезнымъ и пріятнымъ чтеніемъ. Въ каждой военной командѣ находятся, безъ сомнѣнія, люди грамотные, которые въ часы досуга принимаются за книгу; но какія книги находятъ

они под рукою? Или нелѣзныя сказки о Бовѣ, Емельѣ, Ершѣ, Советодрабѣ, или книги, содержаніе которыхъ для нихъ темно, или даже вовсе непонятно, что можетъ имѣть слѣдствіемъ превратныя и ложныя понятія. Для предупрежденія этого вреднаго вліянія случайностей и чтенія пустыхъ книгъ, необходимо было доставить грамотному солдату книгу, которая, сообразно съ степенью его умственнаго развитія и съ его назначеніемъ, замѣняла бы ему пріятнаго и дѣльнаго собесѣдника, и въ тоже время научала бы его обязанностямъ къ Богу, Государю и Отечеству. Мысль г. Чекарева—издавать каждые два мѣсяца по книжкѣ особое чтеніе, подъ названіемъ: «Чтеніе для Солдатъ» удостоилось Высочайшаго одобренія Государя Императора.

Вышедшія по настоящее время три книжки вполне соотвѣтствуютъ предназначенной программой цѣли.

Разсмотримъ ихъ по порядку отдѣленій, на которыя каждая книжка раздѣляется.

Первое отдѣленіе содержитъ бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ; толкованія Евангелій и важнѣйшихъ праздниковъ, и нравственныя наставленія и замѣчанія, внушающія повиновеніе начальству, любовь къ порядку, трезвости, трудолюбію и проч.

Это отдѣленіе есть, безъ сомнѣнія, важнѣйшее. Мы съ удовольствіемъ видимъ, что въ этомъ отдѣленіи помѣщались всегда статьи съ большимъ достоинствомъ; между ними заслуживаетъ особаго вниманія: «Разговоръ полковаго священника съ рядовымъ Кирпичевымъ о книжкѣ Чтеніе для Солдатъ.»

Весьма счастливая и полезная мысль пришла также г. редактору—помѣщать въ это отдѣленіе: изъясненіе христіанскихъ праздниковъ, бывающихъ въ теченіе того времени, на которое каждая книжка издается.

Второе отдѣленіе содержитъ: Повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ Русской Исторіи, и жизнеописанія лицъ, совершившихъ блистательные подвиги, или заслужили дошедшихъ отъ простаго воинскаго званія до высшихъ степеней.

Если мы назвали первое отдѣленіе важнѣйшимъ по цѣли изданія, то должны сказать, что второе отдѣленіе не менѣе полезно по нравственному вліянію, которое можетъ производить чтеніе статей, взѣтомъ отдѣленія помѣщаемыхъ. Идѣйствительно, что можетъ болѣе возбуждать воинскій духъ, какъ не доблестные

примѣры товарищей, отличившихся на полѣ брани, или пожертвовавшихъ жизнію своею для отечества.

Помѣщенный въ первой книжкѣ: «Разсказъ о вступленіи на престолъ Августѣйшаго дома Романовыхъ,» весьма хорошо написанъ, и въ цѣлѣ соответствуетъ цѣли самаго изданія Чтенія. Въ двухъ послѣдующихъ книжкахъ, помѣщенный разсказъ инвазіи о войнѣ 1812 года, также имѣетъ много достоинства.

Третье отдѣленіе содержитъ: *Извлеченіе изъ нѣкоторыхъ необходимыхъ и для солдатъ важнѣйшихъ военныя постановленій въ особенности тѣхъ, которыми обезпечиваема и вознаграждается служба нижнихъ воинскихъ чиновъ и просто, помято изложенныя практическія свѣдѣнія по части хозяйства, ремесла и другихъ полезныхъ знаній въ быту солдатскомъ.*

Изъ содержанія статей третьяго отдѣленія, которыя вошли въ составъ первыхъ трехъ книжекъ, можно заключить, что редакторъ, при помѣщеніи этихъ статей, имѣлъ главнѣйшимъ намѣреніемъ: 1) доказать нижнимъ воинскимъ чинамъ, что отеческое попеченіе правительства болѣе обращено на нихъ, чѣмъ на кого либо; 2) ознакомить ихъ съ разными свѣдѣніями, полезными какъ на службѣ царской, такъ и въ быту солдатскомъ, и 3) сообщить имъ нѣкоторыя званія, которыя бы пригодились имъ и по оставленіи службы. За эти намѣренія мы отъ всей души благодаримъ редактора и можемъ смѣло сказать, что даже исполненіе однихъ этихъ намѣреній въ состояніи поддержать предпринятое имъ изданіе.

Изъ статей, заслуживающихъ въ этомъ отдѣленіи особаго вниманія, мы замѣтили слѣдующія: 1) *Солдатское горе*; 2) *О томъ, какъ Саперы плетутъ туры*; 3) *Что такое фашины, какъ ихъ дѣлаютъ и на что они надобны*. Всѣ эти статьи написаны въ видѣ разговоровъ одного солдата съ другимъ, и написаны мастерски.

Къ нѣкоторымъ отдѣленіямъ журнала прилагаются портреты, картинки и рисунки описываемыхъ предметовъ.

Четвертое отдѣленіе заключаетъ: *Сказки и солдатскіе разсказы, военныя пѣсни и стихотворенія, относящіяся до положенія солдатъ, ихъ назначенія и долга.*

Пятое отдѣленіе наполняется анекдотами, пословицами, загадками, задачами и пр.

Въ этихъ отдѣленіяхъ лучшая изъ статей, по нашему мнѣнію, *Походныя замѣтки для пѣхотинца.*

Не станемъ, однакоже, болѣе распространяться объ этомъ изданіи, и пожелаемъ ему отъ души полного успѣха, за его прекрасную, благородную, полезную цѣль.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Стихотворенія Гьрна. Лейпцигъ. 1847.

Собраніе этихъ стихотвореній дѣлится на три книги: въ первой помѣщены разные мелкіе стихи, во второй стихотворенія подъ названіемъ *Liedergarten* (садъ пѣсенъ), а въ третьей баллады и романсы. Между этими стихотвореніями есть много весьма посредственныхъ, но есть также нѣсколько и достойныхъ замѣчаній. Приложенное къ первой книгѣ воззваніе къ Романтикамъ—напоминаетъ намъ Гейне, а предсказаніе автора (изложенное въ одномъ изъ его стихотвореній), о наступленіи времени, когда снова прелестный полъ будетъ имѣть рыцарей, которые, за одинъ взглядъ своихъ Дульсиной, готовы будутъ цѣлые дни простоять передъ ними на колѣняхъ, или даже, въ случаѣ надобности, предпринять новые крестовые походы,—заставляетъ думать, что Г. рыцарь-поэтъ не имѣетъ никакого понятія о требованіяхъ настоящаго вѣка, въ которомъ поэзія, не могши найти себѣ убѣжища въ тѣнистыхъ дубравахъ, рѣшилась; наконецъ, прибѣгнуть къ отчаянному средству—поселиться въ современныхъ вопросахъ, мелкихъ прогрессахъ и гуманностяхъ.

Звуки лѣсовъ, стихотвореніе Карла Фонъ-Гольтея. Бреславль, 1848.

Содержаніе этой книги состоитъ, какъ объясняетъ самъ авторъ, въ звукахъ лѣсовъ, въ отголоскахъ полей, въ шумѣ вѣтровъ, въ шелестѣ листьевъ, и пр.—однимъ словомъ, въ этой книгѣ заключаются всѣ главнѣйшія качества повѣйшихъ стихотворныхъ произведеній. Мы не можемъ лучше изобразить достоинство этихъ стихотвореній, какъ приведемъ подлинныя фразы автора, которыми онъ рекомендуетъ читателямъ. Въ нихъ сказано, что авторъ «одолѣваемый разными мыслями и чувствами, рѣшился наконецъ выразить ихъ словами. Эти мысли и чувства взялъ онъ прямо изъ вѣдра земли, потому что искалъ ихъ въ густыхъ лѣсахъ, поляхъ и долинахъ, и въ особенности въ то время, когда множество бабочекъ и мотыльковъ увивались вокругъ него, деревья вѣяли прохладю, а поющія птички звали его къ себѣ. Эта найденныя имъ мысли и чувства, онъ выдаетъ за весну души своей, хотя весну эту и «воспѣваетъ на закатѣ своей жизни. Пусть же «воскликаетъ наконецъ авторъ,» подобно звукамъ лѣсовъ и полей—будутъ «вылетать всѣ звуки изъ стѣспенной груди моей, пока тѣло мое не обратится въ прахъ, и пока сердце не перестанетъ биться.» Изъ этого набора фразъ, читатель безъ сомнѣнія увидитъ, что стихотворенія Г. Гольтея можно прочесть не безъ интереса, а потому мы и советуемъ читать ихъ, только не на сонъ грядущій, потому что отъ нихъ навѣрное спать не захочется. Стихотворенія Г. Гольтея мы рекомендуемъ въ особенности

Дѣнамъ, которыя жестоко и, право, понапрасну жалуются всегда на мужчинъ, что они не могутъ понять всѣхъ душевныхъ волненій и невыразимыхъ потребностей женскаго сердца. Г. Гольтей можетъ въ этомъ именно служить доказательствомъ противнаго.

Виртембергскіе Замки. Соч. Генле, 2 части. Вюрцбургъ, 1847.

Авторъ этого интереснаго сочиненія попалъ на счастливую мысль: описать романически исторію разныхъ нѣмецкихъ замковъ. Исполненіемъ этого намѣренія онъ не только заслужилъ благодарность всѣхъ историковъ, но и всѣхъ страстныхъ приверженцевъ старины,—показавъ имъ на самомъ дѣлѣ, какъ занимательна исторія этихъ замковъ, богатыхъ разными происшествіями и романическими, трогательными сценами. Почти всѣ нѣмецкіе замки, въ особенности же Виртембергскіе, носятъ на себѣ отпечатокъ причудливостей восемнадцатаго столѣтія, а потому и могутъ служить богатыми источниками къ поясненію нѣкоторыхъ таинственныхъ происшествій этого столѣтія. — Въ то время королевство Виртембергское, хотя весьма везначительное, обратило, однакоже, на себя вниманіе не только большей части Германіи, но и всей средней Европы. А потому повѣствованія о разныхъ событіяхъ, въ немъ случившихся, не лишены интереса, и служатъ вѣрнымъ отголоскомъ тогдашняго времени.

Въ этомъ отношеніи предлагаемое сочиненіе можетъ быть занимательно не только для мѣстныхъ жителей, но и для всѣхъ историковъ. Для первыхъ же сочиненіе это имѣетъ особенную важность потому, что настоящіе историческіе источники именно этого времени не для всѣхъ доступны, а самыя воспоминанія о происшествіяхъ, не будучи ни кѣмъ вѣрно описаны, могутъ мало по малу обратиться въ баснословныя преданія. Кроме того, что можетъ быть поучительнѣе исторіи этихъ замковъ, обратившихся нынѣ въ развалины, а прежде бывшихъ мѣстомъ многозначительныхъ происшествій? Первая часть сочиненія Г. Генле, посвященная Людвигебургскому замку, весьма занимательна, и заключаетъ въ себѣ описаніе многихъ событій, до сего времени еще неизвѣстныхъ. Вторая же часть содержитъ описаніе замковъ, построенныхъ въ новѣйшее уже время, какъ-то: Фрейденталл, Солитода, Бельвио и Розенштейна, а потому и теряетъ ту занимательность, которую доставляетъ намъ чтеніе событій, случившихся въ Людвигебургскомъ замкѣ, какъ въ весьма уже отдаленномъ времени. Сверхъ того вторая часть содержитъ въ себѣ еще описанія саксонскихъ замковъ, исторія которыхъ также не лишена интереса.

Драматическіе опыты. Соч. Карла Фойгъ-Леонгарда. Часть первая. Штутгартъ, 1847.

Радостно встрѣтить въ нашъ вѣкъ писателя, который, пріобрѣтя уже себѣ славу въ области наукъ, пожелалъ отличиться также и на поприщѣ поэзіи, а именно драматической,

оставленной всѣми германскими учеными, какъ не заслуживающей ихъ вниманія. Знаменитый геологъ, Карлъ фонъ-Леонгардъ, давно уже изучивъ всю внутренность земнаго шара, беретъ вышѣ за изученіе гораздо важнѣйшаго предмета, а именно, сердца человѣческаго, и первымъ опытомъ своимъ представляетъ намъ драматическія стихотворенія, исполненныя жизни и истины, и которыя могутъ быть причислены къ лучшимъ твореніямъ германской драматической литературы. Первая изъ драмъ, помѣщенныхъ между стихотвореніями, насъ мало интересуетъ потому, что есть подраженіе роману Гофмана, и читатель, знакомый уже съ подлинникомъ, находитъ въ этой драмѣ извѣстныя ему лица и расположеніе которой совершенно романтическое, прекрасна и исполнена красотъ, свойственныхъ одной только испанской поэзіи. Лучшая же въ этомъ первомъ опытѣ пьеса, есть, безъ сомнѣнія, драма, подъ названіемъ «Графъ Страфортъ», — мастерское произведеніе, какъ по изображенію характеровъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и по интересному содержанію самой драмы. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать послѣдующихъ произведеній г. Леонгарда, оставаясь въ полной надеждѣ, что сочиненія его не мало обогатятъ скудную драматическую нѣмецкую словесность новѣйшаго времени.

Повѣсти Карла Кюцера. Лейпцигъ, 1847, 2 части.

Четыре изъ этихъ повѣстей весьма занимательны. Авторъ имѣетъ особый даръ привлечь читателя своими изображеніями происшествій и характеровъ, хотя и не всегда новыхъ, но за то всегда живо и прекрасно описанныхъ. Вообще въ этихъ повѣстяхъ не занимаютъ разрѣшеніемъ ложно поднимаемыхъ современныхъ вопросовъ, а въ нихъ играетъ главную роль — сердце, любовь и другія чувства, охладѣвшія, къ сожалѣнію, въ настоящій, положительный вѣкъ.

Слѣсъ.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Красивая галерея станціи берлинно-ангальтской желѣзной дороги наполнилась народомъ. Кондукторы, въ сѣтло-синихъ мундирныхъ курткахъ, съ серебряными повунтами, суетились, размѣщали пассажировъ; комиссіонеры тащили на плечахъ чемоданы, выюки, дорожные мѣшки; мальчишки совали въ окна вагоновъ газеты, брошюры, календари, путеводители, предлагая ихъ пассажирамъ; дамы, въ красивыхъ зимнихъ нарядахъ, усаживались, отправляясь, вѣроятно, *на-вечеръ*, за двѣсти верстъ...

Прощанья разстававшихся, говоръ пассажировъ, крики носильщиковъ, каночанье разнощиковъ газетъ, шелканье дверецъ составляли живыя варіаціи на однообразную тему, которую грозно тянули пары, вырываясь изъ трубы машины.

Посреди этой суматохи, у открытыхъ дверецъ вагона второго класса, безмолвно стояли два человѣка. Грустно глядяли они на мелочные эпизоды траги-комедіи, повторяющейся трижды каждый день и называемой *отъѣздомъ*.

Эти два человѣка прожили вмѣстѣ слишкомъ двѣ недѣли, и прожили въ такихъ короткихъ сношеніяхъ, въ какихъ люди живутъ только въ дорогѣ; однѣ и тѣ же опасности угрожали имъ; когда одному было холодно, другой находился на точкѣ замерзанія; когда одинъ стучалъ головой о подушки дивансовъ, другой повторялъ всѣ движенія его съ такимъ усердіемъ, какъ будто вбивалъ головою гвозди; когда одинъ согрѣвался жидковскимъ

чемъ — это совѣтъ не то, что китайскій, — другой, съ братскимъ самоотверженіемъ, тянулъ ту же бурю жидкость, приправленную корицей или гвоздикой.

Но главное обстоятельство, сближавшее этихъ людей, было то, что они вмѣстѣ, въ одинъ день и въ одинъ часъ, выѣхали изъ Петербурга, и каждый смотрѣлъ на другаго, какъ на существо, сближавшее его съ роднымъ и родными, какъ на вещь, взятую съ собою на память. Пока они были вмѣстѣ, ни одинъ не думалъ о разлукѣ, ни одному не приходило на мысль, что она можетъ быть тягостна... но наступила эта минута и тому, который долженъ былъ ѣхать даѣе, стало невыразимо грустно. До сихъ поръ ему было съ кѣмъ говорить, было съ кѣмъ подѣляться своими замѣчаніями, и вдругъ — онъ одинъ.

Одиночество въ толпѣ страшнѣе одиночества въ пустынѣ.

Вы уже угадали, что эти два человѣка были — Гинтерлахъ и Я.

Судьба, насмѣшливо играющая людьми какъ пѣшками, не мало не справляясь угодно ли имъ дѣлать то или другое, двигала Гинтерлаха назадъ въ Петербургъ, а меня гнала впередъ... Намъ оставалось нѣсколько минутъ пробыть вмѣстѣ, и между тѣмъ мы оба молчали; молчали не отъ недостатка, а отъ избытка словъ.

Для подобныхъ минутъ слѣдовало бы изобрѣсти искусство, которое въ отношеніи къ мысли было бы то же, что стенографія къ слову.

— По мѣстамъ, по мѣстамъ! закричали кондукторы.

Я пожалъ Гинтерлаху руку, мы поцѣловались — и, секунду спустя, щелкнула ручка дверецъ, снаружи запертыхъ кондукторомъ.

Прозвенѣлъ третій колокольчикъ. Поднялась страшная суматоха; кондукторы забѣгали, и стали занимать свои мѣста.

Подобно послѣднему прощальному вздоху, застоналъ паръ, выпущенный изъ трубы....

Наступила секунда глубокаго молчанія.

Вагоны дрогнули, какъ бы пошатнувшись немножко назадъ... Паръ шумѣлъ; колеса тяжело обратились, стукнули разъ, другой, третій, потомъ все шибче и шибче, и длинная дѣль вагона повнеслась, какъ бы гонимая вѣтромъ.

— Glückliche Reise! крикнулъ мнѣ вслѣдъ Гинтерлахъ.

Я выглянулъ изъ ошущеннаго окна, и еще разъ кивнулъ головою, но едва ли мой бывший спутникъ замѣтилъ прощальный поклонъ, потому-что въ моихъ глазахъ толпа оставшихся слышала уже въ одну, черную полосу....

Три минуты спустя я былъ уже въ двухъ верстахъ отъ Вер-
дана.

Такъ какъ мои письма, писанныя къ друзьямъ, сдѣлались, по
снисходительной благосклонности К. П. Масальскаго, журналь-
ными статьями, то, разумѣется, не могла миновать суда нѣкото-
рыхъ критиковъ, которые на все смотрятъ сквозь законченое
стеклышко.

Критиками ей находятъ непривычнымъ проявленіе моей лич-
ности въ путевыхъ запискахъ. По мнѣнію ихъ, моею личности
слѣдовало бы совершенно исчезнуть, и уступить мѣсто другимъ
предметамъ, посредъ которыхъ она является и дѣйствуетъ. Такъ
например: вмѣсто *мы поехали*, слѣдовало бы написать: *длин-
ящиеся намъ дороги поехали* и т. п. Наконецъ, тамъ гдѣ нельзя
было избѣгнуть личнаго мѣстоименія, мнѣ бы слѣдовало по-
мещать свое я на другомъ, и писать *мы*.

Отвѣтъ первый: Личность моя служитъ *подтвержденіемъ и
оправданіемъ*; я упоминаю о себѣ для подтвержденія истины то-
го, что пишу; выставляя себя впередъ, я принимаю на себя от-
вѣтственность малѣйшей неточности— разумѣется, умышленной;
я упоминаю о себѣ для оправданія неумышленныхъ неточностей,
и выставляю себя впередъ для того, чтобы читатель, сравнивая
мою личность со своею, могъ составить себѣ свое понятіе о пред-
метахъ, мною описываемыхъ. Въ короткомъ предисловіи къ мо-
имъ письмамъ я сказалъ, что описываю предметы не такъ, какъ
гласятъ о нихъ путеводители и журнальные глашатаи, а такъ,
какъ мнѣ эти предметы представлялись и представляются. Слѣ-
довательно, для нѣкотораго поясненія того, почему мнѣ такъ ка-
залось, я во-первыхъ прибѣгаю къ сравненіямъ, а во-вторыхъ
привожу нѣкоторые черты моей личности.

И такъ мною руководить не тщеславіе, не самолюбіе, а — ос-
торожность.

Отвѣтъ второй: Прикажешь, я никакъ не могу понять, почему
до сихъ поръ люди, говорящіе въ своихъ статьяхъ отъ своего
имени, употребляютъ мѣстоименіе множественнаго числа? Не-
ужели мы сиромѣе я? Или вѣтъ ли тутъ журнальной уловки?
Какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что только тотъ, кто не-
множко убѣжденъ въ своемъ мнѣніи, имѣетъ надобность под-
крѣплять его мнѣніемъ большинства, идея котораго заклю-
чается въ словѣ *мы*. Наши литературные консерваторы, враги
всякаго нововведенія, раскритикуются, если кто осмѣлится предло-
жить имъ самѣмъ гордое *мы*, сиромѣнымъ я.

— *Мы* удивлялись дерзости янца; намъ брѣвающагося учить ку-
рицу! воскликнетъ каждое *мы*.

Не удивляйтесь — ребенокъ часто водить дряхлаго, полудряхлаго старика; вспомните, что если бы въ самомъ дѣлѣ нужно было слѣдовать во всемъ нашимъ дѣдамъ и прадедамъ, такъ вы сами писали бы еще:

«Сей книжный мужъ остроуменъ паче, и въ наученіи книжномъ доволенъ; во писаніяхъ дивенъ и сладкорѣчивъ велимъ; и вразсужденіи ума зѣло смысленъ; пустошное же и гнилое слово никогда изъ устъ его исхождаше. Лице же ему было, млечною бѣлостію блистая, очи подслѣпны имѣ, возрастомъ средніи, плечи широки, мышцы толсты, тѣломъ изъ обилія и т. д.

Наконецъ третій и послѣдній отвѣтъ: Кому не нравятся эти пьесы, тотъ имѣетъ полное право не читать ихъ.

Кому угодно слѣдовать за мною въ Лейпцигъ — милости просимъ!

Я былъ одинъ въ вагонѣ, или, говоря слогомъ скромной журналистики: *насъ было — одинъ мы.*

Сначала я былъ очень доволенъ тѣмъ, что мнѣ пришлось сидѣть одному, но потомъ скука одолѣла. Не смотря на шумъ машины, я слышалъ, какъ за стѣнкой, въ другомъ отдѣленіи вагона, весело разговаривали, смѣялись... Мнѣ хотѣлось разогнать мысли о моемъ одиночествѣ, которыя становились все тягостнѣе; я готовъ былъ вступить, пожалуй, хоть въ разговоръ объ акціяхъ, о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, о большемъ или меньшемъ удобствѣ вагоновъ разныхъ компаній, лишь бы слышать человѣческій голосъ, лишь бы не быть одному...

Поѣздъ остановился. Я желалъ воспользоваться этимъ случаемъ, и пересѣсть въ другой вагонъ, но не успѣлъ опустить стекла въ дверцахъ, чтобы позвать кондуктора, какъ машина опять засвиסתѣла, застучала и рѣзкая, ледянистая струя вѣтра заставила меня поспѣшно поднять стекла.

Такимъ образомъ я путешествовалъ слишкомъ два часа, наслаждаясь обществомъ сторожей-сигнальщиковъ, подобно привидѣніямъ, мелькавшимъ передъ моими глазами, каждыя три минуты.

Мѣстоположеніе увеличивало тоску. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись безконечныя равнины, пересѣкаемыя мѣстами однообразными аллеями тополей, насажденныхъ по сторонамъ дорогъ — не желѣзныхъ — и издали походившихъ на зубцы поврежденнаго гребня.

Иногда, точно гримаса, мелькала передо мною запачканная экипонамія мальчишки, остановившагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги позвать на пролетъ длиннаго поѣзда.

Наконецъ судьба сжалась надо мною. На пятой, отъ Берли-

на, станціи, близъ мѣстечка Цана, въ вагонъ вошелъ мужчина высокаго роста, въ длиннополой бекешѣ на ватѣ, бѣломъ галстукомъ, и шляпѣ съ широкими полями.

Мы поклонились другъ-другу.

Черты моего новаго спутника имѣли серьезный, строгій характеръ шиллеровскаго типа, часто встрѣчаемаго въ Германіи и, преимущественно, въ Саксоніи. По одеждѣ, въ немъ можно было узнать пастора.

Усѣвшись, незнакомецъ вынулъ изъ глубокаго кармана своей бекешѣ фарфоровую трубку съ гибкимъ чубукомъ. Поднявъ серебряную крышку, онъ придавилъ пальцомъ пепель, удостовѣрился, что трубка, закуриваемая, быть можетъ, въ пятый разъ, не была еще докурена и, вынимая изъ кармана спички, спросилъ меня:

— Вы позволите?

Вмѣсто отвѣта я самъ досталъ сигару.

Закуривъ трубку, мой сосѣдъ протеръ запотѣвшее стекло, посмотрѣлъ на поля, потомъ опустился въ уголь, и искоса смотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вы вѣроятно, въ Лейпцигъ? спросилъ онъ меня.

— Да.

— На ярмарку?

— Развѣ тамъ теперь ярмарка?

— Нѣтъ еще; но въ Новый годъ будетъ. Впрочемъ эта самая незначительная; главные — пасхальная и михайловская. Неужели вы этого не знаете?

— Я иностранецъ.

— А! это другое дѣло. Лейпцигъ стоить посмотрѣть; это весьма замѣчательный городъ....

— Вы туда же ѣдете?

— О, нѣтъ! Я черезъ полчаса буду дома, — въ Виттенбергъ.

— Въ Виттенбергъ! вскричалъ я: а гдѣ Виттенбергъ?

Сосѣдъ мой улыбнулся. Признаюсь, мнѣ не пришло въ голову справиться съ путеводителемъ, чтобы узнать хоть имена мѣстъ, мимо которыхъ мнѣ приходилось ѣхать. Если бы я это сдѣлалъ въ Берлинѣ, то непременно бы взялъ билетъ до Виттенберга только, и провелъ бы въ этомъ замѣчательномъ городѣ день или полтора. Я объяснилъ это моему сосѣду, и просилъ его сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Я не ошибся: сосѣдъ мой былъ не только пасторъ, но и профессоръ Богословія.

Мы разговорились о могущественномъ религіозномъ переворотѣ, комыбелью котораго былъ Виттенбергъ.

Тамъ разыгралось первое дѣйствіе драмы, героемъ которой былъ — Лютеръ. Сочиненія его возбудили уже гнѣвъ папы Льва X, который требовалъ отъ саксонскаго курфюрста выдачи дерзкаго профессора Богословія недавно возникшаго виттенбергскаго университета. Курфюрстъ отвѣчалъ, что если папа или повѣренные его убѣдятъ молодого профессора въ ложности его мнѣній, то онъ самъ не замедлитъ добровольно явиться въ Римъ съ повинною.

Ободренный этимъ покровительствомъ, Лютеръ рѣшился дѣйствовать открыто, и, 10 декабря 1520 года, сжегъ буалу, которою папа отрѣшалъ его отъ церкви, какъ еретика.

«Сегодня, — пишетъ Лютеръ, — въ девятомъ часу дня, сожжены въ Виттенбергѣ, у западныхъ воротъ, всѣ книги папы: Декретъ, Декреталии и другія Климента VI, послѣдняя булла Льва X, и нѣкоторыя сочиненія Ека и Емзера. Вотъ наши новости.»

Это обстоятельство нанесло первый чувствительный ударъ могуществу папы и, разрушивъ послѣднюю надежду къ примиренію, заставило Лютера идти впередъ гигантскими шагами, и довершить начатое.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лютеръ былъ орудіемъ мелкихъ германскихъ владѣтелей и дворянъ того времени; но должно сказать, что не они сами создали себѣ это орудіе; они только воспользовались имъ для сверженія тягостнаго ига — ига, опозорившагося въ глазахъ цѣлаго міра безпорядками разнаго рода, развратомъ и, наконецъ *продажею индульгенцій*, этой финансовою хитростью главы католической церкви, которою онъ хотѣлъ пополнить казну свою, истощенную расточительностію.

Почти два столѣтія спустя послѣ упомянутого выше событія, а именно въ 1716 году, у лучшей виттенбергской гостиницы остановилось нѣсколько дорожныхъ экипажей.

Хозяинъ гостиницы низкими поклонами встрѣтилъ пріѣзжихъ, въ которыхъ онъ по разговорамъ ихъ между собою узналъ иностранцевъ.

Время было обѣденное и, къ величайшему удовольствію трактирщика оказалось, что путешественники крѣпко проголодались.

Пока готовили обѣдъ, одинъ изъ пріѣзжихъ, мужчина высокаго роста и красивой, величественной наружности, спросилъ у хозяина:

— Что есть въ вашемъ городѣ достопримѣчательнаго?

— Одна моя гостиница, отвѣчалъ хозяинъ; другаго ничего нѣтъ.

— Не можетъ быть, возразилъ путешественникъ: скажи мнѣ,

что привлекаетъ вниманіе иностранцевъ; передъ чѣмъ они останавливаются?

— Передъ моею гостинницею, отвѣчалъ опять трактирщикъ; потому—что они увѣрены, что найдутъ здѣсь хорошую прислугу, отлаченный столъ...

— О, я не о томъ тебя спрашиваю! нетерпѣливо вскричалъ путешественникъ: я хочу знать, нѣтъ ли здѣсь какихъ—нибудь древностей или памятниковъ?

— А? понимаю, понимаю; что касается до древностей, такъ врядъ вы увидите что—нибудь старѣе и грязнѣе нашего замка, принадлежавшаго прежнимъ курфюрстамъ; изъ памятниковъ же замѣчательна мѣдная гробница Лютера въ церкви замка, да еще прежде жилище Лютера, и его кабинетъ.

Путешественникъ съ живостію обратился къ своимъ спутникамъ.

— Вотъ кстати! сказалъ онъ; надобно мнѣ это посмотреть; весьма много я слышалъ объ этомъ знаменитомъ мужѣ, который для величайшей пользы своего государя, и многихъ князей, кои были умѣе прочихъ, на самого папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ... Эй, хозяинъ, поторопись, чтобы обѣдъ былъ скорѣе готовъ.

Трактирщикъ вышелъ, и не мало удивился, встрѣтивъ въ стѣнахъ идѣлую депутацію изъ духовенства и первыхъ чиновниковъ города. Одинъ изъ послѣднихъ приказалъ хозяину доложить путешественнику, что они просятъ позволенія представиться ему.

Хозяинъ повиновался, и разинулъ ротъ, когда виттенбергскія власти, будучи допущены къ прїѣзжимъ, прїѣтствовали именемъ Величества того самого, который распрощивалъ трактирщика.

Принявъ духовенство и чиновниковъ, высокій путешественникъ просилъ ихъ проводить его въ церковь замка прежде обѣда.

— Это обстоятельство очень понравилось трактирщику, который рѣшился воспользоваться этимъ временемъ для приготовленія пышнаго обѣда.

Путешественникъ между тѣмъ отъразился со своею святою въ церковь замка. Тамъ онъ остановился передъ гробницею Лютера.

Изъ церкви, путешественники отправились въ покои, гдѣ жилъ Лютеръ. Тамъ, въ кабинетѣ рессоратора, путешественники увидѣли на стѣнѣ большое чернильное пятно.

— Это что такое? спросилъ онъ.

— Ваше Величество, отвѣчалъ слѣдовавшій за нимъ бурго-

мистръ, города: однажды Лютеръ былъ такъ углубленъ въ свои занятія, что не замѣтилъ, какъ наступила полночь. Вдругъ во мракѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, послышался шорохъ. Лютеръ оглянулся... за нимъ стоялъ дьяволъ, который разными кривляньями и соблазнами старался запутать, сбить съ толку ученаго мужа.

— *Vade satto*, то-есть — отъиди! крикнулъ искусителю Лютеръ.

Но дьяволъ не повиновался.

Лютеръ крикнулъ на него другой, третій разъ, но видя, что злой духъ продолжалъ свои кривлянья, онъ сердито схватилъ со стола чернильницу и пустилъ ее въ дьявола...

Вотъ происхожденіе этого пятна, которое и понынѣ невозможно смыть.

Путешественникъ громко засмѣялся.

— Ноужели, сказалъ онъ: сей разумный мужъ вѣрилъ, что дьявола видѣть можно?

— Ваше Величество, возразилъ одинъ изъ пасторовъ, сопровождавшихъ высокаго гостя: позвольте вамъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ появленіе дьявола была одна мечта воображенія, напряженнаго глубокими умственными занятіями..!

— Вотъ этому повѣрить можно, возразилъ путешественникъ. Скажите мнѣ, что значать эти имена, которыми сверху до низу исписана эта стѣна?

— Эти имена иностранцевъ, посѣщавшихъ этотъ покой...

— Такъ и мнѣ надобно написать свое имя, сказалъ путешественникъ и, вынувъ изъ кармана карандашъ, написалъ возлѣ чернильнаго пятна русскими буквами:

ПЕТРЪ.

И понынѣ посреди круглой, взвышенной, жестяной оправы, за желѣзною рѣшеткою, сохранилась эта надпись... Виттенбергскіе жители берегутъ, какъ святыню, имя политическаго преобразователя Россіи, написанное на стѣнѣ покоя религіознаго преобразователя большей части Германіи...

Легенда чернильнаго пятна характеризуетъ духъ того времени. Средніе вѣка рѣзко отдѣляются отъ предшествовавшихъ имъ, древнихъ вѣковъ; дьяволы заступаютъ мѣсто мнѣологическихъ боговъ, отчаянные рыцари замѣняютъ героевъ, колдуны — мудрецовъ. Но каждое подобное вѣрованіе имѣетъ своего героя, преданія олицетворяются въ одномъ человѣкѣ; и этотъ человѣкъ, этотъ герой, назовите его Атилой и Карломъ Великимъ, образуетъ средоточіе событій цѣлаго ряда вѣковъ. Такъ

точно и идея вѣка проявляются въ одномъ какомъ-либо сочиненіи: римское право — въ пандектахъ; философія — въ сочиненіяхъ Аристотеля; наконецъ и колдовство имѣетъ своего центрального героя, и свой кодексъ — это Фаустъ и его хроника.

Хроника Фауста родилась, какъ кажется, въ Виттенбергѣ. Я говорю не о Фаустѣ Гёте, великомъ поэтическомъ произведеніи девятнадцатаго столѣтія, грозномъ зеркалѣ, въ которомъ человѣкъ нашего вѣка отражается со своею жаждою познаній, со своими обманутыми надеждами, съ сердечною и умственною пустотою... я говорю о первобытной хроникѣ, идея которой далеко не такъ глубока, какъ идея творенія Гёте, но которая служитъ яснымъ отраженіемъ направленія идей шестнадцатаго вѣка, и оправданіемъ нѣкоторыхъ странностей Лютера.

Однажды, разговаривая съ пріятелями о Фаустѣ, Лютеръ сказалъ серьезно:

«Дьяволъ не смущаетъ меня мірскими обольщеніями потому, что знаетъ, что я на нихъ не падоку; но онъ хватаетъ меня за голову, то есть смущаетъ мой умъ. Онъ часто такъ неотвязчивъ, что я прихожу въ отчаяніе. Ночью, во время бессонницы, часто навѣщаетъ меня дьяволъ, пускается со мною въ диспутъ, и внушаетъ мнѣ странныя мысли... Чѣмъ болѣе я разгорячаюсь, тѣмъ настойчивѣе становится дьяволъ. Наконецъ, я понялъ, что спокойное, твердое убѣжденіе, презрѣніе или насмѣшки, суть вѣрнѣйшія средства отдѣлаться отъ непріятнаго общества.

«Такъ, напримѣръ, однажды онъ явился мнѣ ночью, и сталъ убѣждать меня отдаться ему, потому-что я уже столько согрѣшилъ предъ Господомъ, что отъ Него помилованія ждать не могу.

«Вмѣсто отвѣта, я отвернулся отъ дьявола. Онъ обидѣлся, и исчезъ.

«Въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ:

— Ты великій грѣшникъ.

«Я отвѣчалъ ему:

— Скажи лучше что-нибудь новенькое, сатана; я давно, и безъ тебя знаю, что я грѣшникъ.

— Опомнись....

— *Medice, cura te ipsum*; лекаръ, вылечи самого себя!

— Выслушай меня....

— Убирайся во-свои; я хочу спать. Господь велитъ намъ трудиться днемъ, и отдыхать ночью.

«Однажды вечеромъ я молился передъ отходомъ ко сну; вдругъ слышу за собою хрюканье свиньи. Это дьяволъ мѣшалъ

миѣ молиться; но я не испугался, и не потерялъ присутствія духа.

«Сатана, сказалъ я, не оборачиваясь: по дѣломъ вору я мука; но наденія твоего ты былъ прекраснымъ ангеломъ, и теперь сдѣлался гадкой свиньей.

«Въ то же мгновеніе дьяволъ пересталъ хрюкать, потому что онъ терпѣть не можетъ, чтобы его презирали....»

Эти рассказы служатъ наивнымъ олицетвореніемъ духовной борьбы добра со зломъ. Это ничто иное какъ иносказанія, которыми Лютеръ дѣйствовалъ по видимому на своихъ современниковъ, оставаясь въ духѣ понятій ихъ.

Продать душу дьяволу считалось съ началъ шестнадцатаго вѣка дѣломъ весьма возможнымъ. Стояло только въ полночь пригласить духа твоего, заключить съ нимъ условіе на известное число лѣтъ, и известную сумму подписать это условіе кровію—и дѣло въ шляпѣ.

Извѣстный французскій историкъ Мишлѣ говоритъ, что Лютеръ своими легендами поддерживалъ эти вѣрованія. Это несправедливо. Мишлѣ не выкинулъ или не хотѣлъ выкинуть въ настоящій смыслъ легендъ, рассказанныхъ Лютеромъ.

— Приведу въ примѣръ двѣ легенды:

Молодой человѣкъ, беспорядочнаго, распутнаго поведенія, пьянствовалъ однажды въ шинкѣ съ пріятелями. Когда у него не стало денегъ, онъ сказалъ, что если бѣ кто-нибудь предложитъ ему порядочную сумму, то онъ охотно продастъ бы свою душу....

Нѣсколько минутъ спустя въ шинокъ вошелъ незнакомецъ, подселъ къ молодому человѣку, поэтчивалъ его виномъ и, наконецъ, спросилъ, точно ли онъ согласенъ продать душу.

— Да, смѣло отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Незнакомецъ отсчиталъ ему значительную сумму денегъ; потомъ, обратившись ко всѣмъ присутствовавшимъ, спросилъ:

— Господа, кто покупаетъ лошадь, тому принадлежитъ и сѣдло, и уздечка; не правда ли?

Присутствовавшіе испугались этихъ словъ и сначала не хотѣли отвѣчать; но когда незнакомецъ грозно повторилъ свой вопросъ, тогда они сказали:

— Да, сѣдло и уздечка тоже принадлежать ему.

Въ то же мгновеніе незнакомецъ схватилъ молодого человека и улетѣлъ съ нимъ сквозь потолокъ.

Служить ли этотъ рассказъ подтвержденіемъ нелѣпыхъ вѣрованій? Да, если обратить вниманіе только на то, что *морис со- стоялся*. Но въ слѣдствіе хроникъ дьяволъ надѣляется продавшя-

го душу всѣми земными благами, онъ становится на время рабомъ его, исполняетъ малѣйшія желанія, малѣйшія прихоты его. Эту-то заманчивую сторону преступленія Лютера энергически опровергаетъ въ своей легендѣ; между продажей души и тѣлѣнть промежутка: послѣднее немедленно слѣдуетъ за первымъ...

Въ другой легендѣ Лютеръ даетъ урокъ людямъ, произносящимъ часто имя дьявола, сатаны, черта.

Воинъ, отправляясь въ походъ, оставилъ хозяину, у котораго онъ квартировалъ, значительную сумму денегъ на сохраненіе.

Воротившись изъ похода, воинъ сталъ требовать свои деньги; но безчестный хозяинъ отвѣчалъ, что онъ никогда ничего не оставалъ ему.

Воинъ приколотилъ хозяина; послѣдній пожаловался; несчастный воинъ, за нарушеніе гостепріимства, былъ посаженъ въ темницу и приговоренъ къ смерти.

На кануиъ два казни явился къ нему дьяволъ.

— Завтра ты будешь казненъ, сказалъ онъ; продай мнѣ душу, я спасу тебя.

Воинъ не согласился.

— Послушай, сказалъ ему дьяволъ: если ты не хочешь продать мнѣ душу, такъ послѣдуй хоть моему совѣту. Завтра, когда ты явишься передъ судьями, я встану возлѣ тебя, въ синей шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Попроси тогда судей, чтобы они позволили мнѣ быть твоимъ защитникомъ, и я выручу тебя.

На другой день воинъ послѣдовалъ совѣту дьявола.

Хозяинъ продолжалъ отпираться.

— Другъ мой, сказалъ адвокатъ въ синей шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, — какъ тебѣ не стыдно лгать? Я знаю наизвѣрное, что ты получилъ деньги; я даже знаю, гдѣ ты спряталъ ихъ....

— Говори, коли знаешь! дерзко вскричалъ хозяинъ.

— Онъ спрятаны въ твоей кровати, подъ подушкой. Господа судьи, пошлите удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ.

— Это ложь! Что бѣ меня чортъ побралъ, если я получилъ деньги! вскричалъ хозяинъ видя себя отъ ярости.

Стражи, посланные отъ судей, нашли деньги на указанномъ мѣстѣ, и принесли ихъ къ судьямъ.

Тогда адвокатъ въ синей шляпѣ съ бѣлымъ перомъ сказалъ, злобно усмѣхаясь:

— Я зналъ, что одинъ изъ двухъ не минуешь моихъ рукъ.

Съ этими словами онъ свернулъ шею хозяину, и провалился съ нимъ сквозь землю.

Ограничиваюсь этими примѣрами. Я, кажется, употребилъ на

оправданіе чернильнаго пятна на стѣнѣ кабинета Лютера столько же чернилъ, сколько сторожъ употребляетъ ихъ на подновленіе несмыслагомаго пятна.

Поездъ остановился у красивой новой станціи, въ одной изъ залъ которой гремѣла музыка.

— Пятнадцать минутъ! произнесъ кондукторъ, отворивъ двери вагона.

Мы вышли на терассу станціи.

Въ полуверствѣ лежалъ Виттенбергъ.

— Видите эту стѣну мрачнаго вида и высящуюся надъ нею башню со шпилемъ? Это часть замковой церкви. Въ ясную погоду можно видѣть отсюда окна комнаты Лютера.

Я поблагодарилъ пастора за пріятную бесѣду; онъ пригласилъ меня къ себѣ, если мнѣ случится быть въ Виттенбергѣ, и мы разстались.

Я употребилъ съ пользой четверть часа отдыха, и видѣлъ три вещи: башню и часть стѣны замковой башни въ Виттенбергѣ, станцію и—чашку бульона. Съ послѣднимъ я очень желалъ познакомиться поближе, но въ то самое мгновеніе, когда температура его позволила мнѣ приступить къ болѣе близкому знакомству—раздался второй звонокъ.

Первый звонокъ — предостереженіе; второй—выговоръ; третий—наказаніе.

На кого не дѣйствуетъ второй звонокъ, тому путь въ вагонъ прегражденъ.

Не отвѣдавъ бульона, я унесъ съ собою горестное утѣшеніе, что—по крайней мѣрѣ, заплатилъ за него впередъ. Если содержатели станцій на желѣзныхъ дорогахъ всѣмъ подають такой горячей бульонъ, то одной чашкой они могутъ прокормить цѣлую Германію, и оправдать такимъ образомъ слова одного умнаго и ученаго путешественника, который очень серьезно увѣрять, что во всей Германіи видѣлъ только одну корову.

Въ вагонѣ засѣдали уже два почтенные Нѣмца. Безъ уваженія къ моему дорожному мѣшку, служившему, подобно сапогу Карла XII, представителемъ моего мѣста, новые спутники мои заняли лучшія мѣста.

Когда машина тронулась, одинъ изъ моихъ сосѣдей вынулъ часы.

— Три четверти третьяго, сказалъ онъ.

Другой заглянулъ въ дорожную таблицу и отвѣчалъ:

— Аккуратно.

Потомъ наступило молчаніе, продолжавшееся до слѣдующей станціи.

Тавъ первый опять посмотрѣлъ на часы.

— Семнадцать минутъ четвертаго, сказалъ онъ.

— Двумя минутами опоздала, отвѣчалъ другой, справившись съ таблицей.

На этой станціи къ намъ впустили еще одного путешественника, человека невысокаго роста, съ маленькими, живыми сѣрыми глазами и носомъ, который могъ бы показаться наклееннымъ, если бы мы были на маскарадѣ. Новый спутникъ захватилъ шинелью за мой мѣшокъ и уронилъ его.

— Экскурзе, сказалъ онъ, обращаясь къ господину съ таблицей, вѣроятно потому, что мѣшокъ лежалъ возлѣ него.

— Ничего, отвѣчалъ преспокойно господинъ съ таблицей.

Я поднялъ мѣшокъ и положилъ его возлѣ себя.

— Ахъ, экскурзе! повторилъ длинноносый, угадавъ, что мѣшокъ принадлежалъ мнѣ. Кто изъ васъ, господа, въ Лейпцигъ? прибавилъ онъ, осмотрѣвшись.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ага! такъ мы съ вами вмѣстѣ....

Завязался пустой разговоръ, который съ прибытіемъ на слѣдующую станцію былъ прерванъ двумя лаконическими замѣчаніями нашихъ молчаливыхъ сосѣдей.

— Ровно три четверти четвертаго, сказалъ одинъ.

— Догнали, отвѣчалъ другой.

— Мы уже не въ Пруссіи, сказалъ длинноносый.

— А гдѣ же? спросилъ я.

Молчаливые съ изумленіемъ и почти презрѣніемъ посмотрѣли на меня.

— Мы въ ангальтъ-дессаускомъ герцогствѣ, сказалъ господинъ съ таблицей.

Признаюсь, что я никогда не могъ умѣстить въ памяти своей географическаго положенія и даже названій безчисленнаго множества мелкихъ государствъ германскаго союза.

Мнѣ ужасно хотѣлось узнать имя владѣтеля страны, въ которую я въѣхалъ, но я боялся обидѣть молчаливыхъ, которые, по видимому, были *Ангальтъ-Дессаусцы*. Наконецъ любознаніе взяло верхъ и я спросилъ:

— А какъ зовутъ герцога?

— Леопольдомъ, сухо отвѣчалъ господинъ съ часами.

Опять наступило молчаніе. Даже длинноносый прекратилъ со мною разговоръ, боясь вѣроятно окомпрометировать себя съ такимъ невѣждой.

Слѣдующая станція находилась близъ столичнаго города гер-

цогства. Въ сумерки я могъ рассмотреть только лучу бѣлыхъ аданій.

Тутъ господинъ съ часами расстался съ нами, пресѣвшись только съ госпожиномъ съ таблицей.

Когда машина тронулась, послѣдній обратился ко мнѣ:

— Какой часъ?

— Четыре часа, отвѣчалъ я.

— Аккуратно.

Нѣсколько минутъ спустя, желая примириться съ молчаливымъ, показавъ участіе къ его горюгу, я рѣшился заговорить съ нимъ.

— Судя по красивымъ селеніямъ, мнѣ которыхъ мы проѣжаемъ, крестьяне должны быть здѣсь очень достаточны.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ господинъ съ таблицей, покажи-мнѣ-ка. Крестьяне здѣсь лѣнны.

— Они занимаются хлѣбопашествомъ!

— И-скотоводствомъ; но финансы здѣсь въ упадкѣ; доходу всего 300 тысячъ гульденовъ*, а государственнй долгъ проецируется за волтора милліона гульденовъ.

— Отчего это?

— Отчего? спросите герцога Гейнриха.

— Леопольда, сказалъ я, думая поправить моего спутника.

— О, нѣтъ; герцогство Леопольда въ цвѣтущемъ состояніи.

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго.

— Развѣ мы проѣхали Ангальтъ-Дессау? спросилъ я.

— Разумѣется; мы теперь въ ангальтъ-кѣтенскомъ герцогствѣ.

Въ четыре часа три государства.

Мы вѣхали въ Кѣтенъ, столицу герцогства. Здѣсь кончается берлино-ангальтская желѣзная дорога, и пассажиры должны ждать прибытія магдебурго-лейпцигскаго поѣзда.

Ждать приходится три четверти, а иногда и цѣлый часъ.

Спекуляція воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и выстроила возлѣ станціи великолѣпную гостиницу, съ широкимъ полукруглымъ крыльцомъ, колоннами, венеціанскими окнами, цвѣтными стеклами и т. п.

Поручивъ наши вещи комиссіонеру, мы трое пошли къ гостиницѣ.

— Вы съ нами обѣдаете? спросилъ длинноносый господинъ съ таблицей.

— Нѣтъ, я черезъ полчаса буду дома; притомъ же мнѣ некогда, поѣздъ сейчасъ отправится.

* Гульденъ=82 коп. серебра; иногда болѣе, иногда менѣе, смотря по мѣстности.

— Какъ сейчасъ? вскричалъ я съ безпокойствомъ: мнѣ сказали, что намъ придется прождать около часу.

— Вамъ, но не мнѣ; я ѣду въ другую сторону по рукаву желѣзной дороги, приближающему къ главному тракту.

— А куда ведетъ этотъ рукавъ?

— Къ самой резиденціи герцога Александра.

— Какъ вы изволили сказать?

— Къ самой резиденціи герцога Александра.

Еще герцогъ! Я сталъ въ тушкѣ.

— Стало быть, сказала я, вы не *Ангальтъ-Кетенецъ*?

— Нѣтъ; я *Ангальтъ-Бернбургецъ*.

И такъ я въ четыре часа времени проѣхалъ часть Пруссіи, промчавшись черезъ два герцогства: Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кетень, коснулся границъ герцогства ангальтъ-бернбургскаго и, наконецъ, скоро буду въ Саксоніи!...

Географія Германіи начинается по-маленьку умѣщаться въ моей памяти.

Скоро, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, ученики будутъ проходить географію на практикѣ. Шести недѣль будетъ достаточно, чтобы выучить географію всей Европы.

Длинноносый заказалъ обѣдъ для двоихъ.

Въ Германіи, Рождество главный праздникъ въ году. Наканунѣ этого дня вы, во всякомъ семействѣ, бѣдномъ и богатомъ, непременно увидите елку, обставленную игрушками и подарками. Вся лютеранская Германія радуется, веселится; господа, слуги, даже домашнія животныя принимаютъ участіе въ общемъ веселіи, изъ котораго исключены только — потомуки спасителей Рама.... Эти несчастныя существа являютъ на сцену только въ самый день Рождества, начиненныя трюфлями, яблоками, черносливомъ, картофелемъ или капустой.

И въ первые дни Рождества вы на картѣ каждой гостинницы увидите подъ рубрикой *жаркое*, на первомъ мѣстѣ:

Индѣйка.... Читай: *гусъ*.

Заказавъ обѣдъ, мой длинноносый спутникъ спросилъ кельнера съ видомъ человѣка, знакомаго съ мѣстностью:

— А что тамъ, наверху?

— Начинается, — *Es geht los*, — отвѣчалъ кельнеръ.

— Много птицъ?

— Теперь еще немного; но къ осьмому часу слетятся.

Этотъ загадочный разговоръ заставлялъ меня спросить моего спутника какого роду птицы слетаются тамъ, наверху.

— А! вы не знаете, сказавъ длинноносыи, засмѣявшись: пойдите, я покажу вамъ.

Широкая, чистая лѣстница, устланная ковромъ и уставленная по обѣимъ сторонамъ цвѣтами и дорогими растеніями, вела во второй этажъ гостиницы.

Въ прихожей насъ встрѣтилъ лакей въ ливреѣ съ аксельбантами, и принявъ отъ насъ шляпы, давъ намъ въ заѣздъ контр-марки.

Мы вошли въ обширную залу, богатоубранную, съ золочеными картинами, красными занавѣсками у оконъ, паркетнымъ поломъ и изящною мебелью краснаго дерева съ бархатными подушками. По обѣимъ сторонамъ залы стояли въ симметрическомъ порядкѣ раскрытые столики, назначеніе которыхъ могъ бы угадать всякій, кто умѣетъ отличать туза отъ десятки. Въ концѣ залы вокругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько мужчинъ.

Одинъ изъ нихъ, съ черными усами, закрученными вверхъ, молча и улыбаясь раскладывалъ карты. Прочіе слѣдили за всѣми движеніями его съ боязненнымъ ожиданіемъ....

Во второй залѣ было еще нѣсколько столовъ, за которыми сидѣли болѣе благоразумные игроки, и, наконецъ, рулетка, окруженная толпой.

И такъ во второмъ этажѣ гостиницы былъ привилегированный, открытый игорный домъ.

Признаюсь, одно это названіе по сію пору внушаетъ мнѣ непобѣдимый страхъ. Я всегда представлялъ себѣ игорный домъ чѣмъ-то грязнымъ, неопытнымъ, мрачнымъ; я думалъ, что игорный домъ долженъ быть таковъ, чтобы контрастъ между мрачнымъ видомъ его и грудями золота на зеленомъ сукнѣ сильнѣе дѣйствовалъ на бѣдняка, и чтобы грязныя стѣны напоминали ему о его бѣдности, изъ которой одна изъ грудъ золота, небрежно брошеннаго на зеленое сукно, могла извлечь его....

Въ Кёгенѣ же содержатели дома слѣдуютъ другой системѣ: великолѣпнѣе и роскошнѣе хотя бы они ослѣпить, завлечь безхарактернаго бѣдняка или жаднаго корыстолюбца....

Но какъ ни наряжайте скелетъ, онъ все-таки останется страшнымъ остовомъ; окутайте черепъ его кружевами и блондами, въ страшныхъ орбитахъ не блеснетъ искра жизни; отъ безобразныхъ челюстей не ждите улыбки....

Какъ не украшайте игорный домъ, вы не изгоните изъ него мрачной идеи, которая проявляется во всѣхъ предметахъ, собственно къ нему принадлежащихъ, на лицахъ и въ походкѣ посѣтителей, въ пріемахъ и въ взглядахъ банкометовъ; грозной идеи

беззаконнаго обращенія денегъ, идеи случайнаго выигрыша, купленнаго столямики проигрышами.... А проигрышъ въ игорномъ домѣ почти всегдашній предшественникъ горя, отчаяннѣ, преступленія.

Терпимость игорнаго дома въ Кётенѣ объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, почему долгъ этого герцогства находится въ такой несообразности съ доходами.

Благодаря желѣзной дорогѣ, множество Пруссаконъ и Саксонцевъ прѣзжаютъ въ Кётенъ, попытать счастья. Желая отаратить зло, прусскій король обращался къ кётенскому герцогу съ приглашеніемъ закрыть игорный домъ.

Герцогъ Гейнрихъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ исполнитъ желаніе короля, если послѣдній уничтожитъ оному прусскую лоттерей, доставляющую королевству огромный доходъ.

И лоттерей и игорный домъ существуютъ понынѣ,

Я сомелъ внизъ съ тягостнымъ чувствомъ.

Едва мы отобѣдали, какъ комиссіонеръ увѣдомилъ насъ, что магдебургскій поѣздъ прибылъ.

Десять минутъ спустя, мы сидѣли въ вагонѣ, освѣщенномъ фонаремъ, вставленнымъ сверху и служащимъ для двухъ отдѣленій. Во мракѣ поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ имѣеть ужасный видъ. Впереди мчится шума и пыхта машина, оставляя за собою длинное, красное облако искръ; за машиной тянется черная полоса, усѣянная звѣздочками свѣта отъ внутреннихъ фонарей.... То извиваясь подобно гигантской змѣѣ, то растягиваясь прямой черной полосой, то неслась на возвышеннн, то скрываясь въ мрачномъ лѣсу; летитъ чудовище; и вспуганные птицы, задѣшавшія на сучкѣ или подъ крышей кижины, съ жамобныиъ крикомъ вспархиваютъ и улетаютъ вдалѣ....

Спутникъ мой опустился въ уголъ, собирався соснуть послѣ обѣда. Я послѣдовалъ его примѣру. Однообразный шумъ и постукиваніе скоро бы убавляли меня, еслибъ меня не разведкала тѣнь носа моего спутника, которая длинною полоскою ложилась на подушки и при малѣйшемъ движеніи владѣтеля носа вытягивалась болѣе и болѣе....

Наконецъ я заснулъ.

Мнѣ сплился странныя вещи. Я былъ въ игорномъ домѣ и поставилъ русскій гривенникъ. Всѣ окружающіе съ такимъ почтеніемъ посматрѣли на меня, какъ будто бы я высыпалъ цѣлый миллионъ.

— Вы выиграли! вскричалъ банкометь.

И страшный гулъ пронесся по залѣ. Все запрыгало, заплакало;

тресовый валетъ пустился плясать съ мраморнымъ каминомъ; бубновая дама съ носомъ моего спутника; стулья съ кресламъ, столы съ замазвѣсками... Жирный откормленный гусь игралъ на кларнетѣ; Гиттерлахъ дулъ въ инструментъ, похожій на пожарную трубу.

Тутъ же явились мои спутники, съ часами и таблицей.

Потомъ мнѣ подвезли машину и я сѣлъ на трубу. Нѣсколько секундъ спустя, мы прѣехали и я съ ужасомъ замѣтилъ, что ошибся и сѣлъ на машину, которая преспокойно возвращалась въ Берлинъ...

Постукиваніе колесъ по рельсамъ усыпили, неподвижность и тишина разбудили меня.

— Десять минутъ! вскричалъ кондукторъ, отворяя дверцы.

— Гдѣ мы? спросилъ я моего спутника, протирая глаза.

— Въ Пруссіи, отвѣчалъ онъ.

— Въ Пруссіи! вскричалъ я съ испугомъ, вспомнивъ свой сонъ.

Длинноносый кивнулъ головою и мнѣ показалось, что онъ злободушно улыбался, смотря на меня.

О томъ, какимъ образомъ я опять попалъ въ Пруссію, разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

Три ангалтскія герцогства составляютъ какъ бы острова, лежащіе посреди прусской Саксоніи.

Вотъ почему я изъ Кётена попалъ опять въ Пруссію.

Владѣнія ангалтскаго дома не составляютъ одного цѣлаго, а раздроблены на двѣ главные и шесть меньшихъ частей, и занимаютъ пространство около 500 квадратныхъ верстъ, на которомъ находятся 27 городовъ, 8 мѣстечекъ, 340 селеній и 150 тысячъ жителей.

Владѣнія эти составляли встарину часть Остерланда, провинціи тюрингенскаго королевства, принадлежавшаго Саксонцамъ, союзникамъ Франковъ; но древнія названія кантоновъ, составлявшихъ эту провинцію, свидѣтельствуютъ о томъ, что Славяне или Венеды владѣли этой страной.

Нынѣшніе владѣтели относятъ начало происхожденія своего рода къ половинѣ шестаго столѣтія, но исторія упоминаетъ о предкахъ ихъ только въ началѣ одиннадцатаго столѣтія. Одинъ изъ нихъ завладѣлъ землею Славянъ или Сербовъ, которая по сію пору сохранила названіе *Цербста*. Городъ этого названія

сдѣлался столицей и средоточіемъ всею государства, которое въ началѣ пятнадцатаго столѣтія раздѣлилось на Цербстъ-Кѣтенъ и Цербстъ-Дессау.

Вскорѣ эти двѣ вѣтви слились опять въ одну, цербстскую, представители которой были, во время реформациі, ревностнѣйшими приверженцами Лютера, и принимали дѣятельное участіе въ войнахъ шестнадцатаго вѣка. Одинъ изъ цербстскихъ князей Іоахимъ-Эрнестъ выстроилъ замокъ въ Дессау и основалъ гимназію въ Цербстѣ.

Іоахимъ-Эрнестъ оставилъ шестерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій царствовалъ сперва одинъ, по случаю малолѣтства своихъ братьевъ.

Въ 1606 году, когда послѣдніе достигли совершеннолѣтія, они приступили къ мирному раздѣлу. Одинъ изъ братьевъ добровольно отказался отъ своей доли и цербстское княжество было раздѣлено на четыре части: Дессау, Беррибургъ, Цербстъ и Кѣтенъ. Общими остались поземельные налоги, рудокопни, развалины родового ангальтскаго замка, цербстская гимназія и нѣкоторые другія права.

Братъ, отказавшійся отъ своей доли, оставилъ однакожъ, за собою право вступать во владѣніе первой долей, владѣтельная линия которой пресѣчется.

Во избѣжаніе безконечнаго раздробленія, новые владѣтели постановили маіоратство.

Замѣчательно обліженіе цербстскаго княжества съ Россією.

Въ 1725 году дочь Петра I Анна вступаетъ въ бракъ съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ.

Вскорѣ затѣмъ сестра послѣдняго, Іоанна, выходитъ за-мужъ за принца ангальтъ-цербстскаго.

Братъ герцога голштейнскаго, князь, епископъ любскій, нареченъ около того же времени женихомъ Цесаревны Елисаветы Петровны, но умираетъ вскорѣ послѣ смерти Екатерины I.

Этотъ ударъ, постигнувшій Елисавету на осьмнадцатомъ году ея возраста, оставляетъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ ея.

Въ 1728 году у герцога голштейнскаго родился сынъ, *Карль-Петръ-Ульрихъ*,

Въ 1729 году у принцессы ангальтъ-цербстской родилась дочь, *Софія-Августа*.

Елисавета вступила на престолъ. Сердце ея сохраняло привязанность ко всѣмъ близкимъ нареченному жениху ея, преждевременно скончавшемуся. Чтобы обезпечить внутреннее спокойствіе имперіи и утвердить наследіе престола, Елисавета вызываетъ въ Россію сына Анны Петровны, сына герцога голштейнскаго.

Въ 1742 году Карлъ-Петръ-Ульрихъ названъ Великимъ-Княземъ и наследникомъ, подъ именемъ *Петра Теодоровича*.

Елисавета этимъ не удовольствовалась. У князя, эпископа любскаго осталась еще-сестра и — въ 1744 году принцесса ангальт-цербстская прѣзжаетъ въ Москву, съ дочерью Софією-Августою.

Послѣдняя въ томъ же году наречена невѣстой наследника, приняла грекороссійскій законъ, помазана святымъ миромъ, и наименована Великою-Княжною *Екатериною Александровною*.

Въ 1745 году совершешъ бракъ.

Въ 1761 году вступилъ на престолъ Петръ III Теодоровичъ.

Въ 1762 году Петръ III уступилъ престолъ своей супругѣ *Екатеринѣ II*.

Принцесса незначительнаго княжества, основаннаго Славянами, сдѣлалась Россійскою Императрицею и заслужила отъ потомства наименованіе *Великой*....

Цербстскій домъ угасъ въ 1793 году и владѣнія его были раздѣлены между тремя другими отраслями ангальтскаго рода.

Въ настоящее время существуютъ только три герцогства, управляемыя тремя герцогами, имѣющими во владѣніяхъ своихъ неограниченную власть, хотя владѣнія эти составляютъ одно общее, нераздѣльное. Они принадлежатъ къ германскому союзу, въ которомъ, имѣетъ съ Ольденбургомъ и Шварцбургомъ, имѣютъ *пятнадцатый* голосъ. Всѣ три герцога имѣютъ одинакій гербъ и связаны между собою родственными договоромъ.

Самое незначительное изъ трехъ герцогствъ *ангальт-кѣтенское*. Оно раздѣлено на двѣ части Эльбой; имѣетъ около 160 квадратныхъ верстъ пространства и 40,000 жителей, занимающихся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Земля плодородна, но жители беспечны, лѣнны.

Доходы простираются до 200,000 рублей серебра, а долгъ до милліона рублей серебра. Въ послѣднемъ обвиняютъ покойнаго герцога, который оставилъ свое государство, уѣхалъ въ Парижъ, принялъ тамъ католическую вѣру и велъ жизнь расточительную.

Нынѣ царствуетъ герцогъ *Гейнрихъ*.

Ангальт-Бернбургъ раздробленъ прусскими владѣніями на нѣсколько мелкихъ частей, которыя въ общемъ имѣютъ около 176 квадратныхъ верстъ пространства и 46,000 жителей. Нижняя часть, лежащая на лѣвомъ берегу Саалы, представляетъ плодородную равнину; верхняя, занимающая часть Гарца, гориста, лѣсиста и живописна. Послѣдняя часть богата рудниками и заводами.

Доходы простираются до 300 тысячъ рублей серебромъ; долгъ превышаетъ ежегодный доходъ, 150 тысячами рублей.

Столица *Герцбургъ* лежитъ въ нижней части. Обыкновенное же мѣстопробываніе герцога *Александра* въ *Балленштедтъ*, красивомъ городѣ, находящемся въ горахъ.

Амальтъ-Дессау, самое обширное и значительное изъ трехъ герцогствъ, состоитъ также изъ нѣсколькихъ частей, лежащихъ по берегамъ Эльбы и Мулды. Оно имѣетъ 66,000 жителей, на пространствѣ 180 квадратныхъ верстъ. Промышленность, хлѣбное богатство и скотоводство въ цветущемъ состояніи, которому значительно способствуетъ желѣзная дорога, для проведенія которой герцогъ не жалѣлъ пожертвованій.

Доходы простираются до 350 тысячъ рублей серебра, а долгъ до 365 тысячъ.

Настоящая столица герцога *Леопольда Дессау*, на Мульдѣ; древняя столица *Цербстъ*.

Принцы этой линіи съ давнихъ временъ славятся какъ отличные полководцы. *Леопольдъ I*, прозванный *Старымъ-Дессаусцемъ*—*Alter-Dessauner*—прославился въ семилѣтней войнѣ своимъ мужествомъ и воинскими способностями.

Каждое изъ этихъ герцогствъ должно выставить въ случаѣ войны известное число воиновъ въ германскій союзъ: Кетентъ 367 человекъ; Бернбургъ 370; Дессау 529.

Безконечное раздробленіе Германіи понятно въ средніе вѣка, когда каждый бралъ, что могъ, но въ наше время это анахронизмъ, который оправдывается только уваженіемъ, питаемымъ Нѣмцами къ собственности и — еще другою причиною: укоренившюся ненавистью между разными германскими племенами.

Нѣмецкіе публицисты-гуманисты кричатъ теперь о единствѣ Германіи.

Это единство, осуществленное на короткое время *Карломъ Великимъ* и составлявшее мечту *Оттона Великаго*, *Генриха III*, *Генриха IV*, *Карла V* и *Фердинанда III*, сдѣлалось теперь рѣшительно невозможнымъ. *Общая отчужденная* жива еще въ народахъ, въ литературѣ, но она исчезла въ политическомъ порядкѣ.

Нѣтъ, Германія не достигнетъ единства, котораго она тщетно добивается не годъ, не десять лѣтъ, а десять столѣтій!

Реформація и *Наполеонъ* не могли исполнить этого подвига, хотя и сдѣлали многое, а именно изъ 390 мелкихъ государствъ составили 40!

Ненависть, о которой я уже упоминалъ, препятствуетъ соединенію.

Саксонцы ненавидятъ Пруссаковъ, Баварцы не терпятъ Сак-

сошдцевъ, баденскіе жители не любятъ Баварцевъ и такъ да-
лѣе.

Найдите причины этой ненависти, истребите ихъ и тогда, *быть
можетъ*, вы достигнете осуществленія мечты *германскаго един-
ства*.

Поэтическая Германія, созданная и описанная Клопштокомъ,
пробудила на игнореніе юное германское поколѣніе; оно муже-
ственно возстало противъ нашествія иноземныхъ. Но это
была одна молнія, одна вспышка..... Наполеонъ палъ и Гер-
манія опять погрузилась въ міръ мечтаній, изъ котораго на
время вызвала ее повѣія Клопштока.....

Часть Пруссіи, черезъ которую мы проѣзжали, составляла
прежде саксонское герцогство, уступленное прусскому королю
въ 1815 году по вѣнскому трактату. Главный городъ этой про-
винціи *Магдебургъ*, а университетскій городъ — *Галле*.

У послѣдняго остановился поѣздъ, когда я проснулся.

Галле, городъ, лежащій на правомъ берегу Саалы, довольно
гразенъ и *незвращемъ*. Самое замѣчательное въ немъ универ-
ситетъ, основанный въ 1694 году профессоромъ юриспруденціи
Томасіусомъ, перешедшимъ сюда изъ Лейпцига, въ слѣдствіе
богословскихъ распрій, возникшихъ между нимъ и другими про-
фессорами лейпцигскаго университета.

Наполеонъ два раза закрывалъ галльскій университетъ, но
въ 1815 году прусскій король восстановилъ его и перевелъ сю-
да же зиттенбергскій университетъ.

Въ Галле замѣчательны *саламы*, самыя древнія и богатыя
соляныя копи въ Германіи.

Галлоры, работники на этихъ копяхъ считаются потомками
Славянъ, первобытныхъ обитателей этой страны. Они и по-
нынѣ отличаются отъ Саксонцевъ мощнымъ сложеніемъ тѣла,
высокимъ ростомъ, правильными чертами лица, одеждой и обы-
чаями.

Въ Галле къ намъ присоединился три Нѣмца и, въ продол-
женіе получаса дѣлался разговоръ о желѣзныхъ дорогахъ, акці-
яхъ, дивидендахъ, и т. п.

Нѣмцы чрезвычайно *локальны*.

Длинноносый спутникъ мой, принимавшій живое участіе въ
разговорѣ, вдругъ обратился ко мнѣ.

— У васъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ? спросилъ онъ.

— У насъ, отвѣчалъ я, есть уже одна, но будетъ скоро дру-
гая, которую можно будетъ поставить въ примѣръ всѣмъ су-
ществующимъ дорогамъ.

— Чтò такъ? спросилъ длинноносый довольно насмѣшливо.

— Знаете ли, спросилъ я, сколько миль отъ Петербурга до Москвы?

— Не знаю.

— Столько, отвѣчалъ я, что если растянуть наши три ангалтскія герцогства, такъ надобно будетъ прибавить еще порядочную часть прусской Саксоніи.

— Ого! сказалъ одинъ изъ присоединившихся къ намъ спутниковъ.

— Но сколько именно? спросилъ длинноносый.

— Неужели вы не знаете? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Страшно!

— Ничего страннаго нѣтъ.

— Это такъ же странно, и даже страшнѣе того, что я не знаю границъ вашихъ мелкихъ государствъ. Отъ Петербурга до Москвы безъ мазаго сто миль.

— Только-то! У насъ есть дороги подлиннѣе этой, возразилъ длинноносый гордо.

— Назовите мнѣ одну изъ нихъ.

— Это не трудно; отъ Гамбурга до Веймара болѣе.

— Да одна ли это дорога? Не составлена ли она изъ нѣсколькихъ вѣтвей? возразилъ я.

— Но у васъ, замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ: въ странѣ плоской, нѣтъ тѣхъ трудностей, которыя мы должны побѣждать на каждомъ шагу.

— Вы думаете? Скажите мнѣ, что легче: прорыть ли незначительное возвышеніе или утвердить дорогу на бездонномъ болотѣ!

Нѣмцы замолчали.

— Вы Русскій? спросилъ одинъ изъ нихъ послѣ краткаго молчанія.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Но какъ вы хорошо говорите по-нѣмецки.

— Я Днѣляндець.

— Впрочемъ, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: Русскіе, вообще, славятся способностью изучать иностранные языки.

— Да, возразилъ другой: они порядочно говорятъ по-французски, по-англійски, по-нѣмецки....

— Однако маленькій акцентъ есть, сказалъ длинноносый, тотъ самый, который при входѣ въ вагонъ извнялся, говоря: *эскизе!*

— Это еще не бѣда, возразилъ прежній собесѣдникъ, блѣдный худощавый Нѣмецъ въ свинхъ очкахъ. Но многіе ли Русскіе

знакомы съ латинскимъ языкомъ? Между тѣмъ какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ изученіе этого языка входитъ въ составъ элементарнаго воспитанія.

Французовъ обвиняютъ въ самонадѣянности, въ самохвальствѣ: Это довольно справедливо, но нѣмецкій полуученый перешеголетъ въ этомъ отношеніи всякаго Француза, тѣмъ болѣе, что первый не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о причинѣ.

— Вы, вѣроятно, хорошо знаете Россію и Русскихъ, коли судите такъ рѣшительно? спросилъ я.

— Нѣтъ, но одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей былъ тамъ.

— А! возразилъ я: въ такомъ случаѣ вы должны хорошо знать Россію; даже лучше нѣкоего Бубулдула—Эфенди, который прекрасно зналъ Россію, потому-что два года собирался туда ѣхать, а двоюродный братъ ѣздилъ въ Англію на кораблѣ, на которомъ было двое Русскихъ.

— Шутками отдѣлываться не трудно, возразилъ господинъ въ синихъ очкахъ, поморщившись: но однихъ шутокъ недостаточно для опроверженія всего, заключающагося въ новѣйшихъ сочиненіяхъ о Россіи.

— Конечно, отвѣчалъ я: въ этомъ отношеніи презрительное молчаніе гораздо выразительнѣе шутокъ.

Нѣмецъ разгораясь и сталъ увѣрять меня, что мы, Русскіе, отстаемъ отъ вѣка; что у насъ не имѣютъ никакого понятія о философіи....

Синія очки хотѣли продолжать, но ссѣдъ его носѣшью вскричалъ:

— *Sint hodie procul invidiae, procul omnia moesta; me judice, tristis quisquis erit, romovendus erit vagonibus istis!*

«Прочь всѣ личности, прочь всѣ печали; по моему, кто будетъ печаленъ, того должно удалить изъ этого вагона!»

Vagonibus — Мольеровская латынь, и это слово развеселило блѣднаго господина въ очкахъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, спросилъ я его послѣ краткаго молчанія: не сочинили ли вы какой-нибудь книги о Россіи?

— Нѣтъ; но я читалъ все, что писано объ этой странѣ.

— Это видно.

— Я слышалъ, сказалъ длинноносый, что въ Россіи такъ холодно, что отмораживаютъ носы и топятъ улицы.

— Неужели! вскричалъ толстякъ.

— Тамъ есть еще странный обычай ставить къ фонарямъ часовыхъ, продолжалъ длинноносый.

— *Sonderbar!* произнесъ толстякъ.

— Wunderbar!
— Ist es möglich!

— Знаете ли... началъ было опять говорить человекъ въ синихъ очкахъ, но я прервалъ его.

— Довольно, милостивый государь! сказалъ я: довольно; я увѣренъ, что вы шутите,—но всякая шутка, будучи растянута, становится скучною; въ отношеніи ко мнѣ ваша шутка становится даже неприличною.... На замѣчанія и обвиненія болѣе серьезныя, я могъ бы вамъ отвѣчать, но—возражать на цельности не имѣю ни малѣйшей охоты. Читайте, господа, уродливый сочиненія, написанныя со словъ парикамахеровъ или выгнанныхъ изъ Россіи авантюристовъ; на здоровье! Печально возражать на эти грубыя выдумки, ниже достоинства Россіи; она, по-ищите, лучше знаетъ Европу, нежели Европа ее знаетъ и—не Россія отстала отъ васъ, просвѣщенныхъ, а вы не успѣваете слѣдить за огромными, гигантскими шагами ея.

Въ это время засвистѣла машина. Поѣздъ остановился.

Мы пріѣхали въ Лейпцигъ.

Я молча раскланялся съ моими любезными спутниками и пошелъ въ галерею, гдѣ раздавали путешественникамъ чемоданы и дорожные мешки.

Между колоннами галереи стояли, точно часовые и почти на равныхъ дистанціяхъ, какіе-то люди.

— Rheinisch'-Hof! шепнулъ мнѣ первый, почти на самое ухо, когда я проходилъ мимо него.

— Лондонъ! сказалъ другой.

— Blumenstrauss!—третій.

— Hôtel de Rome!

— Hôtel de Saxe!

И такъ далѣе. Это были комиссіонеры, которые получаютъ известную плату за каждаго постояльца, котораго живьемъ доставятъ въ гостиницу.

Мнѣ совѣтовали остановиться въ Hôtel de Rome, а потому не обращая вниманія на назывателей, я сѣвшия сверва выручить свои вещи. У рогатки, отдававшей послѣднія отъ нетерпѣливыхъ путешественниковъ, догналъ меня одинъ изъ комиссіонеровъ.

— Лондонъ! шепнулъ онъ мнѣ сзади, принявъ меня, можетъ быть, за Англичанина.

— Hôtel de Rome! отвѣчалъ я ему.

— Будете довольны, сказалъ неотвѣзчивый комиссіонеръ.

— Вы гдѣ остановитесь? спросилъ въ то же время съ другой стороны знакомый голосъ.

Я оглянулся. Это былъ мой спутникъ въ синихъ очкахъ.

— Совѣтую вамъ остановиться въ Лондонѣ, продолжалъ онъ очень вѣжливо: тамъ и хорошо, и недорого.

— Будете довольны, повторилъ комиссіонеръ.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ я: лишь бы дали мнѣ обратную комнату.

— О, будьте спокойны!... вскричалъ господинъ въ синихъ очкахъ, который хотѣлъ, вѣроятно, услужливостью поправить свою грубость. Проводи этого господина въ Лондонъ! прибавилъ онъ, обратившись къ комиссіонеру.

— Но вещи мои....

— Потрудитесь отдать вамъ номеръ одному изъ комиссіонеровъ, у которыхъ на фуражкахъ и рукавахъ выставлены мѣдные номера: замѣьте этотъ номеръ, напишите на билетѣ, гдѣ намѣрены остановиться, и вещи ваши будутъ доставлены въ исправности.

Я послѣдовалъ совѣту и, нѣсколько минутъ спустя, сѣлся въ сани, нанятые комиссіонеромъ. Послѣдній всталъ на запятки; извозчикъ, въ круглой шляпѣ, въ каррикѣ горохового цвѣта и со множествомъ воротниковъ, взмахнулъ бичомъ.

— Halt, halt! стой, стой! крикнулъ кто-то за нами.

Опять господинъ въ синихъ очкахъ! Высвободивъ свой дорожный мѣшокъ, онъ успѣшно догналъ меня и просилъ ѣхать въ саняхъ, говоря, что онъ живетъ по близости гостиницы Лондонъ.

Дорогой онъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— Надѣюсь, сказалъ онъ, что вы не сердитесь на меня, и не откажетесь осмотрѣть со мною достопримѣчательности города. Завтра я свободенъ, а потому готовъ быть вашимъ чичероне.

Такъ точно, какъ сперва я не понималъ причины грубости этого чудака, такъ теперь не могъ объяснить себѣ чрезмѣрной услужливости его.

Во время нашего разговора, комиссіонеръ убѣждалъ извозчика пощелкать кнутомъ; но автомедонъ упорно отказывалъ ему въ этомъ удовольствіи, на томъ основаніи, что за хлопанье бичомъ въ городѣ положенъ штрафъ, — чуть ли не гульденъ за каждый ударъ.

Мы проѣзжали мимо огромныхъ зданій, по узенькимъ, кривымъ улицамъ, освѣщеннымъ фонарями, висящими на веревкахъ, протянутыхъ черезъ улицу отъ одного дома къ другому, по мостамъ и площадямъ; не доѣзжая до гостиницы, мой спутникъ разстался со мною, обѣщавъ быть на другой день въ гостиницѣ, часу въ десятомъ.

Наконецъ мы остановились у высокаго, узкаго, дурно освѣщеннаго дома.

Подъ воротами, съ одной стороны былъ входъ въ длинную столовую, въ которой сидѣло нѣсколько Нѣмцевъ за кружками пива. По другую сторону была лѣстница къ нумерамъ.

Мнѣ отвели холодную комнату въ уединенной части дома. Желая напиться чаю, я звонилъ болѣе получаса; уныло, плачевно дребезжалъ колокольчикъ и звуки его замирали въ длинныхъ, пустыхъ корридорахъ, освѣщенныхъ однимъ огаркомъ, поставленнымъ въ мою честь...

Я раскаялся и хотѣлъ немедленно перебраться въ ту гостиницу, которую мнѣ рекомендовали, но ложный стѣлъ удержалъ меня; притомъ же я усталъ, а бѣлье на кровати было чистое, опрятное. Я остался.

Чтобы съ пользою употребить время, я въ тотъ же вечеръ старался познакомиться съ саксонскими деньгами.

Въ Саксоніи *талеръ* раздѣляется уже не на *зильбера*, на *гуте-грошени*, то есть, не на серебряные, а на добрые гроши; послѣдніе выше первыхъ, потому-что 24 гуте-грошена составляютъ талеръ.

Кромѣ того есть еще *Лейпцигскій талеръ*, равняющійся 108 $\frac{1}{2}$ коп. сер., и *гульденъ* въ 16 грошей, равняющійся 72 $\frac{1}{2}$ коп. сер.; *грошъ* содержитъ 12 *пфениговъ*.

Укладывая вещи въ комодъ, я нашелъ въ немъ старую, запачканную книжонку; заглавіе было оторвано, многія страницы вырваны; но по отмѣткамъ для обозначенія листовъ, я узналъ, что это была первая часть сатиры *Рабенера*.

Я сталъ читать ихъ на сонъ *грудущій* и—зачитался до втораго часа.

Случалось ли вамъ, долго не выдавшись съ человѣкомъ, встрѣчаться съ нимъ именно въ тотъ день, когда вы случайно вспомнили о немъ?.. Случалось ли вамъ встрѣчать разрѣшеніе задачи въ тотъ самый день, когда умъ вашъ впервые серьезно остановился на этой задачѣ?

Скептики называютъ это случаемъ, но мнѣ кажется, что это *предчувствіе*, то есть неясный порывъ тайной высокой силы души человѣческой, силы, которую умъ еще не разгадалъ, но, вѣроятно, разгадаетъ... Разгадалъ же человѣкъ силы ума, разгадалъ же онъ страсти—первыя, грубыя проявленія души, одаренной болѣе тонкими, болѣе обширными силами...

Въ вагонѣ полученный Нѣмецъ въ синихъ очкахъ говорилъ о необходимости латинскаго языка; признаюсь, я эту необходимость всегда считалъ потерей времени. Кто не учился латин-

скому языку, и кто знаетъ его?.. Для ученаго онъ необходимъ, это такъ; но необходимость эта проявляется, болѣею частію; тогда, когда человекъ, посвящающій себя ученымъ изслѣдованіямъ, почти забылъ латынь, которую твердилъ на школьной скамьѣ, и слѣдовательно снова долженъ приняться за нее. За что же онъ потерялъ столько прекраснаго, драгоценнаго времени?..

Я знаю, что на меня раскричатся именно тѣ, которые когда-то знали латинскій языкъ—несмотря на то я смѣю высказать свое мнѣніе: по моему—ученіе или, лучше сказать, *долженіе* латинскаго языка старій предразсудокъ..

Казните меня, о мудрецы, но пощадите моихъ дѣтей!.. Не мучьте ихъ латынью.

Дѣло другое языкъ *славянскій*—въ Россіи. Должно согласиться съ тѣмъ, что славянскій языкъ служитъ основою нашей словесности, неисчерпаемымъ источникомъ образцовыхъ красотъ. Изучайте же славянскій языкъ для того, чтобы знать русскій; но не мучьте юношу латинскимъ, на томъ основаніи, что изъ него, можетъ быть, *выждетъ ученый*.

Красоты латинской поэзіи могутъ быть понятны изъ нѣкоторыхъ, весьма удачныхъ переводовъ. Мысль, даже обороты остаются тѣ же; между тѣмъ какъ въ остаткахъ древней славянской поэзіи для насъ важна не одна мысль, но самое *слово*, могучее, твердое какъ камень, гибкое какъ тростникъ, быстрое, пламенное, какъ молнія...

«А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди рѣспущени.

«Игорь къ Дону бои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птиць; подобію вѣщи грозу вѣстрожать по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты. О Русская земля! уже за Шеломянемъ еси!..

«Длѣго ночь мркнеть; заря свѣтъ запада; мѣгла поля покрыва, щекоть славій усне, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чръленными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы...»

Это не наборъ краснорѣчивыхъ словъ; это картина, списанная съ природы; такъ точно, какъ слѣдующія слова, исполненныя грустнаго поэтическаго упрека, взаты прямо изъ сердца:

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеша Хановскыя стрѣлы на своєю не трудною крилицю на моея лады вон? Мало ли ти бяшеть горѣ подѣ облаками вѣяти, ле-

люди корабля на снѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по кельямъ развѣ?...»

Неужели для Русскаго «Слово о полку Игоревѣ» менѣе достойна наученія, цѣнели слѣдующіе стихи:

Jam nunc minæci murmure cornuum
Perstringis aures: jam litui strepunt:
Jam fulgor armorum fugaces
Terret equos equitumque vultus.
Audire magnos jam videor duces
Non indecoro pulvere sordidos,
Et cuncta terrarum subacta
Praeter atrocem animum Catonis.

«Уже въ ушахъ моихъ звучитъ грозный звукъ трубъ; уже раздаются рога; уже блескъ оружія пугаетъ коня, готоваго бѣжать и заставляетъ блѣднѣть всадника. Я слышу голосъ великихъ полководцевъ, покрытыхъ славною пылью; я вижу что весь міръ подчиненъ, кромѣ непоколебимой души Катона.»

Въ послѣднихъ, быть можетъ, болѣе высокой поэзіи, но въ первыхъ болѣе натуры, болѣе дѣйствительной жизни.

Авторъ Слова — неизвѣстенъ; авторъ послѣднихъ стиховъ — Гораций...

Но возвратимся къ сатирѣ Рабенера.

До слѣдующей почты.

II. ФУРМАННЪ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. — Недавно въ Лондонѣ, недалеко отъ биржи и банка, открыто заведеніе подъ названіемъ: Central Electric Telegraph Office. Заведеніе это устроено компаніями желѣзныхъ дорогъ; при помощи проведенныхъ въ землѣ проволокъ, оно находится теперь въ такомъ же быстромъ сношеніи со всѣми станціями желѣзныхъ дорогъ Англій, въ какомъ находится голова и сердце челоуѣка со всѣми другими его членами. — Проволоки проведены въ землѣ и заключены по девяти въ особыя трубы, которыхъ по разнымъ направленіямъ въ Лондонѣ также девять, и именно: 7 изъ нихъ сообщаются съ 5 станціями желѣзныхъ дорогъ, восьмая проведена въ административство, а девятая устроена на случай непредвидѣнныхъ надобностей. Одна проволока въ каждой трубѣ была бы конечно достаточна для дѣйствія телеграфа; но компанія признала для себя болѣе выгоднымъ, провести ихъ въ каждой трубѣ девять, въ предупрежденіе остановокъ, могущихъ произойти отъ разрыва проволокъ, или другой порчи. При помощи устроеннаго те-

леграфе, адмиралтейство теперь находится въ самомъ быстромъ сообщеніи съ военною гаванью въ Портсмутъ, за что и платитъ правленію ежегодно 1200 фунтовъ стерлинговъ. Устройство телеграфа довольно просто. Подлѣ комнаты центрального правленія, откуда идутъ проволоки, находятся электрическія батареи числомъ 108, и каждая изъ нихъ имѣетъ 24 пластинки, которыя при помощи песка, сѣрнистой кислоты, и воды, содержатся всегда зараженными электричествомъ, и дѣйствуютъ цѣлый мѣсяць, нисколько не ослабѣвая. Всѣ проволоки, числомъ 81, нумерованы, и въ точности обозначены, такъ что ошибка въ направленіи не можетъ имѣть мѣста. Притомъ по каждому направленію опредѣлены особые секретари, изъ которыхъ одни, въ верхнемъ этажѣ, приводятъ корреспонденцію въ телеграфическіе знаки, а другіе внизу сидятъ за двумя огромными столами на западной и восточной сторонахъ, смотря по направленію телеграфа, и занимаются отправленіемъ депешъ, и полученіемъ на нихъ отвѣтовъ.

Секретари эти, будучи въ разныхъ этажахъ, находятся тѣмъ не менѣе въ самой тѣсной связи, при помощи чрезвычайно простаго механизма. Кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ часы, приводимые въ движеніе электрическою силой, по которымъ время отправленія и полученія каждой депеши, а равно и продолженія ея въ точности обозначается. Время, необходимое для каждой депеши, зависитъ совершенно отъ числа словъ; отъ этого зависитъ также и цѣна, которая однакоже вовсе не такъ высока, какъ это думаютъ. Такъ напримѣръ, за телеграфическую депешу не болѣе 20 словъ, платятъ въ Бирмингемъ 6½, шиллинговъ, въ Манчестеръ или Ливерпуль 8½, въ Эдинбургъ 13 и т. д. Телеграфическая система, которая введена въ этомъ заведеніи, изобрѣтена какимъ-то Батномъ, и походитъ на американскую систему устройства электрическихъ телеграфовъ г. Морса тѣмъ, что означеніе депеши производится не стрѣлкою на циферблатъ, но бумажными полосами, на которыхъ, въ мѣстѣ отправленія, депеша записывается иглой, такъ что дѣйствіе электрической силы можетъ оказаться только тамъ, гдѣ проткнута ирочьяя; различныя же разстоянія между ирочьями обозначаютъ различныя буквы. Въ мѣстѣ полученія электричество дѣйствуетъ на химически приготовленную бумагу, на которой, по причинѣ ея движенія, отпечатлѣваются въ различныхъ мѣстахъ точки, по которымъ и разбирается депеша.

Система эта, какъ говорятъ, гораздо проще и вѣрнѣе, чѣмъ

прежнія двѣ системы, введенныя въ Сѣверной Америкѣ и Германіи. Число секретарей, которые въ лондонскомъ заведеніи постоянно занимаются полученіемъ, отправленіемъ, означеніемъ и разборомъ телеграфическихъ депешъ, простирается до 57; всѣхъ же служителей болѣе 1000. Длина протянутыхъ проволокъ равняется 2500 англ. милямъ.

Въ лондонскомъ центральномъ правленіи устроена также прекрасная зала, въ которой имѣютъ право собираться одни абонировавшіеся. Они во всякое время могутъ здѣсь узнавать биржевой курсъ, и рыночныя цѣны цѣлой Англій. Кроме того, каждый абонировавшійся имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько таинственныхъ знаковъ, значеніе которыхъ неизвѣстно даже секретарямъ заведенія. Хотя это правленіе электрическихъ телеграфовъ открыто только нѣсколько недѣль, но оно уже въ большомъ ходу, и имъ равно пользуются какъ правительство, такъ и частные люди. Обыкновенно отвѣтъ на отправленную депешу получается по истеченіи 7 и не болѣе 15 минутъ, въ такомъ случаѣ впрочемъ, когда депеша адресована въ мѣсто, отстоящее отъ станціи не на большее разстояніе, куда содержащіеся для сего на станціяхъ кареты въ состояніи сѣздать въ самое короткое время. На днѣхъ электрической телеграфіи оказалъ услугу, на которую общество конечно не рассчитывало. Какіе-то предусмотрительные супруги успѣли по желѣзной дорогѣ отправить въ Манчестера въ Лондонъ съ краденными вещами. Объ этомъ тотчасъ же по телеграфу дано было извѣстіе въ Лондонъ, и супруги на станціи были встрѣчены полиціею, которая, отобравъ у нихъ краденныя вещи, озабочилась также и о размѣщеніи ихъ на казенныхъ квартирахъ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ ВЪ СЪЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. Въ прошедшемъ году отправился въ Сѣверную Америку пасторъ Раушербушъ (Rauschenbusch), въ званіи миссіонера, и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣздался тамъ и странствующимъ проповѣдникомъ. Пробывъ въ Америкѣ уже цѣлый годъ, и достаточно ознакомившись съ образомъ жизни переселенцевъ, онъ нынѣ сообщаетъ объ этомъ предметѣ свои наблюденія. Вотъ что онъ пишетъ:

«Число переселенцевъ германскихъ возрастаетъ ежегодно съ удивительною быстротою, такъ что уже нынѣ ихъ считаютъ до 4 милліоновъ. Главная причина этого переселенія заключается въ томъ, что въ западныхъ штатахъ т. е. Миссури, Иллиноусъ, Индіана, Мичиганъ и Iowa доселѣ еще находятся необозримыя пространства плодородной, но невоздѣланной земли,

которая принадлежитъ Республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, и продается по невѣроятнѣ дошешницѣ цѣнамъ, обыкновенно же 40 акровъ за 50. долларовъ. Но земля эта находится еще въ не обработанномъ состояніи, и представляетъ собою или дуга, на которыхъ трава обыкновенно подымается въ ростъ человѣческой, или лѣса, состоящія изъ огромныхъ деревьевъ, окруженныхъ мелкимъ кустарникомъ, такъ что въ некоторыхъ мѣстахъ нельзя себѣ проложить дорогу, иначе какъ топоромъ. Хотя дуга и представляютъ повидимому болѣе удобства къ возведенію на нихъ строеній, тѣмъ не менѣе однакоже поселенцы предпочитаютъ для сего мѣста лѣсистыя, и возвышенныя, гдѣ въ изобиліи они находятъ строевой матеріалъ, и гдѣ, по привычкѣ возвышеннаго мѣстоположенія, имъ представляется болѣе защиты отъ свирѣпствующей въ лѣсахъ страхи лихорадки. Но при выборѣ мѣста для поселенія, они еще болѣе обращаютъ вниманіе на близость воды, что въ хозяйствѣ составляетъ почти необходимое условіе. Такимъ образомъ, вырубивъ въ избранномъ мѣстѣ лѣсъ, они прежде всего принимаютъ за устройство дома, который строятъ обыкновенно въ одинъ этажъ, состоящій изъ одной только комнаты. Потомъ они начинаютъ строить службы, и ставятъ ихъ по большей части въ довольно значительномъ одна отъ другой разстояніи, такъ что издали это представляетъ видъ маленькой деревеньки. Послѣ того они принимаются за развѣстку пахатной земли, и встрѣчающіяся на ней деревья, по недостатку времени, подрубаютъ только у корня, отъ чего они сосыхаются; и тѣмъ своею уже не пріобрѣтаютъ всходамъ посѣянныхъ растений. Въ послѣдствіи корень ихъ подгниваетъ, и они падаютъ на землю, гдѣ и истребляются огнемъ. Что касается до сельскихъ произведеній, то здѣсь въ первый же годъ на вновь вспаханной землѣ засѣваютъ обыкновенно мансъ, или турецкое пшено, изъ котораго печется хлѣбъ, похожій на пирожное, и обыкновенно употребляемый въ горячемъ видѣ. Этотъ же мансъ немолотый даютъ въ кормъ домашнему скоту, который впрочемъ питается и древесными листьями. Во второй годъ засѣваютъ также пшеницу и овесъ, но рожь и ячмень мало. Всѣ поселенцы заводятъ огромное количество домашняго скота, потому что содержаніе его не сопряжено съ большими издержками. Они пускаютъ его безъ всякаго надзора искать себѣ пищи въ лѣсахъ и дугахъ, и приучаютъ къ дому только небольшимъ количествомъ соли. Впрочемъ въ зимнее время на содержаніе скота отпускается кормъ, но особенныхъ помѣщеній или хлѣбновъ не строятъ, отчего въ холодную зиму часть ско-

та, особенно же свишни, вымерзаютъ. Для лошадей однакоже устраниаютъ особыя конюшни, для того, чтобы ихъ имѣть всегда подъ рукой. Лошади здѣсь въ большомъ употребленіи, и чрезвычайно дешевы. Нерѣдко въ воскресные дни видишь цѣлую кавалькаду мужчинъ и женщинъ, отирающихся въ церковь, гдѣ во время богослуженія они привязываютъ лошадей къ деревьямъ. Отдѣльныхъ деревень, какъ въ Германіи, здѣсь нѣтъ, но люди живутъ большею частію въ поселеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи четверти или полу часа ѣзды, а иногда и болѣе. Точно также здѣсь не такъ много горбодовъ какъ въ Германіи, но здѣсь много худо застроенныхъ мѣстъ, которыя составляютъ собственно рынокъ, и состоятъ только изъ купеческихъ лавокъ. Ремесленниковъ также мало, потому что поселенцы обращаются къ намъ въ случаяхъ крайней только необходимости, и именно когда они сами какой либо работы сдѣлать не въ состояніи. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ они заготовляютъ нужныя себѣ вещи дома, хотя болѣею частію худо. Такъ напр. колеса приготавливаютъ они изъ хорошаго ствола дерева, посреди котораго выпиливаютъ кружокъ, корыта также изъ пустаго ствола, посуду изъ особаго рода растущей здѣсь тыквы, и пр. Въсто печей устраниаютъ обыкновенно камни, которые, какъ извѣстно, требуютъ много дровъ, и въ другихъ мѣстахъ поэтому бывають не удобны. Торговля до сихъ поръ остается мѣновая, и купцы небольшихъ поселеній, получая сельскія произведенія, какъ-то: масть, масло, яйца и проч., платять за то платьемъ, домашнею посудом, кофе, и другими предметами. Для пріобрѣтенія же наличныхъ денегъ, поселенцы должны отирать свои произведенія въ Сентъ-Луи, гдѣ большею частію однако же продають только домашній скоть. По этой-то причинѣ всѣ поселенцы, держатъ домашняго скота огромное количество, хотя ихъ поевемъ остается безъ всякаго употребленія. Земля здѣсь такъ плодородна, что дастъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сразу самый обильный урожай безъ всякаго удобренія, и требуетъ только, чтобы, послѣ долгаго времени, на одинъ годъ оставили ее на заѣвную или подъ паромъ. Дороги здѣсь въ худомъ состояніи. Самая лучшая изъ нихъ, идущая изъ Сентъ-Луи въ главный городъ штата Миссури, Джефферсонъ, не можетъ даже сравниться съ самою худшею полицейскою дорогою въ Пруссіи. Если бы случилось, что поперекъ дороги упало дерево, то никто конечно не позаботился бы стащить его въ сторону, хотя всякій проѣзжіи отъ этого долженъ дѣлать объѣздъ. Проселочныхъ дорогъ много, и всѣ они въ весьма худомъ

состояніи. Онѣ проложены большею частію безъ плана, идутъ въ разныхъ направленіяхъ, пересекаются на каждомъ шагѣ, такъ что легко въ нихъ и заблудиться. Мостовъ нѣтъ почти вовсе, что до крайности затрудняетъ путешествіе иѣшкомъ; потому что во многихъ мѣстахъ на дорогѣ встрѣчаются ручьи и рѣчки, чрезъ которые можно только проѣхать, но не пройти.

Не смотря на неудобства, которыя съ перваго раза представляются въ жизни поселенцевъ, я могу сказать тѣмъ не менѣе, что она имѣетъ въ себѣ что-то привлекательное. Конечно эта жизнь не понравится людямъ, привыкшимъ ко всѣмъ удобствамъ, и пріятностямъ жизни общественной; но тѣ, которые ведутъ жизнь простую и чувствуютъ расположеніе къ уединенію, найдутъ здѣсь счастье и спокойствіе. До сихъ поръ переселяются сюда только люди простаго званія, и большею частію бѣдные. Нѣкоторые изъ нихъ уже имѣютъ отъ 80 до 160 акровъ земли, и притомъ столько домашняго скота, лошадей, коровъ, свиней и проч., что они даже сами того не знаютъ. Благосостояніемъ своимъ они конечно одолжены какъ благоденію Божию, такъ и трудамъ рукъ своихъ; но тѣмъ не менѣе они не могутъ не любить и своего новаго отечества, въ которомъ проводятъ жизнь мирно, счастливо и безмятежно.»

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНІЕ. Одна почтенная старуха, желая провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ и уединеніи, поселилась въ одномъ маленькомъ городкѣ департамента аріежскаго. Сынъ ея, игрокъ, человекъ худыхъ правилъ и развратнаго поведенія, промотавъ все состояніе, доставшееся ему отъ отца, въ довершеніе своихъ глупостей, поступилъ въ актеры. Случай привелъ его чрезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ труппой, въ которой онъ участвовалъ, въ главный городъ того департамента, гдѣ жила старуха. Узнавъ объ этомъ, старуха тотчасъ же отправилась въ дорогу, любопытствуя увидѣть сына, и также посѣтить театръ, въ которомъ ей во всю жизнь не удалось быть ни разу. Въ день ея пріѣзда давали драму *«Беверлей или игрокъ»*, въ которой сынъ ея исполнялъ роль игрока, и по сходству его характера съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, игралъ превосходно. Посреди восторженныхъ рукоплесканій, старуха дѣлала свои заключенія: «Я его узнаю негоднаго, говорила она про себя, онъ до сихъ поръ нисколько не измѣнился. Растративъ все состояніе отца, онъ конечно прожилъ бы и мое, если бы я тому не воспротивилась. Хорошо еще, что я во время за умъ взялась.»

И увлекаясь все болѣе или болѣе сценическимъ обманомъ,

старуха, увидѣвъ, наконецъ, что актеръ подымаетъ руку на сына своего, отъ испуга и виѣ себя закричала: «Остановись, несчастный, не убивай твоего сына; я его возьму лучше къ себѣ! Не убивай, и я тебя прощу.» Актеръ не позабылъ объ объявленномъ ему прощеніи, и на другой же день переѣхалъ къ матери, и совершенно исправился.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ФИЗИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ. Учитель физики, зарядивъ электрическую батарею, говорилъ своимъ слушателямъ: зарядъ электричества въ этихъ банкахъ такъ силенъ, что въ состояніи убить человѣка, и ошеломить быка. По неосторожности въ это же время онъ подошелъ такъ близко къ батарее, что электричество разрядилось, и повалило его на полъ. Въ испугъ всѣ бросились ему помогать, но онъ, вставая на ноги, поспѣшилъ успокоить своихъ слушателей словами: не безпокойтесь, господа, благодаря Бога, я былъ только ошеломленъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ АДВОКАТУ. — Недавно одна служанка, взявъ съ собою 20 франковъ, обратилась къ одному извѣстному адвокату, прося его выиграть ей процессъ. — Пожалуй, отвѣчалъ адвокатъ, но расскажи, въ чемъ твое дѣло. — Да мнѣ все равно, возразила служанка, о чемъ вы поведете мой процессъ; главное въ томъ, чтобы выиграть. Мой баринъ на дняхъ получалъ 600 франковъ, употребивъ на свой процессъ только 20; поэтому и я вамъ принесла столько же денегъ, а выиграть на нихъ 600 и даже болѣе будетъ уже конечно ваше дѣло.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПАСПОРТЪ. Молодой иностранецъ, путешествуя въ Перу, былъ остановленъ полицейскимъ агентомъ, который потребовалъ у него паспортъ. Путешественникъ, не смутившись нисколько, представилъ ему вмѣсто паспорта, театральную афишу о представленіи оперы Доницетти: *la Favorite*, которая была у него въ карманѣ. Полицейскій агентъ, внимательно пересмотрѣвъ представленный ему документъ, возвратилъ его владѣльцу, сказавъ: вашъ паспортъ въ порядкѣ, и вы можете продолжать путешествіе.

ОСТРОТА ЛАБЛАША. Одинъ артистъ нѣсколько лѣтъ сряду собирался путешествовать для своего удовольствія. Наконецъ онъ отправился въ дорогу — но чтобъ жениться. Услышавъ объ этомъ, Лаблашъ сказалъ: ему уже конечно суждено свыше никогда не сдѣлать пріятнаго путешествія.

ВАШИМАЧЕКЪ ФАНИИ ЭЛЬСЛЕРЪ. Поклонникъ таланта Фанни Эльслеръ, просилъ ее однажды подарить ему на память одну

изъ ея башмаковъ. Эльслеръ исполнила его просьбу, и наполнила кромѣ того башмакъ червонцами. Удивленный такою щедростію, счастливый поклонникъ воскликнулъ: О моя божественная Фанни, какъ жаль, что ваша ножка такъ мала.

ОРИГИНАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ. Одна американская газета сдѣлала недавно слѣдующее объявленіе: «Врачи, которые, по немнѣвнѣю времени, затрудняются въ напечатаніи себѣ благодарностей со стороны лицъ, ими вылеченныхъ, благоволятъ адресоваться во вновь учрежденную для сего контору, которая за дешевую цѣну, въ видѣ абонемента, обязывается ежемѣсячно объявлять, безъ всякихъ со стороны ихъ хлопотъ, столько благодарностей, сколько они пожелаютъ. При этомъ, въ предупрежденіе могущихъ произойти недоразумѣній, контора будетъ стараться объявлять имъ благодарность за излеченіе болѣзней со стороны такихъ особъ, которыя по ихъ старанію отправлены уже на тотъ свѣтъ.»

НЕУДАЧНОЕ ЛЕЧЕНІЕ. Перле, старинный актеръ парижскаго театра Гупнасе, человекъ до невѣроятности худощавый, рѣшился однажды посоветоваться о здоровьѣ своемъ съ докторомъ X.

— Вы меня видите, сказалъ онъ доктору, или, лучше сказать, вы меня не видите, потому что я похожъ на привидѣніе, на мечту, на балетную фею. На мнѣ одни кости да кожа. Скажите что мнѣ дѣлать?

— Вы страдаете? спросилъ докторъ.

— Нисколько, я пользуюсь вожделѣннымъ здоровьемъ, но только видимо худѣю.

— Такъ вы желаете потолстѣть?

— Какъ можно болѣе.

— Это очень легко; вамъ надобно брать ванвы въ моемъ водолечебномъ заведеніи, и это вамъ принесетъ большую пользу.

— И вы полагаете, что я отъ этихъ ваннъ потолстѣю?

— Я вамъ даю въ этомъ честное слово.

И въ тотъ же вечеръ Перле отправился въ заведеніе, и погрузилъ свои члены въ приготовленную ему ванну, рѣшившись, согласно съ предписаніемъ доктора, продолжать это леченіе до тѣхъ поръ, пока вопросъ: человекъ ли онъ или мечта? не будетъ окончательно рѣшенъ въ пользу человека. Но какъ ни старался онъ потолстѣть, въ продолженіи цѣлой недѣли не заимѣтилъ въ себѣ никакой перемѣны. Увидѣвъ наконецъ своего Иппократа, онъ съ недовольнымъ видомъ ему сказалъ:

— Докторъ, а не толстѣю нѣсколько.

— Вы полагаете? спросилъ врачъ.

— Я въ этомъ увѣренъ; мнѣ кажется даже, что я еще болѣе похудѣлъ.

— Вы очень нетерпѣливы! нельзя же поправиться въ одну недѣлю. Дайте немного времени произвести водамъ свое дѣйствіе.

— Но скоро ли это дѣйствіе окажется?

— Черезъ двѣ или три недѣли.... Вы видите, тамъ въ саду гуляетъ человѣкъ?

— Вижу превосходно, и надобно правду сказать, что трудно его не замѣтить.

— Онъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ несравненной пользы здѣшнихъ водъ. Это Англичанинъ. Два мѣсяца тому назадъ, когда онъ сюда пріѣхалъ, онъ былъ хуже васъ.

— Неужели?

— Я вамъ даю честное слово.

— Такъ вы полагаете, что я могу приобрести такую же дородность?

— Два мѣсяца будетъ достаточно для такого превращенія.

— Въ такомъ случаѣ я буду купаться не болѣе одного мѣсяца.

— Какъ вамъ угодно.

— Я буду доволенъ и половиною объема этого Англичанина.

Мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, а Перле еще не начиналъ толстѣть. Сидя однажды въ ваннѣ, гдѣ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія своей полицы, онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ довольно крупный разговоръ.

— Рѣшительно, а не худѣю нѣсколько, докторъ, сказалъ какой-то голосъ.

— Идите терпѣніе милордъ. Лондонъ, конечно, нельзя было выстроить въ одинъ день.

— Скажите откровенно, надѣетесь ли вы, чтобы я сколько нибудь похудѣлъ?

— Я вамъ даю честное слово.

— Вы мнѣ это повторите каждый разъ.

— Васъ очень трудно убѣдить. Вы видѣли этого худощаваго человѣка, который очень часто прогуливается въ саду моего заведенія?

— Это просто какаля-то мумія.

— Нѣтъ, это актеръ Перле, который, по причинѣ ужасной своей дородности, принужденъ былъ оставить парижскую сцену. Онъ пріѣхалъ сюда, сталъ пользоваться ваннами, и вы видите, произвели ли онъ надъ нимъ свое дѣйствіе,

— И я буду такъ же худощавъ, какъ и онъ? вскрикнулъ Англичанинъ съ ужасомъ.

— Нѣтъ, успокойтесь, милордъ. Перле черезъ-чуръ уже много купался, и это произошло отъ его упрямства. Лечение его впрочемъ уже окончено, и онъ уѣдетъ вѣроятно чрезъ два или три дня.

Перле, которому весь этотъ разговоръ былъ слышенъ, всталъ въ своей ваннѣ, ударилъ кулакомъ въ перегородку, отдѣлявшую его отъ доктора, и закричалъ во все горло:

— Ты ошибаешься, чортовъ коноваль, я ѣду сегодня же... черезъ часъ... сію же минуту!

И одѣвшись на-скоро, онъ отправился домой, и черезъ часъ скакалъ на почтовыхъ, проклиная всѣхъ врачей въ мірѣ, и всѣ водолечебныя заведенія.

ОДНО ИЗЪ СЛЪВЪРІЙ КИТАЙЦЕВЪ. Путешественникъ Гайсманъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ о забавной церемоніи Китайцевъ, которую ему удалось видѣть въ Шангаѣ, и которая состояла въ изгнаніи нечистаго духа.

«Посреди пагоды (храма), пишетъ онъ, сдѣлалъ помѣшанный, который былъ вооруженъ огромною дубиной. Онъ казался въ совершенномъ изнеможеніи. Колѣня его ежеминутно подергивались, потъ градомъ катился по блѣдному лицу, и отъ времени до времени изъ устъ его вырывались невнятные звуки. Недалеко отъ него горѣли благоуханія, какъ при жертвоприношеніяхъ у азычниковъ. Жрецы подбѣгли ему какую-то бумагу, которую тотъ съ жаромъ схватилъ, и вѣскольکو минутъ держалъ надъ пламенемъ восковой свѣчи. Бумага эта осталась ко всеобщему удивленію невредима, вѣроятно потому, что была наиптана жирными веществами. Послѣ того жрецы бросили эту заколдованную по ихъ мнѣнію бумагу на жаровню, которая была приготовлена нарочно для церемоніи подлѣ дверей пагоды, гдѣ она прелюбополучно сгорѣла. Въ это время дѣти, имѣвшія въ рукахъ небольшія знамена, съ благоговѣніемъ упали къ ногамъ помѣшаннаго, а жрецы чистою бумагою обтирали съ него потъ, который крупными каплями падалъ съ лица его. По истеченіи вѣсколькихъ минутъ, помѣшанный вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, и съ такимъ ужающимъ видомъ сталъ махать своею дубиной, что устрешенная толпа невольно отступила назадъ; но вѣскольکو человекъ, подойдя къ нему въ это время, успѣли его усадить на прежнемъ мѣстѣ, закутали его въ одѣяла, и дали ему наиптокъ, приготовленный нарочно для этого случая, чѣмъ церемонія и окончилась. По словамъ моего проводника,

который, не смотря на то, что былъ воспитанникомъ миссіонеръ въ Макао, слѣбно однакоже вѣрилъ дѣйствию въ этомъ случаѣ нечистыхъ силъ, жрецы и народъ оказываютъ всѣмъ помѣшаннымъ особе уваженіе и почести, потому-что они ихъ считаютъ людьми святыми.»

ЧАСТЬ ОТДЫХА. Происшествія, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на нашу жизнь и на нашу участь, проходятъ большею частію незамѣтымъ для насъ образомъ. Но есть и такія происшествія, которыя происходятъ вокругъ насъ, но бываютъ для насъ безъ всякихъ послѣдствій, не оставляя въ насъ даже и сознанія объ ихъ существованіи. Если бы человѣкъ зналъ будущее, и могъ напередъ видѣть всѣ перемены, которыя должны произойти въ его судьбѣ, то жизнь его была бы исполнена надеждъ и опасеній, восторговъ и разочарованій, которыя не дали бы ему и часу настоящаго спокойствія. Мысль эту внушилъ намъ рассказъ о приключеніяхъ Давида Свантона.

Давидъ родился въ республикѣ Нью-Гампширъ, отъ честныхъ родителей, и получилъ хорошее образованіе въ академіи города Гильмантора. Двадцати лѣтъ отъ роду отецъ отправилъ его въ Бостонъ къ дядѣ, у котораго молодой Давидъ долженъ былъ поступить въ контору.—Онъ уже цѣлое утро провелъ въ дорогѣ; но наконецъ въ полдень усталость, и несносная жара заставили его подумать объ отдохновеніи. Въ сторонѣ отъ дороги онъ замѣтилъ прекрасное мѣстечко, освѣненное густымъ кустарникомъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ журчалъ ручеекъ, и рѣшился, во ожиданіи публичной кареты, прилечь тамъ на травѣ. Узелокъ послужилъ ему вмѣсто подушки, а густая трава замѣнила перину. Защищенный отъ солнечныхъ лучей вѣтвями кустарника, которые переплетаясь образовали надъ нимъ родъ свода, и прохлаждаемый свѣжимъ ручейкомъ, который журчалъ у его ногъ, нашъ молодой путешественникъ не замедлилъ уснуть самымъ глубокимъ сномъ.

Но пока онъ такъ сладко спалъ, другіе путешественники безпрестанно проходили и проѣзжали мимо него: одни изъ нихъ проходили, не обративъ на него вниманія, другіе, посмотрѣвъ на него, забывали объ немъ чрезъ нѣсколько шаговъ; нѣкоторые улыбаясь, увидѣвъ, что онъ спитъ такъ крѣпко, а нѣкоторые бросали на него взоръ, выражавшій полное презрѣніе. Вдова среднихъ лѣтъ, воспользовавшись минутою удивленія, полюбопытствовала увидѣть спящаго, и объявила рѣшительно, что онъ прекрасный мальчикъ. Членъ общества през-

ности приблизился также къ молодому человѣку, и рѣшился въ тотъ же вечеръ поговорить объ немъ обществу, какъ объ умасномъ примѣрѣ неводержанія, оставляющаго несчастныхъ жертвъ своихъ на большихъ дорогахъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Въ это же время проѣзжала по дорогѣ карета, запряженная парюю гнѣдыхъ лошадей, и остановилась почти у того же мѣста, гдѣ спалъ молодой человѣкъ. Изъ нея вышелъ одинъ старый негодянтъ съ своей женой, который возвращался въ Бостонъ, и принужденъ былъ остановиться по причинѣ порчи колеса. Пока лакей и кучеръ заботились о починкѣ экипажа, негодянтъ и жена его углубились въ рощу, и замѣтили Давида, котораго сонъ поддерживался непрерывнымъ журчаніемъ ручейка. Увлекаясь впечатлѣніемъ, которое производить всегда человѣкъ спящій какаго бы онъ ни былъ званія или состоянія, негодянтъ приблизился къ нему такъ тихо, какъ ему это позволяла подагра, а дражайшая его половина приняла и съ своей стороны всѣ мѣры предосторожности, чтобы не разбудить Давида.

— Какъ онъ крѣпко спитъ, говорилъ въ полъ-голоса негодянтъ, и какъ свободно дышетъ. Я отдалъ бы половину моего дохода, чтобы, безъ содѣйствія опиума, вкусить наслажденію подобнаго сна. Такой сонъ былъ бы послѣдствіемъ моего здоровья и моего спокойствія.

— И молодости также, прибавила дама, потому что здоровье и спокойствіе души уже недостаточны въ наши лѣта, чтобы пользоваться такимъ сномъ. Бдѣніе и сонъ старыхъ людей не походятъ вовсе на бдѣніе и сонъ людей молодыхъ.

Чѣмъ болѣе они смотрѣли на Давида, тѣмъ болѣе начинали чувствовать къ нему расположеніе. Замѣтивъ, что одинъ лучъ солнца пробирается между чащею вѣтвей его Фесѣдки, и падаетъ ему прямо въ лицо, дама поспѣшила сорвать по близости густую вѣтку, и съ материнскою заботливостію расположила ее такъ, чтобы солнце не беспокоило спящаго. Потомъ, обратившись къ мужу, она стала говорить въ полъ-голоса:

— Мнѣ кажется, что судьба посылаетъ намъ этого молодого человѣка, чтобы принять его въ наше семейство, особенно теперь, когда нашъ отдаленный родственникъ, котораго мы хотѣли усыновить, поведеніемъ своимъ оказался недостойнымъ нашего вниманія. Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ даже въ которое сходство съ нашимъ покойнымъ сыномъ. Не разбудить ли его, какъ ты думаешь?

— Зачѣмъ же, отвѣчалъ negociantъ нерѣшительно; мы не можемъ знать происхожденія его....

— Но это открытое лицо, перебила его жена, этотъ невинный сохъ показывается уже достаточно....

Пока происходилъ этотъ разговоръ, и фортуна по видимому улыбалась Давиду, сердце его оставалось спокойнымъ, дыханіе его нѣсколько не измѣнялось, и лицо его не выражало никакого смущенія. Супруги, находясь въ какомъ то обаяніи, не знали еще, на что рѣшиться, какъ вдругъ слуга имъ объявилъ, что карета готова. Они вздрогнули, покраснѣли, и удалились наскоро, удивляясь тому, что хотѣли предпринять.

Карета едва скрылась изъ виду, какъ молодая дѣвица, проходя въ этомъ же мѣстѣ, сошла съ дороги, чтобы поправить себѣ подвязку. Замѣтивъ вдругъ Давида, она покраснѣла до ушей, подумавъ о случаѣ, который привелъ ее подъ тѣнь роща, и о томъ, что она своими прыжками, выражавшими какъ будто бисіе молодого ея сердца, могла разбудить его.... Она уже хотѣла тихонько удалиться, но опасность, въ которой находился молодой человекъ, удержала ее на мѣстѣ. Она увидѣла огромную осу, которая летала вокругъ него, и уже располагалась впустить въ него свое жало, иногда причиняющее смерть, и, увлекаемая порывомъ своего добраго сердца, тотчасъ-же навала на крылатаго неприятели, и платкомъ своимъ успѣла прогнать его далеко отъ бесѣдки. Послѣ того, запыхавшись и краснѣя, она возвратилась опять подъ тѣнь роща, чтобы въ послѣдній разъ посмотреть на молодого незнакомца.

— Онъ очень не дурецъ, подумала она, и покраснѣла еще болѣе.

Но Давидъ спалъ спокойно, и никакое сновидѣніе, имѣвшее хоть нѣкоторое сходство съ дѣйствительностію, не оживляло его сна, хотя молодая дѣвица была именно та особа, душа которой, по повѣстическому опредѣленію Платона, была нѣкогда отдѣлена отъ души молодого человека, и къ которой постоянно стремились всѣ его мечты, всѣ неясныя его желанія. Она одна могла составить его счастье; онъ одинъ могъ познать всѣ изгибы пламенной ея души, и все это оставалось для него въ неизвестности.

Посмотрѣвъ еще разъ на него, молодая дѣвица удалась, но уже не тѣмъ легкимъ и веселымъ шагомъ, какъ прежде. Отецъ ея былъ достаточный купецъ, и искалъ въ это время приключенія, въ родѣ Давида Свантона. Если бы ему удалось познакомиться съ молодой дѣвицей, то онъ занялъ бы конечно открывшееся мѣсто у ея отца, а остальное устроилось бы само собой.

Такимъ образомъ счастье, — въ видѣ прекрасной благовоспитанной дѣвицы — опять улыбнулось Давиду, и прошло безвозвратно, не оставивъ въ немъ и сознанія о своемъ существованіи.

Въ скоромъ времени зашла въ чащу рощи два человека съ мрачнымъ видомъ, съ надвинутыми до бровей фуражками, въ худомъ и взорванномъ платьѣ. Они принадлежали къ числу тѣхъ, которые обыкновенно находятъ въ засадѣ на большихъ дорогахъ, выжидая запоздалыхъ путешественниковъ, и въ эту самую минуту располагали начать игру въ карты, раздѣливъ прежде выгоды послѣдняго своего предпріятія, какъ вдругъ увидѣли сизаго Давида, который беззаботно лежалъ на берегу ручья. Осмотрѣвъ его внимательно, одинъ изъ нихъ сказалъ другому:

— Ты видишь этотъ узелокъ, который ему служить вмѣсто подушки? я бьюсь объ закладъ, что въ немъ запрятанъ пертфель и кошелекъ, если они только у него не въ карманѣ.

— Но если онъ проснется? спросилъ другой.

На это первый, не говоря ни слова, разстегнулъ свой плащъ, показалъ рукоятку кинжала, и кивнулъ значительно головой.

— Пожалуй, отвѣчалъ второй, и въ то же время приблизился къ Давиду.

— Одинъ изъ нихъ принялся уже обыскивать узелокъ, а другой вынулъ кинжалъ съ намѣреніемъ, при малѣйшемъ движеніи, возить его въ сердце Давида, какъ вдругъ они увидѣли собаку, которая искала потеряннаго слѣда.

— Надобно уйти сказалъ одинъ изъ нихъ, хозяинъ этой собаки вѣроятно здѣсь въ окрестностяхъ, и намъ приступать теперь къ дѣлу опасно.

— Ну такъ выпьемъ немного, отвѣчалъ другой, и убѣжимъ.

И вытащивъ изъ кармана флягу, они попеременно подносили ее къ своимъ губамъ, покуда въ ней не осталось ни одной капли. Послѣ того они скоро удалились, проклиная случай, который имъ помѣшалъ исполнить свое намѣреніе. Черезъ нѣсколько часовъ они уже не помнили ничего, позабывъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что новое покушеніе ихъ къ преступленію внесено на небесахъ въ книгу жизни и смерти, цо которой имъ придется отдать отчетъ на страшномъ судѣ.

Пока все это происходило, Давидъ спалъ глубокимъ сномъ, не думая, конечно о томъ, что образъ смерти такъ близко носился вокругъ него. Спусти нѣсколько времени сонъ его сдѣлался безпокоенъ; онъ сталъ поворачиваться, произносилъ невнятные слова, и наконецъ пробудился совершенно. Часъ отдыха придалъ ему новую бодрость и новыя силы. Въ это время, онъ ус-

лышалъ стукъ колесъ, раздававшійся на дорогѣ. Это былъ дилижансъ. Остановивъ его, онъ узналъ, что есть одно мѣсто, поспѣшилъ его занять, и отправился въ веселомъ расположеніи духа въ Бостонъ, не бросивъ даже и прощальнаго взгляда на ручеекъ, у котораго готовилось для него столько перемѣнъ. Онъ не зналъ, — что фортуна отразилась для него въ зеркалѣ водъ ручейка — что любовь сливала пѣжные вздохи съ его журчаніемъ, что смерть угрожала кровью обогреть свѣтлыя его воды, и все это въ теченіи одного часа его отдыха.

БОЙ КИТА СЪ ДЕЛЬФИНОМЪ. Капитанъ Вильке имѣлъ случай видѣть бой кита съ однимъ морскимъ чудовищемъ, котораго онъ причисляетъ къ роду дельфиновъ.

Недалеко отъ корабля, пишетъ онъ, мы увидѣли кита необыкновенной величины, который съ яростію билъ хвостомъ, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы преодолѣть своего врага. Когда китъ приблизился къ кораблю, то бой сдѣлался еще сильнѣе, и мы замѣтили рыбу, длиною почти въ 40 футовъ, которая впилась въ него, и не оставляла своей жертвы. Кровь лилась ручьями, и обогрела океанъ на большое пространство. Перевѣсъ былъ на сторонѣ дельфина, и всѣ присутствовавшіе другіе киты обнаруживали свой страхъ встревоженнымъ движеніемъ. Этотъ родъ дельфиновъ имѣетъ спину цвѣта коричневаго, животъ бѣлаго, а на хребтѣ плавательныя перья. Плаваютъ они съ такою быстротою, что ихъ внимательно разсмотрѣть невозможно. Они нападаютъ на кита точно такъ же, какъ собаки на вола, и, при помощи крѣпкихъ и острыхъ зубовъ, которыми природа ихъ надѣлила, схватываютъ кита обыкновенно за челюсть, и какъ говорятъ, събѣдаютъ у него языкъ. Китоловы рассказываютъ объ этомъ родѣ дельфиновъ много происшествій, которыя всѣ свидѣтельствуютъ о необыкновенной ихъ силѣ. Они говорятъ, что такой дельфинъ въ состояніи отбить мертваго кита, влачимаго ими къ кораблю, чему было уже нѣсколько примѣровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ФЕЛИКСѢ МЕНДЕЛЬСОНѢ—ВАРТОЛЬДИ. Недавно Германія лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ музыкальныхъ виртуозовъ въ лицѣ Феликса Мендельсона-Бартольди, который, послѣ кратковременной болѣзни, умеръ въ Лейпцигѣ 4-го ноября 1847 г., на 39-мъ году отъ рожденія. — Онъ едва успѣлъ появиться на горизонтѣ, и блеснуть своими дарованіями, какъ уже ранняя могила приняла его въ свои нѣдра, и сокрыла для насъ человѣка, которому, повидимому, готовилась самая блестящая участь. Всѣ истинные почитатели

таланта покойнаго Мендельсона съ грустію вспоминають о понесенной ими утратѣ, и мы, какъ должную дань, вмѣстѣ съ ними бросаемъ цвѣты на свѣжую его могилу, и преклоняемъ голову предъ дваннымъ пѣвцомъ вдохновенныхъ пѣснопѣній.

Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, сынъ богатаго негроціанта, и внукъ знаменитаго философа Моисея Мендельсона, родился въ Берлинѣ 3 го февраля 1809 г. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ уже показывалъ большія музыкальныя дарованія. 8-ми лѣтъ еще Мендельсонъ въ состояніи былъ разыгрывать ноты à l'orgue ouvert, и пріискать правильную гармонію на всякую заданную тему; а въ 12 лѣтъ онъ обладалъ уже всѣми практическими музыкальными познаніями, столь необходимыми для композитора. Въ 1821 г. онъ имѣлъ случай отправиться съ учителемъ своимъ Зельгеромъ въ Веймаръ, и игрою своею привелъ въ восторгъ старца Гёте. Тогда уже Мендельсонъ съ удивительною бѣглостію и отчетливостію исполнялъ самыя трудныя фуги Баха и сонаты Бетховена, и обладалъ кромѣ того такою обширною музыкальною памятію, что могъ наизусть играть всѣ лучшія сочиненія Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта и Бетховена, и аккомпанировать на память даже цѣлыя оперы.

Въ 1824 г. Мендельсонъ напечаталъ первый свои произведенія: два квартета для фортепіано, скрипки, альты и виолончеля. Если въ нихъ и не замѣтно большей оригинальности, чего конечно нельзя было и требовать отъ пятнадцати-лѣтняго мальчика, за то въ нихъ видѣнъ изящный вкусъ, превосходная гармонизація, и основательныя познанія теоретическихъ правилъ музыкальнаго искусства. Счастливіе многихъ другихъ талантовъ однимъ уже независимымъ состояніемъ своего семейства, которое позволяло ему усовершенствоваться въ музыкѣ, не ища въ ней средствъ къ своему пропитанію, Мендельсонъ въ скоромъ времени написалъ третій квартетъ и сонату для фортепіано, гдѣ уже замѣтно болѣе смѣлости и оригинальности. Въ 1827 г. онъ принялся за важнѣйшіе труды, и въ скоромъ времени поставилъ на берлинскій театръ оперу въ двухъ дѣйствіяхъ, написанную имъ на сюжетъ свадьбы Гамаха. Впрочемъ успѣхъ не соотвѣтствовалъ всеобщимъ ожиданіямъ, и потому опера эта была напечатана только для фортепіано.

Въ 1829 г. Мендельсонъ отправился путешествовать. Съ самаго начала онъ посѣтилъ Лондонъ, гдѣ въ концертѣ филармоническаго общества исполнилъ одну симфонію своего сочиненія, и привелъ въ восторгъ всѣхъ слушателей. Пріятная наружность его, образованность, хорошее воспитаніе, и наконецъ независимое состояніе, открыли ему тамъ входъ во всѣ знат-

ные дома, гдѣ онъ и пользовался постояннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Послѣ того онъ отправился въ Шотландію, былъ въ Парижѣ, гдѣ участвовалъ въ концертахъ консерваторіи, поѣхалъ въ Италію, и послѣ четырехъ-лѣтняго отсутствія, возвратился въ Берлинъ. Ему было тогда уже 25 лѣтъ, и на мѣсто дѣтской скромности, въ немъ уже замѣтна была увѣренность человека отличныхъ дарованій, и даже нѣкоторая гордость и сознание собственныхъ своихъ достоинствъ. Въ 1834 г., по поводу музыкальныхъ празднествъ въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи онъ поѣхалъ въ Дюссельдорфъ и Кельнъ, гдѣ единогласно былъ выбранъ въ главные распорядителя концертовъ и вполне оправдалъ довѣренность къ нему въ столь трудномъ дѣлѣ. Но онъ не долго оставался въ этомъ званіи, и вскорѣ переѣхалъ въ Франкфуртъ, гдѣ провелъ цѣлую зиму и женился. На слѣдующій годъ онъ принялъ предложенное ему мѣсто главнаго директора концертовъ въ Лейпцигѣ, а въ 1841 г. король прусскій назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ, и, чрезъ нѣсколько времени, главнымъ директоромъ духовной музыки цѣлой Пруссіи, гдѣ онъ и оставался до самой своей смерти.

6-го ноября 1847 г. былъ торжественный выносъ тѣла Мендельсона изъ университетской церкви въ Лейпцигѣ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ университета, членовъ и учениковъ музыкальной консерваторіи, членовъ всѣхъ филармоническихъ обществъ, и многихъ знатныхъ лицъ и артистовъ. Оттуда онъ былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ, гдѣ и похороненъ на другой день на кладбищѣ св. Троицы. Безчеловечное множество лицъ, уважавшихъ талантъ покойнаго, стеклось на кладбище отдать ему послѣдній долгъ, и помолиться о успокоеніи души его въ царствіи небесномъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Мендельсонъ, по своимъ дарованіямъ, принадлежитъ къ небольшому числу музыкальныхъ знаменитостей, увѣковѣчившихъ память о себѣ до далекаго потомства; но тѣмъ не менѣе его нельзя еще поставить наряду съ Гайдномъ, Моцартомъ и Бетховеномъ, потому что онъ не обладалъ такою творческою силой, которая была достоинствомъ этихъ трехъ виртуозовъ. По своему таланту онъ слѣдуетъ непосредственно за ними, и въ музыкальномъ мірѣ все таки составляетъ такое явленіе которое считается не годами, но цѣлыми вѣками.

Талантъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ еще былъ вполне признанъ въ Германіи, Россіи и Англій; но во Франціи оцѣнка его произведеній была всегда несправедлива, и пристрастна, какъ потому, что Французы еще мало привыкли къ серьезной музыкѣ, такъ и потому, что о достоинствахъ его произведеній су-

для большаго частію люди съ поверхностнымъ музыкальнымъ образованіемъ. Въ музыкѣ точно такъ же, какъ и въ живописи и литературѣ, необходимы извѣстныя приуготовительныя познанія, чтобы вполне чувствовать и правильно понимать проявленіе въ ней ума и чувства композитора; а потому понятіе о музыкальныхъ произведеніяхъ можетъ быть тѣмъ справедливѣе, и оцѣнка тѣмъ вѣрнѣе и основательнѣе, чѣмъ обширнѣе музыкальное образованіе того, кто берется объ нихъ судить. Такииъ образомъ понимаютъ это въ Россіи, Германіи и даже въ Англіи, гдѣ оцѣнка музыкальныхъ дарованій производится людьми, которые сами въ этомъ искусствѣ занимаютъ почетное мѣсто; и могутъ понимать талантъ, хотя бы онъ и проявлялся въ формахъ самыхъ отвлеченныхъ; требующихъ, для его уразумѣнія, напряженнаго вниманія, и извѣстнаго успія и провинцательности ума.

Но во Франціи эта оцѣнка до сихъ поръ производится еще слегка, а потому и не удивительно, что тамъ не имѣютъ успѣха виртуозы, посвятившіе себя музыкѣ серьезной. Если чье-либо произведеніе не представляетъ съ перваго же раза того легкаго удовольствія, которое чувствуетъ всякій Французъ при слушаніи кадрили Мюзара, или вальса Штрауса, и, если хотите, даже музыки какой-либо комической оперы, то дарованіе такого композитора будетъ отвергнуто, и призвано развѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачъ и тяжелыхъ испытаній. Этотъ примѣръ мы видимъ въ Берлиовѣ, который въ произведеніяхъ своихъ возносится до самыхъ высокихъ музыкальныхъ соображеній, и производитъ восторгъ въ цѣлой Германіи, между тѣмъ какъ во Франціи, своемъ отечествѣ, онъ прінятъ холодно, и служитъ только предметомъ самыхъ горячихъ нападеній и преслѣдованій.

Такая же участь была и Мендельсона, который въ Германіи былъ признанъ музыкальнымъ гевіемъ, а во Франціи нашелъ себѣ многихъ противниковъ. Нѣкоторые критики, преслушавъ поверхностно одинъ разъ симфонію его *en la*, и одинъ или два хора его ораторіи *St. Paul*, сдѣлали рѣшительный приговоръ, что Мендельсонъ композиторъ ученый, но не имѣетъ ни воображенія, ни души. Общество концертнстовъ музыкальной консерваторіи не раздѣляло однакоже такого мнѣнія, и въ программу своихъ концертовъ каждый разъ включало и творенія Мендельсона, такъ что въ послѣднее время многіе уже стали понимать и чувствовать высокія красоты его произведеній.

И дѣйствительно творенія Мендельсона слушаешь каждый разъ всѣ съ большимъ и большимъ удовольствіемъ, и тѣ строгіе кри-

тики, которые были въ концертѣ парижской консерваторіи, дан-
ножъ въ началѣ прошлаго января въ память почившаго виртуоза,
не повторатъ конечно въ другой разъ, что Мендельсонъ не имѣлъ
ни воображенія ни души, послѣ удивительнаго-эффекта его сим-
фоній, растрогавшихъ до слезъ всѣхъ слушателей. Конечно имѣлъ
душу тотъ виртуозъ, который придумалъ такую страстную мело-
дію въ адажію; онъ имѣлъ воображеніе, написавъ этотъ легкій и
оригинальный scherzo. А увертюра его оперы la grotte de Fingal,
не представляетъ ли удивительную картину, исполненную ори-
гинальности и мыслей? А ораторія St. Paul, не свидѣтель-
ствуетъ ли о творческомъ воображеніи сочинителя? А орато-
рія Elie?... Но довольно объ его произведеніяхъ. Великаго компо-
зителя уже нѣтъ между нами; онъ перешелъ въ другую лучшую
жизнь, и мы, при мысли объ угасшемъ геніи, невольно вспоми-
наемъ объ немъ, какъ и о человѣкѣ добромъ, сострадательномъ
и великодушномъ, какъ о хорошемъ гражданинѣ, и истинномъ
христіанинѣ. Коротка была его земная жизнь, но онъ долго бу-
детъ жить въ воспоминаніи потомства. Онъ воздвигъ себѣ памят-
никъ, который *тверже металловъ и выше пирамидъ.*

Сообщаемъ списокъ произведеній Мендельсона:

- Op. 1. Premier Quatuor pour Piano, Violon. Alto et Basse. —
2. Deuxième Quatuor — 3. Troisième Quatuor. — 4. Sonate pour
Piano avec Violon. — 5. Capriccio pour Piano. — 6. Sonate pour
Piano. — 7. Sept pièces caractéristiques pour Piano. — 8. Douze
Chants pour voix seule. — 9. Douze Lieder. — 10. Die Hochzeit
des Gamacho Opera comiq. en 2 actes. — 11. Première Sympho-
nie. — 12. Grand Quatuor pour 2 Viol., Alto et Violoncelle. —
13. Quatuor pour 2 Viol., Alto et Violoncelle — 14. Rondo ca-
priccioso pour Piano. — 15. Fantaisie pour Piano sur une Chan-
son Irlandais. — 16. Trois Fantaisies ou Caprices pour Piano. —
17. Variations concertantes pour Piano et Violoncelle. — 18. Grand
Quintette pour 2 Violon, 2 Alt. et Violoncelle. — 19. Six Lieder
sans paroles. — 20. Ottetto pour 4 Viol., 2 Alt. et 2 Violon-
celles. — 21. Der Sommernachtstraum. Ouverture. — 22. Caprice
brillant pour le Piano avec orchestre. — 24. Ouverture pour in-
struments en Cuivre. — 25. Premier Concerto pour Piano avec or-
chestre. — 26. Deuxième Ouverture de Concert: *Die Hebriden oder
die Fingalshöhle.* — 27. Troisième Ouverture de Concert: *Meeres-
stille und glückliche Fahrt.* — 28. Fantaisie pour Piano. — 29.
Rondo brillant pour Piano avec orchestre. — 30. Six Lieder sans
paroles. — 31. Psaume (Non nobis Domine) avec chœur. — 32.
Quatrième Ouverture de concert: *Zum Märchen von der schönen
Melusine.* — 33. Trois Caprices pour Piano. — 34. Six Lieder pour

voix seule. — 35. Six Préludes et Fugues. — 36. St. Paul. Oratoire. — 37. Trois Préludes et Fugues pour Orgue. — 38. Six Lieder sans paroles. — 39. Trois Motets pour voix de femme, avec orgue ou piano. — 40. Deuxième Concerto pour Piano avec orchestre. — 41. Six Lieder pour soprano, contr'alto, tenor et basse. — 42. Le 42-e Psaume. — 43. Sérénade et Allegro pour Piano avec orchestre. — 44. Trois grands Quatuors pour 2 Viol., Alto et Violoncelle. — 45. Sonate pour Piano et Violoncelle. — 46. Le 95-me Psaume. — 47. Six Chants pour voix seule. — 48. Six Lieder pour soprano, contr'alto, tenor et basse. — 49. Grand Trio pour Piano, Violon et Violoncelle. — 50. Six Lieder pour quatre voix d'homme. — 51. Le 114 Psaume. — 52. Lobgesang. Symphonie-Cantate. — 53. Six Lieder sans paroles. — 54. 17 Variations sérieuses pour le Piano. — 55. Introduction et chœurs de l'Antigone de Sophocle. — 56. Troisième Symphonie. — 57. Six Lieder, pour voix seule. — 58. Sonate pour Piano à quatre mains. — 59. Six Lieder pour soprano, contr'alto, tenor et basse. — 60. Die erste Walpurgisnacht. Ballade pour Chœur et Orchestre. — 61. Ein Sommer-nachtstraum von Shakespeare. Chant et Piano à quatre mains. — 62. Six Lieder sans paroles. — 63. Six Lieder à deux voix. — 64. Concerto pour le Violon, avec orchestre. — 65. Six Sonates pour l'Orgue. — 66. Deuxième grand Trio pour Piano, Violon et Violoncelle. — 67. Six Lieder sans paroles. — 68. Festgesang pour chœur et orchestre. — 69. Trois Motets. — 70. — Elie. Grand oratoire. — 71. Six Lieder pour voix seule. — 72. Souvenirs d'enfance en 2 suites.

Кромѣ того, въ разные времена Мендельсонъ написалъ еще слѣдующія произведенія:

Scherzo pour le Piano. — Scherzo a capriccio, pour Piano — Todeslied der Bojaren. — Deux Romances de Lord Byron, pour voix seule. — Verleih' uns Frieden. Prière pour Chœur et Orchestre. — Andante cantabile e Presto agitato, pour Piano. — Der Blumenkranz, de Moore, pour voix seule. — Ersatz für Unbestand. Lied pour quatre voix d'homme. — Gondellied pour Piano. — Etude et Scherzo pour Piano. — Trois Chansons populaires à deux voix. — Chœur. To the evening service. — Prélude et Fugue. — Trois Chants religieux pour voix de Contr'alto, avec chœur et Orgue. — Avec *Moscheles*. Variations brillantes sur un thème de *Preciosa*, de Weber, pour Piano à quatre mains.

Мы прилагаемъ къ этой книгѣ Сына Отечества последнее посмертное произведение Мендельсона-Бартольди подъ на-

званіемъ: «Воспоминанія дѣтства.» Сочиненіе это было имъ заготовлено за нѣсколько дней до его смерти, и появилось въ свѣтъ только на дняхъ. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ мелодій, которыя вполнѣ впечатлѣваютъ состояніе души сочинителя. Въ особенности хорошъ *andante sostenuto*, написанный въ тонѣ *mi bémol*, и по легкости своей доступный для всякаго игрока. Разыгрывая эти мелодіи Мендельсона, невольно припоминаешь себѣ, что это послѣднее, и вѣчное его *прости*.

КУРМАНАЕВСКИЯ ПЕЩЕРЫ И ИХЪ ПОДЗЕМНЫХЪ ОЗЕРА. Въ стерлитамакомъ уѣздѣ оренбургской губерніи, на правой сторонѣ рѣчки Аургазы находится мещерякская деревня Курманаева, отстоящая отъ Стерлитамака въ 55 верстахъ, а отъ Уфы въ 65. Отъ этой деревни, вверхъ и внизъ теченія поминутой рѣчки, на протяженіи двухъ верствъ, расположена на правой ея сторонѣ незначительная, холмистообразная мѣстность, состоящая большею частію изъ слонстой почвы, преимущественно алебастровой формаціи, довольно мягкаго состава.

Вся поверхность этой мѣстности испещрена жерловными воронками и отвѣсными широкими трещинами въ видѣ колодець, служащими проводникомъ дождевой и снѣговой водѣ, которая, проникая потомъ извилистыми жилами въ нижнія части слоевъ, скопляется въ подземныя водохранилища, и мѣстами образуетъ пустыя пространства, представляющія различныя формы мрачныхъ гротовъ, соединенныхъ между собою многими искривленными галереями.

Двѣ изъ подобныхъ котлообразныхъ воронокъ находятся въ юговосточной части деревни Курманаевой. Обѣ котловны находятся въ разстояніи одна отъ другой не болѣе 10 сажень.

Не смотря на смѣшанное съ ужасомъ любопытство, съ каковымъ я разсматривалъ отвѣсно проходящія въ глубь земли пропасти, я рѣшился однако съ проводниками изъ Мещеряковъ и сводемъ родственникомъ спуститься въ мрачныя и страшныя по своему виду подземныя коридоры. Шестаго декабря 1847 года, запасшись нѣсколькими фонарями и лучиною, а также и достаточнымъ количествомъ соломы, для устилки коридоровъ, чтобы не имѣть сбивчиваго прохода въ этихъ пропастяхъ, мы спустились по косвенному положенію первой воронки, находящейся ближе въ рѣчкѣ Аургазѣ.

Очутясь вдругъ въ пространномъ гротѣ, мы увидѣли надъ головами своими обширныя алебастровыя своды, какъ бы искусною рукою сведенныя куполомъ; надъ центромъ этого грота проходило къ поверхности земли сквозное отверстіе въ видѣ

колодца. Къ этому мѣсту, съ трехъ сторонъ сосредоточиваются коридоры: въ 1-мъ изъ нихъ, въ 15 саженьхъ находится небольшое озерко, имѣющее въ окружности до 4-хъ сажень. Озерко это покрыто было крѣпкимъ льдомъ.

Изъ него жители деревни Курманаевой, по причинѣ горькаго свойства воды въ рѣчкѣ Аургазѣ, протекающей въ этой деревнѣ, въ продолженіе всего лѣтняго времени берутъ воду для употребленія. Вода этого бассейна чистая, прѣсная и холодная. Второй коридоръ проходитъ въ противную сторону дугообразно на 25 сажень; ширина его 2, а высота полторы сажени; стѣны его также алебастровыя. Третій или средній коридоръ, въ началѣ имѣетъ низкій проходъ, такъ, что мы принуждены были пройти въ него ползкомъ; потомъ высота его равняется одной а ширина 2 саженьямъ. На семи-саженномъ протяженіи этотъ коридоръ еще имѣетъ два дѣленія, заключающихъ въ себѣ два подземныя озера. Озера эти въ обоихъ развѣтвленныхъ коридорахъ были покрыты тоже крѣпкимъ льдомъ, а далѣе вода стояла не замерзшею. Испытавъ глубину ихъ, мы нашли ее съ краевъ до 2-хъ сажень, а по срединѣ выше 5-ти.

По сдѣланнымъ нами, вдоль этихъ озеръ, ружейнымъ выстрѣламъ, гулъ громко потрясалъ воздухъ и далеко вторило эхо.

Находя невозможнымъ далѣе продолжать путь, мы возвратились на поверхность земли.

Отъ этихъ первыхъ коридоровъ, находится на поверхности земли отвѣсно проходящая трещина, въ видѣ колодца; изъ нея постоянно дуетъ холодный вѣтеръ, въ высоту до 5 футовъ; дѣйствіе его въ воздухѣ струится въ видѣ исходящаго изъ печной трубы дыма или сильнаго пара, и брошенные въ эту трещину песокъ или снѣгъ стремительнымъ порывомъ вѣтра выбрасываются къверху. Начальное углубленіе этой трещины имѣетъ ширину и длину до 2-хъ футовъ, а глубина по измѣренію оказалась въ 6 сажень; далѣе же глубина ея имѣетъ положеніе искривленное, а потому измѣренія лотомъ продолжать было нельзя.

Потомъ въ пяти саженьхъ отъ этой трещины находятся другіе подземныя коридоры, имѣющіе начальное свое протяженіе отъ подошвы котлообразной воронки на углубленіе 5-ти сажень.

Проходъ въ эти пещеры, или подземныя коридоры довольно пространенъ, и имѣетъ видъ гротовъ; ширина ихъ до 2-хъ сажень.

Пройдя главнымъ коридоромъ пять сажень, встрѣчаешь по срединѣ его четверугольный, плотный камень; поверхность и

болта: его ширина и какъ бы обтесаны искусною рукою; длина его 1 сажень, а ширина 2 аршина. Въ боку отъ этого камня находится небольшая трещина, изъ которой струится чистая вода. Съ этого мѣста одинъ рукавъ коридора идетъ нѣсколько вправо на 10 сажень, и въ концѣ загроможденъ обвалившимися глыбами камней известковой и алебастровой формации; другой же рукавъ коридора продолжается влѣво. Пройдя по этому продолженію три сажени, встрѣчаешь другой четырехугольный камень, отъ котораго одинъ рукавъ коридора склоняясь влѣво, въ вертикальномъ положеніи, выходитъ на поверхность земли.

Главное же направленіе коридора подъ тупымъ угломъ продолжается вправо, потомъ, влѣво, а на 40 саженахъ раздѣляется на три рукава, идущіе въ равныя стороны. Съ этого мѣста коридоръ изщеры вдругъ вступо проходить тѣснымъ мѣстамъ, изъ една шокже было пройдти въ наклонномъ положеніи; и за окончаніемъ этой тѣсной и искривленной линіи, открывается обширный гротъ, изъ котораго въ лѣвую сторону почти въ параллель идутъ два рукава, неровныхъ, и болшею частію мнестыхъ.

По оставшейся въ этомъ гротѣ мокрой осадкѣ ила, а также и по обозначенію онаго на стѣнахъ грота, можно полагать, что въ этомъ мѣстѣ въ лѣтнее время бываетъ большое скопленіе воды и тѣмъ образуется значительный подземный прудъ, изъ котораго главный истокъ воды проходитъ вправо искривляясь и тоже мнестымъ коридоромъ.

Продолживъ проходъ по этому коридору, до 20 сажень, мы вдругъ очутились въ огромной ротондѣ, имѣющей видъ купола Византийскаго стиля. Окружность ея занимала до двѣнадцати, а высота до двухъ съ половиною сажень; изъ этой ротонды во все стороны лучеобразно проходятъ коридоры, которые вторично дѣлятся на разныя вѣтви. Оставшіяся на днѣ этого мѣста и на стѣнахъ алебастровый, мягкій осадочный илъ, также заставляетъ предполагать, что и здѣсь скапливается вода, составляющая во время лѣта значительный подземный прудъ.

Рассматривая положеніе этого страшнаго мѣста и его величественно нависнушіе своды, грозящіе на каждомъ шагу обрушиться, мы нашли на полу два большіе куска слюды, самаго прозрачнаго вида, и съ радужными по нимъ отраженіями. Куски эти имѣютъ длину въ 6 и въ толщину по полтора дюйма.

Воздухъ въ этомъ мѣстѣ густой, сырой и до того душный, что мы съ родственникомъ, бывши въ легкихъ сюртукахъ, ощущали на лицахъ своихъ потъ, и дыханіе становилось тяжелымъ.

По изображеніямъ, сдѣланнымъ мною, мы находимся въ углубленіи отъ горизонтальной поверхности земли до десяти саженъ, и на двѣ сажени ниже протекающей при этой мѣстности рѣчки Аургазы.

Сдѣланный ружейными выстрѣлами по протяженію боковыхъ коридоровъ громкій гулъ далеко относилъ эхо: но показавшійся въ этихъ коридорахъ очень влажный и вязкій илъ не позволилъ намъ болѣе изслѣдовать положеніе ихъ, тѣмъ болѣе, что вблизи примѣчалась и самая вода, навѣрно составляющая часть какого-нибудь значительнаго подземнаго озера.

Притомъ, замѣтивъ по часамъ, что подземное наше путешествіе продолжалось уже два часа, мы успѣли возвратиться обратно на поверхность земли. При возвращеніи нашемъ, встрѣчая множество побочныхъ коридоровъ, мы рѣшительно не узнавали нашего пути, и если бы не было сдѣлаво нами соломенной подстилки по нашему проходу, то, вѣроятно, изъ этихъ лабиринтовъ никогда бы не вышли мы на бѣлый свѣтъ.

Сталактитовъ или капельниковъ нами ни гдѣ не замѣчено.

Нѣкоторые изъ стариковъ деревни Курманаевой, удивляясь нашему отважному любопытству, объявили, что лѣтъ за 50, отецъ одного изъ стариковъ, согласилъ съ собою нѣсколькихъ товарищей отправиться съ лучиною, соломою и съ лодкою въ эти подземные коридоры. Блуждая по нимъ цѣлый день, и проходя многія озера въ бродъ, а другія переѣзжая на лодкѣ, слышали они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нижнихъ слояхъ земли, сильный грохотъ стремящихся ключей, прошли подъ рѣкою Аургазою, и наконецъ передъ вечеромъ пришли въ пещеру, которая отъ деревни Курманаевой находится въ шести верстахъ, при деревни Султамратовой.

Аосіевскій.

=

АМЕРИКАНСКІЕ ТЕАТРЫ *.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

15 октября 1847 г.

Первый театр, который я увидѣлъ, былъ на Мартиникѣ въ городѣ Сень-Шьеръ. Въ 1837 году, когда я оставлялъ эти роскошныя мѣста, чтобъ возвратиться во Францію, театральная труппа въ Мартиникѣ была довольно дурно составлена, и давала представленія дважды въ недѣлю: одинъ разъ въ Сень-Шьеръ, другой въ Форъ-Рояль.

Въ первомъ изъ этихъ двухъ городовъ былъ театръ, но въ довольно плохомъ состояніи, такъ что въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ оставался закрытымъ. Въ Форъ-Рояль разыгрывались драмы, оперы и водевили, на подмосткахъ въ зданіи въ родѣ сарая; кругомъ были поставлены скамейки, оставшіяся по большей части пустыми, что впрочемъ часто случалось и въ Сень-Шьерѣ.

Ни усилія актеровъ, ни покровительство начальства, не могли поддержать труппы — она потерпѣла кораблекрушеніе. Многого не доставало здѣсь для распространенія театровъ, но главное — не доставало публики. Труппа вслѣдствіе сего была распущена; анбаръ, служившій въ Форъ-Рояль помѣщеніемъ артистовъ, возвращенъ былъ къ своему прежнему назначенію». Театръ въ Сень-Шьерѣ былъ снова закрытъ, — и все кончилось.

Я извѣстно вполнѣ въ послѣдствіи причины этой неудачи.

Съ 1857 по 1846 годъ, обстоятельства измѣнились, и когда, пріѣхавъ снова на Мартинику, я отправился въ театръ города Сень-Шьера, чтобъ видѣть представленіе Лючіи, то должно признаться, былъ очень пріятно изумленъ.

Сначала я опишу вамъ залу: Она совершенно за-ново отдѣлана. Пауки и зѣи, селившіеся тамъ безъ церемоніи, выгнаны вонъ. На поправку было ассигновано 80.000 франковъ;

* Редакція Сына Отечества заимствовала представляемыя здѣсь читателямъ нашего журнала извѣстія объ американскихъ театрахъ, изъ писемъ французскаго моряка Xavier Еума. Извѣстія эти, весьма любопытныя и сами по себѣ, дѣлаются еще интереснѣе потому, что мы дѣтскихъ поръ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній ни о ходѣ, ни о состояніи театровъ Нового Свѣта.

театръ стоилъ этого пожертвованія, потому что постройка его въ 1824 году стоила 800,000 франковъ.

И такъ, я сказалъ уже, зала театра довольно помѣстительна; въ ней устроенъ шатръ, мѣсто для оркестра, два ряда галерей, и два ряда открытыхъ ложъ. Авансцены первыхъ богато меблированы, позади ихъ находятся отдѣльные салоны, съ правой стороны для губернатора колоній, съ лѣвой для директора внутренняго управленія, а ложи противъ сцены для мѣра съ его семействомъ, и для муниципальнаго совѣта. Театръ можетъ вмѣстить болѣе тысячи зрителей; сцена очень просторна; декорации изящны. Заванъсь представляеть (это черта мѣстнаго характера) рейдъ города Сень-Пьера, и на ней корабль, привезшій трупшу, директора, и ихъ будущую судьбу. Фойе театра состоитъ изъ двухъ длинныхъ комнатъ, соединенныхъ стеклянными дверями, и выходящихъ на обширный дворъ, обсаженный деревьями и окруженный стѣнами, служащей мѣстомъ входа въ театръ. По-срединой одной изъ комнатъ, противъ широкой двери, ведущей ко входу въ ложи, сходятся двѣ каменные лѣстницы; эта комната очень обширна, украшена зеркалами и небольшими колоннами въ коринтскомъ стилѣ. Другая комната нѣсколько менѣе, это настоящая зала.

Этотъ фойе, эта зала, этотъ театръ, отстоящіе на 800 миль отъ Парижа, не имѣютъ въ немъ ни одного соперника. Сверхъ того мѣстоположеніе театра восхитительно. Будучи обращенъ фасадомъ въ садъ, какъ я уже сказалъ, онъ построенъ на одной изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, посреди города.

Позади его находится гора, покрывающая тѣмъ образомъ весь Сень-Пьеръ. Когда въѣжаете на рейдъ, все равно съ сѣвера или съ юга, и когда только станете различать красную кровлю домовъ этого антильскаго Парижа, какъ уже этого памятника искусства явственно поразитъ ваше зрѣніе; онъ обращенъ лицомъ къ морю, за нимъ прелегаетъ бульваръ, охватывающій весь городъ; вокругъ на право и на лѣво, на вершинахъ и у подножій зданій, струятся прозрачныя ручьи, покуда быстрой бѣгой, задерживаемый утесистымъ ложемъ, производять шумъ, подобный каскаду, и еще болѣе придаетъ прелесть мѣсту.

Играли Люцію, какъ я уже сказалъ. Это было первое представленіе; зала была полнехонька; пользуясь этимъ случаемъ, я посвящу васъ въ таинство здѣшнихъ дѣлъ.

Прежде всего долженъ я вамъ сказать, что знаменитый сарай, бывшій въ Форъ-Рояль, и исчезъ съ лица земли во время землетрясенія 1829 года, и съ тѣхъ поръ тотъ театръ, кото-

раго изданный эскизъ я старался вѣтъ нарисовать, сдѣлавъ единственнымъ убѣжищемъ здѣшнихъ актеровъ.

Сверхъ того, нынѣ дважды въ недѣлю, именно въ дни представлений, ходитъ изъ Форъ-Роая въ Семъ-Пьеръ небольшой пароходъ, и сокращаетъ переездъ, на который прежде должно было употреблять по пяти часовъ, лежа на днѣ грязнаго, такъ называемаго почтоваго баркаса, и, къ довершенію всего, подвергая жизнь свою опасности; теперь же эта переправа, съ величайшимъ удобствомъ, совершается въ два часа. Вы конечно согласитесь, что до отправленія парохода, не могло найтись между данами много охотницъ, предпринимать эти мучительныя путешествія; готовясь къ нынѣ должно было призывать нотаріуса, чтобъ сдѣлать законное завѣщаніе. По чести, это уже слишкомъ не весело.

Но теперь по милости паровъ, все высшее общество изъ Форъ-Роая постоянно является на представленія въ Семъ-Пьеръ, и увѣрю васъ, Европеецъ, находящійся въ первый разъ въ этомъ собраніи, будетъ ослабленъ его пестротой.

До сихъ поръ, главнымъ препятствіемъ къ процвѣтанію здѣсь театра, были предрассудки кастъ и цвѣтовъ. Бывало старались избѣгать спектаклей, чтобъ не очутиться тамъ рука объ руку съ цвѣтными, а эти послѣдніе, громкогласно жалуясь, что ихъ не пускаютъ въ хорошія мѣста, тоже отказывались дѣлать честь театру своимъ присутствіемъ. Но чѣмъ же все это оканчивалось? Директоры, не имѣя никакой почти публки, закрывали театръ, и такимъ образомъ народонаселеніе лишалось своего лучшаго удовольствія. Къ счастью, время ослабило пустые предрассудки, и если они еще не совсѣмъ исчезли, то съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются; этому-то обстоятельству жители и обязаны существованіемъ нынѣ театра.

Щедрѣе нынѣють теперь право, паравъ со всѣми прочими гражданами, занимать всѣ мѣста наряду съ бѣлыми; вслѣдствіе этого, галереи представляютъ глазамъ престоанную картину, черныхъ, бронзовыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ лицъ, уставленныхъ въ рядъ, подобно четкамъ съ разноцвѣтными зернами. Люди по большой части абонируются на цѣлый сезонъ сессіями бѣлыхъ и некоторыми богатыми туземными уроженцами; но число послѣднихъ не велико. Такимъ образомъ видъ ложъ перваго яруса имѣетъ общую и правильную окраску; здѣсь все было и красиво; здѣсь все обнаруживаетъ прекраснѣйшій тонъ женщины, средній здѣшнему климату, и неизвѣстный въ Европѣ. Вы встрѣчаете на каждомъ шагѣ великолепныя плечи, роскошныя волосы, а глаза такіе, что одной изъ

ры достаточно было бы для ослѣщенія, цѣлой залы; равнымъ образомъ и наряды отличаются хорошиимъ вкусомъ.

Статья о нарядахъ есть второе изъ величайшихъ препятствій къ благоденствію театра на Мартицикѣ; вы сейчасъ узнаете почему. Креолки, къ блеску красы которыхъ убранство хотя и не можетъ прибавить ни одного луча, имѣютъ разительное сходство со своими сестрами стараго свѣта въ томъ, что такія же ужасныя кокетки, и любятъ соперничать прелестями одна передъ другой. За то вы не найдете ни въ Итальянскомъ театрѣ, ни въ Оперѣ костюмовъ болѣе блистательныхъ; а такъ какъ лица, которыя здѣсь встрѣчаются все почти одни и тѣ же, а для женщины нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ явиться два раза сряду въ одномъ и томъ же платьѣ, или наколкѣ, то дѣло и оканчивается обыкновенно тѣмъ, что мужья начинаютъ находить эту забаву черезъ-чуръ дорогою, и всѣми мѣрами стараются охладить въ своихъ дражайшихъ половинкахъ страсть къ театру.

Ложи второго яруса представляютъ зрѣлище гораздо болѣе разнообразное и живописное. Здѣсь собираются женщины и дѣвушки цѣлтыя, общественное положеніе которыхъ чрезвычайно трудно опредѣлить. Наружность этой части залы несравненно темнѣе; черныи цвѣтъ кожи здѣсь господствуетъ надъ желтымъ, а бѣлыя лица почти совсѣмъ не попадаютъ на глаза. Но на этомъ темномъ грунтѣ передъ вами пестрѣетъ множество яркихъ шелковыхъ платковъ, изъ которыхъ женщины дѣлаютъ себѣ самыя прихотливыя и красивыя накладки. Куча блестящихъ вещей украшаютъ зрительницъ этого яруса; серьги, висающія до половины шеи, ожерелья, тяжесть которыхъ пригнула бы къ землѣ нашихъ иодицъ, браслеты, золотыя пуговицы, разноцвѣтные камни и пр.... однимъ словомъ, гораздо болѣе роскоши, чѣмъ въ первомъ ярусѣ. Здѣсь вы услышите странные разговоры, туземныя нарѣчія, споры, крикъ, взрывы смѣха, все это вмѣстѣ производитъ оглушающій шумъ: здѣсь царство веселости, дерзости и безирравственности. Можно держать пари, что за мѣста всѣхъ этихъ женщинъ заплачено не мнѣ. Въ день спектакля, вы не выйдете на улицу безъ того, чтобъ двѣ или три изъ этихъ женщинъ не выпросили у васъ подъ разными предлогами, нѣсколькихъ су, чтобъ вечеромъ отправиться въ театръ.

За вторымъ ярусомъ слѣдуетъ раскѣ. Это единственное мѣсто, куда допускаются негры обоаго пола (во второмъ ярусѣ доступъ имѣютъ только люди свободнаго состоянія). Здѣсь опять видъ совершенно различный отъ прежнихъ. Не думайте, что

вы не встрѣтите равно ничего, кромѣ рудбищъ и нищенства; напротивъ того, нерры, которые бываютъ въ театрѣ, всегда очень прилично одѣты, во фракъ или въ казакниъ, но только всегда босы. Ихъ никто къ этому не принуждаетъ, но, не привыкши къ обуви, они начинаютъ чувствовать эту потребность только съ получениемъ свободы. Женщины, равнымъ образомъ, одѣты довольно опрятно, даже по временамъ съ роскошью; но должно вообще замѣтить, что, вы уже не увидите той смѣлой веселости, не услышите того непринужденнаго смѣха, которыми отличается второй ярусъ; здѣсь царствуютъ какая-то молчаливость и суровость. Такимъ образомъ зала представляеть для глазъ три или четыре картины совершенно другъ съ другомъ не сходныя, но очень любопытныя для наблюдателя, потому-что каждая служитъ какъ бы представительницей особаго разряда людей.

Оркестръ театра очень хорошъ; онъ составленъ изъ любителей и артистовъ города, и только одинъ режиссеръ принадлежитъ къ труппѣ.

Изъ лучшихъ пѣвицъ труппы, которыхъ впрочемъ очень не много, я упомяну о г-жѣ Нишанцъ, которая исполнила роль Лючин довольно удачно, и имѣеть очень пріятный голосъ. Изъ пѣвцовъ отличался молодой баритонъ г. Мейеръ, подававшій большія надежды, но ко всеобщему сожалѣнію, скончавшійся послѣ непродолжительной болѣзни.

Должно замѣтить вообще, что препятствія къ постоянноу успѣху театральныхъ предпріятій въ колоніи состоятъ въ томъ, что посѣтители всегда одни и тѣ же. По этому ни одна пѣса не можетъ быть дана болѣе четырехъ разъ въ продолженіе сезона. Отсюда проистекаетъ необходимость директору постоянно заботиться о постановкѣ новыхъ пѣсъ, а актеру предстоить мучительная обязанность безпрестанно затверживать новыя роли.

Принимая въ соображеніе это невыгодное положеніе, я думаю, что театръ въ Сенъ-Пьеръ не можетъ долго существовать не смотря на то, что, въ продолженіе полугода, городъ ежемѣсячно выдаетъ въ пособіе директору по 1,500 франковъ, и на всѣ старанія послѣдняго, удовлетворить вкусу публики.

ИЗЪЕМО ВТОРОЕ.

Театръ сѣвъ-американскій.

Въ Антильскомъ архипелагѣ существуетъ предубѣжденіе, что только на малыхъ Антиллахъ можетъ быть театръ и актеры. Я сейчасъ объясню причины этого предубѣжденія.

Французскіе Антиллы были населены въ началѣ, и въ разные времена впоследствии, по большей части дворянами, которые, являясь на эти отдаленные берега со шпагой на боку, пустымъ кошелькомъ въ карманѣ, и иногда съ известнымъ писемъ, привозили вмѣстѣ съ собою привычку къ удовольствіямъ, среди которыхъ провели свою молодость и истратили состояніе, привозили понятія о роскоши и о потребностяхъ образованнаго человека. Это не были спекулянты, пріѣхавшіе обогатиться, а по большей части изгнанники, которыхъ несчастная звѣзда заставляла оградиться океаномъ отъ кредиторовъ. Къ нимъ присоединялись офицеры, которыхъ привлекали сюда надежда войны или обязанности службы, и наконецъ лица принадлежащія къ администраціи, обязанныя быть здѣсь представителями королевской власти. Все эти люди рѣшались покинуть Францію, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ увезти, на своихъ багмакахъ съ красными каблуканми, частицу родной земли, и найти подъ новыми небесами все се удовольствія; они и не преминули это сдѣлать.

Такъ какъ изъ всѣхъ родовъ увеселеній, театръ самое разнообразное: онъ въ одно и тоже время занимаетъ и зрѣніе и слухъ и воображеніе, и равно доставляетъ удовольствіе и самымъ высокимъ умамъ и сердцаамъ самымъ наивнымъ, то онъ и не замедлялъ здѣсь воздвигнуться.

Только на французскихъ Антиллахъ могъ существовать театръ; но въ Англійскихъ колоніяхъ это было невозможно: народонаселеніе послѣднихъ протекало вовсе не изъ того свѣтлаго источника, который перебросилъ избытокъ водъ своихъ во Францію Нового Свѣта. Англійскія колоніи были населены людьми, ненавидѣвшими всякія эстетическія удовольствія. Это были по большей части спекулянты, ремесленники, старавшіеся изъ всего извлекать выгоду, люди серьезнаго характера, имѣвшіе страсть къ оборотамъ и твердо рѣшившіеся не терять безъ необходимости ни времени, ни денегъ.

Нѣтъ явленія безъ причины. Театръ явился во французскихъ колоніяхъ, гдѣ предки наши, любя великолѣпіе, построили пространные и многолюдные города, и не явился въ англійскихъ, гдѣ вмѣсто городовъ были небольшія села.

Поэтому я уже не надеялся болѣе увидѣть театръ въ здѣшнемъ архипелагѣ. Представте же себѣ мое удивленіе, когда на другой день по прїѣздѣ моемъ въ сен-винцентскую колонію, я увидѣлъ чудовищную афишу, прибитую на дверяхъ гостиницы, въ которой я остановился. На этой афишѣ буквами величинаю въ кулакъ, было напечатано объявленіе о спектаклѣ, имѣющемъ быть на другой день въ *RoMteschnic Athenaeum*; въ полаху гостиницы помонги.

— Такъ у васъ здѣсь есть театръ? спросилъ я у моей хозяйки, г-жи Катъ.

— Великолѣпный, отвѣчала она.

— Но если есть театръ, стало быть есть и труппа.

— Разувется.

— А хороша ли она? спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Лучшей не найдете во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ.

— Чортъ возьми! стало быть вы имѣете особенныя привилегіи на этомъ уголкѣ земнаго шара.

— Впрочемъ ихъ немного, прибавила моя хозяйка, не болѣе двухъ сотъ.

— Двухъ сотъ! вскричалъ я.

— Да.

— Я, вѣроятно, васъ не понялъ, любезнѣйшая г-жа Катъ.

— Если вы мнѣ не вѣрите, то попросите вашего прїятеля г-на Антони сводить васъ въ крѣпость Шарлотъ, вы ихъ тамъ сами увидите.

— Въ крѣпость Шарлотъ! теперь ужъ я ровно ничего не понимаю.

— Вы спрашиваете меня есть ли здѣсь театръ?

— Да.

— Есть ли здѣсь войско?

— Ничего небывало.

— Такъ о чемъ вы спрашиваете?

— Я спрашиваю, есть ли здѣсь труппа.

— А я вамъ отвѣчаю, что здѣсь есть войско.

Моя хозяйка жила довольно долго на Мартиникѣ, и выучилась тамъ довольно хорошо объясняться по-французски, но я начиналъ бояться, что недостатокъ въ практикѣ этого язы-

Мы считаемъ долгомъ объяснить, что на французскомъ языкѣ здѣсь ходитъ игра словъ, которую невозможно перевести, отъ одинаковаго произношенія словъ, *troupe*—труппа, и *trouper*—войско.

ка былъ причиною настоящаго недоумѣнія тѣмъ болѣе, что я не могъ полагать, чтобъ она съ намѣреніемъ играла словами, а потому и рѣшился предложить ей мой вопросъ другимъ образомъ.

— Любезная г-жа Катъ, сказалъ я ей, вы не понимаете другъ друга, — рѣчь идетъ не о войскѣ, которое находится въ крѣпости, я спрашиваю васъ хороши ли эти актеры, которыхъ видѣла я давеча прочталь на афишѣ? поняли ли вы меня теперь?

— Вы не можете себя представить, милостивый государь, какъ мы хорошо понимаемъ другъ-друга, возразила моя хозяйка, но вы сейчасъ все увидите.

Сказавъ это, она вышла изъ комнаты, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ афишкой, подобной той, какую я уже видѣлъ; она положила ее передо мной, и потомъ, указывая мнѣ пальцемъ, какъ маленькому ребенку, слогъ за слогомъ, заставила прочесть всю афишку. Къ величайшему моему удивленію я прочелъ слѣдующее: *Имѣетъ быть дано большое представленіе, въ пользу гостиницъ колоніи, офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами 13-го полка королевскихъ егерей.*

— А актриссы? спросилъ я, прервавъ чтеніе; вѣроятно нѣсто ихъ занимаютъ какія-нибудь шинкари?

— Продолжайте, сказала хозяйка, указывая на афишу.

И я прочелъ: «Роли женщинъ будутъ играть капралъ Жанъ-Макъ-Инь, барабанщикъ Робертъ, и солдаты Даніель Брозеръ и Шельсъ». — Окончивъ чтеніе, я поднялъ глаза на г-жу Катъ; она гордо стояла, скрестивши руки и улыбаясь.

— Ну что! сказала она, не правду ли я говорила, что мы понимаемъ другъ друга. Но вотъ вы удивитесь тому, когда увидите, какъ эти солдаты маневрируютъ на сценѣ; въ особенности я рекомендую вамъ молодаго артиллерійскаго поручика Б..... вотъ красавецъ-то.

— А театръ, вѣроятно, помѣщается въ одноиъ изъ бастіоновъ крѣпости?

— Съ чего вы это взяли? возразила она, гордо подбоченясь. Онъ стоитъ на Гэй-Стритѣ у католическаго кладбища, противъ собора. Хотите вы идти туда?

— На кладбище?

— Нѣтъ, въ театръ.

— Испреимно, хочу даже сію минуту, вы мнѣ столько рассказали объ немъ чудсѣ.

— Прежде представлѣнія невозможно, завтра въ его увидите въ полномъ блескѣ. Вотъ билетъ...

— Вотъ два доллера, г-жа Катъ. Постарайтесь мнѣ показать дорогу къ Гей-Страту.

Я отправился съ твердою рѣшимостью проникнуть въ залъ театра, чтобъ потомъ избавиться отъ представлѣнія. Дойдя до лавбища, я увидѣлъ по правую руку какое-то большое каменное зданіе, противъ котораго находилось длинное и изящное деревянное зданіе; недавнія поправки придавали ему дѣстрый видъ плаत्या арлекина; на сторонѣ, обращенной на улицу, находились три или четыре двери; наровнѣ съ крѣпшею была прибита доска съ надписью: Politechnic Athenaeum. Я былъ у предмета моихъ поисковъ. Но въ залу должно было входить со двора, обнесеннаго заборомъ, а ворота были на крѣпко заперты, и некому было ихъ отворить. Съ отчаянія, я обратился къ сосѣдямъ, просилъ, убѣждалъ, обещалъ дать денегъ тому, кто введетъ меня въ это святилище искусствъ, но увы! никто не могъ помочь моему горю: ключи были у сторожа, а онъ жилъ въ крѣпости. Дѣлать было нечего. Полюбовавшись еще величественною наружностію зданія, я отправился, повеса носъ, на свою квартиру.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя на столѣ записку прелестной леди С..... жены губернатора. Она приглашала меня прійхать къ нимъ обѣдать, и потомъ виѣхать въ спектакль къ ней въ ложу. Въ назначенный часъ я былъ у нея; отобѣдавъ по англійски, мы все отправилась въ театръ.

Знаменитыя ворота были наконецъ отворены, и я могъ любоваться фасадомъ Politechnic Athenaeum, украшеннымъ двумя деревянными столбами, которыми поддерживался капитель, окруженный небольшимъ карнизомъ. На фронтисписѣ была повторена надпись, которую я уже прочелъ снаружи. Четыре солдата стояли на часахъ у наружныхъ дверей, а пять или шесть полицейскихъ служителей разогнали напочтыми ударами мальчишекъ, тѣснявшихся у входа. Въ сѣняхъ былъ поставленъ столъ, за которымъ сидѣли четыре унтеръ-офицера, исполнявшіе должность контролеровъ; двѣ двери, со скрипомъ отворявшіяся, вели въ узкій коридоръ, надъ ними была прибита надпись: *въ залъ курить воспрещается*. Приказъ этотъ исполнялся во всей строгости добрыми гражданами, но не свѣчами, которыя ужасно дымились.

Напоследокъ мы кое-какъ добрались до своей ложи; оркестръ, составленный изъ полковыхъ музыкантовъ, прогремѣлъ веселую фанфару въ честь начальника колоніи.

На свободѣ я началъ разсматривать эту залу, дѣло которую хозяйка моя мнѣ такъ много наговорила. Ни гдѣ украшений, ни слѣда живописи, ни одного доскутка шелка или бархата! Десять или пятнадцать венкетовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, грустно освѣщали залу; въ ложахъ поставлены были простые стулья, и въ этомъ состояло все убранство.

Дверица и узкая зала вѣнчала всего однимъ рядъ ложъ; онъ винулся вдоль стѣны совершенно параллельно другъ другу; между ложами въ концѣ залы, была поставлена апошесонронъ шпиль батальонъ скансонъ, у подножя его лежала одна шарперъ, а надъ нимъ висѣла галерея.

Ложы были заняты самыми дамами богато-одѣтыми; въ оркестръ засѣдали туземцы, а въ партеръ толкалась вся городская чернь.

Занавѣсъ поднимался и опускался для пяти нѣтъ, нѣтъ которыхъ одинъ разыгрывались солдатами и унтеръ-офицерами, а другія одними офицерами. Я говоря по чистой совѣсти, я раскаялся въ предубѣжденіи, съ которыми пришелъ въ театръ, и вполне согласился съ преисудрой пословицы, что не должно судить по наружности! Называйте, если вамъ угодно, мой рассказъ мненьемъ, которымъ такъ часто величаютъ рассказы путешественниковъ; но я уверяю васъ, что просто былъ пораженъ свѣтлостью и развязностью актеровъ, и несколько разъ аплодировалъ отъ чистаго сердца.

Всего болѣе занимательно было появленіе на сцену трехаршинныхъ красавицъ; каждый выходъ ихъ служилъ поводомъ къ страшному взрыву смѣха въ партеръ и галерею, и къ безконечнымъ остротамъ и замѣчаніямъ, что прерывало, на цѣлыя десяткіи минутъ, ходъ дѣйствія. Спектакль кончился въ часъ по полуночи. Я не забылъ рекомендаціи г-жи Катъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, во все время представленія, выхода подручка Б... онъ вышелъ.. ни одного восклицанія, ни одной шутовской выходки не раздалось въ залъ; между зрителями пробѣжалъ ропотъ удивленія, и дѣйствительно трудно представить себѣ болѣе развязности, болѣе естественности, съ какою онъ носилъ свой костюмъ, и болѣе женской прелести въ чертахъ лица и въ выраженіи физиономіи.

Я не хотѣлъ вѣрить, чтобъ это былъ переодѣтый мужчина; но одна молоденькая дама сказала мнѣ съ такимъ убѣжденіемъ, что я тотчасъ же повѣрилъ ей на слово. Вѣроятно, вы слышали бы то же самое.

Подобныя представленія повторяются разъ пять въ годъ, и

служить поводомъ къ праздникамъ и увеселеніямъ, а даманы дивныя съ гнѣвъ и случаемъ къ похулкѣ обновы.

Я до встрѣчалъ болѣе театровъ на малыхъ Антиллахъ, ходя и предполагалъ найти въ Сомъ-Томасъ, богатой и многолюдной колоніи, гдѣ вѣтъ театра, вѣроятно оттого, что жители говорятъ на безцеленномъ мѣшествѣ различныхъ диалектовъ и не имѣютъ ни одного общаго.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Comédie française. *Théâtre.* комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г. Rolland de Villargceaux.

Герой комедіи Терзита Гомера. Это тотъ сварливый и уродливый путь, котораго Агамемнонъ ударилъ своимъ кулакомъ въ собраніи Грековъ, за то что онъ сѣлся надъ героємъ, оплакивавшимъ мертвую Пентезлею. Г. Вилларсо взялъ его сначала какъ типъ низкихъ страстей, ничтожной злости, и представивъ его въ двойномъ его безобразіи, уродства и пороковъ, онъ хотѣлъ доказать на немъ могущество женщины въ перерожденіи дурной природы, какъ бы она ни была низка и презрительна. Онъ исправилъ и переродилъ Терзита любовію.

Прекрасная греческая невольница Низенсо была любима Денерономъ, но она его ненавидѣла, какъ своего властелина и притѣснителя. Обжора Галиклесъ, и Меріонъ поэтъ, тоже преслѣдуютъ ее своею любовію, но она обоихъ ихъ презираетъ, одного за низкую и злую душу, а другаго за то, что вѣчно уносимый своими стихами, онъ былъ несносенъ. Однакожъ надобно ей было сдѣлать выборъ, и взять себѣ мужа; таковъ былъ приказъ греческаго совѣта страшнагося ея вліянія на умъ Денерона, какъ прежде они страшились вліянія Бриземсы на сердце Ахилла. Но Денеронъ, принужденный даровать свободу своей невольницѣ и выдать ее замужъ, хотѣлъ, подъ видомъ покорности, уклониться отъ повелѣнія совѣта. Увѣренный въ Галиклесъ, убѣжденный, что этотъ низкій рабъ будетъ столь же услужливый мужъ, сколько былъ подлымъ любовникомъ, онъ въ тайнѣ рѣшается соединить его съ Низенсою. При такомъ мужѣ, права его на невольницу остаются бы въ предѣлѣ положеніи. Но Низенсо видѣла задумо

и избѣжала ее. Когда аѳонскіе повелители пришли принуждать ее исполнить приказъ совѣта, она не обратила вниманія на просьбы Галликлеса, осталась равнодушна къ мольбамъ пламеннаго Меріона, и чтобы лучше осмыслить ихъ, выбрала въ мужа безобразнаго Терзита.

Венера соединилась съ Вулканомъ. Деифронъ не видѣлъ ничего худаго для себя въ этомъ замужествѣ, онъ не находилъ въ немъ ничего для себя страшнаго, кромѣ наружности мужа. Онъ больше всѣхъ сивялся надъ этимъ бракомъ, и воображалъ себя назначеннымъ играть роль Меріона, въ этомъ неровномъ бракѣ; но онъ ошибся.

Правда, что Терзитъ былъ еще дурнѣе Вулкана, но за то Ницеиса, хотя и простая смертная, была не хуже Венеры, и сила воли ея, соединенная съ ея прелестями, была могущественнѣе, чѣмъ воля самой богини. Отъ ея взгляда Терзитъ какъ бы переродился, и изъ чудовища сдѣлался поэтомъ: Оскорбленный Меріономъ, во время спора о поэзии, онъ почувствовалъ себя по этому низъ его сердца, какъ изъ свѣтлаго источника, вымывалась слѣдующія строфы:

Lycos aime Néèze, elle belle railleuse,
Montrait ses pieds du bouc avec un doigt moqueur,
Et le faune courbait sa tête soucieuse,
La honte dans le coeur.

Un jour il la trouva dans le bois endormie,
Comme il la contemplait à travers les rameaux,
Près d'elle une vipère hypocrite ennemie
Dérroula ses anneaux,

L'amour donna du coeur au faune ridicule,
Néèze s'éveillant, d'un regard effrayé,
Lui vit prendre en ses mains le serpent comme Hercule
Et le jeter broyé.

Le plaisir du danger colorait ce front jaune:
L'amour lui même était dans cet oeil plain de feu;
Néèze fut émue: elle oublia le faune
Et ne vit que le dieu.

Эта прекрасная импровизація, доставившая первенство Терзиту, сдѣлавшемуся поэтомъ, была первымъ чудомъ. Нужно было еще второе чудо, болѣе поразительное, чтобы дать Терзи-

ту право любить Низенсу. Онъ долженъ былъ сдѣлаться геро-
емъ — и онъ сдѣлался.

Низенса, похищенная Денерономъ, воскликнула: Терзигъ, спа-
си меня, и Терзигъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ непреребор-
ную силу и мужество.

Moi, le sauver, o tête adorable et chérie!
Tes yeux sont suppliants et ta bouche me prie!
Ah! laisse-moi puiser dans ces regards divins
La vertu qui nous met une épée en ses mains,
Je ne me savais pas fort de tant de tendresse.
J'ai senti sur mon coeur le coeur de ma maîtresse
Et plus heureux qu'Antée aux efforts renaissans.
J'étoufferais Hercule entre mes bras puissans.

И вдохновленный любовью, онъ торжествуетъ надъ похити-
телемъ. Этими оканчивается эта совершенно гонеровская комедія,
которая выражена вполне полустихиемъ Вергилія: Quid
foemina possit!

Gymnase. La Clé dans le dos, комедія-водевилъ въ одномъ дѣй-
ствіи, соч. гг. Duvert et Lauzanne.

Атаназъ долженъ черезъ день жениться на своей кузи-
нѣ. За нѣсколько дней онъ уже омеблировалъ превосходные
покои, чтобы принять свою тетку г-жу Лардешъ и свою невесту
Изабеллу. Люсіанъ, пріятель Атаназа, упрощиваетъ его усту-
пить на нѣсколько времени эту квартиру, чтобы принять въ ней
одно дипломатическое лицо. Атаназъ отдаетъ ему ключъ отъ
своей новой квартиры, тѣмъ съ большою охотою, что хочетъ
еще нѣсколько времени покутить холостякомъ. Наконецъ
наступаетъ минута, когда по условію онъ долженъ снова вой-
ти во владѣніе своимъ новымъ жилищемъ. Атаназъ звонитъ,
но дверь не отворяется; какое несчастіе! Люсіана вѣтъ дома,
а г-жа Лардешъ очень скоро можетъ пріѣхать съ Изабеллой!
Не принимать же ихъ на площадкѣ, передъ квартирой, хотя въ
этотъ день площадка и имѣетъ необыкновенно праздничный
видъ, по случаю бала у сосѣда.

Атаназъ звонитъ еще сильнѣе, наконецъ за дверьми раздаст-
ся голосъ, но ни сколько не похожій на мужской. Это откры-
тіе, какъ громомъ, поражаетъ бѣднаго жениха. Такъ вотъ то
государственное лицо, которое Люсіанъ принимаетъ въ своей
квартирѣ, да это злоупотребленіе моей доверенности! Что sedi
вдругъ явится г-жа Лардешъ, съ Изабеллой; Атаназъ бѣсится,
проситъ женщину отворить дверь, но она возражаетъ умоляющимъ

голосою, что не может этого сделать, и широкими свое доброе имя его великодушию. А моя репутация... mademoiselle... madame... Это должно быть дико, подумала она; развѣ вы не знаете, что я не должна тому се ссорить? Но эта дама замужем... Мужъ ея на балѣ у сосѣда и съезжута на минуту можетъ прийти. Атаназъ въ отчаяніи бѣжитъ къ дворнику, чтобъ узнать о своемъ ключѣ, но дворника никакъ нельзя отыскать.

Въ эту критическую минуту является тетя Лардешъ, это важная барыня, которая требуетъ, чтобы ей оказывали уваженіе, чтобы вся оказанная предъ ея волею, начиная къ ласканика, которому грозитъ расстрѣлять его свадьбу за то, что онъ ее заставляетъ ждать на площадкѣ. Но счастливо, она приглашена на балъ къ сосѣду, куда и отправляется вместе съ Мабеллой. Атаназъ, какъ сумасшедшій, кинулся отыскивать дворника и наконецъ ловитъ его на ходу: мой ключъ! кричитъ Атаназъ, задыхаясь. Вашъ ключъ? развѣ онъ не у квартиры? Нѣтъ? А, погодите, нѣтъ ли помнится, что одной дамѣ, изъ приглашенныхъ на балъ, сдѣлалось дурно при выходѣ изъ кареты, у ней пошла кровь изъ носу, у ней было.... Какъ называете вы это сударь? геморрой? именно геморрой, ей положили за спину ключъ, вѣроятно это былъ вашъ, а поправившись она не забыла вынуть его и втролне тайкуетъ теперь съ вашимъ ключемъ! И вотъ Атаназъ осматриваетъ внимательно всѣхъ дамъ, выходящихъ съ бала; нѣтъ ли одной приглашенной, которой бы онъ не сдѣлалъ комплиментъ, онъ подслуживается къ каждой женщинѣ, и старается въ это время самымъ деликатнымъ образомъ пощупать ее спину, и все понапрасну.

Негодование обименной скромности заставляетъ его перенести тысячу неприятностей. Въ довершенію несчастія, г-жа Лардешъ, женщина строгихъ правилъ, скрывающая половину своей чѣстудей физиономіи за золотыми очками, даетъ ему не болѣе четверти часа на отысканіе ключа.

Атаназъ узнаетъ, что на дамѣ, которой было дурно, надето голубое платье. Горе голубыя платья! восклицаетъ она съ жаромъ; но такъ какъ не все голубыя платья являются на площадку, то Атаназу приходитъ мысль отправиться на балъ. Онъ въ скортухѣ, и явиться на балъ невозможно. Что если я одѣнась музыкантомъ? превосходная мысль! и Атаназъ отважно входитъ, говоря, что онъ замѣщаетъ флейтиста Годиво. Дѣйствительно, онъ играетъ на трубу, какъ котъ, даже ослиное ржаніе, и что въ сравненіи съ звуками, какіе Атаназъ извлекаетъ изъ своего инструмента. Его съ торжествомъ вырываютъ.... Наконецъ является Люсианъ, но онъ не одинъ, онъ съ какими-то банирорами,

преураженности старичишкой: Гдѣ мой ключъ? вѣдичка. Ага-
виза — Раба Бога не спрашивай его тебѣ! это мужъ той дамы,
которая заперта въ твоей квартирѣ; надо, чтобы онъ сейчасъ
ушелъ. — Достой, отыскаецъ Атавизъ, и не старайся несорочить;
съйти въ господнюю, онъ уйдетъ со мною безъ великаго обя-
зательствъ, а только что выйдемъ на улицу, я увернусь отъ него
и возвращусь сюда за моею ключомъ. Атавизъ, скоритесь съ:
бакиромъ; но ключъ, который ему отдаетъ потопъ Лирсизъ,
вовсе не отъ его квартиры, онъ съ кѣмъ нибудь вѣроятно пе-
редѣлился. Занавѣсъ опускается, въ ту минуту, когда наконецъ
предъ Атавизомъ открывается его дверь, и видѣтъ съ тѣмъ и
вѣдая будущность мужа и порядочнаго человѣка.

Авторы пьесы были единодушно вызваны и осыпаны руко-
плесканіями.

OPERA. *Griselidis ou les cinq sens*, пантомимный балетъ въ трехъ
дѣйствіяхъ, и пяти картинахъ, соч. гг. Dumapог и Mazilier.

Дѣйствіе происходитъ въ Богеміи. Старый король Владиславъ
издумалъ женить сына своего Эльфрида на дочери господаря
Молдавіи. Эльфридъ холодный, равнодушный ко всему, кромѣ
своего оружія и звука военныхъ трубъ, не любящій ни вина,
ни цѣтовъ, ни женщинъ, соглашается на этотъ бракъ, безъ
радости, и безъ сожалѣнія. Между тѣмъ одна молоденькая па-
стуха, Гризельда, пробирается въ галерею замка и кладетъ
внѣзкъ изъ васильковъ и свой прекрасный медальонъ на по-
душку, гдѣ лежитъ діадима невѣсты молодого принца. Эль-
фридъ, по возвращеніи своемъ, увидѣлъ медальонъ и затрепеталъ!

«О неожиданность! прелестный образъ!... Это та, которую
бы онъ могъ любить! онъ не въ силахъ теперь жениться на дру-
гой. Владиславъ велитъ ему ѣхать... онъ отговаривается, умо-
ляетъ... Но принужденный гнѣвнымъ отцомъ, рѣшается пожеер-
твовать собою. Гризельда, не теряя его изъ виду, слѣдуетъ за
нимъ въ постель ему своимъ мелодическимъ голосомъ:

«Arrête, enfant, arrête!

«Ne quitte pas ces lieux!

«Je suis la voix secrète,

«La voix qui vient des cieux.»

Чувство странное, незнаемое, въ первый разъ пробуждается
въ Эльфридѣ, это слухъ.

Въ третьей картинѣ, мы видимъ Эльфрида въ гостиныхъ у пра-
вительна Благграда...

«Не душно, никакихъ привѣтвеній, никакихъ церемоній, го-

ворить онъ ему, жаръ несносенъ, ночь такъ прекрасна. Я усту на этой скамейкѣ въ вашемъ прелестномъ саду.» Едва лишь принцъ успѣлъ заснуть, какъ Гризельда является подобно видѣнью, и цѣлуетъ его въ лобъ. Эльфридъ мгновенно пробудился! Ему чудится, что милыя уста, поцѣловавъ, опалили его голѣву. Сердце его сильно бьется, голова горитъ, это опять новое неизвѣстное ему наслажденіе, это наслаженіе!

Послѣ того онъ однажды охотился въ лѣсу; вдругъ къ ногамъ его упадаетъ цвѣтокъ, искусно брошенный Гризельдой. Нашъ герой, еще недавно равнодушно смотрѣвшій на цвѣты корзины съ цвѣтами, поднимаетъ розу, брошенную ему, вдыхаетъ ея запахъ, и чувствуетъ доселѣ неиспытанное наслажденіе; это — обаяніе.

Въ это время слуга докладываетъ ему, что приготовленъ завтракъ. Эльфридъ, запятый мечтою своего сердца, призываетъ смерть, потому что тщетно ищетъ любимую нѣтъ женщину! Гризельда снова является, усыпляетъ его, магнетизируетъ, навѣваетъ ему тысячу восхитительныхъ сновидѣній, и наполнивъ виномъ чашу, подноситъ ее Эльфриду, который съ радостію выпиваетъ этотъ упительный нектаръ, и узнаетъ вкусъ. Не спрашивайте, какииъ образомъ эта волшебница, эта воздушная сальфанда, показывается наконецъ безъ памяти влюбленному принцу, и бросаетъ къ ногамъ его таинственное покрывало, такъ долго скрывавшее ея черты. Принцесса, на которой Эльфридъ не хотѣлъ жениться, была Гризельда которую стоить только увидѣть, чтобы вѣчно обожать. Въ минуту, когда Эльфридъ увидѣлъ ее, онъ получаетъ пятое чувство — зрѣніе; пѣса окончивается. Она имѣла большой успѣхъ.

Опера NATIONAL. *La tête de Meduse*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи.

Сюжетъ медузиной головы столько же новъ, какъ первый французскій водевилъ: это опять тотъ вѣчный quiproquo, уже двѣсти или триста разъ рассказанный водевилетами, о путешественникѣ, котораго принимаютъ по ошибкѣ за важнаго посетителя, давно ожидаемаго въ гостинницѣ какой-нибудь деревни; quiproquo это обставлено сценами, подобныиъ которымъ можетъ создать воображеніе всякаго школьника. Савойскій герцогъ отдалъ своего сына на воспитаніе въ Мюнхенъ, чтобъ скрыть отъ него высокое его происхожденіе.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ требуетъ его къ себѣ, съ намѣреніемъ женить его на племянницѣ одного графа. Въ одной деревенской гостинницѣ, смѣлъ князь долженъ узнать

и видѣ своихъ родителей и своей невесты. Перстень съ изображеніемъ медузидной головы долженъ упасть принца. И вотъ принцъ савойскій, среди Альпъ отыскиваетъ своихъ родителей, имея при себѣ только одного спутника, Португальца, профессора натуральной исторіи. Но во время путешествія, наши путники заблудились и потеряли другъ друга. На принца нападаютъ разбойники, обираютъ его и между прочимъ отнимаютъ у него и перстень. Спутникъ его покупаетъ этотъ перстень у одного изъ веровъ, и является первый въ гостиницу, гдѣ при видѣ перстня съ медузидной головой, его принимаютъ за принца савойскаго. Тутъ происходятъ неестественныя комическія сцены. Но какъ водится, наконецъ все объясняется, и принцъ женится на своей невестѣ, въ которой узнаетъ дѣвушку давно имъ любимую.

Обѣдн. *Amour et Bergerie*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Barbier.

Одна старая маркиза хочетъ женить своего племянника Густава на молодой вдовѣ, и чтобъ дать имъ случай поскорѣе сблизиться, дѣлаетъ у себя вечеръ. Густавъ, большой любитель деревенскихъ красавицъ, долженъ блистать на этомъ вечерѣ въ костюмѣ маркиза, и завоевать сердце хорошенькой вдовы. По несчастію сердце вдовы уже завоевано ея племянникомъ, молодымъ ничжаномъ. Является и этотъ счастливый соперникъ, и проникнувъ замыслы маркизы, игноренно разрушаетъ ихъ. Онь дурачатъ бѣднаго Густава, и женится на своей хорошенькой теткѣ.

Эта пьеска, совершенно пастушеская, не слишкомъ-то понравилась публикѣ, и мы имѣемъ причину думать, что она не болѣе принесетъ сбора театру, сколько принесла славы автору.

ШВЕДСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Стокгольмѣ Женин Линдъ изъявила желаніе играть въ шведской оригинальной пьесѣ. За неимѣніемъ нарядной шведской оперы, она взяла роль въ комедіи г. Бланша: *La jeune fille laponne*. Въ пьесѣ этой авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ шведскихъ пѣсень, въ томъ родѣ, въ которомъ Женин Линдъ неподражаема. Эти дебюты доставили ей новое торжество въ чужихъ краяхъ.

Собрание публики было тако велико, что въ кабинетъ-коридора, бывшаго при первомъ дебютѣ г-жи Линдъ, дирекція не могла не продать билетовъ въ залѣ, а продавать ихъ по письменнымъ требованіямъ, и сверхъ того въ случаѣ, если число этихъ требованій будетъ превышать число находящихся билетовъ, продавать ихъ съ аукціона въ сѣняхъ театра. Треть сбора была назначена въ пользу знаменитой диванды, но для опредѣленія этого капитала на основаніи музыкальнаго и драматическаго института. На второмъ представленіи было умасное степеніе народа, и билеты продавались по 45 rixdales т. е. по 225 франковъ. Сумма всего сбора простиралась до 11,693 rixdales (58,475 франковъ).

НОВѢЙШІЯ МОДЫ.

Пора баловъ миновалась, и по этому нѣтъ болѣе нужды говорить о балльных нарядахъ. Обратимъ лучше вниманіе на модные костюмы для прогулокъ. Салопы дѣлаются преимущественно изъ клѣтчатою, въ родѣ шотландской, матеріи, въ особенности изъ бархата съ разноцвѣтными въ тѣнь клѣтками и затканымъ узоромъ. Но другіе предпочитаютъ клѣтчатыи бархаты одного цвѣта, или только двухъ цвѣтовъ, напримѣръ, чернаго съ красновато-фіолетовымъ, или сѣняго съ чернымъ. Суконовые салопы также въ употребленіи. Ихъ отдѣлываютъ узорчатыми бархатными лентами. Легкіе бархатныя пальто для прогулокъ обшиваются въ узоръ тесьмой, или въ пять рядовъ самымъ узенькимъ аграментамъ. Эта простая отдѣлка очень мила, и находитъ много почитательницъ. Что касается до мантилій, то фасоны и отдѣлка ихъ чрезвычайно разнообразны, чему можно порадоваться, а именно потому, что строгіе законы моды не препятствуютъ прелестнымъ почитательницамъ изящнаго, слѣдовать въ этомъ случаѣ своему собственному вкусу. Магазины de la ville de Lyon (*), можетъ исполнѣ подтвердить наши слова. Советуемъ истиннымъ любительницамъ изящнаго, обратиться, въ случаѣ надобности, въ этотъ магазинъ, гдѣ онѣ найдутъ множество превосходныхъ мантилій, отдѣланныхъ черными и бѣлыми кружевами, шаншалою, горностаемъ, лебяжьимъ пухомъ, вышивкою изъ аграментавъ, снурковъ и проч. Мантильи изъ горностаеваго мѣха также въ большой модѣ.

Для платьевъ въ большомъ употребленіи матерія клѣтчатая (шотландская). Для парадныхъ платьевъ употребляется плотная шелковая матерія въ этомъ родѣ; для домашнихъ шерстяная, очень тонкая и мягкая; а для вечеровъ и концертовъ въ большой модѣ прозрачная шелковая, съ затканными клѣтками, и печатнымъ узоромъ. Черныя атласныя платья также составляютъ любимый костюмъ петербургскихъ дамъ высшаго общества. О фасонѣ платьевъ говорить нечего. Читательницы наши увидятъ его на

* Вѣроятно, этотъ магазинъ, находящійся въ Ново-Михайловской улицѣ, противъ дома дворянскаго собора, извѣстенъ всѣмъ столичнымъ модницамъ.

приложенной картинкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, замѣтитъ изящную бархатную синюю шляпку, съ розовыми завязками, которая можетъ быть покажется оригинальною. Но эта мода въ большомъ ходу. Бѣлыя шляпки часто завязываются розовыми или голубыми лентами, смотря по цвѣту отдѣлки, находящейся внутри шляпки. Много носятъ шляпокъ, покрытыхъ тюлемъ. Для вечеровъ и концертовъ бархатныя наколки, перевитыя золотымъ или серебрянымъ шнуркомъ, и украшенныя перьями (марабу) составляютъ прелестный нарядъ для дамскихъ головокъ. Также начинаютъ носить наколки, сдѣланныя изъ золотой сѣтки, которая имѣетъ видъ небольшой косынки, и прикрѣпляется съ боковъ цвѣтами.

Скажемъ нѣсколько словъ о пышнѣмъ любимомъ рукодѣліи петербургскихъ дамъ. Тамбурный крючекъ играетъ здѣсь важную роль. Изъ самой тонкой бумаги, вывязываютъ чудеснымъ узоромъ берты, воротнички, маншеты и полу-перчатки. Недавно мы видѣли въ гостиной мебель; сверхъ шелковой цвѣтной матеріи, вся мебель была покрыта, въ видѣ чехловъ, бѣлою, узорчатою сѣткою тамбурной работы! Мы готовы были причислить это явленіе къ извѣстнымъ въ мифологіи подвигамъ Геркулеса, который прославился силою и терпѣніемъ. Конечно, сила для тамбурной работы не нужна, но необходимо для нея геркулесовское терпѣніе! И гдѣ же мы нашли его въ нашъ *положительный* вѣкъ! — Въ дамской работѣ!

По части мужскихъ модъ мы не имѣемъ ничего особенно замѣчательнаго въ запасѣ, и потому ограничиваемся одними бѣлыми замѣчаніями или *высшими* или, пожалуй, *поверхностными* взглядами, которые обращаются на однѣ *вершины*; а вершину каждаго мужчины, какъ извѣстно, составляетъ голова. Вотъ что замѣтили мы относительно мужскихъ головъ.

Въ Петербургѣ много прекрасныхъ причесокъ; между ними отличается наша національная крестьянская, рекомендуемая въ особенности парикмахерами-артистами, пріѣхавшими изъ-за границы единственно для того, чтобъ доставить удовольствіе Русскимъ, такъ какъ у нихъ чувствовался всегда большой недостатокъ въ артистахъ этого рода.

Есть также весьма замѣчательная прическа — *à l'artiste*, носимая господами, у которыхъ чувство изящнаго, до нѣкакого убѣжденію, несравненно болѣе развито нежели у другихъ. По этому они считаютъ себя обладателями исключительнаго пра-

ва, при представленіи итальянской оперы, мѣшать, и даже, гримить обнаруживающіе свѣтъ : восторговъ ; надѣлать другимъ зрителямъ; причсанннмъ безъ особенныхъ претензій.

Есть еще прическа: *a la diable t'emporie*, которая, если бы потинно выражала душевное состояніе какого-либо льва, то, навѣрно пришлось бы плохо всему прекрасному полу; но, къ счастью, ее носить, какъ мы слышали стороною, только тѣ, которые необходимымъ считаютъ, хотя свою наружность, какъ говорится по-французски, — *improver aux autres*.

Другаго совѣтъ мнѣнія мы о тѣхъ мужчинахъ; которые, чувствуя на закатѣ жизни своей, что сердце ихъ еще доступно любви, и каждый разъ сильнѣе бьется отъ присутствія обожаемой особы, — принуждены бываютъ обращаться къ заграничнымъ артистамъ, для того, чтобъ скрыть на своихъ вершинкахъ кое-что для нихъ весьма прискорбное. Объ нихъ мы совершенно умалчиваемъ, равно какъ и о тѣхъ, которые стараются носить волосы, завитые немного съ боку, чтобъ скрыть также отъ любопытныхъ взоровъ кое-что для нихъ весьма неприятное, и возбуждающее нерѣдко, на лицѣ ихъ супругъ, какую-то странную улыбку, не для многихъ понятную. Но и объ этихъ мужчинахъ мы совершенно ничего не скажемъ. Мы хотѣли здѣсь упомянуть только о прическахъ тѣхъ людей, которые добровольно, и совершенно безъ нужды подвергаются мученію—дѣлать ежедневные визиты парижскимъ артистамъ, и слушать, впрочемъ не безъ удовольствія, ихъ восклицанія: *malchik! chipsi!*

Вотъ еще у насъ прекрасная и достойная подражанія мода: носить стеклышко, вставленное въ глазъ, и такимъ образомъ расхаживать, хоть при 30 градусахъ мороза, по многолюднымъ улицамъ города, засунувъ руки въ карманы бекеша. Впрочемъ, такъ какъ эта мода уже принята многими, то мы и не будемъ о ней распространяться.

Намъ очень нравится также, обратившаяся, нѣкоторымъ образомъ, уже въ моду привычка, принятая юношами, которые (какъ они сами объясняютъ), хотя и молоды годами, да стары опытомъ, и уже дошли до того возраста, когда позволительно чувствовать недостатокъ въ органѣ зрѣнія. Эти старики-юноши носятъ очки съ синими или простыми стеклами, которыя ничего не увеличиваютъ, и ничего не уменьшаютъ. Это очки мудрости,—стало быть заслуживаютъ полнаго уваженія. Поэтому мы объ этихъ очкахъ не скажемъ болѣе ни слова.

Из ванильничю упоминаю еще оба одной моды: носить во рту, на гуляньяхъ, что-то въ родѣ зубочистки. Если бы спросить людей, употребляющихъ этой моды, для чего она-то дѣлается, и не лучше ли бы было, спрятать эти зубочистки въ карманъ?—то они, нахѣрное, ответили бы: «за-границею уже всѣми дозволено, что эта мода предохраняетъ человека отъ вреднаго вліянія ванилята, а потому и они, принявши только къ одному жаркому, севернаго климату, желаютъ предохранить себя отъ вредной петербургской атмосферы, которая иногда замораживаетъ ротъ, и адорова только для бѣлыхъ медвѣдей.» Мы не испытывали этого вредства, а думаемъ, что весьма пріятно, обернувъ шюа въ красной шерсть, надѣвши теплую модѣжью шубу, и держа зубочистку во рту, прогуливаться хоть по солнечной пло-щадѣ Невскаго проспекта, которая градусъ на четыре теплѣе другой его стороны. Многие простомудры, удаляясь этой новосты, останавливаются, и восклицаютъ: *Вамъ, что выдумать? ванильничю!*

Но всѣхъ модъ не перечтешь, ихъ много есть на бѣломъ свѣтѣ, и къ особенноти у насъ на Руси; а потому мы и соображали бы ихъ перенять въ особенноти тѣхъ, которые желаютъ быть даискими кавалерами Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, представляется предъ прекраснымъ поломъ—просто, безъ какихъ либо отличительныхъ качествъ?

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

Въ Гостиномъ дворѣ по суконной линіи подѣ № 17.

Продаются сверхъ многихъ новыхъ и прежде изданныхъ книгъ слѣдующія:

Цѣны на серебро.

Р. К.

Великій постъ. Бесѣды на св. четырехдесятницу, говоренныя въ Харьковѣ Иннокентіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ. Харьковъ 1847 . . . . . 2 30
вѣсов. за 2 ф.

Паденіе Адамова. Бесѣды на великій постъ 1847. С. П. Б. 1 50
вѣсов. за 2 ф.

Слова, Бесѣды и Рѣчи къ настѣ Харьковской, произнесенныя въ разные времена и разныхъ мѣстахъ Иннокентіемъ Архіепископомъ Харьковскимъ. Харьковъ 1847. 2 30
вѣсов. за 2 ф.

Благоговѣйныя христіанскія размышленія. Поро- вой С. П. Б. 1847 . . . . . 1 50

Утѣшеніе въ нищету. Поучительныя слова, произнесенныя священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ. С. П. Б. 1846 . . . . . 1 50
вѣсов. за 2 ф.

Слова, произнесенныя съ Кавказскаго Собора (въ Санкт-петербургѣ) постановленныя на предѣ священнослуженія и проповѣданія слова Божія, ректоромъ Тамбовской семинаріи, архимандритомъ Никодимомъ. С. П. Б. 1847. 30
вѣсов. за 1 ф.

Краткія реченія протоіерея Радона Путятина. Изд. 6. 1 25
сд. пер. 1 р. 50 к.

Философія въ умѣрненіи, рассужденіе протоіерея Е. Николаева изд. 3. С. П. Б. 1847 . . . . . 1 —
вѣсов. за 2 ф.

Жизнь пресвятыя дѣвы Богородицы, надѣ Россію, или сказаніе о святыхъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери, въ нашемъ отечествѣ прославившихся 1 50

Радуйся Благодатная, Господь съ тобою! благочестивыя размышленія о рожденіи, земной жизни и взятіи

- на небо Пресвятой Дѣвы Маріи. М. 1846. . . . . 1 40
вѣсов. за 2 ф.
- Духовныя мысли, или разсужденія о спасительномъ пу-
ти, и о великодушномъ пощеніи Креста, и о томъ, что
за терпѣливое и неропотное пощеніе онаго человѣкъ се-
бѣ получаетъ отъ Бога. 1847 50
вѣсов. за 1 ф.
- Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей
Матери, изд. 2. 1847. 40
вѣсов. за 1 ф.
- Исторія святаго града *Иерусалима*. Отъ временъ апостоль-
скихъ и до нашихъ. Соч. автора писемъ о Богослуже-
ніи. С. П. Б. 1844. Ц. за 2 т . . . . . 3 —
вѣсов. за 4 ф.
- Исторія Россійской церкви, Изд. 3. С. П. Б. 1845. . . 1. 50
вѣсов. за 2 ф.
- Первыя четыре вѣка христіанства. Изд. 2. С. П. Б.
1842 . . . . . 2 —
вѣсов. за 2 ф.
- Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіемъ. Изд. 2. С.
П. Б. 1844 75
вѣсов. за 1 ф.
- Исторія Русской церкви. Періодъ патриаршества. Рига.
1847 . . . . . 1 —
вѣсов. за 1 ф.
- Священная Исторія *Ветхаго* и *Новаго Завета*, для
домашняго семейнаго чтенія, полнѣйшая изъ всѣхъ ко-
селей изданныхъ, изображенная въ 700 картинкахъ, съ
объясненіями, взятыми изъ св. писанія и сказаній св.
отцовъ. С. П. Б. . . . . 47 —
съ пересылкою 8
- У него же В. П. Полякова продаются всѣ какъ прежде из-
данныя, такъ и вновь выходящія книги: духовныя, литера-
турныя, экономическія, учебныя, географическія карты, планы
и атласы. При требованіи на сумму свыше 3 ф. срабатывается
собразырная уступка, кромя книгъ, изданныхъ правительствомъ.
Г. г. иногородные не прилагаютъ за почтовую пересылку.
Требованія г. г. иногородныхъ исполняются съ первоотходя-
щею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военнаго-учебныхъ заведеній и библіотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ Гостиномъ-дворѣ, подъ № 22.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО, БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ).

Traité des reconnaissances militaires, comprenant la théorie du terrain et la manière de reconnaître un pays dans son organisation et ses produits, par Chatelain. Tome 1. in 8. Paris. 1847. 2 roubles 60 cop.

Oeuvres complètes de St. Basile-le-Grand, traduits par M. Roustant. 12 vol. 8-vo. Paris. 1847. 27 r. 50 c.

Traité de la législation des chemins de fer, où sont expliqués les droits et les obligations des compagnies des actionnaires et du public etc. par Rebel et Juge. Un vol. 8-vo. Paris. 1846. 2 r. 15 c.

Eléments d'organisation judiciaire et de procédure civile, par Bonnier. Tome 1. in 8-vo. Paris. 1847. 2 r. 25 c.

Richard Cobden, les ligueurs et la ligue, précis de la dernière révolution économique et financière accomplie en Angleterre, par Garnier. Brochure. 25 c.

Reglement organique de la principauté de Moldavie. Un vol., gr. in 8-vo. Paris. 1847. 3 r. 40 c.

Théorie positive de l'ovulation spontanées et de la fécondation des mammifères et de l'espèce humaine, basée sur l'observation de toute la série animale, par Pouchet. Un vol. 8-vo, avec Atlas in 4-to, de 20 planches gravées et coloriées. Paris. 1847. 10r.

Nouvelle branche de physique, ou études sur les corps à l'état sphéroïdal, par Boutignî. Un vol. in 8-vo. Paris. 1847. 1 r. 25 c.

Cours d'agriculture par le comte de Gasparin. 3 vol. 8-vo. Paris. 6 r. 40 c.

Calendrier du bon cultivateur ou manuel de l'agriculteur praticien par M. de Dombasle. 8-me edit. augmentée. Un vol. 12-mo. Paris. 1847. 1 r. 25 c.

Anthropologie, ou étude des organes, fonctions et maladies de l'homme et de la femme, comprenant l'anatomie, la physiologie etc. par Bossu. 2 vol. in 12-mo, avec un atlas de 20 pl. colorié. Paris. 5 r. 70 c. . . .

— même ouvrage figures noirs 4 r. 25 c.

Histoire de la doctrine médicale homœopathique, son état actuel dans les principales contrées de l'Europe. par Rapou. 2 vol. 8-vo. Paris. 1817. 4 r. 25 c.

De l'asthme. Recherches médicales sur la nature, les causes et le traitement de cette maladie; par Lefevre. Un vol. 8-vo. Paris. 1847. 70 c.

Traité des maladies de l'oreille, par Kramer. trad. de l'allemand. Un vol. in 8-vo. Paris. 1848. 2 r.

Leçons sur la tactique des trois armes, par Miller, trad. de Vallemant, nouv. édition augmentée. 1 vol. gr. in 8-vo, avec 32 pl. in folio. Bruxelles. 8 r.

Etudes sur l'antiquité, précédée d'un essai sur les phases de l'histoire etc., par Ph. Chasles. Un vol. 12-mo. Paris. 1847. 1 r.

Patria. La France ancienne et moderne, morale et matérielle, ou collection encyclopedique et statistique de tous les faits relatifs à l'histoire intellectuelle et physique de la France et de ses colonies par une société des auteurs les plus célèbres. 2 forts vol. 12-mo, à 2 colon. Paris. 1847. 5 r.

Etudes sur le moyen-âge et les premiers temps du christianisme, par Ph. Chasles. Un vol. 12-mo. Paris. 1847. 1 r.

Histoire generale des Antilles, par Dessales. 3 vol. 8-vo. Paris. 1847. 6 r. 40 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ВЪ КОНТОРѢ

МУЗЫКАЛЬНОЙ РОССІИ,

на Невскомъ проспектъ, въ домъ Калужина, № 21.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕЖНО).

Піесы для фортепiano

	Руб.	Коп.
FRANCK, Ed. Op. 10. Sérénade	—	60
HENSEL. FANNY. Deux baguettes	—	40
LEVY, M. Op. 5. Una lagrima sulla tomba del celebre maestro F. MENDELSSOHN-BARTHOLODY. Adagio	—	60

SCHNITZMEISSER. Six pièces caractéristiques	1	70
PRUDENT. Caprice-Étude sur la SONNAMBULA	1	—
DETSCH. Étude mélodique	—	70
BUNGMÜLLER. La Fontaine. Valse.	—	30
DEKREVEZ. Pas de Paquita.	—	30
HOLMANN. Divertissement	—	50
LECARPENTIER. Fantaisie sur OBÉRON.	—	85
PAUER. Scherzo capriccioso	—	60
SCHAD. Divertissement sur GENNA DI VERGY	—	85
SCHULHOFF. Nocturne.	—	70
STRAUSS. Najaden-Quadrille.	—	60
— Themis-Klänge. Valse	—	75
— Fils. Fidelen-Polka	—	40
BACNEWSKY Marie-Polka	—	40
PREMER. Galop de Paris (Pariser-Galopp)	—	30
GOLDSCHMIDT. Nocturne	—	50
QUÉDANT. Fragment de Soirée	—	30
PRUDENT. Cantabile	—	40
DAVID. CHRISTOPHE COLOMB. Ode Symphonie en 4 parties, arrangé pour Piano seul.	5	—

Піеса для фортепіано съ 4 руки.

HAYDN, Jos. Symphonies № 21 et 22, arrangées à 4 mains par Klage	2	—
--	---	---

Піесы для тѣмпа.

ROSSINI. ROBERT BRUCE. Partition complète pour Chant et Piano. (Paroles françaises)	6	—
— ROBERTO BRUCE. Paroles italiennes.	5	—
DAVID, FÉLICIEN. CHRISTOPHE COLOMB. Ode-Symphonie en quatre parties. Partition complète pour Chant et Piano.	10	—
VEARDI. АТУИЛА. Opéra complet. Chant et Piano	5	—
— МАСВЕТН. Opéra complet. Chant et Piano.	5	—
ДВУЧЕЛЪТА. Горлица. Романсъ	—	50

Піесы для большого и малого оркестра.

DÖRFELD. Frag- und Antwort-Walzer	4	—
— Peterhof-Fest-Marsch	3	—
GUNG'L, JOH. Op. 21. Newa-Lieder. Walzer	4	—
— Op. 27. Neuer Eisenbahn Dampf-Galopp	3	—
— « 28. Lombarden-Marsch	3	—
— « 29. Bawlovsky-Polka.	2	—
— « 30. Tanz-Rekoten. Walzer	4	—
— « 31. Peterhofer-Fest-Quadrille	3	—
— « 32. Sommerlust-Polka	2	—
— « 40. Strogenoff-Polka.. . . .	2	—

HAUSCHID.	Schlittenbahn-Polka	3	—
—	Petersburger Damen-Galopp	3	—
—	Vauxhall-Polka	2	50
—	Neujahrs- oder Silvester-Polka	2	50
—	Natalien-Galopp	2	50
HESSE.	Souvenir, à M-me Arnould-Plessy. Quadrille.	3	—
КАЗЫНСКІ.	Amata-Polka	2	50
КРАЕМЕР.	Veilchen-Polka	2	—
—	Motifs favoris de I LOMBARDI de VERDI	4	—
ЛАБИЦКЫ.	Tambour-Polka. (Resch.)	2	—
МАЛТЗЕР.	Marien-Galopp	2	—
—	Galop sur Ernani de Verdi	2	—
—	Polka sur Ernani de Verdi	2	—
—	La Sentimentale. Polka-Mazurka.	2	—
—	Redowa originale	2	—
ОВОЛЕНСКЫ.	L'Odalisque. Valse	4	—
РЕЙХАРДТ.	Le Diable Rouge, Galop	3	—
СТРАУСС.	Stradella-Quadrille. Arrangé p. Krámer	2	50
ТОЛСТОЙ.	Grazien-Polka-Mazurka	2	50

Особы, выписывающія ноты изъ означенной конторы Музыкальной Россіи, на пересылку ничего не прилагаютъ, и пользуются кромѣ того уступкою двадцати процентовъ при требованіи нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер.

Въ этой же конторѣ вышла третья тетрадь Музыкальнаго Свѣта (le Monde Musical), которая заключаетъ въ себѣ слѣдующія пьесы: КУЛЛАК, Grand Fantaisie sur I. Lombardi.—ДОНИЦЕТИ, Duo de Richard et Mathilde, pour Piano seul.—ВОЛЬФ, Mélodie pour Piano.—ПРУДЕНТ, Lied sans paroles.—ДАВИД, Félicien. Réverie.—МЕНДЕЛСЗОНН-ВАРТХОЛЬДЫ, Souvenirs d'enfance. Première partie.—ДУВЕРНОУ, Bagatelle sur le Bouquet de l'Infante.—СТРАУСС, Herz-Töne. Valse.—БРОНЕСКЫ, Le Réve. Quadrille français.—ФИСШ, La Bouquetière du Roi, Redowa.—СТРАУСС, Cathinka-Polka.—ДАНИЭЛЬ, Le Chateau des Fleurs. Polka-Galopp.—Цѣна годовому изданію Музыкальнаго Свѣта 12 р., съ пересылкою 12 р. 50 к. с.

Въ теченіи марта подписчики журнала Музыкальной Россіи (la Russie Musicale) получаютъ слѣдующія приложенія: ШОРИН, Nouvelle valse de salon.—РОСЕЛЕН, La mélancolie. Réverie.—ГУНГ'Ъ ЛОН., Dascha-Polka.—СТРАУСС, Carnaval-Quadrille. Перо Алексисъ. Душа дѣвочки, романсъ, и прекрасную литографію монумента Моцарта въ Зальцбургѣ.—Цѣна годовому изданію Музыкальной Россіи 12 р., съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга четвертая.

АПРѢЛЬ.

— 208 —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконеннаго числа экземпляровъ. 1-го апрѣля 1848 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*
Ценсоръ *А. Очкинъ.*
Старшій Ценсоръ *Речфордъ.*

РЕДАКТОРЪ *К. Масальскій.*
ИЗДАТЕЛЬ *К. Жериковъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Стр.

Заслуги и подвиги его великокабинетской свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по всаилюствивѣишему повелѣнію Его Императорскаго Величества ПЕТРА ВЕЛИКАГО и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ руссійскомъ государствѣ. Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи. (Продолженіе).

1—28

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГІОНЪ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. Высочайшій Манифестъ. — Обзорѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 февраля по 15 марта сего года. — Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Швеція. — Данія. — Германія. — Швейцарія. — Италія. — Испанія. — Греція. — Турція. — Алжиръ. — Американскіе Соединенные Штаты).

1—48

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Обвиненіе. Соч. В. Бенедиктова. . . . . 1—2
Догадка. Его же. . . . . 2—3
Нѣсія. Соч. О. Менцова. . . . . 3—4
Возрожденіе. Соч. В. Калашникова. . . . . 4—4
Несостоявшаяся женитьба. Историческая повѣсть 1725 и 1726 годовъ. Часть вторая. (Окончаніе). Соч. П. Фурманна. . . . . 5—108
Действительный и поручикъ 1710 года. Быль времени Петра Великаго. (Продолженіе). Соч. К. Масальскаго. . . . . 109—132

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Непостоянство въ любви, Романъ Поль-де-Кока, (Окончаніе) . . . . . 1—76

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Уложеніе законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ Германіи. (Окончаніе). . . . . 1—66
О разработкѣ тореа. *Н. Шеллунговъ*. . . . . 67—84

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Русскій вѣсенникъ. Изд. К. Авдѣевой. *Барона Розема*.—Второе полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. *Ею же*.—Статистическіе очерки Россіи. Соч. К. Арсеньева. — Благовоспитанное дитя. Соч. Жозефинны де-Бассю. . . . . 1—36

VII. СМѢСЬ.

- Нападенія волковъ на разныхъ четвероногихъ домашнихъ животныхъ и способъ обороны послѣднихъ. *Валцеславскаяю*. — Устройство артезианскихъ колодезъ въ Венеціи. — Моржовыя промыслы на Новой Землѣ. — Впечатлѣнія прозрѣвшихъ дѣтей. — Нѣкоторыя черты сельскихъ жителей Франшъ-Конте. — Поѣздка на Мысь Дыброй-Надежды. — Новѣрье о стрекозахъ и легенда о голубой птицѣ. — Орлиное гнѣздо. Разказъ графини Бассанвиаль. — Учредитель воспитательныхъ домовъ во Франціи. — Красно-деревыя лѣса. — Констансъ и Брегенцъ. — Странности нѣкоторыхъ художниковъ. — Анекдотъ изъ жизни Канта. — Счастливая страна для старыхъ дѣвицъ. — Похвальное слово Пресекту. — Инструментъ любителя музыки. — Музыкальный энтузіазмъ. — Американскіе театры. — Новѣйшія моды. — Новыя русскія книги. — Новыя французскія книги. — Новыя музыкальныя произведенія. . . . . 1—72
- Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Русская Исторія.

ЗАСЛУГИ И ПОДВИГИ ЕГО ВЫСОКОКНЯЖЕСКОЙ СВѢТЛОСТИ, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА, СЪ ОСНОВАННЫМЪ НА ПОДЛИННЫХЪ ДОКУМЕНТАХЪ ОПИСАНИЕМЪ ВСЕГО ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОГО, ЧТО, ПО ВСЕМИЛОСТВИВѢЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, БЫЛО СОВЕРШЕНО, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ И НАЧАЛЬСТВОМЪ ЕГО СВѢТЛОСТИ, ПРИ ДВОРѢ И ВЪ АРМІИ, РАВНО КАКЪ И ВО ВСЕМЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.

(Продолженіе. *)

1706 г. Битва подъ Калишемъ. — Военный совѣтъ. — Награды князю Меншикову отъ курфюрста саксонскаго и императора римскаго. — Поздравленія. — Опроверженіе ложныхъ толковъ о Россіи. — Прибытіе Его Величества въ Польшу. — Военный совѣтъ въ Жолквѣ. — Впроломство Смигельскаго и Вишневецкаго.

Въ сентябрѣ 1706 года, шведскій король выступилъ изъ Польши въ Саксонію, оставивъ подъ начальствомъ Лещин-

скаго и Сапѣги семь или восемь полковъ Шведовъ и нѣсколько польскихъ и литовскихъ отрядовъ. Его свѣтлость, князь Меншиковъ прибылъ между тѣмъ въ Польшу съ 8,000 кавалеріи, и послѣ труднаго и быстраго перехода черезъ всю почти Польшу, соединился съ Саксонцамъ и Поляками, собранными польскимъ королемъ Августомъ въ Петрикау, и убѣдилъ послѣдняго совокупными силами напасть на непріятеля. Расположивъ армию въ боевомъ порядкѣ, онъ самъ командовалъ правымъ крыломъ, гдѣ были Русскіе, между тѣмъ какъ король Августъ командовалъ лѣвымъ крыломъ, а главною армию—генералъ Брандъ.

Непріятели встрѣтились 18 октября при Калишѣ; русскія и саксонско-польскія войска одержали побѣду; 8,000 Шведовъ и Поляковъ легли на мѣсть; шведскій генералъ и большая часть офицеровъ были взяты въ плѣнъ, и побѣдителямъ достались многіе трофеи. Правое крыло шведской арміи, послѣ упорнаго сопротивленія, было опрокинуто и отъсечено къ Калишу. Побѣда была полная, такъ что изъ шведской арміи едва ли спаслись 2,000 человекъ; при этомъ было взято 19 знаменъ шведскихъ и 44 польскихъ. Поляки, съ кievскимъ воеводою Потоцкимъ, отступили въ вагенбургъ; но на слѣдующій день должны были сдаться съ 10,000 телѣгъ, изъ которыхъ состояло ихъ укрѣпленіе. Они были ввѣрены, какъ военно-плѣнные, Смигельскому, который до-сихъ-поръ держался русской стороны. Но онъ склонился на ихъ просьбы и далъ имъ свободу. Артиллерія и весь багажъ, оставленный Шведами вмѣстѣ съ 700 человекъ гарнизона въ Калишѣ, достались побѣдителямъ.

По просьбѣ польскаго короля, шведскіе плѣнники: генералъ Мардерфельдъ, 4 полковника, 5 подполковниковъ, 4 майора, 2 капитана и многіе другіе офицеры были отпущены княземъ Меншиковымъ въ Саксонію, къ шведскому королю, на честное слово. Но когда король Августъ ратификовалъ Альтрайштадтскій миръ, то они не возвратились назадъ, не смотря на письма князя, который напоминалъ имъ данное слово и требовалъ ихъ въ Россію.

Домъ Меншикъ значительнѣе умевашекотъ своею войскою, но она савою дѣлью съвѣршиа не уступила другу другу въ силѣ.

Мы не станемъ распространяться о томъ, какъ храбро и отважно дѣйствовалъ, во время этой битвы, князь Меншиковъ, но сошлемся только на свидѣтельство польскаго короля, который писалъ о князѣ въ одно изъ писемъ къ Его Царскому Величеству.

Вотъ извлеченіе изъ письма польскаго короля Августа, присланнаго Его Царскому Величеству изъ лагеря при Калишѣ, отъ 31 октября 1706 года.

«Я обязанъ засвидѣтельствовать Вашему Величеству свою сердечную и искреннюю признательность за то, что отъ начала этой войны до-сихъ-поръ Вы оказывали мнѣ дружески-братскую помощь чрезъ Ваши храбрыя вспомогательныя войска, и теперь чрезъ нихъ же доставили мнѣ столь счастливую побѣду, что безъ великой лести и пристрастія большую часть настоящаго торжества должно приписать послѣ Бога Вашему Величеству и Вашему мужественному войску, которое подъ добрымъ начальствомъ и отважнымъ предводительствомъ князя Александра, дѣйствовало такъ хорошо, что не возможно даже ни одного солдата упрекнуть въ опущеніи малѣйшей обязанности. Я былъ вполне всѣмъ доволенъ, и если могу на что жаловаться, такъ это на князя Александра, потому-что онъ въ этой войнѣ, ревнуя о славѣ Вашего Величества и о нашей общей пользѣ, подвергалъ себя очевидной опасности и тѣмъ причинялъ мнѣ не малое безпокойство. Но такъ какъ Богъ милостиво сохранилъ его и все кончилось очень счастливо; то онъ заслуживаетъ тѣмъ большую хвалу и признательность, и Ваше Величество дѣйствительно имѣете важное побужденіе увеличить милости, всегда оказываемыя князю, и несомнѣнно ожидать отъ его благоразумія и храбрости вѣрныхъ и полезныхъ услугъ.»

На слѣдующій день послѣ битвы, по приказанію князя Меншикова, было совершено благодарственное Господу молебствіе за одержанную побѣду; при троекратномъ залпѣ изъ пушекъ,

раздалось обычное: *Тобѣ Божіе жемлемъ*. Къ обряду были приглашены русскіе, польскіе и саксонскіе генералы и офицеры, и во время роскошнаго угощенія раздавались звуки трубъ, литавръ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Когда въ военномъ совѣтѣ происходили совѣщанія о томъ: что предпринять послѣ столь блистательной побѣды, до размѣщенія войска по зимнимъ квартирамъ? — его свѣтлость, князь Меншиковъ предлагалъ: или взять Познань и потомъ Эльбингъ, чтобы такимъ образомъ вытѣснить Шведовъ изъ Польши; или со всею соединенною арміею, — которая была воодушевлена теперь одержанною побѣдою и которая въ послѣдствіи едвали когда-нибудь могла быть собрана въ такомъ количествѣ, — вступить въ Саксонію и освободить это государство отъ Шведовъ. Англія и Голландія не могли быть недовольны этимъ, потому что тогда предугадывали, что шведскій король, утвердившись въ нѣмецкой землѣ, могъ бы принять сторону Франціи или Баваріи. Его Величество также не отказался бы прислать болѣе войска, чтобы удалить Шведовъ изъ Польши и отъ русскихъ границъ.

Поляки, Русскіе и Саксонцы обнаруживали немалую охоту выступить въ этотъ походъ. Но польскій король былъ того мнѣнія, что, судя по позднему времени года, лучше было бы не удерживать долѣе утомленные войска въ полѣ, но распустить ихъ по зимнимъ квартирамъ. Что же касается до похода противъ Шведовъ, то Его Царское Величество былъ бы недоволенъ, если бы безъ его вѣдома и безъ зрѣлаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ, заставили русское войско такъ далеко проникнуть въ Германію. Кромъ того, полезно было бы узнать, касательно этого предмета, мнѣніе римскаго императора и его союзниковъ.

И такъ, послѣ столь счастливо оконченной кампаніи, войска выступили на зимнія квартиры. Польскій король подарилъ князю Меншикову Оршу въ Литвѣ и Полонну въ Волыніи. Полонна прежде принадлежала князю Любомирскому; но когда онъ присоединился къ партіи Станислава Лещинскаго и сталъ враждебно дѣйствовать противъ Россіи, то была отнята у него.

Король Августъ отправился, черезъ Варшаву и Кривош, въ Саксонію и утвердилъ мирный договоръ, заключенный 24 сентября въ Альтранштадтѣ.

Когда царскій министръ довелъ до свѣдѣнія австрійскаго двора обстоятельство калишской победы, и далъ по случаю случаю иршество, то и для Вѣны было это не малымъ торжествомъ, потому что Шведовъ считали тамъ опасными врагами дома австрійскаго и вѣри католической, и дѣлали разные догадки о ихъ видахъ на Богемію и Баварію. Австрійскій императоръ далъ повелѣніе государственной канцеляріи: не медлить болве отсылкою княжескаго диплома на имя князя Александра Меншикова. Дипломъ былъ подписанъ еще въ январѣ, и теперь тотчасъ же былъ отосланъ къ его свѣтлости царскимъ министромъ. Какъ скоро это повсюду сдѣлалось известнымъ, то князь получилъ поздравительныя письма отъ многихъ иностранныхъ дворовъ, и въ то же время отъ лорда Марльборуга **, который въ томъ же году получилъ отъ императора достоинство князя Миндельгейма; равнымъ образомъ, его свѣтлость принялъ поздравленіе отъ польскихъ магнатовъ, отъ всей русской арміи, находившейся тогда въ Польшѣ.

Духовные и ученые, съ цѣлю получить охранные караулы для своихъ имѣній, охранныя грамоты или какіе-нибудь подарки, явились къ князю Меншикову съ лестивыми ода-

* По Альтранштадтскому миру, заключенному въ деревнѣ Альтранштадтѣ, близъ Люцена, въ Саксоніи, Августъ долженъ былъ отказаться отъ короны польской, признавъ королемъ Станислава Лещинскаго, и обязался заплатить Шведамъ агрѣнную контрибуцію, отдѣлаться отъ союза съ Царемъ Россійскимъ и выдать царскаго министра Паткуля. Этотъ договоръ былъ заключенъ полномочными курѣнрста саксонскаго, 24 сентября 1706 г., тогда какъ самъ курѣнрстъ, съ остатками своего войска, находился въ корпусѣ князя Меншикова, и потому, не смотря на мирный договоръ, скрываемый имъ отъ Русскихъ, долженъ былъ по неволѣ сражаться противъ Шведовъ подъ Камишемъ. *Прим. Пер.*

** Герцогъ Марльборугъ, англійскій полководецъ, прославившійся своими подвигами во время войны за наследство испанскаго престола. Онъ предводительствовалъ войсками Англій и Голландіи, которыя вмѣстѣ съ Австрією дѣйствовали, соединенными силами, противъ честолюбиваго короля французскаго Лудовика XIV. *Прим. Пер.*

ли, и по случаю палатинской свадьбы подослал ему, въ званіи: свидѣль и речецъ, и нарочные гонимы. То была первая битва, въ которой его свѣтлость выказалъ великое насажденіе, отъ которой позволила надѣяться, что въ будущемъ время, онъ совершитъ чудные подвиги. Нимецкыя сраживали князя съ Александромъ Великимъ, и называли его вторымъ Александромъ; другіе же сраживали съ Александромъ Невскимъ, который разбилъ Шведовъ, предводившихъ Магнусомъ.

Его свѣтлость послалъ въ Вѣну, къ его римско-королевскому величеству, благодарственное письмо, равно какъ соловъ и Кадыновъ, и еще некоторые подарки курьеру майнцкому, какъ государственному канцлеру, графу Шенберну, и государственной канцеляріи, въ которой былъ заготовленъ дипломъ.

Уже несколько лѣтъ враги Россіи безбоязненно распространяли въ свѣтъ все ложныя известія, которыми только могли служить къ ихъ помѣи и къ униженію Русскыхъ, въ томъ мнѣніи, что Русскіе не примутъ на себя труда, и читать, тѣмъ менѣе еще опровергать такія известія. Такъ появились многія сатирическія сочиненія при началѣ шведской войны, особенно же по случаю осады Нервы; между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ сочиненій несправедливо описывается обращеніе русскыхъ съ иностранцами, и многіе иностранцы, находившіеся въ царской службѣ, и весь русскій народъ представлены въ самыхъ ложныхъ и невыгодныхъ чертахъ. Потому князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подобныя сочиненія не только были опровергнуты открыто, но также были въ разныхъ мѣстахъ, сожжены публично, рукою палача.

Вскорѣ послѣ того, былъ обнародованъ въ арміи новый военный уставъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; онъ былъ составленъ сообразно съ военными постановленіями образованныхъ европейскихъ государствъ, и тѣмъ самымъ была уничтожена препятствія, отклонявшаго иностранцевъ отъ вступленія въ русскую службу.

Между тѣмъ, партія Станислава Лещинскаго пользовалась всеми случаями, которые могли возбудить въ Полякахъ не-

доброе и ненависть къ Русскимъ. Между прочимъ, они указали и на то, что князь Меншиковъ, въ сльдствіе полученнаго нмъ отъ римскаго императора княжескаго достоинства, на своемъ новомъ гербѣ приказалъ изобразить всадника, котораго представлялъ также и гербъ литовскій. Изъ этого заключали, что со стороны Русскихъ было намъреніе овладѣть со временемъ великимъ княжествомъ литовскимъ, тѣмъ болѣе, что и прежде обнаруживались подобныя притязанія.

Защитники князя Меншикова отвѣчали на это слдующее:

1. Литовскій гербъ представляетъ всадника, въ серебряныхъ латахъ, на красномъ полѣ. Между тѣмъ всадникъ, изображенный на гербѣ князя, какъ генерала отъ кавалеріи, стоялъ на голубомъ полѣ, и совсѣмъ въ другомъ положеніи, именно какъ онъ изображается на старинныхъ русскихъ копѣйкахъ; и этотъ знакъ былъ употребленъ въ память первоначальнаго происхожденія рода Меншиковыхъ.

2. Римскій императоръ пзволилъ князю, подобно какъ и мвогимъ другимъ, ввести въ свой гербъ двуглаваго орла; но несдѣхавшее дѣло, чтобы изъ этого обстоятельства кто-нибудь вывелъ подобное вышеприведенному предѣное сльдствіе.

Какъ-скоро черезъ курьеровъ, присланныхъ отъ царскаго министра изъ Вѣны, князь Меншиковъ получилъ уведомленіе объ Алтранштадтскомъ мирѣ, то ухалъ въ Жодкву и тотчасъ послалъ нарочнаго гонца въ Воронежъ къ Его Величеству съ этимъ извѣстіемъ. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ съ большимъ трудомъ могъ заставить Поляковъ быть вѣрными русской сторонѣ. Онъ обнадежилъ ихъ, что Его Царское Величество не перестанетъ доставлять польской республикѣ денежное вспоможеніе и присылать вспомогательныя войска, какъ это было до сихъ поръ, всльдствіе трактата, заключеннаго въ 1704 году, и что Польша, въ его лицѣ, будетъ имѣть ходатаю по ея дѣламъ и интересамъ передъ Его Царскимъ Величествомъ,

Его Царское Величество былъ изумленъ атой неожиданной перемѣной и съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о саксон-

сломъ, миръ. Онь скоро прибылъ въ Польшу, гдѣ князь Меншиковъ подробно донесъ ему обо всемъ, что происходило прежде и послѣ калишской битвы. Хотя это сраженіе было дано безъ именнаго повелѣнія, однако Его Величество остался оцень доволенъ, потому-что оно окончилось такъ счастливо; но только изъявилъ неудовольствіе за то, что князь, безъ его вѣдома и повелѣнія, отпустилъ, по желанію короля польскаго, знаменитыхъ шведскихъ пѣнниковъ. На этотъ разъ, князь не получилъ никакого повышенія, какъ это случалось каждый разъ, когда онъ оказывалъ подобныя подвиги. Князь Меншиковъ оправдывался тѣмъ, что это было сдѣлано съ согласія, собранныхъ по этому случаю на совѣтъ, генераловъ: Ренне, Боура, и всего военнаго совѣта, и подъ тѣмъ условіемъ, что заатимъ послѣдуетъ обѣщанный размѣръ русскихъ пѣнниковъ, или, въ противномъ случаѣ, Шведы, по данному ими слову, опять возвратятся въ Россію,—чѣмъ Его Царское Величество былъ удовлетворенъ, и вина пала на другихъ.

Предложеніе, сдѣланное княземъ Меншиковымъ въ военномъ совѣтѣ, при польскомъ королѣ, подало поводъ къ подробному обсужденію всѣхъ обстоятельствъ, въ одномъ продолжительномъ совѣщаніи съ министрами и генералами. Вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: полезно ли будетъ выступить изъ Польши со всею арміею и преслѣдовать Шведовъ въ Саксоніи, прежде чѣмъ они успѣютъ усилить себя новыми полками?

Между тѣмъ Его Величество повелѣлъ всѣмъ своимъ регулярнымъ войскамъ вступить въ Польшу, и въ полной готовности ожидать окончательнаго рѣшенія.

Члены совѣта, подавшіе голосъ въ пользу предложенія, какъ князь Меншиковъ сдѣлалъ это уже въ Калишѣ, основывали свое мнѣніе на слѣдующихъ доводахъ:

1. Никто не смѣетъ порицать Его Царское Величество, если онъ рѣшится преслѣдовать своего непримиримаго врага, короля шведскаго, на чужой землѣ, и принудить его къ желанному миру, потому-что это основывается на общемъ, естественномъ правѣ народовъ.

2. Польша, являясь союзной державою Его Величества, походомъ Русскихъ въ Саксонію была бы облегчена; между тѣмъ, какъ при дальнѣйшемъ пребываніи русскихъ войскъ въ Польшу, могутъ возникнуть неудовольствія, и жители, раздраженные противъ Русскихъ, могутъ рѣшиться, при случаѣ, на мщеніе.

3. Известно общее военное правило, что, во время войны, не должно многочисленную армію держать въ бездѣятельности, но всего лучше направлять ее противъ непріятеля, и посредствомъ маршей и контрамаршей, если не посредствомъ дѣйствительныхъ военныхъ операций, держать въ непрерывной дѣятельности, особенно тогда, когда обстоятельства позволяютъ ожидать отъ того какой-нибудь выгоды; черезъ это можно внушить и другу и недругу большее къ себѣ уваженіе.

4. Съ Русскими соединится саксонское земское войско и многія другія, для того, чтобы избавиться отъ Шведовъ.

5. Вѣроятно, императоръ германскій, Англія и Голландія, не будутъ противиться тому, если безъ ихъ помощи воспрепятствуютъ Шведамъ усилить свою армію въ Германіи, проникнуть далѣе въ нѣмецкія земли, предпринять что-нибудь въ пользу Франціи, а потомъ предписывать законы союзникамъ и ихъ походы противъ Франціи дѣлать безуспѣшными, потому-что сами будутъ находиться въ Германіи.

6. Быть-можетъ, это заставитъ Шведовъ двинуться изъ Саксоніи далѣе въ Германію, соединиться съ Франціею или Баваріею, заключить миръ съ союзниками, и наконецъ возобновить доброе согласіе съ Россіею, чтобы имѣть болѣе свободы въ дѣйствіяхъ. Когда же непріятель будетъ дѣйствовать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и встрѣтитъ новыя препятствія и затрудненія, то Русскіе выиграютъ болѣе времени, чтобы все привести въ лучшій порядокъ и обезпечить средства къ выгоднѣйшему миру.

7. Но если Шведы примутъ оборонительное положеніе, или противъ русской арміи выступятъ въ Силезію, или если Саксонцы, вслѣдствіе заключеннаго договора, и другіе, обя-

завязавъ, тѣмъ же договоромъ, воспротивятся. Истолкованію Русскихъ, то, смотря по обстоятельствамъ, можно или дать сраженіе, или отступитъ обратно въ Польшу, потому что многіе государи не преминутъ, при этомъ случаѣ, предложить Его Императорскому Величеству свое ходатайство и свои услуги, чтобы только война не была перенесена въ Германію.

Этимъ доводамъ были противопоставлены слѣдующія причины :

1. Императоръ германскій едва ли позволитъ большой арміи пройти черезъ Силезію, такъ-какъ эта страна, и безъ того истощенная во время войны тяжкими налогами и контрибуціями, подвергнется еще большому разоренію. Равно и имперскіе города едва ли согласятся впустить иностранныя войска въ предѣлы Германіи, и снова открыть тамъ театръ войны.

2. Другіе союзники должны опасаться, что Шведы, при вступленіи Русскихъ, опустошатъ Саксоцію огнемъ и мечемъ, потомъ вторгнутся далѣе въ Германію и соединятся съ Франціею, подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ требуютъ сильнаго военнаго вспоможенія, и что они, будто бы по неволѣ, приняли этотъ походъ; за все это будутъ не слишкомъ благодарны Русскимъ.

3. Если, по непредвидѣнному случаю, Шведы въ какой-нибудь битвѣ одержатъ надъ Русскими побѣду, то отступление Русскихъ изъ столь окладенной страны будетъ очень затруднительно и сопряжено съ большими опасностями: а) простой народъ въ Силезіи, по религіозному убѣжденію, благоприятствуетъ Шведамъ, и потому многіе изъ нихъ будутъ действовать въ пользу Шведовъ и во вредъ Русскимъ; б) въ случаѣ неудачной битвы, нельзя полагаться ни на Поляковъ, ни на Ливонцевъ; в) солдаты легко могутъ дезертировать, и въ случаѣ

Противъ французскаго короля Людовика XIV, за испанское надѣльство, сражались императоръ римскій, Англія и Нидерланды. Обѣ стороны опасались, что сила Шведовъ рѣшитъ побѣду, и потому каждая желала привлечь къ себѣ Карла XII. *Прим. Пер.*

продолжительнаго отступленія могутъ потерять бодрость; эту потерю въ арміи не такъ легко будетъ восполнить.

4. Напротивъ того, когда Его Царское Величество останется въ Польшу, на своихъ собственныхъ границахъ, то его войска такъ могутъ отдыхать. И если Шведы не заключать съ Русскими мира; и если издумаютъ напасть на Русскихъ въ Польшу, то они должны будутъ сдѣлать большой переходъ, который изнуритъ ихъ.

5. Если Шведы будутъ оставаться въ спокойномъ и невозмутимомъ ничьей состояніи, и отсюду будутъ видѣть всевозможную уступчивость и угодливість; то вслѣдствіе постоянно-возрастающаго могущества, счастья и первенства, и обыкновенно-рождающагося отсюда суетованія, безъ сомнѣнія, издумаютъ объявить другимъ державамъ новыя привилегіи; и возгордятся до такой степени, что наконецъ возбудятъ обычную къ себѣ ненависть и наживутъ себѣ многихъ враговъ; германскій императоръ и союзные государя, возмущенные за насльдіе всавокскаго престола, могутъ, быть-можетъ, рѣшительнаго мѣры противъ Шведовъ и объявятъ ихъ врагами міра, какъ это случилось прежде и какъ еще недавно испытала это Баварія. И такъ надобно впередъ выждать этихъ обстоятельствъ, а потомъ уже единодушно принять какое-нибудь рѣшеніе.

6. Если, напротивъ того, планы Шведовъ, по отношенію къ другимъ державамъ, будутъ разрушены вступленіемъ Русскихъ въ Саксонію, то они будутъ еще болѣе раздражены противъ Россіи, и ихъ труднѣе будетъ склонить къ миру.

7. Если польскій король Августъ былъ принужденъ къ постыдному миру, для спасенія своего насльдіяственнаго государства отъ конечнаго разоренія, то, въ надеждѣ на чью-нибудь помощь и при переменѣ обстоятельствъ, онъ легко можетъ отказаться отъ договора и соединиться опять въ Его Царскимъ Величествомъ, какде намѣреніе Августа уже съ достовѣрностію извѣстно отъ нѣкоторыхъ саксонскихъ министровъ.

Послѣ всѣхъ этихъ преній, Его Царское Величество рѣшился остаться съ своею арміею въ Польшу.

8. Когда Его Царское Величество, по полученіи вѣстидлиннаго

го извѣстія объ Альбрехтшадтскомъ маршѣ, прибылъ въ Жолкву, то туда прѣхалъ, вмѣстѣ съ другими польскими вельможами, также и Смигельскій. Князь Меншиковъ принялъ его со всеми почестями и подарилъ ему шпагу, осыпанную брилліантами. Смигельскій неотступно просилъ князя и все его семейство, и даже всю свиту, пребывать въ его имѣніи, лежащемъ недалеко отъ Жолквы, чтобы осмотрѣть тамъ собранное имъ войско и вмѣстѣ съ тѣмъ отбѣдвать у него. Его свѣтлость обещалъ прѣхать къ нему въ назначенный день, но къ счастью, онъ получилъ отъ Его Величества очень важныя бумаги, которыя заставили его отказаться отъ этой поѣздки. Впрочемъ, онъ послалъ вмѣсто себя генерала Полауга и еще нѣкоторыхъ офицеровъ. Ввродомскій Смигельскій отправилъ этихъ гостей подъ арестомъ, въ Саксонію, къ королю шведскому; но на пути они нашли удобный случай освободиться изъ рукъ измѣнника.

Въ скоромъ послѣ того времени, князь Вишневецкій, которому Его Царское Величество испросилъ у короля Августа мѣсто фельдмаршала въ Литвѣ, оставилъ русскую партію и, предавшись Шведамъ и Станиславу Лещинскому, съ частію своего войска, присталъ къ шведскому генералу Левенгаупту и вездѣ дѣйствовалъ враждебно противъ Русскихъ.

Послѣ того, какъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, бывшій первымъ министромъ и пользовавшійся высокою довѣренностію Монарха, скончался въ Глуховѣ, къ общему прискорбію всѣхъ Русскихъ, — занятія, равно какъ и могущество князя Меншикова, возрасли еще болѣе.

1707 г. Сеймъ въ Лембергъ. — Грамота, данная князю Меншикову. — Распоряженія и дѣйствія князя въ Польшѣ. — Взятіе Быхова. — Разныя экспедиціи. — Венгерскій посолъ. — Возращеніе русскихъ плѣнниковъ. — Кейзерлингъ. — Ле-Брюинъ. — Выступленіе Шведовъ изъ Саксоніи. — Жители Нарвы и Дерпта отсылаются въ русскіе юрода.

Его Царское Величество повелѣлъ, посредствомъ грамотъ, убеждать польскія провинціи къ тому, чтобы онъ, какъ вы-

нужденныя силою Шведовъ къ избранію и коронацію Станислава Лещинскаго, прислали съобщъ пословъ на сеймъ, назначенный благомыслящими Поляками въ Лембергъ, и дали имъ подробныя инструкціи касательно избранія новаго короля. 7 января было открыто въ Лембергъ собраніе, въ которомъ находились многіе польскіе сенаторы и вельможи. Упомянутыя разсужденія о предварительныхъ условіяхъ показались Его Величеству измѣнными, и онъ желалъ только того, чтобы скорѣе приступили къ дѣлу. Его Величество обещалъ уступить республикѣ Бѣлую Церковь, выдать два милліона рублей, и не заключать съ Шведами мира иначе, какъ съ согласія Польши.

Наконецъ, въ мартъ, Его Величество получилъ клятвенное и письменное обязательство преданныхъ ему Поляковъ: соблюдать всѣ прежнія трактаты и въ особенности договоръ, заключенный въ 1704 году послѣмъ Юмою Дзялинскимъ, воеводу кульскимъ, и утвержденный сеймами; никогда не заключать никакихъ трактатовъ съ противною партіею безъ соизволенія Его Величества; признавать своимъ королемъ только того, кого они возведутъ на тронъ, по единодушному голосу всей республики; противъ общаго врага и его союзниковъ стоять до послѣдней возможности, для сохраненія своей свободы; Его Величеству помогать въ счастіи и несчастьи, и въ такомъ союзѣ пребывать съ ненарушимымъ постоянствомъ до окончанія войны и впрочемъ. Эти пункты были утверждены Поляками въ Люблинѣ.

Его Величество, въ то же время, повелѣлъ послать ко многимъ государямъ подробное объясненіе несправедливости, причиненной ему Альтранштадтскимъ миромъ.

День своего рожденія, 30 мая, Его Величество праздновалъ въ мѣстечкѣ Казимирѣ, и при этомъ случаѣ пожаловалъ Александру Даниловичу Меншикову княжеское достоинство, съ титуломъ *святлости*, и наименованіемъ Ижорскаго, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей грамоты, данной 4 іюня 1707 года *:

* Сообщаемъ этотъ документъ въ подлинникѣ. *Пр. персе.*

«Божією спосылителюющею милостию, Мы Пресвятѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Царь Алексѣевичъ, всея Великіи и Малыи и Белыя Россіи Самодержецъ; и прочая, и прочая, и прочая. Въ будущиыи годахъ намѣя, объявляемъ настоящею Нашею указованною грамотою: вѣдѣти».

«Аще даннаи Намѣя отъ Всевышняго Самодержавная власть, во: всероссійскомъ Намѣя жалобисомъ и привалитисомъ къ: оному арестрангійскимъ Царствіамъ и Государствамъ, дамы распространяемъ, что велъ достоинства, и высокіе степенни по: сти, во одомъ издавна обыкыи, и до: воми Нашею поровяденныи, каждому по заслугамъ, и по милости Нашею раздавати, въ: благодареніи Намѣя сопочти: обаже: на награжденіи вы: сшными мѣстами, и первостепенными степенными, чести и титу: ломъ въ: Нашемъ Царствіи, благадарности: Нашу сами обыкы: ли, есмы предъ: выи заключати, раво: мря чрезвычайныи за: слуги и высокое: достоинство: шого, его же на степенъ зна: тѣйшата Княжескаго преимуществы возвести: сошво: лемъ».

«И тако разсуждал, что: любезно Намѣя, верный: Рязскаго Государства Князь Алексѣандръ Даниловичъ Минциковъ, про: ченный: изъ: фамилии: благородной: Литовской, котораго: Мы, ради: верныхъ: слугъ: въ: Нашею: гварди: радже: ли: его: и: видя: въ: добрыхъ: поступкахъ: его: самое: недавно: свое: юныхъ: лѣтъ, въ: милости: Нашею: Величества: восприяи, въ: при: дворъ: Нашемъ: во: арственныи: удѣломъ, и: яко: то: до: при: бавляющимися: лѣты: возраста: его: процвѣталъ: оный: въ: благо: родителѣхъ, и: рабросѣхъ: и: сливныхъ: сердца: и: разумъ: и: ра: рованіяхъ, предъ: авря: всехъ: дверетвахъ: своихъ, тако: и: Наше: го: Величества: милости: распространяющуюся: день: отъ: дней: къ: себѣ: водѣ: и: тѣмъ: о: предбудущихъ: своихъ: мунесивенныхъ: и: варныхъ: къ: Намѣя: и: къ: Царствію: Нашему: поступкахъ: и: услужахъ, надежду: въ: Нашъ: умножилъ, аже: намѣя: въ: томъ: чрезъ: мужественныи: и: не: полѣтамъ: возраста: его: явленныи: уинки: при: осадѣ: славной: Турской: бывшей: крѣпости: Азова, какъ: на: морь, такъ: и: на: земли: утверждена: бысть, тако, что: милость: Нашѣя: ко: оному: знатно: умножилъ; потому: же: при:

духотворный Императоръ въ Европейскихъ Государствахъ, съ котораго его яко единого изъ вѣрнѣйшихъ и любезнѣйшихъ себе, кунно избракомъ, не токмо Нашей, но и вѣрнѣйшихъ иностранныхъ Государей почтенье и милость заслужилъ, что отъ оныхъ во времена лѣтними и великими знаки милости награжденъ есть, а коимъ отъ Его Царскаго Величества Римскаго вѣнчанъ снопчепные песты Князскаго титула Римской Империи до чести быти чрезъ лѣтнюю грамоту удостоенъ; отъ Королевскаго Величества Польскаго чинемъ кавалеріи Благороднаго Ордена отъ Королевскаго же Величества Прусскаго на вѣдѣніе же Благородія чрезъ публичныхъ министровъ имеемъ аки почетенъ есть. — По началу же войны у Насъ съ Короною Шведскою, оной ташею доводы храбрости воинскаго искусства и вѣрности, какъ при осадахъ и добываніи городовъ Хотенбурга, Нишанца и Нарвы, тамо и при взятіи непріятельскихъ кораблей на морѣ. Намъ предъ очами Нашими показалъ, что Мы его не токмо отъ единой воинскихъ лѣтъ степеней въ степень возвышати, но потомъ и вышшимъ званіемъ воздаемъ за мужество, вѣру и вѣрность его, сирѣчь ердномъ кавалеріи Нашей Россійской святаго Апостола Андрея пожаловать и потомъ надъ приращенными Нашимъ войскою, наследственными провинціями, Ингрією и Корелією кунно со Эстляндією и иными издреле Намъ надлежанными, Генеральнымъ Губернаторомъ, Всемилостивѣйше учинили; въ которыхъ оже мудрымъ и радельнымъ своимъ правленіемъ и наряднымъ учрежденіемъ не малую услугу и плодъ Намъ и Государству Нашему произвелъ. Потомъ же при вступленіи Нашемъ, по прошецію Короля и Вѣды Молдавитой Польской и Великаго Княжества Литовскаго, съ войски нашими на оборону оной противъ общаго Нашего непріятеля, тогдаки Намъ вѣрныя услуги въ советѣхъ при доруженіи, крѣпостей, и прикомъ войскъ, показалъ, что Мы достойна быти разсудки оного Нашихъ Государственныхъ и тайныхъ дѣлъ Министромъ и Генераломъ Главнымъ всея Нашей кавалеріи учинити; въ которомъ чину бывъ оный Намъ и Государству Нашему не токмо (по оставленіи

съ союзной стороны) мудрымъ отродомъ войска Нашихъ изъ Гродни и учрежденіемъ оного; но потомъ пропало 1706-го году, октября во 2-й день мужественнымъ и мудрымъ приключомъ своимъ оной кавалеріи таковую прекрасную надъ непрятельскимъ войскомъ победу получила, какой въ сію войну надъ онымъ никогда же — получено; и за таковыя и нынѣшнія его къ намъ и къ Пресвѣтлѣйшему сыну Нашему (его же возвращенія высшимъ Управителемъ Мы оного со Всемилостивѣйшаго на вѣрность его упованія учредили), и ко всему дому Нашему, и Россійскому Царствію превеликія многія услуги и усердныя раденія разсудилъ Мы, достойно быти въ награжденіе того всего, оного не токмо въ данныхъ ему отъ Наръ и отъ Иностранныхъ Государей честяхъ, титулахъ и Римскаго Государства Княземъ достоинствъ, сею Нашею Царскаго Величества милостивою, жалованною грамотою утвердити, но и еще въ признаніе и воздаяніе тѣхъ его къ Намъ прежде помянутыхъ заслугъ всероссійскаго Нашею Царствія, Княземъ Ижерскія земли его учинити и пожаловать, яко же Мы сими то исполняемъ и въ знакъ вся Нашея милости во ономъ Княжествѣ лежащія грады Ямбургъ и Кошорье съ принадлежащими къ нимъ уѣзды и землями, въ вѣчно ему и законнымъ его наследникомъ и потомству владѣніе, Всемилостивѣйше отдаемъ. Сего ради, да будетъ во имя Бога Всемогущаго, отъ него же всякое начало, честь и достоинство происходитъ, помянутой Господинъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, и потомки его обоихъ родовъ законо-рожденные восходящія и нисходящія линіи, во вѣчный знакъ Нашей милости, Нашимъ собственнымъ изволеніемъ и Самодержавною отъ Бога врученною властію и благоусмотрѣніемъ Нашимъ, разсужденіемъ во всехъ Нашихъ Всероссійскаго Царствія Государствахъ, пожалованъ, почтенъ и именованъ титуломъ Римскаго и Россійскаго Государствъ, Князя съ приложеніемъ Свѣтлѣйшаго; въ которую честь Мы его съ сего числа возвышаемъ, узаконяя, и сими Нашимъ Царскаго Величества Указомъ нарѣчько устанавливая, дабы впредь въ вѣчныя времена оной и дѣти его, "наследники и

потомки законныя мужеска и женска роду нисходящей и восходящей линіи, силою Нашего возставленія и возведенія отъ всѣхъ имановались, какъ на письмѣ, тако и на словахъ, Римскаго и Россійскаго Государствѣ Князи и Принцы Свѣтлѣйшіе, и въ Нашемъ, такожь и въ иностранныхъ Государствахъ тѣ права, привилегіи и преимущества, якоже достоинству тому приличествуютъ и принадлежать, получали, воспринимали, и употребляли; и Нашему Величеству и Пресвѣтлѣйшему Царевичу сыну Нашему любезнѣйшему Алексію Петровичу, и прочему Нашему Потомству по должности своей во всѣхъ дѣлѣхъ вѣрно и радѣтельно, яко и прежде служили; и дабы сверхъ того онъ Александръ Даниловичъ Нашъ и Римскаго и Россійскаго Государства Князь особливую Нашего Царскаго благоволенія и милости склонность искусилъ: того ради, тою жъ Нашею Самодержавною властію ему и дѣтямъ его законнымъ обо его роду гербы ихъ родовые и въ Царскомъ Дипломѣ изображенныя отчасти умножили, отчасти же и вновь соизволили, и послѣдующимъ образомъ вѣчно впредь употреблять и имѣть повелѣваемъ и жалуемъ, то есть: Щитъ четверчастный, котораго первое полще верхнее серебряное, льва поднятого весьма краснаго языкомъ выставленнымъ и хвостомъ въ верхъ потрясаемымъ, держащаго лапою двѣ черныя трости, накрестъ положенныя, по концамъ позлащенные; содержаща Генеральства достоинство его пожалованное знаменующія да являютъ: второе полще верхнее синее, гербъ Великаго Княжества Литовскаго прѣзвѣнными краски да содержитъ, ко объявленію той же провинціи, что оная есть отчизна его; правое полще нижнее, такожде синее, золотой корабль оснащенный и плавающій, да являетъ знаменіе морскаго его у Насъ достоинства; четвертое, или лѣвое нижнее полще золотое, победы военныя являющее, да знаменуетъ, что Мы Великій Государь Наше Царское Величество, его за многія полученныя победы съ крайнею властію надъ войскомъ Нашимъ коннымъ начальствующа воставили, щитцемъ среднимъ раздвоеннымъ зла-

нымъ раздвоенъ гербъ. Рижской Имперіи и Царства Россійскаго, положивъ между обоихъ орловъ главами корону Нашу всероссійскую, и вложивъ грудному щитцу сердце коронованное родовой фамиліи его гербъ вървхъхъ службъ. Нашему Царскому Величеству, тамже и Его Цесарскому Величеству и Королевству Польскому, съ нами въ союзъ обрѣтающемуся, по нынѣ учиненныхъ память, и впредь учинитися имущихъ сердца готовость знаменуются; надъ всѣмъ гербомъ да стоять пять шлемовъ рѣшетчатыхъ и вѣнчаныхъ кромѣ средняго, которой Княжескую шапку да покрывается, и изъ оного да возстаютъ кругомъ раздвоенные прежде среднимъ щитцемъ назначенные Всероссійскіе, Цесарства Римскаго и Польскіе гербы, подлѣ оного сущій шлемъ справа сердце фамиліи его гербъ да носить, и надъ онымъ слѣва левъ въ щитѣ изображенный; да стоитъ первый шлемъ справа, первенственный Ижерского Княженія гербъ замокъ съ трехобразными башнями и тремя разпущенными знамены, изъ которыхъ среднее знамя красное, правое и лѣвое сребренное, или бѣлое, да держитъ шапкою княжею знаменующій Княженія того достоинство ему отъ Насъ Всемиловивѣйше данное: пятый или послѣдній шлемъ лѣвый, другой гербъ провинціи Корельской и Эстляндской знаменуя надъ тѣми жѣ провинціями врученную ему отъ Нашего Величества власть Губернаторскую: держатели того герба да будутъ два солдата по нѣмецки убранные съ мушкетами, платье верхнее на правой странѣ темно-зеленое, во знакъ Нашей гвардіи; на лѣвой же синее, прочее красное, шляпы сверхъ того перьями струсовыми украшенныя; отвороты да будутъ справа красныя, съ лѣвой руки золотыя и синія; около шеи да будетъ обведена цѣпь кавалерій Нашей всероссійской чина, святаго Апостола Андрея, и на каменіяхъ ея надпись лзыкомъ Россійскимъ вырѣзана да будетъ, за вѣру и вѣрность, а его надпись, за наставленіе разума съ помощаніемъ истины, яко же сія вся живописцова рука цѣвтами своими раздѣлена и явнѣе смотрѣти подаетъ.

«Того ради Мы Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Бѣгръ Александровичъ. Само-

державъ Всероссийскій, Нашего Всероссийскаго Царствія Государствъ, вѣрно-любезнымъ подданнымъ, какъ духовнымъ, такъ и мѣрскимъ; Митрополитомъ, Архіепископомъ, Епископомъ и прочимъ духовнымъ, и въ Нашемъ Царскаго Величества обрѣтлющимся сиклитъ, Принцомъ, Князьмъ и прочимъ Высокимъ Министромъ въ войскахъ же Нашихъ на землѣ и морѣ: служащимъ, Фельдмаршаломъ и Адмираломъ; Генераломъ, вице-Адмираломъ и прочимъ воедемъ, и высокою и низкою чина офицеромъ; также благоурядниками Нашимъ Дворяномъ, и всемъ вообще и ко всему особенно; Гражданскимъ, Канцелярскимъ верховнымъ и важнымъ служителямъ, и Зейскаго чина Президентомъ и Бургомистромъ и мѣщаномъ, и всемъ всероссійскаго Нашего Царствія подданнымъ всякаго чина, милостиво повелѣваемъ, и Указомъ Нашимъ Имяннымъ утверждаемъ, а прочихъ Потентатовъ, Принцовъ и Князей Братски и любезно просимъ и желаемъ, дабы помянутаго Намъ и Россійскому Нашему Царствію вѣрно-любезнаго Римскаго и Россійскаго Государства Князя Господина Александра Даниловича Меншикова и законныхъ его наследниковъ мужеска и женска роду, восходящія и нисходящія линіи, въ вѣчныя времена, въ разсужденіи къ Намъ и Царству Нашему помянутыя его вѣрныя службы, и надъ непріятели Нашими храбрыя воинскіе поиски, Нашимъ Римскаго и Россійскаго Государства Княземъ Ижерскимъ признавали, почитали, писали и именовали; и по милостивому Нашему возвышенію предсѣдательство въ духовныхъ и Сенаторскихъ Совѣтахъ по достоинству оному позволяли, и прочія преимущества и почтенія оному отдавали: яко же Брата Нашего любезнѣйшаго, Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Іосифа избраннаго Римскаго Цесаря и иныхъ, ему данный дипломъ въ себѣ содержать, который сею Нашею Царскаго Величества милостивою жалованною грамотою купно во всемъ подтверждаемъ, и подданнымъ Нашимъ оный примать, и по тому исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникомъ Нашего Царскаго Величества гнѣва и пени пяти сотъ фунтовъ злата, изъ которой часть въ казну Нашу; остаточное же тому

озлобленному доправлено быть имѣть безъ всякой пощады, не смотря лица, или чина; прочимъ же Потентатомъ, Принципамъ и Княземъ взаимно въ таковыхъ же мѣрахъ воздавати общаемъ; яко же во свидѣтельство сей Нашей къ помянутому Намъ вѣрно-любезному Свѣтлѣйшему Князю Александру Даниловичу Меншикову милости и достойнаго возвышенія прилагаемъ Нашу и Всероссійскаго Нашего Царствія печать, при подписаніи Нашей Царскія руки. Данъ въ нашемъ воинскомъ походѣ въ Польшь, въ главномъ Стану при Казимирѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1707 году, Іюня въ 1-й день.

« П Е Т Р Ъ . »

• Петръ Шафировъ Его Ц. В-ва тайный секретарь при Его государственныхъ и иностранныхъ дѣлахъ. •

Его Величество повелѣлъ князю Ижорскому, покуда онъ будетъ находится въ Польшь, имѣть при себѣ полный придворный штатъ, составленный по образцу двора императора германскаго или короля польскаго, и избрать для того отличныхъ и достойныхъ людей, чтобы такимъ образомъ, Польки видѣли у князя пышность двора Его Величества, послы и вельможи были принимаемы, смотря по своему значенію, въ приемныхъ комнатахъ, столовой или аудіенцъ-залѣ, равно генералы и офицеры, далеко живущіе другъ отъ друга, каждыйдневно могли бы видѣться при дворѣ и получать приказы. Его Величество имѣлъ при этомъ цѣль — видѣть образецъ правильнаго придворнаго штата, чтобы впоследствии составить изъ него свой собственный штатъ, къ чему до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ желанія.

И такъ въ домъ князя Меншикова теперь явились: оберъ-гофмейстеръ, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-каммергеръ, оберъ-штаммейстеръ, мундшенки, гофмаршалы, камеръ-юнкеры, гофъ-юнкеры, экипажмейстеры, и другіе придворные чиновники и служители. Всѣмъ имъ было назначено жалованье,

даны инструкціи и вмѣнено въ обязанность, чтобы каждый старательно исправлялъ свою должность.

Князь Меншиковъ принималъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, конференціяхъ и сеймахъ, которые собирались въ январь въ Лембергѣ, въ мѣзъ въ Люблинѣ, въ іюнь въ Жолквѣ, особенно по случаю предстоявшаго обнародованія междуцарствія и избранія новаго короля. Въ Дзенчолахъ *, онъ успѣлъ склонить собраніе литовскихъ дворянъ, подъ председательствомъ маршалка Воловича, къ тому, чтобы они обязались клятвою дѣйствовать противъ ихъ общаго врага и не признавать Станислава Лещинскаго королемъ; при чемъ была подтверждена сендомирская конфедерація 1702 года. **

Въ то же время было возобновлено и подтверждено, безъ всякихъ противорѣчій, право гражданства, данное князю Меншикову въ Польшу и Литву.

Поляки каждодневно съ удовольствіемъ и удивленіемъ замѣчали великую власть, благоразумное распоряженіе и дѣятельность князя Меншикова въ управленіи дѣлами, равно какъ и великолѣпный придворный штатъ, окружавшій его и его супругу, и притомъ, любезность, великодушіе, щедрость и дружественное расположеніе къ польскому дворянству. Потому они старались угождать князю и осыпали его комплиментами. «Счастливая звезда, говорили они, украсила его такими благородными и высокими качествами, что они желали бы имѣть у себя такого короля.» По обнародованіи междуцарствія, нѣкоторые хотѣли внести его въ число кандидатовъ на польскую корону, и обыщали, за себя и за своихъ друзей, подать въ его пользу голоса.

Князь Меншиковъ, выслушавъ эти рѣчи, съ свойственною ему любезностію, принималъ ихъ только за комплимен-

* Дзенчолы — мѣстечко въ слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, въ 41 верстѣ отъ Слонима. Тамъ была главная квартира Меншикова.

Прим. Пер.

** Сендомирская конфедерація была составлена приверженцами Августа, которые не соглашались признать королемъ Станислава Лещинскаго.

Прим. Пер.

ты; но онъ умѣлъ воспользоваться этими дружественными расположеніями къ себѣ польскихъ вельможъ. Онъ приобрѣлъ значительную партію и благомыслящихъ приверженцевъ для поддержанія интересовъ и видовъ Его Царскаго Величества, — который уже оставилъ Польшу 15 октября, уѣхавъ въ С.-Петербургъ. Онъ разсѣялъ подозрѣнія, распространенныя въ-которыми неблагонамѣренными людьми, будто-бы русскій Монархъ желаетъ завладѣть какою-нибудь польскою провинціей, по предложенному шведскими министрами проекту, который впрочемъ былъ составленъ безъ вѣдома Его Величества, — и будто его намѣренія клонились ко вреду ресублики. Князь Меншиковъ убѣдилъ Поляковъ совершенно въ-противномъ.

Такъ какъ теперь князь Меншиковъ, вмѣстѣ съ примасомъ королевства, узналъ изъ тайныхъ писемъ, что король Августъ не намѣренъ сохранять вынужденный договоръ, заключенный имъ въ тягостныхъ обстоятельствахъ въ Алтранштадтѣ, но желаетъ опять соединиться съ Его Царскимъ Величествомъ и снова принять корону польскую; то сеймы, собранные по случаю междуцарствія и избранія короля, съ соизволенія Его Величества, были распущены.

Въ то же время получено было извѣстіе, что и датскій король также намѣренъ возобновить союзъ противъ Швеціи; потому теперь возникли совершенно новые кабинетные проекты.

Послѣ этого князь Меншиковъ объявлялъ генералитету полученное отъ Его Величества повелѣніе о походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого повелѣнія, князь Меншиковъ командировалъ генерала Боура противъ ослѣпившихся Поляковъ, именно: 1) противъ короннаго гетмана князя Любомирскаго, который съ своими полками причинялъ много вреда подданнымъ Его Царскаго Величества въ кievскомъ воеводствѣ; 2) противъ князя Вишневецкаго, который, по ходатайству Его Царскаго Величества, былъ прежде того литовскимъ гетманомъ; 3) противъ старосты Спискаго, который былъ своднымъ братомъ гетмана Синявскаго, а въ-

особенности 4) противъ литовскаго генералъ-фельдцейхмейстера Свинцкаго.

Генералъ Воуръ взялъ крѣпость Быховъ и возвратилъ отбитый Свинцкинымъ обозъ съ двѣнадцатью милліонами флориновъ русскаго золота, которые были назначены на жалованье польской арміи, и съ ходячею польскою монетою, тѣмъ же, которые Его Царское Величество, согласно съ договоромъ, дозволилъ чеканить въ Москвѣ.

Князь Меншиковъ помирилъ генерала Воура съ генералами Чамберсомъ, Верденомъ и другими, которые поссорились между собою за добычу, взятую въ Быховъ. Артиллерию, найденную въ этой крѣпости, онъ приказалъ отправить въ Смоленскъ, взятаго тамъ же Вишневецкаго отослалъ подѣлать въ Украину (откуда онъ бѣжалъ въ 1710 году); начальство же надъ литовскими воеводствами поручилъ генералу Огинскому.

Его свѣтлость командировалъ еще генерала Ренне въ Туринъ и Динцигъ, чтобы отклонить эти города отъ партій Шведовъ и Станислава, и заставить ихъ действовать противъ послѣдняго. Ренне схватилъ тамъ лембергскаго архіепископа (Дзьянискаго), который въ 1705 году короновалъ Станислава, и другихъ пльнниковъ.

Наконецъ, былъ еще командированъ полковникъ Шульцъ съ однимъ отрядомъ въ воеводство Накель, что въ Великой Польшѣ, противъ Смигальскаго, и потомъ въ Лечно, Ровичъ и Рейзень, гдѣ находились помѣстья Ленцияскаго и Сапѣги. Но такъ какъ Шульцъ, вопреки повелѣнію, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, не щадя имѣній Джембека * и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, которые были освобождены Его Царскимъ Величествомъ отъ всякихъ налоговъ, не вносилъ контрибуцію въ полковую казну, и оскорбилъ своею грубостію прусскаго резидента въ Варшавѣ, Ленефеля;

* Джембекъ, епископъ кулявскій, былъ примасомъ королевства; въ это достоинство онъ былъ возведенъ Августомъ, который принялъ изъ его рукъ корону. Онъ былъ приверженцемъ русской партіи, потому что она могла поддержать его на первоначальномъ престолѣ; Станиславъ, съ своей стороны, пожаловалъ саномъ примаса лембергскаго архіепископа Дзьянискаго, который короновалъ его. — *Прим. Пер.*

то подвергся строгому аресту, хотя заслуживалъ еще болѣе строгое наказаніе *.

Во время пребыванія Его Царскаго Величества въ Польшѣ, прибылъ туда венгерскій генералъ графъ Березини, называвшій себя полномочнымъ министромъ венгерскихъ чиновъ. Онъ просилъ Его Царское Величество о посредничествѣ къ примиренію князя Рагоцкаго съ императоромъ римскимъ, и сдѣлалъ еще нѣкоторыя другія предложенія отъ имени венгерскихъ чиновъ **.

Въ собраніяхъ, происходившихъ по этому случаю, князь Меншиковъ настоятельно требовалъ, чтобы недовольные Венгерцы примирились съ императоромъ римскимъ, но не искали бы помощи Турокъ ко вреду христіанъ. Изъ этого графъ Березини заключилъ, что князь Меншиковъ не добродетельствуетъ венгерскимъ чинамъ, но держитъ сторону императора. Чтобы склонить его на свою сторону, графъ замѣтилъ, что въ томъ случаѣ, когда князь Рагоцкій будетъ избранъ польскимъ королемъ, князь Меншиковъ можетъ имѣть надежду, если не на полученіе венгерской короны, то на приобрѣтеніе княжества трансильванскаго, потому-что въ Венгріи уже было объявлено междуцарствіе и упраздненіе престола.

Его свѣтлость, по желанію графа, приказалъ призвать нѣсколькихъ солдатъ, родомъ изъ Югріи, и представить ихъ

* Изъ писемъ Петра Великаго видно, что полковникъ Шульцъ въ томъ же 1707 году, былъ преданъ, по Царскому повелѣнію, военному суду за то, что онъ прибылъ секретаря прусскаго короля. Онъ былъ посланъ отъ Меншикова къ королю прусскому, но не знаю только, за какими дѣломъ говорить Гольцковъ, объясня это дѣло, по собственной догадкѣ. Авторъ рукописи заслуживаетъ, въ этомъ случаѣ, большаго довѣрія, чѣмъ догадка, ни на чемъ не основанная. — *Прим. Пер.*

** Князь трансильванскій Рагоцкій, воспитанный при вѣнскомъ дворѣ, и потомъ заключенный въ замокъ Нейштадтъ, въ 1701 году бѣжалъ изъ Австріи въ Венгрію. Въ 1707 году, онъ самъ предложилъ себя въ кандидаты на престолъ польскій. Полномочные послы его прибыли къ русскому Монарху въ августѣ 1707 года, и 4 сентября, въ Варшавѣ, былъ заключенъ трактатъ о вспоможеніи Рагоцкому, войскомъ и деньгами, къ избранію его на польскій престолъ. Но обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого плана. — *Прим. Пер.*

венгерскому полномочному, который поговоривъ съ ними, нашелъ, что отечественный языкъ Югровъ имѣеть много сходства и сродства съ венгерскимъ, и кромѣ него ни съ какимъ другимъ, и что слѣдовательно древніе Гунны вышли изъ русской провинціи Югрии*.

Графъ старался склонить Его Величество къ заключенію мира съ Шведами; по его словамъ, надо было опасаться, что Турки, занятые въ то время приготовленіемъ къ войнѣ, могутъ, по домогательству шведско-польской партіи Станислава, вмѣшаться въ современное военное движеніе. Но настаивая на этомъ предложеніи, графъ Березини имѣлъ свою цѣль, какъ легко было догадаться; онъ предполагалъ, что когда шведскій король заключитъ миръ съ Его Царскимъ Величествомъ, то поссорится съ императоромъ германскимъ, и будетъ помогать партіи недовольныхъ въ Венгрии.

Кромѣ того, онъ ручался за то, что Райцы, Русняки и другіе жители Венгрии, исповѣдующіе греческую религію, пользовались теперь полною свободою, и что имъ, послѣ счастливаго окончанія дѣлъ, будутъ предоставлены еще большія права, между тѣмъ какъ они терпятъ притѣсненія отъ австрійскаго правительства, которое принуждаетъ ихъ присоединиться къ латинской церкви (къ Уніи).

Графъ Березини требовалъ денежнаго вспоможенія для венгерскихъ чиновъ; но такъ какъ его ручательство, касатель-

* Югрією, у нашихъ лѣтописцевъ, назывались земля, лежащая за Уральскимъ хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Оби, и простирающіеся на востокъ до рѣки Анаа. Жители этой страны, называющіе себя Вогулами, принадлежатъ къ семейству финскихъ народовъ. Нѣкоторые ученые, вслѣдъ за Шлецеромъ, и Венгровъ считаютъ также народомъ финскаго происхожденія, и выводятъ ихъ изъ Югрии или Угрии, или которой созвучно съ стариннымъ русскимъ названіемъ Венгрии: Угорл. Но это мнѣніе, основанное на отдаленномъ созвучіи нѣсколькихъ венгерскихъ словъ съ финскими, едва ли справедливо. Хотя вопросъ о происхожденіи Венгровъ не рѣшенъ еще положительнымъ образомъ; но съ большимъ вѣроятіемъ можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ (вполнѣ развитымъ недавно еще французскимъ ученымъ Жерардо), которые, основываясь на изученіи языка, исторіи, нравовъ и обыкновений, и самаго тѣлосложенія Венгерцевъ, считаютъ ихъ выходцами изъ Средней Азии, и причисляютъ къ племенамъ турецкимъ. — Прим. Пер.

во уплаты, было не совсѣмъ надѣжно, то эта просьба была отвергнута подѣ благовиднымъ предложеньемъ. При отъѣздѣ графа, данъ былъ ему рекредитивъ на имя Рагоцкаго, какъ князя трансильванскаго, и было обещано, что послѣдующее рѣшеніе будетъ объявлено венгерскому резиденту Надецкому, котораго графъ оставилъ въ Варшавѣ.

Когда 1500 солдатъ, которые встались послѣ Фрауенштадтской битвы въ Саксоніи и отступили къ Филлисбургу, должныствовали быть выданными Шведамъ, по альтштадтскому договору; то князь Меншиковъ, своимъ ходатайствомъ передъ вѣнскимъ дворомъ, способствовалъ къ тому, что подѣ предводительствомъ генерала Ренцеля, они прошли отъ Рейна черезъ всю Германію, и счастливо возвратились въ Польшу, къ русской арміи; при этомъ случаѣ были вознаграждены всѣ, кто содѣйствовалъ этому благополучному переходу.

Въ день тезоименитства Его Царскаго Величества, князь Меншиковъ устроилъ празднество, на которомъ присутствовали примасъ королевства и нѣкоторые польскіе магнаты. Это празднество было нарушено русскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ, который, вмѣстѣ съ другими иностранными министрами, былъ приглашенъ къ столу (см. донесеніе, посланное Кейзерлингомъ въ Берлинъ) *.

Въ сентябрь, Его Царское Величество уѣхалъ изъ Польши въ Петербургъ, поручивъ князю Меншикову командованіе войскомъ, находившимся въ Польшѣ. Князь размыслилъ армію по разнымъ воеводствамъ, подѣ начальствомъ генераловъ: Гольца, Алларта и Гейнскаго; поручилъ также должности принцу гессенъ-дармштадтскому, генераламъ: Беме и Альбону, подполковнику Вейсбаху, генералу Фризе, полковнику Фейленгейму, и другимъ, вызваннымъ изъ Вены, олице-

* Въ 1707 году, Сапѣга возвратился изъ Польши въ Литву, куда пришелъ черезъ Пруссію. Это обстоятельство раздражило Петра противъ берлинскаго вѣдѣннѣ; и подало поводъ Меншикову къ оскорбительнымъ замечаніямъ противъ прусскаго посланника Кейзерлинга. Послѣдній явился къ Царю, чтобы потребовать удовлетворенія; но его арестовали въ собственной его квартирѣ. (См. Исторія Петра Великаго, Берлина, Т. 2, стр. 106). — Прид. Цар.

рамъ. Чтобы оградить жителей отъ притѣсненій и оскорбленій, князь Меншиковъ издалъ строгія постановленія касательно безпорядковъ, и въ страхъ другимъ, нѣкоторыхъ солдатъ, провинившихся въ буйствѣ, приказалъ подвергнуть телесному наказанію, а другихъ казнить смертію.

Знаменитый голландскій живописецъ Ле-Брюннъ, будучи въ Польшу, поднесъ Его Царскому Величеству нѣкоторыя рѣдкости, рисунки и свои замѣтки, сдѣланныя въ продолженіе семилѣтняго путешествія въ Остъ-Индіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обещалъ награвировать на мѣди виды разныхъ городовъ, рисунки любопытныхъ предметовъ, равно какъ и портреты знаменитыхъ людей въ Россіи и приложить ихъ къ описанію своего путешествія. Князь Меншиковъ сдѣлалъ богатые подарки этому живописцу, какъ это было уже и въ 1703 году, и приказалъ отправить его въ отечество черезъ Архангельскъ, потому что путешествіе черезъ Польшу было не безопасно, по причинѣ движенія непріятельскихъ войскъ. Такъ пишетъ самъ Ле-Брюннъ въ изданной имъ книгѣ *.

Такъ какъ шведскій король выступилъ уже изъ Саксоніи и направился къ Польшу черезъ Силезію, то нѣкоторые генералы, въ собранномъ по этому случаю военномъ совѣтѣ, предлагали дать Шведамъ отпоръ на рѣкѣ Вислѣ или при Гродно и стараться въ удобныхъ мѣстахъ тревожить ихъ нападеніями.

Между тѣмъ послѣдовало повелѣніе Его Величества, чтобы русская армія уступила всѣ мѣста Шведамъ, ни на что не отваживалась въ Польшу, и отступала къ русскимъ границамъ. Предполагая, что это происходило отъ страха, Шведы тѣмъ отважнѣе двинулись впередъ и жела-

* Reizen over Moscovie. Амстердамъ. 1714 г. Корнелий Ле-Брюннъ болѣе извѣстенъ, какъ путешественникъ. Онъ родился въ Гагѣ 1632 г.; учился живописи, и для дальнѣйшаго усовершенія себя въ этомъ искусствѣ отправился въ 1674 г. въ Римъ. Съ этого перваго его выѣзда изъ отечества начинаются его путешествія по Европѣ, Азій и Африкѣ. Въ 1701 и слѣдующихъ годахъ онъ былъ въ Россіи, Персіи, Индіи, Цейланѣ и на другихъ азіатскихъ островахъ. Онъ издалъ описаніе своихъ путешествій, которое болѣе интересно по рисункамъ, чѣмъ по тексту.

Прим. пер.

ли только одного, чтобы неприятель хотя разъ остановился, и доставилъ бы имъ случай къ побѣдѣ. Его Величество скрылъ настоящую цѣль этого обдуманнаго отступленія, такъ что никто не могъ разгадать ее, покуда не настала счастливая развязка.

Князь Меншиковъ велъ переговоры съ гетманомъ Сянвскимъ и съ другими польскими сенаторами и магнатами, обезпечилъ себя договоромъ въ ихъ вѣрности и преданности Его Царскому Величеству, и водворилъ доброе согласіе и искреннее дружество между русскими и польскими генералами и войсками. Благонамѣреннымъ Полякамъ и Литовцамъ розданы были деньги, и колеблющіеся были такимъ образомъ одушевлены къ тому, чтобы общими силами противостать увеличившемуся могуществу и угрозамъ Шведовъ. Крѣпостныя работы производились день и ночь, на польскихъ границахъ, въ Смоленскъ, а на казацкихъ — въ Сѣвскъ.

При новомъ правительствѣ, и особенно по случаю приближенія Шведовъ изъ Саксоніи, трудно было положиться на вѣрность жителей Нарвы и Дерпта, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ вели переписку съ Шведами, жившими въ Ревель и Ригѣ. Потому князь Меншиковъ далъ приказаніе, чтобы они на нѣкоторое время были переселены въ Москву, Казань, Вологду и Устюгъ, и чтобы дерптскія укрѣпленія были разрушены. Хотя коменданты при этомъ случаѣ переступили границы даннаго имъ приказанія, и тѣмъ подали жителямъ поводъ ко многимъ жалобамъ; но это не должно падать на высшее начальство.

Въ 1715 году, жители означенныхъ городовъ были возвращены на родину и получили прежнія права.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.)

=

**Современная Лѣтопись
и Политика.**

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВЕРХОСІЙСКІЙ.

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всенародно:

Послѣ благословеній долголѣтняго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ вышъ смутами, грозящими испроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости Правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ Намъ Имперіи Австрійской и Королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и Нашей, Богомъ Намъ вѣренной Россіи.

Но да не будетъ такъ!

По заветному примѣру Православныхъ Нашихъ предковъ, призывая въ помощь Бога Всемогушаго, Мы готовы встрѣтить враговъ Нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя Сябя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ Нашихъ.

Мы удостовѣрены, что всякій Русскій, всякій вѣроподанный Нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя; что древній манъ возгласитъ за вѣру, Царя и отечество, и нынѣ предрекаетъ намъ путь къ побѣдѣ: и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на него упованія, мы все вмѣстѣ восскланимъ:

Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!

Данъ въ С. Петербургѣ въ 14-й день марта мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова. 1848-е, Царствованія же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

Въ Journal de St. Petersburg, издаваемомъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, напечатано:

«Мы на дѣлахъ сообщили Высочайшій Манифестъ, водворенный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣроподданный Царя, конечно, поймалъ значе-

на сего Манифеста. Это возмущаетъ всѣхъ, возгласъ отечества, намъ еродный языкъ, которымъ Русскіе Цари во дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею, какъ дѣйствія, такъ и объявленія нашего Правительства часто перетолковываются совершенно въ обратномъ смыслѣ, и потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго Манифеста.

Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ Манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего Правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, львио возбуждаемыхъ противъ насъ за границую, ничего не могло быть естественнѣе воззванія Царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не токмо во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгрии, въ Пруссіи и въ Германіи вездѣ раздавались враждебныя противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ, даже въ полу-официальныхъ газетахъ. Правительствамъ, кои низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нашимъ Дворомъ. Лишь только узнавъ о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, они тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Грохотливо отвергли союзъ съ Россіею, тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою за чуждыя намъ распри. Россію старались представлять какимъ-то страшлищемъ. Тогда какъ мы ни кому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъясненіямъ; ибо мы не понимаемъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ, Россія когда-ли

бо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ Германіи, ни во Франціи, Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобъ спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболее себя свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ Царей.

Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя формы правленія, имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ неизблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобъ поколебали

благонадежныя и прочныя ея установленія; столь для нея драгоценныя. Она не потерпитъ, чтобъ чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя матажа; чтобъ подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей, покусились бы отторгнуть какую либо мѣсть частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство Имперіи.

Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно ли или нѣтъ ея выгодамъ, вышаться и до какой именно степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

Но, она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и иного какого либо распредѣленія областей, подобное измѣненіе обратилось бы къ ущербу Имперіи.

Дотолъ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ: Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ФЕВРАЛЯ ПО 15 МАРТА СЕГО ГОДА.

Законы о состояніяхъ.

Государь Императоръ, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, 26 января 1847 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей 3в Зак. постановить общимъ правиломъ, что всѣмъ отсуждаемымъ, по какимъ бы то ни было уваженіямъ, изъ крепостнаго состоянія людямъ, дозволяется по желанію ихъ, или вступать въ государственные крестьяне съ водвореніемъ на казенныхъ земляхъ по распоряженію правительства, или причисляться въ городское сословіе на правахъ, въ статьяхъ 496 и 501 законовъ о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX) постановленныхъ. 2. На семъ основаніи разрѣшить и подавшія поводъ къ настоящему вопросу прошенія крестьянъ, отсужденныхъ отъ помѣщика Приклонскаго.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 3 марта сего года, изображено:

Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности пародной, признали Мѣг за благо право пріобрѣтенія земель и другой недвижимой собственности, бывъ крестьянамъ разнѣмъ имѣювацій предѣствленное, распространить и на крепостныхъ людей, съ оставленіемъ во всей силѣ и неприкосновенности всѣхъ существующихъ нынѣ между симъ людьми и владѣльцами ихъ соотношеній.

Въ слѣдствіе сего повелѣваемъ:

1) Крестьянамъ помѣщичьимъ и вообще крепостнымъ людямъ предоставить покупать и другими въ законахъ дозво-

денными способами приобретать въ собственность земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества, кромѣ лишь жилищъ населенныхъ, соблюдая относительно владѣній домами и лавками въ городахъ общія по сему предмету правила. Само собою разумѣется, что приобретать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крѣпостные люди могутъ не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго и, до совершенія акта приобретенія или отчужденія, въ присутствіи нѣсть предьявляемаго.

В) Если бы некоторыми крѣпостными людьми были, въ прежнее время, куплены земли, дома или лавки на имя ихъ помѣщиковъ, то никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ розысканій не дѣлать, дозволивъ впрочемъ помѣщикамъ, по собственному каждаго усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогъ или составъ заложенныхъ имѣній, надлежащія на оныхъ купчиха крѣпости на гербовой низшаго достоинства бумаги, безъ всякаго пошленинъ. Выдача такихъ купчихъ безпошленно на гербовой бумагѣ низшаго достоинства дозволяется въ теченіе десятилѣтъ со дня изданія настоящаго указа.

Уставы Государственнаго Благоустройства.

Московский опекумскій советъ, по случаю предоставленнаго, Высочайшимъ указомъ 8 ноября 1847 года крестьянамъ права выкупаться съ землею, во всеподданнѣйшемъ докладѣ излагая предположенія свои касательно измѣненія наблюдаемыхъ по сохранной казѣ правилъ продажи съ публичнаго торга просроченныхъ въ оной имѣній. Имѣя въ виду, что правила сии должны быть одинаковы для общихъ сохранныхъ казенъ и что означенный предметъ имѣетъ отношеніе и къ кредитнымъ учрежденіямъ министерства финансовъ, в. с. сталъ секретарь Гоэманъ входить въ сношеніе съ С.-Петербургскимъ Опекумскимъ Советомъ и съ министромъ

финансовъ, и, получивъ отзывы ихъ, имѣлъ счастье всенародно и выше повергать дѣло это на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе. Его Императорское Величество, удостоивъ оное разсмотрѣнію, Высочайше повелѣть соизволилъ: постановить въ руководство опекунскимъ совѣтамъ слѣдующія правила: 1) По окончаніи торга или переторжки и по утвержденіи состоявшейся за проданное имѣніе цѣны, принимать отъ покупателей, по прежнему, задатки, составляющіе 10 часть той суммы, какая состоялась на торгу, и задатки сіи, впредь до полученія отъ крестьянъ отзыва о желаніи ихъ внести за себя всю состоявшуюся на торгъ сумму, или, въ противномъ случаѣ, объ отказѣ ихъ отъ выкупа, обращать въ сохранную казну вкладомъ. 2) Всякій разъ объявлять покупателямъ, особыми подписками, что покупка имѣній окончательно будетъ утверждена за ними не прежде, какъ по полученіи отрицательнаго отъ крестьянъ отзыва. 3) По полученіи отзыва обязывать покупателей, въ продолженіе 15 дней внести за имѣнія остальные суммы къ представленнымъ уже въ задатокъ деньгамъ, на которыя съ того времени считать и проценты, рассчитывая по тотъ день и количество долга, числящагося на проданномъ имѣніи и подлежащаго къ уплатѣ или переводу на помѣщиковъ. Въ случаѣ же невноса покупателями въ опредѣленный срокъ остальныхъ денегъ, задатки ихъ, по дѣйствию существующихъ правилъ, обращать въ пользу воспитательнаго дома, и имѣнія на счетъ ихъ публиковать вновь въ продажу. 4) Въ случаѣ выкупа крестьянами имѣній, задатки возвращать покупателямъ съ процентами, хотя бы обращеніе ихъ въ сохранной казнѣ продолжалось мѣнѣе шести мѣсяцевъ. 5) Какъ по силѣ Высочайшаго указа 8 ноября 1847 г., выкупающіеся крестьяне, въ случаѣ неявки покупателей, обязаны внести полную оценочную сумму, каковая досель въ описяхъ, доставляемыхъ по требованіямъ кредитныхъ учрежденій, не означалась, то поставить губернскимъ правленіямъ въ обязанность, на будущее время, въ описяхъ тѣкъ, послѣ исчисленія получаемаго чистаго дохода, означать и оценку имѣнія, основанную, по

силъ 3915 ст. Св. Зак. Гражд., на 10 лѣтней сложности годового дохода.

Законы уголовные.

По всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ, Его Императорское Величество 19 января 1848 года Высочайше повелѣть соизволилъ: «Сверхъ губерній архангельской, олонѣцкой, вологодской, вятской и пермской, по коимъ какъ морское вѣдомство, такъ и промышленники освобождены уже особо отъ уборки вершинъ и сучьевъ, включить въ сѣверную полосу и смежныя съ ними губерніи: новгородскую, костромскую и казанскую, оставивъ ст. 963 уложенія о наказаніяхъ въ полной силѣ по всемъ прочимъ губерніямъ, которыя въ отношеніи взыскація штрафа за уборку вершинъ и сучьевъ причислить къ Средней и Южной полосѣ Имперіи.

Правительственныя распоряженія.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій.

и проч. и проч. и проч.

Обращая вниманіе, что при умножающихся торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ между подданными Нашими Россійской Имперіи и Царства Польскаго, съ каждымъ днемъ становится болѣе ощутительною надобностію ввести въ обихъ краяхъ одинаковыя мѣры и вѣсы,

Повелѣваемъ:

- Статья I. Во всехъ казенныхъ и частныхъ дѣйствіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, съ 19 января (1 мая) 1849 г. употребить мѣры и вѣсы, существующія въ Россіи.

Ст. Ц. Развитие и исполненіе сего указа, который долженъ быть внесенъ въ Дневникъ Законовъ, возлагаетъ на Совѣтъ управленія Нашего Царства Польскаго.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 20 января (1 февраля) 1848 г.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, представленія IV округа путей сообщенія о поврежденіи, оказавшемся въ древней крѣпостной стѣнѣ въ г. Коломиѣ, московской губерніи, и о дозволеніи разобрать ветхую часть ея, Высочайше повелѣть соизволилъ: стѣну эту исправить и содержать въ надлежащемъ состояніи. При семъ Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: строго воспретить разрушать памятники древности, и непременно блюсти за ихъ сокращеніемъ.

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ въ 26 день минувшаго января, положилъ: 1) Въ поясненіе подлежащихъ о почтовой гоньбѣ правилъ, постановить, что нарядъ обывательскихъ на станціи лошадей, исключая нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства случаевъ путешествія Высочайшихъ особъ, на что изданы особыя правила, вообще строго воспрещается, подъ опасеніемъ обращенія, за неправильнымъ требованіемъ и распоряженіемъ, всѣхъ издержекъ на виновныхъ. Если же, кромѣ означенныхъ выше случаевъ, встрѣтится, по какимъ либо особо уважительнымъ обстоятельствамъ, неизбѣжная надобность въ подкрѣпленіи почтовыхъ станцій; то допускать оное не иначе, какъ наймомъ по добровольной цѣнѣ на счетъ земства, съ соблюденіемъ при семъ установленнаго въ законахъ порядка; но цѣнѣ лошадей при проѣздѣ частныхъ лицъ, хотя бы и служащихъ, дозволить на собственный ихъ счетъ. 2) Поставить въ извѣстность всѣхъ проѣзжающихъ на большомъ числѣ лошадей, что они во избежаніе остановокъ на станціяхъ должны соображаться съ положеннымъ для разныхъ трактовъ комплектномъ почтовыхъ лошадей (показаннымъ въ почтовомъ дорожникѣ), не выпускаю-

изъ вида, что по нѣскольку лошадей должно всегда оставаться на станціяхъ для почтъ, эстафетъ и курьеровъ.

По положенію комитета гг. министровъ, состоявшемуся 2 декабря 1847 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Предоставить торгующему при С.-Петербургскомъ шортъ купечеству на волю, въ видѣ омыта, на четыре года, считая съ будущаго 1848 года, продавать, покупать и отправлять за границу заячьи шкуры, не подвергая оныхъ установленному бракованію, если на сіе будутъ между собою согласны продавецъ и покупатель; въ противномъ же случаѣ браковать эти товары по правиламъ существующей въ нихъ инструкціи. 2) Плату браковщикамъ, какъ съ Россійской, такъ и съ иностранной стороны, за заячьи шкуры, которыя будутъ бракованы, назначить за тысячу русскихъ зайцевъ по два рубля, а за тысячу бѣлыхъ зайцевъ по одному рублю серебромъ, и за тѣ заячьи шкуры, которыя будутъ отправлены за границу безъ брака, выдавать браковщикамъ, тоже съ каждой стороны: за тысячу русскихъ зайцевъ по одному руб., а за бѣлыхъ по пятидесяти копѣекъ серебромъ. 3) Продавцамъ сихъ товаровъ за границу, ввѣнать въ непремѣнную обязанность, чтобы отправляемыя безъ брака заячьи шкуры, имѣли клейма продавцевъ и чтобы, для сохраненія и явственности оныхъ, приняты были надлежащія предосторожности.

Высочайше утвержденнымъ 21 мая 1846 года положеніемъ комитета гг. министровъ, о штрафѣ къ истребленію волковъ, между прочимъ предоставлено г. министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ г. министромъ финансовъ, постановить правила о порядкѣ выдачи наградныхъ денегъ за истребленіе означенныхъ животныхъ. Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, составивъ поманутыя правила, коими выдача наградныхъ денегъ за истребленіе волковъ возлагается на земскіе суды, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, представляетъ оныя въ правительствующій сенатъ, для званія сего отъ него распоряженія, присовѣдуя, что къ приведенію сихъ правилъ въ дѣйствіе г. статъ-секретарь Вронченко прелатствій не встрѣчаетъ.

ПРАВИЛА О ПОРЯДКѢ ВЫДАЧИ НАГРАДНЫХЪ ДЕНЕГЪ ЗА ИСТРЕБЛЕНІЕ ВОЛКОВЪ.

Назначеніе и выдача наградныхъ денегъ за убитыхъ волковъ и волчьихъ щенковъ, равно отчетность въ этомъ расходъ возлагается на земскіе суды, для чего постановляются слѣдующія правила:

а) Земскій судъ выдаетъ немедленно и безъ всякой задержки каждому, кто представитъ сырой волчій хвостъ или сырую шкурку волчьего щенка, за первый по три руб. сер., а за вторую полтора руб. сер.; уѣздному же ловчему за первый четыре, а за вторую два руб. сер. Отъ шкурокъ волчьихъ щенковъ хвосты отрѣзываются, а самыя шкурки возвращаются хозяевамъ.

б) Дабы не задерживать представляющаго волчьи хвосты или шкурки, въ удовлетвореніи его наградными деньгами, уѣздное казначейство отпускаетъ земскому суду, по требованію онаго въ, въ началѣ каждой трети примѣрное количество денегъ, не болѣе впрочемъ 10 руб. сер. изъ земскаго сбора, а казенная палата снабжаетъ суды особыми шнуrowыми книгами, въ которыя вносится при каждой выдачѣ наградныхъ денегъ, отъ кого именно, когда и сколько предъявлено волчьихъ хвостовъ или шкурокъ волчьихъ щенковъ. Само собою разумѣется, что въ случаѣ недостатка вытребованныхъ изъ уѣзднаго казначейства впередъ, на удовлетвореніе истребителей волковъ, наградныхъ денегъ, такое требованіе можетъ быть возобновлено до наступленія новой трети.

в) Шнуrowую книгу, съ остающеюся наличною суммою и поступившими волчьими хвостами, земскій судъ представляетъ къ ежемѣсячной ревизіи общему присутствію, составляемому для ежемѣсячнаго свидѣтельства суммъ въ уѣздномъ казначействѣ, которое повѣривъ книгу съ наличными суммами и волчьими хвостами, означаетъ послѣдствіе ревизіи въ своемъ протоколѣ и шнуrowой книгѣ за подписаніемъ членовъ присутствія, а волчьи хвосты сжигаетъ.

г.) Земскій судъ выдаетъ жалованье Ловчему съ тѣмъ, что если будетъ представлено въ теченіи года 15-ть хвостовъ истребленныхъ взрослыхъ волковъ, то ему и оставляется полное содержаніе: въ противномъ же случаѣ дѣлается у него вычетъ по четыре руб. сер. за каждаго недостающаго волка.

Изъ министерства государственныхъ имуществъ выдана 5 февраля сего года патентная привилегія полковнику Василью *Новицкому* на изобрѣтенный имъ конный приводъ къ молотильной машинѣ умершаго механика *Неймича*. По словамъ изобрѣтателя, придуманный имъ приводъ представляетъ слѣдующія выгоды: не имѣя 9 аршиннаго горизонтальнаго вала съ шестернею, составляющаго почти всю тяжесть для лошадей въ молотильныхъ всякаго рода, вновь изобрѣтенный приводъ оказывается легче на ходу; для приведенія его въ движеніе достаточно двухъ лошадей, тогда какъ для конныхъ приводовъ другаго устройства, требовалось отъ 4 до 8. Да и самая молотѣба производится съ помощью означеннаго привода гораздо успѣшнѣе, ибо молотильный барабанъ обращается съ большою скоростію, и обмалачиваетъ, въ лѣтній день, самой высокорослой ржи 40, а яроваго 60 копенъ, съ чрезвычайною чистотою. Сверхъ сего, механизмъ этотъ представляетъ еще ту выгоду, что для присмотра, какъ за нимъ, такъ и за самою молотильною машиною, потребно весьма не много рабочихъ, а именно вмѣсто 12 или 14 человекъ, требующихся для работъ при другихъ молотильныхъ, при машинѣ *Неймича*, съ коннымъ приводомъ изобрѣтателя, нужно не болѣе 7 человекъ, въ томъ числѣ двое взрослыхъ мужчинъ, двѣ женщины и трое мальчиковъ, изъ коихъ два приставлены къ лошадямъ, а третій занятъ выгребаніемъ изъ машины зерна. Устройство молотильни *Неймича*, съ выше изъясненнымъ коннымъ приводомъ, стоитъ, по объявленію изобрѣтателя, не дороже 225 руб. серебромъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Февраля 10. Членъ консультаціи министерства юстиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дашковъ*, произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ присутствовать во 2-мъ отдѣленіи шестаго департамента правительствующаго сената. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Арцыбушевъ*, назначенъ председателемъ перваго департамента С. Петербургской управы благочинія. Состоящій въ должности оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цеймеръ*, назначенъ членомъ консультаціи министерства юстиціи. Февраля 11. Коменданту г. Риги, генералу отъ инфантеріи *Мандерштерну 1-му*, повельно быть членомъ генераль-аудиторіата военнаго министерства. *Назначены:* Февраля 12. Состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ *Вульфъ*, Екатеринославскимъ вице-губернаторомъ. Февраля 15. Управляющій департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли тайный совѣтникъ *Дружининъ*, Членомъ совѣта министерства финансовъ. Казанскій вице-губернаторъ статскій совѣтникъ *Завелейскій*, состоящимъ въ должности директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Февраля 19. Производитель дѣлъ канцеляріи статсъ секретаря у принятія прошеній дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смирновъ*, Юрисъ-консультъ государственнаго коммерческаго банка, съ 10-го февраля 1848 года и съ оставленіемъ при настоящей должности.

Увольненіе отъ должности или отъ службы.

Февраля 10. По прошенію. Членъ коммисіи прошеній и юрисконсультъ государственнаго коммерческаго банка дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рахетъ* отъ должно-

сти юрисконсульта. *Отъ службы:* февраля 18. Главнаго педагогическаго института ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Зембницкій*, окончившій срокъ службы, на который онъ былъ оставленъ по выслугѣ 25-ти лѣтъ по учебной части.

Пажалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Февраля 9. Пажъ Александръ *Галль*, пожалованъ въ камеръ-пажи двора Его Императорскаго Величества. Февраля 24. Состоящій по государственному контролю чиновникомъ для особыхъ порученій, титулярный совѣтникъ князь Николай *Енгальцевъ* въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

Произведены:

Въ статскіе совѣтники.

За выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ совѣтниковъ. Февраля 5. Императорскаго училища правовѣднія секретарь совѣта и преподаватель русской словесности въ училищѣ *Ивановъ*. Февраля 8. Старшій лекарь госпиталя тульскаго оружейнаго завода, докторъ медицины *Моритцъ*. Февраля 11. С. Петербургской обуховской больницы старшій ординаторъ, докторъ медицины и хирургіи *Шклярскій*. Доктора медицины: Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ старшій врачъ *Корнелиусъ* и Митавскій узданный врачъ *Шиманъ*. Московскаго училища ордена Св. Екатерины врачъ, медико-хирургъ *Графъ*. Февраля 11. Чиновникъ особыхъ порученій министерства финансовъ *Ренненкампфъ*. Февраля 17. Бессарабскаго областного правленія совѣтникъ *Семигановскій*. Февраля 22. Наставникъ наблюдатель Полоцкаго кадетскаго корпуса, *Скворцовъ*. Февраля 24. Чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ государственныхъ имуществъ *Фонъ-Кронкъ*. Февраля 25. Гиблискій губернский прокуроръ *Андреевскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго.

Января 28. Генераль отъ артиллеріи *Игнатъевъ 1-й*.

Бѣлаго Орла.

Января 28. Генераль-лейтенантъ *Вельяминовъ*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ С. Петербургскаго округа, генераль-лейтенантъ *Корсаковъ 1-й*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени.

Января 28. Исправляющій должность инспектора оружейныхъ заводовъ, генераль-лейтенантъ *Смагинъ*. Февраля 4. Начальникъ 1-го отдѣленія черноморской береговой линіи, свиты Его Императорскаго Величества контръ-адмираль *Серебряковъ*. Февраля 13. Тайный совѣтникъ, директоръ канцеляріи государственнаго контроля, *Апрѣлевъ*. Тайный совѣтникъ, генераль-контролеръ департамента военныхъ отчетовъ, *Христіани*.

Св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною.

Января 28. Испр. должн. инспектора мѣстныхъ арсеналовъ, генераль-лейтенантъ *Вальцъ 1-й*. Испр. должн. инспектора пороховыхъ заводовъ, генераль-лейтенантъ *Ваксмутъ*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ дунайскаго округа, генераль-майоръ *Долговосабуровъ*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ финляндскаго округа, генераль-майоръ *Волженскій*.

Св. Анны 1-й степени.

Января 28. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ кievскаго округа, генераль-маіоръ *Калита*. Командиръ запасной артиллеріи гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генераль-маіоръ *Галичевъ*. Командиръ 2-й саперной бригады, генераль-маіоръ *Бухейеръ*. Февраля 4. Командиръ 2-й бригады 24-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Домети*.

Св. Станислава 1-й степени.

Февраля 11. Начальникъ штаба войскъ на кавказской линіи и въ черноморіи, генераль-маіоръ *Филисонъ*. Начальникъ праваго фланга кавказской линіи и командиръ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ *Ковалевскій 1-й*.

Св. равноапостольнаго князя владимира 3-й степени.

Октября 20. Командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ *Пихельштейнъ 1-й*. Нолбръ 6. Командиръ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, полковникъ Баронъ *Меллеръ-Закомельскій*. Нолбръ 21. Командиръ запасныхъ эскадроновъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи, сост. по кавалеріи полковникъ *Краузе*. Нолбръ 25. Сост. при Его Императорскомъ Высочествѣ Государь Великомъ князь Константинъ Николаевичъ, ст. сов. *Гриммъ*. Нолбръ 26. Командиръ 2-й бригады 3-й флотской дивизіи, контръ-адмиралъ *Замышкій*. Нолбръ 27. Ревельскій плацъ-маіоръ, лейбъ-гв. измайловскаго полка полковникъ *Тунцельманъ*. Нолбръ 28. Генераль-маіоры: командиръ 1-й бригады 2-й кирасирской дивизіи *Пуцинъ 3-й*, исправляющій должность начальника штаба своднаго кавалерійскаго корпуса *Щербинскій 2-й* и командиръ ольвіопольскаго уланскаго полка *Бергъ 3-й*, полковники: командиръ кирасирскаго Ея. Импе-

раторскаго Высочества Великой княгини Елены Павловны полка *Бергъ 3-й*, Командиръ вознесенскаго уланскаго полка *Левенгагенъ*, командиръ бугскаго уланскаго полка *Глоттъъ*, командиръ уланскаго Его Высочества Герцога Насавуускаго полка *Швейчъ*, командиръ гусарскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка *Эймантътъ*, и корпусный штабъ докторъ 2-го резервнаго корпуса ст. сов. *Исполатовъ*. Декабря 6. Свиты Его Императорскаго Величества генераль-майоры: исправляющій должность С. Петербургскаго оберъ-полицеймейстера *Галаховъ* и *Яфимовичъ 1-й*. Командиръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, генераль-майоръ *Сутгофъ*. Членъ общаго присутствія черноморскаго интендантства, генераль-майоръ *Баласозло*. Свеаборгскій комендантъ, состоящій по артиллеріи генераль-майоръ *Альтфатеръ*, командующій запасными гвардейскими эскадронами, состоящій по кавалеріи генераль-майоръ *Туманскій 1-й*, полковники лейбъ-гвардіи уланскаго полка *Клеронъ*, гусарскаго полка: *Фонъ-Герздорфъ* и *Ломоносовъ*, финляндскаго полка *Мясоедовъ 2-й*, литовскаго полка *Житковъ 2-й*, и командиръ батареинной № 1 батареи учебной артиллерійской бригады, а. гв. 1-й артиллерійской бригады *Ограновичъ*. Пермскій вице-губернаторъ действ. ст. сов. *Владиміровъ*. Командиръ 2-го округа военного населенія Киевской и Подольской губерній, состоящій по кавалеріи полковникъ *Курбановъ*. Командиръ уланскаго Его Королевскаго Высочества Принца Фридриха Виртембергскаго полка полковникъ *Голенищевъ-Кутузовъ 1-й*, и состоящій по артиллеріи полковникъ *Раджицкий*. Членъ инженернаго отдѣленія военно-учебнаго комитета, полевой инженеръ полковникъ *Фелькерзамъ*. Декабря 26. Заслуженный профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея, действ. ст. сов. *Оболенскій*. Декабря 27. Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, действ. ст. сов. князь *Цертелевъ*. Императорскій королевско-Австрійскій надворный сов. Карлъ *Эишъ*. Января 21. Настоятель Россійскій Посольской церкви въ Аѳинахъ Архимандритъ *Поликарпъ*. Января 29. Духовный вице-

президентъ Византийско-Лютеранской Консисторіи *Пауфелъ*.

Св. равноапостольнаго князя владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Октября 25. Полевой инженеръ штабсъ-капитанъ *Подимовъ*. Ноября 6. Егерскаго генераль-адъютанта князя *Воронцова* полка, капитанъ *Тихомировъ*. Ноября 17. Майоры: тифлискаго егерскаго полка: *Паллоловъ* и *Семеновъ*, донскаго казачьяго № 28-го полка войсковой старшина *Барковский*, капитаны: тифлискаго егерскаго полка: *Аликуловъ* и *Арсеньевъ*, штабсъ-капитаны: тифлискаго егерскаго полка *Орель*, 21-й артиллерійской бригады *Гуляковъ* и полевой инженеръ *Каменскій* и донскаго казачьяго № 28-го полка сотникъ *Карсановъ*. Ноября 19. Пѣхотнаго фельдмаршала князя *Варшавскаго* графа *Паскевича* Эриванскаго полка, майоръ *Войтеховскій* и адъютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютанта князя *Воронцова*: лейбъ-гв. коннаго полка, ротмистръ князь *Васильчиковъ* и лейбъ-гв. гусарскаго полка, штабсъ-ротмистръ князь *Дундуковъ-Корсаковъ*. Ноября 22. Адъютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генераль-адъютанта князя *Воронцова*, лейбъ-гв. финляндскаго полка капитанъ князь *Андрониковъ*, самурскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Оржешко* и Эриванскаго карабинернаго полка поручикъ *Соколовскій*.

Св. владимира 4-й степени, безъ банта.

Декабря 3. Находящійся въ командировкѣ при замѣстникѣ Кавказскомъ, сост. по главному горному управленію, надв. сов. *Абишъ*. Декабря 27. Императорскій Королевско-Австрійскій надворный секретарь Францискъ *Блумфельдъ*.

Пожалованы медалями:

Февраля 12. Золотыми, съ надписью «за усердіе» для пошеія на шеѣ, на *Владимірской* лентѣ: бывшій взем-

скій градской глава 1-й гильдіи купецъ Николай Зуевъ. На Аннинской лентѣ: кяхтинскій 1-й гильдіи купецъ Александръ Кательниковъ. Одесскій градской глава почетный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ Яковъ Новиковъ. Февраля 17. Золотою, для ношенія на шеѣ на аннинской лентѣ: перчинскій 3-й гильдіи купецъ Андрей Корякинъ. Серебряными, съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ на аннинской лентѣ: Февраля 12. Казначей коломенскихъ Богоугодныхъ заведеній, 3-й гильдіи купеческій сынъ Михаилъ Корплевъ. Февраля 23. Членъ Вышневолоцкаго отдѣленія Тверской судоходной расправы, 3-й гильдіи купецъ Печавъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Въ нижней палатѣ англійскаго парламента продолжаютъ пренія о налогѣ съ доходовъ (income-tax). Не лишнимъ считаемъ опредѣлить въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло. Сначала министерство требовало продолженія на пять лѣтъ прежняго налога, составлявшаго 3% и надбавки еще 2%. На этомъ министерство и основало бюджетъ свой. Встрѣтивъ сильную оппозицію, оно сдѣлало уступку, отказалось отъ надбавочныхъ 2% и требовало только продолженія прежняго налога. Теперь оно принуждено было сдѣлать еще другую уступку, и требуетъ продолженія прежняго налога, вмѣсто пяти лѣтъ, только на три года. А г. Юмъ, сдѣлавшійся предводителемъ оппозиціи въ этомъ дѣлѣ, приглашается продолжить этотъ налогъ только на годъ и требуетъ, чтобы министерство сдѣлало въ издержкахъ по военной части такое сокращеніе, чтобы въ будущемъ году представить бюджетъ, въ которомъ расходы были бы уравновѣшены съ приходами, не смотря на отиѣну налога съ доходовъ. Между тѣмъ этотъ доходъ приносить до 37.500,000 рублей серебромъ. Вотъ какого сокращенія издержекъ тре-

буетъ г. Юмъ! По этому вопросу нижняя палата раздѣлилась совершенно новымъ образомъ, еще небывалымъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ что съ перваго взгляда трудно и объяснить его. Г. Юмъ приверженецъ системы свободной торговли, а между тѣмъ въ числѣ противниковъ его предложенія много приверженцевъ той же самой системы. Въ числѣ поборниковъ его предложенія, и притомъ самыхъ рѣшительныхъ, очень многіе изъ предводителей прежней партіи тори, приверженцевъ запретительной системы. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нижней палаты, въ пользу предложенія г. Юма говорилъ г. *д'Израели*. Отчего же происходитъ такое странное раздѣленіе партій? Дѣло въ томъ, что отмены налога съ доходовъ требуютъ по разнымъ причинамъ. Одни не хотятъ, чтобы англійское правительство употребляло огромныя суммы на вооруженія, по-крайней-мѣрѣ бесполезныя, полагая, что въ нынѣшнее время война для всѣхъ народовъ становится все болѣе и болѣе невозможною. Эти, и въ числѣ ихъ г. *Бротертонъ*, негодуютъ на то, что Англія въ мирное время употребляла *семь милліардовъ съ половиною* на военныя издержки, и не рѣшается отстудить отъ такой разорительной системы. За этой первой шеренгой противниковъ налога съ доходовъ слѣдуютъ всѣ купцы, всѣ промышленники, для которыхъ этотъ налогъ дѣйствительно чрезвычайно тягостенъ. Если бы налогъ взымался съ чистаго годичнаго дохода, то онъ былъ бы еще сноснѣе. Но онъ взымается съ средняго дохода нѣсколькихъ годовъ. А между тѣмъ не рѣдко случается, что какой-нибудь финансовый кризисъ уничтожаетъ не только доходъ текущаго года, но и прибыли нѣсколькихъ предъидущихъ годовъ, и тогда съ чего же взымается налогъ? Съ капитала, и слѣдственно превращается въ настоящую конфискацію. По этому оппозицію этой части противниковъ налога съ доходовъ понять не трудно. Оппозицію партіи тори то же легко объяснить. Для чего былъ учрежденъ налогъ съ дохода? Для того, чтобы англійское правительство могло отменить или сбавить воззную пошлину со многихъ иностранныхъ продуктовъ. Партія тори не раздѣляетъ мнѣній г. Юма, касательно умень-

шенія издержекъ по военной части; напротивъ она считаетъ эти расходы необходимыми; но она увѣрена, что отказавшись отъ налога съ доходовъ, правительство снова принуждено будетъ наложить на привозныя статьи пошлыны, отпущенныя съ 1842 года и составляющія до 50 милліоновъ рублей серебромъ. Такимъ образомъ для друзей г. *Израели*, *лорда Джонса Беннинжа* и другихъ тори, вопросъ о налогѣ съ доходовъ превращается въ вопросъ о свободной торговлѣ и запретительной системѣ. И вотъ почему предложено г. *Юма* противится сирь *Робертъ Пиль* и друзья его: они не хотятъ, чтобы разрушено было дѣло, которое они съ такимъ трудомъ совершили въ 1842—1846 годахъ. Такимъ образомъ, если англійское правительство не рѣшится на сильное сокращеніе издержекъ, то останется что нибудь одно: или сохранить тягостной налогъ, противъ котораго возстаетъ почти вся Англія, или покинуть систему свободной торговли. Вотъ въ чемъ заключается теперь этотъ вопросъ — чрезвычайно важный для Англій, и не для нея одной.

Въ засѣданіи 6 марта, при разсмотрѣніи финансовыхъ проектовъ министерства, сирь *Р. Пиль* выразился слѣдующимъ образомъ на счетъ французской революціи:

«Правительство весьма хорошо дѣлаетъ, что требуетъ продолженія на три года сбора съ доходовъ. Правительство принуждено въ настоящее время бороться съ весьма важными затрудненіями, и бѣдствія, поразившія насъ въ последнее время, необходимо должны были произвести разстройство въ финансовой политикѣ государства. Конечно, весьма прискорбно, что нашъ бюджетъ безпрестанно возрастаетъ и я надѣюсь, что со временемъ могутъ быть произведены значительныя сокращенія; но если бы эти сокращенія были произведены необдуманно, несвоевременно, то повлекли бы за собою сильное увеличеніе издержекъ. Въ настоящее время нельзя и думать о значительномъ уменьшеніи пособій, которыми правительство можетъ располагать. Скажу откровенно, какая причина заставляетъ меня всѣми силами поддерживать предложеніе правительства: это изумительныя промѣшества, совершившіяся въ Парижѣ въ теченіе послѣднихъ

двухъ недѣль. По моему мнѣнію, это важная причина, не подвергать себя опасности дефицита въ продолженіе трехъ лѣтъ. Несогласно было бы ни съ политикою, ни съ чувствомъ моего долга, еслибъ я вздумалъ входить въ подробности событій, которыя съ такой удивительной быстротою совершались передъ нашими глазами; но я твердо, совершенно убѣжденъ, что здравая политика воспрещаетъ Англіи вмѣшиваться какимъ бы то образомъ ни было во внутреннія дѣла страны, въ которой произошелъ этотъ общественный переворотъ. — Надѣюсь, что мы, какъ и въ прежнія времена, въ состояніи будемъ исполнять все обязанности гостепріимства. Я считаю дѣломъ чрезвычайно важнымъ для человечества, чтобы Англія могла служить убѣжищемъ для жертвъ всѣхъ большихъ политическихъ переворотовъ. Такъ было во все времена; надѣюсь, что также будетъ и нынѣ; но не надобно допускать, чтобы нашимъ гостепріимствомъ пользовались для вмѣшательства въ политическія дѣла Европы. Англія должна служить мѣстомъ убѣжища для жертвъ политическихъ революцій, но не мѣстомъ, гдѣ бы составлялись козни противъ другихъ націй. Правило, годное для монархій, годно также и для республики. Я съ удовольствіемъ узналъ, что наше правительство рѣшилось не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, и убѣжденъ, что намѣреніе его исполнено будетъ съ полною добросовѣстностію и самымъ строгимъ чувствомъ чести.

— Въ засѣданіи 7 числа нижняя палата занималась биллемъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ, остальныхъ ограничій въ правахъ римскихъ католиковъ, и отвергла два измѣненія, предложенныя въ этомъ биллѣ гг. *Робертъ Инглисомъ* и *Генли*.

— Въ засѣданіи 9 марта нижняя палата занималась разсмотрѣніемъ билля о пауперизмѣ въ Ирландіи, и сильнымъ большинствомъ отвергла измѣненіе, предложенное г. *Кравфордъ*.

— Въ засѣданіи 14 марта, предложеніе г. *Эварта*, о совер-

шенной отъѣвъ смертной казни, отбѣргнуто большинствомъ 122 голосовъ противъ 66. Во многихъ городахъ происходятъ *митинги*, но безъ большихъ безпорядковъ.

— Въ засѣданіи нижней палаты 29 марта, сирѣ г. *Гальфорда* требовалъ, чтобы палата образовалась въ комитетъ для разсмотрѣнія представленнаго въ 1845 году донесенія о пособіи работникамъ, которые занимаются тканьемъ чулокъ и находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Правительство обѣщалось удовлетворить жалобы работниковъ, прибавилъ онъ. Надобно улучшить состояніе народа. Ему отвѣчалъ г. *Юмъ*. «Надобно предоставить хозяевамъ самимъ условливаться съ своими работниками, сказалъ онъ. Противоположное ученіе весьма опасно. Посмотрите что дѣлается во Франціи. Работники требовали, чтобы временное правительство опредѣлило задѣльную плату. Временное правительство имѣло слабость согласиться на это требованіе. Черезъ годъ палата увидитъ, какія пагубныя послѣдствія произведетъ такое вмѣшательство правительства въ дѣла частныхъ людей. Многіе фабриканты и мастера покидаютъ Францію, потому что не могутъ продолжать дѣла свои на условіяхъ, постановленныхъ правительствомъ. Я утверждаю, что парламентъ не можетъ опредѣлить закономъ условія между хозяиномъ и работниками». Когда приступлено было къ собиранію голосовъ, въ пользу предложенія сира г. *Гальфорда* оказалось 31, противъ его 85; такимъ образомъ оно отбѣргнуто большинствомъ 54 голосовъ.

— Въ концѣ засѣданія 2 апрѣля билль объ уравниеніи Евреевъ въ политическихъ правахъ съ другими англійскими гражданами, не смотря на сопротивленіе оппозиціи, принятъ въ генеральномъ комитетѣ, безъ измѣненій.

— Въ засѣданіи нижней палаты 3 апрѣля, лордъ *Джонъ Россель*, говоря объ ирландскихъ дѣлахъ, объявилъ, что лордъ—наиѣстникъ Ирландіи имѣетъ достаточную власть для того, чтобы прекратить волненіе, возбуждаемое въ той странѣ партією, которая желаетъ придать себѣ важность,

но что въ противномъ случаѣ правительства, не обвинясь, потребуеть еще болѣе обширныхъ средствъ прещенія. Это объявленіе было принято съ громкимъ одобреніемъ.

— Въ последнее собраніе рѣшила, Джонъ О'Коннелъ объявилъ, что онъ на двухъ представить нижней палатѣ новое предложеніе о расторженіи союза между Англіею и Ирландіею, и если это предложеніе будетъ отвергнуто, то онъ и весь его друзья будутъ систематически сопротивляться всѣмъ предложеніямъ правительства, какія бы они ни были.

— Извѣстія, получаемыя изъ мануфактурныхъ округовъ, весьма печальны. Въ это время обыкновенно получается множество заказовъ изъ Франціи и вообще съ твердой земли. Нынче не до того. Заказовъ нѣтъ; да и тѣ, которые были уже сдѣланы, теперь отмѣнены. Фабриканты поневолю принуждены ограничивать свои дѣйствія, и работники остаются безъ занятій—слѣдственно безъ хлѣба, и цѣлыми тысячами, голодные, бродятъ по улицамъ мануфактурныхъ городовъ. Къ довершенію бѣдствія, многіе англійскіе работники, жившіе во Франціи, возвращаются и умножаютъ число голодающихъ. Впрочемъ, до сихъ поръ большихъ безпорядковъ еще не было.

Въ концѣ марта, въ Лондонѣ былъ большой митингъ уполномоченныхъ отъ разныхъ отраслей промышленности. Слушано было донесеніе комиссіи, которая занималась изслѣдованіемъ состоянія ремесленнаго класса. Изъ этого донесенія видно, что въ Лондонѣ находится 200,000 ремесленниковъ и работниковъ, изъ которыхъ только треть занята, остальные двѣ трети не получаютъ достаточной платы. Треть бываетъ занята только случайно, остальное время кормится продажей или залогомъ своихъ вещей и одежды. Еще треть содержится приходами. Комиссія говорить въ заключеніе, что Англія стремится къ кризису, который неопровергнетъ существующую систему, если не будутъ

приняты въ скоромъ времени дѣятельныя мѣры для улучшения состоянія рабочаго класса.

Ирландія.

Извѣстія изъ Ирландіи возбуждаютъ живѣйшее безпокойство. Повсюду происходятъ сходбища; общество републѣриковъ собирается часто; во всѣхъ этихъ собраніяхъ произносятся самыя возмутительныя рѣчи. Times говоритъ объ этомъ между прочимъ слѣдующее: «Несчастной Ирландіи угрожаетъ если не междоусобная война, то по-крайней-мѣрѣ кровопролитныя столкновенія. Лорду *Кларэндону* (лорду-наместнику Ирландіи) остается только дѣйствовать и дѣйствовать съ величайшей энергіею, не для того, чтобы поддержать въ Ирландіи владычество Англіи, которое разрушено быть не можетъ, но чтобы предохранить жителей Дублина, Лимерика, Корка, Ватерфорда отъ борьбы дерзкой и отъ страшнаго кровопролитія. Съ тѣхъ поръ какъ началось судебное преслѣдованіе за рѣчи, произнесенныя нѣкоторыми лицами, со всѣхъ сторонъ слышатся угрозы, которыхъ вице-король оставить безъ вниманія не можетъ. Ирландскіе измѣнники отнюдь не отрекаются отъ своихъ словъ; рѣчи *Джона Берри*, *Дуффи*, *О'Гормена*, *Рейли*, *Митчелля*, *Догени*, слишкомъ ясны. Впрочемъ стратегія этихъ господъ и ихъ воззванія къ народнымъ пикамъ нисколько не устрашаютъ насъ. Мы и не думаемъ сравнивать лорда *Кларэндона* съ Людовикомъ Филиппомъ, дублинскій народъ съ парижскимъ и коменданта укрѣпленій съ герцогомъ Немурскимъ. Мы даже не предвидимъ сильной борьбы, но боимся, чтобы гг. *Мигеръ* и компанія не произвели столкновенія, въ которомъ будетъ пролита невинная кровь. Это-то столкновеніе мы и советуемъ лорду-наместнику стараться предупредить всѣми возможными средствами».

— Въ другомъ журналѣ, *Morning Chronicle*, напротивъ того, говорятъ: «Мнѣніи о пользѣ и своевременности су-

дебитныхъ преслѣдованій за рѣчи, произнесенныя въ публичныхъ собраніяхъ, весьма не одинаковы. Правительство находится въ Ирландіи въ самомъ затруднительномъ положеніи. Неудовольствіе мало-по-малу проникаетъ во все низшіе классы народа и поддерживается тамошними журналами, въ особенности газетою *United-Irishman*. Ихъ читаютъ и ремесленникъ, оставшійся безъ работы, и торговецъ, который близокъ къ банкротству, и даже люди высшихъ классовъ, которые почему либо недовольны правительствомъ. Народъ вооружается и обучается владѣть оружіемъ. Впрочемъ полиціи въ Ирландіи много, войскъ тоже, они готовы дѣйствовать по первому приказу; а средніе классы привержены къ закону и порядку; но заблужденный народъ стремится къ своей гибели». Въ заключеніи своей статьи *Morning Chronicle* признается, что зло въ Ирландіи много и что это зло нельзя искоренить иначе, какъ совершеннымъ преобразованиемъ управленія этой страной.

Франція.

Въ предъидущей книгѣ Сына Отечества, мы сообщили нашимъ читателямъ о переворотѣ, произшедшемъ во Франціи. Король Людовикъ Филиппъ отказался отъ короны въ пользу малолѣтнаго внука своего, графа Парижскаго, и назначилъ регентшею герцогиню Орлеанскую. Но и это регентство не состоялось. Нѣкто, господинъ Кремье, оппозиціонный депутатъ изъ жидовъ взбѣжалъ на кафедру бывшей французской палаты депутатовъ. Этотъ жидъ сказалъ рѣчь толпѣ французской черни, которая ворвалась въ бывшую палату, и толпа одобрила рѣчь жида. Провозгласили республику, и пошла неурядица, началось безначаліе, которое, какъ извѣстно изъ исторіи, какъ убѣжденъ всякій умный человекъ, составляетъ бѣдствіе во сто разъ губельнѣе и ужаснѣе холеры.

Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляютъ сами Французы дѣй-

свѣян временнаго правительства. Газета la Presse, въ номеръ своемъ отъ 5 марта, разсматривая въ длинной статьѣ всѣ дѣйствія временнаго правительства, говоритъ: «Уничтожайте должности не пуживыя, но не захватывайте ихъ самп. Правительству теперь всего нужнѣе довѣренность; а вы своими необдуманнѣми дѣйствіями губите ее въ самомъ зародышѣ; вы своимъ поведеніемъ оправдываете министровъ, которыхъ сами осудили. Хорошо издавать прокламаціи къ народу, чтобы остановить грабежи домовъ; еще лучше было бы не подавать ему примѣра, заграблывая всѣ доходныя мѣста, всѣ выгодныя должности безъ занятій. Хорошо клеймить злоумышленниковъ; еще лучше было бы не подражать имъ, отнимая всѣ мѣста, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ. Знаете ли, что дѣлаютъ тѣ, которые поступаютъ такимъ образомъ? Они набираютъ голоса въ пользу регентства, увеличиваютъ число его приверженцевъ. Вотъ что вы еще сдѣлали дурнаго. Вы потеряли драгоценное время. Вы посвяли безпорядокъ тамъ, гдѣ надобно было поддерживать порядокъ, разпространили опасенія тамъ, гдѣ надобно было возстановить довѣренность, изгнали *преданіе* и посадили на его мѣсто, не *успѣхъ*, а *неопытность*; отняли мѣста у чиновниковъ безукоризненныхъ и отдали эти мѣста людямъ съ дурною репутаціею, первымъ попавшимся, самымъ жаднымъ искаателямъ мѣстъ. Это реакція. Вы придали Тюильрійскому дворцу назначеніе тщеславное и лживое, котораго онъ сохранить не можетъ. Если вы любите народъ, такъ не обманывайте его. Вы безо всякаго права вѣтшались въ дѣло между работникомъ и хозяиномъ, сократили рабочіе часы, измѣнили множество обычаевъ, дурныхъ или хорошихъ, но уже существующихъ, давно принятыхъ. Вы покровительствуете сильнымъ противъ слабыхъ: заслуга небольшая. Сократить рабочіе часы было не мудро, но если современемъ потребленіе уменьшится и работы не будетъ, что сдѣлаете вы, чтобы доставить работу и дать хлѣбъ нуждающимся? Еще подобный ударъ нашей вѣтшней торговлѣ, и Англія не только признаетъ французскую республику, но воздвигаетъ

гнать ей колонны и статуи въ скверахъ Лондона, Вирингана и Ливерпуля. Вы уничтожили старинныя титулы, которые не давали никакихъ привилегій. Это анахронизмъ, не реформа, а контрафакція. Вы оттолкнули людей, которые подавали вамъ руку, отказались безъ всякой причины отъ содѣйствія драгоценнаго. Вы отняли у нашихъ учебныхъ заведеній знаменитыя имена, и имя Святаго Людовика замѣнили именемъ — *Шенье*! Вы отняли у улицы Рамбюто имя, которое принадлежало ей по всей справедливости. Это бездѣлки, мелочи, скажете вы; да, но эти мелочи кажутся важными симптомами; во всякомъ случаѣ это грубая бессмыслица. Вы отправили изъ Франціи принца Людовика Наполеона, который еще такъ недавно сидѣлъ въ Гамской крѣпости. Поступать такимъ образомъ значитъ оправдывать прошедшее. Если бы, открывая тюрьмы, въ которыхъ содержались политическіе преступники, вы вмѣстѣ съ тѣмъ отиѣнили законы, которыми изгнаны изъ Франціи фамиліи Карла X и Наполеона, вы бы выказали свою силу и внушили довѣренность. Вы отложили уплату по векселямъ на десять дней. Тѣ, которые жалуются, что это средство недостаточное, совершенно правы. Кризисъ все-таки будетъ, только немножко позже. Можно было придумать средство получше этого, и во всякомъ случаѣ не дожидаться этого срока, чтобы учредить учетную контору для мелкой торговли: поступать такимъ образомъ, значитъ ждать, чтобы въ ранъ открылся уже антоновъ огонь и тогда только начинать лечить ее. Вы сначала объявили, что штемпельная пошлина должна быть взыскиваема по прежнему; на другой день вы отчасти отиѣнили декретъ, изданный наканунѣ, объявивъ, что штемпельная пошлина будетъ отиѣнена за десять дней до выборовъ. Первая ошибка, усиленная второю, да потомъ еще и третьею! Надобно знать, чего хочешь и что можешь. Это воходить на дѣйствія Людовика-Филиппа, который вмѣсто г. *Гизо*, хотѣлъ сдѣлать первымъ министромъ г-на *Моле*, потомъ г-на *Тьера*, потомъ отказался отъ престола... но уже поздно! И сколько важныхъ вещей, которыя надобно и можно было

сдѣлать, въ которыхъ вы не сдѣлали, потому-что занимались мелочами; пустяками!» Подъ статью подписано: *Эмиль Жирарденъ*.

Лондонская газета Times говоритъ слѣдующее о будущности Франціи. «Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія: французская республика дойдетъ до народной тираніи. Нынче, какъ и въ 1793 году, повелѣваетъ чернь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно посмотреть, какъ различныя депутаціи и просители, съ утра до вечера, осаждаютъ временное правительство, которое и безъ того завалено дѣломъ. Адрессы, ему представляемые, очень походятъ на прошенія, которыя нѣкогда подавали конвенту. Во всѣхъ классахъ господствуетъ жажда къ золоту и организація труда самое сильное ея выраженіе. Луи Бланъ, принужденный осуществить наконецъ неопредѣленные коммунистскія теоріи, которымъ онъ обязанъ своею популярностію, находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. До сихъ поръ онъ могъ предложить только полу-мѣры и временныя средства, но народъ скоро потребуешь, чтобы надежды, неосторожно въ немъ возбужденныя, были исполнены. Правительство не можетъ удовлетворить пролетаріевъ, не произведя всеобщаго банкротства. Съ другой стороны оно не можетъ отринути требованій тѣхъ классовъ народа, въ рукахъ которыхъ находится теперь матеріальная власть. Послѣдствія такого порядка вещей предвидѣть не трудно: другаго послѣдствія, кромѣ совершенной анархіи, и быть не можетъ. Средніе классы, конечно, будутъ стараться удерживать народъ; они постараются соединиться и захватить власть въ свои руки; но что они могутъ сдѣлать? Гражданство (*la bourgeoisie*) не любимо народомъ, и не только не въ состояніи отаратить анархію, но сдѣлается одною изъ первыхъ жертвъ ея. Что касается до временнаго правительства, то власть его со дня на день ослабываетъ. Оно не умѣло поддержать довѣренности и своимъ изреченіемъ ускорило финансовый кризисъ, потому-что вмѣсто того, чтобы тщательно сберегать средства, которыми рас-

полагало, оно истощало ихъ безразсудно и принимало на себя обязанности, которыхъ не въ состояніи выполнить никакое правительство, никакое гражданское общество. Какъ сдержатъ обѣщаніе на счетъ учрежденія національныхъ на-стеркихъ, непрерывнаго продолженія публичныхъ работъ? Какъ удовлетворить кредиторовъ государства, гдѣ найти средства вести въ случаѣ нужды войну, какъ удовлетворить проидохъ, которые со всѣхъ сторонъ устремляются на страну, когда доходы все истощаются и источники народнаго богатства изсякаютъ? Черезъ нѣсколько недѣль финансовыя затрудненія далеко превзойдутъ тѣ, которые были въ 1790 и 1830 годахъ. Теперь о нихъ не говорить, какъ говорили въ тѣ времена, потому-что болтса выразить мнѣніе, которое показалось бы непріязненнымъ къ республикѣ. И нѣтъ средства отъратить эти затрудненія, потому-что правительство, которое выйдетъ изъ среды національнаго собранія, не можетъ соответствовать важности обстоятельствъ. Известно, что это собраніе, на основаніи циркуляровъ гг. Карно и Ледрю-Роллена, должно состоять изъ людей, ничего не имѣющихъ, которые обязаны опредѣлить права лицъ, владѣющихъ собственностію, и изъ людей безъ всякаго воспитанія, которые должны будутъ устроить все, что касается до просвѣщенія. Все это необходимо должно подѣйствовать и на вѣншее могущество, и на внутренній миръ Франціи.»

Одинъ французскій журналъ изображаетъ такимъ образомъ нынѣшнее состояніе парижской фабрикаціи: «Многіе фабриканты и мастера, снова начавшіе свои работы, принуждены были ихъ оставить; одни отъ недостатка заказовъ, другіе отъ невозможности удовлетворить требованія работниковъ. Одинъ изъ нихъ, устрешенный дерзкимъ обращеніемъ послѣднихъ, вналъ въ сумасшествіе, и семейство принуждено было отправить его въ домъ умалишенныхъ. Если парижская промышленность будетъ еще нѣсколько недѣль въ такомъ же состояніи, въ какомъ она находится теперь, то неинпуемымъ слѣдствіемъ этого будетъ ея погнбель; ибо капиталы, которые ее поддерживаютъ, исчезнутъ. Нѣтъ ни одного человѣческаго

закона, которымъ бы можно было принудить фабриканта, ничего не имѣющаго, доставлять запятіе своимъ работникамъ; также вѣроятно и то, что иностранцы никогда не согласятся прокупать наши произведенія, по двойной или даже тройной цѣнѣ, если недостатокъ въ рабочихъ или принужденное возвышеніе заработной платы заставитъ насъ повысить цѣны. Пока Франція не достигнетъ того, чтобы она была въ состояніи уничтожить всѣ соперничающія съ нею фабрики во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, до тѣхъ поръ если наши работники откажутся работать на приличныхъ условіяхъ, ея фабрики, не будучи въ состояніи соперничать съ иностранными, закроются или будутъ перенесены за границу».

Газета *Constitutionnel* приводитъ фактъ, угрожающій опасностію промышленности отъ уменьшенія рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Одинъ владѣлецъ огромной бумажной фабрики показалъ, что его тикъ возвысился въ цѣнѣ на 5 процентовъ, и необходимое слѣдствіе этого есть то, что онъ не можетъ соперничать на другихъ рынкахъ съ чужими издѣліями.

Одинъ писатель, извѣстный по своимъ республиканскимъ мнѣніямъ, г-нъ *Вейль*, (*Weill*), напечаталъ въ Газетѣ *La Presse* слѣдующее письмо къ редактору. «Я всегда былъ республиканцемъ. Я доказывалъ это и моими дѣлами, и моими писаніями. Но я начинаю замѣчать, что легче было быть республиканцемъ при Людовикѣ-Филиппѣ, нежели подъ республиканскимъ правленіемъ быть чѣмъ бы то ни было; однимъ словомъ, кажется, что свободы всего меньше въ царствованіе свободы.

«Циркуляръ г. *Ледрю-Роллена* о выборахъ, какъ двѣ капли воды схожъ съ циркуляромъ, который г. *Дюшатель* издалъ въ 1845 году. Разница только въ цвѣтѣ. Г. *Дюшатель* требовалъ депутатовъ хорошихъ или плохихъ, только министерскихъ; г. *Ледрю-Ролленъ* требуетъ республиканцевъ, хоть бы самыхъ ничтожныхъ.

«Этого еще мало.

«Газеты *le National*, *la Réforme* и *la Démocratie* объявляютъ безъ церемоній, что тотъ, кто не республиканецъ—измѣнникъ.

«Г. Гизо называлъ только слѣплыми и врагами, тѣхъ, которые не принадлежали къ его шуртамъ. Съ тѣхъ поръ мы далеко ушли. Кто не разделяетъ мнѣній гг. редакторовъ газетъ *le National*, *la Réforme* и *la Démocratie*, тотъ не слѣпъ (на слѣпыхъ сердиться нельзя), не врагъ (съ врагомъ можно помирился); но онъ измѣнникъ, то есть, человекъ, который стоитъ, чтобъ его разорвать на куски.

«Вотъ свобода, которую обѣщаютъ намъ эти господа, мои вчерашніе друзья; вотъ успѣхъ, который они проповѣдовали.

«Дѣло въ томъ, говорить онъ далѣе, дѣло въ томъ, что теперь начинаются времена страха—не гильотины, но подозрѣнія и доносовъ. Они боятся, что другіе не раздѣляютъ ихъ мнѣній. Значитъ, они не увѣрены въ самихъ себя; значитъ, ихъ мнѣніе односторонне и занятаго, аговзномъ.

«Слѣпые друзья временнаго правительства, говорятъ г. Вейль заключеніе, дѣйствуютъ такъ, что—право, я боюсь—скоро все, не исключая даже искреннихъ республиканцевъ, будутъ желать, а можетъ быть и не только что желать, избавиться отъ свободы, которая не что иное какъ пустое слово, и отъ братства, которое чертовски похоже на братство глухонѣмыхъ.»

— Финансовое положеніе Франціи становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Государственный кредитъ излезъ: облигаціи продавались 3 апрѣля на биржѣ, пятипроцентныя, по 55 фр. за 100, трехъ-процентныя по 35 ф. 25 с. (23 февраля курсы были слѣдующіе: 5% займа 116 ф. 75 с. 3% 74 ф. 10 с.); акціи банка, съ 3,180 ф. упали до 1,435. Банкирскіе дома прекращаютъ свои платежи; торговля остановилась; фабрики такжъ. И все это сдѣлалось не годами; нѣтъ: въ какія нибудь шесть недѣль, несчастная

Франція съ вершины благосостоянія низвергнулась до дна бездны, которая называется государственнымъ банкротствомъ. Бѣдствіе поражаетъ весь классъ народа. Вотъ что говорить объ этомъ Journal des Débats: «Кризисъ тагоуьтъ надъ всеми. Мы далеки оттого, чтобы отрицать, или даже умалать страданія многочисленнаго класса, который кормится работою рукъ своихъ. Никто больше насъ не увѣренъ въ томъ, что ни національныя мастерскія, ни раздача пособій натурою и деньгами, ни искусственная работа, не могутъ замѣнить естественное распределение народнаго богатства, которое производится свободною работою. Общество, конечно, страдаетъ, но страдаетъ все, въ полномъ своемъ составѣ. Работникъ не имѣетъ занятія, за то и купецъ не продаетъ, владѣльцы домовъ не получаютъ платы за квартиры; у банкира руки полны денежными бумагами, которыя теперь уже не въ ходу. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, это было чистое золото, теперь простая бумага, и многіе дома, которые, по справедливости, считались прочными, пали, хотя ихъ кредитъ въ десятеро больше того сколько бы нужно было, еслибъ имѣющіяся у нихъ долговые документы можно было превратить въ деньги. Эта биржевая знать, какъ ихъ еще недавно называли, не прячетъ своихъ денегъ въ сундуки. Богатство банкирскихъ и торговыхъ домовъ состоитъ въ кредитѣ и огромныхъ оборотахъ. Ихъ капиталы, въ видѣ облигацій государственныхъ займовъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, тѣсно связаны съ благоденствіемъ государства, разсѣяны во множествѣ предпріятій и переходятъ изъ рукъ въ руки. Какую же цѣну имѣютъ ренты теперь? что стоятъ акціи желѣзныхъ дорогъ? какое предпріятіе идетъ успешно? Бура подула своимъ убійственнымъ дыханіемъ на эти богатства, которыя считались колоссальными, и они исчезли въ нѣсколько дней. Наши бывшіе Крезы отсылаютъ свое столовое серебро на мюнетный дворъ для перемѣлки въ деньги. Все, которымъ нечестливо удалось продать своихъ лошадей, хоть за самую ничтожную цѣну, продали ихъ. Кризисъ налегъ не только на имущество, состоящія въ кредитныхъ бумагахъ: имущество движимыя и недвижимыя такъ.

же сильно пострадали отъ него. Попробуйте-ка теперь добыть денегъ, продавъ предметы роскоши, богатые небели, драгоценныя библіотеки, статуи или картины! А между тѣмъ владѣлецъ дома, которому жильцы не платятъ, долженъ однакожь платить налоги, увеличенныя почти цѣлой половиною; купецъ, который ничего не продаетъ, принужденъ однакожь платить повинности и содержать своихъ прикащиковъ. Платящихъ подати пригласили теперь же, не дожидаясь сроковъ, уплатить то что слѣдовало съ нихъ за цѣлый годъ; они уплатили съ величайшей готовностію. Поэтому, прямые налоги увеличены 45%. Никто не ропталъ, никто не позволилъ себѣ ни малѣйшей жалобы. Плательщикъ податей только что вышелъ изъ конторы сборщика, и тотчасъ воротился туда, чтобы уплатить этотъ новый налогъ. Между тѣмъ временное правительство отсрочило на полгода платежъ по билетамъ государственнаго казначейства. Мѣра была жестокая; но ей безропотно покорились. Попадутся, можетъ быть, еще и другія жертвы.»

Ш в е ц и я .

Изъ Стокгольма отъ 21 марта пишутъ, что 18 и 19 марта, общественное спокойствіе въ столицѣ было нарушено. Въ первый день, король съѣзъ на коня, и, сопровождаемый прицами, отправился по улицамъ. Встрѣчаемый повсюду громкими привѣтствіями, онъ увѣщевалъ мятежниковъ разойтись, — и все успокоилось. Но въ воскресенье чернь начала кидать камепьями въ войска, такъ что войска принуждены были прибѣгнуть къ своему оружію, особенно послѣ того, какъ комендантъ былъ тяжело раненъ. Многіе изъ мятежниковъ взяты подѣ стражу, и спокойствіе снова водворилось. 20 марта депутаціи поселянъ и гражданъ явились къ королю, чтобы изъяснить Его Величеству свое сожалѣніе объ этихъ безпорядкахъ и увѣрить его въ своей готовности ему содѣйствовать. Неизвѣстно, чему приписать эти

сметенія; никто не знает ни причины, ни цели ихъ. На Баржу похоронены во подвигъ значительной суммы для рандети въ заграду муниципальнымъ начальствомъ, которые откроютъ защитниковъ этого матажа.

Д а н и я.

Въ герцогствѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ произошли важныя событія. 24 марта, утромъ въ 2 часа, въ Киль образовалось временное правительство. Оно состоитъ изъ Безеле-ра, принца Фридриха Шлезвигъ-Голштинскаго, Розентло-ва, и Шляхта. Временное правительство герцогства Шлез-вигъ-Голштинское подало слѣдующую прокламацію:

«Скращенно! Намъ герцогъ принужденъ былъ народ-нать волнения въ Копенгагенъ уволить временно своихъ совѣтниковъ и принять непріязненное положеніе противъ герцогства. Воля властителя уже болѣе не свободна и госу-дарство осталось безъ правительства. Мы не хотимъ, что-бы германская земля была подвержена нападению Дат-чанъ. Большая опасности требуютъ большихъ мѣръ; для за-щиты границъ, для сохраненія порядка нужно правитель-ство. Покоряясь необходимости, мы приняли на себя управ-леніе, которое должно обезпечить права народа. Мы немед-ленно созовемъ собраніе государственныхъ чиновъ и пере-дадимъ ему принятую нами власть, пока Государь будетъ свободенъ или пока собраніе государственныхъ чиновъ на-значитъ другихъ лицъ для управленія государственными дѣлами. Мы присоединимся всеми силами къ усиліямъ Гер-маніи, клонящимся къ единству и независимости. Пригла-шаемъ всѣхъ благомыслящихъ жителей страны соединиться съ нами. Докажите германскому отечеству патриотическій духъ, которымъ исполнены жители Шлезвигъ-Голштейна. Отсутствующій адвокатъ Бремеръ будетъ членомъ временна-го правительства. — Киль, 24 марта 1848 г.»

Изъ Рендсбурга, отъ 23 марта пишутъ: Между герцогства-ми и Даниею объявлено войну. Временное правительство

герцогствъ отправлено г. *Клаусена* въ Берлинъ, а г. *Шлей-ма* въ Ганноверъ, просить пособія войсками для обороны границъ, и инженеровъ для устройства батарей по берегамъ.

ГЕРМАНИЯ.

Касательно Германіи мы представимъ общій взглядъ на современное состояніе Германскаго союза, помѣщенный въ послѣднихъ номерахъ *Journal de St. Pétersbourg*.

«Германія, почти безъ всякаго исключенія, предана такой анархіи, что трудно становится слѣдовать за пагубными безпорядками, которые происходятъ безпрерывно и повсюду. Однакожь по всей Германіи замѣтно два главныхъ движенія. Во-первыхъ, восторженная оппозиція нашла помощниковъ въ черни и съ помощію ихъ исторгла у правителей уступки, которыя предали власть на произволъ мятежниковъ. Безпорядокъ сдѣлался нормальнымъ состояніемъ государствъ Германскаго Союза. Въ Мюнхенѣ бушуютъ подъ предлогомъ, что тамъ гдѣ-то скрывается *Дола Момтесъ*. Въ Констанцѣ собираются провозгласить республику. Въ Карлсруэ корифеи анархической партіи по собственному произволу созываютъ всѣхъ лицъ, пользующихся во всей Германіи правомъ избранія, чтобы рѣшить судьбу Германіи. Подобныя сцены повторяются почти во всѣхъ городахъ. Это головокруженіе заразило даже Ввну и Берлинъ. Въ газетахъ еще мало подробностей о событіяхъ, которыя тамъ происходили; но уже можно судить о ихъ пагубной важности. Рядомъ съ этимъ движеніемъ идетъ другое: возмущеніе поселенцевъ, которые грабятъ и жгутъ. Это движеніе началось въ Гейльброннѣ и уже распространилось по всей Франконіи. Это возмущеніе походитъ на то, которое происходило во времена реформаціи и, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть послѣдствіемъ тѣ же неистовства, породить тѣ же опасности.

«Поэтъ *Гервель*, командиръ легіона, назначеннаго для во-

го, чтобы произвести, если можно, еще большую революцію въ Германіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, еще не выѣзжалъ изъ Парижа; но работники уже направляются, шайками, къ границѣ. Этихъ людей вслѣски поощряли къ походу, во-первыхъ, чтобы избавиться отъ массы работниковъ и тѣмъ уменьшить соперничество, и потомъ чтобы распространить и на другія страны *благодѣнія* народнаго управленія, существующаго въ Парижѣ. Министръ Гагернъ замѣтилъ въ дармштадтскихъ палатахъ, что поощренія къ этимъ новаго рода набѣгамъ, легко могутъ помутить дружественныя отношенія между Германіею и Франціею. Баденское правительство гораздо снисходительнѣе. Филантропія не позволяетъ ему «лишать несчастныхъ возможности возвратиться къ началамъ порядка»; почему эти работники и будутъ отправляемы въ прежнія мѣста своего жительства на счетъ разныхъ германскихъ владѣній. Гервеговъ легіонъ, вѣроятно, будетъ пріятно удивленъ, получивъ путевыя деньги для исполненія предписаній парижской пропаганды.

«Послѣ нашествія республиканскихъ нѣмецкихъ работниковъ, въ Южной Германіи ожидаютъ нашествія французскихъ пролетаріевъ, и уже разошлся слухъ, что 20 или 40 тысячъ человекъ разсыпались по великому герцогству Баденскому и грабятъ жителей.

«Впрочемъ, германскіе законодатели мало заботятся объ этихъ мелочахъ: все время ихъ занято помышленіями объ организаціи Германіи, единой и нераздѣльной. Сколько государствъ, столько и проектовъ; сколько городовъ, столько и измѣненій въ этихъ проектахъ. Одни хотятъ германской республики; этихъ не много, но изъ своей главной квартиры, Мангейма, они раздумываютъ самыя дурныя народныя страсти, и, при помощи парижскаго легіона, могутъ произвести большіе беспорядки. Затѣмъ слѣдуетъ партія, которая не объявляетъ себя въ пользу республики; но хочетъ того же, только съ тѣмъ, чтобы это не называлось республикою; предводителями этой партіи баденскіе депутаты, которые предлагаютъ устроить Германію на манеръ Соеди-

денных Штатовъ и также съ президентомъ. Подрядъленіе этой партіи желаетъ устроить нечто въ родъ швейцарскаго сейма—все это однакожь, если вѣрять программамъ, безъ всякаго нарушенія власти государей. За этими выступаютъ на поприще тѣ, которые желаютъ, чтобы Германія каждые пять лѣтъ набирала Императора, и наконецъ тѣ, которые хотятъ, чтобы Императоръ былъ наследственный. Будетъ о чемъ поспорить, а кто имѣлъ удовольствіе читать пренія нѣмецкихъ палатъ, тотъ знаетъ, что тамъ не покинуть предмета, не истощивъ его. Однакожь, кто бы ни былъ, Императоръ, король, или президентъ германскій, надобно назначить кого нибудь на это мѣсто, и нѣмецкіе журналы стараются облегчить этотъ выборъ, заранѣе устраняя всѣхъ возможныхъ кандидатовъ.

«Соперничество племенъ, противоборство сѣвера съ югомъ Германіи, находятъ въ этомъ вопросѣ обильную пищу, прекрасный случай выказаться и укрѣпиться. Кто бы подумалъ, однакожь, что это противоборство не чуждо послѣднимъ событіямъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Вѣнѣ бюргеры радовались всего болѣе тому, что предупредили своихъ берлинскихъ собратій, а Берлинцы ужасно досадовали, что отстали отъ Вѣнцевъ.

«Теперь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы назначить кого нибудь на первое мѣсто, или, лучше сказать, поспорить за первое мѣсто, противоборство между сѣверомъ и югомъ проявляется сильнее, чѣмъ когда нибудь, и разные адреса покрываются подписями не для того, чтобы дѣйствовать въ пользу котораго либо изъ германскихъ Государей, а чтобы устранить того или другаго. По всѣмъ проектамъ, кроме Государя, который будетъ главою конфедерации, должны быть еще національный парламентъ и отвѣтственные министры. Парламентъ будетъ набираться Германскимъ народомъ, министерство должно состоять изъ уполномоченныхъ отъ союзныхъ государей. Ясно, что это проектъ организаціи, какъ нельзя болѣе удобный для того, чтобы придать единство новой власти, которую предлагаемъ образовать, и чтобы осуществить то что въ Германіи называютъ теперь един-

онимъ въ разнообразіи. Государь, окруженный ответственными министрами, которыхъ назначаютъ не онъ, и подкряленный парламентомъ, который отъ него не зависитъ! Въ ожиданіи пока все это будетъ надлежащимъ образомъ рассмотрено и многоглаголенно обсуждено, баденское правительство уже образоваде округи въ 50 и во 100,000 жителей для избранія членовъ германскаго парламента. Чтобы быть избраннымъ, надобно только имѣть тридцать лѣтъ отъ роду, и больше ничего.»

— Король баварскій, 20 марта, отказался отъ престола въ пользу сына своего, кронъ-принца, Максимилиана. 21 марта, Баварцы присягнули новому королю, Максимилиану II.

ШВЕЙЦАРИЯ.

Въ «прусской всеобщей газетѣ» пишутъ: къ сожалѣнію, княжество нейенбургское (Нёшатель) не могло устоять противъ удара, который внезапное ниспроверженіе существующаго порядка во Франціи должно было нанести небольшому сосѣднему владѣнію. Нейенбургское правительство ниспровергнуто революціонной партіей и замѣнено временнымъ, радикальнымъ правительствомъ. Вечеромъ 26-го февраля, по полученіи извѣстій изъ Парижа, въ Ла-Шо-де-Фонтъ произошло революціонное движеніе, которому начальникъ тамошняго отряда или не успѣлъ или не могъ противопоставить энергическаго сопротивленія. Этого начальника почелъ нужнымъ вступить съ нисуррентами въ переговоры и, по ихъ требованію, обѣщать имъ учрежденіе смѣшанной гражданской гвардіи (garde-mixte). Между тѣмъ, какъ нейенбургскій государотваинный советъ, 28 февраля, занимался приготовленіемъ средствъ къ сопротивленію и послалъ подполковника Мёрля собрать миліцію, чтобы идти на Ла-Шо-де-Фонтъ, возстаніе охватило Доль и Валъ-де-Траверь, которыя 29 были совершенно предоставлены нисуррентамъ. Страхъ и ужасъ

овладѣли въ Нейенбургъ всѣми умами. Граждане, собравшись въ ратушу и уступая вліянію страха, положили, что сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, кромѣ грабежа и разоренія. При такихъ обстоятельствахъ, государственный совѣтъ рѣшилъ, что сопротивленіе невозможно, и что надобно ограничиться мѣрами къ защитѣ собственности. 1-го марта, толпы матежниковъ, подъ предводительствомъ Фр. Курвуазё, вступили въ Нейенбургъ, объявили существующее правительство распущеннымъ и назначили временное правительство. Государственный совѣтъ протестовалъ противъ этого и, на основаніи союзнаго договора, потребовалъ защитъ у правительствующаго кантона, который положилъ отправить въ Нейенбургъ двухъ комиссаровъ.

И т а л і я .

Иезуиты, 13 марта, удалены изъ Церковной Области. Въ последнее время пана два раза приглашалъ къ себѣ генерала этого ордена, патера Раотана, и объяснилъ ему, что при нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, нерасположеніи народа къ ордену Иезуитовъ, и въ особенности потому, что вскорѣ провозглашено будетъ государственное уложеніе, ордену, для предупрежденія безпорядковъ, необходимо удалиться изъ Рима и вообще изъ Церковной Области. Генералъ призналъ основательность этого совѣта и обещалъ повиноваться. Въ этомъ намѣреніи укрѣпило его еще и то, что король неаполитанскій потребовалъ отозванія Иезуитовъ, которыхъ пребываніе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій несовмѣстно съ новымъ порядкомъ вещей. Ночью съ 10 на 11 Марта нѣсколько Иезуитовъ выѣхало изъ Рима въ двухъ каретахъ; на слѣдующую ночь отирались еще девять каретъ съ Иезуитами; прочіе притворяются къ отъѣзду. Нѣкоторые римскіе Иезуиты, желающіе остаться въ отечествѣ, перейдутъ въ мирское званіе; многіе послушники уже записались въ гражданскую гвардію. Остальные отираются

ся миссіонерами въ Америку, Азію и Африку. Генеральъ выйдеть изъ Рима черезъ нѣсколько недѣль съ послѣдними остающимися здѣсь членами ордена; но еще неизвѣстно, куда оны намѣренъ отправиться.

— Въ Венеціи, Миланѣ, въ герцогствѣ пармскомъ и піаченскомъ, образовались временныя правительства.

— Изъ Неаполя, отъ 16 марта, пишутъ, что сицилійскій вопросъ рѣшенъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Фердинандъ II, король неаполитанскій и сицилійскій, принимаетъ имя Фердинанда IV въ Сициліи, и Фердинанда V въ Неаполѣ. Сицилія управляется принцемъ королевскаго дома или сицилійцемъ. Этотъ королевскій намѣстникъ долженъ быть признанъ парламентомъ. Сицилія управляется совершенно отдѣльно отъ Неаполя. Дипломатическими дѣлами завѣдываютъ представители неаполитанскіе и сицилійскіе, въ равномъ числѣ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ, дѣло рѣшаетъ царствующій папа, по докладу двухъ уполномоченныхъ, одного Неаполитанца и одного Сицилійца. Въ обоихъ государствахъ отдѣльные парламенты, съ полной властію въ отношеніи къ внутреннему управленію. Армія и національная гвардія отдѣльныя въ каждомъ; форты и другія укрѣпленія въ Сициліи должны быть переданы Сицилійцамъ (и вѣроятно, скрыты). Главнокомандующій арміи и всѣ офицеры избираются парламентомъ. Сицилія пользуется народнымъ правомъ и правомъ чеканить монету. Третья часть флота должна быть передана Сициліи. Союзъ со всею Италіею. Утвержденіе всѣхъ дѣйствій генеральнаго комитета.

Испанія.

Въ Мадридѣ, 26 марта, обнаружались безпорядки. Войска привуждены были прибѣгнуть къ оружію; во многихъ

улицъ были устроены баррикады, но оны скоро разрушены. Безпорядки начались въ 6 часовъ вечера, а къ ночи все уже было спокойно. Войска лишились 40 чел. убитыми и много было раненыхъ; въ томъ числѣ находится капитанъ Эспанья. Потери мятежниковъ должны быть гораздо значительнѣе; у нихъ взято въ плѣнъ слишкомъ 200 человекъ. Совѣтъ министровъ засѣдалъ постоянно и принималъ рѣшенія, объявленныя въ оффиціальной газетѣ: отъмену на время статьи государственнаго уложенія о личной независимости; закрытіе собранія Кортесовъ; объявленіе столицы въ осадномъ положеніи; запрещеніе собираться на улицъ болѣе пяти человекъ, обезоруженіе всего народонаселенія. Г. Гонзалесъ Bravo, вхавшій въ каретъ во дворецъ, былъ атакованъ мятежниками; кучеръ его и одна изъ лошадей, ранены.

— Въ Газетѣ Heraldо объ этомъ пишутъ слѣдующее: «Правительство очень хорошо знало о всѣхъ замыслахъ мятежниковъ и приготовилось къ защитѣ. Известно было, что въ разныхъ мѣстахъ бродягамъ раздають вино, съестныя припасы и оружіе. Въ шайкахъ, которыя появились на улицахъ около семи часовъ вечера и стрѣляли изъ ружей, замѣчено нѣсколько мундировъ національной гвардіи. Эти люди кричали: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Эспартеро! да здравствуетъ милиція! (національная гвардія). Самое сильное сопротивленіе мятежники оказывали въ двухъ домахъ и въ театрѣ del Principe. Число раненыхъ весьма значительно; въ главный госпиталь ихъ принесено 116; сверхъ того много раненыхъ лежитъ въ церкви Buen-Successo и въ частныхъ домахъ. Число убитыхъ въ точности неизвѣстно; но оно должно быть велико. Показанія плѣнныхъ, кажется, не объяснятъ этой безумной попытки. Въ нѣкоторыхъ шайкахъ кричали Viva el Ejercito! (Да здравствуетъ войско). Войска отвѣчали выстрѣлами. Генераль Нарваесъ нѣсколько разъ бѣжалъ къ королю съ донесеніями о происходящемъ. Е. В. была совершенно спокойна. Народъ весь

себя как меляя лучше. Вся благонамаренные люди заперлись въ своемъ домѣхъ, чтобы не мѣшать войскамъ дѣйствовать. Число мятежниковъ простиралось тысячъ до двухъ; многіе изъ нихъ пришли за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Мадридъ, именно для того, чтобы промѣстн безпорядки. Въ числѣ ихъ находился одинъ Французъ, присланный, вѣроятно, какимъ-нибудь парижскимъ клубомъ. Этотъ мятежь не опасенъ; крики шаякъ (не соответствующія никакимъ потребностямъ большинства Испанцевъ) не могутъ угрожать прочнымъ основаніямъ трона и государственныхъ учреждений. Войско выказало рѣшимость сохранить спокойствіе во что бы то ни стало; начальства дѣйствовали съ величайшею энергіей. Люди благомыслящіе вполне одобряютъ ихъ дѣйствія. Вотъ настоящее положеніе вещей, но правительстве довольно сильно, чтобы поддѣвить эти безумныя усилія.»

Г р е ц і я .

Оттоманскій посланникъ въ Греціи г. *Муссурусъ*, прибылъ 9-го марта (в. ст.) на турецкомъ паровомъ фрегатѣ къ пирейскому порту и былъ введенъ греческими начальствами въ эгинскій карантинъ. Его сопровождаютъ блистательная свита и молодые секретари, украшенные бриллиантовыми знаками ордена Нишанъ-Ифтихара. На фрегатѣ находилась военная музыка.

По выдержаніи карантиннаго термина въ Пирей, посланникъ прибылъ въ Аены. На другой день онъ посѣтилъ министра иностранныхъ дѣлъ и на слѣдующій день былъ принятъ королемъ.

Т у р ц і я .

По повѣстіямъ изъ Константинополя отъ 16 февраля, послы римскаго двора при Царѣ Оттоманской, монсенью-

ру *Ферриери*, по прежнему, оказывается величайшее вниманіе турецкими сановниками и дипломатическимъ корпусомъ. Австрійскимъ и французскимъ послами, сардинскимъ повереннымъ въ дѣлахъ и турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Али-Пашю*, даны были въ честь его большіе объѣды. Великій раввинъ еврейскій также приносилъ римскому послу поздравленіе съ прибытіемъ его, отъ имени сословія Евреевъ. На аудіенціи, которую посольство имѣло 2-го ч. у султана, нунцій, выразивъ благодарность его Папы Пія IX за отправление въ Римъ *Искриба-эфенди*, сказалъ, что папѣ известны благодаренія, оказываемыя султаномъ всѣмъ сословіямъ своихъ подданныхъ, и что онъ радуется, особенно въ видахъ пользы католиковъ, находящихся подъ покровительствомъ султана, установленію дружественныхъ связей между обоими Государями. Султанъ отвѣчалъ послу самымъ привѣтливымъ образомъ, по-турецки; отвѣтъ его тотчасъ переведенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; султанъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ радуется установленію въ его царствованіе дружественныхъ сношеній между двумя государствами, равно одушевленнымъ желаніемъ улучшать судьбу своихъ подданныхъ. За нѣсколько дней до аудіенціи, министръ *Ферриери* поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ, доставить первому секретарю султана подарки, присланные папою Е. Вел-ву, и состоящіе изъ мозаическаго стола, бронзовой позолоченной модели Траянковой колонны, въ одинъ метръ вышиною, разныхъ картинъ и 21-й золотой и серебряной медалей. Нунцій также вручилъ отъ имени его святѣйшества богатый орденъ, украшенный брилліантами, великому визирю, и дорогою табакерку министру иностранныхъ дѣлъ.

А л ж и р ь .

На мѣсто герцога Омальскаго, бывшаго алжирскаго генералъ-губернатора, и по увольненіи отъ этой должности, уѣ-

жавшаго въ Англію, назначенъ генералъ *Касеньякъ*. Новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Алжиръ 10 марта и тотчасъ издалъ двѣ прокламаціи, одну къ арміи, другую къ жителямъ Алжиріи. Въ первой онъ напоминаетъ, что всѣ обязанности войска выражаются однимъ словомъ: *повиновеніе*; второю приглашаетъ всѣхъ и каждаго повиноваться временному правительству и поддерживать его всѣми силами. Въ то же время, двумя предписаніями онъ предоставилъ алжирской милиціи право избирать своихъ офицеровъ до капитана включительно (полковника и подполковника каждаго легіона будетъ назначать генералъ-губернаторъ) и освободилъ алжирскіе журналы отъ цензуры, которой они до сихъ поръ были подвержены. При этомъ однакожь запретилъ печатать безъ разрѣшенія военнаго начальства; все что касается до военныхъ дѣйствій, движенія войска и работъ для защиты страны въ крѣпостяхъ и портахъ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Изъ Нью-Йорка есть извѣстія до 29 февраля. Тамъ получены были письма изъ Мехико отъ 13 числа, въ которыхъ увѣдомляютъ, что мирный договоръ, заключенный съ г. *Тристомъ* и генераломъ *Скоттомъ*, подписанъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г-мъ *Росса*, 10 марта и ратификованъ мексиканскимъ конгрессомъ. На основаніи этого договора Новая Мексика и Калифорнія уступаются Соединеннымъ Штатамъ, съ условіемъ, чтобы тѣ уплатили наличными деньгами 15,000,000 долларовъ и приняли на себя уплату долговъ мексиканскаго правительства некоторымъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ.—Говорятъ, что Санта-Анна просилъ позволенія удалиться, и совѣтовалъ заключить съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами миръ, но, по предложенію сеньора *Пена и Пена*, посаженъ въ тюрьму, именно для увроченія этого мира.

— Капитанъ *Сиблей*, посланный генераломъ *Вуллемъ*, прибылъ въ Вашингтонъ, съ предложеніемъ Мексиканскихъ Штатовъ *Сонора*, *Чогуагава*, *Когагугела* и *Новый Леонъ* присоединиться къ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Мексика, по мирному договору, теряетъ двѣ пятыхъ своихъ владѣній, другія области сами отдѣляются отъ падающаго государства. Президентъ *Полькъ* чрезвычайно нерасположенъ въ пользу этого мирнаго договора, но какъ общественное мнѣніе, напротивъ, его одобряетъ, и условія его почитаются весьма выгодными, то г. *Полькъ* не могъ не представить этотъ договоръ конгрессу, который, по всей вѣроятности, и утвердитъ его сильнымъ большинствомъ.

=

Русская Словесность.

ОБВИНЕНИЕ.

И твой мнѣ милый ликъ запечатленъ виной.

Словни-жъ вниманіе и слушай обвиненье!

Да, ты виновна предо мной,

Виновна въ страшномъ похищеньи:

Однимъ сокровищемъ я въ мірѣ обладаю,

Нимъ дорожилъ, надъ нимъ рыдалъ,

Его таялъ отъ взоровъ свѣта

Въ непроницаемой глуши,

Подъ гордымъ рубищемъ поэта,

На днѣ растерзанной души;

Ты — увесла его лукаво,

Какъ ночь уносить влаетъ днѣ:

Ты отняла, украда у меня

Мое единственное право;

То право — вѣкогда, кончая жизни путь,
 Съ усмѣшкой горькою на прошлое взглянуть,
 На все, что самъ себѣ я въ мѣрѣ заповѣдалъ,
 И съ гордостью сказать друзьямъ моимъ: «друзья!
     Вотъ жизнь моя! Я счастья не вѣдалъ.»
     Теперь — застѣнчиво я буду умирать.
 Начну-ль минувшее, кончаюсь, разбирать
     Блаженства образъ я увижу
     Среди моихъ предсмертныхъ грезъ,
     И свой послѣдній часъ унижу
     До сожалѣнья и до слезъ!
 И въ совѣсти упрекъ родится безпокойный:
     Зачѣмъ я, счастья недостойный,
 Сосудъ его къ устамъ горящихъ приближалъ?
 Зачѣмъ не умеръ я, въ тоскѣ перегарая?
     Зачѣмъ я суетно мечталъ
     О счастьи земнаго рая?
 И бояливо я взгляну на небеса
 Въ послѣдній разъ съ земнаго края,
 Рукой хладѣющей стыдливо прикрывая
 Полу-помершіе глаза.

В. Бенедиктовъ.

==

ДОГАДКА.

Когда ты такъ мило шепчешь: «люблю»,
 Волшебное слово и жадно ловлю;
 Оно мнѣ такъ ново, и странно, и чудно;
 Не вѣрить мнѣ страшно, а вѣрить мнѣ трудно.
 На праздное сердце пѣвца твоего,

Быть можетъ, ты кинула заглавъ сожалѣнья,
 И видя въ немъ блужд. лицету, августѣнья,
 Размыслила: «дай, я исполню яго!»
 Онъ мнѣ быть не можетъ; но ты же, безразлично
 Я буду заскать его сирый порывъ;
 Не боюсь, чѣмъ прежде, я буду несчастна,
 А онъ — онъ, быть можетъ, мной будетъ счастливъ!
 И съ ангельскимъ, кроткимъ, небеснымъ привѣтомъ
 Ко мнѣ обратился твой дружескій взоръ,
 И въ сердцѣ моемъ благодатно — согрѣтомъ
 Мечты и заданья воскресли съ гнѣвъ поръ.

В. Бенедиктовъ.

=

ПѢСНЯ.

Посмѣялась надо мною,
 Ты, завистница — судьба, —
 Посмѣюсь я надъ тобою:
 Не найдешь во мнѣ раба!
 Ужъ какъ ты меня ли гонишь,
 Какъ сурово ни глаза, —
 Не надѣйся, не преклонишь
 Горделиваго чела.
 Отъ несчастій духъ мой крѣпнеть.
 Такъ, отъ солнечныхъ лучей,
 Встрѣтивъ ихъ, орелъ не спѣнеть,
 Не гадать еще смѣю!
 Помолюсь усердно Богу,
 Людямъ слезъ не покажу
 И другую путь — дорогу
 Къ счастью жизни провожу!

Посмѣялась надо мною,
Ты, завистница — судьба, —
Посмѣюсь я надъ тобою:
Не найдешь во мнѣ раба!

О. Мвенцовъ.

=

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Въ томлениі мрачномъ, въ тоскѣ безъ раздѣла,
Тянулись страшно дни жизни моеі,
И сбросить оковы душа не умѣла
Гнетущихъ страданій, губящихъ страстей.

Игралище съ дѣтства судьбины коварной,
Я тщетно Хранителя — Ангела звалъ,
Молилъ: приходи! но онъ, — гость лучезарный, —
Чуждался меня, и мольбамъ не внималъ.

И въ горькомъ раздумьи, повикиши главою,
Я мнилъ, что услады страданіямъ нѣтъ,
Безсильный, — въ борьбѣ со всемогущей судьбою,
Безумно ропталъ на Создавшаго свѣтъ!!!

Онъ благъ! — И души моеі мракъ прояснился,
Незнанное счастье наполнило грудь,
Небесный мой Ангелъ на землю явился —
И радостенъ нынѣ мой жизненный путь!

В. Жалашиниковъ.

=

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ 1725 и 1726 ГОДОВЪ.

Въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

СЕМЕЙНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Въ домъ Алексѣя Матвѣевича Зубова всѣ ходила повѣся голову.

Два мѣсяца прошло съ того вечера, какъ Пелагея Ивановна познакомила гравера и жену его съ купцомъ Егоромъ Назарычемъ Рябковымъ, а дѣло сватовства не подвинулось ни на шагъ. Рябовъ навѣщалъ родителей своей будущей невѣсты каждую педѣлю разъ, иногда два, и только этимъ доказывалъ, что не отступается отъ своего намѣренія.

Проволѣчка эта происходила отъ того, что не было главной защищицы всего дѣла. Пелагея Ивановна пропала. Тщетно прождавъ ее нѣсколько дней, Мавра Федоровна сама отправилась на Петербургскую. Стави маленькаго дома

были закрыты; ворота накрѣпко затворены. Прошло нѣсколько дней, и Мавра Федоровна вторично пошла посмотреть, не вернулась ли Пелагея Ивановна. Сосѣди сказали ей, что Пелагея Ивановна приходила раза два, но не надолго и, противъ своего обыкновенія, ни съ кѣмъ даже не разговаривала.

Это страшное, необъяснимое поведеніе Пелагеи Ивановны сильно обезпокоило жену гравера. Чтобы пріавестъ скорѣе дѣло къ концу, она могла бы пріискать другую сваху, но боялась обидѣть этниъ Пелагею Ивановну и, такимъ образомъ, лишиться обещаннаго пособія, безъ котораго, по мнѣнію корыстолюбивой Мавры Федоровны, купецъ не возьметъ дочери ея.

Обстоятельство это безпокоило и Алексѣя Матвѣевича, но менѣе, чѣмъ жену его, потому-что Зубовъ на время пересталъ быть супругомъ и отцомъ, сдѣлавшись вполнѣ художникомъ. Съ необыкновенною ревностію принялся онъ гравировать на мѣди церемоніаль погребенія Петра Великаго и просиживалъ за работой цѣлые дни, отвѣчая на жалобы жены пожатіемъ плечъ или даже возсе не отвѣчая на нихъ, къ крайней досадѣ Мавры Федоровны.

Земцовъ по прежнему частенько навѣщалъ своего пріятеля, бесѣдовалъ, спорилъ съ нимъ или читалъ вслухъ замѣчательнѣйшія новости, объявляемыя въ вѣдомостяхъ. Однажды въ присутствіи всего семейства и Рябкова, Иванъ Захаровичъ прочиталъ пространное объявленіе объ отправленіи капитана Беринга въ Азію...

Крѣпко сжалось сердце Настеньки, и, чтобы скрыть слезы, насильно выкатившіяся изъ глазъ ея, она поспѣшно встала и ушла въ садъ.

Тамъ она выплакалась вволю...

Настенька сама не знала, о чемъ плакала; но дѣтской наивности своей она приписывала эти слезы сожалѣнію о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, котораго отсылали въ дальнее странствіе, гдѣ на каждомъ шагу ожидали его страшныя опасности; она плакала еще потому, что рассталась съ нимъ

не простившись, и что въ послѣднее свиданіе со слезами на глазахъ сказала, что ей будетъ жаль его...

Слезы молодой дѣвушки вытекали изъ сердца, но настоящій источникъ ихъ былъ въ новомъ чувствованіи, котораго она не понимала и, слѣдственно, не могла объяснить себѣ... въ чувствованіи, которое въ сердцѣ шестнадцатилѣтней дѣвушки разгорается отъ одной искорки.

Если бы Настенька поняла это чувствованіе, то была бы вполне несчастлива. Она не могла бы покориться волѣ матери безъ внутренней борьбы и, вѣсто того, чтобы видѣть въ кроткомъ, добродушномъ Егорѣ Назарычѣ мужа, предназначеннаго ей судьбою, суженаго, она встрѣтила бы его какъ нарушителя ея спокойствія, ея будущаго *возможнаго* счастья. Теперь же все прошло мирно, тихо, и проблеску любви, дивнаго чувствованія, безъ котораго жизнь женщины уныла, однообразна, предстояла грустная участь: угаснуть за отсутствіемъ причинъ, вызвавшихъ его...

Но эта минута еще не наступила.

159

Однажды рано утромъ, въ началѣ августа мѣсяца, Мавра Федоровна наръзыкала лукъ въ своемъ садикѣ, въ которомъ полезное брало верхъ надъ пріятнымъ; Настенька стояла у изгородки и глядѣла на Неву.

Отъ адмиральства плыло судно на всѣхъ парусахъ, округленныхъ попутнымъ ветромъ.

Судно плыло шагахъ въ двадцати отъ дома Зубова.

На лицѣ Настеньки внезапно выразилось изумленіе, смѣшанное съ испугомъ... Затанувъ почти дыханіе и не трогаясь съ мѣста, глядѣла она на одинъ конецъ судна.

Тамъ, у самаго борта, стоялъ молодой человекъ, черты котораго уже такъ глубоко врезались въ памяти ея, лучше сказать, запечатлѣлись въ сердцѣ молодой дѣвушки, что она сразу узнала его...

Сердце ея забилося сильнѣе, она чуть не вскрикнула.

Казалось и молодой человекъ узналъ ее; остановившись у борта, онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ невыразимою грустію... онъ стоялъ какъ прикованный...

Но вдругъ раздался грубый голосъ боцмана:

— У фокъ-мачты не звать!

Молодой человекъ скоро обернулся и все очарованіе исчезло.

Только теперь Настенька замѣтила, что у борта стоялъ не офицеръ, а простой матросъ.

Но это непостижимое, поразительное сходство, грустный взглядъ молодого матроса произвели глубокое впечатлѣніе на молодую дѣвушку и искра, заброшенная въ сердце ея, вспыхнула ярче, свѣтлѣе прежняго...

— Настя, вскричала Мавра Федоровна; подай-ка мнѣ корзину.

Но Настенька не слышала; глаза ея все еще были устремлены на удалявшееся судно.

— Слышь-ли Настя! Что ты оглохла, что-ли? вскричала опять Мавра Федоровна.

Настенька вздрогнула и оглянулась.

— Чево ты тамъ зазѣвалась? продолжала Мавра Федоровна со свойственною ей любезностью и, поднявшись, посмотрѣла черезъ изгородку.

Судно было уже шагахъ въ сорока отъ дому.

— Ахти! вскричала Мавра Федоровна: гляди-ка, Настя, ни какъ это Пелагѣя Ивановна?

— Гдѣ? разсѣянно спросила Настенька.

— Вотъ тамъ, тамъ! Ну, куда ты глядишь? На корабль, вотъ что идетъ...

— Кажется, она.

— Она, она и есть!.. Пелагея Ивановна! Пелагея Ивановна!

Но Мавра Федоровна звала напрасно. Либо вътеръ уносила слова ея въ противоположную сторону, либо та, которую она звала, не хотѣла оглядываться.

И мать, и дочь оставили садъ чрезвычайно озабоченныя.

Мавра Федоровна, посоветовавшись съ мужемъ, немедленно отправилась на Петербургскую сторону. Тамъ ей сказали, что Пелагея Ивановна пришла домой съ вечера, переночевала и ранешенько по утру убралась.

Мавра Федоровна совершенно растерялась. Она никакъ

не могла объяснить себѣ страннаго поведенія Пелагеи Ивановны, которую не разъ, про себя, помлнула дурнымъ словомъ. Воротившись домой, она долго приставала къ мужу, чтобы онъ посоветовалъ ей, что дѣлать; но Алексѣй Матвѣвичъ въ этотъ день такъ заработался, что ему было не до Пелагеи Ивановны; рука его расходилась, штрихъ ложился ровно, красиво; самая мѣдь, казалось, охотнѣе поддавалась давленію иглы.

Наконецъ супруги рѣшились прибѣгнуть къ советамъ Земцова, которому Алексѣй Матвѣвичъ до-сихъ-поръ не говорилъ ни слова, по волю жены.

На другой день въ мастерской гравера засѣдали хозяинъ, жена его и Земцовъ.

Последній съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего пріятеля и Мавру Федоровну, не постигая значенія важности, съ которою его ввели, въ мастерскую, усадили, и таинственности, съ которою хозяйка заперла дверь на задвижку.

Болше минуты длилось молчаніе.

Граверъ не начиналъ говорить потому, что опять засмотрѣлся на свою работу, которую оставилъ неохотно. Онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ зачѣмъ они собрались.

Мавра Федоровна же, имѣвшая свои причины беречь Ивана Захарыча и ухаживать за нимъ, не знала какъ приступить къ дѣлу, о которомъ давно бы слѣдовало извѣстить короткаго пріятеля.

Зубовъ, однакожъ, первый прервалъ молчаніе.

— Иванъ Захарычъ, сказалъ онъ: какъ ты думаешь, какимъ штрихомъ проложить эту тѣнь: прямымъ или наискось?

Земцовъ всталъ.

— Полно тебѣ, Алексѣй Матвѣвичъ! вскричала въ это время хозяйка съ досадою и удерживая архитектора: брось свои косые штрихи! есть дѣло поважнѣе....

— Какъ поважнѣе? съ изумленіемъ спросилъ граверъ.

— Я пришла сюда не о твоёмъ царапаньи толковать!...

— Царапаньи!... проворчалъ Алексѣй Матвѣвичъ, по-

жавъ плечами; невѣжество!... Такъ что же ты молчишь? Пришла толковать, такъ и толкуй!

— Что изъ одной толковать!... Вѣдь ты хозяйнѣ въ дѣлѣ.

— Полно вамъ вздорить, сказала Земцовъ: я вижу, что у насъ есть какое-то дѣло....

— Есть, батюшка Иванъ Захарычъ, поспѣшно сказала Мавра Федоровна: и очень важное дѣло; твоего совѣту просить хотимъ.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

— Видишь ли, Иванъ Захарычъ, началъ Зубовъ, надо тебѣ сказать, что Пелагея Ивановна совсѣмъ пропала....

— Какъ пропала? спросилъ архитекторъ.

— Такъ вотъ, пропала.

Зубовъ замолчалъ.

Иванъ Захарычъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и, наконецъ, спросилъ:

— Такъ что же, что она пропала?

— Экой ты какой! вскричалъ Алексѣй Матвѣевичъ, весьма недовольный непонятливостію своего пріятеля: коли она пропала, такъ разумется и дѣло стало.... Безъ нея мы ничего не можемъ сдѣлать.... просто, ничего! Вотъ мы и рѣшилисъ просить твоего совѣта.

Архитекторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Алексѣя Матвѣевича, потомъ на жену его.

• Мавра Федоровна сидѣла какъ на иголкахъ.

— Алексѣй Матвѣевичъ! вскричала она, наконецъ, съ сердцемъ: да опомнись, да приди хоть разъ въ себя! Что ты за чепуху нагородилъ!

Граверъ очень сердито, какъ безвинно обиженный, взглянулъ на жену.

— Экое наказаніе! продолжала она, всплеснувъ руками: что ты толкуешь Ивану Захарычу про Пелагею Ивановну, коли онъ ничего не знаетъ!

— Да развѣ онъ не знаетъ?... Развѣ ты не знаешь?

— Ничего не знаю.

— Ну такъ, такъ бы и сказаць; это другое дѣло, коли ты ничего не знаешь.... Слушай же....

— Нѣтъ, ужь оставь, Алексѣй Матвѣевичъ; я лучше сама все расскажу, перебила его жена.

— Ну, рассказывай.

Мавра Федоровна приняла ласковый видъ и, опустивъ глаза съ выраженіемъ раскаянія на лицѣ, стала говорить:

— Извольте видѣть, Иванъ Захарычъ, мы очень виноваты передъ вами.... конечно, вамъ слѣдовало бы тотчасъ же васъ извѣстить.... да, знаете, батюшка, все во власти Божьей.... оно дѣло, кажись, совсѣмъ сладилось, а вдругъ, ни съ того, ни съ сего, такъ расклеится, что и кусочковъ не подберешь.... и тогда знаете, чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ больше сраму....

— Ну, вошла, вошла! проворчала Алексѣй Матвѣевичъ.

— Не мѣшай, сказаць Иванъ Захарычъ.

— Вотъ, Иванъ Захарычъ, продолжала Мавра Федоровна: таковское и наше дѣло.... хоть, конечно, намъ отъ васъ и не слѣдовало бы таиться.... вы свой человекъ.... да все какъ-то не въ силу было....

— Полно, матушка Мавра Федоровна, сказаць Земцовъ: конечно, я вамъ другъ, но все-таки не могу требовать, чтобы вы открывали мнѣ ваши семейныя тайны. Говорите же прямо.

Слова эти ободрили хозяйку, она хотѣла говорить, но жуть предупредилъ ее.

— Конечно! вскричалъ онъ: говори прямо, а не колеси! Велика важность, что мы сосватали Настю!...

— Сосватали! повторилъ Земцовъ, привскочивъ на стулъ.

— Сосватали, батюшка, подтвердила Мавра Федоровна сладкимъ голоскомъ и пристально смотря на архитектора.

— Вотъ какъ! протражило возразилъ Земцовъ съ горькой усмѣшкой.

— Да что же въ этомъ дурнаго? спросилъ Зубовъ, пораженный выраженіемъ голоса, которымъ пріятель его произнесъ послѣднія слова.

— Ничего.... ничего.... отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, и сму-

щеніе его возрастало, по мѣрѣ того, какъ онъ старался преодолѣть его.

— Конечно ничего, сказалъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— Да что ты затвердилъ какъ сорока: ничего да ничего! вскричалъ Иванъ Захарычъ, вспыхнувъ: нешто я говорю, что дурно?... Но, тотчасъ спохватившись, бѣнъ прибавилъ: а.... а за кого сѣсватали?

— Вы и жениха-то знаете, отвѣчала Мавра Федоровна.

— Какъ его зовуть?

— Вы съ нимъ видались....

— Да ну! какъ его зовуть? вспыхливо вскричалъ Иванъ Захарычъ.

— Рябковымъ, батюшка, поспѣшно отвѣчала Мавра Федоровна.

— Ага! Вѣрно сынъ того купца, что сюда ходить?

— Какой сынъ! Егоръ Назарычъ никогда не былъ женатъ.

— Такъ какой же это Рябковъ?

— Да онъ самый, батюшка, и есть.

Иванъ Захарычъ вскочилъ.

— Какъ! вскричалъ онъ: и вы скрывали это отъ меня!... Спасибо!.. Знаю я теперь вашу дружбу... хороши друзья!.. Въ глаза такой-сякой, а за глаза Жиду продадутъ.... Ну, Алексѣй Матвѣевичъ, не ожидалъ я отъ тебя такого огорченія!...

— Что ты расходишься! съ изумленіемъ произнесъ Алексѣй Матвѣевичъ; не ты ли самъ говорилъ, что нельзя открывать всѣхъ семейныхъ тайнъ?

— Да, да, толкуй! возразилъ Иванъ Захарычъ, разгораясь болѣе и болѣе; я знаю, у тебя отговорки найдутся... ты, я вижу, хитеръ!

— Я хитеръ? повторилъ Зубовъ, обидѣвшись: грѣшно тебѣ это говорить....

— А тебѣ не грѣшно? вскричалъ Земцовъ, сбиваясь и выходя изъ себя....

— Что мнѣ не грѣшно?

— Вишь какой невинный!

— Да ну, отстань! чортъ знаетъ, что говорить! вскричалаъ раздосадованный Зубовъ.

— Пожалуйста, не чертайся!

Мавра Федоровна нашла нужнымъ вышпаться въ ссору, причину которой со стороны Земцова никакъ не постигала.

— Иванъ Захарычъ, сказала она: не гнѣвайтесь.... ну, мы виноваты передъ вами....

— Нѣтъ, матушка Мавра Федоровна, не передо мною вы виноваты, а передъ вашею дочерью! вскричалъ Земцовъ, разразившись: скажите, статочно ли дѣло отдавать ребенка за старика?... У него свѣдѣкъ волосъ больше, нежели сколько она мѣсяцовъ прожила на свѣтѣ!...

— Батюшка, Иванъ Захарычъ, вы знаете наше положеніе....

— Такъ, золотой мѣшокъ! Вы продаете дочь за кусокъ хлѣба!

— Эхъ Иванъ Захарычъ, возразила Мавра Федоровна обидѣвшись: не о себѣ мы заботимся, а объ ней!

— Объ ней? А спросили ли вы ее, охотно ли она идетъ за старика?...

— Мы, батюшка, родители! Не яѣду курицу учить.

Иванъ Захарычъ пожалъ плечами.

— Грѣшно, матушка, грѣшно! сказалъ онъ съ чувствомъ: подождать бы вамъ, лучше, годикъ; другой; авось суженый бы и самъ подвернулся... а то, съ бухты-барахты сладил дѣло! Эдакъ и я, помоложе вашего купца, могъ бы жениться на ней!

— И, батюшка! съ радостію бы отдали, колибъ ты поспатался!

Земцовъ остановился, какъ вкопанный.

— Отдали бы? повторилъ онъ, какъ бы не въря своимъ ушамъ.

— Вѣстимо, родимый! отвѣчала Мавра Федоровна.

— Отдали бы? повторилъ Иванъ Захарычъ, обратившись къ хозяйну.

Алексѣй Матвѣевичъ сдѣлалъ въ воздухъ крестъ и махнулъ рукой.

Лицо архитектора внезапно прояснилось, но не надолго; вспомнивъ о чемъ-то, онъ опять нахмурился.

Кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросила Мавра Федоровна, вставая.

— Отвори, родная, отвѣчалъ знакомый голосъ.

Хозяйка радостно вскрикнула и поспешно отдернула задвижку.

Въ мастерскую вошла Пелагея Ивановна.

При взглядѣ на нее жена гравера невольно вскрикнула отъ изумленія.

Пелагея Ивановна такъ перемѣнилась, что ее трудно было узнать; свѣжее, веселее лицо ея поблѣднѣло, приняло серьезное, почти строгое выраженіе; живые глаза потеряли свою прежнюю подвижность, сохранивъ только отъѣтъ, горькій въ нихъ....

Видно было, что Пелагея Ивановна много пострадала.

Съ возвращеніемъ Пелагеи Ивановны все дѣло приняло въ прежній порядокъ.

На всѣ разпросы Мавры Федоровны объ случившійся, она только отвѣчала, что увѣжала по дѣлать; воротившись же, съ прежнимъ усердіемъ принялась за работу.

Не смотря на сильную оппозицію Зинцова, дѣла наладились уже въ такомъ положеніи, что отступить не было ни какой возможности.

Габковъ посватался и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что долженъ отлучиться по своимъ дѣламъ въ сибирскую губернію.

Вслѣдствіе этого неожиданнаго случая, свадьба была отложена до слѣдующаго года.

Иванъ Захарычъ согласился, потому что всегда и на все соглашался.

Мавра Федоровна также не безволновалась; она поняла, наконецъ, причину гнева Зинцова и утѣшала себя тѣмъ, что на всякій случай у нея есть женишокъ про запасъ.

Архитекторъ обрадовался... не не эгоистическому чувству; онъ искренно любилъ Настеньку и хотя частенько

предполагая о томъ, что молоденькая женоугодная бы и съ него десятокъ лѣтъ, однакожь, съ радостію уступилъ бы ее другому, еслибы была увѣрена, что съ этимъ другимъ она будетъ счастливѣе.

А Настенька?... После долгаго времени звонкій голосокъ ея проносился опять по дому; и два раза спрашивала она Ивана Захарыча:

— Во сколько времени можно съѣздить въ землю Азію и обратно?....

ГЛАВА XI.

ЭСТАМПЫ.

Двадцать перваго іюня 1726 года, Алексѣй Матвѣевичъ Зубовъ всталъ ранѣе обыкновеннаго. Ему не спалось. Мавра Федоровна поклонялась еще крѣпкимъ сномъ, когда супругъ ея, одѣвшись съ особеннымъ тщаніемъ, вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни.

Не остановившись даже передъ зеркаломъ, чтобы полюбоваться своими кафтаномъ и штанами свѣтло-зеленаго цвѣта и длиннымъ камзоломъ съ роскошными, пестрыми узорами, Алексѣй Матвѣевичъ пошелъ прямо въ мастерскую.

Тамъ, подъ прессомъ особаго рода, состоявшимъ изъ двухъ досокъ, на которыхъ лежалъ огромный булыжникъ, лежала причина блаженства, выразившагося на лицѣ гравера: первые тщательно отпечатанные экземпляры его гравюръ.

Не торопясь снялъ Алексѣй Матвѣевичъ булыжникъ; потомъ съ величайшею осторожностію приподнялъ верхнюю доску, заглядывая подъ нее съ видомъ чловѣка, надѣющагося найти кладъ. Снявъ доску, онъ взялся указательнымъ и большими пальцами за оба конца листа толстой бумаги, положенной надъ гравюрами.

Отложивъ бумагу въ сторону, Зубовъ остановился на не-

нугу и перовымъ дыханіе, какъ бы собираясь съ силами для перенесенія предстоявшаго ему наслажденія.

Съ прежними предосторожностями принялся онъ наконецъ, за первый листъ. Долго и осторожно поднималъ онъ его; такъ же долго и осторожно перевертывалъ.

По мзръ открытія гравюры, лицо творца ея принимало болѣе и болѣе улыбающееся выраженіе.

Наконецъ произведеніе его лежало передъ нимъ во всей своей красѣ.

Алексій Матвѣевичъ осматривалъ всю мельчайшія подробности гравюры; глядя на нее впрямь, съ праваго, съ лѣваго бока, сверху, снизу, становился на стулъ и даже на минуту вышелъ въ сосѣднюю комнату, чтобы узнать какое впечатлѣніе произведетъ на него гравюра при первомъ входѣ въ мастерскую.

Налюбовавшись первымъ экземпляромъ, Алексій Матвѣевичъ перевернулъ слѣдующій, и хотя онъ былъ точъ въ точъ какъ и первый, Zubovъ разсматривалъ его съ такимъ же вниманіемъ, какъ и первый.

Перебравъ такимъ образомъ все экземпляры, Алексій Матвѣевичъ пошелъ выбирать между своими панками ту, которая болѣе другихъ заслуживала честь сдѣлаться хранительницею гравюръ. Выбравъ самую чистую и красивую, онъ сталъ вкладывать въ нее одинъ экземпляръ за другимъ.

Все это продолжалось такъ долго, что когда Мавра Ѳедоровна вошла въ мастерскую, чтобы звать мужа пить чай, Алексій Матвѣевичъ не былъ еще готовъ.

— Ну, матушка Мавра Ѳедоровна, сказалъ Zubovъ послѣ чая: я, можетъ быть, опоздаю сегодня къ обѣду, да ужъ не прогнѣвайся! Надобно разнести кому слѣдуетъ мои эстампы, такъ, можетъ, гдѣ и задержать.

— Съ Богомъ, Алексій Матвѣевичъ, отвѣчала жена: да не забудь сходить и къ тальянцу, что возлѣ гостиннаго двора лавку открылъ; авось и онъ возьметъ твоихъ картинокъ.

— Картинокъ, картинокъ! сердито повторилъ граверъ: когда ты у меня научишься называть вещи какъ слѣдуетъ!

Картинками ребятнишек потъщуютъ; а это, сударыня, эстампы!

— Это по-нѣмецкому, а я языкъ ломать не мастерица; по-нашему картинка, да и дѣло съ концомъ!

Алексѣй Матвѣевичъ пожалъ плечами, взялъ папку подъ мышку, шляпу и трость въ руку и отправился.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Пелагею Ивановну.

— Алексѣй Матвѣевичъ! вскричала она: я къ вамъ съ радостною вѣстью.

— Некогда мнѣ теперь, Пелагея Ивановна, некогда, отъ-чалъ граверь: здравствуйте и прощайте.

— Куды, батюшка, спѣшите, выслушайте хоть меня.

Въ это время выбѣжала на крыльцо Мавра Фѣдоровна, издали разслышавшая голосъ Пелагеи Ивановны.

—Здравствуйте, матушка Пелагея Ивановна, вскричала она: пожалуйста, родимая, войдите; самоваръ еще не простыль.

— Спасибо, Мавра Фѣдоровна; Егоръ Назарычъ приказалъ вамъ кланяться.

— Что вы, родимая! радостно вскричала Мавра Фѣдоровна: нешто онъ вернулся?

— Сегодня третій день, какъ съ дороги.

— Здоровъ ли онъ, сердешный?...

— Пополнѣлъ, голубушка! Впрочемъ вы сами увидите его; онъ общался быть сюда часа черезъ полтора.

— Часа черезъ полтора! Алексѣй Матвѣевичъ, Алексѣй Матвѣевичъ! закричала Мавра Фѣдоровна мужу, спокойно удалявшемуся; постой, не ходи!

Зубовъ остановился.

— Что тамъ еще? спросилъ онъ.

—Воротись! Егоръ Назарычъ общался быть часа черезъ полтора.

— Ну, милости просимъ.

— Да, воротись же, говорятъ тебѣ! Онъ придетъ, а тебя не будетъ дома. Остайся.

— Нельзя, никакъ нельзя! съ важностию возразилъ граверь. Слышала ты, что вчера Иванъ Захарычъ говорилъ?

Князь Александръ Данилычъ вдетъ завтра чуть свѣтъ и хочетъ взять съ собою мои эстампы, въ подарокъ Ея Высочеству Царевнѣ Аннѣ Иоанновнѣ.

— Ну, такъ ты сходи къ князю; да и вернись тотчасъ; къ другимъ ужъ не ходи, сказала Мавра Федоровна: завтра успеешь.

Алексѣй Матвѣевичъ почесалъ затылокъ, подумалъ и отвѣчалъ:

— Быть по-твоему, и пошелъ къ камиткѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ вошелъ въ прихожую князя и приказалъ доложить о себѣ.

Меншиковъ былъ занятъ, а потому приказалъ своему секретарю взять десять экземпляровъ и отпустить гравера. Алексѣй Матвѣевичъ, надѣявшійся услышать лестный комплиментъ изъ устъ его свѣтлости, былъ весьма недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, и счастье его убавилось на нѣсколько градусовъ, когда онъ вышелъ отъ Меншикова.

Выходя изъ дому, почтенный Алексѣй Матвѣевичъ надѣялся вернуться съ цѣлымъ запасомъ лестныхъ отзывовъ; а вмѣсто того возвращался съ тѣмъ, съ чѣмъ вышелъ; только секретарь клялся отозвался, что эстампы слишкомъ черны. Садясь въ лодку, чтобы перѣхать на адмиральтейскую сторону, Зубовъ рассчиталъ, что успеетъ еще зайти кое къ кому. Ближе всѣхъ было къ Апраксину. Генералъ-адмиралъ лично зналъ Зубова, съ которымъ познакомился, когда послѣдній гравировалъ изображеніе гренгамскаго сраженія.

Алексѣй Матвѣевичъ отправился къ нему. Апраксинъ былъ въ Кронштадтѣ.

Вторичная неудача раздражила гравера; онъ жаждалъ лестнаго отзыва, а потому, забывъ наказъ жены, пошелъ къ Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, которому считалъ долгомъ оказать предпочтеніе за пособіе, обещанное супругой князя его дочери.

Но, вѣроятно, Алексѣй Матвѣевичъ ступилъ въ этотъ день лѣвою ногою съ кровати.

Князь былъ занятъ.

— Подожду, сказалъ Зубовъ вздохнувъ, и, поставивъ папку возлѣ себя къ стѣнкѣ, сѣлъ въ углу пріемной.

Въ кабинетъ князя происходилъ между тѣмъ довольно крупный разговоръ. Отецъ журилъ за что-то сына. Сынъ небрежно слушалъ отца, и отвѣчалъ на выговоры его.

— Граверъ Зубовъ просить позволенія представить вашему сіятельству какіе-то ястанпы, доложилъ слуга, осмѣлившійся войти, когда баринъ его пересталъ заниматься, то есть когда шумъ утихъ въ кабинетъ, и когда князь Иванъ удалился.

— Невогда мнѣ! угрюмо отвѣчалъ князь; пусть зайдетъ въ другой разъ!

— Другъ мой, сказала княгиня: прикажите ему войти; это займешь, развлечетъ васъ.

— Ну, впусти его.

— Минуто: спустя показалась изъ дверей папка, а за нею Алексѣй Матѣевичъ.

Робко вступилъ онъ въ кабинетъ князя и отвѣсилъ два пренизкихъ поклона.

— Что ты за человѣкъ? съ гордою важностью спросилъ Долгоруковъ.

— Граверъ Алексѣй Зубовъ, отвѣчалъ прерывающимся отъ смущенія голосомъ Алексѣй Матѣевичъ; я вырѣзалъ намѣди изображеніе погребенія всемілостивѣйшаго, въ Божѣ опочившаго, Государя Императора Петра Алексѣевича...

— А! важно произнесъ князь: это любопытно; покажи, любезнѣйшій, покажи-ка намъ свое искусство. Да подойди сюда поближе.

Зубовъ дрожащими руками раскрылъ портфель и сталъ осматриваться куда-бы положить гравюры.

— Бумагу-то сюда положи, сказалъ князь, указавъ на столъ.

Алексѣй Матѣевичъ повиновался и, открывъ одинъ экземпляръ, поклонился и отступилъ на шагъ.

— Это еще что? спросилъ князь,

— Это оно и есть, ваше сіятельство.

— А мѣдь-то гдѣ же?

Зубовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на князя.

— Мѣдь у меня дома.

— Такъ что-жь ты ее не принесть съ собой?

— Мѣдь, ваше сіятельство, служить только для производства великаго количества экземпляровъ.

— Такъ что-жь ты говоришь: вырвзаль на мѣди? засмѣявшись сказалъ Долгоруковъ: такъ бы и сказалъ, что дескать изображеніе на бумагѣ!

Счастіе Алексея Матвѣевича убавилось еще нѣсколькими градусами.

— Ахъ! какъ тутъ все естественно представлено! сказала княгиня, занявшаяся уже разсматриваніемъ эстампа.

— Да, да, все хорошо изображено....

— А вотъ и Великій Князь, сказала Прасковья Юрьевна, продолжая внимательно разсматривать гравюру.

— Гдѣ, гдѣ? спросилъ Долгоруковъ: покажи, гдѣ? Тутъ и я долженъ быть.... Вотъ это, кажется, я; но нѣтъ никакого сходства, ни малѣйшаго!

— Ваше сіятельство, возразилъ Зубовъ: въ такихъ малыхъ размѣрахъ невозможно потрафить.... Тутъ только значитъ, какой былъ порядокъ церемоніала.

— Ну, развѣ что такъ! сказалъ Долгоруковъ: а себя ты не нашла, Прасковья Юрьевна?

— Нашла; вотъ я.

Князь продолжалъ утверждать, что въ лицахъ нѣтъ никакого сходства.

— Другъ мой, сказала княгиня, сжалившись надъ плачевной миной бѣднаго гравера: вы слишкомъ строго судите...

— Да, да, отвѣчалъ князь самонадѣльно: ужъ у меня обычай такой.... Я какъ только взгляну, сейчасъ ошибку увижу.

— Чтò касается до меня, то я нахожу, что эта гравировка очень хороша, сказала княгиня.

— Хороша, хороша, нечего сказать! подтвердилъ князь: все это живо.... и такъ, тово.... хорошо, хорошо!

Алексѣй Матвѣевичъ вздохнулъ посвободнѣе.

Князь перевернулъ листъ, другой, третій.

— Что же это? сказалъ онъ: все одно и то же?

— Тутъ нѣсколько экземпляровъ.... сколько заблагоразсудится взять вашему сіятельству, на выборъ.

— Нечто пятокъ взять? какъ ты думаешь, Параша?

— Возьмите, другъ мой; пошлемъ Василью Лукичу....

— И въ самомъ дѣлѣ! Да что ты все чернымъ да чернымъ; ты бы, знаешь, разными колерами намалевалъ, оно бы еще живѣе было.

— Это дѣло не гравера, а живописца, ваше сіятельство, отвѣчалъ Зубовъ.

— А! такъ ты только по черной части? Ну, а по этимъ нельзя ужъ намалевать?

— По этимъ нельзя, ваше сіятельство; но можно отпечатать другіе....

— Приготовь, приготовь. По чемъ же ты берешь за штуку этихъ черныхъ? спросилъ князь.

— Полагаюсь на щедрость вашего сіятельства, отвѣчалъ Зубовъ.

— Ну, ладно; принеси мнѣ еще размазанные, такъ я тебя за все вмѣстѣ заплачу. Продолжай, продолжай стараться... Это хорошее дѣло! Размажуй же мнѣ хорошенько.... Какъ, бишь, твоя фамилія?

— Зубовъ, ваше сіятельство.

— Да, да Зубовъ; пожалуйста хорошенько, всеми колерами.... натуральными.... Ну, собери же остальные.

— Зубовъ, сказала княгиня: ахъ Боже мой, да не тотъ ли ты Зубовъ, про котораго говорила мнѣ Пелагея Ивановна?

— Тотъ самый, ваше сіятельство, отвѣчалъ граверъ съ низкимъ поклономъ.

— Ты живешь на Невѣ, по линіи къ галерному двору?

— Точно такъ, ваше сіятельство; вы изволили взыскать насъ вашею милостію.... мы вѣчно будемъ Богу молиться за васъ!

— Что это такое? спросилъ князь.

— Послѣ расскажу, другъ мой, отвѣчала княгиня. Скоро ли же дочь твоя выйдетъ за-мужъ?

— Кажись, теперь скоро, сказала Зубовъ. Женить вѣдиль въ Симбирскъ, по дѣламъ; да на дняхъ вернулся.

— Ну, поспѣвши, ласково сказала княгиня: приданое у меня готово.

Зубовъ низко поклонился, собралъ гравюры, вложилъ ихъ въ папку и сталъ отступать къ двери.

Тамъ онъ еще разъ низко поклонился,
Княгиня ласково кивнула ему головой.

ГЛАВА III.

Допросъ.

Кто объяснить странныя противоположности нашихъ ощущений? Иногда тайное, тягостное предчувствіе сжимаетъ сердце челоуька передъ ожидающимъ его несчастіемъ; иногда же онъ съ радостнымъ ощущеніемъ пріятнѣйшихъ надеждъ спѣшитъ на встрѣчу обстоятельству, въ которомъ ждутъ его одни огорченія....

Анализировать можно только общія чувстваванія, но въ каждомъ изъ нихъ есть еще столько подразвленій, столько контрастовъ, непостижимыхъ, необъяснимыхъ, что умъ челоуьчскій, этотъ судья сердца, немного сознаетъ свое безсиліе.

Алексій Матвѣевичъ Зубовъ вышелъ изъ дому, полный радостнѣйшихъ надеждъ; онъ возвращался домой огорченный, а между тѣмъ ни малѣйшее предчувствіе не предсказало ему того, что ожидало его....

Въ своемъ садикѣ встрѣтилъ онъ Егора Назарыча, разговаривавшаго съ Маврой Федоровной; Настѣнка показывала свои цвѣты Пелагеѣ Ивановнѣ.

Увидѣвъ купца, Алексій Матвѣевичъ подозвалъ дочь, приказавъ ей отнести папку въ мастерскую, а самъ обнявъ Егора Назарыча и поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Настя! закричала Мисра Седорова владь дочери, вышли ко мнѣ Акулину.

Пелагея Ивановна пошла съ молодою дѣвушкою.

— Что это за большая книга? спросила она: указавъ на папку.

— Ахъ, Пелагея Ивановна, отвѣчала Настенька, вы еще не видали новаго эстампа татяньки? Пойдемте со мною, я покажу вамъ.

Онѣ вошли въ столовую. Настенька развязала тесемки папки и, раскрывъ ее, показала гравюры Пелагеи Ивановны.

Довольно долго любовались онѣ *преизрядными изображениями*, какъ говорила Пелагея Ивановна; вдругъ Настенька вспомнила, что мать приказала ей выслать работницу, и убѣжала въ кухню.

Между тѣмъ Пелагея Ивановна перевернула листъ; на второмъ было изображено то же, что и на первомъ; на третьемъ, четвертомъ, пятомъ—все тоже; она хотѣла уже закрыть папку, какъ между пятымъ и шестымъ экземпляромъ замѣтила неписанный листъ бумаги; онъ лежалъ не прямо, а потому Пелагея Ивановна машинально поправила его; другою рукою закрывала она уже портфель, какъ вдругъ нѣсколько словъ, прочитанныхъ, такъ сказать, нечаянно, возбудили любопытство ея....

Не закрывая папки, продолжала она читать.... читала съ жаднымъ любопытствомъ....

Въ этомъ письмѣ говорилось о какой-то интригѣ противъ князя ижорскаго. Въ числѣ враговъ его главное мѣсто занималъ Девьеръ и нѣсколько сильныхъ вельможъ, какъ видно было изъ содержанія письма.

Въ соседней комнатѣ послышался голосъ Настеньки.

Пелагея Ивановна скоро закрыла папку, и неволью прижала къ ней обѣ руки, какъ бы собираясь защищать свою добычу.

— Понравилось вамъ, Пелагея Ивановна? спросила молодая дѣвушка.

— Какъ же.... какъ же.... отлично.... отвѣчала старушка, стараясь скрыть свое смущеніе.

— А видела вы на артампъ тятиньку и Ивана Захарыча?

— Видѣла, видѣла.

— Постойте, я вамъ покажу еще...

— Не тронь, не тронь! съ живостию вскричала Пелагея Ивановна, крѣпче прижавъ дрожащія руки къ портфелю; но какъ бы раскаявшись въ этомъ невольномъ движеніи, прибавила съ принужденной улыбкой: ужъ я насмотрѣлась.... вдоволь.... все высмотрѣла.... пойдемъ лучше въ садъ.... ступай.... я сейчасъ приду....

— Дайте сперва отнести папку.

— Куда?

— Въ мастерскую.

— Пускай она тутъ останется.... я послѣ еще посмотрю....

— Нѣтъ, тятинька не велитъ тутъ оставлять, отвѣчала Настенька; да вы и тамъ можете послѣ посмотреть.

— Правда твою....

— Постойте я завяжу тесемки....

— Не нужно.... кчему безпрестанно завязывать, да развязывать....

— Ну, пожалуй! Дай же же я снесу.

— Понесемъ вмѣстѣ.

— Я и одна снесу.... вѣдь не тяжело! возразила молодая дѣвушка, засмѣявшись.

Пелагея Ивановна вся дрожала. Она была такъ взволнована, что не могла даже придумать средства, какъ бы удалитъ Настеньку, чтобы завладѣть письмомъ. Не спуская глазъ съ портфеля, послѣдовала она за молодой дѣвушкой въ мастерскую; передложила папку со слишкомъ виднаго, на другое, менѣе видное мѣсто и остановилась возлѣ него на минуту, надѣясь, что Настенька уйдетъ первая.

Но молодая дѣвушка также остановилась.

— Пойдемте же, Пелагея Ивановна, сказала она.

Нечего было дѣлать.

Выйдя изъ мастерской, Пелагея Ивановна рѣшилась принять мѣры, чтобы никто не входилъ туда безъ ея

въдома. Пустивъ Настеньку впередъ, она захлопнула дверь, заперла ее и проворно вынула ключъ.

— Куда вы ключъ берете? сказала Настенька, засмѣвшись.

— Какой ключъ? спросила Пелагея Ивановна, смутившись пуще прежняго.

— Отъ мастерской.

— Ахти! вскричала Пелагея Ивановна, припужденно улыбувшись: экая разсыльная! Я вообразила, что запираю свою каморку.

И эта предосторожность не удалась Пелагее Ивановнѣ; но она все еще не унывала. Письмо половину котораго она прочитала, было такъ важно для нея, что она рѣшилась овладѣть имъ, во что бы то ни стало.

Она вышла опять въ садъ, но находилась въ лихорадочномъ состояніи; на всѣ вопросы отвѣчала не впопадъ и вздрагивала каждый разъ, когда граверъ приближался къ крыльцу. Состояніе это становилось невыносимымъ; чтобы выйти изъ него, Пелагея Ивановна рѣшилась, наконецъ, прямо идти въ мастерскую и выхватить изъ портфеля письмо.

Съ этимъ намѣреніемъ вошла она скорыми шагами на крыльцо и, быстро осмотрѣвшись, замѣтила, что никто не послѣдовалъ за нею.

Въ одну секунду очутилась она у двери мастерской.

— Господи! произнесла она про себя; прости мнѣ мое прегрѣшеніе, но не для себя дѣлаюсь я доносчицей.... они погубили Петрушу.... пускай они же спасутъ его!....

Прошло еще двѣ секунды, и Пелагея Ивановна опять стояла у двери мастерской, но за пазухой у нея было письмо.

Она хотѣла-было идти прямо въ садъ, но почувствовать, что руки ея сильно дрожали, подошла къ окну, выходившему на дворикъ, на которомъ росли березы.

Тамъ Пелагея Ивановна ошупала еще разъ письмо и плотнѣе скрестила косынку на груди.

Окно на дворъ было открыто.

За заборомъ послышались тяжелые шаги по деревян-

нымъ мосткамъ. Два или три человека остановились у воротъ, и Пелагея Ивановна явственно услышала, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вотъ домъ Зубова.

— Ждать здѣсь, что ли? спросилъ другой.

— Ждите, ждите; генераль самъ хотѣлъ быть сейчасъ.

— Ладно.

— Смотрите же, никого не выпускать.

И говорившій удалился.

Сердце Пелагеи Ивановны забилось сильнѣе. Пока она раздумывала о томъ, что бы это могло значить, къ дому подъехала одноколка.

Кто-то выскочилъ изъ нея, переговорилъ съ прежде-прибывшими, и постучался въ калитку.

Старая работница Акулина сошла съ чернаго крыльца, произнесла свое обычное:

— Кого Богъ даетъ? и не торопясь поплелась къ калиткѣ.

Стукъ усилился.

— Иду, иду! проворчала старуха.

Она отворила калитку. На дворъ вошелъ мужчина высокаго роста, въ темнозеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и красными обшлагами. За нимъ слѣдовали два полицейскіе служителя.

— Антонъ Мануйловичъ! неволью вскрикнула Пелагея Ивановна, отскочивъ отъ окна.

Теперь она поняла все дѣло. Съ необыкновенною живостію выхватила она письмо изъ-за пазухи, въбѣжала въ мастерскую и—вернулась въ садъ, прежде нежели Акулина успѣла ввести туда неожиданнаго гостя.

— Настя, шепнула она молодой дѣвушкѣ: коли будутъ спрашивать, не говори, что я смотрѣла эстампы!

— Коли кто будетъ спрашивать?

— Кто бы то ни былъ! Тсъ, ни слова!

Молодая дѣвушка съ изумленіемъ взглянула на Пелагею Ивановну и хотѣла что-то спросить, но въ это самое время изъ узкаго прохода вышелъ человекъ, приз-

явившій въ одноколкѣ. Одинъ полицейскій служитель следовалъ за нимъ, другой остался у калитки.

Алексѣй Матвѣевичъ, узнавъ въ новоприбывшемъ по мундиру полицейскаго офицера поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Ты Зубовъ? спросилъ гость.

— Я, ваше благородіе.

— А это что за люди?

— Вотъ жена моя, вотъ наша пріятельница Пелагея Ивановна...

— Ага! и ты здѣсь, произнесъ полицейскій офицеръ, устремивъ свои черные, пропитательные глаза на гостью.

Но послѣдняя успѣла уже оправиться. Съ пріятной улыбкой поклонилась она офицеру.

— Здѣсь, ваше сіятельство, здѣсь... у добрыхъ людей въ гостяхъ; Алексѣй Матвѣевичъ, Мавра Федоровна, кланяйтесь ниже... къ вамъ пожаловалъ самъ господинъ генераль-полицеймейстеръ!

Въ это время и Егоръ Назарычъ выступилъ впередъ съ низкими поклонами.

— А ты за чѣмъ здѣсь? спросилъ его Девіеръ.

— Домашнія дѣла, ваше сіятельство... въ сродственники вступаю... коли вашей милости непротивно....

— А больше никого въ домъ нѣтъ?

— Никого, ваше сіятельство, отвѣчалъ Зубовъ.

— Акулина, батюшка, еще есть, работница... прибавила Мавра Федоровна; да чай, она вамъ калитку отперла.

— Гдѣ ты былъ сегодня утромъ? спросилъ Девіеръ, опершись на длинную трость и обращаясь къ граверу.

— Гдѣ я былъ? съ изумленіемъ повторилъ послѣдній.

— Да; смотри, отвѣчай безъ утайки.

Всѣ присутствовавшіе съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Пелагея Ивановна удивилась не менѣе, не болѣе другихъ.

Алексѣю Матвѣевичу стало что-то страшно.

— Я былъ, отвѣчалъ онъ: у свѣтѣйшаго князя....

— Смотри, говори по порядку, съ самаго утра! произ-

несъ Девіеръ строгимъ голосомъ, и на лицѣ его вырази-лось безпокойство.

— По порядку, ваше сіятельство? повторилъ нетвердымъ голосомъ Зубовъ.

— Господи Боже мой! Что ты напроказилъ, Алексѣй Матвѣевичъ? съ безпокойствомъ вскричала Мавра Федорова.

— Молчи, не мѣшай! крикнулъ на нее Девіеръ.

— Слышь, молчи, не мѣшай! повторилъ дрожащимъ голосомъ граверъ, обращаясь къ женѣ. Такъ по порядку прикажете рассказывать, ваше сіятельство?

— Да; только смотри, не сбиваться.

— Слушаю, ваше сіятельство.... Я всталъ.... часа-то ужъ я не упомню, ваше сіятельство; только всталъ рано; умылся, ваше сіятельство, надѣлъ чистую сорочку, ваше сіятельство; потомъ хотѣлъ надѣть кафтанъ ореховаго цвѣта, ваше сіятельство, да передумалъ....

— Я тебя спрашиваю, куда ты ходилъ сегодня! нетерпѣливо вскричалъ генералъ-полицеймейстеръ.

— Такъ я жъ сперва такъ и началъ, отвѣчалъ Алексѣй Матвѣевичъ, робѣя болѣе и болѣе. Былъ я у свѣтлѣйшаго князя....

— А прежде?

— Нигдѣ; изъ дому я прямо пошелъ къ нему съ эстампами.

Девіеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Видѣлъ ты князя? спросилъ онъ.

— Не видалъ; его свѣтлость изволилъ приказать своему секретарю принять отъ меня эстампы.

— Дальше.

— Отъ князя я пошелъ къ его сіятельству графу Апраксину.

— Онъ, вѣрно, принялъ тебя? сказалъ Девіеръ изподлобья глядя на гравера.

— Никакъ нѣтъ; его сіятельство въ Кронштадтѣ.

— Такъ, такъ; дальше.

— Отъ графа я понесъ свои эстампы къ князю Долго-

рукову. Его сіятельство принялъ меня, обласкалъ; — и Алексѣй Матвѣевичъ невольно скорчилъ кислую мишу, а потомъ я воротился домой.

— Никуда больше не заходилъ?

— Никуда.

— Ни съ кѣмъ не встрѣтился по дорогѣ?

— Ни съ кѣмъ.

— Говори правду.

— Говорю, ваше сіятельство.

— А какъ пришелъ домой, тогда что? продолжалъ допрашивать Девіеръ.

— Ничего, ваше сіятельство; съ часъ времени толкую съ Егоромъ Назарычѣмъ, отвѣчалъ граверъ.

— А эстампы свои куда дѣвалъ?

— Отдалъ своей дочери, чтобы снесла въ мастерскую.

Настя, ты отнесла ихъ?

— Отнесла тятинька, отвѣчала молодая дѣвушка.

— И никому не показывала ихъ? спросилъ ее Девіеръ.

Настя колебалась.

— Отвѣчай смѣло, не робѣй голубушка, сказалъ Девіеръ.

Пелагея Ивановна закашлялась.

— Никому, отвѣчала молодая дѣвушка едва слышнымъ голосомъ.

— Точно ли? спросилъ опять генераль-полицеймейстеръ.

— Я сама видѣла, ваше сіятельство, поспѣшно отвѣчала Пелагея Ивановна, какъ она снесла ихъ въ мастерскую.

Лицо Девіера прояснилось.

— Слушай, Зубовъ, сказалъ онъ: у его сіятельства, князя Алексѣя Григорьевича, пропала со стола весьма важная бумага. Никто, кромѣ тебя, не входилъ въ кабинетъ. Князь немедленно уведомилъ меня о томъ....

— Ваше сіятельство! съ ужасомъ вскричалъ Алексѣй Матвѣевичъ: чтобъ мнѣ, вотъ сейчасъ, на этомъ мѣстѣ, сквозь землю провалиться, если....

— Постой, постой, перебилъ его Девіеръ: выслушай меня: переговоривъ съ княземъ, я разсудилъ, что ты, можешь

быть, захватилъ нечаянно эту важную бумагу со своими гравюрами....

— Вотъ это можетъ быть! вскричалъ Зубовъ, почувствовавъ, что свинцовая тяжесть спала съ груди его.

— Конечно, это очень можетъ быть, подтвердила Пелагея Ивановна.

— Если жъ она не окажется между эстампами... продолжалъ генераль-полицеймейстеръ.

— Тогда что? спросилъ граверъ, и свинцовая тяжесть опять опустилась на грудь его.

— Тогда... Девиаръ устремилъ суровый взглядъ на Зубова, — тогда ты увидишь, что съ тобой будетъ!

— Господи, Боже мой! съ отчаяніемъ произнесъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— Пойдемъ, покажи мнѣ свой портфель, сказалъ генераль-полицеймейстеръ.

Схватившись обѣими руками за голову, повелъ Зубовъ Девиера въ мастерскую.

Никто изъ оставшихся въ саду не смѣлъ вымолвить слова.

Мавра Федоровна крестилась. Настенька со страхомъ взглянула на Пелагею Ивановну; послѣдняя приложила палецъ ко рту и улыбнулась. Улыбка эта успокоила молодую дѣвушку.

Егоръ Назарычъ вытаращилъ глаза и не спускалъ ихъ съ крыльца.

Изъ-за угла выглядывало равнодушное лицо полнейскаго служителя.

Въ домъ слышались спорые шаги и, почти въ тоже мгновеніе, Алексѣй Матвѣевичъ, забывъ всякое почтеніе къ генераль-полицеймейстеру, перегналъ его, слетѣлъ съ крыльца, споткнулся, и чуть не сшибъ съ ногъ Пелагею Ивановну.

— Нашлась! закричалъ онъ, наконецъ, радостнымъ голосомъ: нашлась, цѣлехонька! только уголокъ былъ немножко загнутъ... такъ и видно, что я захватилъ ее нечаянно! Нашлась, Мавра Федоровна!

И вняв себя от радости Зубовъ бросился на шею женщ.
 ... — Нашлась, Егоръ Назарычъ! Нашлась, Пелагея Ивано-
 вна! Нашлась, Настенька!... Алексій Матвѣевичъ пере-
 цаловалъ встрѣхъ и, если бѣ полицейскій служитель стоялъ
 поближе, то и онъ не забавился бы отъ его объятій.

Вславъ за Зубовымъ вышелъ въ садъ Девиеръ. Онъ ве-
 село улыбался. Общая радость еще болѣе убѣдила его въ
 томъ, что никто не видалъ письма....

— Зубовъ, сказалъ онъ ласково: за страхъ, тебѣ при-
 чищенный, я куплю у тебя десятокъ экземпляровъ твоей
 гравюры....

— Ваше сіятельство, вскричалъ граверъ: не покупайте,
 примите такъ, въ даръ... осчастливьте!

Алексій Матвѣевичъ тотчасъ же вернулся въ мастерскую,
 вынесъ десять гравюръ, свернутыхъ въ трубку, и отдалъ
 ихъ полицейскому служителю.

Когда все успокоилось въ домъ гравера, Настенька, вос-
 пользовавшись удобной минутой, подошла къ Пелагеевъ Ива-
 новнѣ.

— Вы видѣли бумагу? спросила она шопотомъ.

• Пелагея Ивановна утвердительно кивнула головой.

— Смотрите, молчи! сказала она: никому ни слова, а не
 то намъ всѣмъ худо будетъ!

— Неужто?

Пелагея Ивановна кивнула головой.

— А что тамъ написано? съ любопытствомъ спросила мо-
 лодая дѣвушка.

— Все знать будешь, скоро состарѣешься!...

ГЛАВА IV.

И П Т Р И Г Л.

На другой день, на разсвѣтъ, князь Ижорскій выѣхалъ
 изъ Петербурга.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Пелагея Ивановна болѣе ча-
 су просидѣла у Варвары Михайловны Арсеньевой.

Отсутствіе князя ижорскаго ободрило враговъ его. Главою ихъ былъ Девіеръ. Ни дарованный ему чинъ генералъ-лейтенанта, ни графское достоинство, не могли заставить истинтельнаго португальца забыть оскорбленіе. Онъ постоянно старался сближаться съ людьми, втайнѣ ненавидѣвшими князя. Не честолюбивые виды руководили Девіеромъ, а страхъ и ненависть.

Но у князя была покровительница.... женщина, которая подъ видомъ дружбы тайла, быть-можетъ, болѣе нѣжное чувство къ челоуѣку, чудная судьба котораго произвела глубокое впечатлѣніе на поэтическое воображеніе ея....

Эта женщина была Варвара Михайловна Арсеньева.

Въ самый день отъѣзда князя ижорскаго, Пелагея Ивановна рассказала ей сцену у Зубова, и сообщила содержаніе письма, нечаяннымъ образомъ найденнаго ею въ портфель гравера.

Пелагея Ивановна старалась оказать важную услугу князю, чтобы имѣть право требовать отъ него награды.

Нпкогда еще услужливая Пелагея Ивановна не просила вознагражденія за свои труды и хлопоты; въ первый разъ, въ жизнь свою, она была вынуждена къ тому обстоятельствами.

Читатели помнятъ поединокъ Александра Долгорукова съ Бергомъ.

Предъ отъѣздомъ въ Кронштадтъ молодой унтеръ-лейтенантъ написалъ письмо, въ которомъ рассказалъ ссору свою съ княземъ, и просилъ одну изъ сосѣдокъ передать это письмо теткѣ его не ранѣе, какъ въ воскресенье.

Сосѣдка въ точности исполнила возложенное на нее порученіе. Пелагея Ивановна обмерла со страху, прочитавъ письмо; но какъ женщина, вполне практическая, она не предалась отчаянію, и сумѣла даже скрыть отъ сосѣдки свое смущеніе.

Надобно помочь горю,—было первою мыслию ея;—какъ помочь?—вторую, а третья мысль была уже отвѣтомъ на вторую.

Не теряя времени на разсужденія, Пелагея Ивановна отправилась въ адмиралтейство. Тамъ, какъ и вездѣ, были у

ней знакомые, съ помощію которыхъ она надѣялась добратъся до Кронштадта. Пелагея Ивановна узнала, что корабль отправится, но не ранѣе втораго часа по полудни. Хотя каждая минута была дорога, однакожъ надобно было покориться необходимости.

Безвѣтріе замедлило ходъ корабля, и онъ прибылъ въ Кронштадтъ только передъ сумерками. Пелагея Ивановна немедленно принялась искать своего племянника. Его нигдѣ не было, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Угадывая истину, Пелагея Ивановна, со свойственною ей живостью и быстротою соображенія, разсудила открыть все генераль-адмираву. Ей предстояли двѣ крайности: либо предоставить племянника несчастнымъ послѣдствіямъ поединка, либо предать его суду.

Она рѣшилась на послѣднее, въ надеждѣ, что сильное покровительство князя Ижорскаго смягчитъ приговоръ суда.

Но Пелагея Ивановна ошиблась: Бергъ нанесъ довольно опасную рану своему противнику. Долгоруковы, узнавъ все дѣло, были раздражены, и употребляли все средства, чтобы подвергнуть молодаго унтеръ-лейтенанта строжайшему наказанію. Самъ графъ Апраксинъ, недовольный уже Бергомъ, требовалъ наказанія его, когда узналъ, что онъ былъ зачинщикомъ ссоры.

Дѣло было представлено съ такой стороны, что Меншиковъ не захотѣлъ ходатайствовать за молодаго человека, не смотря на всѣ просьбы Варвары Михайловны.

Петръ Бергъ былъ разжалованъ за поединокъ въ матросы. Единственная милость, исходатайствованная ему Меншиковымъ, состояла въ томъ, что его не отослали въ Ревель, а оставили въ Кронштадтѣ.

Рана, полученная Долгоруковымъ, была зачтена ему въ наказаніе.

Несчастіе, постигшее молодаго Берга, глубоко огорчило тетку его; не малаго труда стоило Варварѣ Михайловнѣ успокоить ее обещаніемъ, что князь не замедлитъ предоставить молодому человеку случай отличиться и заслужить се-

бы прощенье. Въ то время ожидали войны съ Давидомъ; въ этой войнѣ Баргъ долженъ былъ снова заслужить общероссий чинъ.

Но время проходило. Слухъ о войнѣ не только не оправдался, но даже начинали поговаривать о томъ, что все кончится миролюбивымъ образомъ.

Пелагея Ивановна грустила, плакала, но не унывала. По прежнему продолжала она навѣщать кинигиню Прасковью Юрьевну, не знавшую близкаго родства ея съ молодой человекомъ, оскорбившимъ брата мужа ея. Пелагея Ивановна терпѣливо выждала, и случай представился. Неудачнымъ образомъ открыла она интригу противъ Меншикова, и на этомъ основала надежду спасенія своего племянника.

Варвара Михайловна была предуведомлена и, въ первую минуту, рѣшилась повѣстать обо всемъ князя; но потомъ раздумала. Опасность была еще не такъ велика, и Варвара Михайловна одна надѣялась отворотить ударъ, угрожавшій Меншикову. Она, съ помощію Пелагеи Ивановны, внимательно слѣдила за дѣйствіями враговъ его.

Последніе дѣйствовали успешно. Прошло не болѣе недели послѣ отъезда князя Ижорскаго, и положеніе многихъ особъ при дворѣ значительно измѣнилось. Преждевременное торжество уже явственно выражалось на лицѣ Девьера.

Положено было отпраздновать блистательнымъ образомъ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ память покойнаго Императора. Лѣтній садъ былъ великолепно убранъ, богатый фейерверкъ приготовленъ, и всѣ напередъ радовались предстоящему веселію, долженствовавшему начаться былое время; но петербургскій климатъ, который, не въ обиду будь ему сказано, за сто лѣтъ до нашего времени былъ немножко похуже нынѣшняго; испортилъ все дѣло.

Вѣтеръ и проливной дождь заставили отложить празднество со вторника на воскресенье, но погода не поправилась, и съ четвертаго іюля празднество было отложено еще на недѣлю, до слѣдующаго воскресенья.

Между тѣмъ князь Ижорскій дѣйствовалъ весьма неуспѣшно въ Курляндіи. Возвратившись втораго іюля изъ Митавы

въ Ригу, онъ приказалъ генералу Бону выступить изъ Лие-
диди въ Курляндію, съ нѣсколькими полками.

Враги князя Ижорскаго не замедлили воспользоваться
этимъ случаемъ. Они представили Еккатеринѣ пагубныя по-
слѣдствія, могущія произойти отъ решительныхъ мѣръ,
принятыхъ княземъ.

Указъ арестовать князя на возвратномъ пути его изъ Кур-
ляндіи, былъ написанъ.

Враги торжествовали.

Ягужинскій поспѣшилъ передать новость княгинѣ Мен-
шиковой. Дарья Михайловна пришла въ отчаяніе и, со сле-
зами на глазахъ, поспѣшила къ сестрѣ, попросивъ Ягу-
жинскаго послѣдовать за нею.

Барбара Михайловна Арсеньева очень спокойно выслуша-
ла сестру.

— Кто вамъ сообщилъ эту новость? спросила она Ягу-
жинскаго.

— Графъ Бассевичъ.

— Графъ Бассевичъ! повторила Барбара Михайловна: а
онъ отъ кого узналъ?

— Некаякъ слово, сказанныхъ герцогомъ голштин-
скимъ, открыли ему эту тайну.

— Какъ! Герцогу все известно, и онъ не встаетъ за
Александра Даниловича?... вскричала Барбара Михайловна.

Ягужинскій помялъ плечами.

— Боже мой, Боже мой! мы погибли! съ отчаяніемъ, вскри-
чала Дарья Михайловна.

— О, теперь я все понимаю! произнесла тихимъ голосомъ
Барбара Михайловна.

— Графъ, ради Бога, помогите намъ, говорила умолю-
ющимъ голосомъ княгиня: посоветуйте, что намъ дѣлать!

— Мнѣ кажется, сказалъ Ягужинскій, что прежде всего
должно отправить къ князю нарочнаго и просить его, что-
бы онъ не медля ни минуты, вернулся въ Петербургъ; одно
присутствіе его можетъ отворотить ударъ....

— Но не будетъ ли поздно? спросила княгиня.

— Никъ, не будетъ поздно! вскричала Барбара Михайлов-

на, послѣ минутнаго размышленія: если нарочный будетъ отправленъ сегодня же, то чрезъ восемь дней Александръ Даниловичъ можетъ быть здѣсь; а до тѣхъ поръ мы можемъ запутать двѣ противниковъ....

— Но мы не знаемъ ихъ! вскричалъ Ягужинскій.

— Я знаю ихъ! отвѣчала Варвара Михайловна, гордо поднимая голову. Глаза ея сверкали.

Ягужинскій съ изумленіемъ посмотрѣвъ на Варвару Михайловну.

— Графы! продолжала она рѣшительно: отправьте нарочнаго сегодня же; но человѣка надежнаго, преданнаго вамъ....

— И главное, вскричала княгиня: скройте отъ Бассевича, что вы сообщили намъ....

— Напротивъ, перебила ее Варвара Михайловна: скажите Бассевичу, что мы все знаемъ....

— Помилуй, сестра!

— Скажите ему, спокойно продолжала Варвара Михайловна: что князь извѣщенъ обо всемъ, и что мы ждемъ его съ часу на часъ....

— А! понимаю, сказалъ Ягужинскій, почтительно поклонившись Варварѣ Михайловнѣ.

— Просите Бассевича, чтобы онъ убѣдилъ герцога вступить за Александра Даниловича. Это весьма важно, Павелъ Ивановичъ; отъ того, что отвѣтитъ вамъ Бассевичъ, зависитъ успѣхъ всего дѣла, а потому прошу васъ захватить сюда тотчасъ послѣ вашего разговора съ министромъ герцога голштинскаго.

— Я исполню все въ точности, отвѣчалъ Ягужинскій.

— Я не смѣла бы обратиться къ вамъ, еслибъ не была увѣрена въ искренней привязанности вашей къ Александру Даниловичу, сказала Варвара Михайловна: вы одни можете спасти князя.

Ягужинскій раскланялся и уѣхалъ.

Оставшись одна съ сестрой, княгиня Меншикова опять заплакала.

— Боже мой! говорила она: отврати отъ насъ ударъ, угро-

жающей намъ.... помилуй и спаси насъ!... Сестра! прибавила она: увѣрена ли ты въ томъ, что Ягужинскій можетъ спасти князя?

Варвара Михайловна улыбнулась.

— Ягужинскій—благородный и умный человекъ, но его помощь въ настоящемъ случаѣ незначительна.... Мы сами спасемъ князя!

— Но какимъ образомъ, Боже мой!

— Я сама еще не знаю; но надѣюсь, что Господь поможетъ намъ... Прежде всего должно напасть на врага со всѣхъ сторонъ, смутить его, а потомъ нанести рѣшительный ударъ... Но для этого надобно подумать, сообразить....

Увѣренность Варвары Михайловны успокоила нѣсколько княгиню, а когда она удалась, сестра ее долго и задумчиво глядела ей вслѣдъ; потомъ гордо подняла голову и произнесла тихимъ голосомъ:

— Я одна спасу князя!...

И улыбка сознанія собственного достоинства появилась на мигу на блѣдномъ, худощавомъ лицѣ ея....

Варвара Михайловна позвонила.

— Послать сейчасъ за Пелагеей Ивановной, сказала она вошедшей горничной дѣвушкѣ.

Потомъ Варвара Михайловна прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣла въ кресло и задумалась.

ГЛАВА V.

АССАМБЛЕЯ.

Наконецъ погода сжалась надъ петербургскими жителями, нетерпѣливо ожидавшими обѣщаннаго праздника, и въ воскресенье, одиннадцатаго іюля, солнце возшло свѣлое, лучезарное.

Съ самаго утра къ угламъ домовъ были прибиты объявленія, возвѣщавшія жителямъ столицы, что вечеромъ, въ Лѣт-

нсмъ Саду, нмѣть быть ассамблея, на которую приглашались всѣ *порядочно-одѣтые* люди.

Порядочно-одѣтыми назывались всѣ, брившіе бороду и носившіе *нѣмецкое* платье.

Съ самаго полудня, на набережной толпился народъ, зѣвавшій на приготовленія къ фейерверку, въеззенному на середину Невы на плоскодонныхъ судахъ, около которыхъ шныряли по всѣмъ направленіямъ лодки разныхъ формъ и величинъ; на однихъ носовая часть была сдѣлана въ видѣ лебедя; на другихъ красовался уродливый Нептунъ съ трезубцомъ въ рукахъ; третьи были выкрашены разными красками; четвертые убраны зеленью и цвѣтами.

Въ четыре часа картина оживилась еще болѣе. На набережной была давка; Нева, передъ Лѣтнимъ Садамъ, покрывалась безчисленными множествомъ мелкихъ судовъ, и яркое, июльское солнце бросало золотистые лучи на пеструю толпу и на синія струи, волнуемыя только веслами удалыхъ прѣбцовъ.

Въ это же время лодки стали приставать къ берегу, нѣсколько наискось отъ Лѣтнаго Сада. Полицейскіе служители наблюдали за порядкомъ у пристани и прочищали дорогу выходившимъ на берегъ.

Изъ шлюбки, принадлежавшей, повидимому, бѣднику, воспользовавшемуся праздникомъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба, вышло на берегъ нѣсколько челоуѣкъ. Между ними была женщина среднихъ лѣтъ, разодѣтая впухъ.

Изъ-подъ чепца странной формы падали по обѣимъ сторонамъ лица ея два локона, жесткіе, неподвижные, будто выточенные изъ дерева. Шелковое платье, свѣтлозеленаго цвѣта, съ огромными пестрыми узорами, начиналось отъ самой шеи, украшенной ожерельемъ изъ крупнаго жемчуга, обрисовывало круглыя плечи, прикрытыя кружевнымъ воротникомъ, обхватывало мотную талию и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, раздувалось во всѣ стороны, топырилось на упругихъ фижахъ. Изъ-подъ платья выказывались ноги, обутыя въ остроносые башмаки, на высокихъ, красныхъ каблукъ.

Это была Пелагея Ивановна, во всем блеск своего лучшшаго, праздничнаго наряда. Она походила на одну из бронзовых колокольчиковъ, употребляемыхъ нынѣ на письменныхъ столахъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась и всмотрѣлась.

Казалось, весь Петербургъ собрался на набережной и на Невѣ. Тихій говоръ народа сливался въ общій гулъ, прерываемый то веселымъ смѣхомъ, то громогласнымъ восклицаніемъ грознаго блестящаго порадки.

Пока Пелагея Ивановна осматривалась, къ ней подошелъ мужчина въ коричневомъ, плисовомъ, саксонскомъ кафтанѣ, такихъ же штанахъ, и въ бѣломъ шелковомъ жилетѣ, украшенномъ шитьемъ изъ золотыхъ и серебряныхъ блестокъ.

Пелагея Ивановна узнала Земцова, со странными ужимками кланявшася ей, и, жемаясь, отвѣчала на поклонъ его. Дома или въ будни, они привѣтствовали бы другъ друга за-просто, какъ довольно короткіе знакомые, но при народѣ и въ нарядѣ надобно было соблюсти церемональность.

— Какъ изволите обрѣтаться въ вашемъ драгоценномъ зданіи? спросилъ Земцовъ.

— Довольно изрядно; только жаркота большущая, отвѣчала Пелагея Ивановна, внезапно развернувъ предъ самымъ носомъ сосѣда, бессмысленно глязѣвшимъ на нее, огрѣнное опахало, точно навииній хвостъ.

— Только бы дождаться рефракшментовъ.

— Да-съ, и феверка, отвѣчала Пелагея Ивановна, не понимая послѣдняго слова Земцова. А который теперь часъ?

Архитекторъ важно отогнулъ одинъ край длиннаго жилета и вытащилъ изъ кармана объемистые, серебряные часы, походившіе на луковицу. Посмотрѣвъ довольно долго на циферблатъ, онъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ изъ адмиральства раздался пушечный выстрѣлъ.

— Гм! проварчалъ Земцовъ, мои куранты отстаютъ; на нихъ не хатаеть еще шести минутъ до пяти часовъ.

Вслѣдъ за пушечнымъ выстрѣломъ, по всѣмъ умномъ по-

слышался барабанный бой, и въ то же время на Лѣтнемъ дворцѣ, въ адмиралтействѣ и въ крѣпости были подняты флаги.

Радостный гулъ пронесся по воздуху, толпа заколыхалась, всѣ лодки направились къ пристани, полицейскіе офицеры и служители засуетились; рѣшетчатая дверь въ садъ отворилась, по сторонамъ ея встали рослые сержанты и, по данному знаку, толпа длинной вереницей потянулась по деревянной мостовой.

— Угодно вамъ принять мою компанію? спросилъ Земцовъ Пелагею Ивановну.

— Весьма благодарствую, коли вамъ непротивно будетъ подождать.

— Зачѣмъ ждать? я проведу васъ....

— Зваю, Иванъ Захарычъ, но мнѣ есть надобность ждать....

— А коли такъ, то и я попрежнему.

Между тѣмъ народъ продолжалъ пробираться въ садъ, въ которомъ раздались уже звуки веселой музыки. Пелагея Ивановна осматривалась по сторонамъ, а услужливый кавалеръ начиналъ уже раскаяваться въ сдѣланномъ ей предложеніи. Онъ никакъ не могъ понять, что удерживало Пелагею Ивановну; но вдругъ она схватила его за руку и шепнула съ живостію:

— Вотъ сейчасъ и мы войдемъ.

Въ то же мгновеніе громкія восклицанія заставили Ивана Захарыча оглянуться.

— Сторонись, сторонись! кричали слуги въ богатыхъ цвѣтныхъ ливреяхъ, прочищая дорогу и становясь въ недалеющемъ разстояніи другъ отъ друга, по сторонамъ прохода, прочищеннаго ими въ толпѣ.

Минуту спустя, на берегъ вышла Варвара Михайловна Арсеньева и вступила въ проходъ. Она, по обыкновенію своему, была одѣта въ бѣлое платье безъ шлейфа и безъ всякихъ украшеній; только крупный брилліантъ на шеѣ служилъ запонкой драгоцѣнному кружевному воротнику, складками ниспадавшему на неровныя плечи ея.

За Арсеньевой слѣдовали два пажа, и едва послѣдніе поровнялись съ Пелагеей Ивановной, какъ она ловкимъ движеніемъ пробилась въ проходъ прежде нежели толпа успѣла замкнуться.

Иванъ Захаровичъ слѣдовалъ за нею.

Въ недалекомъ разстояніи отъ рѣшетки находились, на самомъ берегу Невы, три галереи, вокругъ которыхъ наиболѣе толпился средній народъ, съ любопытствомъ изучая *маншры* лучшаго общества, которому входъ въ галереи былъ дозволенъ.

Въ двухъ боковыхъ галереяхъ собирались мужчины, въ средней дамы и знатнѣйшіе придворные чины. Въ послѣдней находилась уже вся императорская фамилія, и Арсеньева пошла прямо туда.

Всѣ придворные съ изумленіемъ замѣтили, что княгиня Меншикова, нѣсколько времени уже не появлявшаяся при дворѣ, въ этотъ день почти не отходила отъ Императрицы.

Барвара Михайловна какъ бы рассчитала время, въ которое ей можно будетъ явиться. Въ ту самую минуту, когда она вошла, Императрица чрезвычайно милостиво разговаривала съ сестрой ея. Появленіе Арсеньевой, привязанность которой къ Меншикову была вѣсьмъ извѣстна, произвело нѣкоторое волненіе въ толпѣ придворныхъ.

Почтительно поклонилась она Императрицѣ и Царевнамъ. Елисавета Петровна, взявшая на себя, въ этотъ день, по волѣ своей Матери, обязанность хозяйки, ласково встрѣтила Арсеньеву и поднесла ей чарку меду; Императрица знакомъ подозвала къ себѣ Варвару Михайловну, и приказала ей сѣсть возлѣ себя.

Умная женщина умѣла оживить бесѣду, и вскорѣ Екатерина стала весело и громко смѣяться, невольно увлеченная живымъ разговоромъ Варвары Михайловны.

Между тѣмъ Земцовъ со своей дамой обошли галереи. Отъ каждой пѣзъ нихъ тянулась длинная, широкая аллея.

Пелагея Ивановна поворотила на среднюю.

Земцовъ важно выступалъ впередъ, гордясь своею дамой,

на щекахъ которой пуше обыкновеннаго развигрался румянецъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ молча, онъ наконецъ наклонился къ ней и спросилъ:

— Можно ли мнѣ теперь, не нарушая респекта, спросить васъ, на какой конецъ вы приваляли мнѣ явиться сегодня сюда?

Пелагея Ивановна стыдливо опустила глаза.

— Побойте маленько, после скажу, отвѣчала она тихимъ голосомъ.

Иванъ Захарычъ провелъ языкомъ по губамъ и самодовольно улыбулся.

Больше, нежели когда либо, бросалось ему въ глаза пышныя, роскошныя формы Пелагеи Ивановны; она была совершенно подѣ-стать видному, красивому Ивану Захарычу.

Парочка вступила на первую, дамскую площадку, уставленную столами и скамьями. На столахъ были приготовлены разные напитки и сахарныя закуски для дамъ.

— Не прикажете ли какого рефрашисменту? спросилъ Земцовъ.

Пелагея Ивановна пожеманилась, потомъ подошла къ одному столу, выпила чарку меду, отвѣдала брусничнаго варенья и, взявъ кусочикъ коломенской пастилы, вернулась къ архитектору, почтительно остановившемуся возлѣ мраморной статуи.

Они пошли далѣе. Пелагея Ивановна жевала пастилу, а Иванъ Захарычъ безпрестанно откашливался, не зная о чемъ говорить. Такимъ образомъ, дошли они до обширной площадки, по срединѣ которой были два фонтана.

Тутъ гремѣла музыка, и подѣ звуки ея молодые и старые отплясывали англійскій танецъ, прыгая въ тактъ и не въ тактъ. Поѣзжавъ на танцовавшихъ, Пелагея Ивановна поворотила въ боковую аллею. Земцовъ опять послѣдовалъ за нею. Роль кавалера начинала уже надоедать ему. Съ завистію поглядывалъ онъ на другихъ мужчинъ, собиравшихся вокругъ столовъ, въ боковыхъ аллеяхъ, и весело принимавшихся за манетки, трубки и шапки.

Наконец они очутились у дубовой рощицы, находившейся перед дворцом. Там было мало народа.

— Иванъ Захарычъ, сказала Пелагея Ивановна, остановившись.

— Что прикажете?

— Хотите ли вы оказать мнѣ большую услугу?

— Съ мной удовольствіемъ.

— Только, чуръ, не проговоритесь....

— Буду нѣмъ какъ рыбаца, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, и еще разъ провелъ языкомъ по губамъ.

— Вѣрю, Иванъ Захарычъ; потому-то я и обратилась къ вамъ.

— Неушто только потому? спросилъ Земцовъ, нѣжно улыбнувшись.

— Перестаньте, сказала Пелагея Ивановна, опустивъ глаза: на насъ смотреть.

— Извините, больше не буду, сказала Земцовъ, принявъ серьезный видъ.

— Видите ли вы площадку? продолжала Пелагея Ивановна.

— Которую?

— Вонъ ту, на лѣво.

— Вижу.

— Ступайте туда.

— Ну-съ?

— И останьтесь тамъ....

Иванъ Захарычъ вытаращилъ глаза.

— Чтобы я могла найти васъ, когда вы будете мнѣ нужны, прибавила Пелагея Ивановна.

Земцовъ лукаво улыбулся.

— Смотрите, не уходите.

— Не уйду-съ; какъ прикованный, сяду на одномъ мѣстѣ.

— И будете слушаться?

— Какъ шклафъ!

— Какъ кто?

— Какъ шклафъ, сиречь преданный человекъ.

— И коли я прикажу вамъ что дѣлать, такъ не спрашивайте зачѣмъ, а исполняйте.

— Земцовъ немножко задумался.

— А какого рода будутъ ваши приказанія? спросилъ онъ.

— Вотъ вы ужъ и спрашиваете!

— Не прогнѣвайтесь, но осмѣлюсь доложить, что дѣло довольно казусное.... Вы, примѣрно сказать, прикажете мнѣ въ прудъ броситься....

— Не бойтесь.

— Или набуянить прикажете?

— Напротивъ, я прикажу вамъ поступать, какъ можно тише, осторожноѣе.

Земцовъ почесалъ лобъ.

— Извольте видѣть, сказалъ онъ: тихо и осторожно можно запустить лапу въ чужой карманъ....

Пелагея Ивановна сердито отвернулась. Архитекторъ спохватился.

— Позвольте, позвольте, сказалъ онъ поспѣшно: вѣдь это я только примѣрно.... не въ обиду вамъ.... Не гнѣвайтесь, пожалуйста....

— Послушайте, Иванъ Захарычъ, сказала Пелагея Ивановна: какъ Богъ святъ, я не потребую отъ васъ ничего дурнаго.... вѣрите ли вы теперь?

Земцовъ помолчалъ нѣсколько секундъ.

— Ну, вѣрю! сказалъ онъ, наконецъ.

— И соглашаетесь исполнять все, что я вамъ прикажу?

— Извольте, такъ и быть.

— Честное слово?

— Наичестнѣйшее.

— Такъ до свиданія!

— Мое почтеніе!

Пелагея Ивановна скоро удалилась, а Земцовъ простоялъ еще съ минуту на одномъ мѣстѣ.

— Лукавый ея знаетъ, что она затѣяла, проворчалъ онъ про себя: говорить, что доброе, а кто порука?... Не убраться ли мнѣ лучше по-доброму, по-здорову? А то еще, пожалуй,

въ такую кашу попадешь, что и самъ не радъ будешь.... Нѣтъ, нельзя.... дакъ слово.... Желалъ бы я знать.... гм!... посмотримъ, посмотримъ, что-то будетъ.... Коли дѣло дрянъ выйдетъ, такъ вѣдь я и лыжи наострю.... А баба славная!... Увидимъ что-то будетъ....

Разсуждая такимъ образомъ, Иванъ Захарычъ дошелъ до площадки, указанной ему Пелагеей Ивановной, взялъ со стола бѣлую глиняную трубку, набилъ ее голландскимъ табакомъ, закурилъ, и подсѣлъ къ шашечному столику, у котораго завязалась уже партія.

Дама же его прошла нѣсколько шаговъ, скоро поворотила въ боковую аллею и тамъ остановилась, обративъ все свое вниманіе на приближавшуюся группу.

Давъ пройти приближавшимся, Пелагея Ивановна послѣдовала за ними, въ некоторомъ отдаленіи.

ГЛАВА VI.

Прогулка.

Вотъ что между тѣмъ происходило въ средней галерей.

Въ то самое время, когда новая шутка Арсеневой заставила Императрицу громко засмѣяться, вошелъ Девиеръ.

Быстрымъ взоромъ окинулъ онъ присутствующихъ, и досада выразилась на смугломъ лицѣ его, когда онъ увидѣлъ, что по сторонамъ Императрицы сидѣли княгиня Меншикова и сестра ея. Смѣхъ Екатерины еще болѣе раздражалъ его, но, скрывъ досаду, онъ пошелъ прямо къ Государынѣ.

— Ваше Величество, сказалъ онъ, почтительно поклонившись: и праздникъ будетъ не въ праздникъ, коли ваши вѣрные подданные не удостоятся узрѣть васъ, Государыня.... Всѣ съ сердечнымъ нетерпѣніемъ ждутъ появленія Вашего Величества....

Теплая, радостная улыбка остыла, такъ сказать, на лицѣ Императрицы.

Появленіе Девиера напомнило ей Меншикова....

Екатерина скоро встала и, не сказавъ ни слова думъ сестрамъ, пошла къ герцогу голштинскому, разговаривавшему въ это время съ Цесаревичами.

Невольная грусть выразилась на лицѣ княгини Меншиковой.

Едва замѣтная улыбка промелькнула на устахъ Варвары Михайловны. Она уже угадала, что гонецъ Императрицы на Меншикова былъ принужденный.

Быстрымъ движеніемъ она пожала руку сестры и съ приятной улыбкой присоединилась къ придворнымъ, готовившимся следовать за Государыней въ прогулку ея по саду.

Вездѣ встрѣчали Государыню съ радостными изъявленіями привязанности.

Екатерина останавливалась у танцующихъ, у музыкантовъ, ласково бесѣдовала съ нѣкоторыми знакомыми ей лицами, уговаривала всѣхъ быть веселыми, и такимъ образомъ обошла весь садъ. По одну сторону ея шелъ герцогъ голштинскій, а по другую Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и тотъ и другой старались занимать Государыню.

По собственному ли желанію, или по чьему-либо убѣжденію, Екатерина послѣ прогулки удалась во дворецъ, чтобы отдохнуть, предоставивъ сопровождавшихъ ее придворнымъ остаться въ саду.

По удаленіи Императрицы, нѣкоторые изъ придворныхъ разошлись попарно въ разныя стороны. Оставшіяся, человекъ десять, простояли минуту въ нерешимости.

— Черезъ часъ начнутся танцы въ галереяхъ, сказала герцогиня голштинская: прогулка по саду нѣсколько утомила меня.... Гдѣ бы намъ отдохнуть?

— Не угодно ли Вашему Высочеству идти во дворецъ? спросилъ графъ Толстѣй.

— Нѣтъ, погода такъ прелестна, что мнѣ хочется остаться на чистомъ воздухѣ, отвѣчала герцогиня.

— Пойдемте къ прудамъ....

— Или въ галерею....

— Останемтесь здѣсь, у дубовой рошцы.

— Или къ музыкантамъ....

— Къ танцующимъ..

Каждый предлагалъ то, что ему самому нравилось.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила герцогиня: тамъ слишкомъ шумно.... Нѣтъ ли вѣста уединенные....

— Пойдите къ *Езону*, произнесла Варвара Михайловна.

Предложеніе это, сдѣланное горбатою Арсеньевой, было такъ забавно, что за нимъ послѣдовало минутное молчаніе; все присутствовавшіе старались удержаться отъ смѣха.

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдите туда, сказала наконецъ герцогиня, улыбаясь.

Анна Петровна и вслѣдъ за нею придворные направили шаги къ тѣнистой аллеѣ.

Арсеньева отстала немножко, оглянулась, кивнула кому-то головой и потомъ догнала общество.

Въ тоже время женщина, въ яркозеленомъ, шелковомъ платьѣ, повернула въ другую сторону къ площадкѣ, на которой находился *Иванъ Захарычъ*.

Почтенный архитекторъ волько-что закурилъ вторую трубку и добился кружки пива. Садясь опять поближе къ играющимъ въ шашки, онъ котвъ поднести кружку ко рту, какъ почувствовалъ, что кто-то коснулся плеча его.

Онъ быстро оглянулся. За нимъ стояла *Пелагея Ивановна*.

— Пойдемте, сказала она ему тихимъ голосомъ.

Земцовъ положилъ трубку, вѣставилъ кружку, не отвѣдавъ пѣнистаго пива, подавилъ вздохъ, подымавшійся изъ глубины груди его, всталъ и отошелъ съ *Пелагеей Ивановной*.

— Что? начинаете? спросилъ онъ ее.

— Начинается.

— Ну, увидимъ, что-то будетъ, проворчалъ *Иванъ Захарычъ*.

И оба пошли направо отъ площадки, но направленно къ *Фонтанамъ*.

На концѣ тѣнистой аллеи, въ которую вступили герцогиня и придворные, возвышалась свинцовая, вызолоченная статуя *Езона*, въ человѣческой ростъ.

Насмѣшливо поглядывали придворные на вышуклый горбъ древняго баснослова и на Варвару Михайловну; до послѣдняя не выказывала ни досады, ни смущенія; съ прежнею любезностію поддерживала она разговоръ, начинавшій терять прежнюю живость, въ слѣдствіе тайныхъ, насмѣшливыхъ разсужденій, вызванныхъ сравненіемъ горбовъ.

За статуей Езопа была довольно обширная площадка съ дорожками, въ видѣ лабиринта, отдѣленными шпалерникомъ, вышиною въ сажень. По угламъ изгибовъ лабиринта стояли свинцовыя, вызолоченныя статуи, представляющія каждая одну пзъ эзоповыхъ басенъ. Фигуры животныхъ были все въ настоящую величину, и изъ каждой, соответственно положенію ея, былъ красивый фонтанъ; вода падала въ маленькіе бассейны, обложенные мохомъ и окаменѣлыми раковинами.

Съ правой стороны каждой статуи былъ вбитъ столбъ, къ которому была прикрѣплена жестяная доска, съ объясненіемъ басни, написанной четкимъ шрифтомъ.

Наконецъ, на другомъ концѣ лабиринта, противоположномъ статуѣ Езопа, находился гротъ, обложенный снаружи грубыми, неотесанными камешками, а внутри раковинами.

Вся же площадка была окружена высокими деревьями, бросавшими на нее прохладную тѣнь.

На скамьяхъ, разставленныхъ передъ гротомъ, усѣлись герцогиня, Цесаревна Елисавета и все придворные.

— Какъ здѣсь пріятно! сказала герцогиня.

И вслѣдъ за нею многіе изъ придворныхъ стали восхищаться прелестію мѣста.

— Я не удивляюсь болѣе предпочтенію, оказываемому Варварою Михайловною этому мѣсту, сказалъ Нарышкинъ.

— Да, сказала Арсеньева: я люблю въ выборахъ своихъ соединять пріятное съ полезнымъ.

— Это свойство избранныхъ умовъ, насмѣшливо возразилъ Нарышкинъ: но соединеніе это не всегда возможно; мы очень часто видимъ, прибавилъ онъ, пристально смотря на Варвару Михайловну, что полезному не достаетъ пріятнаго....

— Справедливо, отвѣчала Арсеньева, улыбаясь: но иногда бываетъ и наоборотъ; иной человѣкъ, скользящій очень мило и развязно на гладкомъ паркеть, спотыкается на шероховатой дорогѣ службы...

Варвара Михайловна произнесла этотъ прямой намекъ такъ спокойно и съ такою любезностью, что Нарышкинъ, скрывъ досаду, счелъ за благоразумнѣйшее громко засмѣяться. Вслѣдъ за нимъ засмѣялись и всѣ присутствовавшіе.

— Но вы забыли еще одинъ случай, сказалъ графъ Толстой.

— Какой? спросила Арсеньева, наклонившись нѣсколько впередъ и такимъ образомъ открывъ свой горбъ.

— Иногда неприятное, отвѣчалъ графъ, бросивъ быстрый взглядъ на горбъ Варвары Михайловны: бываетъ совершенно безполезно.

— Этого случая я не признаю, возразила Арсеньева.

Нѣсколько человѣкъ возстали противъ ея мнѣнія.

— Слѣдовательно зло необходимо, сказала герцогиня.

— Пути Господа неисповѣдны, отвѣчала Варвара Михайловна торжественнымъ голосомъ.

— Если зло необходимо, возразилъ смѣясь Толстой: такъ нѣзачѣмъ и стараться отвращать его.

— Это другое дѣло, Петръ Андреевичъ; открытое зло служить иногда къ отклоненію другаго, тайнаго зла.... Если, напримѣръ, меня кто-нибудь оскорбятъ, то я буду остерегаться этого человѣка и приму мѣры, чтобы онъ не нанесъ мнѣ большаго вреда....

Варвара Михайловна произнесла послѣднія слова такъ выразительно, что Толстой съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Этотъ примѣръ не убѣдительно, сказала одна изъ придворныхъ дамъ.

— Конечно, прибавила герцогиня: оскорбленіе можетъ быть нанесено въ порывѣ минутнаго гнѣва....

— Или по внушенію недоброжелателей.... сказала Варвара Михайловна, съ удареніемъ на предпоследнемъ словѣ.

— Ну, да, или по чьему-либо внушенію, продолжала герц.

К. IV. — Отд. III.

догня, не понимая настоящего смысла словъ Арсеньевой стало бѣгать тутъ нечего опасаться большого зла...

— Такъ, Ваше Высочество; если оскорбившій оиомят-ся и сознается, что поступилъ несправедливо, быяши удовле-ченъ минутнымъ порывомъ или какими-либо наущеніями....

Нарышкинъ и Толстой съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Наущеніямъ поддаются только люди слабодушные, безхарактерные, произнесъ въ это время за Варварой Ми-хайловной громкій голосъ.

Всѣ оглянулись. Никто не замѣтилъ какъ и когда подо-шелъ генералъ-полицеймейстеръ, а онъ уже нѣсколько вре-мени прислушивался къ разговору.

— Человекъ же твердый и благородный, продолжалъ Де-вьеръ: дѣйствуетъ по собственному произволу, и только при-бѣгаетъ иногда къ опытнымъ совѣтамъ искренно предан-ныхъ ему людей....

— Благодарю, Антою Мануиловичъ, сказала Арсеньева съ пріятной улыбкой: вы во-время подошли ко мнѣ на по-мощь, и поддержали мое мнѣніе самымъ остроумнымъ об-разомъ. Видите ли, Ваше Высочество, продолжала она, об-ращаясь къ герцогинѣ: умъ хорошъ, а два лучше. Я готова уже была сознаться, что примѣръ, представленный мною графу Петру Андреевичу, не хорошъ; а между тѣмъ Антою Мануиловичъ открылъ настоящую сторону его, доказавъ, что предосторожность необходима, какъ бы ни было наце-лено оскорбленіе, съ намѣреніемъ или по малодушію....

— Стало быть вы согласны съ тѣмъ, сказалъ Девьеръ прикусивъ губу: что оскорбленіе остается оскорбленіемъ, какъ бы оно ни было нанесено?

— О, вашъ вопросъ даетъ совсѣмъ другое направленіе на-шему разговору, отвѣчала Арсеньева засмѣявшись.

— Все равно, сказалъ Толстой: и мнѣ любопытно знать ваше мнѣніе....

— Благодаренія могутъ заставить забыть оскорбленія, серьёзно отвѣчала Варвара Михайловна,

— Я съ этимъ совершенно согласна! вскричала герцогин-

ств. Благодарение, оказанное оскорбленному, есть изъяснительный образъ скрытое сознание оскорбителя въ своей несправедливости.

— На что называете вы благодареніями? гордо спросилъ Нарышкинъ.

— О, Александръ Львовичъ, подобныя вопросы завлекутъ насъ въ безконечный и скучный диспутъ, отвѣчала Варвара Михайловна. Не желаніе ваше, господа, знать мое мнѣніе, весьма льститъ моему самолюбію, продолжала она, обращаясь къ Толстому и Девіеру: я и считаю прилично обязанностию отвѣчать вамъ, какъ умно.... Вы, какъ мужчины, лучше меня должны знать, что оскорбленія снести можно, но и отвѣчать на него можно только въ такомъ случаѣ, если у обиженнаго довольно силы; въ противномъ же случаѣ отвѣтъ есть зло, потому-что неминуемо влечетъ за собою новую бѣду, то есть новое оскорбленіе.... пошла ли вы меня, Антонъ Мануиловичъ?

Эта перестрѣлка была занимательна только для немногихъ, понимавшихъ скрытый смыслъ ея; изъ которыхъ нѣкоторые изъ придворныхъ дамъ стали уже разговаривать между собою; герцогиня голштинская извнула.

— Довольно, довольно! Оставьте этотъ разговоръ; я слышу и слышу что оскорбленіе, да оскорбленіе, сказала она.

— Да, вскричала Нарышкинъ засмѣявшись, Варвара Михайловна наговорила намъ дѣлую кучу оскорбленій!

Шутка эта разсмѣшила всѣхъ придворныхъ. Только Девіеръ остался холоденъ.

Между тѣмъ праздникъ оживлялся болѣе и болѣе. Музыка гремѣла въ разныхъ мѣстахъ; вездѣ слышались радостные крики.

— Все сегодня напоминаетъ мнѣ бывшее время, задумчиво промолвила Елисавета Петровна; мнѣ безпрестанно кажется, что вдругъ между нами появился батюшка и ласковымъ словомъ оживить бесѣду....

— Да, для довершенія общей радости, недостаетъ его, со вздохомъ сказала Анна Петровна.

— Александръ Даниловичъ могъ бы своимъ присутствіемъ придать болѣе жизни празднеству, смѣло сказала Варвара Михайловна: но и его нѣтъ!

— Ахъ, скажите, скоро ли вернется князь Ижорскій? спросила одна изъ придворныхъ дамъ.

— Не знаю, отвѣчала Дарья Михайловна: но, вѣроятно, еще не скоро.

— Я даже думаю, что онъ совсѣмъ не вернется, сказалъ Девіеръ съ злобной усмѣшкой.

Княгиня Меншикова поблѣднѣла.

— Какая неприличная шутка! съ неудовольствіемъ сказала герцогиня.

— Я не шучу, возразилъ Девіеръ, продолжая коварно улыбаться: я увѣренъ, что не князь Ижорскій, а герцогъ курляндскій вернется въ Петербургъ.

— Не приготовите ли вы ему приличнаго приема? спросила шуточнымъ тономъ Арсеньева.

— Непременно; и самое лучшее въ этомъ приемъ будетъ то, что все семейство выведетъ изъ Петербурга.... на встрѣчу князя.

— Стало быть и вы съ нами, Антонъ Мануловичъ? Вѣдь вы близкій членъ нашего семейства....

Генералъ-полицеймейстеръ укусилъ губу чуть не до крови.

— Но врядъ ли его свѣтлость останется доволенъ нашимъ приемомъ, сказалъ Нарышкинъ.

— Отчего же? простодушно спросила Варвара Михайловна.

— Александръ Даниловичъ такъ опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ; встрѣчи и проводы, имъ устраиваемыя, всегда такъ искусно придуманы, что онъ съ перваго взгляда увидитъ всѣ недостатки мѣръ, нами принятыхъ....

— О, не безпокойтесь! Князь будетъ признателенъ вамъ и за доброе намѣреніе.... и при первомъ случаѣ отплатитъ вамъ тѣмъ же.

— Очень признательны! сказалъ Нарышкинъ поклонившись.

— Не-за что; долгъ платежомъ красенъ.

Во время этого разговора общество раздѣлилось на нѣсколько группъ; завязались частные, отдѣльные разговоры; только герцогиня голштинская не принимала ни въ одномъ изъ нихъ участія. Задумавшись, смотрѣла она то на Варвару Михайловну, то на Девіера.

Арсеньева первая обратилась къ ней.

— Нашъ разговоръ надоедаетъ Вашему Высочеству, сказала она.

— Ничего, отвѣчала герцогиня: я слѣдую вашему примѣру, соединяю теперь пріятное съ полезнымъ: отдыхаю и учусь.

— Учитесь?

— Да; тамъ, за шпалерниками, кто-то читаетъ толкованіе басенъ.... Онъ сейчасъ дочиталъ одну изъ нихъ, и прибавилъ къ ней свои замѣчанія. Я очень люблю Езопу....

— Ваше Высочество, прервалъ генераль-полицеймейстеръ, оркестръ вашего супруга идетъ уже въ галерею.... Императрица, вѣроятно, уже тамъ....

На дворцовыхъ часахъ пробило восемь, и въ тоже время изъ-за угла лабиринта вышелъ Бассевичъ.

— Ваше Высочество, сказалъ онъ почтительно подходя къ герцогинѣ: герцогъ, вашъ супругъ, приказалъ мнѣ просить васъ въ галерею....

— Сейчасъ иду, отвѣчала Анна Петровна, съ грустнымъ выраженіемъ въ голосъ.

Толстой подошелъ къ Девіеру.

— Антонъ Мануиловичъ, сказалъ онъ: отстаньте на минуту; мнѣ нужно переговорить съ вами.

Воспользовавшись этой минутой, Варвара Михайловна поспѣшно приблизилась къ герцогинѣ и шепнула ей:

— Ваше Высочество, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Анна Петровна посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

— Что это значитъ? спросила она.

— Спросите послѣ танцевъ графа Бассевича, отвѣчала Арсенъева и, замѣтивъ приближавшагося Девіера, отступила.

Вероятно герцогиня поняла смыслъ словъ Варвары Михайловны, потому что бросила на нее взглядъ, исполненный невыразимой грусти.

Анна Петровна не была честолюбива; краткое, мягкое сердце ея не знало ни злобы, ни ненависти; но по слабости характера она легко поддавалась наветамъ окружавшихъ ее....

— Антошъ Мануловичъ, сказалъ Толстой, оставшись на-единь съ Девиеромъ: язвительные намеки гербунамъ безпокоить меня. Она все знаетъ.

— Такъ что же? спросилъ генералъ-полицеймейстеръ съ злобнымъ презрѣнiемъ.

— Стало быть и князь Ижорскій извѣщаетъ.

— Ничего!

— Онъ можетъ принять мѣрь....

— Поздно, графъ, поздно! князю послано уже повелѣнiе немедленно возвратиться въ Петербургъ.

— Но возвратившись....

— Онъ не воротится! возразилъ Девиеръ съ торжествующею злобою; сегодня подписанъ указъ арестовать его на возвратномъ пути!

— Подписанъ! О, теперь намъ нечего опасаться! вскричалъ Толстой.

Между тѣмъ, герцогиня голштинская, вышедъ въ большую аллею, подозвала къ себѣ Бассевича и стала тихо разговаривать съ нимъ.

Варвара Михайловна не спускала съ нихъ глазъ. Она замѣтила, что безпокойство выразилось на лицѣ Анны Петровны, когда министръ герцога отвѣчалъ на вопросъ ея; съ живостiю произнесла она еще нѣсколько словъ. Бассевичъ поклонился, отошелъ, и незамѣтнымъ образомъ сталъ приближаться къ Арсеньевой.

Сильно забилось сердце послѣдней; но она скрыла свою радость и продолжала тѣмъ же шагомъ приближаться къ галереямъ.

Тамъ оркестръ игралъ уже польскiй, и нѣсколько мѣрь

рекламировал по галерею гордой поступью и съ надутую важностью, отличительнымъ характеромъ этого танца.

Вассеичъ остановился у входа въ галерею, и когда Варвара Михайловна проходила мимо его, онъ поклонился и подалъ ей руку. Арсеньева ласково кивнула ему головой, и они вмѣстѣ вышли въ ряды танцующихъ.

За нѣсколько минутъ до того, Зейцевъ одинъ возвращался на прежнюю площадку.

— Право, она дурачить меня, ворчалъ онъ сквозь зубы: зашла въ лабиринтъ, да застала читать кобасѣнки.... на потѣху двумъ-тремъ званкамъ.... да потомъ благодарить.... будто я не въеть какую услугу оказалъ ей.... Не кончено еще, говорить, слушайте опять на ту же площадку и не уходите.... Либо она рекнулась маленько.... либо дурачить меня.... Кто ее разберетъ! Просто, такую нелепую произошла въ моей головѣ, что беда!...

Воротившись на площадку, Иванъ Захарычъ увидѣлъ, что мѣсто его занято; онъ заглянулъ въ кружку—ее осушили до дна.

ГЛАВА VII.

Г р о т ь.

Въ самый разгаръ танцевъ, изъ галереи вышли кавалеръ и дама, и стали пробираться между рядами, званымъ на танцующихъ.

Тихо разговаривая, пошли они по большой залѣ.

Въ то же время отъ толпы отдѣлилась женщина въ светло-зеленомъ, шелковомъ платьѣ, и скоро пошла впередъ.

Солнце закатилось. На горизонтѣ видна была еще красная полоса, принимавшая болѣе и болѣе слабый цвѣтъ. Все какъ бы подернулось снѣжатымъ туманомъ и только верхушка креста на куполѣ Троицкой церкви ярно горѣла....

Сидѣ представлялъ очаровательный видъ. Придворные

слуги зажигали фонари, висѣвшіе на сучьяхъ деревь, по объѣмъ сторонамъ аллеи. Бесѣдка, находившаяся по срединѣ пруда на небольшомъ островкѣ, освѣтилась разноцвѣтными огнями, отражавшимися въ гладкой поверхности пруда. По всему саду разсыпались тысячи огней, подобно яркимъ звѣздочкамъ.

Даровое угощеніе развеселило всѣхъ. Молодёжь плясала доупаду, и мѣстами старички, какъ бы въ науку сынамъ и внукамъ, пускались въ старинный, русскій плясъ. Тутъ нѣсколько служащихъ, собравшись въ кружокъ и потягивая вино, тихо и не нарушая благопристойности, распѣвали пѣсни; далѣе постукивали шашками, вгоняя другъ друга въ уголь и безцеремонно произнося роковое слово. Словомъ, всѣ наслаждались, всѣ были счастливы.

И посреди этого общаго веселія тянулась интрига, развязки которой многіе ожидали съ сѣднымъ безпокойствомъ.

Кавалеръ и дама, вышедшіе изъ галерей, поверотили къ гроту, находившемуся на концѣ лабиринта, украшеннаго изображеніями басенъ.

Всѣ статуи были освѣщены. Внутренность грота оставалась темною, мрачною.

— Графъ, сказала дама: мы теперь похожи на влюбленную парочку, ищущую уединенія...

— Въ любви и въ политикѣ таинственность первое условіе.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что мы будемъ толковать о политикѣ?

— Вы забываете, Варвара Михайловна, что я сказалъ въ любви и политикѣ.

— О, графъ! произнесла Арсеньева съ грустнымъ упрекомъ.

Бассевичъ понялъ грубую непристойность своихъ послѣднихъ словъ; будучи сказаны другой женщиной, онъ показался бы простой шуткой, но въ отношеніи къ бедной Варварѣ Михайловнѣ, онъ становились оскорбленіемъ.

Замѣтивъ смущеніе графа и опасаясь, чтобы неумѣст-

наимъ извиненіемъ онъ не увеличилъ оскорбленія, она поспѣшно вошла въ гротъ и, какъ бы забывъ о неудачной шуткѣ, сказала:

— Вотъ здѣсь, графъ, намъ никто не помѣшаетъ.

Графъ вошелъ за нею.

Снаружи, внутренность грота казалась мрачною, въ сравненіи съ яркимъ освѣщеніемъ сада, но внутри въ немъ можно было явственно различить предметы, при ровномъ отраженіи свѣта отъ фонарей, окружавшихъ статуи.

Арсеньева и Бассевичъ сѣли на скамью, противъ самаго отверстія грота.

Въ то самое время, когда графъ и Варвара Михайловна вышли изъ сада, Иванъ Захарычъ Земцовъ добился, наконецъ, мѣста у шашечнаго столика.

Страстно любимыя имъ шашки заставили его забыть на время Пелагею Ивановну и странную роль, которую она заставляла его играть. Партнеръ Ивана Захарыча, канцелярскій служитель, былъ *дока*, обьигравшій уже челоуѣкъ пять; Земцовъ самъ гордился своимъ искусствомъ и, садясь за столъ, объявилъ своему противнику, чтобы онъ держался.

Партія завязалась: противники обдумывали каждый ходъ, и то еще долго-долго не снимали пальца съ шашки, передвинувъ ее.

Игра объяснилась; побѣда клонилась на сторону архитектора; Иванъ Захарычъ провелъ уже двѣ шашки въ дамки, держалъ одну шашку противника въ заперти, въ углу, и безошадно нанесилъ ударъ за ударомъ.

Поощренія зрителей производили на почтеннаго архитектора такое ощущеніе, какъ будто бы его мазали медомъ по губамъ.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ; за противникомъ его прошла Пелагея Ивановна, слегка кивнувъ ему головою.

— Вамъ ходить, сказала канцелярскій служитель.

— Мнѣ?.. сейчасъ... сейчасъ.

Иванъ Захарычъ сходилъ. Зрители вскрикнули съ испугомъ.

Канцелярскій служитель однимъ разомъ взялъ три шапки.

— Что вы сдѣлали! вскричалъ одинъ изъ зрителей : надо было ходить съ этой!

— Ничего.... ничего.... поправлюсь, отвечалъ Иванъ Захарычъ, теряясь болѣе и болѣе.

Онъ сходилъ еще разъ.

— Дамку фукину! торжествуя закричалъ канцелярскій служитель.

— Какъ, какъ! позвольте.... зачѣмъ вы ее фукнули? вскричалъ Иванъ Захарычъ, чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ на лбу его.

— Ей надо было брать.

— Гдѣ, брать?

— А вотъ....

И канцелярскій служитель показалъ ходъ.

— Ахъ, Пелагея Ивановна! съ досадою вскричалъ Земцовъ.

Вся захлопотали.

— А вотъ мы ее, Пелагею Ивановну, къ рукамъ приберемъ, сказалъ противникъ архитектора.

— Пойдите, пойдите, съ досадою отвечалъ послѣдній; не радуйтесь, еще не кончено.... Извольте-ка ходить.

— Да не мнѣ.... вамъ ходить.

— Мнѣ?... Ну-ка, ну-ка; я вотъ такъ схожу.... что вы скажете теперь?..

Зрители всплеснули руками.

— А вотъ я что скажу, отвечалъ канцелярскій служитель съ торжествующимъ спокойствіемъ: разъ беру....

— Какъ берете! позвольте-ка.... съ отчаяніемъ вскричалъ Земцовъ.

— Два беру.... и дамку беру....

— Ахъ, чортъ возьми!

— Да возьми глаза-то въ зубы! сказалъ одинъ изъ зрителей Земцову.

— Все равно! вскричалъ послѣдній, рывившись на отчаян-

ный ходъ: не обыграть же вамъ меня! Пускай лучше ничья будетъ.

Отчаянный ходъ погубилъ Ивана Захарыча.

— Ничья? повторилъ противникъ его: ой ли?... ну-ка теперь чай!

Иванъ Захарычъ проигралъ.

— Эту я беру, сказалъ канцелярскій служитель; а этой...

И онъ произнесъ роковое слово.... нужно ли говорить, какое это слово? спросите игрока въ шанки, что всего обиднее въ проигрышѣ?

Земцовъ вскочилъ взбѣшенный, заплатилъ два алтына и отошелъ отъ стола.

Пелагея Ивановна нетерпѣливо ждала его.

— Какъ вы долго, Иванъ Захарычъ, сказала она: пойдите скорѣе!

— Оконфузли вы меня, Пелагея Ивановна, оскандалилъ съ сердцемъ отвѣчалъ ей архитекторъ.

— Что такое, что такое?

— Да какъ же; игра была такая, что ребенокъ бы проигралъ... двѣ дамки....

— Проигрыша вамъ жалко!

— Не проигрыша, Пелагея Ивановна, а амбиціи!

— Ну, ничего, Иванъ Захарычъ; послѣ поправитесь; теперь пойдете скорѣе....

— Куда? съ досадою спросилъ Иванъ Захарычъ: опять побасенки читать?

— Эхъ, Иванъ Захарычъ, кабы вы знали.... Ну, да послѣ узнаете.... пойдете скорѣе....

Земцовъ невольно послѣдовалъ за Пелагеей Ивановной. Скорыми шагами повела она его въ галерею.

— Иванъ Захарычъ, сказала она ему дорогою: теперь дѣло будетъ потруднее и поважнее перваго.

— Ну, ну.

— Вы знаете князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова?

— Знаю.

— Прикажите одному изъ придворныхъ лакеевъ вызвать его, сказала Пелагея Ивановна.

— Вызвать князя? а зачѣмъ?

— Слушайте только; вотъ какъ вызовутъ князя, вы скажите, что имѣете сообщить ему ничто весьма важное и секретное.

Архитекторъ вытаращилъ глаза на Пелагею Ивановну.

— Понимаете? спросила она его.

— Пока еще ничего не понимаю. У меня съ княземъ никакихъ секретовъ нѣтъ.

Пелагея Ивановна осмотрѣлась, приблизилась къ Земцову и, остановившись въ темномъ мѣстѣ, продолжала:

— Скажите князю, что вы подслушали важный секретный разговоръ двухъ особъ.

— Что вы Пелагея Ивановна! Богъ съ вами! вскричалъ Земцовъ, отмахиваясь руками.

— И что вы сочли священнымъ долгомъ донести о томъ князю.

— Ничего не скажу! Я никакого разговора не слышалъ, а хоть бы и слышалъ, такъ не мое дѣло.

— Не горячитесь, Иванъ Захарычъ; я не введу васъ въ бѣду; это только такъ....

— Слуга покорный! Нѣтъ я ни за что не рвущусь на такую шутку!...

— Ахъ, Боже мой! это не шутка.... вы скажете истинную правду.... князь самъ удостоверится въ томъ....

— Ну! понимай кто хочетъ! то правда, то не правда.... Пелагея Ивановна, сказалъ Земцовъ принявъ серьезный видъ: позвольте мнѣ спросить васъ объ одномъ.

— Спрашивайте, да только скорѣе.

— Вы не разсердитесь?

— Да говорите же скорѣе!

— Пелагея Ивановна.... не рехнулись ли вы крошечку?

Пелагея Ивановна такъ сердито топнула ногой, что Земцовъ невольно отступилъ.

— Иванъ Захарычъ, сказала она рѣшительно: хотите ли вы исполнить то, о чемъ я васъ прошу?

— Помните, Пелагея Ивановна....

— Говорите: да или нѣтъ?

— Нтътъ!

Пелагея Ивановна судорожно сжала руки.

— Ну, Иванъ Захарычъ! сказала она почти со слезами: я не ожидала этого отъ васъ.... Минь самой этого сдѣлать нельзя, потому что князю извѣстно, что я знаю Варвару Михайловну.

— Какую Варвару Михайловну?

— Богъ съ вами, Иванъ Захарычъ! но вы будете виноваты!

— Я виновать?... Я? повторилъ Иванъ Захарычъ; потомъ прибавилъ про себя: рехнулась, ей-ей, рехнулась....

Пелагея Ивановна въ судорожномъ волненіи схватила руку его.

— Послушайте, Иванъ Захарычъ, сказала она: клянусь вамъ передъ Богомъ, что сегодня же я вамъ все открою.... только помогите!

Пелагея Ивановна плакала; слезы ея тронули Земцова.

— Я не требую отъ васъ ничего худаго, продолжала она умоляющимъ голосомъ: послѣ вы сами рады будете, что помогли доброму дѣлу.

— Да доброе ли оно? спросилъ архитекторъ, колеблясь.

— Доброе, Иванъ Захарычъ, право, доброе!

— Побожитесь.

— Ей Богу! Будь я анаема, если лгу!

Земцовъ почесалъ затылокъ, потомъ махнулъ рукой.

— Такъ и быть! сказалъ онъ. Извольте, удружу!

Пелагея Ивановна радостно сжала руку его.

Скоро они пошли впередъ. Пелагея Ивановна съ жаромъ говорила; Иванъ Захарычъ слушалъ и разпрашивалъ.

Сердце замерло у Земцова, когда онъ сталъ подходить къ галереймъ; но ободрившись и убѣжденный, наконецъ, что помогаетъ доброму дѣлу, онъ въ точности исполнилъ наставленія Пелагеи Ивановны.

Долгоруковъ вышелъ важный, гордый.

Это происходило въ то самое время, когда Варвара Михайловна и Бассевичъ вошли въ гротъ.

Архитекторъ, отойдя съ княземъ въ сторону, переска-

заль ему слова Пелагеи Ивановны. Голосъ его, дрожащій отъ радости и смущенія, придавалъ болѣе вѣроятія разсказу.

— А! это очень важное обстоятельство, сказала Долгоруковъ.

— Простите мнѣ, ваше сіятельство, мою дерзость, но я бы совѣтовалъ вамъ собственными ушами удостовериться въ справедливости моихъ словъ. Обстоятельство это тѣмъ важнѣе, что я слышалъ, какъ разговаривающіе несколько разъ произнесли ваше имя....

Долгоруковъ задумался на минуту.

— Ты правъ, сказалъ онъ: гдѣ они?

— Въ гротъ, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству.

— Я самъ пойду туда; а ты не уходи отсюда. Ты, можетъ быть, заслужилъ награду....

Долгоруковъ удалился. Едва прошелъ онъ несколько шаговъ, какъ Земцовъ ускользнулъ въ сторону.

— Спасибо! говорилъ онъ пре себя: не нужно мнѣ твоей награды.... Довольно я напроказилъ.... теперь убраться бы поскорѣе отсюда, не добру-по-здорову.

Земцовъ пробрался къ садовой двери: она была заперта, по обыкновенію, установленному Петромъ I; послѣ восьми часовъ никого уже не выпускали и не выпускали.

Надобно было остаться; но чтобы не возвращаться болѣе съ Пелагеей Ивановной, архитекторъ забрался въ сторону, противоположную площадкѣ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ прошелъ несколько шаговъ по направленію къ площадкѣ, потомъ остановился, подумалъ и подозвалъ къ себѣ одного изъ блюстителей порядка, чьино прохаживавшихся по саду.

— Гдѣ Антонъ Мануиловичъ? спросилъ онъ его?

— Не могу знать-съ.

— Отыщи его скорѣе, да скажи ему, что князь Долгоруковъ проситъ его пожаловать къ гроту.

— Къ кому, ваше сіятельство?

— Къ гроту, что за лабиринтомъ. Знаешь?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Ну, къ Езопу!

— Слушаю, ваше сіятельство.

Распорядившись такимъ образомъ на всякій случай, князь пошелъ далѣе.

Между тѣмъ, Варвара Михайловна и Бассевичъ, войдя въ гротъ, просидѣли нѣсколько секундъ молча. Ни онъ, ни она не хотѣли начать разговора; боясь съ самаго начала обнаружить свои тайныя мысли.

Наконецъ Бассевичъ понялъ, что молчаніе его, къ настоящую минуту, было выразительнѣе словъ, а потому рѣшился прервать молчаніе.

— Варвара Михайловна, сказалъ онъ: съ самаго прихода вашего на ассамблею, я искалъ случая переговорить съ вами на-единѣ. Теперь случай этотъ представился, но я не знаю съ чего начать.....

— Начните съ начала, сказала улыбаясь Арсеньева.

— Я надѣялся, что вы поможете мнѣ приступить къ дѣлу....

— Къ какому дѣлу?

— Будто бы вы ничего не знаете?....

— Грѣшь, я не скажу вамъ, что ~~оно~~ знаю, чтобы вы не пришили этого за грубую уловку нѣкоторыхъ людей, которые съ помощію ея иногда и добиваются части истины.... не скажу такіе, что ~~ничего~~ не знаю, потому что вы мнѣ не повѣрите.

— Она все знаетъ, подумалъ Бассевичъ; но ея спокойствіе изобличаетъ контрину.... допытаюсь. Варвара Михайловна, сказалъ онъ вслухъ: у князя Ижорскаго есть сильныя враги.

— Что это? предостереженіе или введеніе къ печальному извѣстію?

Бассевичъ не ожидалъ этого прямаго вопроса.

— Еслибъ я могъ предостеречь васъ, то сдѣлалъ бы это давно....

— Ага! сказала Арсеньева съ притворнымъ спокойствіемъ.

емъ: стало быть, мнѣ остается ожидать, чтобы вы открыли мнѣ печальное извѣстіе.

— Повѣрьте, что я ничего не зналъ; все совершилось такъ быстро, такъ неожиданно... только вчера узналъ я, и то случайно....

— Что же вы узнали?

Графъ молчалъ.

— Вы пугаете меня, графъ! вскричала Арсеньева: говорите ради Бога, не мучьте меня!

— Погибель князя Ижорскаго неизбежна, отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ Бассевичъ.

Сильно сжалось сердце Варвары Михайловны; она почувствовала, какъ вся кровь ея нахлынула къ нему; но съ необыкновеннымъ усиліемъ скрыла она свое волненіе и, посмотрѣвъ на графа, спросила спокойнымъ голосомъ:

— Вы думаете?

— Не думаю, а знаю. И будьте увѣрены, что еслибъ я узналъ о томъ прежде, то не преминулъ бы предостеречь князя.

— Благодарю за намѣреніе, и за откровенность отплачу вамъ откровенностью: князь уже предостереженъ.

— А! произнесъ графъ съ изумленіемъ: давно ли?

— Такъ давно, что если планъ его противниковъ покажется ему достойнымъ вниманія, то онъ скоро будетъ здѣсь...

— Когда? съ беспокойствомъ спросилъ Бассевичъ.

— Въ эту ночь или завтра утромъ.

— Но его арестуютъ на дорогѣ! неосторожно вскричалъ графъ.

— Арестуютъ! съ невольнымъ страхомъ повторила Варвара Михайловна: арестуютъ?... стало быть?...

Бассевичъ опомнился и судорожно стиснулъ зубы. Онъ раскался въ томъ, что проговорился.

— О, это ужасно! произнесла Варвара Михайловна, какъ бы про себя. Послушайте, графъ....

Она не договорила. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ грота послышался легкій кашель. Мгновенное размышленіе возвратило сестръ княгини Меншиковой спокойствіе.

— Графъ, сказала она, повисивъ нѣсколько голосъ: безпокойство мое напрасно.... Правда, гибель неизбежна; но не князя, а враговъ его. Внимайте сами въ дѣло, и вы убедитесь въ справедливости моихъ словъ. Чтобы доказать вамъ свою признательность за участіе, принимаемое вами въ князь, я буду съ вами совершенно откровенна.

Произнося эти слова, Арсеньева бросила быстрый взглядъ на потолокъ грота. Противъ самаго того мѣста, гдѣ она сидѣла, была проведена вверхъ жестяная труба для провѣтриванія внутренностей грота и уничтоженія въ немъ сырости. Въ эту трубу видна была маленькая частичка сивѣвшаго вечерняго неба; но вдругъ что-то черное заслонило отверстие ея.

— Князю Ижорскому известны и интрига, и всѣ лица, принимающія въ ней участіе. Главную роль въ ней играетъ благородный родственникъ князя.... Вы его знаете, произнесла Варвара Михайловна съ нѣкоторою горечью.

Бассевичъ молча кивнулъ головою.

— Кто измѣняетъ родному, продолжала Арсеньева, тому чужаго обмануть ничего не значить. Девіеръ интригуетъ для того, чтобы погубить князя Ижорскаго.

— Радн Бога тише! сказалъ Бассевичъ тихимъ голосомъ: кто-то идетъ....

Въ лабиринтъ слышались приближавшіеся шаги.

— Князь Алексѣй Григорьевичъ, гдѣ вы? произнесъ громкій голосъ.

— Девіеръ! проговорилъ тихимъ голосомъ Бассевичъ. Пойдемте, пойдемте, Варвара Михайловна; онъ не долженъ видѣть насъ вмѣстѣ....

И взявъ Арсеньеву за руку, графъ поспѣшно увлекъ ее въ сторону лабиринта, противоположную той, откуда приближался Девіеръ.

— Гдѣ вы, князь? спросилъ еще разъ послѣдній.

— Здѣсь! отвѣчалъ другой голосъ.

— Девіеръ и Долгоруковъ! съ изумленіемъ произнесъ Бассевичъ.

— Что я вамъ говорила графъ, сказала Барбара Махай-ловна.

И они весело удалились.

ГЛАВА VIII.

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

Девіаръ и Долгоруковъ встрѣтились передъ гретомъ.

— Ага, вы здѣсь, князь, сказалъ первый.

— Здѣсь, отрывисто отвѣчалъ Долгоруковъ.

— Вотъ и я.

— Очень радъ.

— Вы звали меня сюда?

— Звалъ.

— Зачѣмъ?

— Я думалъ, что вы понадобится; да, слава Богу, и безъ насъ дѣло обошлось.

— Что это значить, князь? спросилъ генераль-полицеймейстеръ, оскорбленный тономъ Долгорукова.

— Это значить, что кто два зайца вдругъ гошетъ, и одного не изымаетъ....

— Ради Бога, вскричалъ Девіаръ съ безпокойствомъ: объяснитесь, ваше сіятельство.

— Само объяснитса, ваше сіятельство! грубо отвѣчалъ Долгоруковъ, и, отвернувшись, пошелъ прочь.

Генераль-полицеймейстеръ съ изумленіемъ глядѣлъ ему вслѣдъ; потомъ пожалъ плечами и презрительно улыбулся.

— Лукавишь, Гишпанецъ! ворчалъ удаляясь князь Алексій Григорьевичъ.

Разговоръ, подслушанный имъ, до того поразилъ Долгорукова, что ему надобно было привести въ порядокъ свои мысли и придумать мѣры къ уничтоженію замысловъ гене-

разъ-помощеймейстера; а потому онъ не прямо вернулся къ галереямъ, а пошелъ прогуляться по саду.

Дойдя до Шхиперской площадки, онъ хотѣлъ повернуть въ сторону, какъ увидѣлъ въ одной группѣ Земцова; съ кружкой пива въ рукахъ.

Долгоруковъ пошелъ прямо къ нему и ударилъ его по плечу.

Земцовъ оглянулся, вздрогнулъ и выронилъ кружку изъ рукъ, забрызгавъ нивомъ свои новые пливовыя штаны. У него подкосились ноги.

— Чего ты испугался? сказалъ ему князь.

— Ничего, ваше сіятельство.... Я.... то есть....

Языкъ бѣднаго архитектора отяжелѣлъ отъ страха.

— Ступай-ка сюда.

— Ну, пропала моя головушка! подумалъ Иванъ Захарычъ, следуя за Долгоруковымъ.

— Что ты за человекъ? спросилъ его послѣдній, отойдя несколько въ сторону.

— Я?... то есть я?

— Ну, да, ты.

— Я служу.... служу, ваше сіятельство, въ медицинской канцелярш....

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня.... меня зовутъ.... Водичкинымъ.

— Водичкинымъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, я тебя не забуду.... ты оказалъ мнѣ важную услугу....

Долгоруковъ удалился, а Земцовъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, вытаращивъ глаза, разинувъ ротъ и растопыривъ руки.

Онъ простоялъ бы еще долго въ этомъ положеніи, еслибъ рѣдъ самъ-укомъ его не послышался голосъ Педагога Ивановича.

— Куда вы пропали, Иванъ Захарычъ, сказала она: ужъ я искала, искала васъ! Весь садъ обходила....

— Вотъ тебѣ и медицинская канцелярія! проговорилъ Земцовъ, прійдя въ себя.

— Что? спросила Пелагея Ивановна.

— Вотъ тебѣ и Водичкинъ!

— Какой Водичкинъ?

— Такъ себѣ, никакой.

— Пойдите, Иванъ Захарычъ....

— Опять? Нечто мы еще какую штуку выкинемъ?

— Что вы кричите? сказала Пелагея Ивановна осматриваясь. Слушайте, Иванъ Захарычъ! Князь пріѣхалъ!

— Какой князь?

— Александръ Данилычъ Мешниковъ.

— А мнѣ какое дѣло?

— Надобно всемъ рассказывать.... Впрочемъ начните только, а послѣ вамъ же будутъ рассказывать.... вы съ того конца, а я съ этого.

— Пелагея Ивановна, тутъ опять что-нибудь да кроется, сказалъ архитекторъ, покачавъ головой. Дошлимы мы съ вами до чего-нибудь нехорошаго!

— Не бойтесь; я за все отвѣчаю. Ступайте только. До свиданія!

— Постойте, постойте; я вѣдь позабылъ, куда свѣтъишій ѣздилъ.

— Въ Нитаву и въ Вишландію.

— То есть въ Митаву и въ Лифляндію, возразилъ болѣе грамотный Иванъ Захарычъ. Такъ онъ пріѣхалъ?

— Да, да. До свиданія!

Они разошлись, но Пелагея Ивановна воротилась.

— Иванъ Захарычъ, сказала она: скоро начнется феве-рокъ.... подождите меня у галдарей; мы вмѣстѣ выйдемъ изъ саду.

— Не премину.

И они опять разошлись.

Небо подернулось тучами, сгустившими ночную темноту, посреди которой освѣщеніе сада казалось еще болѣе яркимъ, блистательнымъ.

Быль десятымъ часъ въ исходѣ. Мѣстами гаснули уже

фонари, и придворные слуги не замѣняли догорѣвшихъ свѣчей новыми. Тащовавшіе выбились изъ силъ; музыканты, разставленные въ разныхъ мѣстахъ сада, оглашали еще воздухъ дикими, пестройными звуками. Возлѣ столовъ валялись осколки глиняныхъ трубокъ, опрокинутыя кружки и бутылки. Слуги убрали пустыя тарелки, и уже мѣстами, на травѣ и въ кустахъ, раздавалось храпѣніе гостей, побѣжденныхъ пивомъ, виномъ или усталостію....

Но вотъ пробило десять часовъ.

Съ берега Невы, передъ галереями взвилась ракета. Въ гулявшіе бросились къ садовой рѣшеткѣ.

Раздался пушечный выстрѣлъ, другой, третій, и даже уснувшіе повскакали съ мягкаго, но сыраго ложа.

Все устремилось къ рѣшеткѣ. Всѣ спѣшили насладиться зрѣлищемъ фейерверка, которымъ должны были кончиться всѣ радости этого дня.

И во время общей суматохи, по толпѣ пронесся глухой говоръ.....

— Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Народъ высыпалъ на набережную. Придворные же и знатнѣйшія особы наполнили галереи.

Послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, въ среднюю галерею вошелъ слуга и пошелъ прямо къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой, которая въ это время стояла одна, посреди залы, такъ что всѣ могли ее видѣть.

Лакей подаль ей письмо.

Варвара Михайловна поспѣшно распечатала его, пробѣжала глазами и, осмотрѣвшись, пошла къ своей сестрѣ. Переговоривъ о чемъ-то шопотомъ, обѣ пошли къ Императрицѣ и просили позволенія удалиться.

Государыня осведомилась о причинѣ преждевременнаго удаленія ихъ. Дарья Михайловна отвѣчала, что неожиданнѣй домашній случай требуетъ ихъ присутствія. Императрица молча кивнула головой.

Княгиня и сестра ея ушли, и минутою спустя, когда съ

красноты раздавал второй выстрѣлъ, отъ берега отчалила лодка, освѣщенная фонарями.

Передъ окномъ, у котораго находилась Екатерина, была проволока, натянутая порохомъ и проведенная къ транспаранту, поставленному на берегу Невы съ вензелемъ покойнаго Императора. Во ожиданіи третьяго выстрѣла одинъ изъ придворныхъ взялъ въ руку фитиль, чтобы зажечь проволоку.

У входа въ галерею показался графъ Девіеръ. Онъ былъ блѣденъ, встревоженъ.

Скорыми шагами пошелъ онъ къ Бассевану, стоявшему возлѣ герцога голштинскаго, за Императрицей.

Разстроенный видъ Девіера поразилъ Бассеванча.

— Что съ вами, графъ? Что случилось? спросилъ онъ.

Раздался третій выстрѣлъ.

— Меншиковъ пріѣхалъ! произнесъ генералъ-полковникъ-мейстеръ, посреди наступившаго молчанія.

Секунду спустя транспарантъ освѣтился; прошла еще секунда, и по срединѣ Невы, какъ-бы изъ темно-синей пучины, взвились ракеты, зажглись храмы, затрещали бураки....

ГЛАВА IX.

КУПЕЧЕСКАЯ ВЕЧЕРИНКА.

На другой день открылось, что слухъ о пріѣздѣ Меншикова былъ ложный.

Варвара Михайловна поняла положеніе дѣлъ. Она воспользовалась тѣмъ, что сообщила ей Пелагея Ивановна, собственною наблюдательностію дополнила многое, проникательностію угадала скрытое, а умомъ соединила, связала, собразовала всѣ обстоятельства и на итогъ своихъ размышлений основала планъ дѣйствій. Вскорѣ приказаніе объ арестованіи князя Ижорскаго было отменено. Ровно десять дней спустя послѣ праздника въ Лыцкѣмъ-Саду, князь возвратил-

ся съ Петербургъ. Неудачная попытка братовъ его только увеличила его силу.

Искренности, глубокая признательность князя вознаградила Варвару Михайловну за услугу, ему оказанную.

Пелагея Ивановна была вполне осчастливлена. Племянникъ ея, за искреннее раскаяніе, былъ опять пожалованъ мичманомъ.

Земцову князь Ижорскій поручилъ постройку церкви въ Ораніенбаумъ, а Зубову заказаны гравюры къ *исторіи* Петербурга, предпринятой уже по указу, данному покойнымъ Императоромъ.

Между тѣмъ одно дѣло не заставляло Пелагею Ивановну забывать другія дѣла.

Въ домъ Егора Назарыча Рябкова готовился пиръ.

Сватовство кончилось, росписи были закрѣплены, обрученіе совершено; оставалось только идти подъ вѣнецъ.

Свадьбу положили отпраздновать три дня спустя послѣ Успенскаго поста.

Мавра Федоровна ликовала. Она представила дочь свою княгиню Долгоруковой, и послѣдняя отпустила ее съ богатыми подаркомъ. Добрый Рябковъ, не слышавшій души въ Настенькѣ и помолодевший уже отъ однихъ чинныхъ сношеній со своею молоденькою невестою, наслалъ ей множество отличныхъ даровъ.

Впечатлѣніе, произведенное на вердце Настеньки молодымъ морякомъ, мало-по-малу изгладилось. Она свыклась съ мыслию сдѣлаться женою Рябкова, а послѣдній умѣлъ заслужить, если и не любовь, то некрепкую привязанность молодой дѣвушки.

Егоръ Назарычъ былъ человекъ примѣрной честности; будучи недалекаго ума, онъ обладалъ всеми качествами, составляющими забывать недостатокъ ума; онъ былъ кротокъ, добръ, скромнъ; не зналъ, что значить спорить, и каждому готовъ былъ отдать преимущество предъ собою. Въ-ѣтъ съ тѣмъ прямой, здравый смыслъ вполне занималъ ему умъ въ торговыхъ оборотахъ. По некоторой непередпринимчивости, замѣчательной въ нашемъ кумачествѣ и до нынѣ,

онъ никогда не пускался на такъ называемыя *смыслы предпріятія*, по нынѣшнему *спекуляціи*; торговалъ сообразительно и расчетливо, былъ постояненъ, упоренъ въ своихъ дѣйствіяхъ, пользовался счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ и умѣлъ жить малымъ. Разумѣется, что съ такими данными, онъ нажилъ себѣ состояніе, хотя и не огромное, но довольно значительное.

Егору Назарычу стукнуло за сорокъ. Съ нѣкоторыхъ уже поръ онъ сталъ скучать своимъ одиночествомъ, двѣ сестры его, жившія вмѣстѣ съ нимъ, не могли пополнить сердечной пустоты, которую начиналъ чувствовать Рябовъ, не смотря на искреннюю привязанность ихъ къ нему. Замечая усиливавшуюся грусть брата, сестры стали допытываться причины ея; но Егоръ Назарычъ молчалъ: онъ боялся огорчить сестеръ откровеннымъ признаніемъ.

Но какая сердечная тайна скроется отъ женщины, рѣшившейся вывѣдать ее?...

Сестры Егора Назарыча замѣтили, что онъ съ особенною нѣжностію засматривался на дѣтей и вздыхалъ, когда ему рассказывали, что такой-то женится или женился. Нѣсколько вопросовъ, искусно сдѣланныхъ, открыли имъ, наконецъ, причину грусти Егора Назарыча, и, что бываетъ весьма рѣдко, онъ не только не старался отклонить его отъ желанія ввести въ домъ молодую жену, но самъ сталъ заботиться о пріисканіи ея.

Нелагея Ивановна помогала имъ.

Съ разными предосторожностями объявили, наконецъ, сестры брату, что намѣрены женить его. Егоръ Назарычъ сначала нахмурился, думал, что сестры, угадавъ тайну его, хотѣли подшутить надъ нимъ; но убѣдившись, что онъ говорили очень серьезно, онъ разохотался, перецѣловалъ сестеръ и поспѣшно ушелъ, сказавъ, что подумаетъ.

Онъ думалъ не долго.

Увидѣвъ въ первый разъ Настеньку, Егоръ Назарычъ сначала испугался молодости ея; но сестры, которыя обѣ были его старѣе, убѣдили его, что онъ еще молодецъ хоть куда; онъ говорили, что у нихъ всегда сердце болитъ,

когда, какой-нибудь молодкосось, у котораго борода еще не выросла, женится. Маленькое самолюбие, свойственное каждому человеку, подтвердило слова сестеръ.

Познакомившись по-короче съ дочерью гравера, Рябковъ привязался къ ней всею душою. Кротость молодой дѣвушки вполне согласовалась съ собственною кротостью его; русская простота Настеньки обрадовала его; онъ боялся обученья по новому, нѣмецкому манеру, не по слѣпой привязанности къ старинѣ, а потому, что его отецъ не обучалъ, а самому въ голову не приходило распространить науку далѣе умѣнья читать по складамъ, да писать съ грѣхомъ по-поламъ.

Егоръ Назарычъ угадывалъ, что бракъ съ Настенькой пополнить сердечную пустоту, но не произведетъ въ жизни его одного изъ тѣхъ рзкихъ переворотовъ, которые часто бываютъ убійственны для людей, по привычкѣ тихихъ и кроткихъ. Онъ видѣлъ, что Настенька войдетъ въ жизнь его какъ мирное, нетревожное счастье; что, подобно теплomu, солнечному лучу освѣтитъ и согрѣетъ она домашній бытъ его, что она не измѣнитъ спокойствія, которымъ онъ досель наслаждался, но только возведетъ его на стѣпень совершеннаго счастья.

Егоръ Назарычъ Рябковъ жилъ въ собственномъ домицкѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Мыи, нынѣшней Мойки, наискось отъ деревяннаго зданія гостинаго двора, находившагося на правомъ берегу, тамъ, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго. Обширная, отгороженная роща тянулась за домомъ его.

Возвратившись изъ путешествія своего, Егоръ Назарычъ ревностно занялся украшеніемъ своего жилища, чтобы достойнымъ образомъ принять милую жену. Домъ былъ вновь выкрашенъ подъ горчичный цвѣтъ, ставни лрю, фундаментъ сырой краской съ бѣлыми и черными крапинками, а вся крыша перекрыта черепицами трехъ отѣнковъ, словно паркетъ. Прохожіе засматривались на обновленный домицкъ, какъ на игрушку. Роща была очи-

цена, проведенны дорожки, а сестры Егора Назарыча пожертвовали частью огорода для разведения сада.

Перед окончаніем поста все было готово и въ самый день Успенія Богородицы нетерпѣливый Егоръ Назарычъ, желая щегольнуть своими распоряженіями, пригласилъ къ себѣ невѣсту, чтобы узнать, не найдетъ ли она нужнымъ что либо прибавить или перемѣнить, а чтобы пріятнѣе провести время, онъ пригласилъ еще нѣкоторыхъ пріятелей и знакомыхъ на вечеръ посидѣть и хлѣба-соли откушать.

Въ назначенный день, въ четвертомъ часу пріѣхалъ Зубовъ, жена его и дочь. Для бѣльшей важности Земцовъ предложилъ имъ на этотъ случай свою зеленую одноколку.

Егоръ Назарычъ и сестры его вышли за порогъ калитки встрѣчать такихъ дорогихъ гостей, и послѣ долгихъ привѣтствій ввели ихъ на дворъ. Тамъ снова начались привѣтствія, сопровождаемыя уже цѣлованьями.

Потомъ стали съѣзжаться и сходитьса прочіе гости. Ихъ привѣтствовали только черезъ порогъ и потомъ вводили въ покои, гдѣ они крестились, кланялись во всю сторону, и садились только послѣ долгихъ приглашеній.

Посреди комнаты стоялъ длинный столъ съ закусками всякаго рода, и по мѣрѣ прихода гостей, хозяйинъ и сестры его немилосердно угощали ихъ.

Часа полтора послѣ пріѣзда гравера пришелъ и Земцовъ.

Иванъ Захарычъ, узнавъ короче Рябкова, пересталъ упрекать родителей Настеньки за то, что они выдаютъ ее за стараго мужа. Онъ убѣдился, что молодая дѣвушка будетъ съ нимъ счастлива. Притомъ же у почтеннаго Ивана Захарыча, питавшаго къ Настенькѣ почти отеческую привязанность, было уже нѣчто въ родѣ настоящей зазнобушки въ сердцѣ. Роскошныя премести Пелагея Ивановна вѣнчали его, а послѣ приключеній въ Лѣтнемъ Саду, когда Пелагея Ивановна объяснила ему все дѣло, онъ, просто, пришелъ отъ нея въ такой восторгъ, что втѣмъ же замыслилъ непремѣнно предложить ей руку и сердце....

Едва только Земцовъ вступилъ въ покой и, перекрестившись, произнесъ:

— Добраго здравія желаю честной компаніи, — какъ передъ нимъ очутился хозяинъ съ деревяннымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли графинчики съ наливками и одинъ серебряный кубокъ.

— Иванъ Захарычъ, сказалъ хозяинъ, прошу откушать.

— Откушайте, милостивецъ; домашней наливки, прибавила одна изъ сестеръ Егора Назарыча, кланяясь гостю въ пость.

— Напрасно изволите беспокоиться; я, то есть, почти человекъ свой, и безъ этой чести не прочь отъ вашей сладенькой, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, поглядывая на графинчики.

— Которой приважете? спросилъ, кланяясь, хозяинъ.

— Которой? А вотъ ужъ вечеромъ скажу, отвѣчалъ засмѣявшись Земцовъ: когда отвѣдаю вонъ сорочку, тогда и скажу.

Заглушаемый смѣхъ послышался на правой сторонѣ комнаты, гдѣ сидѣли мужчины.

— Видно что человекъ бывалый! шепнулъ одинъ изъ купцовъ своему сосѣду.

— Придворный, братецъ ты мой! отвѣчалъ сосѣдъ.

— Никакъ я послѣдній гость, сказалъ Иванъ Захарычъ, сморочивъ рюмку и кланяясь.

— Нѣтъ, батюшка Иванъ Захарычъ, не послѣдній, отвѣчалъ хозяинъ: мы ждемъ еще дорогую гостью....

— Да вотъ никакъ и она! перебила его сестра, поспѣшно выбѣгая въ сѣни,

Хозяинъ последовалъ за нею, поставивъ подносъ на столъ. Земцовъ осмотрѣлся.

Въ переднемъ углу сѣзла Настенька между матерью и отцомъ. Бѣдная дѣвушка разыгрывала роль невесты, роль въ старину самую скучную и утомительную; роль, которая молодую дѣвушку приунала неизвѣстно къ чему, къ дерзости, или притворству....

За отцомъ ея сидѣлъ рядъ мужчинъ, заявившихъ свои мнѣ-

ста по праву старшинства; по правую руку матери сидѣли старушки, за ними молодушки и, наконецъ, двѣушки.

И все это было неподвижно, серьезно. Мужчины поглаживали бороды, смотрѣли на полъ, на потолокъ, и только изрѣдка вѣнялись словами. Старушки наблюдали или, вѣрнѣе сказать, высматривали; молодушки, вперивъ глаза въ полъ, хранили глубокое молчаніе; положивъ руки на колѣни, онѣ занимались только *переборочкою*, то есть, вертели однимъ большимъ пальцемъ около другаго. Дѣвицы перешоптывались между собою и закрывались платочками, чтобы скрыть неприличную улыбку.

Настенька была одна, совершенно одна, не принадлежа ни къ одной изъ помянутыхъ категорій. Ей казалось, что на нее были обращены все взоры, и робко, стыдливо потупивъ глаза въ землю, ожидала она конца мученію, которое въ старину называлось *пиромъ*...

Земцову стало жаль ее; и въ то самое время, когда съдой купецъ, сидѣвшій возлѣ Зубова, подвинулся нѣсколько и, изъ уваженія къ нѣмецкому кафтану архитектора, уступалъ ему первое мѣсто, онъ прямо пошелъ къ Настенькѣ.

Это нарушеніе приличій поразило всехъ присутствовавшихъ. Мужчины посмотрѣли другъ на друга; старушки покачали головами; дѣвицы закрылись платочками; только молодушки не подымали глазъ, изъ чего, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы онѣ ничего не замѣчали.

Въ то же время вошла Пелагея Ивановна, встрѣчаемая хозяевами. За ней слѣдовалъ молодой человѣкъ красивой наружности, въ мундиръ мичмана.

— Милости просимъ, матушка Пелагея Ивановна, милости просимъ, говорили хозяева.

— Прошу не взыскать, что позденъко пришла, отвѣчала Пелагея Ивановна: да вотъ хотѣлось мнѣ вамъ молодца-то представить; а онъ только что изъ Кронштадта; племянникъ мой, прошу любить да жаловать.

Хозяева, искренно любившіе и уважавшіе Пелагею Ивановну, радушно приняли молодого человѣка. Притомъ же, появленіе военнаго мундира служило къ чести дома ихъ.

Егоръ Назарычъ поспѣшно ухватился за поднось, но молодой мичманъ рѣшительно отказался отъ цаливочекъ, и только по убѣдительной просьбѣ хозяевъ, согласился откупать годовалаго меда. Это обстоятельство придадо молодому чело-вѣку еще болѣе вѣсу въ глазахъ всѣхъ гостей, и молодыя дѣвушки стали уже посматривать на него изъ-подлобья съ особеннымъ вниманіемъ, на томъ основаніи, что непитущіе были только важныя особы или суженые.

Егоръ Назарычъ нѣсколько смутился; и въ самомъ дѣлѣ, куда усадить такого гостя? Нельзя было оказать *непочтливости* къ старикамъ, а и офицеру нельзя было отвести по-слѣднее мѣсто; по счастью молодой чело-вѣкъ самъ вывелъ хозяина изъ затрудненія, избравъ мѣсто, хотя не почетное, но болѣе пріятное—противъ молодыхъ дѣвушекъ.

Между тѣмъ Пелагея Ивановна здоровалась съ знако-мыми. Земцовъ, прервавъ разговоръ съ Настенькой, рас-шаркивался на обѣ стороны, къ новому соблазну стару-шекъ.

— Иванъ Захарычъ, сказала ему Пелагея Ивановна: пойдите-ка, я познаякомлю васъ съ племянникомъ. По-толкуйте съ нимъ, батюшка, прибавила она тихимъ го-лосомъ, и вы увидите, какой онъ молодецъ въ обхожде-ніяхъ и пріемностяхъ.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ съ любез-ностью: вѣдь онъ, я полагаю, вашъ воспитанникъ, слѣд-ственно не можетъ не оказывать жизни пріятную къ лю-дямъ и паче все касающаеся до компаніи.....

— Рвчистъ, родимый! проворчала одна изъ старухъ другой, между тѣмъ какъ Иванъ Захарычъ пошелъ къ молодому мичману.

— Лѣгко-ли-дѣло! возразила другая: по нонишнему, ма-тушка, по иностранному маніру! Наговорилъ съ цѣлый каробъ, а толку-то?

— Глаголы безумія, мать моя!

Племянникъ Пелагеи Ивановны не успѣлъ еще пере-смотреть всѣхъ дѣвушекъ, когда къ нему подошелъ Иванъ

Захарычъ. Они познакомились, и архитекторъ сѣлъ возле молодого человека.

Между темъ хозяева опять стали обихаживать гостей. Время проходило очень приятно въ угощеніяхъ со стороны хозяевъ, и въ лояльности со стороны гостей.

— Василій Ивановичъ, вынуждайте, малосиленецъ! говорилъ Егоръ Назарычъ, переводя отъ старика къ старику, сидѣвшему возле Зубова.

— Да не будетъ ли, Егоръ Назарычъ? возразилъ старикъ, вставая.

— Не обижайте, Василій Ивановичъ, одну-то чарочку выпили, да ужъ и довольно!

— Ну инъ такъ и быть; только нуцаѣ угостить меня невѣстухка?

— Гдѣ, родимый! дѣло не привычное, отвѣчалъ Егоръ Назарычъ.

— А ужъ какъ тамъ себя знаешь, возразилъ упрямый гость: отъ тебя, братъ, не хочу! И капли въ ротъ не возьму.

Егоръ Назарычъ обратился къ родителямъ Настеньки.

— Государи ты, тещъ, батюшка, государыня, теща, матушка, отпустите се мною мою суженую; позвольте моей ряженой, душѣ Настасьѣ Алексѣевнѣ; по гостямъ пройтись; не нарушайте пира; безъ нея-то нѣту пира, безъ нея нѣтъ и веселья, говорилъ Егоръ Назарычъ, кланяясь.

Настенька встала по приказанію матери и, взявъ подносъ изъ рукъ жениха, подошла къ старику и произнесла заветную формулу угощенія.

— Вотъ это ино дѣло! сказалъ старикъ, и, взявъ съ подноса чарочку, отвѣдалъ. Эхъ, Егоръ Назарычъ, продолжалъ онъ, поморщившись: хороша твоя наливка, да сласти въ ней мало.... а все оттого, что ты позабылъ какъ поется пѣсня....

И держа въ одной рукѣ кубокъ, а другою медленно помахивая, растопыривъ пальцы, старикъ занялъ несколько дрожжащихъ волосомъ:

Воротися, сежолъ, воротися,
 Позабылъ шляпу на столыкъ.
 Позабылъ ты невѣсту цѣловати, — цѣловати

Яркій румянецъ выступилъ на щекахъ Настеньки.

Пѣніе старика заставило мичмана обернуться.

Онъ взглянулъ на молодую дѣвушку въ то самое мгновение, когда Егоръ Назарычъ, раскраснѣвшись не менѣе Настеньки, цѣловалъ ее въ лобъ...

Бергъ задрожалъ... сердце его сжалось, перестало биться, и, секунду спустя, кровь, остановленная на мгновение въ своемъ теченіи, потекла съ большею быстротою и силою...

Казалось вся жизнь его сосредоточилась во взглядѣ, неподвижно устремленномъ на Настеньку...

— Такъ вотъ, извольте видѣть, говорилъ ему Иванъ Захарычъ, продолжая разговоръ: въ мое пребываніе въ Голландіи.

— Скажите мнѣ, кто это? спросилъ Бергъ шопотомъ и судорожно схватилъ руку Земцова.

— Гдѣ-съ?

— Вотъ эта... дѣвица... съ подносомъ?

— Ахъ!.. это дочь моего лучшаго пріятеля, Алексѣя Матвѣевича Зубова, и невѣста хозяйна...

— Невѣста!.. повторилъ молодой человекъ, стиснувъ зубы.

— Точно такъ; дѣвица пріятныхъ качествъ: разумница и; извольте замѣтить, красавица собой...

Настенька приближалась. По примѣру старика, каждый гость сначала отказывался и наконецъ припѣвалъ три стиха, за которыми слѣдовалъ поцѣлуй.

Невыразимая тоска сдавила сердце Берга.

— Скажу вамъ по секрету, продолжалъ Иванъ Захарычъ: что я было самъ имѣлъ виды...

— Вы? спросилъ мичманъ.

— Да-съ; да знаете, все рефлексія да рефлексія; а тутъ другой и подвернулся!..

— Боже мой, боже мой! произнесъ Бергъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Въ это самое время Настенька подошла къ сосѣду мичмана. На лицѣ ея выражалось утомленіе; взоромъ она какъ бы умоляла каждаго сжалиться надъ нею и прекратить тягостную шутку, которую только истинная, взаимная любовь могла сдѣлать сносною. Для гостей Егора Назарыча грусть, выражавшаяся на лицѣ Настеньки, была въ цорядкѣ вещей; только въ настоящемъ случаѣ грусть эта была непритворная, а искренняя... Но для того, чтобы разгадать ее, нужно было чувство тонкое, нѣжное...

Подходя къ сосѣду Берга, Настенька взглянула въ сторону какъ бы для того, чтобы сосчитать сколько разъ ей придется еще произнести одни и тѣ же слова, и услышать одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Глаза ея встрѣтились съ неподвижнымъ взоромъ мичмана...

Взглядъ этотъ напомнилъ сердцу ея что-то... огонь, горѣвшій въ немъ, заставилъ ее опустить глаза; но въ то же мгновеніе она опять подняла ихъ...

Память сердца успѣла уже передать вѣсть памяти ума.

И Настенькѣ стало страшно, и ей стало стыдно... Графини задрожали на поднось...

Между тѣмъ гость, передъ которымъ она стояла, былъ, повидимому, записнымъ душою общества. Желая щегольнуть оригинальностію, онъ всталъ, и, растопыривъ пальцы, запѣлъ скороговоркой, съ ужимками и нѣсколько дрожащимъ отъ смущенія голосомъ:

Чарочка серебряная,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Во пиву ходила,
 Люшеньки люда!
 О графини стучала,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Гости упомла,
 Люшеньки люда!

Вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ обратилось на пѣвца, и никто не замѣтилъ волненія молодой дѣвушки. Она стояла неподвижно, не смѣя болѣе поднять глазъ... она чувствовала, какъ тоска выжимала слезы изъ сердца ея, и какъ эти слезы подымались все выше и выше...

Пѣвецъ, перемѣнивъ тонъ, запѣлъ протяжно и съ переливами:

Катилось солнышко ко западу,
Катилось красное за теремомъ;
Выходилъ свѣтелъ мѣсяцъ ко востоку,
Онъ свѣтитъ ясно и не меркнетъ.
Съѣзжались гости ко Назарычу,
Ко Егору на широкой дворъ,
Восходили въ свѣтлую свѣтличку,
Они Богу молилися,
Хозяину чинно кланялися,
Всѣ рядомъ садилися;
Одно мѣстечко оставили,
Впередѣ подъ иконами.
Чарочка серебряная,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Во пиру ходила,
Люшеньки люли!
О графиня стучала,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Гостей упонла,
Люшеньки люли!

Бѣдная Настенька страдала невыразимо; она инстинктивно угадывала, что Бергъ не спускаетъ съ нея глазъ; кровь ея волновалась, и слова пѣсни увеличивали уныніе ея... Настенька не думала о томъ, какъ очутился здѣсь молодой морякъ... Одна мысль овладѣла всѣмъ умомъ ея; мысль о присутствіи того, кого она почти забыла...

— Ай да Ефимъ Карпычъ! молодчина! произнесъ старикъ: складно поешь!

Пѣвецъ, ободренный этими словами, запѣлъ громче прежняго и съ большими ужимками:

К. IV. — Отд. III.

Звалишь себя, аки диваги,
 Выкликали красную дивиду,
 Настеньку, душу Алексееву;
 Ты выдь, краса Настенька,
 Ты выдь, сивть, Алексеевна!
 Покажи намъ свое лицо бѣлое,
 Покажи намъ свое лицо румяное!
 Для тебя ли мы пироги пріѣхали.
 Чарочка серебряная,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Во пиру ходила,
 Люшеньки люди!
 О графинь стучала,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Гостей упонила,
 Люшеньки люди!

Мичманъ страдалъ почти столько же, какъ и молодая дѣвушка; но то, что наводило на него поному несстерпимую, раздражало молодого человека. Нѣсколько разъ уже порывался онъ зажать ротъ несносному любезнику-пѣвцу.

— Иванъ Захарычъ, произнесъ онъ, наконецъ, задыхающимся голосомъ, въ то самое время, когда Екимъ Карпычъ расходился такъ, что сталъ постукивать каблуками и вертаться на одномъ мѣстѣ: посмотрите, какъ эта шутка тягостна... молодой дивичъ... Нельзя ли сказать этому пѣвцу, чтобы онъ пересталъ?

Иванъ Захарычъ пожалъ плечами.

— Сохрани васъ Богъ! сказалъ онъ: это, батюшка, старина родимая!

Пѣвецъ продолжалъ пѣть и постукивать каблуками.

Ты съядь съ добрыми молодцами,
 Съ добрыми молодцами, съ твоими сужеными,
 Со Егоромъ, со Иванычемъ,
 Подъ слатыми людами,
 Подъ Божією милостію,
 Вамъ скоро золотыи кольца и вѣнчати,
 Золотыи вѣнчати и вѣнчати.
 Въкъ тебѣ съ нами не расстанемся....

Громко зарыдала. Шоттала... Но никто не обращалъ вниманія на слезы ея; нѣкоторые изъ двинушны даже старались присмотрѣться, какъ это она такъ искусно плачетъ, чтобы въ свое время также не ударить лицомъ въ грязь.

А Ефимъ Карпычъ между тѣмъ продолжалъ съ большимъ противу прежняго усердіемъ:

Чарочка серебряная,
Брякъ, брякъ, брякъ!...

Бергъ не выдержалъ. Онъ вскочилъ и взялъ изъ рукъ рыдавшей Настеньки поднось.

Молодая двушка закрыла обѣими руками лицо, подбѣжала къ матери и бросилась къ ней на грудь, тремко всхлипывая.

Съ судорожнымъ движеніемъ негодованія опустилъничманъ поднось на столъ, такъ что графинчики чуть не опрокинулись. Но негодованіе его было ничто въ сравненіи съ негодованіемъ, выразившимся на лицахъ старухъ, пораженныхъ неприличнымъ поступкомъ молодаго человека.

Мавра Федоровна упиала Настеньку тѣми же словами, какими некогда ее утѣшала мать, которая то же слышала отъ своей матери... Одинъ Егоръ Назарычъ прослезился, а Ефимъ Карпычъ, не обращая ни на кого вниманія продолжалъ допѣвать приплясывая:

Во пиру ходила!
Люшеньки люди!
О графинъ стучала,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Гостей упомла,
Люшеньки люди!

Настеньку увели въ другую комнату; но горесть ея, стои краснорѣчиво выразившаяся, ни мало не нарушила пира. До десятого часа веселились гости, до десятого часа проплакала Настенька въ сосѣдней комнатѣ:...

Когда стали расходиться, Пелагея Ивановна тщетно искала своего племянника.

Онъ давно ушелъ.

ГЛАВА X.

ДВѢ РАЗРУШЕННЫЯ НАДЕЖДЫ.

Иванъ Захарычъ взялся отвезти Пелагею Ивановну въ своей таратаечкѣ до почтового двора, къ перевозу на Петербургскую сторону.

Погода была пасмурная, сырая. Дорогою Земцовъ нѣсколько разъ предлагалъ Пелагею Ивановну закрыть ее плащомъ, но она упорно отказывалась.

Улицы совершенно опустыли: только слышались оклики караульныхъ, да раздавался стукъ рогатокъ, задвигаемыхъ на концѣ улицъ.

Пелагея Ивановна была задумчива. Иванъ Захарычъ сидѣлъ, повѣсивъ голову на грудь и опустивъ возжи. Онъ приходилъ въ себя только тогда, когда лошадь, заманиваемая зеленой травой, сворачивала въ сторону, угрожая опрокинуть таратайку въ канаву.

— Чудное дѣло! проговорила Пелагея Ивановна какъ бы про-себя.

— Что вы изволили сказать? спросилъ Иванъ Захарычъ.

— Вы не видали, когда ушелъ Петруша?

— Не видалъ. Я только что отвернулся на минуту, а онъ и исчезъ.

— Чудное дѣло! сказала опять Пелагея Ивановна: этого съ нимъ никогда не бывало. Не понимаю, что съ нимъ случилось.

— Эхъ, Пелагея Ивановна, возразилъ Земцовъ, что дѣлается молодому человѣку?... Пелагея Ивановна, знаете ли пословицу, что сытый голоднаго не разуметь?

— Знаю. Что же?

— Я догадываюсь, что случилось съ вашимъ племянникомъ, сказалъ Земцовъ.

— Неужто, родимый? Скажите же мнѣ, коли догадываетесь.

— Съ нимъ приключилось то же, что и со мною.

— Не прогнѣвайтесь, Иванъ Захарычъ, а я все еще не понимаю.

— Сейчасъ, стойте.... Петръ.... Петръ.... какъ бишь его по батюшкѣ?

— Андреевичъ.

— Петръ Андреевичъ, должно быть.... влюбленъ.

— Что вы, Иванъ Захарычъ! вскричала Пелагея Ивановна: что вы! Въ кого ему влюбиться!... притомъ же онъ открылся бы мнѣ.... О нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Эхъ, Пелагея Ивановна! долго ли влюбиться.... вѣдь на то нашему брату.... то есть не только нашему брату, но и вамъ.... то есть и женщинамъ.... сердце дано. Вотъ хоть бы, примѣрно сказать, я самъ.... не думалъ, не гадалъ....

— Ай, батюшки!... Валимся, Иванъ Захарычъ, валимся!

— Ну, негодная! сердито крикнулъ Земцовъ, дернувъ возжи и поворотивъ на дорогу лошадь, которая вздумала-было присоединиться къ нѣсколькимъ коровамъ, пасшимся на дворцовомъ лугу.

Обстоятельство это непріятнымъ образомъ прервало разговоръ.

— О чемъ бишь мы говорили? спросилъ Иванъ Захарычъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Вы говорили, что мой племянникъ влюбленъ.

— Такъ точно; но знаете ли, почему я догадался?

— Почему?

— По симпатіи, Пелагея Ивановна, чувствительно возразилъ Земцовъ.

— Что это за штука?

— Симпатія? Это такое чувствіе, Пелагея Ивановна, по которому одно сердце познаетъ другое, понеже оба чувствуютъ равномерно.

— Какъ! нечто и вы того?

— Да-съ... и я.... того....

— Снажигте, пожауйста! А чтожь, Иванъ Захарычъ, доброе дѣло; право, доброе дѣло; вы мужички въ самыя лучшия годажь....

— Не правда ли? съ радостию вскричали Земцовъ.

— Карактера вы добраго, привѣтливаго; и состояньце у васъ хорошее; трудами своими вы обжились и нажились на прокъ и веселье....

— О, Пелагея Ивановна, кабы вы знали, какъ авантажны для меня ваши рѣчи!

— И коли угодно, Иванъ Захарычъ, такъ я какъ разъ дѣло уложу.

— Сдѣлайте такую милость....

— Назовите же мнѣ ту, которая вамъ приглянулась.

Земцовъ счелъ за благоразумное поворотить лошадей на самую середину дороги и хорошенько подобрать возжи. Потомъ онъ опять обратился къ Пелагее Ивановнѣ и открылъ уже ротъ, но, но не придумавъ еще, какъ объяснить ей дѣло, промолчалъ.

— Что же вы молчите? спросила Пелагея Ивановна.

— Радъ бы говорить, да... боюсь, осерчаете.

— Чего мнѣ серчать? Коли вы не по себѣ невесту выбрали, такъ вѣдь ваша воля.... а я-то паче что?

— Вы, Пелагея Ивановна!.. вы все! вскричалъ архитекторъ съ жаромъ и такъ крѣпко притянулъ къ себѣ возжи, что лошади остановилась.

Страстное выраженіе голоса архитектора поразило Пелагею Ивановну. Кристально посмотрѣла она на него, потомъ опустила глаза, и грустная улыбка выступила на лицѣ ея.

Пелагея Ивановна поняла нерѣшительность Земцова.

— Что же вы стали? спросила она послѣдняго, забывшаго стегнуть лошадей.

Иванъ Захарычъ, раздосадованный всеми неприятностями, которыми лошади дѣлала ему какъ бы на зло, такъ прударилъ ее, что она пустилась вскачь, и минутой спустя очутились у почтоваго двора, гдѣ былъ перевозъ на Петербургскую сторону.

— Вотъ мы и пріѣхали, сказала Пелагея Ивановна, неж-

ду тамъ какъ Земцовъ, испуганный отчаяннымъ бегомъ-ко-мид, не успѣвъ еще порядочно осадить его.

Выходя изъ дома Рибцова, Иванъ Захарычъ былъ счастливъ своей отъ радости, что ему представился такой удобный случай объясниться съ Пелагеей Ивановной; ему казалось, что слова такъ сами и польются. Но дорогою онъ никакъ не могъ подобрать этихъ словъ, и если бѣ не заговорила Пелагея Ивановна, такъ онъ, вѣроятно, промолчалъ бы до самаго переезда. Но-вотъ разговоръ завязался; дѣло шло на ладъ; оставалось только окончательно объясниться, а переездъ тутъ, какъ тутъ.

— Какъ скоро! произнесъ Земцовъ съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія: я не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ пріятной бесѣдѣ!...

— Да, очень скоро! сказала Пелагея Ивановна, улыбаясь и выходя изъ тартайки: спасибо вамъ, Иванъ Захарычъ; за компанію и за то, что довели меня... я сама постараюсь услужить вамъ: живо сосватаю вамъ чудо-невесту... Видъ вы знаете, что другихъ я сватать охотница, хотя сама дала себѣ слово никогда не выходить замужъ....

Грустное выраженіе было въ голосъ Пелагеи Ивановны, когда она произносила послѣднія слова.

— Прощайте, Иванъ Захарычъ! сказала она, и скоро пошла къ пристани.

Земцовъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый.

— Экая досада! проворчалъ онъ: не удалось мнѣ объясниться... Ну, нечего дѣлать! въ другой разъ!... Ахъ чортъ возьми! вѣдь она сказала, что сама не намѣрена выходить замужъ... А съ какой стати она это вымолвила?... Ахъ, башка! произнесъ онъ вслухъ, ударивъ себя ладонью по лбу: да вѣдь это она мнѣ на усь намотала!... Она поняла меня... и сировадила деликатнымъ манеромъ... Ну, штука!... Эхъ Иванъ Захарычъ, видно тебѣ на роду написано попадаться въ просакъ....

Сердито тряхнулъ онъ возжами и, чтобы хоть на комъ-нибудь выместить свою досаду, принялся хлестать коня, приговаривая:

— А все ты, бестія, виновать!.. Вотъ я тебѣ докажу дружбу... вотъ тебѣ за канаву... вотъ тебѣ за кочки... а вотъ за стоянку... а вотъ еще за канаву....

Лошадь, изумленная чувствительнымъ обхожденіемъ, къ которому ее не приучилъ обыкновенно добрый Иванъ Захарычъ, пустилась въ галопъ и ударила, по временамъ, задними копытами въ передокъ таратайки съ такою силою, что Земцовъ привскакивалъ.

Вскорѣ таратайка и конь исчезли во тьмѣ ночной... только слышалось еще хлопанье бича.

Старый матросъ отворилъ калитку Пелагея Ивановъ, когда она вернулась домой.

— Дома Петръ Андреевичъ? спросила она.

— Тома, отвѣчалъ матросъ изъ чухонцевъ.

— Почиваетъ?

— А я ни снай.

Войдя въ прихожую, Пелагея Ивановна увидѣла два сундука и нѣсколько разложенныхъ вещей.

— Что ты тутъ дѣлаешь? съ изумленіемъ спросила Пелагея Ивановна.

— Укладывайсь.

— Зачѣмъ?

— Завтра ѣхать.

— Какъ завтра? Петръ Андреевичъ хотѣлъ остаться еще три дня?

— Ни снай, отвѣчалъ матросъ, преспокойно продолжая укладывать; скасаль: уклатайсь, Михель, савтра ѣхать.

Пелагея Ивановна поспѣшно вошла въ комнату.

У порога двери въ сосѣдній покой видна была полоса свѣта. Пелагея Ивановна скоро подошла къ этой двери и постучалась.

— Кто тамъ? спросилъ ея племянникъ.

— Я, Петинька; ты еще не спишь? можно войти.

Бергъ самъ отворилъ дверь.

— Здоровъ ли ты, мой голубчикъ? спросила тетушка, переступивъ черезъ порогъ и пристально глядя въ лицо молодому чловѣку.

Онъ былъ блѣдень, грустенъ.

Читатели знаютъ, какъ и когда Бергъ познакомился съ Настенькой. Ему предстояло тогда далекое путешествіе, и хотя молодой унтеръ-лейтенантъ чувствовалъ уже нѣжную привязанность къ дочери гравера, однакожъ никогда не рѣшился бы просить объ исключеніи его изъ числа офицеровъ, назначенныхъ въ важную по своей цѣли экспедицію. Онъ увезъ бы съ собою нѣжное воспоминаніе о молодой дѣвушкѣ, и это воспоминаніе послужило бы ему часто утѣшеніемъ въ минуты грусти, ободреніемъ въ часы опасности и бѣдствій... По временамъ надежда придавала бы этому воспоминанію еще болѣе прелести... Надежда эта не имѣла бы никакого основанія; не смотря на то она, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ, придавала бы нѣкоторую дѣйствительность мечтаніямъ молодаго человѣка, когда онъ стоялъ бы на вахтѣ въ свѣтлый, тихія, сѣверныя ночи... Прошелъ бы годъ, другой. Время, жизнь неизмовѣрно разнообразная въ своемъ однообразіи, столкновеніе съ новыми лицами и предметами, изгладили бы изъ памяти Берга черты Настеньки; только сердце сохранило бы воспоминаніе о нѣжныхъ впечатлѣніяхъ краткаго знакомства молодыхъ людей... и Бергъ встрѣтилъ бы другую дѣвушку, которая возобновила бы, воскресила бы забытыя впечатлѣнія....

Но судьба рѣшила иначе, бросивъ на встрѣчу Бергу препятствія.

Препятствія испытуютъ нравственную силу человѣка. Они служатъ междою, за которую ступаютъ только характеры твердые, избранные.

Поединокъ имѣлъ для Берга несчастныя послѣдствія. Ему казалось, что вся будущность его, которая по временамъ представлялась ему радостною, блистательною, разстроилась. Въ грубой, матросской курткѣ прохалъ онъ передъ садикомъ, у котораго нѣсколько времени тому назадъ былъ такъ счастливъ, и крупныя слезы покатались изъ глазъ его, когда онъ увидѣлъ въ саду Настеньку.

Мысль о разстояніи, отдѣлявшемъ его, простаго матроса, отъ молодой дѣвушки, вскорѣ превратила нѣжную при-

вязанность къ ней въ пламенную, несчастную любовь...
 Постоянная грусть овладѣла сердцемъ Берга, но онъ не
 упалъ духомъ. Покорившись судьбѣ, онъ забывалъ о томъ,
 чѣмъ былъ прежде, и исполнялъ новыя обязанности свои
 съ усердіемъ.

Въ одиночествѣ своемъ Бергъ могъ вполне предаваться вос-
 поминанію о быломъ, сладостномъ и горестномъ... Безпре-
 станно растравляя легкую рану сердца, онъ сдѣлалъ ее не-
 излечимою.

Ласковое обхожденіе начальниковъ, видѣвшихъ въ гру-
 сти молодого человека глубокое, искреннее раскаяніе, оно
 ва пробудило надежду въ сердце его. Надежда эта осуше-
 ствилась, и съ невыразимою радостью полетѣлъ новопома-
 лованный мичманъ въ Петербургъ.

Но тамъ ожидалъ его новый ударъ... ударъ рывитель-
 ный, совершенно разрушавшій всѣ надежды его...

— Чтѣ съ тобою? заботливо продолжала Пелагея Ивано-
 вна, не спуская глазъ съ лица своего племянника.

— Ничего, тѣтушка, ничего, отрывисто отвѣчалъ молодой
 человекъ.

— Какъ ничего! Ты совершенно разстроенъ.... отчего
 ты ушелъ отъ Егора Назарыча, не сказавшись ни мнѣ, ни
 кому?... И съ какой стати ты задумалъ вѣхать завтра, когда
 тебѣ дѣнь отпускъ на три дня?

— Мнѣ надобнѣ Петербургъ... и всѣ его пиры... и уго-
 щенія...

Пелагея Ивановна задумчиво покачала головой.

— Хороши пиры.... мучать молодую дѣвушку.... заста-
 вляютъ ее кланяться, цѣловаться... говорилъ молодой чело-
 векъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

По рывкимъ, судорожнымъ движеніямъ его замѣтно бы-
 ло, что кровь его кипѣла...

— Петинька, голубчикъ мой, произнесла Пелагея Ивано-
 вна, растроганнымъ голосомъ; я-то чѣмъ тутъ виновата?

— Вы... вы! вскричалъ Бергъ, остановившись передъ
 тѣткой и стиснувъ зубы: вы, тѣтушка, разстроили все мое
 счастье! вы погубили меня!...

— Опомнись, Петруша, опомнись! : возразила Пелагея Ивановна съ упрекомъ: тебѣ кто-нибудь надосадила, а ты на меня вскинулся...

— Нѣтъ! повторяю, вы разстроили все мое счастье.... Пусть судить васъ Богъ, а я съ этой поры вамъ не племянникъ.... Завтра уѣду въ Кронштадтъ, черезъ три дня въ Ревель, а оттуда буду проситься куда-нибудь подальше, чтобы не видѣть васъ, не слышать про васъ!... Прощайте, Пелагея Ивановна, Богъ вамъ судья!... это наше послѣднее свиданіе.

Пелагея Ивановна гордо выпрямилась. Неблагодарность племянника оскорбила ее въ глубинѣ души. Для него одного жила она; къ его счастью клонились всѣ дѣйствія ея; а онъ почти выгонялъ ее отъ себя!

— Петръ, сказала она, и легкая дрожь замѣтна была въ голосѣ ея: Петръ, опомнись и сознайся, что ты въ горячность обидѣлъ меня.

— Пелагея Ивановна, отвѣчалъ молодой человекъ: если я обидѣлъ васъ, то вы сами тому причиной: во-первыхъ вашими поступками, а во-вторыхъ потому, что сами напросились на обиду. Я хотѣлъ увѣчать, не простившись съ вами.

— Мои же поступками! съ вспыльчивостію повторила Пелагея Ивановна: Петръ, это: неблагодарно! коли я напросилась на обиду, то ты вызываешь меня на упрёки!... Ты осмѣливаешься порицать мои поступки! Я чиста передъ Богомъ... Ему известно, что цѣлю всѣхъ моихъ дѣйствій было благо, а не какая-либо злоба.... Не изъ корысти вѣшалась я въ нѣкоторыя дѣла, а по убѣжденію въ правости этихъ дѣлъ, и—по любви къ тебѣ! Да, да, смотри мнѣ въ глаза, я смѣло могу повторить, что трудилась и хлопотала для тебя!... Поступки, которые ты такъ строго и презрительно порицаешь, избавили тебя отъ далекаго и опаснаго путешествія; поступки мои спасли тебя отъ смерти, когда противникъ твой занесъ уже надъ тобою кортикъ; поступки мои избавили тебя отъ ссылки послѣ воединна; поступки мои возвратили тебѣ офицерскій чинъ!....

— Вы, вы все это сдѣлали! вскричалъ съ изумленіемъ Бергъ.

— Богъ мнѣ свидѣтель!

— О, тѣтушка! вы хорошо дѣлаете, что призываете Бога въ свидѣтели, а то я не повѣрилъ бы вамъ! Я не повѣрилъ бы, что вы, моя родная тѣтка, причина всѣхъ моихъ несчастій.... Тщетно искалъ я руку, наносившую мнѣ ударъ за ударомъ.... О, тѣтушка, умоляю васъ, избавьте меня отъ вашего покровительства!

Пелагея Ивановна плакала: она начинала понимать благородное отчаяніе молодого человѣка,

— Знаете ли, продолжалъ послѣдній съ горечью: что выхлопотавъ мнѣ увольненіе отъ экспедиціи, вы отняли у меня случай отличиться, подвергли меня насмѣшкамъ, бывшимъ причиною поединка, послѣдствія котораго достойнымъ образомъ увѣнчали ваши старанія?... О, умоляю васъ, тѣтушка, ради самаго Бога, избавьте меня отъ покровительства, унижающаго меня въ собственныхъ глазахъ! Собственными заслугами хочу я добиться почестей, а не просками. Чинъ-мичмана пожалованъ мнѣ моимъ крестнымъ отцомъ, Императоромъ Петромъ Алексѣевичемъ... Я гордился этимъ чиномъ потому, что внутренно сознавалъ, что заслужилъ его... Видите ли, тѣтушка, Господь справедливъ: Онъ лишилъ меня незаслуженнаго, и я опять стою на той же точкѣ, до которой дошелъ собственными заслугами... Тѣтушка, я прошу вамъ все зло, которое вы мнѣ сдѣлали, только оставьте меня на произволъ собственной судьбы!..

— Господи! произнесла Пелагея Ивановна, всхлипывая и опустившись на колѣни: пути Твои неисповѣдимы!.. Отъ Тебя одного исходитъ благо... мы же блуждаемъ во тьмѣ... Прости, мнѣ Господи! Я согрѣшила по невѣдѣнію!...

И наступила минута молчанія, прерываемая только всхлипываніями Пелагеи Ивановны.

Она встала и протянула руку племяннику.

— Прости мнѣ, Петръ, сказала она тихимъ голосомъ.

Бергъ поцѣловалъ руку ея.

— Простите мнѣ, тѣтушка, жесткія слова...

— Родимый мой, гнѣвъ твой вылился изъ благороднаго сердца... Я виновата предъ тобою... Но ты не гнѣваешься больше, не правда ли?

— Нѣтъ, тѣтушка, нѣтъ, въ грустію отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И останешься?..

— Я долженъ взать.

— За чѣмъ, голубчикъ мой? сказала Пелагея Ивановна, утирая слезы и ласкалась къ племяннику.

— Не спрашивайте!...

— Петруша, сказала Пелагея Ивановна, взявъ руку Берга: у тебя есть какое-то тайное горе...

— Есть, тѣтушка, со вздохомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ: но ему нѣтъ помощи!

— За чѣмъ отчаяваться? Откройся мнѣ, и, можетъ-быть, я помогу...

— О нѣтъ, нѣтъ! съ живостію возразилъ Бергъ.

— Присядемъ, Петруша, я устала...

— Да, тѣтушка, вамъ нуженъ отдыхъ.... сонъ успокоитъ васъ....

— Ты гонишь меня отъ себя?

— Не гоню... но...

— Послушай, Петруша, сказала Пелагея Ивановна, садясь: мнѣ сдается, — улыбаясь, сквозь слезы посмотрѣла она на племянника, — мнѣ сдается, что ты.... влюбленъ.

Бергъ вздохнулъ; последнее слово ударило его прямо въ сердце.

— Я угадала? съ живостію спросила кѣтка.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

— Ну, признайся; тебѣ стыдиться нечего... ты вѣдь не красная дѣвица, продолжала Пелагея Ивановна, улыбаясь.

— Да, тѣтушка, съ усиленіемъ отвѣчалъ Бергъ: вы угадали, ... но ради Бога, не спрашивайте...

— Э, полно! весело возразила тѣтка: молодежь всегда такова... Назови-ка мнѣ свою красавицу, и ты увидишь, что всѣ бѣды, всѣ препятствія, которыя мерещатся тебѣ, разлетятся какъ дымокъ....

— Не шутите, тётушка! сказала Бергъ...

Выраженіе голоса его испугало Пелагею Ивановну. Улыбка внезапно исчезла съ лица ея.

— Петръ, сказала она: не слышали ли вѣско вы занесся?

Бергъ отрицательно покачалъ головою къ правой уомъшкой.

Тётка подумалаъ.

— Ума не приложу, сказала она, недовольнаго мнѣнія: ради Бога, Петруша, успокой меня... Скрытой горе тамъ же: на сердце... Другъ мой, отройся мнѣ, я ради горю, въ самый дѣль, нечая помочь, такъ мы хоть развѣдимъ его пополамъ... ахъ, полегче будетъ...

Бергъ закрылъ лицо обѣими руками, и, помолчавъ несколько секундъ, сказала:

— Вы правы, тётушка, я долженъ открыться вамъ, чтобы вы прояли мое намъреніе навсегда удалиться изъ Петербурга, изъ Кронштадта, куда-нибудь подальше...

Слова покатылись по щекамъ молодого человека.

— Голубчикъ ты мой! провзнесла Пелагея Ивановна, съ любовію смотря на племянника: Богъ наказываетъ меня... гонялась я за суетой, а не подумала побережь сердце свое... Плачь, дитя мое, не стыдись;... слезы, родимый, Божья роса... они освѣжаютъ сердца...

И Пелагея Ивановна завалила виски съ племянникомъ.

— Тётушка, сказала, наконецъ, послѣдній и судорожно отеръ слезы: ту, которую я люблю уже больше году, всѣмъ сердцемъ, вы освѣтали за другого!...

— Я!... опять я!

Эти три слова подобно воплю вырвались изъ груди Пелагеи Ивановны.

— Я не виню васъ, тётушка... и виню самого себя... За чѣмъ прежде не открылся вамъ... Настасья Алексѣевна могла бы подождать... она еще молода...

— Настасья!... дочь Зубова!... вскричала тётка.

Бергъ молча кивнулъ головою.

Целагея Ивановна опустила голову на грудь и горько заплакала....

Племянникъ, въ свою очередь, сталъ утѣшать ее.

Наконецъ, она подняла голову; слезы струились еще по щекамъ ея, но на лицѣ выразилось грустное спокойствіе.

— Въ правъ, сказала она тихимъ голосомъ: этому горю кнѣзь помощи!... Съ Богомъ, дитя мое, преданная оубо, вставая, шорекрестивъ племянника и поцѣловавъ его въ щеку: невозмай, тебѣ въ Питерь не житье.... Неожиданно, прибавила она прерывающимся голосомъ: да не поминай меня лядомъ... Видитъ Богъ, я готова отдать за тебѣ жизнь....

Целагея Ивановна не выдержала и, плача, бросилась на шею племяннику.

— Придется ли намъ еще увидѣться?... поворота она, всхлипывая,—да будетъ воля Божья.... А ты, не забывай меня.... пиши.... и когда горе спадетъ съ беднаго сердечка.... пріѣзжай опять.... прощай, прощай, мое дитятко!...

Горячія слезы Берга упали на руку тѣтки.

— Господь съ тобою, дитя мое!... произнесла Целагея Ивановна, благословивъ своего крестника, и пошла къ двери.

На порогъ она остановилась, оглянулась и еще разъ кивнула головою....

На другой день Целагея Ивановна одна плакала въ пустой комнатѣ своего племянника.

ГЛАВА XI.

Первозъ.

Давно не было такого очаровательно-прекраснаго утра, какъ въ назначенный день свадьбы Егора Назарыча Рязанова.

Ночной туманъ припалъ къ землѣ. Весело, радостно ча-

лились солнечные лучи по черепичнымъ кровлямъ столицы. Небо было светло-голубое, и самыя деревья, листья которыхъ уже начинали желтеть, какъ бы ожили подъ благотворнымъ вліаніемъ осенняго солнышка.

Давно Егоръ Назарычъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ это утро. И не удивительно, — сегодня молодая дѣвушка, которую онъ любилъ всюю душою, произнесетъ передъ алтаремъ клятву принадлежать ему; и послѣ этой клятвы начнется для него новая жизнь, исполненная истиннаго счастья....

Не шумно, выражалось счастье Рязкова; оно все сосредоточивалось въ сердцѣ и блестяло въ кроткихъ глазахъ, зеркаль сердца его.

Нѣживе обыкновеннаго поздоровался онъ съ сестрами, которыя перемигнулись, замѣтивъ радость, сіявшую на добродушномъ лицѣ его.

— Радѣ ли вы братецъ? спросила старшая сестра.

— Можно ли мнѣ не радоваться? отвѣчала онъ тихимъ голосомъ: Господь видимо благословляетъ меня.... Посмотрите, даже погодка какъ будто разделяетъ мое блаженство.... Право, сестрица, счастливѣе меня нѣтъ человека въ мѣрѣ!

— А не разлюбите ли вы насъ, братецъ? сказала младшая.

— Васъ, мои голубушки!... Не вы ли устроили мое счастье?... Не вы ли до сихъ поръ дѣлили со мною горе и радость?... Родныя мои! У меня достанетъ любви про всѣхъ!... Видите Богъ, про всѣхъ!

Напившись чаю, сѣстры принялись опять за приготовленія къ готовившемуся празднеству, а Егоръ Назарычъ взялся за шляпу.

— Сестрицы, сказамъ онъ, я пойду къ Троицѣ.... Сердцу не терпится; оно такъ и просится помолиться Господу и поблагодарить Его за всѣ милости....

— Идите съ Богомъ, братецъ.... Молитва ваша будетъ угодна Господу,

Егоръ Назарычъ крвико поцѣловалъ сестеръ. Слезы на-
вернулись на глазахъ его.

Онъ вышелъ изъ дому, перешелъ черезъ улицу и, остано-
вившись на берегу Мыи, засмотрѣлся на воду; постоявъ нѣ-
сколько минутъ, онъ хотѣлъ идти далѣе, но невольно огля-
нулся и опять остановился. Что-то непреодолимое влекло
его назадъ, домой, — и, почти безсознательно, направилъ
онъ шаги къ воротамъ.

Калитка была не заперта. Егоръ Назарычъ вошелъ на
дворъ, на крыльцо, въ сѣни.

Тамъ были сѣстры его. Одна изъ нихъ шла въ чуланъ,
другая отдавала приказаніе работницъ.

Егоръ Назарычъ остановился на порогъ.

— Чтѣ вы вернулись, братецъ? спросила одна изъ се-
стеръ.

— Я хотѣлъ... отвѣчалъ Егоръ Назарычъ, почесывая
лобъ, и не докончилъ своего отвѣта.

— Не забыли ли вы чего?

— Нѣтъ... ничего не забылъ... чтѣ бишь я хотѣлъ ска-
зать?

— Не по хозяйству ли?

— Да, да, точно! по хозяйству... только теперь не пом-
ню... совсѣмъ изъ ума вонъ!

— Не тревожьтесь, братецъ, по хозяйству все будетъ въ
исправности... сказала старшая сестра.

— Разумеетсяъ! Я и самъ не знаю, что мнѣ за мысль та-
кая пришла... Прощайте, сестрицы!

И Рябковъ, въ избыткѣ нежности, еще разъ поцѣловалъ
сестеръ.

— Чтѣ это вы, братецъ, такъ прощаетесь, словно куда въ
дорогу собираетесь, сказала старшая сестра.

Егоръ Назарычъ засмѣялся.

— Не знаю, сестрица, отвѣчалъ онъ: но у меня такая
пріятность на сердцѣ, какой я отъ-роду не испытывалъ
еще.... Такъ бы вотъ и разцѣловалъ всю поднебесную!

— Божья милость, братецъ; отъ Него исходитъ всякое
благо.

— Правдиво, сестрица!... и Ему же подобает всякое благодареніе.... Пойду молиться..

Егору Назарычу очень хотѣлось еще разъ поцѣловать сестеръ, но ему стало стыдно своей излишней вѣжвости.

— Прощайте, сестрицы, произнесъ онъ тихимъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго чувства; потомъ какъ бы нѣхоти и медленно отвернулся.

Ступивъ два шага, онъ опять остановился.

— Прощай, Аринья, сказалъ онъ работницѣ, и еще разъ кивнулъ сестрамъ головою.

— Прощайте, батюшка! отвѣчала Аринья, улыбувшись такой небывалой учтивости.

Улыбка эта произвела непріятное впечатлѣніе на Егора Назарыча, и онъ поспѣшно удалился.

Казалось, ощущеніе, перепомянувшее сердце Рябкова, было ему не по силамъ. Охотно поднялся бы онъ своимъ счастьемъ; ему казалось, что хотя бы онъ отдалъ добрую половину, то все-таки на его долю осталось бы довольно.

Было еще рано. Чухны съ возами жизненныхъ припасовъ медленно тащились на рынокъ; бабы съ кулками спѣшили туда же; купцы отпирали лавки.

Перейдя черезъ Зеленый, а нынѣшній Полицейскій мостъ, Егоръ Назарычъ повернулъ къ гостиному двору. Мальецъ отперъ уже лавку его. Рябковъ похлопалъ на всѣ четыре стороны и вошелъ въ лавку; приказавъ мальцу не отпускать ни одного нищаго безъ подаянія, онъ взялъ изъ угла мѣшечекъ съ овсомъ и вышелъ.

Передъ навѣсомъ слетались голуби на ежедневное пропитаніе. Громко воркуя, окружили они Егора Назарыча. Бросивъ имъ нѣсколько пригоршней овса, онъ съ улыбкой смотрѣлъ, съ какою быстротой исчезали зерна, потомъ отдалъ мальцу приказаніе, приказавъ ему *закрыться* въ третьемъ часу, и побесѣдовалъ съ двумя-тремя соседями.

— Чтò батюшка, Егоръ Назарычъ, сказалъ ему одинъ изъ нихъ: ужò ты будешь нашего поля ягода. Поди-ка, ты теперь, самъ не свой?

— Не страшней, Иванъ Ивановичъ, отзывалъ Рыбковъ: не знаю, право, и самъ, что у меня такое на сердцѣ.

— Женного дьявола! Разумишь мы это!

Егоръ Назарычъ простился и вышелъ изъ гостиннаго двора.

— Радуйся, сказалъ молодой, безбородый купчикъ своему товарищу: радуйся! успишь еще заплакаться! Жена-то молода, макъ разъ за указку посадить!

И онъ грубо захохоталъ.

Егоръ Назарычъ былъ уже далеко и не слышалъ этого смѣха.

На адмиралтейскомъ лугу къ счастливку подошелъ нищій.

— Кунецъ честной, Христа-ради!... говорилъ онъ протяжнымъ голосомъ.

Егоръ Назарычъ далъ ему алтынъ. Пока нищій, неусленный такою щедрою подачей, отзывивалъ поклонъ за поклонъ, за Рыбковимъ бѣжала уже оборванная старуха съ ребенкомъ. Счастливецъ подалъ и ей алтынъ, радуясь случаю поконить несчастливимъ и хотъ такимъ образомъ передать частичку блаженства, наполнявшаго сердце его. Но чувство этого блаженства было какъ-то странно для Егора Назарыча. Онъ не понималъ что съ нимъ дѣлается.

Рыбковъ перѣхалъ въ лодку на Петербургскую сторону, и пошелъ черезъ Троицкую площадь, къ церкви.

Въ храмѣ Божіемъ было пусто, тихо.

Нѣсколько женщинъ, поставивъ свѣчи къ образамъ, благоговѣнно молилась.

Егоръ Назарычъ купилъ десять свѣчей и пошелъ ставить ихъ.

Усердно молился онъ... или, лучше сказать, молилась душа его, не развлекаемая ни малѣйшимъ шумомъ...

Въ темномъ углу преклонилъ счастливецъ колѣни; кабожно припадалъ онъ къ полу, и крупныя слезы текли по щекамъ его...

Никогда еще, въ жизнь свою, Егоръ Назарычъ не ощущалъ ничего подобнаго тому, что теперь происходило въ душѣ его. Она находилась въ какомъ-то восторженно-ре-

лигіозномъ состояніи и, не смотря на всю величину земнаго счастья добраго купца, онъ какъ бы жаждалъ въ эти минуты познанія иного, вѣчнаго счастья; какъ бы вспомнилъ о тѣнноти и недолговѣчности всего земнаго, Рябковъ утратился одной мысли о томъ, что и его радости могутъ превратиться въ печали... и душа его просилась туда, гдѣ все прочно, постоянно, безконечно...

Церковь мало-по-малу наполнялась народомъ. Торжественно загудѣли колокола. Началась обѣдня.

Егоръ Назарычъ не трогался съ мѣста. Мысленно повторялъ онъ каждое слово священнослужителя, и душою возносился къ престолу Всевышняго...

Кончилась обѣдня, а Рябковъ все еще стоялъ на колѣняхъ, совершенно отдѣлившись отъ всего мірскаго.

Наконецъ, онъ очнулся, отеръ слезы и всталъ.

Молитва облегчила сердце его...

Счастье имѣеть иногда свою тягость, налегающую на грудь; кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ въ сердце человека развивается тайное, непобѣдимое опасеніе, основанное на измѣчивости и непрочности счастья.

Рябковъ не разбиралъ своихъ ощущеній; медленно и съ сожалѣніемъ оставилъ онъ храмъ Божій.

Видъ свѣтлаго, чистаго неба, теплые, солнечные лучи, видъ зелени и голубыхъ струй рѣки разогнали задумчивость, вызванную на добродушное, открытое лицо Рябкова, тихую торжественностію богослуженія. Онъ подошелъ къ перевозу, и только тогда замѣтилъ, что съ запада поднималась густая туча.

— Садись, хозяинъ! Духомъ перевозу! сказалъ молодой парень въ свромъ кафтанъ, сидѣвшій въ неуклюжей, небольшой лодкѣ, и державшійся багромъ за плоть. Съ однимъ что ли врать?

— Съ однимъ, отвѣчалъ Рябковъ.

— А что дашь?

Рябковъ взглянулъ на парня; лицо его понравилось ему; онъ захотѣлъ его порадовать и подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ.

— Съ жепухами не торгуются, сказалъ Рябковъ: вези безъ торгу. На разживу дамъ тебѣ три алтына, а ты помолись за меня Господу Богу. Сегодня, любезный, моя свадьба!

— Ой ли, хозяинъ! Ну, дай тебѣ, Господи, счастья на вѣки вѣковъ! Вижу, что ты человекъ добрый. Садись, хозяинъ! Не переплыву съ тобой, а перелечу! Вотъ оно что! А когда твоя свадьба-то?

— Сегодня.

— Сегодня! Да что-жь ты это! Невѣста-то твоя на которой сторонѣ? Чай, на той?

— На той.

— Садись, усаживайся скорѣе! Ужь такъ стану грести, что, не только, по пословицѣ, небу, но и холодной водѣ будетъ жарко! Вотъ оно что! Мигомъ черезъ Неву махну! Уважу!

— Добрый ты парень, я вижу. Вотъ тебѣ не три алтына, а пль, на разживу! Возьми деньги впередъ.

— Вѣкъ тебя не забуду, хозяинъ! Добрый ты человекъ! Господь наградитъ тебя, и дастъ тебѣ счастье на вѣки вѣковъ, нерушимо.

— Спасибо за доброе желаніе, любезный! сказалъ Рябковъ, подавалъ перевозчику деньги, съ добродушною улыбкой.

Лодка отчалила отъ берега. Ванька сдержалъ слово, и такъ сильно, необычайно гребъ веслами, что Нева удивилась, и только жемчужною пѣною, рассыпавшеюся съ шумомъ около лодки и весель Ваньки, выразила свое чувство удивленія.

Добрался уже Ванька до сѣдины широкой рѣки. Тучи на западѣ, гонимыя бурей, въ нѣсколько минутъ взгромоздились грозными горами и запыли полнеба. Яркая молнія разрѣзала ихъ и загудѣлъ величественно громъ.

Рябковъ и Ванька, снявъ шапки, перекрестились.

Не успѣли они надѣть шапки, какъ налетѣла и завывла буря. На Невѣ вмигъ расходились волны, разбѣгались по пнямъ зайчики, то есть пѣна разъяренной воды; лодку Ваньки бросало изъ стороны въ сторону, какъ щепку.

Поблѣднѣлъ Ванька. Рябковъ не поблѣднѣлъ; на лицѣ его выражалась молитва.

— Держись, хозяинъ! Дѣло плохо! сказалъ Ванька.

— А что? Ты, кажется, струсилъ?

— Нѣтъ, не струсилъ! только, признательно сказать, такой бури на Невѣ я еще отъ-роду не видывалъ.

— Мало ли ты чего не видывалъ! Ты еще молодъ.

— Оно такъ, но, право, не видывалъ. Держись, хозяинъ! Вишь ли, какъ волны-то лѣзутъ къ намъ въ лодку. Выгребай ихъ своей шапкой, хозяинъ, а я буду грести.

— Ладно! Гроби усерднѣе, а я буду выкачивать воду шапкой.

— Хозяинъ! Я вижу, что потонемъ!

— Воли Божія, если потонемъ!

— А ты плавать умѣешь?

— Нѣтъ!

— А я умѣю.

— Ну, такъ что-жь?

— Ничего!

— Гроби!

— И то гробу!

Буря свирѣѣла. Ванька, выбившись изъ силъ, сложилъ весла, пустил лодку на произволь волнъ и бури, и началъ раздѣваться.

— Что ты дѣлаешь?

— Раздѣваюсь, хозяинъ! неравно придется плыть.

— А вѣдь я не умѣю плавать.

— Жалко!

— Да къ чему ты это говоришь?

— Да къ тому, что лодку нашу, того и смотри, перевернетъ вверхъ дномъ.

— Господи, Боже мой! произнесъ Рябковъ, перекрестившись: въ Твоей воли и рожденіе, и земная жизнь, и смерть, и вѣчная жизнь человека? Да будетъ воля Твоя!.. Ваня! Потонемъ что ли мы?

— Авось не потонемъ, хозяинъ, если плавать умѣешь.

— Не умью, Ваши! Я ужъ тебѣ сказалъ.

— Эко горе какое! Я то какъ-нибудь выплыву авось, и доберусь до берега, а ужъ какъ тебѣ помочь — не знаю!

— Прощай, Ваши! Скажи моимъ милымъ сестрамъ, моей милой невѣстѣ, Настенькѣ, что я потонулъ, и чтобы они молились за мою душу. Домъ мой на рвчкѣ Мвѣ, близъ Зеленаго моста. Фамилія моя. — Рябовъ.

— Ладно! Все это скажу, хозяинъ, коли самого меня Богъ до берега донесетъ. Эхъ, хозяинъ! Потасилъ бы и тебя, да силъ не хватаетъ при такой бурѣ. Ей ей, не хватить!

Яростный валъ ударилъ въ лодку. Она опрокинулась. Ванька поплылъ. Рябовъ перекрестился и... потонулъ.

ГЛАВА XII.

Последняя жертва.

Прошло четыре мѣсяца.

За нѣсколько дней до Рождества, въ калитку дома Алексѣя Матвѣевича Зубова стучалась Пелагея Ивановна.

Старая Акулина впустила гостью.

— Пелагея Ивановна! вскричала Настенька, выбѣжавъ въ сѣни на встрѣчу гостьѣ; сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ не видали! Пожалуйте скорѣе! маменька будетъ радешенька вамъ... Дайте, я сниму съ васъ шубу, миленькая Пелагея Ивановна... Мы совсѣмъ соскучились безъ васъ...

Улыбалась, глядя на Пелагею Ивановна на молодую дѣвушку; удовольствіе последней казалось ей добрымъ предзнаменованіемъ и ручательствомъ за успѣхъ дѣла, по которому она пришла.

Пелагея Ивановна, по прежнему, не сидѣлось безъ дѣла.

Ласково приняли ее родители молодой дѣвушки. Поздоровавшись и пораспросивъ гостью о здоровьи, граверъ ушелъ въ свою мастерскую. Мавра Федоровна пустилась въ распросы о городскихъ новостяхъ. Пелагея Ивановна отвѣчала

довольно отрывисто, искоса поглядывая на Настеньку и какъ-бы придумывая средство удалить ее. За нѣсколько времени передъ тѣмъ Мавра Ѳедоровна сразу бы угадала желаніе гости-хлопотуньи, но теперь обстоятельства пере-мѣнились.

За то Настенька стала подогадливъе. Инстинктъ сердца подшепнулъ ей, что Пелагея Ивановна пришла для нея, и, воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ, она вышла изъ комнаты.

— Скажите-ка мнѣ, Мавра Ѳедоровна, поспѣшно сказала Пелагея Ивановна, прервавъ какой-то вопросъ хозяйки: что Настенька?

— Ничего, слава Богу!

— Не грустить?

— Сначала погрустила, а теперь прошло.

— Ну, и слава Богу! правду вымолвить, матушка Мавра Ѳедоровна, покойникъ Егоръ Назарычъ, дай Богъ ему царствіе небесное, былъ человекъ пречестивѣйшій и предобрѣйшій, да не женихъ Настенькѣ!

— Видно что такъ, родимая.

— Да ужъ я вамъ говорю... А вотъ что, Мавра Ѳедоровна! Я разъ сосватала вамъ Настю, и еще разъ сосватаю...

Пелагея Ивановна ожидала, что Мавра Ѳедоровна съ признательностью приметъ предложеніе ея, но ошиблась: хозяйка слегка смутилась и отвѣчала довольно холодно:

— Благодарствую... Не къ спѣху, матушка; пождемъ, подумаемъ...

— Чего ждать! съ безпокойствомъ вскричала Пелагея Ивановна: не сидѣть же ей въ дѣвкахъ!

— Небожь, родная, не засидится.

— Да ужъ вы не пріискали ли ей жениха? съ возрастающимъ безпокойствомъ спросила Пелагея Ивановна.

— Не то что пріискали... А такъ, знаете... есть на примѣть человекъ...

— Эхъ, Мавра Ѳедоровна, грѣшно вамъ! возразила гостя обиженнымъ голосомъ: кажись я вамъ несовсѣмъ чужая... Можно бы и посоветоваться и потолковать вмѣстѣ... А то

вы, этакъ, помимо меня... Не ожидала, Мавра Федоровна; право, не ожидала отъ васъ такого презрѣнія!

Держась того правила, что въ колодець ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ плевать, Мавра Федоровна стала уговаривать гостью и увѣрять ее, что ничего еще не порѣшено; что она только думаетъ, и что, навѣрное, не замедлила бы сообщить обо всемъ Пелагеѣ Ивановнѣ, если бы *человѣкъ*, на котораго она задумала, приступилъ къ рѣшительному объясненію.

— Но кто же этотъ *человѣкъ*? спросила гостья.

— Хоть это наша семейная тайна, а вамъ сказать можно. Извольте видѣть, когда мы извѣстили Ивана Захарыча Земцова...

Мавра Федоровна замолчала. Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги; вошелъ архитекторъ.

Последнія слова хозяйки, изысканность наряда Ивана Захарыча и смущеніе его при видѣ Пелагеи Ивановны, открыли последней семейную тайну Мавры Федоровны, и сильное безпокойство сжало сердце ея. По дружественнымъ сношеніямъ съ граверомъ и по порядочному состоянію, архитекторъ былъ опаснымъ соперникомъ тому, за котораго намѣревалась ходатайствовать Пелагея Ивановна.

Она поклялась, что это будетъ послѣднимъ дѣломъ ея, и что устроивъ его, она посвятитъ себя семейной жизни молодыхъ супруговъ. Но вотъ, являлось новое препятствіе... и Пелагея Ивановна задумалась.

Земцовъ зашелъ только мимоходомъ; онъ принесъ граверу нѣсколько чертежей изъ канцеляріи отъ строепій. Вѣроятно онъ желалъ и надѣялся увидѣться съ Настенькой, но она не выходила. Просидѣвъ съ четверть часа и не находя въ своемъ смущеніи словъ, для поддержанія разговора, онъ рѣшился, наконецъ, откланяться.

Пелагея Ивановна молчала почти во все время, но на лицѣ ея уже не было замѣтно прежняго безпокойства; она бросила на Ивана Захарыча нѣсколько взглядовъ, увеличившихъ смущеніе его, и, когда онъ сталъ прощаться, по-

просила, чтобы онъ—если ему по дорогѣ,—доставилъ ее до того мѣста набережной, гдѣ лѣтомъ бываетъ перевозъ.

— Я пораспрошу его, шепнула она Мавръ Федоровнѣ передъ уходомъ.

Нѣсколько минутъ спустя, сани отъѣхали отъ воротъ дома гравера.

Целагея Ивановна была задумчива, печальна. Ивану Захарычу было какъ-то неловко; но считая продолжительное молчаніе неприличнымъ, онъ, наконецъ, первый прервалъ его.

— О чемъ вы печалитесь? спросилъ онъ.

Целагея Ивановна вздохнула.

— Не произошла ли съ вами какая прискорбность? продолжалъ Иванъ Захарычъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Целагея Ивановна. Мы съ Маврой Федоровной вспомнили о покойникѣ, бѣдномъ Егорѣ Назарычѣ.... Мнѣ взгрустнулось по немъ.

— Да! добрый былъ человекъ.... Да что объ немъ жалеть! Онъ теперь посчастливиле намъ, грѣшныхъ.

— Истинно такъ, Иванъ Захарычъ..... И знаете ли, не женихъ онъ былъ Настенькѣ, сказала Целагея Ивановна.

— Да вѣдь вы же сосватали, не въ попрекъ вамъ будь сказано.

— Эхъ, батюшка! Вся мы грѣшные; часто не знаемъ, что творимъ. Закалясь теперь! Статочное ли дѣло сватать молодую девушку за человека, который ей въ отцы годится.

Земцовъ поморщился, закашлялся, и приударилъ лошадь.

— Не гоните, пожалуйста, я смерть какъ боюсь опрокинуться, сказала Целагея Ивановна, желая выиграть время.

Архитекторъ удержалъ лошадь и сказалъ:

— Конечно, Егоръ Назарычъ былъ ужъ слишкомъ старъ для Настеньки; но есть люди, которыхъ хоть и за сорокъ, но у которыхъ сердце еще свѣжо и молодо....

— Да! есть! возразила Целагея Ивановна, опустивъ глаза.

Ободренный этимъ подтвержденіемъ, Земцовъ продолжалъ съ жаромъ:

— Вотъ хоть бы, примѣрно, я.... не въ похвальбу себя

скажу, — а, право, у меня хватить еще сердца, чтобы осчастливить жену.....

Пелагея Ивановна вздохнула, и архитектору показавшись, что она слегка приблизилась к нему. Мурашки пробьжали по всему телу его.

— Притомъ же, продолжалъ онъ нетвердымъ голосомъ: холостая жизнь наскучила мнѣ..... Придешь домой, — грустно; никто не встрѣтитъ ласковымъ словомъ; уходишь со двора безъ сожалѣній.... То ли дѣло съ женой!.... Правду пословица говоритъ: какъ дома женушка, да брага, да ини, такъ другаго добра и съ раю не нищи!

— Истинно такъ, тихимъ голосомъ произнесла Пелагея Ивановна: я сама знаю это по опыту. Одночество куда какъ тяжко!

Съ этими словами она такъ умильно посмотрѣла на Ивана Захарыча, что у него занялся духъ.

— Поможите ли вы..... сказалъ онъ, заикаясь: когда, посылъ пирушки у покѣйцаго Рябкова..... я донезу васъ..... до перевоза.....

— Помню, отвѣчала она, опустивъ глаза. Вы уже тогда говорили мнѣ о вашемъ намѣреніи жениться.... Можетъ быть, вы раздумали?

— Кто?... то есть я?... не то что раздумалъ, я..... тово....

— Мужчины ужасно непостоянны, сказала Пелагея Ивановна съ грустью.

Иванъ Захарычъ терялся болѣе и болѣе.

— Нѣтъ!... сдѣлайте одолженіе, говорилъ онъ: тутъ никакого непостоянствія нѣтъ..... Только вы изволили тогда сказать, что не намѣрены..... выходить замужъ.....

— А какое вамъ дѣло до меня?.....

Пелагея Ивановна опять взглянула на Ивана Захарыча, и привела его въ такое замѣнительство, что онъ поступилъ совершенно по пословицѣ: изъ огня да въ полымя, вскричавъ:

— Да нешто вы не поняли, что oprичъ васъ ни къ кому сердце мое не лежало въ тѣ поры?

— Ахъ, Иванъ Захарычъ! стыдливо произнесла Пелагея Ивановна; но, поправившись, она продолжала: неужели слова мои такъ испугали васъ, что вы за потребное разсудили присвататься къ другой дѣвицѣ?..

— Не обижайте, Пелагея Ивановна, я не сватался....

— Правда ли?

— Ей, ей, не сватался!

Они проехали уже мимо перевоза; Пелагея Ивановна

только теперь замѣтила, что они выѣхали на набережную передъ Лѣтнимъ садомъ.

— Куда же мы ѣдемъ? сказала она, улыбаясь. Постойте, я выйду.

— Посидите еще маленько, произнесъ умоляющимъ голосомъ Иванъ Захарычъ: побесѣдуйте еще....

— Мнѣ теперь некогда.... спѣшу домой; но выслушайте одну просьбу!

— Говорите, Пелагея Ивановна; я все готовъ для васъ сдѣлать!

— Посватайте невесту моему племяннику.... Родители ея послушаютъ васъ скорѣе, а молодая дѣвушка давно уже любить моего молодца....

— Но кто же родители?

— Зубовы, отвѣчала Пелагея Ивановна, и не давъ опомниться архитектору, прибавила, пожавъ ему руку: прощайте, свѣшу встрѣтить племянника, возвращающагося изъ Ревеля, а васъ жду завтра*утромъ къ себѣ.... Авось, порѣшимъ и ваше дѣло....

Мавра Федоровна чрезвычайно удивилась, когда Земцовъ сталъ просить руки Настеньки не для себя, а для молодого Берга. Она хотѣла-было пуститься въ возраженія, но архитекторъ убѣдилъ ее, объявивъ, что онъ старается въ пользу своего племянника.

Пелагея Ивановна принесла послѣднюю жертву сыну сестры своей; жертву, правда, не слишкомъ великую, потому-что сама питала тайную склонность къ красивому, веселому и доброму Ивану Захаровичу. Она согласилась на его предложеніе.

Не смотря на всѣ наши розысканія, мы не могли достоверно узнать: состоялись ли свадьбы Берга съ Настенькой, и тетки его съ Иваномъ Захаровичемъ. Вѣроятно, состоялись, а можетъ-быть и нѣтъ. Судьба бѣднаго Рябова разительнѣе доказала, что на землѣ нѣтъ ничего вѣрнаго.

Н. Фурманъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ И ПОРУЧИКЪ

1710 года.

БЫЛЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Продолженіе.) *

III.

Русское войско, какъ извѣстно нашимъ читателямъ изъ предыдущей главы, выступило на разсвѣтѣ, съ Котлина острова къ Выборгу. Поручикъ Лановъ увидѣлъ на опытѣ, что опасенія друга его, лейтенанта Вѣтрина, были основательны. Снѣжные сугробы, трещины, полыньи на Финскомъ заливѣ непрерывно преграждали храброму войску дорогу, не проложенную никѣмъ и опредѣляемую по компасу; каждую минуту опасались, чтобы пушки и мортиры не провалились сквозь ледъ. Капитанъ, командовавшій отрядомъ артиллеріи, непрерывно кричалъ: «Осторожнѣе, ребята! Смотрѣть, крепко ли ледъ! Не забудьте, что подо льдомъ море и смерть, а впереди Выборгъ и побѣда! Постарайтесь, ребята!»

— Рады стараться, отецъ-командиръ! восклицали солдаты и дѣлали, просто, чудеса! Завязнетъ пушка въ снѣжномъ сугробѣ, — солдаты сбѣгаютъ, почти подвигаютъ ее на ру-

* См. первую книгу *Сына Отечества* за текущій 1848 годъ.

какъ, понукають лошадей, и пушка опять на ровной, ледяной дорогѣ! Затрещалъ ледъ подъ пушкою, — гдѣ ни возьмутся длинныя доски; подсовываютъ ихъ подъ колеса, и съ крикомъ: ура! спасаютъ орудіе отъ потопленія. Обѣзжаютъ по льдинѣ; черезъ трещины вмигъ готовы мостики изъ досокъ, и русская артиллерія, какъ, нежданная, громовая туча, все ближе и ближе къ шведской крѣпости. Кавалерійскія лошади, заостривъ уши и храпя отъ страха, живолиценно удивляются въ рыхлый ледъ передними ногами и не хотятъ идти далѣе; но всадники, подобравъ удила, принимаютъ за шпоры, и кони ихъ, распустивъ по вѣтру гриву и сверкая глазами, несутся по тонкому льду впередъ. Пѣхота, видя все это и надѣясь на свои закаленные въ походахъ ноги, своими молодецкими восклицаніями поощряетъ артиллерію и кавалерію, и сама не столько маршируетъ, сколько бѣжитъ, не назадъ, конечно, а впередъ, къ непріятельской крѣпости.

Главнокомандующій, графъ Апраксинъ, на своей гвѣдой лошади, ѣдетъ впереди всѣхъ, держа въ одной рукѣ удила своего копя, а въ другой—маленькій, ручной компасъ.

Ледъ и ледъ, покрытый снѣгомъ! Больше ничего не видно! Выборгъ — неизвѣстно гдѣ! Солнце до половины погрузилось въ отдаленную, покрытую туманомъ снѣжную равнину. Оно гаснетъ болѣе и болѣе, съ каждою минутой! Кажется, что ледъ и снѣгъ погасятъ навсегда жаркое и свѣтлое солнце, и оно не взойдетъ на другой день. Вотъ! Солнце совсѣмъ погасло, и наступила, темная, туманная ночь.

Мракъ ночи разсѣяла на нѣсколько минутъ луна; но в ее скрыли густыя тучи, и русское войско — на тонкомъ, невѣрномъ льдѣ, посреди темноты, на неизвѣстной, загадочной дорогѣ! Подо льдомъ ужасная глубина, жадная поглотить всѣхъ ввѣрившихся ей; надъ головами мрачное, облачное небо; на обратномъ пути, извѣдавшимъ по опыту, нѣтъ спасенія; путь впередъ еще болѣе невѣренъ.

— Тише! Осторожиѣе!—Таковъ переданъ былъ всему войску приказъ главнокомандующаго, графа Апраксина.

Пѣхота, кавалерія и артиллерія пошли шагомъ, смотря внимательно впередъ, направо, и цѣлво.

Мракъ ночи все болѣе и болѣе сгущался. Въ это время по- ровнялся съ поручикомъ Лановымъ командиръ отряда артилле- рии, капитанъ Иванъ Петровичъ Шурлинь, на соловой ло- шадкѣ, которая отъ усталости опустила уши и встряхнула на- временною головой и гривой. Шурлинь былъ усачъ высокаго роста, смуглый, слегка рябоватый, плечистый; лице его, съ перваго взгляда, казалось суровымъ; но чѣмъ болѣе въ него кто вглядывался, оно казалось пріятнѣе и добрѣе. Молодецкая неустрашимость, чистота свѣтоты, чувстви- тельность добраго сердца блистали въ черныхъ глазахъ его, изъ- подъ нахмуренныхъ бровей, какъ свѣтлые лучи солнца сквозь грозовую тучу.

— Добраго здоровья и всякаго удовольствія! крикнулъ ка- питанъ Шурлинь поручику Ланову, съ которымъ онъ былъ близко знакомъ.

— Ахъ! Это ты, Иванъ Петровичъ, отвѣчалъ Лановъ.

— Покуда я, самъ, а не мое привидѣніе! Вотъ, какъ прова- лился сквозь ледъ, такъ авось навѣстимъ другъ-друга въ ви- дѣ выходцевъ съ того свѣта. А впрочемъ, во всеиъ воля Бо- жія!

— Для чего проваливаться, Иванъ Петровичъ! Провались сквозь землю такое предположеніе!

— Вообще согласенъ! Ну, что? Усталъ, товарищъ?

— Не то, что усталъ, а порядкомъ унялся.

— Унялся?... Это все — пустяки! И я унялся, но это не значить, что я усталъ. Понимаешь, Александръ Ильичъ?

— Понимаю.

— И безполезно! Мы другъ друга понимаемъ!

— Да ты на лошади, а я пѣшкомъ, такъ это маленюкая разница.

— Какая тутъ, къ чорту, разница! Чтò ты, любезный Са- ша, городишь! Я себѣ всё поги стеръ и едва не кричу. Да бѣдь ты на мою лошаденку, которая мотаеъ головой словно усталый оселъ, и ступай впередъ, а я пѣшкомъ пойду.

— Это не въ порядкѣ, Иванъ Петровичъ!

— Не въ порядкѣ, — такъ ты и молчи.

— Я молчу.

— И я молчу; но скажу тебѣ, что напрасно ты мнѣ завидуешь.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я завидую!

— А не завидуешь, такъ и ладно! Я только думаю о томъ, какъ бы намъ поскорѣе до Выборга добраться и его взять. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

— И я того же отъ души желаю; но посмотри, какая темная ночь! Потонемъ въ морѣ, такъ и дѣлу конецъ!

— А! не потонемъ! Мнѣ такъ сдается.

— И мнѣ также.

— Ну, и слава Богу!

Разговоръ друзей прекратился. Одинъ маршировалъ крупнымъ шагомъ, другой вѣхалъ маленькою рысью.

Долго молчали они. Ночь пролетѣла. На востокъ вспыхнула утренняя заря, и солнце своимъ великолѣпнымъ, радостнымъ свѣтомъ облило сѣжную поверхность Финскаго залива.

— Саша! сказалъ капитанъ артиллеріи. Ты, я надѣюсь, видишь, что солнышко взошло.

— Какъ не видѣть!

— Теперь иди-то свѣтлѣе и удобнѣе.

— Безъ сомнѣнія!

— А далеко ли до Выборга-то?

— Да Богъ его знаетъ! Полагаю, что онъ недалеко.

— И я того же мнѣнія! Страхъ, какъ хочется шархнуть въ него картечью и ядрами, и послать въ почтенный Выборгъ нѣсколько гостинцевъ, называемыхъ бомбамъ! А ты, Саша, какъ пѣхотинецъ, попотчивай поусердиѣ Шведовъ, въ случаѣ вылазки или штурма, закусками, которыя инеуются штыками.

— Не станетъ за мною дѣло, капитанъ!

— Увѣренъ въ этомъ! Но только вотъ что, Саша! Съ нами взято провіанту очень мало, какъ тебѣ извѣстно. Если окаянный Шведъ учинитъ продолжительное и неожиданное сопротивленіе; то мы при долговременной осадѣ съ голоду умремъ. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

— Да развѣ тебѣ неизвѣстно, капитанъ, что самъ Царь, какъ только ледъ на морѣ взломаетъ, явится съ флотомъ сво-

нить у Выборга и привезеть и провиантъ, нужный для всего войска, и осадную артиллерию, и мортиры, и все, что нужно, для побѣды.

— Это я знаю.

— Знаешь, такъ и не спрашивай.

— Да я и не спрашиваю. Я и съ моимъ отрядомъ артиллеріи насолю Выборгу такъ, что будетъ долго меня поминать. Только вы, пѣхотинцы, отъ меня не отставайте.

— Не опасайся, Иванъ Петровичъ! Не отставимъ!

— Ну, и ладно! Только я не знаю, когда ледъ на морѣ, по которому мы теперь идемъ, взломаетъ. Теперь я не желаю, чтобы его взломало; но когда придемъ къ Выборгу, такъ пусть море поскорѣе стряхнетъ ледъ и растолчетъ его, въ манную крупу, и пусть Царь съ флотомъ своимъ прибудеть скорѣе къ намъ, для побѣды. Такъ ли, товарищъ?

— Такъ!

Друзья замолчали. Разговоръ между ними прекратился, по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ; но все-таки Шурлинь бѣжалъ на своей соловой лошади подлѣ Ланова, и только изрѣдка оборачивался къ своимъ пушкамъ и мортирамъ, слѣдовавшимъ по пятамъ за нимъ, восклицая изрѣдка:— Силѣе и скорѣе, ребята! Ледъ здѣсь, я вижу, крѣпче; видно, что берегъ близко; да и ночь-то ужъ давно прошла. Смотрите, ребята, въ оба! Скоро Выборгъ увидимъ. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!... Цостарайтесь, ребята!

— Рады стараться, отецъ-командиръ! восклицали весело и единодушно артиллеристы.

Не смотря на обѣщаніе и ободреніе капитана, артиллеристы и все прочее войско все-таки видѣло предъ собою одну ледяную, покрытую снѣгомъ, безконечную равнину. Выборга нѣтъ, какъ нѣтъ!

Капитанъ вытаскилъ изъ кармана бѣлый платокъ и началъ проворно вытирать себѣ глаза.

— Что это, Иванъ Петровичъ? сказалъ ему поручикъ Лановъ. Ты, кажется, плачешь?

— Кто? Я плачу? Съ чего ты это взялъ?

— Я заплакать у тебя на женѣ слезу, и видѣлъ отчѣй лезу, какъ ты стеръ ее платникомъ.

— Это отъ мороза!

— Обманываешь меня, Иванъ Петровичъ! Такія слезы не пробиваются отъ морозу, да и морозу-то теперь, кажется, нѣтъ, потому, что солнце сильно греетъ. Видишь, какая отъ зноя!

— Вижу!

— Ну что же?

— Ничего!

— Да отчего же ты заплакалъ? Скажи мнѣ правду, Иванъ Петровичъ! Ты меня обманываешь; я тебя во всемъ повѣрю! Почему же ты, не дойдя до Выборга?

— Тьфу ты, пропасть! Типунъ бы тебѣ на языкъ! Съ чего ты взялъ, что мы потовемъ?

— Да съ твоей слезы.

— Слеза! Большая важность—слеза! Отъ нея ледъ не растаетъ. Плюнь на мою слезу, если ты ее въ самомъ дѣлѣ зашибилъ.

— Для чего плевать! Всякая слеза поточна потому, что не знаешь отчего она происходитъ: отъ морозу, или отъ сердечнаго горя. Скажи мнѣ правду, Иванъ Петровичъ! Не хитри со мной! Ты вѣдь правду любишь и никогда ей не измѣняешь. Потовемъ?

— Тьфу какой несносный! Не трусь, сдѣлай милость, и свою команду, которая за тобой паршируетъ, не вавугай напрасно! Я тебѣ скажу всю правду-истину. Слеза моя, которую ты подмѣтывалъ, просто — чепуха, иждній кошачка не стоитъ! Я подумалъ о женѣ своей, которую оставилъ въ Петербургѣ, о моей бѣдокурѣ, маленькой и миленькой дочкѣ, которая такъ ласково каждое утро вѣшалась ко мнѣ на шею, о моихъ двухъ сынишкахъ, которые еще меньше старшей ихъ сестрицы и глупѣе. Такіе сорванцы, что, просто, бѣда! Но мнѣ пошла! Увижу ли я ихъ? Мы съ тобой идемъ къ неприятельской крѣпости; тамъ, конечно, насъ встрѣтятъ не дружвой и горохонь. Что будетъ съ моею бѣдною женою, съ моими ребятишками, если я лягу въ мать-сыру землю подъ Выбор-

гомь? Вѣдь это будетъ разоренное гнѣздо! Неотерившіеся вѣтви мои попадаютъ на землю и погибнуть отъ голода и холода, а мать ихъ умирать надъ ними, съ горя! Вотъ, отъ этой-то мысли, любезный мой Саша, пробилась у меня невольнo слеза, которую ты подиѣтилъ.

И другая, крупная слеза повисла на черныхъ рѣсничкахъ уса-ча-капитана, которую онъ проворно отеръ своимъ бѣлымъ платкомъ.

— Ну можно, Иванъ Петровичъ! Ты опять, какъ я вижу, плачешь?

— Выскочилась еще одна, окаянная! Да впрочемъ, это по-слѣдняя. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, за чувствительность на мои слова. Довольно!.. Полно дурить! воскликнулъ капитанъ, поднимъ гордо голову и сверкая глазами, полнымъ твердымъ, благороднаго мужества. Подавай намъ только Выборгъ спорю; мы съ тобой дадимъ ему о себѣ вѣсточку! Узнаетъ онъ Русскихъ! А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

Опять наступило молчаніе. Войско шло впередъ и впередъ, по льду. Наконецъ, на отдаленномъ горизонтѣ явилась высокая, грозная башня, унизанная, сверху до основанія, выставившимся изъ узкихъ оконъ пушками; потомъ начали постепенно обозначаться шпицы церквей, другія высокія, городскія зданія, и каменные стѣны Выборга.

— Капитанъ! сказалъ поручикъ Лановъ. Ужъ не Выборгъ ли это? Богу! всмотри, тамъ, вдали!

— А Богъ его знаетъ!

— Мнѣ кажется, что это Выборгъ.

— И мнѣ также.

— Не крикнуть ли намъ: ура!

— Подожди, Саша! Не торопись. Можетъ быть, это и не Выборгъ, а какой-нибудь другой городъ.

Въ это время передано было всему войску приказаніе главнѣйшаго командующаго, графа Апраксина, чтобы всѣ приблизились къ Выборгу въ величайшей тишинѣ и обложили его со всевозможнаго скоростию.

— Ну, видишь ли, другъ Саша! Твое-то: ура! было бы здѣсь очень не у мѣста. Не правда ли?

— Правда, Иванъ Петровичъ!

Войско приближалось скорыми шагами къ непріятельской крѣпости. Высокая башня, цитадель Выборга, и стѣны его замѣтно росли, и становились все грозѣе и грозѣе. Въ тишинѣ и съ удивительною быстротою обложили Русскіе Выборгъ!

Съ двадцать втораго марта по первое апрѣля, то есть въ теченіе десяти дней, взумленные Шведы, не ждавшіе такихъ гостей, не сдѣлали имъ никакого рѣшительнаго сопротивленія, нрѣдка стрѣляли съ башни и со стѣнъ, а Русскіе между тѣмъ дѣлали апроши къ крѣпости. Возобновившіеся морозы и гранитная почва много мѣшали Русскимъ; но ихъ ничто не останавливало. Замерзшую землю они неутомимо рыли, а на голомъ гранитѣ устраивали апроши изъ мѣшковъ, набитыхъ шерстью. Наконецъ, перваго апрѣля, по приказу главнокомандующаго, капитанъ артиллеріи Шурлинъ изъ своихъ десяти, двѣнадцатифунтовыхъ пушекъ, открылъ огонь по крѣпости, и изъ трехъ своихъ мортиръ началъ бросать бомбы въ Выборгъ. Болѣе не было артиллеріи при всемъ войскѣ.

Черезъ одиннадцать дней, а именно двѣнадцатаго апрѣля, Шведы сдѣлали вылазку, Храбро и отчаянно было ихъ нападеніе. Одинъ русскій полкъ отъ ихъ натиска принужденъ былъ отступать и врешель даже въ замѣшательство. Перучику Лазову приказано было стоять со своей ротой у пушекъ и мортиръ, и прикрывать ихъ, въ случаѣ нападенія,

Капитанъ Шурлинъ, наблюдая за ходомъ боя, продолжалъ бить ядрами, изъ своихъ пушекъ, стѣны крѣпости, согласно приказу, и удачными выстрѣлами разрушилъ нѣсколько амбразуръ и сбилъ въ нихъ нѣсколько орудій. Громко говорили его три мортиры и непрерывно посылали бомбы въ Выборгъ.

Вдругъ, скачетъ къ нему во весь опоръ кавалерістъ. Онъ осадилъ передъ нимъ свою покрытую пѣной лошадь.

— Капитанъ! сказалъ кавалерістъ. Главнокомандующій приказалъ тебѣ изъ четырехъ пушекъ стрѣлять картечью въ Шведовъ, которые пашу пѣхоту попятли, а изъ остальныхъ шести пушекъ и трехъ мортиръ продолжать разговоръ съ крѣпостью и ей, сколько возможно, *докучать*.

— Слушаю! отвѣчалъ Шурлинь.

Кавалеристъ поскакалъ въ другую сторону. Шурлинь ско-
мандовалъ повернуть влѣво четыре пушки и зарядить ихъ
картечью, но въ эту же самую минуту замѣтилъ, что силь-
ный отрядъ Шведовъ, явившійся словно изъ-подъ земли, бѣ-
жалъ на артиллерію съ-тыла.

— Саша! крикнулъ капитанъ Ланову. Оглянись и побереги
насъ, артиллеристовъ, чтобы намъ затылокъ не нагрѣли, по-
куда я буду справляться съ этими приятелями, которые, сно-
три-ка, какъ нашихъ пятятъ!

Лановъ вмгъ повернулъ и выстроилъ свою роту. Видя,
что нападающій съ-тыла отрядъ Шведовъ вдвое сильнѣе его
роты, поручикъ рѣшился не начинать огня, подпустить на-
падателей ближе, и, воспользовавшись дымомъ перваго неприя-
тельскаго залпа, внезапно броситься въ штыки и сломать
центръ шведскаго отряда.

Капитанъ Шурлинь, между тѣмъ, взмахнувъ шпагой, кри-
кнулъ: «Пля!» и четыре пушки грянули разомъ; картечь за-
выла и засвистѣла; шведскія, густыя колонны дрогнули и
смѣшались. Не давъ имъ опомниться, Шурлинь началъ въ
нихъ стрѣлять изъ каждой пушки, поочередно. Смятеніе Шве-
довъ увеличилось. Это не укрылось отъ русской, отступав-
шей пѣхоты; она оправилась и съ такимъ жаромъ ударила
въ штыки на Шведовъ, что они побѣжали въ безпорядкѣ къ
крѣпости.

— Bravo! Молодцы! Ура! кричалъ въ восторгѣ Шурлинь,
махая шпагою. Такъ! Такъ, богатыри! Гоните ихъ!

Въ это время шведскій отрядъ, бѣжавшій на артиллерію
съ-тыла, остановился, увидѣвъ, что Лановъ выстроилъ свою
роту и готовъ отразить нападеніе. Стволы шведскихъ ру-
жей сверкнули и вмгъ превратились въ рядъ черныхъ то-
чекъ. Еще нигъ, и изъ этихъ точекъ съ трескомъ хлынулъ
струиши огонь; густой, бѣлый дымъ заходилъ облакомъ и
скрылъ Шведовъ.

Многіе солдаты изъ роты Ланова упали, раненые или уби-
тые.

— На штыки! крикнулъ Лановъ, и рота его, какъ неудар-

жимая лава, прорвала центръ шведской линіи. Послѣ упорной битвы, Шведы побѣжали.

Лановъ, отрядивъ половину своей роты, для преслѣдованія бѣглецовъ, съ другой половиной воротился къ артиллеріи, для ея прикрытія, и что же онъ увидѣлъ? Капитанъ Шурлинь, прострѣленный пулею, блѣдный, умирающій, сидѣлъ на сѣдлѣ подлѣ пушки. Капралъ, ставъ на колѣни, свали поддерживалъ его за плеча, прислонивъ голову капитана къ своей груди. Слезы текли по смуглымъ щекамъ усатаго капрала. На бѣломъ сѣдлѣ, подлѣ Шурлиня, вилась алая струя крови, отъ которой поднимался легкій паръ. Капитанъ правою рукою прижалъ къ груди бѣлый платокъ свой, тотъ самый, которымъ онъ, на Финскомъ заливѣ, стеръ двѣ слезы свои. Весь этотъ платокъ былъ смоченъ его кровью.

— Боже мой! воскликнулъ Лановъ, бросаясь къ своему другу.

— Саша! проговорилъ Шурлинь слабымъ, прерывающимся голосомъ, подыавъ на него полузакрытые глаза, въ которыхъ жизнь видимо погасала. Другъ-Саша!... Прощай!... Возьми платокъ!... Тутъ мои слезы, — помнишь?... Тутъ моя кровь!... Отдай самому Царю.... спроси, чтобы не оставилъ меня блѣдныхъ ребятшекъ съ ихъ матерью!... Охъ! тяжко!... Прощай, Саша!... Онъ не оставитъ ихъ?... Отдай же Царю, не забудь!... А впрочемъ... воля Божія!

Капитанъ простоналъ, судорожно потянулся, опустилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ. Это былъ послѣдній вздохъ храбраго воина.

Въ это время, раздалось по всему боевому полю радостное ура! Русскіе вездѣ торжествовали; Шведы въ безпорядкѣ спасались въ крѣпость.

Слезы покатались по блѣднымъ щекамъ Ланова.

— Онъ уже умеръ! Онъ уже не слышитъ побѣднаго клика! проговорилъ Лановъ и, держа платокъ, смоченный кровью друга, поднялъ руки къ небу и тихо прошепталъ: Милосердый Боже! Прійми его дѣшу въ небесное жилище праведныхъ!

IV.

Со дня этой вылазки, почти въ течение двухъ мѣсяцовъ, не было никакого значительнаго сраженія подъ Выборгомъ; Русские продолжали только изрѣдка метать въ крепость бомбы изъ трехъ, единственныхъ мортиръ, бывшихъ при войскѣ, а Шведы изрѣдка стрѣляли со стѣнъ, изъ пушекъ.

Графъ Апраксинъ нетерпѣливо ожидалъ прибытія флота съ осадною артиллеріей и провіантомъ; но морозы въ ту весну необыкновенно долго не прекращались. Флотъ у Котлина острова давнѣе уже былъ нагруженъ и готовъ къ отплытію, но ледъ на Финскомъ заливѣ стоялъ неподвиженъ. Петръ Великій, безпокоясь о своемъ войскѣ, отправленномъ къ Выборгу, съ самою малою частью артиллеріи и съ провіантомъ, какой только могъ уместиться въ ранцахъ солдатъ, безпрестанно наблюдалъ и самъ, и приказывалъ себѣ докладывать: пѣтъ ли оттепели.

— Морозитъ, Ваше Величество! говорили Царю то тотъ, то другой изъ его приближенныхъ.

— Плохо, любезный! За эту вѣсть не жди отъ меня спасибо. Вотъ, какъ бы ты сказалъ, что оттепель; что ледъ на морѣ тронулся, такъ я бы тебя разцѣловалъ.

— Радъ бы радостью, великій Государь, да вѣдь морозы не въ моей власти.

— Знаю, братецъ! Они не только что въ твоей, но и не въ моей власти. Помолись-ка усердиѣ Богу, да доложи мнѣ: оттепель! Такъ меня порадуешь, что вѣкъ не забуду!

— Постараюсь, великій Государь, и помолюсь усердно.

Лейтенантъ Вѣтринъ, давно уже изъ своей шубы, красовавшейся на нынѣшней англійской набережной, переселся на корабль, который долженъ былъ состоять подъ личною командою контръ-адмирала Петра Михайлова. Ходя взадъ и впередъ по палубѣ, Вѣтринъ нюхалъ воздухъ, измѣрялъ его температуру, потиралъ озябшия отъ мороза руки и съ негодованіемъ восклицалъ:

— Развозило тебя, какъ нарочно, проклятаго! Мало тебѣ было зныи-то! Опомнись, постыдись! Вѣдь надо и честь знать! Теперь ужь давно весна! Убирайся ты отъ насъ поскорѣе, проваливай! Наши-то, можетъ быть, гибнуть и голодаютъ подъ Выборгомъ. Да стинь ты, океанный!

Морозъ очень холодно принималъ всѣ эти укоризны молодого лейтенанта и продолжалъ спокойно щипать его носъ, уши и руки.

— Мошеникъ этакой! восклицалъ далѣе лейтенантъ. Вишь ли какъ скрѣпилъ ледъ-то на морѣ. Какъ бы могъ я разшибить этотъ гадкiй ледъ своими кулаками, чтобы дать нашему флоту дорогу, ужь не пожалѣлъ бы своихъ кулаковъ!

Опасенiя молодого лейтенанта были основательны. Русское войско подъ Выборгомъ, истощивъ весь провиантъ, взятый съ собою, начало голодать. Люди были безъ хлѣба; для лошадей съ великимъ трудомъ добывали въ окрестностяхъ сѣно. Приходила уже офицерамъ и солдатамъ невольно мысль питаться мясомъ лошадей въ ожиданiи прибытiя флота. Графъ Апраксинъ раздѣлялъ эту мысль съ своими подчиненными; но никому этого не высказывалъ.

— Потерпимъ, товарищи! говорилъ онъ: Царь скоро подоспѣтъ къ намъ со своимъ флотомъ, и у насъ всего будетъ изобильно. Дай только Господи, чтобы морозы скорѣе прекратились!

— Дай Господи! восклицали офицеры и солдаты.

— Царь нашъ привезетъ и провиантъ, и побѣду! Выборгъ будетъ нашъ!

— Нашъ! Нашъ! Ура! единодушно кричало все войско, одушевленное восторгомъ.

Графъ Апраксинъ началъ разсылать въ разныя стороны небольшiя команды, для фуражировки. Сельскiе жители, услышавъ о нападении Русскихъ на Выборгъ, разбѣжались и увезли съ собою всѣ жизненные запасы. Пришлось искать этихъ запасовъ за пятьдесятъ, шестьдесятъ верстъ отъ Выборга, и даже далѣе.

Поручикъ Лановъ съ отрядомъ солдатъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими, для отысканiя съѣстныхъ припасовъ въ

окрестностяхъ Выборга. Долго шелъ онъ, безуспѣшно. Вереть ужъ пятьдесятъ или болѣе было отиѣряно шагами, и Лановъ, не найдя ничего, скомадовалъ солдатамъ остановиться и отдохнуть. Разлеглись солдаты, кто на гранитномъ камнѣ, кто на ишистой кочкѣ, кто у пня сломеннаго бурею дерева. Вѣтеръ въ это время перемѣнился, и вдругъ послышался шумъ, похожій на раскатъ отдаленнаго грома.

— Аванасевъ! сказалъ Лановъ своему капралу. Слышишь?

— Слышу, командиръ!

— Что-жъ ты думаешь?

— Ничего, отецъ нашъ, Александръ Ильичъ!

— Ничего! Да что-жъ это такое?

— Не моглиъ знать, отецъ-командиръ!

— И я не болѣе тебя знаю въ этомъ случаѣ. Что это за странный и непонятный шумъ?

— А Богу извѣстно!

Лановъ съ его отрядомъ отдохнулъ, всталъ, поднялъ на ноги весь свой отрядъ и сказалъ:

— Пойдите, ребята, прямо туда, гдѣ этотъ громъ раскатывается. Узнаемъ что такое.

— Узнаемъ, отецъ-командиръ! За тобой въ огонь и въ воду!

Довольно долго еще шелъ отрядъ. Отдаленный громъ усиливался. Русскіе солдаты, въ слѣдъ за своимъ поручикомъ, прямо и смѣло шли на непонятный громъ.

Наконецъ пришли они на утесистый, высокій берегъ, взглянули внизъ и остановились, какъ вкопанные, отъ изумленія. Широкая рѣка, стѣшенная двумя рядами вѣковыхъ, гранитныхъ утесовъ, съ яростію прокладывала себѣ путь, бросалась неистово на утесы, падала съ нихъ внизъ со стономъ и ропотомъ, кипѣла пѣною бѣшенства и неслась бѣлымъ, снѣговымъ вихремъ далѣе. Рѣка ревѣла! Утесы хохотали!

— Вѣдь это сушиій адъ, отецъ-командиръ! сказалъ капралъ Аванасевъ, указывая пальцемъ на бѣснующуюся рѣку.

— Что?

— Адъ, отецъ-командиръ!

— Не слышу! Говори громче! При этомъ чертовскомъ шумѣ ни одного человѣческаго слова слышать невозможно!

— Не слышу, отецъ-командиръ!

— Что? Что такое?

— Что, вы позволите сказать?

— Тёму, глухой!

— Не сердитесь, отецъ-командиръ! По вашему лицу вижу, что гдѣрается, а ей-богу ничего не слышу, и ни въ чемъ девновать!

Лановъ нетерпѣливо махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Кто его знаетъ, что онъ бормочетъ! Вижу только, что шевелить губами.

Передъ Лановымъ и его отрядомъ была Иматра, — знаменитый, финляндскій водопадъ или, вѣрнѣе сказать, круто-наклонный, длинный порогъ, образуемый рѣкою Вуоксою, которая вытекаетъ изъ озера Сайлы и равняется шириною нашей петербургской, Малой Невѣ. Путь Вуоксы, при самомъ началѣ водопада, преграждается маленькимъ островомъ. Она обѣгаетъ его съ неизобразимою быстротою. Далѣе стоятъ справа и слева высокіе утесы и стѣсняють теченіе рѣки, но крайней мѣрѣ на четвертую долю ширины ея. Рѣка бѣшено прорывается сквозь рядъ утесовъ и бѣжитъ внизъ съ такою яростію, кануло не описать на языкѣ человеческомъ. Надобно самому видѣть Иматру, этотъ порогъ-водопадъ, чтобы получить объ немъ понятіе. При этомъ должно замѣтить, что въ то время, когда Лановъ былъ у Иматры, воды Вуоксы были гораздо выше, чѣмъ нынѣ; водопадъ былъ свирѣпѣе. Теперь на лѣвомъ, утесистомъ берегу, который значительно ниже праваго, путешественникъ съ изумленіемъ смотритъ на просверленные въ гранитѣ, глубокии, круглыя ямы, и невольно спрашиваетъ самъ себя: кто, когда и для-чего просверлилъ эти сухіе колодцы? Просверлили ихъ водовороты, которые постоянно бушевали здѣсь въ теченіе тысячи, двухъ, трехъ тысячъ, а можетъ быть и болѣе, лѣтъ! Такъ отвѣчаетъ самъ себѣ каждый логическій путешественникъ, и при оглушительномъ грохотѣ водопада поднимаетъ взоръ свой со дна сухаго, высверленнаго въ гранитѣ, врачнаго колодца, къ бездонному, голубому, свѣтлому небу, въ невольномъ сознаніи своего ничтожества, своихъ слабыхъ силъ, своей краткой, скоропреходящей, земной жизни, переходъ на-

рѣзавшими водою на гранитѣ, въ теченіе тысячелѣтій, германскими, которые каждому мышцу телѣвкы, громче водопада, возбуждаютъ неизмѣримыя силы природы и безконечное величіе Творца ея, превосходящее умъ и воображеніе челоуѣка.

Тропинкою, которая вилась по гранитному берегу водопада, Лановъ повелъ свой отрядъ, вверхъ по рѣкѣ. Пройдя версты двѣ, увидѣлъ онъ деревянный, одноэтажный домъ, выкрашенный красною краскою; съ бѣлыми обведеніи окошекъ и ставнями сѣраго цвѣта. Передъ домомъ зеленѣлъ небольшой садъ, огороженный палисадникомъ изъ заостренныхъ колючекъ; зади дома тянулся обширный огородъ; съ боку видны были амбары, житница, скотный дворъ, конюшня, сарай; даже стояла на возвышеніи мельница и усердно махала своими крыльями, какъ-будто желая подняться съ земли и улетѣть.

— Кажись, господишь поручикъ, дѣло не худое! сказала капитанша Ланову. Изволите ли видѣть мельницу?

— Вижу.

— А гдѣ мельница, тамъ и мука, а гдѣ мука, тамъ и хлѣбъ, за которыми мы посланы.

— Справедливо.

Отрядъ подошелъ къ красному дому.

— Стой! крикнулъ Лановъ своему отряду. Подождите здѣсь, а я войду въ домъ.

Сказавъ это, онъ отворилъ калитку и вошелъ на обширный дворъ. Четыре цѣпныя собаки разомъ выскочили изъ своихъ норувъ и затянули такой неистовый кватуоръ, что Лановъ зажалъ уши.

Къ этимъ басистымъ пѣвцамъ присоединилась примадонна, — маленькая собачка съ шелковистою, бѣлою шерстью, свѣтлоричневыми, длинными, пушистыми, какъ локомы, ушами, и съ красивыми пятнами того же цвѣта на обонхъ бокахъ. Лай ея былъ чистый контраalto.

— Ну что ты, глупая собаченка! сказалъ Лановъ, обращаясь къ примадоннѣ. Что ты злишься по-пустому?

Красивая собачка, поощряемая хорошею цѣпныхъ поскъ, кинулась отчаянно на поручика съ намереніемъ схватить его за-

бани за ногу; но поручикъ, замѣтивъ ея намѣреніе, схватилъ припадонну за задривокъ, поднялъ ее на руки и началъ ее гладить.

Припадонна, поднятая такъ смѣло на руки, присмирѣла, опустила пушистыя уши и только ворчала про-себя, для собственнаго удовольствія.

Лановъ, съ собачкой на рукахъ, отворилъ калитку и вошелъ въ садъ.

У цвѣтника стояла прелестная дѣвушка и садила цвѣты. Увидѣвъ русскаго офицера, она поблѣднѣла, опустила руки и прекратила свою работу.

Лановъ быстро подошелъ къ ней, продолжая гладить припадонну, которая продолжала ворчать, и началъ разыгрывать пантомимный балетъ, въ увѣренности, что Шведка не пойметъ ни одного русскаго слова, а Русскій задумается надъ каждымъ шведскимъ.

Видя испугъ шведской красавицы, поручикъ нашелъ нужнымъ тотчасъ же разсѣять этотъ испугъ и для того приступилъ къ слѣдующимъ мѣрамъ. Улыбнувшись какъ можно пріятнѣе, Лановъ погладилъ собачку, которая была у него на рукахъ, передалъ ее дѣвущкѣ, по весьма вѣрному умозаключенію, что это ея собачка, указалъ на вертящіяся крылья мельницы, потомъ раскрылъ ротъ и началъ быстро совать въ него свой указательный палець.

Эта пантомима обозначала, что нужны, дескать, съѣстные припасы.

Шведская красавица поняла эту пантомиму и отвѣчала удивленному Ланову по-русски:

— Вамъ угодно хлѣба; но у насъ его очень немного.

— Прежде рѣчи о хлѣбѣ позвольте спросить: какими чудомъ вы говорите по-русски?

— Жила въ Россіи и научилась.

— Когда, долго ли вы жили въ Россіи?

— Для чего вамъ знать это?

— Конечно, я соглашаюсь, что мой вопросъ заключаетъ въ себѣ неумѣстное любопытство. Да что вы такъ поблѣднѣли! Это вамъ вовсе не къ лицу. Сдѣлайте одолженіе, успокойтесь.

— Вы здѣсь одни?

— Нѣтъ-съ! Со мной цѣлый отрядъ солдатъ.

— Цѣлый отрядъ! Гдѣ же онъ?

— Тамъ, на берегу.

— Я надѣюсь, что вы меня и моего стараго отца не обидите, не разорите насъ! сказала дѣвушка, потупивъ глаза, наполнившіеся слезами.

— Тамъе предположеніе насчетъ Русскихъ крайне обижаетъ меня! Будьте увѣрены, что Русскіе воины никогда не захотятъ обидѣть беззащитныхъ, никогда не нанесутъ малѣйшаго оскорбленія дряхлону старику, слабой женщинѣ, прекрасной, невинной дѣвушкѣ! Если у нашихъ враговъ ружья и пушки, штыки и сабли, о! тогда дѣло другое! Русскій всегда готовъ помѣряться силами и посмотрѣть: чья взяла? Ужъ тутъ, извините, мы упрямы и стойки!

— Благодарю васъ! Вы меня успокоили.

— А я благодарю васъ за то, что вы подняли на меня ваши глаза, и что на вашихъ щекахъ вижу румянецъ, который убѣждалъ безъ всякой законной причины съ постоянного своего мѣста жительства.

— Господинъ офицеръ! Вы льстите мнѣ! сказала дѣвушка, потупивъ глаза и глядя собачку, которая была у ней на рукахъ, быстро махала хвостомъ и лизала ей лицо для доказательства своей нѣжной любви и уваженія, а къ поручику изрѣдка оборачивалась сердито и ворчала.

Въ это время къ шведской красавицѣ и Ланову подошелъ торопливо старикъ, опиравшійся на суковатую, толстую палку. Бѣднякъ дрожалъ, какъ въ самомъ сильномъ приступѣ лихорадки. На лысой головѣ его торчалъ колпакъ съ вѣсточкой на верхушкѣ; на ногахъ его были туфли и сѣрые чулки; ноги его облекались широкими, голубыми, брюками; грудь его покрывалась краснымъ, суковатымъ жилетомъ, застегнутымъ мѣдными, блестящими пуговками; шею обвязывалъ желтый платокъ; весь этотъ великолѣпный нарядъ довершалъ кафтанъ-не кафтанъ, куртка-не куртка изъ синяго сукна, что-то среднее между курткою и кафтаномъ. Старикъ былъ очень похожъ

на американскаго, пестраго попугая или, по крайней мѣрѣ, на щегленка.

Старикъ быстро взглянулъ на Ланса: Взоръ его былъ похожъ на взглядъ собаки, у которой хозяинъ, съ арканчикомъ въ рукѣ, отнялъ кость. Торопливо пробормотавъ еще своей дочери нѣсколько словъ по-шведски; та ему также торопливо отвѣчала, и оба замолчали.

Лансъ, ожидая развязки разговора отдалъ дочерью, заложилъ руки за спину и стоялъ неподвижно, съ маленькой, незамѣтной улыбкой.

— У насъ нѣтъ хлѣба! сказалъ стряпаче старикъ, обратясь вдругъ къ Лансу.

— Не лги, почтенный! возразилъ Лансъ и указалъ на женщину, которая съ необыкновеннымъ усердіемъ размахивала крыльями.

— Она такъ, просто, вертится по привычкѣ, и мететь пустяки!

— Не мели и ты, почтенный, пустяковъ, и не вертись. Вѣдь мы мельницу-то твою и всё твои заведенія осмотримъ и узнаемъ есть ли у тебя хлѣбъ или нѣтъ.

— А!...

— То-то!

— Чего же вы хотите отъ меня, господинъ офицеръ?

— Да, хлѣба!

— Нѣтъ у меня хлѣба!

— Ну, такъ мы сами его поищемъ. Авось и найдется, хоть и не твой. Вѣдь мы не грабить тебя пришли, а купить твой хлѣбъ. Такъ велѣлъ нашъ главнокомандующій.

— Купить!

— Да!

— Это другое дѣло!

— Давно бы такъ!

— А когда вы мнѣ заплатите?

— Да теперь же.

— А почему?

— Поторгуемся и поладимъ.

Старикъ снялъ кофякъ; потеръ ладоню и губы, потянулъ

вниз свой красный жилетъ, встряхнулъ свой синій кастанъ
и куртку, хотѣлъ что-то сказать, ничего не сказавъ и за-
дулся, обернувшись глазомъ на берегъ дѣль.

— Ну кто же, старикъ?

— Ничего! Я размышляю.

— Размышляй проворнѣе!

— Съ вами отрядъ солдатъ?

— Конечно! Я бы къ тебѣ не пришелъ одинъ въ гости.

— Гм! А почему дадите вы за мѣшокъ муки?

— Скажи цѣну христіанскую.

Старикъ объявилъ такую цѣну, какой и Жидъ никогда не
объявлялъ.

— Ты, никакъ, ряхнулся, любезный! Бери треть противъ
объявленной тобою цѣны, такъ и дѣле въ шляпѣ. Ни тебѣ, ни
мнѣ не будетъ обидно. Не забудь, что со мною отрядъ солдатъ!

— А гдѣ онъ? Великъ ли онъ?

— Препорядочный! Онъ тамъ, на берегу.

— Ну! дѣлать нечего! Я вамъ продамъ всю муку мою по на-
значенной вамъ цѣнѣ.

— Ладно!

— А позвольте спросить: вы Выборгъ-то взяли ужъ, или
еще нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не взяли, но возьмемъ непременно!

— Гм! Торговать вамъ конченъ. Берите всю мою муку, и
дѣльте деньги по назначенной вамъ цѣнѣ.

— Съ удовольствіемъ!

— И сверхъ того, по случаю покупки и продажи, прошу
васъ отобѣдать со мною и выпить по стакану хорошаго вина
за ваше и мое здоровье.

— Вполнѣ согласенъ! Но притомъ, почтенный господинъ,—
не знаю какъ васъ зовутъ по имени и отчеству,—осмѣлюсь
васъ попросить не забыть моей команды, которая стоитъ
тамъ, на берегу.

— И ее не забудемъ! Дочь моя! вели приготовить для всѣхъ
команды этого русскаго, благороднаго офицера хорошіи обѣды
и выкатить для нея боченокъ лучшаго, шведскаго пива. По-
нимаешь?

— Понимаю, батюшка! сказала дочь и побѣжала въ кухню.

— Только вотъ что, господинъ офицеръ! Мы оба не должны забывать, что мы враги, непримиримые враги!

— Что вы хотите этия сказать? Я васъ не понимаю. Вы продали мнѣ хлѣбъ, позвали меня обѣдать, приказали накормить мой отрядъ—какіе же мы враги! Я съ вами драться вовсе не намѣренъ и нисколько не боюсь вашей толстой, суковатой палки, которая у васъ въ рукахъ. Враги наши—шведскіе солдаты, а не мирные жители.

— Конечно! Вы совершенно справедливы! И я также съ вами драться вовсе не намѣренъ.

— Такъ что же?

— А вотъ что! Прошу васъ не говорить никому изъ моихъ земляковъ, что я вамъ хлѣбъ продалъ; что пригласилъ обѣдать; что накормилъ вашихъ солдатъ. Говорите всѣмъ, сдѣлайте одолженіе, что вы меня ограбили; что силою принудили меня угостить васъ и отрядъ вашъ. Я долго жилъ въ Россіи, люблю Русскихъ, но все-таки я Шведъ и долженъ быть патриотомъ и вашимъ врагомъ.

— На этомъ основаніи, извольте! Будемъ врагами! Теперь я понимаю вашу мысль.

— Вашу руку, господинъ офицеръ!

— Вотъ она! Землякамъ вашимъ, если придется, буду говорить, что я васъ ограбилъ, а начальству своему,—ужь извините! — скажу правду.

— Такъ и слѣдуетъ! Я вамъ долженъ признаться, что вы бравый молодецъ; что вы мнѣ понравились; что я васъ полюбилъ; но что все-таки мы враги! Не забывайте этого. Я патриотъ!

— Не беспокойтесь, не забуду!

— Конечно! Пойдемте ко мнѣ въ домъ и закусимъ кое-чего передъ обѣдомъ, любезнѣйшій врагъ!

— Съ удовольствіемъ, почтеннѣйшій непріятель! Я васъ искренно полюбилъ! Позвольте прежде закуски спросить: какъ ваше имя и фамилія?

— Этого и не могу, не долженъ вамъ объявлять. Я Шведъ — и только! А ваше имя и фамиля?

— Я Русскій — и только!

— Основательный отвѣтъ! Вы умный, хорошій человекъ! Вы и въ все болѣе и болѣе правитесь. Позвольте васъ обнять и поцѣловать!

Враги обнялись, поцѣловались и пошли въ домъ, къ закускѣ.

— Командиръ-то нашъ что-то замѣшкался и очень долго не выходитъ изъ этого дома! говорилъ капралъ отряду солдатъ, стоявшему на берегу.

— Ужъ нѣтъ ли тутъ взмѣны какой или засады? замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Онъ бы намъ крикнулъ въ такомъ случаѣ, сказалъ капралъ: а пока не кричатъ, намъ должно стоять, гдѣ командиръ поставилъ.

Въ это время растворилась калитка со двора дома, и старая чухонка, въ синей юбкѣ съ красными оторочками, съ вѣдной бляхой на поясѣ, съ бѣлой шапочкой на макушѣ съдой головы, выкатила за калитку боченокъ. Солдаты оглянулись. Старуха катила боченокъ все далѣе и далѣе по берегу, и остановилась противъ самой середины отряда.

— Что у тебя за боченокъ, тетка? спросилъ капралъ, удивившись. Ужъ не съ порохомъ ли? Не затѣяла ли ты взорвать всѣхъ насъ?

Старая чухонка, не понимавшая ни слова по-русски, взглянула на капрала, и произнесла: *Эй муста!* (т. е. не понимаю!) указала пальцемъ на боченокъ, вытаскила изъ глубокаго кармана своей синей юбки большой, деревянный стаканъ, подняла его вверхъ, поднесла его къ своимъ губамъ и сдѣлала рукою движеніе, выразившее мысль: не угодно ли, господа, пицца отвѣдать?

Участый капралъ смотрѣлъ на старуху во всё глаза.

— Что бы это такое обозначало? сказалъ онъ. Что она руками-то этакъ размахиваетъ? Воротить что ли?

— А кто ее знаетъ! замѣтилъ одинъ изъ солдатъ. Не прикажете ли прицѣлаться и свалить старую вѣдьму?

— Погоди, Шотаповъ, не торопись! Помнишь ли пословицу: поспѣшишь, людей насмѣшишь. Надобно прежде всмотрѣться и сообразить.

Старая чухонка, видя, что не поняли ее, подкатила боченокъ ближе къ солдатамъ и начала выдѣлывать такіе выразительные жесты, что лучшіе балетнейстеры закричали бы ей: браво!

Капралъ и всѣ солдаты вмигъ поняли искусную пантомиму старухи.

— Дѣло въ томъ, товарищи, сказалъ капралъ: что эта старушонка желаетъ насъ поподчивать. Это ясно! Но не знаю еще только того: что у нея въ боченкѣ. А притомъ нужно спросить прежде командира нашего: припятъ ли намъ отъ старухи угощеніе?

Капралъ подошелъ къ чухонкѣ и передалъ ей, — а ужъ какъ передалъ, этого мы объяснить не беремся, — вопросъ: позволялъ ли командиръ приступить къ боченку?

Чухонка, — тоже не знаемъ какъ, — поняла капрала, побѣжала въ красивый домъ, и вскорѣ Лаповъ, подойдя къ частокелу, окружавшему садъ, крикнулъ своему отряду:

— Можете, ребята, опорожнить этотъ боченокъ. Сверхъ того, вамъ подадутъ и необѣдать. Вольно! Опасности никакой нѣтъ!

— Слушаемъ, командиръ! крикнули въ одинъ голосъ капралъ и солдаты.

— А ружья все-таки не выпускайте изъ рукъ, на всякій случай.

— Слушаемъ, командиръ!

На берегу началось угощеніе. Боченокъ съ шведскимъ швомъ очень скоро опустѣлъ и наполнился однимъ воздухомъ, и безъ барабана. Изъ калитки выкатился на берегъ другой боченокъ. И тотъ черезъ часъ опустѣлъ. Изъ той же калитки явились прежде втораго боченка нѣсколько корзинъ съ ситниномъ, ржанымъ и пшеничнымъ хлѣбомъ, съ Выборгскими кределами, съ вареными, превосходными фарелами, и другими вкусными и сытными яствами. И корзинныя опустѣли прежде втораго боченка.

— Ай тетка! говорилъ канраль, отирая рукавомъ бѣлую пѣну пива съ черныхъ своихъ усовъ и обращаясь къ старой чухонкѣ, которая смотрѣла на него во всё глаза, ничего не понимала и улыбалась, присѣдая по финско-шведскому обычаю. Ты хоть и дура и не разумѣешь ни одного русскаго слова, а все-таки я вижу, что ты баба унная и добрая! Такъ ли, товарищи?

— Такъ! истинно такъ! кричали въ одинъ голосъ солдаты.

Веселье было пиръ на берегу, веселье онъ было и въ красномъ домѣ. Старый попугай и щегленокъ поставилъ свою толстую налку въ уголъ и пригласилъ Ланова къ роскошной закускѣ, разставленной чопорно въ гостиной, отличавшейся шведскою чистотою и оригинальнымъ вкусомъ. Закусили и пошли въ столовую. Посрединѣ стола блестѣла небольшая, фарфоровая ваза, въ которой торчалъ, вмѣсто цвѣтовъ, мозжевелинникъ, зеленѣющій и лѣтомъ, и зимою, и осенью, и весною. Чистый, гладкій полъ столовой былъ усыпанъ тѣми же мозжевелинникомъ. За круглый столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, сѣли старшій, шведскій щегленокъ, дочь его и русскій поручикъ.

Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что обѣдъ начался со вкуснаго супа. По шведскому обычаю супъ подается посрединѣ обѣда.

Послѣ перваго блюда, состоявшаго изъ превосходной фбрели съ мастерскимъ соусомъ, шведскій щегленокъ откупорилъ бутылку стараго, французскаго вина, и налилъ до половинны широкия, огромныя рюмки, стоящія передъ нимъ, его дочь и поручикомъ.

— За здоровье и славу Швеціи! провозгласилъ онъ.

— И за здоровье и славу Россіи! примолвилъ Лановъ.

— Согласенъ! крикнулъ щегленокъ. За здоровье и славу Россіи и Швеціи! Послѣ Полтавской битвы я уступаю Россіи первое мѣсто! Видите ли, поручикъ, что я справедливъ и честенъ, какъ истинный Шведъ!

— Вижу, и пью за здоровье и за славу Швеціи и Россіи! Дай Богъ, чтобы эти двѣ державы скорѣе заключили между собою вѣчный миръ!

— Вивать! закричалъ щегленокъ.

— Вивать! повторилъ Лановъ.

— И я вивать! сказала вполголоса шведская красавица, поднося къ своимъ пурпуровымъ, молодымъ губкамъ, старое, пурпуровое вино.

Обѣдъ кончился тѣмъ, что бутылка стараго, французскаго вина опустѣла, какъ два пивные боченка, на берегу; что непримиримые враги, щегленокъ и поручикъ, подружились навѣки; что шведской красавицѣ очѣнь поправился русскій поручикъ, а русскій поручикъ влюбился въ шведскую, неизвѣстную красавицу сильнѣе, чѣмъ Донъ-Кихоть въ свою несравненную Дульсинею.

Забравъ купленные мѣшки съ мукою, Лановъ отправился со своимъ отрядомъ къ Выборгу, давши напередъ честное слово своей Дульсинеѣ взять Выборгъ и потомъ повидаться съ нею, для дальнѣйшихъ объясненій.

Онъ и не подозревалъ, что отбиваетъ невѣсту у своего друга, лейтенанта Вѣтрина.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Иностранная Слоvesность.

НЕПОСТОЯНСТВО ВЪ ЛЮБВИ.

Романъ Поль-де-Кона.

(Окончаніе.)

IX.

Разговоръ. — Размышленія. — Вопросы.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, когда всѣ гости Вальдемара еще спали, онъ самъ только что всталъ и вышелъ въ садъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Эрнестину, которая занималась своими цвѣтами.

— Ты добранишь меня, сказалъ онъ ей, не правда ли, я такой лѣнтяй?

— Вы проиграли всю ночь, такъ надо выспаться днемъ, отвѣчала госпожа Дюранси, не переставая смотреть на цвѣты.

Вальдемаръ взялъ ея руку.

— Другъ мой, ты принимаешь меня сегодня слишкомъ холодно. Тебѣ досадно, что я проигралъ вчера цѣлый вечеръ.

— Нѣтъ, я не могу досадовать, что вы нашли удовольствіе въ кругу вашихъ друзей.... я могу пожалѣть только о томъ, что не въ состояніи болѣе составлять ваше счастье, и что вы должны искать его въ другихъ.... Но я напрасно сказала вамъ это.... Да, напрасно.... это даже непростительно мнѣ.... Извините.... забудьте мои слова.... я обещаю никогда болѣе не дѣлать вамъ упрековъ.

Говоря это, Эрнестина продолжала смотрѣть на свои цвѣты и не оборачивала головы на сторону Вальдемара. Ей не хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ слезы на ея глазахъ, и однако она желала, чтобъ онъ посмотрѣлъ на нее. У женщинъ часто бываетъ совершенное противорѣчіе между ихъ дѣйствіями и желаніями.

Вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ глаза той, которая стояла возлѣ него, Вальдемаръ подошелъ къ розовому кусту и съ большимъ жаромъ принялся обирать съ него маленькихъ настькомыхъ. Черезъ минуту, онъ снова принялъ холодный видъ:

— Я не вижу въ томъ ничего дурнаго, милая Эрнестина, если принимаю у себя своихъ друзей.

— Да, хороши друзья! одинъ только и знаетъ, что спитъ или встаетъ, другой.... прошу не думать, что я говорю изъ самолюбія, — другой ухаживаетъ за мною... Вы скажете, что такъ поступаютъ всѣ друзья.... но, въ такомъ случаѣ, мнѣ пріятнее было бы безъ нихъ! О господинъ Альфредъ ни слова. Онъ, по крайней мѣрѣ, не притворяется.... о немъ прямо говорить, что онъ дурень..... а такіе люди иногда бываютъ гораздо лучше тѣхъ, о комъ ни чего не говорятъ.... Было время.... и не очень давно, когда вы были такъ ревнивы!... Тогда вы не привели бы ко мнѣ въ домъ вашихъ трехъ пріятелей.

— Милая Эрнестина, послѣ того, какъ я видѣлъ доказательства самой искренней твоей любви ко мнѣ, кажется, я

не имью болѣе права быть ревнивымъ.... этимъ я могу теперь обидѣть тебя....

— Боже мой!... я и не оправдываю ревности... она можетъ быть иногда и обидна.... Но думаютъ ли объ этомъ, когда страдаютъ отъ нея?... Есть люди, которые любятъ безъ ревности, это возможно; но если кто разъ узналъ это ужасное мученіе, я увѣрена, что оно дастъ ему покой только тогда, когда охладѣетъ любовь.

— Я думаю, чтобъ быть ревнивымъ, надо имѣть какія-нибудь побужденія....

— О, совсѣмъ нѣтъ; притомъ же, у ревниваго всегда найдутся причины; онъ изобрѣтаетъ ихъ, отыскиваетъ, выдумываетъ.

— И ты хочешь, чтобъ я былъ ревнивъ къ моимъ друзьямъ?...

Эрнестина съ досадою оцѣпывала прекрасную розу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ничего! прошептала она. Я не говорила этого.... Я сама не знаю, чтѣ говорю. Но со вчерашняго дня я испытала такъ много.... Эти люди, съ которыми мы встрѣтились.... эта женщина безпрестанно называла тебя *моимъ супругомъ*.... и передъ твоими друзьями... Я не знаю, какъ мнѣ держать себя....

Вальдемаръ взялъ руку Эрнестины и сжалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Такъ тебѣ непріятно, Эрнестина, считаться моею женою? сказалъ онъ.

— Еслибъ мнѣ было непріятно, я кажется не согласилась бы занимать это мѣсто.... но я не хотѣла бы только, чтобъ возлѣ меня были люди, которымъ известно, что это ложь.

— Когда ты захочешь.... это будетъ правда, ты знаешь....

Эрнестина долго смотрѣла на Вальдемара, вздохнула и прошептала:

— Ахъ! мой другъ!...

— Чтѣ значить этотъ вздохъ?

— Я не скажу тебѣ.

— Значитъ, въ немъ нѣтъ ничего пріятнаго для меня?

— Гмь!... скорее для меня онъ не имѣетъ ничего утѣшительнаго.

— Посмотришь; скажи же, Эрнестина, что ты думаешь.... ты мучишь меня своими недоконченными фразами.... никогда не узнаешь твоей первой мысли, ты открываешь только вторую....

— Когда первая печальна, лучше объ ней умолчать.... Возвратися къ нашимъ сосѣдямъ; я думаю, мой другъ, ты не поведешь къ нимъ.

Съ минутой Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова; потомъ онъ сказалъ съ небрежностью:

— Какъ тебѣ угодно... но я думаю, что въ деревнѣ можно видѣться съ сосѣдами, это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій для городской нашей жизни.

— Подъ какимъ же именемъ ты представишь меня?

— Ужели я долженъ давать отчетъ этимъ людямъ? Зачѣмъ опровергать то, чему они вѣрятъ?

— А твои друзья, которые тамъ будутъ?

Вальдемаръ знакомъ обнаружилъ свое нетерпѣніе.

— Мои друзья! мои друзья! Боже мой! вскричалъ онъ, это значитъ, ты не хочешь теперь никуда выѣзжать?

Эрнестина отвернула голову и поднесла къ своимъ глазамъ носовой платокъ. Вальдемаръ подбѣжалъ къ ней, окладилъ ея станъ обѣими руками и нѣжно прижалъ ее къ себѣ.

— Прости.... сказалъ онъ; я огорчилъ тебя, а ты столько сдѣлала для меня.... Но почему, Эрнестина, ты не хочешь быть моею женою? Мнѣ кажется, тогда исчезли бы все опасенія, разсѣялись бы все толки.... Говори....

— Твоей женою!... лишить тебя свободы, и потомъ; можетъ-быть, видѣть твое раскаяніе.... я буду страдать отъ одной мысли, что не одна любовь привязываетъ тебя ко мнѣ.

— Ахъ, какія странныя у тебя мысли!...

— Можетъ-быть, этого никогда не случится... Но, это значитъ, что сердце мое, предавшись тебѣ вполне, сохранило еще въ себѣ гордость.... Я люблю, и хочу быть любимой. Другъ

ной; ты болелъ, что не встрѣтишь женщины, которая бы тебя любила; теперь, можетъ-быть, ты находишь, что и уже слишкомъ любилъ тебя...

Вальдемаръ хотѣлъ было отвѣчать; но приходъ его гостей прерывалъ его. Три горожанки опять одѣлись въ свой городской костюмъ. Каждый изъ нихъ привѣтствовалъ Эрнестину. Альфредъ восхищался, что шире распахнулъ стѣны деревни. Дюгранваль говорилъ, что его ласкала старательными грезами. Маренго жаловался на комаровъ.

Завтракъ давно уже былъ поданъ. Маренго въ съ такомъ усердіемъ, какъ будто онъ не надвѣлся въ тотъ день обѣдать, или какъ будто не соседнѣмъ полагался на угощеніе Мутонаря. Предметомъ разговора были вчерашніе новыя знакомыя.

— Какіе славные люди, сказалъ Альфредъ; я увѣренъ, что у нихъ можно провести время не хуже, какъ дома.

— Молодая женщина очень мила, сказала Эрнестина.

— Мнѣ кажется, она, слишкомъ была нарумянена, подхватила Дюгранваль.

— За то, ея тетюшка была блѣдна, прибавилъ Маренго.

— А вы поѣдете къ нимъ на обѣдъ? спросилъ Вальдемаръ.

— Конечно, мы общались; они ждутъ насъ, и я увѣренъ, это доставитъ имъ большое удовольствіе.

— Только бы господинъ Мутонаръ не подбивалъ насъ своими дышлами, сказалъ Маренго.

— А вы не зайдете туда вечеромъ, съ прогулки? спросилъ Альфредъ.

Вальдемаръ взглянулъ на госпожу Дюранси; она отвѣчала:

— Я не люблю знакомиться съ соседями; но Вальдемаръ какъ хочетъ.

Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова. Альфредъ бросилъ взглядъ на Дюгранвали. Дюгранваль взглянулъ на Маренго. А тотъ смотрѣлъ только на свою тарелку.

Послѣ завтрака, три друга Вальдемара прошли въ несколько разъ по саду; потомъ раскланялись съ своими хозяевами,

спросить у Эрнестины позволенія бывать иногда въ ея домъ. Имъ отвѣчали, что всегда имъ будутъ рады. Черезъ несколько минутъ, эти господа снова измѣряли своими шагами единственную улицу деревеньки Мерлана.

— Клянусь, господа, сказалъ Дюгранваль, госпожа Дюранси очаровательная женщина: какъ она деликатна, какіе у ней прекрасные приемы!... Призываюсь, я напрасно бранилъ Вальдемара; онъ очень счастливъ; и бы желалъ быть на его мѣсть.

— Любезный Дюгранваль, возразилъ Маренго, вы имѣете большія притязанія на умъ, а разсуждаете теперь словно улитка.... Эта женщина бросилась вамъ въ глаза, и вы готовы уже жить съ нею въ пустынь; вы завидуете участи Вальдемара! А я быюсъ объ закладъ, что эти любовники скоро разойдутся.... Какъ ты думаешь, Альфредъ?...

— Я думаю, что Вальдемаръ не можетъ бросить госпожу Дюранси: она пожертвовала для него собою.

— Такъ онъ останется съ нею потому, что нельзя будетъ сдѣлать иначе! Какъ это будетъ утѣшительно для госпожи Дюранси, и пріятно для него! Ему очень хотѣлось идти къ господину Мутонару, да его красавицъ было не угодно, и онъ побоялся ей противорѣчить. Завидное счастье!

— Намъ сказали, что выйдя изъ Мерлана, мы тотчасъ увидимъ и Росни, проговорилъ Альфредъ, остановившись въ полѣ.... Ва! чтѣ это тамъ?... Посмотрите, господа, вѣдь это вчерашній нашъ проводникъ ѣдетъ къ намъ на встречу?

Дѣйствительно, то былъ Гильо, вѣхавшій въ этотъ разъ на своемъ ослѣ, которому онъ предоставилъ полную волю идти шагомъ и собирать по дорогѣ все, чтѣ тотъ находилъ по своему вкусу. И потому всадникъ и его оселъ подвигались очень медленно, оба опутивъ головы.

Замѣтивъ трехъ Парижанъ, крестьянинъ пріосанился; онъ хотѣлъ-было улыбнуться, но это очень затрудняло его.

— Ахъ, да, да, это онъ, это почтенный Гильо! вскричали молодые люди.

— Здравствуйте, господа, отвѣчалъ крестьянинъ, кивая

голового, но не снимая шляпы. Вы верно идете, къ господину Мутонару?

— Да. Но ты какъ очутился на своемъ осля?.. вѣдь твоя жена продала его розовой дамѣ.

— Ахъ, не говорите! Такая, верно, участь этой скотины: никакъ я не могу развязаться съ ней!... Да и Клавдія-то не умѣла уладить дѣла: она продала его, съ оговоркой!... Дамѣ, видите, сказала ей: «Если ваша осель хороша, да правильно бѣгаетъ, такъ я дамъ вамъ сто франковъ....» Вотъ, ладно; я и привелъ осла къ этой дамѣ; она говоритъ, что осель-то больно судоваръ. А я говорю: «Это никакъ; у васъ отъвѣтся, такъ и пожирветъ.... а я не хотѣлъ его отпармивать.» Хорошо.... Вотъ, она и вздумала състь на него и хотѣла взать рысцой.... А моя проклятая скотина повалилась на землю.... да и не съ мѣста, хотъ убей.... Я сталъ-было говорить дамѣ: «Это такъ, онъ пошавить вздумалъ.... это-ничего....» Да она меня не послушала; за труды дала мнѣ сто су, а осель все-таки остался у меня. Теперь я хочу отвѣсти его къ Лебуте.... Скажу, что я воруочу ему боченокъ.... такъ вѣдь мы и уговорились.... Вы свидѣтели.

Молодые люди долго смѣялись надъ новымъ несчастіемъ Гильо; онъ хотѣлъ-было удалиться; но Альфредъ удержалъ осла за хвостъ.

— Пстой-ка, любезный Гильо.

— Чтѣ? не хотите ли купить моего осла?... Пожалуй, я радъ.

— Нѣтъ, мы торговать его не будемъ, а то ты какъ разъ докажешь, что мы его купили.... А вотъ что, кто это такая розовая дама?... Ты былъ у ней въ домъ, такъ, вѣрно, узналъ про нее?

Крестьянинъ лукаво посмотрѣлъ на Альфреда.

— А, такъ и вамъ охота шривѣдать про нее.... У насъ всѣ толкуютъ, что она какая-то будто переодѣтая принцесса.... Да народъ глупъ!

— А ты, чтѣ скажешь про нее?

— Я... Эхъ, какъ у меня въ горлѣ пересохло, словно въ печи.... не промочу, такъ пожалуй....

— А, понимаю, сказала Альфредъ, шаря въ карманъ.

И онъ далъ Гилью пять франковъ:

— Ну, вотъ тебѣ на лекарство.

Гилью положила деньги въ карманъ.

— Если такъ, двѣать нечего, надо угодить господи... .

И правда, у меня есть работница; но вы мнѣ платите, такъ и для васъ надо удѣлать немножко времени.... Я вѣдь не собака!... знаю, какъ что сдѣлать.

— Ну, а розовая дама?

— Да! она живетъ вонъ тамъ.... дакъ войдешь въ Нуази.

— Она замужняла?... Ты видѣла кого-нибудь у ней?

— Я видѣла двонки; лавка да горничную, и только....

Зовутъ ее господа Сентъ-Адель.

Маренго захохоталъ во все горло.

— Сентъ-Адель! вскричалъ онъ; это напоминаетъ мнѣ одну лоретку въ улицѣ Назаренъ, которая называлась Сентъ-Аскерже.

— Маренго, оставь насъ, пожалуйста, въ покоѣ! сказалъ Альфредъ. Ну же, любезный Гилью, что ты еще знаешь?

— Собой она больно хороша.... А какая обходительная! А ножка и ручка у нея.... право, какъ будто у куклы.... И молода еще.... такъ, съ годомъ двадцать, не больше.... Въ домъ у ней тоже славно убрано.... Я всю кухню осмотрѣла.... Въ саду поставлены ящики съ деревьями.... а деревья все не здѣшнія, заморскія....

— Только-то ты и знаешь?

— А что же еще? кажется, за пять франковъ довольно. Прощайте, господа, я иду къ Лебуте, чтобъ продать ему осла. Гилью громко засмѣялся и побѣжалъ дальше.

X.

Домъ Мутонара.—Карусель.

Когда три друга прибыли къ Мутонару, ихъ встрѣтилъ маленькій человѣчекъ, румяный, толстощекий и чрезвычай-

по вертящийся; когда онъ говорилъ съ князь, то какъ будто хотѣлъ вспрыгнуть ему на шею.

Это былъ привратникъ и вмѣстѣ садовникъ господина Мутонара; жена его служила кухаркою въ томъ же домѣ.

Увидѣвъ урѣкъ господь, онъ закричалъ отъ радости, закивалъ въ ладоши и закричалъ:

— Ахъ, вотъ и гости!... Какъ будутъ довольны ваши господа!... Они чрезвычайно любятъ общество!... Они готовы хоть кого пригласить, только бы не остаться однимъ.

— Это очень лестно для насъ! сказалъ Маренго.

— Разъ имъ пришлось было обѣдать однимъ; племянница ихъ съ мужемъ были въ Парижъ; вотъ моя госпожа и говоритъ своему мужу: «Пригласи хоть деревенскаго сторожа, пусть онъ пообѣдаетъ съ нами, все-таки намъ будетъ веселѣе.»

Пока садовникъ восхищался счастьемъ своихъ господъ, молодые люди осмотрѣли наружность дома, который стоялъ между дворомъ и садомъ, и на видъ былъ довольно просторенъ, но оставленъ безъ всякаго присмотра. Впрочемъ, часть стѣнъ была выштукатурена заново.

— Они въ саду, на карусели, прибавилъ садовникъ; должно быть самъ господинъ теперь вертеть; ему часто это приходится. Онъ велѣлъ мнѣ скорѣе придти, чтобы замѣнить его, да у меня есть другое дѣло.... Надо отыскать мою жену....

И маленькій человѣчекъ пошелъ, подпрыгивая, какъ будто бы онъ ходилъ на одной ногѣ. Гости прошли черезъ сѣни, и тотчасъ очутились въ саду. Почти передъ самымъ домомъ, на лужайкѣ, была устроена карусель.

Госпожа Мутонаръ гордо сидѣла на деревянной лошади, всунувъ ноги въ стремя.

На другой лошади сидѣлъ господинъ Корентьевъ. Молодая племянница и толстая дама лѣтъ пятидесяти занимали два кресла, пившія видъ лебедей; маленькій мальчикъ, лѣтъ семи или осми, ставилъ кольца, а господинъ Мутонаръ вертелъ карусель. Толстякъ снялъ свою фуражку; потъ

струнался по его лицу, и ему некогда было утереться, потому-что жена каждую минуту кричала ему:

— Ну же, Филемонъ, ну.... Эта игра тогда и занимательна, когда быстро вертеть.

Замѣтивъ трехъ друзей, господинъ Мутонарь испустилъ радостный крикъ; онъ думалъ-было остановиться, но жена закричала ему:

— Ну же, Филемонъ, шибче.... Эти господа будутъ свидетелями моей ловкости. Здравствуйте, господа. Ахъ, какъ я рада, что вы пришли въ такое время!... Ну, Корентьенъ, помогайте мнѣ, не дадимъ этимъ дамамъ обыграть насъ....

Корентьенъ не отвѣчалъ ни слова своей теткѣ, всталъ на стременахъ, вытнулъ впередъ руку, вооруженную палкой, какъ рыцарь, который хотѣлъ бы своимъ копьемъ проткнуть кирасу своего противника, но все-таки ему не удалось снять все кольца; госпожа Мутонарь была гораздо проворнѣе.

И господинъ Мутонарь съ радостію остановился, едва переводя духъ.

Маренго подаль руку хозяйкѣ дома, чтобы помочь ей сойти съ лошади; она быстро спрыгнула и какъ будто нарочно дала замѣтить, что на ней надѣты панталоны.

Молодая племянница соскочила съ своего лебедя, прежде чѣмъ Альфредъ успѣлъ предложить ей свои услуги. Оставалась только толстая дама, помѣщавшаяся на другомъ лебедѣ, и которая, повидимому, очень затруднялась тѣмъ, какъ ей спуститься на землю.

— Кто же поможетъ сойти госпожѣ Замбоне? сказала госпожа Мутонарь.

Никто не отозвался на этотъ вызовъ. Толстякъ Мутонарь бросился на скамейку и запыжталъ, какъ быкъ; Корентьенъ обтиралъ свои сапоги, Маренго отошелъ въ сторону, а Альфредъ разговаривалъ съ молодою племянницею.

Красавецъ Дюгранваль долженъ былъ покориться судьбѣ; онъ нехотя сдѣлалъ шагъ впередъ и искалъ глазами стула.

— Если бы былъ небольшой табуретъ, гораздо бы удобнѣе было сойти, сказалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, поддержите только меня немного, отвѣчала толстая дама, протянувъ руки къ Дюгранвалю, какъ будто бы она хотѣла упасть прямо къ нему на руки; но красавецъ-брюнетъ медаль и не трогался съ мѣста.

— Нѣтъ, не такъ-то легко высадить оттуда госпожу Замбоне, проговорилъ господинъ Мутонарь; мы втроемъ туда поднимали ее.

— Возмите ее подъ мышки, какъ берутъ дѣтей, кричалъ Маренго; такъ будетъ лучше.

Дюгранвалъ ужасно досадовалъ, что рѣшился на такую услугу, но не хотѣлъ уже отступать; онъ подставилъ плечо и подалъ руку; толстая дама оперлась на него; выпрыгнула и упала на лугъ; красавецъ-брюнетъ былъ увлеченъ тяжестью госпожи Замбоне.

— Живая картина! вскричалъ Маренго. Я предвидѣлъ это....

Толстая дама захохотала, какъ сумасшедшая, и кричала во все горло:

— Ничего! ничего!

Но красавецъ, сдѣлавъ ужасную гримасу, и быстро вскочилъ на ноги:

— Славное начало! сказалъ онъ, что-то будетъ дальше!...

— Вы видите, господа, какъ мы забавляемся, сказалъ Мутонарь.

— Да, вы веселитесь до упада, отвѣчалъ Маренго.

— Не угодно ли вамъ, господа, составить со мною партію? сказала госпожа Мутонарь.

— Ахъ, только не теперь; лучше послѣ, отвѣчалъ Альфредъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, теперь пойдите-ка посмотрѣть мой садъ, да дыни.... Онѣ наливаются; ахъ, честное слово, онѣ наливаются!...

— А вы думали, дядюшка, что онъ навсегда останутся такими пуговками? сказала, сивясь, госпожа Корентьенъ.

— Конечно, нѣтъ; да вы съ моею женою всегда толковали: «Не созрѣютъ, да не созрѣютъ!»

— А вы уж посвяли? спросил съ ужасомъ Маренго.

— Нать еще....

— Твѣ лучше....

— Ну, какъ же вамъ нравится мой домъ, господа?

— Очень милъ; но, кажется, въ немъ сдѣланы поправки.

— Да, это издумалъ Корентъень.... Съ тѣхъ поръ, какъ ко мнѣ въ племянники попалъ архитекторъ, у меня безпрестанно работы, то здѣсь, то въ Парижъ, въ моемъ домъ.... а иногда и въ обоихъ вмѣстѣ.... У меня постоянно, что-нибудь да чинять, либо передѣлываютъ.

— Это для вашей же пользы, съ важностию отвѣчалъ Корентъень.

Садъ господина Мутонара былъ обширенъ, но не устроенъ; между цвѣтами росли огородные овощи; аллеи были безъ всякой тѣни; за то капуста предоставлена была полная свобода, и она разрослась цѣлыми кустарниками.

— Какъ вамъ кажется мой садъ? спросилъ хозяинъ.

— Вашъ садъ очень оригиналенъ, отвѣчалъ Маренго. Если въ немъ нельзя укрыться отъ солнца подъ вашими деревьями, за то можно сидѣть въ тѣни вашей капусты. А такія рѣдкости не вездѣ встрѣчаются.

— О, когда я удобрю землю гуаномъ, не то еще будетъ!

— Вамъ хочется, можетъ-быть, имѣть капустный лѣсъ?

— Нвтъ, я хочу развести табакъ. Племянникъ мой Корентъень еще совѣтуетъ мнѣ построить здѣсь павильонъ.... а тамъ домикъ... а съ лица бельведеръ....

— Если вы будете слѣдовать совѣтамъ вашего племянника, то изъ своего сада сдѣлаете цѣлую деревеньку.

— Смотрите, вотъ мои дыни, чудесныя будутъ....

— А можно ли у васъ освѣжиться чѣмъ-нибудь?

— Сколько угодно.... Будьте, пожалуйста, какъ дома.

— Такъ потрудитесь показать мнѣ вашу столовую.

Въ то время, какъ Маренго отправился въ столовую, Альфредъ шутливъ съ Элоизой, Джулианна съ важностию толковала съ Корентъенемъ, а госпожа Мутонаръ, до страсти привязанная къ игрѣ въ кольца, предложила еще пар-

тлю своей подруги, госпожи Замбоне. Но эти дамы съ сожалѣніемъ замѣтили, что не кому было вертѣть карусель.

Служанка, подающая Маренго пить, была женщина въ пять футовъ и шесть дюймовъ ростомъ и соразмѣрной толщины. Въ то время, какъ Маренго со вниманіемъ разсматривалъ этого колосса, маленькой человечекъ, занимавшій мѣсто садовника и исполнявшій должность привратника, впрыгнулъ въ залу, и сказалъ женщине-великану:

— Мамочка, барыня сейчасъ же велѣла тебѣ придти вертѣть ее.

Колоссъ опустилъ глаза на малютку и отвѣчалъ громовымъ голосомъ:

— Мнѣ надо готовить обѣдъ; это нужнѣе ихней игры! Ступай ты, Фунне.

— Мамочка говорить дѣло, сказалъ Маренго; обѣдъ гораздо важнѣе, чѣмъ эта игра, которая, мнѣ кажется, изувѣчитъ васъ всѣхъ..., начиная съ хозяина дома.

— Это насъ очень забавляетъ, отвѣчалъ Мутонаръ принужденно,

— Да, правду сказать, возразила великанша: это насъ всѣхъ изувѣчитъ.... Когда мужъ мой повертитъ часа два, онъ цѣлый день ни къ чему не годится.

— Вашъ мужъ! вскричалъ Маренго шутливо. Какъ! Фунне обладаетъ такую прекрасною женою?

— А почему же не такъ, сударь?

— На первый взглядъ, это показалось мнѣ невѣроятнымъ.

Маленькій Фунне перепрыгивалъ съ ноги на ногу, точно какъ чирикъ въ клеткѣ, потомъ, смотря на свою жену масляными глазами, съ нѣжностію произнесъ:

— Да, мамочка прекрасный цвѣточекъ!.. Я обожаю прекрасныхъ женщинъ.... и я былъ бы очень счастливъ, еслибъ мамочка позволяла мнѣ почаще цѣловать ее.... Да она слишкомъ спесива, а противъ ея воли, мнѣ не очень удобно цѣловать ее, вы видите, я не могу достать....

— Ну, ну, молчи, негодный! отъѣчалъ колоссъ, ступай-ка лучше подвѣзывать свой горохъ, чѣмъ вертѣть барыню-то.

И великанша пошла въ одну сторону, а Фунне въ другую.

— Сказать по чести, милостивый государь, вашъ домъ настоящій кабинетъ рѣдкостей, произнесъ Маренго, оставшись наединѣ съ Мутонаромъ; если бы вамъ было угодно, я нашелъ бы одно средство, чтобы доставить счастье нашему садовнику и спокойствіе вамъ самимъ, которыхъ, изъ-за вашей проклятой карусели, вамъ рѣдко удастся наслаждаться.

Мутонаръ взялъ руку Маренго и съ чувствомъ пожалъ ее.

— Если вы найдете такое средство, милостивый государь, признаюсь, вы окажете мнѣ величайшую услугу.... Я не хочу открыться жень, но это ужасно утомляетъ меня... Я буду благословлять васъ, если вы найдете такое средство.

— Я не требую вашихъ благословеній, только не хочу, чтобы вы получили одышку. Положитесь на меня, я изобрѣталъ еще не такія вещи.

Послѣ этого, Мутонаръ показалъ Маренго весь свой домъ съ низу до верху.

— У васъ все хорошо, все удобно, сказалъ Маренго, да нѣтъ билліардной залы.

— Жена не захотѣла; сама она не играетъ на билліардѣ, а думала, если поставить билліардъ, то гостей и не выживешь оттуда.

— А! тогда не кому бы было вертѣть ее, понимаю. Но если я устрою для вашей карусели вѣчное движеніе?

— О, тогда у меня будетъ билліардъ.

— Хорошо, я припомню вамъ это.

Домъ Мутонара не могъ похвалиться хорошимъ устройствомъ; хозяева не умѣли принимать гостей съ тою милою непринужденностію, которая составляетъ прелесть хорошаго общества; гости, собиравшіеся у нихъ, часто были самыя разнородныя, потому-что они болѣе всего заботились о многочисленности общества; но вообще, это были добрые люди, которые считали за счастье, если у нихъ веселились,

и предоставляли своимъ гостямъ полную свободу дѣлать, что имъ угодно; надъ ними не лзя было смѣяться, потому что въ ихъ пріемѣ ясно выказывалось добродушіе, безъ всякихъ притязаній, и они сами первые смѣялись надъ тѣмъ, что находили смѣшнаго въ своемъ хозяйствѣ.

У такихъ людей, Альфреду могло нравиться, Дюгранваль могъ скучать, а Маренго былъ какъ дома. За обѣдомъ, Маренго привелось сидѣть возлѣ госпожи Мутонарь; она уже знала отъ своего мужа, что гость, который безобразнѣе всѣхъ, общалъ даяти средство вертѣть карусель безъ помощи челоуька. Потому хозяйка дома особенно заботилась о Маренго; она всячески старалась ему услужить, откладывая для него лучшіе куски, и безпрестанно повторяла своему мужу:

— Что жъ ты, Филемонъ, не просишь господина Маренго.... онъ ничего не пьетъ.... ты совсѣмъ забываешь его.... Господинъ Маренго, развѣ вамъ не нравится наше вино?

— Извините, сударыня, говорилъ Маренго; вчера, въ Мерланъ мы немѣожко подкутили.... а каждый день, будетъ тяжело.

— Кстати о Мерланъ, сказалъ Мутонарь; этотъ господинъ съ своей супругой придуть къ намъ?... Можемъ ли мы ожидать ихъ сегодня?...

— Не думаю, отвѣчалъ Альфредъ. Госпожа Вальденаръ не любитъ ходить по гостямъ.... а мужъ ея одинъ не хочетъ.

— Они, право, настоящіе медвѣди.

— Въ такомъ случаѣ, надо сдѣлать для нихъ берлогу, сказалъ Корентень.

— Нѣтъ, они не медвѣди.... скорѣе пустыняники.

— Ну, такъ надо имъ выстроить хижину, пробормоталъ Корентень.

— Вотъ кстати о сосѣдяхъ, подхватилъ Альфредъ, говорятъ, не далеко отъ васъ.... въ Нуази, живетъ молодая и прекрасная дама.... Вы не слышали о розовой дамѣ?... Такъ ее прозвали крестьяне.

— Розовая дама? вскричала госпожа Мутонарь; памъ толь-

ко сегодня въ первый разъ говорили объ ней... Кажется, эта дама высшаго общества! Филемонтъ, завтра же сдѣлай ей визитъ, и пригласи ее къ себѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ толстякъ, я завтра пойду.... Да вотъ, чортъ возми! я не знаю, какъ ее зовутъ....

— Господжа Сентъ-Аспержъ, сказалъ Маренго серьезно.

— Удивительное имя! промолвилъ Мутонарь....

— Не слушайте Маренго, любезный Мутонарь, перебилъ Альфредъ; онъ всегда недоверкаетъ чужое имя. Эту даму зовутъ Сентъ-Адель.

— А какъ вы узнали, господа, имя этой дамы? спросила госпожа Замбоне съ лукавымъ видомъ.

— Мы встрѣтили, сударыня, одного крестьянина, ужаснаго болтуна.... онъ подстрекнулъ наше любопытство, и мы разспросили его объ этой дамѣ,

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Если вѣрить этому крестьянину, розовая дама очаровательная женщина.... это какая-то богиня!

— Такъ надо воздвигнуть ей храмъ, сказали Коренцъенъ. Обѣдъ кончился, гости возвратились въ садъ; скоро заметили, что Дюгранваль исчезъ.

— Вашъ другъ уже ухалъ? спросила госпожа Мутонарь съ удивленіемъ.

— Сегодня вечеромъ, ему нужно быть въ Парижъ, по одному дѣлу; извините его, отвѣчалъ Альфредъ.

— Онъ испугался, чтобъ еще разъ не пришлось ему снимать госпожу Замбоне съ карусели, вполголоса проговорилъ Маренго,

Вечеромъ, къ Мутонару пріѣхали нѣкоторые изъ его сосѣдей. Госпожа Мутонарь составила для себя партію для карусели; племянница предложила танцы.

— А музыка? спросилъ Маренго.

— У насъ музыка найдется, отвѣчалъ Мутонарь; я сейчасъ вамъ принесу ее.

Мутонарь пошелъ въ домъ, и скоро возвратился съ серпентою въ рукахъ.

— Она играетъ пять кадрили, два вальса и одну поль-

ку.... можно танцовать, сколько угодно, эти музыканты никогда не утомятся.

— А кто же будетъ играть?

— Кто хочетъ.... не угодно ли вамъ?

— Покорно благодарю.

— Вы любите лучше танцовать?

— Нѣтъ; я никогда не танцую; но я люблю лучше отдыхать.

Толстикъ взялъ серипету, и сталъ играть; ему казалось это величайшимъ наслажденіемъ, особенно въ сравненіи съ каруселью. Гости танцовали; одинъ Маренго не принималъ ни въ чемъ участія, и спокойно лежалъ на травѣ. Наступила ночь, и Альфредъ напомнилъ Маренго, что пора отправляться домой, иначе они не найдутъ не одной коляски.

— Останьтесь у насъ, сказала госпожа Мутонарь: у насъ чудесныя постели.... здѣсь спать, какъ сурки.

Альфредъ отказался отъ этого предложенія, и хотѣвъ возвратиться въ Парижъ; но Маренго вскричалъ:

— Если у васъ спать, какъ сурки, такъ это мнѣ очень нравится, и я принимаю ваше предложеніе.... Я готовъ проспять хоть цѣлые полгода.

— Вы премилый чловѣкъ! вскричала госпожа Мутонарь.

— Еще въ первый разъ я слышу такой отзывъ о себѣ! отвѣчалъ Маренго.

XI.

Встрѣча.—Желанія и досада.

Прошло двѣнадцать дней послѣ не совсемъ романтическихъ происшествій, которые мы описали.

Погода была прекрасная, небо чистое; то былъ настольный лѣтній день. Вальдемаръ пошелъ прогуливаться одинъ. Видѣть его безъ Эрнестины, могло бы показаться стран-

видеть для жителей деревни, которые никогда не видали их другъ безъ друга; но для людей, знающихъ сердце человеческое, такое явленіе очень естественно.

Наканунъ, Мутошаръ и его жена посетили своихъ мерланскихъ сосѣдей, и съ большимъ жаромъ возобновили свои просьбы видѣть ихъ въ своемъ домѣ; они съ какою-то торжественною властностью тѣмъ, что господину Маренго очень понравилось у нихъ, и онъ спалъ по двѣнадцать часовъ въ сутки, не считая маленькихъ случайныхъ отлысковъ въ продолженіе дня; они рассказывали о своей карусели и о сериетѣ, которая играла полную кадрили.

Все это не слишкомъ понравилось Эрнестину, но иначе подвигнувшись на Вальдемара, который, послѣ ухода почтенныхъ сосѣдей, съ упрекомъ обратился къ милой вдовѣ и сказалъ, что она хочетъ жить по-волчьи. Этотъ упрекъ вызвалъ слезы на глаза Эрнестины, потому они целый вечеръ дулись другъ на друга, и вотъ почему, на другой день, Вальдемаръ вышелъ прогуливаться одинъ.

При томъ же, иногда и пріятно быть одному, предаваться на свободѣ своимъ мыслямъ, воскрешать свои воспоминанія, обдумывать свои планы, мѣлчать свои надежды и мечты. Мысли Вальдемара, вѣроятно, были не очень веселы, потому что изъ груди его часто вылетали вздохи; на лицѣ его замѣтна была забота; обводя глазами прекрасныя окрестности, онъ не рѣдко покачивалъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: «Если бы я зналъ!...»

Вальдемаръ шелъ по дорогѣ, ведущей въ Вилльомбль; вдалекѣ, впереди себя, онъ замѣтилъ женщину, вѣзшую на ослѣ, который повидимому чуть-чуть подвигался впередъ. На этой женщинѣ было розовое платье, соломенная шляпка съ розовою газовою вуалью, и розовый же шарфъ.

Издали Вальдемаръ не могъ угадать, какихъ лѣтъ была эта женщина. Впрочемъ, при ея стану и по локостямъ, съ какою она сидѣла на своемъ ослѣ, онъ предполагалъ, что она должна быть молода. Тогда онъ вспомнилъ толки прѣстѣнныя о женщинѣ, всегда одѣтой въ розовое платье. Нѣтъ сомнѣнія, что это была та самая розовая дама. Говорили

знала, что она была молода и прекрасна, и потому Вальдемаръ удвоилъ шаги, чтобы пройтись, правду ли говорили пророки.

Для Вальдемара было не трудно догнать эту женщину, потому что, не смотря на все стараніе всадницы понудить своего осла бжать рысью, упрямое животное твердо рѣшилось идти шагомъ, а иногда даже останавливалось, и, казалось, вовсе не хотѣло двигаться съ мѣста.

Чѣмъ ближе Вальдемаръ подходилъ къ розовой дамѣ, тѣмъ болѣе былъ расположенъ вѣрить, что крестьяне говорили правду; сперва, онъ замѣтилъ, что эта женщина, хотя и небольшого роста, но хорошо сложена и очень ловка. Ноги ея были обуты въ прекрасные пеньельного цвѣта полусапожки, и шегольскія перчатки обтягивали ея руки. Не подходя такъ близко, чтобъ быть замѣченнымъ, Вальдемаръ осмотрѣлъ свой туалетъ. На немъ было меринское пальто, тиковые полосатые панталоны и сѣрая шляпа съ широкими полями; онъ былъ одѣтъ самымъ приличнымъ образомъ для сельской прогулки; но ему очень не нравился этотъ костюмъ; впрочемъ лѣтнее одержало верхъ надъ самолюбіемъ. Онъ догналъ даму и скоро могъ разсмотрѣть ея лицо.

Крестьяне вѣрно обрисовали ея портретъ. Розовая дама была очень молода; свѣтлорусые волосы окаймляли ея блоснѣжное лицо, отгнѣненное легкимъ румянцемъ; въ быстрыхъ голубыхъ глазахъ отражался умъ; носъ у ней былъ прямой и тонкій; небольшой ротъ имѣлъ нѣсколько насмѣшливое выраженіе, но улыбка ея была очаровательна и выказывала рядъ прекрасныхъ зубовъ, которые она не старалась слишкомъ часто выставлять на показъ, не смотря на общую слабость особъ, обладающихъ красивыми зубами, свѣяться при каждомъ случаѣ, даже не впадѣвъ и противъ воли.

Вальдемаръ смотря на незнакомку, поднесъ руку къ своей шляпѣ. Въ деревнѣ здороваются и безъ предварительнаго знакомства; это старинное обыкновеніе еще не совсѣмъ

утратилось и служить въ цехвалу сельской жизни. *Вашо Mit morez nec vivit esse feroz!*....

Розовая дама, занятая своимъ ослонь, почти не обращала вниманія на шедшаго возлѣ ея челоуька. Вальдемаръ убавилъ шагъ, чтобъ не уйтѣ слишкомъ далеко отъ всадницы. Черезъ нѣсколько минутъ, не слыша за собою топота копытъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что оселъ остановился и никакъ не хотѣлъ перейти черезъ маленькій ручеекъ, пересѣкавшій дорогу.

Напрасно всадница понуждала его своимъ хлыстикомъ, оселъ опустилъ голову, поднялъ уши, и не трогался съ мѣста.

Вальдемаръ возвратился къ розовой дамѣ и, снова сдѣлавъ почтительный поклонъ, сказалъ ей:

— Не прикажете ли, сударыня, помочь вамъ справиться съ вашимъ бѣгуномъ, который, кажется, немощно съ порывомъ?

Женщина внимательно посмотрѣла на Вальдемара и поблагодарила его за услужливость. Молодой челоуькъ взялъ осла за поводъ, и тотъ, почувствовавъ, что его тащила сильная рука, согласился наконецъ перейти ручеекъ.

— Безконечно вамъ благодарна, произнесла розовая дама. А я не знала, что и дѣлать съ этимъ несноснымъ животнымъ; я выѣхала изъ дома съ своей горничной; она также на ослѣ, но ея оселъ совершенно не похожъ на моего, тотъ такой прыткій. Моя горничная понадѣялась, что я не отстану отъ нея, продолжала ѣхать впередъ и, вѣрно, захватила въ лѣсъ, вотъ что на-лѣво, потому-что ее не видно больше. Я осталась одна на дорогѣ..... это ужасно неприятно, особенно если ѣдешь на такомъ упрямомъ животномъ и не можешь справиться съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я могу быть вамъ полезенъ, позвольте проводить васъ до вашей горничной?...

— Вы очень добры....

— Прежде всего, сударыня, я долженъ вамъ сказать, что я почти вашъ сосѣдь. Вы живете при входѣ въ Нуази?

— Да, это правда, но почему вы знаете?...

— Я объясню вамъ, сударыня; окрестные поселане называютъ васъ розовою дамою, а по описанію, сдѣланному мнѣ, мнѣ легко было узнать васъ.

Всадница лукаво улыбнулась и спросила:

— А вы живете въ красивенькомъ домикѣ, возлѣ деревеньки Мерланъ?

— Точно такъ, сударыня... Но отчего вы знаете?...

— Я объясню вамъ, милостивый государь; окрестные поселане прозвали васъ дикаремъ... а по описанію, сдѣланному мнѣ, мнѣ не трудно было узнать васъ.

Вальдемаръ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, я дикарь; но у меня есть и другое имя, въ Парижѣ меня называютъ Вальдемаромъ.

— Я действительно розовая дама, но мои знакомые знаютъ, что меня зовутъ также и Сентъ-Адель.

— Значить, сударыня, я не совсѣмъ незнакомъ съ вами; теперь позвольте ли мнѣ помочь вамъ отыскать вашу горничную?

— Я принимаю ваше предложеніе, если только оно не отрываетъ васъ отъ занятій.

— Теперь, я рѣшительно безъ всякаго дѣла, сударыня; прекрасная погода вызвала меня на прогулку, вотъ и все мое занятіе. Я благодарю случай, который доставилъ мнѣ такую пріятную встрѣчу.

Розовая дама улыбнулась.

— И безъ случая мы могли бы, вѣроятно, встрѣтиться. Я бываю иногда въ одномъ домѣ, гдѣ часто говорятъ о васъ, и гдѣ всегда ждутъ васъ, равно какъ и вашу супругу.

Розовая дама сдѣлала особенное удареніе на словахъ: *вашу супругу*. Вальдемаръ слегка нахмурилъ брови, но тотчасъ же принялъ веселый видъ.

— Чей это домъ, сударыня, гдѣ говорятъ о..... обо мнѣ?

— У господина Мутонара.

— Вы знакомы съ нимъ?...

— Можетъ быть, столько же, какъ я вы. Она посвщали меня по праву сосѣдей, и взяли съ меня слово быть у нихъ. Мнѣ сказывали, что они очень добрые люди, и считаютъ

величайшимъ для себя счастьемъ принимать гостей. Я пришла въ деревню для развлеченія и для удовольствій, потому и не отказалась отъ приглашенія господина и госпожи Мутонаръ, и, скажу откровенно, нисколько не раскаяюсь въ этомъ.... У нихъ очень весело проводить время.... они дѣлаютъ все, что могутъ, для удовольствія своихъ гостей, а это уже заслуживаетъ некоторой признательности.

— Вы, сударыня, возбудили и во мнѣ желаніе сдѣлать то же самое, уступать просьбамъ нашихъ соседей. Впрочемъ, надежда быть въѣздомъ къ вамъ скорѣе всего заставитъ меня рѣшиться на это.

Вальдемаръ произнесъ эти слова съ такою искренностію, что въ нихъ нельзя было замѣтить ни малѣйшей лести. Розовая дама сдѣлала легкій поклонъ.

Вы очень добры, милостивый государь; но мнѣ кажется, что мы еще не такъ близко знакомы, чтобъ я могла извѣстить васъ намереніемъ жить въ уединеніи.... Увѣрлю, что вы и ваша супруга ни къ кому не ѣздите и къ себѣ никого не принимаете. А это доказываетъ, что вы довольны другъ другомъ.... что вы находите счастье въ самихъ себѣ. Вы осуществляете тѣ пріятныя мечты, которыя многіе считаютъ химерой.... Это дѣлаетъ честь вамъ и вашей супругѣ.

Розовая дама, кажется, находила особенное для себя удовольствіе безпрестанно повторять: *ваша супруга, и притомъ*, съ какимъ-то коварнымъ выраженіемъ, которое, конечно, поразило бы Вальдемара, если бы онъ обратилъ на то побольше вниманія; но онъ былъ разсѣянъ, и почти совсемъ растерялся.

— Да, сударыня, мы любимъ уединенію, отвѣчалъ онъ.... Мы пришли въ деревню, чтобы жить на свободѣ.... А когда заведешь знакомство, пужно уже нисколько отъступить отъ себя, надо иногда заняться и гулять, а это такъ скучно въ деревнѣ.

— Ахъ, нѣтъ! я васъ увѣрлю, что у Мутонаровъ вовсе этого не требуютъ.... Простота обращенія въ ихъ домѣ иногда доходитъ до крайности.... Между прочимъ, я видѣла тамъ господина Маренто...., который, кажется, не брала своей

бороды съ тѣхъ поръ, какъ живеть у нихъ... и не смотря на то, его находятъ очень милымъ....

— Маренго!..... Ахъ, да!..... я знаю его, отъчалъ Вальдемаръ, свѣясь: это одинъ изъ моихъ друзей.

— Онъ вашъ другъ? Жалю, что я отозвалась объ немъ такъ неосторожно.... Я очень мало его видѣла.... Онъ почти всегда въ саду, лежитъ на спинѣ посреди луга; сначала, я приняла его за пугало для птицъ, потомъ узнала, что онъ боленъ, и ему трудно перемѣнять свое положеніе.

— Вы правы, сударыня, паружность Маренго очень мало говоритъ въ его пользу; и онъ во зло употребляетъ позволеніе хозяевъ ни чѣмъ не стѣсняясь въ нихъ дожъ. Но въ душѣ, онъ добрый малый, въ немъ умъ и образованность перешаивающія съ странною причудливостію характера.

— Вы хотите мнѣ сказать, что не лези судить по паружности; но я, какъ женщина, не могу онустить безъ вниманія первыхъ впечатлѣній.... И вы сами соглашаетесь, что другъ вашъ Маренго не привлекателенъ съ перваго раза.... а я сомнѣваюсь, чтобъ онъ показался лучше и во второй разъ....

При этихъ словахъ, розовая дама засмѣялась, и Вальдемаръ воспользовался случаемъ, чтобы полюбоваться ея прекрасными зубами. Потомъ вдругъ она остановила своего осле и вскричала:

— Но куда же ны ѣдемъ?..

— Я не знаю, сударыня; мнѣ также мало знакома эта дорога, какъ и вамъ..

— Да, это справедливо.... вы заперлись въ своемъ саду... Но я боюсь, милостивый государь, чтобъ не заставить васъ ѣхать слишкомъ далеко... Вашу супругу можетъ обезпокоить ваше отсутствіе... Я думала даже, что вы иногда не выходите другъ безъ друга.

— Сегодня, мо... мо... моя жена не совсѣмъ здорова.... она не рѣшилась прогуливаться....

— И вы оставили ее одну?..... Вы не боятесь, что ей будетъ скучно?..

— У ней нигрень.... она спитъ

— А! понимаю, пока она спитъ, вамъ свободнѣе.... Все-таки мнѣ непріятно, что для меня вы такъ отдалились отъ дома.... Посмотрите, что это тамъ, вонъ на той тропинкѣ?... Это моя горничная несется въ галопъ.... Боже мой! она, вѣрно, не можетъ справиться съ осломъ.... Какъ упрямы здѣсь ослы!... Онъ сброситъ ее на землю!...

— Успокойтесь, сударыня; я остановлю его.

Осель, на которомъ ѣхала горничная, дѣйствительно скакалъ изъ всѣхъ силъ, и дѣвушка, испуганная запальчивою вѣстію своего бѣгуна, растерялась, опустила поводья и, чтобъ не упасть, ухватилась обѣими руками за гриву и кричала во все горло.

Осель бѣжалъ прямо на встрѣчу Вальдемару и розовой дамѣ. Вальдемаръ схватилъ его въ ту самую минуту, когда горничная выпустила изъ рукъ гриву и упала на дорогу, которая, къ счастью, не была вымощена. Молодая дѣвушка первая засмѣялась надъ своимъ паденіемъ, не имѣвшимъ дурныхъ послѣдствій; она снова сѣла на осла, и Вальдемаръ пошелъ между двухъ всадницъ, чтобъ удерживать ретиваго осла и погонять лѣнливаго.

— Не угодно ли вамъ, сударыня, помѣниться со мной? сказала горничная. Мой осель славно бѣгаетъ.

— Нѣтъ, мнѣ пріятнѣе ѣхать шагомъ, отвѣчала розовая дама. Я бы ужасно испугалась, если бы мой осель пустился вскачь, какъ твой. Ахъ, какъ я вамъ благодарна, милостивый государь.... Если бы не вы, у насъ вѣрно не обошлось бы безъ приключенія.... По неволѣ получишь отращеніе къ осламъ.... Но чѣмъ же заниматься въ деревнѣ, особенно, если не имѣешь склонности къ уединенію, какъ вы?

Вальдемаръ отошелъ отъ осла горничной и приблизился къ розовой дамѣ.

— Я думаю сударыня, сказалъ онъ, что вашъ мужъ также долженъ составлять ваше счастье.

— У меня нѣтъ мужа, то-есть я лишилась его, я вдова.

— Вы.... уже вдова?

— Да, потому-то я и живу, какъ мнѣ хочется... Не

правда ли, вѣдь, самый лучший мужъ не всегда исполняетъ наши прихоти?

— Можетъ быть....

— А вы не совсѣмъ увѣрены въ этомъ?... Кажется, вы образецъ всѣхъ мужей....

— Вы долго думаете оставаться въ деревнѣ, сударыня?

— Не знаю... Это будетъ зависеть отъ моей прихоти, и смотря потому, какъ будетъ весело здѣсь... Ахъ, Боже мой, оселъ опять понесся съ моей горничной... это несносно!

— Пусть онъ скачетъ, сударыня; теперь онъ прямо прибѣжитъ въ Нуази....

— Вы такъ добры, милостивый государь, что не хотите оставить меня одну, но я опасуюсь....

— Повторяю вамъ, сударыня, что это доставляетъ мнѣ удовольствіе. А часто вы бываете въ Росни?

— У Мутонаровъ?... Да... я провожу тамъ иногда цѣлые дни.... Тамъ можно видѣть такія странныя лица... не считая господина Маренго... Боже мой, я все забываю, что онъ вашъ другъ!.... А у васъ много такихъ друзей, какъ господинъ Маренго? Я ручаюсь, что нѣтъ; водервыхъ это очень трудно.... Должно быть, я кажусь вамъ очень злою, не правда ли? съ перваго раза, вы составите по моимъ словамъ очень дурное обо мнѣ мнѣніе?

— Я составлю очень лестное мнѣніе для вашего ума, сударыня.

— Ахъ, не смѣшивайте ума съ насмѣшкой; я сама очень хорошо понимаю, что они не имѣютъ никакого отношенія между собою; нѣтъ ничего легче, какъ надъ всѣмъ насмѣхаться, все обращать въ шутку, и издѣваться даже надъ самыми невинными вещами; смѣяться легко всякому, потому-что насмѣшка почти всегда имѣетъ успѣхъ, и никто не откажется выслушать злую шуточку на счетъ ближняго, что во-все не дѣлаетъ чести человѣчеству. При томъ же, я знаю, что самые глупые люди иногда умѣютъ ловко подтрунить надъ другими, а люди умные часто становятся въ туякъ. Но не смотря на то, я все-таки лю-

блю посмиваться. Какъ вамъ это нравится? у меня уже такой характеръ, и я вѣрю словамъ:

Какъ во наѣвной природу,
А она свое возьметъ.....

Вотъ, напримеръ, у моего осла не въ природѣ скакать... и его ни за что не заставишь прибавить шагу.... Какое неспособное животное!... Пожалуйте, ударьте его.

Вальдемаръ повинчался. Розовая дама болѣе и болѣе увлекала Вальдемара своимъ разговоромъ, и онъ съ досадою замѣтилъ, что они были уже близъ Нуазы.

Провзжая мимо дороги, ведущей въ Мерлазъ, она остановилась и сказала своему спутнику:

— Прощайте, милостивый государь, вотъ ваша дорога; мой домъ въ двухъ шагахъ отсюда, и я буду очень благодарна, если вы пойдете еще дальше... Впрочемъ, моя и горничная, она поджидаетъ меня.

— Вамъ не угодно, сударыня, чтобы я провожалъ васъ дальѣ, повинуюсь вамъ; но надѣюсь скоро опять увидѣться съ вами, у господина Мутонара....

— Мнѣ было бы очень пріятно, но я не смѣю вполне исполниться на ваши слова; вы не знаете, угодно ли это будетъ вашей супругѣ.

Произнеся эти слова съ едва замѣтною улыбкой, розовая дама сдѣлала Вальдемару трагическій поклонъ, и пошла далѣе.

XII.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ МАРЕНГО.

Вальдемаръ возвратился домой, совершенно занятый своею встрѣчею; розовая дама, думая, что она была, разговоръ ея увлекателенъ, но она какъ будто съ намереніемъ безпрестанно повторяла слова: «Ваша супруга»

Валъ бы Вальдемаръ не зналъ Маренго, онъ могъ бы подумать, что тотъ проболтался, и что всѣмъ уже известны отношенія его въ госпожѣ Дюранси; но если Маренго не любилъ говорить о томъ, что ему не нравилось и что наводило на него скуку, то равнымъ образомъ не былъ способенъ вымѣнить тайны друга.

Когда Вальдемаръ возвратился, Эрнестина сидѣла въ саду; она не сдѣлала ему никакого упрека, но только сказала:

— Ты долго прогуливался, мой другъ.

— Да... Погода прекрасная!... а возвращаясь домой, я сбился съ дороги....

Вальдемаръ не считалъ нужнымъ говорить о своей встрѣчѣ. Черезъ минуту, Эрнестина снова сказала:

— Для тебя пріятнѣе теперь прогуливаться одному, чѣмъ оставаться со мною!

Вальдемаръ продолжалъ очищать кусть шивовника.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ; но теперь не угадаешь, что тебѣ нравится... ты такъ боишься встрѣчи съ людьми... я думалъ... что тебѣ пріятнѣе остаться дома.

Эрнестина печально смотрѣла на того, кого она такъ любила.

— Это ты мнѣ говоришь, мой другъ? произнесла она. Ты не знаешь болѣе, что можетъ мнѣ нравится... Ты сомнѣваешься, что прогулка съ тобою доставляетъ мнѣ удовольствіе... Ахъ, нѣтъ, ты не то говоришь, что думаешь.. чѣмъ я заслужила такіе упреки!...

— Я не дѣлаю тебѣ упрековъ... только для меня странно упорство, съ какимъ ты отказываешься посѣтить... нашихъ сосѣдей въ Росни; а они съ такимъ усердіемъ насъ просятъ къ себѣ.

— А мнѣ также странно твое желаніе непременно быть у господина Мутонара... Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего общаго между нами и этими людьми....

— Въ гости не всегда ходятъ для хозяевъ.... но лишь бы весело провести тамъ время.

— А кто тебѣ сказалъ, что ты можешь весело провести

время у Мутонаровъ?... Вѣроятно, твои друзья уже итъ тамъ,

— Маренго тамъ, онъ остался.

— Какъ же ты знаешь это?

Вальдемаръ смутился — было, но скоро оправился:

— Я встрѣтилъ.... одного крестьянина.... Знаешь того, что навязывался къ намъ выводить кротовъ.... Онъ былъ у Мутонаровъ и видѣлъ Маренго.

— А, ты теперь разговариваешь съ крестьянами?

— Почему же не такъ?... Съ кѣмъ разговаривать въ деревнѣ?... Тебѣ все кажется необыкновеннымъ; тебя все удивляетъ, что бы я ни сдѣлалъ.

Эрнестина ничего не отвѣчала, она отвернула голову и заплакала. Вальдемаръ, замѣтивъ это, подбѣжалъ къ молодой женщинѣ и обнялъ ее.

— Прости меня, я виноватъ.... я не знаю, что говорю.... для меня невыносимо быть причиною твоей печали!... Успокойся, прошу тебя, не сердись, не плачь, ради Бога, не плачь, или я буду думать, что ты все еще сердишься на меня!

Эрнестина утерла глаза, улыбнулась Вальдемару, протянула ему руку и сказала самымъ нежнымъ голосомъ:

— Забудемъ все; для меня невыносимо тяжело, когда ты говоришь со мною такъ холодно, я думаю, что ты уже не любишь меня.... что мое присутствіе наскучило тебѣ.... но нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!... Ты еще любишь меня.... но слушай, я не хочу идти къ Мутонарамъ; мои отношенія къ тебѣ не позволяютъ мнѣ этого; но я не хочу лишать тебя удовольствія. Ты посѣщай ихъ, мой другъ, когда тебѣ угодно. Я одна здѣсь буду думать о тебѣ, и ты.... надѣюсь, не совсемъ забудешь меня въ веселомъ обществѣ нашихъ сосѣдей?...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я не пойду безъ тебя къ Мутонарамъ, вскричалъ Вальдемаръ, цѣлуя Эрнестину; когда тебѣ не хочется видѣться съ ними....

— Изъ-за этого тебѣ не стоить оставаться дома. Ты зна-

ещь; мой другъ, что мужъ можетъ ходить въ вѣсти и безъ жены.

— Ну, хорошо же! Я сдѣлаю имъ, изъ учтивости, визитъ, но твѣ и кончу.

Прошло два дня послѣ этого разговора; Вальдемару нетерпѣливо хотѣлось побывать у Мутонаровъ, и онъ объявилъ Эрнестинѣ, что пойдетъ къ своимъ сосѣдямъ отдать имъ визитъ. Подъ вечеръ, онъ отправился; до Росни было не меньше полумили, и Вальдемаръ шелъ добрыхъ полчаса.

Прибытіе мерланскаго сосѣда чрезвычайно обрадовало Мутонаровъ; но радость ихъ нѣсколько уменьшилась, когда узнали, что онъ былъ одинъ. Вальдемаръ сказалъ въ извиненіе Эрнестины, что что она не совсемъ здорова, и потому не могла придти; извиненіе слишкомъ избитое; но при случаѣ очень достаточное.

— Ахъ, посмотрите, что сдѣлалъ для насъ вашъ другъ господинъ Маренго! вскричала госпожа Мутонаръ, схвативъ Вальдемара за руку и потащивъ его въ садъ.

Она привела его къ тому мѣсту, гдѣ устроена была карусель.

Два лебедя были заняты племянницею и сосѣдкою Замбоне, на лошадахъ сидѣли два сосѣда. Карусель вертѣлась, какъ будто сама собою; но почти непрерывный вой собаки скоро открылъ Вальдемару, какое средство придумалъ Маренго, чтобы приводить карусель въ движеніе.

Къ карусели прикрѣплены были двѣ палки; на одной нащипъ висѣлъ кусокъ говядины, а къ другой прилзана была большая, сильная собака, которую съ утра не кормили въ тотъ день, когда имѣли намѣреніе играть въ кольца. Собака, видя передъ собою говядину, изъ всѣхъ силъ бросалась впередъ, чтобъ схватить лакомый кусокъ, и такимъ образомъ, начинала вертѣть карусель. Но говядина вертѣлась вмѣстѣ съ каруселью, и несчастная собака, стараясь догнать приманку, ускоряла свои скачки и съ бѣшенствомъ выла въ продолженіе дартіи, что очень забавляло всѣхъ участвовавшихъ въ игрѣ.

— Ну, что вы скажете? вскричала госпожа Мутонарь; не правда ли, ведь очень замысловато?

— Да, замысловато, отвечал Вальдемаръ, но если ты что играете въ кольца, такъ скоро замучите вашу собаку.

— Нѣтъ, господинъ Маренго намъ скажите, что она при-
вѣщаетъ. А къ тому же, послѣ игры ее хорошо кормить...
Только по утру ей ничего не даютъ есть.

— Все равно, я думаю, что вамъ лучше бы было дать ей по-крайней-мѣрѣ помощника...

— Постойте.... востаньте, вотъ и нашъ гость, которому мы обязаны этимъ удовольствіемъ.

Произнося эти слова, госпожа Мутонарь указала на что-то, лежавшее на травѣ. Вальдемаръ, проходя мимо, стелъ это за сущившееся бѣлье; и теперь только онъ замѣтилъ, что тутъ лежалъ Маренго, закутанный въ струю блузу необъятной ширины, съ подпатыми къверху ногами, съ трубкою въ зубахъ, и гордо поглядывалъ на Эдипа, вертѣвшаго карусель.

— Кажется, что ты очень доволенъ здѣшнимъ житьемъ?..
сказалъ Вальдемаръ съ улыбкой.

— Чрезвычайно! я какъ дома.... Нѣтъ, лучше, чѣмъ дома; по этому-то я и остался здѣсь.

Въ свою очередь и господинъ Мутонарь овладѣлъ Вальдемаромъ; онъ хотѣлъ показать ему свой садъ, и особенно гряды съ дынями. Вальдемаръ сдѣлалъ видъ, что все это занимаетъ его, но ему гораздо больше хотѣлось увидѣть что-нибудь другое. Преходя по дому и черезъ садъ, наконецъ искалъ онъ глазами той, которую надѣялся встрѣтить. Слѣдуя за Мутонаромъ, который только и толковалъ, что о своей капустѣ да о дыняхъ, Вальдемаръ старался по-крайней-мѣрѣ перебить разговоръ.

— У васъ, какъ я вижу, всегда собирается многочисленное общество? спросилъ Вальдемаръ развѣшивъ.

— Да. У насъ всегда гости.... А вотъ, посмотрите, земляника.... чудесная, не хуже ананасовъ.... Въ вѣнчившемъ году, ягодъ еще нѣтъ, но какъ удобрю землю гуаною, такъ на тотъ годъ, мхъ пропастъ уродится.

— У васъ бываютъ и дачи? .

— Да; сосѣдка Замбоне, да моя племянница, жена архитектора Корентьена.... Ахъ! у меня изъ головы не выходитъ, какъ онъ сказалъ, что подлѣ мой домъ, въ улицѣ Корбо, въ Парижѣ, надо подложить новый фундаментъ!... Кажется, что съ нѣкотораго времени на дома наша какая-то бѣдзая!...

— Конечно, вы знакомы и съ другими сосѣдними женщинами?

— Ахъ, да! мы знакомы со всеми здѣшними!... А вотъ слива... просто сахаръ, какъ положишь въ ротъ. Въ нынѣшнемъ году, плодовъ еще не будетъ.... но когда удобрю землю гуаномъ, я увѣренъ, что дѣло пойдетъ на дакъ; изъ сливъ я буду дѣлать варенье.

— А у васъ никогда не бываетъ.... та дама, что живетъ въ Нуази, госпожа Сентъ-Адель?

— Госпожа Сентъ-Адель!... извините, она очень часто посѣщаетъ насъ.... А вотъ я не знаю, что стало съ моими яблоками. Посмотрите, вѣдь яблоки чудесныя; плодовъ въ саду много; бездна; но лишь только яблоки наляются съ орѣхъ, всѣ и поддаются.... Черви ихъ подтачиваютъ, милостивый государь.... Какъ вы думаете, вѣдь отъ гуано черви изведутся? Надо вамъ сказать, что у меня яблоки не совсемъ здоровы....

Вальдемаръ уже не слушалъ разсказней Мутозара; онъ замѣтилъ на видѣлкѣ отъ дома одну особу, которую тотчасъ же узналъ: то была розовая дама.

Вальдемаръ не рѣшился однако вдругъ подойти къ госпожѣ Сентъ-Адель, которая разговаривала съ другими; онъ остановился возлѣ Маренго и сказалъ ему вполголоса:

— Эта дама часто здѣсь бываетъ?

— Какая? спросилъ Маренго, постучивъ ногами.

— Розовая дама.... Ты знаешь.... госпожа Сентъ-Адель?

— А, славная шутка!... Это не яня, Сентъ-Адель.... Это чортъ знаетъ, что такое! Называются Марією, Дюпономъ, Бенуа, а не слыжано имени Сентъ-Адель!...

— Ты думаешь, что это не достойное имя розовой дамы?

— Я уверенъ.... Ну, да для Мутонаровъ и это хорошо; они разъ засадили же меня играть въ пикетъ съ глухонемыми, а не предупредили объ этомъ.... Партенеръ мой беретъ карты, дѣлаетъ мнѣ разные знаки, гримасы.... Онъ хотѣлъ показать, что у него четырнадцать дамъ.... я ничего не понявъ, высунулъ ему языкъ и ушелъ спать.

Наконецъ, Вальдемаръ подошелъ къ розовой дамѣ; она взглянула на него съ какимъ-то удивленіемъ; потомъ сдѣлавъ ему поклонъ, она пробѣжала глазами по саду, какъ бы желая еще кого-то увидѣть.

— Вы знакомы съ нашимъ сосѣдомъ, господиномъ Вальдемаромъ? сказала госпожа Мутонаръ розовой дамѣ.

— Да.... разъ, прогуливаясь по окрестностямъ, я встрѣтила господина Вальдемара.... безъ него, я никакъ не могла бы справиться съ моимъ упрямымъ осломъ.

— Не говорите ужъ! ослы самыя негодныя животныя.... Гильо навязывалъ-было намъ своего осла, да я сказала мужу, что у насъ и безъ того много народу, къ чему еще осла?

— Маѣ очень пріятно, что я снова могу поблагодарить васъ, милостивый государь, перебила розовая дама. Я еще не имѣла удовольствія видѣть васъ здѣсь.

— Господинъ Вальдемаръ первый только разъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, но мы надѣемся, что это будетъ не послѣдній.

Вальдемаръ слегка поклонился, госпожа Мутонаръ продолжала скороговоркой:

— И какъ супруга ихъ поправится здоровьемъ, конечно и она не откажется пожаловать къ намъ.

— Ахъ.... вы одни.... безъ супруга? сказала розовая дама, пристально взглянувъ на Вальдемара.

— Она не совсѣмъ здорова.... и потому.... ей не хотѣлось выйти изъ своего сада.... Да и до Росни отъ насъ довольно далеко.... а....

— Ба, что это такое?.... Единъ остановился и не вертитъ карусели! вскричала госпожа Мутонаръ. Господинъ Маренго, побѣдите, что это значитъ?..

Вальдемаръ былъ очень радъ, что госпожа Мутонаръ оставила ихъ, потому-что онъ могъ тогда свободно говорить съ госпожею Сентъ-Адель, которая занялась вышиваньемъ по канвѣ, и сѣвась сказала молодому человѣку:

— Вы видите, господинъ Вальдемаръ, здѣсь можно дѣлать, что угодно; вотъ я принесла съ собой работу... Я не люблю игры въ кольца, и потому мнѣ чрезвычайно неприятно смотреть на бѣдную собаку, которая, высунувъ языкъ, должна вертѣть этихъ кавалеровъ и дамъ!... За это изобрѣтеніе я бы поколотила вашего друга Маренго.

— Онъ хотѣлъ услужить госпожѣ Мутонаръ.

— И вполне успѣлъ: его просто обожаютъ здѣсь.... А вы, милостивый государь, остаетесь со мной? я, можетъ быть, препятствую вамъ ухаживать за этими дамами... мнѣ будетъ очень жаль, если, изъ угожденія мнѣ, вы лишите себя этого удовольствія...

— Вы такъ тонко подшучиваете, сударыня.

— Почему вы такъ думаете?

— За кѣмъ же прикажите ухаживать? За госпожею Мутонаръ, или за этою толстою дамой, которая какъ будто срослась съ каруселью?

— Вы забыли госпожу Корентьень; она очень мила.

— Можетъ быть... но это такія лица, за которыми, мнѣ кажется, нельзя и думать волочиться.

— Да, въ самомъ дѣлѣ!

— Здѣсь есть только одна особа, которая влечетъ къ себѣ какою-то неодолимою силою...

Вальдемаръ не смѣлъ продолжать; розовая дама, казавшись, не поняла этихъ словъ; она сказала ему:

— Ваша супруга позволила вамъ идти сюда одному!.. Ахъ, какъ добры женщины!..

Вальдемаръ невольно выказалъ свою досаду; онъ не могъ не замѣтить, что розовая дама постоянно напоминала ему объ Эрнестинѣ. Приходъ госпожи Мутонаръ и ея племянницы помѣшалъ ему отвѣчать на эти слова. Хозяйка дома и госпожа Корентьень помирали со смѣха.

— Надюсь, сударыни, что вы подвигаетесь съ нами вашимъ удовольствіемъ; сказала г-жа Сентъ-Адель.

— Ахъ, конечно, милая осыбка... Господинъ Маренго еще выдумалъ штуку.... Какой же онъ умный человекъ!... Смотрите, видите вонъ тамъ высокую женщину, что обнимаетъ петрушку?...

— Господи!... какая огромная!...

— Это наша шутарка. А видите, вотъ этого маленькаго человечка, что бѣжитъ къ дому?...

— Это, кажется, вашъ садовникъ.

— Да, это Фуине, мужъ высокой женщины.

— Ахъ, несчастный!

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ считаетъ себя очень несчастнымъ, потому что жена обращается съ нимъ очень грубо, не позволяетъ ему часто цѣловать себя; а Фуине хотя и малъ, но, кажется, большой охотникъ до поцѣлуевъ.

— Да, онъ слишкомъ малъ противъ своей жены.

— Кажется, что нашъ садовникъ рассказалъ о своемъ торѣ господину Маренго и просилъ у него какаго-нибудь средства, чтобы ему во всякое время, можно было напечатать сладкій поцѣлуй на розовыхъ щекахъ своей мамочки. Такъ онъ зоветъ свою жену.

— Ахъ, такого мужа стоить поставить за стекло.... Ну, и господинъ Маренго нашелъ средство уломать мамочку?

— Нѣтъ, онъ гораздо лучше выдумалъ; онъ сказалъ Фуине: «Вели сдѣлать себѣ ходули, и становись на нихъ, когда пойдешь прогуливаться съ своей женою». Фуине принялъ этотъ советъ; а господинъ Маренго былъ еще такъ добръ, что научилъ его ходить на ходуляхъ; вечеръ Фуине раскачивается на нихъ, какъ журавль. Впрочемъ, онъ употребляетъ ихъ не иначе, какъ съ позволенія своей жены. Мнѣ нужно было послать ее въ Вилльмобль, я отпустила съ нею и мужа; вотъ Фуине и приближалъ ко мнѣ и прыгаетъ и кричитъ отъ радости: «Сударыня, мамочка позволила мнѣ идти съ нею на ходуляхъ!»

— Право, это даже не вѣроятно; и если бы не вы рассказывали мнѣ, я приняла бы все это за шутку.

— Вотъ смотрите, смотрите, наши супруги отираются въ Вильямсбиль.

Дѣйствительно, въ эту минуту въ воротахъ показалась кучерка, и за нею следомъ, съ торжественнымъ видомъ выступала Фунне на ходуляхъ; теперь онъ не уступалъ въ ростѣ своей дражайшей половинѣ.

— Мамонна позволяла мнѣ идти на ходуляхъ, кричалъ онъ.... Понятно, что это значитъ!... Вою дорого я буду любезничать съ нею!

Маренго, не перемѣняя своего обжирнаго положенія, въ удовольствіемъ смотрѣлъ на свое происшествіе и щею всѣхъ силъ хлопалъ въ ладоши:

— Эй, почтенный Фунне, кричалъ онъ, будьте осторожны! Не совсѣмъ полагайтесь на свой ростъ! я бы вамъ совѣтовалъ поберечь свои ходули для праздниковъ!

Всѣ отъ души смѣялись надъ выдумкой Маренго, какъ вдругъ со стороны карусели послышалось оханье. Тогда вспомнили, что на лебедь оставили госпожу Замбоне, которая не находила никакой физической возможности спуститься внизъ самая собою.

Госпожа Мутонаръ пригласила всѣхъ мужчинъ освободить несчастную Замбоне отъ горестнаго ея положенія. Роскошники сошли доволновались. Но Маренго ни за что не соглашался помочь этимъ господамъ; онъ отвѣчалъ, не трогаясь съ мѣста:

— Я знаю, что случилось съ нашимъ другомъ Дюгранвалемъ, когда онъ помогалъ этой дамѣ спуститься; цѣлыхъ пять минутъ онъ провелъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Я не хочу подвергаться такому же несчастію. Это очень опасно.

Вальдемаръ надѣялся еще найти случай завести разговоръ съ розовою дамой; но она присоединилась къ обществу и ни на минуту не оставила госпожи Корентень; не было никакого средства поговорить съ нею наединѣ.

Впрочемъ, и Вальдемаръ спрашивалъ самъ себя, для чего ему хочется быть съ нею наединѣ.

— Конечно, я не рѣшусь ухаживать за этой женщиной,

говорилъ онъ самъ съ собою.... я люблю Эрнестину..... и не хочу измѣнить ей. Притомъ же, эта женщина считаетъ меня женатымъ, и не захочетъ слушать меня.

Не смотря на то, Вальдемаръ все-таки былъ недоволенъ, что не могъ возобновить разговора съ госпожею Сентъ-Адель; и еще досаднѣе ему было, когда, на предложеніе его проводить ее до дома, она отвѣчала, что съ нею ее горничная, и она не хочетъ никого беспокоить.

Вальдемаръ не смѣлъ настаивать, и одинъ возвратился въ свой домикъ; онъ былъ скученъ и разстроенъ; увидѣвъ Эрнестину, которая ожидала его въ саду, онъ сказалъ самъ про себя:

— Кажется, я умно сдѣлаю, если никогда больше не пойду въ Росни.

XIII.

Подъ деревомъ.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ старая пословица, очень выгодная для тѣхъ, которые думаютъ, что человекъ никогда не можетъ произвольно управлять самимъ собою.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго своего посѣщенія роснинскихъ сосѣдей, Вальдемаръ снова отправился къ нимъ; спустя два дня, онъ опять былъ тамъ же; потомъ, это обратилось въ привычку, и не проходило ни одного дня, чтобы онъ, хотя на часъ, не побывалъ у Мутонаровъ.

Вальдемаръ не говорилъ Эрнестинѣ, что онъ ходилъ въ Росни, а чтобы отсутствіе его не было очень продолжительно, то онъ бѣгомъ совершалъ свое путешествіе, и приходилъ весь въ поту; а все для того, чтобы увидѣть красивенькую розовую дамочку, которая, въ награду за то, очень часто подшучивала надъ нимъ, разспрашивая объ его супругѣ.

У Мутонаровъ наконецъ привыкли видѣть Вальдемара одного; всѣ рѣшили, что его супруга не любила никуда выходить. Въ роснинскомъ обществѣ говорили между собою:

— Кажется, что эта женщина настоящій медвѣдь!

А Маренго прибавлялъ сквозь зубы:

— Этотъ медвѣдь себѣ на умѣ.

Когда Сентъ-Адели не было у Мутонаровъ, то и Вальдемаръ оставался тамъ не долго; онъ говорилъ, что цо дѣламъ ему надо побывать еще въ другомъ мѣстѣ, и убѣгалъ домой. Маренго пожималъ плечами и говорилъ ему:

— Гораздъ ты сталъ на выдумки.

Эрнестина говорила иногда Вальдемару:

— Наши сосѣди не будутъ жаловаться на твою неучтивость. Ты такъ часто видишься съ ними, мой другъ.

— Я захожу къ нимъ иногда съ прогулки, отвѣчалъ Вальдемаръ.

И госпожа Дюранси не сердилась болѣе на его отлучки, въ которыхъ она не подозревала ничего, что бы могло нарушить счастье ихъ любви. И Вальдемаръ, побывавъ въ Росни, старался быть какъ можно ласковѣе къ Эрнестинѣ, чтобъ она не выговаривала ему, и извиняла его частыя прогулки.

Наконецъ молодая женщина еще болѣе успокоилась, когда ихъ посетили Альфредъ и Дюгранваль и высказали ей свои мнѣнія о домѣ Мутонара.

— Едва ли я рѣшусь когда-нибудь идти туда, сказалъ красавецъ-брюнетъ; это чортъ знаетъ, что за домъ!... Бросаютъ вамъ на руки такихъ женщинъ, которыхъ доброй лошади поднять въ пору.... заставляютъ любоваться зародышами дынь, да чудовищными кухарками!...

— Но, вѣрно, между ихъ гостями есть и хорошенькія женщины, замѣтила Эрнестина.

— Ни одной, сударыня!... Все какія-то чучела!... Плямяница не дурна.... но и та никогда не составитъ пріятнаго общества.

— Разъ случайно найдешь тамъ какое-нибудь удовольствіе, снзаль Альфредъ, но часто ходить туда не стоить!

— А вотъ Вальдемаръ, господа, ходить туда едва не каждый день.

— Не можетъ быть!... Да что тамъ дѣлать?...

— Я хожу туда не нарочно, а если мнѣ вздумается прогуляться въ ту сторону, такъ захожу поговорить съ Маренго.

Два друга Вальдемара отправились потомъ въ Росни, потому-что имъ надо же было изъ вѣжливости посѣтить Мутонаровъ, у которыхъ они обѣдали. Встрѣтивъ тамъ розовую даму, они поняли, для чего Вальдемаръ ходилъ такъ часто къ своимъ роснинскимъ соседямъ.

— Бѣдная госпожа Дюранси! сказалъ Альфредъ. Я опасюсь, чтобъ нашъ другъ не рѣшился измѣнить....

— Опъ уже давно рѣшился, отвѣчалъ Маренго.

— И эта смазливенькая дамочка не прочь отъ него? спросилъ Дюгранваль.

— А мнѣ почему знать?

— Здѣсь по-прежнему считаютъ его женатымъ?

— Да, по-прежнему! Едва ли еще не два раза!

— Я боюсь за тебя, Маренго, чтобы пребываніе въ домѣ Мутонара не имѣло пагубнаго вліянія на твой умъ.

— Опасности нѣтъ: я отыскиваю теперъ средство выпростить дыни моего хозяина.

— Кажется, госпожа Мутонаръ очень внимательна къ тебѣ, Маренго, и готова исполнять малѣйшія твои желанія; она вздыхаетъ, глядя на тебя, и вымѣняется убійственными взглядами. Племянница также улыбается тебѣ.... даже сама госпожа Эльбоне неравнодушна къ тебѣ!... Ты здѣсь словно паша!

— Эхъ, господа! слушайте.... здѣсь нѣтъ канцлерскихъ подмастерьевъ, и не кому мѣшать моей любви.... А вы думаете, что уродъ никогда и не можетъ одержать победы!

Альфредъ и Дюгранваль старались ухаживать и любовничать съ госпожею Сентъ-Адель; но розовая дама была

неговаривала въ тотъ день, и очень холодно принимала комплименты этихъ господъ, которые на обратномъ пути къ Парижъ говорили между собою:

— Если Вальдемаръ принимаютъ не лучше насъ, то она не изменитъ госпожѣ Дюранси.

Розалия дама, хотя была и любезнѣе съ Вальдемаромъ, и разговаривала съ нимъ свободно, какъ со старымъ знакомымъ, но также принимала холодный видъ, когда онъ уже слишкомъ живо начиналъ выражать свое удовольствіе быть съ нею и видѣть ее. Никогда впрочемъ Вальдемаръ не произносилъ еще слова любви, но если онъ и не говорилъ, то это слово выражалось въ его глазахъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ; и нельзя было думать, чтобъ госпожа Сентъ-Адель не понимала его.

Вальдемаръ былъ счастливъ и веселъ, когда шелъ въ Росни, потому-что мечталъ о той, которую хотѣлъ встрѣтить. Но возвращаясь домой, онъ становился печаленъ и скученъ, потому-что думалъ о той, которую долженъ былъ видѣть; онъ упрекалъ себя въ неблагодарности, въ непостоянствѣ; съ Эрнестиною онъ старался быть веселымъ, ласковымъ, даже нѣжнымъ. Но все это было принужденно. Радость его была не естественна; одинъ только вздохъ былъ истинны.

Эрнестина съ безмятежностью смотрѣла на своего возлюбленнаго. Она часто говорила ему:

— Мнѣ кажется, мой другъ, что деревня наскучила тебѣ... и ты остаешься здѣсь только для моего удовольствія... Возвратимся въ Парижъ, или лучше поѣдемъ путешествовать, отправимся въ Швейцарію, какъ мы предполагали когда-то....

Но Вальдемаръ отвѣчалъ на это, что деревня ему очень нравится, и онъ никогда не подумаетъ разстаться съ этими мѣстами, если только она сама не соскучится. Эрнестина говорила, что съ нимъ ей вездѣ пріятно; этимъ и оканчивался ихъ разговоръ.

Однажды Вальдемаръ, направляясь по дорогѣ къ Росни,

замѣтилъ, что госпожа Сентъ-Адель, одна, безъ слуги, тихонько шла по тропинкѣ, извиравшейся по косогору.

Вальдемаръ свернулъ съ дороги, и пошелъ по той же тропинкѣ, за розовой дамой. Молча и въ значительномъ разстояніи онъ шелъ за нею, чтобъ не слышно было его шаговъ. Скоро госпожа Сентъ-Адель остановилась передъ однимъ развѣсистымъ деревомъ, бросавшимъ густую тѣнь; она свла на траву, вынула изъ кармана книгу, и стала читать. Но поднявъ глаза, она увидѣла, что передъ нею стоялъ Вальдемаръ.

Живой румянецъ пробѣжалъ по лицу молодой женщины, но она старалась скрыть свое волненіе, засмѣялась и сказала Вальдемару:

— Вы здѣсь!... Право, я никакъ не думала, чтобъ вы были такъ близко возлѣ меня; вы почти испугали меня.

— Я издали замѣтилъ васъ на этой тропинкѣ... и пошелъ вслѣдъ за вами.

— Это немножко нескромно!... А если бы я назначила здѣсь свиданіе?...

— Я тотчасъ же удалился бы, сударыня....

— Ахъ, я шучу; а вы, вѣрно, идете къ господину Мутонару?

— Точно такъ, сударыня.

— Зачѣмъ вы пошли сюда? это вамъ не по дорогѣ.... Теперь я уже знаю здѣшнія мѣста?

— А вы, сударыня, развѣ не пойдете въ Росни?

— Нѣтъ.... сегодня мнѣ не хочется.... Я буду читать подъ тѣнью этого дерева; но это не должно препятствовать вашему свиданію съ нашими добрыми сосѣдями.

— Ахъ, что же я буду у нихъ дѣлать, когда васъ не будетъ тамъ?

— Это очень лестно для меня, но не слишкомъ пріятно для дома Мутонара; впрочемъ, вы позвольте мнѣ думать, что это не больше, какъ комплиментъ, и что я не имѣю никакого вліянія на ваши дѣйствія. А если это не такъ....

— А если не такъ, сударыня?...

— Тогда я принуждена буду оставить знакомство съ Мутонарами.

— Почему?... Значить, вамъ неприятно, что я считаю для себя удовольствіемъ быть вмѣстѣ съ вами?

— Я полагаю, что вы хорошо знаете женщинъ, значить, вы должны также понять, что для нихъ всегда пріятно нравиться. Но бываютъ обстоятельства.... Ахъ, Боже мой! да о чемъ мы говоримъ!... Мнѣ кажется, что нашъ разговоръ можетъ быть гораздо веселѣе.... Не правда ли, сегодня прекрасная погода?

Вальдемаръ закусилъ отъ досады губу, и отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да, сударыня.... превосходная.

Розовая дама громко захохотала, и это еще больше смутно Вальдемара. Онъ съ какою-то робостію пробормоталъ:

— Сударыня, позвольте ли мнѣ сѣсть возлѣ васъ?

— Боже мой! мѣсто свободное, и если это можетъ доставить вамъ удовольствіе....

Вальдемаръ не дождался окончанія рѣчи прекрасной блондинки, и сѣлъ возлѣ нея. Они долго сидѣли другъ возлѣ друга, не говоря ни слова. Вдругъ розовая дама вскричала:

— Милостивый государь, если ваша супруга увидитъ, что вы сидите возлѣ меня въ роцѣ.... что она скажетъ?

Вальдемаръ потупилъ глаза въ землю.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, я замѣтилъ, что вы всегда, съ особенною настойчивостію, стараетесь завести со мною разговоръ.... о моей женѣ.

— А, вы замѣтила это? Хорошо! а я также замѣтила, что вы никогда не говорите объ ней, и признаюсь, это казалось мнѣ очень страннымъ. Кто рѣшился удалиться съ своею женою почти въ пустыню, тотъ значить горячо любить ее, обожаетъ.... и я говорила сама себѣ: «Это должно быть прекрасный мужъ, онъ обожаетъ свою жену!... это должно быть что-то необыкновенное!» И потому, мнѣ очень любопытно было видѣть васъ.... тѣмъ болѣе, что я много слышала объ васъ и объ вашей деревенской жизни.... Я нарисовала себѣ вашъ портретъ самый романтической.... И что

же вышло?... ваше присутствие все разрушило.... Я увидела человека.... конечно, очень любезного.... но человека, который подобно другим легкомысленным людям, волочится за чужими женами, и никогда не говорит о своей.... Согласитесь, милостивый государь, что я должна была ожидать совсемъ другого.

Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова; онъ задумался. Видя, что онъ упорно хранитъ молчаніе, розовая дама начала снова:

— Господинъ Вальдемаръ, ваша супруга, должно быть, очень хороша?

— Да, сударыня, она прекрасна, отвѣчалъ Вальдемаръ, не поднимая глазъ.

— И, вѣроятно, у ней добрый характеръ... Чтобы предоставить своему мужу такую свободу, чтобы позволить ему прогуливаться каждый день, а самой оставаться дома.... это показываетъ, что она всеми силами старается угодить вамъ. И ни малѣйшей ревности!... Да вы самый счастливый человекъ; не всѣ женщины такъ добры, какъ ваша супруга....

Вальдемаръ не могъ болѣе удержаться; онъ вскочилъ и съ безпокойствомъ началъ ходить взадъ и впередъ.

Черезъ нѣсколько времени, розовая дама снова обратилась къ нему:

— Милостивый государь, вы утомятесь, если будете такъ бѣгать.... Или, можетъ-быть, комары безпокоятъ васъ.

Вальдемаръ съелъ опять возлѣ прекрасной блондинки, и сказалъ ей самымъ трогательнымъ голосомъ:

— Сударыня, я очень несчастливъ.

— Вы несчастливы, вы, а я завидовала вашей участи! Какъ я обманывалась!... Что же? ваша супруга изменила?... Или она оказала вамъ какую-нибудь непріятность?...

— Нѣтъ.... нѣтъ.... не то.

— Такъ что же!

— Это.... секретъ.... это тайна!... Я не могу открыть вамъ; а это еще болѣе увеличиваетъ мои мученія.

— Право, я совершенно не понимаю васъ.

— Но если бы вы, сударыня, представили, что... что....

женаты, и принимали меня за холостяка, это было бы величайшим для меня счастьем.

— Вот странная идея. Очень жалко, что я не могу вам оказать этого удовольствия; но зная наверное, что вы не свободны, я решительно не понимаю, как можно представить вас свободным. Такая мечта могла бы быть даже и опасною для меня!...

— Ахъ, если бы я былъ свободенъ, вы выслушали бы меня, вы не остались бы нечувствительными къ моей любви.... Потому-что.... я люблю васъ.... да, я люблю васъ, сударыня.... И нужно ли говорить объ этомъ? Уже ли вы не замѣтили сами?

Въ свою очередь и розовая дама встала и отошла отъ дерева. Вальдемаръ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку и сказалъ:

— Вы бѣжите отъ меня....

— Да, я должна бѣжать; потому-что это очень душно, что вы сказали мнѣ сейчасъ.... Женатый человекъ.... Я не удивляюсь теперь, что вы просили представить васъ свободнымъ....

— Ахъ, Боже мой! сударыня, пусть я не свободенъ, но развѣ поэтому я не могу питать къ вамъ самаго искреннаго чувства?... это не зависитъ отъ нашей воли... нельзя управлять своимъ сердцемъ.

— Нельзя управлять своимъ сердцемъ! вотъ прекрасное оправданіе для вѣтренниковъ. Но во всякомъ случаѣ, должно управлять своимъ разсудкомъ.

— Когда слѣдуютъ внушеніямъ разсудка, значить не любить.

— Вы такъ думаете? Но я знаю только то, что я никогда не буду отвѣчать любви человека, который обязанъ любить другую; и если бы я имѣла несчастіе почувствовать къ нему.... какую-нибудь склонность, то употребима бы вся сила удаляться, избѣгать его.... хотя бы это стоило мнѣ даже большаго труда.... Прощайте.... прошу васъ, оставьте меня.... иначе вы чрезвычайно меня оскорбите.

Розовая дама сказала Вальдемару холодный поклонъ, и

тотчасъ же удалилась. Онъ слѣдовалъ за нею глазами, но скоро потерялъ ее изъ вида, потому-что не смѣлъ нарушить ея запрещенія; впрочемъ, теперь говоря съ нимъ, она уже не шутила, и это доставляло ему какое-то тайное удовольствіе.

XIV.

Услужливость Гильо.

На другой день послѣ разговора подъ деревомъ, Вальдемаръ отправился къ Мутонарамъ. Но госпожа Сентъ-Адель туда не приходила; на слѣдующій день тоже. Вся недѣля протекла такимъ образомъ. Вальдемаръ сдѣлался задумчивъ и безпрестанно повторялъ про себя: «Она не хочетъ болѣе меня видѣть.» Потомъ ему приходило на умъ, что еслибы она не считала опаснымъ выслушать его, то, вѣрно, не стала бы убѣгать; послѣ такихъ размышленій, онъ останавливался на томъ, что розовая дама, конечно, не отвергла бы его любви, если бы знала, что онъ былъ не женатъ.

Но открыть это Сентъ-Адели, значило бы сдѣлаться слишкомъ неблагодарнымъ передъ Эрнестиной, послѣ ея любви и преданности къ нему. Онъ и то уже очень холодно обращался съ нею; а съ нѣкотораго времени, и совсѣмъ почти оставилъ ее. Но и вѣтреникъ иногда страшится мысли оскорбить то лицо, которое онъ обманываетъ.

Вальдемаръ не долго оставался въ Росни, когда не находилъ тамъ розовой дамы. Маренго каждый разъ повторялъ ему:

— Вѣрно, нѣтъ здѣсь твоей Дульсины; а со мною ты не хочешь и знаться. Кстати, извини меня передъ твоей прекрасной мерланской супругой... Я очень невѣжливъ, что до-сихъ-поръ ни разу еще не посѣтилъ ее; впрочемъ, а такъ здѣсь облынялся, что не могу двинуться съ мѣста. Но

все-таки, когда-нибудь я приду засвидѣтельствовать ей мое глубочайшее почтеніе. Я одну ее не промѣню на дюжину розовыхъ дамъ... Я не то, что ты.

Вальдемаръ не хотѣлъ и слушать Маренго; возвращаясь изъ Росни, онъ каждый разъ заходилъ въ Нуази, и бродилъ около дома, занимаемаго Сентъ-Аделью; цѣлые часы онъ проводилъ передъ ея окнами, въ надеждѣ увидѣть ее, и отходилъ еще съ большею грустію, потому-что она не показывалась. Новое чувство, овладѣвшее имъ, не давало ему ни на минуту покоя; бѣдная Эрнестина была совсѣмъ забыта. Впрочемъ находясь возлѣ нея, и видя ея любовь, вѣжность и непоколебимую преданность, онъ горько упрекалъ себя въ непостоянствѣ, и всячески старался скрыть отъ нея; свою измѣну.

Эрнестина хорошо видѣла, что Вальдемаръ уже былъ совсѣмъ не тотъ, что прежде, и что онъ часто искалъ развлеченія вдали отъ нея но она говорила сама себѣ:

— Мужчины не умѣютъ такъ любить, какъ мы; постоянное счастье, однообразная жизнь имъ кажутся скучными; имъ невозможно всегда оставаться возлѣ насъ, хотя бы расположеніе ихъ къ намъ и не уменьшалось; наша прихоть жить въ уединеніи немного похожа на романъ, а въ любви мужчины не долго могутъ быть героями романовъ. Я должна извинить Вальдемара, что онъ ищетъ теперь развлеченія въ обществѣ другихъ... Если любовь его немного охладѣла, за то можно надѣяться, что будетъ продолжительнѣе.

Такимъ-то образомъ бѣдная женщина старалась оправдать ежедневныя отлучки Вальдемара. Трудно обвинять тѣхъ, кого мы любимъ.

Однажды, Вальдемара, по обыкновенію, не было дома, а Эрнестина сидѣла въ саду; у воротъ зазвѣнѣлъ колокольчикъ. Служанка доложила Эрнестинѣ, что крестьянинъ, который выводитъ кротовъ, называвалъ-было имъ своего осла, но она уже отказала ему.

Внезапная мысль блеснула въ умъ Эрнестины.

— Позови ко мнѣ этого человека, скажи ему... пусть онъ войдетъ въ садъ... я хочу поговорить съ нимъ.

Служанка поспѣшила кликнуть Гилью, который не замедлил вернуться, и скоро явился передъ госпожею Дюранси, таща за собою своего неразлучнаго осла.

Молодая вдова пристально посмотрѣла на крестьянина, который старался скрыть свое лукавство подъ личиною добродушія.

Ты хотѣлъ говорить съ господиномъ Вальдемаромъ? спросила она.

— Все равно, сударыня, съ нимъ или съ вами... отъчалъ Гильо; дѣло въ томъ, сударыня, что вотъ у меня есть осель, славная скотина... да случай такой вышель... мнѣ онъ не нуженъ теперь... и я продамъ бы его дешево!

— Ты знаешь господина Мутонара, что живетъ въ Росни?

— Какъ же, сударыня, я всѣхъ знаю. Кому нуженъ садовникъ, я какъ тутъ! У господина Мутонара и есть садовникъ... Фунне, да плоховать маленько... бѣдняга! Теперь онъ становится на ходули, когда идетъ прогуливаться съ своею женою, и думаетъ, что онъ сбѣлся и не вѣсть какой молодецъ!....

— А ты знаешь также и господина Маренго... Онъ у господина Мутонара теперь?

— Господинъ изъ Парржа... что всегда лежитъ на спинѣ и курить... Да, я знаю его... онъ, съ двумя другими, былъ однажды у васъ....

— Ну, да.

— Да, онъ теперь у Мутонаровъ; кажется, что ему нѣтъ поправилось, онъ и тронуться никуда не хочетъ.

Эрнестина была очень довольна тѣмъ, что Вальдемаръ не обманывалъ ее, когда говорилъ, что у Мутонаровъ онъ видится съ своимъ другомъ Маренго; она хотѣла отослать Гилью, но тотъ снова спросилъ:

— А что, сударыня, вы не купите моего осла?

— Да что я буду съ нимъ дѣлать?

— Какъ что? Будете прогуливаться верхомъ, какъ розовая дама... вотъ она, такъ двухъ ословъ купила.

— А! эта дама, что живетъ недалеко отсюда?...

— Да, да... если только у ней больно упрямы... одного и колесо не своротить, какъ остановится, а другой за-сканеть словно угорымый, ничемъ не удержишь и никакой сидокъ на него не усидитъ, всякого на-весь сбросить... А вотъ, какъ бы моего купила, такъ дѣло бы и хорошо было... мой тигъ какъ ягненокъ, дай ей съ него, что хочешь!....

— И эта дама прогуливается въ деревнѣ?

— Да, и вашъ мужъ знаетъ ее, онъ разъ еще на даль ей упасть, и долго везъ ее осла.

Сердце Эрнестовича сжалось; эта сцена безотчетно поразила ее; но она старалась скрыть свое смущеніе.

— Мой мужъ... велъ осла этой дамы? проговорила она... Ты, верно, ошибся....

— Ошибся! о, нѣтъ!... я бываю недалеко отъ нея. Надо вамъ сказать, что я сидѣлъ въ ямѣ, и издали замѣтилъ эту даму... потомъ, смотрю, оселъ у ней остано-вился, и ни шага... а на которомъ вѣкала ея дѣвушка, какъ стрѣла бросилась черезъ лѣсъ... Розовая дама заступилась, и шмытникомъ-то, и всяко-то, погоняла свою клячу, да ни-что не помогало; вотъ я и свѣжель, и говорю про себя: «До-бро, тутъ безъ хлопотъ не обойдется. Это за тебѣ, су-дарыня, думаю и про себя, что обещала купить моего осла, и пошла на мнѣ продать его Лебуге, а потомъ и спя-тилась!» Вѣдь, какъ быть-то? десадно, сударыня.

— А потомъ?

— Потомъ? да къ несчастью, скоро подошелъ вашъ мужъ, и помогъ розовой дамѣ; онъ взялъ осла за морду... потомъ даму также.... Ахъ, нѣтъ.... она сидѣла верхомъ... ну, онъ осла и стащилъ съ места....

— Ну, что-жъ? послѣ того, верно, они и разстались?

— Нѣтъ, онъ пошелъ съ нею, и они стали разговари-вать и свѣжелься, словно какъ два пріятеля. «Эхъ, подумалъ я, больно скоро овенъ знакомство!» Али, можетъ

статься, они давно уже знакомы?... Ну, да не мое дѣло....

— Послѣ того что?

— Послѣ того? послѣ того, они вдвоемъ пошли въ лѣсъ, тамъ долго были; а потомъ, ужъ я увидѣлъ ихъ вмѣстѣ съ служанкой, у которой осель-то скакалъ... вашъ мужъ велъ обонхъ ословъ... одного подгонялъ, а другаго сдерживалъ; это должно быть измучило его... Потомъ, они повернули по дорогѣ въ Нуази, и я потерялъ ихъ изъ глазъ... Да развѣ вашъ мужъ не рассказывалъ вамъ объ этомъ? Эхъ, господа не разболтаются много!....

— Къ чему же? объ этомъ не стоило и рассказывать!... отвѣчала Эрнестина, силясь подавить свое волненіе... А послѣ того, ты не встрѣчалъ ихъ вмѣстѣ?...

— Нѣтъ... не случалось. Ну, да вѣдь, если имъ захочется поболтать, такъ могутъ видѣться....

— Гдѣ?

— Да какъ гдѣ? у господина Мутонара.

— Развѣ эта дама бываетъ въ Росни?

— Вотъ тебѣ на!... да почти каждый день она бываетъ тамъ... и вашъ-то супругъ также, и не мудрено, что они встрѣчаются тамъ... Поэтому-то мой осель и очень бы пригодился господину Вальдемару, а то онъ бѣгаетъ, какъ заяцъ... весь въ поту! вѣдь этакъ онъ, пожалуй, захвораетъ; а купилъ бы лучше моего осла, и ѣздилъ бы взадъ и впередъ до Росни....

Эрнестина страшно поблѣднѣла, вся кровь ея бросилась къ сердцу; она вдругъ поняла, или лучше угадала всю истину. Чтѣ-то шептало ей, что Вальдемаръ влюбленъ въ эту женщину, которая слыветъ подъ именемъ розовой дамы; что для нея онъ ходитъ каждый день въ Росни; что изъ-за этой женщины онъ оставилъ, бросилъ ее, и совершенно измѣнился; что эта-то женщина похитила у нея сердце и любовь Вальдемара. Достаточно было мгновенія, чтобъ понять все это; она не видѣла еще никакого доказательства измѣны Вальдемара; но въ любви бываютъ предчувствія, которыя никогда не обманываютъ, и Эрнестина не сомнѣвалась уже въ своемъ несчастьи.

Госпожа Дюранси неподвижно сидѣла на дерновой скамейкѣ, опустивъ глаза въ землю; неожиданная новость, казалось, жестоко терзала ее. Гильо, для котораго молчаніе составляло родъ пытки, не могъ дожидаться никакого вопроса отъ Эрнестины; черезъ минуту, онъ снова завелъ разговоръ:

— Доложу вамъ, что я не люблю мѣшаться въ чужія дѣла: всякъ живетъ себѣ, какъ хочетъ. У Мутонареви принимаютъ всякаго прохожаго, забавляютъ гостей, и пусть ихъ веселятся. Но эта розовая дама... такая чопорная, такая жеманная....

— А ты не знаешь, замужная эта дама, или нѣтъ?

— Она вдова.

— Вдова? ты вѣрно знаешь?

— Да, да, лакей ея, съ которымъ иногда мы болтаемъ вечеромъ, сказывалъ мнѣ, что госпожа его вдова. Но этого ужъ не знаю, сколько у ней было мужей.... вѣдь, въ свѣтъ бываютъ разные вдовы!...

— Она молода?

— Очень молода: то-есть, по правдѣ-то, я не знаю, который ей годъ. Разъ, къ слову, я спросилъ-было у ея человека: «А что, который годъ вашей госпожѣ?» Да онъ запоролъ свое: «Откуда это вы пріѣхали? годы спрашиваютъ у лошадей, а не у женщинъ!— Вотъ тебѣ разъ! я говорю ему, а въ Мерланѣ такъ напротивъ; скрываютъ годы у скота, а годы женщинъ всѣмъ извѣстны.»

— А часто она бываетъ у господина Мутонара?

— Розовая-то дама? она ходитъ туда каждый день. Ахъ, постойте, нѣтъ! вотъ ужъ нѣсколько дней она не была тамъ, и сидитъ все дома. Мнѣ лакей ея сказывалъ.

Въ сердцѣ Эрнестины снова блеснулъ лучъ надежды: розовая дама нѣсколько уже дней не была въ Росни, а между тѣмъ Вальдемаръ постоянно туда ходитъ; значить не для нея онъ бываетъ у Мутонара. Она съ безпокойствомъ посмотрѣла на Гильо и спросила:

— Ты навѣрное знаешь, что эта дама нѣсколько уже дней не была въ Росни?

— Да, это верно, сударыня; я ведь сказала вам, что наш человек ее рассказывал об этом; а вот вы же утром оне спрашивает у меня: «Гильо, тебе все знакомы здесь, скажи, пожалуйста, не знаешь ли, что это за чудак по целым часам ходит перед нашими домами и все поглядывает на окна?... Я боюсь, уж не вор ли это какой?» И оне показал мне издали на господина, который, в самом деле, ходил взад и вперед, как будто что подсматривал. Я так и померз со смеха:— «Не бойся, не бойся, говорю ему.... тут нет никакой опасности.... это из Мерлана.... господин Вальдемарь....» Я тотчас же узнала вашего супруга... а теперь знаю и ваше имя, сударыня.... Сначала, я не знала. Потом слуга этой дамы и спрашивает меня:— «Да для чего же оне ходит тут?»— Известно, говорю я, лучше бы зайти в дом, ведь оне знакомы с вашей барыней... Да вот, пооди! находить же на людей такая базжа!...» Ужь похотели же мы с вами вдоволь...

Эрнестина опустила голову на грудь; луч надежды, прекравшейся в ее сердце, потухъ, потухъ навсегда; нельзя было сомнѣваться, что Вальдемаръ любилъ другую. Эрнестина спросила прерывающимся голосомъ:

— Эта дама живетъ недалеко?...

— Да, тут и есть, какъ войдешь въ Нуазн; это будетъ ближе, чѣмъ до Росни.

— А ты... тамъ ведьма... господинъ Вальдемаръ?

— Да еще и часу нетъ, какъ оне тамъ былъ; оне все ходилъ мимо дома, взадъ и впередъ. Должно быть ему очень приглянулось въ Нуазн... а что бы, кажется, тамъ? Вотъ подумаешь, кому что понравится.... Недалеко сказать, хоть личицу... великой любить по-своему; я такъ смерть люблю личицу съ свинымъ жиромъ.

Эрнестина вынула изъ кармана кошелекъ и подала Гильо:

— Возьми это, сказала она... и оставь меня....

Гильо сосчиталъ деньги; въ кошелекъ было двадцать-пять франковъ. Оне подумалъ немножко, потомъ сказалъ:

— Сударыня, этого маловато... право, мой осель дороже стдять...

— Да это тебѣ... возьми съ собою и осла, мнѣ не нуженъ онъ, сказала Эрнестина, сдѣлавъ знакъ, чтобы онъ удалился.

Тѣмъ же расчетъ очень понравился Гильо; онъ поклонился Эрнестинѣ до земли и поспѣшилъ увести своего осла.

Страданія любви—самыя жестокия, самыя ужасныя страданія, какія только терзаютъ наше сердце; но когда они поражаютъ насъ нечаянно, какъ удары грома, то представляются намъ что-то грезамъ; даже и тогда влюбленнымъ не хотѣть верить въ свое несчастіе, когда уже всаго нельзя сомнѣваться въ этомъ.

Эрнестина была уничтожена: въ нѣсколько минутъ ея счастье исчезло, положеніе изменилось, планъ разрушился.... Еще обыкновенныя страданія, удары судьбы, могутъ загладиться, еще можно снова найти и богатство, и почести и друзей; но нельзя возвратити потерянной любви.

Эрнестина, перебирая въ своей памяти поступки Вальдемара, говорила сама съ собою: «Какъ я не догадывалась прежде, что онъ уже не любилъ меня? Какъ я была глупа и слѣпа! Каждый день онъ выходилъ безъ меня и возвращался печальнымъ, задумчивымъ, разстроеннымъ; когда я говорила ему о любви своей, онъ, казалось, вовсе не слушалъ меня; возлѣ меня онъ былъ молчаливъ и невнимателенъ, разговоры его были отрывочны, ласки принужденны, самыя поцѣлуи были холодны, и я не замѣчала этого! Ахъ! значить, я не могла и не хотѣла думать, чтобы когда-нибудь онъ пересталъ меня любить! Но почему не признаться мнѣ въ истинѣ? для чего обманывать меня?... онъ можетъ оставить меня, и если онъ не покидаетъ меня, такъ можетъ-быть только изъ жалости!»

Эрнестина проплакала цѣлый день. Впрочемъ, когда услышала, что Вальдемаръ возвратился, она поспѣшно отерла слезы и старалась придать своему лицу веселое выраженіе.

Не смотря на новое чувство, наполнявшее его душу, Вальдемаръ былъ пораженъ переменою въ лицѣ госпожи Дюринки, и съ благоумиствомъ спросилъ, не больна ли она. Она

сослалась на легкое нездоровье, прибавивъ, что покой подкрѣпитъ ее. Потомъ, когда Вальдемаръ не могъ того замѣтить, Эрнестина всматривалась въ него; она ужаснулась, замѣтивъ печаль въ его взглядахъ и перемену въ его лицѣ. Она поняла, что и онъ также несчастливъ, и готова была забыть его всю, раздѣлить его горе и плакать вмѣстѣ съ нимъ.

— Подъ вечеръ, Эрнестина спросила Вальдемара, не хочетъ ли онъ немножко прогуляться съ нею; молодой человекъ тотчасъ же подаль ей руку, и Эрнестина была въ упоеніи. Она старалась провести своего друга по всемъ мѣстамъ, которыя они посѣщали вмѣстѣ въ первое время ихъ пребыванія въ этой сторонѣ, когда онъ такъ любилъ ее и она была такъ счастлива.

По временамъ, останавливаясь подъ тѣмъ деревомъ, или на той лужайкѣ, гдѣ они сидѣли некогда другъ возлѣ друга, Эрнестина смотрѣла на Вальдемара, чтобы найти въ его глазахъ легкое воспоминаніе ихъ прежней любви. Но онъ былъ задумчивъ, вздыхалъ и уже не смотрѣлъ на нее. И молодая женщина говорила про себя: «Все кончено! Все кончено!»

Потомъ, они возвратились домой, одна глотая свои слезы, другой стараясь скрыть свои вздохи.

ХУ.

Последнія мечты.

Прошло нѣсколько недѣль. Наступила осень, но погода стояла еще прекрасная; только для Эрнестины природа потеряла свою прелесть, и лучи осенняго солнца уже не радовали ее.

Вальдемаръ былъ также задумчивъ, какъ и та, которую онъ обманывалъ. Явленіе довольно рѣдкое: обыкновенно измѣнившіе бываютъ веселы, и одни покинутые печальны; правда, Вальдемаръ былъ невѣренъ только вполовину, въ—

роятно потому, что не видѣлъ еще взаимности въ предметъ новой своей страсти.

Розовая дама очень рѣдко ходила къ Мутонарамъ; и, когда встрѣчала тамъ Вальдемара, старалась не оставаться съ нимъ на-единѣ, такъ что ему не было никакой возможности поговорить съ нею тайкомъ. Это еще болѣе воспламеняло любовь Вальдемара; онъ не могъ скрывать своей досады, но хорошенькая блондинка какъ будто и не замѣчала этого.

Маренго, и сквозь табашный дымъ, видѣлъ все происходившее вокругъ него, и не переставалъ говорить своему другу:

— Розовая дама проводить тебя.... Она шутить, да понимаетъ свое дѣло.... она надуеъ тебя.

Вальдемаръ притворялся, что не понималъ словъ Маренго, но возвращался домой еще печальнѣе, чѣмъ былъ прежде. И такъ какъ нравственныя страданія сильно и скоро дѣйствуютъ на физическую природу чловѣка, то Вальдемаръ ужасно измѣнился; онъ сдѣлался худъ и блѣденъ; глаза ввалились, лобъ сморщился; казалось, Вальдемаръ впалъ въ сильную чахотку.

И Эрнестина, съ своей стороны, не походила уже болѣе на себя; грусть измѣнила ее. Но Вальдемаръ не замѣчалъ переменъ въ той, которая такъ любила его, между тѣмъ какъ молодая женщина видѣла его страданія, и была еще столько добра, что беспокоилась объ немъ. Рѣшительно, женщины гораздо выше мужчинъ!

Эрнестинѣ хотѣлось объясниться съ Вальдемаромъ. Каждый день она говорила себѣ:

— Онъ не любитъ меня болѣе.... онъ несчастливъ со мною.... Я должна удалиться и возвратить ему свободу.

И когда Вальдемаръ находился возлѣ нея, она старалась, между разговорами, выпытать отъ него тайну.

— Ты, кажется, печаленъ, мой другъ, говорила она, пристрастно смотря ему въ глаза: что лежитъ у тебя на сердцѣ?... Можетъ-быть, деревья наскучила тебѣ... или мое

общество неприятно уже для тебя... Скажи, мой другъ, откровенно... Ты не любишь меня болѣе, не правда ли?...

Но Вальдемаръ, вспоминая все, чѣмъ пожертвовала для него госпожа Дюранси, всегда отвѣчалъ на эти вопросы, что онъ все тотъ же, что деревня ему не наскучила и сердце его не измѣнилось.

Эрнестина была увѣрена, что Вальдемаръ обманывалъ ее, но не имѣла силы обличить его.

— Онъ еще не совсѣмъ разлюбилъ меня, думала она, и потому не хочетъ меня оскорбить.

Между тѣмъ, это положеніе было невыносимо для обоихъ, и не могло долго продолжаться.

Однажды, Вальдемаръ вышелъ, по обыкновенію, прогуливаться. Эрнестина, замѣтивъ, что онъ уже удалился, взяла шляпку и шаль, и рѣшилась также идти.

— Я узнаю, говорила она, куда онъ ходитъ... что онъ дѣлаетъ.... я увижу, быть-можетъ, мою соперницу.... и рѣшу все за-разъ.

Но молодая женщина вдругъ остановилась. Слѣдить за Вальдемаромъ, подсматривать за его поступками, это показалось ей слишкомъ низко для нея. Она готова уже была отказаться отъ своего намѣренія; но и жить въ непрерывныхъ мученіяхъ, въ томительной неизвѣстности, было тяжело, убійственно для ея сердца. Эрнестина уступила чувству, которое влекло ее; она вышла изъ дома; проходя полямъ, она смотрѣла во всѣ стороны, въ надеждѣ увидѣть Вальдемара; но глаза ея напрасно искали его; Вальдемара нигдѣ не было видно.

Эрнестина шла все дальше и дальше; она миновала деревню Мервиль, и дошла до перекрестка, гдѣ расходятся дороги въ Вильямбля, въ Росен и въ Нуазн. Тутъ она остановилась въ недоумѣніи; у нея родился вопросъ, пошелъ ли тотъ, кого она ищетъ, къ Мутонарамъ, или, можетъ-быть, бродитъ около жилища розовой дамы.

Знакомый голосъ прервалъ размышленія Эрнестины. То былъ Гильо. Онъ шелъ возивъ своего осла, на которомъ си-

даль другъ его Лебуге. Последний, казалось, былъ очень смѣлъ и съ трудомъ держился на ослѣ.

— Эй братъ, Лебуге, говорилъ Гильо, ты славно вѣдишь верхомъ.... Наклонись на-право.... Этотъ оселъ, какъ будто для тебя и созданъ.... Послушай, согласенъ, что ли, теперь?.... Наклонись на-лѣво.... Если бы ты приударилъ его каблучками, вотъ какъ бы онъ пошелъ скакать... Ну же, наклонись на-лѣво. .. Славно бы тебѣ было тѣдить на цѣмъ съ рыбой въ Парижъ.... Эй, держись за гриву.... Что съ тобою сбѣжалось? свалился.

Лебуге, вѣроятно, уже слишкомъ покачнулся на-лѣво, и упалъ подъ ослѣ, а оселъ счелъ очень приличнымъ лечь на своего всадника; Гильо хохоталъ во все горло. Но замѣтивъ Эрнестину, онъ поспѣшилъ поднять своего ослѣ на ноги, и подведя его къ молодой дамѣ, сказалъ ей:

— Сударыня, онъ никогда не ложится! это Лебуге уронилъ его.... не угодно ли вамъ прогуляться верхомъ, будете довольны, сударыня.

Эрнестина поблагодарила, и, давъ ему серебряную монету, спросила у него, по которой дорогѣ надо идти къ розовой дамѣ. Гильо показавъ ей дорогу, и прибавилъ:

— Вы тамъ встрѣтитесь съ вашимъ мужемъ... онъ прогуливается въ рощѣ, на-лѣво отъ дороги.... Онъ, должно быть, васъ дожидаетъ, видно по всему, что онъ ждетъ кого-то.

Этого было довольно для Эрнестины. Она съ трепетомъ пошла впередъ. Проходя по показанной ей дорогѣ, она безпрестанно осматривалась, не увидитъ ли гдѣ Вальдемаръ. Не видя никого, она рѣшилась идти дальше, возвъ густыя кусты бузины.

Вдругъ ей послышались голоса. Она остановилась и стала вслушиваться.... Точно, слухъ ее не обманулъ.... Разговаривали вблизи, но другую сторону кустовъ. Она подошла къ тому мѣсту, откуда неслись голоса, и заглянула сквозь чашу кустарника. Вальдемаръ сидѣлъ на луку, возвъ какой-то женщины, одѣтой съ изысканою простотою.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Эрнестины, ноги ея подко-

силась.... она принуждена была състь; отсюда нельзя было видѣть ее, но она могла слышать весь разговоръ. Эрнестина внимательно смотрѣла на розовую даму; прелесть и красота ея соперницы отняли и послѣднюю ея надежду.

Вальдемаръ держался въ почтительномъ разстояніи отъ прекрасной блондинки, физіономія которой, въ тотъ разъ, была веселѣе обыкновеннаго; но казалось, она не съ большимъ удовольствіемъ слушала разговоръ своего собесѣдника.

— Какъ я счастливъ сегодня, сказалъ Вальдемаръ, такъ давно я не видѣлся съ вами, сударыня!

— Какъ давно? третьяго дня мы видѣлись въ Росни.

— Но тамъ, я какъ будто не былъ съ вами; я не могъ вамъ сказать ни одного слова.... вы ни на минуту не оставляли общества.

— Да, я люблю общество; я не похожу на вашу супругу, которая, кажется, рѣшилась никому не показываться.

Вальдемаръ опустилъ глаза. Эрнестина вперла въ него свой взоръ; не смотря на всѣ страданія, какія ей привелось испытывать въ эти минуты, она была тронута блѣдностью и печалью Вальдемара. Черезъ минуту, Вальдемаръ началъ снова:

— Вы никогда не хотите слушать меня, сударыня?

— Васъ слушать? А теперь, что же я дѣлаю?

— Ахъ, сударыня! вы знаете, что я хочу сказать вамъ.... вы знаете все, что я чувствую къ вамъ..... ахъ, вы знаете, что я люблю васъ!.....

Эрнестина закрыла лицо платкомъ, и залилась слезами; но она все-таки не переставала слушать, хотя эти слова раздирали ея сердце.

— Милостивый государь, отвѣчала розовая дама съ важностію: если бы я полюбила кого-нибудь, то я хотѣла бы обладать имъ безъ раздѣла. Я не допускаю, чтобъ можно было за-разъ принадлежать двоимъ; вы не свободны, потому-что женаты, не правда ли, милостивый государь?....

Вальдемаръ склонилъ голову и молчалъ.

— Для чего же вы ухаживаете за мной, милостивый государь?.... Да, вы отвѣтите мнѣ, что не лѣзя владѣть

своимъ сердцемъ, своими чувствами; вы уже говорили мнѣ это!... Дѣйствительно, это правда, я сама испытала....

— Какъ это, сударыня?

— Ахъ, я не должна вамъ говорить.

— Почему же?...

— Это ни къ чему не поведетъ; зачѣмъ говорить кому-нибудь, что полюбили бы его, если бы онъ былъ свободенъ, но какъ онъ не свободенъ....

— Ахъ, сударыня!... такъ это возможно!... вы полюбили бы меня?...

— Если бы вы не были женаты; но вы вѣдь женаты, не правда ли?...

И глаза розовой дамы остановились на Вальдемарѣ съ какою-то грустію; Эрнестина затаила дыханіе, чтобы не пропустить отвѣта.

Черезъ нѣсколько минутъ, Вальдемаръ пробормоталъ едва слышимымъ голосомъ:

— Да, сударыня.... да, я женатъ.

Камень спалъ съ сердца Эрнестины, между тѣмъ какъ въ глазахъ прекрасной блондинки выразилась досада. Она поспѣшно встала и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, намъ бесполезно вѣдѣться.... Я открыла вамъ мой образъ мыслей и не перемѣню его....

Розовая дама удалилась, и Вальдемаръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія удержать ее; но, казалось, онъ такъ былъ тронутъ, такъ глубоко опечаленъ, что Эрнестина сжалилась надъ его страданіемъ, и досадовала на свою соперницу, что она сдѣлала его столько несчастнымъ. Можетъ - быть, это покажется довольно невѣроятнымъ, а между-тѣмъ есть женщины, любовь которыхъ доходитъ до этой степени.

Эрнестина не хотѣла, чтобъ Вальдемаръ замѣтилъ, что она слѣдила за нимъ. Она поспѣшила вернуться домой; сердце ея не было спокойно послѣ того, что она слышала; но крайней-мѣрѣ, она не такъ уже страдала; Вальдемаръ не сознался, что онъ свободенъ, и ей казалось, что Вальдемаръ еще не совсѣмъ разлюбилъ ее, и что для ней осталась

надежда снова привязать его къ себѣ. После того, чему она была свидѣтельницей, казалось бы, немного трудно лелѣть еще въ себѣ какую-нибудь надежду, но въ дѣлахъ любви, долго лелѣютъ и несбыточныя мечты; есть даже и такіе люди, которые никогда не теряютъ надежды.

Возвратись домой, Эрнестина съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Вальдемара. Она хотѣла своими заботами, нежностью и любовью, отблагодарить его за скрепность передъ этой дамой, которая съ такою настойчивостію спрашивала его, женатъ ли онъ. Но часы проходили, а Вальдемаръ не возвращался. Молодая женщина начала безпокоиться, потому-что никогда еще Вальдемаръ не забывалъ придти къ обѣду. Наконецъ, у воротъ зазвучалъ колокольчикъ.

Эрнестина бросилась, чтобы скорѣе увидѣть Вальдемара. Но вмѣсто того, кого она ожидала, передъ ней явился Маренго, одѣтый довольно опрятно. Онъ подошелъ къ Эрнестинѣ и отвѣсилъ ей низкій поклонъ:

— Сударыня, имѣю честь.... наконецъ, вотъ и я.... Вы, я думаю, считаете меня за..... ну, не скажу.... это животное, которое доставляетъ жиръ. Словомъ сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я такъ радушно былъ принятъ у васъ, вы не видѣли меня..... между тѣмъ, я жилъ по сосѣдству, у Мутонаровъ, въ семействѣ динь.... Впрочемъ, мнѣ тамъ очень понравилось.... но все-таки это не можетъ извинять моей невѣжливости....

— Помилуйте, въ деревнѣ....

— Ахъ, сударыня, въ деревнѣ или въ другомъ мѣстѣ, но знаю, что я невѣжа, дѣтай... мужикъ, на-отрѣзъ скажу....

— Милостивый государь....

— Рѣшено! Но я зналъ также, что вы крайне добры, чрезвычайно снисходительны.... Я вполне ценю васъ, сударыня, я тотчасъ помылъ васъ и сказалъ: «Эта дама извинитъ меня!» И я пришелъ просить у васъ прощенья.... къ самому обѣду, потому-что это удобнѣе.... Обѣдать и говорить.... если только это не обезпокоитъ васъ.

— Напроргивъ, очень пріятно.

— Вальдемаръ дома?

— Нетъ, онъ еще не возвращался, и признаться, это безпокоитъ меня, онъ никогда не имѣлъ обыкновенія такъ запаздывать.... Онъ въ Росии?

— Я не видалъ его.... Онъ прогуливается.... О, онъ возвратится. Вы думаете, что съ нимъ случилось что-нибудь?... здесь спокойно.... воровъ нѣтъ!...

— Но скоро наступитъ ночь.... онъ знаетъ, что я жду его.... Лучше бы онъ остался....

Эрнестина отвернулась, чтобы скрыть слезы, которыхъ она не могла болѣе удерживать. Маренго, замѣтивъ перемену въ лицѣ молодой женщины и угадывая причину ея горести, сильно былъ тронуть ея слезами; этотъ беззаботный человекъ въ первый разъ почувствовалъ жалость при видѣ печали другаго. Онъ самъ удивился тому, что испытывалъ въ своей душѣ въ эту минуту; онъ не подозривалъ въ себѣ такой чувствительности.

Эрнестина отерла платкомъ глаза, и старалась принять спокойный видъ.

— Обѣдъ готовъ, оказала она... не угодно ли вамъ сѣсть за столъ...

— Сидите некуда, сударьня, отвѣчала Маренго; инстинктъ мой прошелъ. Подождите Вальдемара.

— Боже мой!... что съ нимъ случилось?...

— Помилуйте, что же съ нимъ могло случиться?... Въ воду онъ не упадетъ, потому—что здѣсь нѣтъ воды!...

— Онъ былъ такъ печалень.... такъ разстроенъ....

— Мнѣ кажется, что и вы не веселѣе.... и я угадываю причину вашей грусти....

— Вы угадываете....

— Какъ колдунъ!... Вальдемаръ оставляетъ васъ.... онъ рѣшается забыть васъ, потому—что волочитъ за маленькой кокеткой въ розовомъ платьѣ, котораго свѣтъ надъ нимъ...

— Какъ! вы знаете?...

— А вы думаете, что я не замѣчалъ ничего, прозябая въ семействѣ огурцовъ?... Лежа на спинѣ, съ трубкой въ зубахъ, я хорошо видѣлъ все, что происходило около меня,

и не пропускалъ ни одного слова!... Слышалъ я такіе разговоры!... Я не старался подслушивать.... но думаютъ, что я сплю, и болтаютъ Фюзль меня.... Не дальше какъ вчера, это были три замужнія женщины... племянница.... жена плотника Корентьена.... то бишь архитектора, толстуха Замбоне, да другая сосѣдка, такая чопорная. Эти женщины говорили о замужествѣ. Толстая Замбоне сказала порядочную глупость; я не думаю, чтобъ она о себѣ это говорила: Жена архитектора отвѣчала: «Любовь пріятна только въ началѣ.» Наконецъ, третья дама вскричала со вздохомъ: «Мнѣ такъ нужна любовь, что думаю, я снова влюблюсь въ своего мужа!..» Вотъ нескромныя признанія!... но извините, это для васъ незанимательно. А что касается до розовой дамы, которая слыветъ подъ именемъ Сентъ-Адели!...—это ния!.. и которая любезничаетъ съ Вальдемаромъ, я увѣренъ, что это какая-нибудь кокетка, интригантка!..

— Въ самомъ дѣлѣ!... вы думаете....

— Я ужасно сержусь на Вальдемара, за то что изъ-за нея онъ оставилъ васъ, васъ....; которыя стоите во сто разъ дороже..... Ахъ, не считите моихъ словъ за комплиментъ!... васъ, которыя пожертвовали для него своимъ именемъ!... Я могу это сказать вамъ.... между нами, это не должно оскорблять васъ....

— О, нѣтъ!... но ужасн и въ Росни, у этихъ людей, гдѣ вы живете, знаютъ, что я не жена Вальдемара?

— Могу васъ увѣрить, что тамъ васъ считаютъ за мужа и жену.... по этому-то обхожденію розовой дамы мнѣ и кажется очень неприличнымъ, развѣ Вальдемаръ признался ей, что онъ холостъ....

— Нѣтъ, онъ не говорилъ ей этого, я увѣрена. Если бы онъ признался, меня бы здѣсь уже не было!... Я оставила бы Вальдемара.... я возвратила бы ему свободу....

— И прекрасно бы сдѣлали; это лучшее средство наказать Вальдемара.

— О, я думаю, онъ не пожалѣетъ объ этомъ!...

— Сначала, можетъ быть; но скоро спохватится. Виро-

чѣмъ, все равно, а мнѣ сдается, что эта госпожа Сентъ-Адель не безъ цѣли поселилась здѣсь по сосѣдству....

— Вы думаете?...

— Я постараюсь развѣдать объ этомъ....

— Ахъ, господинъ Маренго, если вы узнаете что-нибудь объ этой дамѣ, пожалуйста, тотчасъ же извѣстите меня.

— Не безпокойтесь.... будетъ исполнено.... но больше не плакать, не горевать.... Ахъ, Боже мой! если бы вы знали людей такъ, какъ я ихъ знаю, вы увидѣли бы, что они не стѣять и одной вашей слезы!

Приходъ Вальдемара прервалъ этотъ разговоръ. Увидѣвъ того, о комъ такъ безпокоилась, Эрнестина вскрикнула отъ радости и побѣжала къ нему на встрѣчу; но Вальдемаръ холодно обошелся съ нею и едва отвѣчалъ на ея ласки; Маренго чуть не вышелъ изъ себя:

«Еще одинъ безумецъ, подумалъ онъ, который какъ сыръ въ маслѣ катался, и лѣзетъ теперь въ крапиву.... а потомъ, будетъ жаловаться на женщинъ!.. говорить, что его не любить!...

Обѣдъ былъ очень скученъ. Вальдемаръ почти не вымолвилъ ни слова; Эрнестина вздыхала; Маренго, у котораго снова родился прекрасный аппетитъ, ѣлъ и пилъ за четверыхъ. Но тотчасъ же послѣ кофе, онъ раскланялся съ Эрнестиной, пожалъ руку Вальдемару и отправился домой, сказавъ ему тихонько:

— Любезный другъ, не стѣить большаго труда увезти женщину въ деревню, и послѣ бросить ее.... Если она не оставляетъ тебя, значитъ, она любитъ безпредѣльно.... Ты очень счастливъ, что могъ внушить такую любовь.... Меня никогда не любили и въ четверть этого, однако сегодня, въ первый разъ, я замѣтилъ, что и у меня есть сердце. Какъ жаль, что я такъ безобразецъ!

Прежде чѣмъ Вальдемаръ нашелся, что отвѣчать, Маренго былъ уже далеко.

XVI.

Какъ Маренго устроиваетъ дѣла.

Маренго положилъ остаться въ Россіи лишь несколько дней: онъ довольно уже сдѣлалъ для семейства Мутенара; приучилъ Эдипа вращать карусель, прибавилъ роски маленькому садовнику, вмѣсто дынь выростилъ редиску; такой платы ему казалась достаточно за ихъ гостеприимство.

Но съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ слезы Эрнестины, онъ вздумалъ исправить Вальдемара, или по-крайней-мѣрѣ узнать, кто такая розовая дама. Исправить человека! предпріятіе очень трудное; но Маренго любилъ трудности.

Маленькая блондинка не являлась болѣе въ Россіи. Маренго, не смотря на свою склонность къ покою, захотѣлъ узнать эту даму въ ея собственномъ жилищѣ. Врогатю, госпожа Дюрансъ задѣла его за-живое, что онъ рѣшился преодолѣть свою лѣнь.

Въ одно утро, Маренго подходилъ къ домику, занимаемому розовой дамой въ то самое время, какъ слуга вышелъ оттуда. Маренго, не колеблясь, прямо подошелъ къ этому человѣку и спросилъ у него:

— Дома ваша госпожа?

— Госпожа Сентъ-Адель? спросилъ лакей, насмѣшливо осматривая Маренго.

— Эхъ, нѣтъ!... госпожа.... Боже мой! забылъ другое ея имя. Я знаю, что она живетъ здѣсь подъ именемъ Сентъ-Адели, но это не настоящее ея имя.

Слуга съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Маренго. Тотъ продолжалъ дѣлать видъ, будто припоминаетъ имя.

— Госпожа.... госпожа.... госпожа.... Ахъ, чертъ возьми! На языкѣ такъ и вертится ея имя.... Госпожа.... госпожа.... госпожа....

Слуга, видя, что хозяйка невольно роняла всевозможные вещи, начал говорить ей, что она должна быть осторожна, и начал ей указывать на то, что она должна быть осторожна.

— Господи Достаки!...

— Ну, вот!... хозяйка Достаки!... Я только что хотела выговорить... Башаются такие глупые дни, когда никак не можешь припомнить имени!...

— Вы знаете ее?

— Чортъ возьмет!... странный вопросъ!... Знаю ли я госпожу!... Достаки, вы говорите? Конечно, знаю!...

— Она вышла прогуливаться; не угодно ли вамъ подождать!...

Маренго, не находя побудительной причины своему поведению, очень былъ радъ, что розовой дамы не было дома. Онъ сказалъ, что придетъ въ другой разъ, и отправился дальше.

— Позвольте, сударь, узнать ваше имя, вскричалъ слуга.

— Это не нужно, отвечалъ Маренго. Нарисуйте мой портретъ, и меня тотчасъ узнаютъ!...

«Я узналъ ее настоящее имя, сказалъ про себя Маренго; но этого еще мало!... Къ чему это таинственность!... Есть пьель у этой дамы!... но какая? Если бы я могъ довести ее до того, чтобы она сама мнѣ сказала объ этомъ!... затронуть ея самолюбіе!... Это старое средство, но оно всегда удается!...»

Въ это время, Маренго увидалъ прекрасную блондинку; она сидѣла на травѣ и читала, или по-крайней-мѣрѣ, делала видъ, что читаетъ; въ несколькихъ шагахъ отъ нея сидѣла ея горничная. Маренго подошелъ къ розовой дамѣ, которая, вѣроятно, ожидала другой встречи, и на его присутствие отзывалась какой-то особенной миной. Это нисколько не смутило Маренго; онъ сѣлъ вблизи нея и сказалъ:

— Давно вы не испытывали удовольствія видеть васъ, сударыня, у почтенныхъ Мутонаровъ?

— Это правда, отвечала блондинка; но не все же такъ постоянно, какъ вы!...

— Да, я очень восторженъ! отвечалъ Маренго; и въ са-

монъ дѣлъ, не вся люди могутъ похвалиться тѣмъ же.... начиная съ почтеннаго моего друга Вальдемара. Онъ также гораздо рѣже теперь бываетъ въ Росни.... Но это удивительно, сударыня, онъ не встрѣчаетъ тамъ васъ.

Лицо блондинки подернулось яркимъ румянцемъ.

— Почему вы полагаете, милостивый государь, спросила она: что.... вашъ другъ, господинъ Вальдемаръ посѣщаетъ Росни для меня?

— Ахъ, сударыня!... надо быть слѣпымъ.... Но можно быть безобразнымъ и хорошо видѣть, сударыня.... После всего, что замѣтилъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ... На его мѣсть, я сдѣлалъ бы то же самое. Встрѣчаешь въ деревнѣ какую-нибудь даму; знакомишься.... Дама окружаетъ себя таинственностію, одѣвается въ розовое платье, перемѣняетъ имя. Говоришь себѣ: «Я одержалъ побѣду.... эта женщина безъ ума отъ меня....» потомъ врѣжешься, а послѣ и останешься самъ въ дуракахъ.

Блондинка вспыхнула, потомъ поблѣднѣла; брови ея намурились, губы сморщились и она отвѣчала голосомъ, выражавшимъ гнѣвъ и досаду:

— Милостивый государь, на чемъ вы основываете такія предположенія? Съ чего вы взяли, что я имѣла намѣреніе забавляться надъ господиномъ Вальдемаромъ?

— Если это не правда, сударыня, такъ позвольте вамъ сказать, что ваше поведеніе довольно безразсудно. Позволить за собой волочиться человѣку женатому!...

— Господинъ Вальдемаръ не женатъ!...

— Ахъ, вы знаете это, сударыня? Такъ другое дѣло; я полагалъ, что вамъ это неизвѣстно. Но, перемѣнять имя.... гмъ!... я очень мало имѣю довѣрія къ дамъ, которая перемѣняетъ имя.... Для чего называться Сентъ-Аделью, когда зовутъ Лостанжъ?

— Вы хорошо меня знаете, милостивый государь, такъ должны знать и то, что дядя господина Вальдемара желалъ видѣть меня женою своего племянника. Романтическое поведеніе послѣдняго разрушило надежды дяди. Но я, милостивый государь, женщина и имѣю особенную склон-

ность къ тому, что повидному убагастъ меня. Сначала, мнѣ вовсе не нравился этотъ союзъ; но я утѣшилась, что господинъ Вальдемаръ отказался даже видеть меня, и что онъ увидитъ въ деревню съ одною дамою, которую клялся обожать вѣчно, и мнѣ пришла охота узнать этого господина, узнать, такъ ли сильна любовь его, какъ онъ говорилъ. Для этого, я нѣмало думъ по волеизъявленію съ домою, здѣшнимъ господиномъ Вальдемаромъ, перемѣнила мнѣ, постоянно одѣвалась въ розовое платье, и такимъ образомъ прогуливалась по окрестностямъ, будучи уверена, что скоро заговорятъ обо мнѣ, и я подстрекну любопытство моихъ соседей. Вотъ, что я сдѣлала, милостивый государь; мнѣ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло замѣшкать ваши уверки.

Маренго съ удовольствіемъ слушала: коротенькую блондинку, потому что она говорила съ увлеченіемъ; съ жаромъ; но выраженію ея голоса можно было угадать, что она живо чувствовала то, что говорила.

— Виновата, сударыня, отвѣчала Маренго поклонившись: очень виновата, и прошу извинить меня. Но согласитесь, въ крайней мѣрѣ, что ваше поведеніе было довольно загадочно.

— Можетъ быть; но я считала васъ очень умнымъ, и не думала, чтобы вы могли ошибаться во мнѣ.

— Значитъ, мы оба обманывались, сударыня. Но если! въ чемъ я не сомнѣваюсь... вы восторжествовали въ сердце Вальдемара надъ вашею соперницею; то, конечно, вы знаете намѣреніе выйти за него за-нужь?...

— Я сдѣлаю, что мнѣ будетъ угодно, милостивый государь; позвольте вамъ сказать, что я никому не даю отчета въ своихъ поступкахъ.

— Совершенно справедливо, сударыня. Прошу извинить! Прощайте, сударыня.

И Маренго поспѣшно отправился къ дому, занимаемому Эрестиной. «Она не хочетъ давать мнѣ отчета, говорилъ онъ; очень хорошо; но я долженъ отдать отчетъ въ этомъ разговорѣ той, которая такъ интересуется мнѣ. Я общалъ

госпожа Дюранси извѣститъ ее обо всемъ, что узнаю. Мое извѣстiе не доставитъ ей большого удовольствiя, но все-таки она должна узнать объ этомъ; если уже суждено получить ударъ, то гораздо лучше получить его вдругъ, чѣмъ ожидать..»

По обыкновенiю, госпожа Дюрансь сдѣла одна, когда пришелъ Маренго; замѣтивъ его издали, она побѣжала къ нему на встрѣчу.

— Вы узнали что-нибудь? вскричала она.

— Да! я узналъ многое.... то-есть, теперь вамъ не о чемъ больше спрашивать....

— Она.....

— Знаете, что Вальдемаръ... не мужъ вамъ.... И она знаетъ всю вашу исторiю.

Эрнестина поблѣднѣла, голова ея упала на грудь....

— Все кончено; прощайте она.... я не имѣю болѣе права оставаться съ нимъ....

— Но позвольте, я еще не все вамъ сказалъ....

— Не безпокойтесь, господинъ Маренго, мнѣ не нужно болѣе ничего знать.... Когда Вальдемаръ возвратится, онъ уже не найдетъ меня здѣсь.

— Какъ! вы отпрашиваетесь?...

— Сейчасъ же... у меня уже все готово къ отъезду.... Прощайте, господинъ Маренго; я никогда не забуду вашей услуги.

— Но послушайте.... Эта женщина называется не Сентъ-Аделью, у ней есть другое имя.... И слушать не хочеть! чортъ бы побралъ этихъ женщинъ! То не хотять слушать, и ничѣмъ не заманишь; то опять заболтають, и ничѣмъ не удержишь! Что-то она намврена сдѣлать!... А впрочемъ, ей и слѣдуетъ оставить Вальдемара: на ее мѣсть, я давно бы бросилъ его. Дѣло пошло на ладъ.... Я зналъ, что если я выйшаюсь, такъ все устроится. Но надо убираться.... Вальдемаръ придетъ, такъ на меня же накинется.... Люди всегда несправедливы! однако я услужилъ ему.

Маренго возвратился въ Росни.

Эрнестина вошла въ домъ, съѣла за свой письменный

стоять и на-скоро написала Вальдемару слѣдующую записку:

«Вы меня болѣе не любите. Я уже давно замѣчала это; но думала, что за недостаткомъ любви, вы будете, по крайней-мѣрѣ, нитать ко мнѣ дружбу, и не станете объяснять другой женщинѣ, что никакая связь не соединяетъ насъ. Я обманулась; теперь сиѣшу возвратить вамъ полную свободу. Прощайте, будьте счастливы, вотъ самое пламенное мое желаніе, я единственная надежда, какая осталась у меня.»

Эрнестина подписала записку и облила ее слезами. Потомъ, взяла нѣсколько нужныхъ вещей и поспѣшно оставила деревню, куда она прѣехала съ такимъ удовольствіемъ, и гдѣ счастье ея было такъ кратковременно.

Проселочными дорогами, изъ опасенія, чтобы не повѣсть на встрѣчу Вальдемару, она пробралась на большую дорогу, и возвратилась въ Парижъ.

Въ привычное время, Вальдемаръ возвратился домой, напрасно проходивши передъ завѣтнымъ жилищемъ своей очаровательницы, которую ему не удалось увидѣть.

Войдя въ садъ, онъ удивился, что Эрнестина не встрѣтила его, по обыкновенію. Онъ обошелъ весь садъ, осмотрѣлъ бесѣдки, потомъ вошелъ въ домъ; нигдѣ никого не было. Эта пустота начала беспокоить его. Люди тогда только цѣнятъ вещь, когда потеряютъ ее, и Вальдемаръ почувствовалъ въ это время, что присутствіе Эрнестины было пріятно для него, что она необходима ему; можетъ-быть, въ эту минуту, онъ съ прежнимъ жаромъ подлюбилъ бы ее. Онъ снова выбѣжалъ въ садъ и опрометью бросился къ привратнику.

— Эрнестина ушла?

— Да, сударь.

— Одна?

— Нѣтъ, сударь; она отправилась съ горничной.

— Давно?

— Часа два будетъ.

— Она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Цить, сударь!... Ахъ, виновать! она наказала мнѣ, что въ комнатѣ вамъ оставлено письмо.... Я думаю, что на кивчикъ или на стулъ.... На-вѣрное не знаю....

Вальдемаръ не слушалъ уже привратника, вернулся въ домъ, бѣжалъ въ комнату, нашолъ зениску, прочиталъ ее и въ непомощеніи упалъ на стулъ.

Черезъ минуту, онъ снова прочиталъ письмо и сказалъ самъ себѣ:

«Она забыла, что я люблю другую.... Бѣдная Эрнестина! Я думалъ скрыть отъ нея тайну моего сердца.... Ахъ, а! очей виновать!... но я замашу свое вино.... Я отпращуюсь по ея слѣдамъ.... она должна быть въ Парижѣ.... Я брошусь къ ея ногамъ, она проститъ меня.... О, она такъ добра.... она возвратится ко мнѣ....»

Эти размышленія, родившіяся при первомъ впечатлѣніи, произведенномъ разлукою съ госпожею Дюранси, скоро смѣнились слѣдующими:

«Она думаетъ, что я откровенно объяснилъ Сентъ-Адели наши отношенія.... Но я никогда не говорилъ о томъ.... а эта дама знаетъ.... Странно!... Я долженъ бы былъ догадаться потому, что она всегда съ насмѣшкою говорила мнѣ о.... о.... Ахъ, она знаетъ, что я не женатъ!... Она хотѣла вынудить у меня признаніе.... Для чего?... Она говорила мнѣ, что никогда не согласится любить человека женатаго.... Но она знала, что я холостой.... Значитъ, Маренго сказалъ ей.... Надо увидѣться съ Маренго.... потомъ, я брошусь къ ногамъ Эрнестины.... Бѣдная Эрнестина! она любила меня такъ пламенно....»

И вмѣсто того, чтобы бѣжать вслѣдъ за той, которой причинилъ столько страданій, Вальдемаръ отпращиваясь въ Россію; онъ пришелъ туда уже довольно поздно. Не желя заходить къ Мутоваранъ, онъ велѣлъ вызвать Маренго, который не замедлил явиться, съ салфеткою въ рукѣ.

— Вальдемаръ! вскричалъ онъ. Что же ты не зайдешь въ домъ? обѣдъ подашь.

— Ахъ, Маренго; мнѣ не до обѣда; вотъ, прочитай!

И онъ подалъ Маренго записку, оставленную Эрнестиней. Маренго прочиталъ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что ты долженъ былъ ожидать этого. Ты самъ всему виною. Чего же ты отъ меня хочешь?

— Я хочу знать, не ты ли сказалъ госпожѣ Сентъ-Адели, что я не женатъ.

— Во-первыхъ, любезный мой другъ, госпожи Сентъ-Адели не существуетъ!... Это выдумка!... Въ действительности, это госпожа Достаджъ, та самая, на которой твоя дядюшка хотѣлъ женить тебя, и которая, узнавъ, что ты отказался даже и видѣть ее, перемѣнила имя, и поселилась здѣсь нарочно, чтобы вскружить тебѣ голову.... Я иду обѣдать....

— Возможно ли! Какъ! эта дама та самая молодая вдова, что привѣхала изъ Америки?...

— Да, мой другъ, точно, какъ дядюшки миллионеры въ старинныхъ водевиляхъ, гдѣ они были необходимы для развязки.... Только здѣсь женщина... Это гораздо милѣ.... Но я хочу обѣдать....

— Но почему ты узналъ все это, Маренго?

— Потому-что я рѣшился разузнать объ этой дамѣ.... И мнѣ не стоило большаго труда! Когда сердце спокойно, такъ видишь гораздо яснѣе. Впрочемъ, я говорилъ съ этой дамой, и она сама призналась мнѣ во всемъ.... Но обѣдь простынетъ....

— Маренго, еще минуточку, ради Бога.... Что ты посоветуешь мнѣ?... что я долженъ дѣлать?... Взять вслѣдъ за Эрнестиней?... Простить ли она меня, какъ ты думаешь?...

— Такъ какъ ты еще не въ Парижѣ, значитъ не любишь ее болѣе.... Для чего возвращать ее, чтобъ послѣ снова покинуть?... Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь; послѣдній разъ говорю тебѣ, что я хочу обѣдать.

Маренго ушелъ. Вальдемаръ не зналъ, на что рѣшиться. Медленно возвращался онъ изъ Росни; тысяча различныхъ мыслей толпились въ его головѣ. Онъ вздыхалъ еще по Эрнестинѣ; но и припоминалъ слова Маренго:

«Для чего возвращать ее, чтобы послать снова покаяться?»

Вместо того, чтобы идти къ своему дому, Вальдемаръ повернул на дорогу, ведущую къ жилищу госпожи Лостанжъ.

Ночь была прекрасная и еще довольно пріятная для осенней поры. Подойдя къ домику, гдѣ жила особа, которую онъ уже зналъ теперь, Вальдемаръ остановился; въ первомъ этажѣ былъ огонь; ему казалось даже, что, сквозь освѣщенный окна, онъ видѣлъ стройный станъ прекрасной блондинки.

Вальдемаръ посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка стояла на восьми; онъ рѣшился сдѣлать визитъ этой дамѣ.

«Надо рѣшить мою участь, говорилъ онъ про себя.... Надо наконецъ узнать, согласна ли она будетъ отвѣчать на мою любовь.... Впрочемъ, теперь я знаю ея настоящее имя, мы не чужды другъ другу.... и я не думаю, чтобы она не приняла меня....»

Вальдемаръ позвонилъ. Вѣрно, онъ не имѣлъ уже намеренія отправиться вслѣдъ за Эрнестиной.

Дверь отворилась. Вальдемаръ сказалъ вышедшему слугѣ: — Доложи барынѣ, что господинъ Вальдемаръ желаетъ засвидѣтельствовать почтеніе госпожѣ Лостанжъ.

Черезъ минуту, слуга возвратился и попросилъ Вальдемара войти. Вальдемаръ былъ чрезвычайно взволнованъ. Въ эту минуту онъ совершенно уже не думалъ объ Эрнестиной.

Госпожа Лостанжъ скоро явилась; она сняла свое розовое платье и одѣлась въ болѣе изящное, въ которомъ казалась еще красивѣе; прическа ея была очаровательна и шла къ ней какъ нельзя больше; можно было подумать, что такое кокетство въ деревнѣ выражало сильную охоту понравиться.

Госпожа Лостанжъ граціозно поклонилась Вальдемару и попросила его сѣсть. Тотъ нѣсколько смѣшался и не находилъ, съ чего начать разговоръ; часто случается, что чѣмъ болѣе предметовъ для разговорца, тѣмъ труднѣе находить слова

для нихъ. По этой же причинѣ, глупцы обыкновенно бывають ужасно болтливы.

— Сударыня, наконецъ проговорилъ Вальдемаръ: прежде всего скажу вамъ, что я намѣренъ бесѣдовать съ госпожею Лостанжъ, потому что теперь уже знаю, съ какъ имѣю честь говорить.

— Хорошо, отвѣчала блондинка, улыбаясь: и это доказываетъ, что вашъ другъ, господинъ Маренго, немножко болтливъ. Впрочемъ, въ этомъ еще нѣтъ большаго зла. Перемена имени была моя прихоть, одна изъ тѣхъ причудъ, которыя иногда позволяютъ себѣ женщины.... Я не вижу никакой необходимости продолжать эту таинственность. Только удивительно для меня, милостивый государь, какъ вы рѣшились посвятить меня, зная настоящее мое имя, тогда какъ вы наотрѣзъ сказали вашему дядюшкѣ, что не хотите меня и видѣть.

— Сударыня, я кажусь вамъ очень смѣшнымъ, очень невѣжливымъ. Ахъ, если бы я зналъ.... если бы былъ знакомъ съ вами прежде....

— Боже мой! я находила васъ только оригинальнымъ, и больше ничего; признаюсь, это-то и побудило меня узнать васъ.

— Мой дядя составилъ планъ.... для насъ, обонхъ....

— Да, это правда.... Но вы знаете, дяди всегда имѣють страсть жевать своихъ племянниковъ, и имъ никогда не удается.

— Впрочемъ, можетъ также и удался.

— Это случается очень рѣдко. И въ самомъ дѣлѣ, гораздо естественнѣе слѣдовать влеченію своего сердца, чѣмъ вступать въ бракъ по видамъ дядюшекъ.

Вальдемаръ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ началъ снова:

— Но вамъ извѣстно, сударыня, что я не женатъ.

— Это правда; потому-то я и позволяла себѣ иногда шутить съ вами на счетъ этого предмета.... Не спорю, я виновата; мнѣ любопытно было познакомиться съ той осо-

бой, которая внушила вамъ такую сильную, такую продолжительную страсть....

Вальденаръ опустил глаза и прошепталъ трепещущимъ голосомъ:

— Сударыня, теперь все переизмѣнилось....

Госпожа Лостанжъ притворилась удивленною, хотя за нѣсколько уже часовъ знала объ отъѣздѣ госпожи Дюранси, потому-что, благодаря нѣсколькимъ мнетамъ, ей легко было знать, черезъ почтеннаго Фильо, все происходившее въ окрестности. И въ деревняхъ есть лазутчики; они шныруютъ тамъ тамъ же преимущественно, какъ и въ Парижѣ; а, при недостаткѣ мужчинъ эту должность часто возлагается на женщинъ, которыя съ усердіемъ, съ жаромъ исполняютъ ее, какъ будто по особенному призванію.

Госпожа Лостанжъ не отвѣчала ни слова; Вальденаръ рѣшился наконецъ прервать молчаніе.

— Теперь когда я свободенъ; сказалъ онъ, когда все препятствія устранены.... вы позволите мнѣ, сударыня, видѣться съ вами.... говорить вамъ о своей любви.... и надеяться, что планы, составленные моимъ дядею, когда-нибудь исполнятся?..

Прекрасная блондинка какъ-то насмѣшливо улыбнулась.

— Вы слишкомъ спѣшите, милостивый государь, отвѣчала она.... Какъ! вы любите теперь ту женщину, которую не хотѣли даже видѣть!... Хорошо ли вы встрѣцы въ себя?

— Ахъ, сударыня, этотъ вопросъ....

— Я имѣю право сдѣлать вамъ его. Вы влюбляетесь.... и измѣняете очень легко....

— Если вы будете любить меня, я никогда не измѣню.

— То же говорить каждой женщинѣ, за которую ухаживаютъ.

— Это доказываетъ, что ничего нельзя сказать лучше.

— Да, но не доказываетъ, чтобъ то была правда.

— Сударыня.... ради Бога.... могу ли я надеяться?

— Ахъ, милостивый государь, ваша любовь летитъ по желѣзной дорогѣ. А я, такъ люблю подувать.... Теперь

уже поздно, и вамъ пора возвратиться домой.... Завтра вы узнаете мой отвѣтъ.

— Завтра?

— Да.... я напишу вамъ.

— Вы напишете?

— Даю вамъ слово.

— Но почему вы не хотите передать всего на словахъ?..

— Потому-что мнѣ лучше кажется написать вамъ..... есть вещи, о которыхъ не знаешь какъ сказать, но очень легко напишешь. Боже мой! вамъ все надо объяснять.

— И такъ, я буду ожидать вашего письма, сударыня....

— Добрый вечеръ, господинъ Вальдемаръ!

Госпожа Лостанжъ сдѣлала Вальдемару самый граціозный поклонъ, и тотъ удалился вздыхая, впрочемъ, съ сердцемъ, полнымъ надежды.

Во всю ночь, Вальдемаръ почти не смыкалъ глазъ. Онъ мечталъ о прекрасной блондинкѣ, и изрѣдка вспоминалъ объ Эрнестинѣ, съ которою онъ никогда не думалъ разлучаться.

Съ наступленіемъ дня, Вальдемаръ мечталъ уже только о письмѣ, которое госпожа Лостанжъ обещала написать ему; а для Эрнестины не осталось и мѣста въ его сердцѣ.

Утро показалось безконечнымъ для нашего влюбленнаго. Двадцать разъ онъ покушался бѣжать къ своей очаровательницѣ и умолять ее—на словахъ передать ему то, что она хотѣла написать.

Наконецъ, въ полдень, кто-то позвонилъ у воротъ. То былъ Гильо, истребитель кротовъ. Съ какимъ-то лукавымъ видомъ, онъ показалъ привратнику письмо. Но Вальдемаръ выхватилъ письмо изъ рукъ Гильо, отошелъ въ сторону и прочиталъ:

«Милостивый государь, я не люблю васъ, и никогда не любила. Вы пренебрегли мной, и я захотѣла дать вамъ маленькій урокъ; очень жаль, что я сдѣлалась виновницею

страданійъ бѣдой госпожи Дюранси, но я отищу за нее, отвергая вашу любовь: возвратитесь къ ней, быть-можетъ, она еще будетъ такъ добра, что простить васъ; но, на ея мѣсть, я никогда бы не сдѣлала этого.»

«Евгенія Лостанжъ.»

Вальдемаръ былъ уничтоженъ. Онъ подбѣжалъ къ Гильо и закричалъ какъ бѣшеный:

— Кто тебѣ отдалъ это письмо?

— Да та маленькая розовая дама; только она теперь вырядилась въ голубое платье.

— И она ничего тебѣ больше не сказала?

— Она велѣла отнестъ къ вамъ это письмо, и только; она мнѣ заплатила; а если и вамъ угодно что-нибудь дать мнѣ, воля ваша.

— Ахъ, мнѣ нужно увидѣть ее, пореговорить съ нею....

— Съ кѣмъ?... съ этой дамой?... Это будетъ трудненько, они ужъ все уѣхали въ коляскахъ.... въ домъ пусто, да кажется, и назадъ не прѣдутъ.... Эхъ! въ самомъ дѣлѣ, холодъ такъ и пробираетъ.

Вальдемаръ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ госпожа Лостанжъ уѣхала, не выслушавъ его: и тогда только убѣдился, что прекрасная блондинка издѣвалась надъ нимъ, когда увидѣлъ, что домикъ ея пустъ и все ставни на-глухо заперты.

Въ надеждѣ что-нибудь узнать отъ Маренго, Вальдемаръ отправился въ Росни. Но тамъ ему сказали, что другъ его простился съ семействомъ Мутонара, и еще на разсвѣтъ отправился въ Парижъ.

Разстроенный, унылый, съ досадою на сердца, Вальдемаръ возвратился домой. Но его сельское жилище опротивило ему. Онъ на-скоро сдѣлалъ распоряженія, и къ вечеру самъ отправился въ Парижъ.

Первымъ его дѣломъ было бѣжать къ Маренго. Онъ встрѣтилъ своего друга, когда тотъ возвращался домой.

Маренго, увидѣвъ Вальдемара, съ удивленіемъ вскричалъ:

— Какъ! и ты возвратился?... Развѣ госпожа Лостанжъ оставила деревню?

— Госпожа Лостанжъ кокетка; она забавлялась надомной.... она написала мнѣ, что никогда не любила меня.

— Гмъ! тутъ не чему удивляться. Я всегда думалъ, что она шутитъ надъ тобою.... И изъ-за нея-то ты оставилъ женщину, которая такъ любила тебя!

— Да, Маренго, я виноватъ; но постараюсь загладить мою вину. Я поспѣшу вымолить себѣ прощеніе у ногъ госпожи Дюранси....

— Напрасно будешь беспокоиться.

— Почему такъ?

— Потому-что госпожа Дюранси отправилась въ почтовой каретѣ.

— Куда?

— Она мнѣ не сказала. Нынѣче утромъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, я пошелъ повидаться съ нею. Прихожу, а она собирается уже въ дорогу, «Какъ! сказалъ я, вы отправляетесь?... но я увѣренъ, что Вальдемаръ скоро опять будетъ у вашихъ ногъ....—Если-бъ онъ явился вслѣдъ за мною, отвѣчала она, я могла бы еще простить его; я подумала бы, что онъ не могъ перенести моего отсутствія. Но теперь уже поздно!... Наша дружба не можетъ возобновиться.... Я отправляюсь путешествовать, чтобы развлечь себя. Прощайте, господинъ Маренго. Я узнала любовь непостоянную, постараюсь найти любовь вѣчную.» И затѣмъ, она простилась со мною.

— Уехала! пропенталь Вальдемаръ, склонивъ голову на грудь; и неизвестно, въ которую сторону она отправилась!

— Какъ неизвестно!.. Она повхала въ ту сторону, гдѣ обитаетъ вѣчная любовь. Но гдѣ эта страна?... Я полагаю, что на картѣ она не означена.

=

Науки и Художества.

УЛОЖЕНІЕ ЗАКОНОВЪ

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Окончаніе.)

Если при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ предначертаній не безъ основанія можно повторить строгіе отзывы нѣмецкихъ правовѣдовъ и сравнить ихъ съ тѣми законодательствами, о которыхъ говорятъ министр прусскій фонъ-Кампцъ (Actenmaessige Darstellung, и пр. 1842, стр. XV) или съ тѣми неудачными попытками въ законодательствѣ, которыя описаны Миттермайеромъ (Strafgstzgbng, ч. 11); то нельзя при этомъ не замѣтить, что нрѣдко сами составители убѣждены въ шаткости своихъ предначертаній и открыто предлагаютъ общую постоянную истину въ видѣ временной мѣры: такъ уставъ осудопроизводствѣ въ Вюртембергѣ введенъ, въ видѣ опыта, на блѣтъ—явленіе, которому мы тщетно стали бы искать оправданія съ самыхъ смѣлыхъ ученіяхъ науки права. Недостатокъ предварительнаго опыта, на которомъ долженъ основываться законъ, требуетъ опыта послѣдующаго, и лишаетъ правило существеннаго его свойства: положительности. Любопытно и поучительно было бы изобразить, какъ и по какимъ поводамъ возникали требованія со стороны науки и общественнаго мнѣнія, и какъ удовлетвореніе этихъ требованій, не находя въ нихъ точнаго основанія, въ колебаніи уважить или не уважить ихъ, избрало перрѣшительный путь, называемый переходнымъ, и изобрѣло *transitorische Gesetzgebung*—временныя истины, не управляя, но будучи управляемо временными требованіями. Но прежде обсто-

К. IV. — Отд. V.

ятельнаго изложенія возникновенія и развитія сихъ требованій въ ученіяхъ о преступности, виновности и наказуемости, мы обозначимъ въ общихъ чертахъ причины неудовлетворительности прежнихъ уложеній, дабы видѣть, въ какой мѣрѣ опытъ прошедшаго послужилъ въ науку настоящему.

Первый вопросъ здѣсь представляется о томъ: что можетъ служить доказательствомъ удовлетворительности или неудовлетворительности уголовныхъ законовъ? Оцѣнка по личному убѣжденію здѣсь очевидно недостаточна, ибо для сего необходимы точныя удостовѣренія; иначе всякое предначертаніе можетъ быть признано вполне соответствующимъ своему назначенію. Къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ точное удостовѣреніе одно: опытъ времени, стоящій иногда дорогихъ и невозвратимыхъ потерь, неизвиняемыхъ ни возвышенною цѣлю, ни тѣмъ еще менѣе пылкостью посиѣшняго стремленія, и общою ошибочностію человѣка, уже слишкомъ часто приводимую въ оправданіе ошибокъ и погрѣшностей.

Въ основаніяхъ къ составленію новыхъ предначертаній, какъ напр. въ Брауншвейгѣ, Фрейгера фонъ-Шлейница, говорится, что «дѣйствующіе (до 1840) законы удовлетворяютъ своему назначенію, ибо охраняютъ миръ права и поощряютъ усиліи нравственнаго образованія (§ VIII).»

По мнѣнію нашему, удостовѣреніе это не имѣетъ опредѣлительности и если бы оно было справедливо, то не было бы основанія приступать къ новому предначертанію законовъ. Мы не будемъ говорить о томъ, что въ герцогствѣ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія незначительныя преступления, какъ напр. воровство угрожались и наказывались смертію, и что въ этомъ смыслѣ были даже позднѣйшія о воровствѣ постановленія (повелѣн. 7 сентябр. 1752 и 25 феврал. 1773 г.). Уголовное правосудіе въ герцогствѣ вообще было менѣе удовлетворительно, нежели въ другихъ странахъ Германіи и искало исправленія въ содѣйствіи ученыхъ правовѣдовъ. По мнѣнію нашему, въ указаніи г. фонъ-Шлейница мы напрасно стали бы искать точныхъ доказательствъ удовлетворительности дѣйствующаго уголовного законодательства или противнаго. Что касается до успѣховъ образованности, то въ настоящемъ вѣкѣ сближенія, постоянныхъ общихъ сношеній, а въ Германіи средства и содѣйствія отдельныхъ государствъ, образованность не можетъ не преуспѣ-

вить право без всякаго содѣйствія мѣстныхъ правъ. Это работа чина, а не человека. И не въ этомъ заключается наибольшее уголовное право. Оно отражаетъ вѣрность, пользования правъ и удовлетворяетъ возмездію за ихъ нарушение (14).

Доказательствомъ удовлетворительности могло бы быть общее мнѣніе: но этотъ источникъ, по неустройству его орудій, весьма сбивчивъ и пренеполненъ духомъ пристрастія, охуленія и своемыслія. Затруднительность отысканія нарушенныхъ правъ, безнаказанность и продолжительность преслѣдованія препятствуютъ частной выгодѣ возвыситься надъ мелочными расчетами и подъ вліяніемъ ихъ представляются оплошностію, невниманіемъ и недостаткомъ, даже безвліемъ огражденія. Съ другой стороны, впечатлѣніе и ощущение замѣняютъ чувство долга и справедливости: извѣстное сочленіе, Mes prison, возбуждало къ сочувствію общее участие и неравнодушные отзывы о несправедливости наказанія, между тѣмъ какъ само это сочленіе служило доказательствомъ противнаго, обличая не жестокость, но неудовлетворительность наказанія и учрежденій оного (15).

Всего ближе дѣйствіе уголовного права могло бы быть доказано средними числами уголовной отчетности (статистики): но, по недавнему ея существованію, среднихъ чиселъ еще нѣтъ, а по различнымъ условіямъ времени и мѣста, самая относительная точность ихъ подлежитъ сомнѣнію и столь мало определена, что одни и тѣ же числа могутъ быть употреблены для подтвержденія и для опроверженія. При томъ же измѣненія закона, столь частыя, замѣняютъ и отчетныя числа. Такъ напр. увеличеніе числа дѣлъ, по отчетности, для однихъ служитъ доказательствомъ недостатка уголовного права, попускающаго услажденіе преступленій; для другихъ — доказательствомъ дѣятельности права, обнаруживающаго прежде бывшія въ безгласности преступленія. Увеличеніе числа отзывовъ о неудовольствіи для однихъ удовлетворяетъ ближайшее знаніе о стѣсненіи и точное отправленіе права, для другихъ — признакъ недовѣрія къ правосудію. Число дѣлъ, число подсудимыхъ и наказанныхъ — постоянно и вездѣ возрастающія — не выражаютъ тѣхъ отбѣговъ, которые могли бы дать настоящаго свѣдѣнія о преступности и ея возбужденіяхъ. Число дѣлъ и подсудимыхъ возрастаетъ отъ причинъ случайныхъ, независимо отъ умощненія народонаселенія и способовъ обнаруженія:

отъ учрежденія, въ одномъ году и мѣстѣ, ярмарки, сбора, въ другомъ—железной дороги, въ третьемъ—отъ неурожаа, въ четвертомъ—отъ оплошности или бдѣтельности мѣстнаго надзора, въ пятомъ—отъ новыхъ таблицъ отчетности. Число осужденныхъ еще менѣе положительно. Завися отъ существа доказательствъ въ одномъ году и мѣстѣ такихъ, въ другомъ мѣстѣ—другихъ, означенія эти неосновательны и потому, что въ нихъ судившій по преступленію важному, но осужденный при семъ за маловажный проступокъ (ложное показаніе, недонесеніе, неосторожность и др.)—значится въ разрядѣ послѣднихъ, а въ первомъ не означается и преступленіе.

Болѣе достовѣрности надлежало бы ожидать отъ числа воспрониненій (повтореній): но означеніе сихъ свѣдѣній столь же разнообразно и еще болѣе неполно. Оно разнообразно отъ различнаго понятія воспрониненій: въ однородныхъ преступленіяхъ и въ разнородныхъ. Оставленный въ подозрѣніи совсѣмъ не входитъ въ расчетъ, точно также какъ утѣвшій прежнюю судимость или удалившійся изъ одной страны въ другую. Существенное условіе воспрониненія—время, т. е. черезъ сколько лѣтъ послѣ перваго совершенно новое дѣяніе—не входитъ въ отчетность (17).

Вообще при несовершенствѣ и разнообразіи отчетности числа ея могутъ служить болѣе для повѣрки дѣлопроизводства, нежели для нравственныхъ выводовъ и заключеній и—можно сказать—чѣмъ поразительнѣе и повидимому точнѣе сіи послѣднія, тѣмъ болѣе основаній сомнѣваться въ ихъ непогрѣзительности. — Безъ сомнѣнія соотвѣтствіе числа преступленій съ числомъ наказанныхъ и итога потерь съ итогомъ возмѣщеній могло бы служить мѣрою удовлетворительности, но для сего необходимы и иной порядокъ отправленія правосудія и другія основанія и означенія отчетности. — Какой положительной достовѣрности можно ожидать отъ чиселъ, когда не установились понятія и самыя основныя начала столь зыбки и разнородны!

Не подлежитъ сомнѣнію только одно то, что преступления усильваются (16).

По мнѣнію нашему, лучшаго доказательства удовлетворительности уголовныхъ законовъ должно искать въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Соотвѣтствіе ихъ требованію удержитъ и утвер-

дигъ ихъ, напротивъ неудовлетворительность ихъ измѣнить и совершенно отмѣнить ихъ предписаніе. Это основаніе было бы весьма удостовѣрительно, если бы дѣйствіе и усовершеніе закона были ближе къ жизни. Нерѣдко существуетъ несоотвѣтственный законъ и не отмѣняется единственно потому, что несоотвѣтствіе его въ примѣненіи неизбѣжно при составленіи или усовершеніи закона. Еще чаще законъ подвергается улучшенію по отвлеченнымъ требованіямъ или по одностороннимъ замѣчаніямъ. Въ руководствахъ законопостановленій открыто или сокровенно существуетъ правило: устранять сколь возможно болѣе возбужденіе сомнѣній. Хотя сомнѣніе принимается здѣсь въ смыслѣ праздныхъ требованій, а неизбѣжное поясненіе въ смыслѣ измѣненія, но съ дѣловой точки зрѣнія нельзя не замѣтить, что мелочныя поясненія затмѣваютъ главный смыслъ закона, и вольное возбужденіе сомнѣній даетъ поводъ, подъ предлогомъ недоумѣній, уклоняться отъ отвѣтственности за послѣдствія рѣшенія, испытывать терпѣніе ожидающаго и неосновательными представленіями отягощать мѣста высшія. Однако, въ видахъ самаго закона, здѣсь должны быть постановлены точныя предѣлы: или свободное возбужденіе сомнѣній, подъ отвѣтственностію за ихъ неосновательность, или ограниченіе сей свободы, но съ условіемъ бдительнѣйшаго надзора.

Повелѣніемъ 7 декабря 1827 г. воспрещено прусскимъ судамъ, при опредѣленіи лишенія дворянства, назначать тѣлесное наказаніе.

Съ перваго взгляда здѣсь естественно представляются вопросы: освобождено ли дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній? Это не подлежитъ сомнѣнію ни по точному смыслу повелѣнія 23 мая 1812 г. о назначеніи ихъ только лицамъ низшаго сословія, такъ и по особеннымъ правамъ дворянства, (точно въ семъ отношеніи впрочемъ невыраженнымъ), но въ такомъ случаѣ, на какомъ основаніи суды опредѣляли этотъ видъ наказанія и почему поводъ къ отмѣнѣ его явился не ранѣе 1827 года? Несоотвѣтствіе судебныхъ опредѣленій въ примѣненіи закона здѣсь столь же очевидно, какъ и позднее поясненіе. Точное наблюденіе обваружило бы при первомъ приговорѣ или то, что дворяне подвергались тѣлесному наказанію, или—что судебныя приговоры не исполнялись въ точномъ ихъ

ешней, и во всякомъ случаѣ—что примѣненіе закона требуетъ поясненія (18). Въ прусскомъ уложеніи впрочемъ подобныя примѣры можно указать весьма много. Мы обратимся къ уложенію австрійскому, болѣе совершенному и возьмемъ въ примѣръ самое обыкновенное и повсемѣстное преступленіе: воровство.

Воровство въ Австріи раздѣляется, между прочимъ, по количеству, по свойству кражи, по предмету ея и наконецъ по личности виновнаго; если напр. оно совершено во время пожара, изъ церкви, на 5 гульденовъ съ поля, во второй разъ, на 5 гульденовъ слугою, работниками и т. д. (§ 151—169) то оно есть преступленіе уголовное.

Мы не говоримъ ничего о случайности условій (количество); справедливость требуетъ замѣтить, что въ австрійскомъ уложеніи они менѣе приняты въ основаніе нежели въ другихъ. Здѣсь представляется другое замѣчаніе: въ 1827 г. послѣдовало объясненіе (156 § 6) что похищеніе, одѣланное учениками у своихъ мастеровъ и наставниковъ есть преступленіе, а не проступокъ. Здѣсь конечно не можетъ быть вопроса: неужели подобное воровство—какъ извѣстно весьма обыкновенное—въ первый разъ, съ 1803 г., учинено въ 1827 году? Но вопросъ е томъ: какъ наказывалось это преступленіе до 1827 года и почему, для поясненія точнаго правила закона, поводъ къ тому представился не ранѣе 24 лѣтъ по введеніи уложенія въ дѣйствіе. Замѣчаніе это получаетъ особенную важность, если мы рассмотримъ примѣненіе закона въ болѣе обширномъ кругѣ дѣйствія.

Мы означили выше, что постановленія о мѣрѣ виновности по мѣрѣ совершенія или покушенія и по мѣрѣ участія или способствованія, въ уложеніи австрійскомъ изложены весьма неопредѣленно и, кромѣ нѣкоторыхъ преступленій, выше нами означенныхъ, вообще предоставлены наукѣ или усмотрѣнію суда.

Излишне было бы говорить, что поводъ къ поясненію закона здѣсь долженъ былъ представиться непремѣнно; ибо наука и личное усмотрѣніе разнообразны и необязательны. Поводомъ сіи представлялись, но по отсутствію точнаго наблюденія, несвоевременно, а случайно и черезъ 35 лѣтъ—с покушенія, 6

верта 1838 г. и через 40 лѣтъ объ участіи — 10 июля 1843 г. и проч. (19):

Гласность суда во Франціи, ограждая единообразіе обычаев и нерѣдко смѣшивая изъясненіе закона съ предписаніями о предметахъ распорядительныхъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ и продолжительную неточность и разнообразіе въ примѣненіи закона и позднее ихъ поясненіе. Не говоря уже о безчисленныхъ разнообразныхъ частныхъ приговорахъ, приводимыхъ въ изданіяхъ французскихъ правовѣдцов Рогрона, Гели и многихъ другихъ, мы упоминаемъ, что въ уложеніи 1810—1832 года нѣтъ объясненія о поединкѣ (дуэль), столь частомъ во Франціи; нѣтъ точныхъ опредѣленій о судѣ государственныхъ преступленій и нарушеній порядка печатанія, столь многочисленныхъ и важныхъ.

Конечно, мелочная требовательность общаго и буквального единообразія приведетъ къ успіямъ несоразмѣрнымъ съ средствами, и дробностію огражденій ослабитъ существенныя условія успѣшнаго правосудія, стремясь къ недостижимому единообразію въ примѣненіи закона: хотя уклоненія и ошибки неразлучны со всякимъ дѣяніемъ, но должно стараться о возможномъ уменьшеніи ихъ или по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ, не оставляя безъ замѣчанія ошибки прошедшія и указаніемъ или обнаруженіемъ ихъ предупреждая подобныя ошибки въ будущемъ. Ошибаться извинительно, но и послѣ испытаній впадать снова въ ошибку уже менѣе извинительно, особенно если цѣль такого усилія есть огражденіе права цѣлаго сословія или точное примѣненіе закона о преступленіяхъ многочисленныхъ и часто повторяющихся.

Въ сихъ видахъ—оцѣнка закона по продолжительности его дѣйствія—разсмотрѣніе послѣдующаго развитія уложеній прусскаго, австрійскаго, французскаго и баварскаго представляетъ весьма назидательныя указанія. Прусское и баварское можно сказать совершенно измѣнены частными дополненіями, а уложеніе французское общимъ преобразованіемъ его въ 1832 г. Удержалось продолжительнѣе другихъ уложеніе австрійское. Мы не принимаемъ на себя такого разсмотрѣнія, требующаго долговременнаго изученія подробностей и непосредственнаго обращенія въ дѣлахъ суда и надзора за ихъ производствомъ и рѣшеніемъ. Какимъ бы ни были общими соединенія правосудия,

они никогда не дадутъ совершеннаго о томъ понятія, какъ бы ни была ясна и обширна книга закона, входя въ рабочія комнаты суда, въ рукахъ судей, она разлагается на мелкія части, неуловимыя для лица непосвященнаго и вполнѣ извѣстныя только изъ продолжительнаго собственнаго опыта. Многосложность изученія здѣсь увеличивается еще болѣе отъ разнообразія судебного обычая, который такъ силенъ и при отвлеченныхъ, какъ баварское, и при опытныхъ, какъ прусское, уложеніяхъ.

Мы ограничимся только указаніемъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени по изданіи и введеніи въ дѣйствіе уложенія потребовались существенныя дополненія и измѣненія. Вмѣсто постоянства, которое предполагали до такой степени, что думали *jus in eo posse finire*, законы сдѣлались зыбкими, вмѣсто вѣрности (*jus certum*) произвели опасеніе ошибокъ отъ уновленій, вмѣсто ясности и соответствія—смѣшенія и противорѣчія. Обычность получила еще болѣе свободы.

Причины такого неудовлетворительнаго состоянія и столь противоположныхъ ожиданію послѣдствій различны. Съ одной стороны ихъ должно искать въ самихъ законахъ, а съ другой—въ событіяхъ, которыми сопровождался ихъ составленіе и дѣйствіе. Впрочемъ эти послѣднія причины, на которыя уже слишкомъ часто опираются ошибочность и неумѣніе, вовсе не такъ дѣйствительны какъ первыя. Вообще слишкомъ много приписываютъ современной образованности и требуютъ во имя ея болѣе, нежели она сама требуетъ. Австрійское уложеніе явилось во время самыхъ дѣятельныхъ преобразованій и во многомъ до-сихъ-поръ соответствуетъ настоящей образованности. Въ послѣдніе годы во многихъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Пруссіи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Брауншвейгѣ почти совершенно отиѣнены тѣлесныя наказанія, и между тѣмъ въ образованнѣйшемъ государствѣ, въ Англіи, они строги и до сихъ поръ удержаны.

Вторыя причины, — неудовлетворительность самихъ уложеній — болѣе дѣйствительны и заключаются:

1. Въ существѣ самаго уложенія или введенія законовъ. Не раздѣляя мнѣнія тѣхъ, которые оспариваютъ готовность нашего времени къ уложенію законовъ (20), мы не усомнимся однако сказать, что уложеніе законовъ есть дѣло весьма труд-

ное, и что первое время дѣйствія и самыхъ лучшихъ подобныхъ сборниковъ всегда сопровождается смѣшеніями отъ уволненій, непременно болѣе еще менѣе входящихъ въ уложеніе.

2. Соединеніе собственно уложенія законовъ съ ихъ усовершеніемъ, или болѣе увеличивающее число уволненій, а съ ними — смѣшеній и противорѣчій.

3. Подчяненіе разныхъ преступныхъ дѣяній: важныхъ и неважныхъ, общихъ и особенныхъ однимъ и тѣмъ же (общимъ) условіямъ вѣднѣмости, виновности и наказуемости.

4. Включеніе предметовъ распорядительныхъ и вообще часто измѣняющихся.

5. Отсутствие удостовѣренія судебного обычая или порядка надзора.

Надобно представить себѣ послѣдствія и впечатлѣніе, производимыя явленіемъ книги законовъ, уложенныхъ или сведенныхъ въ одинъ составъ. Книга эта застаеъ дѣла: въ началѣ, въ теченіи, въ созрѣніи и совершеніи. Она не отмѣняетъ для этихъ дѣлъ силы законовъ прежнихъ, а слѣдовательно не отмѣняетъ и судебного обычая. Эта тройственность закона ощущается не въ одномъ дѣлопроизводствѣ судовъ, но въ самомъ правовѣдѣніи, въ самомъ обществѣ и невольно производитъ болѣе или менѣе смѣшеніе, колебаніе, разнообразіе и недоувѣріе. Все это особенно увеличивается объемомъ новой книги законовъ, уволненіями, въ ней сдѣланными, переходными мѣрами, обыкновенно при введеніи ея принимаемыми и разнообразіемъ воззрѣній, необходимо связанныхъ со всякимъ новымъ дѣломъ и особенно съ выборомъ одного изъ трехъ правилъ (20). Время такого смѣшенія болѣе продолжительно, нежели обыкновенно полагаютъ: ибо дѣйствіе старыхъ законовъ продолжается на всѣ дѣла, до изданія уложенія возникшія и нерѣдко спустя нѣсколько лѣтъ по изданіи его возникающія, и несправедливо думаютъ, что эти затрудненія относятся только къ дѣлопроизводству: они начинаются при самомъ началѣ изслѣдованія и оставляютъ подсудимаго съ нерѣшительности и опасенійхъ до самаго окончанія суда, такъ что въ виду этой зыбкости закона невольно приходитъ мысль, неоднократно и прежде выраженная, что уголовное правосудіе есть право или мѣра распорядительная.

Но сія временная неудобства не столько важны, какъ истекающія изъ самаго существа уложеній, отъ принятаго порядка составленія и усовершенія ихъ.

Каковъ бы ни былъ порядокъ составленія и усовершенія уложеній, работа эта, по свойству своему, требуетъ болѣе или менѣе измѣненій и уволненій значительныхъ и рѣдко совершенно сообразныхъ съ дѣйствительностію: ибо уложеніе само по себѣ есть отвлеченіе. Связь частей необходимо приводитъ къ общимъ положеніямъ; соглашеніе разныхъ законовъ, отсутствіе котораго при совмѣстномъ уложеніи ихъ такъ ощутительно, требуетъ новыхъ измѣненій, самое изложеніе закона (текстъ), чтобы уложить ихъ въ назначенныя рамы или сокращается или направляется, или переставляется или наконецъ выражается другими словами (21). Къ этимъ необходимымъ измѣненіямъ присовокупляются другія еще болѣе важныя. Не довольствуясь уложеніемъ законовъ, составители вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенуютъ ихъ или по указаніямъ опыта или—всего чаще—по требованіямъ другихъ законодательствъ и современныхъ ученій науки. Такъ думали Клейнъ, Суарезъ, Клейншродъ и Фейербахъ.

Указанія опыта есть безъ сомнѣнія вѣрнѣйшій путь исправленія и усовершенія, но токмо опыта живаго, постепенно въ примѣненіи закона открывающагося, опыта частнаго, мелкаго и потому вѣрнѣе уловимаго и выражаемаго въ законѣ, а не того собранія наблюденій и замѣчаній дѣловыхъ и ученыхъ людей, которыя имѣютъ только видъ опытнаго или дѣловаго основанія. Отдѣлевшыя отъ самыхъ дѣлъ, замѣчанія сіи становятся отвлеченіями, которыя, будучи сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ, въ разные времена и разными лицами, нерѣдко противорѣчатъ другъ другу, почти всегда односторонни и неполны и влекутъ за собою рядъ новыхъ мелочныхъ случайностей (казусовъ). Введеніе подобныхъ замѣчаній было первою причиною шаткости прусскаго и французскаго уложенія.

Несравненно важнѣе указанія видовъ уголовной предусмотрительности (политики).

Что касается до усовершенія по ученіямъ науки, то опытъ Баварскаго уложенія служитъ доказательствомъ вреднаго отъ сего послѣдствія. Уложеніе, немедленно по изданіи, потребовало поэмненій и измѣненій многочисленныхъ, ослабило судъ частнымъ обращеніемъ къ помилowanію и наконецъ подверглось основанной

переставши. Мы видим, что въ послѣдующіе годы новыя предположенія явились и являются во множествѣ и составленіе ихъ обратилось въ какое-то соревновательное занятіе. Если современныя усилія права вообще не лишены достоинствъ, то и новизна, частая новизна законовъ, ослабляя ихъ силу и постоянное дѣйствіе, — выветъ неблагоприятное вліяніе на жизнь и на полезность или твердость убѣжденій.

Достигнутыя успѣхи даютъ слишкомъ много увѣренности въ силу ума и знанія, а соревнованіе ихъ унизило высочае дѣло до поденныхъ занятій и какой-нибудь членъ палаты считаетъ себя въ состояніи дать слово закона, руководство жизни, единственно потому, что по его убѣжденію, почерпнутому изъ дневныхъ листовъ, законъ долженъ быть таковъ, хотя бы дѣйствительная жизнь была съ нимъ в несогласіи. Мысль принимается за поводъ, ожиданіе лучшаго за необходимость.

Есть очевидное несоотвѣтствіе въ смѣломъ стремленіи и желаніи опредѣлить развитіе жизни, столь разнообразное и безконечное, усиліями науки, отвлеченными предположеніями умовъ какого-либо даннаго времени, хотя бы оно и возвышалось надъ временами прошедшими. Непосвѣдныя пути, ожидающіе дальнейшее развитіе, и вотъ почему ожиданія лучшасо, принятія въ положительныя правила, такъ мало и рѣдко оправдываются, и служатъ только къ возбужденію новыхъ ожиданій.

Для вспомошествованія наукъ, въ послѣднее время, призывались гласность и совокупное участіе разсматривательныхъ собраній. Но здѣсь опытъ не подтверждаетъ ожиданій. Гласность есть огражденіе чистоты, откровенности, довѣрія, а не лучшаго изысканія истины, смущающей этимъ говоромъ и вторымъ гласности. Надвигавшая гласность сопровождала уложеніе австрійское и оно болѣе и вѣрнѣе другихъ соотвѣтствовало своему назначенію. Что касаетъ разсматривательныхъ собраній, то здѣсь въ обѣихъ крайнихъ случаяхъ: и при обзорѣ основныхъ началъ (если они могутъ быть опредѣлены) и при разборѣ частностей, не представляется перваго ручательства. Въ Саксоніи и Голландіи по несогласію съ началами предначертаній жаркія пренія остановили дѣло. Въ Баваріи предложенныя начала были приняты, собраніе перешло къ частностямъ. Здѣсь, при разсмотрѣніи частностей возникъ сильный споръ. (12-е засѣданіе въ палатѣ): возвращеніе тайно взятаго надъ присвоеннаго должно ли уничтожать наказаніе

за похищеніе? Вопросъ разрѣшенъ утвердительно и въ этомъ смыслѣ состоялся законъ объ *одномъ видѣ кражи*. Черезъ три дня, при разсмотрѣніи *другаго вида*, вопросъ разрѣшенъ отрицательно и эта ошибка отъ невниманія исправлена уже впоследствии. И какіе впрочемъ — мы повторимъ прежнее замѣчаніе — какіе частные случаи могутъ быть представлены гласностію и собраніями, которые бы не были извѣстны, точнѣе и достовѣрнѣе изъ самаго судебного опыта?

Отвлеченное составленіе предначертаній, по свойству своему одностороннее, непременно приведетъ къ нововведеніямъ, необходимость и польза которыхъ болѣе нежели сомнительны; а применимость этихъ нововведеній не можетъ имѣть вѣрнаго ручательства ни въ стройности и послѣдовательности отвлеченнаго отъ жизни построенія, ни въ гласности и въ разсмотрѣніяхъ собраній, жаркія пренія и споры которыхъ производятъ новыя требованія.

Дѣловое уложеніе законовъ (т. е. изложеніе въ случайномъ порядкѣ дѣйствующихъ, уже вошедшихъ въ жизнь правилъ) одно соотвѣтствуетъ назначенію постоянной и общей книги законовъ: приведенію ихъ въ извѣстность и ясность (*jus certum*).

Такое уложеніе, чисто историческое, въ строгомъ смыслѣ едва ли возможно: ибо, какъ мы замѣтили выше, при всякомъ безъ изыятія уложеніи, необходимо допускаются разныя нововведенія. Но въ дѣловомъ; сводномъ уложеніи, этихъ нововведеній можетъ быть менѣе, нежели во всякомъ другомъ.

Совершенно различная отъ уложенія работа есть улучшенія или усовершенствованіе законовъ, соединеніе которой съ уложеніемъ ихъ такъ много даетъ поводовъ къ нововведеніямъ и чрезъ то такъ много увеличиваетъ ихъ неудобства и непримѣнность.

И здѣсь, какъ въ уложеніи законовъ, старался достигнуть усовершенствованія ихъ, преимущественно наукою. Это привело къ тѣмъ же послѣдствіямъ, которыя имѣли отвлеченныя уложенія т. е. законъ встрѣчалъ противорѣчіе, требовалъ дополненій и поясненій и наконецъ отиѣнился. И здѣсь дѣловое улучшеніе одно представляетъ вѣрный способъ достиженія: ибо оно соединяетъ въ себѣ необходимыя условія — постепенности, столь важной въ развитіи положительнаго права, и непосредственности опыта жизни, столь важнаго для соотвѣтствія закона. Су-

жественная цѣль улучшенія уложеній есть полнота, а такой цѣли путемъ умозрѣній достигнуть невозможно, потому, что всякое умозрѣніе, дополняя видный недостатокъ, приноситъ съ собою другіе: прикрывая одно отверзтіе, оно раскрываетъ многія. При томъ же вступа разъ на путь улучшенія умозрѣніями, законъ уже не останавливается и скоро улучшенія возрастаютъ до того, что число ихъ превышаетъ число самыхъ статей закона. Тогда приступаютъ, какъ въ Пруссіи, къ *новому* уложенію, или сливаютъ старыя и новыя статьи въ *новомъ* изданіи стараго закона, какъ во Франціи въ 1832 г. или вводятъ новыя статьи въ видѣ примѣчаній къ старымъ (Landrecht, издан. 1803), или наконецъ оставляютъ новыя постановленія отдѣльно отъ самаго уложенія, какъ въ Австріи и Баваріи. Изъ четырехъ сихъ видовъ, конечно третій есть наиболѣе удобный, потому-что не измѣняя книги законовъ, онъ указываетъ каждому дополненію принадлежащее ему мѣсто въ общемъ составѣ. Самое неудобное есть оставленіе новыхъ постановленій отдѣльно отъ общаго закона: здѣсь непременно явится смѣшеніе въ ихъ примѣненіи и несогласіе новыхъ законовъ съ старыми. Что касается до *нового* изданія всей книги законовъ съ новымъ порядкомъ раздѣловъ, главъ и статей, то въ дѣловомъ отношеніи это производитъ разныя затрудненія и иногда торжественно съ изданіемъ новаго уложенія, какъ можно заключать изъ *perpetuae praelectionis* законовъ римскихъ. Всѣ эти виды улучшенія имѣютъ то общее неудобство, что умаляютъ существенное качество уложеній — постоянство. Неудобства эти разумѣется еще болѣе увеличиваются, если основаніемъ улучшеній будутъ приняты умозрѣнія, ослабляющія уже другое, высшее качество уложеній — положительность законовъ.

Конечно и путемъ дѣловаго усовершенствованія содержаніе уложенія со временемъ измѣнится и число дополненій возрастетъ до значительнаго количества: но возрастаніе это будетъ постепенное, немногосложное и частное, а слѣдовательно и медленное, опредѣлительное и удобно примѣняемое. Послѣднее развитіе и притомъ совокупное, по многимъ раздѣламъ вдругъ, и общее, въ основныхъ началахъ права, суть главнѣйшія причины ошибокъ, и потому замедленіе развитія, способствуя осмотрительности и ближайшему усвоенію права, существенно полезно. Оно вредитъ стройности уложеній, это правда, но стройность

есть не главное икъ законово и для него важна **жизненная тѣл-
связанности: полезностью и достоинствомъ.**

Дѣловое т. е. непосредственными явленіями жизни вызываемое усовершенствованіе важно и въ томъ отношеніи, что при правильномъ его дѣйствіи удобно соблюсти различіе въ разныхъ видахъ развитія или улучшенія: измѣненія частныя (или усовершенствованіе текущее), дополняющія статьи въ видѣ частныхъ примѣчаній, по мѣрѣ изданія сихъ измѣненій или въ известные сроки, за годъ, за два, смотря по срокамъ законодательныхъ работъ. Измѣненія общія, когда количество частныхъ потребуетъ передѣлки всего *состава* книги или новаго изданія уложенія, безъ всякихъ нововведеній, въ сроки гораздо болѣе продолжительные, такъ чтобы второе поколѣніе (черезъ двадцать пять лѣтъ) послѣ перваго изданія законовъ, могло имѣть и второе изданіе. Наконецъ третья стѣпень—измѣненіе основаній закона или составленіе новаго уложенія должно принадлежать еще болѣе продолжительному: желательно бы было, чтобы поколѣніе родилось и умерло подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же законовъ.

Австрійское и баварское уложенія остались неизмѣнными и въ новыхъ изданіяхъ. Въ 1814 г. въ Австріи издано дополненіе (Anhang) изъ 27 статей и съ того времени никакихъ особыхъ дополненій къ статьямъ уложенія не издавалось. Въ Пруссіи въ 1803 г. дополненія, въ видѣ примѣчаній, внесены въ книгу и затѣмъ она до-сихъ-поръ остается въ прежнемъ видѣ. Въ 1817 г. предположено новое уложеніе, на началахъ науки и мѣстнаго иноземнаго опыта. Предположеніе это, какъ можно было и предвидѣть, не могло быть приведено въ исполненіе и хотя въ 1832 г. оно значительно сократилось въ своихъ основаніяхъ и устремлено было особенно на уголовную часть, но до-сихъ-поръ еще не приведено къ окончанію. Такимъ образомъ препятствіями новому изданію были послѣ 1803 года: быстрыя и коренныя преобразованія 1807—1817 годовъ, требовавшія не новаго изданія, но совсѣмъ новаго уложенія; неисполнимость предположенія 1817 г., а послѣ 1832—несогласіе въ началахъ и особый порядокъ разсматривательныхъ совѣщаній.

Французское уложеніе измѣнено въ 1832 году и одинокими измѣненіями было такъ обширно, что признано необходимымъ обнародовать (послѣ составленія, 1810 г. черезъ 22 года) новое

madacie. Изъ новѣйшихъ уложеній, Баварское явилось черезъ годъ, въ Ольденбургѣ, уже въ новомъ изданіи; саксонское 1838, принятое въ разныхъ княжествахъ, четыре раза подвергалось измѣненіямъ.

Третья причина скорой измѣчивости уложеній заключается въ подчиненіи разнаго рода нарушеній общими условіямиъ.

Замѣчаніе это относится преимущественно къ прусскому и наименѣе къ австрійскому.

Такъ какъ каждый главный родъ преступленій (служебныхъ, таможенныхъ, маловажныхъ и т. п.) имѣетъ свой кругъ дѣйствій, свои особенныя свойства, то подчиненіе ихъ общими условіямиъ измѣнимости и наказуемости должно было привести къ несообразностямъ, которыя требовали или поясненій въ видѣ изъятій изъ общихъ правилъ или составленія особыхъ уложеній. Несообразности эти могли быть частію поправлены постановленіемъ, но родамъ преступленій, особымъ родамъ судопроизводства въ порядкѣ подсудности, доказательствъ и окончательнаго рѣшенія дѣлъ. Въ Австріи въ 1835 г. изданъ особый уставъ о нарушеніи правъ казенныхъ доходовъ, въ Баваріи еще въ 1825 издадо положеніе о нарушеніи постановленій таможенныхъ, въ Пруссіи издааны особыя правила о преступленіяхъ по службѣ, о личныхъ оскорбленіяхъ.

Конечно такое раздробленіе вредитъ стройности книги законовъ, но стройность есть второстепенное ея достоинство и не должна быть предпочтена дѣловому удобству, ясности и точности, которыя весьма много выигрываютъ отъ правильнаго отдѣленія преступленій одного вѣдомства отъ другаго.

Еще болѣе потребовало весьма частыхъ измѣненій въ уложеніяхъ смѣшеніе предметовъ общихъ и главныхъ съ распорядительными и мелочными. Мы выше означили, или въ уложеніи прусское введены такіе предметы, которые къ суду вовсе не относятся и которые, по предметамъ своимъ, нерѣдко завясы отъ воли мѣстныхъ или главныхъ начальствъ или отъ временныхъ обстоятельствъ, измѣняются весьма часто и относятся къ благоустройству и благочинію.

Конечно желательнѣе бы было видѣть все и всякія правила въ видѣ постояннаго и стройнаго собранія: но если эти правила не могутъ быть постоянны или принадлежать другому вѣдом-

ству, то помѣщеніе ихъ въ уголовныхъ уложеніяхъ и неумѣстно и ослабляетъ постоянство книги законовъ.

Нельзя не сдѣлать здѣсь еще замѣчанія о порядкѣ введенія уложений. Образецъ всѣхъ новыхъ собраній законовъ есть безъ сомнѣнія *corpus juris civilis* или уложеніе римское, должноствовавшее заключать въ себѣ *totum jus*. Это видно и изъ самыхъ названій: *codex Justinianeus*, *constitutio Carolina*, *Theresiana*, *Fridericiana*, *Josephina*, *codex Maximilianeus*, *code Napoleon*. Въ Пруссіи предпринято тоже *totum jus*, какъ общее такъ и областное. Предпріятіе это само собою раздѣлилось и общее право (*Landrecht*) вышло по частямъ или по-крайней-мѣрѣ отдѣльно, а областныя права до-сихъ-поръ не изданы. Въ Австріи, Баваріи и Франціи уложенія о общихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ обнародованы вмѣстѣ съ уставами о судопроизводствѣ. Впослѣдствіи въ Австріи и Баваріи изданы особые уставы о нѣкоторыхъ родахъ преступленій. Въ новѣйшее время почти вездѣ уложенія о наказаніяхъ изданы отдѣльно отъ уставовъ о судопроизводствѣ, а въ Голландіи уложеніе о наказаніяхъ раздѣлилось на двѣ части: общую, уже обнародованную и частную, еще приготавливаемую. Всѣ эти раздробленія произошли случайно. Между тѣмъ случайность эта имѣла весьма полезныя послѣдствія, ибо опытъ показываетъ, что чѣмъ менѣе увлеченій и чѣмъ ограниченнѣе эти увлеченія, тѣмъ менѣе затрудненій и тѣмъ удобнѣе усвоеніе нововведеній, потому многіе предпочитаютъ и мы не остановимся предложить введеніе новыхъ обширныхъ уложений не въ полномъ составѣ и не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Такимъ образомъ предварительное обнародованіе общей части, какъ въ Голландіи, приготовило бы постепенное введеніе разныхъ отдѣленій второй или особенной части. Такое отдѣльное введеніе, давая возможность неспѣшно и отчетливо заниматься работою составленія, способствуетъ удобнѣйшему устройству новаго порядка, и вмѣстѣ то важное достоинство, что ошибки, недосмотры и несообразности, обнаруженныя при введеніи одной части, легко и съ существенною пользою могли бы быть исправлены въ послѣдующихъ, не производя никакихъ недоумѣній и замѣшательствъ. Такъ отвратились бы многіи изъ тѣхъ затрудненій, описываемыхъ Миттермайеромъ (*Strafsgtzgung*, ч. II.) которыя замѣчены въ дѣйствиіи позднѣйшихъ (1838—1842) уложений.

Но, всѣ сіи мѣры, утверждая постоянство, опредѣленность и у-

добество введенія уложеній, еще недостаточны для установленія должнаго единообразія въ правосудіи, нарушаемаго и при дѣйствіи самаго подробнаго уложенія *судебнымъ обычаемъ*.

Исторія всѣхъ законодательствъ показываетъ, что при всей дробности и точности законовъ судебный обычай является непремѣнно и овладѣваетъ тѣми немалочисленными случаями, разнообразіе которыхъ неуловимо въ положительныхъ опредѣленіяхъ закона и которыя поражаются самою его дробностію и сплетеніемъ общихъ правилъ съ частными. Первое—дробность, очевидно, въ уложеніи прусскомъ; второе—сплетеніе общихъ правилъ съ частными—въ баварскомъ.—Здѣсь, очевидно, законъ не можетъ имѣть примаго, буквальнаго примѣненія, и судъ рѣшаетъ случай *по своему соображенію*. Это соображеніе, разнообразное по основаніямъ его, есть судебный обычай т. е. усвоенный временемъ порядокъ разрѣшенія неясностей закона.

Нѣтъ сомнѣнія, и опытъ прошедшаго удостовѣряетъ, что усовершеніе законодательства наукою т. е. опредѣленіемъ общихъ правилъ и согласіе умозрительныхъ ученій уменьшаютъ пространство дѣйствія судебного обычая, но вліяніе науки можетъ устранить произволъ въ обычаѣ, а не самый обычай, согласіе же ученій есть такая степень совершенства, которой можно ожидать только въ окончательномъ развитіи науки. Посему судебный обычай всегда былъ и будетъ, и должно стремиться не къ уничтоженію его, а къ возможному удостовѣренію его правильности и единообразія.

Цѣли этой предполагали достигнуть: подробностію закона, которая въ уложеніи прусскомъ привела еще къ большимъ случайностямъ, общими опредѣленіями въ уложеніи баварскомъ, которыя, не имѣя точной связи съ частными, породили множество неясностей, учрежденіемъ блюстительной общей палаты, какъ во Франціи, и вліяніемъ науки, какъ въ уложеніи австрійскомъ по общему ученію о покушеніи и участіи, и особенно въ уложеніяхъ новѣйшихъ. Въ послѣднихъ, по настоянію правовѣдовъ, наукѣ предоставляется полная свобода, но при извѣстныхъ условіяхъ (баденское уложеніе, которыя служатъ какъ бы изъятіемъ изъ общаго правила. Здѣсь не опредѣляютъ что дѣлать, а только означаютъ чего не должно дѣлать. Начало важное, ведущее къ другому—началу гласности и всѣмъ сопровождающимъ ее послѣдствіямъ.

Мы рассмотримъ учрежденіе блюстительныхъ палатъ (*conseils de cassation*) и вліяніе умозрительныхъ или оплощенныхъ учений.

Блюстительная палата не входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу, а только наблюдаетъ за исполненіемъ обрядовъ; она не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла, а входитъ въ разсмотрѣніе ихъ только по представленію сторонъ или по жалобѣ. Изъ этого очевидно, что учрежденіе подобныхъ палатъ неполно и въ первомъ случаѣ есть нѣкоторымъ образомъ замѣнъ точныхъ доказательствъ, уступившихъ мѣсто доказательствамъ неопредѣленнымъ или нравственнымъ убѣжденіямъ, а во второмъ замѣнъ постепенности (инстанцій) суда; ограниченаго въ важнѣйшихъ дѣлахъ одною степеню. И въ томъ и другомъ случаѣ, палата ограждаетъ болѣе лица, правильность осужденій, нежели законъ или правосудіе въ полномъ смыслѣ. Первый недостатокъ—ограниченіе права палаты обрядами—старались пополнить предоставленіемъ палатѣ рѣшительнаго права по существу дѣлъ (какъ мы объяснили выше при соображен. 440 ст. франц. улож. о судопроизв.), второй недостатокъ и вообще наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона пополняется гласностію суда. Распространеніе права палаты на существо дѣлъ очевидно противорѣчитъ основанію блюстительной власти, ограниченной собственно обрядами, противорѣчитъ и независимости суда, обязаннаго, иногда вопреки своему убѣжденію, принимать указаніе палаты за непремѣнное основаніе своего рѣшенія, и въ Бельгіи взмѣнено порядкомъ болѣе соответственнымъ достоинству суда и закона (сообр. примѣчаніе 12).

Что касается гласности, то подчиненіе суда этому условію подчиняетъ убѣжденіе общественному мнѣнію со всѣмъ его непостоянствомъ, своемыслиемъ и чуждымъ для правосудія увлеченіемъ. И въ первые вѣка въ германскихъ племенахъ, народные суды были гласны. Непосредственность участія въ судѣ и управленія не могла быть гласною. Впослѣдствіи, непосредственность замѣнена представительностію или выборомъ (*Wahl*) и слѣдовательно гласность уже потеряла свое соответствіе и является уже не непосредственною, а свободною, произвольною, имѣющею конечно важныя достоинства, но еще большіе недостатки. Здѣсь неумѣстно излагать тѣ и другіе. Со введеніемъ ученаго права, судъ требовалъ людей свѣдущихъ въ правовѣдѣніи. Знаніе, понятіе закона сдѣлалось исключительностію, особымъ преимуществомъ. Разумноженіе ученыхъ, уничтоживъ

эту исключительность, перенесло законодѣніе въ болѣе обширный кругъ вѣкъ мыслящихъ и пишущихъ, число которыхъ въ Германіи весьма значительно.

На этой степенн законодѣніе стояло и стоитъ до-сихъ-поръ, готовясь распространиться во вѣхъ сословіяхъ образованныхъ или читающихъ, когда оно на границахъ запада, на Рейнѣ, столкнулось съ началомъ западнымъ—общей гласностію, развившемуся не изъ постепеннаго развитія законодѣнія во вѣхъ слояхъ общества, но изъ насильственнаго возстановленія начала непосредственности. Первое призываетъ (изъ представленію замѣчаній напредначертанія Кармера, Клейна, Цейлера, Клейншрода, Фейербаха и мн. др.) того, кто *знаетъ*, второе—всякаго, кто *хочетъ*. Немногіе призываютъ тѣхъ, кто *можетъ*, и еще менѣе тѣхъ, кто *долженъ*. Отсутствие обязательности лишаетъ гласность существеннаго свойства, по которому она могла бы называться учрежденіемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Любопытно видѣть, какъ ученая гласность Германіи, болѣе и болѣе, уступаетъ мѣсто общей французской гласности и какъ самолюбивая наука ищетъ и находитъ оправданіе такого подражанія въ древнихъ присяжныхъ судахъ, которыхъ въ Германіи никогда не было, и въ общихъ началахъ правовѣднія, которое въ Германіи было первою причиною удаленія суда и закона отъ жизни и гласности!

Помощь науки здѣсь, конечно, вѣрнѣе, нежели бюстительный неполный порядокъ съ его гласностію. Разъ взявъ въ свое вѣдомство право, наука оказала ему существенныя и незабвенныя услуги и довела уголовную часть его до такой степени, какой она никогда не имѣла ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Науки замѣнили положительный законъ, а когда онъ явился, (Каролина) она взялась уравнивать всѣ его несообразности и ограждать отъ злоупотребленій натянутого примѣненія (*visum jus*). Не было точности, не было положительности закона, но были основательность и осмотрительность. Наука смягчала жестокость закона и спасла многія жертвы, обреченныя на казнь или на мученія по приговору съ пытки или по убѣжденію изувѣрства. Наука установила ученый, весьма темный, но тѣмъ не менѣе добросовѣстный и основательный обычай судебный, въ которомъ застали правосудіе преобразованія Фридриха II, Иосифа II, Максимилиана и Наполеона (вражеской Франціи). Право полененія и истолкованія закона должно лежать самимъ законодѣль (Каролиной) и съ того времени

началось общее учрежденіе ученыхъ рѣшеній, чрезъ посылку дѣлъ въ собранія высшихъ училищъ (*Akten versendung*). Учрежденіе это, естественно, не могло уже имѣть прежняго дѣйствія по изданіи точныхъ и подробныхъ уложеній, и въ лицѣ преобразователей правосудія, особенно Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, встрѣтило открытое и прямое противодѣйствіе. Пруссія имѣла намѣреніе воспретить и часто воспрещала посылку дѣлъ на разсмотрѣніе ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ порядокъ этотъ былъ несогласенъ съ положительностію законовъ, уложенныхъ въ видѣ *Fridericianum*, *Josephinum*, *Maximilianum*, и изданныхъ именно для устраненія произвольныхъ рѣшеній. Онъ, по установившимся понятіямъ Фейербаха о законности, едва ли и возможенъ, не представляя точнаго ручательства и основываясь на свободныхъ ученіяхъ науки, можетъ быть совершенныхъ, но тѣмъ не менѣе никакою положительною отвѣтственностію не обязательныхъ. Неудовлетворительность этого порядка обнаруживалась впрочемъ изъ самыхъ рѣшеній, производившихъ соблазнъ разительностію противорѣчій. Кромѣ примѣровъ отдаленныхъ, извиняемыхъ тогдашнимъ несовершенствомъ науки, еще въ живой памяти дѣла, разными учеными собраніями (факультетами) разнообразно рѣшены. Такъ напр. дѣло о столярѣ Вендтѣ, подвергшемся отвѣтственности по подозрѣнію въ отравленіи жены своей. Онъ приговоренъ геттингенскими правовѣдами (6 ноября 1834) какъ виновный и доказанный, къ смертной казни колесованіемъ; гейдельбергскимъ (14-го января 1836 г.) какъ недоказанный, оставленъ въ подозрѣніи, а высшимъ пархимскимъ судомъ (5 февраля 1838 г.) признанъ невиновнымъ. Столь ненадежна игра ученій и личныхъ воззрѣній и притомъ въ столь важномъ дѣлѣ, грозившемъ человѣку смертію!

Важное для своего времени учрежденіе посылки дѣлъ (*Akten versendung*) не имѣло необходимыхъ качествъ прочнаго учрежденія: ни огражденной обязательности посылки, ни обязательной отвѣтственности за рѣшенія, и надобно удивляться, что оно могло такъ долго (до 1835 г.) быть терпимо при дѣйствіи новыхъ законодательствъ.

Помишлѣнію нашему, въ настоящемъ положеніи порядка суда, удовлетвореніе судебнаго обычая можетъ быть достигнуто сосредоточеніемъ полнаго надзора за его дѣйствіями, опредѣленнымъ порядкомъ посылки законовъ и дѣловою гласностію этихъ поспеш-

ній. Мы не будемъ подробно излагать здѣсь наше мнѣніе, ограничиваясь предметами и дѣлю настоящаго обозрѣнія и скажемъ, въ поясненіе общей мысли нашей только то, что *надзоръ*, по степенямъ судебныхъ учреждений, удостоверяя точное примѣненіе закона, обнаруживаетъ разнообразіе и неправильности примѣненія, а *поясненіе*, истолковывая эти неправильности, предупреждаетъ ихъ дѣловою *гласностію*, предавая оной, какъ замѣченное разнообразіе, по разнообразному понятію закона, такъ и неправильности, проистекающія отъ ошибочнаго понятія закона. Ограничивая гласность порядкомъ служебнымъ, дѣйствующимъ влѣ круга дробной и впечатлительной общественности, сосредоточенный надзоръ дѣйствуетъ обыкновенными сношеніями и оглашеніемъ сомнѣній и поясненій установленными путями: частными разрѣшеніями, если сомнѣніе неосновательно и возникло не болѣе какъ въ трехъ мѣстахъ, круговымъ сообщеніемъ, если оно возникло во многихъ, и печатнымъ объявленіемъ, если поясненіе признано необходимымъ и должно служить общимъ руководствомъ. Объясненіе, по мнѣнію нашему, должно быть общее и печатное и мы не можемъ указать причинъ, по которымъ въ Австріи и Пруссіи многія повелѣнія и сообщенія предписывались только нѣкоторымъ судамъ и доступны общему свѣдѣнію изъ частныхъ сборниковъ.

Конечно противъ этихъ предположеній можетъ быть сдѣлано обыкновенное возраженіе: что сосредоточеніе замедляетъ разрѣшеніе, что поясненіе запутываетъ понятіе и что гласность есть учрежденіе опасное. Но возраженія сіи не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Сосредоточеніе не замедлитъ движенія дѣла, если надзоръ будетъ относиться къ дѣламъ уже оконченнымъ, къ удостоверенію въ причинахъ, останавливающихъ докладъ и разрѣшеніе, и къ непосредственному поясненію, безъ перехода дѣла по степенямъ, сомнѣній, возбужденныхъ о подсудности. Поясненіе не затемнитъ закона, если оно дѣлается осторожно, постепенно и при прямомъ участіи дѣловаго опыта. А гласность дѣйствій безопасна, если она не призываетъ участія праздности и ограничивается предметами отвѣтственныхъ обязанностей и кругомъ должностныхъ лицъ.

Впрочемъ мы не можемъ скрыть, что эти предположенія едва ли могутъ соответствовать порядку, основанному болѣе или меньше на началахъ французскихъ, которыхъ вліяніе прозвѣщаетъ и въ самомъ противорѣчій нѣтъ. Подчиненіе уголовного право-

судія стороннимъ видамъ (политичн) привело къ неустойчивому порядку, усовершенія котораго трудно ожидать, въ средѣ другого народа, уже и потому, что онъ предполагаетъ свѣдущаго судью въ каждомъ гражданѣ и соединенъ съ полною гласностію. Предположенія наши несовпаваютъ съ теми условіями и мы весьма далеки отъ того, чтобы въ дѣлахъ вѣнскихъ дѣйствій гражданина предоставлять судъ внутреннему убѣжденію и отчаиваться въ достаточности учрежденій вѣнскихъ (формальных), замѣняя ихъ нравственными. Последній—убѣжденіе нравственными—или перейдутъ или не достигнутъ настоящаго предѣла достовѣрности.

По мнѣнію нашему, уголовное право должно развиться и усовершиться независимо отъ личнаго произвола, какъ было во времена безсилія законовъ, требовавшія угрозы, утрашенія и немедленной расправы; независимо отъ ученаго права и умозрительныхъ ученій, къ помощи которыхъ оно прибѣгаетъ, при дѣйствіи законодательства римскаго, и независимо отъ общественаго мнѣнія, къ которому оно обращается мыслъ, какъ бы увѣрясь въ неудовлетворительности оградительныхъ средствъ своихъ и замѣняя опытныхъ судей присяжными, доказательство убѣжденіемъ, осторожность гласностію, достоинство выразительностію (22).

Понятіе о преступленіи, въ уложеніи прускомъ (II. 20 § 1—2) и австрійскомъ (§ 4), еще близко къ понятію о порокѣ, но какъ въ этихъ уложеніяхъ, такъ, и еще съ большою опредѣлительностію, во французскомъ и баварскомъ, преступленіемъ признается дѣяніе, означенное въ законѣ, незваніе котораго, по прускому (§ 11) иногда можетъ, а по австрійскому (§ 4) и прочимъ, уже не можетъ служить извиненіемъ. Такъ отдѣляются понятія о преступленіи и порокѣ, и послѣдній долженъ найти противудѣйствіе въ признанныхъ учрежденіи общественаго устройства.

Смѣшенное въ своихъ степеняхъ въ уложеніи прускомъ, преступленіе, въ послѣдующихъ уложеніяхъ, раздѣляется на важныя и менѣе важныя, основываясь, въ австрійскомъ, на отлученномъ ученіи объ умыслѣ и цѣли наказанія, а во французскомъ—на дѣловомъ удобствѣ судопроизводства.

Естественное дѣленіе дѣланій на преступленіе (умышленное) и проступокъ (неосторожный), на нарушеніи безразсудными (mala in se) и запрещенныя (prohibita), не дѣланія и omissiona—

еще замѣтно, но уже изглаживается, не достигнувъ опредѣленнаго развитія и точности. Особенное значеніе получаетъ преступленіе противъ печати.

Въ дальнѣйшемъ разъясненіи понятій, преступленіе (23):

То сокращается исключеніемъ однихъ видовъ изъ преслѣдованія и представленіемъ другихъ на волю частнаго лица,

То распространяется отвѣтственностію за умыселъ и разныя степени участія, и введеніемъ новыхъ видовъ запрещенія, въ огражденіе правъ государственнаго, правительственнаго и даже нравственной чистоты жизни частной.

Но извнняя преступности незнаеніемъ закона, уложеніе австрійское уже подобіе прускаго, а французское и баварское подобіе австрійскаго, опредѣляютъ условія *симвоности* и наказуемости:

Развитіемъ ученія о *смыслемости*, столь широко распространившейся кругъ свой, при неограниченномъ дѣйствіи обычая и науки и ученія о смягчающихъ обстоятельствахъ, дошедшаго, по строгости наказаній и неодобрительному мягкосердію, до произвола въ выборѣ уваженій;

Назначеніемъ пространныхъ *размотровъ* наказаній, по усмотрѣнію суда,

И *сведеніемъ* новыхъ и усовершеніемъ прежнихъ *видовъ* наказаній. Но различеніе ихъ, по различію преступленій, виновности и наказуемости, еще мало замѣтно и единообразіе наказаній, нѣсколько распространившееся *лишеніе* изъ правъ и преимуществъ, еще недостаточно измѣнено и представляется сплошнымъ въ самихъ учрежденіяхъ наказательныхъ.

Понятіе о *наказаніи* заключается въ дѣян его, въ устрашеніи, по уложеніямъ прусскому и французскому. Австрійское предполагаетъ удержать отъ дальнѣйшаго совершенія и улучшить менѣе порочнаго, а баварское надѣется даже уменьшить, если не совсѣмъ остановить склонность къ преступленіямъ.

Въ развитіи сего понятія замѣчается:

Постепенное *ослабленіе* начала *устрашенія*, отибною терзательныхъ и уродующихъ наказаній и уменьшеніе случаевъ смертной казни, почти исключительно, путемъ помилованія, а во Франціи — замѣною казни, по уменьшающимъ вѣну обстоятельствамъ.

Постепенное *смягченіе* наказаній, отибною несправедливыхъ (клевета) и позорныхъ тѣлесныхъ, и отибною особенныхъ видовъ

смертной казни. Лишенія естественныя уступили мѣсто лишеніямъ нравственнымъ.

Заботливость объ улучшеніи преступника надзоромъ и занятіями въ заключеніи, вліяніемъ покаятельныхъ тюремъ, устройствомъ особыхъ учрежденій для женщинъ и несовершеннолѣтнихъ и попеченіемъ объ устройствѣ участи, по освобожденіи отъ наказанія. Во Франціи открыта возможность возвращенія прежнихъ правъ и отношеній доброю жизнью.

Положеніе преступника совершенно измѣнилось, самое наказаніе приняло другой видъ и получило другое значеніе. Переходы сіи были подъ вліяніемъ науки и общественнаго мнѣнія. Переходы сіи верѣдко были такъ противоположны, что преступникъ считался, то полезнымъ орудіемъ устрашенія, то полезнымъ работникомъ и переселенцемъ, то предметомъ состраданія, имѣющимъ право на устройство участи своей заботами общественнаго человеколюбія, то предметомъ перевоспитанія, изученія и даже сочувствія. Явленіе замѣчательное, доказывающее или несоотвѣтствіе понятія о преступленіи или несоотвѣтствіе наказанія. Конечно, много участія при семъ принимали увлеченіе, тщеславіе и праздность сострадавшихъ.

Ученіе о наказаніяхъ, въ послѣднее время, было предметомъ особеннаго вниманія частныхъ лицъ и правительствъ. Оно развито и во многихъ отношеніяхъ объяснено съ глубокомысліемъ и знаніемъ сердца; но какъ всякое отвлеченное ученіе привело на самомъ дѣлѣ къ послѣдствіямъ, которыхъ едва ли ожидать было можно. Оно утверждаетъ и на свѣдѣніяхъ точной отчетности, но свѣдѣнія сіи собирались и извлекались для доказанія пріятнаго ученія и получались изъ мѣстъ (напр. Женевы), непримѣнимыхъ къ другимъ мѣстамъ. Ученіе сіе постановило началомъ, что наказаніе должно улучшать и облагораживать преступника; за тѣмъ виновнаго оно признало заблуждающимся, а наказаніе перевоспитаніемъ, и самому уголовному праву дало значеніе какого-то нравственнаго учрежденія. Возникли вопросы: имѣетъ ли государство право лишать преступника неотчуждимыхъ принадлежностей—жизни и чести? Согласно ли понятіе о караніи съ духомъ и предписаніемъ божественнаго ученія? И какимъ образомъ обезпечить личность преступника отъ владенія въ новыя преступленія?

Не только пренія и защищенія приверженцевъ, но самое возбужденіе сихъ вопросовъ, стремилось ослабить и въ нѣкоторыхъ

случаяхъ дѣйствительно ослабило наказаніе, какъ смягченіемъ и сокращеніемъ ихъ, такъ и въ особенности (и это источникъ вреда) участіемъ въ осужденномъ и признаніемъ необходимости и, за сплѣтъ, извинительности преступленія. По соприкосновенію крайностей, какъ прежде желали, отвлечь отъ злодѣянія страхомъ, такъ потомъ надѣялись достигнуть сего внутреннимъ убѣжденіемъ, привычкою къ доброй жизни и даже наградами за добрыя дѣянія. Неудовлетворительность утрашенія привела къ поощреніямъ (24).

Мы не осмѣлимся противорѣчить высокимъ доводамъ благодушія и челоуѣколюбія, выраженныхъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ съ блескомъ и убѣдительностію отличныхъ умовъ и глубокой пронизательности. Поворотъ мнѣній должно было предвидѣть по сближенію мысли съ дѣйствіемъ, науки съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, къ чести челоуѣчества, всегда падко на изліянія благородныя и на чувствованія возвышающія, и по развитію сильнаго начала, которое можно выразить *общественнымъ ходатайствомъ* за несчастныхъ, смѣшиваемыхъ съ бѣдными и преступными: ходатайство неприванное, но тѣмъ не менѣе говорливое. Мы осмѣливаемся думать, что здѣсь, какъ и во всякомъ увлеченіи, односторонность привела къ крайностямъ и безъ сомнѣнія не замедлитъ вызвать противодѣйствіе. Отвѣтъ на вышеозначенные вопросы о правѣ государства и свойствѣ кары заключается въ самомъ существованіи оспариваемыхъ правъ, безъ дѣйствія которыхъ не могло бы быть безопасности и самаго государства. Превращать уголовное право — учрежденіе оградительное, болѣе страдательное и отрицательное, въ учрежденіе нравственное, по мнѣнію нашему, значитъ смѣшивать всѣ стхкіи развитія общества и уклонять отъ прямой цѣли назначеніе государства. Признаніе наказанія воспитаніемъ предполагаетъ признаніе всѣхъ поводовъ къ преступленію правомъ на общественное участіе и смѣшиваетъ порочность съ несчастіемъ, зависть съ заслугою, любостыжательность съ бѣдностію и произволъ съ необходимостію.

Улучшеніе и облагороживаніе должны итти другими путями. Участіе и поощреніе не водворятъ и не утвердятъ ихъ въ душахъ порочныхъ. Извоздаяніе за дѣйствительное зло не должно быть отиѣняемо, ни ослабляемо, въ ожиданіи мнимаго исправленія, ибо извоздаяніе есть долгъ, неисполненіе котораго есть тоже злоупотребленіе. Участіе къ ожидаемому и даже дѣй-

ствительному раскаянію не должно умалять отвѣтственности, мѣра которой назначается мѣрою дѣланія.

Дѣйствительность, строгость есть первое условіе наказанія. Оно соединяетъ въ себѣ возмездіе, за нарушеніе, и принужденіе къ раскаянію. И въ видахъ челоуѣколюбія, строгость, отрѣшенная отъ жестокости, представляется полезною. Не наказаніе, не строгость возмущаетъ душу, а неправосудіе и неуравнительность, позоръ и неизгладимость послѣдствій: ибо чувству преступившаго не чужды ни зависть, ни честь, ни желаніе исправленія. Онъ знаетъ, что возмездіе за нарушеніе непременно должно быть въ сей или въ будущей жизни и онъ готовъ искупить грѣхъ свой. Снисхожденіе ослабляетъ эту готовность или по-крайней-мѣрѣ рѣдко ее пробуждаетъ.

Возмездіе есть долгъ, раскаяніе есть способность возчувствія вины и возвращенія на лучшій путь жизни. Первое необходимо слѣдуетъ за дѣяніемъ, второе зависитъ отъ лица и можетъ быть и не быть. Посему непременно опредѣляя возмездіе, наказаніе не обязано и не въ силахъ опредѣлить раскаяніе: ибо опредѣливъ, оно не можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности его, а слѣдовательно и не должно предоставлять своего опредѣленія игрѣ случая, а еще менѣе обману и своемыслию (25).

Но опредѣляя возмездіе, наказаніе не должно преграждать виновному пути возвращенія: и великому грѣшнику отверзается дверь спасенія. Наказаніе не должно уничтожать дѣйствіе раскаянія и, по примѣру божественной милости, должно съ опредѣленіемъ наказанія опредѣлять и искупленіе вины, прибѣгая къ мѣрамъ безвозвратнымъ и неизгладимымъ только тогда, когда потощитъ долготерпѣніе, и закоренѣлость въ злѣ сдѣластъ преступника совершенно неисправнымъ.

Искупленіе вины и согрѣшенія цѣною продолжительныхъ попытатій, есть обѣтованная милость божественнаго учителя, и есть вмѣстѣ столько же величіе сердца, сколько и требованіе правосудія, основаннаго на христіанскихъ началахъ (26).

Въ какой мѣрѣ, замѣченныя здѣсь уклоненія и недостатки, предупреждены въ послѣдующихъ законодательствѣхъ, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго развитія уложеній прежнихъ и изъ состава и содержанія уложеній новѣйшихъ.— Тогда мы изложимъ и наши убѣжденія о пространствахъ и свойствахъ преступленій и наказаній: и объ отношеніи виновности къ наказуемости.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПРИМЪЧАНІЯ.

(1). Вообще исторія права, смотр. сочиненія: Эйхгорна — *Staats und Rechts geschichte*. Ч. 1 и 2. Россирта *System und Geschichte d. d. crim. Recht* 3 части.

О Каролинѣ: древнѣйшія извѣстныя изданія Каролинны: въ Майнцѣ, у Шефера, MDXXXIII. *Cum egragia et privilegio imperiali*; потомъ съ 1533 въ Майнцѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Вольфенбютелѣ до 1600 г. болѣе 30 изданій.

Для изученія Каролинны: *Malblank—Geschichte der pein. Grtsordnung Kaiser Carls V von ihrer Entstehung—bis auf unsere Zeit*. Нюренбергъ 1783 и Лейпцигъ, bei Laufer, 1820.

(2). Сравн. *Fredersdorf—Promptuarium der fürstlich. V. Wolf. Landesverordnungen, im Auszuge*. Брауншвейгъ 1775 — 1817, 7 частей. Повелѣніями 15 апрѣля 1636 и 20 авг. 1742 г. вѣдѣно въ обязанность строго и буквально держаться закона. Но въ одномъ постановленіи высшаго суда, 1825 года, объяснено положительно, что уголовное уложеніе измѣнено обычаемъ. Этого правила держались потомъ уже всѣ суды.

О Баделѣ: *Das badische Strafedict mit seinen Erläuterungen und Zusätzen*. Mannheim 1823. Новое уложеніе, изданіе Тило, 1845. Введенія.

(3). Еще Беконъ говорилъ объ этомъ, съ обыкновеннымъ его глубокомысліемъ, въ пространномъ сочиненіи «о достоинствѣ и приращеніи наукъ» — Кн. VIII, глав. 3 Краткое начертаніе всеобщаго правосудія и источниковъ права. Здѣсь, въ общихъ положеніяхъ (афоризмахъ) Беконъ излагаетъ законы закоповъ (*Legum leges*), и объ уложеніяхъ въ особенности говоритъ съ 59—65 положеніяхъ.

Главнѣйшимъ поводомъ спора было изданіе предначертанія прусскаго уложенія. Прочныя основанія сему положены правовѣдомъ Шлоссеромъ, развитыя въ послѣдствіи учеными законовѣдами Тибо и Савиньи (1814 г.) Болѣе самостоятельно разсматривалъ этотъ предметъ Бентамъ: *sur la codification*.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что споръ происходилъ объ уложеніяхъ общихъ и (Тибо и Савиньи) преимущественно законовъ гражданскихъ. Примѣненіе спора къ законамъ уголов-

нымъ начинается съ изданія (съ 1801 — 1813) уложенія Баварскаго Feurbach: kleine Schriften — Отдѣленія 5—6.

Къ сожалѣнiю почти всѣ возраженiя ограничиваются общими разсужденiями, рѣдко убѣдительными въ дѣловомъ отношенiи. Надобно, однако, условиться въ томъ, въ какомъ видѣ законъ соответствуетъ болѣе своему назначенiю: въ разсѣянномъ или въ сводномъ. Можетъ-быть въ рукахъ правотѣда, разсѣянность или отдѣльность законовъ болѣе способствуетъ свободному развитiю права и примѣненiю его къ частному случаю или дѣлу: но отдѣльность эта, при значительномъ числѣ законоположенiй, затрудняетъ и запутываетъ правосудiе, а для частнаго свѣдѣнiя и совѣтъ невозможна. Въ строгомъ смыслѣ историческаго ученiя, уложенiе законовъ принадлежитъ времени, но здѣсь право принимается въ смыслѣ не закона, а науки, какъ по ученiю отвлеченному—въ смыслѣ выраженiя понятiи, между тѣмъ какъ законъ есть огражденiе, которое тѣмъ лучше, чѣмъ вѣрнѣе т. е. опредѣленнѣе и извѣстнѣе.

Въ послѣднее время г. Савиньи, не ограничиваясь общими возраженiями, въ сочиненiи своемъ — «Нынѣшнее римское право, Берлинъ, 1840—1847 сдѣлалъ весьма много и прямыхъ частныхъ примѣненiй, на основанiи которыхъ онъ могъ сказать о прусскомъ уложенiи: «что если бы могли знать къ какимъ послѣдствiямъ приведетъ предпринятое уложенiе, то едва ли бы рѣшились приступить къ нему». Безъ сомнѣнiя; но въ томъ положенiи, въ которомъ правосудiе находилось до 1779 г. при строгомъ историческомъ началѣ, надобно бы было совѣтъ отказаться отъ уложенiя и предоставить судъ общему мнѣнiю правотѣдовъ (*communis doctorum opinio*). Частные недостатки здѣсь выкупаются общимъ благодѣлiемъ, тѣмъ, что есть законъ, который прежде существовалъ въ разнообразныхъ сборникахъ и листахъ или въ обычаяхъ и ученiяхъ, еще болѣе разнообразныхъ.

Объ уложенiи уголовныхъ законовъ, въ послѣднее время, болѣе другихъ писалъ Миттермайеръ (смотри ниже, примѣч. 13). Вопросъ этотъ уже рѣшенъ и рѣчь идетъ собственно о порядкѣ и составѣ уложенiй. Изъ многочисленныхъ предвѣщанiй весьма трудно указать хотя на одно, которое бы не представляло замѣчательный трудъ по чистотѣ и стройности работы, начная съ предвѣщанiя Фейербаха и оканчивая баденскимъ. Но

Большая часть ихъ имѣютъ видъ и расположеніе болѣе учебниковъ, нежели простыхъ и ясныхъ книгъ закона.

(4). О прусскихъ уголовныхъ законахъ сообр. *Temme—Handbuch des preuss. criminalrechts.* Лейпцигъ 1837. XX раздѣлъ, изданный дополненіями и изъясненіями Маннкофомъ; *aber g—versuch einer Geschichte der Strafgesetzgebung* въ изданіи—Гитцига *Zeitschrift. 1 supplement band.* отдѣлен. 1. стр. 1—205.

(5). Сравн. австрійскаго правовѣда—Маухера—*Systematich. d. oesterreich. Strafgesetzes*, Вѣна, 1844 ч. 1. стр. 12.

(6). *Lipowsky — Geschichte des bairisch Criminalrechts* 1802. Фейербаха: *Kleine Schriften*, отдѣлен. 5 и 6, стр. 133 и 153, и его же *Kritik des Kleinschrodschen Entfurfs*, 1804.

Ансельмъ фонъ-Фейербахъ, имя котораго такъ часто упоминается въ уголовныхъ сочиненіяхъ, есть, безъ сомнѣнія, глава новыхъ ученій о уголовномъ правѣ. Онъ родился въ Франкфуртѣ 14 ноября 1775 г. учился въ Іенѣ, гдѣ и потомъ въ Килѣ былъ преподавателемъ. Перешедши въ Ландсгутъ, онъ вскорѣ получилъ порученіе составить предначертаніе уложенія для Баваріи и съ того времени, не оставляя наукъ, онъ постоянно принадлежалъ судебной службѣ. Главное начало его есть то, что основаніемъ суда о преступленіи и наказаніи, есть буквальный смыслъ закона—(*nullum crimen, nulla poena sine lege*) и что цѣль уголовного закона есть—внушить общее убѣжденіе въ непремѣнномъ послѣдствіи наказанія за преступленія и тѣмъ предупредить, чтобы въ государствѣ не было никакихъ нарушеній или преступленій. Мы говоримъ ниже о составленіи и началахъ предначертанія Фейербаха и о главнѣйшихъ его сочиненіяхъ. Первый составитель *ученаго* предначертанія, Фейербахъ испыталъ всѣ несправедливости, весьма часто къ нему неотносящіяся, болѣе какъ представитель извѣстнаго ученія, нежели виновный въ его послѣдствіяхъ.

Предначертаніе его перерабатывалось, дополнялось и измѣнялось замѣчаніями и, въ окончательномъ своемъ видѣ, не можетъ быть названо его работою.

Существенный вредъ ученаго уложенія не въ томъ, что оно неудобно въ употребленіи, съ которымъ можетъ освоить время, или недоступно для большинства общества, которое современемъ можетъ узнать его изъ учебниковъ. Вредъ этотъ важенъ, но не осазательнъ. Существенный вредъ заключается въ послѣдствіяхъ, иногда являющихся немедленно по введеніи закона

въ дѣйствіе. Такъ напр. по дѣйствию баварскаго уложенія, медленно число преступленій возросло, по 315 и 411, о сопрѣтвленіи, самоубиствѣ, 420, о разбѣѣ (сообр. Миттермайеръ *Strafgesetzbuch*, ч. 1 стр. 20—24 и ч. II стр. 179 и слѣд.) Но это умноженіе числа преступленій, отъ новизны или дробности закона, не изъ дѣйствительности составленнаго, сопровождалось тѣмъ, что по всякому случаю заводилось особое дѣло, требовавшее особыхъ расходовъ, особыхъ занятій, силъ и денегъ, и — что всего важнѣе — по каждому случаю, привлекались люди къ отвѣтственности, къ свидѣтельству, неся отъ того убытки, безпокоюсь и подвергаясь всѣмъ неприятностямъ, съ подобными случаями соединеннымъ.

Обозрѣніе отчетовъ въ этомъ отношеніи за извѣстное пространство времени можетъ представить достѣйный предметъ изученія, и мы сожалѣемъ, что за неизмѣнностію ихъ должны ограничиться этими краткими указаніями, заимствованными изъ сочиненія Миттермайера.

(7). Эти второстепенные сборники довольно многочисленны. Мы укажемъ на главнѣйшія:

Hessen-Darmstadt peinliche Gerichtsordnung 1726. Это принятое къ мѣстности уложеніе Карла V.

Criminal-Instruction ^{30 Апрель}_{11 Мая} 1763, Георга II, для Ганновера. Это, по мнѣнію правовѣда Захаріе (*Gebrechen und Reform d. deutsch, Strafverfahren*, 1846) до сихъ лучшее собраніе постановленій о производствѣ. Последнее изданіе его Импера, 1841 г. Ганноверъ, дополнено новыми постановленіями, во многомъ, впрочемъ, измѣненными уложеніемъ 8 Авг. 1840 г. и полицейскимъ судомъ 19 Ноябр. 1840 г.

Württemberg. Criminal-ordnung 1732, въ Hochstetters-Extract general-Rescripte. Часть II стр. 333.

Fuerstliche Hessische peincl. ger. ordn. et cet 23 Апрель 1748, въ Клейншмидтовомъ собраніи часть 4 стр. 973.

(8). О прусскихъ уголовныхъ законахъ, сообр. повременныя изданія: Гитцига *Zeitschrift*; част. 2 тетради 1 и 3, въ особенноти статьи Ярке: *Beitraege zur Revision d. preus. gesetzgebun.* Миттермайера *Strafgesetzbuch*, Ч. 1 стр. 9.

(9). Объ австрійскомъ уложеніи — разборы Клейна и Клейншрода въ *alten archiv d. Criminalrechts*, Части 5 и 6. Вообще и тотъ и другой признають уложеніе строгимъ (указывая на статьи 16,

18, 94, 124, 170, 377, 404, а; 410, 412, 462, 465, 492) непод-
намъ (ст. 1, 5, 7, 29, 52, 92, 94, 110, 114, 122, 123, 127,
133—135, 147 и мя. друг.) и неопредѣленнымъ во многихъ слу-
чаяхъ. Клейвъ оуждаетъ однообразный порядокъ наказаній. Мы
остановились на разборѣ этихъ правовѣдовъ потому, что они
оба участвовали въ составленіи уложеній въ Пруссіи и въ Баваріи.
Сообр. различныхъ сужденій такъ же Миттермайера *Straf-
gesetzgebung* Ч. 1 стр. 11 и Ч. 2 стр. 81.

Лучшія руководства: о преступленіяхъ Вазера и еще подроб-
нѣ Маухера *Systematisches Handbuch* 1844—1845 г.; о тяжкихъ
проступкахъ Кудлера *Erglaegung des Strafgesetzes über schwer.
Polizeiübertretungen*, 1836 Вѣна.

(10). Съ самаго изданія французскаго уложенія, оно подвер-
глось строгому и нерѣдко пристрастному порицанію нѣмецкихъ
ученыхъ, въ особенности за жестокость наказанія и безразличіе
виновности по участию и покушенію. Общее осужденіе его г-мъ
Савиньи (*Beruf unserer Zeit*, стр. 56), основанное, впрочемъ, на
отзывахъ французскихъ правовѣдовъ (Крюссера, Мальвилля,
Потье) неоднократно повторенное другими государственными
правовѣдами (Кампцъ *actenmaessige Darstellung d. pr. Revision*,
Берлинъ 1842), впоследствии, при изданіи книги въ 1828 г.
смягчено знаменитымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣе, вліяніе этого
уложенія, начиная съ законовъ баварскихъ 1813 г. простирает-
ся на всѣ италіянскія, швейцарскія и вообще рейнскія государ-
ства. Впрочемъ, и въ самой Франціи дѣловые и ученые право-
вѣды находятъ въ немъ множество недостатковъ, особенно съ
того времени, какъ его стали улучшать, не измѣняя состава, част-
ными дополненіями, которые съ 1824 г. пять разъ подвергались
пересмотру. Сообр. Талландіе, Граверанъ, Ляювиль, Адольвъ
и Гели. Двое послѣдніе, чиновники высшаго судебнаго управле-
нія, издали лучшее и обширное сочиненіе: *Theorie du code pé-
nal* 8 частей, Парижъ 1837—1843 г. Это не развитіе ученій, а
болѣе историческое объясненіе содержанія и составленія уло-
женія со многими замѣчаніями, изъ дѣлъ извлеченными.

(11). Мы разумѣемъ законъ 28 Апрѣля 1832. Разныя пере-
мѣны, имъ введенныя, потребовали новаго изданія уложенія
1810 г. и вообще признаются полезными. Сообр. Миттермайера
Neue Archiv d. Criminalrecht, часть XXX, отдѣл. II и *Лгармита—
Critische Zeitschrift*. ч. IV стр. 248; такъ же *Helie — Theorie du
code*—ч. I стр. 25—28. Но введеніе *circonstances atténuantes* за-

служило порицаніе какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, какъ напр. Миттермайера—*Strfgstzgbng*, 71 стр. 108 и ч. 2 стр. 244; Гели—ч. VIII стр. 219—261; Ляюзинъ—*Sur l'administration crim.* стр. 17,

Законъ 1832 г. о обстоятельствахъ, измѣненный 9 сентября 1835 г. есть, во всякомъ случаѣ, мѣра полезная, какъ смягченіе строгости вообще наказаній и особенно не рѣдкаго примѣненія смертной казни, такъ и какъ требованіе справедливости, дозволяющее присяжнымъ говорить не только «виновать», но «болѣе или менѣе виновать», и на этомъ основаніи избавляющее ихъ прибѣгать къ оправданію, дабы не подвергнуть виновнаго несообразному наказанію: прежде изъ 100 подсудимыхъ едва 60 признавались виновными, теперь — болѣе 70. Строгость наказаній приводила къ смягченію суда, а смягченіе наказаній — къ его строгости.

Полезенъ законъ 1832 года и тѣмъ, что измѣнивъ въ существѣ опредѣленіе наказаній, онъ почти не измѣнилъ состава и самыхъ статей уложенія, что въ дѣловомъ отношеніи весьма важно.

Не говоря о злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаются изъ закона, о смягчающихъ обстоятельствахъ, и которыя относятся болѣе къ французскому порядку судопроизводства, мы должны однако замѣтить, что онъ требуетъ существенныхъ измѣненій при судѣ двухъ или нѣсколькихъ преступниковъ, т: е: въ примѣненіи къ степенямъ участія и покушенія, такъ недостаточно развитыхъ въ уложеніи. Недѣлность наказанія, здѣсь замѣчаемая, не менѣе порицательна, какъ и жестокость его, и законъ 1832 г. этому ни сколько не помогъ.

(12). Обращаемъ вниманіе на 440 ст. *Code d'instruction*, на основаніи которой, при вторичной отиѣнѣ т: е: *si le second jugement sur le fond sera attaqué par les mêmes moyens* (какъ и первое рѣшеніе), *il sera procédé selon la loi du 16 Sept. 1807* т: е: законъ подвергается поясненію и толкованію распорядительнымъ порядкомъ, *dans la forme de l'administration publique*. Этотъ законъ 1807, смѣшивавшій судъ съ управленіемъ, отиѣненъ 30 іюля 1828 когда постановлено: и при вторичномъ рѣшеніи, судъ могъ остаться при своемъ мнѣніи, не стѣняясь отиѣною—*prononcer souverainement sans être obligé de suivre la doctrine, émise par la cour de cassation*. Законъ этотъ допускалъ право вторичной отиѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оградить независимость суда, уничтожаетъ отиѣну, давая нѣкоторымъ образомъ прешну-

щество высшему суду предъ высшимъ, блюстительнымъ. Въ 1837 г. апрѣля 1, постановлено новое правило, не менѣе крайнее и стѣснительное: si le deuxième jugement est cassé pour les mêmes motifs que le premier, le tribunal se conformera à la décision de la cour de cassation. Здѣсь очевидно противорѣчiе: la cour de cassation можетъ рѣшить дѣло по существу, sur le fond и второй судъ обязанъ принять его рѣшенiе. La forme emporte le fond. При введенiи французскаго уложенiя въ Бельгiю, правило это выражено иначе: si la cour annule le second jugement, il y a lieu à l'interprétation (par le pouv. législatif). Зак. 4 авг. 1834 г. ст. 24.

(13). Весьма трудно изчислить всѣ законодательныя работы, напечатанныя пренiя разсматривательныхъ собранiй и частныхъ сочиненiя объ уголовномъ правѣ, какъ въ повременныхъ изданiяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ книгахъ и сборникахъ. Къ сожалѣнiю должно замѣтить, что не только историческое изученiе, въ родѣ Марцеоля—das Gemeine deutsche Criminalrechts als Grundlage и пр. 1841, но и пространныя сочиненiя, въ духѣ исключительныхъ ученiй написанныя, какъ Титманъ, Генке, Ярке, даютъ мѣсто или учебникамъ Мартина, Абега, Вехтера, Бауера, Гефтера, или сочиненiямъ болѣе глубокомысленнымъ, нежели обдуманымъ и обработаннымъ, какъ Россгирта, или отрывочнымъ, въ видахъ государственныхъ, уголовной предусмотрительности и отвлеченныхъ ученiй. Послѣ Фейербаха историческое изученiе осталось при одномъ ученомъ достоинствѣ и мы напрасно стали бы искать учености, вооруженной дѣловою опытностiю какого нибудь Карпцова—Practica nova rerum criminalium vit. 1638, или Клейншрода—Systematische Entwicklung d. Grundbegriffe des peinl. Rechts 1793 г. или Фейербаха. Влiенiе нинихъ началъ, пришедшихъ изъ Францiи, вторгается и въ часть судную и въ ученiя уголовныя. Историческое и самое отвлеченное ученiе болѣе и болѣе подчиняется *сравнительному*, соотвѣтственно нашему времени или по-крайней-мѣрѣ требованiямъ—часто мнимымъ—нашего времени. Сравнительное ученiе и въ сочиненiяхъ болѣе удовлетворительныхъ нежели опыты г. Ортолона, не принесутъ той положительной пользы, какой можно ожидать отъ историческаго и особенно дѣловаго.

Послѣ Бюмера (1816 г.) общее обзорѣнiе сочиненiй по уголовному праву издалъ: Фр. Каплеръ—Handbuch d. Literatur des

Grundriss und deren Hülfswissenschaften (philosophischer und medicinischer), von F. Karpler, Stuttgart, 1838. Не смотря на обширность (1215 страниц) сочинение это не может быть названо полным и не содержит въ себѣ изданій самаго дѣятельнаго пространства времени (1838—1845 г.) Оно расположено по порядку учебника Фейербаха, котораго изданіе, обогащенное дополненіями и доисправленіями Миттермайера, могло служить ему началомъ и основаніемъ.

Богатымъ источникомъ уголовного права и законовѣдѣнія служатъ сочиненія и изданія Миттермайера, имя котораго упоминается почти во всякой статьѣ и книгѣ. Тайный совѣтникъ и профессоръ Миттермайеръ родился въ августѣ 1787 г. и съ молодыхъ лѣтъ извѣстенъ трудами своими и чтеніями въ гайдельбергскомъ университетѣ, которыхъ онъ не оставилъ будучи и предсѣдателемъ баденской палаты. Если съ одной стороны трудно найти какой-нибудь предметъ права, о которомъ бы не писалъ, и всегда съ замѣчательнымъ успѣхомъ, Миттермайеръ, то съ другой стороны невозможно не изумляться и всесторонней дѣятельности его и нерѣдко современной работѣ имъ нѣсколькихъ сочиненій. Можно подумать, что всѣ сочиненія его лежатъ раскрыты въ рабочей комнатѣ, и получивъ листъ или книгу, онъ дополняетъ, измѣняетъ и вноситъ все, что относится къ предметамъ его сочиненій изъ полученнаго творенія, статьи, письма или извѣстія. Участвуя почти во всѣхъ наданіяхъ повременныхъ, издавая самъ, засѣдая въ разныхъ сѣздахъ ученыхъ, ведя постоянную обширную переписку съ людьми всѣхъ странъ, Миттермайеръ, по своему разнообразію, можетъ справедливо назваться представителемъ и еще справедливѣе — обнародователемъ (публицистомъ) современнаго уголовного права. Онъ сочинилъ и издалъ: Нѣмецкое частное право — 1821 — 1830; о судопроизводствѣ: гражданскомъ — 1820 — 1823; уголовномъ — 1810 — 1832, 1839, 1845; о доказательствѣхъ — 1809 — 1834, о защищеніи — 1820 — 1845 и мн. друг. Имя его связано съ важнѣйшими преобразованіями правосудія въ Баденѣ и въ особенности съ отдѣленіемъ правосудія отъ управленія, съ назначеніемъ широкаго размѣра въ опредѣленіи наказаній, по усмотрѣнію судей, съ различеніемъ среды науки и среды закона и др. Никто болѣе его не способствовалъ соединенію науки съ законодательствомъ, обнародованію современныхъ успѣховъ въ видѣ обзорѣ-

ній законодательства сравнительного и связи учений и ученых, опытов и последствий въ разныхъ странахъ. Пренниа издавнн его сочиненнй совершенно измѣнились въ позднѣйшихъ и учебникъ Фейербаха, въ 14 изданн, сдѣлаем обширнымъ сборникомъ, исполненнымъ не рѣдко весьма, счастливыхъ обилковнй. Изъ числа послѣднихъ его сборниковъ (изъ статей, болшое частно писанныхъ и обработанныхъ для современнхъ изданнй) по настоящему уголовному праву, замѣчательны:

1. Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, gerührt nach der Fortschritte von проч. Heidelberg. 1841 г. Въ 1843 г. оны издавъ 2 ч. Опр. собственно о преступленнхъ и наказаннхъ; по позднѣйшихъ уложеннхъ съ присовокупленнхъ нѣкоторыхъ общнхъ замѣчаннй: о порядкѣ уложенн, о судейскомъ произволѣ, о наукѣ и т. п. Нѣтъ сомнѣнн, что въ новомъ изданнн оны будутъ полнѣе въ содержанн и зрѣлѣ въ развитн подробностей.

Въ 1845 г. П. И. Дегал издавъ: Взглядъ на современное положение уголовного законодательства въ Европѣ. Цубургъ. 100 стр. in 8. Это означенн существеннхъ измѣненнй, какн одѣлены въ разныхъ государствахъ, съ историческимъ обзоромъ.

2. Die Mündlichkeit, das Anlagereincip, die Öffentlichkeit und das Geschworenengericht. 1845. Это, въ томъ же смыслѣ, какъ и первое, есть собранн свѣдѣннй и мнѣннй о устройствѣ и производствѣ суда. Издавнне о семъ сочиненн П. И. Дегалъ въ 1846 г. есть опытъ, въ строгомъ смыслѣ, сравнительнаго законодательства; подобнаго изданнн, сколько намъ извѣстно, не существуетъ нигдѣ.

Сравнительное законодательство можетъ имѣть три вида: 1. Сводъ нѣзвѣстныхъ уложеннй. Если бы точное и пространное изслѣдованн такого свода было возможно, съ сохраненнхъ нѣтъ отлѣнковъ и подробностей, то подобный трудъ могъ бы быть весьма важнымъ основаннхъ работъ и изученнй положительныхъ законодательствъ. 2. Составленнне изъ разныхъ уложеннй соответственнхъ §§, какъ сдѣлано въ Саксонн въ 1838 и въ Пруссн, по распоряженн г. Кампца. Это трудъ полезный, замѣшущнй много книгъ. Но и сводъ и составленнне, особенно послѣднее, не представнтъ даннаго уложенн въ цѣлости и послѣдовательности его ученн и развитн; они всегда будутъ, болѣе или менѣе, отрывочны. 3. Изложенн ученнй различныхъ положительныхъ законодательствъ, въ видѣ обзорн-

дній (какъ напр. Миттермайера), по мнѣнію нашему, болѣе удовлетворяетъ своему назначенію. Здѣсь изложеніе можетъ быть отчетливѣе, послѣдовательнѣе и удобнѣе записываться въ памяти. Сравнительное изученіе почти вытѣснило изученіе историческое, отъ котораго такъ много можно ожидать полезнаго.

(14). Разнообразныя ученія о цѣли наказаній, какъ безусловныя (абсолютныя), такъ и относительныя, по мнѣнію нашему, совершенно не примѣнны къ положительному праву и каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, ведетъ къ крайнимъ несообразностямъ. (Срав. ниже примѣчаніе 24). Мы полагаемъ, что огражденіе общества отъ нарушеній есть существенное назначеніе наказанія и уголовного права государства. Такъ и было всегда бываетъ, при опредѣлительныхъ основаніяхъ государства, еще незапутанныхъ отношеніями мѣста, времени и лицъ. Поэтому, не довольствуясь огражденіемъ, государство принимаетъ на себя предупрежденіе нарушеній и даже поощреніе развитія.

При сближеніи науки съ жизнью, намъ кажется, что весьма не рѣдко предполагаемая образованность и смягченіе нравовъ принимаются за дѣйствительныя и грамотность за просвѣщеніе и мы не думаемъ, чтобы устраниеніе, если оно полезно, уже неумѣстно въ наше время. Мы думаемъ, что улучшеніе преступника не относится къ уголовному праву.

(15). Mes prisons — Silvio Pellico. По мнѣнію нашему, въ сужденіяхъ объ этой книгѣ часто смѣшиваются грубость, не рѣдко даже обрядность съ жестокостію или тягостію, а преданность вѣрующаго, съ униженіемъ или безнадежностію страдающаго. Сравн. напр. Люка — Reformes des prisons ч. III. Семъ-Маркъ-Жирарденъ, Essais de litterature, статью: Silvio Pellico, и предисловія во французскихъ изданіяхъ. При подобномъ судопроизводствѣ (мы говоримъ не о личности и винѣ подсудимаго, а винѣмъ въ виду только важность преступленія), виновность есть принадлежность дѣла, судейской комнаты, а наказаніе, подсудимымъ потерпѣнное и описанное, читается вѣднѣи. Мы думаемъ, что Пеллико, рѣшившійся описать свое заключеніе, долженъ бы былъ описать и причины его и основанія обвиненія или невинности.

(16) Мы позволяемъ здѣсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ усиленіи преступленій, въ чемъ нѣкоторые обвиняютъ уголовное правосудіе, основываясь на его же отчетности.

Усиленіе преступленій не подлежитъ сомнѣнію: отчеты по управленію уголовнымъ правосудіемъ въ Пруссіи, Франціи и Англіи представляютъ тому очевидныя доказательства.

Исслѣдователи дошли до слѣдующихъ заключеній.

Число преступленій увеличивается въ несоразмѣрномъ отношеніи съ усиленіемъ народонаселенія. Такъ по изчисленію Фарен-трапа, народонаселеніе съ 1814 г. возрасло на 14%, а преступленія на 23%.

Преступность находится въ соотношеніи съ бѣдностію, а бѣдность съ средоточеніемъ богатствъ.

Въ мѣстахъ земледѣльческихъ, число преступленій несравненно менше, нежели въ тѣхъ, гдѣ занимаются на заводахъ и въ руководѣльныхъ, такъ что во Франціи напр., въ верхнерейнскомъ округѣ, изъ преступниковъ уголовныхъ приходится 1 на 2014 жителей, а въ нзерскомъ округѣ 1 на 13,037.

Число молодыхъ, несовершеннолѣтнихъ, преступниковъ значительно превышаетъ число взрослыхъ и старыхъ (разумѣется сравнительно съ общимъ числомъ ихъ населенія), такъ что въ Англіи молодыхъ 40 и даже 42%, а изъ поселенцевъ 50% всего числа преступниковъ.

Число грамотныхъ преступниковъ постоянно увеличивается. Въ Англіи не грамотныхъ было: въ 1836 г. — 33%, въ 1841 г. — 32, въ 1845 — 30. Всѣ прочіе — отъ 67 до 70% умѣли читать. Сколь не обманчивы отчетныя числа, они дѣйствительно представляютъ постоянное усиленіе числа преступленій, изъ которыхъ, по весьма многимъ, обвиненные не признаны виновными (въ Баденѣ напр. въ нижнерейнскомъ округѣ 62 изъ 100), а по многимъ и совѣтъ никого виновныхъ не открыто. Но конечно самое большое число принадлежитъ преступленіямъ, по которымъ обвиненный или потерпѣвшій не получилъ удовлетворенія. Какъ прежде въ сдѣлкахъ (*compositions*) уничтожалось наказаніе, такъ нынѣ удовлетвореніе уничтожается въ наказаніяхъ.

Но мы, съ своей стороны, думаемъ, что означенныя выше заключенія о несоразмѣрности усиленія преступленій съ усиленіемъ народонаселенія, особенно въ земледѣльческихъ и руководѣльныхъ сословіяхъ, едва ли правильны въ своихъ основаніяхъ: преступленіе не должно быть соразмѣряемо съ народонаселеніемъ, иначе, при извѣстныхъ законахъ умноженія населенія, не предполагая особенной испорченности поколѣній, можно бы было исчислять впередъ число преступленій, столь

зависимое отъ развитія обстоятельствъ. Здѣсь слѣдуетъ при-
дѣлать къ основанію не народонаселенію, но развитію требованій
и возможность ихъ удовлетворенія.

Съ этой точки зрѣнія, т. е., разсматривая требованія по ко-
личеству (народонаселенію) и качеству (значенію лицъ и сосло-
вій), Англія и Франція не представляютъ угнѣмительнаго явле-
нія. Замѣчаніе это, впрочемъ, можетъ относиться вообще ко
всѣмъ государствамъ запада, въ которыхъ развитіе переполни-
лось и нарушило равенство требованій и удовлетвореній. Мы
разумѣемъ здѣсь два явленія: уменьшеніе браковъ и усиленіе
преступленій или возрастающую безнравственность.

Уменьшеніе браковъ есть прямое доказательство уже ощущае-
мой несоразмѣрности требованій съ удовлетвореніями отъ избыт-
ка населенія, доведеннаго, поощреніями его, до бѣдности въ сред-
ствахъ содержанія, какъ это всегда бываетъ при исключитель-
ности развитія. Но здѣсь не должно винить одианъ избытокъ на-
селенія; уменьшеніе браковъ не уменьшаетъ числа рожденій. При-
чины этого заключаются въ измѣнившихся требованіяхъ, въ не-
соотвѣтствіи значеній съ назначеніями, къ которому привело по-
ощреніе или искусственность развитія, выведеннаго изъ есте-
ственныхъ границъ или условій мѣста и времени.

Что касается усиленія преступленій, то здѣсь, основываясь
на отчетныхъ числахъ, несомнѣнно должно принять, что число
преступленій увеличилось, и при томъ несоразмѣрно, съ умно-
женіемъ народонаселенія. Искать ли причину этого явленія
въ исключительной преданности человѣка вещественнымъ вы-
годамъ (Гизо), или въ тѣхъ потокахъ беззаконія, въ которыхъ
появляются «легкомысліе, законопреступныя утѣки юности,
замоснѣніе старости, забвеніе Иранысла въ счастіи, ропотъ въ
несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ тру-
долобіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія
послѣ возстанія, безличность и бездѣйствіе, свойственныя ма-
длечеству роскоши, своеволие вѣка, надменнаго мечтою преслѣ-
щенія.»

Мы не будемъ разсматривать это явленіе ни въ общемъ смы-
слѣ, ни въ отношеніи какого либо государства, какъ Англія,
Франція, гдѣ имѣются свои особенныя условія. Мы намерены
обратить вниманіе на разсмотрѣніе этого явленія въ одной обла-
сти, болѣе другихъ удаленной отъ разгара умеченій, основан-
ная, какъ ни старались дѣлать всегда, на дѣловыхъ (офенці-

адамъ) свидѣлялъ, получивши общую извѣстность. Мы помнимъ о славянскомъ совѣщаніи 1837 года въ собраніи областныхъ сословій.

Въ 1836 г. прусское правительство, усматривая вѣдомое преступленіе, требовало отъ подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ мѣстныхъ о причинахъ возрастающей безнравственности, *steigende Entsittung*, в славянскомъ собраніи по этому поводу имѣло совѣщаніе и представило свое мнѣніе и заключеніе. Въ семь мѣтин, изложенномъ въ *Landtags-Verhandlungen*, 14 Folge, Berlin. 1840; объяснено, что «иногда безнравственности или сѣмена развращенія, при отношеніяхъ настоящаго времени, безъ сомнѣнія, разсѣяны повсюду и общѣе нежели прежде, потому-что общая личная свобода, открывая неограниченное поприще соревнованія, въ приобрѣтеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ неминуя сословія всѣмъ тѣмъ опасностямъ и превратностямъ случайнаго сопряженія обетательствъ, которыя нѣрѣдко ведутъ къ нуждѣ, а нужда, въ свою очередь, ведетъ къ преступленію. По этому настоятельно необходимо изыскать средства, которыя бы могли предупредить личное пруснѣніе сѣмени зла сего. При тщательномъ попеченіи о народномъ образованіи и основаніяхъ его — церкви и училищахъ — нѣтъ недостатка въ средствахъ любви, это признано всѣми единодушно; но средства страха, столь же необходимы для удержанія семейства и народа на пути нравственности, при настоящемъ порядкѣ вещей, нельзя признать достаточными.

«Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ отношеніи юности. Освободясь отъ родительской власти и оставленное на собственный провозволъ, при совершенной свободѣ, въ нѣсколькихъ лучшаго и удобнѣйшаго, итти на всѣ четыре стороны, оно легко пріучается къ бродячей жизни и лишается отеческаго руководства и управленія въ томъ именно возрастѣ, когда развиваются страсти и укрѣпляется своеволие. Определеніе отношеній, зависимости, введеніе общественнаго устройтва, который бы распространялся на: бездомныхъ и несовершеннолѣтнихъ, увольненіе родительской и мѣстной бюстительной власти, приписаніе военныхъ законовъ къ гражданскому юности, особенно къ мастеровымъ и домашнимъ работникамъ, — вотъ мѣры, которыя могутъ противодействовать необузданности и порочному направленію молодого поколѣнія.

«Недостатокъ страха предъ закономъ и наказаніемъ, обнаружит-

дается и въ тѣхъ, которые уже вступили на путь преступлений, ибо при настоящемъ порядкѣ уголовного правосудія, злодѣяніе весьма часто вовсе не подвергается изслѣдованію, еще чаще остается недоказаннымъ и безнаказаннымъ и самое наказаніе весьма рѣдко исполняется дѣйствительнымъ образомъ.

«Доколѣ владѣльческая судная власть будетъ отвѣтствовать за уголовныя издержки, и доколѣ маловажныя нарушенія будутъ принадлежать вѣдомству общихъ судовъ, доколѣ нарушители, кромѣ развѣ важныхъ случаевъ, всегда будутъ надѣяться избѣгнуть судейскаго преслѣдованія. Такимъ образомъ совершаются незамѣтно и невозбранно первые шаги на пути преступленія и къ возрастающему порочному влеченію присоединяется утѣренность въ безнаказанности.

«Подозрительные, отъявленные преступники весьма часто не изобличаются въ злодѣяніи и остаются безъ наказанія. Причину этого должно искать въ затруднительности предписанныхъ закономъ доказательствъ, въ обрядности и медленности производства изслѣдованій, затемняющихъ истину, — въ безнаказанности лжи и заперательства, потокающей преступнику безстыдное отрицаніе сдѣланнаго прежде признанія, — въ крайне вредномъ вліяніи совмѣстнаго заключенія во время изслѣдованій, отъ чего тюрьмы превращаются въ высшія училища опытныхъ преступниковъ, — и наконецъ въ частномъ смѣшеніи понятій о участіи и преступленіи, въ судебныхъ приговорахъ.

«Исполненіе наказанія, ограничивающагося большею частію лишеніемъ личной свободы, весьма часто не имѣетъ на преступника и на другихъ никакого дѣйствія, ибо осужденный получаетъ въ тюрьмахъ лучшее содержаніе, нежели имѣлъ бы онъ, не совершивъ преступленія. Для искаженной природы это выше, нежели свобода. Только тотъ, кто близко знакомъ съ жизнью простаго народа, можетъ ясно видѣть въ какой степени положеніе преступника, при теплой укрѣпляющей пищѣ, въ отопленныхъ, убранныхъ комнатахъ, въ чистой одеждѣ, на хорошей постелѣ, при непродолжительныхъ развѣлекающихъ занятіяхъ, безъ заботъ о прокормленіи своего семейства и объ уплатѣ податей, — въ какой степени это положеніе лучше состоянія честнаго работника, который въ потѣ лица своего едва можетъ содержать себя и семейство, и которому постоянно сопутствуютъ нужда и заботы. Отъ этого происходитъ то, что преступники охотно возвращаются въ тюрьмы; число воспроизведеній, послѣ

заклученія, весьма велико и многіе умышленно совершаютъ преступленія единственно, чтобы попасть въ тюрьму.» Landtags-Verh. стр. 235 и слѣдующ.

Нельзя не отдать полную справедливость изложенному здѣсь мѣтнію, но вопросъ заключается въ томъ: искоренить ли желаемый общинный порядокъ бродяжничество, и, ограничивая его, не стѣснить ли онъ вообще словеній.

Patrimonialgerichtbarkeit, конечно, отагощена уголовными издержками и вообще неудовлетворительность уголовного правосудія въ Пруссіи очевидна.

Не будемъ говорить уже о развитіи вещественныхъ богатствъ, въ услугахъ которыхъ и обиліе рукъ и счастливые успѣхи науки и опыта представляютъ затрудненіе выбора: склады торговыхъ городовъ, общее пониженіе всѣхъ цѣнностей, обращеніе товаровъ по морямъ, каналамъ и желѣзнымъ дорогамъ свидѣтельствуютъ о могуществѣ вѣка и сторичномъ вознагражденіи его дѣятельности; мы укажемъ на развитіе въ Германіи, особенно въ Пруссіи, умственныхъ силъ, соединенное съ распространеніемъ образованія или грамотности. Поощреніе или усиленіе сего развитія дошло до того, что для желающихъ учиться нѣтъ мѣста въ существующихъ заведеніяхъ, что выучившимся нѣтъ назначенія, соотвѣтствующаго ихъ познаніямъ, и что въ ничтожномъ городкѣ или мѣстечкѣ есть доктора правъ, врачеванія, мірской мудрости (Weltweisheit), ожидающихъ пристройки (Anstellung), есть Buchhandlung съ картинными изданіями по грошу, есть Conversationsaal, casino и собраніе французскихъ повѣстей, переводовъ, подражаній и повременныхъ листовъ, ожидающіе въ Lesezimmer желающихъ знать, что дѣлается въ Калькутѣ, у Швацбергена, въ Парижѣ, въ городахъ и земляхъ, о которыхъ читающій узнаетъ въ первый и въ послѣдній разъ.

Въ «Введеніи въ исторію» (Москва 1833 г.) мы означили условія развитія, подраздѣля оное на естественное и неестественное.

Такое развитіе нельзя назвать естественнымъ: удовлетвореніе отстало отъ требованія; ибо требованіе пробудилось несамостоятельно и постепенно: значеніе несоотвѣтствуетъ назначенію: ибо первое зависитъ отъ воли, а назначеніе отъ обстоятельствъ. Такъ, въ существѣ, естественное и простое, развитіе усиленіемъ его хода вмѣсто ожидаемыхъ благъ привело къ затрудненіямъ.

Уклоненіе отъ простѣйшихъ началъ развитія, естественныхъ

и очевидныхъ, непременно должно было имѣть эти последствия. Какъ предусмотренный законъ природы, развитіе само по себе просто, а между тѣмъ, что есть простаго въ этой сложной, звукованной образованности, въ этомъ умномъ правѣ и примененной мудрости?

Совершенство, къ которому стремится человечество, находится на высокой горѣ и для скорѣйшаго достиженія его человекъ, видѣго обыкновеннаго пути, спуска въ подножіи, поворачиваетъ и тѣны и зыбкія и оттого безпрестанно колеблется и разрушается, то отъ времени, то отъ напора стремленія.

Благодушно и доблестно желать — какъ Генрихъ IV — чтобы всякій крестьянинъ имѣлъ курицу за обѣдомъ, или — какъ Фридрихъ и Иосифъ — чтобы онъ сумѣлъ читать и понимать право. Но пробужденіе сихъ требованій и поощреніе ихъ удовлетвореній пробуждаетъ другія, рѣдко удовлетворимыя, и еще рѣже основательныя.

Мы весьма далеки отъ того, чтобы роптать на повсемѣстное развитіе вещественныхъ и умственныхъ силъ: это есть непримѣнный законъ бытія, совершенствующагося расширеніемъ своихъ значеній. Но мы полагаемъ, что это развитіе должно быть естественное, т. е. должно открывать требованіе по мѣрѣ необходимости, и въ этой же необходимости обрѣтать удовлетвореніе, и сдерживаться въ предѣлахъ условій, въ которыхъ не можетъ быть никакого бытія, и забвеніе или искаженіе которыхъ, перекутыиваетъ и искажаетъ всѣ пути достиженія. Условія эти — ны не говоримъ о разныхъ второстепенныхъ — суть мѣсто и время, выражаемыя въ началахъ мѣстности и давности. Гдѣ эти условія и чтѣ съ ними сдѣлано?

Мѣстность заключается въ извѣстномъ пространствѣ, населенномъ извѣстными племенами и вообще образованности самою природою, рѣками и горами, или событіями времени, установившими единство. Конечно мѣстности должны со временемъ слиться, но не прежде, какъ по окончаніи своего мѣстнаго развитія и при томъ нутчемъ непримѣтнаго сближенія и заимственности. Когда *сооредоточеніе* этихъ мѣстностей вызвало въ Пруссіи введеніе общаго права — Landrecht — какъ мы назвали ходъ этого дѣла «въ обожреніи прусскихъ законоположеній» — мѣстныя права, долженствовавшія тому быть изданы, упали, забылись или вскопались въліціемъ общаго, точно также, какъ и во французскомъ code Napoléon. Важна верховная сооредоточеніе уже не имѣе

значительно къ мѣстности принадлежатъ (les intérêts locaux) и пользуется мѣстныя права (Provincialrechten, coutumes), не замечая ни отклоненія мѣстныхъ силъ, ни ослабленія самаго мѣстнаго дѣла дѣйствіемъ своимъ усиленнымъ. Изученіе областныхъ собраній Verhandlungen der Provinzialstaenden представляетъ этому убѣдительный примѣръ: рѣдкое предположеніе ихъ могло быть исполнено или потому, что не согласовалось съ видами общими, или потому, что требовало сраженія для введенія единообразія, или потому, наконецъ, что соревнованіемъ одной мѣстности ослаблялся другая.

Мѣстность сокращается и, можно сказать, уничтожается для сосредоточеніемъ какъ напр. дорогою въ Гамбургъ, или соревнованіемъ, какъ напр. ходатайствомъ о введеніи рейнскаго (французскаго) судебнаго порядка. Примѣръ объяснить это очевидно, и особенно примѣръ ощутительный: дороги, это прямыя линіи, сокращающія пространства. Съ востока и сѣвера три пути вели въ Гамбургъ: чрезъ Пруссію, чрезъ Любекъ и чрезъ Голштинію. Любекъ представлялся самымъ удобнѣйшимъ. Киль, соревнуя, въ 1839 г. предпринялъ построить дорогу искусственную (Kunststrasse); но едва она была окупчена, какъ въ томъ же году начата желѣзная, и въ это же время также желѣзный путь открытъ въ восточной Пруссіи, столь бѣдной обыкновенными мѣстными путями сообщеній. Соревнованіе должно уронить Любекъ, и конечно уронъ его не будетъ способствовать благосостоянію его жителей. Въ Бельгіи старыя, большія искусственныя и желѣзныя дороги четыре раза измѣняли направленіе путей: а между тѣмъ, сообразуясь съ направленіемъ ихъ, образовывались и поселенія и удовлетвореніе требованій: свозы, склады, закупки, сѣзды, которые, будучи обойдены дорогами, переносились, измѣнялись и не удовлетворяя прежнимъ, пробуждали новыя требованія.

Какъ въ развитіи силъ вещественныхъ, такъ и въ умственныхъ, уничтоженіе мѣстности имѣло важныя послѣдствія, и преимущественно этой причинѣ должно приписать подлинность или какъ замѣтно ослезное собраніе, бродячество, которое охлаждаетъ привязанность къ мѣсту рожденія; къ отчужденію и селенію прозу. Этому же должно приписать и то болѣе важное брѣженіе ума и убѣжденій, которое изъ жизни сдѣлало пруденціозное (apocryphes), а изъ положительнаго знанія опыты, и котѣ

рому, въ стремленіи его, такъ много способствуетъ отсутствію условія времени или давности.

Давность, въ свою очередь, потеряла не меньшія измѣненія. Она выражалась въ старшинствѣ, *Senes, senatus*, и въ преемственности родовъ, *gens, majoratq.* И то и другое служило ручательствомъ основательности, опытности, и то и другое имѣло опредѣленную мѣру, зависѣло не отъ людей, но отъ времени, и въ этомъ смыслѣ было вполнѣ естественно. Принятая въ значеніи совокупной или сосредоточенной опытности, замѣняемой знаніемъ, давность уступила мѣсто образованности, мѣрою которой приняты *способности*. Если естественно было видѣть въ убѣленномъ сѣдинамъ старца судію, учителя и преподавателя, то естественно ли видѣть въ этомъ санѣ юношу, хотя бы онъ владѣлъ обширнымъ запасомъ знаній? Съ началомъ давности соединена не одна совокупность опытности, но вмѣстѣ привычка и укоренившееся временемъ уваженіе, спокойствіе, даруемое продолжительнымъ навыкомъ, и безпристрастіе, приобретаемое охлажденіемъ страстей, временемъ. Какія способности замѣнять эти принадлежности?

Но недостатокъ новаго начала заключается не въ одной неестественности. Давность, какъ совокупность извѣстнаго числа лѣтъ, независимыхъ отъ случайности и произвола, имѣетъ опредѣленную, всѣмъ понятную мѣру. Какая мѣра, опредѣленная и независимая отъ произвола и случайности, можетъ существовать для способностей? Въ отвлеченномъ значеніи—какъ силы души, *facultés*—мѣра способностей зависить отъ личнаго убѣжденія, всегда шаткаго, или отъ общественнаго мнѣнія, еще болѣе своенравнаго. Въ опредѣленномъ значеніи—какъ извѣстныя принадлежности, *saracités*—способности зависять отъ случайности, и слѣдовательно ни въ томъ, ни въ другомъ значеніи не имѣютъ вѣрнаго ручательства.

Въ примѣненіи этихъ началъ къ развитію представляются послѣдствія самыя неутѣшительныя. Это какое-то стремленіе къ сокращенію, уничтоженію природы, условій естественныхъ, преждевременное возбужденіе нуждъ, преждевременное достиженіе и какая-то ранняя усталость, опередившая наслажденіе.

Невниманіе къ мѣстности производитъ лишенія, нужды и бѣдность съ одной стороны, со всѣми изъ послѣдствіями: съ другой стороны возможность скораго и случайнаго обогащенія. Но постепенное приобретеніе, не дорожа временемъ, такъ же

неостановленно и расточается. Чтò не цѣнятъ времени, тѣмъ не дорожатъ и время.

Занятъ естественнаго и мѣрнаго начала давности отвлеченнымъ началомъ способности произвелъ усилеиe стремленій къ достиженію, зависѣвшему прежде отъ лѣтъ или времени, а теперь отъ собственнаго напряженія. Это безчисленное стремленіе, при ограниченности достиженія, посоревнованіе, униженіе, зависть, клевету, столкновение, проступки и самое преступленіе. Отоутствіе мѣры, общепринятой мѣры способностей, даетъ поводъ къ возбужденію безчисленныхъ стремленій, для достиженія значеній, условіемъ которыхъ признана способность. Безмѣрность условія породила безмѣрное честолюбіе.

Новыя начала, поощряемыя славолюбіемъ, подстрекаемыя соревнованіемъ и вспомошествоемыя случайностію, конечно, подвинули развитіе быстрыми шагами, сохратя пространство, время и цѣнность, но этия самыя они умалили и трудъ достиженія или благосостоянія, и удаля отъ опредѣленныхъ условий мѣстности и давности, они ввели затрудненія и противорѣчія, которыхъ не могло быть при развитіи, менѣе быстромъ, но естественномъ. Итогъ богатствъ увеличиваетъ число требованій свыше мѣры, быстрота достиженія преслѣдуетъ стремленіе напряженнымъ соревнованіемъ и наипокъ утоленія производятъ сильнѣйшую жажду.

Нынѣ уже недостаточно имѣть куріу за обѣдомъ и выдержатъ испытаніе въ Luter's kleinen Katheschismus. Сосредоточеніе ознакомило съ роскошью, отвлеченное (сннтетическое) ученіе совокупило всѣ знанія, а открытая возможность достиженія призываетъ всѣхъ къ дѣятельности, предоставляла успѣхъ счастію, счастіе умѣнью, а умѣнье — волѣ.

Сосредоточеніе жизни и мысли, связать мѣстности прямыми линіями и свѣдя опыты вѣковъ въ общее вѣдѣніе, необыкновенно увеличило свою силу или вѣрнѣе — свои способы. Но успѣхъ этотъ только видимый и усилеіе заключается только во вѣщномъ. Внутреннее, содержаніе, этого продолжительнаго стремленія и совокупительнаго знанія весьма недостаточно и — (такова сила мѣста и времени) — даже пусто, лишено теплоты и животворнаго ея дѣйствія. Недостигшая своего развитія мѣстность и отвлеченное отъ непосредственнаго своего источника знаніе не могли войти въ это содержаніе. Отсюда, отъ внутренней пустоты этого сосредоточеннаго (сннтетич-

чеснаго) начала производить повидному странное, что въ существѣ естественное явленіе:

Гордый слогъ гусьтвѣнія языкъ, не находя въ слогамъ общаго, огорчился несаронизости языка прошедшаго, то чудно—ранше, то заблужде — вреднѣе.

Восстающая образованность общаго, мнѣшая совокупить въ себя всѣ званія, сугрѣнито изучитъ, усвоитъ и воспроизвести образованность частную и обратилась къ учению о народности, переходящему нѣрѣдко въ простонародность и, обогащенная умозрѣніями и опытами, наука выходящая изъ низкаго слоя народа и мѣтності и изучается отъ низкаго языка выражается англійской мудрость въ послѣдствіяхъ и народности, какъ нѣрѣдко является — въ народномъ вѣщаніи, какъ усовершенствіе соотношеніе — изъ народныхъ названій и понатій и т. н.

Неудовлетворительность приобретенаго свѣдѣній прикова мѣтності къ тому, съ чего должно было начать въ самомъ началѣ или во-крайней-мѣрѣ гораздо прежде.

Еще яснѣе это въ развитіи наукъ отвлеченныхъ и опытныхъ. Совокупивъ понатія о познаніи, наука общаго вѣдѣнія, а за нею и всѣ прочія, даже правовѣднѣе и исторія, въ мысляхъ писателей достигла до той степени оконченности, что, по способу наведенія и выводу понатій, неизбѣжнѣе прошедшее или будущее воспроизводилось въ опредѣленныхъ чертахъ и знаніе дѣлалось общимъ, всѣмъ доступнымъ. Между тѣмъ какъ науки опытныхъ: химія, механика, астрономія, географія и др. шагъ за шагомъ шли путемъ частныхъ наблюденій и при этой постепенности далеко оставили за собою науки, мнѣшія объять (Гегель) все пространство вѣдѣнія. Мозеръ не могъ написать оснабрюкской (мѣстной) исторіи, какъ въ тоже время Гердтеръ рѣшился опредѣлить общіе законы (философію) исторіи человечества. Усилія въ теченіе 70 лѣтъ не могли привести къ окончанію свода законовъ какой-нибудь небольшой области, какъ Плуосеръ и Тибо не остановились предначертать общее уложеніе для всей Германіи. Усилія и желанія прекрасныя, но преждевременныя и потому безполезныя, а въ приложеніи къ дѣятельной жизни даже вредныя. Сему должно приписать то, что настоящее, точное знаніе весьма рѣдко и что отвлеченные выводы потеряли довѣріе и повели науку изъ высокихъ палатъ искать своего содержанія въ пыльныхъ дѣдохранилищахъ и въ уединенномъ быту простолюдина.

Стремленіе къ непосредственности, замѣчаемое во всей дѣлительности, есть возмозжаніе путей данности и истинности; отсюда шло въ забвеніе. Намъ надо выбрать того направленіе, дома не леза и не вызывая опасенія, чтобы это направленіе не привело къ крайности т. е. чтобы недоверіе къ общему и достигнутому рѣдкимъ не перешло въ полное доверіе и истинности опираемымъ свидѣніемъ и чтобы уточненное общество дѣйствительно не образилось къ помощи словесца, природного: логаретъ и истинный именований. Стремленіе къ общему стало было сильно и забвеніе истинного тѣмъ было видно, что достиженіе сама же оправдатель ожиданіе. Истинный опытъ и по общепонимаемому порядку вещей развивается и усовершенствованъ медленнее, а при свободнѣ его еще медленнѣе. Для поворота сей шельки достаточно указать на примѣръ дорогъ въ Бельгіи: амстердамскій дорогахъ, имѣть для почти нѣтъ тѣмъ и пути сообщенія въ упадкѣ.

Сдѣтъ ограничиваемся мы въ замѣчаніяхъ нашихъ о разсужденіяхъ слезаегаго собранія.

17. Воспрониненіе называется совершеніе новаго преступленія послѣ наказанія за пражнее какое бы то ни было преступленіе или за подобное новому или одинаковое съ нимъ. При такомъ смѣненіи различнаго рода воспрониненій обыкновенно нигдѣ не означается ни черезъ сколько времени послѣ наказанія совершено новое преступленіе, ни по какимъ побужденіямъ. Безъ этихъ условій невозможно иждести никакихъ точныхъ заключеній о преступности. Притомъ, и эти не поары означенія чрезвычайнѣе неутѣрны, потому что удостовѣреніе съ воспрониненіи основывается болыною частью на показанія подсудимаго. Число ихъ безъ сомнѣнія было гораздо болѣе, если бы подсудность каждаго лица означалась въ гражданскихъ спискахъ или въ книгахъ судовій. Въ Австріи и Пруссіи одни суды объ извѣстныхъ преступникахъ сообщаютъ другимъ и ведутъ о подсудимыхъ дѣла у себя бухгалтеріи. Очевидно, или эта мѣра не можетъ вполне достигать своей цѣли и означеніе воспрониненій не имѣетъ достовѣрнаго основанія. А между тѣмъ мѣра наказанія за повтореніе преступленія весьма значительна.

Но сколько ни сомнительны эти означенія, они показываютъ, что воспрониненія весьма часты и даже неоднократно, а повторяются въсколько, иногда болѣе 10 разъ. Не говоря объ Англіи и Америкѣ, гдѣ переселенія препятствуютъ имѣть точное

свідѣніе о воспронненіи, ны укажемъ на Францію и вознемъ не отдѣль исправительныхъ преступниковъ, въ которыхъ воспронненія весьма часты, а важнѣйшихъ преступниковъ, на которыхъ обращается вся строгость закона и надзора. Изъ числа 8226 воспроннавшихся показано 1903; изъ нихъ 107 совершили преступленіе по освобожденіи отъ каторжныхъ работъ, 646 — послѣ продолжительнаго заключенія. Нѣкоторые, 192 человека, осуждены три раза, 50 человекъ — пять разъ, а 7 человекъ — девять разъ и больше. Между тѣмъ, правомъ возстановленія (rehabilitation) за доброе поведеніе воспользовались только 21 человекъ. Вообще изысканія по поводу преній о безмолнотъ и одинокомъ заключеніи, въ разныхъ государствахъ, обнаружили, что число воспроннающихся должно полагать болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ преступниковъ и что главная причина такой несправной порочности есть неудовлетворительность наказательныхъ учрежденій.

Причина эта, конечно, должна имѣть важное вліаніе, но не единственное и не главное. Безнаказанность, ослабленіе наказаній и частые случаи помилованія съ одной стороны, и человѣколюбивая попечительность о освобожденныхъ преступникахъ, вообще усиленное развитіе вещественныхъ силъ и частая случайность достиженія съ другой стороны суть общіе источники преступленій и воспронненій.

Выше, въ 16 примѣчаніи, мы изложили мысли наши о неестественности великаго усиленія или поощренія развитія, снѣшавшихъ мѣрныя условія — мѣстность и давность съ безмѣрными: сосредоточеніями и способностями.

18. Маннкопфъ : XX раздѣлъ 27. Lanrecht, издак. 1838 г. Ч. 2, стр. 30.

19. Маухеръ : Strafgesetzbuch, Ч. 1, 464 — 480. Нельзя при этомъ не замѣтить, что эти истолкованія измѣняютъ не только видъ наказанія, но и подсудность дѣла.

20. Повторяя прежнія слова наши о пользѣ и даже необходимости уложеній, какъ закона точнаго (jus certum), какъ единства, устраняющаго разбѣяность и разнообразіе, мы, въ виду чистыхъ измѣненій законовъ въ Австріи, Пруссіи и Баваріи, не можемъ не обратить вниманія на замѣчательныя слова Фольсавинья: *Verui unsrer Zeit* и проч., стр. 80, о неточности права. Слова эти, сказанныя о неточности вообще права во Франціи, могутъ быть примѣнены и къ законамъ уголовнымъ, осо-

бенно въ Пруссіи. Есть глубокое основаніе въ упорномъ отвѣтѣ лордовъ: не хотимъ измѣнять законовъ нашихъ — *poluitis leges Angliae mutare*, и въ словахъ бывшаго министра юстиціи въ Пруссіи, графа Данкельмана, сказанныхъ при разсужденіи о пересмотрѣ законовъ по несполнившему предначертанію цѣли и работъ 1817 г. (См. «прусскія законоположенія»): «Я не могу не сказать, что для меня всякій законъ важенъ уже и потому, что онъ есть.»

(21) Мы уже неоднократно имѣли случай замѣтить, что историческое уложеніе въ строгомъ смыслѣ т. е., уложеніе однихъ дѣйствующихъ законовъ безъ малѣйшихъ уновленій—совершенно невозможно, какъ невозможно и чисто отвлеченное уложеніе въ смыслѣ Бентама (*sur la codification*). Первое, какъ напр., прусское, непременно должно будетъ допустить разныя уновленія, второе, какъ баварское,—ввести многое изъ законовъ дѣйствующихъ. Совокупность уновленій съ старыми правилами, есть первый поводъ несоотвѣтствія большей части уложеній, и чѣмъ менше этого смѣшенія, тѣмъ болѣе основанія предполагать соотвѣтствіе или точность закона.

Г. Савиньи въ прежнемъ сочиненіи своемъ: *Begrif unserer Zeit* и проч. и въ послѣднемъ: Нынѣшнее римское право, Ч. 1 § 14—22 приписываетъ эти нововведенія вліянію науки. Можетъ быть это дѣйствительно была главная причина неточности прусскаго уложенія, при составленіи котораго, — какъ описываетъ одинъ изъ участниковъ, Клейнъ, — «старались слѣдовать болѣе Ульпіану и Лябсону, нежели Монтескье и Руссо, и хотя желали держаться законовъ дѣйствующихъ, но принуждены были искать основаній въ высшихъ отвлеченныхъ возрѣніяхъ» (Розгиртъ *Geschichte und System*, ч. 1 стр. 325). Но оставляя въ сторонѣ вліяніе науки, здѣсь въ историческихъ уложеніяхъ или сводахъ, болѣе дѣйствительно вліяніе самой работы: надобно уложить въ извѣстномъ порядкѣ частныя законы, распредѣлить ихъ, изложить и связать общими положеніями, которыя рѣдко бываютъ въ законахъ частныхъ, и уновленія, введеніе которыхъ тѣмъ важнѣе, что они общія и находятся въ соотношеніи со всѣми частными.

(22). Настояція обзорѣнія служатъ приготовленіемъ къ труду болѣе обширному: о ручательствахъ и огражденіяхъ уголовного правосудія, значеніе которыхъ въ настоящее время и въ Германіи готово измѣниться въ смыслѣ огражденій французскихъ. Начала сосредоточія и способности болѣе и болѣе входятъ въ

уголовныя ученія — прежде строгилъ всѣ предусмотрѣныя, опредѣлить и предназначить въ иницѣ закона: каждое дѣяніе, каждый видъ дѣянія, родъ и мѣру наказанія, осповазія, по которымъ подсудимый *долженъ* быть признанъ виновнымъ, уличеннымъ. Нынѣ предполагають, на дробя, опредѣлать общее свойство, сосредоточенное понятіе преступленія, такъ чтобы частныя виды могли быть изъ него выводимы, и предписать краткія исключенія, при соблюденіи которыхъ судъ *можетъ* признать подсудимаго виновнымъ и назначить ему то или другое наказаніе, по своему усмотрѣнію. Въсто прежнихъ огражденій вызываются новыя.

(23). Обращаемъ вниманіе на упомянутое сочиненіе Миттермайера *Strafgesetzbuch*, Ч. 1. стр. 18 — 27 и 155 — 300 и Ч. 2 стр. 1 — 80.

(24). Сообр. 14 и 16 вынесдѣлавыя примѣчанія и дополненія о цѣли наказаній и о естественномъ и искусственномъ развитіи, при посредствѣ или однихъ огражденій, или и огражденій и поощреній. Бенгамъ, *Theorie des gesomprensens*, предполагалъ награжденіемъ за добрыя дѣла усилить стремленіе къ ихъ совершенію и тѣмъ отвлечь или уменьшить стремленіе къ преступнымъ.

Ученіе о цѣли наказаній развито нѣмецкими учеными весьма подробно. Всѣ многочисленныя виды или исключительныя цѣли наказаній подводятъ подъ слѣдующіе отдѣлы относительныя и безусловныя: 1. *Nothwehr*, — самосохраненіе или оборона, въ сочиновіяхъ Шульда и Мартина;

2. *Schadenersatz*, возмѣщеніе — Велькеръ, Клейнъ, Шнейдеръ и др.

3. *Prävention*, предупрежденіе — Штибель, Грольманъ, Титманъ.

4. Устрашеніе, *Abschreckung* — Фейербахъ;

5. *Widervergeltung*, возмездіе — Кантъ, Бергъ, Захаріе;

6. *Vertrag*, ex pacto, по гражданскому союзу — Эргардъ, Флхте;

7. *Objectivirung*, порабощеніе in totum или in quantum нарушителя видамъ нарушеннаго общества, — Дрешъ;

8. *Rechts-Reaction*, воздѣйствіе или возстановленіе, — Гемке, и 9 *Erziehung*, перевоспитаніе, улучшеніе.

Сравни. впрочемъ сочиненіе тюбингенскаго правовѣда *Kritische Darstellung der Strafrechtstheorien*. Heidelb. 1829.

Излишне упоминать, что всѣ эти ученія не пригодны въ по-

ложительныхъ законахъ и, кромѣ устрашенія, принадлежать болѣе ученому развитію науки, нежели выводамъ ся изъ явленій дѣйствительности.

(25). Ученіе о покаянныхъ тюрьмахъ, объ улучшеніи или перовозитаніи преступниковъ весьма важно и должно имѣть непосредственныя послѣдствія, если примѣненіе его къ наказательнымъ учрежденіямъ будетъ сдѣлано въ пространныхъ размѣрахъ. Мы представляемъ здѣсь въ общемъ очеркѣ начало и развитіе этого ученія.

Какъ всѣ дѣловыя истины, ученія о покаяніи, улучшеніи и обезпеченіи преступниковъ, возбуждены необходимостію, явѣе обнаруживающею возгласами челоуѣколюбія. Дальнѣйшее развитіе приняла на себя наука, въ подкрѣпленіе которой явились и выводы уголовного управленія. Замѣчено, что казнь, принимаемая въ смыслъ устрашенія, не уменьшаетъ преступленій, а между тѣмъ портитъ, еще болѣе развращаетъ преступниковъ. По естественному порядку вещей, слѣдовало бы ограничиться тѣмъ, чтобы наказанія были безвредны для нравственности: отвлеченное ученіе пошло далѣе. Оно желаетъ и требуетъ, чтобы наказаніе было не только безвредно, но даже полезно для преступника. Это столкновение двухъ польвъ, общественной и личной, есть существенное затрудненіе новаго ученія, и если рѣшеніе послѣдуетъ въ видахъ послѣдней, значеніе наказаній совершенно измѣнится. Какъ прежде недовольствовались однимъ наказаніемъ, а желали отъ него или устрашенія или выгоды (отъ работъ и поселеній), такъ и теперь ищутъ въ наказаніи не одного огражденія отъ нарушеній и порчи, но и улучшенія нарушителя, и при томъ не извѣстнаго рода нарушителей, а всѣхъ и каждаго. Здѣсь замѣчается уже не ослабленіе наказаній, но рѣшительное ихъ преобразование.

Въ чемъ бы ни состояло наказаніе, оно всегда было и есть лишеніе, начинаясь назначительнымъ, напр. лишеніемъ нѣсколькихъ грошей, выговоромъ или дневнымъ заключеніемъ и оканчиваясь смертію: естественною, гражданскою и нравственною. По свойству нарушеній, лишеніе относится къ той или другой стихіи челоуѣческаго бытія, и преступленіе вымещается или на тѣлѣ, или на имуществѣ или на свободѣ виновнаго.

Постепенное развитіе стихій устанавливаетъ постепенное явленіе преступленій и наказаній, и не смотря на частыя отклоненія, вотъ, кромѣ нравственнаго (раціональнаго), историческое основаніе въ соотвѣтствіи преступленій и наказаній (res. talionis), при-

знаваемомъ знаменитыми мыслителями (Кантъ) первымъ условіемъ кары. Въ дни грубости и безначалій, главнѣйшія преступленія были: прямое посягательство на жизнь и имущество. Жизнь и имущество были и въ отвѣтъ: самоуправство требовало око за око и зубъ за зубъ; немущій отвѣчалъ чѣмъ могъ: жизнію, рабствомъ; въ увѣчьяхъ каждый членъ и каждая рана были оплачены, украденное возвращалось или возмѣщалось вполнѣ или работывалось лично.

Общимъ наказаніемъ были: за преступленія важныя — смерть, за маловажныя — денежное взысканіе.

Мелкія нарушенія мира или благочинія привели къ лишеніямъ свободы. Уже въ Каролинѣ является наказательная тюрьма — Stokhaus. Въ концѣ 16 и въ началѣ 17 столѣтія появляются дома заключенія, преимущественно рабочіе: въ Лондонѣ въ 1551 году, въ Амстердамѣ въ 1595, въ Бременѣ въ 1614, въ Гамбургѣ въ 1616, и потомъ почти во всѣхъ большихъ городахъ. Это было начало домовъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Zuchthaus, заключеніе въ которыхъ съ 1731 г. является самостоятельнымъ наказаніемъ. Съ этого времени лишеніе свободы — *Gereichtsstrafe* — болѣе и болѣе распространяется и, по разнымъ видамъ преступленій и преступниковъ, раздѣляется на разные виды: задержаніе, заключеніе и заточеніе, въ домѣ, въ тюрьмѣ, въ крѣпостяхъ, безъ работъ и съ работами, при тѣлесномъ наказаніи и безъ наказанія, въ смиренныхъ, исправительныхъ и рабочихъ домахъ.

Между тѣмъ, духовное правосудіе, независимо отъ свѣтскаго, распространило виды заключенія своимъ путемъ и обыкновенныя, по собственному произволу налагаемыя, лишенія превратило въ наказательныя, начиная отъ ссылки въ отдаленный монастырь на смиреніе (заключеніе), до пожизненнаго заточенія (затворничества), дѣлавшагося иногда погребеніемъ за-живо въ какомъ нибудь склепѣ, простенкѣ или пещерѣ. Здѣсь, цѣною постоянныхъ лишеній и самой жизни, искупалъ великій грѣшникъ или грѣшница нарушеніе обѣта или связь съ нечистою силою и заслуживалъ спасеніе въ будущемъ, не находя власти, которая бы даровала это спасеніе разрѣшеніемъ грѣха въ настоящей жизни.

Три причины, въ особенности, способствовали развитію тюремнаго заключенія: усиленіе преступленій и преступниковъ отъ умноженія народонаселенія и отъ сосредоточенія его, производшаго мѣстное обѣдненіе и частые поводы нарушеній; уменьшеніе

видовъ и случаевъ смертной казни со времени вліянія образованности и ученій Монтескье, *Esprit des lois*, и послѣдователей его въ Италіи — Беккарія, въ Германіи — Гомшеля; и ограниченное примѣненіе всѣхъ другихъ видовъ наказанія, ссылки, изгнанія, взысканія денежныхъ и наказанія тѣлесныхъ. Заключение сдѣлалось общимъ, можно сказать, единственнымъ видомъ и накопленіе, а за тѣмъ оплошное содержаніе заключенныхъ, доходило до крайности. Тюрьмы строились крѣпко, осужденные содержались небрежно, старые и молодые, важные и неважные жили вмѣстѣ. Цѣль заключенія ограничивалась удержаніемъ, опасеніе побѣга налагало цѣпи и заставляло принимать другія мѣры: особую одежду, брѣтѣ годовы, клейменіе и *одиночное* заключеніе для преступниковъ самыхъ важныхъ или принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ. Вообще положеніе тюремъ представлялось въ самомъ неудовлетворительномъ, нерѣдко отвратительномъ видѣ.

Въ одну изъ такихъ тюремъ во Франціи, попалъ случайно около 1756 г. Джонъ Говардъ, богатый Англичанинъ, умъ воспріимчивый и истинно благомыслящій другъ челоѣчества. Испытавъ все на себѣ, онъ своими глазами убѣдился въ злѣ, производимомъ тюрьмами въ подобномъ неустройствѣ. Если сообщество обыкновенныхъ людей, сосредоточенное въ городахъ и селахъ, поражаетъ разныя бѣдствія, то можно представить себя эти бѣдствія отъ сообщества людей порочныхъ, отверженныхъ и клейменыхъ. И преступленія и болѣзни заражаютъ, въ тѣсныхъ стѣнахъ заключенія, слабыхъ и здоровыхъ. Говардъ посвятилъ себя улучшенію тюремъ и съ этою цѣлію объѣхалъ и обозрѣлъ тюрьмы во всѣхъ государствахъ и представилъ англійскому правительству общее предначертаніе о ихъ преобразованіи. Оброшенное ихъ состояніе въ Англіи дѣйствительно требовало немедленныхъ улучшеній. Закономъ парламента 1779 г. предположеніе Говарда принято и введенъ новый порядокъ наказательныхъ домовъ, подъ названіемъ *penitential houses*, подобный существовавшему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на материкѣ, въ Севъ-Мшелѣ, Вильвортѣ и Гентѣ (въ 1772 г.).

Сочиненіе Говарда о тюрьмахъ вышло въ 1777 году, въ то самое время, когда отъ старой Англіи отложилась новая Англія — соединенныя государства Америки, гдѣ тюремное заключеніе получило обширное примѣненіе.

Въ настоящее время общихъ преній объ улучшенныхъ видахъ заключенія, народное тщеславіе силится доказать, что основанія

новаго ученія извѣстны были гораздо прежде: Италия, Нидерланды, Германія и Франція находятъ ихъ у себя не только въ сочиненіяхъ ученыхъ, но и на самомъ дѣлѣ. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что неудоворительное состояніе тюремъ было вездѣ ощутительно, что одиночное заключеніе, въ видѣ изытій, было вездѣ употребляемо, и что необходимость важнѣшей въ порядкѣ наказаній вообще, и въ заключеніи въ особенности, была вездѣ. Но надобно было, чтобы эти намеки и изытій получили опредѣленное значеніе и сдѣлались общими правилами.

Окончательное развитіе ученія о тюрьмахъ принадлежатъ Америкѣ, новой Англіи, гдѣ этому способствовали ученіе квакеровъ. Смертная казнь должна была уступить мѣсто смерти гражданской и нравственной и, дабы замѣвъ былъ дѣйствителенъ, соединить въ себѣ два условія: уединеніе и молчаніе. Развитіе и примѣненіе сихъ условій, не безызвѣстныхъ впрочемъ и въ Европѣ, составляетъ основаніе тюремныхъ учрежденій въ Америкѣ.

Мы не будемъ говорить о частныхъ, мѣстныхъ поводахъ преобразованія сихъ учреждений, начатаго квакерами, ни объ искусственности основныхъ началъ его, доведеннаго въ послѣдствіи, при переносеніи ихъ въ Европу, до мелочной изысканности, до игры въ NN осужденныхъ, въ клѣтки, въ дворикъ. Изысканная искусственность, прибѣгнувъ къ наукѣ, пошла еще далѣе: тайный врачебный совѣтникъ Фромъ, 11 ноября 1843, представилъ прусскому министерству особый способъ принужденія къ молчанію и отдѣленію посредствомъ изобрѣтеннаго имъ состава (пластыря), налѣчивковъ и т. п. для рта, чтобы не говорить, для глазъ, для ушей и проч. Мы обозримъ постепенное введеніе новаго ученія въ Европѣ.

Вліяніе Америки было сначала едва замѣтно и кажется первая свѣдѣнія о ея тюрьмахъ сообщены герцогомъ Ронсеку-Ліанкуротъ: *Des prisons de Philadelphie, par un Européen*, Намб. 1797, и въ сочиненіи доктора Руча: *Untersuchungen über die Wirkung der öffentlichen Strafen*, Leipz. 1792. Между тѣмъ въ Европѣ, усиліями Говарда, сдѣланъ былъ первый шагъ: вещественное улучшеніе тюремъ лучшимъ содержаніемъ и раздѣленіемъ заключенныхъ. Въ Англіи Бентамъ предложилъ новое устройство — Panopticon, 1791, въ Пруссіи — Арнимъ 1803, во Франціи — Данжу, 1821, въ Германіи — Целлеръ — *Strafanstalt als Erziehungsanstalt*, 1825, наконецъ, въ это же время, учреждена въ не-

дражаніе американскимъ, тюрьма Женевская, распространившая улучшенія и подражанія въ Лозаннѣ, Бернѣ, Базель. Около этого же времени окончательно образовались въ Америкѣ: заключеніе безмолвное, въ Нью-Йоркѣ, въ 1823 г. и заключеніе уединенное въ Филадельфій, въ 1829 г., открыты общественныя чтенія о тюрьмахъ (Юліусъ, въ Берлинѣ), составлено, какъ бы для особой науки, особое именованіе — *Gefängnisskunde*, возникли повсюду общества покровительства освобожденныхъ изъ заключенія и начинается то обиліе сочиненій, предначертаній о тюрьмахъ, которое мы видимъ въ настоящее время и дѣятельнѣйшими представителями котораго, по справедливости, могутъ назваться въ Англіи—Крофордъ, во Франціи—Моро Кристофъ, въ Германіи — Юліусъ. Наконецъ, въ половинѣ 1842 г. открыта, учрежденная на новыхъ основаніяхъ, образцовая тюрьма близъ Лондона — *Pentonville Prison* и начались дѣловыя предначертанія и дѣйствительныя постройки. Подобное же учрежденіе возведено въ Берлинѣ, предположено въ Кельнѣ, Мюнстерѣ и Кенигсбергѣ, предложено во Франкфуртѣ, пачато въ Гамбургѣ. Новыя начала приняты въ Баденѣ, въ рабочемъ домѣ въ Бруксальт; предначертаны, еще въ 1841 г., въ новыхъ законахъ, для всей Франціи, для тюремъ саксонскихъ, нидерландскихъ. Предначертаны улучшенія въ Швеціи, Давіи и др. Почти всѣ значительныя государства посылали особыхъ чиновниковъ, правовѣдовъ и строителей для обозрѣнія и описанія тюремъ въ другихъ государствахъ. Назначены съѣзды, для общаго совѣщанія, свидущихъ людей во Франкфуртѣ, въ Брюсселѣ. Подобно Говарду, Леди Элизабетъ Фри, изъ квакеровъ, съ 1816 по 1843 г. объѣхала и обозрѣла тюрьмы въ разныхъ странахъ.

Для познанія сочиненій о тюрьмахъ и разныхъ видахъ заключенія, мы обращаемъ къ обстоятельному описанію и разбору Миттермайера, въ *Archiv des Criminalrechts*, 1838, стр. 138 и слѣд., къ повременному изданію Юліуса и Фарентрапа: *Jahrbücher der Gefängnisskunde*, пачавшемуся съ 1842 г., и къ сочиненіямъ о тюрьмахъ и ихъ преобразованію: въ Англіи: Крофорда, В. Русселя и весьма подробныя служебныя донесенія (*Reports*); — во Франціи — Моро Кристофъ, Люка, Токамль; въ Пруссіи—Юліусъ, Темме и фонъ Лихтенбергъ, въ Швеціи — принцъ Оскаръ, (переводъ Трескова, съ введеніемъ Юліуса, *Ueber Strafen und Strafanstalten*, Лейпцигъ 1841 г.), въ Давіи — Дашда (переводъ Фальца); въ Бельгіи — Дюкассіо, въ Гамбургѣ — Гудвалькеръ,

въ царствѣ Польскомъ—графъ Скарбекъ, въ Швейцаріи — Обанель, Греле де Вальми, въ Вюртембергѣ — Вехтеръ, въ Франкфуртѣ и вообще — Фарентрапъ, въ Италиі — графъ Петити ди Роретто; и вообще издавія и сочиленія Юліуса, съ 1825 года постоянно занимающагося симъ предметомъ, Фарентрапа, Миттермайера, Фуше, Дюкпесіо и ин. др. Юліусъ, прежде врачъ въ Гамбургѣ, занятъ по порученію правительства, преобразованіями тюремъ въ Пруссіи. Новое ученіе о порядкѣ заключенія особенно принято съ участіемъ въ Англии, соединенныхъ государствахъ Америки, Франціи и Пруссіи, и поводомъ къ сему было неудовлетворительное состояніе высшихъ наказательныхъ учреждений: во Франціи — работъ (въ *bagnes* въ Тулонѣ, Рочфорѣ и Брестѣ), въ Англии, въ Америкѣ и Пруссіи — переселенія (*deportation*) и тюремъ. Развитіе новыхъ правилъ о заключеніи было современно съ удостовѣреніемъ недостатковъ и невозможности переселенія. Видъ сего наказанія въ Англии, есть самый многочисленный: около и болѣе $\frac{1}{2}$ преступниковъ осуждаются въ ссылку. *Deportation*, по французскому уложенію, не имѣетъ приложенія. Неудавшіяся попытки переселенія преступниковъ изъ Пруссіи въ 1802 в Мекленбурга (въ Бразилію), предложенія о введеніи сего наказанія, сдѣланныя областными собраніями въ 1825 году — были поводомъ къ принятію ученія о новыхъ тюрьмахъ въ Пруссіи. Пентонвильская тюрьма, близъ Лондона, учрежденіе которой рѣшило споръ о преимуществѣ того или другаго способа заключенія, есть собственно приготовленіе къ переселенію, а не самостоятельный видъ наказанія, и въ этомъ смыслѣ, заключеніе уединенное, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе и пользу: оно уменьшаетъ замѣченные недостатки поселеній, препровождая въ оныя людей, приготовленныхъ къ новой жизни въ новомъ ихъ отечествѣ, продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи, соединенномъ съ наставленіями нравственными и ремесленными.

Иначе смотрятъ на заключеніе принимающіе его за особый, самостоятельный видъ наказанія, по немѣннѣю мѣстъ для переселенія.

Существенное начало состоитъ, при заключеніи вообще, въ томъ, чтобы пресѣчь сообщеніе между содержащимися: ибо сообщеніе, сообщество, лишаетъ тюрьму наказательнаго свойства и нерѣдко дѣлаетъ ее мѣстомъ заразы преступленій, знакомства, сговора и дальнѣйшихъ связей преступниковъ. Такъ думали

въ концѣ XVIII столѣтія и для устраненія сего, въ Америкѣ (и частію въ Европѣ, въ Гентѣ, съ 1772 года и вообще въ заключеніи важныхъ преступниковъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ au secret или какъ сказано въ французскомъ законѣ 6 Окт. 1791 г. ст. 16 — *condamné à la gêne seule et sans communication* и проч. въ тюрьмахъ Глостерской и Глазговской,) принимаются два способа: 1) *Уединеніе* — какъ въ Питсбургѣ и Филадельфіи: преступникъ днемъ и ночью содержится въ отдельной комнатѣ, гдѣ его постель, утварь и орудія данатій. Заключенный именуется N, комнаты не имѣютъ никакого сообщенія съ другими; пользуется опредѣленнымъ часомъ прогулки по отдельному двору, присутствуетъ при богослуженіи, видя только алтарь и священника. Къ нему имѣютъ доступъ начальники и, по особому дозволенію, весьма не часто, благонадежные родственники и наставители-посѣтители. 2) *Молчаніе* какъ въ Нью-Йоркѣ. Заключенные спятъ отдельно, но обѣдаютъ, работаютъ и гуляютъ вмѣстѣ, особыми отдѣленіями, будучи обязаны всегда молчать и подвергаясь за малѣйшее нарушеніе сего правила словомъ или знакомъ, немедленно тѣлесному наказанію или темному заключенію.

Оба способа имѣютъ своихъ защитниковъ и противниковъ, но большинство голосовъ на сторонѣ уединенія. Конечно изъ двухъ крайностей оно наименьшее. Усилія защитниковъ присоединяютъ къ основнымъ началамъ разныя видоизмѣненія: порядокъ посѣщенія, ученіе, работы, поощренія, временныя дозволенія и т. п. Не говоря о противоестественности молчанія и рѣшительной невозможности пресѣченія всякаго сообщенія взглядами, знаками, мы не можемъ не обратить вниманія на искусственность самыхъ тюремъ уединенныхъ, особенно если размѣръ ихъ значителенъ, напр. на 500 и 1000 человекъ. Кельи, коридоры, переходы, часы прогулки на отдельныхъ дворикахъ, посѣщенія каждаго заключеннаго отдельно, въ самой постройкѣ тюремъ представляютъ крайнюю сложность и искусственность.

Защитники уединенія исчисляють слѣдующія его преимущества: 1. Въ уединеніи преступникъ сильнѣе чувствуетъ наказательность заключенія и 2, оно впечатлѣвается глубже и остается продолжительнѣе. При уединеніи 3, тюремное начальство имѣетъ болѣе вліянія; 4, безъ значительнаго числа надзирателей и сторожей; 5, пресѣкаетъ всякое сообщеніе, не прибѣгая къ противоестественной мѣрѣ молчанія и 6, не дѣлаясь безпре-

ставшимъ соглядатаемъ за нарушителями. 7. Работы въ увеличеніи полезѣе, нежели въ сообществѣ, производящемъ развлеченіе. 8. При уединеніи вообще болѣе вѣроятія въ нравственномъ исправленіи. 9. Болѣе возможности предупредить законство и связь по освобожденіи. Строгость такого наказанія 10, даетъ возможность сократить сроки заключенія. Нѣтъ точныхъ основаній предполагать, чтобы этотъ видъ былъ вредѣе другихъ для здоровья и въ пользѣ его удостовѣряють: извѣстные писатели, непосредственныя начальства, сами заключенные и наконецъ большее число сихъ тюремъ, противъ безмолвныхъ, въ самой Америкѣ.

Какъ замѣчено выше, споръ о преимуществѣ того или другаго способа должно считать оконченнымъ.

Онъ оконченъ въ Америкѣ, гдѣ большинство голосовъ на сторонѣ одиночнаго заключенія. Въ Европѣ этотъ споръ получалъ обширное развитіе. Въ Англіи предвѣсныя послѣдствія ссылки привели къ мысли о *приспособленіи* поселенцевъ до ссылки въ тюрьмахъ особаго устройства. Въ Бельгіи учрежденіе тюремъ безмолвнаго заключенія оказывается неудовлетворительнымъ. Въ Женевѣ, предъявлявшей права, на изобрѣтеніе особаго вида заключенія—*распределительнаго* (съ раздѣленіемъ заключенныхъ на разряды), устроена новая тюрьма одиночнаго порядка. Во Франціи, по примѣру Англіи, тотъ же порядокъ предлагается въ видѣ общей мѣры; въ Германіи, въ подражаніе Франціи, приступили къ нему разныя государства.

Но между тѣмъ, какъ Англія вводитъ новый порядокъ въ видѣ опыта, какъ мѣру приготовительную для ссыльныхъ, между тѣмъ, какъ совмѣстность двухъ тюремъ въ Женевѣ общааетъ представить доказательство превосходства того или другаго порядка, а Франція ожидаетъ съ 1841 года принятія или не принятія новаго закона о тюрьмахъ, наука обзрѣла вопросъ со всѣхъ сторонъ и почти единогласно разрѣшила его въ пользу одиночнаго заключенія.—Наука, не останавливаясь на успѣхахъ частныхъ, желала дать рѣшенію своему обязательность общаго мнѣнія, *communis doctorum opinio*, и въ этихъ видахъ, въ сентябрѣ 1846 г. съѣздъ или сеймъ, на который были приглашены и съѣхались во Франкфуртѣ на Майнѣ знатоки, ученые и любители изъ Америки, Швеціи, Норвегіи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Россіи и особенно Германіи.

Въ засѣданіи 28, 29 и 30 сентября, послѣ чтеній и разсужденій, собраніе постановило слѣдующія заключенія:

1. Лица, состоящія подѣ слѣдствіемъ, подвергаются отдѣльному или одиночному заключенію и не имѣютъ сообщенія ни между собою, ни съ другими заключенными, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда слѣдователь, по ихъ требованію, признаетъ возможнымъ дозволить имъ сообщеніе, съ соблюденіемъ правилъ, предписанныхъ на этотъ конецъ въ тюремномъ положеніи.

2. Одиночное заключеніе пріемлетъ общую мѣру въ отношеніе всѣхъ осужденныхъ, съ тѣми различіями въ усиленіи и смягченіи, которыя завнесутъ отъ вида преступленія, свойства приговора и отъ личности и поведенія заключеннаго, и должно состоять въ томъ, чтобы всякій заключенный, пребывая въ одиночествѣ, былъ занятъ полезною работою, имѣлъ каждый день движеніе на вольномъ воздухѣ, поучался или былъ поставленъ въ вѣрѣ и нравственности, присутствовалъ при богослуженіи, не видя никого кромѣ алтаря и священника, былъ посѣщаемъ духовникомъ, тюремнымъ начальникомъ, членами надзирающаго, наблюдающаго и попечительнаго обществъ, независимо отъ другихъ посѣщеній, которыя допускаются по существующему порядку.

3. Одиночное заключеніе принимается какъ къ осужденнымъ на кратковременные сроки,

4. такъ и къ подсудимымъ на продолжительные, и въ этомъ случаѣ оно соединяется со всѣми тѣми мѣрами смягченія, постепенно принимаемыми, которыя не противорѣчатъ дѣйствию общаго начала: отдѣльности заключеннаго.

5. Тѣлесно и душевно болѣзненное состояніе заключеннаго можетъ быть, по усмотрѣнію начальства, поводомъ къ принятію особыхъ мѣръ и дозволенію такому заключенному постояннаго общества, но онъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть соединенъ съ другими заключенными.

6. Введеніе одиночнаго заключенія взаи́мъ обыкновеннаго, совмѣстнаго, должно имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ сокращеніе сроковъ заключенія, опредѣленныхъ въ уголовныхъ законахъ.

7. Преобразование уголовного законодательства, положительное введеніе вышшаго надзора (inspection), непосредственнаго наблюденія въ самыхъ тюрьмахъ и основаніе попечительства объ освобождаемыхъ изъ заключенія лицахъ, долж-

ны быть необходимыми дополненіями преобразованія тюремъ »

Многое можно бы было сказать о сихъ общихъ выраженіяхъ новаго ученія, имѣющихъ въ виду болѣе преступника, нежели преступленіе, и устремляющихся уже къ преобразованію всего законодательства. При отвлеченномъ развитіи даже положительной истины, подобная односторонность, неопредѣлительность и увлеченіе, весьма обыкновенны и точное примѣненіе конечно зависитъ отъ подробныхъ предписаній мѣстнаго положительнаго закона.

Одноточность заключенія важнѣйшихъ преступниковъ принята, какъ необходимая мѣра, почти во всѣхъ положительныхъ законодательствахъ. Въ виду опыта и убѣдительныхъ разсужденій ученаго собранія, несправедливо было бы отвергать превосходство уединенія предъ молчаніемъ и не видѣть вообще полезнаго вліянія его на заключеніе, какъ видъ наказанія, особенно въ государствахъ, гдѣ порядокъ и способы наказаній недостаточны и бѣдны средствами.

Мы опасаемся однакожъ крайностей, въ которыя обыкновенно впадаютъ при осуществленіи отвлеченныхъ положеній, и именно крайностей въ развитіи наказанія, исключительно въ видахъ улучшенія преступника, и въ примѣненіи этого улучшительнаго заключенія, какъ общаго и единственнаго вида наказанія, и вмѣсто смертной казни, и вмѣсто продолжительнаго заключенія, въ сокращенныхъ срокахъ, и вмѣсто кратковременнаго задержанія. По главному свойству своему, этотъ видъ однообразенъ, не впечатлительнъ, мало дѣлимъ и сопряженъ съ накопленіемъ наказанныхъ. Для соответствія различнымъ видамъ преступленій и провинствій, онъ долженъ быть соединяемъ съ разными ограниченіями и потому келья можетъ сдѣлаться гробомъ, въ которомъ пребываніе будетъ медленная казнь, такъ-что—говоря словами римскаго закона—*sit et mors solatium et vita supplicium*.

Мы не дозволимъ себѣ охуждать ожиданіе выгодъ, съ которыми встрѣчено это нововведеніе, ни предупреждать нашихъ разборомъ тѣ улучшенія, какія могутъ быть придуманы учеными и опытными знатоками дѣла. Мы видѣли тюрьмы новаго устройства въ Гентѣ, въ Женевѣ и въ Парижѣ, *maison centrale de l'instruction correctionnelle des jeunes détenus*, и не получили убѣжденія въ пользѣ ихъ. Особенно тягостно было видѣть молодыхъ заключенныхъ въ парижской тюрьмѣ, испытыхъ, исто-

ценныхъ порокомъ, которому такъ благопріятствуетъ уединеніе. Опытъ, одинъ опытъ можетъ здѣсь представить точное удостовѣреніе. Мы желаемъ только, чтобы этотъ опытъ не привелъ къ послѣдствіямъ невозвратнымъ и худшимъ.

Точныхъ чиселъ отчетности о новыхъ видахъ заключеній, по новости дѣла, еще нѣтъ, и доколѣ новый порядокъ существуетъ въ видѣ опыта, а въ Англіи при томъ и въ видѣ приготовительной мѣры, дотолѣ противники и защитники будутъ опираться на общія разсужденія и на частныя наблюденія, всегда разнообразныя. Не говоря о возраженіяхъ противниковъ: о частыхъ случаяхъ сумасшествія, о вредномъ вліяніи на здоровье, о неудобствѣ работъ, о недостаткѣ способныхъ людей, не упоминая и объ отсылкѣ заключеннаго отъ своего круга, отъ семейства и обычныхъ занятій, мы не можемъ не изъявить опасенія, чтобы начало это не ослабило наказанія въ мѣстѣ и въ дѣйствительности, и чтобы предполагаемое улучшение не ограничилось тѣмъ временемъ, въ продолженіе котораго заключенный находится подъ вліяніемъ мѣръ принудительныхъ.

Если молчаніе, и весьма основательно, признается не естественнымъ, то и безусловное уединеніе представляетъ разныя невыгоды. Что касается между прочимъ до изученія занятій и ремеслъ, то, принимая наказаніе и въ этомъ значеніи, можно усумниться, чтобы уединеніе было непрѣмѣннымъ условіемъ занятій, тѣмъ болѣе, что при изученіи необходимо соревнованіе, въ уединеніи совершенно невозможное. Уединеніе пагубно для молодости. Она одичаетъ, озлобится, она не разовьется и преждевременно испортится привычками противоположными, и безъ обращенія съ дѣйствительною жизнью, по освобожденіи изъ заключенія, всякое общество будетъ ей тягостно, ибо время привычекъ проведено ею въ обществѣ, и особенно опасно будетъ общество порочное, противъ котораго она не можетъ имѣть и той небольшой опытности, приобрѣтаемой даже съ юности, если она возрастаетъ въ общежитіи.

Какъ во многихъ учрежденіяхъ, такъ и въ порядкѣ наказаній, удаленіе отъ природы, отъ простыхъ началъ, привело къ искусственности, мало надежной и всегда запутывающей.

Со временъ Фейербаха, уголовныя ученія, кажется, стараются превзойти одно другое въ искусственности своихъ основаній и цѣли. Важный успѣхъ развитія ученій заключается въ томъ, что къ началу Фейербаха объ устрашеніи не жестокостію, а не

избѣжностию наказанія, присоединилось убѣжденіе, что искоренить зла невозможно. Но съ этимъ убѣжденіемъ связывается другое, ему противоположное,—что наказаніе опредѣляется для исправленія виновнаго. Зло, преступникомъ совершенное, огражденіе общества, преступленіемъ нарушенное,—какъ бы несуществуютъ или оставляются въ тѣни! Какъ прежде ищенье за одно причиненное зло поглощало въ себѣ и виды общества и личность нарушителя, какъ послѣ—при дѣйствіи устрашенія—казнь поглощала и личность осужденнаго и выгоды потерпѣшаго отъ преступленія, такъ теперь личность нарушителя заглушаетъ требованія и нарушеннаго права и нарушеннаго порядка. Потерпѣвшему или обиженному недостаточно того, что преступникъ подвергнутъ наказанію, не возмѣста причиненнаго вреда; общество не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что для предупрежденія дальнѣйшихъ провиненій, приняты мѣры перевооспитаніемъ порочнаго чрезъ наказаніе. Доволенъ остается только одинъ преступникъ и мы не удивляемся выгодному отзыву нарушителей, подвергшихся улучшенному наказанію, о пользѣ заключенія. Есть очевидное противорѣчіе въ назначеніи опредѣленныхъ или положительныхъ наказаній за всѣ виды преступленій, столь разнообразныя по свойству нарушаемыхъ правъ, по способу нарушенія и личности нарушителей. Такая подвижность преступленій должна найти соответствіе и въ видахъ наказаній. Сравните, по видимому, совершенно тождественныя два дѣла, напр. о воровствѣ, подвергающемъ заключенію; изучите эти дѣла во всѣхъ ихъ дробныхъ отношеніяхъ и вы увидите, что одинаковость наказанія, по всѣмъ правиламъ точнаго правосудія слѣдующая, *similia ius* есть почти всегда *similia injuria*. Вы увидите, что украденныя суммы, по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, совершенно различны, что побужденія и поводы нарушенія и наконецъ положеніе нарушителей—тоже различны. Дальнѣйшія послѣдствія еще разительнѣе: наказаніе опредѣлено одно, и старцу, склонному къ удивленію, и юношѣ, для котораго оно есть истинная тягость, одно—лѣнивцу, на рукахъ котораго нѣтъ никакихъ обязанностей, и работнику, безъ помощи котораго жена, семейство не имѣютъ обезпеченія. Какимъ образомъ уравнивать наказаніе со всѣми этими дробностями, многочисленными и едва пзвѣстными только лицамъ, въ средѣ которыхъ проживалъ нарушитель?

Развитіе ученія о перевоспитаніи наказаніемъ чрезвычайно важно: но оно нерестукаетъ предѣлы должнаго.

Развитіе этого ученія вредитъ правосудію, сокращая виды наказаній и безъ того весьма бѣдные и мало соответствующіе разнообразію видовъ преступленія.

Въ отношеніи преступниковъ *наличныхъ*, ученіе это, подкрѣпленное общимъ участіемъ къ новости дѣла, еще можетъ быть удовлетворительно. Но наличное число увеличится и отъ общихъ причинъ усилена преступленій, и отъ сокращенія другихъ видовъ наказанія, а участіе общества не имѣетъ никакихъ качествъ постояннаго и прочнаго учрежденія: ни обязательности, ни отвѣтственности.

Въ отношеніи преступниковъ *несовершеннолѣтнихъ*, мы убѣждены въ нѣкоторой пользѣ наказанія, возбужденнаго и возбуждающаго сильныя споры во Франціи и въ Англіи, — въ пользѣ, — поселеній и въ особенности поселеній молодыхъ преступниковъ. Оно ограждаетъ общество, извергая преступника изъ среды его; оно не лишаетъ преступника возможности улучшить себя, имѣя здѣсь то преимущество, что даетъ эту возможность безъ принужденія. Оно удобнѣе, нежели другое наказаніе, соединимо съ возмѣщеніемъ частныхъ убытковъ. Оно дозволяетъ пребываніе на вольномъ воздухѣ; оно представляетъ возможность заниматься въ сообществѣ и укрѣпительныя труды земледѣлія, огородничество, садоводство, и болѣе тяжкія работы вылаки, рытья, переноски тяжестей, и внутреннія производства ремеслъ, соединить съ строгимъ содержаніемъ, съ привычкою къ исполнительности и съ пріобрѣтеніемъ познаній въ грамотѣ, счетѣ и вообще въ обязанностяхъ военной и морской службы. Если когда-нибудь наказаніе можетъ быть образовательнымъ учрежденіемъ, то конечно для молодыхъ преступниковъ.

Три возраженія дѣлаютъ обыкновенно противъ подобныхъ учреждений: 1, значительность расходовъ на содержаніе; 2, привлеченіе въ эти учрежденія немущихъ, желающихъ воспользоваться способами образованія и 3, дальнѣйшее назначеніе освобожденныхъ изъ поселенія. По мнѣнію нашему, возраженія эти, не лишеныя впрочемъ основанія, разрѣшаются опытомъ. Расходы на поселеніе менѣе значительны, нежели на всякое другое учрежденіе и, какъ скоро есть земля и обиталище, расходы эти въ болыней части могутъ покрываться собственными до-

ходами поселенія. Дальнѣйшее назначеніе здѣсь менѣе затруднительно, ибо освобожденный имѣеть запасъ свѣдѣній и принадлежитъ къ сословію, въ которомъ значеніе менѣе, нежели въ другомъ, можетъ быть въ противорѣчій съ назначеніемъ. Что касается до привлеченія въ поселенія для образованія и не преступныхъ лицъ, то, конечно, подобное учрежденіе болѣе или менѣе будетъ имѣть видъ заведенія воспитательнаго, но въ этомъ нѣтъ предполагаемаго вреда: ибо если преступленіе можетъ назваться когда-нибудь ошибкою, увлеченіемъ, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ неопытномъ и пылкомъ возрастѣ. Привлеченіе въ поселеніе будетъ останавливаться съ одной стороны строгостію содержанія и низкимъ значеніемъ молодыхъ поселенцевъ. И то и другое, будетъ вообще угрозой, которая, при ослабленіи семейныхъ узъ и родительскаго надзора, такъ необходима юношеству. Если же и за симъ найдутся желающіе, то конечно уже такіе, которые и безъ сего желанія, въ послѣдствіи попали бы въ исправительное поселеніе.

Подобныя учрежденія заведены:

Въ Америкѣ—въ Нью-Йоркѣ, съ 1825 г. въ Филадельфій и Бостонѣ, съ 1826 г. существующихъ.

Въ Вандименовой землѣ, при портѣ Артурѣ, въ Point Puer.

Во Франціи—въ округахъ Жиронды и Сены, поселенія: Метре, близъ Тура; св. Петра, близъ Марсея; Пети—Буръ, близъ Парижа.

Въ Бельгіи—поселеніе св. Губера, съ 8 мая 1840 г.

Подобныя заведенія въ Гамбургѣ при гаушен Хаусе, въ Брейндорфѣ, въ Саксоніи; Людвигсбургѣ, Винненделѣ и др. въ Вюртембергѣ, въ Роттердамѣ и Амстердамѣ, въ Голландіи.

Мы ограничиваемся этими общими указаніями и, не обольщаясь описаніями объ успѣхахъ поселеній гг. Дикнессіо, Давида, Рике и др., мы видимъ въ удаленіи отъ сосредоточенной жизни роскошныхъ городовъ, въ преимуществѣ земледѣльческихъ занятій и въ привычкахъ высшаго сословія, — ручательства нѣкоторой пользы подобныхъ учрежденій.

Вопросъ о введеніи новыхъ видовъ заключенія теперь — такъ сказать—на дневной очереди. Нѣкоторые успѣхи въ Америкѣ и въ Англіи, неудовлетворительность противоположнаго порядка заключенія въ Бельгіи, новыя постройки въ Пруссіи, Норвегіи и Даніи убѣждаютъ въ справедливости заключенія о неудовлетворительности прежнихъ тюремъ. Польза новыхъ требуетъ под-

твержденія отъ продолжительнаго опыта, въ размѣрахъ болѣе пространныхъ, нежели тюрьма женевская и въ заведеніяхъ, гдѣ бы дѣйствіе новыхъ правилъ оправдалось и безъ участія опытности гг. Обермайера, Обанеля и имъ подобныхъ.

Можетъ быть назначенный въ Брюссель съѣздъ ученыхъ и дѣловыхъ знатоковъ въ тюремныхъ учрежденіяхъ представить послѣдствія взаимныхъ сообщеній и преній болѣе опредѣлительныя и ближе къ исполненію и примѣненію, нежели тѣ, которыя обнародованы послѣ съѣзда во Франкфуртѣ, въ сентябрѣ 1846 года. *Verhandlungen der ersten Versammlung für Gefnnsreform* стр. 271.

26). Мы дозволяемъ себѣ пояснить эту мысль нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями. Говоря о необходимости строгихъ наказаній, мы полагаемъ, что устрашеніе заключается преимущественно въ неизбѣжности наказаній, какихъ-бы то ни было. Строгость наказаній должна распространяться на лишеніе свободы и на лишенія вѣщественныя.

Точнѣйшее развитіе основаній правосудія и ближайшее удостовереніе видовъ управленія (уголовной политики) привели къ мысли о возможности возстановленія, потеряннаго или отсужденнаго достоинства, при невинности, обнаруженной послѣ осужденія, *возвращеніемъ, restitutio in integrum*, и при виновности, заглаженной наказаніемъ, — *возстановленіемъ, rehabilitatio*, правъ и преимуществъ.

Возвращеніе и возстановленіе должны быть самостоятельными учрежденіями уголовнаго правосудія т. е. обязательными и отвѣтственными.

Первое, *возвращеніе* невинно потеряннаго, существуетъ вездѣ, но не имѣетъ полнаго развитія. Невинно осужденный получаетъ прежнія права, получаетъ не рѣдко и понесенные убытки: но права и имущество не заключаютъ всѣхъ потерь. Правило о обнародованіи невинно подвергшагося наказанію, принятое въ новыхъ уложеніяхъ, весьма справедливо и должно быть распространено на всякій оправдательный приговоръ, если того требуетъ подсудимый, оправданный, не по недостатку доказательствъ, а по невинности.

Возстановленіе правъ не существуетъ въ видѣ постояннаго и общаго правила. Полезное примѣненіе его, впрочемъ въ ограниченномъ видѣ, начинается съ повелѣній 1670 года Людовика XIV, въ которыхъ въ 5 ст. XVI раздѣла, пре-
К. IV. — Отд. V:

доставляемая возможность de remettre le condamné en ses biens, et bonne renommée. Въ послѣдствіи оно перешло въ уложеніи и въ дѣйствующемъ Code d'instruction: изложено во 2 кн. въ 4 гл. VII раздѣла, въ ст. т. 649—635. Учрежденіе это заключается въ томъ, что подвергшіеся уголовнымъ наказаніямъ (ст. 649), по окончаніи ихъ, по крайней мѣрѣ черезъ пять лѣтъ, имѣютъ право просить о восстановленіи прежнихъ правъ. Это ходатайство должно быть основано на имѣнномъ удостовѣреніи лицъ, которыя въ теченіе известнаго времени знали и видѣли поведеніе просящаго (ст. 620). Разсмотрѣніе просьбы о восстановленіи совершается судебными и высшими правительственными мѣстами, а самое восстановленіе даруется королевскими повелѣніемъ и все это сопровождается гласностію (624—632 ст.). При воспривіеніи не можетъ быть восстановленія (ст. 634).

Учрежденіе это съ нѣкоторыми улучшеніями, введено въ нѣмецкомъ уложеніи 1836 г. ст. 95, и въ голландскомъ 1840 г. ст. 74—79. Оно, по вліянію французскихъ началъ въ Германіи, было предметомъ преній и при составленіи новыхъ нѣмецкихъ уложеній, но не могло быть соглашено съ общими основаніями отвлеченныхъ ученій и потому выразилось иначе. Такъ въ 27—29 §§ уложенія вюртембергскаго постановлено, что опредѣленное въ законѣ въ разныхъ видахъ, лишеніе правъ, можетъ быть пожизненное и срочное, и что въ послѣднемъ случаѣ, по истеченіи срока (отъ 2 до 10 лѣтъ) осужденный можетъ снова приобрести утраченные имъ права и преимущества. Подобныя нововведенія въ Ваденѣ (Baden), ст. 18) не были приняты. Въ саксонскомъ уложеніи (ст. 9) сдѣлано изъятіе только для мастеровыхъ, а въ брауншвейтскомъ (ст. 77) положительно сказано о потерѣ правъ и способности приобретать оныя навсегда, при уголовныхъ осужденіяхъ. Это не восстановленіе правъ, а просто раздѣленіе наказанія на два вида.

Установленіе французское, по нашему мнѣнію, недостаточно въ томъ, что дозволяетъ восстановленіе правъ, не различая ихъ, предписываетъ общій срокъ (5 лѣтъ) и соединено съ гласностію, которая можетъ быть не менше неприяна какъ и самый судъ. Последнее можно считать приливою рѣдкаго примененія rehabilitation.

В. ЛИНДЕВЪ.

О РАЗРАБОТКѢ ТОРФА.

Не смотря на все богатство Россіи въ лѣсномъ матеріалѣ, многія губерніи средней полосы, — о южной ужъ и говорить нечего, — теряютъ нужду въ лѣсѣ. Причина этому неравнобѣрное распредѣленіе лѣсовъ и невозможность доставки лѣса изъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній, гдѣ лѣсные запасы гниютъ на корнѣ, въ губерніи южныя. Недостатокъ въ лѣсѣ, въ средней и южной полосахъ Россіи, сдѣлался въ настоящее время уже довольно ощутителенъ; правительство, видя это, принимало и принимаетъ дѣятельныя мѣры къ разведенію лѣса въ мѣстахъ безлѣсныхъ и къ замѣнѣ лѣса другими горючими матеріалами, но къ сожалѣнію, распоряженія и дѣйствія правительства не встрѣчали до-сихъ-поръ подражанія въ частныхъ владѣльцахъ.

Вѣроятно всякій, хотя по наслышкѣ, знакомъ нѣсколько съ торфомъ; знаетъ, что торфомъ можно замѣнить дрова, но однако до-сихъ-поръ еще никто изъ частныхъ владѣльцевъ не принялъ на себя труда разработки торфяниковъ; проѣзжая среднія губерніи Россіи, часто, можно замѣтить довольно значительныя пространства торфяныхъ болотъ, которыя лежатъ впустѣ, не принося никакой пользы владѣльцу ихъ, тогда какъ въ окрестности нѣтъ ни одного дерева, ни одного куста. Правда, введенію торфа во всеобщее употребленіе, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, много препятствуютъ воспринявшіеся предрассудки противъ этой весьма полезной замѣны лѣса; но опытъ долженъ убѣдить, что всѣ эти воображаемыя невыгоды и разнаго рода предрассуд-

ки не составляют и не могут составлять действительных препятствий въ употребленіи торфа.

За границей, во многихъ мѣстахъ, и у насъ въ Курляндіи торфъ имѣетъ весьма разнообразное употребленіе.

Въ Курляндіи торфъ употребляютъ наиболѣе для сушенія хлѣба, и торфъ въ этомъ случаѣ вполне соответствуетъ своей цѣли. Чтобы вымолотить ригу, вмѣщающую въ себѣ отъ 6 до 9 лововъ (отъ 2 до 3 четвертей), надобно отъ 120 до 150 кусковъ торфу. Для отвращенія всякой опасности отъ огня во время топки, печи должны быть крѣпкія и, если возможно, снабжены рѣшетками, на которыя могла бы высыпаться зола.

Для увеличенія жара въ ригѣ лучше не приставлять печи къ одной изъ наружныхъ стѣнъ риги, а ставить ее совершенно отдѣльно.

Если торфъ не совершенно сухъ, то для топки необходимо примѣшать нѣсколько дровъ; при сухомъ торфѣ этой подбавки вовсе не нужно.

Мнѣніе, что хлѣбъ при сушкѣ его торфомъ получаетъ дурной вкусъ, не имѣетъ основанія, потому-что опытъ доказываетъ совершенно противное.

Отопленіе комнатъ торфомъ имѣетъ значительныя выгоды предъ отопленіемъ дровами: торфъ горитъ гораздо равномернѣе; не нужно безпрестанно смотрѣть за печью, ибо торфъ, будучи зажженъ, горитъ безпрепятственно и не гаснетъ; при топкѣ торфомъ, печи сохраняются гораздо долѣе, потому-что невысокое пламя торфа не выжигаетъ кирпича, и при вкладываніи торфа въ печи не повреждаются наружныя ихъ стѣны; опасности пожара при топкѣ торфомъ менѣе, потому-что отъ торфа не сядетъ легко загорающаяся сажа.

Всѣ эти выгоды топки торфомъ побудили ввести его въ употребленіе почти во всей сѣверной Германіи, не смотря на достаточный тамъ запасъ лѣса.

При топкѣ торфомъ, надобно обращаться осторожно съ золой, въ которой, иногда въ небольшихъ крошкахъ торфа, таится огонь дней пять или шесть.

Многіе полагаютъ, что торфъ не можетъ быть употребленъ для приготовленія кушанья, но это несправедливо: въ Галле, булочники не имѣютъ, кромѣ торфа, другаго горячаго матеріала, а между тѣмъ, тамошній хлѣбъ очень вкусенъ; для приготовленія

кушанья, торфъ долженъ быть употребляемъ сухой, и горшки, въ которыхъ готовить, необходимо покрывать.

Гдѣ нуженъ ровный огонь, какъ на винокуренныхъ заводахъ и пивоварняхъ, тамъ торфъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ, и замѣняетъ большое количество дровъ: 500 кусковъ торфа замѣняютъ кубическую сажень дровъ.

Нынче торфъ получилъ весьма обширное употребленіе за границей, не только для гончарнаго дѣла, но даже на солеварняхъ, для обжиганія кирпича, извести, на стекляныхъ заводахъ и вообще тамъ, гдѣ требуется сильный и равномерный жаръ.

Мѣста, на которыхъ можно предполагать существованіе торфа, суть обыкновенно самыя бесплодныя во всей странѣ: торфъ допускаетъ только самую скудную растительность, и на торфяныхъ болотахъ встрѣчаются весьма часто уродливья сосны и березы. Несомнѣннымъ признакомъ существованія торфа на какомъ-либо мѣстѣ служитъ упругость поверхности болота. Если въ такомъ мѣстѣ можно безъ затрудненія опустить, до известной глубины, круглую палку, то можно съ достовѣрностію заключать о нахожденіи тамъ торфа; столь же вѣрнымъ признакомъ существованія торфа служитъ мутность воды, собирающейся въ канавахъ.

Растенія, подающія поводы заключать о существованіи торфа, суть сильно изуродованные стволы сосны, березы, изъ травъ: разные роды осоки, а изъ мховъ: болотный мохъ и сытовникъ (*sphagnum palustre, et scirpus schoenus*).

Торфяныя болота бываютъ разнаго рода. *Высокія болота* отличаются замѣтнымъ возвышеніемъ надъ окружающею ихъ поверхностію, или по срединѣ, или же наконецъ въ какой-либо части своего протяженія. Высокія болота возвыщаются иногда внезапно футовъ на 20 и болѣе и бываютъ окружены небольшошими возвышеніями. Поверхность ихъ бесплодна, встрѣчаются только одинокія уродливья сосны, березы, да частію верескъ и мхи покрываютъ неровную ихъ поверхность.

Болота лежащія въ углубленіяхъ, будучи окружены хрящеватыми возвышеніями, получаютъ оттого видъ котловины или углубленія, по срединѣ котораго попадаются небольшіе холмы. Отличительною примѣтою этихъ болотъ служатъ окружающія ихъ возвышенія, состоящія всегда изъ хряща, и незамѣтная разность всей поверхности болота. Глубина болотъ, лежащихъ въ углубленіяхъ, бываетъ отъ 3 до 15 футовъ. На нихъ никогда

не всрѣчаются древесныя породы, но травы вырастаютъ иногда очень порядочныя.

Луговые болота бываютъ окружены незначительными берегами, но чаще лежатъ на обширныхъ равнинахъ дѣлзи рѣкъ. Глубиною бываютъ они обыкновенно не болѣе 5 футовъ и не столько богаты торфомъ, какъ болота двухъ предыдущихъ родовъ.

Полевые торфяники суть самыя малыя болота; они бываютъ обыкновенно покрыты тонкимъ дерномъ, подъ которымъ футовъ на 12 или 16 глубины, лежатъ родъ тѣста изъ сгнившихъ растительныхъ частицъ. Эти болота даютъ наилучшій торфъ, и если добываемая изъ нихъ масса слишкомъ напитана водою, то разработка ихъ должна быть производима особеннымъ образомъ.

На эти главныя четыре рода дѣлятъ обыкновенно торфяныя болота; впрочемъ каждое болото имѣетъ въ себѣ столько отличнаго, что весьма трудно подвести виды болотъ подъ определенные разряды, потому что при одномъ и томъ же составѣ болота могутъ быть различнаго образованія.

Торфъ состоитъ изъ ткани сгнившихъ, болѣе или менѣе разложенныхъ, растительныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ горною смолою, сѣрою и разными землями, и содержащихъ въ себѣ известную степень сырости. Чѣмъ болѣе растительныя частицы разложены и напитаны горною смолою и сѣрою, тѣмъ лучше, старѣе и тяжеле торфъ, и на оборотъ. По этому опредѣленію можно дѣлить торфъ на слѣдующіе сорта:

Нижній прѣсный торфъ—лучшій изъ всѣхъ сортовъ торфа. Онъ отличается особеннымъ блескомъ и тяжестью, совершенно черенъ и содержитъ въ себѣ мало растительныхъ частицъ, которыя бы можно было распознать. Этотъ торфъ составляетъ обыкновенно нижніе слои болотъ втораго и третьяго рода, и почитается лучшимъ сортомъ чернаго, прѣснаго или форменнаго торфа.

Прѣсный торфъ даетъ самый сильный жаръ, твердый уголь и много бѣлой золы.

Второй прѣсный торфъ, также чернаго цвѣта и почти такой же тяжести, хотя растительныя части замѣтны въ немъ болѣе и бываетъ прихвѣсь земли. Этотъ сортъ торфа сильно крошится, даетъ продолжительный жаръ, менѣе твердый уголь, и всрѣчается въ высокыхъ болотахъ.

Рѣчной торфъ легче предыдущихъ сортовъ и темнѣе цвѣта. Онъ состоитъ изъ смятенія безчисленныхъ сгнившихъ частицъ травъ, мховъ и корней, и содержитъ въ себѣ мало земляныхъ частицъ. Торфъ этотъ плотенъ и горитъ сноро; пламя отъ него ярче, нежели отъ первыхъ двухъ сортовъ; онъ встрѣчается тоже въ высокыхъ болотахъ.

- Обыкновенный торфъ, темнобурый, иногда совершенно черный, содержитъ въ себѣ болѣе толстыхъ травяныхъ стеблей, тростникъ и болѣе земли, нежели нижній цѣсный торфъ; онъ плотенъ и довольно тяжелъ; даетъ продолжительный жаръ, довольно твердый уголь и много свѣтло-желтой золы.

Обыкновенный торфъ встрѣчается въ болотахъ въ углубленіяхъ лежащихъ и луговыхъ.

Бурый мховый торфъ и бѣлый мховый торфъ чрезвычайно легки, состоятъ изъ мховъ немного загнившихъ. Торфъ этотъ получается изъ верхнихъ слоевъ высокыхъ болотъ. Онъ очень плотенъ, даетъ мало жару, но сильное пламя, и пресвычайно полезенъ для обжиганія извести, кирпича, — вообще тамъ, гдѣ требуется большое пламя. Въ этомъ сортѣ торфа различаютъ еще видъ, извѣстный подъ названіемъ листового, въ которомъ слои мха лежатъ видимо одинъ на другомъ, такъ что ихъ можно снимать листьями. Листовой торфъ находится только въ самыхъ верхнихъ слояхъ высокыхъ болотъ и есть слѣдствіе не совершеннаго разложенія, по недостатку влажности, мхового покрова болота.

Разные сорта торфа въ отношеніи годности ихъ къ употребленію содержатся между собою, какъ количества горючихъ веществъ, въ нихъ заключающихся.

Чѣмъ тяжеле, чернѣе торфъ въ сухомъ состояніи, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ легче, свѣтлѣе и рыхлѣе, тѣмъ хуже. Торфъ, въ которомъ растительныя частицы совершенно сгнили, долженъ быть старѣе того, въ которомъ можно еще распознать эти части; впрочемъ скорое гніеніе частей торфа не всегда зависитъ отъ времени, а потому нельзя принять за достоинство, чтобы самый старей торфъ былъ всегда и самый лучший.

Въ высокыхъ болотахъ, наполненныхъ водою и содержащихъ въ себѣ малое количество горючей смолы, растительныя частицы хотя и разлагаются, но не растворяются до того, чтобы ихъ нельзя было узнать, не смотря на то, что эти болота могутъ быть столь же стары, какъ болота въ углубленіяхъ лежащихъ или луго-

вид, который, будучи пропитан горною смолою, дают растворенныя растительныя части совершенно нераспознаваемыя.

Минеральныя частицы, находямыя въ торфѣ; придаютъ ему болѣе вѣса; потому-то тяжелый торфѣ лучше легкаго и черный предпочитается свѣтлому.

Прель разработкою торфа необходимо осушить болото, безъ чего рѣдко бываетъ возможно приступить къ добыванію торфа.

Осушка торфяныхъ болотъ производится посредствомъ канавъ, которыми отводятъ изъ болота излишнюю воду въ рѣчки или ручьи.

Главная цѣль осушенія состоитъ въ необходимости доставить работнику возможность, спускаться безъ труда накопляющуюся воду.

Предъ осушкою болота опредѣляютъ посредствомъ нивелировки паденіе его и мѣсто, куда можетъ быть спущена вода; послѣ сего начинаютъ рыть ровъ во всю длину или ширину болота, соображаясь съ нивелировкой, и направляя ровъ къ мѣсту спуска воды.

Окончивъ ровъ, пересѣкаютъ болото на самомъ глубокомъ мѣстѣ, другой канавой. Если болото окружено возвышеніями, съ которыхъ стекаетъ весною талъціи свѣгъ, то необходимо вдоль возвышеній прорыть еще канаву, и воду провести въ главный ровъ.

Въ болотахъ, представляющихъ отлогій скатъ, нѣтъ нужды проводить ровъ по срединѣ; если слишкомъ большое количество воды въ болотѣ не дѣлаетъ мѣру эту необходимою. Въ такихъ болотахъ гораздо выгоднѣе прорывать канаву вкось передъ болотомъ, у подошвы его.

Глубина рововъ засиситъ отъ глубины болота. Соображаясь съ послѣднею, разработку болота производятъ или до самаго дна, или только на 4 фута глубины. Во всякомъ случаѣ однако, должно слѣдовать правилу, чтобы ровъ былъ футомъ глубже разработки болота. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено только въ высокыхъ болотахъ.

При опредѣленіи ширины и глубины рва, должно сообразить: будетъ ли онъ подверженъ весною сильному приливу воды.

Въ болотахъ, не слишкомъ водянистыхъ, содержащихъ въ себѣ торфъ на 8 футовъ, предполагая разработку его только на 4 фута, — достаточно рыть ровъ въ 5½ футовъ глубины, 3 фута ширины у дна и 8 — сверху.

Канавы необходимо ежегодно исправлять: въ торфяныхъ болотахъ онѣ не столько заростають, сколько засоряются.

Для добыванія торфа употребляются слѣдующія, главные орудія :

Съемная лопата, которою снимается верхній покровъ торфа, есть обыкновенная толстая, желѣзная лопата въ 12 дюймовъ длины, 6 ширины, хорошо закаленная и наточенная.

Надрѣзная лопата, въ 13 дюймовъ ширины, 6 дюймовъ вышины и до $\frac{1}{2}$ дюйма толщины, окончивающаяся остриемъ.

Вырѣзная лопата, обыкновенная прямоугольная лопата отъ 6—8 дюймовъ длины и отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ ширины.

Мѣрная доска, въ 7 футовъ длиною и 12 дюймовъ шириною, раздѣляется глубокими желобками на части по предполагаемой величинѣ торфяныхъ кусковъ. Кромѣ мѣрной доски, каждый работникъ долженъ быть снабженъ доской для складки у самой ямы вырѣзаннаго торфа.

Торфяная тележка, обыкновенная одноколесная тачка.

Исчисленные инструменты употребляются разными работниками, которыхъ при каждой ямѣ бываетъ обыкновенно четверо; если болото хорошо осушено и вѣтъ особенныхъ препятствій къ работѣ, то четыре работника могутъ вырѣзать въ одинъ день отъ 8 до 12 т. кусковъ торфа, слѣдовательно на каждого придется отъ 2 до 3,000 кусковъ.

Величина кусковъ можетъ быть весьма различна, но вообще можно принять за правило: чѣмъ легче торфъ, тѣмъ могутъ быть болѣе вырѣзаемые куски, и чѣмъ онъ тяжеле, тѣмъ куски должны быть менѣе; чѣмъ теплѣе и продолжительнѣе лѣто, тѣмъ куски болѣе, и на оборотъ: чѣмъ короче время сушки, тѣмъ куски торфа менѣе.

Обыкновенною величиною торфяныхъ кусковъ можно принять 11 длины, 4 ширины и $3\frac{1}{2}$ дюйма толщины; куски большихъ размѣровъ, при несовсѣмъ благопріятномъ лѣтѣ, никогда не высыхаютъ совершенно.

Благопріятнѣйшее время для рѣзки торфа—исходъ или половина мая, когда торфяныя болота оттаивають до того, что уже можно приступить къ разработкѣ торфа. Вырѣзка торфа должна быть окончена къ исходу юня, а сушка въ концѣ іюля или началѣ августа. Осень неблагопріятна для сушки торфа: ночи уже савшкомъ долги, дни коротки, и торфъ не можетъ высыхать, какъ слѣдуетъ.

Предъ намѣтенъ разработки торфянаго болота, необходимо опредѣлить: назначается ли оно, во владѣніи торфа, подъ пашню, или въ немъ должно быть учреждено настоящее добываніе торфа.

Первый способъ пользованія торфяными болотами не можетъ быть у насъ въ Россіи главною цѣлю добыванія торфа, а поэтому объ немъ говорить мы не будемъ, а скажемъ нѣсколько словъ о второмъ способѣ пользованія торфяниками.

Теперь уже никто не сомнѣвается въ возможности возобновленія торфяниковъ,—и вообще можно принять, что вырѣзанное болото, если оно будетъ попеременно подвержено вліянію мокроты и сырости, лѣтъ черезъ 20 или 30 вновь наполнится торфомъ въ такомъ же количествѣ, какое было въ немъ до разработки.

Процессъ образованія торфяника очень простъ: такъ какъ торфъ состоитъ изъ растительныхъ и минеральныхъ частей, и для образованія первыхъ требуется известная степень сырости; то легко понять, что сообщая болоту требуемую имъ влажность, мы будемъ способствовать возобновленію и гніенію растительныхъ веществъ, которыя отъ присоединенія къ нимъ земли образуютъ наконецъ совершенный торфъ. Невѣдомъ осеки, нѣкоторыхъ тростяковъ и травъ, почитаемыхъ преимущественно торфяными растеніями, можно способствовать скорѣйшему, искусственному образованію торфа.

Излишекъ и недостатокъ воды одинаково вредны для образованія торфа; если вода въ ямѣ стоитъ постоянно на 4 или 5 футовъ, то возобновленіе торфа можетъ продолжаться лѣтъ сто и болѣе. По этому, гораздо лучше наводнять болото отъ осеки до весны, а лѣтомъ, сообщать ему высокую степень сырости, т. е. чтобы болото было только мокро. При такомъ обращеніи съ торфяникомъ, травы и тростники, выросшіе лѣтомъ, сгниютъ, и въ слѣдующее лѣто появятся новыя. При благоприятныхъ обстоятельствахъ можно помогать 3 дюйма ежегоднаго прироста торфа.

При назначеніи ямъ для вырѣзки торфа, главное вниманіе должно обратить на то, чтобы притекающая вода, не препятствовала работѣ, и работникъ не былъ бы принужденъ оставлять въ ямѣ слой торфа, или черемуху, съ цѣлю пропустить воду въ вырѣзанную часть ямы.

Чтобы не затруднить свозки торфа на мѣсто сушки, ямы мо

возможности должно отводить такъ, чтобы мѣсто сунки находилось предъ вырѣзчикомъ торфа. Для этого обыкновенно начинаютъ вкапываться у главнаго спускаго рва, и вырѣзываютъ сперва одну, а потомъ другую половину болота.

Назначеніе ямы зависитъ также отъ способа разработки и отъ сорта торфа; влияние послѣдняго гораздо важнѣе. Въ высокомъ болотѣ, если оно по срединѣ довольно возвышено, вырѣзка начинается отъ края къ срединѣ; въ болотѣ въ углубленіи лежащемъ и хорошо осушенномъ, напротивъ того, — отъ средины къ краямъ; а въ луговыхъ болотахъ, нѣсколько покатыхъ, вырѣзка начинается отъ края ската къ срединѣ. Вообще назначеніе ямъ зависитъ отъ мѣстности, принимая однакожъ въ соображеніе возможность спуска излишней воды.

При вырѣзкѣ ямы отъ главнаго рва соблюдается правило, чтобы между ямами и рвомъ оставалась торфяная перемычка въ 4 фута ширины.

Ширина и глубина ямы зависятъ какъ отъ сорта торфа, такъ и отъ способа разработки его. Удобнѣе кажется принять ширинною ямы 7 футовъ, а глубиною 4 фута. Этотъ размѣръ ямы удобенъ потому, что представляетъ складчику именно такую ширину, которая требуетъ менѣе времени на его занятіе, потому-что, складчику по большей мѣрѣ надобно сдѣлать два шага, чтобы возвратиться справа влѣво, къ началу каждаго вырѣзаннаго ряда.

Въ разстояніи 4 футовъ отъ главнаго рва, отмѣчается 7 футовъ въ ширину и произвольная длина, составляющая со рвомъ прямые углы, и приступаютъ къ выкапыванію или почину ямы.

Верхняя земля, не содержащая въ себѣ годнаго торфа, снимается, потомъ работникъ выкапываетъ яму, глубиною отъ 4 до 4½, — шириною въ 7 — длиною отъ 3 до 4 футовъ; это называется выкапываніемъ или починомъ ямы. Передняя сторона, которая можетъ почитаться началомъ торфяной ямы, сравнивается перпендикулярно, и тогда начинается настоящая вырѣзка торфа; но предварительно, въ перемычкѣ, отдѣляющей яму отъ рва, дѣлается для стока излишней воды скважина. Ширина перемычки можетъ быть до 4 футовъ.

Выкопавъ яму, приступаютъ къ самой рѣзкѣ торфа. Для этого вырѣзчикъ, съ вырѣзною лопатою и мѣрною доскою, становится сверху передъ ямою и отрѣзываетъ куски торфа въ длину, съ правой руки къ лѣвой, отмѣнивъ сперва ширину

перваго куска, потомъ соскакиваетъ въ яму и рѣжетъ торфъ въ ширину.

Складчикъ вынимаетъ куски, по одиначкѣ, съ лѣвой стороны къ правой, и кладетъ ихъ на край ямы, гдѣ принимаетъ ихъ возчикъ.

Во время работы должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы стоящій въ ямѣ върѣзчикъ вырѣзывалъ клѣтки такъ, чтобы боковыя стѣны ямы были перпендикулярны, а не шире книзу.

Отъ дурнаго выкапыванія, верхнія стороны ямы склоняются одна къ другой, трескаются, стѣны обваливаются, и теряется много торфа.

Поэтому, лучше выкапывать ямы ко дну нѣсколько уже, вежели къ верху, и надобно смотрѣть, чтобы стѣны ямы не выдавались мѣстами; такая небрежность допускается только при началѣ работъ, когда работники не имѣютъ еще достаточнаго навыка.

Другая ошибка, которую дѣлаютъ часто рѣзчики торфа, состоитъ въ томъ, что, избѣгая необходимости нагибаться, они рѣжутъ куски не горизонтально, а вкось; отъ этого, дно становится глубже по мѣрѣ того, какъ подвигается работа въ ямѣ, и вода не можетъ стекать надлежащимъ образомъ.

Успѣху работы препятствуютъ часто слои песка, встрѣчающіеся въ торфяныхъ болотахъ, также камни, большіе куски старыхъ деревь. Отъ песчаныхъ слоевъ пѣтъ другаго средства, какъ перерывать ихъ небольшими рвами, и то только въ томъ случаѣ, когда угрожающее изліиствомъ количество воды дѣлаетъ эту работу необходимою. Добыча торфа уменьшается отъ этихъ препятствій, но уменьшеніе это опредѣлять рѣшительно невозможно.

Камни весьма часто замедляютъ работу, а иногда на незначительной глубинѣ они встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что совершенно прекращаютъ вырѣзку торфа.

Большіе обломки деревь весьма затрудняютъ работу, особенно въ высокнхъ болотахъ, гдѣ обыкновенно попадаются обломки сосны и ели. Длинные и тонкіе боковыя корни, если работникъ попытается ихъ вытащить, портятъ цѣлыя клѣтки торфа, и торфъ, лежащій около обломковъ, если онъ не особенно плотенъ, обыкновенно пропадаетъ.

Землястые слои пересѣкаютъ иногда болото фута на два въ поперечникѣ и ихъ должно вынимать изъ болота съ большою

потерей времени. Часто случается однако, что слои эти сильно проростають тростникомъ и бывають налитаны земляною смолою, и въ такомъ случаѣ могутъ дать лучшій прѣсный торфъ.

Трещины, происшедшія въ болотѣ отъ ключей, и вода, окружающая болото вслѣдствіе дурной осушки, могутъ быть причиною крошки торфа.

Крошка торфа, случающаяся иногда и въ хорошо осушенныхъ болотахъ, и происходящая отъ множества древесныхъ частей, особенно небольшихъ вѣтвей и корней ольхи и березы, весьма препятствуетъ вырѣзкѣ торфа, — и нерѣдко изъ 1,000 кусковъ только половина, иногда даже — одна треть, оказываются годными къ употребленію. Въ такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно лучше добывать прѣсный торфъ. Если же необходимость заставляетъ вырѣзывать торфъ, то отъ вырѣзанъ большихъ кусковъ онъ крошится менѣе, нежели отъ малыхъ.

Нѣкоторые приписываютъ крошку торфа малому количеству очищенной съ ямы земли, полагая, что теплота вытягиваетъ изъ земли сырость и оттого торфъ рыхлѣетъ; а этому неудобству можно пособить наполненіемъ болота на зиму достаточнымъ количествомъ воды.

Вырѣзанный торфъ свозится и складывается для сушки на мѣстахъ, особо для того назначенныхъ. Сушка торфа имѣетъ важность не менѣе самой вырѣзки торфа. Вся предшествующая работа пропадаетъ безъ пользы, если съ величайшею предусмотрительностію не будетъ рассчитано настоящее время для сушки торфа, и если для этого дѣла будутъ употреблены неискусные работники.

Сушка торфа раздѣляется на два главные періода: а) Сушка собственно, складкою въ кучи, кусками и т. д. и б) Дальнѣйшая сушка торфа, складкою въ кучи для сбереженія и охраненія противъ непогоды.

Мѣста для сушки торфа должны быть выравнены. Если они отведены на хрящеватомъ грунтѣ, то должны быть очищены отъ камней, мѣшающихъ складкѣ кучь. Мѣста сушки на самыхъ болотахъ, если онѣ покрыты кочками, должны быть выравнены; работа эта производится очень просто: срѣзанная кочка опрокидывается и кладется между другихъ двухъ кочекъ. На высокихъ болотахъ произрастающій тамъ багульникъ или засыпается землею или только срѣзывается.

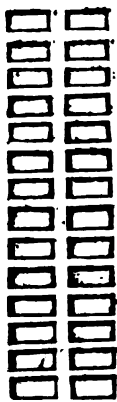
Къ сушкѣ торфа обыкновенно приступаютъ чрезъ нѣсколько

дней послѣ вырѣзки. Торфъ, наилучшій въ отношеніи хорошо осушеннаго, требуетъ менѣе времени для совершенной высушки.

Обыкновенно полагаютъ для совершенной высушки торфа, вырѣзаннаго въ первое время, отъ 4 до 6 недель; для сушки торфа, вырѣзаннаго нѣсколько позже, отъ 6 до 8 недель, а для торфа, вырѣзаннаго въ послѣднее время разрабѣтан; отъ 10 до 12 недель.

Торфъ складывается правильными линиями: въ видѣ стѣнъ, кучами или плотинами.

Плотинами складываютъ торфъ слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ, избранномъ для кладки, кладутъ куски торфа двумя параллельными рядами; оставшая между рядами промежутокъ въ 6 дюймовъ, а между кучами въ 2 дюйма. Когда торфъ простоятъ такимъ образомъ сутки, начинаютъ класть второй рядъ, такъ чтобы середина или промежутокъ между рядами былъ покрытъ кускомъ торфа; положившимъ поперекъ; куски торфа на ребро кладутся еще съ краю кучи и на нихъ снова кладутъ, какъ и въ началѣ кладки, два параллельные ряда кусковъ торфа; такимъ образомъ кладутъ до 11 рядовъ торфа въ вышину; и потомъ дѣлаютъ крышу изъ двухъ кусковъ торфа.

Основаніе кладки плотинами.

Поперечный разрѣзъ плотины.

При кладкѣ торфа плотинами надобно обращать особенное вниманіе на погоду и послѣдующіе ряды можно класть уже только тогда, когда нижніе нѣсколько просохли.

Если торфъ свозится для сушки на тачкахъ, то между стѣнами торфа оставляется промежутокъ въ 4 фута шириною, —

если въ телегахъ отъ лошадей, то въ 8 футовъ, и въ такомъ случаѣ лучше выставлять длинныя стѣны.

Складка торфа въ малыя кучи заслуживаетъ вниманія потому, что при хорошей погодѣ торфъ въ такихъ кучахъ сохнетъ гораздо скорѣе; но за то для исполненія этой мѣры требуется болѣе мѣста, и сверхъ того торфъ не имѣетъ ни малѣйшей защиты отъ дурной погоды.

Небольшая куча (круглая) содержащая въ себя 50 кусковъ торфа.

Впрочемъ поздно вырѣзанный торфъ легче высушить этимъ способомъ до известной степени, — и гдѣ позволяютъ мѣстность и есть врыльчые работники, тамъ можно пользоваться обоими способами, складкою въ стѣны и въ поляя кучи.

Въ нашемъ климатѣ, къ исходу августа, торфъ долженъ высушиться до такой степени, чтобы можно было свезти его на мѣсто назначенное для его храненія. Торфъ хранится въ большихъ кучахъ или въ сараяхъ.

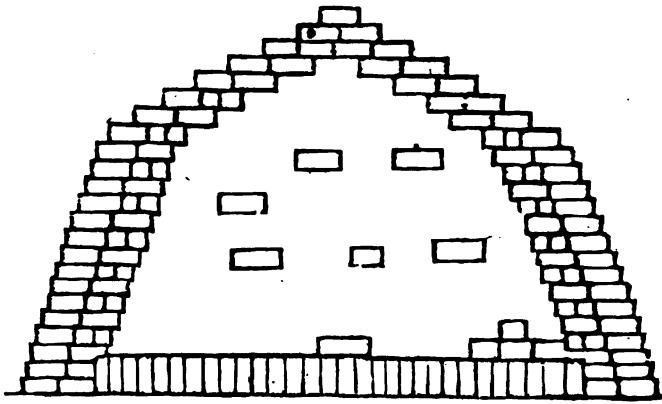
Величина кучъ зависитъ отъ произвола и бываетъ различная; но въ нихъ должно помѣщаться по крайней мѣрѣ по 1000 кусковъ.

Кучи, въ которыхъ торфъ долженъ зимовать, для соразмѣрной величины ихъ защиты отъ непогоды, складываются въ 100 т. кусковъ.

Для складки такихъ кучъ, требуется совершенно сухой торфъ, который можетъ бытъ оказывать вѣншей силѣ значительное сопро-

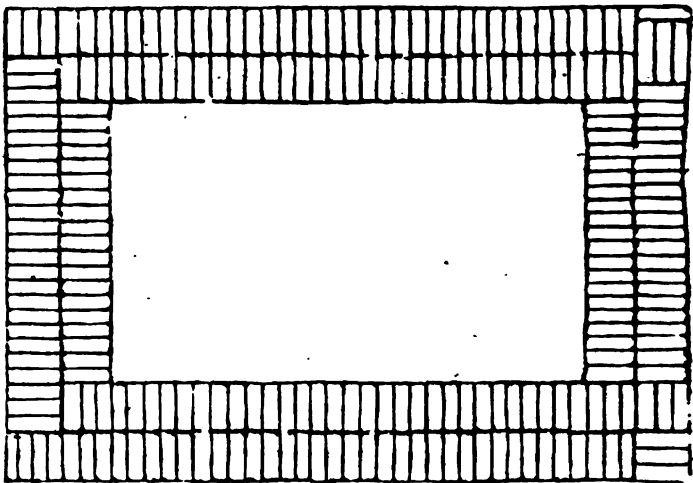
тивленіе, какъ во время возки, такъ и при складкѣ, потому-что работники должны ходить по немъ.

Чтобы углы держались крѣиче, кучи скрѣпляются лѣсомъ.

Мансардовая куча.

Складка такихъ кучъ, — ихъ называютъ обыкновенно мансардовыми кучами, по сходству ихъ съ мансардовыми крышами, — требуетъ большого искусства; главными правилами при складкѣ можно принять слѣдующія:

Основаніе мансардовой кучи.

Край долженъ быть сложенъ въ видѣ стѣны, толщиною въ двѣ длины торфяныхъ кусковъ, составляющихъ поперечникъ

края. Въ верхней части кучи, куски надобно класть уступами въ $1\frac{1}{2}$ и 2 дюйма. Внутренній первый рядъ ставится на основаніи стойма въ вышину, чтобы сырость не могла такъ легко проникать изъ земли въ верхніе ряды торфа. Остальное пространство кучи наполняется безъ порядка, но такъ, чтобы пустотъ оставалось какъ можно менше. При складкѣ такой кучи надобно наблюдать, чтобы внутренность ея не была бы слишкомъ скоро наполняема, иначе нельзя будетъ усмотрѣть за остающимися пустотами.

Кромѣ мансардовыхъ кучъ, кладутся еще обыкновенныя призматическія, которыя, по длинѣ, обкладываются жердями, обернутыми соломой. Невыгода этихъ кучъ состоитъ въ томъ, что онѣ выставляютъ дѣйствию непогоды гораздо большую площадь: мансардовая куча въ 100 т. кусковъ представляетъ площадь въ $1950\frac{3}{4}$ кв. фут., а призматическая въ $2193\frac{1}{2}$ ф., следовательно, большое количество торфа можетъ быть повреждено. Но лучше всего хранить торфъ въ сараяхъ. Сарая строятъ вблизи ботиго и даютъ имъ такую величину, какое пространство можетъ занять миллионъ кусковъ торфа. По принятой мѣрѣ кусковъ въ 12 дюймовъ длины, 4 дюйма вышины и 5 дюймовъ ширины, для 1000 кусковъ нужно мѣста 75 куб. фут., следовательно, для миллиона 75,000 куб. фут., а потому сарай долженъ имѣть 100 футовъ длины, 36 фут. ширины и 10 фут. вышины, а крыша 18 фут. вышины. При постройкѣ такого сарая, главное вниманіе должно обратить на крепость и хорошую связь бодокъ и столбовъ; обшивка можетъ быть очень легкая, не только изъ планокъ, но даже и изъ кустарника.

Переплетать стѣны сарая хорошо особенно тогда, когда торфъ не просохъ еще совершенно, до средины кусковъ, и при такомъ устройствѣ сараевъ, вѣтеръ, проникая въ сарай, довершаетъ сушку торфа.

Храненіе торфа въ сараяхъ есть пріямая необходимость, потому-что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торфъ можетъ быть у насъ добываемъ, зима бываетъ очень продолжительна, а осень слишкомъ мокра, отчего большія, на открытомъ мѣстѣ стоящія, кучи должны много терпѣть отъ дурной погоды, и крыша въ этихъ случаяхъ хранямаго торфа становится необходимою.

Утрата торфа при сушкѣ и храненіи его бываетъ сообразна съ качествомъ торфа. Чѣмъ торфъ лучше, тѣмъ болѣе онъ крошат-

и усыхаетъ, чѣмъ хуже, тѣмъ крошка и усыханіе бываютъ явѣе.

Не всѣ сорта торфа могутъ быть вырѣзываемы; этому имѣетъ или излишняя рыхлость торфа или значительная сыстность, въ немъ заключающаяся. И потому, такой сортъ торфа готовится для жженія, сживаніемъ его въ формахъ и высуваніемъ.

Всѣ сорта торфа могутъ быть сжимаемы, но значительная роговина этого способа приготовленія торфа не позволяетъ употреблять его повсюду, и собственно выжимнымъ торфомъ можно считать только напштаный самыми мелкими частями, почти подобный тинѣ, и торфъ слишкомъ сухой и рыхлый.

Въ болотахъ, содержащихъ въ себѣ большое количество мелкихъ древесныхъ частицъ и называемыхъ потому древесными, имѣетъ иногда такой недостатокъ въ водѣ, что торфъ разсыется какъ пыль. Чтобы воспользоваться этимъ торфомъ, его лачиваютъ до того, чтобы составился родъ тѣста, сжимаютъ въ формахъ и рѣжутъ. Работу эту производятъ такимъ образомъ: вырываютъ продолговатую яму, кладутъ въ нее торфъ, лачиваютъ его достаточно и мѣсятъ ногами или лопатой, до того, что вся масса перемѣшается надлежащимъ образомъ; потомъ выкладываютъ торфъ на край ямы, кучею въ 12 дюймовъ или 2 фута вышиною и вырѣзываютъ изъ нея кирпичи.

Вмѣсто ямы употребляютъ иногда ящикъ около 7 футовъ длины, 6 футовъ ширины и $3\frac{1}{4}$ фут. вышиною; основаніе ящика состоитъ изъ 4-хъ брусковъ, укрѣпленныхъ такимъ образомъ, что четыре доски, составляющія стѣны ящика, могутъ быть легко скрѣплены посредствомъ четырехъ клинышковъ. Въ стѣнкахъ и днѣ ящика просверливаютъ дыры для стока воды. Торфяная масса, положенная въ такой ящикъ, мѣсится ногами или лопатами до тѣхъ поръ, пока слѣдается достаточно однородно, потомъ рѣжется въ торфяные кирпичи, или выжимается въ формахъ, что еще лучше. Для этого употребляются простыя кирпичныя формы или еще лучше рама безъ дна, съ 25 мѣстами, по пяти въ рядъ. Раму, для крѣпости, обиваютъ со всѣхъ сторонъ желѣзомъ. Перегородки въ рамѣ должны быть достаточно крѣпки, гнѣзда для кирпичей дѣлаются внизу нѣсколько шире, чтобы куски торфа не ломались при выниманіи ихъ.

Приготовленная такимъ образомъ рама становится возлѣ ящика съ торфяною массою, которая накладывается въ формы ло-

патою, пока всё мѣста будутъ наполнены, потомъ рама снимается, и торфяныя кирпичи готовы.

Рамы, самыя выгодныя для приготовленія торфа, должны имѣть 60 мѣсть, но при этомъ нужно имѣть сильныхъ рабочихъ.

При дѣланіи торфяныхъ кирпичей, надобно наблюдать, чтобы торфъ не прилипалъ къ угламъ гнѣзда, а для этого нужно содержать раму постоянно сырою.

При употребленіи кирпичныхъ формъ, торфъ хотя и выходитъ гораздо плотнѣе и крѣпче, потому что втискивается въ форму по одному кирпичу, однако это требуетъ слишкомъ много времени, и потому не вездѣ можетъ быть одинаково выгодно.

Для добыванія торфа въ большомъ видѣ, можно употребить слѣдующій способъ:

Въ ямѣ, приготовленной въ самомъ болотѣ такъ, чтобы до грунта оставалось торфа по-крайней-мѣрѣ на одинъ футъ, готовятъ торфяную массу, и потомъ кладутъ ее въ рамы, длиною въ 14, шириною въ 6 футовъ, а вышиною въ 5 дюймовъ, равною вышинѣ торфяныхъ кусковъ. На короткихъ сторонахъ рамки дѣлаются зарубки черезъ каждыя 4 дюйма, что составляетъ ширину кирпичей, а на длинныхъ черезъ 12 дюймовъ; рама эта кладется на горизонтально выровненное мѣсто, наполняется торфяною массою, которая уминается доскою и уравнивается. Послѣ того массу дѣлать отъ мѣтки до мѣтки, хорошо навареннымъ сталью ножомъ, обоюдо острымъ, въ 15 дюймовъ длиною, и 2 или 2¹/₂ шириною, съ закругленнымъ концемъ. Если работникъ не очень искусенъ и не умѣетъ дѣлать просто рукою, то означаетъ мѣтка веревкою.

Такая рама содержитъ въ себѣ 252 куска торфа, и при достаточномъ навыкѣ рабочихъ, въ день можетъ быть приготовлено отъ 3 до 4000 кусковъ, чего невозможно получить ни при какомъ другомъ способѣ.

Если торфяная масса слишкомъ напитана водою, то торфъ лопится сѣтью, свозится на землю, по возможности осушается и готовится мотомъ по одному изъ вышеизложенныхъ способовъ.

Подъ нѣсколькими слоями хорошаго торфа, нерѣдко попадается такая жидкая масса, что для добыванія ея необходимо прибѣгать къ черпалу.

Масса, вынутая изъ ямы, черпаломъ выкладывается въ чанъ, вмѣщающій въ себѣ до 12 футовъ, и снабженный нѣсколькими косымъ краемъ, вышиною фута въ два. Чанъ, наполненный торфяною массою, приносятъ на выровненное мѣсто, покрытое соломой или тростникомъ, выливаютъ массу кучею и оставляютъ для стока воды дня на четыре или на пять.

Потомъ работники, подвязавъ себѣ подъ ноги дощечки, немного побольше подошвы, утаптываютъ массу до тѣхъ поръ, пока она перестанетъ трескаться и умѣется равномерно; послѣ этого

масса оставляется еще на нѣсколько дней и наконецъ дѣлается куски лопатою.

Иловой и выжимной торфъ даютъ большую степень жара, нежели сорты вырѣзные, но пламя отъ нихъ гораздо менѣе.

Выжимной и иловой торфъ сушатся точно также, какъ и вырѣзной, съ тою только разницею, что куски этого торфа, если они по вынутіи изъ рамы получили надлежащую твердость, ставятся тотчасъ же въ двойныя стѣны. Небольшія призматическія кучи неудобны для храненія выжимнаго и иловаго торфа, ибо этотъ торфъ, будучи подверженъ дѣйствию солнца и воздуха, легко разсыпается. Для приготовленія выжимнаго торфа, необходимое и главное условіе есть—хорошая погода: при сильномъ дождѣ только что сформированные куски совершенно распускаются.

Телѣги, назначаемыя для перевозки торфа, должны быть снабжены корзинными стѣнками фута въ 4 вышиною.

Для избѣжанія, при отпускѣ торфа, труда пересчитывать куски, можно употреблять короба, въ которые бы вмѣщалось нѣкоторое число торфяныхъ кирпичей.

Кромѣ прямаго назначенія торфа собственно для жженія, онъ можетъ имѣть еще постороннее назначеніе.

Въ сельскомъ хозяйствѣ торфъ можетъ быть съ пользою употребленъ на удобреніе глинистой почвы; зола торфа составляетъ отличное удобреніе для луговъ, не уступающее достоинствомъ гипсу. Она смертоносна для червей, истребляетъ излишнюю для луговъ сырость и мхи; и весьма способствуетъ произрастанію травъ.

Чѣмъ зола цвѣтнѣе, тѣмъ лучше для удобренія, и зола отъ лучшихъ сортовъ торфа болѣе прочихъ достигаетъ цѣли удобренія.

Торфяники съ пользою могутъ быть употреблены, для полученія съ нихъ какихъ-нибудь полезныхъ плодовъ, и для этой цѣли могутъ быть разрабатываемы только высокія болота.

По спускѣ съ нихъ воды, выжигаютъ верхній покровъ болота до торфа, а потомъ засѣваютъ почву гречихою, картофелемъ или даже наконецъ и рожью.

Въ Финляндіи торфяныя болота воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ. Но не смотря на всѣ выгоды, общасія торфяниками отъ воздѣлыванія ихъ подъ хлѣбныя или корнеплодныя растенія, въ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, и есть потребность въ веществахъ, его замѣняющихъ, лучше, не употребляя торфяники для земледѣлія, оставить ихъ для разработки торфа; а въ этомъ, кромѣ личной пользы владѣльца торфяника, будутъ заключаться и выгоды потребителей торфа.

Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Критика и Библиографія.

Русскій Пѣсенникъ, или Собраніе лучшихъ и любимѣйшихъ пѣсенъ, романсовъ и водеvilныхъ куплетовъ, извѣстныхъ писателей, изданный К. Адлъвою. Двѣ части. Въ 12 д. С. Петербуръ 1848. Въ типогр. Военно-учебныхъ заведеній.

У насъ, вѣроятно, не было бы такихъ плохихъ пѣсенниковъ, такихъ жалкихъ сборниковъ, или собраній пѣсенъ, романовъ, водеvilныхъ куплетовъ и тому подобныхъ побрякушекъ и баболокъ, еслибъ языкъ нашъ имѣлъ слово, которое, подобно греческимъ антологикамъ, или антологіи и нѣмецкой *Blumenlese*, выражая собраніе цвѣтовъ, напоминало бы составителямъ этихъ пѣсенниковъ и сборниковъ, что надлежитъ собирать цвѣты, выбирать изъ-подъ пустоцвѣта и тринь-травы одно благовонное и прекрасное. Слово же «пѣсенникъ» или «сборникъ» нисколько не предостерегаетъ составителя; для «пѣсенника», или «сборника», по видимому, все годится: такъ все и перепадаетъ въ эти несчастныя книжонки. А пора бы намъ имѣть хорошую антологію, собраніе нашихъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ и нашихъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній — и тому чрезвычайно способствуетъ нынѣшній періодъ нашей лирической поэзіи: достаточно ея, для составленія прекраснаго букета въ одномъ томѣ, и она еще не такъ богата, чтобы сдѣлать выборъ затруднительнымъ. Какъ полезно бы было изданіе такого рода! Не всякій въ состояніи имѣть *все* сочиненія нашихъ поэтовъ; но всякій можетъ

дать и охотно дастъ одинъ или полтора рубля серебра за вѣнокъ изъ отборныхъ цвѣтовъ нашей лирической поэзіи. Какое счастливое вліяніе подобная книга имѣла бы на эстетическій вкусъ публики, а для начинающихъ поэтовъ нельзя бы было и выдумать лучшаго руководства. Во всякомъ поэтѣ найдешь вѣста слабыхъ, полу-прозаическихъ, а это именно соблазняетъ новобранца-пѣвца! Въ книгѣ же *стихотвореній*, въ которой былъ бы подобранъ перлъ къ перлу, алмазъ къ алмазу, нетлѣнный чудодѣйствокъ къ своему подобію, въ которой не было бы ни одного пустоцвѣта, ни одной слабой пѣссы — такая книга тотчасъ арзумила бы каждому, что такое *поэзія* и къ чему долженъ стремиться тотъ, кто принимается за златострунную лиру? Русская антологія, какую мы разумѣемъ и считаемъ дѣломъ не только возможнымъ, но и очень легкимъ, должна расходиться по Россіи тысячами экземпляровъ; но это не могло прійти въ голову ни одному книгопродавцу, потому-что ни одинъ изданный вѣсенникъ или сборникъ далеко не походятъ на антологію. Отъ чего же такъ, когда составленіе русской антологіи столь возможно, столь легко въ наше время? Развѣ составитель ея долженъ быть гениемъ особеннаго рода, какимъ-то Колумбомъ, чтобы показать, какъ поставить яйцо стоймя? Нѣтъ! Антологъ можетъ не быть гениемъ, даже талантомъ; антологу нужно не много: только очищенное чувство изящнаго и умъ критическій! Съ этими простыми средствами онъ совершитъ то, чего не сдѣлаетъ ни одинъ даровитый, гениальный поэтъ, относительно своихъ собственныхъ сочиненій: издастъ книгу стихотвореній, въ которой не будетъ ни одной слабой пѣссы, отъ того, что антологъ, какъ человѣкъ посторонній, равно безпристрастенъ ко всѣмъ цвѣтамъ, изъ которыхъ выбираетъ. Намъ всегда казалось однимъ изъ горькихъ знаменій несовершенства человѣческаго, что гениальный писатель не можетъ быть справедливымъ судьей собственныхъ дѣтницъ своихъ, лучшему часто предпочитаетъ слабѣйшее, однимъ словомъ: иногда не видитъ того, что тотчасъ замѣтитъ первый взглядъ *простаго* посторонняго ума. Рассказываютъ намъ про И. А. Крылова, что онъ предпочтительно любилъ свою басню: «Ручей»; а именно эта басня одна изъ неудачнѣйшихъ басенъ его, будучи огромнымъ промахомъ въ самомъ *созданіи* своемъ, т. е. будучи основана на неправдѣ художественной! По нашимъ понятіямъ христіанскимъ, мы не можемъ видѣть въ рѣкѣ или ручьѣ—

водяного бога, и потому, въ нашемъ умѣ, рѣка и ручей ни сколько не виноваты, когда они, отъ ливня ли, или другой причины, выходятъ изъ береговъ и причиняють опустошенія. Мы не видимъ слѣпой силы стихійной, дѣйствующей по законамъ физическимъ. «Ручей» Крылова отнюдь не виноватъ въ своемъ разливѣ, и потому басня, впрочемъ хорошо рассказанная — *не хороша!* Еще разительнѣйшій примѣръ авторскаго ослабления находимъ мы у нашего гениальнаго Пушкина: въ одной изъ лучшихъ пѣсенъ своихъ онъ не исключилъ слабаго, ничтожнаго конца ея — въ пѣсни Мери, «въ Пиру во время чумы»:

• Было время, процвѣтала
 Въ мирѣ наша сторона:
 Въ воскресеніе бывала
 Церковь Божія полна, и проч:

Въ продолженіе трехъ осмысленныхъ куплетовъ, пѣсня эта дивнымъ образомъ возвышается; третій куплетъ кончается тѣмъ, что, во время чумы:

• Немилуто явото надо,
 Ты могла мечь собою,
 Какъ испуганое стадо,
 Жмутовъ тѣмой чередой!

И послѣ этого дивнаго унобленія, слѣдуютъ еще два слабѣйшіе куплета, уничтожающіе все очарованіе поэтическое. Писавшій эти строки, которому Пушкинъ далъ въ Алмазахъ этотъ «Пиръ во время чумы», осмыслился, по впечатаніи Алмаха, спросить самаго Пушкина: ужель не видать онъ, что два послѣдніе куплета отнюдь не достойны первыхъ трехъ? и получалъ отъ него чисто-сердечный отвѣтъ: «Зачѣмъ же вы не исключили этихъ куплетовъ?» *Не* для себя, а для Пушкина приводимъ эти слова, если они дойдутъ до свѣдѣнія будущаго біографа его.

Мы сдѣлали небольшое отступление, чтобы, кстати, напомнить читателямъ, что всякій изъ нихъ, кто только образовалъ свой изящный вкусъ, не долженъ увлекаться установленною извѣстностью или славой какого-либо писателя, а имѣетъ судить своимъ умомъ каждое изъ произведеній его, ибо этому безотчетному увлеченію мы обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ не имѣемъ

ни общественнаго мнѣнія литературнаго, ни даже порядочной антологіи. Мы отнюдь не проповѣдуемъ неуваженія къ славнымъ именамъ; напротивъ, мы ненавидимъ эту разрушительную систему! Мы желаемъ только, чтобы всякій читатель, забывая объ имени автора, всегда повѣрялъ своимъ изящнымъ чувствамъ общее безотчетное мнѣніе публики, или легкомысленный приговоръ какого-либо журналиста. Нѣтъ нужды; если читатель подчасъ и ошибется; въ массѣ публики, это будетъ великій шагъ впередъ къ общественному мнѣнію литературному, когда каждый читатель поставитъ себя правиломъ: судить о произведеніи словесности и наслаждаться имъ только по собственному крайнему разумѣнію, а не по словамъ другихъ. Никто, больше нашего, не уважаетъ гениальность Пушкина; но, если бы намъ довелось составить русскую антологію, то выборъ нашъ палъ бы непремѣнно на упомянутую превосходную пѣсню Мери, и мы, безъ зазрѣнія, исключили бы послѣдніе два куплета, по извѣстной уже причинѣ. Положимъ, иной безотчетный поклонникъ всего, что ни написано Пушкинымъ, былъ бы сначала пораженъ такою смѣлостью; но, поразудивъ, что антологъ руководствовался строжайшимъ чувствомъ изящнаго и, дѣйствительно, сдѣлалъ добросовѣстный выборъ, по предѣламъ антологіи, въ одинъ томъ, тотъ же слѣпой поклонникъ, можетъ стать, прозрѣвъ бы, понявъ бы, почему исключены тѣ два куплета пѣсни Мери—и мы, въ такомъ случаѣ, оказали бъ ему великую услугу умственную. Да не сочтутъ этого—предосудительною самонадѣянностью! одни афферисты книжные издають книги по извѣстнымъ расчетамъ; но литераторъ, уважающій свое званіе, не вначо пускаетъ свою книгу въ свѣтъ, какъ съ надеждою, что книга его принесетъ умственную пользу.

Обратимся наконецъ къ «Русскому Пѣсеннику г-жи Авдѣевой.» Изъ всего выше сказаннаго явствуетъ, что мы недовольны этимъ сборникомъ; однако, не забѣгая впередъ своимъ сужденіемъ, рассмотримъ подлежащее, по принадлежности. *Первая* часть пѣсенника состоитъ изъ «пѣсенъ и романсовъ», разныхъ авторовъ и изъ лирической смѣси, изъ «пѣсенъ разнаго содержания», какъ говоритъ издательница. *Вторая* часть содержитъ въ себѣ «пѣсни народныя, пѣсни свадебныя, пѣсни, подъ которыя плясывали на вечерникахъ, пѣсни круговыя, пѣсни подблюдныя» и, наконецъ, «пѣсни театральныя,» т. е. куплеты изъ разныхъ водевилей. Сборникъ начинается пѣсною г-на Вельт-

мана, въ которой, съ первыхъ двухъ стиховъ, «зоренька ясная падаетъ на землю росой!» Вслѣдъ за тѣмъ добрый молодецъ, прощаясь въ полночь съ своею красною дѣвицею, велитъ ей *держатъ коня крѣпче подъ уздцы*; выпиваетъ еще чарку вина и отправляется въ Муромскій лѣсъ—грабить купцовъ, чтобы у зазубушки его была «кофточка шитая и шубка на лисьемъ мѣху!» Русскіе, сколько намъ извѣстно, никогда не имѣли суроваго обычая заставлять женъ и красныхъ дѣвушекъ ухаживать за конями и держать ихъ подъ уздцы. Но пусть бы красная дѣвица держала коня подъ уздцы, пусть бы зоренька пала на землю—все это еще простительно! Главный проступокъ издательницы состоитъ въ томъ, что она свою *антологию* начиняетъ *разбойничьей* пѣсней! Да кромѣ этого важнаго промаха, мы въ толкъ не возьмемъ, какимъ образомъ, при началѣ русской антологіи, можетъ кому-либо придти въ голову г-нъ Вельтманъ? Мы уважаемъ этого писателя, по таланту и обширнымъ познаніямъ его, но тѣмъ не менѣе думаемъ, что онъ еще больше нашего былъ изумленъ, очутившись *передовымъ* лицомъ Пѣсенника г-жи Андѣевой. Почтенной составительницѣ частенько не удавалось даже выборы изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ: вотъ что, между прочимъ, взято у Жуковского:

• О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вѣсься?
 Ты не отъ милаго несешься,
 Ты не принесть веселья мнѣ!
 Играй съ косаткой въ вышнѣхъ,
 По поднебесью съ облаками,
 По синю морю съ кораблями—
 Стрѣлу пернатую отвѣй
 Отъ друга—радости моеи!

Признаться, мы не помнимъ этой пѣснѣ; не знаемъ, переводная ли она, или оригинальная? и не повѣрили бы, что она *Жуковского*, не будь подписи. Пѣснѣ, и сама по себѣ весьма впечатлительная, еще особенно потому не должна бы была имѣть мѣста въ пѣсенникѣ, что смыслъ ея остается крайне темнымъ. Какую *пернатую стрѣлу* вѣтеръ долженъ отвѣять отъ друга—*радости*, для души-дѣвицы? Какой вѣтръ отвѣваетъ стрѣлы? Ихъ мечеть тетива лука! И что за странное желаніе души-дѣвицы:

имѣть пернатую стрѣлу своего возлюбленнаго, отъвинуть вѣтромъ! Намекъ ли это на Амурову стрѣлу? Но вещественная стрѣла Амурова уже сидитъ у нея въ сердцѣ, когда она возымѣла столь причудливое желаніе, и она очевидно проситъ иной стрѣлы—можетъ быть, стрѣлы съ грамоткою, съ вѣсточкою,—но это лишь невѣрная съ нашей стороны догадка, ради приличія и уваженія къ автору, догадка, почти опровергаемая странностью просьбы, обращенной къ *вѣтру* и тѣмъ, что, въ такомъ случаѣ, ближе, яснѣе, естественнѣе было бы обратиться къ *самому другу-радости*, повпросить его: перекинуть къ ней, попутнымъ вѣтромъ, съ могучаго лука, вѣсточку на стрѣлѣ пернатой. Щекотливая утонченность нынѣшнихъ понятій требуетъ, въ подобномъ дѣлѣ, точности и вѣрности выраженія, тщательнаго избѣганія всякой неясности; если отъ возвышеннаго до смѣшнаго только шагъ, то отъ наивно-эротическаго до двусмысленнаго менѣе полудѣйма.

Кажется, изъ *Пушкина* можно бы было выбрать двадцать или двадцать пять самыхъ *антологическихъ* піесъ, чистѣйшаго золота поэтическаго, оставляя еще очень богатый запасъ для второй и третьей антологіи русской, но и тутъ, за исключеніемъ не многихъ піесъ, выборъ издательницы неудаченъ: менѣе хорошее предпочтено несравненно лучшему. Къ чему, въ *антологіи*, пісня подозрительной красавицы въ «*Русланъ и Людмила*», пісня «*Кавказскаго плѣнника*» и тому подобное? все это можетъ имѣть свою цѣну въ полномъ собраніи стихотвореній Пушкина, но оно не *уцѣлѣло* въ *антологіи*. Известная горестная піеса: «Я пережилъ свои желанья — я разлюбилъ свои мечты!» имѣется даже въ *двойномъ* числѣ, на стран: 9 и 158 I тома! Можно ли было проглядѣть прекраснѣйшія элегіи: «На холмахъ Грузіи лежатъ ночная мгла,» и «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной — она томилась, увядала...» право, не сочтешь всего, что несравненно лучше выбраннаго г жею Андѣевой.

У князя Вяземскаго, — вѣроятно потому, что нѣтъ еще собранія его стихотвореній, что трудно отыскивать ихъ въ разныхъ изданіяхъ—взято только двѣ піесы: 1) «Какъ обманъ, какъ упоенье» и 2) «Соберайтесь, дѣвки красны!» Последняя довольно мила; но обѣ піесы мы съ удовольствіемъ отдали бы за чудно-хорошую пісню того же автора, изъ которой помнимъ слѣдующія двѣ строфы:

Слезы, что пробилась,
 Позабыты мной;
 Чувства освѣжились
 Свѣжей ихъ росой!

Слезы, что отсыли
 На сердечную дѣлѣ,
 Къ ланамъ прикипѣли
 Ржавчиной во мѣлѣ.

Вотъ, что нужно для русской антологіи! Вотъ одинъ изъ перловъ и алмазовъ нашей лирической поэзіи! И эти-то алмазы частенько проглядываетъ г-жа Андѣева. Не понимаемъ, что прельстило ее въ *первомъ* намъ упомянутомъ стихотвореніи князя Вяземскаго? Это—одинъ наборъ словъ, да еще наборъ неудачный, потому-что въ немъ не соблюдена даже послѣдовательность возрастанія быстроты: Выпишемъ послѣдній куплетъ:

Какъ *незнатный житель лѣса* (?)
 Какъ *пустынная стрѣла*,
 Какъ отважный конь Черкеса,
 Какъ потокъ съ горы утеса—
 Радость быстро протекла.

При первомъ стихѣ этого куплета недоумѣваешь, говорится ли объ угольщикѣ, или о чижикѣ? Оба они имѣютъ равное право на эпитетъ «незнатнаго жителя лѣса.» Только въ послѣдствіи догадываешься, что подразумевается *птица*. И такъ послѣ птицы—*стрѣла*! но что-такое *пустынная стрѣла*? Не все ли равно, въ отношеніи къ ея быстротѣ, пущена ли она въ пустынь, одна, или въ битвѣ, въ обществѣ другихъ стрѣлъ? здѣсь, мы имѣемъ въ виду только быстроту ея. Что же, послѣ быстроты стрѣлы, значить «конь Черкеса» и «потокъ съ утеса»? гдѣ имъ равняться со стрѣлою или, чего требовалось, превзойти ее въ быстротѣ! Подобный наносъ (агломерация) уподобленій уже самъ по себѣ не изыщенъ, но спасется своею эффектною лишь тогда, когда соблюдено строгое *crescendo*. Одинъ изъ главныхъ стихотворныхъ пороковъ князя Вяземскаго состоитъ въ томъ, что онъ, для рифмы, всегда готовъ на большее жертвоприношеніе, нежели сколько дозволяется, или—правильнѣе—прощается поэту.

Издательница «Пѣсенника» заглядываетъ въ поэтическіе сады Нелединскаго, Капниста, И. Дмитріева, Баткишкова, Карамзина, Державина, К. Хованскаго, Хераскова, Ф. Глинки, Иванчинъ-Писарева, Измайлова, Баратынскаго, Давыдова, Б. Дельвига, Языкова, Марлинскаго, Бенедиктова, Лермонтова и Кольцова. Кажется, у многихъ изъ этихъ цвѣтниковъ можно бы пожевить-ся; но г-жа Авдѣева, подѣ влияніемъ какой-то злополучной звѣзды, выбирая обыкновенно только посредственное, иногда даже плохое, еще не запаслась достаточно въ этихъ поэтическихъ садахъ и, для укомплектованія своего матеріала, прі-нуждена завернуть въ стихотворные огороды гг. И. Лажечникова, Н. Таушева, П. Кайсарова, П. Николаева, К. П. В. Гура, Г. Оржицкаго, П. Корсакова, Н. Глебова. Посмотримъ, что намъ приносить она отъ этихъ стихотворцевъ:

Отъ И. Лажечникова:

Участь сладка, незабвенна!
Я въ раю съ Мальвиной жилъ:
Въ ней была моя вселенна,
Въ ней себя, другихъ любилъ!

Отъ Н. Таушева:

Къ кому не знаютъ и слѣда
Съ высотъ разліе перуны,
И сміадемъ въ колесѣ фортуны
Челомъ не бьетъ кто никогда; и проч:

Отъ П. Кайсарова:

Не крушися, мать любезна,
Не томися, не вздыхай!
Участь горька, участь слезна,
Превратися въ душевный рай!

Отъ П. Николаева:

Вдругъ вода съ пескомъ смутилась
Танъ, и ягода горька
Съ той минуты, какъ лишилась
Я любезнаго дружка.

Отъ К. П. В. Гури:

Тише, тише, дитра мила!
Съ сердцемъ вѣстѣ будь уныла;
Томною заставъ игрой
Призадуматься съ собой!

Отъ П. Керсакова:

Часы крылаты, не летите!
. . . . .
Вагутъ, дѣтять стрѣлой они:
Ни дѣнь, ни нѣгой наслажденье
Не могутъ нѣтъ сдержажъ стремленье, и проч:

Отъ Н. Глебова:

Свѣсть затѣляъ Русь святую и проч.

Слава Богу, мы у конца первой части, къ которой мы должны были быть такъ взыскательны, потому-что—повторяемъ—русская антологія есть именно въ наше время, дѣло очень сбыточное.

Во второй части, мы ограничимся разсмотрѣніемъ только отдѣленія *народныхъ* пѣсенъ, потому, что онѣ своими *выборными* входятъ въ предполагаемый составъ русской антологіи. Въ нихъ нѣтъ у насъ недостатка, но не многія изъ нихъ замѣчательны въ отношеніи поэтическомъ, чтобы имѣть право на помѣщеніе въ антологію. Въ этомъ отдѣленіи издательница пѣсенника, имѣя гораздо менѣе свободы въ выборѣ, чѣмъ въ первой части, распорядилась несравненно лучше, нежели тамъ, и еслибъ она, вмѣсто 62 пѣсень, ограничилась сорока или пятидесятью, то сдѣлала бы еще лучше. Но одно мы должны замѣтить почтенной издательницѣ: въ числѣ этихъ шестидесяти двухъ пѣсенъ народныхъ, мы не донкались нѣкоторыхъ истинно-поэтическихъ и довольно извѣстныхъ и, что всего удивительнѣе, мы здѣсь не находимъ *лучшаго перла* нашей народной поэзіи, той превосходной пѣсни, о которой упоминаетъ даже историографъ нашъ, въ послѣдней главѣ X тома—дѣсни о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя...
Въ головахъ стоитъ животворяшій Крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,

По дѣву руку его крѣпкій луга,
 А въ ногахъ стоитъ его добрый конь...
 Онъ, кончался, говорить коню:
 Какъ умру я, мой добрый конь,
 Ты зарой мое тѣло бѣлое
 Среди поля, среди чистаго;
 Побѣги потомъ во святую Русь:
 Поклонись моему отцу и матери,
 Благословенье свези малыи дѣтушкамъ;
 Да скажи моеи молодой вдовѣ,
 Что жила я на другой жевѣ:
 Я въ придавое взялъ поле чистое!
 Была свахою калена стрѣла,
 Положила спать сабля остра!
 Всѣ друзья-братья меня оставили,
 Всѣ товарищи разѣхались...
 Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
 Ты слушаешь мнѣ адрно до смерти...

Мы повторили пѣсню въ томъ видѣ, въ какомъ она у Карен-
 зина, который, отрѣшивъ отъ нея престонародную окантку и
 сохранивъ одно *чистое золото* русской народности, указываетъ
 русскому антологу, какъ должно поступать съ такими народ-
 ными пѣснями, чтобы выказать имъ въ полномъ блескѣ и данъ
 имъ право гражданства въ русской *антологии*! Скоро ли до-
 идемся ея!

Мы не сибѣнили своєю рецензією! «Русскій Иностранецъ» г-жи
 Авдѣевой, вѣроятно, уже взялъ свое, разошелся! Тѣмъ лучше:
 онъ проложилъ путь будущей антологіи той же издательницей!

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. МАРЛИНСКАГО.
Изданіе четвертое, XII частей, въ четырехъ томахъ, въ 19 д.
Сиб. Въ типографіи Минист. Госуд. Имущества. 1847 года.

Иностранные писатели, разумѣется, дурными, завистливыми
 глазами глядя на страшное для нихъ, и, очевидно, все болѣе и
 болѣе развивающееся величіе Россіи, любятъ воображать рус-
 скую націю распавшеюся на двѣ части, изъ которыхъ одна,
 меньшая, гениемъ Петра Великаго подвинута на путь европей-
 скаго просвѣщенія, сданы идти наравнѣ съ вѣкомъ, между
 тѣмъ, какъ другая, несравненно большая часть, зашла въ сво-
 емъ прежнемъ невѣжествѣ, или развѣ стремится назадъ къ сво-

ему первобытному азіатскому элементу. Прощаетъ иностранцамъ такое ложное мнѣніе, когда у насъ, въ Россіи, есть Русскіе люди ученые, которые толкуютъ безпрестанно о томъ, что высшіе классы у насъ будто оторваны отъ живаго корня русскаго, и что мы, черезъ это, будто утратили живую личность народную. При разборѣ «Московского Сборника» за прошедшій годъ, мы уже насмѣхались надъ этими толками, о которыхъ говорить серьезно, да вообще *говорить* уже не стоить. Здравый русскій смыслъ понялъ и понимаетъ, что Петръ Великій былъ преобразователемъ не однихъ высшихъ классовъ, но всей Россіи, что онъ весь народъ выдвинулъ изъ его азіатскаго застоя на путь просвѣщенія! Если глава народной колонны—высшіе классы общества—уже достигла, по крайней мѣрѣ *наружно*, европейской образованности, а хвостъ колонны еще только что выходитъ изъ своей тысячелѣтней стоянки, то это отнюдь не значить, что масса народа разорвана! Колонна въ шестьдесятъ милліоновъ тянется на огромнѣйшемъ протяженіи: поэтому, удивительно ли, что глава далеко впереди хвоста? Народъ нашъ очень хорошо понимаетъ, что «щука идетъ изъ Новгорода, а хвостъ волочитъ изъ Бѣла-Озера», не распавшись на двѣ части, не отдѣливъ головы отъ хвоста. Преобразовательный гений Петра какъ же не проникъ всей Россіи, когда простолудни въ низовыхъ губерніяхъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Невы, пойметъ, что не грѣшно бросить закоренѣлые предрассудки и, на примѣръ, употреблять ненавистное ему дотошъ *чертвое зелье*—табакъ? Уразумѣніе своего невѣжества, въ чемъ бы то ни было, есть такой моментъ отрицательный, въ которомъ содержится условіе чего-то положительнаго; принятый нами, или возложенный на насъ, символъ непримѣтно содѣйствуетъ къ постепенному осуществленію сокрытой подъ нимъ идеи; брадобратіе и европейская одежда петровскихъ бояръ довели до блистательныхъ парадворцевъ екатерининныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся масса народа двинулась, и мудрое правительство, указывая ей прямой, естественный, народному духу сообразнѣйшій путь къ просвѣщенію, вслѣдствіе печется о вѣдшемъ облегченіи труднаго пути.

Въ началѣ нашего вѣка, передовые ряды нашей народной колонны (остаемся при этомъ упрощеніи), не отставая отъ Европы, держались, кажется, того мнѣнія, что и Россіи суждено принять со временемъ тотъ обще-европейскій характеръ, передъ

которымъ національныя особенности Запада начинали исчезать. Но европейскій умъ нашихъ передовыхъ рядовъ вскорѣ оказалъ въ разладѣ съ ихъ русскимъ сердцемъ, лежавшимъ къ самобытной народности и требовавшимъ много, болѣе естественнаго, т. е. нефорсированнаго процесса развитія. Этотъ душевный разладъ произвелъ какъ въ обществѣ, такъ и въ выраженіи его, въ литературѣ—и могло ли быть иначе?—томную аномальность, какой-то недугъ нравственный—*malaise*—словеснымъ представителемъ котораго сдѣлался Пушкинъ, въ самомъ началѣ своего поприща. * Передовые ряды были уже слишкомъ напитаны просвѣщеніемъ, чтобы желать возврата, или даже приближенія къ прежнему боярству; но, убѣжденные въ томъ, что дальнѣйшее слѣдованіе по, такъ называемому, пути европейскому и мнимое неотставаніе отъ *вѣка* приведутъ еще къ большому разладу съ русскимъ сердцемъ, они пріостановились, чтобы не слишкомъ—не до разрыва—растягивать колонну, и подумали о способѣ: согласовать влеченіе ума съ врожденными потребностями сердца. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ совершается благодѣтельная реакція въ пользу русскаго чувства, и реакція совершается очень просто, какъ все гениальное: это не шествіе назадъ, но—такъ сказать—искусное боковое движеніе, дающее способъ поджидать, по прямому ближайшему пути—естественное, правильное развитіе русскаго чувства, не переставая жить умомъ, не теряя изъ виду современныхъ услѣховъ *истиннаго* просвѣщенія. И вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ мы очень хорошо знаемъ, *какимъ* путемъ шествовать и что изуча присвоивать себѣ, чтобы отечество наше было образованною *Русью*, т. е. страню оригинально-самобытною и въ своемъ просвѣщеніи, не сколкомъ съ какого-нибудь западнаго государства, невозможнымъ по нашему прототипу народному.

Всякій переходъ отъ опредѣленнаго положенія къ какому-нибудь процессу—когда паче выходъ изъ природнаго состоянія—по рѣзкости своей, сопровождается болѣзненными припадками,

* Зри стихотворенія:

И пережилъ стои желанья
 Я разлюбилъ свои мечты.
 Остались мнѣ одни страданья —
 Плоды душевной пустоты.

нравственными судорогами: мы видѣли ихъ при Петрѣ. Онъ все одолѣлъ, по чувству своей непобѣдимости, — и народъ нашъ выступилъ изъ природнаго состоянія въ область *Исторіи* (въ философскомъ смыслѣ) и началъ процессъ чисто-человѣческаго развитія. Этотъ процессъ имѣетъ множество различныхъ моментовъ и периодовъ и тянется въ безконечность. По русской смѣтливости — правильнѣе, даровитости, умъ нашъ скоро догналъ европейское просвѣщеніе; но сердце не такъ скоро могло возвыситься надъ глыбой землю, и разростишь широко и распустишь великолѣпный цвѣтъ истинной людскости и моральнаго образованія: прекрасное расцвѣтаетъ медленно, природы не заторопишь! А природа *русская*, закаленная въ вѣковыхъ бѣдствіяхъ историческихъ, подавно требуетъ узаконеннаго времени для своего развитія, для разведенія своего благороднаго металла до нравственной кристаллизаціи: черезъ многотрудный, весьма аккуратный процессъ химическій, серебро развивается Дианнинымъ деревомъ....

Особенно въ нынѣшнія времена, для насъ пріятно, утѣшительно постигать умомъ и сердцемъ, что Россія имѣетъ своимъ жизненнымъ началомъ религіозность и *нѣчто* въ родѣ той нравственности, которая составляла стихію эллинской жизни — мы разумѣемъ *моральность разумнаго инстинкта*, врожденную внутреннюю стройность, наивную непосредственность *неразмышляющаго* чувства нравственности, между тѣмъ, какъ жизнь западно-романскихъ народовъ, основанная на моральности *размышляющей*, сбилась и все еще болѣе сбивается на какое-то самонадѣянное сознаніе, оно же считаетъ возможнымъ и несбыточное, принимаясь осуществлять въ моментѣ — въ опредѣленной формѣ и въ опредѣленномъ времени, — идею абсолютную; забывая, что единственная для человѣка истина абсолютнаго заключается только въ чистомъ къ нему стремленіи, существуетъ только, какъ несокончасмый процессъ историческій, т. е. совершается ежеминутно, но — во вѣки вѣковъ, на землѣ не совершится.

Если, въ передовыхъ рядахъ нашей народной колонны, вышесказанный разладъ душевный оказался томною праздною ума и какою-то пустотою сердца, о чемъ не разъ заводила пѣсню Муза Пушкина, не догадываясь о причинѣ недуга, пока не дожили до благодѣтельной реакціи — то, въ слѣдующихъ рядахъ, этотъ же душевный разладъ искалъ исцѣленія, или оглушенія, т. е. искалъ выхода на пути, рѣшительно противоположномъ нашимъ духовнымъ выгодамъ, на пути бѣльшаго раз-

внѣя вѣсторонняго элемента, вмѣсто разложенія его къ нравственномъ процессѣ. Представителемъ этого минушаго «аза общества считаемъ мы автора, сочиненія котораго лежатъ передъ нами. Въ немъ вполнѣ обнаруживается первобытная природа азиатская съ первобытною же силою духа; молодецкое презрѣнїе смерти, искрометное остроуміе, шаловливая геніальность, при той суровости души, которая, у Русскаго, значительно уже смягчилась, подъ вліяніемъ христіанства и болѣе и болѣе смягчается, безъ малѣйшаго ущерба этой первобытной силы житейской и другихъ отличительныхъ достоинствъ нашего народа. У Марлинскаго же, лучи просвѣщенія играютъ только на поверхности ума, не проникая во внутрь вѣжливымъ свѣтомъ истинной людскости. Это дикое суровое, то рѣзче, то слабѣе, выказывается почти во всѣхъ сочиненіяхъ нашего автора. Если наша двадцатилѣтняя реакція вразумила намъ, что у насъ, теперь, дѣло не въ суровомъ молодечествѣ, а въ тщательномъ стараніи о доведеніи нашего душевнаго процесса до нравственной кристаллизаціи, на степень, равную со свѣтомъ нашего ума, то этимъ и объясняется, почему мы, отдавая всю справедливость таланту нашего автора, не чувствуемъ душевной къ нему симпатіи, какъ къ автору. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Марлинскаго, эта душевная суровость, кстатіи примѣняемая къ героямъ его повѣстей, къ дикимъ сынамъ Кавказа, удачиѣ скрывается отъ суда читателей; но тѣмъ не менѣе и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ существуетъ, относительно самого автора.

Приостановимся. Выказываемая здѣсь строгость приводитъ намъ на память *Судъ мертвыхъ*, у древнихъ Египтянъ: это былъ самый горько-торжественный обрядъ, когда-либо установленный людьми! Прямо изъ простаго обще-человѣческаго чувства, во всѣ времена, проростекало благое правило: «о мертвомъ или безмолвіе, или доброе слово!» Одною изъ сильнѣйшихъ чертъ людской души обнаруживается наклонность: видѣть одно хорошее въ пресѣченной жизни собрата; сажать, какъ цвѣтокъ, доброе слово на могилѣ его. Если же, вопреки этой сильной наклонности и тому общему благому правилу, на египетскомъ судѣ мертвыхъ, истцы клали жалобу на преобразенный присутственный лжкъ усопшаго, то надобно полагать, что они, по большей части, совершали это съ сокрушеннымъ сердцемъ, повинувась высшей обязанности, побуждаясь моральною пользою патетическаго обряда. Въ подобномъ же положеніи находится и критика, обязан-

ная, по совѣти своей, говорить не только объ художническихъ, но и личныя недостатки умершаго писателя, когда сія послѣдніе отпечатались на его произведеніяхъ и, вмѣстѣ съ ними, остались живы для потомства! Это одно изъ тѣхъ тяжелыхъ, жертвоприношеній, которыя изъ безъ того уже горькій хлѣбъ рецензента содѣлываютъ еще горшамъ.

Указавъ на помянутый выше недостатокъ въ талантѣ Марлинскаго, мы столь же чистосердечно возстаемъ однако противъ тѣхъ, кто, изъ-за этого недостатка, хочетъ унизить самый талантъ вашего автора; мы, напротивъ того, думаемъ, что еслибы судьба сулила Марлинскому должайшую жизнь, особенно, если бы переселила его съ Кавказа въ кругъ дѣйствій, мѣнѣ суровыхъ, болѣе мирныхъ и благопріятствующихъ образованію сердечному, то авторъ нашъ, безъ сомнѣнія, очистился бы въ своей личности отъ всего темнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастая до художественной стройности Пушкина, долженствовалъ бы, по свойству (*la mesure*) своего генія, быть чуть ли не первымъ изъ поэтовъ русскихъ, ибо ни въ одномъ изъ нашихъ писателей, за исключеніемъ развѣ Державина, не видимъ мы столько оригинальности и гениальности, сколько въ Марлинскомъ. Преждевременно ли явились эти геніи (Пушкинъ, Марлинскій, Грибоѣдовъ), что судьба ознаменовала ихъ и преждевременною смертію, не давъ имъ совершить своего житейскаго подвига? Пушкинъ хоть дожилъ до реакціи; благодаря вліянію ея, послѣднія его сочиненія суть лучшія изъ всѣхъ, совершеннѣйшія! Долгое, послѣ перваго блистательнѣйшаго успѣха, молчаніе Грибоѣдова дѣлаетъ сомнительными дальнѣйшіе его, въ томъ же родѣ подвига словесные, но, во всякомъ случаѣ, онъ доплылъ бы до сознанія, что въ Россіи уже не бывать *юры отъ ума, свадимаго съ русскимъ сердцемъ* — и такое сознаніе могло бы навѣвать столь даровитому писателю прекрасными вдохновеніями не въ комическомъ родѣ. А если бы жилъ по сіе время Марлинскій, то сколько бы еще написалъ гениальнаго въ томъ же родѣ эпическомъ, ябо какъ бы было нашему автору, не выразумѣть того, что теперь понимаемъ послѣдній изъ насъ, т. е. что мы болѣе всего должны стараться: образованіемъ душевнымъ догнать свое умственное просвѣщеніе — и этого одного не доставало Марлинскому.

Самобытный талантъ нашего автора не пронзросталъ ни одного послѣдователя, не имѣлъ образовательнаго вліянія ни на од-

ного изъ писателей младшаго поколѣнія, сколько намъ извѣстно; но за то патологическая черта въ этомъ самобытномъ талантѣ: *неумѣренная шутовскость* — сдѣлалась родоначальницею несчастнаго самозванца юмора, на которомъ выѣзжаютъ наши писальщики: вотъ, что составляетъ критикѣ въ обязанность разсматрѣть этотъ мнимый юморъ у самаго источника его; прослѣдить эту рѣзкую черту въ Марлинскомъ.

Онъ говоритъ, въ одномъ изъ своихъ небольшихъ рассказовъ — въ «Будочникѣ-Ораторѣ»: «Никакой шутки не могъ я *выжать* изъ своего пера!» Этого не могъ бы написать авторъ, если бы за нимъ неводился грѣшокъ *выжимать* шутки! Шутка, по природѣ своей — есть милая, легкая сильфонда-бабочка, не терпящая столь крутаго съ нею обхожденія, если не хотите, чтобъ отъ нея осталась одна лишь измятая грязь на кончикѣ пера. У Марлинскаго нѣтъ и тѣни истиннаго юмора; есть только остроуміе, быть можетъ природное, но отъ наслованія, по большей части — неумѣстное и неудачное. Кажется, авторъ нашъ, всего болѣе страшась *простоты* рассказа — столь плѣнительной, когда она изящна, но легко сбивающейся на водяность, если писатель не руководствуется тонкимъ чутьемъ критическимъ — взялъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ, всегда, когда не имѣется гениальной, поэтической мысли или глубокаго чувства, — прибѣгать къ шуточкамъ, безъ всякаго естественнаго побужденія, насловать свое остроуміе, что значительно мѣшаетъ наслажденію читателя, отзываясь въ его душѣ чѣмъ-то *нерадостнымъ*, болѣзненнымъ. Плодомъ только внутренней стройности художника бываетъ изящная простота; избѣжаніе же ея, у Марлинскаго, происходило отъ горькаго несогласія между умомъ и сердцемъ его — и надъ бездною этого дуализма онъ, почти всегда, долженъ былъ — или сверкать молніею гениальной мысли, или разсыпаться то трескучимъ острословомъ, то мелкимъ глумителемъ. Когда же глубина чувства, или важность основной идеи, наполняетъ собою эту бездну, изглаживаетъ на время дуализмъ, приводитъ его въ художественную гармонію, — тогда авторъ нашъ и не думаетъ *острить*, и дарованіе его тогда выказывается въ лучшемъ свѣтѣ и въ то же время манитъ наше душевное участіе: «Ночь на кораблѣ» и «Красное покрывало» такъ хороши именно потому, что въ нихъ нѣтъ и тѣни шуточки! Въ самомъ дѣлѣ, не только мазѣйшая шуточка, но даже *тѣнь* ея испортила бы все въ этихъ мѣлахъ, на глубокомъ

чувствъ основанныхъ твореніяхъ. Есть у Марлинскаго и другія повѣсти, въ которыхъ онъ воздерживается отъ шутокъ, какъ-то: «Страшное гаданіе» и «Амралатъ-Бекъ», но *здесь*, это воздержаніе не опредѣляетъ, не характеризуетъ достоинства повѣстей, заключающагося въ основной идее, въ превосходствѣ созданія. Здѣсь умѣренные шутки даже не помѣшали бы нисколько; но ахъ нѣтъ, между-тѣмъ, какъ авторъ частенько шутить не во время и не у мѣста! Не доказываетъ ли это, что шутливость Марлинскаго была не природною наклонностью, но только привычкою, приобрѣтенною въ обществѣ и утвердившеюся въ послѣдствіи, какъ способъ: маскировать свой внутренній дуализмъ.

Въ особенности тяжела шутливость нашего автора въ повѣсти: «Мулла-Нуръ», въ которой безъ всякой художественной надобности, далъ онъ непомѣрно широкій просторъ вовсе не интересному, постороннему и крайне ничтожному лицу Гаджи-Юсуфа, единственно для того, чтобы было надъ кѣмъ разшучиваться. Казалось бы, это под plus ultra неудачнаго юмора, если бы самъ авторъ нашъ не нашелъ средства перецеуголить эту неудачу въ одной статьѣ, которая, кажется, является впервые въ полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго, бывъ дотогѣ похороненною въ «Московскомъ Телеграфѣ»: это критическая статья «О Романѣ Н. Полеваго: Клятва при Гробѣ Господнемъ.» Въ отношеніи не только ультра неудачной шутливости, но и самой критики, эта статья требуетъ, чтобы мы, въ разборѣ своемъ, занялись его болѣе, чѣмъ прекрасными повѣстями автора, которыя публика знаетъ почти наизусть, и въ которыхъ гениальное далеко превышаетъ художественные недостатки. Если и по сіе время критика наша еще не далеко ушла, то какъ же не интересно посвятить вниманіе рецензій, написанной въ 1833 году, гениальнѣйшимъ изъ нашихъ писателей и обпаруживающей несравненно меньшую степень критической способности и дальновидности! Положимъ, что авторъ нашъ хотѣлъ, этою статьею угодить Н. А. Полевому, издававшему тогда «Московскій Телеграфъ»; положимъ, что авторъ нашъ включилъ въ свой «Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 годовъ» слѣдующій порицательный отзывъ о Московскомъ Телеграфѣ: «Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ: Телеграфъ, издаваемый г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все; извѣщаетъ и судить обо всемъ, начиная отъ безъ-

конечно-чужды въ математикѣ, до вѣтущихъ гробницъ въ соусѣ, или до баянства на людныхъ бинчаткахъ. Переломный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ срачорахъ, нездѣ охота учить и частое шристрастіе — вотъ знаки сего Телеграфа, а слабыми владыка Божьяго дошны!... Положимъ, что авторъ хотѣлъ покусить это порицаніе другимъ, рѣзко противорѣчащимъ прописку, отзывомъ о томъ же Телеграфѣ, напримеръ: «Да и вѣдѣть бы я сталъ пересказывать то, что такъ дѣльно, такъ безпристрастно, такъ увлекательно высказано въ *Телеграфѣ*, журналѣ, который стоитъ одинъ на лавалъ европейскаго просвѣщенія!» (Ч. XI, стр. 198). Однимъ словомъ: что бы ни побудило нашего автора такъ рѣзко противорѣчить себѣ самому, въ соуса съ вѣтущими гробницами пожаловать Телеграфъ въ единственные у насъ ловчіе европейскаго просвѣщенія — никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы возвышенный и общопризнанный первостепенный гений, каковъ Марлинскій, серьезно возыгнѣлъ мысль куртизировать такое шельме—въ сравненіи съ нимъ, во таланту —свѣтло, каковъ Н. А. Полевой, которому мы, въ дружескіе отношеніяхъ, охотно отдадимъ полную справедливость. По этому достовѣрно для насъ, что автору нашему вышесказанный романъ Н. А. Полеваго понравился болѣе, чѣмъ другіе современные русскіе романы: иначе онъ не принялся бы за рецензію! Но не къ славѣ критическаго таланта Марлинскаго относится, если онъ въ самомъ дѣлѣ, не выразумѣлъ, до какой степени романъ Полевого ошибоченъ, можно сказать, ничтоженъ, въ своемъ планѣ, въ своемъ художественномъ составѣ, доказывающемъ, что сочинитель его, въ то время, еще не имѣлъ никакого понятія объ органической стройности созданія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его роману *пазнуть Русью*. Этотъ русскій духъ, какъ ни милъ и пріятенъ для насъ, не искупаетъ однако недостатка созданія и во вѣки вѣковъ не объяснитъ, какъ могло прійти въ голову рецензенту, для статьи о такомъ приземистомъ предметѣ, взмоститься до выпреннихъ, сдѣлать смотръ всѣмъ вѣкамъ, отъ начала міра, чтобы добраться до романа Полеваго — а именно, это сдѣлалъ Марлинскій! Онъ начинается «съ лицъ Леды—и почему въ самомъ дѣлѣ не такъ? Развѣ эту фигуру не считаютъ началомъ міра и человѣка?» и черезъ Индію, Персію, Египеть, Грецію, черезъ *Омира* и Римъ, и средніе вѣка, и Мавроу, и французскій классицизмъ, черезъ Вольтера, Гете и Шиллера, и

Валетеръ—Скетта и проч. и проч. и проч. доходить, самымъ тщательнымъ путемъ, наконецъ до «Клятвы при Гробѣ Господнемъ!» Вотъ, какъ у насъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, являлись ясныя критики! Раскачались не всѣмъ литературомъ въ мірѣ, чтобъ эффективѣе обрывать на мелкомъ предметѣ, о которомъ сдѣлалось бы просто, и съ пользою для публики, излагать свое критическое мнѣніе. Слабый отголосокъ эдикъ чудовищнаго критикъ сохранился до нынѣ, въ такъ называемыхъ «Обозрѣніяхъ нашей Словесности за истекшія годъ», являющихся какъ подарки въ новый годъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ. Въ этихъ обозрѣніяхъ та же небывальщина, то же не чистосердечное намѣреніе увѣрять публику въ существованіи того, чего не имѣется въ палачности; пускать пыль въ глаза, лишь бы разгуляться широкоушительною статьею съ неосновательною претензією на ученость. — Ниже, мы укажемъ другую точку зрѣнія на эту статью Марлинскаго. Сперва мы должны судить о ней, какъ о серьезной рецензій.

Разсматривая лицо *иудочника*, въ романѣ Полеваго, авторъ нашъ восклицаетъ: «Какая высокая романтическая мысль была, изобразить человѣка, отдавшаго въ жертву всѣ радости жизни, все честолюбіе свѣта, даже надежду за гробомъ—преданности! Стремясь къ цѣли, онъ топчетъ и людей и совѣсть, обманываетъ, лицемеритъ, похищаетъ документы, разсымаетъ ложные приказы, возставляетъ брата на брата... но онъ *выкупаетъ* все это жаркою, безкорыстною любовью къ пользамъ дѣтей своего Князя.» — Преданность имѣетъ свои предѣлы, и если она жертвуетъ даже надеждою за гробомъ и топчетъ совѣсть, и вдается во всякое воровство и разбойничество — то какая тутъ высокая романтическая мысль? Это просто помѣшательство, или нечѣсть, страшнѣйшая, чѣмъ всѣ нечѣсти средневѣковыхъ рыцарей, жертвовавшихъ своей дамѣ также всѣмъ, но только за исключеніемъ загробной надежды. Вести русскаго Поломника *камнями*, *навилистымъ*, страшнымъ путемъ, какимъ плетъ *иудочникъ* помянутый—есть просто клевета на древнюю Русь; а фанатизмъ такого рода—такое же нечѣлое согрѣшеніе передъ психологією. На концѣ своей критики, Марлинскій, предрекая автору «Клятвы при Гробѣ Господнемъ», что, въ скоромъ времени публика не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, пошлетъ ее безъ перчатка Полевому и скажетъ ему отъ сердца:

Спасибо! продолжаетъ: «Впрочемъ, неполный усѣхъ «Клятвы» произошелъ, вѣроятно, отъ слога: это концертъ Бетховена, сыгранный на плохой скрипкѣ!» — Пораженные до безмолвія, предоставляемъ знатокамъ музыки судить о точности этого изумительнаго уподобленія.

Перейдемъ къ юмористикѣ разсматриваемой рецензіи. (страк. 160) «На святой Руси по сочинателей не клечь кликать: стѣять кракнуть, да денежкой бракнуть, такъ набѣжить, напоззеть ихъ полторы тыи съ потемками. Такъ и сталося. Чернылыныя тучи взошли отъ поля и отъ моря: закричали гуси, опципанные безъ милосердія, и запищали гусиныя перья со всеусердіемъ. Прежніе наши романисты, забытой памяти, Федоръ Эмиль, Нарѣжный, Марья Извъкова, Александръ Измайловъ, скромненько начинали съ какого-нибудь Никанора, Несчастлиаго дворянина, съ Евгенія или пагубныа сѣдствія дурнаго воспитанія, съ Русскаго Жлблаза, который не чуждался ни чарки, ни палки. Тогда вороны не летали въ хоромы!... добрыя, простыя времена! Но мы нашли, что простота хуже воровства. Острые локти наши, которые тоже любятъ просторъ, проглянули изъ тѣсныхъ рукавовъ Митрофанушкина кафтана: иной бы сказаъ, что у насъ выросли крылья — такъ бойко начали мы метаться въ даль и въ воздухъ. Исторія сѣблалась страстью Европы, и мы сунули носъ въ исторію, а Русскій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ шутить не любитъ. Подавай ему героя охвата въ три, ростомъ съ Ивана-великаго, и съ такимъ славнымъ именемъ, что на тощакъ и не выговорить. Искромсали Карамзина въ доскутки; доскреблись и до архивной пыли; обобрали кругомъ изуственное преданіе; не заваялась даже за печкой никакаа сказка, ни присказка. Мало намъ исторія; принялись мы и за мораль. «Нраво-описательныхъ ли, нравственно-ли сатирическихъ, сатирико-историческихъ ли романовъ? Милости просимъ! Кто купить?»—О, навѣрно ужъ не я! Въ осьмую долю листа, въ восемнадцатую долю смысла, хотъ торцовую мостовую мости. И надобно сказать, что всѣ они съ отличнымъ поведеніемъ: порокамъ у нихъ нѣтъ повадки; колютъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, не то, что у иностранцевъ — на щипокъ правоученія не возьмешь... У насъ, батюшка, его не продаютъ, будто краденое изъ-подъ огня (огня); у насъ оно облуплено словно луковка: кушай, да локтемъ слезы вытирай. А ужъ про складъ и говорить нечего! Въ поддюжины лѣтъ нажи-

ли мы не одну дюжину романовъ, подписанныхъ, родовыхъ романовъ, романовъ, въ которыхъ есть и русскій квасъ и русскій хмѣль; есть прибаутки и пословицы, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ десятскій; есть и лубочныя картины нашего быта, разкрашенныя матушкой-грязью; есть въ нихъ все, кромѣ русскаго духа, все, кромѣ русскаго народа!»

Какъ назвать этотъ странный юморъ, эту судорожную натуру остроумія? Изъ всѣхъ писателей и даже писальщиковъ, видно, авторъ нашъ, первый, у живаго гуся выщипалъ то перо, которымъ написалъ свою рецензію, и которое, отъ начала до конца, кричатъ оципаннѣвшимъ гусемъ. Мы, право, не понимаемъ, надъ чѣмъ издѣвается авторъ, или свалится издѣваться! Именно надъ тѣмъ періодомъ нашей словесности, когда появлялись романы, непреходящіе въ нашей словесности — романы Булгарина, Загоскина, Лажечникова, Калашникова и другихъ... назовемъ смѣло и *Масальскаго*! Намъ дѣла нѣтъ до того, что онъ Редакторъ «Сына Отечества:» статья наша является съ нашимъ именемъ, а читатели Сына Отечества знаютъ, что мы никому не льстимъ — и не самъ ли Марлинскій (стр. 205) признаетъ дарованіе автора романовъ: *Дочь купца Жолобова* и *Камчадалка*, «столь богатыхъ картиными описаніями Сибири» и талантъ автора *Стрѣльцовъ* и *Чернаго лица*, «столь драгоценныхъ по матеріаламъ, объясняющимъ любопытнѣйшую эпоху нашей Исторіи!» Не знаемъ о какихъ подписанныхъ и родовыхъ романахъ говоритъ авторъ нашъ; но когда судить онъ о русскихъ романахъ вообще, такъ надобно думать, что рѣчь идетъ преимущественно о тѣхъ, которые впереди и въ виду всей публики — и ни къ одному изъ тѣхъ романовъ не примѣнишь странной шутливости нашего автора! Укажите намъ, въ какомъ изъ нихъ, гдѣ именно острые локтя проглядываютъ изъ тѣсныхъ рукавовъ Митрофанушкина кафтана? гдѣ герой «въ три охвата, ростомъ съ Ивана-великаго?» гдѣ «въ осьмую долю листа, въ восемнадцатую долю смысла?» гдѣ нравоученіе «облуплено словно луковка, и гдѣ есть русскій квасъ и русскій хмѣль и все, кромѣ русскаго духа и русскаго народа?» Ужели русскій духъ и русскій народъ впервые явились, въ «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ» Полеваго, въ этомъ «Бетховенскомъ концертѣ, сыгранномъ на плохой скрипкѣ?» Если авторъ нашъ, въ самомъ дѣлѣ, чулъ анаго рода русскій духъ, единосущный съ духомъ твореній Бетховена, то и мы сог-

лесьи, что такого *Вестготскаго* русскаго духа рѣшитель-но не выѣтся у Загоскина и другихъ достойныхъ романи-стовъ нашихъ, и отъ нихъ, по сіе время, какъ бы не требо-валось.

Выпишемъ еще одно прелюбопытное мѣсто, относящееся къ исторіи (стр. 163).

«Исторія была всегда, свершалась всегда. Но она ходила сперва не слышно, будто *кошка*, подкрадывалась незаметно, какъ *татъ*! Она буянила и впрямь, разбила царства, ничто-жила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ кля-ны грязь; но народы, послѣ тяжкаго похищенья, забывали вче-решнія кровавыя попойки, и скоро исторія оборачивалась сказ-кой. Теперь явос. Теперь исторія не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, на сердцѣ у народовъ. Мы ее видимъ, слы-шимъ, осязаемъ ежеминутно; она провицаетъ въ насъ всѣми чувствами. Она *толкаетъ* васъ *лопталки* на прогулкѣ, втирает-ся между вами и дамою вашей въ *котальонъ*...»

Когда же, и гдѣ внешне, исторія ходила неслышно, какъ кошка, или подкрадывалась, какъ *татъ*? Напротивъ! мѣръ древ-ней; объемомъ меншій и, въ составѣ своемъ, прѣстѣннѣйшій на-вѣшняго; надолго и *всѣ* оглашался такими событіями, кото-рыя, въ наши дни, удостоивались бы только минутнаго вни-манія. Теперь-то забываютъ вчерашнее и сибиваютъ внима-ніемъ за новѣйшими событіями. *Осада Тром*, дѣло, безъ со-мнѣнія, не важное въ своей первобытной исторической сущно-сти, дожила, въ одной памяти народа, не въ *книгахъ*—до Гомера; разширившаго, растянувшаго, обезсмертившаго ее, и *осада Гелум* была забыта черезъ немого дѣтъ. Гевтебургская бит-ва Арменія свѣжѣе, въ памяти Германіи, чѣмъ Лейпцигская... Ньюцы до-чиста позабыли, по крайней мѣрѣ, *то*, чѣмъ за все они обязаны Русскимъ! Ни въ своихъ *сказкахъ*, ни въ *дѣ-писаніяхъ* Фукидыда, Саллюстія, Тацита—древняя исторія не ходила неслышно, какъ кошка.

Продолжаемъ ту же выписку, касательно исторіи.

«Баринъ, баринъ!» Кричитъ вамъ гостинищворокій свидѣлецъ: купите шапку *Эриванку*!—Не прикажете ли скронты вамъ спор-тукъ по *саршавски*?—спрашиваетъ портной. Сначѣтъ лошадь—это Велингтонъ! Взглядываетъ на *вильвску*, Кутузовъ мнитъ васъ въ гостинищцу, возбуждая выѣстъ народную гордость и народ-ный аппетитъ. Берете щепокку табану—они шумѣтъ съ полет-

на полюбъ Карла X. Запечатывае письмо — сургучъ императора Франца. Возвзаете поить въ сладкій пирогъ и —ого имя Наполеонъ!.. Дайте гривну — и вамъ покажутъ за гривну злочасіе вѣнокъ, Клеветницю и Шенье, убійство Генриха IV, и Ватерлоо, Березину и Св. Елену, вотоубъ петербургскій и землетрясеніе Лиссабона — в что я знаю! Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, курить славу, утираться славой; топтать ее подошвами. Да-съ, исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна, какъ Обриена собака; она воронка, какъ сорока-воронка; она смѣла, какъ русскій солдатъ; она безстыдна, какъ бляшница; она точна, какъ Брегетовы часы; она причудлива, какъ зватная барыня. Она то герой, то сломорокъ; она Нибуръ и Видокъ, черезъ строку; она весь народъ, она исторія, наша исторія, созданная нами, для насъ живущая. Мы обвинялись съ нею колей и пеголей, и нѣтъ развода. Исторія полесима: наша, во всей тяжести этого слова!»

Но причудливой нравности ума автора, все это, мѣстами — по крайней мѣрѣ, — было бы довольно мило и забавно, есмь то была *шутка*, *сашира* на наше время, которое ловко барышничаетъ текущими дѣлами историческими, покуда логкомыслие вѣкъ не перейдетъ къ другимъ событіямъ, не переимѣнитъ выѣски трактира, названія лошади в цирюга, и табану Карла и сургуча Франца. Но это говорится въ капитальной, по объему, рецензії, и авторъ серьезно увѣряетъ насъ, что исторія наша законная жена, наша *малюгая половина*, между тѣмъ, какъ она, на дорогѣ жизни, встрѣчается съ нами такъ мимолетно, что только успѣешь схватить ее за русую косу и свидѣться съ нею быстрымъ поцѣлуемъ. Оглянешься — она уже далеко позади! — Рецензія эта производитъ чрезвычайно-странный эффектъ въ сочиненіяхъ Марлинскаго: то хочется выкинуть ее, недостойную авторе, какъ *рецензію*, то опять жаль піесы, въ которой столько живой, хотя и неумѣстной и безпутной, шаловливости. Повторяемъ: какъ *рецензія*, статья о романи Полеваго ниже всякой критики, а между тѣмъ нашлось бы весьма легкое средство: сдѣлать ее, не имѣнія въ ней ни слова, такимъ же перломъ въ комическомъ родѣ, какъ Амалатъ-Бекъ въ патетическомъ: стоило бы только нашему автору, вложить это сужденіе въ уста «Будочника-Оратора» витѣство котораго, какъ намъ извѣстно, пробуждается отъ того, что заюздавая женщина, на окликъ его: «кто

идеть?» отвѣчаетъ: солдаки! Вотъ какимъ образомъ мы, въ своемъ умѣ, связываемъ эти двѣ статьи. «Будочникъ-ораторъ», у нашего автора, кончается тѣмъ, что не трезваго человѣка, по приказанію надзирателя, отправляютъ въ сибирку. Арестованный могъ бы сказать, въ свое оправданіе, что онъ не пьянствовалъ, но читатель, съ кумомъ Василюмъ Матвѣевичемъ, романъ Полеваго, при рюжкѣ вина, дабы, въ ночное чтеніе, поддерживать и тѣлесныя силы—и, по такому отзыву, весьма естественно, будочникъ, оставшійся опять одинъ, получившій, какъ вы знаете, очень порядочное воспитаніе, но безпорядочнымъ поведеніемъ низведенный до своего настоящаго званія, отъ мудрствованія о женщинахъ могъ бы перейти къ роману Полеваго, и въ услышаніе нашего автора провѣтствовать всю эту статью о романѣ Полеваго. Право, мы не шутимъ! Попробуйте читать названную статью, воображая ее на устахъ оригинальнаго Будочника-оратора—и вы сами согласитесь, что мы ничего не имѣемъ превосходнѣйшаго въ комическомъ родѣ. Помнится, «Московский Телеграфъ» когда-то возился съ тою рецензію какъ (позвольте употребить простонародное, но милое и мѣткое сравненіе) возился съ тою рецензію, какъ *кошъ съ саломъ*, конечно, не замѣтивъ, что она удивительнымъ образомъ подходитъ подъ тонъ и гениальный образъ мыслей «Будочника-оратора» и можетъ послужить великолѣпнымъ продолженіемъ и окончательнымъ созданіемъ мастерскаго произведенія въ шутливомъ родѣ. Могъ ли самъ Марлинскій этого не видѣть? стало быть, онъ съ намѣреніемъ поддѣлывался подъ этотъ тонъ и образъ мыслей, чтобы мистифицировать надменные *пльмуши иребиски съ соусть*, за рѣзкое ихъ сужденіе, и насмѣхаться надъ современными критиками на «Клятву» Полеваго! Въ такомъ случаѣ, само собою падаетъ все то, что мы наговорили противъ той статьи, какъ *рецензіи серьезной!*

Нечего понижывать названія тѣхъ повѣстей, на которыхъ основана слава нашего автора: публика хорошо знаетъ и помнитъ ихъ. Ограничиваемся немногими общими и частными замѣчаніями. Вездѣ видна гениальная природа, побуждаемая къ эксцентрическому своимъ внутреннимъ дуализмомъ и часто сбиваемая съ пути истины, противъ воли, но не безсознательно: отъ прыжка въ сторону, гений автора, какъ разъ, ринется опять на истинный путь и пошелъ по немъ прядать, будто съ свѣжею силою—и выше и выше до новаго скачка въ сторону! Вообще

этому гению, воистому кипучихъ сплъ, какъ будто трудно шествовать ровнымъ, величественнымъ ходомъ, или носиться стройнымъ плавнымъ полетомъ; ему, какъ-то, свойственнѣе прыгать порывистыми прыжками, часто выше облаковъ! Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читатель отдыхаетъ въ прекрасной повѣсти: «Наѣды» однимъ изъ лучшихъ произведеній Марлинскаго, по ходу довольно ровному, по удачному созданію, по умѣренности и стройности частей; здѣсь нѣтъ ничего эксцентрическаго! Живѣйшій интересъ поддерживается грандіозно-простою естественностію. Мы сейчасъ похвалили удачное созданіе (la conception): въ *этомъ* отношеніи, крѣпко грѣшатъ двѣ другія повѣсти: «Латникъ» и «Мулла-Нуръ». Въ первой, *два* разказа, не приведенные въ единство полъ высшею точкою зрѣнія, текутъ параллельно другъ другу, разбивая интересъ. Въ «Мулла-Нурѣ» почти то же: авторъ возбудилъ наше участіе къ Искендеръ-Беку; *онъ* для насъ главное лицо; подъ конецъ, авторъ подставляетъ другаго главнаго героя, хотя и въ связи съ первымъ; но тѣмъ не менѣе интересъ двоится неприятнымъ образомъ. Если судить строго, то можно бы сказать: каждый изъ нихъ равно достоинъ въ своемъ родѣ, быть главнымъ героемъ этой повѣсти: по этому они уподобляются двумъ противоположнымъ другъ другу электричествамъ, которыя, при своемъ соединеніи, уничтожаютъ другъ друга.

Въ нашей бѣглой объ этомъ же изданіи Марлинскаго статьѣ, помѣщенной въ 45 № Сѣв. Пчелы вышшняго года, мы назвали лучшимъ и совершеннѣйшимъ изъ произведеній нашего автора—«Аммалать-Бекъ». Мы здѣсь повторяемъ это мнѣніе. У Марлинскаго есть пять или шесть капитальныхъ повѣстей, стяжавшихъ ему, у насъ, первенство въ родѣ повѣствовательномъ; но ни одна изъ нихъ не можетъ мѣряться съ «Аммалать-Бекомъ». Въ этомъ романѣ—правильнѣе—въ этой *поэмѣ* нѣтъ ни одного изъ обыкновенныхъ недостатковъ нашего автора: нѣтъ ничего абнормальнаго, судорожнаго, насильно приташеннаго, ничего чуждаго предмету! Съ удивительною стройностію и простотою, разказъ развивается до высшаго драматическаго интереса. Здѣсь авторъ, вопреки своему обыкновенію, не прыгаетъ львомъ, но отъ начала до конца паритъ плавнымъ полетомъ гения, художественнымъ инстинктомъ устремленнаго, по прямому пути, къ вѣрной цѣли. Не рѣдко, у Марлинскаго, нахо-

диль прекрасное описаніе романтической природы Кавказа; не здѣсь, изображеніе ея превосходитъ тѣмъ, что она является въ полномъ согласіи съ народнымъ типомъ своихъ силъ—съ идеалами поэмы, т. е. что эта природа вѣтогъ герой отражаютъ другъ друга въ своей дикой грандіозности, будто созданные другъ для друга. Но авторъ нашъ не остановился на этомъ взаимномъ отраженіи, на этомъ торжествѣ, которое не доставляло бы намъ совершенно чистаго наслажденія художественнаго: неодолимость этой природы и неодолимость этого героя отбрасывали бы суровую тѣнь на нашу душу! Не горька ли мысль, что эта горная высь, превзоющая лишь дикарей, недоступна для образователей, стремящихся къ ней въ долины? И еще присорбнѣ воображать, что эти племена людскія, въ теченіи тысячелѣтій не выходившія изъ состоянія хищническаго, будутъ въ немъ еще столько же времени и; можетъ статься, до конца вѣновъ, неспособныя, не рожденныя для образованія и, потому, безполезныя для человѣчества! Вотъ почему авторъ, руководимый, въ разсматриваемой поэмѣ, необыкновенно тонкимъ чувствомъ изящнаго, не могъ остановиться на взаимномъ отраженіи той природы и того человѣка, и долженъ былъ взойти на высшую степень искусства, чтобы отклонить отъ насъ эти присорбанныя сѣмѣнія—и онъ разрѣшаетъ ихъ отраднымъ образомъ, показывая намъ, въ природѣ своего героя, способность къ умственному развитію, къ преобразованію гражданскому, однимъ словомъ: удобоусовершенствование, даже необычайную понятливость! Авторъ тонко выразумѣлъ, что въ этомъ надлежало удостовѣрить читателя фактически и вотъ вамъ выдержки изъ записокъ Аммалатъ-Бека!

Они производятъ магическій эффектъ... читаешь ихъ съ какою-то священною радостью, видя начинающееся возрожденіе! Хотя оно и не совершилось, но утѣшительна мысль, что оно могло бы, должно бы было совершиться, безъ пагубной любви къ Селтанеттѣ, безъ козней Ахметъ-Хана. Аммалатъ погибъ варваромъ; но записки его, горькое нравственное состояніе, послѣ убіенія своего благодѣтеля и, наконецъ, произвольная, веледушная смерть подъ русскою батареей—остаются для насъ залогомъ конечнаго возрожденія тѣхъ хищныхъ племенъ и, слѣдственно непреложнымъ предзнаменованіемъ конечной нашей побѣды надъ дикой природой Кавказа! До какой степени, для нашего автора была заветна эта идея, доказывается еще тѣмъ,

что онъ проявляетъ ее и надъ смертнѣмъ одромъ Ахметъ-Хана, отвергающаго съ негодованіемъ страшный, имъ самимъ отъ Амалата потребованный — выкупъ за Селтанетту! Съ обыкновенной точки зрѣнія, Ахметъ-Ханъ, по характеру, который далъ ему авторъ, долженъ бы былъ, и на одрѣ смерти, съ варварскимъ восторгомъ принять принесенную ему голову врага; но авторъ пожертвовалъ этимъ суровымъ эффектомъ для высшей истины, для проявленія той идеи и на другомъ лицѣ, болѣе, чѣмъ Амалатъ-Бекъ, закоренѣломъ въ варварствѣ — и сдѣлалъ хорошо! Удачное созданіе этой поэмы одно могло побудить автора къ выполненію высшаго требованія искусства, требованія, которое онъ частенько выискиваетъ изъ виду, въ своихъ прочихъ произведеніяхъ. Вотъ почему присуждаемъ мы «Амалатъ-Беку» пальму первенства, и на чемъ основано наше мнѣніе, что должная жизнь привела бы автора и къ отрадной гармоніи внутренней!

Отъ высшаго требованія искусства перейдемъ вдругъ къ самой мелкой, но необходимой примѣркѣ. Сочиненія Марлинскаго издаются въ *четвертый* разъ, и, въ повѣсти: «Испытаніе» столько же разъ повторяется таже неприятная опечатка, вѣтъ неприятнѣйшая, что она находится въ *латинскомъ* словѣ. Въ I части, на стр. 8 въ послѣдней строкѣ *этого* наданія, авторъ опредѣляетъ человѣка, называя ее *животнымъ курлицемъ* — animal fument! надобно: fument! Юморъ автора въ этомъ мѣстѣ, уже самъ по себѣ не совсѣмъ удачный, горько страдаетъ отъ этой опечатки или ошибки, и потому желаемъ, чтобы *пятый* издатель сочиненій Марлинскаго воспользовался нашимъ замѣчаніемъ.

Въ началѣ XI части, *Стихотворенія* Марлинскаго занимаютъ 108 страницъ мелкой печати. Отдѣльно изданныя, они стоили бы того, чтобъ отдѣльно ихъ рассмотреть; здѣсь же, они какъ-то заслонены достоинствомъ его произведеній въ прозѣ. Вездѣ есть истинное вдохновеніе, *сильные* порывы и прекрасныя мысли; но тотъ душевный разладъ, который не мало вредитъ сочиненіямъ нашего автора въ прозѣ, еще ярче обозначается въ его *стихахъ*, въ которыхъ опутительнѣе недостатокъ гармоніи. Однимъ словомъ: стихотворная муза Марлинскаго прекрасна и величественна, какъ Юнона, но также, какъ и она, не владѣетъ *полномъ* граціи! Удачнѣе прочихъ показались намъ слѣдующія двѣ піесы:

ДУМА СВЯТОСЛАВА.

(Отрывокъ изъ поэмъ.)

...Съ тѣхъ поръ войны, завоеванья,
 И пламень селъ и битвы кровь
 Мое первѣйшее желанье,
 Моя послѣдняя любовь!
 И вѣрю я, что славы сына
 Не гаснетъ сердце и въ пыли,
 И душу хладная кончина
 Не вдругъ отвѣтъ отъ земли....
 Но зѣмь по вѣтру носимыя,
 Но нить страстей прикрѣпленна
 Надъ миломъ ей — крыломъ незримымъ
 Она летать обречена.
 Какъ величаво, какъ отрядно,
 Привычки славныя храня,
 Мой смѣлый духъ, раздолья жадный,
 Какъ взоръ ума, какъ лучъ огня,
 Помчится по полю видѣній,
 Неумолкающихъ среженій,
 Съ громами, съ вихрями сліяны!
 Я по люблю, въ часы ночныя
 Будить тревогой сильнѣй стань,
 Вдувать знамена боевыя,
 Стремить каленую стрѣлу,
 Вдыхать трубѣ побѣлы звоны,
 Кликъ боя вторить, падшихъ стоны.
 И славнымъ витязямъ хвалу!
 То, скупа, въ мирный парусъ вѣсть,
 Или въ облакахъ орла летѣть,
 Или раздувать степной туманъ.
 Низгряну въ кровли крупнымъ градомъ,
 Сорвусь съ утеса водопадомъ,
 Огненной радугой вьичанъ....
 Или надъ поморія стравою,
 Въ столбѣ ужаснаго смерча,
 Взовьюсь на Стрибога * войною,
 Крыломъ свистя и грохоча,
 Сквозь мучь пѣя валы сѣдые,
 Вторгая кедръ вѣковыя.

* Русский богъ вѣтровъ.

Я за моремъ сплывъ, за синею далью
 Сердце свое скоронилъ!
 Я тоской о быломъ, ледоюжной печалью,
 Слово двойной нерушимую сталью,
 Трудъ отъ людей заградилъ!
 И крѣпокъ мой сонъ. Не разбить, не расколоть
 Щитъ мой! Но, въ мракѣ ночей,
 Мнится порой, раступился мой холодъ
 И снова я ожилъ, и снова я молодъ
 Взглядомъ прелестныхъ очей.

1834.

Окончиваемъ свой разборъ этими двумя поэтическими цвѣтками, которыми, можетъ быть, оправдается и наше мнѣніе вообще о стихотворной Музѣ Марлинскаго.

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. *Сочиненіе Константина Арсеньева. Санктпетербургъ, 1848. Въ типогр. Импер. Академ. Наукъ. 503 стр. въ большую 8 д. л.*

Россия,—эта держава-исполнѣнь,—простирающаяся отъ юга къ сѣверу на 40 градусовъ, и почти на 190 отъ запада къ востоку, заслуживаетъ полнаго вниманія и наблюденія всякаго просвѣщеннаго человѣка. Объемля двадцать восьмую часть всего земнаго шара, съ его океанами и морями, девятую часть всего извѣстнаго материка, и заключающа въ себѣ пятнадцатую долю населенія цѣлой вселенной, Россія составляетъ одно могущественное, дивное, политическое тѣло, управляемое, къ общему благу, одною волею Самодержавнаго Властителя. Многіе публицисты и политики европейскіе прошлаго вѣка, пораженные страхомъ, при видѣ такого колосса, предсказывали (вѣроятно изъ тайной зависти) близкое его паденіе отъ самой его огромности, чаяли видѣть неизбежную гибель этого юнаго исполина прежде его возмужалости; но весьма ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Исполнѣнь этотъ растетъ все выше, и укрѣпляется болѣе и болѣе, не физически только, но и морально: Православная, святая Вѣ-

ра, безграничная любовь къ Государю, благородная преданность отечеству, служить исполнью прочнымъ, несокрушимымъ основаніемъ. Этого основанія не могла поколебать цѣлая Европа, предводимая первымъ, военнымъ гениемъ, въ 1812 году. Вся Европа съ ужасомъ отступила, и на стѣнахъ Парижа развѣялось знамя, съ Русскимъ двуглавымъ орломъ, который былъ тогда, какъ и теперь, дѣйствикомъ мира, законности и общественаго порядка, залогомъ счастья и спокойствія народовъ.

«Любить Россію есть священная обязанность каждаго Русскаго; а любить съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ можно тогда только, когда мы знаемъ ее, когда изучили минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполне убѣждены въ благотѣльныхъ на него дѣйствіяхъ правительства, руководимаго сильною волею и мудростію Самодержца.» Слова эти, помѣщенные авторомъ въ посвященіи книги Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, служатъ наилучшимъ доказательствомъ прекраснаго направленія и цѣли разбираемаго нами сочиненія. Если всякій трудъ, предпринимаемый для пользы отечества, заслуживаетъ уваженія, то тѣмъ болѣе это должно относиться къ трудамъ г. Арсеньева, который, въ теченіи многихъ лѣтъ, не переставалъ быть, по части статистики, усердѣйшимъ ея дѣлителемъ. Приблизительности воинной статистическаго содержанія о Россіи, появленіе въ свѣтъ новой русской статистики, основанной не на однихъ мечтахъ воображенія, но на самыхъ дѣрвыхъ и мощѣйшихъ статистическихъ данныхъ, должно обратитъ вниманіе не только тѣхъ, которые занимаются спеціальными науками, но и тѣхъ, которые сдѣлать за постепеннымъ усовершеніемъ Россіи, и радуются всякому новому развитію оной в гражданской жизни русскаго народа. Конечно книга г. Арсеньева не можетъ считаться полною статистикою Русской Имперіи: она состоитъ изъ нѣсколькихъ только статей статистическаго содержанія; тѣмъ не менѣе однакожь, но заключающагося въ ней новизна и масса еще не напечатаннымъ свѣдѣніямъ, но прекрасному изложенію, и по многимъ другимъ достоинствамъ, она составляетъ самое приятное и утѣшительное явленіе.

Вышедшій нынѣ томъ «статистическаго оповѣщенія» заключаетъ въ себѣ пять статей. Первая изъ нихъ посвящена разсмотрѣнію границъ Россіи въ политическомъ, коммерческомъ, политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Показать выгоды и не-

затѣмъ, представляющіеся въ положеніи Россіи относительно къ другимъ государствамъ, авторъ изводитъ слѣдующее заключеніе:

«Россія составляетъ самую сѣверную и восточную часть Старо-го Свѣта, и слѣдовательно самую холодную; всѣ страны Россіи, лежащія подъ одною широтою съ другими болѣе западными, имѣютъ климатъ гораздо холоднѣе, что особенно замѣтно въ восточной части Имперіи или въ Сибири, имѣющей непрерывную покатость къ Ледовитому морю, отъ самыхъ южныхъ ея предѣловъ, и не защищаемой отъ вѣтровъ сѣверныхъ никакими возвышенностями. И такъ Россія, разсматриваемая въ физическомъ отношеніи, не можетъ равняться съ полуденными и западными странами Европы; въ большей части русскихъ губерній природа единообразна и не слишкомъ щедрѣе; нѣтъ такого богатства произведеній естественныхъ, ни того изобилія въ дарахъ природы, которыми славятся другія земли Европы; въ замѣнъ того, такое свойство климата и почвы земли призываетъ Русскихъ къ дѣятельности и труду, а трудъ есть источникъ богатства частнаго и залогъ величія націи; трудъ, разумно употребленный, дѣятельность, направленная расчетливо во благо, нигдѣ не вознаграждается такъ богато, какъ въ Россіи.

«Мѣстоположеніе Россіи, взятой во всеи ея пространствѣ, на самомъ сѣверномъ краю восточнаго материка, не самое счастливое въ коммерческомъ отношеніи. Уединенные Океаны Сѣверный и Восточный и пространныя степи Татаріи полагаютъ вѣчную преграду вѣшнимъ торговымъ сношеніямъ для всеи Восточной половины Россійскаго Государства, которая притомъ и по направленію всѣхъ большихъ рѣкъ къ южнымъ полуденнымъ странамъ очень мало способна для торговли. На югѣ европейской половины безводныя степи отъ Каспійскаго моря до Чернаго и высокій хребтъ Кавказа также неблагоприятны для торговыхъ сношеній. Но моря на югѣ и на западѣ, открывающія удобное сообщеніе съ Европою, и весьма счастливая система рѣкъ, по всѣмъ направленіямъ въ этой половинѣ протекающихъ, также западныя сухопутныя границы, никакимъ натуральнымъ препятствіемъ къ торговлѣ не представляющія—все это дѣлаетъ положеніе европейской половины Россіи весьма выгоднымъ въ коммерческомъ отношеніи. Чрезвычайное пространство

Государства доставляетъ удобство производить торговля сношенія съ восточными и западными странами Азии и съ западными и сѣверными Европы, и такимъ образомъ соединяетъ взаимно отдаленнѣйшія страны Старога Свѣта.

«Въ политическомъ отношеніи мѣстоположеніе Россіи единственное въ свѣтѣ; ни одно государство не имѣетъ такого непосредственнаго вліянія на твердую землю. Сопредѣльная или сосѣдственная важнѣйшимъ державамъ Европы и Азии Россія по этому одному должна имѣть политическія отношенія ко всѣмъ и сильно дѣйствовать на судьбу многихъ народовъ. Великобританія распространяетъ свое вліяніе на весь шаръ земной, но это вліяніе ея зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, столь же невѣрныхъ и непостоянныхъ, какъ и стихія, на которой Британцы основали свое могущество. Напротивъ самое естественное положеніе Россійской Имперіи даетъ ей такую значительность между державами, которую она сохранять будетъ, пока останется въ настоящихъ своихъ предѣлахъ.

«Положеніе Россіи въ военномъ отношеніи такое, какого только желать можно, и какое необходимо для сохраненія безмѣрныхъ ея предѣловъ. Если сѣверный и восточный Океаны и обширныя пустынные земли представляютъ мало выгодъ для торговли; за то они совершенно обезпечиваютъ внѣшнюю безопасность Государства и дѣлаютъ оное доступнымъ только съ западной и южной сторонъ; тамъ безъ раздѣленія могутъ быть сосредоточиваемы военныя силы Имперіи, не только массою, но еще болѣе стройностію и мужествомъ своимъ страшныя для нападателей.

«И такъ изъ всѣхъ вышесприведенныхъ соображеній ясно видно, что Россія находится нынѣ въ такомъ состояніи, какое нужно для сохраненія и надлежащаго управленія пространнѣйшаго государства въ мірѣ. Если бы вся сѣверная и восточная часть Имперіи столь же удобна была къ населенію, какъ и внутреннія страны; если бы границы столь же были открыты и не ограждены природою съ другихъ сторонъ, какъ съ западной, то было бы выше силъ человеческихъ управлять такою массою земель и сохранить въ цѣлости и нераздѣльности столь огромное политическое тѣло; если бы западные предѣлы Россіи такъ замкнуты были природою, какъ сѣверные и восточные, то

она не могла бы имѣть столь близкихъ и удобныхъ сношеній и связей съ образованнѣйшими въ свѣтѣ народами, не могла бы имѣть такого вліянія на Европу, сдѣлалась бы отдѣльнымъ міромъ, вѣчно независимымъ, подобно Китаю, не являла бы такой жизни, такой дѣятельности и силы нравственной, и наконецъ не достигла бы высокой степени политической, на которой она стоитъ нынѣ.

«Въ заключеніе всего сказаннаго о неизмѣримомъ пространствѣ Россіи и о границахъ ея, такъ широко и далеко раскинувшихся, не могу не присовокупить еще одного соображенія: всѣ нечисленныя неудобства и затрудненія отъ великаго протяженія и отъ широкихъ границъ представляется намъ въ другомъ видѣ, если мы примемъ Сибирь и весь Закавказскій край, самую природою отдѣленные отъ собственной Россіи, колоніями русскими, которыя весьма важны для метрополіи въ политико-экономическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь есть истинная колонія земледѣльческая, металлоносная и коммерческая; разсматриваемая подъ симъ видомъ, она имѣетъ преимущество предъ колоніями другихъ государствъ европейскихкихъ, не отдѣляясь отъ метрополіи ни Океанами, ни посторонними владѣніями, Закавказскій край равнымъ образомъ можетъ быть названъ колоніею нашею, которая должна приносить государству весьма важныя выгоды произведеніями южныхъ климатовъ; умноженіемъ шелководства, разведеніемъ хлопчатой бумаги, риса, масличныхъ деревъ и проч.—и верховное правительство такъ выразилось объ этомъ краѣ въ 1827 году. Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндія и Царство Польское суть такія страны, которыя обезпечиваютъ внѣшнюю безопасность Государства, не затрудняя внутренняго управленія. Сія земля, полезная для Россіи по уваженіямъ военнымъ, политическимъ и коммерческимъ не составляютъ существа Имперіи, и однѣ по разности взаимныхъ ихъ выгодъ, другія по бѣдности населенія, а нынѣ по недостатку естественныхъ средствъ къ благоденствію, или по несходству народовъ какъ между собою, такъ и съ народомъ владычествующимъ, должны быть разсматриваемы, какъ вспомога-тельные силы одной главной и великой силы, заключающейся въ собственно русскихъ земляхъ.

«Русскія земли сходствуютъ между собою одинаковыми правами жителей, единствомъ языка, одинакими гражданскими уста-

нами, одною религією и почти одинакимъ образованіемъ народовъ, здѣсь обитающихъ; сін страны суть истинное отечество Русскихъ, твердыня или главная основа державы Россійской, это есть великой кругъ, къ коему все прочіе члѣты Имперіи приываютъ, какъ радіусы въ равныхъ направленіяхъ, ближе или дальше, и содѣйствуютъ болѣе или менѣе къ пересторженности онаго.»

Во второй статьѣ описывается постепенное приращеніе Россіи въ пространствѣ, начиная съ основанія Рюриковой державы и до нашихъ временъ. Изъ этого описанія видно, что Россія занимаетъ теперь пространства около 367,200 квадратныхъ миль. Въ продолженіе 985 лѣтъ полнѣтческаго своего бытія она, увеличилась въ 46. кратъ; а считая со временъ своего возстановленія, или отъ царственія Іоанна III, т. е. въ періодъ времени 385 лѣтъ, она расширилась, почти въ 35. кратъ.

Третья статья заключаетъ въ себѣ описаніе постепеннаго устройства губерній, и движенія народонаселенія. Здѣсь приведено нѣсколько таблицъ, показывающихъ народонаселеніе Россіи въ разные времена ея существованія. Въ настоящемъ времени къ самымъ населеннымъ губерніямъ принадлежатъ: московская, тульская, курская и подольская, гдѣ на одну квадратную милю приходится отъ 2,000 до 2,500 жителей. Самое бѣдное народонаселеніе, за исключеніемъ Сибири, замѣчено въ губерніяхъ олонецкой и архангельской, гдѣ на квадратную милю приходится: въ первой 92, а во второй только 15 человекъ. При сравненіи населенія этихъ губерній съ населеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ прусскихъ провинцій Пруссіи, гдѣ на квадратную милю приходится болѣе 10,000 жителей, или съ нѣкоторыми мѣстами Ломбардо-Венеціанскаго королевства, гдѣ на квадратную милю приходится даже до 15,000, мы находимъ конечно огромную разность; но разность эта не будетъ такъ поразительна, если мы сравнимъ населеніе губерній всей европейской Россіи, съ среднимъ числомъ народонаселенія иностранныхъ государствъ. Такимъ образомъ въ Россіи на квадратную милю придется 1,500 человекъ, въ Пруссіи 2,626, въ Австріи 2,870, во Франціи около 3,000, въ Германіи также 3,000, въ Шотландіи 1619, въ Великобританіи 5,495, въ Ирландіи 5,868 и т. д. Если Россія въ количествѣ относительнаго народонаселенія и уступаетъ другимъ Государствамъ, то это показываетъ только, что она на долгое еще время обезпечена своимъ собствен-

ными средствами. Огромныя пространства земли, остающіяся нѣтъ въ употребленіи, по мѣрѣ умноженія народонаселенія, будутъ постепенно обращаться въ тучныя пажити, и самыя мѣста неудобныя, при усовершенствованіи земледѣлія и при трудолюбіи, будутъ приносить обильный урожай. По крайней мѣрѣ: такія усиленыя переселенія, которыя мы замѣчаемъ въ пріорейнскихъ провинціяхъ Пруссіи, и другихъ мѣстахъ, отъ недостатка собственно земли и средствъ содержанія, едва ли у насъ когда-либо будутъ имѣть мѣсто. У насъ всему раздолье, и всякій трудъ вознаграждается не только съ достаткомъ, но даже и съ избыткомъ.

Четвертая статья заключаетъ въ себѣ топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы, согласно съ принятымъ раздѣленіемъ Россіи на 10 пространствъ, и именно: сѣверное, алаунское, балтійское, низменное, карпатское, степное, центральное, уральское, кавказское и сибирское.

Такому же раздѣленію авторъ слѣдуетъ и при разсмотрѣніи поземельнаго богатства Россіи въ пятой статьѣ, составляющей болѣе половины цѣлой книги. Какъ распределены жизненные способы въ разныхъ частяхъ Имперіи, какой край сравнительно богаче другаго, въ чемъ состоитъ естественное богатство каждой полосы, на что должна быть обращена и дѣйствительно обращена дѣятельность жителей извѣстнаго края, и какой наличный плодъ этой дѣятельности или годовыхъ трудовъ народа?—Вотъ вопросы, которые авторъ старался рѣшить въ этой статьѣ, принявъ за правило опредѣлять пространство земель общепринятою нашею земледѣльческою мѣрою т. е. десятинами.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обзора *Статистическихъ очерковъ* читатели могутъ видѣть, сколько интересныхъ и необходимыхъ для каждаго Русскаго свѣдѣній заключаетъ въ себѣ новое сочиненіе нашего извѣстнаго статистика.

Благовоспитанное дитя, соч. Жозефины-ле-Бассю; переводъ съ франц. Изд. второе. Санктпетербургъ. 1848 года.

Книга, написанная для дѣтей, у которыхъ понятія уже начинаютъ нѣсколько развиваться. Она заключаетъ въ себѣ краткое, доступное дѣтскому уму, объясненіе обязанностей человѣка, какъ христіанина, какъ семьянина и какъ члена общества. Наставленія подкрѣплены, или лучше сказать — пояснены примѣ-

рами изъ вседневной жизни, рассказанными просто, ясно, безъ всякой претензiи. Въ области нашей дѣтской, какъ извѣстно, не богатой литературы, книга эта имѣетъ важное право на вниманiе родителей и наставниковъ, даже не смотря на то, что она—не оригинальное русское сочиненiе, а только переводъ, и очень хорошiй переводъ. Второе ея изданiе доказываетъ, что эту книгу оцѣнили по достоинству.

=

Слѣсь.

НАПАДЕНІЯ ВОЛКОВЪ НА РАЗНЫХЪ ЧЕТВЕРОНОГИХЪ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ И СПОСОБЪ ОБОРОНЫ ПОСЛѢДНИХЪ. Волки сколько страшны, столько же и хитры при своихъ нападеніяхъ на домашнихъ животныхъ; на каждое изъ нихъ они нападаютъ съ особенною, какъ бы предварительно обдуманною тактикою, сообразною съ тѣми средствами, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ эти животныя въ случаѣ общей обороны или личной защиты. Мы сначала опишемъ средства обороны домашнихъ животныхъ противу нападенія на нихъ волковъ, а потомъ уже изложимъ, какъ послѣдніе, приравниваясь къ оборонѣ первыхъ, производятъ свои истинно тактическія на нихъ нападенія.

Къ домашнимъ четвероногимъ животнымъ принадлежать: овцы, козы, быки и коровы, свиньи, лошади и собаки.

Начнемъ съ обороны овецъ и козъ противу волковъ.

Козы, а въ особенности овцы, уступающія другимъ домашнимъ животнымъ въ характерѣ, смѣлвости, быстротѣ и силѣ физической, а главное лишенные почти всякихъ средствъ наносить удары или раны другимъ болѣе сильнѣйшимъ себя животнымъ, служатъ всегда легкой добычею для волковъ.

Защита козъ, при нападеніи на нихъ волковъ, заключается въ томъ, что онѣ стараются убѣжать отъ волковъ въ жилье человека, если оно недалеко находится отъ паствы; въ противномъ же случаѣ, имъ нѣтъ никакого другаго средства спастись отъ волковъ, напавшихъ на нихъ на открытомъ мѣстѣ.

Овцы же, кажется, еще несчастливы козъ при подобныхъ нападеніяхъ, такъ, что природа, лишивъ ихъ всякихъ средствъ обороняться противъ волковъ, создала ихъ, кажется, болѣе для пользы человека, чѣмъ быть замѣчательными по своей оборонѣ или нападеніямъ на другихъ животныхъ.

Овцы истинно могутъ служить примѣромъ самой неподдѣльной простоты и наивности; видъ ихъ всегда беззаботенъ, всегда простъ, и можно навѣрное сказать, что овцы, сколько бы не испытывали несчастій отъ нападеній на нихъ волковъ, или сколько бы разъ онѣ не были нануганы волками, всегда забываютъ ихъ. Въмѣсто того чтобъ стараться убѣжать отъ звѣря, ворвавшагося къ нимъ въ средину, онѣ, напротивъ, видя даже, что одна изъ нихъ сдѣлалась уже добычею звѣря, съ которою онъ старается умчаться отъ преслѣдованія пастуховъ, какъ бы презирая опасность, мечутся прямо къ волку; такъ что сей послѣдній, видя ихъ глупую простоту, пользуется вполне ею и, вмѣсто одной штуки, которой бы ему было весьма достаточно на обѣдъ и ужинъ, повалитъ иной разъ штукъ до десяти изъ нихъ, ибо волки видятъ въ себѣ особенную остроту души и, какъ выражаются охотники, рѣзать всякіе животныхъ, которые вертятся и бѣгутъ передъ ихъ глазами. Въ самомъ дѣлѣ, почему звѣрю и не пользоваться случаемъ, когда онъ ухватитъ одну изъ овецъ и заброситъ ее къ себѣ на спину; видятъ въ тоже время, что другія цѣлою толпою мчатся за нимъ, какъ бы завидуя своей подручѣ, что она досталась прежде ихъ въ добычу. Нередко бывали очевидцами такихъ случаевъ, гдѣ волкъ, сбросивъ съ себя поуживую овцу, кидался къ другимъ и рѣзалъ ихъ по омовчкѣ, столько; сколько ему угодно было уничтожить; наконецъ видя уже, что пастухи или другіе люди спешатъ на помощь къ несчастнымъ, вызвавшимся добровольно па смерть овцамъ, всё таки успѣвалъ схватить проворѣйшую изъ нихъ, забросить ее къ себѣ на спину и опять тѣмъ же порядкомъ умчаться изъ глазъ преслѣдователей къ своему жилищу. Замѣчательно, что этотъ звѣрь умѣетъ вполнѣ понимать слабость и покорность невиннаго животного; такъ, умчавшись изъ виду съ добычею отъ преслѣдователей, онъ преспокойно сбрасываетъ съ себя овцу, дозволивъ ей встать на ноги, самъ зубами ухватываетъ слегка за волнистую шерсть съ боку около горла несчастной и, таща ее впередъ, въ то же время погоняетъ ее своимъ хвостомъ, какъ будто накомъ, и вотъ почему впрямую хвостъ у волка охотники наввали полвномъ. Этимъ впрочемъ еще не оканчивается печальная судьба овецъ, попавшей въ добычу

волну; онъ иногда употребляетъ себѣ притравливаніи своихъ дѣтвишней. Перенесъ черезъ поля, болота и лѣса; они доста-
вляютъ ее живьемъ въ свое гнѣздо, гдѣ встрѣча: невнимову жи-
вотному уже давно готова; волчята, прогнавшіеся изъ оми-
давіи пищи, заранѣе уже почуютъ приближеніе своихъ старыхъ
волковъ, и какъ только увидятъ, что самецъ или самка несутъ
имъ живую добычу, то тотчасъ бросаются на встрѣчу, защел-
каютъ зубами, иногда даже отъ радости завоютъ, а ужъ не
говоримъ о томъ, что каждый изъ нихъ готовъ кинуться и раз-
терзать несчастную. Но тутъ иногда бываетъ грозное воспре-
щеніе отъ старыхъ и, по одному повелительному ихъ ворчанію,
всѣ юнне бросаются опять назадъ въ гнѣздо и, усѣвшись куч-
кой; глядятъ съ жадностію своими яркими глазами и на добычу
и на самца или самку, всегда грозныхъ для нихъ повелителей,
ожидая приказанія, что надлежитъ имъ дѣлать. Назалось бы,
почему не дать сейчасъ же проголодавшимся своимъ дѣтямъ
поѣсть съ аппетитомъ баранины или чего либо другаго изъ до-
бычи, принесенной старыми волками въ гнѣздо? Но въ томъ-
то и дѣло, что волкъ не лисица или не другой какой либо бо-
лѣ: простой звѣрь; и что бы у него въ семейномъ и въ ви-
нешемъ быту не подѣльивалось, все производится по особымъ раз-
счетамъ, ведущимъ къ образованію юнго поколѣнія. Если мы
иной разъ удивляемся инстинкту собаки, поражающей насъ мно-
гими чрезвычайными случаями своего чутья; понятія къ уче-
нію, привязанности и дружбы къ человѣку; такъ что же мы
должны оказывать объ волкахъ, которые въ своемъ родѣ тѣ же со-
баки, во собаки дикія, превосходящія во всемъ перыихъ.

Волки, отъ самаго младенческаго возраста своихъ дѣтвишней,
староюта ихъ выучить, какъ надлежитъ имъ въ пособствіи
работать зубами, и потому, принесъ оцу живую въ гнѣздо,
старые волки не всегда позволяютъ тотчасъ волчатамъ бро-
саться на пищу, а заставляютъ усѣсться ихъ порядкомъ предъ
добычей, чтобы выжиданіемъ возбуждать въ нихъ болѣе желости,
сами даютъ нѣсколько времени прийти болѣе въ силу, встре-
поенной отъ страха и принужденнаго мѣнiona несчастной
овцы, чтобы она сама поднялась на ноги и вздумала спасать сна-
осеня изъ бѣдствѣ. Тутъ-то и слѣдуетъ волчье ученье; мать толь-
ко овца побѣждала и удалялась шаговъ на десятокъ, тотчасъ
старые волки выдвигаются впередъ, увлекая молодыхъ за собой,
а хватая овецъ прямо несчастную за горло, показывающъ тѣмъ
молодымъ, какъ имъ слѣдуетъ рвать будущую свою добычу.
Замѣтивъ, что дѣтвишніи не вразумилась еще съ первого раза
должному порядку, старые отгрызаютъ молодыхъ отъ овецъ,

снова похлѣваютъ имъ усѣться, и снова начинаютъ такимъ же образомъ повторять притравливаніе, и несчастная овца, иногда три и четыре раза, то пускается въ побѣгъ, то снова приносится къ гнѣзду, покуда наконецъ не достигнетъ ее лютая минута и волчьи зубы не растерзаютъ ее на части.

То же бываетъ иногда съ другими мелкими домашними животными; но во всякомъ случаѣ проще и беззащитнѣе добычи для волка нѣтъ, какъ несчастная овца.

Такъ нападаетъ волкъ на стадо овецъ, когда нѣтъ съ пастухомъ овчарныхъ собакъ; если же стадо охраняется хорошими и притомъ сильными собаками, то волкамъ ближайшаго выводка вполне извѣстно; тогда волки прибѣгаютъ къ тактической хитрости и нападаютъ на стадо овецъ въ числѣ уже нѣсколькихъ штукъ; а именно первое свое приближеніе къ стаду они стараются замаскировать тѣмъ, что избираютъ пути по ложинамъ, канавамъ и другимъ мѣстнымъ углубленіямъ; если есть въ сосѣдствѣ кустарникъ, или дѣсъ, то уже конечно, этотъ скрытый путь для подхода къ стаду они не опустятъ изъ виду. Во вторыхъ, зная, что собаки по своему чутью, почувствуютъ приближеніе ихъ вражеской силы, волки и тутъ показываютъ свою смѣтливость; они стараются выбрать для своего нападенія именно ту сторону, откуда дуетъ на нихъ отъ стада вѣтеръ; такъ что собаки, хотя и хорошия, лишаются возможности, за вѣтромъ, узнавать чутьемъ приближеніе волковъ.

Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ бури, туманы или другія атмосферныя важныя перемены; тогда волки съ болѣею свободою рыщутъ и нападаютъ на стада овецъ, еще болѣе въ эти непогоды безпечныхъ. Ихъ нападеніе вполне можетъ назваться тактическимъ; оно совершается иногда внезапно и неожиданно. Если же собаки бдительно сторожатъ стадо овецъ, и пастухи въ полномъ вниманіи и готовности встрѣтить волковъ, бывъ предувѣдомлены лаемъ собакъ о приближеніи звѣря; въ такомъ случаѣ волки высылаютъ отъ себя, въ родѣ маленькаго авангарда, двухъ или трехъ волковъ завязать дѣло фальшивыми отаками на той сторонѣ, куда именно желаютъ отвлечь вниманіе пастуха, а главное собрать всѣхъ собакъ къ одному пункту. Волки кидаются на стадо и, въ то же время какъ бы напуганныя и пастухомъ и самими собаками, съ поспѣшностію убѣгаютъ назадъ; тогда собаки начинаютъ гнать волковъ отъ стада на порядочное разстояніе; между тѣмъ, какъ въ то же время, съ другой стороны подкравшіеся волки, уже не фальшиво, а въ самомъ дѣлѣ врываются въ стадо и что

успѣютъ, то перережутъ и, схвативъ по штукѣ, съ поспѣшно-
стію укрываются изъ виду отъ преслѣдователей.

Случалось, что въ то же время, какъ пастухи, обманутые вол-
ками, производившими въ своемъ родѣ диверсію, и пораженные
дѣйствительнымъ нападеніемъ съ другой стороны, сибѣшали вмѣ-
стѣ съ собаками къ несчастнымъ на помощь; то тѣ волки, ко-
торые служили первоначально для фальшивыхъ атакъ, успѣва-
ли также приблизиться въ суматохѣ къ стаду и ухватить хотя
одну изъ овецъ и такимъ же порядкомъ укрыться вовсе изъ
виду.

Бывали примѣры, что волки нападали на стадо и съ такою
еще хитростію, что вдругъ съ самаго дальняго разстоянія, какъ
только глазу позволяеть завидѣть мѣстность, начинали маршъ-
маршемъ нестись мимо стада и привели его въ беспорядокъ,
дѣлали вольтъ назадъ и хватали, что кому удавалось; такіа на-
паденія они производятъ большею частію на тѣ стада, гдѣ
овчарныя собаки не со всѣмъ еще опыты, а самыя стада до-
вольно значительны, по количеству овецъ.

Надо замѣтить, что хорошихъ овчарныхъ собакъ волки ста-
раются всегда истреблять, дабы имѣть тѣмъ большую свободу
хищничать во время выгона овецъ на паству. Этому примѣ-
ромъ могутъ служить тысячи хозяевъ, которые на слѣдующій
имъ вопросъ: отчего у васъ нѣтъ хорошихъ собакъ? отвѣтять:
«были чудесныя, да мошенники волки перевели всѣхъ.»

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стадо незначительно, пастухъ ростомъ
одинъ аршинъ и два вершка, а собаченка маленькаго размѣра,
волкъ иногда презанимательно пользуется овечкой. Такъ, изог-
нувшись въ три погібели и поднявъ шерсть на своей спинѣ, онъ
принимаетъ на себя видъ самой несчастной фигуры и прибли-
жается къ стаду шагъ за шагомъ, не смотритъ даже впередъ, а от-
пустивъ морду въ низъ, какъ будто слѣпной скитается, гдѣ попа-
ло; такъ что и мальчишка-пастушокъ и его вѣрная собаченка
зашумятъ сначала на звѣря, но видя, что онъ продолжастъ такъ
же согбенно и нищенски приближаться къ стаду, увѣрятся въ
томъ, что онъ ничего дурнаго не сдѣлаетъ и пройдетъ покойно
мимо стада. А потому и пастушекъ, похлопывая своимъ арапни-
комъ, и собаченка лая такъ громко, что черезъ десять овецъ
лай ея уже едва слышенъ, и кидаясь на звѣря, въ такомъ азар-
тѣ, что сдѣлаетъ прыжекъ впередъ, а два назадъ,—даютъ полную
свободу волку приблизиться къ стаду, ухватить лучшую изъ
него овцу и уйти съ нею, не торопясь, безъ всякаго за то нака-
занія. Въ доказательство, что волки хорошо понимаютъ, гдѣ
предстоитъ опасность, и гдѣ они безъ всякаго наказанія могутъ

пользоваться довольно свободно добычей, можно предположить многие случаи, часто повторяющіеся въ малороссійскихъ губерніяхъ, а въ особенности въ полтавской. Тамъ не богатые помещики, а государственные крестьяне, до такой степени разбросаны по хуторамъ, что стада овецъ, выгоняемыя на пастухъ, иной разъ состоятъ изъ 10 ти 15-ти, а иногда и менѣе; эти стада назначаются очень часто въ пастухи мальчишекъ 8-ми или 9-ти лѣтъ, которые, соображаясь съ своимъ возрастомъ, обзаводятся также небольшими собаченками. Спрашивается: что такой пастухъ и такая овчарная собака въ состояніи сдѣлать звѣрь?—конечно ничего; и потому волкъ, какъ сильнѣйшій изъ звѣрей нашего климата, пускается на описанные нами случаи съ подобными пастухами и собаками. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть, какъ иногда мальчишка-постушекъ, волоошениый звѣромъ въ полѣ, пригонялъ даже въ полдень стадо овецъ на хуторъ къ своему пану, или же къ хозяину-казаку, и жаловался со слезами на несчастіе, постигшее его на паствѣ, говоря: «бисова звѣрюка, изогнувшись въ дугу, надхурившись, ляджавши хвистъ и шла такъ жалостно, цю и едн оу витру не валылась, а дале: якъ пидошла къ стаду, зъ раву су нулась, умопыла овечку, дай тягу зъ ней до лису.»

Такъ вообще нападаютъ волки на этихъ беззащитныхъ домашнихъ животныхъ.

Въ заключеніи нашей статьи, мы предложимъ нѣкоторые полезныя замѣчанія, основанныя на точномъ изученіи характера волковъ, какъ отращать ихъ хитрыя нападенія на овецъ. А теперь покажемъ нападеніе волковъ на собакъ.

О нападеніи волковъ на собакъ вообще можно сказать, что волки продовольствуются ими только въ самой крайности, какъ напримѣръ: въ зимнее время, когда весь домашній скотъ укрывается отъ непогодъ и отъ нападенія звѣря, въ особыхъ для нихъ помѣщеніяхъ. Въ лѣтнее время, развѣ какой-либо особый случай, заставитъ волка кинуться на собаку; волкъ боится быть раненымъ въ лѣтнее время, опасаясь страдать отъ язвъ, изъ которыхъ могли бы завестись очень легко въ лѣтнее время—черви. Да къ тому, деревенскія собаки, имѣя назначеніе быть стражами домовъ ихъ хозяевъ, по большой части не отлучаются далеко отъ своихъ дворовъ; а если по привязанности къ человеку, ивыд изъ нихъ и сопровождаютъ своихъ хозяевъ на сѣнокосы, или въ лѣсъ на порубку дровъ, то всегда почти дуть же около человека, или въ виду его и кружатся. При томъ собака, по своему инстинкту, иной разъ предвѣститъ даже человека о близкомъ присутствіи звѣря, и доставитъ тѣмъ пол-

вную возможность принять меры къ отраженію, въ случаѣ нападенія волка.

Нападаютъ (большую частію) отъ волковъ блуждающія и бездомныя собаки; перебѣгая отъ одной къ другой деревнѣ, они попадають иногда на встрѣчу волкамъ, которые тутъ маха не делаютъ; видяются почти такъ, какъ борзые къ зайцу, иной разъ зададутъ двѣ угонки, если собака быстра; все же она унасъ рѣшается тѣмъ, что волки разрываютъ ее на части, и если они голодны, то и съѣдаютъ, не зная только на вѣрное, со вкусомъ или безъ вкуса.

Бывали примѣры, что волки изъ-подъ экипажей хватили собакъ; мало того, иногда стаскивали ихъ съ крестьянскихъ повозокъ, не смотря, что крестьянинъ кричалъ, и даже отсталъ въ некоторыхъ изъ нихъ по мордамъ своимъ кнутомъ.

Вообще можно сказать, что одна собака, хотя и сильная, противу двухъ волковъ не устоитъ, а псчего уже и говорить о томъ, когда цѣлая партія нападетъ на одну собаку. Оборона собаки противу нѣсколькихъ волковъ заключается въ томъ, что она, почувъ вѣри, тотчасъ же старается убѣжать къ живому человѣку. Если же волкъ въ одиночку бросается къ собацѣ и притомъ нападетъ на зубастую; то собака вступаетъ въ бой, — стараясь сколько возможно не дозволить волку схватить себя за горло, и потому иной разъ, поднявшись на дыбы, схватываютъ и грызутся точно такъ, какъ и домашнія собаки, коюма не дадутъ или другія собаки не подоспѣютъ на помощь. Иногда подобная борьба оканчивается тѣмъ, что волкъ, израненный собакой, отказывается отъ успѣха побѣдить ее окончательно и первый старается поспѣшнѣе убѣжать отъ нея. Бывали также примѣры, что хорошія дворовыя и сильныя собаки внезапно изъ одиночку волка, ворвавшегося на дворъ за добычей; а что касается до отличныхъ овчарныхъ собакъ, то онѣ очень часто оставяли пастухомъ возвращаться съ паствы съ лишнею пещей, именно: тащить на плечахъ волка, дерзнувшаго кинуться изъ стада за овсянкой. Вообще можно замѣтить, что волки нападаютъ на собакъ не такъ дерзко, какъ на другихъ животныхъ, потому что каждая собака болѣе или менѣе уже ловецъ, а главное она защищается тѣми же средствами, какими волкъ наноситъ сильнѣйшее и вѣрнѣйшее пораженіе, — это зубы.

Нападеніе волковъ на свиней и оборона послѣднихъ.

Свинья отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ, неразумныхъ съ домомъ человека, своими особенностями, такъ: свинья постоянно превосходный аппетитъ ко всему, она является даже прожорливой; отъ безпрестаннаго удовлетворенія ею ли-

ши, она почти всегда находится въ неопрятномъ около себя видѣ; не зная ни въ чемъ особеннаго вкуса, свинья равно способна ѣсть все, попадающее ей подъ рыло. Скорое пищевареніе желудка побуждаетъ ее постоянно искать себѣ пищи и потому, не найдя ея въ полѣ въ довольномъ для себя количествѣ, она старается пополнить этотъ недостатокъ огородными овощами, гдѣ ея посѣщеніе надолго остается памятнымъ. Кромѣ овощей, истребленныхъ ею въ огородахъ неакуратныхъ хозяевъ, остаются и другія слѣды ея опустошеній, такъ что долго приходится заступу приводить снова въ симметрическій видъ гряды, а главное, требуется иногда очень порядочнаго труда, закапывать корни обнаженныхъ ею многихъ огородныхъ растений. Словомъ свинья до такой степени отличается своими непорядочными особенностями, что ея нарицательное имя употребляется, какъ ругательное слово.

Кромѣ этого, свинья по внутреннимъ своимъ качествамъ можетъ даже быть отнесена къ роду хищныхъ животныхъ; она смѣло кидается къ нарушившему ея покой и уничтожаетъ его своими клыками, иногда равняющимся клыкамъ вепрей.

Будучи съ виду неуклюжей, она чрезвычайно какъ поворотлива при отраженіи нападеній, на нее производимыхъ, и всегда старается оборачиваться рыломъ къ своему неприятелю, и потому очень часто прислоняется задомъ къ какой-нибудь естественной преградѣ, какъ то: къ дереву, къ камню, забору. Хищность свиньи доказывается еще и тѣмъ, что она любитъ ѣсть мясо, иногда хватаетъ дѣтей, а озлобленная кидается даже и на взрослаго человѣка.

Дружба свиней между собою, любовь и нѣжность къ дѣтямъ производятъ то, что нападеніе на одну изъ нихъ вооружаетъ другихъ, и тогда всѣ спѣшатъ на помощь къ тому мѣсту, гдѣ свинья, повалившись въ страдательное положеніе, хрюкаетъ всю всѣхъ силъ, какъ бы выражая тѣмъ свое воззваніе къ своимъ друзьямъ. И дѣйствительно, страшно видѣть, какъ всѣ озлобившись, съ хрюканьемъ, спѣшатъ на крикъ погибающей или попавшейся въ несприятное положеніе своей подруги. Бывали примѣры, что иные хозяева, опредѣливъ на убой кабана или свинью, принуждены были отказываться отъ своего предпріятія въ ту самую минуту, когда все уже было приготовлено къ закланію кабана, потому-что послѣдній, крикомъ своимъ вооруживъ другихъ свиней, доводилъ до того опасность, что люди, привезшіе кабана на убой, бросали все, чтобъ снастись отъ разъяренныхъ другихъ свиней, сбѣжавшихся съ разныхъ дворовъ, какъ бы на помощь погибающему.

Также не думайте пройти покойно съ поросенкомъ мимо стада, гдѣ свинья пасутся съ маленькими поросатами; крикъ угнетеннаго поросенка вооружить до того пасущихся свиней, что очень легко можно ожидать неприятности быть растерааннымъ въ куски озлобившимися свиньями, а въ особенности если онъ изъ крупной породы.

Много разъ приходилось дорого расплываться за попытки отравить борзыми свиней, пасущихся цѣлымъ десяткомъ или болѣе въ полѣ. Подобныя шутки оканчивались часто тѣмъ, что у нѣкоторыхъ собакъ недоставало послѣ травли одного, а иногда и болѣе реберъ.

Словомъ сказать: свинья между домашними животными, сколько отличается обширной пользой, столько и замѣчательна бываетъ иногда своею открытою злобою, обнаруживающеюся въ иное время самыми губительными послѣдствіями для тѣхъ, кому доведется испытать несчастье попасться подъ клыки разъяренной свиньи.

Послѣ всего сказаннаго, мы должны ожидать чего-то особеннаго при отрѣженіи нападеній производимымъ на свиней волками.

Для примѣра возьмемъ хотя десятокъ пасущихся на полѣ свиней, которыя, конечно, пріискивая для себя лучшій кормъ, неминуемо уже будутъ разбросаны поштучно на полѣ. Кушая покойно, съ обычнымъ аппетитомъ, траву и роя рыломъ землю для добыванія кореньевъ нѣкоторыхъ растений, свиньи, при первомъ появленіи волка, весьма знакомаго имъ звѣря, тотчасъ захрюкаютъ и съ поспѣшностію стараются соединиться въ одну общую кучку, если ихъ немного и притомъ если онѣ не значительно разбросаны по полю; въ противномъ случаѣ, соединяются въ нѣсколько кучекъ плотно задами другъ къ другу * и въ такомъ положеніи, образованъ кучками эшелонный или шахматный порядокъ, словомъ какъ имъ удастся расположиться, принимаютъ нападеніе волка. Злость свиней намъ уже извѣстна, клыки ихъ тоже знакомы вполнѣ и волкамъ, а такой умный и тактическій способъ обороны еще сильнѣе возбуждаетъ въ нихъ стойкость и храбрость; онѣ притомъ своимъ хрюканьемъ, выражая полный гнѣвъ и желаніе отбить дружно атаку звѣря, ставятъ послѣдняго въ невозможность воспользоваться хоть одной изъ нихъ, — и волкъ вмѣсто нападенія, обойдя кругомъ занятую свиньями позицію, только какъ бы провзведетъ къ своему родѣ ближайшую рекогносцировку, и съ этими подробнѣйшими

* Если при нихъ есть маленькія поросата, то онѣ прячутъ ихъ въ сѣднѣхъ между своими ногами.

свѣдѣніями обо всемъ имъ замѣченномъ, удивляется по-своему.

Любопытно видѣть, какъ свиньи при нападеніи звѣря, стоятъ крѣпко въ кучкахъ и не свода, глаза съ жадно, постоянно обращаются къ нему своимъ рыломъ, и какъ только увидятъ изъ виду звѣря, то онѣ начинаютъ покри въ такомъ же видѣ, какъ были расположены на позиціи, отступать ближе къ селенію, не смотря, что пастухъ иной разъ, рассчитывая время, и не позволяетъ имъ удалаться такъ рано съ паствы. Такъ принявъ въ соображеніе подобную умную оборону свиней противу волковъ, казалось бы, что волки навсегда лишены употреблять въ пищу свинину, и дѣйствительно, при такихъ обстоятельствахъ, имъ нѣтъ никакой возможности поживиться ею. Не смотря на то, что иногда волки въ числѣ нѣсколькихъ штукъ нападаютъ на свиней и употребляютъ всѣ описанныя нами выше хитрости, чтобъ разбить ихъ поштучно или заставить раскидаться врознь изъ своихъ тѣсныхъ кучекъ, всѣ старанія волковъ въ этомъ случаѣ почти всегда остаются тщетными. А иной разъ, если волкъ рискнетъ кинуться въ интервалъ между кучками, и если послѣднія расположены въ близкомъ между собою разстояніи, то случается, послѣ этого отважнаго нападенія звѣря, видѣть одни только отъ него клочки шерсти; волкъ на самыя мельчайшія части раздробляется клыками озлобившихся свиней.

Бывали примѣры, что волкъ такъ хитро подкрадывался къ свиньѣ, что она только въ то время замѣчала звѣря, когда онъ уже схватывалъ ее за шею. И тутъ иногда, если это была свинья порядочнаго роста, а не поросенокъ, звѣрю не удавалось вполне воспользоваться добычей, ибо свинья, схваченная внезапно звѣремъ, тотчасъ начинала кричать во всю мочь и давая тѣмъ знать другимъ объ своей опасности, была дружно спасаема, или отбиваема своими подругами, сбѣжавшимся къ ней на помощь. Мало того, бывали примѣры, что одинъ самецъ или какъ называютъ ихъ въ Малороссіи—кнуръ, спасался и отъ четырехъ напавшихъ на него волковъ. Въ этомъ случаѣ, ему помогала отчаянная его злость, съ которою онъ кидался прямо на перваго, державшаго къ нему приблизиться волка и, нанеся ему своимъ клыкомъ жестокую рану, заставляя его отбѣгать поодаль въ сторону и садиться да заливать распоротое мѣсто. Такимъ же порядкомъ, этотъ кнуръ подбивалъ и другихъ, и тѣмъ окончательно спасался отъ звѣрей.

Конечно, волки таскаютъ свиней, но большею частію зимою изъ хлѣбовъ, гдѣ онѣ уже поштучно сидятъ, а главное, внезапно подвергаются погибели; какъ напримѣръ иной разъ волкъ

принимать ихъ съ свистомъ; также и въ гнѣвѣе время волки имъ удаются преслѣдоваться свинной, но большей части — паросятами, или свинками изъ мелкой породы, да притомъ, когда тоже нападутъ на нихъ врасплохъ.

Во мѣстностяхъ губерніи папухъ, всякая зѣбра, только начиная кричать: на тю! тю! тю! и въ такъ принимають иногда хладѣя изъ его стада свиньи и мовытавшія уже западение волковъ, что тотчасъ по крику папуха, какъ бы по командѣ сбѣгаютъ въ кучку.

Нападенія волковъ на крупный рогатый скоть.

Описанъ нападенія волковъ на тѣхъ изъ домашнихъ животныхъ, которыхъ волкъ болѣе или менѣе въ силахъ побороудъ въ одиночку, и если не съ поспѣшностію, такъ по крайней мѣрѣ не торопясь, можетъ довольно свободно увести съ собою похищенное имъ животное въ безопасныя отъ преслѣдованій мѣста, — мы теперь перейдемъ къ тому, какъ нападаютъ волки на коровъ и быковъ, или тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ величина и сила протавуоставляетъ зѣбрю уже болѣе препятствія въ нападеніи.

Корова и быкъ вооружены отъ природы рогами, и при нападеніи зѣбра стараются этимъ средствомъ обороняться и наносить ему поражение; для этой цѣли быкъ и корова опускають голову внизъ такъ, чтобы своими рогами нанести ударъ неприятели или въ перпендикулярномъ направленіи, или поддѣть его подъ брюхо, и вскинуть на свои рога. Кромѣ оружія быковъ и коровъ, заключающагося въ остроконечныхъ ихъ рогахъ, самый добъ ихъ такъ крѣпокъ, что иные изъ этихъ животныхъ, лишившіяся какимъ либо случаемъ своихъ роговъ, ударомъ только одного лба въ зѣбрю вымалали его съ одного разу на мѣстѣ; а чтобы ударъ или поражение были сильнѣе, то быки и коровы стараются упадать ими въ своихъ неприятели съ разбѣга.

Вотъ и вся защита, которую можетъ протавуоставить зѣбрю крупный рогатый скоть, когда приходится сражаться ему въ одиночку. Въ протавномъ случаѣ, если они цѣлымъ обществомъ защищаются противъ волковъ, то сбѣгаютъ въ одну общую кучку, образуя какъ-бы въ своемъ родѣ каре, гдѣ главная ихъ оборона также состоитъ въ томъ, что ставъ плотно другъ къ другу задами, наклоняють головы внизъ и рогами, словно штыками, устрашая волковъ, удерживають тѣмъ ихъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи.

Нельзя вспомнить ни одного примѣра, чтобы волки, даже въ порядочномъ числѣ, осмѣливались когда либо кидаться на по-

добныя каре крупнаго рогатаго скота. Волкамъ ровно ничего нельзя выиграть своими маневрами предъ волами или коровами, соединившимися въ одну массу, для общей обороны. Это не овцы, которыя способны подчиняться гибельному впечатлѣнію внезапности отъ появленія предъ ними какого либо звѣря, и пораженныя неожиданностію, вмѣсто того, чтобы спастись, кидаются, какъ мы видѣли выше, можно сказать, сами въ зубы волкамъ. Коровы и быки, ставъ въ лучшемъ порядкѣ, внушенномъ имъ инстинктомъ, для обороны противу звѣрей, уже и держатся строго въ своемъ расположеніи, стараюсь отиудъ не переходить къ наступленію, то есть, выбиваться изъ своихъ рядовъ и увлекаться за звѣремъ, чтобы пронзить его своими рогами. Глядя на эту плотную и иногда обширную массу рогатаго скота, занявшаго позицію, на равнинѣ или въ ложинѣ, словомъ, гдѣ захватить ихъ опасность и необходимость защищаться противъ всегда страшныхъ для нихъ звѣрей — волковъ, вы не замѣчаете той храбрости и того желанія сразиться съ звѣремъ, какія видите въ свиньяхъ, стоящихъ въ ихъ кучкахъ и выжидающихъ нападенія волковъ. Рогатый скотъ всегда выказываетъ какъ-то грустнымъ при подобныхъ для нихъ несчастныхъ случаяхъ; самое преклоненіе ихъ головъ, хотя и страшное торчащими рогами, но всегда унылое, такъ и высказываетъ слова: «и мы грѣшны.»

Мы упоминали выше, что волки не дерзаютъ кидаться на рогатый скотъ, когда онъ расположенъ въ массѣ, но за всѣмъ тѣмъ, они какъ-бы наводятъ справки, вѣтъ ли по сосѣдству съ общей массой, отбывшихся отъ гурта штукъ. Если найдутъ такихъ несчастныхъ въ довольно близкомъ разстояніи къ общей массѣ прочаго скота, то, первоначально, всѣми средствами стараются дажѣ отогнать ихъ отъ гурта, и какъ только въ этомъ успѣютъ, то не смотря на силу быка или коровы и на страшные иногда ихъ рога, волки съумѣютъ справиться и съ этимъ животнымъ, лишь бы имъ не помѣшалъ въ этомъ случаѣ человекъ. Расправа волковъ съ быкомъ или коровой, повалившимися имъ на жертву такимъ образомъ, бываетъ самая простая. Зная, что рогами или ударомъ головы, рогатый скотъ можетъ неосторожнаго изъ нихъ положить на мѣстѣ, волки и тутъ доказываютъ свою смѣтливость тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, ухватившись за хвостъ быка, и потягивая его зубами какъ можно сильнѣе назадъ, заставляетъ тѣмъ несчастнаго обороняться и поворачивать голову то въ ту, то въ другую сторону, между тѣмъ, какъ другіе волки пользуются случаемъ, чтобы схватить за горло быка, безъ всякаго за то съ его стороны на-

казанія, и тѣмъ довершить свои старанія, зарѣзать его на смерть.

Иногда волки прямо вдѣлаются зубами въ бока быка и нанесутъ ему жестокиа и глубокиа раны; кровь, вытекающая изъ ранъ, приводитъ въ такое ослабленіе несчастное животное, что оно въ безсилія сваливается само на землю и дѣлается покорнымъ волкамъ,

Такъ нападаютъ волки на отбитыхъ ими отъ гурта быковъ, или же на тѣхъ, которые сами удаляются отъ общей паствы. Если волкъ нападаетъ на коровъ, пасущихся въ полѣ, гдѣ есть пастухи, и въ особенности, если коровы ходятъ вмѣстѣ съ телатами, то замѣтивъ ту корову, которая на болѣе дальномъ разстояніи пасется отъ стада, онъ всѣми мѣрами старается скрытѣе приблизиться къ примѣченной имъ штукѣ. Для этого онъ ползетъ по землѣ точно такъ, какъ приучаютъ лгавыхъ собакъ или пуделей, ползти на брюхѣ, по слову авансе; подползши на довольно близкое разстояніе къ коровѣ, волкъ лежитъ на землѣ какъ убитый, выжидаа, не подойдетъ ли сама корова поближе. Въ противномъ случаѣ, онъ опять подползаетъ такимъ порядкомъ, какъ сказано выше, и когда уже увидитъ, что можетъ кинуться съ довольно вѣрнымъ расчетомъ къ горлу коровы, то бросается къ ней съ быстротою кошки, и корова рѣдко бываетъ въ состояніи защищаться противу столь неожиданнаго на нее нападенія. Надо замѣтить, что если корова пасется вмѣстѣ съ своимъ теленкомъ, и волкъ нападаетъ въ одиночку, то онъ никогда не рискуетъ кидаться къ теленку; онъ знаетъ, что материнская любовь и у коровъ велика, и что заявившись съ теленкомъ, онъ въ то же время могъ бы быть прѣколотъ рогами его матери, которая при этомъ случаѣ удивительно какъ дѣлается смѣла и отважна; а потому бывали примѣры, что волкъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, бросался сначала на корову, а зарѣзавъ ее, уничтожалъ и теленка.

Словомъ, волчьи нападенія всегда бываютъ производимы съ хитростію и большею частію неожиданно. Подтверждается это многими несчастными случаями, которые приходится болѣе испытывать тамъ, гдѣ мало обращаютъ вниманія на истребленіе этихъ хищныхъ звѣрей.

Перейдемъ теперь къ нападенію волковъ на лошадей и оборонѣ послѣднихъ.

Лошадь, какъ лучшее и красивѣйшее животное, между всѣми созданными для дома человѣческаго тварями, отличается отъ всѣхъ другихъ описанныхъ нами въ этой статьѣ животныхъ, и большими способностями обороняться противъ нападенія звѣ-

рей; такъ, веревка и зашипышная оборочка лошади съесть ее быстро, которая иногда превосходить прыткость рывающей зайца; вторая: лошади, хотя знающая вогнать, способна тоже сильно бить и передними копытами; во всемъ этому слѣдуетъ присовокупить, что лошади тоже имеютъ оборочившии и зубаны.

Смѣлость и отважность лошади доказывается тѣмъ, что она идетъ развѣ, натравившись на человека, а выходя изъ опасности за нимъ, не окоу за нимъ не вѣдывать, что лошади лучше, чѣмъ другое какое-либо животное, способны скрывать присутствіе духа.

Многочисленныя записки лошадей, особенно свѣдѣнія рѣдкихъ, которые пасутся часто въ табунѣхъ; замѣтно, что лошади заводятся, какъ большае количество съ чужаками и периодически выполняются на пасту, уже не такъ смѣлы и не могутъ быть покойныи и звать. Якобы, особенно: одна изъ записокъ въ случаѣ нападенія на нихъ волка. Можно безъ сомнѣнія предположить, что даже лошади тамъ, гдѣ онѣ водятся и остаются, не только не боятся волковъ, но даже уничтожаютъ ихъ сами.

Конечно, этотъ хищный зверь рѣшится часто и лошадей; но жертвами его рѣдкостею. Большаю часть составляютъ — крестьянскія лошади, истощенныя и изуродованныя трудомъ.

Попытаются пастъ лошадей чаще тѣ, которые пасутся или свѣтанья, или привязаны иногда на дѣланыи борскаты по вбитому въ полѣ колу, а также и тѣ, которые въ одиночку пускаются на кормъ въ лѣсъ или на поляны, или просто иногда въ устарѣвшихъ, гдѣ волнамъ представляется полная возможность приближаться открыто къ безвѣчно-пасущаему животному.

Мы сказали, что большаю частью похищаются отъ волковъ — лошади, пасущіяся одиночно. Между тѣмъ лошади, если ихъ въ сколько вмѣстѣ ходятъ на полѣ, зашипышии зверь, тотчасъ стараются соединиться въ одну общую кучу, и ставъ головами другъ къ другу, а задомъ къ неприятелю, въ такомъ видѣ принимаютъ почти всегда нападеніе волковъ, которые въ этомъ случаѣ, или въ крупному рогатому скоту, ставяему для обороны въ кере, ровно ничего не въ состояніи сдѣлать. Впрочемъ, волки рѣдко и подкаютъ близко къ табуннымъ лошадямъ, а въ особенности если онѣ пасутся косяками, и имѣютъ между собою хорошихъ жеребцовъ, которые иногда бываютъ очень смѣлы и отважны. Когда другія лошади, при нападѣніи волковъ, стоятъ въ кучѣ, то жеребецъ, пердо рисуется впередъ, и, шогнувшись дугой, поднимая ирчау вверхъ и, распухшии хвостомъ, по

вѣтру, неистово реетъ предъ собой ковыляющъ землю, какъ быкъ сиво выкидываетъ отъ потерпѣвшаго приближенія звѣря. Бывали неоднократно примѣры, что иногда голодный волкъ, увлекаясь за добычей; запоздавшей присоединяться къ общей массѣ, да того увлекался въ азартѣ отважными своими преслѣдованіемъ за нѣю, что приближался почти къ самому жару. Вдѣ встрѣоженный жеребецъ тотчасъ, съ быстрою молніею, падаетъ на звѣря, и силой его сначала свалии легами, потомъ хватая въ зубы и трепая его, точно лхад борая. пойманнаго ею зайца.

Это можетъ служить явными доказательствами, какъ лошадь, если только она смѣла, можетъ легко уничтожить волка. И дѣйствительно волкъ, нападае въ одиночку на лошади, старается производить внезапно свою атакку: лезъ напромыръ, подползаетъ скрытно къ брюху и выдаетъ тогда уже изъ лошади, когда предчувствуется, что можетъ съ вѣрностью вдѣпиться зубами въ ея горло; въ противномъ случаѣ, разумна здоровую степную лошадь, а не измуренную крестьянскую, лошадь всегда въ остолбнѣннѣ или убѣжать, или же кинувшись на звѣря, хватать его своими ногами.

Если нападаютъ нѣсколько волковъ вдругъ на одну лошадь, то и здѣсь она иногда пробивается сквозь сважъ враговъ, и хотя съ нанесенными ей ранами, но спасаетъ свою жизнь. Главное дѣло въ томъ, чтобы не оробѣла лошадь, а то всегда она въ силѣхъ побѣждать опасности.

Случается иногда, что волки хватаютъ жеребятъ за заднія ланки, стараются перекусить имъ жилы, и тѣмъ какъ бы посадить ихъ назадъ; но не всегда волкъ успѣваетъ въ этомъ, а въ особенности если жеребенокъ не въ первомъ возрастѣ; послѣдній такъ сильно иногда лягнетъ задними ногами, что у звѣря послѣ подобной дерзости, цѣлый рядъ зубовъ можетъ навсегда очень повредиться. Между тѣмъ, все-таки оставляютъ этотъ звѣрь слѣды зубовъ своихъ, неизгладимые до самой смерти лошади и называемые подъ названіемъ *солмаго хата*.

Говорятъ, что волкъ обираясь напасть на лошадь или корову, выдвигается предъ тѣмъ иногда земли, чтобы быть уиѣснѣе въ то время, когда онъ удѣлится зубами за горло животнаго. А иные приводятъ нма самими видѣнные примѣры, что волкъ, набравъ въ ротъ землю, и подползши скрытно къ коровѣ или лошади, забрасываетъ ею глаза животному, и тѣмъ привада сначала въ замѣшательство эту несчастную корову или лошадь, потомъ уже безопасно ихъ рѣжетъ. Не бытъ самъ очевидцемъ подобныхъ случаетъ, не могу отвергать и этой

хитрости волковъ, тѣмъ болѣе, что видимъ подобную хитрость и въ нѣкоторыхъ птицахъ; наприѣръ въ нѣмецкомъ сочиненіи *Universal-philosophische Vorlesungen für Gebildete beiderlei Geschlechts*, находимъ, что крупнѣйшіе изъ орловъ въ Америкѣ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ почти всѣхъ видовъ, а въ особенности въ Сѣверной, желая добыть себѣ пищи, летятъ сначала къ стаду буйволовъ, насытившихся тамъ въ изобиліи на широкихъ, тучныхъ поляхъ. Выбравъ лучшаго изъ быковъ, они пускаются къ ближайшей рѣкѣ, на берегу которой, обмочивъ въ водѣ по одному крылу, обваливаютъ ихъ потомъ въ песокъ и съ этимъ запасомъ, для пораженія избраннаго ими животнаго, летятъ вновь къ стаду, и заприѣченной ими штукѣ, начинаютъ, одинъ за другимъ, наносить удары крыльями по самымъ глазамъ, стараясь какъ можно болѣе засорить несконъ обреченному ими на добычу быку — глаза. Дѣйствительно послѣ нѣсколькихъ подобныхъ ударовъ, повторенныхъ быстро одинъ за другимъ по глазамъ несчастной жертвы, буйволъ приходитъ въ такое бѣшенное замѣшательство, что начинаетъ стремглавъ мчаться, не разбирая предъ собою пути, и не рѣдко попадаетъ въ пропасть, куда обрушившись, убивается на смерть и дѣлается за тѣмъ неотъемлемою добычею этихъ ширококрылыхъ орловъ.

Въ противномъ случаѣ, если животное не попало въ пропасть, то орлы загоняютъ его до того, что оно также должно окончить свою жизнь, и быть непремѣнною имъ пищею. Видя этотъ поразительный приѣръ добыванія для себя пищи орлами, мы не станемъ удивляться и тому, что можетъ быть и волки, прославившіеся уже тысячами другихъ хитростей, употребляютъ дѣйствительно и землю, для засоренія глазъ животному, а въ особенности, если они не надѣются справиться открыто въ одиночку съ лошадыю или коровою, которою хотятъ полакомиться.

Словомъ, волкъ есть опаснѣйшій между всѣми звѣрами нашего климата, тѣмъ болѣе, что онъ съ усовершенствованіемъ способовъ истребленія со стороны человѣка, и самъ совершается въ своемъ хищничествѣ и умѣнны оберегать себя отъ преслѣдованій самыхъ искуснѣйшихъ охотниковъ. Въ заключеніи этой статьи мы укажемъ на тѣ средства, которыми можно еще, въ настоящее время, нѣсколько уменьшить зло, производимое ими человѣку.

Такъ основываясь на точномъ изученіи характера волковъ, мы обратимся къ тому, чего волкъ въ настоящее время боится; наприѣръ: ружья, хорошихъ собакъ, человѣка идущаго верхомъ на лошади, мгновенныхъ вспышекъ огня; рогъ охотни-

чай также пугаетъ своими звуками волковъ, и преимущественно разумѣется тѣхъ, которые были уже въ передѣлкѣ полъ выстрѣлами охотниковъ, или имѣли дѣло съ стаею гончихъ собакъ.

По этому владѣльцы хотя малочисленнаго стада одного изъ родовъ, описанныхъ нами домашнихъ животныхъ, а если стадо общественное, напримѣръ деревенское, то вообще миръ, должны поставить непремѣнное условіе, чтобы каждый пастухъ ихъ имѣлъ при себѣ ружье и на каждый день, хотя по десятку боевыхъ патроновъ, преимущественно картечныхъ. Это не составитъ большаго расхода. Сочтите, чего стоятъ потери отъ волковъ въ продолженіе года, хотя въ первой, взятой нами для примѣра, маленькой деревенькѣ; тогда увидите, что за итогъ похищенныхъ волками — барановъ, зарѣзанныхъ ими коровъ и лошадей, вы не только будете въ состояніи обзавести пастуха посредственнѣмъ ружьемъ изъ Тулы, но даже въ состояніи будете выписать пару двухствольныхъ ружей изъ Англии, славящейся оружейными заводами.

Приученіе пастуховъ къ ловкости стрѣлать изъ ружей не только картечью, но и самой пулей, не составитъ большаго затрудненія, тѣмъ болѣе, что многія сотни изъ нихъ, начиная съ младѣнческаго возраста до самыхъ сѣдыхъ волосъ, иной службы и инаго средства для существованія своего не знаютъ, какъ только одно пастушеское ремесло. Стало быть, такіе люди одной привычкой — держать ружье въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, могутъ уже шута приобрѣсти ловкость прицѣливаться вѣрно, и знать правильно, практическимъ глазомъ: какъ его ружье, на какомъ разстояніи, можетъ ударить и попасть не только въ волка, но даже въ воробья. Къ тому же пастухъ, будучи всегда въ движеніи, рѣдко не бываетъ хорошимъ гимнастикомъ; такъ влѣзъ на самое высокое дерево къ гнѣзду кончика или вороны, кинуть мѣтко камнемъ въ какой-либо предметъ, стегнуть съ удивительной ловкостью своимъ длиннымъ арапникомъ непослушную въ стадѣ овцу, или ненасущуюся въ порядкѣ короу, это самое обыкновенное дѣло для пастуха и онъ васъ можетъ удивить иной разъ своимъ, въ этомъ случаѣ, отмѣненнымъ искусствомъ; стало быть ружье въ рукахъ такого человѣка было бы полезно при защитѣ его стада отъ звѣрой. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что звѣрь, увидя здѣсь пастуха при стадѣ съ ружьемъ, подоидя къ другому, ту же встрѣтитъ опасность; наконецъ сунувшись глѣ либо съ голоду за добычей въ стадо, будетъ если не убитъ, такъ по крайней мѣрѣ раненъ, все же будетъ послѣ этой мѣры въ большемъ страхѣ и не посмѣетъ рѣшиться на дерзость бросаться такъ въ стадо,

какъ бросается онъ тамъ, гдѣ не предвидитъ для себя никакой опасности. Къ тому же волкъ, при видѣ ружья въ рукахъ человѣка, страшится нападать внезапно, а приближаетъ къ этому случаю всегда почти къ маневрамъ; такъ: начиняетъ кругомъ, поодаль ходитъ около стада, дабы заставить неосторожнаго и нугливаго человѣка выстрѣлить по нему на-удалую, и потому старается воспользоваться моментомъ бездѣйствія, когда человѣкъ будетъ заряжать ружье, чтобъ въ это время кинуться и ухватить что-либо изъ стада въ добычу. Словомъ, польза вооруженія пастуховъ ружьями очевидна: волкъ, какъ мы сказали не отваживается тогда на внезапную атаку, стало-быть даетъ уже тѣмъ средство человѣку принять возможныя мѣры осторожности, а кружась въ виду стада, нугаетъ тѣмъ самымъ пасущихся въ немъ животныхъ, которыя, какъ описали мы выше, успѣваютъ стать въ лучшее оборонительное положеніе, смотря по внѣшнюю каждому изъ нихъ собственнаго инстинкта. Волкъ теряетъ притомъ возможность напасть въ-расплохъ, а въ особенности если стадо не однородное, а мѣшанное, состоящее изъ свиней, лошадей и крупнаго рогатаго скота, или тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя, какъ мы видѣли выше, могутъ не только отразить нападеніе звѣря, но даже и уничтожить его.

Хорошія овчарныя собаки, также суть вѣрнѣйшее средство для обороны стада, въ особенности овечьаго, противу волковъ. Собака столь же бываетъ тонка въ своемъ чутьѣ, какъ и самый волкъ, стало-быть, можетъ заранѣе предупредить человѣка о приближеніи звѣря, а главное, имѣя достаточную силу и ловкость, въ состояніи бываетъ иногда, если не уничтожить волка, такъ по крайней мѣрѣ, вступивъ съ нимъ въ бой, задержать его, и дать способъ человѣку безъ всякой опасности заколотъ его ножомъ или убить первымъ попавшимся въ руки оружіемъ. Поэтому хозяева должны обращать вниманіе на улучшеніе породы овчарныхъ собакъ, которыхъ можно добыть отъ смѣшенія дворовыхъ сукъ, съ хорошими борзыми волкодавами или съ выкормленными на дому волками, добытыми въ самомъ малолѣтнемъ возрастѣ изъ дѣсу. Последній способъ добыть эту драгоценность для хозяйства весьма возможенъ, тѣмъ болѣе, что эти животныя, хотя различныя по характерамъ, совершенно близки во всемъ другомъ между собою, и притомъ подобнаго смѣшенія разнородныхъ животныхъ, можно поставить слученіе лошади съ осломъ, гдѣ получаемая смѣсь доставляетъ самый полезнѣйшій родъ особаго животнаго, именуемаго катеромъ, котораго спосность въ гористыхъ мѣстахъ для ѣзды, не уступаетъ осламъ, а добродѣтельность и сила превосходить во всемъ про-

тень всякую добрую воровую лошадь. Смѣшеніе же волка съ собакой, по давнянымъ опытамъ примѣрамъ, даетъ такую породу собакъ, которыя, по привадиности своей къ человѣку, не уступаютъ обыкновеннымъ собакамъ, а въ силѣ превосходятъ ихъ, и ненавидѣли волковъ сильнѣе, чѣмъ собаки ненавидѣтъ кошекъ, когда онѣ не такъ между собою близко знакомы.

Добытую такимъ способомъ породу собакъ, въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ, необходимо опять ослабѣжать волчьей кровью; ибо замѣчено, что въ послѣдующихъ за тѣмъ щенкахъ, ослабѣваетъ у нихъ ненависть къ волкамъ.

Имѣя десятковъ такихъ собакъ, можно ими обезпечивать на востѣ дѣлающую тысячу овецъ .противу нападенія волковъ; но волки рѣдко когда въ большемъ числѣ напали на стада овецъ.

Человѣкъ сидящій на лошади, устрашаетъ волка тѣмъ, что послѣдній очень хорошо знаетъ, что на конѣ скорѣе его могутъ догнать, къ тому же лошадь подъ всадникомъ, всегда смѣлѣе мечется на волка, чѣмъ она могла бы это сдѣлать, бывъ одна на свободѣ.

Разумѣется, что причина боязни волковъ къ всадникамъ, есть слѣдствіе тѣхъ уроковъ, которые многимъ изъ нихъ, быть можетъ, приходилось вытерживать, когда, высунувъ языкъ отъ усталости, до какой доводила ихъ опасность и страхъ попасть въ зубы собакъ, они принуждены были, въ иное время бѣжать со всѣхъ ногъ, не переводя духу, на огромныхъ разстояніяхъ. Поэтому весьма бы полезно было, если бы владѣтели значительныхъ стадъ овецъ имѣли конныхъ при нихъ пастуховъ, которые были бы болѣе страшны для волковъ, чѣмъ пѣшіе, а въ особенности, если бы имѣли при себѣ въ тоже время ружья.

Въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ болѣе развито овцеводство, такъ многотысячны способы содержанія и обзаведенія лошади, что, не ошибаясь, можно сказать, что употребленныя на это издержки не многимъ разѣ превзойдутъ стоимость двухъ пудовъ шерсти, вѣсъ которой, къ общей сложности, иногда чувствительно уменьшается волками противу смѣты, сдѣланной разчетливымъ хозяиномъ. Поэтому не благоразумнѣе ли будетъ израсходовать на меньшее, чтобъ сохранить тѣмъ большее?

Конный пастухъ, во всякомъ случаѣ будетъ полезнѣе, чѣмъ, пѣшій, какъ потому, что онъ имѣетъ болѣе возможности не только не допустить волковъ къ стаду, но въ случаѣ если бы волкъ и ухватилъ уже овцу, то онъ скорѣе можетъ его нагнать и отбить похищенное имъ животное, чѣмъ пѣшій.

Въ подтвержденіе изложеннаго нами, можемъ привести въ примѣръ гурты воловъ, которые гонятся съ южныхъ нашихъ губерній. Безопасность и покой этаго рогатаго скота отъ волковъ достигаются именно тѣмъ, что гурты бываютъ сопровождаемы двумя или тремя конными людьми, т. е. гуртовщиками. И дѣйствительно, рѣдкій изъ гуртовщиковъ, при ихъ вниманіи сторожить эту массу, пожалуется вамъ, что волкъ зарѣзалъ у него быка, и потому было бы очень полезно принять это правило для общаго руководства хозяевамъ, имѣющимъ у себя значительныя стада разнаго домашняго скота.

Волкъ страшится мгновенныхъ вспышекъ огня, боится постоянно огнестрѣльнаго оружія. Поэтому, пастуху можно пугать въ сумерки волковъ, или высѣканьемъ искръ огнивомъ, или еще легче, при нынѣшнемъ общемъ употребленіи фосфорныхъ спичекъ, посредствомъ зажиганія ихъ только такимъ образомъ, чтобъ спичка вспыхнула и тотчасъ же была потушена. Запахъ послѣ сожженія спичекъ почти такой же, какъ и послѣ воспламененія пороха, весьма знакомаго волкамъ, а потому они, не успѣвъ познакомиться еще хорошо съ настоящимъ значеніемъ спичекъ, будутъ бояться ихъ вспышекъ, какъ этому были уже многіе примѣры.

Рогъ охотничій понятенъ волкамъ въ другомъ родѣ, чѣмъ свирѣль пастуха, а потому тѣмъ деревнямъ, которыя по сосѣдству расположены съ владѣтелями большихъ охотъ, весьма полезно обзаводить охотничьими рогами своихъ пастуховъ, которые въ перемежку съ простодушными пѣснями, навстрѣваемыми ими иногда на своихъ свирѣляхъ, должны умѣть, хотя нестройно издавать нѣсколько звуковъ на охотничьихъ рогахъ. Это большую пользу можетъ доставить именно потому, что волкъ услышавъ, охотничій всегда страшный для него рогъ, тотчасъ будетъ стараться удалиться отъ стада, боясь попасться вмѣсто овчарни на псарню. Впрочемъ этимъ средствомъ стращать волковъ слѣдуетъ умѣренно, и не ежечасно трубить на рогахъ.

Главнѣйшее же средство умѣрять хищничество волковъ заключается въ томъ, чтобъ ободравъ шкуры съ зарѣзанныхъ ими животныхъ, никогда не выбрасывать мяса имъ же, можно сказать, на съѣденіе, а лучше всего или травить это мясо дворовымъ собакамъ, или закапывать его поглубже въ землю, дабы тѣмъ уничтожать скорѣе и слѣды ихъ хищничества, и такимъ образомъ наказывать ихъ за лютость лишеніемъ добычи, на которую они быть можетъ такъ много рассчитывали.

Строгое соблюденіе этаго правила поведетъ къ тому, что волки, врываясь въ стадо овецъ, не станутъ рѣзать столько штукъ,

сколько имъ дозволяетъ возможность, а напротивъ, замѣтивъ, что ихъ труды пропадаютъ напрасно, станутъ уже по всегдашней ихъ смѣтливости рассчитывать на другое, стараться похитить хотя одну штуку, да лишь бы поскорѣе утащить ее съ собою подалше отъ преслѣдователей.

А. ВЕНЦЕСЛАВСКІЙ.

УСТРОЙСТВО АРТЕЗИАНСКИХЪ КОЛОДЦЕВЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. Въ Венеціи, по неимѣнію прѣсной воды, употребляли до-сихъ-поръ въ питье воду дождевую. Она собиралась въ особо устроенныхъ для этого бассейнахъ, откуда, для ея очищенія, пропускалась чрезъ песокъ. Такихъ бассейновъ было публичныхъ 144 и частныхъ 1990. Во время засухи однакоже жители должны были употреблять воду изъ канала Серіола, которую ежедневно доставляли на баркахъ въ большомъ количествѣ.

Съ 1824 до 1830 года сдѣлано было нѣсколько опытовъ для устройства артезианскихъ колодцевъ; но всѣ они, вѣроятно по недостаточности средствъ, или по незнанію дѣла, остались безуспѣшными. Правительство, употреблявъ для этихъ предпріятій значительные капиталы, должно было наконецъ отказаться отъ своего намѣренія, въ полномъ убѣжденіи, что устройство артезианскихъ колодцевъ въ Венеціи невозможно. Послѣ того было предположеніе устроить водопроводъ на длинномъ мосту, соединяющемъ Венецію съ твердой землей, и доставлять воду изъ Си-ле; но предположеніе это осталось безъ исполненія, какъ потому, что по составленной смѣтѣ водопроводъ этотъ обошелся бы въ 3 милліона франковъ, такъ и потому, что это не обезпечивало бы Венеціи въ случаѣ ея осады неприятелями.

Въ 1846 году городской совѣтъ Венеціи пригласилъ французскаго инженера Дегузе для обсужденія вопроса: какимъ надежнѣйшимъ образомъ можно обезпечить Венецію водою?—Для этого Дегузе обратился прежде всего къ изслѣдованію мѣстности. Изъ постепеннаго возвышенія земля къ Гардскому озеру, которое на 60 метровъ выше поверхности моря, изъ направленія рѣкъ Плавы, Тагліаменто и Ливензы, которыя, въ своемъ теченіи по вязкому дну, теряютъ много воды, и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, онъ заключилъ что воды текуція съ высокихъ горъ, должны были проходить и подземнымъ путемъ; а потому и предложилъ устроить въ Венеціи артезианскіе колодцы, которые, по его вычисленіямъ, могли бы ежедневно доставлять воды до 1800 кубическихъ метровъ, и такимъ образомъ вполне обезпечить городъ прѣсною водою. Но городской совѣтъ, ссылаясь на прежніе неудачные опыты, предложеніе это оставилъ безъ вниманія, такъ что Де-

гуже былъ вынужденъ начать работы на свой собственный счетъ, и въ августѣ 1816 г. принялся за устройство колодца на площади Санта - Марія - Формоза. Ожидаіе его увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Просверливъ землю на 61 метръ, вода выступила съ необыкновенной силой. Это дало поводъ сверлить землю и въ другихъ мѣстахъ Венеціи, такъ что въ теченіи прошлаго года устроено было еще 5 колодцевъ, глубиною отъ 52 до 55 метровъ. Вода въ этихъ колодцахъ съ самого начала содержала въ себѣ столько углекислаго газа, что, при поднесеніи зажженной свѣчи, онъ немедленно, воспламенялся, и горѣлъ большимъ яркимъ пламенемъ въ продолженіе долгаго времени. Теперь же вода совершенно чиста, и углекислаго газа отдѣляется весьма мало.

МОРЖЕВЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ. Представляетъ привлеченіе весьма интереснаго описанія моржевыхъ промысловъ на Новой-Землѣ, помѣщенного въ трудахъ вольнаго экономическаго общества:

Моржъ (*Trichechus rosmarus*) окладомъ тѣла походитъ на тюленя, въ длину имѣетъ до 7 арш., уши короткія, глаза вынуклые, лапы черныя, шерсть мышастую, кожу толстую, зубы большіе; и по 2 клыка на каждой сторонѣ. Какъ бѣлые медвѣди овладѣли повоземельскимъ краемъ, такъ моржи береговымъ его пространствомъ, и окрестными островами. Тамъ они живутъ многочисленными семьями, и, съ помощью вѣтровъ, совершаютъ частыя путешествія на льдинахъ вдоль береговъ, не уходясь отъ нихъ впрочемъ болѣе 50 верстнаго разстоянія: Мореходецъ, встрѣчая моржей и тюленей, можетъ быть увѣреннымъ въ близости берега. Моржи обитаютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ: средней величины, эти звѣри, водятся у мезенскаго берега, отъ Каинна-носа до Вайгача; малые, въ Югорскомъ-шарѣ, или проливѣ, а самыя большіе, у Новой-Земли, особенно около *Матюшсва острова*. Ни одинъ изъ этихъ родовъ, не заходитъ въ Бѣлое-море и на мурманскій берегъ. Сообразно съ величиной, моржи даютъ сала отъ 7 до 20 пудовъ; а весною, когда онъ бываетъ суше и безсильны, только отъ 3 до 8 пудовъ. Моржи преимущественно обитаютъ около каменныхъ горъ и утесовъ. Выходя изъ моря они отряхиваются, и задними лапами приглаживаютъ шерсть. Поднимаясь на берегъ, или взлѣзая на камни, хватаются передними лапами и клыками, а, опускаясь въ воду, вырываютъ колесомъ. Моржи вообще любятъ вѣгу и покой; лежа на берегу или на льдинѣ, она снѣтъ крѣпкимъ сномъ, либо потягиваются, зѣваютъ,

и, для забавы, ползает как корова, а мелодие бѣгутъ какъ оиды. Въ солнечный день поднимаютъ задніе лапы, и машутъ ими какъ хвостами.

Моржи склдятся въ августѣ; самки привозятъ весною по одному щенку, рѣдко болѣе, и кормятъ ихъ 2 мѣсяца сосцами. Щенята рождаются черноспявые, съ зубами и большими глазами; клыки прорѣзываются у нихъ чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія. Трехъ мѣсяцевъ достаточно для воспитанія щенятъ; въ продолженіе этого времени, они играютъ, борются и лозають другъ на друга. Въ тихую погоду самки берутъ дѣтенышей на спину, сбрасываютъ ихъ въ воду, и такимъ образомъ приучаютъ къ плаванію. Моржи имѣютъ по нѣсколько самокъ; всякій самецъ живетъ отдѣльно съ своей залежкой, т. е. съ своими самками и щенятами. Такими семьями они плаваютъ и въ морѣ штукъ по 50 и болѣе; одни престарѣлые моржи, неизмѣющіе самокъ, живутъ отдѣльно.

Не смотря на свою величину и силу, моржъ боится человѣка. Разбуженный врасплохъ крикомъ или дубиной, онъ тяжело стонетъ, покачивается бѣжитъ, и въ искугъ падаетъ безпрестанно. Однако, въ крайности, видя путь къ спасенію пресѣченнымъ, или почувствовавъ боль отъ раны, моржъ отважно защищаетъ свою жизнь, сердито машетъ головой какъ медвѣдь, реветъ, и съ яростію бросается на врага. Тогда, при всей неповоротливости звѣря, противникъ его долженъ искать спасенія бѣгствомъ, или въ подкрѣпленіи своихъ товарищей. Въ морѣ, преслѣдуемый моржъ бросается на карбасъ, и старается его опрокинуть, хватаясь за край судна лапами и клыками. Но тутъ не дремлютъ лодцы удалые; они встрѣчаютъ разъяреннаго звѣря съ топоромъ, живо обрубаютъ ему лапы, бьютъ дубинами по головѣ, и добивъ жертву копьемъ или пулею, втаскиваютъ въ карбасъ. Для избѣжанія подобной борьбы, промышленники стараются нападать на сонныхъ моржей, подкравшись къ нимъ противъ вѣтра, и внезапно наскакивая, съ громкимъ свистомъ и крикомъ, бьютъ ихъ дубинами, колютъ синцами подъ передніе лапы, или стрѣляютъ изъ шитовокъ, направляя всегда въ голову; иначе пуля засядетъ въ толстомъ жирѣ, безъ вреда животному. Нападеніе на залежку моржей называется *заколкою*. Она большею частію происходитъ на островахъ, или на льдинахъ, сжатыхъ влотно сильными вѣтрами, въ проливахъ, заливахъ, и у вдавшихся въ море мысовъ. Въ такихъ мѣстахъ, чѣмъ больше вѣтры нагоняютъ сплошныхъ льдовъ съ залежками, тѣмъ удачнѣе бываетъ промыселъ, потому-что звѣрямъ приходится далеко бродить для сысканія себѣ ухода въ море; а лов-

цямъ представляется возможность гоняться за ними на льдинахъ, по ледянымъ полянамъ. Въ удачную заголку, когда приступъ сдѣланъ дружно и быстро, вся залежка гибнетъ подъ ударами взрѣдолововъ, и въ такихъ случаяхъ промысловая ладья нѣживаетъ не сотни, а тысячи рублей, полагая залежку хотя въ 20 зѣбрѣй, и считая за каждаго, кругомъ, около 100 р. асс., т. е. за кожу 40, за сало 50 и за зубы и клыки 15 руб. *. Еслибъ въ бѣломорьѣ моржевые промыслы производились артелями, то и добыча дѣлилась бы поровну; но теперь вся выгода остается на сторонѣ арматора, т. е. хозяина судна, а рядовой промышленникъ получаетъ ничтожное возмездіе, въ сравненіи съ богатырскими своими трудами **. Впрочемъ и арматоры сами, какъ сельскіе такъ и городскіе обыватели, люди весьма ограниченнаго состоянія. Весь капиталъ ихъ, по большой части, заключается въ однихъ ладьяхъ. Она не въ силахъ выносить упорно всѣхъ шинсовъ долговременнаго предпріятія, и не могутъ по этому пользоваться существенными его плодами. Такимъ образомъ, въ недостаткѣ капиталовъ заключается причина, по которой моржевые промыслы производятся въ небольшомъ размѣрѣ.

Лѣтъ за десять, вывѣжало на эти промыслы около ста ладей и карбасовъ, а теперь на нихъ не бываетъ и половины этого количества судовъ. Словомъ, въ настоящее время, зимній промыслъ не существуетъ, а лѣтній въ упадкѣ. Лѣтній промыселъ производится около 2½ мѣсяца, т. е. съ исхода іюня до десятихъ чиселъ сентября.

Городъ Кемь лежитъ въ центрѣ бѣломорья: оттуда до Новой Земли прямыми курсами около 900 верстъ. Въ такомъ же почти разстояніи Новая-Земля находится и отъ Архангельска. Но изъ этого города давно уже не высылается ни одного моржеловаго судна. Тамошніе иностранцы не заботятся объ оживленіи нашихъ морскихъ промысловъ, а русскіе капиталы оскудѣли и едва могутъ поддерживать мѣстную торговую и промышленную дѣятельность.

И такъ, съ бѣломорья только въ половинѣ іюня моржевыя ладьи и раньщины отправляются на Новую-Землю, и, при благоприятныхъ вѣтрахъ, поспѣваютъ туда въ 7 дней, а при менѣе способныхъ, въ двѣ и три недѣли. Суда эти пристають, по боль-

* Клыки, по величинѣ ихъ и вѣсу, имѣютъ разную цѣнность. Самыми дорогими считаются тѣ, которыхъ два идетъ на путь; обыкновенныхъ клыковъ пара вѣситъ отъ 10 до 15 фунтовъ. Кроме клыковъ у моржей выламываются зубы и твердые кости на разные подѣлки.

** При готовомъ содержаніи, моржевыми получаютъ около 100 руб. асс. за лѣтній промыселъ, т. е. около 30 руб. въ мѣсяцъ.

шой части, къ Маточкину Шару, откуда на разстояніи 800 верстъ т. е. отъ Карскихъ воротъ до мыса Нассаускаго, дѣлають развѣзды вдоль береговъ; останавливаясь въ мѣстахъ приличныхъ и высылая свои карбасы въ объѣздъ, для поисковъ, и промысла звѣрей. Въ то же время, Мезенскаго уѣзда Самоѣды и Нустозерскіе поселенцы, окончивъ тюлений и рыбный промыслы въ Югорскомъ Шарѣ, выѣзжаютъ для лова моржей на утлыхъ карбасахъ, и, гуляя за звѣремъ вокругъ Байгача, доходятъ также до Новой-Земли.

Впечатлѣнія прозрѣвшихъ дѣтей. Слѣдующія наблюденія доктора Триншинети, о первыхъ впечатлѣніяхъ прозрѣвшихъ послѣ операціи дѣтей, вполне подтверждаютъ прежнія замѣчанія Шезельдена:

Мальчикъ 11 и дѣвочка 10 лѣтъ родились съ бѣлками на глазахъ отъ одного слѣпца отца, котораго дѣвъ и тетка были также лишены зрѣнія. Дѣти были здороваго сложенія и оказывали большія дарованія. Влага въ ихъ глазахъ была бѣлоснежатая, и не препятствовала имъ однакожь различать свѣтъ отъ темноты, и даже распознавать нѣкоторые цвѣта, какъ то: желтый, голубой и красный, ярко освѣщенные.

Десять дней послѣ слѣпанной имъ операціи, когда они уже нѣсколько привыкли къ дѣйствию свѣта, докторъ Триншинети показалъ имъ апельсинъ на разстояніи около 3 футовъ. Увидѣвъ его, дѣти съ восторгомъ протянули руки и были очень смущены, не найдя его въ томъ направленіи, въ которомъ его видѣли. Дѣвочка простерла руки далѣе, и въ скоромъ времени нашла плодъ, между тѣмъ какъ мальчикъ еще долго шарилъ на мѣстѣ, не понимая значенія разстоянія. Впрочемъ черезъ нѣсколько времени, они уже въ томъ не ошибались.

Они легко отличали главные цвѣта, но не могли отличить желто-оранжевый, принимая его за желтый или за красный, также и фіолетовый имъ казался то голубымъ, то краснымъ. Мальчикъ называлъ сѣрый цвѣтъ бѣлымъ, и желто-сѣрый и черный голубымъ, а дѣвочка не могла различать голубой цвѣтъ отъ фіолетоваго, и оранжевый отъ желтаго.

Братъ и сестра не могли распознать настоящій апельсинъ отъ нарисованнаго или вырѣзаннаго, иначе, какъ осязаніемъ. Они не могли составить себѣ понятія о портретѣ, и изображеніи ономъ въ зеркалѣ, которое принимали за рамку съ движущимися въ ней пестрыми фигурами; но когда ихъ заставили осязаніемъ сравнить нѣкоторые части тѣла съ ихъ изображеніями, то они были поражены, узнавъ себя въ зеркалѣ. По виду они

не могли узнавать даже и тѣ предметы, которые у нихъ до того времени были въ большомъ употребленіи, какъ то: ложки, ножи и пр. Дѣвѣты предпочитали она самыхъ яркихъ красокъ; мальчикъ выбиралъ желтые, а дѣвочка красные.

По простествіи трехъ недѣль, имъ сдѣлали операцію въ правомъ глазѣ, и недѣлю спустя, замѣтили: 1) что ни одинъ предметъ не двоялся въ глазахъ мальчика; 2) что онъ опредѣлялъ разстоянія мѣстъ обоими глазами такъ же хорошо, какъ и однимъ лѣвымъ глазомъ; 3) что однимъ правымъ глазомъ онъ опредѣлялъ разстоянія мѣстъ не съ такою точностію, какъ лѣвымъ, и не ошибался только тогда, когда предметъ находился въ прямомъ отъ него направленіи. Мальчикъ вообще предпочиталъ вещи правильныя и симметрическія, и въ магазинахъ выбиралъ предметы, отличающіеся изящствомъ и хорошою отделкою. Луна, по его мнѣнію, была бѣлою круглою луною на голубомъ полѣ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ ФРАНЦІИ-ВОСТЕ.

Письмо господина Мармье къ Маркизу Доломье. Я составилъ обширный планъ путешествія, и не совершилъ его. Когда душа страдаетъ, мечется, какъ больной на своей постели; она старается разными средствами отогнать отъ себя неотвѣзчивую мысль, которая овладѣваетъ ею и угнетаетъ ее; она стремится вдаль, какъ будто убѣгая отъ самой себя. Собирая кругомъ себя всѣ обломки прошедшаго счастья, она образуетъ новую ткань надеждъ; но эта ткань легче и ненадежнѣе, чѣмъ эти легкія серебрястыя нити, которыя во время лѣта калеблются на поверхности луговъ, и которыя разрываетъ слабый порывъ вѣтра. Когда же настаетъ часъ, чтобы привести въ дѣйствіе эти мечты, эти важныя событія въ нашей жизни, нами овладѣваетъ утомленіе и глубокое уныніе. Смотришь на себя какъ на человѣка, претерпѣвшаго кораблекрушеніе и брошеннаго на морской берегъ съ полуразбитой ладьей; буря была такъ сильна и море такъ бурно; какъ послѣ того предпринять новое путешествіе? Къ тому же, чтобы путешествовать съ вольною, чтобы посѣтить страны, которыхъ еще не знаешь, надобно имѣть нѣкоторую веселость сердца, дающую полетъ уму, а вы знаете, какъ эта веселость далека была отъ меня, когда я вамъ пришелъ сказать: прощайте, завтра, а ѣду.

И такъ вмѣсто того, чтобы направить свой путь, какъ я вамъ объявлялъ, къ величественнымъ картинамъ полуденной страны и къ берегамъ Средиземнаго моря, я рѣшился увидѣть родныя горы; такъ дитя, нуждаясь въ сладкихъ утѣшеніяхъ, бросается

въ объѣктѣ своей матери; такъ рожденный олень причтется въ чашу дѣва. Я пишу вамъ нѣтъ маленькой деревни съ береговъ Дуба, въ сосѣдствѣ часовни, не представляющей ничего великолѣпнаго, но знаменитой по простодушнымъ преданіямъ, сладостнымъ для сердца.

Чистыя, свѣтлыя чувствованія религіи сохранились въ нашихъ горахъ Франшъ-Конте, не смотря на всѣ политическіе перевороты и всѣ потрясенія сладостныхъ вѣрованій. Посреди еловыхъ дѣсовъ, рука труженниковъ высѣкаетъ углубленіе въ скалѣ, и ставитъ тамъ изображеніе Богоматери; и дровосѣкъ, который приходитъ туда для своей тяжелой работы, и бѣдная женщина, своими дрожащими руками собирающая для своего стада траву, и путешественникъ, пробирающійся по тропинкѣ, идеть мимо этого сельскаго грота, останавливается и обращаетъ молитву къ Той, которую называютъ матерью несчастныхъ, подпорой немощныхъ, путеводитѣльницей странниковъ. Однажды, говоритъ преданіе, близъ деревни Боннево, колоссальная скала, оторвавшаяся отъ своего основанія, скатилась съ вершины утеса и пизверглась въ долину. Въ эту минуту землѣдѣлецъ спалъ со своимъ сыномъ въ долинѣ. Ни тотъ, ни другой не слышали ужаснаго шума этой громады, и скала, обрушившись какъ ударъ грома, остановилась передъ спящими. Чтобы ознаменовать память этого происшествія, вставили въ эту ужасную скалу изображеніе Богородицы. Мѣстные жители съ благоговѣніемъ показываютъ ее страннику, и рассказываютъ съ умиленіемъ народную легенду. Въ Ремоно, также у подножія скалы, поднимающейся круто, какъ крѣпостная стѣна, надъ лазурными волнами Дуба, на краю одной изъ самыхъ восхитительныхъ долинъ, находится часовня, высѣченная въ скалѣ, и въ ней изображеніе Богородицы. Говоритъ, что однажды, священники изъ Монбепуа, чтобы почтить торжественнѣе это изображеніе Богородицы, перенесли его въ прекрасную большую церковь. Но изображеніе явилось снова само собой въ удивительномъ гротѣ, куда его поставилъ прежде благочестивый старецъ.

Изъ всѣхъ этихъ гротовъ, изъ всѣхъ часовень, освященныхъ народнымъ благочестіемъ и молитвами упованія или благодарности, самая знаменитая есть та, которую я вамъ хочу описать, часовня въ Монпето.

Сюда часто приходятъ издалека на поклоненіе. Больные отсюда возвращаются укрѣпленные вѣрой. Молодые женщины идутъ сюда испросить покровительство Божіей Матери счастію ихъ супружеской жизни; матери приносятъ сюда своихъ дѣтей. Моя мать не разъ меня водила въ эту часовню, въ то время, когда я

еще ничего не зная объ жизни и ея подводныхъ камняхъ. Теперь я возвратился сюда опять, испытавъ уже превратности этого міра.

Эта часовня стоитъ на зеленой плоскости, откуда наслаждаешься великолѣпнымъ видомъ. Ея ограда не велика, но однако жъ можетъ вмѣстить до ста человекъ, и благочестіе вѣрныхъ содержитъ ее заботливо. На стѣнахъ развѣшаны разныя приношенія, смиренные дары людей, избавленныхъ небеснымъ покровительствомъ отъ тѣлесныхъ немощей или душевныхъ страданій. Тутъ видны нескусныя картины, рисованныя сельскимъ живописцемъ, и представляющія больныхъ, молящихся небесной своей покровительницѣ; далѣе, маленькій деревянный корабль, приношеніе какого нибудь бѣднаго, неизвѣстнаго моряка, который вѣроятно на морѣ, во время бури, молился Богоматери и спасся отъ гибели. Въ глубинѣ часовни находится жертвенникъ, покрытый чистымъ покрываломъ; въ празничные дни онъ украшается букетами цвѣтовъ и бантами изъ лентъ, и на этомъ жертвенникѣ поставлено изображеніе Богородицы, маленькое деревянное изваяніе, искусно отдѣланное. Начало его относится къ давнему времени. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ жителей Монпето, по имени Дюмонъ, привнесъ эту статую изъ Святой-Земли. Корабль, на которомъ онъ возвращался во Францію, былъ застигнутъ бурей и брошенъ на берегъ Мавританскій. Мавры захватили Дюмона, отняли отъ него все, что онъ имѣлъ; но ему удалось сохранить при себѣ драгоцѣнное изваяніе. Отданный въ рабство жестокому Мавру, онъ велъ страдальческую жизнь. Но въ послѣдствіи, кротостью своего нрава, возбудилъ къ себѣ нѣкоторое довѣріе. Его опредѣлили заниматься земледѣльческими работами, и присматривали за нимъ уже не такъ строго. Однажды, во время сѣнокоса, когда онъ былъ въ полѣ, далеко отъ своихъ сторожей, мысль о бѣгствѣ какъ молнія блеснула въ его умѣ; онъ вскакиваетъ на мула, и пускается въ галопъ; достигнувъ берега какой-то рѣки, онъ бросается въ воду, въ плавъ на своемъ конѣ, достигаетъ противоположнаго берега, и счастливо продолжаетъ свой путь. Возвратясь на свою родину, онъ построилъ часовню, и поставилъ въ ней святое изваяніе Той, кому приписывалъ свое счастливое спасеніе изъ оковъ рабства. Въ послѣдствіи часовня была увеличена, въ ней устроенъ жертвенникъ, и сосѣдніе священники часто приходятъ туда служить обѣдню.

Во время революціи, священное изваяніе было сохранено отъ святотатства благочестивымъ приходскимъ священникомъ, ко-

торый унесъ его въ Швейцарію, и по окончаніи своей эмиграціи, опять возвратилъ въ святилище.

Въ прекрасное іюньское утро, я отправился съ скромнымъ и добродѣтельнымъ аббатомъ Бонпе и другимъ священникомъ, къ деревушку Монпето, которая лежитъ близъ часовни; я спрашивалъ монахъ путеводителей о религіозныхъ преданіяхъ страны, и не могъ наслушаться простой и трогательной ихъ бесѣды. Пройдя по обширной долинь, мы взобрались по узкой, каменной тропинкѣ, которая извивается среди лѣса, и по которой, въ опредѣленные дни года, всѣ окрестные жители совершаютъ процессію съ развѣвающимися хоругвями, чтобы присутствовать при богослуженіи въ часовнѣ. Все вокругъ насъ было весело и оживлено; насѣкомыя жужжали въ густой зелени; птицы пѣли подѣ древесными листьями; благовонныя растенія холмовъ, маленькіе цвѣточки только что распустившіеся, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ, между тѣмъ какъ мои два спутника сѣяли въ моемъ умѣ цвѣты, которые гораздо прочнѣе и пріятнѣе,—цвѣты благочестивыхъ бесѣдъ. Скоро мы дошли до предѣла нашего путешествія. Въ часовнѣ была совершена обѣдня. Крестьяне, женщины и дѣти поспѣшно оставили свои работы, чтобы присутствовать при этомъ неожиданномъ богослуженіи.

По окончаніи молитвы, мои вожатые меня повели на вершину живописнаго холма, увѣчаннаго величественнымъ лѣсомъ. Передъ нами развернулось обширное пространство; мы увидѣли поля, засѣянные хлѣбомъ и пастбища, горы и долины, волновавшіяся вдаль, какъ изумрудное море; здѣсь деревенскіе дома стояли въ группѣ кругомъ церкви; тамъ были разбросаны одинокія хижины; всящія, какъ птичья гнѣзда, на крутизнахъ холмовъ, или скрывающіяся, какъ таинственныя убѣжища, подѣ сводами словаго лѣса; на лѣво, прелестныя долины, украшенныя зеленью и цвѣтами, и перерѣзываемыя потокомъ прозрачной воды, который то исчезаетъ въ прихотливомъ изгибѣ подѣ тѣнью кустарниковъ, то является живѣе и прекраснѣе при яркихъ лучахъ солнца; передъ нами, дорога открытая какъ проломъ, посреди этой каменной цѣпи, шпалой новаго Роланда; съ одной стороны, надъ этой дорогой господствуетъ острокопечная скала, на которой строятъ новую крѣпость; съ другой—на холмѣ поднимается старыи замокъ съ своей нагнувшейся вершиной, съ своими зубцами и башенками. Здѣсь то были въ заточеніи Туссенъ, Мирабо и меланхолическій Клейстъ; припомнивая бурную судьбу этихъ трехъ узниковъ,

мы смотрѣли съ наслажденіемъ на зеленѣющійся колѣсъ, гдѣ мы такъ спокойно сидѣли.

Любуясь этими видами, мы съ удовольствіемъ обращали наши глаза на смиренную деревушку, растилающуюся у ногъ нашихъ, и на часовню, составляющую религиозное ея украшеніе. Добрые люди, живущіе въ этой деревушкѣ, имѣютъ къ изображенію Богородицы, которое находится въ нѣхъ часовнѣ, безпредѣльное почитаніе; небесной покровительницѣ они приписываютъ всѣ счастливыя событія своей жизни, и прибѣгаютъ къ ея помощи во всѣхъ обстоятельствахъ. Если кто изъ нихъ сдѣлается боленъ, тотчасъ идутъ за священникомъ, зажигаютъ свѣчи на жертвенникѣ, усердно молятся за обѣдней, и душа исполняется новой силой. Передъ часовней, растетъ огромный, величественный вѣзь. Стволъ его въ окружности болѣе двадцати футовъ, и вѣтви его густыя, могучія, образуютъ надъ часовнею обширный сводъ какъ будто для того, чтобы охранять ее отъ непогодъ и грозъ. Жители страны смотрятъ на это гигантское дерево съ почтеніемъ. Они говорятъ, что 1793 году, когда изваяніе Богородицы перенесли въ Швейцарію, этотъ вѣзь, который походилъ каждый годъ на огромную бесѣдку изъ зелени, не имѣлъ тогда ни одного листка. Они рассказываютъ также, что однажды вынесли священное изображеніе, чтобы сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ часовнѣ, и въ этотъ самый день. опустошительный пожаръ обхватилъ деревушку.

Сладостныя народныя легенды счастливы върующіе, говорили мнѣ добрые священнослужители, бывшіе со мной, и я, идучи за ними, повторилъ, но не съ столь вѣрной совѣстью какъ они: счастливы върующіе!

ПОВѢДКА НА МЫСЬ ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ. Вотъ что рассказываетъ одинъ германскій путешественникъ о повѣдкѣ своей на Мысль Доворой Надежды.

Послѣ скучнаго и однообразнаго морскаго путешествія, въ продолженіи 88 дней, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ нетерпѣливомъ ожиданіи въ открытомъ морѣ, въ виду Кана, первое появленіе горъ Мыса Доворой Надежды при наступленіи утра, произвело на насъ, какъ это очень известно, самое радостное и пріятное впечатлѣніе. Но и при другихъ обстоятельствахъ, зрѣніе, представившееся намъ въ службу корабля, всегда поразило бы насъ своей величественной красотой. Длинная цѣпь высокихъ крутыхъ горъ, образующая Мысль Доворой Надежды, скрывала вершины свои въ туманѣ, и круто спускалась въ море. Туманъ постепенно разбѣгался, и зубчатыя вершины

горъ обрисовывались на чудесномъ ясномъ небѣ, въ самыхъ живописныхъ формахъ. Съ жадностію смотрѣли мы на эту картину, и считали для себя это мѣсто землею обѣтованія

Нѣсколько миль отъ Капа, гдѣ мы съ самого начала приближались къ берегу, рука человѣческая, по видимому, не достигалась еще до произведеній природы. Скаты горъ покрыты низкою и мягкимъ кустарникомъ, который, достигая въ немногихъ мѣстахъ высоты деревъ, представляется только въ раздѣльныхъ болѣе оживленной яркой зелени. Нанутствуемые свѣтомъ утреннимъ вѣтромъ, мы пронеслись мимо этихъ горъ, и въ скоромъ времени увидѣли Капъ съ его садами и домами. Но вѣтеръ затихъ, и мы принуждены были остановиться до вечера, и тогда только, при полномъ лунномъ сіяніи, вошли въ Столовый заливъ, гдѣ и бросили якорь. Намъ не случилось видѣть ярилица очаровательнаго того, какое представляли въ эту минуту заливу, окружающія его горы, корабли на якоряхъ, и чуждыя для насъ лучезарныя свѣтала, сіявшія надъ нами на темно-голубомъ, безоблачномъ, небѣ при магическомъ свѣтѣ луны. Последующія побѣды въ Капштадтѣ никогда не могли изгладить во мнѣ этого перваго впечатлѣнія.

Приставъ къ берегу на слѣдующее утро, мы были поражены огромнымъ числомъ цвѣтныхъ, встрѣчавшихся намъ на каждомъ шагу. Дѣйствительно, едва ли найдется въ мірѣ другой городъ, который, подобно Капштадту, могъ бы представить въ своихъ жителяхъ такое разнообразіе въ оттѣнкахъ кожи. Здѣсь вы увидите негровъ всѣхъ возможныхъ племенъ; Малайцевъ съ крашеными бородами, въ сѣрыхъ курткахъ, въ оригинальныхъ конусообразныхъ шляпахъ, напоминающихъ соломенные крыши домовъ; Индусовъ, Китайцевъ и другихъ обитателей Востока; Мулатовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, Готтентотовъ, и другихъ. Кромѣ того вы найдете здѣсь и бѣлыхъ изъ всѣхъ почти странъ свѣта: Англичанъ, Голландцевъ Нѣмцевъ, Французовъ, Шведовъ, Аравитянъ, Американцевъ и т. д. На дорогѣ вы встрѣтите мужчинъ съ зеленымъ вуалемъ на лицѣ, для защищенія себя отъ мѣлкой красной пыли, поднимающейся на немощныхъ улицахъ, при малѣйшемъ дуновеніи юговосточнаго вѣтра.

Главные улицы въ Капштадтѣ широки и чисты; онѣ пересекаются подъ прямымъ угломъ, и тѣмъ самымъ придаютъ городу нѣкоторую геометрическую правильность. Дома лишены всякаго архитектурнаго украшенія, и большею частію окрашены бѣлою краскою, при солнечномъ свѣтѣ не совсѣмъ пріятною для глазъ.

Въ настоящее время строится цѣлыя дома изъ камня; но есть еще много строеній изъ сушеной глины, напоминающихъ собою владычество Голландцевъ. Большая часть здѣшнихъ домовъ построена въ одинъ этажъ съ мезониномъ наверху. По наружности нельзя и предполагать объ удобствѣ внутренняго расположенія комнатъ. Онѣ высоки, просторны, и обмѣлированы не только со вкусомъ, но и съ вѣкоторою щеголеватостію. Немногія комнаты имѣютъ потолкиштукатуренныя; большею же частію полы и потолки сдѣланы изъ такъ называемаго Geelhout (желтаго дерева) туземнаго произведенія, которому придаютъ цвѣтъ краснаго дерева. Къ главному фасаду домовъ придѣланы высокія платформы, къ которымъ ведутъ съ улицы каменные ступени. Эти балконы называются по голландски stoers. На нихъ собираются по вечерамъ всѣ члены семейства, что въ это время придаетъ улицамъ Капштадта чрезвычайно оживленный характеръ. Въ предмѣстіяхъ при каждомъ домѣ есть садъ, но въ самомъ городѣ они очень рѣдки. Гостиницы, посѣщаемыя обыкновенно самими богатыми путешественниками, содержатся Англичанами по образцу англійскихъ гостиницъ, и потому жить въ нихъ довольно дорого, хотъ и дешевле чѣмъ въ Англіи. Нѣмцы и Французы оказываютъ предпочтеніе гостиницамъ, содержимымъ ихъ соотечественниками и Голландцами, или отдають преимущество другимъ заведеніямъ (boarding houses), устроеннымъ по образцу сѣверо-американскихъ. Эти гостиницы и заведенія не подлежатъ ежегодному обременительному налогу въ 112 ф. стерл., взимаемому правительствомъ съ тѣхъ заведеній, въ которыхъ продають вино, и другіе крѣпкіе напитки, потому что въ этихъ заведеніяхъ продають одно лишь туземное, впрочемъ довольно вкусное, вино. Для людей недостаточныхъ и неприхотливыхъ устроено множество постоялыхъ дворовъ.

Въ архитектурномъ отношеніи ни одно публичное зданіе не заслуживаетъ вниманія путешественника. Лучшимъ изъ нихъ считается биржа, красивое одноэтажное зданіе, фасадъ котораго украшенъ колоннами и пиластрами. Одинъ изъ его флангелей занятъ библіотекой, которая состоитъ изъ отборныхъ книгъ, дѣлающихъ честь вкусу здѣшнихъ жителей. Она содержитъ ихъ подпискою, и имѣетъ особую комнату для чтенія, въ которой находятса лучшія англійскія газеты, и періодическія изданія, равно какъ и французскія и нѣмецкія газеты, въ томъ числѣ Revue des deux mondes, Аугсбургская всеобщая газета Гамбургскій корреспондентъ и ии др. Чужестранцы, прѣзжающіе въ Капштадтъ на короткое время, пользуются чтеніемъ

книгъ безденежно. По срединѣ зданія устроена зала (commercial hall), равномерно открытая чужестранцамъ, въ которой происходятъ публичныя собранія, и гдѣ собраны всѣ Коммерческія газеты Европы и Индіи. Въ другомъ флигелѣ устроено складочное мѣсто товаровъ, въ которомъ почти ежедневно производится значительныя продажи съ публичнаго торга. Передъ самымъ зданіемъ биржи простирается продолговатая площадь, обсаженная нѣсколькими рядами жалкихъ сосенъ, и назначаемая для экзерциціи и парадовъ войска. Это мѣсто, лишенное всякой зелени, довольно пусто и мрачно; съ его каменныхъ тротуаровъ, покрытыхъ всегда густымъ слоемъ мелчайшаго песку, поднимаются, при малѣйшемъ вѣтрѣ, цѣлыя облака пыли.

Благосостоянію колоніи вредятъ частыя набѣги и грабежи Каэранъ, приносившіе нини съ незапамятныхъ уже временъ; но въ последнее время, благодаря содержащимся здѣсь войскамъ, грабежи эти сдѣлались рѣже, и Капштадтъ составляетъ теперь богатѣйшую и цвѣтущую колонію Великобританіи. Господствующая здѣсь вѣра есть пресвитеріанская, введенная еще во времена владычества Голландцевъ. Обстоятельство это привлекло сюда множество Шотландцевъ, которые, по свойственному имъ промышленному духу, оживили торговую дѣятельность Капштадта, и содѣлали его какъ бы колонією шотландскою. По причинѣ вѣротерпимости, вы найдете здѣсь церкви разныхъ вѣроисповѣданій и сектъ. Здѣсь есть также мечети магометанскія, которыя посѣщаются Малайцами и Аравитянами, составляющими значительную часть народонаселенія Капштадта. Готтентоты и другіе негры принадлежатъ къ вѣрѣ языческой. Число жителей Капштадта простирается до 22,000; въ томъ числѣ бѣлыхъ 9,400, а цвѣтныхъ около 12,500. Домовъ построено около 3,000. Изъ числа жителей 14,700 чело-вѣкъ принадлежатъ къ вѣрѣ христіанской, 6,500 составляютъ послѣдователей ислама, и около 1,000 Евреевъ и язычниковъ.

Домъ, занимаемый губернаторомъ, находится у подножія Столовой горы. Зданіе это не представляетъ въ себѣ ничего особо величественнаго, и очень походитъ на загородный домъ какого-нибудь достаточнаго, англійскаго дворянина. Прилегающій къ нему паркъ содержится очень худо.

Общественныхъ увеселеній въ Капштадтѣ нѣтъ никакихъ. Существовавшій здѣсь театръ, въ которомъ впрочемъ играла только труппа любителей, не удержался, и былъ превращенъ въ кивакерскій домъ. Львы, страусы и слоны, содержащіеся нѣкогда въ резиденціи губернатора, и привлекавшіе толпу любопытныхъ, теперь проданы. Для прогулокъ, осталась только Сто-

любая гора. По этой причине прибытие корабля возбуждает въ жителяхъ Капштадта участіе и любознательное въ высшей степени; прѣзжики они оказываютъ участіе и гостепрѣимство.]]
 Всѣ улицы въ Капштадтѣ освѣщены газомъ, хотя, по причине необыкновеннаго луннаго сіянія, освѣщеніе это почти лишнее. Гавань и рейдъ окружены береговыми батареями и крѣпостію, въ которой находится провіантскіе и оружейные магазины, и также казармы довольно значительнаго гарнизона. Съ крѣпостнаго вала раздается ежедневно, при восхожденіи и заходженіи солнца, по одному пушечному выстрѣлу. Недалеко отъ крѣпости устроена обширная площадь, обнесенная стѣною, на которой помѣщается рынокъ. Каждое утро, съ разсвѣтомъ дня, открывается здѣсь продажа разныхъ произведеній и припасовъ, подъ главнымъ наблюдениемъ рыночного смотрителя. Онъ утверждаетъ тѣмъ жизненнымъ управленіемъ, управляетъ аукціонами, и наблюдаетъ вообще за правильнымъ производствомъ торговли. Отъ берега до самаго рейда устроены дѣл деревянные набережныя, гдѣ пристають корабли, и окружаютъ товары. Въ приставкѣ находится цѣлая флотилія судовъ, которыя отличаются своимъ изяществомъ, а прочностью своею превосходятъ даже суда англійскія. Гавань не безопасна, и при сильномъ вѣтрѣ сообщеніе между городомъ и кораблями прекращается совершенно. Фарватеръ въ заливѣ представляетъ также не большіе удобства. Иногда при совершенномъ отсутствіи вѣтра или при слишкомъ сильныхъ его порывахъ, корабли принуждены бывають ждать въ открытомъ морѣ нѣсколько дней и даже недѣль, прежде, чѣмъ войти въ рейдъ. Около здѣшнихъ горъ безпрестанно свирѣпствуютъ бури, и залазятъ усталыя печальныя памятники ярости волгъ.

Столовая гора, упоминаемая такъ часто путешественниками, получила названіе свое отъ широкой площади, находящейся на самой ея вершинѣ. Лицевая сторона этой горы, обращенная къ Капштадту, образуетъ крутой обрывъ, и выветъ по сторонамъ два возвышенія подъ названіемъ Львиной головы и Чортовой горы, отдѣляющіяся глубокими долинами отъ главной вершины.

Вышина Столовой горы простирается до 3,500 футовъ; вышина же горъ, ее окружающихъ, гораздо менѣе. Кромѣ своей оригинальной формы, она особенно замѣчательна необыкновеннымъ лениемъ природы; называемымъ Англичанами *скатертью*, а Французами *паркомъ* Столовой горы. На ея поверхность спускаются иногда облака, покрываютъ всю площадь, и малѣйшіе влочки разстилаются по ея покатостямъ. Въ то время гора принимаетъ еранный оригинальный видъ, и явленіе это имѣетъ за-

служиваетъ названію ему данное. Показаніе скалери предъ нами является юговосточный вѣтеръ, который послѣ того и начинается дуть въ долинахъ и развѣтвляхъ горъ съ ужасающимъ шумомъ. Явленіе это въясняютъ различными образомъ: но надо бы кажется приписать это юговосточному вѣтру, обдуваемому вѣвосточному маленькія облака, которые задерживаются вершиною горъ и на ущельяхъ. Такого рода явленіе замѣчено также на вершинахъ горъ острова св. Елены и Вознесенія.

Восхожденіе на Столовую горю можетъ быть совершено двумя образомъ: или дляя обхода чрезъ Вандербергъ, находящійся за Столовой горой; или чрезъ ближайшую, хотя и самую крутую, и почти отвѣсно лежащую тропинку со стороны Капштадта. Сопровождаемый несколькими друзьями, и въспавившись также взойти на горю, и эта попытка намъ совершенно удалась. Мы шли по направленію маленькаго прозрачнаго ручейка; стекающаго изъ утеса, и снабжающаго Капштадтъ водою. На берегу ручья построены хижинны и бѣлильня здѣшнихъ прачекъ, большою частью Негритянокъ и Готтентотокъ, которые полощали полотно; поключивъ его иногда камнями; что конечно не прибавляло прочноста тканью. Надъ маленькими водопадами; почти у самаго истока ручья, восхожденіе дѣлается особенно затруднительнымъ; потому что тамъ приходится перелезати чрезъ утесы и гранитныя обломки, отдѣлившіеся отъ вершины горъ. Безпрерывно существующая здѣсь сырость отъ тумановъ, росы и дождей; производитъ необыкновенную дѣятельность растительной природы. Путешественникъ удивляется; встрѣчая здѣсь среди многихъ совершенно новыхъ и незнакомыхъ ему растений, кактусъ и герань рѣдкой величины, равно какъ и другія дикія растенія, вывѣтвившія въ средней Европѣ только въ оранжереяхъ. Чтобы перевести дыханіе, мы останавливались по временамъ на несколько минутъ, и любовались прекраснѣйшими сельскими видами; разстлавшіеся почти у самыхъ нашихъ ногъ.

Послѣ двухъ часового путешествія мы достигли наконецъ подошвы Столовой горы, которую и напали совершено въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представлялась снизу. Покрѣвшающій ее грудыя песчаный камень, отъ ударовъ молній, вездѣ былъ взрытъ и разбитъ самыми оригинальными образомъ. Во многихъ мѣстахъ образовавшіяся маленькія углубленія наболнены были драгоцѣнною, осѣжительною дождевою водою, которою мы и утоляли жажду. Температура воздуха на вершинѣ горъ была ниже въ сравненіи съ температурою Капштадта; доходившею при нашемъ отправленіи до 27 град. Цельзіуса термометра. Видъ, представившійся намъ съ вершины горъ, былъ очарователенъ.

Съ одной стороны мы увидѣли весь Капштадтъ съ его обширными садами и предѣстами, залитъ съ кораблями, островъ Разбойниковъ, и эту утесистую, обильную горами, береговую линию, круто спускающуюся въ синія волны Атлантическаго океана. Съ другой стороны взоръ нашъ терялся въ необозримыхъ несчаемыхъ степяхъ, кое-гдѣ покрытыхъ тощимъ кустарникомъ, и останавливался въ отдаленіи на живописныхъ очертаніяхъ горъ Готтентотской земли.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія на вершинѣ горы, мы были внезапно окружены густымъ туманомъ, почти сокрывшимъ отъ насъ дневный свѣтъ, и распространявшимъ ледяной холодъ въ атмосферѣ. Это и былъ одинъ изъ тумановъ, называемыхъ скатертью Столовой горы. Хотя въ эту минуту спускаться съ горы было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе, что солнце уже совершенно закатилось, и послѣ короткихъ сумерекъ не замедлила бы наступить и ночь, однакоже мы пустились въ обратный путь, потому-что бивуакъ на горѣ безъ шипелей, безъ дровъ для разведенія огня, и при совершенномъ недостаткѣ въ сѣстныхъ припасахъ былъ не слишкомъ привлекателенъ. Когда мы вышли изъ облаковъ, мѣсяцъ въ полномъ силѣи уже освѣщалъ землю. Руководимые его кроткимъ свѣтомъ, мы стали спускаться по другой тропинкѣ, которая хоть и не представляла болѣе удобствъ, но все-таки была безопаснѣе. Не смотря на лишній обходъ, обратный путь продолжался не дѣе часа. Мы отправились изъ Капштадта въ 3 часа по полудни, а возвратились только въ 9 часовъ вечера.

ПОВѢРЬЯ О СТРЕКОЗАХЪ И ЛЕГЕНДА О ГОЛОВОЙ ПТИЦѢ.
Когда мѣтомъ въ нашихъ долинахъ и низкахъ, покрытыхъ молодой зеленью, раздается цѣлый день, неумолкаемое пѣніе стрекозъ, мы конечно не воображаемъ, что подъ легкою оболочкою этихъ маленькихъ насѣкомыхъ жаваютъ человѣческія души. Ихъ существованіе заключается единственно въ гармоніи пѣнія; они не знаютъ никакихъ другихъ потребностей, не чувствуютъ никогда ни жажды, ни голода.

Правда, что натуралисты ничего не говорятъ о чудесномъ существованіи этихъ привилегированныхъ душъ, такъ что можно и сомнѣваться въ этомъ. Однако это преданіе дошло до насъ отъ Грековъ, живое воображеніе которыхъ любило облекать все окружающее ихъ поэтическою таинственностію. И хотя Лафонтенъ, который имѣетъ въ этомъ случаѣ большой авторитетъ, противорѣчитъ этому повѣрью въ своей баснѣ, гдѣ стрекоза говоритъ муравью:

Прокорми и обогрѣй!

но вѣроятно эта басня, одна изъ первыхъ, какъ извѣстно каждому, была написана тогда, когда онъ не зналъ Платона и не читалъ исторію стрекозъ, прекрасно изложенную въ Федръ.

Сократъ съ молодымъ своимъ другомъ Федромъ разговаривали, сидя на мягкой травѣ, возлѣ источника Илсса, въ тѣни цвѣтущихъ деревьевъ, разливавшихъ благоуханіе въ воздухъ, въ прекрасномъ и уединенномъ мѣстѣ, безмолвіе котораго прерывалось только оживленнымъ пѣніемъ стрекозъ. Выслушавъ чтеніе рѣчи оратора Лизіаса о любви, онъ сочинилъ двѣ новыхъ одну вслѣдъ за другою, въ опроверженіе ему.

Но вотъ наступилъ часъ отдыха—полдень, жаръ котораго располагалъ ко сну. Сократъ начинаеть разсуждать о формѣ рѣчи Лизіаса, какъ о риторическомъ сочиненіи. Мы теперь ничѣмъ не заняты, сказалъ онъ, слышали ли, какъ стрекозы, по обыкновенію своему, поютъ и разговариваютъ надъ нашими головами. Будь увѣренъ, что онѣ смотрятъ на насъ, и наблюдаютъ за нами, и если онѣ увидятъ насъ дремлющихъ въ полдень и уступающихъ вліанію ихъ усыпительныхъ голосовъ отъ недостатка умственныхъ занятій, тогда они будутъ имѣть полное право смѣяться надъ нашею лѣнностью, принимая насъ за рабовъ, пришедшихъ въ ихъ убѣжище, чтобъ уснуть возлѣ ручья, подобно овцамъ, отдыхающимъ въ полдень. Но если мы будемъ продолжать нашъ разговоръ, не поддаваясь ихъ заманчивому пѣнію, быть можетъ, они пошлютъ намъ въ награду даръ, которымъ надѣлали ихъ боги, чтобъ раздавать людямъ.

— Какой же это даръ? спросилъ Федръ. Я ничего не слышалъ объ этомъ.

— Однако, сказалъ Сократъ, любителю музъ стыдно не знать этого преданья. Говорятъ, что стрекозы были людьми прежде рожденія музъ. Когда музы явились на свѣтъ, чтобъ обучать людей искусству пѣснопѣнія, многіе изъ нихъ такъ пристрастились къ нему, что лишились чувствъ и умирали. Послѣ смерти, эти люди были превращены въ стрекозъ, и въ этомъ новомъ видѣ, они получали отъ музъ преимущество, никогда не имѣть надобности въ пищѣ. По этому и говорятъ, что стрекозы не ѣдятъ, не пьютъ, а поютъ отъ самаго дня рожденія до конца жизни, потомъ возвращаются къ музамъ и разсказываютъ имъ, кто изъ людей почитаетъ каждую изъ нихъ.

Если кто послѣ этого разсказа не повѣритъ чудесному происхожденію стрекозъ и ихъ сношеніямъ съ священнымъ хоромъ музъ, то я не имѣю другихъ убѣжденій, чтобъ доказать

достоверность этого разсказа. Не даже принявъ его за сказку, и тогда можно восхищаться прекраснымъ вымысломъ и удивляться высокой нравственной идеѣ, приданной ему Сократомъ. Онъ такъ удачно умѣлъ соединить народныя религіозныя вѣрованія съ своими высокими понятіями о Богѣ, око котораго видать поведеніе людей, проникаеть ихъ мысля, такъ что они должны стараться избѣгать зла, будучи всегда въ присутствіи строгаго судьи ихъ поступковъ.

Греческое повѣрье о людяхъ, пристрастившихся къ пѣснопѣнію до такой степени, что перестали чувствовать тѣлесныя потребности, нѣтъ напоминаеть другое, котораго происхождение менѣе отдаленно — это нѣмецкая легенда о голубой птицѣ.

Въ одно утро монахъ Феликсъ вышелъ изъ своего монастыря, и гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, услышалъ пѣніе маленькой птички, которое его восхитило. Это было въ прекрасный весенній день; лучи солнца проникали сквозь пробивавшуюся зелень деревьевъ; земля только что покрылась новыми цвѣтами; воздухъ былъ теплый и ароматный. Птичка продолжала пѣсно, монахъ остановился, чтобъ ее слушать. Это была звуки удивительной гармоніи, аккорды невыразимой прелести, и какъ будто для аккомпанированья этой мелодіи, со всѣхъ сторонъ подымался шумъ увлекательной пріятности. Никогда онъ не слышалъ такого восхитительнаго концерта: музыка органа въ монастырской церкви была ничто въ сравненіи съ этимъ неопостижимымъ дѣніемъ, которое онъ слушалъ, лежа на густой травѣ, подъ сводомъ небеснымъ, въ срединѣ лѣса. Онъ слушалъ, все слушалъ и не могъ наслушаться. Однако уже стало поздно; Феликсъ рѣшился возвратиться въ монастырь; но, къ удивленію его, когда онъ пришелъ туда, онъ не узналъ привратника и привратникъ не узналъ его, и не позволялъ ему войти. Между ними завязался разговоръ; другіе монахи собрались на ихъ голоса; новое удивленіе: всѣ лица были ему незнакомы. Тогда, по его просьбѣ, повели его къ настоятелю, который уже былъ дряхлымъ старикомъ, однако онъ вспомнилъ, что былъ прежде монахъ по имени Феликсъ, и припоминая черты лица его, онъ находилъ между ними сходство. Отъскали старыя монастырскіе рѣстры, Феликсъ точно былъ записанъ сто лѣтъ тому назадъ; онъ слушалъ все пѣніе голубой птички.

Различіе характеровъ этихъ двухъ сказокъ выражаетъ различіе народнаго чина Греческаго и Нѣмецкаго. Продолжительное созерцаніе, котораго предается монахъ нѣмецкой легенды, есть то состояніе безконечной мечтательности, въ которомъ душа,

забывая самою себя, дѣлается играющимъ чувствъ и воображенія. Она пребываетъ безъ движенія, безъ мысли, безъ стремленія къ небу, погруженная, и какъ бы уничтоженная въ наслажденіи земною красотой видимаго міра.

Напротивъ, въ греческомъ преданіи, пѣснопѣнія музъ, которыя обучаютъ первыхъ людей поэзіи и философіи, были для нихъ, утѣшительнымъ указаніемъ ихъ происхожденія. Красоты невидимаго, небеснаго міра, прерпнаго ихъ отечества, воспоминавіе котораго даже изгладилось изъ ихъ памяти, становилось для нихъ доступно. Душа, какъ будто озаренная свѣтомъ, могла видѣть прошедшее, понимать то блаженство, которымъ наслаждалась прежде. Оставляя все земное, она ощущала тотъ божественный восторгъ, который доступенъ только тогда, когда вполне предаешься генію музъ, то есть поэзіи и философіи.

Вотъ, по мнѣнію Платона, толкованіе этого народнаго міра полу-религіознаго, полу-философическаго, который выражается съ удивительною поэзіею блаженство людей, посвятившихъ себя музамъ, то есть, стремящихся къ мудрости и къ познанию прекраснаго и истиннаго.

Это поэтическое преданіе и уваженіе къ стрекозамъ должно бы долѣе сохраниться, и если бы Сократъ возвратился теперь на нашу землю, и увидѣлъ бы философскія системы нашего времени, и стихи нашихъ поэтовъ, онъ сказалъ бы, что стрекозы, забытыя и презрѣнныя нами, пожаловались музамъ, которыя въ отмщеніе отняли у людей даръ вдохновенія и свѣтлыхъ мыслей.

Орлиное гнѣздо. *Разсказъ изъ путешествія графини Бассангиль.* Я путешествовала по горной Шотландіи въ обществѣ молодыхъ и веселыхъ художниковъ. Провѣхавши между овраговъ, рѣтвинъ и пропастей по-крайней-мѣрѣ три мили, мы достигли наконецъ до небольшой деревеньки, находящейся при вѣздѣ въ долину *Гленъ-Орчи* и остановились въ единственной тамъ гостинницѣ. Это было въ воскресенье утромъ. Хозяйка гостинницы была прекрасна собой, чрезвычайно жива, проворна и услужлива. Она напомнила намъ собою милую Шотландку изъ *Dame Blanche*, а изъ въ ожиданіи завтрака, стояла напѣвать аріи изъ этой оперы. Мы недолго ждали. Менѣе чѣмъ въ четверть часа, чайникъ уже кипѣлъ, и превосходный чайный приборъ, какого мы никакъ не ожидали, лежалъ въ такой мадьярской деревенькѣ, стоялъ на столѣ, покрытомъ тонкою бѣлою скатертью. Кромѣ того намъ подали свѣжее масло, медъ, превосходный компотъ изъ мелкихъ плодовъ, попеченую рыбу и сваренныя яйца—необходимую принадлежность

богатаго шотландскаго завтрака. Вмѣстѣ съ этимъ, по шотландскому обыкновенію намъ принесли сухія лепешки изъ овсяной муки, которыя для бѣдныхъ людей въ Шотландіи замѣняютъ хлѣбъ, и вмѣстѣ съ картофелемъ составляютъ единственную ихъ пищу.

Во время нашего завтрака, мы заставляли говорить нашу хозяйку, и забавлялись ея веселыми разсказами. Она была еще очень молода и только два года замужемъ, и имѣла прелестнаго ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ продолженіе нашего веселаго разговора, мы вдругъ услышали звонъ колокольчика; въ скоромъ времени отворилась дверь, и въ комнату вошла пожилая женщина.

— Не соберешься ли ты къ обѣдни, Молли, сказала она: ты знаешь, что нашъ добрый пасторъ сердится на тебя за то, что ты не исполняешь своихъ религіозныхъ обязанностей; я ему обѣщала привести тебя сегодня въ церковь.

— Я теперь не могу отлучиться изъ дому, матушка, отвѣчала Молли; вы видите, что у меня гости, а мужъ еще не возвратился.

— Это только отговорка, возразила съ важнымъ видомъ старая крестьянка; эти господа сами хорошіе христіане, прибавила она, слегка поклонясь намъ: и вѣрно не захотятъ помѣшать тебѣ исполнить твои обязанности; да и домъ-то твой Богъ лучше обережетъ, чѣмъ ты сама. Берегись, Молли, и бойся разгнѣвать Его: кто уклоняется отъ заповѣдей Божіихъ, тотъ заслуживаетъ весь Его гнѣвъ!...

Молли надула губки, что ей было чрезвычайно къ лицу, и рѣшительно отказалась слѣдовать за матерью.

Когда старая поселенка удалась, мы узнали отъ нашей хозяйки причину, по которой она такъ рѣшительно отказывалась слѣдовать за матерью. Мужъ велѣлъ ей въ этотъ день убрать сѣно, и она хотѣла это сдѣлать поутру, чтобы вечеромъ быть свободной, и имѣть возможность участвовать въ сельскомъ праздникѣ.

— Вы понимаете, прибавила она: что я не могла объ этомъ сказать матушкѣ.

Окончивъ нашъ завтракъ, мы расплатились съ Молли, и представили ей свободу убирать сѣно, а сами пошли въ церковь, куда звонъ колокола не переставалъ сзывать вѣрныхъ. Вскорѣ представилась глазамъ нашимъ небольшая, но красивой наружности, часовня, окруженная остатками древнихъ стѣнъ. Всѣ крестьяне изъ деревни, и изъ окрестныхъ фермъ, собрались слушать проповѣдь. Стоя передъ дверями часовни, они дожидались па-

сторѣ, который появился между ними черезъ нѣсколько минутъ, и, привѣтливо улыбаясь, пожималъ руки прихожащамъ, и говорилъ съ ними ласково и протосердечно. Вотъ начинается священнодѣйствіе, и набожное пѣніе возносится къ Предвѣчному. Но посреди молитвы раздается вдругъ пронзительный крикъ, и всѣ поселане, даже самъ пасторъ, оставляютъ церковь, чтобъ спѣшить на этотъ призывъ отчаянія. Сердца всѣхъ поражены ужасомъ, глаза обращены къ небу!... Надъ ними медленно парилъ величественный орелъ, широко распутивъ могучія свои крылья, и бросая какъ будто взоръ презрѣнія на толпу людей, собравшихся недалеко отъ его жилища. Этотъ орелъ, гордость и ужасъ кантона, извѣстенъ былъ каждому горцу. Всѣ съ безпокойствомъ указывали на его непреступное гнѣздо на вершинѣ скалы, скрытой въ облакахъ, куда онъ переносилъ молодыхъ ягнятъ, похищаемыхъ имъ на пастбищахъ. Но теперь онъ уносилъ ношу въ тысячу разъ драгоцѣннѣе.

Неосторожная Молли положила своего ребенка на грудь сѣна, чтобъ привлечь къ своей работѣ. Орелъ похитилъ невинное твореніе; его когти вцѣпились въ пеленки, которыми былъ обвитъ малютка, и онъ уносилъ его въ свое гнѣздо.

Небольшое пространство отдѣляло церковь отъ подошвы скалы; дорога шла туда между обломками утесовъ и быстрыми потоками, посреди болотъ и густыхъ кустарниковъ.

Всѣ поселане побѣжали къ скалѣ съ неимоверною быстротою, и съ ужасомъ увидѣли то мѣсто, куда орелъ положилъ свою добычу. Онъ сидѣлъ неподвижно на краю крутого утеса подлѣ своей самки, откуда смотрѣлъ на это множество озабоченныхъ людей, которые походили на муравьевъ, встревоженныхъ разрушеніемъ ихъ муравейника.

Есть въ жизни минуты, въ которыя всякій человѣкъ, даже самый могущественный, чувствуетъ ничтожество своей гордости.

— Слабыя мы творенія! воскликнулъ съ чувствомъ старшій пасторъ, что значать наша сила и нашъ умъ? Что можемъ мы сдѣлать въ подобную минуту?... молиться и ничего болѣе.

Слова эти сильно подѣйствовала на толпу. Всѣ бросились на колѣни, и усердная молитва, молитва полного упованія на благость Божію, вознеслась къ небу... Одинъ Богъ могъ спасти несчастнаго младенца.

До этихъ поръ никто не думалъ о несчастной матери. Сидя на обломкѣ скалы, Молли смотрѣла на орловъ машинально, безъ всякой мысли. Но вдругъ, какъ будто вдохновенная сверхъестественной силой, она бросается къ скалѣ; терновники, за

которые она зацѣпляется, кучи камней, препятствующихъ ей путь, не удерживаютъ ее стремленія. Она прокладываетъ себѣ дорогу, выбираетъ по скользкимъ крутизнамъ и достигаетъ высоты, на которую не всходилъ ни одинъ охотникъ, голыя за перной.

— Неужели ни отъ кого нельзя ожидать помощи? въ слезы восклицали поселанки: неужели никто не рѣшится послѣдовать за бѣдной Молли, чтобъ спасти ее и помочь сойти со скалы?

Тогда человекъ высокаго роста, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, и съ черными густыми волосами, вышелъ изъ толлы: это былъ Яковъ Аддисонъ, самый храбрый изъ всѣхъ матросовъ. Онъ уже нѣсколько разъ, во время сраженія, отличался въ схваткахъ съ неприятельскими кораблями, бросаясь первый на abordажъ. На бурномъ морѣ, среди высокихъ валовъ и завыванія бури, для него было забавой взбираться на самыя высокія мачты, и качаться на ихъ вершинахъ. Поселанки съ восторгомъ приняли его предложенье послѣдовать за несчастной матерью, которая продолжала свой трудный путь почти безъ отдыха, помышляя только о спасеніи единственнаго сына. Никто не могъ разсмотрѣть, на что она опиралась ногами, и за что цѣплялись ея руки. Но Богъ, въ Своей безконечной благодати, послалъ ей ангела храниителя младенцевъ, который невидимо парилъ вокругъ нея, удерживалъ выбушійся подъ ея ногами камень, и давалъ крѣпость слабымъ растеніямъ, за которыя хваталась она трепетными руками. Глава всѣхъ были обращены на Якова Аддисона, который, чтобъ сократить путь, съ удивительною быстротою перенерывалъ черезъ кучи камней, огромныя пни, и черезъ широкія разсѣлины. Онъ уже совершилъ половину пути, но огромная, почти отвѣсная, и съ гладкой поверхностью скала остановила его предпріятіе. Когда онъ пытался вскарабкаться на нее, ноги его поскользнулись, и разверзтая подъ нимъ бездна поглотила бы его, если-бъ обломокъ скалы, по счастью, не удержалъ его стремительнаго паденія. Первый разъ въ жизни Яковъ Аддисонъ вздрогнулъ и съ ужасомъ закрылъ лицо руками. Въ долину попали его уныніе; надежда угасла въ сердцахъ поселанъ, и горестные крики снова раздались между горами. Они уже болѣе не сомнѣвались въ гибели бѣдной Молли, которую только материнская любовь и твердое упованіе на Бога поддерживали на этомъ ужасномъ пути.

Наконецъ Молли приблизилась къ цѣли... Страшный шумъ окружаетъ ее, бѣсыя тѣни парятъ надъ нею. Это орда, разъяренныя тѣни, что у нихъ хотять отнять ихъ добычу. Они замочка вокругъ нея и вознуютъ своими крыльями вѣздухъ, ко-

горько дышитъ несчастная. Молли видитъ, какъ свергающіеся глаза, согнутыя колѣны, окровавленную кость, и считаетъ себя погибшею. Но... новое чудо! вѣрное доказательство покровительства Бога! — Тайный страхъ овладѣваетъ кровожадными птицами. Онѣ съ пронзительнымъ визгомъ отлетаютъ въ сторону, и, прижавшись другъ къ другу, садятся на сѣнь сломавшаго дерева, висящаго надъ пропастью, глубиною болѣе пятисотъ футовъ, и устремляютъ изумленные свои взоры на волны потока, который бушуетъ въ глубинахъ.

Трепещущая, волнуемая, въ одно и то же время, радостью и скорбью, отчаяніемъ и надеждою, Молли бросается къ гнѣзду орла и находитъ своего сына... несчастнаго мамотку, на ложѣ изъ окровавленныхъ костей, посреди остатковъ разтерзанныхъ животныхъ. Пеленки, которыми онъ былъ обвитъ, предохраняли его, по счастью, отъ жестокихъ когтей его похитителя, и онъ спалъ сномъ ангела.

Увидѣвъ его, счастливая мать упала на колѣни и вознесла къ небу взоръ, въ которомъ выразилась вся безиредѣльность любви и благодарности Всевышнему... Сынъ ея живъ..... она задыхается отъ радости, и въ минуту остается погруженная въ этотъ восторгъ блаженства; потомъ, взявъ сына къ себѣ на руки, она прижимаетъ его къ сердцу и проливаетъ обильныя слезы. Тогда церковный кризисъ, который придавалъ Молли сверхъестественную силу, оставляетъ ее. Бѣдная женщина думаетъ о возвращеніи и съ отчаяніемъ помышляетъ объ опасностяхъ пути; она трепещетъ не за себя, но за свою драгоценную ношу.

— Боже! восклицаетъ она: Ты, который поддерживалъ меня до сихъ поръ, не оставь меня и теперь, и не дай погибнуть моему бѣдному мамоткѣ. Безъ твоей помощи мнѣ никогда не сойти съ этого утеса, безъ Тебя мнѣ никогда не видать ни моей матери, ни моего мужа! Боже, Боже мой! смалься надъ нами! Послѣ этой молитвы, которая вылилась прямо изъ сердца, Молли хочетъ спускаться со скалы, но силы ей измѣняются. Духъ ея, утомленный страданіемъ и сильными впечатлѣніями, не можетъ оживиться надеждою. Она смотритъ вокругъ себя и съ трепетомъ отступать назадъ. Передъ ней скалъ крутаго утеса, скалы и пропасти; внизу, толпа людей едва приметныхъ, волнующихся и бѣгающихъ туда и сюда. Это ея друзья, родные и сосѣди, которые любятъ ее, жалуютъ объ ней, но, какъ тваренія безсильныя, не въ состояніи ей подать руку помощи.

Молли въ отчаяніи, не знаетъ, на что рѣшиться.... но Богъ, въ доисповѣданной благодати Своей, посылаетъ ей средство къ из-

бавленію. Посмотрѣвъ внизъ, она замѣчаетъ, что огромное дерево съ корнями вырвалось изъ скалы, увлекло за собой гранитные осколки и кустарники, и, скатившись на довольно большое пространство, остановилось. При этомъ зрѣлищѣ, которое она для себя считаетъ указаніемъ неба, она быстро встаетъ, платкомъ привязывается къ себѣ ребенка и, съ полу-закрытыми глазами, спускается по продолженному упавшимъ деревомъ пути. Проходить нѣсколько секундъ, которыя отважной Молли кажутся вѣками, какъ небольшой холмикъ удерживаетъ наконецъ ея паденіе. Отдохнувъ короткое время, она воодушевляется новыми мужествомъ и рѣшается спускаться далѣе. Она чувствуетъ, что ужасная быстрота увлекаетъ ее кънизу и въ отчаяніи хватается за колючій терновникъ, за мохъ, за каждую травку для того, чтобы хоть сколько-нибудь останавливать быстроту своего паденія. Въ довершеніе ужаса она замѣчаетъ, что отрывавшіеся отъ скалы камни скатываются внизъ, и паденіемъ своимъ не производятъ никакого шума. Она считаетъ себя на дорогѣ въ бездну, и въ отчаяніи не замѣчаетъ въ первую минуту, что гряда камней, встрѣтившихся на ея пути, остановила ея паденіе. Оломившись, она чувствуетъ въ себѣ новую бодрость, лучъ надежды прокрадывается въ ея сердце, и она мысленно вручаетъ сына подъ покровъ пресвятой Богородицы, заступницы несчастныхъ и угнетенныхъ. Въ надеждѣ на скорое избавленіе отъ опасности, она дѣлаетъ послѣднее усиліе, и достигаетъ наконецъ надежной опоры. Но и тутъ опасность еще не миновалась. Со всѣхъ сторонъ она была окружена пропастями, и не знала, куда направиться ей. Случай вывелъ ее и изъ этого затруднительнаго положенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, она увидѣла козу, и, руководимая ею, добралась наконецъ до того мѣста горы, которое хотя было и не безопасно, но все таки доступно для человѣка. Въ скоромъ времени она услышала голоса, и Яковъ Аддисонъ съ другими поселянами предстали предъ ней, и на рукахъ снесли ее въ долину.

Нельзя себѣ представить удивленія и восторга поселянъ, при видѣ счастливой матери и ея сына, избавившихся отъ опасности. Чудесное избавленіе ея они приписывали заступничеству Того, который одинъ располагаетъ нашею жизнію и проливаетъ въ сердца наши радость, надежду и утѣшеніе.

— Козблагодаримъ Господа Бога! воскликнулъ пасторъ, и всѣ поспѣшили за нимъ въ церковь, и въ хвалебномъ гимнѣ къ Предвѣчному выразили всю безпредѣльность своей благодарности.

Восемь лѣтъ спустя, случай привелъ меня опять въ горную

Шотландію. Любопытствуя увидѣть Молли, я нарочно поѣхала въ долину Гленъ-Орчи, гдѣ нашла ее окруженною большимъ семействомъ и по прежнему счастливою. Случай, бывшій съ ея старшимъ сыномъ, научилъ ее быть внимательнѣе къ своимъ священнымъ обязанностямъ. Поведеніемъ своимъ она приобрѣла любовь и уваженіе своихъ сосѣдей, и мѣстный пасторъ приводилъ ее въ примѣръ благочестія и набожности молодымъ женщинамъ. Старшій сынъ ея надѣленъ отъ природы счастливыми способностями; въ память чудеснаго его избавленія, торцы прозвали его *орломъ*, а въ семействѣ онъ сдѣветъ подъ именемъ *ангела*.

ОСНОВАТЕЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ ВО ФРАНЦІИ. Прекрасныя качества сердца не зависятъ ни отъ рожденія, ни отъ случая; богатые и бѣдные, большіе и малые, каждый можетъ имѣть ихъ, потому-что это благодатный даръ Провидѣнія. Этотъ даръ облагородилъ и хижину бѣдняка Винцента-де-Поля. Этому-то бѣдняку принадлежитъ честь учрежденія тѣхъ заведеній, которыя оказались впоследствии столь полезными для человѣчества.

Сенъ-Винцентъ-де-Поль, имя котораго нельзя произнести безъ умиленія, родился 1576 года, въ деревушкѣ де-Пун, отъ родителей безъизвѣстныхъ, которые сперва заставляли его пасти стада.

Изъ всѣхъ добродѣтелей, за которыя благословляютъ его память, главная—любовь къ бѣднымъ. Можно сказать, что состраданіе родилось съ нимъ. Хлѣбъ его, даже платья его не принадлежали уже ему, когда онъ встрѣчалъ несчастнаго. Но кромѣ доброты сердечной, въ немъ были и другія прекрасныя качества. Проницательность его ума поразила его родителей, и эти бѣдные люди рѣшились дать ему воспитаніе. Ему было тогда двѣнадцать лѣтъ. Онъ былъ посланъ въ Даксъ, гдѣ получилъ школьное образованіе. Оттуда онъ перешелъ въ Тулузу, гдѣ онъ въ 1600, принялъ священный санъ.

Съ этого времени, жизнь Винцента-де-Поля была не что иное, какъ длинная цѣпь добрыхъ дѣлъ. Но въ самомъ началѣ его поприща, ему предлежало испытаніе. Небольшое наслѣдство призвало его въ Марсель; судно, на которомъ онъ возвращался оттуда въ Нарбонну, попало въ руки Турковъ. Онъ былъ въ плѣну въ Тунисѣ подъ властію четырехъ перемѣнныхъ хозяевъ, изъ которыхъ послѣдняго обратилъ въ христіанство. Хозяинъ этотъ былъ ренегатъ, который оставилъ свою вѣру съ цѣлю получить свободу, и женился на магометанкѣ. Эта женщина съ удивленіемъ замѣтила покорность судьбѣ и кротость сво-

его пѣнника; и такъ какъ она догадывалась, что это необыкновенное спокойствіе духа должно происходить отъ необыкновенной силы души, то дѣлала Винценту множество вопросовъ о христіанской вѣрѣ. Однажды она приказала ему пѣть хвалебныя пѣсни христіанскому Богу. При этомъ неожиданномъ приказаніи, онъ тотчасъ вспомнилъ печальный отзывъ израильскихъ изгнанниковъ, какъ и онъ, изъ родной стороны: «Какъ намъ пѣть хвалы: Господу въ чужбинѣ?» Мысль эта и слезы, которыя она изтергла у него изъ глазъ, не помѣшали однакожъ начать псаломъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ.»

Послѣ пѣнія этого псалма и нѣсколькихъ другихъ, которыми магометанка была истинно растрогана, Винцентъ рѣшился объяснить ей величіе и превосходство христіанской религіи. Эта женщина возвратилась къ себѣ, исполненная удивленія и восторга отъ всего, что она слышала. Не думая о послѣдствіяхъ, она рассказала все слышанное ею отъ Винцента своему мужу, и искренно замѣтила ему, что онъ очень худо сдѣлалъ, оставивъ свою религію; и ей кажется, что отъ Бога христіанъ не должно отступать. Это противорѣчіе, казалось, должно было раздражить ренегата. Но, если можно оставить свое первое званіе, нельзя заглушить голосъ совѣсти. Отступникъ не отвѣчалъ ничего. На другой день, онъ со своей стороны открылся Винценту; и увѣрилъ его, что онъ съ радостію воспользуется первымъ случаемъ убѣжать съ нимъ. Счастливая минута настала, господишь и его невольникъ отправились на маленькой лодкѣ, препоручивъ себя небесному покровительству. Богъ благословилъ ихъ бѣгство, и вскорѣ они прибыли въ Авиньонъ. Такимъ образомъ Винцентъ-де-Поль возвращенъ былъ своему отечеству, послѣ двухъ-лѣтняго плѣна.

Вице-Легатъ Авиньона, къ ногамъ котораго ренегатъ пришелъ повергнуть свое примиреніе съ Церковью, возымѣлъ особенное почтеніе къ Винценту, и привезъ его съ собою въ Римъ. Этотъ человекъ былъ вездѣ на приличномъ мѣстѣ, потому-что онъ былъ справедливъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, и никогда не кривилъ душой. Онъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми, потому-что онъ того стоилъ. По истеченіи двухъ лѣтъ, французскій посланникъ, умѣвшій его оцѣнить, возложилъ на него важное порученіе къ Генриху IV, который и удержалъ его при себѣ.

Генрихъ IV скоро умеръ; но благородная рука Беарно помала руку Винцента и Людовикъ XIII назначалъ Винцента аббатомъ монастыря Сентъ-Леонардъ-де-Шоль, Маргарита де-Валуа захотѣла имѣть его своимъ духовникомъ. Но Винцентъ, сердцемъ при-

зывается къ бѣднѣмъ, не замедлилъ отказаться отъ этой обязанности, которую сперва онъ взялъ на себя. Скоро онъ искалъ, какъ онъ былъ способенъ въ этому роду службы. Онъ посещалъ больныхъ, утѣшалъ несчастныхъ, помогалъ вдовицамъ, старался поддерживать миръ въ семействахъ.

Въ 1618 году, по просьбѣ одного кардинала, своего друга, Винцентъ оставилъ свою паству и сдѣлался домашнимъ наставникомъ въ домѣ Эммануэля-де-Гонди, графа Жуаньи. Благочестивый кардиналъ былъ увѣренъ, что прихоть святаго мужа принесетъ обильнѣйшіе плоды посреди рбскоини и блеска большого свѣта. Онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: Сдѣлавшись застольнымъ собесѣдникомъ богачей и счастливецъ въѣха, Винцентъ-де-Поль имѣлъ съ тѣмъ сдѣлался провинциемъ бѣдныхъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ приводить въ дѣйствіе свои благочестивыя намѣренія; учрежденіемъ многочисленныхъ благотворительныхъ и полезныхъ заведеній.

Онъ учредилъ сперва общество миссіонеровъ, которыхъ было назначеніе заботиться о образованіи крестьянъ, приготовить молодыхъ священниковъ для отправленія ихъ званія, для проповѣданія Евангелія въ странахъ нехристіанства и стараться подавать помощь и выкупать плѣнныхъ отъ варваровъ. Въ 1633 году, Винцентъ принялъ начальство надъ монастыремъ Св. Лазаря и назвалъ миссіонеровъ *лазарянами*.

Въ эту эпоху, Винцентъ-де-Поль основалъ монастырь Сестеръ милосердія, которыя посвятили себя вслѣдствію бѣднѣмъ больныхъ.

Но главнымъ предметомъ его попеченій была судьба дѣтей незаконнорожденныхъ, которыя въ то время, часто терли жизнь, прежде чѣмъ ее узнавали, или жли, чтобы испытывать всю ея жестокость. Винцентъ-де-Поль давалъ сначала нужную сумму для содержанія двѣнадцати этихъ несчастливцевъ; скоро его сострадательность съскала помощь для всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыхъ находили при церковныхъ дверяхъ; но это первое усердіе, возбуждаемое всегда новымъ учрежденіемъ; скоро охладѣло, сподобно совершенно уничтожилось. Винцентъ не унывалъ; онъ велѣлъ принести въ церковь Св. Лазаря большое число этихъ бѣдныхъ дѣтей чуть-чуть дышащихъ на рукахъ сестеръ милосердія, и войдя тотчасъ на кафедру, провнесъ, со слезами на глазахъ слѣдующее воззваніе:

«Состраданіе и христіанская любовь понудили васъ усыновить этихъ малютокъ. Вы были имъ матерями по благодати Божіей, съ тѣхъ поръ, какъ матери ихъ оставили. Захотѣте ли вы ихъ бросить навсегда? Въ эту минуту, сложите права матерей,

чтобы быть судьями: жизнь ихъ и судьба въ вашихъ рукахъ. Я хочу немедленно собирать голоса. Уже время произнести приговоръ и рѣшить навсегда, хотите ли вы имѣть къ нимъ милосердіе. Вотъ они передъ вами! они будутъ жить, если вы будете о нихъ христіански заботиться; но если вы ихъ покинете, они завтра же умрутъ всѣ.» Отвѣтомъ на это горячее воззваніе были слезы умиленія и богатыя приношенія; и въ тотъ же день, въ тотъ же часъ, въ той же церкви, въ Парижѣ былъ основанъ единогласно Воспитательный Домъ.

.. Сень-Винцентъ-де-Поль присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Людовика XIII. Царствовавшая королева Анна Австрійская, которая среди величія стужѣла отличить смиренныя добродѣтели Винцента, назначила его членомъ Совѣстнаго Суда. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ начальникомъ этого совѣта, онъ посвящалъ въ священники только тѣхъ, которые казались ему достойными. Онъ умеръ 27 Сентября 1660, 85 лѣтъ отъ роду, почитая себя самымъ ничтожнымъ и бесполезнымъ человекомъ въ мірѣ.

КРАСНО-ДЕРЕВЯЯ ЛѢСА. Красное дерево растеть въ Сѣверной Америкѣ и называется, по справедливости, великаномъ лѣсовъ Нового Свѣта. Листъ краснаго дерева мягкой, самое дерево растеть прямо и скоро, и въ 80 лѣтъ достигаетъ совершеннаго возраста, наротивъ съ нашею елью, осиною и березою; вершина его бываетъ суковата, середина совершенно здоровая, безъ всякой дупловатости; въ отрубѣ оно достигаетъ до 30 верш. въ толщину. Эти породы деревъ произрастаютъ болѣе на самыхъ неплодородныхъ скалахъ, каменныхъ горахъ, въ ущельяхъ и на самой дурной почвѣ. Длинныя корни ихъ расходятся далеко, во внутренность горъ, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ они поддерживаютъ огромныя камни и скалы, а въ другихъ, напротивъ, производятъ значительное разрушеніе. Если бы жители рубили лѣса эти съ разборомъ, не кидали бы вершинъ, заглушающихъ молодую поросль, обрабатывали валежникъ и корни для торговли, въ такомъ случаѣ Европа, для своей роскоши нашла бы болѣе средства, и не платила бы такъ дорого за красное дерево для мебели. Но промышленники поступали такъ неосторожно и безъ разсчета, что до 1789 года на островахъ Сень-Доминго и Ямайкѣ уже не оставалось лѣсовъ этого рода и покупатели съ своими требованіями должны были обратиться въ испанскую Америку. Эта страна, со временемъ, должна была ожидать той же участи, какъ Доминго и Ямайка, потому-что невѣжество жителей и незнаніе производить правильную рубку

сва было совсѣмъ не истребили этихъ лѣсовъ. Одна Англія приобрѣла изъ этихъ странъ, въ 1829 году, болѣе 24,000 толстыхъ обрубковъ, длиною каждый въ 2 арш. 2 верш. на нашу мѣру, изъ которыхъ, однакожъ, часть, черезъ торговыя руки жителей Лондона, поступила и въ прочія европейскія земли. Но нынѣ приобретіе краснаго дерева производится уже совершенно по другой системѣ: начали преимущественно обращаться къ валежнику и корнямъ, обходя по возможности растущія деревья. Сперва разсылаютъ сыщиковъ, для открытія пней въ каменистыхъ горахъ и скалахъ, которыя, возвышаясь надъ обширными лѣсами Америки, манятъ къ себѣ радостнаго промышленника. При удачномъ открытіи этой добычи, посланные поступаютъ съ большою осторожностію; они стараются скрыть свои слѣды, прокладываютъ тропинки въ совершенно противоположную сторону и возвращаются уже другими дорогами, чтобы этимъ обманчивымъ слѣдомъ скрыть свою находку отъ другихъ сыщиковъ. Когда же настанетъ время работы, на мѣста рубки отправляются челоуѣкъ 50 или 60. На удобномъ мѣстѣ, преимущественно на берегу рѣки, устраиваютъ они жилища свои, потомъ занимаются охотою и заготовленіями припасовъ для продовольствія; послѣ этого, отыскиваютъ мѣсто для пристани и складки вырубленнаго лѣса; когда, по близости, нѣтъ судоходной рѣки и товаръ долженъ отправляться сухимъ путемъ, дорога къ мѣстамъ сплава выстлываютъ ихомъ, листьями и хворостомъ, и такимъ образомъ скатъ лѣсовъ производятъ къ пристани. Окончивъ эту работу, приступаютъ къ другой, еще болѣе затруднительнѣйшей, если вовсе нѣтъ воднаго пути: устраиваютъ дороги отъ сказанной пристани, по которымъ надлежитъ приступитъ къ возкѣ лѣсовъ; эта работа самая затруднительная, дорога идетъ черезъ пропасти и ущелья, нужно устроить крѣпкіе мосты, которые бы устояли подъ тяжестью, завалить болота и топи. Красное дерево бываетъ разныхъ родовъ, узора мраморнаго, струнстое, гладкое и т. д. Тотчасъ по выдѣлкѣ бываетъ оно оранжевое, потомъ постепенно краснѣетъ, а тамъ начинается чернѣть.

КОНСТАНСЪ И ВРЕГЕНЦЪ. *Изъ путевыхъ писемъ Мармь.*

Я проѣхалъ Швейцарію съ тяжкимъ чувствомъ. Возвращаясь къ этимъ высокимъ горамъ, я мечталъ о проповѣди Грюля, о Вильгельмѣ Телѣ, о Винкелриедѣ, и увидѣлъ во всѣхъ городахъ портретъ Штейгера, выставленный въ окнахъ лавокъ. Я вспоминалъ восторженныя религіозныя нѣсни геройскихъ дней древней Гельвеціи, и слышалъ, какъ раздавался шумъ похода

милициѣ. Бѣдственныя страсти раздѣляютъ нынче эти города, эти кантоны, которые прежде братски соединялись при звукѣ урійскаго рога, для защиты родной земли и поддержанія общественнаго благоустройства. Гроза раздавалась вездѣ, и вездѣ бѣдственное смущеніе волновало умы. Если бы Байронъ могъ полюбоваться еще на свой свѣтлый тихій Леманъ, увы! ровоть этого поэтическаго озера уже не отозвался бы ему сладкимъ голосомъ сестры. Гроза, ужаснѣе грозы небесной, опустошила Гельвецію. Въ нѣсколько мѣсяцовъ, кантонъ Водъ, этотъ садъ Швейцаріи, сдѣлался эрблищемъ ужасныхъ смуть. Нѣсколько мѣсяцевъ демократическая лихорадка потрясала общества. Нѣтъ болѣе, воскапавшіе лемагоги, преимуществъ, познаній и добродѣтели! Познание имъ кажется безполезной роскошью, а добродѣтель ненавистна имъ. Прочь академіи, гдѣ учатъ человѣческимъ наукамъ! Истинная наука находится въ памфлетахъ писбелявъ! Храмы, гдѣ проповѣдуютъ Божій законъ, разрушены!

До чего дойдетъ бѣдная Швейцарія въ этомъ порывѣ безначалія? Куда стремится эта нація? Ахъ! тѣ, которые видѣли эту страну съ волшебной прелестью ея пышной красоты, теперь смотря на нее съ тягостнымъ участіемъ, и возносятъ за нее къ небу горячія молитвы. Дай Богъ, чтобы эти молитвы были услышаны!

Между тѣмъ, Швейцарія уже страдаетъ матеріально. Каждый знаетъ, что прїѣздъ путешественника для этой страны есть важное вспоможеніе. Но богатѣя англійскія семейства и туристы пріняли уже другое направленіе. Въ продолженіе всей дороги, я только и слышалъ вздохи и стѣнаніе трактирщиковъ, которые жалобнымъ взоромъ смотрятъ на свои длинные, опустѣлыя столы; купцы остались одни въ своихъ молчаливыхъ лавкахъ, почталіонамъ псегого возить, а по этому они не получаютъ болѣе на волку (trinkgeld).

Эти жалобы слѣдовали за мной въ Шаффузъ, и самъ Рейнъ, въ своемъ величественномъ теченіи, казался, ропталъ на забвеніе, которому предавали его въ эти прекрасные лѣтніе дни, съ его серебристыми каскадами и живописными берегами.

Мы вдводемъ сидѣли въ большой констанской каретѣ, и прїѣхали какъ нарочно для того, чтобы составить полдюжины жителей въ гостиницѣ Броше, наиболѣе посѣщаемой въ городѣ. Но мнѣ кажется, что нужна сверхъестественная сила, чтобы возвратитъ Констансу движеніе и жизнь. Это одинъ изъ городовъ самыи неоживленный, которые я видѣлъ; неправильностью своею онъ походитъ на Кельнъ или Аугсбургъ, а тишиной на Дармштадтъ или Карlsruэ.

Констансъ дорого платить теперь за свое слишкомъ быстрое величіе, и свою слишкомъ блестящую пышность, которыми пользовался четыре вѣка тому назадъ. Когда собирался въ пемъ соборъ, городскіе дома были тогда не довольно высоки, и его окръжность не довольно обширна, чтобы вмѣщать столько важныхъ чиновниковъ, столько духовныхъ и военныхъ лицъ. Надо было проводить новыя улицы, строить новые дома. Потому, когда въ одинъ прекрасный день, каждый отпирался въ свое герцогство, или въ свою епархію, — бѣдный городъ остался печально унылый съ своими длинными улицами и опустѣлыми строениями.

Въ первомъ году Собора, въ 1414, въ этомъ городѣ, какъ гласитъ старая лѣтопись, считалось тридцать кардиналовъ, три патриарха, двадцать архіереевъ, сто двадцать епископовъ, сто аббатовъ, сто пятьдесятъ старшинъ разныхъ орденовъ, двѣсти ученыхъ богослововъ, всѣхъ числомъ, двадцать три тысячи бѣлыхъ священниковъ, четыре курфирста, девятнадцать герцоговъ, восемьдесятъ три графа, двѣ тысячи дворянъ, безчисленное множество слугъ, конюховъ, потомъ, тысячи кушцовъ, жонглеровъ, комедіантовъ.

Наша пріѣхалъ въ скоромъ времени послѣ прелатовъ, потомъ прибылъ и императоръ Сигизмундъ. Болѣе ста двадцати тысячъ иностранцевъ съѣхались тогда въ Констансъ. Каждый вельможа хотѣлъ выказать пышность своего дома. Скоро сдѣлался недостатокъ въ иривантѣ, и Соборъ издалъ установленіе, позволяющее наѣ и царствующимъ принцамъ имѣть только при себѣ двадцать лошадей, кардиналамъ десять, епископамъ три.

Теперь, въ этомъ городѣ считаютъ не болѣе семи тысячъ душъ; и изъ многочисленнаго числа прелатовъ, которые подымались въ процессіяхъ по ступенямъ его соборной церкви, въ констанскихъ стѣнахъ не находится теперь ни одного. Епископъ епархіи живетъ въ Фрейбургѣ.

Жители этого знаменитаго города не опускаютъ однакожъ ничего, чтобы поддержать и оживить, какъ можно болѣе, воспоминаніе о важной эпохѣ его существованія.

На берегу озера возвышается тяжелое и обширное зданіе, не имѣющее никакого украшенія, кромѣ нѣкоторыхъ изваяній при входѣ, и на вершинѣ зубчатые карнизы. Тамъ-то собирался соборъ, тамъ-то Іоаннъ Гуссъ былъ призванъ предъ лицо прелатовъ, ученыхъ, въ длинной залѣ, поддерживаемой деревянными колоннами. Въ этой залѣ, которая, по своему строенію, походитъ совершенно на сарай, хотѣли устроить историческій музей. Собрали все, что можно было найти въ городѣ и въ его

окрестностяхъ, старую мебель и старыя скульптуры, все, до шпалеръ XVIII вѣка, представляющихъ идиллическія шалости и приключенія Донъ-Кихота съ шутовскимъ лицомъ Санчо-Пансы. Напротивъ этихъ обоей, которыя выѣютъ очень странное дѣйствіе въ такомъ зданіи, стоятъ кресла Сигизмунда, кресла папы Іоанна XXIII, и между этими двумя креслами величія земнаго и духовнаго, видишь три лица во весь человѣческій ростъ, представляющія, въ костюмѣ того времени, Іеронима Прагскаго, Іоанна Гусса и отца Селестина. Живописецъ далъ Іерониму и Іоанну Гуссу положеніе побѣжденныхъ противниковъ, отецъ Селестинъ, стоитъ возлѣ нихъ и провозноситъ свое послѣднее доказательство: несчастные не могутъ болѣе ничего отвѣчать.

Платятъ одинъ франкъ за человѣка, чтобы полюбоваться на эту рѣдкость, но за то имѣешь наслажденіе посмотреть на выставку древностей, фальшивыхъ камней, чеканную золотую и слоновой кости работу, которая продается, говорить чичероне, по самой настоящей цѣнѣ, но которую никто не покупаетъ.

Лучше идти посмотреть соборъ съ его чудесными дверями дубоваго дерева, сѣдалища, украшенныя прекрасными маленькими фигурами и его величественный куполъ, съ котораго обозрѣваешь окрестность; съ одной стороны, богатая и плодородная долина, покрытая цвѣтами и фруктами, виноградниками и полями съ рожью, и пересѣкаемая Рейномъ, лѣниво текущимъ къ скаламъ; съ другой стороны, озеро, опушенное слѣва зеленымъ холмомъ, а справа, цвѣтущими лугами, остроконечными горами Гларисъ, Сентъ-Галъ, ледниками Аппенцель, пиками Тироля, чудесной картиной, которую никакая катастрофа не можетъ отнять у Констанса, и которая должна бы привлекать въ этотъ городъ всѣхъ артистовъ, всѣхъ путешественниковъ, желающихъ видѣть веселую и роскошную природу.

Констанское озеро, которое называютъ Швабскимъ моремъ, омываетъ берега шести государствъ, Швейцарскихъ кантоновъ, великаго герцогства Ваденскаго, Виртембергскаго королевства, Баваріи, Австріи. Всѣ эти государства желаютъ пользоваться своими правами, и отъ этого соперничества пограничныхъ властей происходитъ столкновеніе интересовъ, болѣе вредное, чѣмъ полезное для сосѣдей. Восемь пароходовъ, ежедневно разсѣкаютъ струи озера. Каждый изъ этихъ пароходовъ принадлежитъ привилегированной компаніи, изъ которыхъ одна составлена въ Баваріи, другая въ Австріи, третья въ Баденѣ. Отъ этого происходятъ соревнованіе и споры. Въ городѣ Линдау, не позволено отправляться на другомъ пароходѣ, кромѣ баварскаго. Положимъ, что вы пріѣхали туда на баварскомъ пароходѣ, что

вы вышли на берег этого города, и пожелали воззраться на томъ же пароходѣ, но это невозможно, и капитанъ, принявшій васъ къ себѣ на бортъ, заплатитъ штрафъ пятнадцать флоринговъ. А что еще хуже, я полагаю, что вы желаете ѣхать въ Линдау въ Констансъ, и что пароходъ баварскій пойдетъ въ этотъ день только лишь до Роршака, — и вы должны отправиться въ Роршакъ и провожать глазами пароходъ, который могъ бы довести васъ до желаемой дѣли въ нѣсколько часовъ. Я заставилъ себѣ повторять и объяснять три раза сразу это удивительное постановленіе, такъ оно мнѣ казалось непонятнымъ. Прибавьте къ этому, что при переѣздѣ изъ Констанса въ Брегенцъ, остановясь въ Линдау, надо предоставить свой чемоданъ для осмотра таможи баварской и двумъ агентамъ полиціи. Въ Брегенцѣ, новое посѣщеніе таможи и снова осмотръ паспорта. Для туриста, который лишь только думаетъ мирно объѣхать озеро, это слишкомъ скучно. Для торговли это составляетъ важное затрудненіе.

Почему, судя по пароходу, который высаживалъ насъ на австрійской границѣ, пароходы констанскіе не могутъ пользоваться большими выгодами. Насъ было только десять пассажировъ на пароходѣ, а кладъ составляли только желѣзо, сталь, нѣсколько мѣшковъ ржи и огромныя корзины салата, доставляемыя въ кантонъ Сенъ-Галь. Это прибрежное плаваніе съ грузомъ требуетъ столько же времени, сколько нужно большимъ гаврскимъ пароходамъ, чтобы доставить на берегъ самыя цѣнныя кипы товаровъ. Останавливаются одинъ лишь часъ въ Утвалѣ, часъ въ Роршакѣ и столько же въ Линдау. Меня всегда удивляетъ, что въ Германіи, такъ мало заботятся о важности времени. Во Франціи, такъ живы дѣйствія, движенія, что не постигаешь, какъ можно опоздать, и выходишь изъ себя отъ малѣйшей медленности; въ Германіи все идетъ лотиховьку, въ систематическомъ порядкѣ. Купецъ выходитъ изъ своей лавки въ полдень и возвращается въ два часа; рабочій куритъ преспокойно свою трубку въ полдень, и ни за что на свѣтѣ вы не упросите его, чтобы онъ окончилъ свою работу скорѣе, нежели какъ онъ привыкъ оканчивать ее ежедневно. Если, въ гостиницѣ, въ магазинѣ, вы желаете, чтобъ васъ тотчасъ удовлетворили: *Das ist ein Franzose*, это Французъ, говорятъ Нѣмцы, качая головою, и не перемѣняютъ своей медленной походки. *Tout de suite*, восклицаютъ каждую минуту во Франціи, *Seyen sie ruhig*, будьте спокойны, вамъ отвѣчаютъ въ Германіи.

Констанскіе пароходы очень медленны; берега озера, столь живописныя съ вершины купола собора, становятся наконецъ мо-

нотопны. Въ продолженіе восьми часовъ сряду слишкомъ утомительно любоваться, не спуская глазъ, на цвѣтушія долины, окружающія эту прозрачную воду, на остроконечныя горы, господствующія надъ озеромъ. Я съ сожалѣніемъ вспомнилъ виды озера Женевскаго, Цюрихскаго, Люцернскаго, и даже меланхолическія озера Швеціи.

Наконецъ, послѣ мирнаго плаванія, мы вышли въ портъ Брегенцъ, въ городъ прославленномъ Анжеликой Кауфманнъ, этой гениальной женщиной, которая такъ прославилась любовью къ художеству, но которая была обманута сердцемъ.

Черный орелъ на всѣхъ городскихъ строеніяхъ далъ мнѣ понять, что я нахожусь въ австрійскихъ владѣніяхъ. Меня встрѣтели таможенныя. Во-первыхъ, я вынимаю паспортъ изъ моего портфеля, во-вторыхъ открываю мой чемоданъ, выкладываю на свѣжій воздухъ мои платья и книги. Благодаря Бога, паспортъ въ порядкѣ и книги оказываются незапрещенными; я могу идти спокойно.

Гостинница, куда меня привели, наполнена была народомъ, находившимся въ состояніи гастрономическаго созерцанія; этотъ трактиръ служить въ одно и то же время пивоварней, кофейнымъ домомъ и гостинницей. Послѣ обѣда, туда приходятъ пить бѣлое вино и курить табакъ; вечеромъ снова собираются туда ужинать; иностранцы и городскіе жители, молодые люди и старики, всегда толпятся въ залѣ. Я нахожу два журнала на столѣ: газету Аугсбургскую и газету Инсбрукскую. Съ такимъ чтеніемъ можно жить мирно, позабыть податическій свѣтъ и спокойно наслаждаться виномъ Форарльбергскимъ.

Во ста миляхъ отъ Вѣны, я нахожусь среди Австріи, въ этомъ Эльдorado спокойствія, ума и матеріальнаго благосостоянія.

Форарльбергъ, округъ тирольскій, самый плодоносный и населенный; онъ содержитъ въ себѣ сорокъ четыре квадратныхъ

. Дочь страстующаго артиста Кауфманна сдѣлала въ Брегенцѣ первые опыты въ живописи. Она долго путешествовала по Италіи, изучала искусство въ Римѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, потомъ отправилась въ Лондонъ, гдѣ была приглашена съять портреты со всей королевской фамиліи, и избрана членомъ академіи художествъ. Одинъ англичанинъ, искавшій ея руки и получившій отказъ, придумалъ, въ отишеніе, ужасную хитрость. Онъ нашелъ человека низкаго происхожденія, но красивой наружности, и ввелъ его въ домъ Анжелики. Бѣдная дѣвушка увлеклась наружностью и вышла за мужъ за бродягу. Ея замужство было разторгнуто, съ условіемъ, что она будетъ давать пенсію тому, кто ее обманулъ. Скоро мужъ ея умеръ, и Анжелика снова вышла замужъ за венеціанскаго живописца Цукки.

няли, простираяся отъ береговъ озера Констанскаго до одной изъ вершинъ Арльбергъ, отъ которой онъ получилъ свое названіе. Вся эта страна удивительно хорошо обработана; ея сопоры покрыты богатыми пастбищами и сосновыми лѣсами; ея долины наполнены плодами. Рожь родится тамъ изобильно и виноградники доставляютъ легкое вино очень пріятнаго вкуса; къ тому же тамъ находятся многочисленныя ремесленныя заведенія, въ особенности фабрики бумажныхъ матерій, кисен, и въ каждомъ домѣ крестьянина прядутъ и ткутъ пеньку и ленъ. Однѣ фабрики деревни Дорнбирнъ платятъ своимъ рабочимъ триста тысячъ франковъ въ годъ. Добрый работникъ получаетъ, среднимъ числомъ, въ день по франку; дома этого округа доказываютъ благосостояніе жителей; они обыкновенно обширны, хорошо выстроены, многіе раскрашены красками тирольскими артистами, которые самоучкой выучились рисовать, составлять краски, и которые ходятъ изъ деревни въ деревню, чтобы поволаять церкви, или покрывать новыми произведеніями своего искусства бѣлые фасады крестьянскихъ домовъ.

Брегенцъ, главный городъ округа, содержитъ въ себѣ двѣ тысячи пятьсотъ жителей, и имѣетъ живописный и веселый видъ; тамъ находятся нѣсколько важныхъ фабрикъ, и производится значительная торговля лѣсомъ хлѣбомъ и скотомъ; этотъ городъ соединяетъ Тироль съ Швейцаріею.

Направо отъ города возвышается гора Гебгардсбергъ, на которую нельзя не взобраться, хоть чтобы иначе не прослыть варваромъ въ глазахъ брегенскихъ жителей. Тамъ находится очень уважаемая церковь, наполненная приношеніями, а возлѣ церкви, выстроена гостиница, которая, походитъ на орлиное гнѣздо; она стоитъ надъ глубокой безной на верху крутой скалы. Оттуда обозрѣваешь однимъ взглядомъ свѣжія и прелестныя долины, омываемыя Брегенцрахомъ, самую большую часть Риннталя, свѣговыя вершины Арльбергъ, и озеро Констанское во всей его обширности.

Одинъ Вѣнскій поэтъ, который пріѣзжалъ сюда нѣсколько времени тому назадъ, оставилъ, какъ памятникъ своего прѣзда, въ гостиницѣ Гебгардсбергъ, оду, гдѣ онъ говоритъ: тотъ, кто видѣлъ эту картину, можетъ спокойно умереть.

Какъ ни хороша эта панорама, однакожь я надѣюсь, прежде своей смерти, видѣть еще многія другія.

СТРАННОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. Странность, по видимому, всегда была свойствомъ великихъ художниковъ. Непостоянство ихъ мыслей, пылкое воображеніе, стремленіе къ изобрѣтенію, независимость характера, — все это придавало ихъ дѣйствіямъ отпечатокъ оригинальности, которая не свойственна людямъ положительнымъ. Приводимъ нѣсколько анекдотовъ, почерпнутыхъ изъ ихъ жизни.

Нестчеръ, артистъ голландской школы, принадлежалъ къ высшему обществу временъ Людовика XIV. Живя роскошно, онъ велъ знакомство только съ людьми, принадлежавшими къ тогдашнему аристократическому кругу, и старался во всемъ имъ подражать. Трудно было убѣдить его нарисовать портретъ какого-нибудь незначительнаго лица, а тѣмъ труднѣе это было лицамъ, принадлежавшимъ къ простому званію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ рѣшительно отказывался, и не соглашался ни за что въ свѣтъ. Случилось однакожъ, что Нестчеръ нарисовалъ портретъ незнатнаго человѣка, который обратился къ нему подъ чужимъ именемъ. Узнавъ объ этой хитрости, художникъ тотчасъ же послалъ за сдѣланнымъ имъ портретомъ подъ предлогомъ его исправленія, и разорвалъ его на части.

Ванъ-Кессель, получивъ отъ англійскаго короля Вильгельма III заказъ расписать потолокъ въ его дворцѣ, и воспользовавшись предоставленною ему свободою въ выборѣ сюжета, нарисовалъ посреди потолка, эмблему имперіи: огромнаго орла во всемъ его могуществѣ, и окружилъ его аллегорическими птицами. Около карниза онъ помѣстилъ разныхъ животныхъ, въ которыхъ предстанилъ разные лица. Вильгельмъ III, увидѣвъ это, не сказалъ ни слова, но только приказалъ перемѣнить работу.

Вербруггенъ отличался болѣе всего скоростію исполненія. Этой способности онъ обязанъ былъ приобрѣтеніемъ значительнаго состоянія, которое однакоже, по своей склонности къ удовольствіямъ, онъ прожилъ до-чиста. Талантъ помогъ ему и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; кистью своею онъ наживалъ большія деньги, веселился и пользовался жизнію днемъ, а работалъ ночью.

Жироде также имѣлъ обыкновеніе работать только ночью. Для этого онъ освѣщалъ свою мастерскую самымъ блестящимъ образомъ, и надѣвалъ кромѣ того на голову кружокъ, въ который вставлялъ зажженные свѣчи. По временамъ, онъ призывалъ своего человѣка *rom le tomcher*, какъ онъ говорилъ.

Гондскоктеръ, женившись, принялъ къ себѣ въ домъ трехъ двоюродныхъ сестеръ, которыя, вмѣстѣ съ его женою, до того ему наскучили, что онъ уходилъ изъ дому, и скрывался въ кабакахъ

по цѣлымъ днямъ, гдѣ только и могъ рисовать свободно. Онъ первый сталъ хорошо представлять пѣтуховъ, курицъ и павлиновъ. Терпѣвнѣе онъ приучилъ одного пѣтуха держаться на одномъ мѣстѣ, и въ одномъ и томъ же положеніи такъ долго, какъ онъ хотѣлъ. Пѣтухъ понималъ малѣйшія движенія своего хозяина, и часто засыпалъ, оставаясь, въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ поставленъ.

Ванъ-Пэ жилъ всегда въ довольствѣ, благодаря весьма странному случаю. Онъ представился больнымъ, оставаясь въ постели довольно долго, и вышелъ наконецъ изъ дому, опираясь на костыль. Всѣ съ сожалѣніемъ смотрѣли на больного, полагая, что послѣдній часъ его не замедлитъ настать. Художникъ притащился къ одному изъ своихъ сосѣдей, и передалъ ему свое желаніе помѣстить свой капиталъ для пользованія пожизненными доходами. Сосѣдь, полагая, что художнику уже не долго жить тѣмъ болѣе, что ужасный кашель его онъ приписывалъ совершенному разстройству его легкихъ, предложилъ значительный дивидендъ, которымъ Ванъ-Пэ пользовался до глубокой старости.

Иосифъ Ванъ-Краесбекъ имѣлъ хорошеющую жену, которую онъ ревновалъ. Желая убѣдиться въ ея чувствахъ, онъ нарисовалъ на своей груди широкую рану, окрасилъ рубашку и ножъ красною краскою, и сталъ испускать жалобные вопли. Прибѣгаетъ его жена, и увидѣвъ его въ такомъ положеніи, начинаетъ кричать пуще его самого, и оказываетъ такую нелицемѣрную скорбь и отчаяніе, что совершенно излечиваетъ мужа — не отъ раны, но отъ неосновательныхъ его подозрѣній.

Ванъ-Оберникъ любилъ столько же удовольствія, сколько и свое искусство. Работа и неумѣренные наслажденія истощили его наконецъ до того, что онъ сдѣлался отчаянно боленъ. Врачи, принявъ въ соображеніе его лѣта, надѣялись еще на спасеніе его жизни.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ больной, я уже болѣе не встану; правда, что мнѣ только 46 лѣтъ, но это число надобно удвоить, потому-что я жилъ и днемъ и ночью.

Рембрантъ отличался скупостію. Онъ посылалъ сына продавать свои эстампы, приказавъ говорить покупателямъ, что онъ эстампы укралъ у отца. Хитрость эта должна была поселить въ покупателяхъ мысль, что эстампы достаются имъ дешевле. Иногда онъ отдавалъ свои произведенія для продажи съ публичнаго торга, являлся передѣтый среди покупателей, и, участвуя въ торгахъ, возвышалъ цѣну. Очень часто онъ разглашалъ намѣреніе свое выѣхать навсегда изъ Амстердама для

того, чтобы любители поспѣшали пріобрѣтать его произведенія, которыя будто бы онъ хотѣлъ увезти съ собою.

Однажды, рисуя въ группѣ портреты цѣлаго семейства, онъ получилъ извѣстіе о смерти любимой его обезьяны. Растрогавшись понесенною имъ утратою, онъ пожелалъ въ послѣдній разъ взглянуть на обезьяну, и для того приказалъ принести ее въ мастерскую. Долго онъ смотрѣлъ на нее; наконецъ, къ величайшему удивленію всего семейства, которое срисовывалъ, онъ принялся рисовать обезьяну на томъ же полотнѣ. Отецъ сталъ протривиться введенію новаго члена въ свое семейство, и грозилъ даже не заплатить за портреты, но Рембрантъ продолжалъ рисовать, желая сохранить образъ милаго существа, которое пользовалось искреннимъ его расположеніемъ.

АНЕКДОТЪ ИЗЪ ЖИЗНИ КАНТА. Знаменитый философъ Кантъ, профессоръ кенигсбергскаго университета, имѣлъ чрезвычайно слабый голосъ. Слушатели его, особенно тѣ, которые записывали его лекціи, сажались по этому къ нему очень близко. Читая лекціи, Кантъ имѣлъ обыкновеніе смотрѣть на того, который сидѣлъ прямо противъ кафедры, и долгое время замѣчалъ молодаго человѣка, у котораго на платьѣ, по безпечности его, не доставало пуговицы. Кантъ не сводилъ съ него глазъ въ продолженіе цѣлыхъ лекцій, и въ обстоятельствѣ этомъ, казалось, почерпалъ вдохновеніе и краснорѣчіе. Нѣсколько времени спустя, студентъ приказалъ однакожъ пришить себѣ эту пуговицу, и явившись на лекцію, сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Увидѣвъ это, Кантъ смутился, былъ разсѣянъ, въ продолженіе лекціи, и останавливался нѣсколько разъ. При выходѣ изъ аудиторіи, онъ потребовалъ къ себѣ молодаго человѣка и сказалъ: Я долгое время замѣчалъ, что у васъ не доставало пуговицы. Молодой человѣкъ перебилъ его рѣчь, и навинился въ своемъ перадѣніи.—«Нѣтъ, не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Кантъ, я васъ прошу напротивъ отпороть эту пуговицу, потому что она мнѣ мѣшаетъ продолжать чтеніе курса.» Это было въ 1799 году. Кантъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1724; стало быть ему было тогда 75 лѣтъ.

СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА ДЛЯ СТАРЫХЪ ДѢВЩИЦЪ. Въ соединенныхъ штатахъ на одной вилаѣ республики Нью-Гампширъ существуетъ довольно странное обыкновеніе. Ежегодно собираются тамъ холостые люди, и опредѣляютъ по жребію, кому жениться на дѣвицахъ извѣстныхъ уже лѣтъ, не пріискавшихъ себѣ мужей. Избавившіеся отъ этой, безпримѣрной въ лѣтоислѣхъ ми-

ра, натуральной повинности платятъ преміевъ въ пользу товарищей своихъ, менѣе счастливыхъ. Молодые люди, опасаясь за свою будущность, вздумали однажды протестовать противъ такого посягательства на ихъ личную свободу, но, по рѣшенію женскаго ареопага, должны были покориться обычаю, который, по словамъ дѣвицъ, освященъ временемъ, и примѣрами ихъ предковъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕФЕКТУ. Меръ небольшой общины, узнавъ о назначеніи въ департаментъ новаго префекта, расхваливалъ способности этого сановника слѣдующимъ образомъ: Префектъ нашъ, говорилъ онъ въ своемъ похвальномъ словѣ, отличается не только своими административными способностями, но онъ замѣчательнъ также, какъ отличный сельскій хозяинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ Х., которое прежде не приносило и *одного су*, это имѣніе, благодаря его хозяйственнымъ распоряженіямъ, стало приносить доходу *вдвое больше*.

ИНСТРУМЕНТЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ. Любитель музыки испытывалъ свои способности на разныхъ инструментахъ, но безъ всякаго успѣха. Полагая, что всякій человѣкъ рожденъ для какого-нибудь искусства, онъ продолжалъ свои рѣзысканія, и наконецъ случайнымъ образомъ попалъ на ширманку. Въ восторгъ отъ мелодическихъ звуковъ, производимыхъ инструментомъ и безъ всякаго почти со стороны его труда, онъ воскликнулъ: Вотъ инструментъ, для котораго я родился!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭНТУЗИАЗМЪ. Первое представленіе оперы Россини «Отелло» произвело въ Неаполѣ такой восторгъ, что въ продолженіе цѣлаго вечера рукоплесканія не прекращались, и заглушали совершенно оркестръ. Шумъ возрасталъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія піесы къ концу, такъ что въ финалѣ, въ минуту высшаго энтузіазма публики, два лазарони объ одной рукѣ, увлеченные всеобщимъ порывомъ восторга, употребили въ дѣло оставшіяся у нихъ руки, чтобы рукоплескать вмѣстѣ съ другими. Сомнѣвайтесь же послѣ того въ дѣйствіи музыки итальянскихъ оперъ!

АМЕРИКАНСКІЕ ТЕАТРЫ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Гаванна.

Вы не можете себя представить, какъ мнѣ досадно, что я не пишу вамъ подробностей моего переезда изъ Порто-Рико въ Гаванну. Вы вѣрно пожалѣли бы меня, а возбуждать къ себѣ жалость такъ пріятно! Гг. парижскіе фельетонисты, слезно ропщущіе на то, что должны обѣгать весь городъ, чтобъ наполнить новостями свои недѣльные листки, конечно давно бы отказались и отъ своего званія, и отъ денегъ, и отъ пера, еслибы имъ пришлось такимъ же образомъ отыскивать предметъ для своихъ фельетоновъ, какъ отыскалъ я предметъ для своего письма.

Я сѣлъ въ Порто-Рико на испанское судно, называемое Жюлиана (Juliana) и отправился въ море отыскивать театральныя новости. Досадно, что здѣсь нестати распространяться въ описаніи Жюлианы, но все равно, при болѣе удобномъ случаѣ я вымѣщу мою досаду на читателейъ.

Какъ бы то ни было, я остался живъ, и потому не жалуясь. Послѣ десятидневнаго плаванія, сопряженнаго со всѣми возможными лишеніями, я прибылъ около семи часовъ вечера въ Гаванну, городъ наполненный мраморными палатами, и ароматомъ цвѣтовъ и сигаръ. Первою моею заботою было отыскать себѣ

ночлегъ и ужинъ: я десять сутокъ не спалъ и не ужиналъ. И то и другое я нашель въ гостинницѣ, содержатель которой французскій ветеранъ, вмѣстѣ съ тѣмъ торговалъ оружіемъ и былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ.

Естественно, что въ странѣ, гдѣ имѣнія частныхъ лицъ простираются на десятки милліоновъ, гдѣ вы встрѣчаете на улицѣ бодѣ каретъ, чѣмъ пешеходовъ, гдѣ женщины ужасныя кокетки, шаркаются, роскошничаютъ и сорятъ деньгами, гдѣ наконецъ любовь къ удовольствіямъ доходитъ до бѣшенства,—естественно, говорю я, что въ такой странѣ долженъ быть театръ, и дѣйствительно; въ Гаваннѣ три театра. Публика и мода въ особенности покровительствуютъ театру, называемому Таконъ (Таеоп) въ честь бывшаго губернатора Кубы.

Признаюсь, что я обидѣлъ театръ Таконъ, сравнивъ его мысленно съ сенъ-винцентскимъ, и началъ, подъ вліаніемъ этого сравненія, дѣлать предикіе вопросы объ немъ своему хозяину. Не спору — это было очень глупо съ моей стороны, что г. Дюваль (имя моего хозяина) далъ мнѣ почувствовать, и въ особенности совѣтовалъ не говорить такихъ вещей публично: Гаванцы очень щекотливы, когда дѣло касается до чудесъ ихъ родины. Нельзя достаточно восхвалять эту черту характера, и должно признаться, что иностранцы гораздо лучше насъ умѣютъ любить и выказывать свое добро.

На другой день моего пріѣзда, я былъ приглашенъ обѣдать къ графу В.... Освобождаю васъ отъ описанія обѣда, и только скажу, что по окончаніи его, хозяинъ предложилъ мнѣ отправиться въ театръ въ его ложу и велѣлъ подать карету.

Я съ величайшимъ сожалѣніемъ началъ откланиваться графинѣ и ея дочери.

— Вы увидите еще съ ними сегодня, сказалъ графъ: онѣ будутъ съ нами въ театрѣ.

— Почему же намъ не подождать и не отправиться вмѣстѣ съ ними, спросилъ я?

— Для чего же?

— Чтобъ имѣть честь сопутствовать имъ.

— Это, отвѣчалъ графъ: противно здѣшнимъ обычаямъ. Вы вѣроятно меня спросите почему? Причина этого чисто матери-

альная, и нисколько не бросаетъ невыгодной тѣни на любезность Гаванцевъ: у насъ въ употребленіи только двумѣстные кареты, почему дамы и мужчины и отираются всегда отдѣльно, встрѣчаясь потомъ въ условленномъ мѣстѣ. Это раззорительный обычай, потому-что заставляетъ имѣть кучу экипажей,—впрочемъ, что за важность!

— Мы проѣхали большою рысью вдоль улицы Обиспо, ведущей къ однимъ изъ городскихъ воротъ, миновали укрѣпленія и очутились у прекраснаго бульвара, называемаго «гуляньемъ королевы.» Повернувъ направо, карета наша въѣхала въ рядъ экипажей, и черезъ нѣсколько минутъ мы были у театра,—прекраснаго зданія, паружность котораго впрочемъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ богатству залъ. Мы вошли подъ арку театра, и глазамъ нашимъ представилось множество мрамора, статуй и различнаго рода украшеній, хотя эти украшенія и не вездѣ согласны съ требованіями утонченнаго вкуса, но тѣмъ не менѣе въ цѣломъ имѣютъ довольно величественный характеръ.

Множество народа тѣснилось подъ арками; я сначала полагаю, что двери театра еще не были отворены, и что всѣ ждутъ назначеннаго для того часа; но къ моему величайшему удивленію, нѣсколько человекъ, пріѣхавши послѣ насъ, тотчасъ вошли на лѣстницу и исчезли въ корридорахъ, ведущихъ въ залъ. Я понялъ, что тутъ есть что-нибудь особенное, и обратился къ графу съ вопросомъ:

— Не правда ли, что путешествуютъ за тѣмъ, чтобъ себя обрывать, и стало быть, должно просить, чтобы намъ объяснили то, чего мы не понимаемъ?

— Это благоразумно, отвѣчалъ онъ: но чего же вы не можете понять здѣсь и что по вашему требуетъ объясненія.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, графъ, что мы здѣсь дѣлаемъ!

— Чортъ возьми, ожидаемъ.

— Я это очень хорошо замѣчаю, уже цѣлые полчаса, но чего же мы ждемъ?

— Графиню и дочь мою.

— А всѣ эти господа, чего они ждутъ?

— Также дамъ, кто мать или сестру, кто жену или любовницу.

— Но развѣ они не могли бы дожидаться ихъ въ ложахъ?

— А кто же тогда поможетъ дамамъ выйти изъ каретъ, кто проводить ихъ въ ложу, кто будетъ охранять ихъ отъ обидъ, если отцы, братья или любовники не будутъ тутъ?

— Если таковъ обычай, то не объ чемъ и говорить, но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ дамы заставляютъ себя такъ долго ждать, повѣрьте графъ, что я спрашиваю чисто изъ одного любопытства, — вотъ ваши напримѣръ были совершенно готовы, когда мы выѣхали, отчего же и онѣ не отправились тотчасъ въ слѣдъ за нами?

— Женщины, любезный мой гость, пришли бы въ отчаяніе, еслибы не застали цѣлаго города подъ этими арками. Чѣмъ позже онѣ пріѣдутъ, тѣмъ болѣе будетъ толпа, а-этого то только имъ и хочется, по ихъ врожденному кокетству.

Наконецъ наши дамы пріѣхали, и мы помѣстились въ своей ложѣ. Внутренность залы отдѣлана съ большою роскошью, вездѣ ковры, золото и мраморъ, но и здѣсь, какъ во всѣхъ театрахъ Новаго Свѣта, мѣста распредѣлены по сословіямъ жителей, или лучше сказать по цвѣту ихъ кожи.

Таковъ преимущественно назначенъ для оперы, которая въ Гаваниѣ имѣетъ большое число любителей. Составъ труппы хорошъ, но изъ знаменитыхъ пѣвицъ, въ мое время, была одна Тедико, дѣвушка необыкновенной, красоты. У нея толпы поклонниковъ: одни восхищаются ея голосомъ, другіе обожаютъ ее какъ предестную женщину, но никогда она не подавала ни малѣйшаго повода, къ слухамъ оскорбительнымъ для ея репутаціи.

Здѣсь кстати передать анекдотъ, случившійся съ нею въ Гаваниѣ: одинъ молодой левъ предложилъ ей 20,000 піастровъ (болѣе 100,000 франковъ) за позволеніе жить съ нею въ одномъ домѣ, но она съ негодованіемъ отвергла обидное предложеніе. Тогда молодой человѣкъ, влюбленный до безумія, предлагаетъ ей свою руку, имя, сердце и огромное состояніе. Тедико дала ему отвѣтъ, достойный древнихъ Римлянокъ:

«Никогда не отдамъ я своей руки, а тѣмъ болѣе сердца, че-

ловъку, который уважаетъ меня такъ мало, что могъ предложить мнѣ.... то что вы мнѣ прежде предлагали.

Et il n' y a pas a la Havane une academie, qui distribue des prix de Mantujon.

Представленія здѣсь продолжаются восемь мѣсяцевъ, а на остальные четыре труппа уѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ.

НОВѢЙШІЯ МОДЫ.

Съ наступленіемъ весны появились у насъ и новые весенніе костюмы, въ особенности для прогулокъ. О бальныхъ платьяхъ кажется ничего нельзя сказать новаго, хотя мы и замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторые отбѣнки новизны въ отношеніи ихъ отбѣлки. Но главное остается неизмѣннымъ. Талии какъ и прежде дѣлаются со шпинами и украшаются бертами или драпери.

Платье отдѣляется воланами, буфами, или складками. Также много носятъ платьевъ съ тюниками. Но все уже это не ново. Одно мы только замѣтили, что теперь любятъ украшать платья вышивками. Недавно мы видѣли превосходное бѣлое платье съ тюникомъ. По краямъ обѣихъ юбокъ была вышита розовой шерстью гирлянда гортензій.

По краямъ коротенькихъ рукавовъ, также была узенькая гирлянда того же цвѣта. Этотъ простой нарядъ очарователенъ. Всякаго рода браслеты составляютъ необходимое украшеніе бального костюма. Поясы съ длинными концами изъ широкихъ лентъ по прежнему въ большомъ употребленіи. Утреннія платья съ высокими гладкими напередѣ застегнутыми таліями. Онѣ украшаются пуговицами подѣ цвѣтъ платья. Ихъ нашиваютъ на бізъ, которое положено начиная сверху корсажа до низа платья. Это бізъ суживается у средины талии, но опять расширяется подходя къ верху корсажа. Говорятъ, то мода скоро потребуетъ, чтобы платья не дѣлались слишкомъ длинными, и не скрывали талантовъ артистовъ башмачнаго цеха. Легкіе пальто и бурнусы для гулянья чрезвычайно разнообразны. Ихъ дѣлаютъ изъ бархата, изъ шелковыхъ одноцвѣтныхъ матерій, также изъ двухцвѣтныхъ затканыхъ узоромъ матерій. Очень много носятъ бурнусовъ изъ дамскаго сукна, разноцвѣтной байки и гладкихъ шерстяныхъ тканей. Фасоны разнообразны. Носятъ бурнусы ко-

сье со швами на бокахъ и съ пелериною, которая оканчивается или лучше сказать зашивается вмѣстѣ со швомъ на плечѣ и не доходить до переда бурнуса. Къ этому прибавляютъ еще иѣшокъ. По также дѣлаютъ вмѣсто иѣшка маленькій воротничекъ. Недавно мы видѣли еще такой же бурнусъ, но съ отрѣзной гладкой спивкой. Этотъ фасонъ очень милъ и придаетъ много граціи таліи. Бархатные бурнусы большею частію дѣлаются безъ капишоновъ. Отдѣлку на бурнусахъ разнообразять до безконечности. Мода въ этомъ отношеніи совершенно не строга въ своихъ требованіяхъ, и представляетъ полную волю вкусу. Мы замѣтили одну отдѣлку на бурнусѣ, которая намъ очень понравилась. Этотъ бурнусъ былъ изъ чернаго гро-грѣна муаре. По краямъ всего бурнуса и капишона, была вышита гирлянда изъ наложенныхъ бархатныхъ, черныхъ листьевъ. Эта отдѣлка обратила вниманіе многихъ. Теперь въ большой модѣ цвѣтныя шали съ широкимъ бортомъ. Въ весеннюю, теплую погоду ими замѣняютъ бурнусы. Скажемъ нѣсколько словъ о весеннихъ шляпкахъ. Фасонъ ихъ остается тотъ же, который былъ принятъ нынѣшнею зимою. Очень много видно шляпокъ сборчатыхъ бѣлыхъ, и съ цвѣтными подбоями. Многія отдѣлываютъ шляпки, вмѣсто ленты, тою же матеріею, изъ какой сдѣлана шляпка. Но къ этой отдѣлкѣ необходимо, чтобъ матерія, употребленная для бантовъ или для концовъ, оканчивалась по краямъ фестонами. Для такихъ шляпокъ ленты употребляются только для завязокъ.

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

Въ Гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ № 17.

Продаются слѣдующія книги.

(Цѣны на серебро).

Чувства христіанина или возвышеніе ума и сердца къ Богу. Подражаніе Виланду. Норовой. С.п.б. 1848. Ц. 50 коп. за пер. за 1 ф.

Благоговѣйныя христіанскія размышленія. Норовой. С.п.б. 1847. Ц. 1 р. 50 коп.

Образцовыя планы и фасады сельскихъ построекъ, какъ-то: домовъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, погребовъ, сараевъ, амбаровъ, сараевъ для фруктовъ, кладовыхъ, сѣноваловъ, конскихъ заводовъ, конюшенъ, хлѣвцовъ, скотныхъ дворовъ, овчаренъ, курятниковъ, обитовъ, молотильн., житницъ, винокуренъ, кузницъ мельницъ, пекаренъ и проч. Изданныя королевско-виртембергскимъ центральнымъ обществомъ сельскаго хозяйства. С.п.б. 1847. Ц. 3 руб.

Руководство опытнаго помѣщика И. Пахирева, къ устройству деревень на новыхъ мѣстахъ, какъ-то: о постройкѣ господскаго дома, разныхъ крестьянскихъ избъ въ мѣстахъ, избобивающихъ лѣсомъ, и малолѣсныхъ съ нестараемыми крышами и полами, ледниковъ, бань, овиновъ съ молотильными сараями, кузницъ, овчаренъ, конюшенъ, птичниковъ, сараевъ, амбаровъ, съ закромами и другихъ подобныхъ зданій, о земледѣліи, о приготовленіи компостовъ и о изготовленіи разныхъ земледѣльческихъ орудій. Съ планами, фасадами и чертежами. Съ присовокупленіемъ подробныхъ наставленій, о переселеніи крестьянъ изъ малоземельныхъ въ степныя и малонаселенныя губерніи С.п.б. 1944. Ц. 1 руб. 50 коп.

Бѣсѣды петербургскаго жителя въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ, составленныя Борисомъ Волжинымъ. Три выпуска со многими чертежами и рисунками. С.п.б. Ц. 4 руб. Отдѣльно выпускъ третій 2 руб.

Словникъ огородникъ и садовый календарь, или хозяйственно-практическое наставленіе о содержаніи всѣхъ родовъ огородныхъ овощей: хмѣля, табаку, аниса, мака, рапса и важнѣйшихъ красильныхъ и масляныхъ произрастеній, плодовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ, ананасовъ, раннихъ персиковъ, абрикосовъ, вишней, сливъ и винограда; разныхъ цвѣтныхъ кустовъ и деревьевъ, какъ садовыхъ, такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о поливкѣ горшечныхъ растеній, и проч. Извлечено изъ сочиненій извѣстнаго русскаго садовода И. Цыгры. въ 3 ч. Ц. 3 руб.

Древесная флора, или описаніе растущихъ въ російскомъ государствѣ деревь и кустарниковъ, ихъ свойства, употребленія и разведенія въ большомъ и маломъ видѣ, какъ для пользы въ экономическомъ отношеніи, такъ и для украшенія садовъ, рошей, цвѣтниковъ и оранжерей, съ присовокупленіемъ въ

таблицахъ: обзорѣнія воспитываемыхъ въ нашомъ климатѣ сѣверо-американскихъ деревъ и кустарниковъ. Извлечено изъ сочиненія Н. Цыгры, въ 3 ч. С.п.б. Ц. 3 руб.

Руководство къ устройству и содержанию теплицъ, оранжерей, парниковъ и садовъ, соч. Неймана, перев. съ франц. Со многими планами, фасадами и чертежами. С.п.б. 1845. Ц. 2 р.

Письма о химии, и ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологій и земледѣлію, соч. Юстуса Либиха. Пер. Г. Дымчовича, члена императорскаго общества сельскаго хозяйства, Южной Россіи и другихъ обществъ. Съ прилѣжаніями переводчика. С.п.б. 1847. Ц. 1 руб. 50 коп.

Энциклопедія, русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, повариши, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая въ себѣ: наставленія и руководство по всѣмъ отраслямъ городского и сельскаго хозяйства, В. Волжскимъ. Съ присовокупленіемъ домашней бухгалтеріи и описанія дамскаго гардероба и наставленія кроить и шить всякаго рода платья и другіе уборы. Съ рисунками въ 4 частяхъ. С.п.б. Ц. 3 руб.

Руководство для хозяйекъ, ключницъ, экономокъ и кухарокъ. Состав. К. Авдѣевой. С.п.б. 1846. Ц. 50 коп., въ переплетѣ 70 коп., съ перес. 1 р.

О полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пшени и напитоковъ. Соч. доктора Гайна. Пер. В. Х...пъ. С.п.б. 1846. Ц. 1 р. 50 к.

Практическій конскій и скотскій лечевникъ, для учащихся ветеринарной медицинѣ и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономокъ и владельцевъ, занимающихся скотоводствомъ. Сочиненный ординарнымъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ, докторомъ медицинъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ П. Лукинскимъ. С.п.б. Ц. 3 руб.

О плугахъ и плугахъ въ механическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ соч. члена корреспондента вольнаго экономическаго общества, московскаго общества сельскаго хозяйства и ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Эрнста Рудольфа автора «земледѣльческаго календаря съ рисунками С.п.б. 1846. Ц. 1 руб.

Практическаго руководства къ полеводству и луговодству въ Россіи соч. барона Ф. Унгернъ Штернберга. С.п.б. 1847. Ц. 1 руб.

Управитель русскаго имѣнія соч. барона А. Бодѣ С.п.б. 1847. Ц. 75 коп.

Руководство къ построенію дешевыхъ негараженныхъ глиняныхъ крышъ, замѣняющихъ металлическія, изобрѣтенныя г. Дарномъ. изд. 2. съ 3 фигурами. Ц. 50 коп.

Практическаго руководства къ кожевному производству и всѣмъ его отраслямъ, съ обстоятельнымъ наставленіемъ какъ устроить сельскій кожевенный заводъ. Со многими чертежами и фасадами. Составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 1 руб.

Практическаго руководства къ гребенному и роговому производствамъ. Со многими чертежами составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 1 руб.

Практическаго руководства къ валажно-войлочному производству. Съ чертежами составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 75 коп.

Хозяинъ себя на умъ, опытный экономъ, или 260 секретовъ изъ домашней экономіи, съ указаніемъ: самому приготовить все, необходимое въ домашнемъ быту. Ц. 40 коп.

Опытный парижскій парфюмеръ, или 157 секретовъ для приготовленія эфирныхъ маселъ изъ благовонныхъ травъ, цвѣтовъ и плодовъ; также для приготовленія благовонныхъ водъ, духовъ, эссенцій, мыла, помады, бѣлизны и румянецъ, зубныхъ и курительныхъ порошковъ Ц. 50 коп.

Практическаго руководства къ бережливому хозяйству, или собраніе множе-

ства секретовъ, касающихся до разныхъ предметовъ хозяйства, которые можно дѣлать каждому дома и недорогими средствами. Книга для всѣхъ сословій Ц. 75 коп.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ на имя *Василія Петрова Полякова*.

Требованія исполняются съ первоотходящю почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военнаго учебнаго заведенія и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

De la Saintété et des devoirs de la vie Monastique, par Bouthillier de Rencé. Un vol. Paris. 1846. 2 r. 15 cop.

Etudes historiques et critiques sur la legislation civil et criminelle en france, par Couturier. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 cop.

Resumé du droit français, ouvrage composé principalement pour l'usage et l'utilité des propriétaires, fermiers, cultivateurs, etc., par Dumesnil. Un vol. 8. Paris. 1 r. 70 c.

Amulet de Pascal, pour servir à l'histoire de Hallucinations, par Lelut. Un vol. 8. Paris. 1 r. 70 c.

Psychologie d'Aristote, trad. en français pour la première fois par Barthélemy St. Hilaire, 2 fort vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 50 c.

Du progrès Social au profit des classes populaires non indigentes, par la Forelle. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.

Economie pratique des nations, ou système économique applicable aux différentes contrées, par le Stibudois. Un vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 40 c.

Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen-âge relativement aux variations des valeurs monétaires et du pouvoir commercial de l'argent, par Lebert. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r.

Keepsake de jeunes personnes, par la Comtesse D'Ash. Un vol. gr. in 8. orné de planches. Paris. 1847. 4. r.

Botanique de l'enfance, avec préface de G. Sand. Un vol. avec figures intercalées dans le texte, Lausanne. 1847. 85 c.

Système glacières, ou recherches sur les glacières, etc., par Agassiz. Un vol. gr. in 8. avec un atlas color. Paris. 1847. 14 r.

Éléments de physique terrestre et de météorologie, par Bequerrell. Un fort vol. 8. Paris. 1847. 3 r. 50 c.

Repertoire d'optique moderne, ou analyse complète des travaux modernes relatifs aux phénomènes de la lumière, par Moigno. t. 1-er. 8. Paris. 1847. 2 r. 25 c.

Application à l'agriculture des éléments de physique, de chimie, et de géologie par Caillant. 4 vol. 12. Paris. 1847. 4 r. 50 c.

L'Agriculture allemande, ses écoles, son organisation. ses moeurs et ses pratiques les plus récentes, par Royer. Un fort vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.

Traité de Médecine pratique par Rorry. 6 vol. 8. Paris. 1844—47. 13 r. 70 c.

Nouveaux éléments d'Hygiène, par Londe. 3-e édit. 2 vol. 8. Paris, 1847. 4 r.

Thérapeutique, homéopathique des maladies aiguës et des maladies chroniques, par Hartmann, trad. de l'allemand par Jourdan. 2 vol. 8. Paris. 1847—48. 4 r. 50 c. tome 1-er est paru.

Hygiène physique et morale des prisons, ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et le moral des prisonniers, par Bonnet. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r.

Chimie physiologique et médicale, par Dumas. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 40 c.

Dictionnaire de chimie et de physique, par Hofer. Un vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 15 c.

Histoire de la révolution et de l'Empire, par Gabourd. Tomes 1 a 4 in 8. Paris. 1846—47. 5 r. 70 c.

Diplomatie de la France et de l'Espagne depuis l'avènement de

- la maison du Bourbon, jusqu'à nos jours*, par Capefigue. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r.
- Histoire de Henri VIII et Schisme d'Angleterre*, par Audui, 2 vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 25 c.
- Passé et présent, mélange*, par Remasat. 2 vol. 12. Paris. 1847. 2 r.
- Histoire des prisonniers français en Afrique depuis la conquête*, par Alby. 2 vol. 8. Paris. 1847. 4 r.
- Dictionnaire de Géographie ancienne et moderne*, par Maissus et Michelot. Un fort vol. gr. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.
- Les Aventures les plus curieuses des voyageurs*, par Hombrou, l'un des compagnons de Mr. Dumont-D'Urville, pendant son dernier voyage au pôle sud et en Océanie. 2 beaux vol. gr. in 8. illustrées, Paris. 1847. rel. t. d. 8.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВЪ КОНТОРѢ

МУЗЫКАЛЬНОЙ РОССІИ,

на Невскомъ проспектъ, въ домъ Калущина, № 91.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО).

Піесы для фортепiano

	Руб.	Коп.
BEETHOVEN. Op. 2 III Sonate (nouvelle édition)	1	70
BDOJRA. Triumph-Marsch	—	30
CHWATAL. Op 32. I. Sonatine	—	40
HUNTEN. Op. 160. Fantaisie sur l'Hymne à Pie IX	1	15
— Op. 161. La Boucle blonde. Grande Valse	1	15
KULLAK. Op. 27. IV. Rondo symphonique	1	15
LUMBYE. Alhambra. Valse romantique	—	85
— Fortuna-Walzer	—	70

ROSELLEN. Op. 102. Souvenir de Robert-le-Diable. Grande Fantaisie	1	70
SPONHOLTZ. Op. 24. Capriccio brillant	—	85

Піесы для большаго и малаго оркестра.

GADE. Op. 14. Ouverture, № 3 (ut majeur)	5	—
— Op. 15. Symphonie, № 3 (la mineur)		
a) en partition	8	60
b) en parties séparées	10	—
LUMBYE. Sanssouci-Galopp	1	70

Піесы для тѣнля.

DAVID, FÉLICIEEN. <i>Christophe Colomb</i> . Ode-Symphonie. Compl.	10	—
LORTZING. <i>Zum Gross-Admiral</i> . Opéra comique, en 3 actes. Compl.	12	—
ROSSINI. <i>Robert Bruce</i> . Grand Opéra. Compl.	6	—
VERDI. <i>Attila</i> . Grand Opéra. Compl.	5	—
— <i>Macbeth</i> . Grand Opéra. Compl.	5	—

4-ый Альбомъ МУЗЫКАЛЬНОЙ РОССИИ (*Апрѣль*) вышелъ и содержитъ въ себѣ: 1) BRISSON. Le Papillon et la Rose; 2) GORIA. Ophélie; mélodie pour Piano; 3) WEBER. Zingarella-Valse; 4) Cuzent. Mon Plaisir. Quadrille; 5) DÖRFELDT. La Surprise. Polka-Mazurka; 6) Прекрасный портретъ нашей примадонны де-Джули Борси. Годовая цѣна *Музыкальной Россіи* 12 р. сер.; съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.

4-ая Тетрадь МУЗЫКАЛЬНАГО СВѢТА (*Апрѣль*) вышла, и содержитъ въ себѣ: 1) KALKBRENNER. Etude de Salon; 2) THALBERG. Nouvelle Fantaisie sur Norma; 3) DAVID, Félicien *Christoph Colomb*. Ode-Symphonie pour Piano solo; première Partie; 4) PRUDENT. Canzonetta; 5) VERDI. Final favori d'Ernani, pour Piano seul; 6) MENDELSONN-BARTHOLDY. Souvenir d'Enfance. 7) POLLET. Rondo militaire; 8) GUNGL, Joh. Sirenen-Quadrille; 9) DÖRFELDT. Betty-Polka; 10) BRONIEWSKY. Dodo-Valse; 11) MELTZER. Le Château des Fleurs; 12) JUNKELMANN. Marien-Galopp. Годовая цѣна *Музыкальнаго Свѣта* 12 р. сер.; съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.

==

